

Румит Кин

**ЗЕМЛЯ В
ИЛЛЮМИНАТОРЕ**

<https://rumitkin.github.io>

Аннотация:

Планета Земля изменилась. Атмосфера непригодна для дыхания. Людей осталось не много. Они живут в тяжёлых условиях, и с ностальгией вспоминают прежние эпохи: эпические цивилизации Джидана, Притака и Лимпы, а так же далёкий золотой век, который был до всех катастроф и войн. На краю последней ойкумены, среди красных скал и фратовых полей, стоит высокотехнологичный посёлок Шарту. Его жители привыкли защищать себя и свой дом с оружием в руках: с севера на них наступает корпорация Джиликон Сомос; а с юга им угрожают отряды монструозных киборгов.

Однажды в Шарту приезжает учёный-изгой – Ивара Румпа. С ним знакомятся и начинают дружить два мальчика-подростка – Хинта Фойта и Тави Руварта. Он рассказывает им о своей непростой судьбе и открывает перед ними таинственный мир своих исследований. Он верит, что есть способ улучшить участь всех людей и спасти остатки человечества от медленного увядания. Но прав ли он, или все его надежды – лишь бесплодная фантазия непризнанного гения, измученного невзгодами и утратами?

Данные печатного издания:

Румит Кин. Земля в иллюминаторе. – М.: Onebook, 2018. – 980 с.

Художник И. Решетников

18+ На основании федерального закона РФ №436-ФЗ.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2=411.2)64-44

К41

ISBN 978-5-00077-780-0

Права:

© Тимур Денисов, 2017

© Николай Мурзин, 2017

© Румит Кин, 2017

Сайт Румита Кина: <https://rumitkin.github.io>

Страница Румита Кина на самиздате: http://samlib.ru/r/rumit_e_k/

Страница Румита Кина на author.today: <https://author.today/u/rumitkin>

Часть первая

ШАРТУ

*И тут повстречалась улитка
С красными муравьями.
Они, суетясь и толкаясь,
Тащили полуживого
Муравья, у которого сильно
Переломаны усики были.
Воскликнула наша улитка:
– Мурашеньки, остановитесь!
За что наказать хотите
Вашего бедного братца?
Расскажите мне, что он сделал?
Я вас рассужу справедливо.
Ты сам расскажи, не бойся...
Тогда муравей полумертвый
Сказал тихонько и грустно:
– Я, знаете, видел звезды.*

Федерико Гарсиа Лорка

Глава 1

ПОД ОТРАВЛЕННЫМ НЕБОМ

Их было четверо. Они шли по каменистой тропе, прилепившейся к скалам у южного подножия Экватора. Впереди, бок о бок, шагали Тави и его друг Хинта. Чуть позади них, удерживая короткую дистанцию, следовали робоослик Иджи и восседающий на нем младший брат Хинты, Ашайта.

Экватор – огромная рукотворная стена из слоев буро-зеленой меди и серого искусственного камня – тянулся на запад и на восток, чтобы в невообразимой дали сплошным поясом сомкнуться вокруг тела планеты. Скалистая складка у его подножия состояла из застывшей лавы и огромных растрескавшихся камней; тропа то извивалась между ржаво-красных валунов, то кралась по мостам и карнизам из черно-серой лавовой пемзы над раскинувшимися внизу полями фрата и треупсов. Фрат образовывал над землей толстую подушку зеленой губки. Треупсы жили во влажном пространстве под слоем фрата, прорастая сквозь него двухметровыми кислотно-желтыми побегам. Их треугольные шляпки золотились на солнце. Яркие поля, поделенные на ровные квадраты, уходили вдаль и терялись из виду в мареве прозрачного тендра-гратопсового тумана. Между квадратами, по идеальным линиям дорог, курсировали синие механические гусеницы аграрных дронов. По небу текли и смешивались кисельные линии бледно-зеленого, голубого и розового цвета. Диск солнца полыхал в зените, оранжево-белый, в мерцающей короне желтого зарева.

– Я не понимаю. Не понимаю эту слабость, эту глупость, эту трусость. Не понимаю людей с опущенными руками и закрытыми глазами. Почему взрослые не хотят ничего любить? Почему они отворачиваются от того, что им было близко, не защищают то, что помогало им улыбаться, повторяют одну и ту же ложь каждый день?

Тави – двенадцатилетний, стройный, тонкокостный, со светлок-карими глазами, в серебристо-голубом полускафандре с красивыми вставками и плоскими кислородными баллонами за спиной, походившими на сложенные крылья какого-то стремительного насекомого – большую часть своего шлема снял, оставив лишь дыхательную маску, из-

под которой проступали рассыпавшиеся в стороны от носа веснушки. Его светло-русые волосы свободно развевались на юго-восточном ветру.

– Раньше мама читала мне вслух, а теперь она вообще перестала читать. Раньше она ходила со мной в ламрайм, а теперь вообще перестала туда ходить. Как будто ей для этого нужно было оправдание в виде меня! Как будто чудесные истории не интересны сами по себе. Теперь у нас с ней нет ничего общего... Она каждый день смотрит на меня, и ее глаза говорят: «Ну когда уже, Тави, ты вырастешь из своих сказок?» И я убегаю от нее, потому что не могу вынести этого предательства!

Его голос уходил в микрофон кислородной маски, смешивался с легким треском помех и, звонкий, надломленный, через динамики врывался в уши Хинты. Тот был старше на год – и все же чуточку ниже ростом. Его полускафандр, более простой и дешевый, отсвечивал на солнце ровным темно-бронзовым блеском. Свой шлем он снять не мог, но опустил защитный экран. Как и у Тави, нижнюю половину его лица закрывала дыхательная маска. Его глаза были пронзительно-синими и уже начинали слезиться от контакта с атмосферой.

– Неужели она не понимает, что сама себя унижает? Неужели только мое детство заставляло ее пить это волшебное вино? Как можно выбирать занудный быт, когда рядом открыты двери в страну Джилайси Аргниры? И разве можно требовать от других, чтобы они сделали тот же выбор? Ну и что, что Джилайси больше выдумка, чем правда о реальном человеке? Он делает меня, тебя – выше, больше. И не только он – все герои старых и новых историй. Я знаю это. Но она...

Хинта посмотрел на него.

– А ты не пробовал сказать все это ей? У тебя хорошая мать. Умная, ответственная, не сломленная. Не такая, как мои родители.

– Может быть, слишком умная, – тихо сказал Тави. – Свой-то книги про треупсы она все еще читает. Я боюсь с ней говорить, боюсь, что она уже все продумала и ждет этого разговора – как будто сидит в засаде. А как только я заговорю с ней о своем, она тут же развернет все против меня, начнет мне показывать, какой я еще ребенок. А я просто не понимаю, почему быть взрослым – значит стремиться жить, не думая о вещах, которые не имеют к тебе прямого отношения...

– Я старше тебя, но хожу в ламрайм. И книги читаю, хотя и меньше, чем ты. Вот Экватор – не имеет ко мне прямого отношения, но мне очень интересно знать про него все.

– Ты – да, но ты еще не взрослый, – улыбнулся Тави.

– И все-таки ты должен с ней поговорить, – вернулся Хинта. – Узнай, что она думает на самом деле, попробуй ее переубедить. Скажи

ей, что можно быть другим взрослым. Ты здорово сказал про взрослых: жить, не думая о вещах, которые не имеют к тебе прямого отношения... Хотя все даже хуже. Есть такие люди – и их много – которые мечтают жить, не думая уже вообще ни о чем. Они теряют связь со всем вокруг и становятся ужасно маленькими, но сами не замечают этого. Мои родители такие. Они вроде бы и неплохие, но хуже, чем твоя мать. Замкнуты в своей работе, в себе, ворчат без сил. Ничего не хотят ни для меня, ни для брата.

Хинта оглянулся. Робоослик Иджи шагал так, как это умеют лишь машины: динамично двигались его затянутые в парапластик трехсуставные ноги, безостановочно покачивались ромбовидные сенсоры радаров на приплюснутой стальной голове. Из минуты в минуту в его движениях не менялось абсолютно ничего. Восемилетний Ашайта сидел в грузовой корзине у Иджи на спине. Он был одет в полный скафандр с детским рисунком из красных и белых треугольников. Его лицо за экраном шлема выглядело непропорциональным: большой лоб, большие ясные глаза, такие же синие, как у брата – и уродливый, маленький, вечно приоткрытый рот, с торчащими вперед зубами и нижней губой, переходящей в скошенный подбородок.

Тави тоже оглянулся на Ашайту. Тот встретил его взгляд кристальной безучастностью своих глаз – он не слышал их разговор, так как они закоротили канал связи друг на друга.

– Ты не представляешь... – сказал Хинта, – хотя нет, прости, только ты это и представляешь – сколько всего я хотел бы успевать! Но они обычно не дают мне и трех часов настоящей свободы – вешают на меня брата, работу по дому, наши машины. Половина их обязанностей – на мне.

Ашайта таким родился. Когда он еще был в утробе, их мать, Лика, попала в катастрофу и надышалась атмосферным воздухом. Отравление вызвало у Ашайты мутацию; его мозг и тело стали иными, чем у всех остальных. Мир представлялся ему чем-то странным: он все время танцевал в нем, мурлыкал, пел и плыл, играл в игры, понятные лишь ему одному. Сейчас, сидя в сетчатом кузове на спине Иджи, он плавно и красиво поводил в воздухе руками – словно дирижировал несуществующим оркестром или мог ощутить ветер сквозь искусственную кожу скафандра.

– Твои родители – несчастные, – сказал Тави. – А моей маме всегда очень везло. У нее была легкая жизнь. Она сама так говорит. Поэтому мне не стыдно, когда я на нее сержусь. Мой отец до сих пор присылает

ей деньги с той стороны. Она могла бы вообще не работать, но работает и получает больше других.

– Да, – с неожиданным гневом ответил Хинта, – мы не знаем, какой бы она стала, если бы на нее обрушилось горе. Но это не значит, что на ее фоне нужно прощать моим предкам их отрешенное ленивое уныние. Иногда люди берут себя в руки и закаляются в бедах, как сила героев закалялась в битвах. А иногда люди падают и позволяют жизни себя тащить. Но они не имеют на это права. Ладно, я согласен делать массу вещей – в конце концов, я сын бедных фермеров, таким, как я, приходится с детства брать на себя часть хозяйства. Но они бросают Ашайту, оставляют его со мной все чаще и чаще. Им как будто все равно, что с ним будет. Но я же знаю, что ему нужна другая забота, не только моя. А они трусливо спасают себя, потому что поверили, что Ашайта через несколько лет все равно умрет!

Тропа сузилась и пошла вниз. Поля фрата и треупсы теперь стали ближе – уже было видно рубчатые складки на треугольных шляпках грибов.

– Я боюсь за маму, – вдруг признался Тави. – Вот твои родители не ходят в ламрайм. Что, если в этом все дело? Что, если так и наступает слом? Можно и без горя стать равнодушным, уйти в работу, а потом вообще забыть, как и зачем живешь. Вдруг с ней это произойдет? Истории про героев нужны людям, чтобы равняться на кого-то, кто увлекает за собой вперед и вверх. А она больше не стремится вперед и вверх. Она все реже смеется. Она как будто не такая живая, какая была год назад. Я не хочу, чтобы она гасла.

– Эрника Руварта, – сказал Хинта, – не погаснет. Ее сын, Тави Руварта, не позволит ей этого.

– Но Хинта Фойта не может зажечь своих родителей обратно.
Хинта выдержал эти слова.

– Мы разные. Я лучше нахожу язык с машинами, а ты – с людьми. У меня нет сил зажигать людей, а у тебя – есть. Они есть у тебя даже тогда, когда ты сам об этом не помнишь. Ты зажигаешь меня.

– Спасибо, – смущенно поблагодарил Тави. На руке у Хинты записал самодельный датчик, и он вскинул запястье к лицу.

– На нас идет тендровый туман. Теперь понятно, почему колет глаза.

– Скафандры? – уточнил Тави. Хинта кивнул, и включил защитный экран; Тави надел назад шлем, и оба ощутили, как на смену движениям ветра приходит прохладный покой кислородно-азотной смеси.

Хотя стена Экватора оставалась абсолютно прямой, скалы, возникшие у ее подножия, были неровными, и тропа петляла, повторяя их форму. Было на ней место, где особенно большой утес выступал из общего монолита скал в поля. Местные жители называли эту точку пути Слепым Изгибом: пока путник не проходил мимо утеса, он не мог видеть, что его ждет впереди.

Когда ребята миновали Слепой Изгиб, у Тави из груди вырвался вздох восхищения.

– Я не ходил вдоль Экватора с прошлого лета. А сейчас вспомнил, как здесь красиво.

Перед ними была тихходная дорога – широкий рельс из перламутрово-белого пластика переползал через восьмисотметровую стену Экватора и, свиваясь пологими спиралями, устремлялся вниз, чтобы затеряться среди фратово-треупсовых полей. Парящая дорога держалась на системе прямых прозрачных опор, похожих на неспособные растаять глыбы льда; солнечные лучи раскалывались в стелах, как в призме, и на скалы падал хаос разноцветных световых полос. Это был основной транспортный канал, который связывал родной поселок ребят, Шарту, с городом Литтапламп, расположенным с противоположной, северной стороны Экватора.

– Смотри, – сказал Хинта, – поезд.

– Точно, – обрадовался Тави. – Нам повезло.

Поезд шел с той стороны Стены и едва перевалил через вершину. Снизу было видно, как по бокам от рельса движутся скользящие пластиковые захваты. Все это строили по особой технологии, без использования металла, потому что сильные магнитные поля над медной стеной останавливали любую обычную машину. Другой транспорт здесь просто не смог бы существовать.

Хинта и Тави, не сговариваясь, ускорили шаг, чтобы подойти к дороге раньше, чем тихходный. В одном месте спираль шла на уровне с тропой, и там было что-то вроде маленького перрона – аварийная платформа, на которую в случае чего могли сойти немногочисленные пассажиры.

– Ты говорил, с машинистом можно перекинуться словом, – возбужденно напомнил Тави.

– Да. Старик Фирхайф, он добрый – ну, знаешь, он обожает, когда люди в полях ему машут, и сам машет в ответ. Когда я был совсем маленький – еще до того, как мы с тобой познакомились – моя мать боле-

ла, а отец работал на погрузке фрата, и ему не с кем было меня оставить. Пока отец грузил, Фирхайф присматривал за мной, даже сажал за пульт поезда.

– Здорово.

– Да, хорошо было.

Поезд, длинный-предлинный, журчал, будто лента промышленного конвейера. Локомотив уже спустился на три спирали вниз, а конец состава еще только перевалил через Стену. Конструкторы стремились сделать вагоны предельно легкими, так что оставили их открытыми. Для перевозки людей из доброй сотни платформ годились лишь первые и последние две – на каждой располагалось по восемь сидений, включая одно место для машиниста – а дальше тянулась процессия грузовых слотов с затянутыми в липучую сетку низкими бортами; под сеткой лежали ящики и бочки, горбились кучи стройматериалов и машинных запчастей, обезмагниченных для перевозки через Экватор. На самих бортах темнела присохшая корка зеленой пены – след тысячи фратовых погрузок.

Обогнав поезд, мальчики остановились у начала вырубленной в камне платформы. Монорельс был теперь совсем рядом – неподвижная река пластика; Хинта с детства помнил, что на ощупь она неприятно скользкая, почти мокрая, как свежеччищенный плод тинталя. Они смотрели, как тихоходный проходит дугу поворота и, пожирая свой путь, скользит к ним. Старик-машинист тоже увидел их и привычно приветствовал поднятой рукой, с пальцами, сложенными в знак «ан-хи», что означало отличный день и неугасающую бодрость духа. Его рабочий скафандр был большим и свободным, как у всех профессиональных механиков-операторов: вместо шлема – сплошной прозрачный купол, под стеклом – добродушное красное лицо и всклокоченные седые волосы.

Пассажирские сиденья были пусты.

– А почему его называют Фирхайф? – маша рукой в ответ, спросил Тави.

– Потом, – коротко обещал Хинта. Фирхайф опустил руку, перевел свой шлем в режим атмосферной связи – ее использовали, когда не было времени устанавливать радиоканал.

– Парнишка Хинхан и его брат, – прогудел он, – а кто третий красавчик?

– Я не красавчик. – Тави не включал громкую связь, и его задетый голос прозвучал лишь в ушах Хинты. Хинта нажал аудиокнопку на шлеме, уходя с радиоканала на атмосферное общение.

– Тави. Тави Руварта. – Его голос, пропущенный через усилители, звучал очень взросло.

– Сын Эрники, – понял Фирхайф. – Ну-ну.

Тави чуть поклонился – жест вышел забавно – и тоже переключил свой шлем на громкую связь.

– А могу я Вас звать просто Фирхайф?

– Как хочешь, так и зови. – Машинист немного сбросил скорость, но мальчикам все равно приходилось почти бежать, чтобы оставаться с ним наравне. – И что же молодые люди забыли так далеко от Шарту?

– Собираемся добыть пару центнеров фрата и продать их Вам, – ответил Хинта. – Надеюсь, на тихоходном найдется местечко для нашего товара?

– На тихоходном найдется местечко для всего фрата, который можно купить в Шарту. Вот только не будет ли этот фрат краденным? Вы что, бедовые головы, никак собрались обнести куркуля Джифоя?

– Не весь фрат – его.

– А по-моему, все эти поля как раз таки его и только его. И ваши родители, сорванцы, тоже работают на него. Вот поймает вас охранный дрон да притащит к нему в лапы – то-то будет дело!

– Поля кончаются там, где начинаются скалы. А фрат растет и на камнях.

– Ах ты, маленький хитрец, – рассмеялся Фирхайф. – Решил украсть, не воруя?

– Джифой все равно не пойдет собирать этот фрат. И дроны его не полезут на скалы. Это дикий фрат. Никто не обеднеет, если мы его соберем.

– Ну-ну, Хинхан. Ладно, буду ждать тебя на погрузке! Придешь продавать – поговорим.

Поезд снова начал медленно набирать скорость.

– А почему совсем-совсем нет пассажиров? – уже в спину старику спросил Тави.

Фирхайф оглянулся.

– А чего им ехать в наш поселок? Здесь глушь, вот и не бывает никого. К тому же, политика. Но сегодня есть один. Нелюдимый, правда. Не захотел ехать со мной, сел в другом конце –

Было уже слишком далеко, чтобы еще что-то кричать. Ребята остановились и смотрели, как тихоходный утягивается в поля. Ашайта раскачивался в корзине на спине Иджи и поводил в воздухе руками, будто гладил уходящий вдаль состав, а мимо шли нескончаемые грузовые слоты с припасами из города для сельских жителей.

– Его зовут Фирхайф... – начал Хинта, забыв уйти с громкой связи – и осекся, увидев незнакомца. Тот, закинув ногу на ногу, сидел в одном из кресел посреди безлюдного пассажирского вагона, предпоследнего по счету. Это был молодой мужчина. Его гражданский скафандр представлял собой взрослую версию модели Тави, только вставки были не зелеными и оранжевыми, а желтыми и фиолетовыми. Как и Тави, незнакомец снял свой шлем, и его волосы развевались на ветру, тоже русые, но более темного оттенка. Глаза над кислородной маской были серые.

Поезд уже разогнался, а мальчишки стояли на месте, так что чужак промчался мимо них достаточно быстро.

– Пта, – используя уважительное обращение, крикнул Хинта, – вам лучше надеть шлем – над полями вредный туман!

Мужчина ответил жестом благодарности и, кажется, улыбнулся под маской, но совету не последовал. Его фигура становилась все меньше и меньше, пока не исчезла за очередным изгибом спирали.

Хинта вернулся на радиосвязь.

– Слушай, я бы мог подумать, что это твой отец. Или даже, скорее, старший брат.

Тави тоже вернулся на их канал.

– Это не мой отец. А брата у меня нет. – Его голос звучал растерянно. – Просто похож. Но странный человек. Кто он? Зачем ему в Шарту?

Они зашагали дальше по тропе. Поезд исчезал вдаль, превращаясь в тонкую темную нить, сдвоившуюся со светлой нитью монорельса.

– Не знаю, – сказал Хинта. – Фирхайф прав, в Шарту почти никто не приезжает – ну, ты-то знаешь, все, кто селится за Стеной, теряют литское гражданство. Чаще всего дорогой пользуются богачи из самого поселка, чтобы ездить на деловые переговоры в город. И даже их, я слышал, не пропускают дальше первой станции. Еще из Литтаплампа иногда приезжает какая-нибудь комиссия. Проверяют, как дела у Джифоя.

– Этот пассажир не похож на делового человека. – Тави в задумчивости теребил застежку шлема. – Я видел их достаточно, когда они общались с моей мамой. Никто из них не стал бы снимать шлем на улице – так делают только местные мальчишки, а все, кто старше или не отсюда, боятся, что атмосфера сожжет им глаза.

– Тендра-газ тяжелый. Пока мы высоко, на скалах, это почти не опасно.

– Это ты такой умный. А городские и взрослые просто читают инструкцию к полускафандру, а в инструкции написано: не снимать ничего и никогда. Притом, что сам полускафандр сделан так, что разбира-

ется по частям, особенно моя модель. Кстати, у него ведь была как раз такая...

– Он даже не как твой брат, – решил Хинта. – Он как взрослый ты. Тави покачал головой.

– У него глаза серые.

Хинта удивился, что Тави обратил внимание на такую деталь. И вообще, тот казался каким-то притихшим; его манера двигаться стала более мягкой, он больше не летел вперед по тропе, а брел, погрузившись в какие-то свои мысли.

– Ну, извини, что тебя с ним сравнил, – пытаюсь утешить друга в этой непонятной беде, сказал Хинта. – Просто странный человек. Мало ли кто и куда едет. А что он на тебя похож – так на меня вон тоже много кто похож. Почему мы вообще о нем говорим?

Тави заметил беспокойство Хинты, кивнул.

– Просто говорим. Можем перестать.

И все таки что-то было не так с Тави – Хинта это чувствовал.

– Может, он преступник, – предположил он. – Сбежал за Стену, потому что литский закон его здесь не достанет. Такое уже бывало.

– Будь он бандитом, никто бы не позволил ему вот так запросто сесть на поезд. Пришлось бы лезть через Стену или лететь по воздуху.

Хинта не придумал, что еще можно сказать, и перестал тормошить Тави. Большую часть оставшегося пути они проделали в молчании.

Целью их путешествия была низкая скала. Она находилась в необычном месте, где тропа разделялась на два рукава – большой торный путь шел наверху, но появлялась и вторая тропинка, куда меньше, которая, прячась среди камней, спускалась вниз, к широкому скальному карнизу, нависшему в шести метрах от земли над самыми шляпками треупсов. Она никуда не вела – около километра тянулась сама по себе, а потом снова шла вверх и сливалась с большой тропой. Но на скальном карнизе можно было собирать дикий фрат: зеленые щупальца губчатой жизни ползли снизу вверх, стелились по отвесным камням, поднимаясь до самого обрыва скалы.

– Хороший, – глядя на фрат, сказал Тави. – Я думал, он будет голодать на камнях, но, видимо, до него долетают с поля поры треупсов.

– Главное, осторожно у края, – предупредил Хинта. – Эти скалы хрупкие, легко трескаются.

– Если упадем, ничего страшного. Там же губка фрата в полтора метра. На ней можно прыгать, как на батуте.

– Не в этом дело. Если упадем, будет незаконное вторжение на поле Джифоя и дальше сценарий, который описывал Фирхайф.

Тави фыркнул.

– А, точно... – опомнился Хинта. – Я же так и не ответил тебе, почему Фирхайфа зовут Фирхайфом.

– Ну, это определенно не имя и не второе имя. Прозвище, как твое – Хинхан?

– Да, прозвище. – Хинта остановился и рукой начертил в воздухе перед мордой Иджи крест, что означало «стоп». Ослик издал мелодичный понимающий звук и, послушно сложив ноги, опустился на землю. Услышав голос Иджи, Ашайта даже прикрыл глаза от удовольствия; на мгновение, пока звучала короткая музыка, его руки превратились в танцующую живую волну. Хинта пробежал пальцами по кнопкам своего шлема, включая брата в их с Тави радиоканал. – Слезай, Ашайта, приехали.

Младший поднялся, сошел на землю и сделал перед Хинтой что-то вроде медленного реверанса. Его синие глаза лучились отражениями далекого солнца.

– Как ты? – спросил Хинта.

– Мально. – Оттого, что Ашайта попытался сказать обычное слово, по его подбородку тут же побежала ниточка слюны. Он с чмокающим звуком втянул ее обратно.

– Мы с Тави будем собирать фрат. Хочешь есть, или чего-нибудь еще?

Ашайта помотал головой.

– Иджи, ка, – произнес он и сразу подобрал новую струйку слюны.

– Иджи в твоём полном распоряжении.

– Иджи... ка... Иджи... ка... найтжитика-тика... иджитика-та... найтжитика-тика... иджитика-та, – тихо пропел Ашайта. Он обошел ослика – точнее, с необычайной пластикой станцевал-проплыл вокруг него – и, слив все движения в одно, сел-упал на камень перед его мордой.

– Ты его понимаешь? – спросил Тави.

– Он счастлив, – ответил Хинта. – Ладно, давай собирать фрат.

– Конечно, – сказал Тави. Но они оба еще несколько секунд наблюдали, как Ашайта начинает свою игру – от этого зрелища трудно было оторваться. Тот прикрыл глаза, покачался из стороны в сторону, будто ища вдохновения, а потом вдруг начал рисовать руками перед мордой ослика. Локаторы Иджи и руки ребенка качались друг против друга. Ро-

бот не понимал команды и издавал несколько разных вариантов отрицательного ответа. Сначала эти звуки звучали отдельно друг от друга, потом быстрее, еще быстрее, и вот, наконец, они слились, начали накладываться, рваться, превратились в странную музыку. А Ашайта качался всем телом и в упоении рисовал руками – его ладони вращались, казалось, он гладит и катает по воздуху невидимый мяч.

– Он красивый, твой брат, – сказал Тави. – Ты знаешь?

– Да. – Хинта достал из кузова Иджи робоковшики для сбора фрата и растянулся на животе у края скалы. Суть работы была проста: надо было закинуть тяжелый ковшик как можно дальше, дать ему впиться зазубренной челюстью в зеленую плоть и потянуть на себя. Если везло, то за один заброс ковш срывал со скалы целую ленту губки. После заброса приходилось чистить зубья рукой; на ощупь фрат был как мокрое полотенце. Добытые пласты ребята сваливали прямо на землю в стороны от себя. Позади них Ашайта и Иджи играли свою странную быструю музыку.

– Бывает же, что целый час не получается рассказать какую-то ерунду, – осознал Хинта. – Фирхайф.

Тави фыркнул.

– Ты уже десять раз мог.

– Никто не знает, почему Фирхайфа зовут Фирхайфом. Но думаю, он сам себя так называл.

Тави перевернулся на бок, отбросил в сторону камень, который врезался в грудь его скафандра.

– Как долго я ждал этой истины. И это все? То есть, оно ничего не значит?

– А что значит мое прозвище, ты знаешь?

– Хинхан... Ну, Хин – это от твоего имени. А Ханкришпа – один из героев, великий механик боевых машин Притака. И вместе получается красиво.

– Seriously?

– Я всегда так думал.

– Мое прозвище придумал Фирхайф. Это он стал меня так называть, когда я был еще совсем маленький и мы с ним часто встречались. Потом это перекинулось на всех. Даже мой отец меня так зовет. И это никогда ничего не значило.

– Обидно.

– Нет, Тави, ты потрясающий! – воскликнул Хинта. – Ты как бы нечаянно объяснил то, чему никто не придавал значения. И действи-

тельно красиво! Мне нравится, что у меня половинка имени Ханкришпы!

Тави бросил ковш, но вместо того, чтобы вытаскивать его, обессилено растянулся на земле.

– Почему у меня нет прозвища? И почему так получается, что обычно я называю по именам даже тех людей, у которых прозвище есть? Ты для меня больше Хинта, чем Хинхан.

Хинта пожал плечами.

– Потому что ты поздно познакомился с Фирхайфом. Ты с матерью приехал сюда всего шесть лет назад, и поначалу она держалась особняком от местных, и тебя держала при себе. А местные дети живут не так – они торчат на улицах, играют. Когда тихоходный входит в Шарту, за ним бегут все, кому не лень. Фирхайф общается с мелюзгой, дает им прозвища. Они прилипают и остаются на всю жизнь. Я знаю сверстников моего отца, которым старик дал прозвище в незапамятные времена.

– Правда? Так он один создал весь мир прозвищ? – восхитился Тави.

Хинта помрачнел.

– Добрых прозвищ. Те, кто обзывает моего брата – ты знаешь, как – это они придумали сами.

– Фирхайф, король добрых прозвищ, – пробормотал Тави. – А кого он называл так давно?

– Джикон – кличка нашего учителя физики. Ей сорок лет. Отец говорит, что Фирхайф придумал ее, когда сам был двадцатилетним парнем и еще не начал водить тихоходный.

– Еще в прошлом, заброшенном Шарту? В том, который был на берегу моря до цунами?

– Видимо, да. Но тогда прежний поселок еще не был заброшен.

Тави по-прежнему лежал на земле и не вытаскивал ковш.

– Знаешь, кажется, я запомню сегодняшний день очень надолго. Тропа. Тихоходный поезд. Фирхайф. Тот странный человек. И твой красивый брат. Этого всего уже слишком много для меня. Но это потрясающий день.

Хинта усмехнулся.

– Работай, – посоветовал он, – а то я взвешу наш фрат по отдельности, и твоя доля окажется просто смешной.

Тави потащил ковш назад.

– Тебе говорили, что ты в страшной опасности?

– Какой?

– Ты можешь вырасти в нового Листу Джифоя.

– Весь фрат – мой! – алчно проскрипел Хинта. И они, хохоча, продолжили выгребать зеленую губку наверх, а музыка Ашайты и Иджи все играла и играла у них за спиной.

Через час на краю тропинки лежало две больших кучи фрата, а мальчишки перешли на другое место. Ашайта, наигравшись с Иджи, тихо танцевал вдоль тропинки – двигался, делая па, то туда, то обратно. Разговор принял историко-технический оборот.

– Я понимаю про Экватор лишь то, что он был великим подвигом народов Джидана, Притака и Лимпы, – сказал Тави, – и что если бы они не построили его, то Земля навечно осталась бы в плену Столетней Зимы. Собственно, тогда бы мы говорили уже не про столетнюю зиму, а про тысячелетнюю – она продолжалась бы до сих пор. И нас, наверное, не было бы. Даже если бы человечество уцелело, наши предки прожили бы совсем другие жизни, и мы с тобой, и даже наши родители, и все нынешние люди – никогда бы не родились. Вместо нас на Земле, во льдах, жил бы кто-то совершенно другой... В общем, я смотрю на Экватор как на великую вещь. Это наша история. И в каком-то смысле Экватор – эта стена из меди – определяет весь наш мир. Но я совершенно не понимаю, как он работает.

– Если грубо, то на электричестве.

– Про это я учил, и даже сдал экзамен. Но я все равно не понимаю. Экватор ведь не печь. Он просто огромное медное кольцо. Почему оно согрело планету?

– Ну, не буквально. Вспомни теорию зарождения жизни и астрономию. Земля очень долго была аномалией. Имея относительно небольшую массу, она с огромной скоростью вращалась вокруг собственной оси. К тому же ее все время раскачивала приливная сила Луны...

– ...и поэтому притяжение планеты оставалось сильным, а ядро – теплым. Да, я знаю. Удар метеоритного потока разрушил Луну и замедлил вращение Земли. Катастрофа вызвала сначала изменение состава атмосферы, а потом общее охлаждение.

– Так вот, – продолжал Хинта, – наш Экватор – не просто кольцо. Это катушка. Там, внутри, он разделен на множество отдельных жил – они скручиваются вокруг планеты, смыкаются вместе, по ним течет ток. Возникает электромагнитная индукция, и вся Земля превращается в сердечник. Это вызывает в ядре планеты усиленное течение всех металлов. Они двигаются, и ядро нагревается – то есть, происходит то же

самое, что раньше происходило из-за вращения Земли и Луны, но по другой причине. Понимаешь?

– А где источник питания?

– Он не нужен.

– В физике я слаб. Но без источника питания ток течь не должен.

– Понимаешь, электроны есть в любом веществе. В любом куске металла они могут освободиться и начать движение. А если это огромная медная спираль, такая, как Экватор, то электроны начинают двигаться сами собой.

– Путано все это. – Тави начал чистить ковш от фрата. – Хоть и работает. Наверное, ученые, которые придумали эту штуку, были великими людьми, своего рода героями. И инженеры Притак, Джидана и Лимпы, которые возводили стену – тоже. Я читал, что они строили Экватор под снегом, внутри огромного ледяного грота, который опоясывал всю планету так же, как ее теперь опоясывает сам Экватор. Представляешь эту толщу льда, которая лежала выше Стены? И когда реки расплавленной меди вливались в подготовленное для них русло, все это пространство сияло красным светом и заполнялось водяным паром... Красиво, наверно, было. Жалко, что потом Притак и Лимпа рассорились с Джиданом и начали против него войну. То есть, конечно, именно на той войне появились все те герои, которых я так люблю; они были детьми того времени, рождались и выросли, пока строился Экватор. Они еще хотели чего-то большего, искали справедливости – но не смогли договориться, и в результате все погибли в противостоянии, после которого не осталось никого подобного им. Это очень странно и несправедливо – сражаться с теми, с кем полвека бок о бок строил такую великую вещь, как Экватор. И еще более несправедливо, что, когда речь заходит о событиях войны, все почему-то забывают, что она началась почти сразу по завершении строительства. Потом и до сих пор... вообще не было больше такой грандиозной работы и такого тесного союза, как у государств Эпохи Льда. Как будто люди могут дружить лишь тогда, когда их всех ставит на колени одна общая безмерная беда.

– Да, – согласился Хинта. – Посмотри на Литтапламп – он не занимается ничем великим, лишь воюет со слабыми повстанцами на своих границах. А Экватор разрушается. Вся планета страдает от землетрясений. Одно из них вызвало цунами, уничтожившее прежний Шарту. Только за мою жизнь больших землетрясений случилось еще шестнадцать. Плюс бессчетное число малых толчков. Землетрясения происходят из-за состояния Экватора. Но никто не собирается его ремонтировать. – Он перевернулся на спину и посмотрел вверх, на уносящуюся в

небо стену из меди и серого камня. Тави, уставший выгребать фрат, последовал его примеру. – Видишь трещины?

– Пока они маленькие.

– Трещины, которые мы можем видеть отсюда невооруженным глазом, огромны. Камень уже весь в крошку. И так на сотни километров. Как бы хорошо ни была построена Стена, какой бы толстой ни была внутри нее медная жила... Просто представь, какова вероятность, что на ней найдется точка, которая лопнет во время следующего землетрясения.

– И что тогда? Новая Столетняя Зима?

– Возможно. Это страшно. Если это снова произойдет, на этот раз люди погибнут почти совсем. Человечество ведь так и не восстановилось после прежнего удара.

– Но ведь это очень глупо. У литского правительства есть все для того, чтобы начать ремонтировать Экватор.

– Мой отец считает, что у них другой план. Он уверен, что «Джилликон Сомос» производит больше топлива, чем может употребить. Они скупают фрат по всей стране. Один центнер фрата – это примерно один галлон топлива. На десяти галлонах весь Шарту живет месяц. А эти огромные поля – здесь миллиарды тонн. Их вывозят, и вывозят, и вывозят... И наши поля – лишь крупица на краю литских земель.

– Но что толку от топлива, если весь мир рухнет? Или Атипа думает, что они собираются отогреть им планету без использования Экватора?

– Ты оптимист. А мой отец – пессимист. Он уверен, что они будут греть только себя. Допустят катастрофу, дождутся, когда все остальные вымрут, а потом уже отремонтируют Экватор.

– Безумие.

– Наверное. Однако отец в этом уверен. Говорит, что Лит устал от войн и восстаний, и что с олигархов и меритократов из «Джилликон Сомос» станется решать свои мелкие проблемы, уничтожив все вокруг.

Тави даже рассмеялся, однако потом посерьезнел.

– Надеюсь, Атипа Фойта не прав.

– Он не единственный так думает. Я же через обучающую станцию могу входить в литтаплампскую сеть. Там есть люди, которые пишут то же самое. – Хинта все смотрел на трещины в стене Экватора. – А теперь мы собираем фрат, который продадим Фирхайфу, а тот продаст его «Джилликон Сомос». То есть, в конце концов, этот фрат тоже станет частью их зловещего плана. Если...

– Если, конечно, этот зловещий план в действительности существует, – парировал Тави. – Слушай, нам ведь нужны карманные деньги,

так? И потом, неужели отказавшись от увеселительного похода в ламрайм, мы нанесем реальный удар по «Джиликон Сомос»?

– Нет. Не знаю... Но мне все равно противно думать, что и мы, и весь Шарту, и еще множество людей, возможно, помогаем им исполнить план, в конце которого нас ждет смерть, а их – глупая кровавая победа.

Еще долго они лежали, глядя на махину Экватора, а потом вернулись к работе.

Когда фрат был собран, его пришлось перевалить в кузов Иджи. Ослик взвесил кучу и показал достойную цифру в сто тридцать шесть кило. Затем поверх кучи сел Ашайта, и они двинулись назад, в Шарту. Обратный путь показался им коротким: они шли быстро, их подгоняли голод и чувство законченной работы. Слишком усталые, чтобы поддерживать беседу, они молча обогнули спирали тихоходной дороги, прошли Слепой Изгиб и еще через сорок минут выбрались к большой скале, откуда уже открывался вид на Шарту.

Поселок лежал внизу россыпью серых двухэтажных блоков. Почти все здания были из пластика и стояли на рессорах, позволяющих в случае землетрясения смягчить удар. Купола крыш пестрели слуховыми окнами, сияли на солнце стальные опоры радиовышек. Облака белого и розового пара поднимались над бойлерами и воздухоочистительными установками. Сети коммуникаций паутиной тянулись прямо по красной земле: перекрученные пучки проводов, трубы водопроводов, спаренные кислородно-азотные шлейфы. Целые улицы были соединены в единое пространство с помощью раздвижных полупрозрачных переходов. Внутри этих круглых гармошек люди ходили без скафандров.

Монорельс тихоходного входил в самый центр Шарту. Сам поезд сейчас стоял у парящего в воздухе технического перрона, а машины и люди перекидывали фрат на грузовые платформы.

– Надо успеть, пока идет погрузка, – сказал Хинта, – а то потом придется ждать несколько часов, пока он съездит в город и вернется.

– Я думал, мы пообедаем, – жалобно выдохнул Тави.

– Может, Фирхайф нас угостит.

Они ускорили шаг. Иджи, не сбивая темпа своей механической ходьбы, следовал за ними. Но прежде чем они достигли погрузочной зоны, кое-что произошло. Среди камней, в том месте, где тропа вливалась в окраинные улицы поселка, было расчищено место под открытую спортивную площадку. На ней собралось с десятков подростков. Четверо

играли в футбол, остальные сидели вокруг, наблюдая за состязанием и потягивая напитки из прикрученных к шлемам банок. Когда Хинта и Тави проходили мимо, один из зрителей, Круна, обернулся в их сторону и включил громкую связь.

– Улипа на куче фрата, – крикнул он. – Что, Хинта, решил заработать на вставную челюсть для своего убогого братца? Твой богатенький дружок не подает тебе милостыню?

Внешне Хинта никак не отреагировал, лишь сбавил шаг и положил руку на шею Иджи, как бы заслоняя брата.

– Эй, улипы, омаролубы! – продолжал орать Круна по громкой связи. – По-твоему, Хин, это прилично, твое страхобратище водить на люди?

Хинта уменьшил в своем шлеме громкость внешнего звука, и голос Круны сделался тише.

– Если уж твоя семейка не в силах убить это существо, то лучше бы вам прятать его. Как постыдный секрет. Как зад в говне. Верно я говорю?

Они загоготали.

– Мы омаров убивали, и кишки им выпускали, дула в жопу им втыкали, яд в глаза им заливали!

– Омареныша мы ищем, в темноте он страхом дрищет, за туманом горько плачет, братика тупого кличет!

– Что слюнявка нам сказала, когда в бошку ей стучали? Мы не поняли ни слова, так как весь язык омариий это каша из мычанья!

За новой речевкой последовал взрыв смеха.

– Беги-беги, спасай своего слюнявого уродца-улипу! – крикнул Хинте вслед Круна. – И литтаплампскую девочку свою прихвати! Только она все равно тебе не даст. А если и даст, то не тебе, а твоему братику-омаренышу. Чтобы беременеть жопой и плодить из нее подобных ему слюнявых недоделков!

Кровь бросилась Тави в лицо с такой силой, что красные пятна стало видно даже сквозь стекло шлема и кислородную маску. Он потянулся к громкой связи, но Хинта его остановил.

– Не надо.

– Но почему?

– Их больше, и из-за твоей матери ты для них все еще чужак. Скажешь им хоть что-нибудь – станет только хуже для нас обоих.

Мимо проехал дрон: два эшелона колес, четыре шаровидных кузова. За шлейфом поднятой им пыли обидчики исчезли из виду. Потом Хинта ощутил, как Ашайта трогает его за плечо. Лицо младшего дергалось. Хинта остановился и включил брата в их с Тави радиоканал.

– А ня мьются? – пуская слюну, спросил Ашайта.

– Нет, они не смеются над тобой. Они просто кричали. Это было не нам.

– А я мал, на мью. – Когда Ашайта переживал, его голос становился совсем тонким, слова комкались и путались, фразы превращались в кашу.

– Успокойся, ладно? Все хорошо. Помнишь Фирхайфа? Мы сейчас идем к нему. Может быть, он нас угостит. А если нет, то после пойдем домой, и я тебя покормлю.

– Лва?

– Да, купим тебе лиаву, но уже после обеда. Хорошо?

– Шо.

Они снова двинулись вперед. Тави часто и расстроено оборачивался на Ашайту. Хинта шагал рядом с Иджи, взяв руку брата в свою. Дыхание младшего постепенно выравнивалось.

– Он будет в порядке? – спросил Тави.

– Не знаю. После таких моментов он иногда начинает плакать. Долго. Ничего, однажды один из этих уродов попадется мне в подходящее время в подходящем месте, и я сорву с него дыхательную маску. Чтобы он задыхался всю оставшуюся жизнь, как наша мать, и чтобы другие смеялись над ним, как он над нами.

– Ты же это не серьезно?

Хинта чуть пожал плечами.

– Почему они так тебя ненавидят?

– Не меня. Они ненавидят именно моего брата. Потому что боятся.

– Как можно бояться Ашайту?

– Ты кое-чего не знаешь про обычаи Шарту. Но это и не удивительно, про это почти никогда не говорят. Никто не любит это обсуждать. Но очень многие здесь считают, что таких, как Ашайта, не нужно оставлять в поселке. Они думают, что по решению родителей таких детей следует или убивать, или бросать без скафандра в пустошах за южным краем полей.

Движения Хинты стали скованными, говорил он через силу.

– Но это же одно и то же, – шокированно произнес Тави.

– Не совсем. Такие, как Ашайта, иногда, пусть и очень редко, выживают без скафандра. Омары пустошей забирают их к себе и восстанавливают их тела с помощью нанитов. Эти дети, научившиеся дышать атмосферным воздухом, вырастают потом в монстров и становятся нашими врагами. А все те, кто кричит гадости моему брату, просто видят в нем маленького омарчонка.

– Это варварство, и предрассудки. Люди не должны так поступать. И омары пустошей, получается, лучше людей Шарту, если они помогают этим детям.

– Ты неправ. Все намного сложнее. Это больше, чем предрассудки. Прошлый Шарту был сметен цунами. Здания были разрушены или смыты в море, скафандры смяты. Многим пришлось работать на руинах дольше, чем позволял объем их кислородных баллонов. Половина жителей получила отравления, половина детей потом родилась калеками. А теперь представь, что было бы, если бы их всех выхаживали так, как моя семья выходила Ашайту. Сейчас, тридцать лет спустя, Шарту походил бы на приют для слабоумных. Представь себе это общество, Тави. И после этого говори, что их жестокость была предрассудком. Не говоря уже о том, что, спасая всех слабых, наши отцы могли бы просто не выжить. Да и омары – не гуманисты. Не смей говорить, что они лучше жителей Шарту. Если они поймают человека, то сорвут с него скафандр и будут глумиться вокруг, пока он задыхается. А если он сумеет прожить несколько часов, то они превратят его в свою тварь, сделают его сумасшедшим слепым рабом. Не думаю, что это делает их воплощением человечности.

Тави выслушал отповедь, понутившись.

– Я не понимаю, почему ты говоришь так, будто на самом деле согласен с этим гаденышем Круной?

– Я люблю своего брата! – вскинулся Хинта. – Или ты хочешь поставить это под сомнение?

– Нет! Ты ведь знаешь, что меньше всего я хотел бы тебя обидеть. Я просто не понимаю некоторых вещей.

Хинта слегка остыл, но теперь между его бровей залегла напряженная складка.

– Прости, что накричал. Просто ты задал мне вопрос, и я ответил. Я понимаю, почему Круна ненавидит Ашайту, почему каждый второй неоднозначно относится к моему брату. И я не стану осуждать прежнее поколение жителей Шарту за то, что они избавлялись от больных детей, когда их было много. Но я не согласен с теми, кто считает, что Ашайту следует бросить в пустошах сейчас. Они опоздали и со временем, и с возрастом: сейчас уже не те условия, что в десятилетие после цунами, и Ашайта слишком взрослый – он не выживет без маски и никогда не будет похож на омаров. Короче, они неправы почти во всем. Они не знают и не хотят знать множества вещей: например, то, что брат может и без их злобы просто умереть в следующие два года.

– Или то, что он занимается по специальной программе, и если выживет, то сможет вырасти в почти нормального человека – будет делать простую работу и никому не мешает своими маленькими странностями. Ведь так?

– Так.

Они прошли под линией монорельса. До платформы оставалось всего около сотни шагов – наверх вели сетчатые оранжевые ступени, залпанные зеленой фратовой грязью.

Фирхайф отдыхал в однокомнатном домике в самом конце платформы. К нему все время по разным вопросам заходили люди, так что дверь он держал открытой. Чтобы рассеянный в атмосфере яд не проникал внутрь помещения, в тамбуре работал температурный барьер, охлаждавший воздух до таких значений, при которых тяжелый тендра-газ обращался в жидкость. Внутренняя часть входного портала сверкала голубыми рампами охладительных радиаторов, в проходе кружился отравленный снег, а с потолка свисали желтые кинжалы сосулек. Смертоносный осадок всасывало через решетки в полу и выбрасывало обратно на улицу.

Хинта уложил Иджи отдыхать, затем спустил Ашайту с ослика и, придерживая за плечи, как можно быстрее провел брата через портал. Их скафандры были лишены термозащиты, так что, проходя между морозильными радиаторами, ребята ощутили, как их кожи касается порыв жуткого, режущего холода. Меньше чем за секунду экраны их шлемов покрылись испариной, в следующее мгновение уже смерзшейся в сеть кристаллического узора.

– Быстрее! – взвыл Тави, толкая Хинту в спину, и они втроем ввалились в тепло. Хинта отключил экран шлема, и влага его дыхания, примерзшая к силовому полю, тонкой ледяной паутинкой осыпалась вниз. Ему в нос тут же ударил въевшийся в их скафандры запах фрата, маслянисто-дурманящий и в то же время свежесоленый.

– А, вот и юные грабители, – весело сказал Фирхайф.

Мгновение Хинта ничего не видел – у Фирхайфа царила полутьма. Потом его глаза привыкли, и он различил знакомую обстановку: на стенах – барельеф-портреты героев Лимпы в абстрактном стиле: узкие, полубъемные лица воинов и полководцев, пилотов машин и инженеров, скошенные нашивки на шлемах древних боевых скафандров. На мони-

торе мерцала литтаплампская развлекательно-новостная лента, а на столе дымилась огромная посудина с лапшой.

– Угостить? – предложил Фирхайф.

– Да, пожалуйста, – просиял Тави. – А мы Вас не объедем?

– Так и знал, что придете голодные. Приготовил побольше.

Ашайта нетерпеливо махал руками, показывая, чтобы его тоже раздели. Через пару минут все четверо уже ели: Фирхайф – спокойно, Тави – жадно, быстрее всех, Хинта – медленно, одну ложку себе, другую брату. Пока они обедали, к Фирхайфу успели заглянуть бригадир рабочих-погрузчиков – коренастый мужчина в экзоскелете-робофандре с третьей, качающейся над плечом, механической рукой; продавец фрата – фермер с восточных окраин, старше Фирхайфа, с ружьем за спиной, в устаревшем полускафандре с дыхательной маской, когда-то прозрачной, но теперь пожелтевшей от долгих лет эксплуатации; деловой агент Джифоя – раздражительная лощеная дама; техник-логист со склада – шустрый, средних лет человек, в исцарапанном скафандре, с оранжевой дыхательной маской на лице. Тави таращился на всю эту разношерстную публику во все глаза. Хинта, привычный к фирхайфовой суеде, обращал на нее меньше внимания и в основном был занят тем, что терпеливо вытирал салфеткой Ашайте подбородок, когда тот пачкал его едой или слюной, или и тем, и другим. Сам Фирхайф смотрел то на часы, то в окно, на протянувшуюся вдаль ленту поезда. Впрочем, он делал это предельно тактично.

– Очень большое спасибо, – откидываясь на спинку стула, поблагодарил Тави.

– Считай, что это было за знакомство, – хмыкнул Фирхайф. – В следующий раз ты меня будешь угощать, и миска будет в два раза больше! Я так считаю: что ты людям – то и они тебе. А когда способствуешь молодым, обеспечиваешь себя на тридцать лет вперед.

Тави улыбнулся и слегка поклонился.

– А Вы не знаете, зачем тот необычный пассажир ехал в Шарту?

– Какой пассажир?

– Парень в скафандре как у меня. Мы его видели, когда мимо нас проехал конец поезда.

– А, этот. Нелюдимый романтик. Он, похоже, останется здесь жить.

– Но он потеряет гражданство, – удивился Хинта.

Фирхайф пожал плечами.

– Я выпрашивал у него, когда он собирается назад, но он ответил, что не поедет. Вот и вся история.

Когда они снова вышли на улицу, солнце давно перевалило зенит. Несколько рабочих пеномашинками мыли перрон от фрата, остальные сидели на горах разгруженного товара, отдыхали и смеялись чьей-то шутке; вокруг, списывая номера прибывших ящиков, суетился тот самый техник-логист. Хинта разбудил Иджи. Фирхайф подкатил к ослику предпогрузочную тележку, включил весы.

– Там ровно сто тридцать шесть кило, можете не тратить на это время.

– Хинхан, мне так положено, и неважно, что я думаю о твоей честности.

Хинте оставалось лишь пожать плечами. Иджи послушно опрокинул свой кузов в тележку Фирхайфа. Тави столкнул руками последние, застрявшие ломти губки и уставился на табло тележки.

– Стало на два кило больше? Два кило фрата приросли по дороге?

– Такого не бывает, – прищурился Фирхайф. – Думаю, семейству Фойта стоит слегка перекалибровать свое четвероногое.

– Вовсе нет, – задето ответил Хинта. – С Иджи все в полном порядке. Просто магниты шалют рядом с Экватором.

– А-а, так вы оценивали улов прямо там, на тропе? Ну, тогда твой Иджи просто чудо. Взвешивая центнер в ста метрах от Экватора, ошибся на ничтожные пару кило. – Фирхайф покатил тележку к оставшемуся неполным погрузочному слоту. – Семь кило сейчас стоят один гал, значит...

– Девятнадцать галов, – посчитал складской логист.

– А мне кажется, чуть больше, – тоже посчитал Тави.

– По правилам компании-перевозчика, – ехидно заметил логист, – цена относительно веса товара округляется в пользу покупателя. Так что если Фир-старина заплатит вам двадцать галов, последний он отдаст из своего кармана.

– Вот видишь, – усмехнулся Фирхайф. – Для тебя, Тави, те же правила, что и для Листы Джифоя.

– Да, только он продает тысячи тонн, а я – что? Но ладно.

Они подкатали тележку к поезду, и она, подняв свой контейнер вверх, высыпала фрат на платформу. Все, что насобирали ребята, стало лишь краем огромной кучи. Подошедшие рабочие сразу начали накрывать погрузочный слот сеткой, чтобы фрат не разлетался по дороге. Фирхайф и Хинта достали карманные цифровые кошельки и развернули над

ними гал-граммы. Девятнадцать галов отделились от одного кошелька и по воздуху поплыли к другому.

– Готово.

– Куш, куш, куш, – подпрыгивая от возбуждения, воскликнул Тави.
– Мы идем в ламрайм!

Рабочие подтрунивали над мальчишками. Фирхайф черкнул подпись в документах логиста и вразвалку направился к локомотиву. Еще через минуту тихходный отбыл в направлении города. Уезжая, старик прощально махнул рукой.

По пути в ламрайм Хинта завел Иджи в гараж своей семьи. Родителей он не встретил: мать была на легочных процедурах, отец еще не вернулся с работы. Там же, в гараже, он рассчитался с Тави. Когда они вошли в холл ламрайма, тот уже пребывал в полной эйфории.

– Девятнадцать галов... Я не думал, что мы заработаем так много. Это же целый день развлечений, причем для нас двоих!

– А ты еще хотел отжать у Фирхайфа лишний гал.

– Ну, гал лишним не бывает.

– Не трать все. Вот я на часть своей доли куплю инструменты и детали.

– Так то ты, – с влажными от счастья глазами ответил Тави, – а мне ничего такого не нужно. И удержаться от кутежа будет сложно. А то, – посерьезнев, добавил он, – я уже не могу, как раньше, просить у мамы деньги на маленькие радости.

Холл ламрайма был просторным, длинным и выгнутым. Вдоль него стояли круглые тумбы. Над большинством постаментов, красиво светясь, возвышались группы героев. Фигуры, все примерно в метр высотой, совсем как живые беззвучно разговаривали между собой, жестикулировали, сражались. Одна из сцен изображала воинов, печально склонившихся над телом павшего товарища. Под ногами фигур, по круглым дисплеям, бежали надписи с названиями и временем сеансов. Между тумб ходило с десятков разновозрастных посетителей. Выбрав лам, они подходили к тумбе, рисовали перед ней стандартный знак контакта, и тогда фигуры героев исчезали, сменяясь трехмерной проекцией ламзала. Посетители резервировали себе свободные места и уходили – кто в кафетерий, кто прямо на лам-сеанс. Тави, Хинта и Ашайта влились в разрезенную толпу.

– Хороший сейчас сезон, – показывал Тави, – столько новых лавов! Еще дней десять назад половина тумб стояла пустая. А теперь вон новое, и вон там, и еще...

Хинта только и успевал, что вертеть головой. Наконец, его притянуло к яркому постаменту, над которым могучий мужчина в огромном экзоскелете с десятками механических рук, растущих от плечей и боков, крушил ледяную скалу. Спутники в костюмах поменьше помогали ему. Под фигурами разрушителей льдов крутилась надпись: «Сопротивление Притака – строители ледяного лабиринта». Хинта поймал бегущую надпись ладонью, заставляя ее развернуться в пояснительный текст.

– А я это фактически видел, – расстроился он. – Это ремейк «Семи крепостей Джифола».

– Нет, это не по ламу позапрошлого года. Это самостоятельная история по тому же мифу, но с упором на линию Бриты Мурата.

– А кто он? То есть, имя-то я помню...

– Сын Гвартаны Мурата, последнего из космолетчиков, кто после катастрофы сумел вернуться на Землю с Марса. Брита был воспитан отцом, вырос и стал механиком снежных буров. Он прославился, когда построил подо льдом пути сообщения под оборонительными линиями Джидана.

Хинта кивнул.

– Я помню, как в «Семи крепостях» выглядела его машина. Тысяча ледорубов на такой круглой штуке.

– Да, – увлеченной скороговоркой подтвердил Тави. – Там показывали его машину и его тоннели, потому что джиданцы пытались разрушить их ледороющими торпедами и потом отбивали вышедшую из-под льдов атаку Притака. Но сам Брита фактически не был показан – он ведь там был лидером врагов. А здесь будет взгляд с совсем другой стороны: вся его жизнь в Притаке с детства и до исчезновения во льдах. Хотя не знаю, может, они придумали какой-то конкретный конец его истории.

– Открытый финал, – оценил Хинта. – Будет интересно. Пойдем на него?

– Давай не в этот раз. Он идет еще пятьдесят дней, а кое-что, чего ты еще не видел, скоро уже закончится.

– Твой Джилайси, – угадал Хинта.

– Да. Сходим на него. Я так хочу, чтобы ты это увидел! Туда.

Они пошли к дальнему постаменту. На нем была изображена сцена рукопашной борьбы – развитый юноша с красивым, немного даже женственным лицом, в разрушающемся скафандре-экзоскелете вырывался из сети пут, а на его плечах и ногах, пытаясь удержать, висели другие ге-

рои. Вокруг постамента бежала надпись: «Джилайси Аргнира – плачущий воин».

– Знаю, выглядит странно, но это самая лучшая часть самой потрясающей истории, которую я знаю. Один из тех случаев, когда лам-реклама хуже самого лама.

– Я видел уже два лама про Джилайси. Про него-мальчика, когда он побеждает своего жестокого отца и становится первым из героев Джидана...

– Меняет все в их стране, – закивал Тави.

– И второй, когда он уже ни на чьей стороне.

– Он всегда был на стороне справедливости. А это – середина его истории. – Тави ткнул в бегущую надпись и зачитал вслух. – Джилайси Аргнира – плачущий воин, забывший, на чьей он стороне, и начавший битву за само добро против всех.

– Так вот как он перестал быть воином Джидана.

– Да. И это срастается на самом деле с легендой о семи крепостях. Потому что так сорвалась битва за крепости. Джилайси был оглушен – снайперы Притакса всадили ему в лоб нанопулю, которая должна была сделать его берсеркером, бьющимся на их стороне. Но он каким-то образом переборол наниты и стал еще светлее в душе, чем был прежде. Он забыл, кто он такой и зачем идет война. А когда очнулся, не помня себя, то рыдал и требовал от всех, чтобы они прекратили битву. Он начал спасать раненых со всех сторон, выносил их из боя и поражал тех, кто пытался добивать слабых.

– Не рассказывай. Лучше я увижу сам.

– В общем, так появился тайный союз – люди, воевавшие против всех ради завершения самой войны. Но даже им не удалось спасти Джидана. Война закончилась лишь после того, как Притакс и Лимпа окончательного его уничтожили. А жаль.

Тави начертил знак контакта, и фигуры героев исчезли, сменившись изображением зала. Тот был круглый, места спиралью спускались к расположенной в центре проекционной арене.

– Я знаю, ты любишь первые ряды, но с нами Ашайта. Давай возьмем у стены.

– Конечно. Вот здесь. Там рядом установка одного из проекторов, а сбоку от сиденья не проход, а просто пустое место. Твой брат сможет сколько угодно махать руками и никому не помешает.

Хинта благодарно улыбнулся и запустил сразу тремя пальцами в три соседних куба на голограмме. Они с красного изменили цвет на го-

лубой, а из центра тумбы вылезла губка накожного принтера. Тави наклонился и с размаху впечатался в губку лбом.

– Я знал, что ты сейчас это сделаешь, – фыркнул Хинта. Сам он приложил к губке тыльную сторону ладони, а потом поймал Ашайту за руку и сделал с ним то же. Теперь на их коже светились номера мест – «97», «98», «99» – набранные традиционной литской числицей, причем перевернутый боком знак числа сиял у Тави прямо над переносицей.

– До возвращения домой краска испарится, – легкомысленно отмахнулся он.

В кафетерии Хинта купил для Ашайты сладкую ленту лиавы, и они пошли в зал.

Воздух дрожал в лучах проекторов, извергающих в зал потоки неосязаемого огня и льда. Джилайси Аргнира действительно плакал, когда выносил из битвы своих израненных врагов, а те, обезумев, кричали ему: «что ты делаешь, убей нас». И наконец, поняв, что резню невозможно остановить, Джилайси начал сражаться против всех. Как демон, в огненно-стальном облачении, с окровавленным, но все еще прекрасным лицом, он носился посреди битвы, поражая и тех, и других. И вот наступило мгновение, когда уже все, с обеих сторон, перестали сражаться друг с другом и пытались уничтожить лишь его одного. Но он был неуязвим. Какая-то сила светлого горя окружала его непроницаемым щитом, и он ускользал, прыгая меж перекрещенных лучей смерти. Пораженные его подвигом, две огромные армии сдались и отступили, оставив его одного стенать посреди рухнувших бастионов, брошенного оружия, разбитых машин и тонущих в расплавленном льду мертвецов.

На середине сеанса зашторенные двери всколыхнулись, впустив в зал лучик света и кучку новых зрителей. А потом Хинта почувствовал, что Тави наклоняется к нему и легонько пихает локтем в бок. До сих пор он думал, что только стобалльное землетрясение может отвлечь Тави от деяний Джилайси. Но сейчас толчков вроде не было, а Тави все-таки отвлекся.

– Что? – негромко спросил Хинта. На них никто не оглянулся – мощно наплывающая музыка глушила своим рокотом голоса.

– Посмотри, – громким шепотом сказал Тави, – вон тот человек.

Хинта перевел взгляд с героев на трибуны по ту сторону арены. В алых вспышках от клинка Джилайси было видно ряды смутно белеющих

лиц. Хинта смотрел долго, пока, наконец, не выделил из массы зрителей мужчину, на которого указывал Тави.

– Он пошел в ламрайм? Он не по делам сюда приехал и даже не посмотреть на нашу жизнь? Он приехал и пошел в ламрайм?

Через час и двадцать минут лам был прерван антрактом. Хинта повел Ашайту прогуляться, а Тави взял на себя бремя покупки сладостей. Он шел через толпу с тайной мыслью о возможности встречи, и внезапно его желание исполнилось: он заметил чужака и вошел в кафетерий прямо вслед за ним. Они друг за другом встали в очередь к автоматической навамешалке.

– Пта, – осторожно сказал в спину незнакомцу Тави, – Вы приехали сегодня, на тихоходном поезде?

Мужчина полуобернулся и через плечо глянул на мальчика. Лицо его было чистым и приятным, губы – неяркими, глаза – ясными, блестящими. Тави неуверенно улыбнулся ему.

– Как ты узнал?

– Мы видели Вас на спирали у Экватора.

– А, так это был ты, – улыбнулся мужчина. – И твои друзья?

Он перевел взгляд куда-то дальше. Тави посмотрел в ту же сторону. Хинта стоял у самого выхода из зала и придерживал Ашайту за руку, чтобы тот не начал танцевать среди людей.

– Да, это они. Пта, – снова рискнул Тави, – Вы же из Литтаплампа, так? Думаю, там есть ламраймы побольше и получше нашего. Неужели Вы приехали сюда только за этим?

– А-а, так вот что не дает тебе покоя? Просто правление поселка еще не подготовило мне жилье. Сказали подождать три часа. Не буду же я сидеть у них в офисе все это время. И вот я здесь.

– Значит, Вы останетесь в Шарту?

Мужчина чуть кивнул.

– А далеко идет та тропа? – неожиданно поинтересовался он.

– До самого моря, пта, – удивленно ответил Тави. – До старого Шарту, который был смыт цунами. На его месте теперь мемориал. Тропа выходит прямо к мемориалу. Но по ней не проехать, а для пешей прогулки это слишком далеко.

– Спасибо, – сказал чужак. – Это мне пригодится.

Его заказ был уже готов. Он подхватил свой кулек с навой, подмигнул Тави и пошел обратно в зал. Тави пялился ему вслед, пока очередь у него за спиной не начала возмущаться.

Возвращался назад он с четырьмя огромными, холодными, сладко пахнущими кулками разноцветной мелкорубленной навы. Антракт закончился, и они снова расселись по местам. Джилайси Аргнира говорил речь среди способных слушать раненных, и те склонялись, обессиленные войной, понимающие правоту его слов. Хинта решился оторвать Тави от зрелища.

– Я видел, ты с ним говорил. Узнал что-нибудь?

– Не знаю, – с непонятной радостью пожал плечами Тави. – Просто поздоровался. И убедился, что это очень необычный человек.

– Как?

– Не знаю. Не могу пока толком объяснить, но это точно так. Он как будто моложе всех остальных взрослых. Он живой, Хинта, он не гаснет, как наши с тобой родители, он очень ярко горит внутри. И ему как будто совсем ничего не нужно от мира вокруг. Словно он и здесь, и больше, чем здесь.

Хинта не нашелся с ответом, и они снова обратили взгляды на арену. Им предстояло еще полтора часа зрелища.

Когда лам закончился, и они вышли на улицу, небо уже переливалось всеми цветами заката. Солнце тонуло за горизонтом, стреляя зелеными и алыми сполохами последнего света. Расходиться не хотелось. Тави вышел на радиосвязь с матерью, сказал, что гуляет с Хинтой, и выпросил у нее еще два часа. Хинта отвел Ашайту домой, передал его в распоряжение родителей, а сам вернулся назад, во двор.

Они обсуждали лам так долго, что наступила ночь. Когда дома поселка утонули в густых сумерках, а окна загорелись, ребята легли на землю и стали смотреть в небо. Два маленьких полумесяца, то сходясь, то расходясь, медленно танцевали друг вокруг друга. По большей части они были бледно-желтыми, но оконечность одного из них перечеркивалась черной сеткой крошечных линий.

– Ты когда-нибудь видел, как древние рисовали Луну? – спросил Тави.

– Просто круг. Будто ночное солнце.

– Даже не верится, что она была такой, да?

– На ней был город древних. Огромный космический порт. Он полностью погиб. Когда я был совсем маленький, мать говорила, что по небу летают два бумеранга, а на конце одного из них сидит паучок. Как город, полный людей, мог превратиться в черную зазубрину на осколке планеты?

– Я думаю, вблизи он все еще выглядит как город, – сказал Тави мечтательно. – С башнями из металла и стекла, с рудниками для добычи льда и гелия, с протянувшимися вдаль дорогами, с огромными кораблями древних, мертвыми и порушенными, стоящими в своих взлетных шахтах...

– Да, так может быть, – согласился Хинта. – Я даже думаю, часть машин там еще жива. Спят в темноте без людей, ждут чего-то. Я слышал, некоторые машины древних еще работают в космосе. Если настроиться на их частоту, то можно поймать какой-то сигнал. Но никто больше не умеет его понимать. Возможно, и этот город на осколках Луны все еще о чем-то говорит, передает какое-то сообщение, просьбу о помощи.

– А вдруг там кто-то еще живет? – загорелся вдруг Тави.

Хинта качнул головой.

– Там совсем нет атмосферы. Нечего есть и нечем дышать. Удар, расколовший Луну, должен был нарушить целостность всех построек. Весь их воздух ушел в космос. Прости, Тави. Там только пыль, мрак и дремлющая сталь. И так, наверное, останется уже навсегда.

Тави смотрел в сияющее звездами небо.

– Это очень грустно.

– Может, и нет. Это след, который по меркам одной человеческой жизни просуществует почти вечно. След чьей-то мысли, чьей-то борьбы. Я бы хотел оставить после себя не меньше. Представляешь, мы сейчас и отсюда видим то, что было построено почти тысячу лет назад. Какое же оно должно быть огромное там, на другой планете, раз мы видим его даже без бинокля? Какие же великие это были люди!

– Жаль, что про древних пишут мало историй, – посетовал Тави. – Почти все наши легенды посвящены войнам эпохи восстановления.

– Напиши про них сам, – предложил Хинта.

– Думаешь, у меня получится?

– Напиши историю про то, как погибла Луна.

– Лучше я напишу про то, как на ней основали город. Это более вдохновляющий момент. И герои для этого нужны ничуть не меньше, чем для сцены всеобщей гибели.

– Как скажешь. Главное, напиши.

Они лежали под звездами, пока в динамиках Тави не зазвучал голос матери. Она сказала, что прошло уже больше чем два часа, что ужин остыл и что сын ее разочаровывает.

Тот день, хотя формально он был лишь одним из множества свободных каникулярных дней, запомнился им обоим надолго. Хинта иногда вспоминал про встречу с незнакомцем и начинал беспокоиться, что Тави все еще о ней думает. Но со временем это отошло в сторону: на Шарту обрушились новые события, достаточно яркие, страшные и всеобщие, чтобы надолго отвлечь на себя почти все их внимание.

Глава 2

ВРЕМЯ БЫТЬ ГЕРОЕМ

Когда началась тревожная рассылка, Хинта и Атипа вместе работали на площадке перед гаражом. В кузове Иджи лежала куча старых микросхем. Отец и сын перебирали медно-кремниевый лом, пытаясь определить, что здесь еще годится для ремонта. Они совершенно ушли в работу, и оба вздрогнули, когда в динамиках их шлемов зазвучал чужой, официальный женский голос.

– ЖИТЕЛИ ШАРТУ, ЖИТЕЛИ ШАРТУ, ЖИТЕЛИ ШАРТУ, ПРОШУ МИНУТУ ВАШЕГО ВНИМАНИЯ.

– Что это? – только и успел спросить Хинта.

– ЭТО СООБЩЕНИЕ БУДЕТ ТРАНСЛИРОВАНО ПОВСЕМЕСТНО НА ОБЩИХ АВАРИЙНЫХ РАДИОЧАСТОТАХ ШАРТУ И В АТМОСФЕРНОМ ВЕЩАНИИ ПО ВСЕМУ ПОСЕЛКУ. СООБЩЕНИЕ БУДЕТ ПОВТОРЯТЬСЯ КАЖДЫЕ ПЯТЬДЕСЯТ МИНУТ. ЕСЛИ ВЫ НЕ ОТНОСИТЕСЬ К ЮРИСДИКЦИИ ШАРТУ, НО УСЛЫШАЛИ СООБЩЕНИЕ – МЫ ПРИНОСИМ ИЗВИНЕНИЯ ЗА ТО, ЧТО ЗАНЯЛИ ЧАСТОТУ.

По улицам тек прозрачный тендра-туман. В вышине за тонкими облаками желтело солнце. Матово блестели стены домов. Оставалось около двух недель до начала учебного года. Если бы не этот голос, была бы середина совершенно обычного выходного дня.

– Что-то случилось, – сказал Атипа.

– СЕОДНЯ В ДВАДЦАТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА В ГЛАВНОМ ЗАЛЕ ГУМ-ПРАЙМА СОСТОИТСЯ ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ. НА НЕМ БУДУТ ОБЪЯВЛЕНЫ ВАЖНЫЕ НОВОСТИ И БУДУТ ОБСУЖДАТЬСЯ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ. РЕШЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ СОБРАНИЕМ, КОСНУТСЯ ВСЕХ, КТО ОТНОСИТСЯ К ЮРИСДИКЦИИ ШАРТУ.

Треск эфира. Атипа каким-то безнадежным жестом бросил в кузов Иджи недомытую плату. Она грузно звякнула радиатором.

– ПОЭТОМУ МЫ ПРОСИМ ЯВИТЬСЯ ВСЕХ, ВКЛЮЧАЯ ОТДЕЛЬНО ЖИВУЩИХ ХУТОРЯН С ВОСТОКА И С ЮГА. ЕСЛИ ВЫ НЕ МОЖЕТЕ ЯВИТЬСЯ ЛИЧНО, ПОСТАРАЙТЕСЬ ОБЕСПЕЧИТЬ ВИДЕО-ПРИСУТСТВИЕ. КОДЫ КАНАЛА ОДИН, ОДИН, ДВА, ОДИН, ОДИН, ТРИ. ПОВТОРЯЮ. ОДИН. ОДИН. ДВА. ОДИН. ОДИН. ТРИ.

– Думаешь, правда придут все? – спросил Хинта. Атипа молча кивнул, протянул руку и тяжело похлопал сына по плечу.

– КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ. СООБЩЕНИЕ БУДЕТ ПОВТОРЕНО ЧЕРЕЗ ПЯТЬДЕСЯТ МИНУТ.

В прошлый раз, когда зазвучало оповещение, Хинта был в школе. Тогда голос был мужским. Он сказал, что в основной воздухоочистной системе Шарту поселилась колония болезнетворных грибков. Началась паника, все одели скафандры и высыпали на улицу. Но тревогу подняли слишком поздно – четверть жителей уже была заражена пневмонией. Следующие два месяца весь поселок кашлял, помещения пришлось продувать азотом, а двенадцать человек не пережили болезнь. Хинта хорошо запомнил то время потому, что его мать, с ее обожженными легкими, болела тяжелее других. Они с отцом много дней боялись, что она станет тринадцатой.

– Ладно, – медленно произнес Атипа, – работа есть работа. Давай все равно переберем платы.

Но ни один из них не сдвинулся с места.

– Что могло случиться? – спросил Хинта.

– Ну, к примеру, предсказали приближение худшего землетрясения века. Или у нас отказывает реактор электростанции. Да тысячу вещей это может означать. Ясно только, что жизнь в любом случае станет хуже.

– Я хотел пойти к Тави пообедать. Можно?

– Поешь дома, Хинхан. Давай побудем все вместе, пока не прояснится, что там случилось. Позвоню Лике.

По позе отца Хинта видел, как тот говорит с матерью. Его родители обрушивали друг на друга потоки пессимизма и безнадежности, считали

свои горькие шансы на выживание, жаловались и прогнозировали дурную судьбу. Не в силах находиться рядом с Фойтой-старшим, Хинта ушел вглубь гаража. Здесь было лучше: отовсюду смотрели морды-интерфейсы родных машин, вздымались до потолка стеллажи, полные полезного старья. В ванне для отмывки плат бурлила серая жидкость, светился зеленым светом и истекал медленными струйками дыма стержень лазерного паяльника. На верстаке лежала интересная платка – отец хотел ее выбросить, но Хинта думал, что это еще способный к работе стимометр или гетвопстер. Мальчик сел за верстак, провел пальцами по узорам неопознанных микросхем, пригладил выпуклые ряды тиристоры, успокоился и осознал, что тоже должен позвонить – сказать Тави, что не придет. Однако он на секунду опоздал – входящий звонок от того сам прорезался в его шлеме.

– Ты опередил меня на мгновение, – сказал Хинта. – Тоже слышал?

– Да. Мама уже в полной панике. Пытается дозвониться до Джи-фоя. Уверена, он знает, в чем дело.

– А будет здорово, если она выяснит. Слушай, отец меня не отпустит.

– А почему? Не землетрясение же.

– Ты знаешь моих родителей. Они всего боятся. Отец решил, так будет безопаснее.

– Жалко. Я думал, мама успокоится, если придешь ты. Она при посторонних лучше держит себя в руках.

– Прости.

– Да ладно, ты же не виноват.

Хинта промолчал, глядя на угрюмую фигуру отца, застывшую у входа в гараж. Тави был вроде как прав. И все же Хинта ощущал призрак вины. Он мог начать перечить отцу, но не сделал этого – как будто на самом деле был согласен с этим решением, как будто тонул в страхах и унынии своей семьи.

– Хотя, может, поговоришь с ним? – словно уловив его мысли, попросил Тави. – Случись что по-настоящему страшное, никто бы уже не успел собраться вечером. Помнишь общее собрание, которое было пять лет назад – я тогда только приехал в Шарту и удивлялся всему? Тогда в самый сезон забастовали сборщики фрата. Ничего серьезного не случилось, просто весь поселок переругался, а потом так же успокоился.

– Да, наверное, какая-то ерунда. Но я уже не стал с ним спорить. Давай сделаем по-другому: я пообедаю с семьей, они слегка успокоятся, а потом я еще раз попрошу, чтоб меня отпустили.

– Да, давай. Сытые люди на все смотрят легче. И скажи родителям, что моя мама может узнать, в чем дело. Это их соблазнит.

– Ты гений, – обрадовался Хинта. – Так и сделаю. В поселке, кстати, все пока спокойно.

– Ты на улице?

– В гараже.

– Передавай привет Иджи.

Хинта фыркнул.

– Обязательно. Но вряд ли он ответит тебе тем же. Ладно, мне пора. Еще раз прости, что не приду к обеду.

– Думаю, мы все равно увидимся. Если не после обеда, то вечером, на общем собрании. Я оставлю тебе кусок маминого пирога.

Еще через час, после повторного оповещения, когда Атипа уже закрывал гараж, к ним подошел Риройф Кахта. Этот высокий нескладный человек с сутулыми плечами и низко опущенной головой всю жизнь проработал сборщиком фрата, но так и не дослужился до командира бригады. Его жена много лет назад уехала учиться в Литтапламп – тогда это еще было возможно – а позже не пожелала возвращаться. Риройф соображал медленно – лишь через три года после ее решения он перестал посылать ей деньги. Теперь он был одиноким и угрюмым, как старый ржавый транспорт, брошенный в пустошах среди ужасов и песков. Между ним и Атипой существовало что-то вроде зыбкой рабочей дружбы: их гаражи стояли рядом, и иногда они помогали друг другу, а иногда вместе пили кувак.

Риройф знаком показал, чтобы Атипа создал для них канал связи.

– А мне можно? – быстро попросился Хинта. Отец соединил их втроем.

– Дела, ага, – без предисловий начал Риройф. – Может, знаешь чего, Атипа?

– Да мы только слышали сообщение.

– И я мало знаю. Но был слух – еще ранним утром... – Риройф постоял, неуклюже повел плечами.

– Так и что? – спросил Атипа, набирая защитный код на панели гаража. Риройфа надо было торопить, иначе он мог тянуть слова часами.

– А-а, – как бы возвращаясь из полузабытья, откликнулся тот. – Ребят ночью будили, из молодых. Отряд человек в тридцать собрали, ага. – Гараж был закрыт, и все трое двинулись через улицу. – И отряд этот

уехал куда-то на юг, далеко в поля. Вроде как дали им срочную работу, и Джифой обещал за нее заплатить. Но что за работа – никому не сказали.

– Человек тридцать? – переспросил Атипа.

– Ага. – В тоне Риройфа прозвучало явное удовольствие от того, что он знает чуть больше остальных.

– А каких специальностей? – спросил Хинта.

– Да всех. Главное, чтоб молодые были и сильные. Мне это бригадир наш рассказал. И секретность какая-то вокруг этого сбора была. Никому не хотели прямо сразу говорить, что за работа. Приходи – и на месте, мол, объяснят, а позже заплатят.

– Может, что-то с системой орошения полей? – предположил Атипа. – Если там большие трубы прорвало, то могли такую толпу послать перекидывать и сушить фрат. Машины этого сами не сделают.

– А не знает никто, что там у них случилось. Рано уехали, никто даже не видел, кто ими командует. Только ясно – оповещение и отряд этот друг с другом связаны. Ну, давайте, а я к себе.

Они разошлись. Уже на пороге дома Хинта тронул отца за локоть.

– Стали бы из-за прорванной трубы делать оповещение?

Атипа посмотрел на сына, покачал головой. И Хинта понял, что отец суеверно не хочет говорить о тех плохих вещах, которые в действительности пришли ему на ум.

Отдельной столовой у них не было – ели на большой кухне. Обязанность кормить Ашайту переходила по кругу: Лика влила в больного сына суп, Атипа помог ему съесть несколько ложек каши с овощами, а Хинта порадовал брата скромными сладостями.

Мать Хинты была не женственного сложения – у нее на всю жизнь осталась фигура подростка, лишь чуточку шире после рождения сыновей стали бедра. Стриглась она коротко, маленькое круглое лицо с годами ссохлось, но осталось милым. Радужка ее глаз имела безумный синий цвет – эту черту она передала детям. По мере того, как Хинта выросл, его рост выравнивался с ростом матери, и сейчас она была немногим выше его, примерно как Тави. Каждым делом – готовкой, уборкой, кормлением Ашайты, лечением – она занималась медленно и старательно. Дважды в день, рано утром и поздно вечером, она ходила на птицефабрику Сабада Джапа, чтобы проконтролировать работу кормо-раздающих минидронов. По ее приходам и уходам можно было отмерять часы

– она никогда не торопилась и никогда не опаздывала. Хозяин был от нее в восторге.

В ее движениях была особая неуверенность, свойственная болезненным людям, говорила она тихим, хрипловатым голосом – ей не хватало воздуха, чтобы от души смеяться или кричать, и приходилось постоянно носить с собой кислород в удобном баллоне-фляге на бедре. По всему дому были устроены специальные места, в которые она складывала свои лекарства: в ванной – утренние таблетки и ингалятор с нанитами; в спальне – целая тумба ночных релаксантов, антидепрессантов, карамелек, смягчающих дыхание, спреев для воздуха; на кухне – отдельный шкафчик, набитый витаминами и ампулами базового курса. Когда малознакомые люди спрашивали о состоянии ее здоровья, она обычно отвечала, что вкус смерти навсегда остался на ее губах, и это не было преувеличением: тендра-газ, принятый в околосмертельной дозе, навсегда изменял вкусовые рецепторы.

Отец Хинты был жилистым и сильным. Но сила не придала ему ни осанки, ни уверенности в себе. Он накачал мышцы, перекидывая сотни лопат фрата, корчюя треупсы, таская тяжелые детали. Его плечи без правильной физической подготовки стали сутулыми и покатыми – в этом они с Риройфом походили друг на друга. Поза отца всегда выглядела усталой, при каждой возможности он стремился сесть, опустить руки, прислониться к стене. Как и у многих чернорабочих, у него часто болела спина – тогда он закидывал в рот таблетки обезболивающего и на несколько дней становился еще более угрюмым и необщительным, чем обычно. На лице его выделялся крупный нос, глаза – темные, волосы – черная смоль с первой проседью; их цвет достался Хинте и отчасти Ашайте.

Почти все свое время Атипа посвящал трудоемкой деятельности. Кроме работы на Джифоя, у него было собственное маленькое хозяйство в четыре теплицы, так что зачастую он мотался между полями, своим участком и гаражом, а домой возвращался лишь для того, чтобы поесть и поспать. Но если вдруг все основные дела заканчивались, и он на час или два оказывался предоставлен самому себе, то и в своем доме он находил поводы для тяжких истерических забот – чинил все, что можно, экономил, выкручивался, строил что-то из хлама и украденных у работодателя полезных мелочей. Лишь раз в несколько месяцев ритм его жизни разрывался паузой отдыха, когда он позволял себе провести время с другими работягами, выпить, а потом убить следующий день на похмельное безделье. Иногда, в особо мрачные минуты, Хинта начинал думать, что единственная цель отца – не оставаться наедине с Ашайтой, и

ради этого и были придуманы все дела – бесконечные, иногда совершенно бесполезные, но очень утомительные и требующие огромного времени.

Разговор за обедом шел рваный, нервный, все то и дело поглядывали за окно, будто в захватившей улицу реке зеленоватого тумана можно было увидеть картину грядущих бед.

– Поля большие, – выслушав пересказ слов Риройфа, сказала Лика, – наверное, кто-то потерялся... А тридцать человек – это обычный поисковый отряд. Такой же собирали, когда младшая дочь Джифоя закатила истерику и убежала из дома.

– Будь это одна девчонка, не стал бы никто делать оповещение по аварийной связи.

– И что ты думаешь?

Хинта в этот момент пошел мыть кружку брата, и родителям, наверное, казалось, что он их не слышит.

– Думаю о смертях, – понизив голос, ответил Атипа. – Да, может, кто-то и пропал. Но тогда не один человек, а десять сразу. Потому они и решили не говорить, что случилось. Думают – тревога и неуверенность сейчас лучше, чем горе и паника.

– Именами сестер-жриц Лимпы заклинаю, чтобы ты был не прав, – взмолилась Лика. – Не надо нам такого.

Хинта выключил воду и пошел обратно за стол.

– А вечером, – уже громче договорил Атипа, – когда народ соберется и будет готов слушать, они вывалят на нас правду. Чтобы никто ни о чем не думал заранее, не перекипал внутри. Но даже если никто не пострадал, есть очень плохие варианты. К примеру, пожар на фратовых полях. Если выгорит сотня квадратов, убытки будут у всего поселка, и следующий год станет голодным.

– Было бы много дыма, – сказал Хинта.

– Так за туманом ничего не видно. Может, половина тумана – это дым и есть. Разве отличишь?

– Ну, на самом деле отличишь, – сказала Лика. – Дым от фрата черный и густой.

– Ветер северный. Дым бы шел в сторону от нас. И туман скрыл бы все, что можно увидеть.

Хинта одной рукой скармливал Ашайте длинную радужную ленту лиавы, а другой вытирал с подбородка брата слюну.

– Можно, я все-таки схожу к Тави?

– Хин, – совсем сократил имя сына Атипа, – мы же договорились.

– Тут идти всего три минуты! На улицах спокойно. Эрника за мной присмотрит. Если бы нам что-то угрожало прямо здесь и сейчас, совет поселка не стал бы до вечера откладывать общий сбор! Уже была бы всеобщая паника, как два года назад.

– А если они ошиблись? Они же не всеведущие. Могли и недооценить угрозу.

– Тави сказал, что его мать сразу после оповещения созванивалась с Джифоем и с правлением. Она не простая, как мы. Ей наверняка выложат правду. Если она согласится, чтобы я к ним пришел, то, значит, прямой опасности нет. А я у нее выведу, в чем дело.

– Вот так тебе приспичило? Это же глупо. Вы каждый день вместе.

– А знаешь что, – глядя на мужа, сказала Лика, – пусть идет. Но ты его проводи до их порога.

– Не хочу я туда ходить, – рассердился Атипа.

– Да ты вернешься раньше, чем домоется посуда. Тебе что, жалко?

– Я кое-чем хотел еще заняться, вытяжка в шлюзе не...

Они спорили ровно столько, сколько было идти до дома Тави. Когда Лика начала между репликами ловить ртом воздух, Атипа, грохнув стулом, поднялся и заявил, что сейчас сам позвонит Эрнике. Он говорил с матерью Тави не больше минуты, а потом, источая пессимистическое торжество, сообщил, что та советует всем сидеть по домам. И Хинта с Ашайтой пошли к себе.

У братьев Фойта была общая спальня. Нижний ярус встроенной двухъярусной кровати, соединенной со шкафом, переполненным всяческим детским хламом, принадлежал Ашайте – там жили его любимые мягкие робо-игрушки, зверята-терриконы. Эти желтоглазые искусственные существа, покрытые лохматой фиолетовой шерстью, умели петь и говорить. Еще они, как Иджи, реагировали на руки младшего, и иногда он с их помощью исполнял свою странную музыку. У другой стены был рабочий стол и обучающие терминалы: один маленький, стандартный, для Хинты, и необычный, специально заказанный из города, для Ашайты. Над терминалами развернулся во всю стену детский шедевр Хинты – барельеф с изображением погибших в бою машин Притака. Края композиции были оформлены полупрозрачными глыбами поддельного льда, а из ее центра выступали вперед тщательно вырезанные из пластика пушки, шестерни и молотилки. Выкрашенные в цвета стали и сажки, они выглядели совсем как настоящие. Борта машин Хинта сделал красными, на них огнем горели знаки отличия и темнели прожженные с помощью фратовой мини-горелки пробоины.

Хинта снял терминал со стола, забрался в свое уютное гнездышко на верхний ярус кровати, и уже оттуда вызвал Тави. Тот ответил сразу, его лицо заполнило весь экран. Выглядел Тави взъерошенным, расстроенным и потерянным, глаза слегка покраснели. В комнате у него приглушенно играли стремительные танцевальные драйвы Джидана.

– Ты как? – спросил Хинта.

– На юго-восточной границе шестнадцать человек пропали за последние три дня. В том числе родители Дваны. – Это был одноклассник Тави – не близкий друг, но пару раз они все вместе ходили в ламрайм. – Я уже звонил ему. Он сидит с теткой и очень за них боится. А я... я не знал, как с ним говорить.

На короткое мгновение Хинта словно бы утратил ключи от всего; слова скрылись, исчезли, их было не найти.

– А как, – наконец, выдавил он, – как они пропали?

– Они были в отряде из четырех человек, занимались разметкой нового поля – ну, знаешь, Джифой понемногу расширяет свои владения за счет пустошей. Они работали в полевых условиях, ночевали у семьи фермеров-крайняков. А потом в очередной раз ушли ставить метки – и просто исчезли. Три дня назад.

– И никто не поднял тревогу?

– Фермеры решили, что отряд закончил работу и перешел на новый участок. Никаких вещей они не оставляли, так что никто их не ждал. Беспокоиться начал Джифой, когда сутки спустя не смог выйти с ними на связь.

– А семьи?

– Не знаю. Но, видно, никто им не звонил.

– Наверное, они были за пределами нашей вышки, и все привыкли, что с ними нет обычной связи.

– Да, может быть. – Тави отстранился от камеры, и стало лучше видно его комнату: узорчатые панно и гирлянды крошечных разноцветных лампочек, свет от которых радужными треугольниками ложится на барельеф с двуликим Джилайси – правая половина его лица молодая и яростная, левая – мудрая и печальная, исеченная морщинами и шрамами. – Джифой послал восемь человек на поиски. Те нашли только четырех охранных дронов и остатки полевого лагеря.

– Четыре дрона? Это же маленькая стальная крепость на гусеницах. Если к каждому из них был приставлен дрон... только безумец стал бы на них нападать. И что с дронами?

– Не знаю, мама про них не спросила. Отряд вышел на связь, рассказал про дронов, а после этого пропал сам.

– Весь?

– Да. Восемь человек. Семья фермеров, та самая, которая там была рядом, сообщила, что слышала в пустошах долгую перестрелку. Потом пропали и фермеры. Еще четыре человека. Их дом цел, ничего не тронуто.

– Я знаю, что сегодня утром туда ушел отряд в тридцать человек...

– Это только часть. Сейчас сам Джиной разбирается, что там случилось. И с ним целая армия, включая вооруженных фермеров-крайняков и группу наемников из Литтаплампа. Это могут быть омары, а может, и что-то еще. Мы ведь почти ничего не знаем о глубинах пустошей. Ни кто там, ни что там.

– Но я не понимаю, почему дроны остались, а люди исчезли. Должно быть, дроны подбиты. А может, это и не омары. Люди иногда тоже становятся убийцами. Вдруг кто-то из первого отряда сошел с ума и убивает всех вокруг?

– Тогда он бы ограбил фермеров – ему бы пришлось взять столько запасов, сколько можно унести. Но что бы это ни было, главного не изменить: те, кто пропал первыми, уже в любом случае должны быть мертвы – их кислород закончился примерно сегодня утром. Знаешь, когда будет можно, давай попробуем что-нибудь сделать. Хотя бы сходим к Дване.

– Я тоже подумал.

Дальше разговор не клеился. В итоге мальчишки устали от спора догадок. Играть ни во что ни хотелось, говорить о чем-то другом было невозможно, и Хинта объявил, что пойдет сообщить новости семье. Они попрощались до вечера. Остаток времени прошел в подавленном настроении: Лика смотрела в окно, Атипа ругался, пытаясь почистить вентиляционную решетку шлюза, Хинта слонялся по комнатам дома и думал об осиротевшем Дване. Даже отрешенный от мира Ашайта притих и загрустил.

А потом наступил вечер.

Гумпрайм – дом общественных собраний – был вторым по величине зданием в Шарту после фратовых складов. В нем располагалось сразу несколько важных учреждений – офис правления, центр поддержки связи, представительства трех фермерских сообществ. Но настоящим сердцем гумпрайма являлся просторный прямоугольный зал, где избранные в гумп могли выступить перед остальными жителями поселка.

Чаще всего гупп в неполном составе собирался из-за мелких преступлений и имущественных судов. На таких заседаниях зал оставался почти пустым – наблюдать за делом небольшой важности приходили лишь те, кого оно касалось напрямую. Куда больше народа приходило, если совершалось серьезное преступление или если множество работников затевали тяжбу с землевладельцем. До конца зал заполнялся лишь в тех редких случаях, когда гупп объявлял, что собирается принимать решение, касающееся всей жизни поселка.

На этот раз зал был забит до такой степени, что толпа выкатывалась из его дверей в смежные административные коридоры. Страхи и слухи заставили даже самых отпетых домоседов выползти из своих нор. Шорохи, дыхание, голоса сливались в пестрый шум улья. Большинство пришло семьями, хуторяне-крайняки – целыми кланами. Были слышны и стариковский кашель, и младенческий плач. Не было только смеха – почти все нервничали, а кого-то беда уже коснулась напрямую.

Хинта сидел между отцом и Риройфом, ощущая плечи взрослых мужчин. Лика усадила Ашайту себе на колени. Вытягивая шею, Хинта смог найти среди множества лиц Тави – тот с матерью был в административной ложе. Места ему не хватило, и он тоненькой фигуркой пристроился на стальном основании опорной ramпы. С его позиции был отлично виден весь зал, а вот на ораторов Тави мог смотреть лишь со спины.

Когда собрание уже должно было начаться, Хинта ненадолго закрыл глаза. Его восприятие как будто отделилось от тела, и он ощутил вокруг себя всех людей Шарту. Он слышал их молчание и шепот, внимал их запаху и теплу. Здесь были абсолютно все, кого он мог знать, встречаться, любить или не любить; в этом зале сконцентрировался весь доступный ему человеческий мир – большая, напряженная, родная толпа.

Из медитации Хинту вывел скрипучий фальцет председателя правления.

– Думаю, пора начинать.

Председатель правления в Шарту переизбирался каждые восемнадцать месяцев. Сейчас это был Юрана Варта – щуплый человек с редкими рыжими баками на осунувшемся лице. Говорили, что в юности он был почти гением: без подготовки сдал какие-то очень сложные экзамены и получил редкий грант на образование в Литтаплампе. Отучившись, он вернулся и стал главным инженером на электростанции Шарту. Однако со временем эта работа начала его убивать. За полгода до выборов у него нашли рак, и его уход в политику многие восприняли как своего

рода почетную пенсию – способ побыть важной шишкой на закате жизни.

– Пте, друзья, сограждане, мы ждем, когда с юга вернется наш отряд. Его возглавляют Листа Джифой и Шедра Киртаса. У них должны быть самые свежие новости о том, что сейчас происходит на границе. Но суть я могу изложить уже в данный момент.

Хинта вспомнил, что имя «Шедра Киртаса» принадлежит шерифу поселка. Их семья вела достаточно пристойный образ жизни, поэтому про шерифа они лишь слышали, но никогда не сталкивались с ним по делу.

– Вот что произошло. Омары научились дистанционно выключать наших охранных дронов. Раньше...

Договорить Юрана не смог, его голос потонул в захлестывающей реакции зала.

– Вот-те на, – сказал Риройф и потянулся мимо Хинты, чтобы встретиться взглядом с Атипой. – Значит, мы теперь с неприкрытой задницей?

Председатель поднял руки, пытаясь успокоить толпу.

– Дайте ему договорить! – гаркнул кто-то из крайняков. Шум немного спал.

– Раньше дроны создавали мобильный заслон по периметру юго-восточной границы, присутствовали на полях, чтобы предотвратить хищение фрата и, в качестве охраны, сопровождали людей, когда тем нужно было зайти в пустоши. У нас есть четыре типа дронов. «Витаба» – самые новые, с большой огневой мощностью – частично принадлежат Джифою, частично администрации поселка. Соответственно, у них два центра управления и разные задания, но обе системы дополняли друг друга: по договоренности с Джифоем, он оборонял свои поля сам, а мы выставляли наших на те направления, где он не ставил своих. Вместе получался почти сплошной щит. Дроны патрулировали периметр то хаотически, то небольшими рассеянными цепями, и омары очень рисковали, если заходили хоть немного вглубь наших земель.

Юрана перевел дыхание, поправил микрофон. Продолжал плакать чей-то младенец.

– За последние дни было около четырех случаев, когда омары на время выводили «Витаба» из строя. Итого у нас перестало функционировать порядка тридцати роботов. Это примерно...

В зале снова поднялся шум.

– А почему центр управления сразу не принял меры?

– Дайте мне договорить.

Стало тихо.

– Это примерно шестая часть нашего парка «витаба». То есть, можно говорить о прорыве целой секции. Теперь отвечу на вопрос. Дроны не были повреждены. Они продолжали передавать сигнал, свидетельствующий, что они работают и выполняют программу. Омары ничего с ними не делали: не похитили ни одной машины, не пытались снять с них аккумуляторы или боезапас – ничего. Более того, когда омары отходили, дроны снова начинали функционировать, как будто ничего и не произошло. Упреждая следующие вопросы, скажу, что случаев с дронами могло быть и намного больше. Мы не знаем, когда омары научились это делать. Они могли бы по ночам проходить на нашу территорию, в глубину нашей оборонительной линии, и мы бы ничего об этом не знали.

Люди снова загалдели.

– Почему тогда они напали с краю? Могли ведь и на центр Шарту.

Юрана вытер рот платком.

– Мы не знаем. Возможно, именно это они и планировали, но наткнулись на отряд людей, и это их выдало. Следующий важный пункт состоит в том, что у нас пока не было замечено случаев отключения дронов других типов. На внутренних полях Джифой использует новые мало-мощные дроны типа «Джамбата», оснащенные нелетальным оружием. Они малопригодны для серьезного боя, но исправно ловят жуликов и докладывают обо всех проникновениях. Этих дронов у него достаточно, и Джифой уже выразил согласие усилить с их помощью границы Шарту. Что еще лучше, хозяйства многих приграничных фермеров вооружены устаревшими, но вполне боеспособными моделями «Приграва» и «Иджимба». Нам не известно ни одного случая, когда они без боя выходили бы из строя или предавали своих хозяев. Три недели назад был случай, когда дрон типа «Приграва» открыл огонь и доложил о проникновении...

– Это был мой дрон! – громко, хрипло похвастался один из стоящих в проходе мужиков. – Отделал ублюдков! А зовут меня Габда!

– На трибуну его, – потребовал кто-то из крайняков.

– ...тогда этот инцидент вызвал удивление, так как было непонятно, как омары прошли до посевных земель Габды через заслон «Витаба». Теперь есть основания полагать, что они уже тогда умели отключать наши основные дроны и делали вылазки, но старались не попадаться на глаза людям и не создавать инцидентов.

Фермеру уступили дорогу, и он протиснулся к подножию трибуны. На нем был старый костюм, который, очевидно, использовался на

подобных собраниях многими поколениями его семьи. Шагал он с привычной хромотой – левая нога была короче правой.

– А как говорить-то? – добравшись до микрофонов, спросил он. Это вызвало недолгий подъем настроения – кое-где даже раздались отдельные смешки. Но улыбки гасли, едва успев появиться.

– Пта, расскажите, как все было, – подсказал Юрана.

– Ночью они пришли. Нас разбудила домашняя тревога – поднял ее дрон. Мы послали двух других ему на подмогу. Но пока они доехали, там уже все закончилось. Омары – они быстрые, когда им пятки подпалют. – И фермер замолчал, теряясь под взглядами толпы. Юрана начал его выручать.

– Видеозапись, к сожалению, оказалась почти бесполезной, так как дрон стрелял в темноте, сквозь поросли багряного брача. Но утром по следам крови и нанопены удалось установить, что он серьезно ранил как минимум двух омаров, и те отступили в пустоши. Возможно, он даже убил кого-то, но, в таком случае, омары успели забрать своего мертвеца. В общем, ничего, кроме пятен на земле, не осталось, и инциденту не придали значения. Признаю, это было нашей ошибкой. Следовало уже тогда устроить настоящее расследование.

Фермер поднял руку, приветствуя кого-то из знакомых, неуклюже помялся и отошел назад, на нижнюю ступень трибуны. В зале становилось душно, и Хинта уже несколько раз вытирал рукой взмокший лоб.

– Теперь о жертвах. Пострадало около двадцати человек. Девять пропали без вести. Мы считаем, что омары увели их к себе, далеко в пустоши. И, скорее всего, убили.

Не стало слышно даже дыхания.

– Тела еще пятерых нам удалось найти и вернуть. Остальные – члены поисковых отрядов – ранены в стычках с омарами и сейчас находятся в больнице Шарту. Их родные отдельно оповещены. Думаю, их нет сейчас в зале.

– Имена! Назови имена!

– Сейчас назову, но сначала от лица всей общины хочу поклясться, что мы окажем семьям пострадавших всю возможную моральную и материальную поддержку. Теперь список имен.

Юрана развернул голограмму, начал читать. Слушали в почтительной тишине, и имени на третьем все, кто сидел, поднялись с мест. Хинта тоже встал. Он ждал имен родителей Дваны, и вот они прозвучали – в списке тех, кого не нашли.

– ...Виджра Лакойф, Имара Лакойф...

Хинте показалось, что среди звуков толпы он расслышал плач Дваны – хотя, может, это был кто-то еще, чьи родные и любимые погибли в пустошах. В горле у него встал комок. Вроде бы он и знал, что так будет, но сейчас, когда имена прозвучали в зале гумпрайма, смерть этих людей вдруг стала окончательной реальностью.

Список был прочитан, а толпа все стояла, почти не шевелясь. Вытягиваясь на цыпочках, Хинта смог разок увидеть трибуны: Тави, видимо, тоже плакал и поэтому прятал лицо за рукой, а Юрана Варта, низко опустив голову, стоял перед микрофонами и молчал. Это длилось с минуту. Потом по залу поползли шорохи; закашлял старик; мать Хинты позволила себе сесть и снова подняла Ашайту на колени. Большая часть людей, однако, продолжала стоять.

– Память, – выдохнул Риройф.

– Память, – осипшим голосом повторил Хинта.

– Память, – сказал Атипа. И так пошло по рядам. Казалось, это может продолжаться вечно, но ритуал был грубо прерван.

– Дорогу! Дорогу охотникам! – донеслось из коридоров, смежных с залом. Толпа оскорбленно зашевелилась, но Юрана успокоил ее.

– Думаю, это наш отряд.

Вновь прибывшие, человек двадцать, не сняли скафандров и бесцеремонно проталкивались сквозь толпу, распространяя неприятные запахи атмосферы, фрата и чего-то еще.

– Расступитесь, пожалуйста, расступитесь! – крикнула из ложи женщина-администратор.

– Мы боялись, что вы не успеете, – сказал Юрана, – но вы здесь и несете нам самые свежие новости. Трибуну Джифою и Киртасе.

Казалось, толпа уже достигла предела плотности, но клин мужчин каким-то образом раздвинул ее, потеснил – люди стали забиваться в проходы, садиться друг другу на колени, и очень скоро люди в скафандрах оказались у подножия трибуны. В центре отряда ровным шагом двигался робоослик – более мощный брат Иджи – в его кузове бесформенной кучей лежало что-то, накрытое белой парапластиковой тканью.

Хинта сумел разглядеть Листу Джифоя. Землевладелец был мощным немолодым человеком, его тяжелое лицо «украшала» зло всклокоченная борода, лоб, переходящий в залысину, вспотел от долгого пребывания в скафандре. Узнать его было легко: его переносицу надсекал глубокий, кривой шрам-рубец – след от удара лопатой, оставшийся еще с тех времен, когда Листа был управляющим на фратовых полях отца. Он вел тогда слишком жесткую политику, и один из рабочих в яростном покушении на убийство проломил ему шлем. У Джифоя было достаточ-

но денег, чтобы удалить дефект с лица, но он не стал этого делать – шрам был наглядной памяткой недругам и визитной карточкой в деловых контактах с опасными людьми. Сейчас на местном фратовом короле был черный полускафандр с золотистыми броненакладками на корпусе. Поднимаясь на трибуну, он вскинул вверх кулак.

– Охотники возвращаются с добычей! Когда кто-то посягает на наших людей и нашу землю, пусть знает, что его ждет смерть!

Толпа загудела. Люди вытягивали головы, пытались понять, что за груз лежит на ослике.

– Покажи им, – обращаясь к кому-то из своих, потребовал Джифой. Тот сдернул полотнище с кузова робо-ослика. Хинта был далеко, но все же он увидел достаточно, чтобы этот миг запомнился ему навсегда.

Весь кузов был в крови и нано-пене. А посреди этого омерзительного болота полулежал жуткий мертвец. Черные трубки прошивали его белесую, влажно блестящую, расползающуюся на лоскуты кожу. Голова была измененной формы, маленький рот чернел ощеренной зубастой дыркой, а глаза – мертвые, карие, человеческие – наоборот, казались очень большими. Разрушенный нос существа был заменен черной киббер-вставкой, искусственные ноздри трепетали – двигатель продолжал качать воздух в уже неживое тело, поднимая и опуская осклизлую грудь, выпуская через рану бордовые и белые пузыри. Живота будто не было, открытые кишки переплетались все с теми же трубками. Положить плоско этот труп было невозможно – из его спины торчал сросшийся с лопатками регенерирующий нано-ранец, откуда по большей части и текло. Еще Хинта запомнил руки твари – они напоминали клешни, ребро ладони и большой палец были сращены с подобием костных ножниц. Из предплечий выступали оплетенные жилами дула пулеметов-имплантов. Одежды на мертвце не было – лишь жалкое подобие набедренной повязки, насквозь промокшей от крови.

Толпа всколыхнулась. Все, кто до этого сидел, повскакивали с мест. Между головами стоящих впереди людей Хинта увидел на мгновение лицо Тави – неестественно бледное, в цвет кожи омара.

– Пусть знает, что мы придем к нему, на его землю, и сделаем там то же, что он сделал на нашей земле! Пусть знает, что мы будем так же жестоки, так же свирепы, так же вооружены, как он сам! – Джифой перегнулся через трибуну и смачно плюнул вниз. – Получи, убийца!

Женщина, случайно оказавшаяся в центре группы новоприбывших, первой повторила его жест. Она стояла близко и смогла плюнуть прямо в широко раскрытые глаза омара.

– Получи, тварь! – крикнула она. Этого ей показалось мало, и она, шагнув вперед, ударила мертвеца в пластиковый нос. Раздался омерзительный хрустко-склизкий звук. Одновременно в мертвеца полетели плевки остальных. Толпа начала спазмировать, люди хаотическим водоворотом потянулись к своей окровавленной жертве. Они плевали, били, швыряли мусор. Кто уже удовлетворил свою ненависть, отходил назад, подступали другие. Поднялся общий гам.

– Не ходи, задавят, – сказал Атипа сыну, хотя Хинта и сам не двигался с места.

Теперь в зале был хаос. Кто-то стоял, кто-то шел по проходам, наступая на чужие ноги. В дверях возникла давка: некоторые, особенно те, кто был с маленькими детьми, потянулись прочь, но на их место спешили другие. В какой-то момент хаос достиг апогея, а потом Хинта услышал крик и, к своему ужасу, увидел Двану. Он узнал его даже со спины. Тот, рыдая, лез в кузов робоослика. Мальчика никто не успел, или не захотел, остановить. Он прыгнул сверху на мертвого омара и чем-то острым начал бить ему в лицо. Из груди его вырывались рыдания, похожие одновременно на смех и на лай. Когда его, наконец, оттащили, у него на руках были ожоги от ядовитой кожи твари, а у омара больше не было ни носа, ни глаз – лишь провалы на изуродованном лице. После этого толпа немного остыла. Кто-то из мужчин подхватил бьющегося, рыдающего мальчика под руки и потащил его за пределы зала. Двана что-то говорил, но слов было не понять, все захлебывалось в рваном дыхании истерики. Джифой темным взглядом, странным и страшным, следил с трибун за этой сценой.

– Так и надо, – негромко сказал он. – Кровь за кровь. Кто погиб у этого малыша?

Юрана что-то ответил ему, а потом наклонился к микрофонам.

– Мне только что сообщили, что в Шарту прибыли люди из «Джикон Сомос» с предложением помощи. Я думаю, нашим победителям нужно отдохнуть и переодеться, а потом мы вместе выслушаем городских и обсудим, как дальше оборонять наши границы. На этом пока все. Собирайтесь обратно в зал по сигналу.

Объявив перерыв, он отключил микрофоны, чтобы то, о чем говорят на трибуне, не становилось общим достоянием. Толпа рассеялась. Те, кто устал сидеть, встали побродить, робоослика увели прочь, а рядом с трибуной собрались группы обсуждающих.

Хинта и Тави нашли друг друга в холле.

– Мама готовила из расчета, что ты к нам придешь, – сказал Тави, – так что вот. Это руши, очень вкусные.

Хинта кивнул и взял кулек.

– Ашайта, кажется, никогда их не пробовал. Думаю, он будет в восторге.

– Беда в том, что их нельзя съесть много. – На мгновение Тави стал самым собой, таким, каким был до сегодняшнего дня. Потом его улыбка увяла. Хинта хотел заговорить о дронах, но Тави развернул беседу в своем направлении.

– Что значит быть чудовищем? Мы, люди, вытащили мертвое тело и любовались на него, кричали, били, плевали! И то же самое, должно быть, происходило там, в пустошах, когда омары приволокли тела наших убитых в свой город.

– Думаю, мы платим друг другу одной и той же монетой. Наверное, это справедливо. А что бы ты делал, если бы они убили твою маму? Не чувствовал бы ты то же самое, что чувствует сейчас Двана? Ту же ненависть?

– Герои Притака и Лимпы глумились над телами убитых врагов. Даже джиданцы не хоронили погибших другой стороны, а сжигали их. И только Джилайси никогда не делал ничего подобного, плакал над всеми. Нет, Хинта, мне было бы очень больно, так больно, что я просто не могу себе этого представить, но я не стал бы пинать мертвого чужака и бросаться в него банками из-под шипучки.

Хинта отвел взгляд.

– Знаешь, – сказал Тави, – я думаю, с этим миром что-то абсолютно не так. Человечество существует безмерно долго. И за всю его историю было лишь одно столетие без войн – незадолго до катастрофы. За это столетие люди сделали больше, чем за все прежние времена – построили города на Луне и Марсе, полетели к дальним телам Солнечной Системы. Потом – снова война, и город на Марсе погиб. И все распалось. Уже никто не был готов защитить Землю от удара из космоса. И случилась катастрофа. А после нее – выжившие так ничего и не поняли. И начали новую войну. И так раз за разом.

– Думаешь, мы должны были плакать над омаром? Как Джилайси?

– Мы не можем. В этом и проблема. По крайней мере, большинство из нас – не может. А они не могут плакать над нами.

Поэтому мы не перестанем друг друга убивать. Я не знаю, что мы должны. Да и какая разница, что мы были бы должны, если мы просто не можем быть другими. Я не хочу никого судить и осуждать, я просто очень растерян.

Лицо Хинты болезненно дернулось.

– Ты очень хороший человек, ты знаешь об этом? Возможно, слишком хороший для Шарту.

Тави серьезно посмотрел на него.

– Не бывает слишком хороших людей. Но бывают те, кто вызывает в остальных чувство невыносимой вины. Их избегают или даже пытаются убить – как много раз пытались убить Джилайси, как много раз пытались убить всех тех, кто хоть в чем-то был более вменяемым, чем его обезумевший народ.

Договорить они не смогли: их прервал сигнал, означающий возобновление собрания. Толкучки в проходах больше не было – работники администрации подсуестились и расставили по залу две сотни дополнительных стульев. Для тех, кому не хватило мест, в холле гунпрайма установили голопроектор, отображающий уменьшенную копию трибуны.

Возвращаясь на свое место, к родным, Хинта ощутил, как его захлестывает странная паника. В глубине души он был готов к любому ужасу и любым невзгодам, которые могут обрушиться на Шарту. Да, он печалился, тревожился, боялся – но при этом был готов. Как и его родители, и все вокруг, он с раннего детства знал, что ему придется оплакивать мертвых, возделывать суровую землю и защищать ее с оружием в руках, держать удары судьбы и волочь тяжкую ношу жизни на своих сгорбленных плечах. Все это вошло в его кровь, срослось с основой его существа. Но что делать со словами друга, он не знал. Будь Хинта немного старше или хуже, он, возможно, отмахнулся бы от Тави, посмеялся над его нездешней наивностью. Но в свои тринадцать Хинта еще не закоснел, и Тави смог что-то сделать с ним, перевернул что-то у него внутри. Тошнотворная сцена с омаром теперь стояла у Хинты перед глазами и стала даже более реальной и четкой, чем когда он непосредственно ее наблюдал. Вместе с паникой пришел защитный страх за самого себя. «Я не смогу с этим жить, – с необычайной уверенностью подумал он, – если все вокруг будут думать одно, а я другое. Я не вынесу, если мне надо будет драться за себя и за наш поселок, а в сердце у меня будет жалость к омарам». Все еще пребывая в смятенных чувствах, он вернулся в свой ряд.

Когда он подошел, отец с соседом мрачно обсуждали итог вооруженной вылазки.

– Какая победа? – говорил Риройф. – Это не победа. Джифой с ума сошел. Один мертвый омар против дюжины наших. При этом, пока его загоняли, было ранено несколько бойцов. Если мы так будем воевать, у нас люди в этой земле кончатся раньше, чем омары.

– Ублюдков тяжело завалить, – сказал Атипа. – Я слышал, некоторые из них бегают даже с дыркой в голове. И боли они не ощущают. Хотя Джифой, да, перегнул...

С появлением Хинты разговор увял, мужчины уставились на трибуну, куда только что поднялись прибывшие из города переговорщики. Все они были в фирменной одежде «Джиликон Сомос», на плечах – нашивки с эмблемой компании: красное трепещущее пламя внутри серебряного кружка.

Слова отца пересеклись со словами Тави, и Хинта задался вопросом, что вообще известно про омаров. На самом деле Атипа и Риройф говорили о том, чего не могли знать. Не было никаких явных свидетельств, что омары не испытывают боли. Да, раненые, они продолжали убегать и сражаться. Но ведь и люди, когда их кровь переполнит адреналин, не всегда замечают, что в них попала пуля, и сражаются раненые, когда на кону их жизнь. С другой стороны, сложно было представить, какие муки переживет способное испытывать боль существо, если станет резать свое тело и загонять в него сотни трубок, проводков и грубых металлических вставок.

Никто толком не представлял, ни сколько омаров в пустошах, ни как они там живут. Может, их было ничтожно мало, и они двумя или тремя разрозненными скоплениями кочевали вдоль прижавшихся к Экватору аграрных поселков – а может быть, они заселили собой уже полмира. Достоверно известно было лишь то, что около ста лет назад они выдвинулись с дальнего юга, преодолели руины древнего Акиджайса и объявились на границах литской ойкумены. До их появления эта территория считалась полностью непроходимой. Акиджайс, бывший когда-то одним из трех больших подледных городов Джидана, после войны превратился в безжизненное место – на протяжении веков по его заболоченным и занесенным ядерной пылью улицам скитались лишь отряды обезумевших боевых роботов, настроенных убивать любую движущуюся цель.

Среди селян бытовал рассказ, что шестьдесят лет назад, когда поселок еще стоял у моря, к одному из пожилых фермеров-крайняков вернулся его похищенный омарами сын. Существо якобы поведало, какую жуткую жизнь вело в пустошах, как было рабом, как другие омары унижали, мучили и насильственно изменяли его. А затем, не справившись со своими чувствами и уродством, подросток-омар бросился со скал в море. Единственным, кто пересказывал слова страдальца, был его отец, полубезумный отшельник. Он сам не мог точно сказать, привиделось ему все это или случилось взаправду. Но его рассказ продолжал передаваться – просто потому, что больше никто и ничего не мог сообщить об омарах. С его слов следовало, что те живут кочевыми лагерями, то ли внутри брошенных древними ледо-тоннельных машин, то ли в тянущихся вдаль от Акиджайса джиданских катакомбах. Самым привольным местом для них была некая затерянная в пустошах «черная долина», где они возделывали поля съедобных хвощей, разводили рептилий, производили оружие и изменяли свои тела. Также он говорил о том, что лишь некоторые омары способны к продолжению рода, остальные же пополняют свою популяцию за счет украденных человеческих женщин и детей. Сам народ омаров описывался им как племена, банды или стаи, не способные составить никакого централизованного общества и живущие в вечной вражде друг с другом. Однако даже малочисленные омары были чрезвычайно опасны. Чтобы выживать, они смешивали свою плоть с нанитами, изменяли каждый свой орган и саму химию своего организма. Чтобы защищаться от других племен, они сращивали свое тело с оружием. Они передвигались куда быстрее людей, и обычному человеку было невозможно одолеть их в рукопашном бою. В чем-то они были киборгами, в чем-то животными, но сохраняли разум и даже были способны к речи. От пленников они переняли корни из литских языков, но еще до этого у них был собственный сленг – упрощенная и огрубевшая версия общего наречия Древнего Притака.

Отчасти слова фермера-крайняка подтвердились, когда несколько лет спустя большого нашествия омаров пять окраинных поселков, среди которых не было Шарту, решили нанести тем ответный удар. Тогда вооруженные люди, соединившись в цепь с дронами, два дня шли вглубь пустошей. Им удалось убить множество омаров, а остальных погнать прочь от человеческих земель. Те, отступая, бросали стоянки, в которых не оставалось ничего, кроме длинных белых корост застывшей нанопены, костей, кострищ, странных изогнутых ям и дырявых шатров. Люди не нашли ни «черной долины», ни входов в джиданские катакомбы. Однако на исходе второго дня наступления, когда прогретые солнцем пыль

и туман превратились в прозрачное марево, члены некоторых отрядов видели на горизонте захватывающий мираж – разбросанные среди красных скал десятки огромных, сверкающих сталью цилиндров, покосившихся или упавших. Кто-то принял их за кладбище древних машин, а кто-то за руины пригородов самого Акиджайса.

Но все это было слишком давно. За последующие десятилетия жизнь омаров наверняка должна была измениться. Однако никто их не изучал. Фермеры, расселившиеся за Экватором, были вынуждены ограничиваться оборонительной тактикой, так как не имели ни машин, пригодных для дальних путешествий по бездорожью, ни людей, подготовленных для долгих экспедиций в пустыню. А Литтапламп, у которого имелось все, включая автономные летающие дроны, ни с кем не спешил делиться ресурсами. Официальная позиция метрополии гласила, что любые люди и существа, живущие за Экватором – недостойные помощи бунтари-анархисты, а освоение южных территорий экономически невыгодно.

Пока Хинта перебирал в уме все эти вещи, работники администрации развернули за трибуной голограмму с картой самопровозглашенной юрисдикции Шарту, а к микрофону вышел один из мужчин, появившихся в зале вместе с Джифоем – лет пятидесяти, сероглазый, рано поседевший, с небрежной щетиной на бледных щеках. Его лоб покрывала сеть ранних морщин, а на груди блестела золотая звездочка – древний символ стражей порядка. Новый оратор не счел нужным представиться, но Хинта и так понял, что это Шедра Киртаса, шериф.

– Юрана попросил меня доложить о вылазке в пустоши, – без обиняков начал тот. – Вопреки Джифою, скажу, что у нас не было пока цели мстить омарам. Мы ставили перед собой лишь две задачи: оценить ситуацию и найти тела наших погибших. И то, и другое было отчасти выполнено, а отчасти нет.

Он провел пальцем по маленькой голограмме перед собой, и кривой красный овал высветился на большой карте у него за спиной.

– Это приблизительно та зона, где омары проявляли активность в последние дни.

Хинта потянулся вперед, чтобы лучше видеть карту. Территория, которую поселок считал своей, являла собой почти ровный квадрат; с севера его идеальной прямой отчеркивал Экватор, с востока и юго-востока раскинулся океан. Карта отмечала мемориал на месте старого поселка и мелкие прибрежные острова, где за годы после цунами приморские хуторяне сумели отстроиться и даже наладить кое-какой промысел. На северо-западе была обозначена параллельная Экватору, но опасная из-за

омаров дорога, по которой за день можно было доехать до Чидру – ближайшего соседнего поселка. А на юго-западе не было ничего, кроме волнистых полос рельефа. Красный овал охватывал всю южную границу поселка от юго-западного угла и до воды.

– Здесь, – поставил зеленую точку Киртаса, – пропали четверо землемеров: чета Лакойф, Кибда Фоха и Тави Чибдай. Здесь, – капнул он чуть севернее синим, – находится фермерское хозяйство семьи Супладжа. Эти фермеры первыми заподозрили, что дроны бездействуют против омаров, бросили свой дом и бежали на брачевый хутор у девятой широты. Однако по дороге им не повезло – они наткнулись на омара-одиночку, и чета Супладжа погибла, защищая своих детей. Дети, к счастью добрались до хутора. Тела четы Супладжа – одни из тех, что мы нашли первыми. Перестрелку они вели достойно, омара серьезно ранили. Он отступал по дуге, поливая землю кровью отсюда и до десятой широты.

На карте появилась еще одна линия – изогнутая, желтая. Шериф говорил громко и четко, но будто бы не обращаясь к залу и не отрывая взгляда от голограммы.

– Потом след омара оборвался, очевидно, потому, что его раны затянулись. Заживает у них все очень быстро. Здесь же, – он ткнул в зеленую точку, она стала жирнее и перекрасилась в фиолетовый, – принял бой поисковый отряд, отправленный за землемерами. Омары окружили их и оттеснили в глубину пустошей. Перестрелка была долгой и шумной – ее слышали вдоль всей границы. От боя осталось множество следов: гильзы, брошенные вещи, кровь омаров и людей.

Шериф провел еще одну черту – пунктир, уходящий в глубину пустошей.

– Теперь собственно о нашей вылазке. Нам мешал туман, но мы смогли пойти по следам боя и нашли еще двух мертвецов. Тела принадлежали Прани Клай и Атипе Когаста. Омары сорвали с них маски. По степени повреждения кожи от тендра-газа можно было судить, что смерть наступила более восьми часов назад.

Кто-то в зале выкрикнул проклятье, но шериф даже не шелохнулся. Хинта задался вопросом, что сам этот человек думает про омаров. Может, по своим взглядам он был ближе к Тави? Но как он тогда воевал? Прежнее смятение снова захлестнуло его.

– Это ясно означало, что, с учетом скорости движения омаров, мы уже катастрофически опоздали. Поэтому я настоял на прекращении преследования по кровавым следам и повел отряд сюда. – Новая точка, на этот раз кислотно-оранжевая, появилась на карте в глубине пустошей. –

Это вершина сопки Кему, где в эпоху первых стычек, еще до распространения в поселках охранных дронов, люди установили наблюдательный пост. Мы до сих пор поддерживаем там тайник с радиостанцией, способной держать связь с Шарту. С горы открывается обзор на восток до моря и на запад до ущелья Шакта. При этом другая сторона ущелья просматривается, но по его дну можно пройти, не попав на глаза наблюдателю.

Люди слушали и тянули головы, чтобы лучше видеть карту. В зале снова становилась душно. Сидящие на трибуне агенты «Джиликон Сомос» скучали и вытирали потные лбы салфетками.

– На сопку мы поднимались в тумане и там неожиданно наткнулись на лагерь омаров. Наше счастье, что они труслили и бежали вместо того, чтобы устроить нам засаду. Лагерь их был развернут недавно, и они спешно оставили его, когда заметили наше приближение. У нас есть трофей, который, на мой взгляд, важнее мертвого омара. Это оптическая установка омаров. Они, очевидно, использовали ее для наблюдения за приграничной зоной Шарту. Она вполне подходит и для людей, поэтому мы оставили ее там, где она стояла, а на месте лагеря омаров разбили свой. В ближайшие дни там постоянно будут находиться тридцать человек. Сегодня туман. Но в хорошую погоду мы выясним, насколько далеко и подробно они могли видеть нас и схему движения наших дронов.

Зал зашумел, когда до людей с небольшим опозданием дошел смысл слов шерифа. Тогда он впервые поднял взгляд на слушателей.

– Да, омары проявляют к нам больший интерес, чем мы к ним. И знают они про нас куда больше, чем мы про них. Нам придется считаться с их осведомленностью. Возможно, они готовили очень серьезное нападение на Шарту.

Поднялся ропот, но все замолчали, как только Киртаса продолжил.

– На сопке мы всем составом пробыли около часа. Я развернул там свое оборудование и сквозь туман обнаружил группировку омаров между нами и морем. После чего, как выражается Джифой, у нас была «удачная охота». Надо понимать, что это были не те омары, которых мы преследовали изначально, и не те, которые отступили из лагеря. Однако эти омары двигались в направлении Шарту и, возможно, имели враждебные намерения. Мы атаковали их, когда они этого не ожидали. Одного омара в самом начале боя расстреляли на месте, насмерть – именно его тело здесь представлено – остальных ранили. Трое прорвались на юг, четверо, уже сильно побитые, когда у них закончился боекомплект, предпочли броситься с обрыва в море. Из них два точно погибли, но у нас не было сил доставать их из-под скал.

– А, так, значит, троих завалили, – кровожадно одобрил Риройф. Хинта поежился.

– Мы поднимем их позже. Отныне мы будем обыскивать и даже препарировать тела всех убитых омаров, чтобы понять, нет ли при них или внутри них устройства, которым они выключают наших дронов. Если такое устройство удастся найти, то мы, возможно, сумеем вернуть на боевую службу всех дронов. А это полностью решило бы проблему.

Шериф свернул голограмму и еще раз окинул зал взглядом.

– На этом все. Вопросы?

Никто ни о чем не спросил. Казалось, тысяча взбудораженных дыханий собирается над залом в прозрачного демона, пахнущего потом, тревогой и войной.

– Мое следующее выступление будет таким же конкретным, и будет посвящено мерам противодействия, которые мы можем предпринять в нынешней ситуации. Кимура Брахайф, ты будешь мне нужен. Подойди в помещение за трибуной. – Киртаса сошел с ораторского подиума и скрылся где-то в административной ложе.

– Кто такой этот Кимура? – шепотом спросил Хинта.

– Кажется, программист, – ответил Атипа. – Когда ты еще был маленьким, он делал перепрошивку осликов. А потом приподнялся и ушел работать в правление поселка. Кажется, это он создавал сеть боевых дронов. Он в этом дока.

На подиум вернулся Юрана Варта.

– Фактически ситуация обрисована. Вы все теперь знаете то же, что знают штаб шерифа, гумпрайм и правление поселка. Осталось решить, что мы будем делать в ближайшие дни, чтобы в изменившейся ситуации, когда мы обнаружили, что у нас нет прежней оборонительной линии, защитить себя, свои семьи и имущество от возможного нападения. Поскольку это решение огромной важности, оно будет обсуждаться на общем открытом голосовании. Сейчас по залу раздадут портативные терминалы для голосования. Будет примерно один терминал на ряд. В то же время мы заслушаем позиции сторон. Думаю, основных будет две – одну изложат агенты «Джиликон Сомос», другую представит Киртаса. Если кто-то в зале имеет свои дельные решения, он может подойти к административной ложе и попросить слова. По мере изложения позиций они будут отображаться на экранах терминалов. Вы можете голосовать сразу, однако я настоятельно рекомендую выслушать все, что будет сказано с трибуны, и лишь потом фиксировать свое решение в терминал. Итак, пока шериф готовится, первыми слово получают «Джиликон Сомос».

Он обернулся, вежливым жестом приглашая агентов на подиум. В ответ поднялся невысокий поджарый мужчина с бледным лицом, бритой головой и бесцветными глазами. Корпоративный костюм сидел на нем так, будто он в нем родился. Хинта подумал, что этот человек мог бы выиграть на конкурсе безликих.

– Мое имя Димора Сайда, и в этот нелегкий час я приветствую народ Шарту.

Агент сделал расчетливую паузу, дожидаясь, когда к нему повернутся все лица и сфокусируется все внимание.

– Я смотрю на вас, и вижу сильных, мужественных, гордых, достойных огромного уважения людей. История вашего поселка полна примеров героизма и самопожертвования, перед которыми мы, городские жители, должны преклоняться. В отличие от вас, мы привыкли к уюту и безопасности. Наша жизнь непростительно легка в сравнении с вашей. И это положение дел не может считаться оправданным и справедливым.

Это была лесть – неприкрытая, горько-сладкая, почти всем понятная – и все же люди таяли, поддавались чарам. Честь была слабым местом селян, и профессиональный оратор с мастерством опытного игрока использовал это.

– Я знаю, что люди, живущие к югу от Экватора, долгие годы чувствуют себя брошенными, полагаются только на свои силы, выживают почти без всякой помощи извне. Однако это не ваш выбор. Решение о вашей изоляции было принято всего лишь двумя десятками персон, провозгласившими себя элитой элит Литтаплампа. Именно это меньшинство отвергло вас, именно они не оказывали вам помощи все эти годы – даже тогда, когда ваш поселок был сметен цунами. Но их, этих представителей элиты элит, совсем немного, и они – не весь народ Литы.

– Все-то он про нас знает, – пробурчал Атипа.

– Наша делегация принесла добрую весть. Настроение литчан меняется. С каждым годом – а сейчас уже и с каждым месяцем – появляется все больше людей, которым противна нынешняя политика, которые ощущают свой долг перед окраинами ойкумены, перед всеми теми, кто в своей борьбе не дает воинственным дикарям и чудовищам обрушиться прямоком на границы государства. Даже в самом Литтаплампе все больше граждан видят в вас не повстанцев, угрожающих границе, не отщепенцев и сепаратистов, а щит, хранящий границу.

Кто-то в административной ложе одобрительно зауhal – как на удачной премьере в ламрайме. По части зала прокатилась волна таких же звуков. Однако Сайда, ощутив, что поддержка будет жидкой, сразу продолжил.

– Нынешнее руководство «Джиликон Сомос» не ассоциирует себя с элитой Литтаплампа. Мы простые люди. Наша корпорация всегда поддерживала в себе социальные лифты, чтобы простой рабочий через череду обучающих курсов мог подняться до профессионала высшего звена и даже до начальника над другими начальниками. Среди управляющих есть те, кто родился бедняком. И они шли вверх, чтобы, в конце концов, получить ту власть, которая поможет народной справедливости восторжествовать над самоуправством элит.

Аплодисменты всколыхнулись и заглохли, но чувствовалось, что это уже не из-за сомнений, а из уважения к оратору.

– Я не снимаю с нас вины. Нет. Мы могли бы и раньше протянуть вам руку помощи, потому что вся ваша жизнь – это сплошные, затянувшиеся трудные времена. Но так вышло, что мы пришли именно сегодня. И я думаю, это хороший день, подходящий час – ведь именно в данный момент на вас обрушилась опасность, равной которой вы не встречали на протяжении целого ряда лет.

Сайда отступил от трибуны и сбавил запал.

– У «Джиликон Сомос» есть ресурсы, чтобы противостоять омарам. Это не дроны, а профессиональные солдаты-наемники, обученные сражаться внутри мощных боевых экзоскелетов. Они могут до шести дней дышать, есть и спать, не снимая скафандра. Они умеют многое – бегать быстрее омаров, прыгать выше домов, видеть и ночью, и сквозь туман; их броня непробиваема для обычного оружия; они не промахиваются, даже когда им приходится вести огонь по множеству очень быстрых и активных целей. Мы можем прислать сюда до двух сотен этих парней, и они, уж простите за каламбур, опустошат пустоши. А затем часть из них останется в Шарту на постоянное базирование и будет патрулировать границы полей.

Из административной ложи снова раздалось одобрительное уханье, но на этот раз его поддержали слабее.

– Вы, наверное, думаете, как такое возможно. Кто из профессиональных солдат согласится потерять литское гражданство ради жизни в маленьком поселке на краю ойкумены? Я объясню. На данный момент у «Джиликон Сомос» есть уникальная правительственная лицензия, которая позволяет корпорации создавать свои базы за пределами государственных границ и вывозить туда своих сотрудников без потери теми гражданства. То есть, для решения вопроса будет достаточно формального объявления Шарту аграрной базой нашей корпорации.

Он замолчал, ожидая реакции зала. Но ее не последовало. Повисла странная, встревоженная тишина, которую разорвал лишь кашель одного старика.

– Теперь скажу, – абсолютно невозмутимо продолжил Сайда, – о том, что для этого понадобится, и какие дополнительные выгоды получит поселок. Для организации базы будут нужны всего несколько новых зданий, включая сомос-офис, новые фратовые склады, отстроенные с соблюдением всех корпоративных нормативов, здание для проживания гражданских сотрудников, казармы для гарнизона – ну, и территория под несколько фратовых полей, которые будут находиться в нашем непосредственном владении. Кстати, на эти поля будет завезен генномодифицированный фрат, который растет быстрее и продается дороже вашего нынешнего.

Он сделал паузу, хотя, казалось, его дыхание совершенно не сбивается во время долгих монологов.

– Мы слышали о неполадках на электростанции Шарту, так что она и некоторые системы жизнеобеспечения, вероятно, будут значительно улучшены. Это уже начало бонусов и выгод. Также можно с уверенностью сказать, что жизнь поселка в целом станет богаче. Мы готовы нанимать людей на наши поля. То есть, появятся дополнительные – и притом высокооплачиваемые – рабочие места. Молодежь получит возможность высшего образования. А в долгосрочной перспективе, возможно, даже удастся натурализовать жителей до статуса легальных неграждан. То есть, у вас появится возможность ездить в торговые, развлекательные, научные и медицинские центры Литтаплампа.

Хинта оглянулся на отца, чтобы понять, как стоит реагировать на все эти посулы. Но выражение лица Атипы в эту минуту было слишком сложным: и смешанная с надеждой алчность, и недоумение, и недоверие, и даже явный страх.

– Со мной в команде, – закончил Сайда, – еще четыре специалиста: военный, экономист, агроном, социолог. Вы можете задать нам любые вопросы. Мы постараемся на них ответить.

Зал зашевелился, выходя из оцепенения. Первым на речь агента отреагировал Джифой. Мощной фигурой он поднялся из административной ложи и мимо Тави прошел на трибуну.

– Не обязательно было вставать, – сказал Сайда.

– Нет, обязательно. Потому что у меня вопросов на маленькую речь, и я хочу, чтобы их четко слышали все.

Сайде пришлось отступить от микрофона.

– Да, я знаю, – отмахнувшись в направлении логи, сказал Листа, – я не регистрировал свое выступление. Но мне можно.

В зале послышались смешки, которые, впрочем, тут же растаяли, стоило раздастся громкому голосу Джифоя.

– Рука помощи. Да, вы, парни – само добро. Только вот мне показалось, что вы хотите нас съесть. Здесь будет ваша армия. Здесь будут ваши здания. Здесь будут ваши роботы. Здесь будет ваше начальство. Здесь будут ваши поля. Что же останется от прежнего Шарту?

Джифой стоял перед микрофонами, словно человек-скала, его надсеченное шрамом лицо багровело в свете ламп. Они с прежним оратором, оба – наделенные властью лицемеры, казались, при всей схожести своих положений, до бесконечности разными.

– Зачем будут нужны наши специалисты, инженеры, агрономы, хозяйственники, если «Джиликон Сомос» привезут своих? А они привезут, уж поверьте. У нас кто что умеет, тот тем и занят. А в их мире больших решений совсем другие стандарты. Там нужно высшее литтаплампское образование иметь. А зачем Шарту будет нужна администрация, если «Джиликон Сомос» привезет свой офис? Те, кто не знает, пусть знают – их выездные штабы это весьма самодостаточная вещь. Одного их офиса хватит, чтобы управлять тремя такими поселками, как Шарту. И я уверен, что, прибыв сюда, они быстренько расширят территории полей в три раза, а вовсе не ограничатся тем скромным запросом, который сформулировал сейчас этот человек.

Зал понимающе возроптал. Ухмылка Джифоя стала больше, острее, хищнее.

– А зачем Шарту буду нужен я? Не буду скрывать, их предложение мне не по нраву, потому что я имею здесь личный интерес. Мне принадлежит шестьдесят семь процентов плодородных земель вокруг Шарту, и девяносто четыре процента добычи фрата приходится на мои поля. А фрат – это основа нашей экономики, это единственное, что мы можем продавать миру. Так что от меня косвенно зависит вся торговля в Шарту. Это большая власть, большие деньги. Что останется от моей власти и моего богатства, когда «Джиликон Сомос» развернет здесь свое огромное хозяйство? А не больше, чем от администрации и наших специалистов. Стану я не нужен. И мой фрат они смогут не покупать, так как будут здесь производить свой фрат.

Его голос расходился по всему залу.

– Да, я землевладелец. Да, я богач. Да, многие считают, что я их обидел или разорил. Но я ваш богач. – Он поднял руку и дважды, размеренно, ударил себя в грудь. – Я такой же изгой для Лита, как и вы все. Я

живу за Стеной. И я не живу здесь с оговорочками, как начнут жить их люди и их армия – я живу здесь без всякого шанса на то, что мои дети поедут учиться в город. Все, что у меня есть – здесь. И я не глуп! Я знаю, что на власти и деньгах одного человека не держатся земли. Только с вами вместе, только с согласия большинства я могу достичь чего-то. Мы повязаны очень крепкой веревочкой. И если мы будем терять, то вместе! Если попадем в беду, то попадем в нее все! Когда волна смыла прежний Шарту, мои отец и дед уже были богаче всех остальных, но они оказались в той же воде, что и все, и спасали других, как и все, у кого были силы спасать.

Он тяжело перевел дух.

– Знаю, каждый второй в этом зале думает, что я, Листа Джифой, слишком шикарно живу. Но не забывайте, что я тоже работаю, работаю, как и вы все. Кто-то должен быть на том месте, которое занял я – планировать поля, распределять ресурсы, покупать у города большие машины, организовывать людей, чтобы их деятельность принесла больше пользы. Все это делаю я. Каждый день я бываю то здесь, то там, каждый день я что-то решаю, что-то выдумываю для всех нас. А думать и управлять – это тоже работа. И если сюда придет «Джиликон Сомос», то всем, чем я занимаюсь с душой, станут заниматься их городские серые человечки.

– А может, они отлично тебя заменят? – грубо выкрикнул кто-то из первых рядов. – Нам-то, полевым батракам, какая разница, на кого гнуть спину?

Зал от этого вопроса загудел, как улей. Димора Сайда прищурился, наблюдая за оппонентом.

– Без сомнения, – выпалил Джифой, – они отлично меня заменят! О том и речь. Вопрос в том, не заменят ли они всех нас, как и меня! Слушайте, слушайте их посулы, люди. Я говорил пока про нашу элиту – про умные головы, администрацию и себя-богатея. Но посмотрим на другой край. Будет ли «Джиликон Сомос» считаться с фермерами-крайняками, когда через пару лет захочет уплотнить свои поля? Клянусь вам, что нет – вас всех сгонят с земли. А если вы не пожелаете уходить, то для решения вопроса здесь будут наготове их суперсолдаты.

Теперь в зале стоял постоянный гул, но голос Джифоя все равно перекрывал все остальные.

– И вот картина Шарту через несколько лет. Я, фермеры-крайняки, администрация, умники – все станут нищими и пополнят ряды тех, кто батрачит на полях. А корпорации это и надо. Им нужна рабочая сила, чтобы возделывать бесконечные плантации фрата. Мы все станем одинаковыми. Казалось бы, то, что я описал, убивает всех, кроме собственно

работяг-батраков. Те-то сейчас, наверное, потирают руки и мечтают о том, как старый Листа будет вровень с ними гнуть спину!

Он захлебнулся гневом; изо рта летели брызги слюны, бородака тряслась.

– Но не ободряйтесь, работники. Когда мы все станем одинаковыми, они смогут понизить нам зарплату или даже вовсе не платить. Мы будем рабами на их полях. И мы ничего не сможем с ними сделать, потому что здесь будут их суперсолдаты. Думаете, кто-то оставит вам, люди, право голоса? Думаете, здесь по-прежнему будет собираться глум? Нет. В этом зале будут проводить свои конференции их агрономы. А мы все будем гнить в скафандрах, подрезая треуны по шестнадцать часов в день. И даже если в городе есть оппозиция, никто из них просто не узнает о нашей судьбе, чтобы возмутиться действиями «Джилликон Сомос». Если в этом зале найдется больше половины идиотов, которые проголосуют за их план, то помяните мои слова – через несколько лет вы будете не смеяться над тем, как неловко я, старик, держу лопату, а уважать меня за то, что я сейчас сказал. Вы будете подходить ко мне и говорить, что я был прав в каждом своем слове. И вы будете плакать.

Он отвалился от микрофонов, еще более багровый, чем был вначале. На освободившееся место, сохраняя непроницаемое спокойствие, шагнул Сайда. Он не пытался перекричать гвалт, а заговорил тихо и ровно – и это сработало: люди притихли, чтобы услышать его ответ.

– Воистину, то была речь, исполненная неоправданной и необъяснимой враждебности. Пта Джифой в любом случае ошибается, если считает себя единственным продающим фрат богачом. Есть и другие поселки. У некоторых из них полей больше, чем у Шарту. А «Джилликон Сомос» производит собственный фрат и при этом продолжает скупать фрат селян. Пта Джифой существует не в локальной экономике одного поселка, а в глобальной экономике всего региона. Корпорация, будучи единственным скупщиком фрата, в любом случае сама назначает за него цену. То есть, если бы мы были извергами и хотели уморить людей голодом, мы бы это сделали, начав покупать фрат за бесценок. Для этого не нужно оккупировать Шарту с помощью суперсолдат.

– Теперь он нам угрожает! – рявкнул из-за плеча Сайды Джифой. Его голос прекрасно долетел до микрофонов. По залу прошел ропот – мнения людей расходились.

– Конечно, нет, – возмутился Сайда. – Я всего лишь пытаюсь показать, какими нелепыми являются эти обвинения. Пта Джифой боится, что мы прогоним его с его полей. Но это глупо – зачем разрушать отстроенное хозяйство? Будем ли мы расширять свои поля? Да. Понадо-

бится ли нам кого-то лишать земли? Нет! Это бессмысленно, когда можно осваивать пустоши, вытесняя из них омаров. Скажу больше: пта Джи-фой сам не понимает своей выгоды. Сейчас он платит транспортной компании за то, чтобы его фрат добрался до «Джиликон Сомос». Теперь корпорация будет прямо у его порога, и он сможет продавать нам свой фрат прямо с полей – выиграет в цене. Что же касается жизни поселка – заметьте, мы сейчас, в этом зале, обсуждаем все очень демократически. Я уверен, это не изменится с прибытием сюда сомос-офиса.

Он замолчал и снова отступил от микрофона, предоставляя Джи-фою возможность делать и говорить все, что угодно.

– «Джиликон Сомос» лжет, – просто сказал тот. – Любое общество строится вокруг тех, у кого военная сила. Пока здесь правим мы: мужчины Шарту с оружием в руках. Я с моими дронами, администрация с ее дронами, фермеры-крайняки с их дронами – мы все равны. Мы не можем добровольно пустить к себе тех, кто легко справится и с нами, и с нашими дронами. Они завтра же начнут диктовать нам условия. Это мое мнение. Но решать общине.

И он ушел назад в ложу.

– Еще вопросы и сомнения? – предположил Сайда.

Из крайних рядов у самой двери поднялся какой-то фермер.

– Если вы такие хорошие, – смешным пьяненьким голосом проорал он, – то дайте нам экзоскелеты и скафандры этих ваших солдат! Мы сами их оденем, сами омаров прогоним, а с вами будем просто дружить. Может, и не так мы будем хороши, как эти солдаты. Но думается мне, без брони там то же мясо.

Он красноречиво развел руками.

– К сожалению, – ответил Сайда, – как и с размещением базы, это вопрос специальной государственной лицензии. Эти вооружения не являются товаром, который можно просто купить. Мы нанимаем лицензированных солдат и используем их в соответствии с правилами.

Мужик снова развел руками.

– А-а, ну тогда все понятно. Значит, вы плохие. Значит, и правда поработить нас хотите.

Кое-где в зале раздались смешки. И именно этот момент, а не выступление Джи-фоя, стал настоящим крахом для переговорщиков корпорации.

– Я уже говорил, что мы не изверги, – впервые растерявшись, запротестовал Сайда. – Никому не нужны рабы, когда все можно организовать на условиях взаимного согласия...

Мужик отмахнулся от него и плюхнулся на свое место.

– Еще вопросы? – спросил Сайда.

– Какие еще вопросы? – крикнул кто-то из центра зала. – Все уже всё поняли.

– Ну что ж, жители Шарту, если вы проголосуете против нашего предложения, мы уйдем, поскольку никто не собирался на вас давить. Знайте, что наша добрая воля по-прежнему с вами и этот план можно будет осуществить в любой момент, когда вы пожелаете. Если вам удастся самим решить проблему с врагом из пустошей, мы будем только рады, и наши отношения сохранятся в прежнем виде. Если же нет, если будут новые жертвы и народ Шарту поймет, что ему не удастся защитить себя, то «Джиликон Сомос» всегда готовы к сотрудничеству.

Он сошел с трибуны и присоединился к своим коллегам, которым никто так и не задал ни одного специального вопроса. К микрофонам сразу вернулся Киртаса.

– Кратко отвечая на произошедшие здесь прения, напомним всем, что мы не знаем ни количества омаров, ни качества их вооружений, ни, что самое главное, мотива их действий. А в этом контексте все заявления «Джиликон Сомос» кажутся мне голословными. Чтобы показать это, рассмотрю для начала два крайних сценария. – Он раскрыл перед собой голограмму. – Сценарий первый. Допустим, что прямо сейчас омары готовят в пустошах армию, чтобы этой же ночью обрушить ее на нас. Тогда предложение «Джиликон Сомос» нас не спасет – корпорация просто не успеет развернуть здесь свой контингент. Зато, если мы подпишем договор с ней, она всегда будет иметь право занять своими силами то, что останется от разоренного врагами Шарту.

Никому еще не приходило в голову, что все может так повернуться. Это был новый, неожиданный выпад против «Джиликон Сомос», и люди отреагировали на него возмущенными возгласами. Димора Сайда поднялся, чтобы ответить, но шериф не стал уступать место у микрофона.

– Сценарий второй. Предположим, что у омаров нет никакой организации и никаких специальных устройств, что мы имеем дело лишь с сетью небольших группировок, которые каким-то случайным образом открыли всегда существовавшее слабое место наших дронов и воспользовались этим, чтобы воровать у окраинных фермеров припасы. Тогда никакой войны не будет, и дополнительная армия нам просто не нужна.

Договорить он не смог. Его гипотеза звучала слишком хорошо для того, чтобы оказаться правдой, но селяне уже истосковались по надежде и теперь возликовали. Зал отреагировал столь бурно, что Киртасе при-

шлось постучать в микрофон. Только этот громкий сухой звук заставил людей немного утомониться.

– Кроме того, я не поверю в возможности их суперсолдат, пока не увижу тех в реальном бою с омарами.

– Как он их приложил, – пробормотал Риройф. Кое-кто в зале одобрительно заухал.

– Тишину... – попросил Киртаса. – Пожалуйста, тишину. Здесь не ламрайм, и мы не на шоу. Мы ищем способ выжить, и нет ни одного повода проявлять восторг. Кроме того, сейчас уже поздний час, а если община одобрит мой план, то у нас у всех будет очень много работы этой ночью. Позвольте мне договорить.

Он медленно провел взглядом по рядам, и в зале стало так же тихо, как в момент поминания мертвых.

– У любых солдат, даже у облаченных в самый совершенный боевой скафандр, будет проблема, которой у омаров нет: солдаты не способны дышать атмосферным воздухом. Если пробить шлем или баллоны с кислородом – солдат не боец. И как бы хороши ни были военные скафандры, если омары очень захотят, они найдут против них тактику. Для любителей ухать скажу, что это не повод смеяться над «Джиликон Сомос» – это повод лишний раз подумать над тем, как мы намерены воевать с таким сильным врагом.

Хинта с интересом оглянулся на Риройфа. Тот пристыженно засопел. Киртаса провел пальцами по своей голограмме, и над трибуной, как и полтора часа назад, возникла карта поселка.

– Теперь к делу. Я создал план обороны Шарту, исходя из того, что сила противника неизвестна, а время его нападения непредсказуемо. У нас нет прежней оборонительной линии, а значит, все наши владения уже сейчас могут быть под фактическим контролем омаров.

На карту из пустошей потекла красная волна. Она разлилась вдоль южной и восточной границ поселка, а потом хлынула вверх и, заливая квадраты фратовых полей, раскатилась повсюду. Это было так красноречиво, что Хинта почти физически ощутил, как вокруг их маленького человеческого мира смыкается кольцо смерти. Минуту назад казалось, что в зале очень тихо, но теперь настала абсолютная тишина – ни шороха, ни вздоха.

– Мой план затрагивает три следующих дня, потому что у нас нет роскоши загадывать дальше. За эти три дня мы попытаемся создать вокруг поселка оборонительную линию. Потом, если наша новая защита будет работать, мы сможем вздохнуть чуть более спокойно.

Красный цвет схлынул с карты, а сам поселок вырос и приблизился так, что стало можно различить отдельные дома.

– Следующие три дня все, кто не способен держать оружие в руках, должны оставаться здесь, в Шарту. Для фермеров-крайняков и их семей будут приготовлены спальные места. Остальные – это почти тысяча здоровых взрослых мужчин и женщин – будут разбиты на несколько отрядов и смен, каждая из которых получит свою задачу. Значительную часть людей я намерен поставить на защиту самого поселка. – Карта Шарту оштетинилась штрихами черных пунктиров и цифр. – Десять человек будут патрулировать каждую улицу. Итого – семьдесят бойцов на улицах поселка. Им понадобятся три смены. То есть, на охране улиц Шарту будут задействованы двести десять человек. Они не допустят омаров внутрь поселка. Еще двадцать бойцов мы поставим на охрану электростанции. Другие двадцать будут сторожить продовольственные склады. И еще двадцать будут держать под контролем кислород и очистные сооружения. Плюс десять человек с приборами дальнего видения займут позиции на вышках связи и на скалах у Экватора. Это еще семьдесят бойцов. Им также понадобятся три смены. Всего на охране Шарту будет задействовано чуть больше четырех сотен человек. Все дроны устаревших моделей, которые есть у фермеров, я предлагаю собрать в маленький заградительный периметр вокруг поселка.

Карта снова изменилась: поверх черных штрихов вспыхнули зеленые дуги – периметр дронов. Тишина взорвалась множеством голосов.

– А как же наши дома?

– А поля? Позволим им спалить наше богатство?

– Дослушайте план, – отрезал Киртаса. – Я гарантирую, что ни один отдельный омар не подойдет сюда незамеченным и ни один отдельный отряд омаров не прорвется на наши улицы. Если же их будет целая армия, то я обещаю, что мы заставим их очень дорого заплатить за уничтожение Шарту. При этом у наших выживших останется шанс уехать отсюда на тихоходном или бежать на запад, в направлении Чидру.

Зал вновь напряженно притих. Возможно, многие из присутствующих только сейчас осознали, насколько серьезна ситуация и как непривычно будет выглядеть жизнь в осажденном Шарту. Атипа, словно в нервном тике, тер подбородок ладонью.

– Итак, я описал оборону самого поселка. На ней будут заняты четыреста человек. Еще шестьсот человек понадобятся нам для других дел. – Карта снова отдалилась, поселок превратился в небольшое пятно, и стало видно всю территорию юрисдикции Шарту и часть пустошей. –

Чтобы знать о приближении групп омаров, мы построим постоянный лагерь на сопке Кему. Мне понадобится там постоянный контингент в пятьдесят человек. Двадцать будут смотреть по сторонам, тридцать – копать. Работа будет тяжелая и не прекратится, пока мы не возведем бруствер и дзоты. Работаем в три смены. То есть, всего на Кему будет занято сто пятьдесят человек.

Шериф поставил на карте еще одно пятно. Оно оказалось почти строго к юго-западу от поселка.

– Такой же маленький форпост мы построим здесь, на возгорке у западной стороны ущелья Шакта. Там никогда не было наших укреплений, потому что территория прежнего Шарту была куда меньше, чем территория нынешнего. Но теперь укрепления там нужны. Около ущелья Шакта будут заняты еще полторы сотни бойцов и работников.

– А кто будет возделывать фрат? – крикнул Джифой. – И кто будет делать все остальное, если каждого ты поставишь на оборону?

Шериф его проигнорировал.

– Третий форпост мы разместим на скале Пикаджа, – поместил он новую точку на западе, совсем близко к Экватору. – Там работа будет особенно трудной: сначала придется строить защищенный лагерь под скалой, а затем прорубать тропу на вершину скалы. Однако, когда эта задача будет выполнена, мы получим неприступный форпост с обзором на всю западную границу. Туда нужно столько же людей, сколько и в два других места.

Киртаса разметил карту широкими пунктирными овалами, обозначив, насколько далеко сможет видеть каждый форпост.

– Теперь я могу ответить на вопросы. Дома фермеров никто не будет охранять. Сейчас попросту опасно находиться в них или посещать их в одиночку. Однако, поскольку многие хозяйства могут разориться, оставшись без присмотра, мы сформируем специальные отряды по шестьдесят-восемьдесят человек в каждом. Отряды будут в две смены ездить от хозяйства к хозяйству, кормить животных, поливать растения и делать другую необходимую рутинную работу.

По залу прокатился понимающий шепот.

– Кроме того, не забывайте про форпосты. Они оповестят нас о появлении омаров, и мы сможем выдвинуться для контратаки. То есть, в случае малой атаки мы сможем защитить ваши дома. А в случае большой атаки мы успеем стянуть все силы к поселку и будем защищать уже не наше имущество, а самих себя. Что касается систем жизнеобеспечения Шарту, охранять их будут те же люди, которые сейчас на них работают. Поэтому все сможет функционировать, как раньше. Что касается

фрата – нам придется оставить его на произвол судьбы. Но я повторяю, этот план затрагивает лишь следующие три дня. Они будут самыми тяжелыми. Если за эти три дня на нас нападут – мы должны суметь отбиться. Если же нас не тронут, то мы успеем построить часть укреплений и сможем сократить число рабочих, чтобы те смогли вернуться к своим обычным делам.

На этот раз Джифой ничего не сказал. Терминал, который передавали вдоль по ряду, дошел до Лики, и та передала его Атипе. Вся семья склонилась к экрану. У «Джилитон Сомос» было семьдесят шесть голосов, у шерифа – уже под две сотни, и они на глазах продолжали расти.

– Ну что? – спросил Хинта.

– Да не знаю я, – сказал Атипа. – Плохая жизнь будет и так, и эдак. – Ничего не выбрав, он мимо сына протянул терминал Риройфу. Тот отдал свой голос за план Киртасы, и терминал уплыл дальше по реке человеческих рук.

– И последнее, о порядке этих мероприятий. Ни у скалы Пикаджа, ни около ущелья Шакта сейчас нет никого из наших. Посылать туда людей под вечер нельзя, поэтому мы займемся созданием форпостов там только завтра утром. А значит, никто этой ночью не присматривает за западными окраинами поселка. Эта ночь может оказаться самой опасной. Я считаю, что мы должны выставить по всему Шарту двойную охрану и что уже сейчас никому из крайняков не следует возвращаться в свои дома – даже чтобы забрать оттуда предметы первой необходимости. Проживете эту ночь без тапочек и полосканий для рта. А завтра пойдете с вооруженным отрядом и заберете все, в чем нуждаетесь.

– Это при условии, что завтра дома будут целы!

– Омары до сих пор никогда особо не заботились разрушать брошенные людьми постройки. Даже если они нападут, я не думаю, что они станут последовательно жечь и крушить все на своем пути. А если станут, то лучше вам выжить и построить новый дом, чем умереть, защищая старый.

– Здорово сказал, – с тяжелым вздохом прокомментировал Атипа.

– Еще вопросы?

Поднялся гвалт. Кто-то уже сейчас хотел распределяться в смены; кто-то не был уверен, что на всех хватит оружия; кто-то просто проклинал омаров и сетовал на судьбу. Киртаса молчал, будучи не в силах вычленить вопрос из криков толпы. Чтобы спасти шерифа, к микрофону торопливо вышел Юрана Варта.

– Напоминаю, что голосование еще не завершено! Не задавайте организационные вопросы с мест – они все будут позже решены в частном порядке. Задавайте вопросы по существу.

К своему удивлению, Хинта вдруг заметил, что вслед за председателем на трибуну спустился Тави. Тонкий, неуверенный, он остановился в двух шагах за спиной взрослого и, видимо, ждал возможности задать какой-то вопрос. Эрника замахала сыну из административной ложи, чтобы тот шел назад, но Тави остался там, где был. В зале между тем стало тише. Юрана отступил от микрофонов, возвращая место шерифу.

– Задавайте вопросы по одному, – попросил тот.

Из первых рядов, опираясь на трость, поднялся какой-то старик.

– Не будет ли атака множества омаров обозначать верную гибель для той полсотни храбрецов, которая выйдет держать форпост?

– Нет, при условии, что они вовремя заметят атаку. И тем более нет, если они успеют отстроить укрепления. Тем не менее, я не обещаю, что среди бойцов не будет жертв. Мы в состоянии войны.

Старик рухнул обратно в кресло. Зал негромко шумел сотнями тихих разговоров и шепотов. А Тави все еще стоял за спинами взрослых. Его мать начала пробираться по рядам ложи, чтобы забрать сына с трибуны.

– Еще вопросы? – поторопил Киртаса. – Или все?

– Есть, – раздался негромкий, но звонкий голос. Шериф и председатель оба разом оглянулись и увидели Тави. Тот в мгновение ока оказался под ударом сотен взглядов и, испуганно вжав голову в плечи, шагнул к микрофону. Он выглядел как человек, в сорванной маске пытающийся добежать до шлюза своего дома.

Хинта вцепился пальцами в подлокотники кресла. Он вдруг понял – или почувствовал – что сейчас произойдет: догадался, что Тави собирается высказать свои мысли, и что те, наверное, будут публичным самоубийством. Его сердце сжалось от мгновенного спазма, он ощутил страшную слабость. Одна его часть тянулась вперед и вверх, чтобы лучше видеть Тави, другая обессилено падала на спинку кресла и сползала вниз, а третья – самая маленькая – пыталась понять, как Тави может быть таким смелым, как ему удастся стоять там, рядом с главными людьми Шарту? Но куда бы Хинта ни стремился, как бы ни разрывался, он уже ничего не мог сделать.

– Мой вопрос, пта, – стараясь сдержать дрожь в голосе, произнес Тави, – как вы видите дальнейшую стратегию Шарту в случае, если мы переживем эту ночь и следующий день? Что мы будем делать, кроме сооружения трех форпостов и изучения тел убитых омаров?

Он сделал вежливый шагок назад, но шериф не стал наклоняться к микрофону.

– Не совсем понимаю, что еще... – его голос, не направленный к залу, прозвучал очень тихо, остаток фразы утонул в помехах. По лицу председателя Хинта понял, что тот в ужасе. А шериф вдруг приобнял мальчика за плечи и подтолкнул того прочь с трибуны. Возникла заминка. Тави еще что-то сказал.

– А почему мы... – долетело до зала слабое эхо его голоса. Потом он, понурившись, пошел назад к административной ложе, у входа в которую мать встретила его пощечиной. Тави от этого удара будто совсем надломился. Зал отреагировал на сцену угрюмым оживлением. Хинта сидел, вжавшись в кресло, с отчаянно бьющимся сердцем, и понимал, что только что чуть не произошло что-то непоправимое, после чего он, наверное, не смог бы дружить с Тави, а сам Тави не смог бы жить в Шар-ту.

– Это твой друг, что ли? – спросил Атипа.

– Да, – еле выдавил Хинта.

– Чего это он? – подивился Риройф. – Полез, мелкота городская, с умной речью. Вот чудной.

– Кроме руки помощи от «Джиликон Сомос» и плана Киртасы, у нас не было ни одного значимого предложения, – обернувшись к микрофонам, подытожил Юрана Варта, – поэтому сейчас я объявляю голосование и перерыв. Те, кто еще не проголосовал или хочет воздержаться, могут выйти из зала. Остальных прошу как можно быстрее зафиксировать свое решение в терминалах. Через пять минут мы соберем все данные и объявим результаты референдума.

Голограмма над трибуной переключилась и начала показывать результаты голосования. У «Джиликон Сомос» все еще было около ста фанатов, а очки в пользу плана шерифа продолжали набегать и уже стремились к тысяче. Хинта хотел пойти поискать Тави, но отец ему не позволил.

– Исход ясен. Проголосуем и мы за Киртасу, чтобы со всеми. – И семейство Фойта осталось сидеть на своих местах, в ожидании, когда к ним в руки вернется терминал. Это заняло несколько долгих минут, после чего идти к Тави стало уже слишком поздно.

Когда голосование закончилось, зал охватила новая суэта. Большие шишки отправились провожать делегацию «Джиликон Сомос». Тави с

матерью совсем скрылись из виду. Голограмма над трибуной превратилась в наспех составленный график с наименованиями отрядов и смен. К микрофонам, заменяя Юрану Варту, вышли две женщины-организатора и начали переключку с распределением ролей. Она длилась долго и регулярно усложнялась прениями, когда кто-то из трусости или по объективным причинам начинал требовать, чтобы ему дали более легкий наряд. Риройф, не пытавшийся качать права, честно распределился в отряд у скалы Пикаджа. На эту ночь он был освобожден от повинности, а утром ему предстояла поездка в пустоши навстречу неизвестности. Лика предъявила документы о своей болезни. Атипа, напуганный тем, что может разделить судьбу Риройфа, заявил, что должен присматривать за больной семьей, и упросил комиссию назначить его в команду по обороне самого Шарту. В патруль своей улицы он не попал – все места были уже выбиты, зато сумел получить место в отряде наблюдателей – это означало, что до утра ему предстоит сидеть в засаде на скалах.

Когда они вышли из гумпрайма, уже наступила ночь. Туман рассеялся, но звезд не было видно – так ярко сиял всеми своими огнями Шарту. Горели все базовые, запасные и аварийные прожектора. На центральной площади царил суеда – от складов прибыли машины и робоходы с оружием, пайками, спальными комплектами и скафандрами военного образца, и все это раздавали прямо с кузовов в толпу. Мужчины, которым предстояло идти в патрули, неуклюже сбивались в отряды и на ходу пытались разобраться с устройством винтовок. Кто-то истерично обнимал родных, будто тем суждено было погибнуть в первом же дозоре.

Хинта, смертельно усталый и эмоционально измотанный, застыл посреди всего этого движения, как во сне. Прожектора били в глаза, ветер гнал по ослепительно освещенной красной земле прозрачную рухлядь разорванных упаковок. Всюду, сверкая и пестрея разношерстными скафандрами, шли и толпились люди. Многие были уже в военной экипировке. Отсвечивали синим борта грузовых машин. Кто-то пытался упорядочить толпу и кричал на всех по громкой связи – команды-окрики сливались с ревом моторов и шелестом трепещущих на ветру пакетов.

– Светло, как днем, и людно, как в бедствие, – забыв, что дети слышат ее, сказала Лика. Вместе с Атипой они встали в очередь к машине, с которой раздавали оружие. Потом к ним подошел Риройф – за плечами у него уже висела винтовка, а на поясе был закреплен ремень с боезапасом и раскладным энерго-щитом. Он словно переродился этой суматошной ночью: оружие странно шло ему, как будто всегда было недостающей частью его неуклюжей фигуры. Его сутулые плечи и длинное тело обозначали теперь принадлежность не к работягам, а к солдатам. Он по-

ходил на какого-то нездешнего персонажа – на повстанца запада, сошедшего со старых агитационных голограмм, которые когда-то доходили до Шарту.

Лика, как только узнала, что ей оружия не дадут, попросила Риройфа заночевать у них. Тот согласился. Атипа получил экипировку и из общей очереди отошел к своему отряду – там многие, как и он, еще стояли с семьями. Прощание затянулось. Лика села на какой-то контейнер, Ашайта на время задремал у нее на руках. Хинта стоял рядом с примолкшими мужчинами и с усталым интересом разглядывал оружие отца – щита тому не выдали, зато винтовку украшал снайперский прицел с системой ночного видения. Они расстались под звуки военных команд, когда шериф самолично увел отряд наблюдателей с пустеющей площади.

Путь домой показался Хинте долгим и странным. Всюду было слишком много света. Ашайта обессилено вис на руках. Посреди их улицы рассеянной толпой слонялось десять бойцов, которым не объяснили, какие позиции занять.

Придя домой, Хинта кое-как раздел и уложил брата, после чего чуть ли не час просидел на кухне – в тишине, в лакуне усталости и покоя. За окном был туман, прожектора, отряды вооруженных людей, страх и ожидание войны. А здесь горел маленький свет, и можно было выпить несколько стаканов сладкого сока.

У Хинты дрожали руки. Он чувствовал, что стены комнатки, где он сейчас сидит, похожи на тонкую скорлупу. Пройдет мгновение, и кто-то очень большой опустит вниз свою тяжелую ладонь, и место уюта исчезнет. Все казалось Хинте временным, ничтожным, почти утраченным и нереальным. Но он все равно не мог отсюда уйти – не прямо сейчас, ведь можно было выпить еще один успокаивающий стакан сока, и еще один после него.

Потом был Риройф, засыпающий на диванчике в коридоре. А потом Хинта забрался на верхний ярус их койки и упал лицом в подушку. Ему казалось, что он тут же уснет, но этого не произошло – вместо желанного покоя пришли слезы, и он ревел, сотрясаясь всем телом, зажимая лицо, мучительно осознавая и переваривая свою трусость, и трусость своего отца, и опасаясь, что разбудит младшего. Но тот тоже не спал.

– Э... ла... – услышал Хинта. Он оторвал лицо от подушки и сквозь слезы увидел залитое непривычным светом окно.

– Нэ... ла... – повторил Ашайта, – е... ла-е... нта?

– Я не знаю, почему, – хрипло ответил Хинта. Он почувствовал, что брат снизу тянется к нему, и опустил навстречу свою руку. Так они и ле-

жали почти до рассвета, сцепившись пальцами, и Хинта в усталом полубреду думал о том, что Ашайта что-то делает с ним, защищает его, как брат и должен защищать брата; возвращает ему совесть и покой; спасает его для дружбы с Тави. И уже под конец, проваливаясь в забытие, но по-прежнему сжимая руку младшего, Хинта придумал слова, которые он должен будет сказать своему лучшему другу после всего, что сегодня произошло.

– Я хочу, чтобы мы оба были как Шедра Киртаса, – шептал он, – разумными и точными, сильными и не лгущими ни в одном слове.

Ему приснился странный сон, в котором он, Хинта, стоял на трибуне посреди пустого зала гумпрайма, а от дверей прямо к нему, медленно, с печальной торжественностью, шел Тави, неся окровавленного младенца-омара на руках. И это длилось, длилось... И свет ламп на потолке зала был совсем как свет прожекторов в окне.

Когда Хинта проснулся, отец уже был дома, Риройф ушел, а поселок за окнами стремительно менял свой облик – люди ходили в военной одежде и с оружием, стены домов обшивались сталью, у каждого крыльца росли редуты из контейнеров с песком.

Глава 3

УКРАДЕННЫЕ ДУШИ

Новая занятость отца мгновенно обрушила на плечи Хинты дополнительные заботы.

– Если все удастся, мы даже заработаем на этой напасти, – за завтраком объявила ему мать. – Я возьму на себя сверхурочную работу в птичнике, Атипа найдет шесть часов в день, чтобы батрачить на Джи-фоя, и нам обоим заплатят большие надбавки. Но ты должен почти полностью взять на себя хозяйство.

– И младшего, – угрюмо добавил Хинта.

– Он никогда тебе не в тягость. Да и выбора нет.

Так Хинта против своей воли получил в безраздельное пользование ключи от гаража и четырех теплиц, а в придачу – дополнительный счет в кошельке, специально для закупок с продовольственной базы.

– Главное, ни в коем случае не выходи за пределы поселка, – на прощание наказала ему Лика. – Возвращайся домой до темноты и ста-

райся держаться рядом с вооруженными людьми – благо они на каждой улице.

– Я не дурак, – ответил Хинта. Однако, забрав Иджи из гаража, пошел не напрямик в теплицы, а повернул в центр Шарту, к административному комплексу, где жили Тави с матерью. Позвонить другу Хинта долго не решался, так что сделал вызов лишь, когда оказался на соседней улице.

– Привет. Ты как?

– Привет, – эхом отозвался Тави. – Не знаю. Не могу понять. – В его голосе появилась какая-то мертвая интонация, которая немного напугала Хинту: выбитый из колеи, он на время забыл все слова, которые готовил. – А ты как?

– Нормально. Нет, плохо. Я вчера хотел тебя найти, но отец не позволил. Я как будто бросил тебя одного, и мне от этого не по себе.

– Ты не бросал. А искать было бесполезно – мама увела меня домой до конца голосования.

– Ты помирился с ней?

– Это нельзя так назвать. Скорее, я заключил с ней соглашение о мире... ну, или лучше сказать – соглашение о вооруженном паритете. Похоже, прежним все уже не будет.

– Ты под домашним арестом или что-то вроде того? – расстроенно и растерянно предположил Хинта.

– Нет, – снова с какой-то странной интонацией возразил Тави. – Она не наказывала меня раньше и тем более не будет теперь.

– Тогда что делаешь?

– Не допрашивай, а? – устало осадил его Тави. Несколько секунд они молчали – слишком долго, и Хинта начал чувствовать, как падает в пропасть тихой паники, но Тави все-таки ответил. – Ничего я не делаю. Пытаюсь убраться в своей комнате.

– Она дома?

– Нет. У нее завал работы. Почти все ее лаборанты теперь в патрулях, а на их месте должен кто-то быть.

– Просто я с братом подхожу к центру Шарту, и очень хотел к тебе зайти. Потом у нас куча дел, но полчаса есть. А может быть, ты пойдешь с нами.

Тави почему-то замялся.

– Ладно, – наконец, согласился он. – Я, наверное, даже хочу, чтобы ты это увидел – меньше придется объяснять.

– Увидел что?

Но Тави резко оборвал вызов – чего раньше не делал вообще никогда. Хинта, подгоняемый необъяснимой тревогой, пошел быстрее.

Тави открыл ему сразу. Стоя внутри шлюза, Хинта сквозь прозрачное оконце увидел его лицо: отсутствие улыбки, взъерошенные волосы, заметная полоса красноты под левым глазом – след вчерашней пощечины. Это был незнакомый Тави, очень красивый, печальный и повзрослевший. Глядя на него, Хинта вспомнил, как вчера оружие изменило Риройфа, и подумал, что война создает в Шарту новые лица. Потом внутренние двери шлюза открылись, и Хинта подтолкнул Ашайту, чтобы тот шел вперед. Младший протанцевал в глубину прихожей – она была длинная, с двумя выходами: один, через который вошли Хинта и Ашайта, вел на улицу, другой, лишенный шлюза, открывался во внутренние коридоры административного центра.

– Рад тебя видеть, – стягивая маску, улыбнулся Хинта.

– И я, – ответил Тави. Он был в красивой кофте с эластичной напёнкой – мягкий неглубокий барельеф у него на груди изображал шесть величайших героев Джидана. Джилайси Аргнира получил свое место с левой стороны композиции, прямо над сердцем мальчика.

Хинта привычно шагнул вслед за братом и потянулся к застежкам у того на скафандре, но Тави его остановил.

– Знаешь, не раздевай его. Я сейчас понял, что хочу уйти отсюда. Я ведь тебе и твоим делам не помешаю?

– Отец в патрулях, а меня сослали работать в теплицах. Так что, если ты готов там со мной сидеть, то... – Хинта не сказал «это будет здорово», потому что эти слова не слишком подходили к обстоятельствам.

– Готов. Где угодно, только не здесь. Но сначала ты посмотришь на мою комнату.

– Ладно, – удивленно согласился Хинта. Они прошли немного вглубь квартиры, и он замер на пороге спальни друга. Пол был усыпан обломками сбитых с потолка пластин полупрозрачного пластика. Среди пестрого крошева катались шарики сорванных лампочек; некоторые из них до сих пор светились – догорающие искорки убитой красоты. Так же выглядело и все остальное – сметенные стеллажи, сбитые с подвесок барельефы. Только центральная композиция с двуликим Джилайси стояла нетронутой, и обе половины его лица-лика с безмолвной яростью и горем взирали на разруху.

– Это она сделала? – пораженно спросил Хинта.

– Мама это начала. А потом мы крушили мою комнату вместе.

– Но зачем? В смысле, если она – от злости, то зачем ты сам?

– Пойдем отсюда, ладно? – Уголок рта Тави слегка дернулся. – Не хочу сегодня это убирать. Может быть, я вообще не стану это убирать. Буду так жить.

– Ладно.

– Мне надо переодеться, и мы уйдем. Ты можешь пока зайти на кухню. Там на столе недоеденные руши и стакан детского кифа. Мама оставила мне к завтраку – но я его не пил... – Заканчивая говорить, Тави через голову стянул свою кофту и, спотыкаясь, осторожно пошел по хрустящим обломкам к платяному шкафу.

– Ладно, – автоматически повторил Хинта. Мгновение он смотрел на тонкую белокожую спину друга – конопушки у Тави были не только на лице, но и по всему телу, особенно много над лопатками и на пояснице – а потом направился на кухню, где обнаружил руши: несколько маленьких сладких колечек на большом формовочном подносе. Хинта вспомнил, что так и не угостил ими Ашайту – пакет, который ему вчера подарил Тави, позже забрала мать, и он, забытый, остался лежать в вакуум-консервной камере у них дома. Вместо того чтобы съесть сладости, Хинта завернул их в бытовой пакет и упрятал в карман скафандра. Их с Тави разговор по-настоящему продолжился уже на улице.

– Странно, – запирая шлюз, объяснил тот, – но вчера я стал крушить свои любимые вещи, потому что у меня не осталось другого способа достучаться до мамы. Я никогда не видел ее такой. Она кричала, покраснела, стала некрасивой. Мне не удавалось вставить ни слова. И тогда я вместе с ней начал все швырять и бить.

– И это помогло?

– Да. Когда я начал все ломать, она почти перестала это делать и начала слышать, что я ей говорю.

– У тебя раньше было очень хорошо, – с горечью сказал Хинта. – У нас дома никогда так не было.

– Знаешь, ведь это были не только мои вещи, не только мой труд – мы с мамой делали все это вместе. Лампочки на потолке появились сразу после переезда в Шарту. Подвесные панно мы вырезали еще несколько лет. Мама увлекалась вместе со мной. Это было такое счастливое время. Я очень ее любил. Мне казалось, мы с ней особенные, и никогда в моей жизни не будет другого такого удивительного человека, как она. Но я ошибался. Все меняется. Люди меняются. Одни приходят на место других. Но так жаль, что какие-то вещи в этот момент теряют смысл.

Хинта смутно заподозрил в его словах какой-то тайный намек.

– О чем ты? Кто приходит на смену кому?

– Люди – одни на смену других. Я не о ком-то конкретном. Я о том, как это вообще бывает. Я очень расстроен и, наверное, поэтому излагаю все бессвязно. Помнишь, ты утверждал, что я могу зажигать людей и спасу свою маму от этого омертвения, в которое погружаются взрослые? Вчера я все это ей сказал. О взрослых, о насилии, о людях вообще. – Голос Тави слегка дрогнул. – Я в лицо ей кричал, что она умерла внутри, иначе бы не стала вести себя так, как ведет сейчас. Я сказал ей, что она лицемерка и что она ничего не поняла из тех легенд, которые сама же читала и рассказывала маленькому мне. В конце концов, когда мы сломали уже почти все мои вещи, до нее что-то дошло. Она стала плакать, попыталась меня обнять, но я ей не позволил и убежал.

– От нее или вообще из дома?

– И от нее, и из квартиры. Долго бродил по всему административному комплексу, прятался. Вернулся домой только в начале утра.

Хинта почувствовал себя абсолютно ужасно. Он тогда бросил Тави. Тави мог этого не признавать, но так оно и было.

– Здесь, наверное, была суматоха, – предположил он, борясь с неловкостью и чувством вины. – Я имею в виду, не из-за тебя, а из-за приезжих крайняков.

– Уже нет. Когда я мимо них проходил, они ложились спать. Все было очень тихо. Люди вели себя вежливо.

Они дошли до перекрестка, где рабочие строили укрепления из бочек и валунов.

– У всех оружие, – оглядываясь, сказал Тави. – Скоро поселок будет сам на себя не похож. После вчерашнего мне кажется, что любой человек, даже тот, который не способен взять в руки ружье, внутренне создан для жизни в обстановке войны. Интересно, может, омары затем и приживляют пулеметы прямо к самим себе – для них это своего рода вершина постижения человеческой природы?

– Да, я тоже заметил, что некоторых оружие дополняет, будто им всегда его не доставало. Но омары-то не люди.

– А люди это люди? До вчерашнего дня я думал, что мама вообще никогда меня не ударит. Я даже представить себе не мог, с какой тупостью, с каким равнодушием она на самом деле смотрит на мир. И я бы никогда раньше не поверил, что она беспрекословно и подобострастно подчиняется этому недалекому негодяю Джифою.

– Она же на него работает.

– Я раньше думал, что она за свою большую зарплату улучшает ему прирост фрата, а вчера оказалось, что он ей нравится. Я имею в виду, не

как работодатель, а вообще. Я не понимаю, что между ними, но я это видел. – Тави передернуло, его голос снова повело в слезы. – На него работают все. Но большинство его сотрудников от него не в восторге, а она ест у него с руки.

– Они что...,

– Я не знаю. И не очень хочу знать. Просто это так странно и страшно – чувствовать, что у близкого тебе человека есть сторона жизни, которая от тебя скрыта. Да и человек этот, возможно, не был тебе близким, а просто носил маску. Она думала, что я ребенок, и все было замечательно, так как можно было не принимать всерьез наши слова и игры. Но вот я вырос с верой в эти слова и игры, и оказалось, что весь мой мир состоит из них. А ее мир всегда состоял из чего-то другого. И получилось, что она вырастила чужого себе человека – то есть меня. Но как можно было так сделать? Это что, такая особенная глупость? Или взрослые просто не понимают смысла легенд и не придают им значения, притом что сами, должно быть, на них росли?

– Я правда верил в то, что ты найдешь с ней общий язык. И тоже не мог себе представить, чтобы она тебя ударила. Она вроде всегда была другая, не такая, как местные.

– Вот и возникает вопрос: кто такие люди? Посмотри на нашу историю. Одна цивилизация – Джидан – была более последовательной, чем две другие. Ее уничтожили. Один человек – Джилайси Аргнира – был еще более последовательным, чем даже его народ. В ответ его изгнали отовсюду, преследовали и хотели убить. На мой взгляд, Джилайси и, в меньшей степени, его народ, были людьми. Они развивали в себе идею того, как жить и быть человеком в духе легенд о добре. Если они были людьми, то мы – почти такие же нелюди, как омары. А если права противоположная сторона, которая верит, что человек – это воин, борец, захватчик и насильник, то тогда омары – это еще какие люди, а все остальные, включая нас, лишь подтягиваются к идеалу.

– Знаешь, – сказал Хинта, – я вчера вечером и ночью, не переставая, думал над твоими словами. Мы совсем не похожи на героев. Моя семья – напуганные трусы, делающие все, чтобы считаться своими, но при этом ускользнуть от ответственности. Я не пошел за тобой после твоего выхода на трибуну, так как отец решил, что мы должны голосовать после всех.

– Почему?

– Чтобы совпасть с общим мнением.

– Но это бессмысленно. Если нет своего мнения, нужно воздержаться.

– Это не бессмысленно. Это трусливо. И мне очень стыдно. Мне стыдно, что отец попросился в охрану поселка – он думает, здесь у него больше шансов уцелеть. Мне стыдно за трусливые разговоры, за то, что я не пришел к тебе днем. И еще мне стыдно, что я, наверное, похож на них – на всю свою семью. Я боялся вчера весь день. А хуже всего было после собрания. Ты ведь не был вчера на площади, когда оружие раздавали? Было не так, как сейчас. Прожектора, толпа, машины и ощущение, что все прощаются друг с другом навсегда. Казалось, омары нападут ночью, и мы кого-нибудь потеряем, или вообще все умрем. Это было в глазах людей.

– Ты не знаешь, трус ты или нет. Ты просто еще ни разу не был в такой ситуации, когда становится видно, как поведет себя человек. И мне кажется, стыдно не бояться и трусить, а быть таким, как Джифой: орать, командовать, бредить мстью, выдавать случайную стычку за победу, чужие заслуги – за свои, трястись над своим богатством.

Некоторое время они шагали молча. Из-за окраинных домов уже показались теплицы – большие голубовато-белые купола из полупрозрачного пластика. Между ними петляла грунтовая дорога. На шлюзах висели таблички с номерами и фамилиями владельцев.

– Но вчера Джифой неплохо говорил против «Джиликон Сомос», – заметил Хинта. – Может, он и урод, но в тот момент он был честен.

– Я, кстати, голосовал за план корпорации, – ошарашил его Тави.

– Почему?

– Потому что Шарту слишком маленький. Я не знаю, хочет корпорация плохого или хорошего, но их приход мог бы означать, что здесь станет больше выходов в большой мир. Прости, Хинта, я знаю, как ты любишь свой поселок, я знаю, как ты воспитан. И здесь действительно бывает очень красиво и хорошо. Но лучше, даже теряя многое, стать человеком всей литской ойкумены, чем оставаться запертым в одной общине, без всякого выбора.

– А наши прежние разговоры про «Джиликон»? Что, если они действительно хотят разрушения Экватора и всеобщей гибели? Ты бы стал на них работать?

– А изолированный от мира Шарту, который в любом случае продает им свой фронт – как он может им помешать? Нет, Хинта. Джифой, твой отец, моя мама, весь Шарту – глупцы. Они не умеют и не хотят вести переговоры. Они видят повсюду врагов и не допускают в мыслях, что хоть кто-то вокруг может быть для них полезен. При этом они забывают, что все, что у них есть – дома, скафандры, генераторы, машины, лекар-

ства, половина продуктов, героические ламы, книги, музыка – все это едет сюда с той стороны Экватора.

Хинта сердито засопел.

– Только сблизившись с большим миром, мы могли бы что-то изменить. Чтобы изменить «Джилликон Сомос», надо стать ее частью. Бойкотируя их переговорщиков, селяне просто загоняют себя в угол, из которого однажды уже не будет выхода. И тогда кто-то – какая-нибудь сила оттуда или отсюда – уничтожит это место. А я не думаю, что надо умирать за фратовые поля и за эти маленькие домики, собранные для нас в другой стране.

Они остановились перед участком семьи Фойта, и Хинта отвлекся, отключая охранную систему. По местным меркам теплицы его отца были не очень большими – всего около восьми метров в диаметре – но в них можно было ходить в полный рост, а шлюзы были изготовлены по грузовым стандартам, так что Ашайта мог свободно въехать внутрь на ослике. Когда они всей командой остановились внутри шлюза, Хинта вновь повернулся к Тави.

– Атмосфера здесь нормализуется медленно, – предупредил он, а потом без перехода продолжил, – так ты это хотел сказать на собрании? Что нам следует принять предложение корпорации? Или ты собирался предложить мир с омарами? Ты не думаешь, что мать спасала тебя от ярости толпы? И шериф? Ты мог вот такой глупой речью изуродовать всю свою жизнь!

Тави молча стянул с головы шлем и остался в одной маске. Его волосы взъерошило потоком обновляющегося воздуха.

– Да, и поэтому мама ударила меня уже после моего выхода на трибуну, а потом кричала на меня и ломала мои вещи. Это был такой способ меня спасти.

– Я не это имел в виду.

– Это. Но у меня в любом случае нет больше никого, кроме тебя. Поэтому давай говорить, давай высказывать друг другу свои мысли без ссор, хорошо? Да, я собирался сказать, что люди должны допускать возможность сотрудничества. Но я не глуп и не наивен. Поэтому мое предложение начиналось с идеи, что мы должны взять в плен хотя бы одного живого омара.

Шлюз открылся. Хинта удивленно посмотрел на Тави и пропустил того вперед. Они вошли в душный растительный лабиринт. Солнечный свет, рассеянный куполом, утрачивал здесь свою режущую яркость. Вьющиеся побеги харута ползли вверх по натянутым в воздухе струнам. Между листьев мягкими оранжево-красными мешочками висели круп-

ные плоды, их тонкая шкурка потела от сока. Тави стянул с себя маску и с удовольствием втянул носом пряный, травянисто-сладкий запах. Хинта приказал Иджи лечь на земляной пол и помог брату спуститься с ослика.

– Думаешь, омар рассказал бы нам об их планах?

– Нет. Для начала кто-то должен был бы общаться с ним день и ночь, учить его язык. А то сейчас получается, что омары нас понимают, а мы их – нет. Потом человек попытался бы подружиться с этим омаром и дать ему то, что тот готов взять от людей. А в самом конце человек отпустил бы его назад в пустоши с подарками и предложением мира.

Хинта расстегнул верхнюю часть своего скафандра, потом начал раздевать брата.

– Прости меня, – сказал он. – Это совсем не глупо. Но это долго, сложно и требует согласия всей общины, которого она никогда не даст. Это почти невозможно.

– Укт.. не!.. – вытягивая руки вверх, перебил их Ашайта.

– Нет, они еще не вкусные. И с веток их нельзя есть, надо готовить. Но у меня есть для тебя подарок. – Хинта вытянул из-за пазухи пакетик с рушами. Брат замурлыкал от удовольствия, пустил на подбородок слюну и тут же прикрыл рот руками, испугавшись, что выронит лакомство.

– Я рад, что ему нравится, – тепло сказал Тави. Они переглянулись. Хинта отвел взгляд первым.

– И есть еще проблема, – без нажима вернулся он. – Омары предпочитают убивать себя, а не сдаваться в плен. Чтобы взять кого-то из них живьем, придется пожертвовать людьми.

– Я знаю. Но это был бы выход.

Хинта сел на бочку, притянул брата к себе и начал вытирать ему подбородок.

– Это может не сработать.

Тави всплеснул руками.

– Но ведь мы даже не знаем, что им от нас нужно! Все понимают, что это главная проблема, но никто ничего не делает. Омары взломали дронов, а потом ходили сюда неделями, может быть, месяцами – и никого не тронули, пока однажды не нарвались. Они не напали на Шарту ночью, хотя знают, что их раскрыли. С каждым часом якобы существующий зловещий план омаров утрачивает свой смысл. Они ничего не делают – может, потому, что ничего и не собирались делать? Я вот думаю: кто начал стрелять первым? Что, если все не так, как кажется? Что, если они искали способ поговорить с нами? Но стоило им встретить человека, как тот поднял оружие.

– Или все ровно наоборот, и эти хитрые твари собирались с силами и строили план идеальной атаки.

– Может, они есть хотят, может, у них там своя экологическая катастрофа или болезнь. Никто же ничего не знает. Может, они стали бы работать с нами за плату. Только представь, сколько они могли бы сделать, если бы направили свою энергию в мирное русло! Им не нужен очищенный воздух. Они не только идеальные солдаты – они жители этого мира, способные быть в нем постоянно, без скафандров и другой защиты, без развернутых баз. Они могут работать, а не убивать. Они могли бы всю пустошь возделать отсюда и до Акиджайса.

– Но до этого ты справедливо заметил, что они вшивают оружие в самих себя. Это не мирный народ. И он уже никогда не будет мирным. Они погибли для мира, процесс необратим. Они такие, какие есть, и их не изменить. Ну да, действительно, ты был прав на все сто: зачем наша рука заканчивается пальцами, которыми можно сделать так много разных вещей, а не дулом оружия, с помощью которого можно сделать только одну вещь? Джилайси Аргнира носил оружие, а не приделывал его к себе. Он мог снять свой боевой экзоскелет, бросить свой энергетический меч и стать кем-то новым.

– И он стал. А с омаром это так просто не получится. Но ведь никто не пробовал сделать с ними вообще хоть что-то. Их только убивают.

– Я знаю. Но ты видишь, есть много причин, почему это так. Больше нету, – показывая брату пустой пакетик, сказал Хинта. – Остальные лежат дома. Они будут твои, но не сейчас, а ближе к вечеру.

– Атно... – огорченно согласился Ашайта. Но печаль его не была долгой. – Иджи, ка, найтжитика-тика?

– Конечно, – разрешил Хинта, и младший радостно затанцевал к ослику. Некоторое время они молчали. Было слышно, как шумит система вентиляции, как водный конденсат капля за каплей падает на дно сборника. Затем, вплетаясь в эти мерные звуки, в помещении раздался негромкий голос Иджи. Руки Ашайты танцевали в воздухе, и робоослик, подчиняясь их движениям, играл очередную странную, рвущуюся мелодию.

– Знаешь, мне кажется, я схожу с ума от того, чем вдруг стал мир вокруг меня, – сказал Тави. – Слишком много событий. А здесь хорошо. Спасибо, что пригласил с собой.

Хинта взглянул на друга и увидел, что тот сидит с закрытыми глазами. Его лицо с рассыпавшимися в стороны от носа конопушками в этот момент выглядело совсем детским – казалось, Тави ждет подарка, или чуда, как в праздник элла.

– Я тоже хочу, чтобы мы были вместе, – сказал Хинта. Тави промолчал, но слегка улыбнулся. Они сидели так еще довольно долго, пропитываясь запахом плодов харута и чувством вернувшейся, спасенной дружбы. Потом Хинта начал делать свою работу, а Тави помогал. Они обрезали гибнущие ветви, собирали поспевающие плоды и слушали, как Ашайта играет с Иджи.

Когда они перешли во вторую теплицу, разговор описал полный круг и вернулся к ссоре Тави с матерью.

– И что ты будешь теперь делать? – спросил Хинта. – Попытаешься еще раз помириться с ней по-настоящему?

Тави покачал головой, вытер со лба пот. Вторая теплица была более заросшей и душной, чем первая – здесь культивировались сразу два вида растений. Линии опорных рамп сходились под вершиной купола в форме шестиконечной звезды, под ними висело множество мелких яйцевидных горшочков с прорезями, сквозь которые, заслоняя свет, пушился хаос ярко-зеленых побегов кича. Внизу, на узких грядках, уложенных в форме огромного круглого лабиринта, бурыми кустиками росла сурпайя. На ее стебельках ребята выискивали черные полипы и прыскали на них из баллончиков голубоватой дрянью, смертельной для вредителей.

– Нет, я не буду восстанавливать с ней отношения. Не буду больше ни в чем убеждать. И ничего не буду от нее ждать. Потому что в этом нет смысла.

– Твоя мать всегда была для меня... – Хинта замялся, – ну, примером того, чего у меня нет. Мне казалось, она любит тебя так, как моя мать любить не умеет. Я даже завидовал тебе до сегодня. Даже сейчас ты называешь ее мамой, а не матерью. Это так резало мне слух, когда мы познакомились. Тебя из-за этого считали в школе малышом. Когда я узнал тебя ближе, я понял, что это здорово и что это не делает тебя хуже других. Но сегодня все наоборот, и мне режет слух, когда ты называешь ее мамой. Это так неправильно. Она испугалась вчера за тебя и за себя – но она не герой, как и я, да и почти все в Шарту. Поэтому она себя так повела. Ты, кажется, хочешь примирить огромные войны, но ее не можешь извинить за одну пощечину. Почему так?

– Дело не в моем желании. Это напрасный труд. Я весь последний год звал ее назад в наш с ней мир. И чем больше я звал, тем страшнее мы отдалялись.

– Я понимаю. Просто почему-то я очень хочу, чтобы у тебя все было как раньше.

– Мать не может быть с мальчиком вечно. Отношения с ней прекрасны и необходимы, но на ее место должен однажды вступить кто-то другой, кто-то, кто поведет дальше: отец или старший наставник, друг. – Это снова прозвучало очень взросло, непохоже на вчерашнего Тави. – Я слышал, так воспитывали в Джидане. Там, как и везде, были неполные семьи, но мальчики, если их не воспитывал отец, в двенадцать лет уходили в специальные отряды, где должны были встретить своего старшего.

– Откуда слышал?

– Не знаю, – вдруг потерял уверенность Тави. – Может, и не слышал, а где-то читал. Просто я половину ночи сидел на постели, засыпанной обломками того, что мы создали вместе с ней. И мне приходили мысли. – Он снова вытер пот со лба. – Мое время с ней кончилось, Хин-та, в этом все дело. Я люблю ее – или, скорее, люблю то, какими мы с ней были когда-то. Она, кстати, тоже это любит. Просто по-своему. Но так получается, что мы больше не можем вернуться в ту точку, где наши любви сходились. Это закончилось, потому что я вырос. Она требовала от меня, чтобы я стал взрослым, и упустила то, как это произошло. Я уже взрослый. Но не такой взрослый, как она, а такой, который будет ходить в ламрайм всю свою жизнь.

– Но ты же говорил, что она слышала тебя в конце.

– Да. Или это был еще один ее трюк, чтобы приманить меня к себе. Я теперь понимаю, что половина ее лицемерия всегда была направлена именно на то, чтобы сохранить между нами мир. Но от этого мир становится ненастоящим. И вот вчера он лопнул как мыльный пузырь. Если я послушаю ее, то мы окажемся в западне благонамеренного надувательства – в пародии на то, чем мы по-настоящему обладали, пока я был совсем маленьким. Это будет плохая жизнь, и я не согласен ее вести. Я не хочу изображать счастливую семью, когда это уже не так.

– А как получилось, что до ее пощечины ты не знал, за кого она собирается голосовать на гумпрайме? То есть, я понимаю, что ты сидел не вместе с ней, но вы наверняка чуть-чуть общались хотя бы в перерыв.

– Нет, все было не совсем так. Мы начали спорить задолго до моего выхода на трибуну. Сначала я не собирался делать этого сам. Я просил ее выступить и от своего имени пересказать им мои мысли. Я знаю, ее послушал бы даже Джифой. Я очень на нее надеялся, но в этот момент вдруг окончательно выяснилось, насколько она меня не понимает. Тогда я сказал, что сделаю это сам. И вот тут мы по-настоящему поругались.

Она хотела меня увести. А я возразил ей, что являюсь членом общины и что перед гумпраймом наши с ней права почти равны.

– Никогда не видел, чтобы выступали дети. Даже не слышал о таком. Хотя, наверное, дети выходят на трибуну, если оказываются свидетелями в суде – но это происходит раз в десять лет.

– И мама твердила о том же. Однако дети голосуют. И нет ни одного закона, который бы запрещал детям делать что-либо в гумпрайме. А раз закона нет, то ты, я и даже твой брат – полноправные члены общины. – Тави оглянулся на Ашайту, ходившего-танцевавшего по другой стороне теплицы. Тот тянулся руками к сферическим доньшкам горшков, но не касался их, а будто тек мимо ладонями.

– Отец говорил, – вспомнил Хинта, – что еще до моего рождения кто-то из семьи Джифоев пытался переписать законы Шарту. Там, среди прочего, было предложение ввести минимальный возраст голосования. Но против этого восстали крайняки: у многих из них многодетные семьи, и голоса их детей – часть их политической силы.

Тави кивнул.

– Тогда мама сказала, что голосовать я могу, как мне вздумается, но из административной ложи выходить не должен. Я ничего ей не обещал. Просто дождался подходящего момента и сделал все по-своему.

– Страшно было решиться?

– Сначала – почти нет. Сначала я думал только о том, как сильно мы разошлись с мамой. И о том, что кто-то должен сказать эти слова. И что никто не скажет их кроме меня.

– А потом? Когда ты стоял перед всем Шарту?

– Да, страшно. Знаешь, любой встречный может тебя оттолкнуть и не принять. Но перед всем залом приходит мысль, что тебя сейчас оттолкнут сразу две тысячи. – Тави потряс свой баллончик, потом перестал опрыскивать растения и нахмурился, как человек, пытающийся вспомнить подробности дурного сна. – Я понимал, что я слишком маленький, что меня никто не примет всерьез и что я собираюсь сказать вещи, к которым почти никто здесь не готов. И это было тяжело, даже тяжелее, чем влезть в драку со старшими подростками. Ты заставляешь себя шагать вперед, а каждая клеточка твоего тела хочет убежать назад. – Он протянул Хинте свой баллончик. – Кстати, у меня кончился аэрозоль.

Хинта отдал ему свой распылитель, а сам пошел за новым – круглый шкаф-чулан с полками снаружи и бочкой внутри был устроен в самом центре теплицы, где сходились все дорожки лабиринта грядок.

– Тогда почему ты пошел? – вернувшись, спросил он.

В ответ Тави едва заметно пожал плечами.

– Я просто подумал о том, что на моем месте стал бы делать Джилайси. Если тот без оружия выходил против целых армий с криком «остановитесь», то неужели обычный человек вроде меня не может выйти против жителей одного мирного поселка? Мне показалось, что это пропорциональное сравнение: я настолько же меньше героя, насколько Шарту меньше ледовых дивизионов Притака.

– Ты не обычный.

– Почему?

– Обычный бы не вышел. На эту трибуну не выходят как ты. Она вроде бы для всех, но те, кто на нее поднимается без приглашения, как правило, уже наделены властью – богаты, или выбраны на голосовании, или владеют специальной областью знаний, в которой все, кроме них, профаны.

– Я, в конце концов, и не вышел. Только подставился под мамину пощечину на глазах у всех.

– Нет, ты вышел. Просто шериф тебя развернул. – Тут Хинта вспомнил, как хотел отметить роль Шедры Киртасы во вчерашних событиях.

– Кстати, что ты про него думаешь?

– Про кого?

– Про шерифа.

– Не знаю.

Хинта на мгновение озадаченно застыл.

– А мне показалось, что он говорил лучше всех. И не только это. Он как будто занимает среднюю позицию между тобой и такими, как Джифой. Я слушал его и думал, что он пример той золотой середины, на которой мы с тобой можем встретиться и остановиться. Я думал, что хочу быть на него похожим.

– Разве? В его плане была только война. Как будто омары – стихия, а не живые существа. Да, шериф на самом деле презирает Джифоя, он даже говорил другим – не с трибуны, а тихо – что Листа губит дело и что его не надо больше пускать в бой.

– Да?

– Да. В административной ложе слышно много такого, что не звучит для всех. Но в остальном Киртаса похож на большинство людей в Шарту.

– Но он точный и спокойный. Он почти как герой – маленький герой для нас: знает, как надо воевать, спасает остальных, командует в бою. А как он смотрел на людей! Под его взглядом они переставали суетиться и кричать. Он совсем не похож на остальных.

– Ты путаешь «что» и «как». Киртаса знает свое дело. Это всегда здорово, когда человек в чем-то разбирается. Он действительно был вчера самым серьезным из всех ораторов, привел больше всего фактов и лучше всего объяснил свой взгляд. Но он стоит на тех же позициях, что и весь остальной Шарту.

– Нет, – запротестовал Хинта, – не только это. Ты помнишь, чтобы он хоть раз обругал омаров?

Тави серьезно задумался.

– Не помню. И я ему за это благодарен. Но это не значит, что он ближе ко мне. Просто он профессионал в тех вопросах, в которых остальные – оголтелая толпа. Он знает про омаров больше, чем все мы. И, разумеется, так и должно быть: он – шериф окраинного поселка, и половина его работы – омары. Конечно, он не будет поносить их, как жаждущие мести простые мужики. Но он будет убивать их – по причинам и без причин.

Хинта покачал головой.

– Может, тебе стоило поговорить с ним до своего выступления? Или даже сейчас. Если кто и сумеет поймать омара, то он.

– Я фактически сделал это на трибуне. Если кто и слышал все, что я сказал, то это шериф.

– И что он сказал?

К щекам Тави прилил румянец.

– Иди к маме, мальчик. Это была его главная фраза, которую он повторил мне трижды. Иди к маме, мальчик. Ни у кого нет времени тебя слушать. Ты не будешь здесь выступать.

– И все? – разочаровался Хинта.

– Еще он сказал, что я бы не нес эту чушь, если бы видел хоть одного живого омара. И что зал – как бомба, а я – дурачок, пытающийся поджечь фитиль.

– Он тоже говорил про гнев толпы?

– Не знаю. Это ты и моя мама говорили про гнев толпы. А шериф как будто испугался чего-то большего. Как будто у них с председателем уже был план, а я мог его сломать. Как будто была какая-то еще опасность – опасность в людях, стоявших в пяти метрах от нас – которой они боялись больше, чем омаров... Это еще одна причина, по которой я со вчера не в себе, но до сих пор у меня не было времени об этом думать. Хинта, скажи, а в Шарту может начаться что-то вроде гражданской войны?

Хинта нахмурился.

– Мы не литская ойкумена. Невозможна война в таком маленьком месте, как один поселок. У нас буквально один воздух на всех. Если начать делить ресурсы с оружием в руках, все просто погибнут.

– Да, я понимаю. Но мне показалось, что они боятся вовсе не за меня. Им плевать было – ну, засмеяли бы меня люди. В самом крайнем и невероятном случае мама лишилась бы работы, и мы превратились бы в изгоев, перед которыми закрыты все двери. По крайней мере, она меня этим пугала – хотя и не представляю, кем бы Джифой мог ее заменить. Но там, на трибуне, было что-то другое. Как будто в поселке уже сформировалась некая третья сила. Хотя нет, «третья сила» это слишком конкретная гипотеза. А там не было ничего конкретного, лишь какое-то напряжение, какое-то настроение. И я не понимаю, что это, но оно меня тревожит.

– Может, вопреки твоим ожиданиям, они все-таки приняли тебя всерьез. Тогда они могли испугаться, что ты склонишь лишних сто человек в пользу «Джиликон Сомос».

– Да, наверное. Наверное, если все будет хорошо, мы никогда не узнаем, чего или кого нам следовало бояться.

– И я бы хотел не узнать. – Хинта перешел к следующей грядке, сходу наткнулся там на два черных полипа и начал тщательно заливать их ядом.

Так они работали и беседовали почти до самого вечера. На остаток месяца это стало традицией: Хинта, заменяя отца, трудился в теплицах, Тави составлял ему компанию. Они много разговаривали и спорили, но, в конечном счете, наслаждались свободой и тем, что могут побыть вдали от взрослых. Ашайта совершенствовал технику игры с Иджи. Поселок пребывал на осадном положении, но омары больше не нападали. Каникулы неуклонно подходили к своему концу. И только раз за все это время выдался день, который отличался от остальных – это был день погребальных обрядов, когда Шарту предал своих мертвецов льду и пламени.

Хинта и Тави заранее договорились, что перед погребальной церемонией зайдут к Дване. Но когда Хинта уже вышел из дома, Тави позвонил ему и сообщил, что опоздает.

– На меня обрушилось срочное дело, и я должен кое-куда пойти. Прости. Обещаю, это не займет и получаса.

Хинте осталось лишь обиженно согласиться. Они решили, что встретятся прямо перед домом Дваны. И вот, десять минут спустя, Хинта стоял там один, нервничая и досадуя на Тави.

День выдался пасмурный, небо клубилось серо-фиолетовыми тучами; мир погрузился в предгрозовые сумерки, но дождь еще не начался. Налетающий с востока ветер-буревестник гнал поземку красной пыли. На всей улице не было ни одного прохожего, лишь бойцы патруля сторбленными тенями бродили у дальнего перекрестка. А на площадке перед домом были установлены саркофаги – мужской и женский – сглаженно повторявшие форму человеческих тел. Их изголовья были приподняты над землей, раздвижную крышку каждого украшал барельеф с изображением лица и фигуры, так что создавалось впечатление, будто недвижимые тела полулежат, вкушая прелесть последнего отдыха, и грезят в ожидании вечности.

Литская ойкумена воспринимала себя как наследницу великой Лимпы, поэтому традиции всех официальных церемоний были связаны с лимпским мифологическим каноном. Ритуальных дел мастер обычно вырезал на саркофагах фигуры узнаваемых героев, а их лицам отчасти придавал черты умерших. Так эти изображения становились своеобразным льстивым смещением посмертной маски и величественного лика. В изображении на женском саркофаге Хинта узнал сразу двоих: это была и мать Дваны Имара, и героиня Крея. Мужской саркофаг изображал отца Дваны Виджру и, в то же время, героя Брадрика.

По легенде, Бадрик и Крея были гражданами Лимпы и участвовали в ранних конфликтах между ней и Притаком. Им, необученным и юным, поручили делать вылазки в лагерь врага. Во время одного из заданий они попали в плен и погибли. Собственно, смерть и считалась их главным подвигом. Когда их схватили, Бадрик знал о военных планах своего командира. К нему применяли ужасные пыточные машины, но он не выдал тайну. Тогда на его глазах палачи Притака начали истязать Крею. Бадрик не смог вынести этого зрелища и сделал вид, что рассказывает им правду. Его слова привели врагов в западню. А он и его подруга нашли способ так сцепиться путами, что удушили друг друга.

Хинта сам от себя скрывал, что обычно избегает этой легенды, так как в ней его любимый технократический Притак представал в предельно отвратительном свете. Однако сейчас он был вынужден признать, что сюжет выбран отлично. Гибель четы Лакойф в плену у омаров, должно быть, куда больше походила на мученическую смерть Брадрика и Креи, чем на любой из более привычных героических финалов.

Земля под постаментом была заботливо укрыта черным покрывалом. Ветер припорошил его песком, и от этого казалось, что оно лежит здесь давным-давно. По углам черного квадрата были воткнуты высокие ритуальные шесты, на концах которых трепетали изорванные лоскуты багровой ткани. Хинта слышал про них, что они символизируют войну и опустошение.

Он уже несколько раз в своей жизни становился свидетелем и даже участником погребальных церемоний, но никогда еще не оказывался, как сейчас, наедине с алтарем чужой смерти. Его заполнило незнакомое тянущее чувство. Оно было сродни страху или напряженному ожиданию, вот только он не смог бы объяснить, чего ждет и чего боится. Он хотел отойти или даже вовсе уйти, но вместо этого будто оцепенел. Так он стоял, вжав голову в плечи, не в силах сдвинуться с места, и разглядывал саркофаги. Он знал, что внутри они пусты – ведь родителей Дваны так и не нашли. Но от этого понимания почему-то делалось только хуже. Эта ритуальная сцена краха, гибели и запустения хранила дополнительную пустоту у себя внутри и была обречена навсегда остаться незавершенной. Ветер пел и шуршал в динамиках его скафандра, хлопала привязанная к шестам рваная ткань.

– Память, – как бы стараясь отгородиться от того, что видит, прошептал Хинта. Он простоял на месте уже минут пять и, наверное, стоял бы так еще долго-долго, но его единение с духом смерти было нарушено – шлюз дома Дваны открылся, на крыльцо вышла женщина. Невысокая, толстая, она носила скафандр под свою комплекцию. Хинта догадался, что это тетя Дваны. Ее шлем был повязан черно-красной траурной лентой, вторую такую же она несла в руках. С некоторым испугом Хинта осознал, что она идет прямо к нему. Вот она обошла вокруг ритуальных шестов, и они уже стоят лицом к лицу. Хинта положил руку на кнопки передатчика, чтобы включить громкую связь, но женщина пальцами показала ему «четыре-три». Хинта понял, что это приглашение к радиосвязи, и набрал канал.

– Простите, пта, я, наверное, не должен здесь стоять.

– Нет, все нормально. Это так и сделано, чтобы люди подходили. – Она протянула ему ленту. – Повяжи на шлем.

– Спасибо. Мне очень жаль, что они умерли. Вы ведь тетя Дваны?

– Я Кифа, сестра Имары. Увидела тебя в окно и решила, что приехал родственник из Литтаплампа. Но теперь понимаю, что ошиблась. Он, наверное, так и не приедет. Мы, наверное, для него уже никто.

Хинта оглянулся на дом. Окна в знак траура были заклеены специальной черной пленкой, которая создавал ощущение, будто внутри клубится вечная ночь.

– Это только отсюда кажется, что стекла стали непрозрачными, – перехватила взгляд мальчика Кифа, – а изнутри хорошо видно улицу. Так кто же ты?

– Я знаю Двану по школе. Не близкий друг, но решил, что должен прийти. Простите, я очень невежливо себя веду. Это от растерянности. Вы представились, а я – нет. Меня зовут Хинта Фойта. Рад знакомству.

– Если ты пришел к Дване, то заходи в дом.

Хинта мямл в руках черную ленту.

– Я жду друга. Мы общались с Дваной вместе. Так что лучше мы зайдем вместе.

– Как скажешь. Но лучше вам поспешить. Людей приходит все больше. В доме уже много гостей. Через час там будет не протолкнуться.

– А как себя чувствует Двана?

– Как может себя чувствовать мальчик, родителей которого утащили омары? Обязательно повяжи ленту.

Она ушла назад в дом. Хинта долго возился с лентой, потом вновь застыл, глядя на саркофаги. Они были сформованы из специального черно-золотистого термодинамического металла. Черты героя и героини казались резкими, рубленными, невидящие глаза глядели в небо.

Плененный этой мрачной красотой, Хинта не заметил, как Тави подошел к нему, и вздрогнул, когда друг тронул его за плечо. В других обстоятельствах это было бы забавно, но сейчас ни один из них не улыбнулся. Хинта окинул Тави взглядом и увидел, что тот сжимает в одной руке какой-то металлический предмет. Свободной рукой Тави указал на свой радиопередатчик; мальчики включили связь.

– Пока тебя не было, тетя Дваны выходила из дома, дала мне черную ленту и сказала, чтобы мы поторопились, иначе не успеем с ним поговорить, – сказал Хинта. – Пойдем.

– Подожди. Я не просто так опоздал. Смотри.

Тави поднял блестящую вещицу на раскрытой ладони. Это оказалась стальная коробочка с крошечным кодовым замком на защелке. По желанию владельца она могла бы стать почти неприступным микро-сейфом, однако сейчас была просто захлопнута, и открылась, как только Тави сдавил ее по бокам.

Внутри оказался небольшой золотой прибор. Его корпус был выполнен в форме диска с резными краями. В специальных выемках чернели непонятные узорчатые надписи. Между ними уместились три ма-

леньких линзы, под каждой из которых медленно крутилась разноцветная стрелка. Это устройство было до того красивым, что от одного его вида у Хинты перехватило дыхание. Тави позволил ему смотреть лишь мгновение, потом настороженно окинул взглядом улицу и закрыл футляр-сейф.

– Вечный Компас? – выдохнул Хинта.

До сих пор он видел такие штуки только в ламах и на голографических страницах учебников истории. Подобные компасы получили название «вечных», потому что умели рассчитать север вне зависимости от того, как менялось магнитное поле Земли. Их изобрели в первое десятилетие после катастрофы, когда все прежние навигационные приборы вышли из строя. Хотя снаружи компас выглядел примитивным, внутри у него должен был помещаться искусственный интеллект и батарея огромной мощности.

– Где ты его взял? И почему раньше не сказал?

– Я час назад еще не знал, что он у меня будет. Из-за этого и опоздал. Его захотел отдать один богатый человек из администрации поселка. Но сейчас это не важно. Это будет наш с тобой дар для Дваны.

– Пусть даже это роскошная вещь, разве уместно дарить в такой день?

– Уместно, если это вторая реплика компаса Тайрика Ладиджи. Это не просто дорогая игрушка, а символ надежды.

Хинта всем телом подался вперед, и они с Тави уперлись шлем в шлем.

– Не может быть, что он настоящий.

Тайрик был героем Джидана. Его знали за многие подвиги. По легенде, он и его отряд однажды были вынуждены с боем отступить из укрытия во льды. Превосходящие силы Лимпы гнали их в холодную пустыню, пока не началась буря. Тогда преследователи испугались и повернули назад, а Тайрик и его израненные люди остались под ударом стихии среди белых скал и торосов. У них не было с собой ни транспорта, ни провизии. Через неделю джиданцы признали своих друзей погибшими. Однако через двадцать два дня Тайрик со своими бойцами вышел из льдов и обрушился на тыл армии Лимпы там, где этого никто не мог ожидать. После короткого победоносного боя он и его воины отняли у врагов транспорт и вернулись на нем к своим.

Как они выжили, осталось загадкой. На все вопросы Тайрик отвечал, что его вел компас. С тех пор этот компас стал символом надежды для всех джиданцев. С него было сделано три тысячи первых реплик, и генералы Джидана на протяжении следующих двадцати лет войны вы-

давали их в качестве талисманов семьям пропавших без вести бойцов. Если Тави говорил правду, то у него в руке лежала вторая реплика – копия, сделанная с одной из первых реплик. Самых первых реплик фактически не осталось – почти все они были утрачены, когда пал Джидан. Остальные копии знаменитого компаса стали трофеями Лимпы и Притока. Но со временем исчезли и Лимпа, и Притак. На протяжении шести веков реплики ломались и терялись. В литской ойкумене их сохранилось всего несколько, и тогда с них начали делать вторые реплики. Вторых реплик было, конечно, больше, чем первых, но все равно эти вещицы оставались редкостью. Даже для съемок ламов, насколько знал Хинта, использовалась не настоящая копия компаса, а графическая подделка.

– Я не придумываю, – сказал Тави. Хинта посмотрел ему в глаза и увидел там правду. К тому же он знал, что Тави не стал бы шутить на такую тему.

– Покажи тыльную сторону. Если там спиральная надпись, как в ламе...

– ...о Риджи Птаха? Да, она там. – Тави снова нервно осмотрел улицу, раскрыл футляр и осторожно перевернул компас. Хинта увидел то, с чем не могло смириться его чувство здравого смысла – выгравированную на литом донце компаса спираль из слов на непонятном языке. Это послание – джиданские заклинания надежды – отсутствовало на компасе самого Тайрика, но было почти на всех первых репликах, а с них перешло на вторые.

– Как кто-то мог такое отдать? – спросил Хинта. Лам о Риджи Птаха они смотрели втроем с Дваной. Реплика была показана там в побочном сюжете. Ее вручили семье пропавшего героя. Через месяц тот так и не вернулся из льдов, и было решено провести символическое погребение. Девочка, дочь героя, оставила компас среди других подарков, которые живые должны сделать мертвому. А на следующий день ее отец, как по волшебству, вернулся домой.

– Тетя Дваны ведь сказала, что мы опаздываем, – напомнил Тави. Они пошли к дому, но Хинта все еще не мог успокоиться

– И все-таки, как можно отдать то, что способно вернуть твоих близких, если те пропадут!?

– Люди отдают такие вещи по разным причинам. Иногда потому, что им самим уже некого ждать, а чужая боль им безразлична. А иногда потому, что они считают такие вещи суеверием.

– А ты уверен, что это не подделка? Потому что я не знаю, как настоящая вторая реплика может попасть в руки мальчишки из Шарту!

– Я бы не хотел обманывать Двану даже случайно. Но нет, конечно, я не могу проверить это сам. Я просто верю человеку, который мне ее дал.

– Почему ты не можешь сказать, кто это?

Они уже были на первой ступеньке крыльца, и тут Тави с неожиданной силой схватил Хинту за локоть.

– Хорошо помнишь лам о Риджи Птаха?

Они опять оказались лицом к лицу.

– Вроде.

– Тогда ты помнишь, что этот талисман лучше работает, если остается тайной дарителя и того, кто дарит. Он не любит, когда про него говорят. Мы с тобой дарим – и имеем право знать. Двана тоже имеет право знать. Все остальные – нет. Даже его тетя не должна знать. И ты не можешь спрашивать у меня имя того, кто дал эту вещь мне. Кроме того, это ужасно дорогой антиквариат, и в Шарту найдется сотня людей, которые пожертвуют своей совестью ради такой наживы. Просто представь, Хинта, что мы можем сделать что-то ради возвращения двух людей или, может быть, вообще всех похищенных! Разве ты не сохранишь ради этого тайну?

– А тот человек, который тебе это дал? Он ведь знает про Двану?

– Нет. Он знает лишь, что я пойду на погребальную церемонию в семью, где два человека пропали без вести. Ему безразлично горе Шарту. А о Дване он знает не больше, чем все остальные. Поверь мне, Хинта, сейчас не имеет значения, кто этот благодетель. Он уже сделал свой выбор, и его участие в этой истории закончилось.

Хинту разрывало от любопытства, но он понял, что бесполезно задавать новые вопросы, и лишь вздохнул.

– Ладно, я не буду больше спрашивать. И от меня никто ничего не узнает. Клянусь здоровьем брата.

Тави отпустил его руку. Они поднялись на крыльцо и попросили Кифу открыть им шлюз. Уже там, стоя с Тави плечом к плечу, Хинта окончательно осознал, насколько невообразимую вещь пытается сделать его друг. Если бы реплика досталась ему, Хинте, он бы не смог ее отдать никому. Она была бы предметом его тайной гордости, темой осторожных игр и детских научных экспериментов. И потом, если бы он однажды решился ее продать, она стала бы его билетом в жизнь – ведь настоящая вторая реплика могла стоить столько же, сколько весь фрат, произведенный в Шарту за пару лет. Но Тави имел силу воли, чтобы нести эту вещь для другого. И это притом, что он несколько раз за последние дни с отвращением вспоминал о вспышке гнева, с которой Двана бросился на

омара. Хинте даже казалось, что он не захочет больше видеть одноклассника. Но потом именно Тави настоял, чтобы они сюда пошли. И вот теперь Тави принес компас. На Хинту накатил прилив благодарности за то, что Тави сделал его участником этого благородного жеста.

– Да, ты прав, это чуть ли не единственный предмет, который уместно дарить по такому случаю. Спасибо большое, что позволил мне увидеть его, что сделал меня вторым дарителем.

Тави оглянулся на него и на мгновение сжал его руку.

– Жаль, не было времени завернуть.

Потом внутренние двери шлюза открылись, они оказались среди других людей, и разговор о компасе пришлось прекратить.

В доме Дваны действительно было немало гостей. Почти во всех помещениях царили глубокие сумерки, лишь на кухне горел яркий свет. Его ромбовидный луч проникал в прихожую и отражался от блестящего пола; на лицах собравшихся бледнели блики-осколки. Люди стояли небольшими группками, переговаривались шепотом. Приглушенный гул их голосов напоминал тот звук, которым шумит зал за мгновение до начала премьеры в ламрайме. Но здесь не было праздника, и никто не собирался смотреть лам, а перешептывание двух десятков голосов все длилось и длилось.

Тави и Хинта тихо, стеснительно прошли вперед, между знакомых и незнакомых лиц. Многие из гостей так и не сняли скафандры – в раздевалке кончилось место. Взрослые, которых было в разы больше, чем детей, пили что-то из маленьких крученых рожков-бокалов. Какая-то женщина беззвучно плакала и не пыталась вытирать лицо – слезы на ее щеках блестели мокрыми дорожками.

Хинта уже бывал у Дваны и привык, что здесь просторно. Но теперь комнаты большого дома показались ему тесными и душными. В знак траура почти вся мебель была задрапирована черной тканью; ковры, пушистые сидушки, прочие приметы бытового уюта исчезли. Улица, как и сказала Кифа, виднелась сквозь заклеенные окна, однако мир за черным стеклом выглядел ненастоящим и плоским, будто изображение на тусклом экране.

– Как будто мы сами уже не на этом свете, – чуть слышно сказал Тави. И Хинта вдруг с удивлением понял, что все еще помнит очень красивые слова, которые слышал на первой погребальной церемонии, куда его привели еще ребенком.

– Половину чувств своих ты отдашь, – тихо процитировал он, – половину лиц ты забудешь, и вполовину ослабишь дыхание свое, когда войдешь в вечную ночь смерти.

Тави оглянулся на друга.

– Послевоенный нерифмованный стих?

Хинта пожал плечами.

– Это читали на похоронах женщины, которая попала в аварию вместе с моей матерью.

Они прошли примерно половину коридора, когда их встретила Кифа.

– Мальчики, – показала она, – он там.

– Я Вам очень соболезную, – сказал Тави. Женщина признательно кивнула, но ничего не ответила, и друзья пошли дальше.

Двана был в своей комнате. Одетый в официальный костюм, он сидел на краю закрытой черными чехлами постели и безучастно смотрел в тусклое окно. Его руки безвольно свисали между колен, а сам он выглядел таким изможденным, будто в одиночку прошел пустоши до Акиджайса и обратно. Когда Тави и Хинта остановились на пороге комнаты, он не повернул к ним головы и вообще никак не отреагировал на их присутствие. Несколько долгих мгновений они созерцали его осунувшийся, обострившийся профиль. Потом Тави набрался решимости, подошел и тихо сел рядом с сиротой.

– Мы пришли тебя поддержать.

Двана медленно обернулся.

– Ну да, – каким-то странным, запавшим внутрь себя голосом, ответил он. – Привет.

– Привет, – сказал Хинта. Он остановился напротив, не решаясь сесть. Двана молчал и скоро снова отвернулся к окну.

– Помнишь лам о Риджи Птаха? – спросил Тави. – Мы смотрели его вместе.

В лице Дваны что-то болезненно шевельнулось, он пожал плечами.

– Помню. Но не понимаю, к чему это. Мою семью убили. Не думаю, что меня можно от этого отвлекать. Другие до вас уже пытались.

– Ты не знаешь, убили их или нет. Их не нашли.

Двана закрыл глаза. Его лицо в полутьме казалось маленьким, бледным, некрасивым. Хинта помнил его совершенно другим: пухлощеким, бойким, с горящими глазами и вьющимися волосами редкого медно-каштанового цвета.

– А еще никто не нашел человека, упавшего в реку лавы во время землетрясения. И что же теперь, будем считать его пропавшим, а не мертвым?

– Люди выживали в условиях более жутких, чем пустоши. Во льдах, в воде, в космосе, на полях сражений, где все горело. И мы здесь только потому, что люди пережили все это. – Тави протянул Дване коробку с компасом. – Это тебе. Посмотри.

Двана взглянул на стальной футляр, потом взял в руки. Его движения были неловкими, заторможенными, и у Хинты вдруг сердце ушло в пятки от мысли, что Двана в его состоянии может уронить компас или сделать с ним что-то еще.

– Никто не выживает в плену у омаров, – сказал Двана, держа бокс с компасом на ладони.

– Да, – согласился Тави, – никто раньше не выживал в плену у омаров. Но все когда-нибудь случается в первый раз.

Двана посмотрел на него долгим, темным взглядом.

– Они мертвы, – сказал он, а потом без перехода спросил, – как это открыть?

Тави настороженно глянул на дверь, но там никого не было.

– По бокам.

Двана нажал, и маленький футляр-сейф беззвучно распахнулся. Компас был таким ярким, что будто засветился в темноте. На мгновение он стал единственной заметной вещью в этой комнате, полной тоски и черных драпировок.

– Вечный?

– Да.

Губы сироты тронула полуулыбка неприятной, скорбно-равнодушной иронии.

– Если бы мне это подарили две недели назад, я был бы самым счастливым ребенком в Шарту. Сейчас – не поможет.

– Это компас Тайрика Ладиджи, – сказал Хинта, когда Двана уже хотел небрежно захлопнуть футляр. – Вторая реплика.

Двана какое-то время неподвижным взглядом смотрел на подарок, затем у него сбилось дыхание, а потом его начало трясти. Это началось с головы, перешло на плечи – и выглядело жутко, словно внутри у него разом треснули все кости. Он запрокинул голову, обнажил зубы в сардоническом подобии улыбки, а потом сквозь этот оскал прорвались тихие, похожие на смех всхлипы. Рука его так дрожала, что Хинта понял – компас сейчас упадет. Он не мог позволить этому случиться и заключил ладонь Дваны в свои. Тот резко вырвался. Компас остался у Хинты.

– Все в порядке, – испуганно прошептал Тави, – все нормально. – Он попытался обнять Двану за плечи, но тот вывернулся и обеими руками толкнул-ударил Тави в грудь. – Все в порядке, – обезоружено отстраняясь, повторил Тави.

Двана сжался в комок. В его измученном лице вдруг проступила пугающая эмоция демонической злобы.

– Не трогай меня, – всхлипнул-процедил он. Тави и Хинта, пораженные такой реакцией, молча смотрели на него. Двана, в спазме новой судороги, не вынес их взглядов и совсем сжался, спрятав голову между руками и коленями.

– Зачем? Зачем вы это сделали? Зачем вы со мной так? Это не смешно.

– Компас настоящий, – сказал Тави.

Двана несколько мгновений просто задыхался.

– Какая разница, – наконец, произнес он, и его судорога превратилась в горькие слезы. – Они не вернутся! – громко зарыдал он. – Это же понятно, что они не вернутся! Они мертвы.

Он поднял мокрое лицо, встретился взглядом с Хинтой, а потом, неожиданным выпадом, протянул руки вперед и вырвал компас. Хинта испугался, что Двана захочет уничтожить прекрасную вещь. Но тот, наоборот, прижал компас к себе и скорчился, продолжая плакать.

– Они мертвы. Они мертвы. Это ложная надежда. Не нужно было так.

– Тогда не надейся, – сказал Тави. – Сделай все как нужно, положи компас среди даров мертвым. Но не надейся, ни на что.

– И не показывай его никому, – добавил Хинта. – Это должно быть тайной.

– Я помню, что с ним делать, я помню... – Двана снова захлебнулся в слезах. В этот момент в комнату вошла Кифа.

– Что вы с ним сделали? – всполошилась она. – Что вы ему сказали?

– Ничего, – ответил Тави.

– Как же ничего?

– Они... они ничего не сказали, – всхлипнул Двана, – я просто вспомнил... вспомнил... родителей.

Ярость Кифы мгновенно пропала, она бросилась на колени перед мальчиком, а он уткнулся лицом ей в плечо. Но Хинта видел, что одной рукой Двана тайно прижимает футляр с компасом к животу. Его истерика постепенно переходила в оцепенение. Хинта и Тави попрощались, высказали свои последние соболезнования и ушли.

На улице, когда они подходили к перекрестку, мимо них проехал кортеж из трех небольших пассажирских машин. Это были внедорожники-полуджипы, способные и ездить на колесах, и ходить на ногах. В черте поселка они держали свои суставчатые конечности сложенными и прижатыми к корпусу.

– Куда это они? – удивился Хинта. – Здесь неудобно выезжать из Шарту.

– Это Джифой. Я знаю его машины. Думаю, они туда, откуда мы.

– Даже не верится. – Они замедлили шаг и оглянулись назад, чтобы увидеть, как полуджипы тормозят около дома Дваны.

– Ничего особенного. Они были его работниками. Хотя есть что-то неприятное в том, что, будь они живы, он бы никогда не посетил их дом. Мне кажется, он бы не пришел даже в том случае, если бы они умерли как-то иначе.

Дальше они шагали молча, не в силах обсуждать то, что сделали для Дваны. Погода окончательно испортилась, начался дождь. Ветер бросал мелкие капли в стекла шлемов, среди темно-фиолетовых туч яростно-белыми разломами вспыхивали первые зарницы.

– Пойдешь на большую церемонию? – спросил Хинта, когда они добрались до площади, откуда надо было расходиться по домам.

Тави запрокинул голову, посмотрел на небо.

– Да. Я хочу жить с открытыми глазами, хочу видеть все, что происходит в Шарту. Не только хорошее, но и боль, и ненависть, и бурю; все, что в людях, и между людьми, и вокруг.

Хинта кивнул.

– Тогда после обеда увидимся снова. Церемония начнется на платформе. Там будет толкучка. Подходи к домику Фирхайфа.

– Договорились.

И они расстались на два часа.

Хинта пришел на церемонию вместе с отцом – Лика решила, что для нее это будет физически тяжело, и осталась дома присматривать за Ашайтой. Когда Хинта и Атипа поднялись на перрон тихоходного, тот был заполнен скорбящими. Стихия продолжала бушевать, но это не отпугнуло селян, желающих проводить мертвых в последний путь. Люди сбивались в плотные группы, поворачивались спиной к ветру, держались за поручни. Погрузочный терминал отмыли от фрата, а что не смогли оттереть рабочие, домывал проливной дождь. Тихоходный, не-

привычно чистый, темной лентой тянулся вдоль погрузочной полосы. Часть его ячеек изменила цвет с синего на черный; в них были установлены саркофаги погибших и пропавших без вести. Над перекрашенными бортами хлопали мокрой тканью ритуальные флаги.

Атипа почти сразу встретил каких-то знакомых и остановился поговорить. Хинта пошел вдоль всей платформы к домику Фирхайфа. По пути он считал саркофаги: девять пропавших, пять убитых омарами, еще двое умерших в госпитале Шарту от ран – итого шестнадцать. Лица полутероев-полулюдей под бурным небом. Мать и отец Дваны лежали последними. Сам Двана, в черном полускафандре с голубыми и золотистыми вставками, стоял у края перрона и смотрел на отлитые из металла лики родителей. Через плечо у него был перекинут небольшой вещевой мешок, и по напряженно-бережливой позе Дваны Хинта вдруг ясно понял, что компас там. Он думал подойти, но вокруг Дваны плотным кольцом стояли другие люди, включая Кифу, и Хинта решил, что будет лишним в этом кругу. Он прошел мимо, и уже через минуту обнаружил Тави: тот ждал у головного вагона рядом с Фирхайфом. Машинист угрюмо подбоченился, повернувшись в полкорпуса к ветру; его грузная фигура казалась несокрушимой, как скала, вокруг прозрачного шлема профскафандра непрерывной вертушкой мельтешили механические дворники, так что дождь не успевал заливать стекло. Он разговаривал с Тави на громкой связи.

– Я почти всех их помню. И все, кроме одного фермера, были моложе меня. А семерых я знал ребятками. Вот уж не думал, что повезу их сам из мира живых в мир мертвых... Привет, Хинхан. Как ты?

– И Вам привет, Фирхайф. – Хинта неловко тронул старика за плечо, и тот в сердцах притянул мальчика к себе. – Не так плохо. А Вы?

Фирхайф прищурился и отвернулся.

– Буря.

– Тяжело будет ехать? – спросил Тави.

– Поезду и мне – нет, а вот пассажирам придется стоять на грузовых платформах. Сильно потреплет ветром. Но тут уж ничего не поделаешь – народу много, а сидячих мест всего сорок шесть. – Он обратил неожиданно ставшее измученным и по-детски печальным лицо к небу. – Для мертвых это хорошо. Из-за молний весь Шарту полон теней и вспышек. Солнце скрылось, сумерки сгущаются среди бела дня. Вода пеленой застилает обзор. И это все означает, что двери в другой мир открыты очень широко.

– Религии прежних веков были такими разными, – сказал Тави, – но все сходились на том, что мертвые любят особую темноту – темноту,

полную огней, темноту, которая нужна затем, чтобы в ней что-то сияло. Молнии в грозу. Толща льда, сквозь которую пробиваются всполохи огня. Горящие площадки, плывущие по воде. В доме, где кто-то умирает, мы создаем искусственную ночь, но оставляем в одной комнате включенными все лампы.

– В Притаке делали то же самое, – вспомнил Хинта. – Они вообще не верили в жизнь души, но считали, что после смерти человека от него остается энергия, которую можно использовать для создания призрака. И он – этот призрак – выходил из света в темноту и там вселялся в тело особой машины, которую для него готовили жрецы.

– Да, может быть и такая темнота, с машиной внутри. С другой стороны, темнота, полная огней, вообще бывает очень разной. Звездная ночь – совсем не то же самое, что небо, закрытое черной грозовой тучей. В литской ойкумене осталась лишь принятая в Лимпе религия льда и огня. Гроза с ее водой и молниями отлично подходит этой религии. Но мне нравится думать, что, покидая тело, мы не остаемся здесь и не проваливаемся вниз, а уходим вверх по лучу.

– Так ты веришь в джиданский ветер мертвых? – уважительно спросил Фирхайф.

– Звездный ветер. Он не для мертвых, потому что он – само отрицание смерти. Он для всех живых существ. Приносящий нас сюда и уносящий нас отсюда, он обеспечивает странствие душ через миры. – Тави глубоко вздохнул. – И нет, я не верю в это по-настоящему. Ведь невозможно по-настоящему исповедовать религию, последнего прямого носителя которой расстреляли шесть веков назад. Просто мне нравится эта мертвая религия мертвого народа. По-моему, она лучше нашей.

Фирхайф не стал возражать.

– Все получают свое, – обещал он, – вот увидишь. После бури будет звездная ночь.

Так они разговаривали еще около получаса. Хинта вставлял в разговор лишь отдельные реплики, но при этом ощущал, что по-настоящему участвует в общении. Его сердце было кроваво разорвано и развернуто навстречу каждой истине, которую он слышал, и он снова ощущал благодарность: к Тави – за то, что тот своими словами делает смерть красивой, и за то, что они вместе подарили Дване компас; к Фирхайфу – за его стариковские слезы и за то, что тот поведет особый рейс тихоходного поезда.

Колумбарий был расположен за границами поселка – относительно прежнего Шарту он находился на западе, относительно нынешнего оказался на востоке, ровно на полпути между поселком и морем. Монорельс выписывал среди полей сложную петлю. Хинта и Тави были вынуждены расстаться с Фирхайфом – все сидячие места заняли взрослые, и им пришлось искать себе место на одной из грузовых платформ. Там они и стояли, вцепившись руками в борт, удерживаясь под шквалом дождя. Поезд, сияя огнями, летел над темным болотом размокших фратовых полей. Когда поселок остался позади, монорельс начал делать плавный поворот, и Тави показал рукой на уплывающую вдаль светлую линию улиц.

– Какой маленький наш Шарту. Совсем крошечное место, а вокруг темнота.

Хинта протер ладонью экран шлема, тоже посмотрел на этот исчезающий вдали свет, и его вдруг поразила страшная в своей цельности мысль.

– Даже наши поля фрата для нас слишком велики, не говоря уже про пустоши. Не говоря уже про мир. Я не знаю, принадлежат ли души умерших звездному ветру, но думаю, что точно нет того отдельного ледового чертога, куда, как принято верить, уходят умершие.

– Почему?

– Потому что он не нужен. Теперь я это вижу. Мы возделываем отравленную землю. А она не прощает нам ни одной ошибки, калечит и убивает нас. Мы маленькие перед огромной хищной пустотой. Смерть всегда у нас на пороге. Все вокруг смерть. Все принадлежит смерти. Зачем отдельный мир смерти и мертвых, когда наш мир и есть мир смерти и мертвых?

– Ты прав и не прав. Это игра слов. Мы живем в мире, где умрем, и в этом смысле мир смерти – здесь. А во всех религиях так называемый мир мертвых – это мир, заселенный мертвыми, мир вечной жизни, где уже никто не умрет. Ледовый чертог нужен, просто он называется неправильно.

Хинта задумался. Поезд летел вперед, и далекий свет становился все меньше. Ветер и дождь не могли проникнуть сквозь герметичный материал полускафандра, и все же было страшно в этой ревущей ночи уноситься в темноту и вдаль от дома.

– Тогда мир мертвых следовало бы называть миром живых, а мир живых – миром мертвых?

– По этой логике – да. Ну, или скорее, тот мир следует называть миром мертвых, а наш мир – миром смерти. Видишь, оба этих мира связаны со смертью, но по-разному. Наш мир – это мир смерти, но он точно не мир мертвых. Он вовсе не принадлежит мертвым. Они здесь ничто – просто разлагающиеся тела. Все, что с ними здесь происходит, все, что они будут означать – все это зависит от нас, живых. Это мы выбираем вести себя достойно или омерзительно. Мертвые не ропщут на нас. Они стерпят любое обращение, как стерпел плевки тот омар.

Поля неразличимой массой проносились вниз; лишь иногда их озарял белесый отсвет молнии. И было такое чувство, что поезд уже вырвался в жуткую даль, ушел далеко за пределы своего маршрута и просто летит во тьме – летит над самым океаном. А потом впереди и в стороне забрезжил новый источник света. Это был терминал колумбария.

– Я сейчас пытаюсь представить, каково быть одним из тех, кто уходит на юг и на запад, в охранные посты, – сказал Хинта. – Там ведь тоже дождь и тьма. А за ними могут быть омары.

– Страшно, – ответил Тави. Они замолчали, наблюдая, как растут огни. Несколько минут спустя тихиходный подошел к терминалу. Толпа схлынула с поезда и по каменному накату двинулась вниз с перрона. Мужчины подняли саркофаги на плечи – со стороны казалось, что те плывут по человеческому морю. Дождь продолжал лить. Горели софиты станции. Метались лучи ручных фонариков. Сверху долетал свет грозových зарниц. Мокрые скафандры сотен людей блестели, как пестрая чешуя.

Последний, пеший путь было принято совершать в молчании, и мальчишки не посмели нарушить это правило, хотя знали, что никто не услышит их радиоканал. Хинта не заговорил с Тави даже тогда, когда понял, что прямо впереди них идет Джифой вместе с матерью Тави и другими людьми из своей свиты.

Колумбарий был сооружен в просторной скальной каверне, вход в которую украшала галерея мощных нерукотворных арок из выветренного красного сланца. Они тянулись одна за другой, словно окаменевшие ребра огромного древнего животного, все разные – одни разрастались в темной вышине причудливыми соляными полипами, другие опускались над дорогой так низко, что высокий человек мог бы в прыжке тронуть их свод рукой, третьи обрушились во время прежних землетрясений, и об их форме можно было судить лишь по обломкам, сдвинутым на край дороги. Сама каверна представляла собой длинную широкую залу, наклон-

но уходящую в глубину. Полвека назад, в годы процветания прежнего Шарту, ее укрепили с помощью динамических гидро-распорных столбов. Со временем те срослись с соляными отложениями и стали выглядеть как причудливые деревья-сталагнаты, увитые кривыми сосульками из ржавчины и белой слюды. Искусственный свет в пещере был почти не нужен – из земли выходил горючий газ, и в нескольких местах пол залы был покрыт сетью глубоких черных трещин, над которыми плясали язычки редкого, неугасающего пламени. Вокруг огней дрожал раскаленный воздух, но потоком сквозняка его мгновенно вытягивало наружу. Всего в десяти метрах от вечного огня начиналась зона аномального холода, где лежал ядовитый ледник. По преданию, этот лед таял и не мог растаять до конца с самой Столетней Зимы.

Вдоль стен колумбария, на металлических стеллажах, стояли сжатые саркофаги. Они были в три раза меньше своих изначальных размеров. Их устанавливали в четыре ряда, друг над другом, чтобы барельефы мертвых складывались в единый иконостас. Под каждым саркофагом была небольшая, закрытая от посторонних глаз ниша для даров. По центру зала шла лента шарнирного конвейера. Саркофаги от легкого толчка могли сами катиться по ней вниз и до самого конца залы. Под конвейером располагались зоны тепла и зоны холода. Местами сквозь механизм было видно танцующий огонь – языки пламени облизывали шарниры, но те не теряли своего ртутного блеска.

Вся толпа уместилась в первой половине залы, настолько большой та была. Началось медленное ритуальное движение: люди подходили к леднику, вставали на колени, клали руку на лед. Никто не торопился, давки не было.

– Что нужно делать? – спросил Тави, когда они с Хинтой оказались у края ледника.

– Скажи «льда, по которому ступали мои предки, касаюсь я».

Они прикоснулись к леднику и хором произнесли эти слова. Их ладони оставили в краю ледяной плиты истекающие паром отпечатки.

Пока скорбящие прикасались ко льду, мужчины, взявшие на себя функцию рабочих, установили саркофаги в ряд у начала конвейерной ленты. А у входа в пещеру на маленький каменный подиум поднялся специальный человек, которого называли «мортейра» – Забирающий. Поверх скафандра он носил ритуальный черный плащ, сколотый у ворота золотой брошью. В обязанности ему подобных входило почти все, что было связано с мертвыми: заказывать саркофаги, обмывать и укладывать тела, следить за состоянием колумбариев, кладбищ и дарохранилищ, вести погребальные церемонии.

– Память, память, память, – произнес мортейра. Динамики его скафандра были настроены так, что проходивший через них голос звучал низко и мягко, раскатываясь по пещере густым баюкающим эхом. Мортейра ждал, пока к нему не повернутся все лица, а потом заговорил снова. По традиции, он должен был рассказать особую легенду-свидетельство – одну из тех, которые вспоминают только на подобных церемониях.

– Когда Мильпала, столица Лимпы, была охвачена огнем, когда рушились своды ее чертогов, а на улицах, некогда чистых, царили смерть и насилие – мальчик по имени Танрик успел надеть скафандр и бежать на поверхность в поисках спасения. Но там не было спасения – лишь ветер и снежная пыль. Два дня он пытался дойти до соседнего города, но когда в третий раз наткнулся на собственные следы, понял, что мучить себя бесполезно. Он лег и уснул, зная, что сон будет означать смерть.

Толпа слушала внимательно – мортейра выбрал редкий сюжет, который ни разу не слышали даже старики, побывавшие на десятках других погребальных церемоний.

– Он уснул. Его воздух кончился, холод пробирался в скафандр. Он потерял себя. А потом ему показалось, что он проснулся, проснулся бодрым и легким, и вдруг сразу понял, куда нужно идти. Он встал и пошел. Он шел несколько часов и оказался там, откуда вышел – у одного из надледных терминалов Мильпалы.

Забирающий сделал выразительную паузу, откинул в сторону плащ. Его лицо было скрыто маской, и присутствующим оставалось лишь следить за жестами его темной фигуры.

– И вот Танрик спустился в город. Там было тихо и чисто – он не увидел ни разрушений, ни мертвых тел. Ему показалось, что он все еще наблюдает отсвет пожарищ, однако тот был изменившимся, далеким, не способным обжечь. Этот неведомый свет проникал сквозь лед, и в городе царили огненные сумерки, каждое здание будто бы светилось изнутри. Всего несколько шагов сделал Танрик, и к нему вышли его родители. Они помолодели, стали счастливее, чем были раньше. Втроем они пошли по улицам, слушая тишину, внимая покою и созерцая счастье других.

– Кажется, я знаю, к чему он ведет, – шепнул Тави.

– Да, я тоже, – ответил Хинта. Но ни один из них не испытывал в этот момент разочарования, потому что такой и должна была быть эта легенда – ее суть заключалась не в интриге, а в надежде.

– Но чем дальше они шли, тем больше Танрик задумывался над тем, что видит. И вот он уже перестал верить, что это его город – слиш-

ком красивым и нетронутым тот был, слишком странно выглядели сполохи огненного света, сверкающие сквозь толщу льда. «Почему стоят эти колонны?» – спрашивал Танрик отца. «Почему живы те люди?» – спрашивал он мать. Отец ответил ему, что колонны пали; а мать возразила, что люди мертвы. И тогда Танрик заплакал – но все же он хотел остаться в тех чертогах

Толпа шевельнулась: все получили то, чего ждали, и напряжение истории спало.

– Однако, ему суждено было очнуться во второй раз – уже не внутри смертного сна, а от смертного сна. Так случилось, что его обнаружил спасательный отряд, посланный за другими людьми. И это была судьба, ее знак, потому что иначе он бы не рассказал живым то, что увидел мертвым.

Забирающий снова откинул свой плащ и повел рукой, единым жестом указывая на все стоящие перед ним саркофаги.

– Они еще не знают, что мертвы. Их души здесь. Им кажется, что они спаслись и могут снова вернуться домой, исполнить составленные при жизни планы. И они правы. Потому что их смерть, столь страшная для нас, незаметна для них.

Хинта заморгал, ощутив, как ему на глаза наворачиваются невольные слезы – такой эффект на него оказывала эта утешительная речь.

– Но чертог, в который они войдут, не будет их прежним домом. То будет место, где нет боли, где заживают все раны, где любимые вещи и любимые люди встречаются в вечности запечатленного мгновения. Мальчик Танрик прожил еще тридцать лет. Он вырос в мужчину, героя, и погиб младшим командиром в одном из последних сражений Великой войны. Умирая от ран, он был очень спокоен. Когда друзья спросили его, почему он так спокоен, он ответил им, что все прежние годы были для него лишь временем ожидания. Он ждал, когда снова проснется внутри сна, и вот сейчас он просыпается. Его сердце остановилось, а на устах была улыбка самого счастливого из людей.

Мортейра подобрал плащ, скрестил руки на груди и стал похож на спящего пещерного мутокрыла.

– Сейчас снова идет война. Она не такая большая, как прежние, но она – наша, и только нам в ней умирать. Мертвые призывают нас сражаться и мстить, но со спокойными сердцами. Живые, будем же полны веры в то, что надежда на другую жизнь есть даже тогда, когда нет надежды на эту. Заплачем же, как Танрик, узнавший, что находится в чертогах мертвых. Улыбнемся, как Танрик, узнавший, что возвращается в чертоги мертвых. Пусть слезы и улыбки будут на наших лицах, пусть печаль

и радость будут в наших душах в эту минуту, когда мы предаем льду и пламени тела тех, чьи души уже постигли лед и пламя.

Он воздел руки вверх – его плащ взметнулся трепещущей черной полусферой – и это было знаком для рабочих: они толкнули первый саркофаг, и тот через весь зал поплыл по шарнирной ленте.

– Тиба Джишай! – выкрикнул мортейра имя умершего. Он жестом вызвал кого-то из толпы, и на каменный подиум взошел мужчина средних лет в неброском сером скафандре. Несколько долгих мгновений он смотрел вслед удаляющемуся саркофагу.

– Он был моим братом, и он сражался за Шарту. Омары ранили его, когда мы прижали их к берегу. Я... Нет, не то... Я просто хотел сказать, что когда он лежал в больнице... когда он умирал... я вспомнил, какое у нас было потрясающее детство...

Он согнулся, будто сам был застрелен; динамики скафандра теперь передавали лишь рыдания. Мортейра осторожно поддержал его и помог сойти вниз. На трибуну поднялась девушка.

– Он был моим отцом, – тихо сказала она. А саркофаг уплывал все дальше. Когда он прошел над газовыми огоньками, его специальный термодинамический металл вспыхнул красным светом, а изнутри вырвалась струя пара. Этот белый пар означал, что из тела умершего во время кремации выкипает жидкость. – И еще он был хорошим человеком, простым хорошим человеком; заботился о других, и даже в свой последний день думал только о нас с мамой...

Она не знала, что еще сказать, и замерла, глядя на саркофаг. Тот скатывался дальше и уже добрался до зоны холода. Металл начал остывать, красное свечение исчезло, и он с тихим потрескиванием стал уменьшаться. Девушку на трибуне сменил другой человек, потом третий. Саркофаг изменял свое состояние всякий раз, как проходил через зоны жара и холода: то краснел и плевался паром, то с треском сжимался. Пока он проделывал свой путь, прощальное слово успели произнести все друзья и родные погибшего. Когда саркофаг достиг другой стороны зала, он стал уже таким маленьким, что мог встать в ячейку. Его торжественно подняли и перенесли к ряду, где хранились предки умершего. Родственники подошли, чтобы наполнить дарохранильницу. Потом на конвейер въехал следующий саркофаг, и мортейра выкрикнул новое имя. Так повторялось еще пятнадцать раз, пока очередь, наконец, не дошла до саркофагов четы Лакойф. Они были последними. Их столкнули на конвейер вместе, и они поплыли вдаль друг за другом.

– Виджра Лакойф! Имара Лакойф!

Несколько семей уже ушло, в зале стало немного свободнее, и Хинта с Тави смогли приблизиться к подиуму. Они подошли ровно в тот момент, когда Забирающий помогал Дване взойти наверх. Хинта смотрел на Двану, а потом заметил, что внимание Тави направлено в другую сторону. Он проследил за его взглядом и увидел, что тот сквозь толпу испепеляет глазами свою мать. Она отвечала сыну тем же. Они стояли по разные стороны от опустевшей ленты конвейера, между ними вспыхивали газовые огни, и какое-то мгновение это выглядело как начало какой-то страшной дуэли – одной из тех, которыми обычно завершаются зрелищные ламы. А потом Тави разорвал зрительный контакт с матерью и, как все, повернулся к подиуму.

– Они были мне отцом и матерью, – произнес Двана. После этих слов он замолчал, и Хинта улучил момент, чтобы обратиться к другу.

– Что это было? Я еще при сходе поезда увидел ее с Джифоем.

– Да, я тоже. Потом объясню.

Двана молчал слишком долго, и мортейра наклонился к нему, чтобы помочь. Но мальчик в ответ отрицательно повел плечами. Он стоял на подиуме, прижимая к себе сумку с Вечным Компасом, низко опустив голову, и следил, как от него удаляются саркофаги его родителей.

– Их часто не было рядом со мной, потому что они работали землемерами на краю пустошей. Но они... составляли весь мой мир. Больше, чем кто-либо из людей. Они любили друг друга и меня. Когда они пропали, я понял, что никого, кроме них, я по-настоящему и не знал. Они были веселыми и умными. Я всегда понимал, что у них опасная работа. Но привык жить, ожидая, что они вернуться.

В его голосе появились слезы, он часто задышал. Но Хинта и без того был поражен тем, как долго Двана говорит. Это был не тот уничтоженный, равнодушный мальчик, которого они с Тави пытались разговаривать шесть часов назад. Поначалу Хинта решил, что все дело в дающем надежду компасе. Он даже испугался, что Двана сейчас скажет «и я все еще жду, что они вернуться». Но тот произнес совсем другие слова.

– Теперь я жду, когда сам смогу отправиться в пустоши, – звенящим, полумальчишеским-полувзрослым голосом заявил он, – чтобы мстить со спокойным сердцем, как Танрик. И чтобы умереть за Шарту, если это будет необходимо!

Последние слова вырвались из груди Дваны почти на крике. Хинта нутром ощутил, как на все сказанное прореагировал Тави. А Двана, чуть отдышавшись, заговорил снова.

– Я знаю, что не принято делать такие вещи на погребальной церемонии. Но она уже подходит к концу, мои родители – последние, и я

хочу отступить от правил. Я прошу Листу Джифоя подняться сюда. Он имеет на это право, потому что давал моим родителям работу, и потому что спонсировал большую часть этой прекрасной церемонии. И еще потому, что от него теперь зависит наш следующий шаг в пустошах.

Толпа зашевелилась. Вероятно, она бы уже шумела, если бы голоса людей не блокировались скафандрами.

– Его подучили, – с яростью в голосе сказал Тави.

Землевладелец уверенно поднялся на каменный подиум. Мортейра не остановил его, он просто стоял рядом, пустив события на самотек. Возможно, такой поворот был ему по душе, а, возможно, он с самого начала знал, что церемония должна закончиться выступлением Джифоя.

– Они были моими подчиненными, – громко возвестил тот, – и я бы не посмел подняться сюда, если бы их сын не позвал меня. Ведь это я послал их на то роковое задание, о чем не прекращаю жалеть! Я послал их на смерть! А когда они пропали, не забил тревогу вовремя!

Он сделал сокрушенную паузу. Даже сквозь экран шлема было видно, как багровеет его лицо, когда он говорит.

– Ублюдок все спланировал заранее, – сказал Тави, – и устами беззащитного сироты превратил святилище в дополнительную трибуну.

– Я не знаю, как это возможно. Ты же видел, в каком Двана состоянии.

– Впрочем, как бы ни страдало мое сердце, я не думаю, что на мне или хоть на ком-то из нас лежит настоящая вина. Это могло произойти в любой момент, в любой стороне, с любым жителем Шарту. Но смерть этих прекрасных людей не была напрасной! Если бы они не вступили в неравную схватку с омарами...

– Не было же никакой схватки, – вставил Хинта. Тави ему не ответил. Он смотрел на Джифоя и сжимал кулаки.

– ...то мы бы до сих пор ничего не знали о дырах в нашей обороне. И кто знает, сколько жертв понес бы Шарту, если бы у омаров осталось больше времени на подготовку? Но я не о том говорю. – Землевладелец резко отмахнул рукой, потом приобнял Двану за плечи. Мальчик покачнулся под тяжестью его хватки. – Посмотрите на него! Это наш новый воин! Он – настоящее доказательство того, какими прекрасными людьми были его отец и мать. К чему нам слова, когда перед нами стоит этот юноша! Он не будет сидеть здесь, сжавшись от страха! Он не такой, как некоторые! Вы помните, помните, как он бросился на омара в гумпрайме? Да, это был именно он.

Хинта слышал в динамиках своего шлема дыхание Тави.

– Только не надо, – прошептал он, – пожалуйста, не пытайся остановить его, не сейчас.

– Да, я знаю, – выдохнул Тави, – знаю, как нелепо и оскорбительно будет сейчас звучать мое обвинение в том, что все это подстроено.

– В нем столько ярости, – гремел Джифой, – сколько нет ни в одном из нас! И я считаю, что только он знает, что нужно делать со своим горем! Из горя надо ковать меч! На этом все.

Он сошел вниз, потянув Двану за собой. После них двоих на подиум взошла Кифа.

– Имара была мне сестрой, и я, женщина, не буду говорить о битвах, потому что чувствую сейчас только боль. Она была...

Но ее уже почти никто не слушал. Ее речь, как и речи всех остальных, потерялись после выступления Джифоя. Ритм церемонии сбился, и людям пришлось договаривать, когда саркофаги семьи Лакойф доехали до конца залы.

– Сегодня случилось то, чего раньше еще не было, – сказал Тави.

– Ты про Джифоя?

– Нет, я о моей маме. Мы с ней впервые прямо солгали друг другу в лицо. Не знаю, может, с ее стороны это происходило и раньше. Но тогда я об этом не знал.

– Солгали о чем?

– Она сказала, что не пойдет на церемонию. И я тоже сказал, что не пойду. Но вот мы оба здесь. Я знаю, это полное безумие, но после выступления Дваны мне кажется, что Джифой крадет у меня людей. Именно у меня.

– Но он положит компас в дарохранильницу.

– Это уже неважно. В душе каждого человека есть больше, чем один штрих. Только очень маленькая часть Дваны хочет, чтобы его родители вернулись назад. Ее достаточно, чтобы он правильно обошелся с компасом. И я надеюсь, что компас сработает и его родители действительно вернутся. Но весь остальной Двана принадлежит к худшей части Шарту.

– Он же был в таком горе. Я не понимаю, как его подговорили. Я не спорю с тобой. Я думаю, что так и есть. Но я просто не понимаю, не понимаю, как он мог так долго говорить после всех этих слез? Как он не сорвался?

– А он всегда был таким. Он любит насилие. И это большая часть Дваны. Знаешь, почему мы с ним ходили в ламрайм всего два раза? Я видел, как он улыбается во время лама о Риджи Птаха, и не захотел после этого близко с ним дружить. Что-то радуется в нем, когда люди теря-

ют друг друга и когда горе превращается в месть. И его собственное горе – оно было ненормальным.

– Но ты отдал ему компас.

– Потому что я хотел все изменить. Какое у меня право пытаться изменить человечество, если мне плевать на одного человека? Я хотел спасти душу Дваны этим компасом. И я думаю, мы почти это сделали. Но Джифой его у нас украл. В речи Джифоя был яд. Да и без нее, само по себе, это нападение омаров на людей заставило ожесточиться многие сердца. И вот мы видим последствия. Так быстро. Так глупо. Так прямолинейно. Они не могут дотянуться до настоящих омаров. Но могут заставить Ашайту плакать.

– Ашайта не омар.

– Здесь нет справедливости, и правды тоже нет. Просто я начинаю понимать, что такое война, что такое общество во время войны. Это общество крика, слез, самосудов, страха и ненависти. Глупые люди поддаются под его влияние первыми. Вот моя мама – она не глупа. Но ее сердце, возможно, однажды тоже будет с ними до конца. Потому что она уже встала на этот путь.

– Моя семья, – сказал Хинта. – Наш сосед Риройф. Я не скажу, что он блещет умом. Тогда, в день гумпрайма, после наших разговоров я испытывал сложные чувства. А все взрослые рядом со мной – только ненависть. Но ведь они не ненавидят Ашайту. Он там, в гумпрайме, сидел на руках моей матери. Никому даже в голову не пришло его обидеть, никто не смотрел на него со злобой.

– Значит, ненависть существует по определенным законам. Ненавидят далекое и то, чего не знают. Если бы у Круны был такой брат или сестра, как у тебя – он был бы нашим с тобой другом. Но случайность распорядилась иначе, и теперь он наш враг, потому что не может вообразить в своей жизни никого вроде Ашайты.

– И что моей семье делать? – впервые задумался Хинта. – Если все и дальше пойдет, как сейчас, если с каждым днем эти уроды будут ненавидеть моего брата все больше?

Тави только покачал головой. Они дождались момента принесения даров и видели, как Двана переложил компас в ячейку своего отца. Потом толпа хлынула на улицу. По дороге к станции некоторые поднимали руки в воинственном жесте и под руководством Джифоя скандировали «смерть омарам, мы придем в ваши пустоши». А еще позже, когда поезд довез селян обратно в поселок, Хинта и Тави стояли вместе с Фирхайфом и смотрели в небо. Как и обещал старик, оно прояснилось, и в начале ночи на нем засияли звезды. Тысячи лучей тонкими нитями устреми-

лись к земле, чтобы забрать тех, кто был к этому готов – если хоть кто-то был к этому готов.

Часть вторая

ЧУЖАК

*– Звезды? Что это значит? -
Кричат муравьи возмущенно.
Да и улитка тоже
Спросила задумчиво: – Звезды?
– Да, – муравей отвечает, -
Я видел звезды, поверьте.
Я поднялся высоко
На самый высокий тополь,
И тысячи глаз лучистых
Мою темноту пронзили.
Тогда спросила улитка:
– Но что же такое звезды?
– А это огни, что сияют
Над нашей головою.
– Но мы их совсем не видим! –
Сердясь, муравьи возражают.
А улитка: – Слаба я зреньем,
Вижу не выше травки.*

Федерико Гарсиа Лорка

Глава 4

ЦЕНА ЗАМЫСЛА ЖИЗНИ

Последняя неделя каникул выдалась тихой. План Киртасы был практически полностью реализован – укрепления вокруг самого поселка достроены, основные бастионы трех внешних форпостов тоже. Бывшие крайняки привыкали жить вместе с остальной общиной. Омары ни разу не напали, а инженеры Шарту так и не смогли разгадать, как те отключали дронов. Царил иллюзорный мир, ситуация вооруженного ожидания начинала казаться привычной, неизвестность перестала пугать.

За день до начала занятий Тави и Хинта сидели в школьном кафетерии и прикидывали, каким будет следующий учебный год. Перед каждым лежал маленький примитивный терминал вроде тех, с которых осуществлялось голосование в гумпрайме, только сейчас на экранах было не два пункта голосования, а целых три столбца со списками предметов и маркерами предварительного расписания. Столбцы назывались: «базовый курс», «факультативы» и «студии». Иконки базового курса оставались зафиксированными намертво, а два других столбца были устроены так, что школьник мог сам устанавливать свои предпочтения.

– У меня все еще шесть основных предметов, – обрадованно сосчитал Тави.

– А у меня уже семь, – угрюмо отозвался Хинта.

– И что добавили?

– Медицину. Теперь: алгебра, метрика, язык, выживание, мир, медицина, физкультура.

– Значит, и у меня она будет в следующем году. А я думал, ее добавляют только на девятом потоке.

– Но она здесь.

– Не огорчайся. Интересный практический предмет. Ты ведь любишь все, у чего есть конкретное применение.

– Я помню, как тяжело было, когда предметов стало не пять, а шесть. И это еще тогда, когда мне не приходилось вкалывать за отца в теплицах.

– Патрулей скоро должно стать меньше. Твой отец вернется к своим делам. И ты будешь свободен.

Хинта вздохнул. Они сидели в прозрачном закутке: с одной стороны было окно с видом на центральную площадь Шарту, с другой – стеклянная стена, отделяющая кафетерий от пустынного школьного холла. В центре холла, сурово взирая по сторонам, стояли статуи трех мудрецов, олицетворяющих собой три главные отрасли человеческого знания: Тантилик из Лимпы, создавший теорию идеального государства, Даджейра из Джидана, посвятивший себя заботе об умирающей жизни, и Рирафта из Притака, ставший богом-механиком великих машин.

– Похоже, все решили голосовать со своих терминалов. И только мы пришли ради этого в школу.

– Год назад я бы тоже проголосовал у себя. Но в последнее время мне почему-то очень нравится всюду ходить. Когда делаешь вещи лично, они приближаются, становятся другими. И я тоже становлюсь другим: легким, нацеленным... А может, мне просто неуютно дома. За все дни, прошедшие с погребения родителей Дваны, мы с мамой едва ли сказали друг другу десять слов. Она оставляет мне еду. Я ем, когда она уходит с кухни. Утром и вечером мы стараемся друг друга не замечать. А все остальное время мы даже не пересекаемся друг с другом. Она обычно на работе, я – с тобой.

– Когда-то я бы засыпал тебя оптимистическими советами, а теперь каждый раз, когда ты говоришь о ней, я не знаю, что тебе ответить.

– Я и не жду ответа. Я любил свою маму. Конец любой любви похож на смерть. И лишь амбициозные психопаты вроде Джифоя находят, что сказать в подобных случаях.

Губы Тави тронула странная, грустная полуулыбка. Хинта узнал эту эмоцию: в последние годы жизни Джилайси Аргниры она всегда отражалась у того на лице. Эта полуулыбка, сошедшая с барельефов, казалась слишком мудрой для мальчика двенадцати лет. Поэтому Хинта обрадовался, когда Тави сменил тему.

– Какие возьмешь предметы по выбору?

– Те же, что и в прошлом году. Студии мифологии и скульптинга, факультативы роботехники и химофизики.

– А я для себя решил почти все изменить.

Интонация Тави заставила Хинту насторожиться. Он был на год старше, так что им приходилось учиться на разных потоках, и студии были единственным местом, где они в рамках школы могли что-то делать вдвоем. Сама их дружба началась именно в студиях. Уже много лет они посещали мифологию и скульптинг, и Хинте не приходило в голову, что от этого можно отказаться.

– Не волнуйся, – заметив его реакцию, добавил Тави, – я буду ходить на мифологию.

– А на скульптинг?

Тави неопределенно качнул головой.

– Я долго над этим думал, и перестал понимать, что мы оба там делаем.

– Барельефы.

– Я так ни одного и не довел до конца. А самое классное, что у меня было, мама разнесла в ночь после гумпрайма. И я не хочу восстанавливать эти вещи. И ты – ты ни разу не превзошел тот барельеф, который до сих пор висит на стене твоей комнаты.

– Но у меня осталась незаконченная работа. Ждет меня в мастерской все каникулы.

– Генерал Виграба в экзоскелете с жуткими пилами. Я помню. Но ты начал его не в прошлом году, а в позапрошлом. Его вообще можно доделать?

Какая-то нота в тоне Тави вдруг взбесила Хинту. Он испытал ощущение унижения, как если бы друг тайно насмеялся над ним. Свою злость Хинта скрыть не успел.

– Да, – резко ответил он, – его можно доделать.

– Тогда почему ты сердишься? – отводя взгляд, спросил Тави. – Я всего лишь хотел спросить: не кажется ли тебе, что в своем гараже ты способен на большее, чем в студии? Ты ведь все равно используешь в своих барельефах не ту технику, которой нас пытались научить. Как и я в своих работах с мамой – ты не лепишь, не режешь и не травишь, а конструируешь из пластика.

Хинта приостыл и закусил губу.

– Я не собираюсь решать за тебя. Просто мне стало казаться, что скульптинг – пустая трата времени. По крайней мере, для меня точно. У нас в школе есть несколько художников, которые потом станут скульпторами, барельефистами или мастерами саркофагов. Но ни один из нас с тобой в этом не преуспел, как они. Кудра Бафрай за прошлый учебный год сделал четырнадцать барельефов...

– Он нас старше. Он уже школу заканчивает.

– И копию статуи Виграбы тоже сделал он. Школа купила Виграбу Бафрая. И он теперь стоит в твоей любимой лаборатории роботехники.

– Я знаю, где он стоит.

– Не важно, что он нас старше. Важно, что я точно никогда не буду таким, как он. Я не художник, Хинта. И, по-моему, я слишком взрослый для той мазни, на которую способен. Поэтому я ухожу со скульптинга.

Некоторое время над столом висело молчание. Тави, будто вопреки настроению Хинты, повеселел и успел за эту паузу отправить в рот две длинных радужных ленточки лиавы.

– Предлагаешь уйти вдвоем? – наконец, спросил Хинта.

Тави пожал плечами.

– Если захочешь.

– А на что ты будешь менять скульптинг?

– Из всех моих предметов по выбору останется только мифология. То есть, я буду менять не только скульптинг. Я буду менять почти все.

– Ты бросишь свои факультативы агрономии и палеобиотики? Это же был твой путь в специальность.

– Не мой путь, и не в мою специальность. Это не мои интересы. Это жизнь и работа моей мамы. И скульптинг тоже никогда не был моим настоящим увлечением – просто последней выгорающей вершиной наших с ней игр.

– Но тебе нравилась агрономия. И не только потому, что она нравилась твоей маме.

– И при этом ты все равно лучше меня знаешь, как ухаживать за растениями в своих теплицах.

– Я фермерский сын. Я с детства наблюдал, как отец все это делает. Это просто навыки.

– Назови это талантом, назови навыками – какая разница? Главное, это как с Бафраем – ты смотришь на другого человека и понимаешь, что это он занят своим делом, а не ты рядом с ним. Мне нравилось все, чем я был занят – это правда. Но за последний год я нашел вещи, которые мне ближе и в которых я намного лучше.

– Какие? Я знаю, что ты изменился и что тебе интересны люди, но здесь нет науки.

– Я добавлю себе студию музыки, и факультативы истории и онтогеотики.

– Онтогеотика? Ты уверен, что это действительно твое? Потому что краеугольным камнем онтогеотики будет Экватор. А я сейчас лучше тебя могу объяснить, как он работает.

– Экватор построили люди. И все, что происходило с планетой – дело людей. Может быть, я никогда не буду понимать, как работают индукционные катушки, но я хочу понимать, чем жил тот, кто придумал надеть их гигантским обручем на Землю. История людей и история планеты – это две вещи, которые волнуют меня больше всего. А вместе с музыкой и мифологией они составляют хороший гуманитарный тандем.

– Ты не найдешь работу в Шарту.

– Во-первых, я смогу стать школьным учителем. А во-вторых, поселок – это еще не весь мир. Мне нестерпимо жить с мыслью, что я здесь заперт. И я не буду планировать свою жизнь исходя только из возможностей и потребностей Шарту.

– Ты уже все продумал, – обиженно понял Хинта.

– Это не какой-то отдельный план. Я все время думаю. Так было всегда. Но в последнее время я будто проснулся. Больше нет идей, которые кажутся мне отдаленными и общими. Я захотел стать теми, о ком мечтал. И я увидел, как все возможности вселенной тонкими ниточками тянутся сюда – на эти пыльные улицы, в эти туманные поля, в комнаты наших домов. Это тоже своего рода звездный ветер – но не та его сторона, которая для мертвых, а та, которая для живых. Я теперь верю, что по лучам звездного ветра можно ходить не только между мирами, но даже внутри мира.

– Это красиво, – признал Хинта, – но звездный ветер не поможет тебе перебраться через Экватор.

– Может, и нет. Но вдруг он поможет мне стать человеком, который разобьет цепи, сковавшие всех жителей ойкумены? Может быть, я открою двери и пройду через них, а за мной пойдет множество других людей. Пойми, Хинта, если у нас вообще есть возможность менять свой путь, то она есть именно сейчас. Еще год-два, и мы уже не сможем бросить увлечения своего детства. Нам придется тащить их на себе всю жизнь. И мне страшно от мысли, что мы будем обречены годами заниматься тем, что не для нас. Я не хочу просто исчезнуть в мире, где так нужны люди, ставшие кем-то. Мне страшно, что я буду обречен выращивать фрат для Джифоя, потому что это лучший способ стать никем; или хуже – стать кем-то, кто вынужден поддерживать плохих людей и играть в отвратительные, убивающие душу социальные игры вроде тех, в которые сейчас играет моя мама.

Сила этого ответа восхитила Хинту – словно у Тави внутри было лезвие из веры, морали и логики.

– Ты... – он неуверенно качнул головой. – Я не знаю, что ты можешь, Тави. Я сам говорил тебе, что ты можешь зажигать людей. И я верю, что ты особенный... Но не знаю, насколько. Иногда я на тебя обижаюсь, или почти обижаюсь – но в такие минуты ты меня поражаешь. Как будто у тебя внутри не разум, а... столб ослепительного света. Сколько мыслей ты продумал?

– Много, наверное, – теперь уже Тави смутился. – Я же не вру, когда говорю, что думаю все время.

– Нет, ты не просто думаешь. Ты додумываешь все до конца. И делаешь, как рассудил. Это пугает меня. И однажды это может убить тебя. Но это делает тебя лучшим из людей, которых я знаю.

– А я не верю, что я особенный или лучший. Я верю, что каждый может стать тем, кто открывает дверь для других. Кроме того, у меня может ничего не получиться. Это все может закончиться как угодно – даже тем, что я все-таки стану никем.

Сила аргументов и безграничная решимость Тави пробили, наконец, броню Хинты.

– Да, возможно, ты прав. По крайней мере, ты можешь быть прав лично для себя. Но твоя мать...

– Надеюсь, она узнает об этом, когда спорить со мной будет слишком поздно.

– А как ты будешь справляться с тем, что не ходил раньше на эти факультативы? Там люди занимаются по пять лет. У тебя же почти нет подготовки.

– История не похожа на другие науки. Ее можно осваивать с любого места. К тому же, у меня нет твоих забот. Я чуть ли не самый беззаботный ребенок Шарту. Я найду время ходить на лекции, которые читают предыдущим курсам.

– А онтогеотика? С ней будет сложнее.

– Это тоже история. Просто это не история людей.

– Но там есть формулы, физика небесных тел, геофизика и тому подобное. – Хинта потянулся к лиаве. – А в формулах ты не силен.

– Значит, мне будет трудно, – улыбнулся Тави.

– Если я брошу скульптинг, то смогу пойти на музыку вместе с тобой.

– Это будет нечестно. Нечестно по отношению к тебе самому. Ты поступишь как я, когда я был под влиянием мамы. Тебе ведь не очень интересна музыка. Ты редко и мало ее слушаешь. Но ты можешь записаться на факультатив, как на студию. Будешь ходить, когда и сколько захочешь, а вместо экзамена напишешь маленькую творческую работу.

– Разве так можно?

– Я случайно узнал, что да. Только записываться надо не через этот терминал. Чтобы разрешили, надо послать ведомственное сообщение директору школы с терминала обращений у его кабинета.

– Ни разу не слышал, чтобы кто-то так делал.

– Так делают девочки. У них в нашем возрасте больше желания учиться. И некоторые старшеклассники так делают. А из наших сверст-

ников, само собой, никто не хочет сидеть на дополнительных лекциях. Все предпочитают весело проводить время в студиях.

Познания Тави об ученических качествах девочек удивили Хинту, но переспрашивать он не стал. В Шарту девочки ходили в ту же школу, что и мальчики, но почти все занятия у тех и других проходили раздельно, и даже набор предметов немного разнился. Заниматься вместе с девочками можно было только на студиях. При этом Хинта и Тави ни с одной пока не подружились.

– Если ты так сделаешь, то будешь первым, – подытожил Тави.

Хинта задумчиво воззрился на экран своего терминала.

– Роботехника, химофизика, мифология... И я могу добавить историю или онтогеотику. А это не будет как с музыкой? Что я разделю твоё увлечение, к которому сам не имею настоящей предрасположенности?

– Но тебе же интересна мифология! А наши легенды – это та же история. Только история занимается всем этим с более широких и строгих позиций. Она проверяет легенды на достоверность.

– Да, – загорелся Хинта, – ты прав. Мне это будет интересно.

– Соберешь факты и напишешь небольшую работу про Притак.

Хинта улыбнулся, но потом вдруг сразу помрачнел.

– И онтогеотика мне тоже интересна. Только как раздел физики, а не как раздел истории.

– Мы бы здорово друг друга дополняли. И если бы мы смогли вместе ходить на целых три предмета...

– Нельзя взять пять предметов.

– Я знаю, – потупился Тави. При этом в глазах у него появился хитрый блеск. Хинта прикусил губу, как до этого в самый трудный момент их разговора.

– Я не могу бросить роботехнику. Это почти весь я – мое хобби сейчас и моя будущая специальность. Мне нравится ремонтировать и мастерить. Но химофизика...

– Я не хочу, чтобы ты что-то бросал. Особенно если это будет так, как будто ты сделал это из-за меня.

– Нет. На самом деле, мне будет легко перейти с химофизики на онтогеотику. Это науки-близнецы. Они изучают одни и те же явления, только на разных примерах. Химофизика стремится произвести идеальный эксперимент. А онтогеотика ищет готовую ситуацию, чтобы объяснить ее законами химофизики, или сама применяет знания химофизики на практике. И это предмет с практическим выходом – хотя его знания невозможно реализовать на практике в масштабах Шарту, потому что обычно онтогеотика изучает глобальные явления, общие для всей

Земли... Я возьму онтогеотику как второй факультатив, а химофизику оставлю. Мне хватит сил вернуться к ней через год, если онтогеотика не пойдет.

Так они и решили. Через час, у кабинета директора, это решение было скреплено официальным запросом. А в первый же день учебного года Хинту ждал своеобразный сюрприз, из которого последовала его настоящая обида на Тави – самая сильная за все время их дружбы.

Встреча с ребятами со своего потока прошла для Хинты не слишком гладко. С одной стороны, он был рад снова увидеть некоторых из них, даже тех, с кем ни разу не общался за каникулы. Но была и другая сторона. На первом же занятии кто-то прислал на терминал его парты сообщение в одно слово: «улипа». Хинта заранее ожидал, что из-за войны с омарами ему станут чаще обычного напоминать про уродство брата. Но записка все равно выбила его из колеи. Он начал оборачиваться, выискивая среди одноклассников обидчика, потерял нить лекции и нарвался на выговор от учителя.

Еще одним негативным событием для Хинты стали дети крайняков. Раньше они учились на домашних терминалах, но теперь, когда их родители вынужденно переселились в Шарту, они пошли в настоящую школу. На поток Хинты добавили сразу шесть новеньких. Они пока чувствовали себя чужими и держались особняком, но Хинта думал, что уже очень скоро они скопом вольются в партию тех, кто агрессивно дразнит его брата.

У Тави первого часа занятий в этот день не было, поэтому в перерыв Хинта слонялся один. Самые приятные ребята с его потока собрались в кружок, чтобы поделиться мнением об омарах – а он вдруг понял, что не может к ним присоединиться. Дело было не только в Ашайте, но еще и в том, как сам Хинта изменился. Его новые взгляды, сформировавшиеся в разговорах с Тави, могли стать бомбой, а он и так уже ждал неприятностей и не хотел ввязываться в огромный спор, где окажется один против всех. Его терзали два противоречивых стремления: первое – найти и, если удастся, побить автора записки; второе – скрыться с чужих глаз. В конце концов, жажда затворничества победила, и он пошел подальше от сверстников, на второй этаж школы – к кабинетам персонала и залам студий, туда, где в первой половине дня обычно абсолютно пусто. Он встал в изгибе коридора, у окна, и стал смотреть на центральную площадь Шарту в надежде, что вот-вот увидит, как к школе подхо-

дит Тави. Но того все не было. Хинта уже подумывал вернуться в свою аудиторию, когда услышал чьи-то шаги и звук резко раскрываемой двери.

– Ивара Румпа, – обвиняюще спросил женский голос, – Вы – хару? Это правда?

Слова «хару» Хинта не знал, поэтому подумал, что ослышался. Но он узнал голос. Тот принадлежал Лартриде Гарай. Она была учителем языка и директором школы. Это на ее имя он вчера составлял ведомственное письмо.

– Да, правда, – ответил ей какой-то мужчина.

– Хару обязаны сообщать о своей болезни! И не в первый день работы, а при трудоустройстве! В каком положении теперь окажется школа!?

Значит, слово «хару» означало какой-то хронический недуг. Хинта ощутил неловкость из-за того, что подслушивает, и хотел было уйти. Но взрослые были между ним и лестницей, ведущей обратно на первый этаж, и он подумал, что, если его увидят, ему придется объяснять, зачем он пришел в этот коридор. Его паранойя усилилась: теперь он ждал беды не только от сверстников, но и от старших. Обессиленный, он прислонился лбом к стеклу и вынужденно продолжал слушать.

– Вы можете меня уволить.

– Вам прекрасно известно, что Ваше увольнение сейчас будет катастрофой. Вы взяли на себя целых три предмета, и расписание старших потоков распадется, если Вас снять! Вот в какое положение Вы поставили школу.

Хинта догадался, что директорша ссорится с одним из учителей; он не знал только, с кем именно – среди известных ему не было ни одного по фамилии Румпа. Это вызвало у него удивление, так как он думал, что уже знает весь преподавательский состав школы. Неужели учитель был новым?

– Тогда не увольняйте меня. Нужно соблюдать всего несколько условий, и у Вас не возникнет с моей болезнью никаких проблем.

– Теперь я понимаю, почему Вы приехали сюда! Хару не так-то легко найти работу в Литтаплампе!

– Поверьте мне, эта болезнь не будет помехой.

– Но Вы приехали сюда из-за нее. А все остальное, что Вы мне говорили о своих исследованиях – это была просто чушь!

– Вы знаете, что неправы. У Вас все еще есть друзья в университете Кафтала. И я уверен, что Вы наводили справки о моей научной карьере.

Значит, учитель был с той стороны Экватора – это вызвало у Хин-ты какую-то смутную ассоциацию. Теперь даже голос этого человека казался ему знакомым. Однако прошли долгие секунды, прежде чем он, наконец, вспомнил – странную встречу у тихходной дороги, приезжего молодого мужчину, который прямо с поезда пошел в ламрайм; и еще Хинта вспомнил, как Тави увлекся тогда этим человеком.

– Да, я наводила справки. За всю свою жизнь Вы лишь несколько месяцев работали на полную ставку. Разумеется, я не могла узнать больше. Но меня насторожило, что специалист такого уровня работает почти бесплатно.

– Я написал три книги. Это тоже работа, и за нее тоже платят. Она занимает время, но не оставляет следов в базе данных университетского отдела кадров.

Хинта вдруг осознал, что за весь разговор этот человек ни разу не повысил голос. Он беседовал со своей начальницей так спокойно, словно был для нее вне досягаемости. А ведь она действительно могла его уволить. И что бы он тогда стал делать – безработный чужак в Шарту, уже лишившийся возможности вернуться назад к прежней жизни?

– Я признаю, что сознательно не стал ставить Вас в известность о своей болезни.

Гарай возмущенно фыркнула.

– Мне хотелось здесь работать, и я повел себя, как любой благо-разумный соискатель на собеседовании – рассказал о своих сильных сторо-нах и умолчал о слабых. Мне не за что перед Вами извиняться, так как в Шарту нет развитой законодательной базы, регламентирующей отноше-ния работника с работодателем.

– Вы неслыханно наглый человек.

– Я предлагаю Вам пари. Если на мою студию перестанет ходить хотя бы один ученик, Вы меня уволите.

– Я директор этой школы. Пари неуместно.

– Как и обвинения, брошенные Вами мне в лицо. Вы ошибаетесь, если думаете, что я нищий, пришедший сюда за милостыней. Поэтому, если Вы все-таки не готовы прямо сейчас меня уволить, то я бы предло-жил изменить тон этого разговора и обсудить мою болезнь.

– Я должна Вас уволить.

– Хорошо, – равнодушно ответил Ивара Румпа. – Тогда я рад, что не успел принести в школу свои вещи.

Раздался тихий щелчок, потом звук передвигаемого стула.

– Остановитесь. Сядьте. Я должна Вас уволить. Но это не обяза-тельно делать прямо сейчас.

– Вы меня выслушаете?

– Да.

– Можно я начну с вопроса?

– Какого?

– Что Вы знаете о хару?

– Я полагала, это Вы мне будете о них рассказывать.

– Будет быстрее, если я не стану повторять то, что Вам уже известно.

– Я знаю, что это наследственная болезнь некоторых общин литской ойкумены, в которых практиковались близкородственные браки. Симптомы болезни психические. У хару нарушена деятельность какой-то части мозга. Они плохо контролируют себя и неспособны работать.

– Относительно работы все ровно наоборот. Хару способны работать. Их проблема в том, что во время приступов для них не существует ничего, кроме их работы. Они исчезают сами для себя. В некоторых профессиях это пагубно. Но преподавание и наука – это те два вида деятельности, на которые наша болезнь влияет только положительно. У хару изменена поясная извилина коры головного мозга, поэтому время от времени такие, как я, теряют способность заботиться о себе и своих вещах. Я забываю есть, бриться, перестаю следить за состоянием квартиры и одежды. При этом я сам этого не замечаю, пока мне об этом не скажут. У этого есть лишь одно реальное последствие – мои вещи стареют и ломаются намного быстрее, чем у других людей.

– Отлично, – язвительно сказала директорша.

– При этом я не перестаю знать свой предмет, помнить своих учеников и пунктуально приходить на работу. Более того, моя болезнь сделала меня очень дисциплинированным человеком и в значительной мере регламентирует мою жизнь. К примеру, я каждые три дня должен приносить свой скафандр в техцентр, иначе однажды моя специфическая рассеянность меня убьет... Теперь о том, как это скажется на моей работе в школе. Я буду приходить за полтора часа до начала любого из своих занятий. Именно поэтому я просил не ставить мои факультативы на раннее утро. Мы будем с Вами встречаться. Вы будете внимательно на меня смотреть. И если Вы увидите, что я не побрился, то Вы должны мне сообщить, что у меня приступ. Если я пришел в школу в непотребном виде, то я вернусь домой и приведу себя в порядок. Обычно полутора часов для этого более чем достаточно. Таким образом, мы с Вами гарантируем, что я не напугаю никого из учеников щетиной и запахом нестиранного белья.

– Я поняла.

– И последнее. Я не могу брать к себе работы своих учеников, так как у меня они пропадут, и неважно, будут они в вещественном или в электронном виде. Я уверяю Вас, что смогу устроить полноценный учебный процесс без заданий, которые мне надо было бы проверять на дому. Вы должны будете раз в неделю осматривать мою студию и мой преподавательский терминал. К сожалению, я точно знаю, что у меня он будет ломаться чаще, чем у любого из учителей. Можете вычесть стоимость ремонта из моей зарплаты.

Гарай молча ушла. Хинта слышал, как ее шаги стихают в другом конце коридора. Он пребывал в смятении. С одной стороны, он узнал слишком много вещей, которые ему не стоило знать – это было так же неприятно, как случайно застать другого человека, когда тот находится в неловком положении в туалете. С другой стороны, в нем нарастало предчувствие того, как появление нового учителя может отразиться на Тави. Он ждал, когда Ивара Румпа закроет дверь своей студии. Но тот не спешил этого делать. Наконец, прозвучал сигнал, означающий начало следующего учебного часа, и Хинте ничего не оставалось, кроме как выйти из своего укрытия. Он крадучись прошел поворот коридора и попытался незамеченным проскользнуть мимо двери студии. Однако это оказалось невозможно: новый учитель стоял возле кафедры. У него за спиной возвышались стеллажи с экспонатами – камни, слитки металла, столбцы минералов. Мгновение лицо чужака выглядело очень задумчивым. Потом он увидел Хинту. Хинта хотел было бежать, но взгляд серых глаз приковал его к месту.

– Я все слышал, – глядя в эти бездонные глаза, сказал Хинта. – Пта, я не специально, просто так получилось.

Признание вырвалось у него прежде, чем он успел подумать.

– Ну, значит, будет еще один человек, который сможет вовремя сказать мне, что я забыл побриться, – медленно ответил Ивара Румпа. – Ты ведь Хинта Фойта, записан ко мне на все три предмета, которые я веду?

Его лицо оставалось спокойным, внимательно-спокойным.

Хинта поднял взгляд и увидел, что над дверью помещения написано: «студия мифологии / факультатив истории / факультатив онтогеотики». Мальчик открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но слова умерли у него на губах. Осталась лишь одна мысль: «Тави знал».

– Тебя пора на занятие, – напомнил Румпа.

Не в силах даже извиниться, Хинта сорвался с места и, не помня себя, бросился дальше по коридору и вниз по лестнице. «Тави знал, –

пульсировала у него в висках обида. – Почему он не сказал мне прямо? И как давно он знал? От кого?»

Лекция по алгебре прошла для Хинты как в дурном сне: он не запомнил и не понял ничего из того, о чем говорил преподаватель. Все его существо превратилось в ожидание. Он хотел перерыва. Он хотел найти Тави и спросить у того, что все это значит.

Когда прозвучал сигнал завершения урока, Хинта до неприличия резко рванул прочь из класса. По коридору он шел с той неповоротливой, тяжеловесной целеустремленностью, которую обычно демонстрируют в ламах боевые шагоходы Притака.

Однако прежде чем ему удалось отыскать Тави, произошло еще одно событие. В холле, около статуи трех мудрецов, он неожиданно наткнулся на толпу. В ее центре, взобравшись на невысокую тумбу статуи как на подиум, стояли Двана Лакойф и Круна Дипаса. Рука Круны фамильярно лежала у Дваны на плече – специально или нет, он будто копировал жест, каким Джифой обнимал мальчика на погребальной церемонии.

Это был тот самый Круна, который наговорил им мерзостей и довел Ашайту до слез в день, когда Тави и Хинта впервые встретили Ивару Румпу. Среди всех жителей Шарту Хинта, наверное, ненавидел Круну больше, чем кого-либо еще. Тот был на год старше Хинты и учился на следующем потоке. Он и ему подобные обычно не оказывали особой чести младшим ребятам, но Двану Круна обхаживал почти как равного.

В первое мгновение Хинта не мог понять, что происходит. Затем он осознал, что Круна и Двана позируют. Какой-то подросток из страшекласников ходил вокруг них с дорогим навороченным терминалом и делал трехмерный снимок для объемной печати. Мысль о том, что теперь где-то у кого-то будет небольшая статуэтка с лыбящимися Дваной и Круной, взорвала Хинте мозг, и он оцепенел, наблюдая за странной сценой.

– Готово, – сказал старшеклассник.

– Эй, Ишана, лезь сюда, сделаем еще один снимок с сыном героев! – Круна протянул руку и рывком втащил на подножие памятника какую-то девчонку. Хинта все еще стоял в оцепенении, глядя на них, и тут Круна заметил его. – Чего пялишься, улипо-брат улипо-брата? Не скучает твой заморыш по дохлым родичам, которых добыл Джифой?

Хинта перевел взгляд на Двану. Но Двана отвел глаза, и Хинта понял, что тот не будет за него заступаться. Втянув голову в плечи и чув-

ствуя на себе десятки унижающих взглядов, он стиснул кулаки так, что ногти врезались в ладонь, и поспешил ретироваться из холла.

Тави он нашел, когда тот стоял перед дверью своего класса и разговаривал с тройкой мальчиков. Впрочем, это нельзя было назвать настоящим разговором – скорее, это было жесткое размежевание, или даже преддверие небольшой школьной драки. Тави отступил к стене, а его одноклассники сплотились и единым фронтом наступали на него.

– Джифой как отец для всего Шарту. И если ты, Руварта, про него еще слово плохое скажешь, тебе не жить здесь, ты понял?

Тави хотел что-то ответить, но увидел Хинту. На мгновение на его лице отразилась надежда на то, что друг встанет с ним плечом к плечу. Но Хинта не оправдал его ожиданий.

– Ты знал, – вместо приветствия процедил он.

– Знал о чем?

– Про нового учителя.

Тави оглянулся на одноклассников. Те медлили, не понимая, как закончить разборку после появления нового участника.

– Пойдем в кафетерий.

Хинта возразил даже прежде, чем успел осознать, о чем Тави говорит.

– Нет, – отрезал он. Это «нет» было просто манифестацией накапливающего изнутри гнева и отрицания.

– Тогда пойдем в спортзал. Там сейчас тихо.

– Эй, мы не закончили, – дернулся один из парней. Хинта тоже хотел потребовать, чтобы Тави объяснился с ним здесь и сейчас, но тот не дал ему вставить и слова.

– Это наше с Хинтой дело. А с вами мы закончим позже.

Он схватил Хинту за руку и потащил его прочь. Они резко свернули за угол коридора, потом прошли еще метров двадцать и оказались в пустоте спортзала. Дверь закрылась, гомон десятков детей отдалился и стих.

– Да, здесь лучше, чем в кафетерии, – сказал Тави.

Хинта вырвал свою руку из его руки.

Школьный спортзал во многом походил на залы ламрайма – его помещение тоже было круглым, а в трех точках вдоль стен стояли проекторы, однако они были предназначены не для воспроизведения ламов, а для создания виртуальной реальности различных спортивных игр. Арена здесь была больше, под складными трибунами прятались ряды тренажеров, из окон в потолке бил яркий солнечный свет.

– Ты знал, – повторил Хинта.

– Да.

– Откуда?

– От него самого. Ивара сам мне сказал, что пойдет работать в школу.

Хинта обратил внимание, что Тави назвал учителя не по фамилии, а по имени. В этом вроде не было ничего особенно неприличного, но Хинта сумел уловить в интонации Тави какую-то непонятную, тревожную интимность.

– Как?

– Еще в тот день, когда происходило собрание гумпрайма. – Один из солнечных лучей коснулся лица Тави, и он на мгновение прикрыл глаза. Его ресницы задрожали, казалось, на них лежат серебряные пылинки. На его щеках после перепалки с товарищами был легкий румянец. – Ну, ты помнишь, я убежал от матери и пошел бродить по всему административному центру. И тогда я случайно с ним столкнулся. Я плакал. А он привел меня в порядок, заставил умыться, и потом мы очень долго сидели вместе. Уже под утро он уговорил меня вернуться домой. – Тави вскинул голову и осторожно заглянул Хинте в глаза. – Ты сердишься, что я не рассказал об этом? Наверное, это сложно будет объяснить, но я все время находил веские причины молчать.

Он снова потупился. Он выглядел виноватым, но совсем чуть-чуть. А Хинта ощущал, как в нем волна за волной нарастает обида, которая в десять или в сто раз больше этой крошечной, ускользающе-кокетливой виноватости. С другим мальчиком Хинта, возможно, уже стал бы драться. Но он не мог напасть на Тави – слишком тот был красивым и уязвимым.

– Во-первых, я молчал, так как боялся, что ты отреагируешь вот так – то есть, вот так, как ты сейчас реагируешь. Во-вторых, у меня было какое-то суеверное чувство – ну, вроде того, что я могу спугнуть это общение, если стану о нем всем рассказывать. А я никогда не встречал такого удивительного человека. И потом, когда он дал мне компас, я не мог о нем говорить из-за компаса. В последние дни я уже хотел тебе сказать, но решил, что лучше будет устроить сюрприз.

Известие про компас было ударом, которого Хинта не ждал.

– Да, я встречался с ним еще несколько раз после той ночи. Знаешь, у него много таких невероятных вещей. И он как будто совсем о них не заботится. Я даже пытался отказаться от компаса. Но он стал настаивать, чтобы я его взял. И я согласился, так как брал не для себя.

Тави замолчал. Хинта смотрел на него и чувствовал, как все его воспоминания соединяются в цельную картину.

– Это он. Это он заставил тебя думать обо всех вещах иначе.

– А почему ты так говоришь, будто в этом есть что-то плохое? Конечно, он повлиял, но вовсе не на все, о чем я...

Хинта не дал ему закончить.

– Ты был так хорош вчера, когда отрекался от всякого влияния, когда говорил, что должен проложить собственный путь, когда доказывал мне, как все эти предметы будут сами по себе увлекательны для настоящего тебя... для настоящих нас! – Комок ярости у него в горле наконец-то набух до конца и лопнул, рассыпавшись градом обидных слов. – И что же я узнаю теперь? Ты обругал все те предметы, которыми увлекался вместе с матерью, чтобы променять их на все те предметы, которыми увлекается этот странный, неприспособленный к нашей жизни чужак. Ты выдавал мне его мысли, будто они твои!

Хинта истерично усмехнулся. Ощущая жар в лице, он двинулся на Тави и, обеими руками толкнув того в грудь, прижал к стене.

– Ты вообще есть? Чьи слова меня увлекали? Его или твои? Кто ты, подделка? Может, ты вообще не личность, а, Тави? Ты прилипала! Ищешь людей, которые думают о чем-то необычном, и становишься как они! Так?

Голос Хинты окреп, превратился в крик. Губы Тави задрожали. Он просунул свои руки между руками Хинты, заставив того ослабить хватку, и вырвался. Они пошли вдоль по залу, кружась, как герои в поединке – Тави пятился, а Хинта напирал на него.

– Вот, значит, как ты ко мне относишься? – в голосе Тави тоже уже слышалась истерика.

– А как должен? – Хинта не мог сдержать слезы и теперь размазывал их по лицу, но при этом продолжал наступать.

– Думаешь, я и к тебе прилип? По-твоему, я как грязь на подошве скафандра?

– Может быть.

Лицо Тави пошло красными пятнами.

– Дело во мне или в нем? Или в том, что он мне интересен? Может, ты ревнуешь и думаешь, что у каждого из нас может быть лишь один друг? А может, ты просто ненавидишь чужаков, как и все в этом проклятом поселке безумцев?

Хинта снова схватил его за грудки. На Тави была одна из его любимых футболок с красочными барельефами-напенками. Нарисованные лица героев смялись под руками Хинты. Подростки, сцепившись, остановились посередине зала. Солнечный свет падал вокруг них – сияющие ромбы на ярком разлинованном полу арены.

– Я очень хорошо к тебе отношусь, – сквозь слезы сказал Хинта, – и именно поэтому мне больно. Ты не думал, что ведешь себя со мной так же, как твоя мать вела себя с тобой? Обманываешь меня? Не договариваешь мне? Манипулируешь мной? Подстраиваешь мою жизнь под свою, будто я твоя игрушка!?

– Нет. Потому что это не так.

Тави оторвал руки Хинты от себя, но больше не отступал. Хинта был сильнее, но только чуть-чуть. Он бы победил, если бы они начали драться по-настоящему. Но сейчас, пока они только толкались, высокий рост Тави уравнивал счеты.

– Это тебя нет, и это с тобой все не так. Завтра ты встретишь кого-то еще и начнешь интересоваться математикой и химией! А я, как дурак, пойду за тобой! Так, по твоему?

– Ты не был дураком, но сейчас ты им стал. Потому что все это действительно мои и твои интересы.

– Его, а не твои! – закричал Хинта.

– Они стали моими до того, как я с ним поговорил! – тоже повышая голос, выпалил Тави. – Да и не так уж мы похожи. Я не его калька. Просто он как судьба появился, когда я вырос и стал ссориться с мамой. Обвини еще омаров в том, что они создали нового меня. Обвини мир. Обвини книги, которые я читаю, ламы, которые я люблю. И нет, я не выдаю чужие мысли за свои! Я хочу быть как другие, просто мои другие – это герои. Обвини меня еще в любви к Джилайси!

Хинта попытался сбить его с ног, но не вышло. Тави сделал подсечку и швырнул друга на пестрый мягкий пол в центре арены. На мгновение Хинта увидел сквозь окна зала зелено-голубое небо и перистые бледно-розовые облака. Солнечный свет белой вспышкой врезался ему в глаза, и он на долю секунды ослеп. Он тут же начал подниматься на ноги, но Тави уже бежал к выходу из зала.

– Стой, – приказал Хинта.

Тави замедлил шаг, обернулся.

– Не прикасайся ко мне, – сказал он. – Ты шел к этому весь последний месяц. И весь месяц я переубеждал тебя, Хинта. Но ты слишком хочешь этой ссоры. Шарту в тебе ее хочет. Так получи ее. Прочувствуй до конца свою ненависть ко мне и другим чужакам. Переживи ее.

– Дело не в этом!

– В этом. Хотя и не только. А еще в том, что ты чего-то испугался в тот самый день, когда Ивара приехал в Шарту! И из-за этого я тоже молчал.

– Так это я во всем виноват? – взорвался Хинта.

– В чем во всем!? – срываясь, крикнул Тави. – Не произошло же ничего – и уж точно ничего плохого. Ты на факультативах, которые мог бы выбрать и сам. Да ты и выбрал их сам. Я всего лишь рассказал тебе вчера о своих планах. Ты пошел вслед за мной, потому что хотел этого.

– Ты рассказал о своих планах, не упомянув при этом самое главное, – снова двинулся на него Хинта. – Это и есть манипуляция другими!

– Даже если и так, я сделал это из наилучших побуждений. Мы, возможно, помиримся. Но не сегодня. Хочешь договорить – тогда начни ходить на его занятия. Может, на них ты поймешь, что я оказал тебе услугу, когда помог сделать этот выбор.

– Да кем ты себя возомнил? – заорал Хинта. Он бросился вперед, но ему не суждено было нагнать Тави. Какая-то девушка, видимо, услышав их перепалку, приоткрыла двери спортзала и заглянула внутрь. У нее на плече блестела бело-золотая нашивка, похожая на растаявшую и округлившуюся звездочку шерифа – этот знак носили старшеклассники, взявшие на себя обязанность присматривать за порядком в школе. Тави с несвойственной ему резкостью прошел мимо незнакомки. Она постояла, удивленно глядя ему вслед, потом с тупой строгостью взглянула на Хинту.

– Что здесь произошло?

– Ничего, – стирая с лица слезы ярости, ответил тот.

– Вы дрались?

– Если бы мы дрались, он бы сейчас лежал и кровью умывался, – сказал Хинта. Он, как и Тави хотел просто пройти мимо девушки, но та успела крепко схватить его за рукав кофты.

– Пусти, – потребовал Хинта. Девушка и не думала отпускать. На ее широком некрасивом лице застыло то стереотипное выражение, с каким взрослые женщины допрашивают провинившихся в чем-то детей. Разница в возрасте между ней и Хинтой была не больше чем в четыре года, но она явно считала, что он малыш, обязанный ей подчиняться.

– Этот мальчик, – спросила она, – это он тогда зачем-то вышел на сцену гупрайма?

Вместо ответа Хинта перехватил и выкрутил ее запястье. Ее рука была больше и сильнее, но он вложил в свой рывок часть того гнева, что накопился в нем за время перепалки с Тави. Девушка вскрикнула от неожиданной боли, а он вырвался и бегом бросился прочь.

Все обиды, вся досада, все одиночество вдруг слились в его душе в единый океан, и эта страшная черная волна боли проломила какую-то преграду, у которой Хинта всегда останавливался до сих пор. Ярость тяжелым молотом стучала у него в висках. Ноги сами понесли его обратно

в холл. В эту минуту Хинта почти лишился рассудка. Он ясно знал лишь одну-единственную вещь – что должен сделать с кем-то то, что не решился сделать с Тави. Он должен был разбить чье-то лицо – и это было единственно верное решение, потому что если бы он поступил иначе, то потерял бы какую-то важнейшую часть себя.

Когда Хинта вернулся в холл, Круна и Двана уже слезли с основания памятника, но толпа еще толком не рассосалась – слишком многие подростки хотели высказать сироте свои соболезнования или просто поторчать рядом. Хинта, грубо расталкивая сверстников, врезался в толпу. Вокруг него начался человеческий водоворот, слышались возмущенные возгласы, но он боевым тараном шел к своей цели.

Круну он увидел со спины, подошел к нему и резко рванул за плечо. Тот был на пол-головы выше и в два раза сильнее, но сориентироваться не успел. Хинта ударил его кулаком в челюсть снизу вверх, а когда противник попытался удержаться на ногах, ударил во второй раз – теперь с другой руки и в нос. При этом из груди Хинты вырывался крик – бессвязный, страшный, похожий на плач.

Круна, с удивленно приоткрытым ртом и губами, по которым быстро заструилась первая кровь, осел. А Хинта мельницей молотил его сверху – его руки двигались, как во время занятия физкультурой, когда тренирующиеся делают вращение от плеча. Старший противник был вынужден пассивно защищаться, подставляя под удары руки.

– Никто, никто, никто больше не будет обижать моего брата, ты понял?! – кричал Хинта. – Ашайта не омар!

Впрочем, его триумф продолжался лишь мгновения, пока кто-то из друзей Круны не сумел борцовским приемом перехватить его за пояс и сбить с ног. На Хинту обрушился град ударов ногами. Толпа распалась на большинство, которое предпочло ретироваться, и меньшинство, которое било обидчика. Круна, мыча от боли, сумел подняться и тоже хотел присоединиться к ним. Хинта сжался в клубок и терпел удары.

Его могли бы серьезно избить, если бы не чей-то окрик, после которого старшеклассники бросились наутек. Обессиленный, с красным заплаканным лицом, Хинта перевернулся на спину и лежал так, глядя снизу вверх на поднимающиеся к потолку статуи трех мудрецов. Каменный пол приятно охлаждал синяки на спине и ногах. А потом над ним появилось чье-то лицо. Хинта сморгнул, чтобы убрать из глаз лишние слезы, и к своему ужасу увидел, что над ним склоняется Ивара Румпа.

– Ты в порядке? – спросил тот, протягивая мальчику руку.

Хинта со стоном поднялся на ноги.

– Да.

– Еще никогда не видел, чтобы дети вот так дрались. У вас в школе всегда так?

– Вы скажете об этом Гарай?

– По идее я должен. Кто были эти парни? Они ведь старше тебя? Хинта мотнул головой.

– Это неважно. Драку начал я.

В лице учителя что-то изменилось, будто сквозь него проступила из глубины улыбка – только вот сам мужчина при этом не улыбался.

– Я не скажу, если не узнаю, что это повторилось, – обещал он. И Хинта неожиданно ощутил покой. Это чувство было очень странным, потому что остались прежними все его эмоции: и по поводу Тави, и по поводу связи Тави с этим человеком.

– Спасибо, – поблагодарил Хинта. – А я никому не скажу про вас.

Это вырвалось у него само собой, и он тут же испугался, что будто заключает с учителем сделку, или даже шантажирует того. Однако Румпа не рассердился – только кивнул. Так они и разошлись.

Больше в тот день Хинта с Тави не говорил. После ссоры и драки оставшиеся школьные часы превратились для него в медленный ад. Замокнувшись в себе, он перетерпел еще два занятия, потом зашел домой, поел и вместе с матерью и братом отправился работать в парники. Наклоняясь к грядкам, он стискивал зубы от боли в отбитой пояснице, но старался двигаться естественно – не хотел, чтобы кто-нибудь что-нибудь заметил. Однако хуже любых физических страданий было то, что без Тави каждый час его жизни вдруг сделался пронзительно одиноким. Единственным его утешением стал Ашайта. Каким-то образом тот умел без слов понимать настроение близких людей. Он весь вечер ласкался к старшему, касался его и пытался втянуть в свои простые и странные игры. Но, к сожалению, Хинта не мог ответить брату тем же, и не знал, как рассказать ему о своей беде.

В отличие от Хинты, Тави нашел, с кем поговорить. В самом конце учебного дня он подловил Ивару Румпу, когда тот закрывал свой кабинет. Учитель услышал шаги, оглянулся и улыбнулся.

– Привет.

– Здравствуйте. – Мимолетная радость от встречи на лице Тави смешалась с озабоченностью. – Как Ваш первый рабочий день?

– Он был долгим. Я увидел почти сотню новых лиц и стараюсь удержать в памяти около полусотни новых имен. Завтра будет еще

столько же. Когда начинаешь преподавать на новом месте, это всегда тяжело.

– Я об этом не думал. А сколько людей Вы можете запомнить? И сколько у Вас учеников? – Тави немного оживился, но не расцвел и не развеселился так, как раньше. Даже в ночь после гупрайма, когда он плакал и бился в истерике, он выглядел более открытым, чем сейчас.

– В этой школе около семи сотен детей и подростков разных возрастов. Примерно треть из них будет посещать хотя бы один мой предмет. То есть, я должен запомнить от двух до двух с половиной сотен учеников, и около двадцати новых коллег. А на твой первый вопрос я затрудняюсь ответить: мы до определенной степени помним вообще всех, кого хоть раз видели.

Они неторопливо пошли вдоль по коридору, за окнами которого виднелась залитая предзакатным светом центральная площадь Шарту

– Шарту такой маленький, – сказал Тави. – Я рад, что родился не здесь. Мой опыт хоть немного шире, чем у местных. А те, кто родился и вырос здесь... они вообще не знают, что такое большой мир. Они не видели никого, кроме нескольких тысяч живущих здесь людей.

– Я знаю, ты думаешь, что жизнь в замкнутом мирке чего-то лишает. Но позволь мне с тобой не согласиться. Пока мы живы и здоровы, в плане нашего восприятия над нами не имеют власти почти никакие обстоятельства. А вот мы сами очень часто ограничиваем себя, запрещаем и мешаем себе смотреть вокруг или вникать в то, что уже увидели. Можно жить в многолюдном квартале в центре Литтаплампа и ничего не знать о мире вокруг, ничего не видеть в других людях, кроме отражения собственной пустоты. А можно жить здесь и найти бесконечность неопостижимого в других людях, хотя и знаешь каждого из них в лицо.

– Я понимаю это. Вы уже говорили похожие вещи. И все же я не могу не хотеть вырваться отсюда. И я не буду сидеть, сложа руки. Я делаю многое, чтобы понять и узнать Шарту. Мой ум занят поисками красоты здесь. Но мое сердце хочет в бесконечную даль. А Литтапламп кажется таким большим, могущественным, сложно устроенным... и таким недостижимым.

– Это правда, – медленно, словно с неохотой произнес Румпа. – Литтапламп большой, даже огромный. И он – сердце литской ойкумены. Но это больное сердце чахлого, умирающего организма. Когда-то там произошел истинный ренессанс культуры и государственности, но с тех пор прошло уже два века, и это были два века угасания. Там все еще шестнадцать миллионов жителей – достаточно, чтобы благополучно приехавший туда легкомысленный человек, даже прожив там несколько

лет, не заметил ни одной проблемы. Но когда начинаешь изучать историю, понимаешь, что это лишь остатки прежнего города. Там почти ничего не строят. Из четырнадцати существующих директорий функционируют только восемь.

– Почему?

– Потому что это не нужно тем, кто мог бы этим заниматься, а те, кто хотел бы жить под заброшенными куполами, не в состоянии своими силами отремонтировать разрушенную инфраструктуру. При этом на окраинах города растут поселения, нищие по сравнению с Шарту, где скапливаются неграмотные беженцы, мигрирующие к столице с разоренных войнами рубежей ойкумены. Некоторые из этих людей приходят с оружием, и тогда в фавелах происходят кровавые вспышки насилия.

– Но разве не должен кто-то спасти и всех этих людей, и город?

– Спасти от чего? Спасти для чего? Однажды наступает момент, когда вещь уже настолько перестает быть собой, что исчезает та суть, ради которой мы хотели бы за нее бороться.

Тави понурился.

– Это будет не очень вежливо с моей стороны, – предупредил он, – поэтому сначала я хочу сказать, что восхищаюсь Вами и очень ценю наше общение и Вашу доброту ко мне. Но я должен спросить: Вы так говорите, потому что Вы разочарованный человек?

Румпа бросил на мальчика короткий взгляд.

– Пожалуйста, не надо мной восхищаться. Я совершенно обычный человек.

– Извините. Само вырвалось.

– И нет, я не разочарованный. Мне интересно жить, у меня есть надежды – просто я не связываю их с организациями, городами, странами. Все мои надежды связаны либо с отдельными людьми, либо с истиной, которую мне доставляет удовольствие искать.

– Хотите сказать, я не должен рассчитывать на Литтапламп? И, заглядывая в будущее, мне стоит видеть себя сорокалетним агрономом на службе у следующего поколения семьи Джиной?

Учитель на мгновение прикрыл глаза и вздохнул, а когда заговорил снова, его голос звучал почти нежно.

– Тави, ты поссорился с матерью и поэтому решил, что теперь должен сам взять свою судьбу под контроль. Но нельзя все в жизни планировать. Нет никакой пользы в том, чтобы принимать огромные, сокрушительные решения там, где для них нет оснований. А главное, поместив все свои мечты в будущее, планируя-планируя-планируя то, ка-

ким оно должно стать, можно очень легко потерять себя в настоящем. Кто ты сейчас?

Они остановились на развилке коридоров, где не было окон и не горели лампы, а потому царили неглубокие сумерки. Лицо Тави в рассеянной полутьме казалось еще более сосредоточенным, чем на свету.

– Я еще никто.

– Нет, ты кто-то, – с неожиданным нажимом возразил Румпа, – и ты это прекрасно знаешь. Просто ты поспешно решил, что у тебя больше нет права быть тем, кто ты есть. Так кто ты?

Тави раздраженно пожал плечами.

– Ребенок. Ученик. Сын своей матери. Все мы являемся тысячью «кто-то», но ведь это почти не имеет значения.

– Ошибаешься. Любое из наших маленьких определений имеет огромное значение. Иногда человек, который уже стал уважаемым профессионалом в своей области – хорошим художником или лидером какого-то сообщества – вдруг замирает в ужасе, так как осознает, что, сделавшись благодетелем для многих, перестал заботиться о самом себе и о своей собственной семье, перестал замечать то, что намного ближе к нему, чем предмет взлелеянных им амбициозных планов. И такой выбор бывает невозможно оправдать ни перед собой, ни перед другими. Но еще чаще бывает, что тот же самый человек не достигает ни одной из своих возвышенных целей, но ради них успевает отвергнуть и разрушить все то хорошее, что могло бы быть в его жизни. Понимаешь?

Он неожиданно взял Тави за плечи и слегка встряхнул. Мальчик даже испугался – не какого-то насилия со стороны Румпы, а той экспрессии, с которой учитель вдруг себя повел.

– Да, кажется, понимаю. Но что же такого важного в том, кто я сейчас? Я еще ничего не пропустил, никого не... – Тави хотел заявить, что никого не отверг, но осекся – вспомнил тяготящую его ссору с Хинтой, да и ситуация с матерью была слишком похожа на полное взаимное отвержение.

– Ты ребенок, – ободряюще улыбнувшись, сообщил ему Румпа. – Ты умный, необычный, талантливый, но все еще очень молодой человек. И я вижу, как тебя изнутри грызет страшная амбиция. Ты считаешь свое положение ничтожным – но это не так. Именно сейчас ты прекрасен и свободен – так прекрасен и так свободен, как, возможно, уже не будешь никогда после в своей жизни. Я помню, что ты говорил мне в ночь своей ссоры с матерью. Ты думаешь, что на тебе огромная ответственность – и это чувство может сделать тебя лучшим из людей. Но ты не

имеешь права забывать, что главная твоя ответственность сейчас – ответственность быть ребенком.

Все это было сказано так и таким тоном, что Тави не смог обидеться. Но он опешил и молчал.

– Не смотри на мир и на свою жизнь, как стратег на поле боя. Не теряй связи со своим детством, не отвергай вещи, не выноси сурового приговора. Иначе ты не заметишь, как мечта о странствиях превратится в мечту о военном походе, а мечта о справедливости станет мечтой о власти и контроле. Твоя жизнь может длиться еще годы и годы, ведь она только началась! Помни, дети обречены стать взрослыми, не нужно это торопить. Дай времени течь и просто делай то, что тебе сейчас по душе. А однажды, возможно, все само сложится так, что ты просто, как обычный человек, поедешь в Литтапламп и своими глазами увидишь огромные купола его директорий. Ты отказываешься приговаривать себя к Шарту. Теперь откажись приговаривать себя к Литтаплампу. Не ищи заранее конечную цель своего пути.

Мальчик все еще молчал. Румпа подбросил на ладони ключ-карту от своей студии.

– Я занесу это в учительскую и пойду домой. Если хочешь, и если у тебя закончились занятия, можем вместе прогуляться до наших квартир.

– Конечно, хочу! – вскинулся Тави. Минуту или две он стоял у стены, захваченный потоком противоречивых мыслей и эмоций; потом они вместе двинулись в направлении школьного холла. В коридорах первого этажа было пустынно – уже закончились занятия всех потоков, кроме самых старших.

– Я не понял, – сказал Тави, – что значит «ответственность быть ребенком»? Обычно говорят лишь об ответственности детей перед родителями, но Вы же не...

– Нет, я не это имел в виду. Ответственность быть ребенком – это такая странная ответственность, которая состоит в том, чтобы помнить, что ты все еще имеешь право быть безответственным. Вспомни, как ты бунтовал против матери, когда она захотела, чтобы ты выросл – ты же сам мне все это рассказывал. Но разве ты не стал сейчас почти тем, кем она от тебя требовала стать? Ты весь во взрослых делах, в мечтах о большом будущем, в решениях, заботах и хлопотах. Когда ты последний раз был в ламрайме?

– Ну... – замялся Тави. Румпа кивнул, увидев, что его слова достигли цели.

– Стань снова счастливым. Только пойми меня правильно: не веселым, а именно счастливым. Веди счастливую вольную жизнь, какая

подобаает ребенку. При этом ты можешь обижаться на других или оплакивать погибших – но все это тоже часть счастливой жизни. Главное, чтобы все эти настроения вовремя проходили, а ты сам и ребенок в тебе оставались на месте.

– Вы правы. Кажется, я уже очень далеко ушел. Даже не знаю, с чего начать движение обратно.

– Не далеко. А начать можно с ламрайма или с любой другой из тех вещей, которые ты делал месяц назад. Кстати, насчет открытий первого дня: меня удивил уровень преподавания в Шарту.

– Такой низкий?

– Нет, такой высокий. Здесь точно не хуже, чем в среднестатистических бесплатных школах Литтаплампа. И здесь по-настоящему много активных и смысленных ребят. У меня сегодня были младшие. Из них особенно хорош четвертый поток. И учебный план, который приняла Гарай, мне тоже очень понравился. В нем есть лишь несколько провалов, по которым эта школа уступает нормативам метрополии. В остальном же все на уровне, или даже лучше.

Тави уклончиво мотнул головой, как будто все еще не был готов признать, что Шарту может хоть в чем-то равняться с большим миром по ту сторону Экватора. Стоило ему снова замкнуться в себе, как на его лицо тут же вернулось прежнее выражение огорчения, потерянности и тревоги. А потом Румпа увидел в нем борьбу. Один Тави пытался улыбнуться, стать прежним, а другой упрямо, утрюмо и алчно рвался в свою темно-огненную предопределенность.

– Я ожидал другого, – как бы не замечая перипетий на лице ученика, пояснил он. – Я думал, будет ужасная захолустная школа. Но я не позволил этой предвзятости замутнить мой взор – и увидел все, как есть. Теперь я думаю, дело в том, что из-за миграционной политики в Шарту застряло несколько специалистов, которые, как и я, смогли найти работу только в школе. У большинства моих коллег не педагогическое образование. Но это вредит процессу не так сильно, как можно было бы ожидать.

Через холл они попали в прозрачный переход, длинный и извилистый, по которому можно было без скафандра добраться от школы до жилых корпусов административного комплекса. Пластиковый тоннель то шел по самой земле, то поднимался вверх, пропуская под собой автотранспортные магистрали. Поток теплого воздуха несильно дул в лицо, откидывая назад светло-русые волосы мужчины и мальчика.

– А как прошел твой первый день?

– Неплохо в плане занятий. – Тави каким-то странным, истерическим движением потер лицо. У Румпы перед глазами встала та сцена, когда шестеро старшеклассников избивали ногами Хинту. Он подумал, что Тави наверняка знает о случившемся.

– А в остальном?

Тави поднял взгляд.

– Я чувствую себя совсем чужим. Вы говорите, у нас неплохая школа. А мне кажется, что вокруг болванчики-идиоты с парапластиковыми мозгами.

– Почему тебе так кажется?

– Может, это и правда результат того, что я перегнул палку со своим желанием быть кем-то другим. Настоящим героем, который может в чем-то убеждать людей.

– А какую причину ты бы назвал, если бы не было нашего нынешнего разговора?

Тави несколько мгновений искал правильную формулировку.

– Потому что... потому что люди даже не обдумывают, откуда что-то взялось у них в голове. Они слепо хватаются за какую-то идею, причем тем крепче, чем более примитивной и смутной она является. А потом они упрямо стоят на своей глупости, когда приводишь им аргументы разума.

Учитель едва заметно кивнул – не в знак согласия, а скорее, чтобы показать, что понимает, о чем речь.

– И потом эти же люди объявляют, что это у меня в голове все так, как у них, – приходя в ораторское возбуждение, продолжал Тави. – То есть, они обвиняют меня в том, что это я не контролирую свои мысли. Но я-то точно различаю те идеи, которые появились у меня сами собой, и те, которые я почерпнул у других.

– Не ставлю твои слова под сомнение. Но если ты так в этом уверен, то объясни, как ты это делаешь. Не знаю, о ком ты говоришь, но мне кажется, те люди тоже уверены в том, что все мысли в их голове принадлежат им самим.

Пыл Тави приугас, он снова понурился. Сквозь прозрачные стены перехода было видно, как на улицы поселка вереницами втекают вялые толпы батраков в перепачканных фратом скафандрах. Рабочий день был закончен. Вместе с людьми с полей возвращались синие машины – они грузно катили по грунтовым дорогам, вслед за каждой поднимался высокий шлейф пыли, в которой радугами преломлялись лучи закатного солнца. Густые тени заполняли пространство между постройками. В окнах домов отражался пламенеющий горизонт.

– Мои мысли, – наконец, произнес Тави, – не похожи на мысли других людей. А у большинства из них мысли и чувства просто одинаковые. Все, что они говорят и думают, всегда укладывается в какую-то конвенцию. Как будто они не люди, а терминалы, на которые кто-то установил всего пару-тройку программ. Я был неправ: я не могу точно сказать, что мои мысли – мои; откуда мне это знать? Я просто понимаю, что в Шарту я очень одинок – ни у кого нет того набора мыслей, который в голове у меня.

– А о каких мыслях и идеях мы говорим? О политике, о ламах, об отношении к старшим, о жизненном выборе?

– В своем взгляде на ламы я часто испытывал одиночество, но там всегда и у всех был большой разброс мнений, и это так не угнетало. Нет, сейчас я о политике: о Шарту, об омарах и Джифое, о чужаках. Многие здесь ненавидят чужаков и все еще считают меня одним из них. И, наверное, я и правда чужак, раз до такой степени не совпадаю с ними во всем. Наверное, это одна из причин, по которым я так хотел вырваться отсюда в Литтапламп. Мне все казалось, что где-то там я могу стать своим.

– Не можешь. Люди там куда больше похожи на людей здесь, чем тебе кажется. Они тоже бывают глупы и тоже мечтают о войнах. А легкая жизнь и короткий путь к воплощению своих амбиций делают некоторых из них такими чудовищами, рядом с которыми здешний Джифой покажется образчиком мудрости и миролюбия.

– Да, я понял, – устало сказал Тави, и Румпа подумал, что тот наверняка опять слышит в его словах лишь половину смысла.

– Не сопротивляйся этому. Просто выбери, каким чужаком ты хочешь быть. Чужак – это или никто-временщик, или гость, или враг. Я предпочитаю в подобном раскладе быть гостем. А хороший гость не дает хозяевам дома советов, как тем жить, до тех пор, пока его не спросят. Его самостоятельное вмешательство оправдано лишь в тех редких случаях, когда он видит, что своим словом и делом может кого-то спасти – к примеру, остановить насилие над слабыми, причем остановить его навсегда, так, чтобы сами слабые не стали потом мстить тем, кто их унижал. Если ты не видишь подобного случая в Шарту, то и не вмешивайся.

Тави закусил губу.

– Они бросают неполноценных детей в пустошах, чтобы те умерли или стали омарами. Разве это не насилие над слабыми?

Они остановились на мосту, перекинутом через очередную дорогу – внизу были задворки административного центра. Рабочие в силовых экзо перекатывали бочки из открытой фуры в грузовой шлюз комплек-

са. Поодаль парень и девушка в легких полускафандрах играли в сокс. Издалека с полей шел прозрачный туман, от него красный свет солнца начинал распадаться желтыми аурами.

– Да, ты говорил. И потом я выяснил, что о подобных случаях упоминали по всей экваториальной границе ойкумены. Но я так понимаю, что в Шарту это в прошлом. Мне сказали, что здесь есть дети-инвалиды, в том числе с церебральными повреждениями, которые не ходят в школу и занимаются на домашних терминалах. Кажется, младший брат твоего друга...

– Его жестоко дразнят.

– Подобная неприязнь и дразнилки – неизбежные последствия недавно произошедшего в обществе размежевания. Да, это омерзительно, но все же не угрожает этим детям так, как раньше. То есть, спасти уже некого – все спасены. А если бы даже это было не так, Тави, ты должен понимать, что есть общества с очень разным представлением о гуманности. Вмешиваясь, требуя от этих обществ перехода к другим ценностям, отдельный человек извне почти никогда не достигает успеха. Такие вещи можно изменить только с помощью идущей десятилетиями пропаганды новых идеалов, либо ценой еще большего насилия, либо в случае, когда уже сам собой сформировался раскол, в который можно вбить клин. В этом третьем случае отдельный человек способен достичь успеха. Но ему стоит трижды подумать, хочет ли он раскалывать общество – так как это зачастую тоже приводит к новому насилию. К тому же мир, где мы живем, стал настолько ненадежным, рушащимся, экстремальным, что борьба только за судьбу подобных людей может в целом уже не иметь смысла.

Тави кивнул – и вдруг не выдержал.

– Я поссорился с лучшим другом.

– С Хинтой? – уточнил Румпа. Теперь он понял, что о драке Тави может ничего не знать.

– Да, с ним.

– Из-за чего?

Лицо Тави напряглось, в глазах уже стоял призрак слез.

– Честно говоря, из-за Вас.

– Из-за меня? – скрывая настороженность, переспросил Румпа. Ему вспомнилась утренняя встреча. Не то чтобы он по-настоящему боялся сплетен – они были неизбежны. Просто так вышло, что Тави уже что-то для него значил, а поэтому он предпочел бы сам рассказать мальчику о своей болезни и вообще о себе. И еще было обещание Хинты молчать,

которое тот дал после драки. Румпа не любил, когда люди нарушают свои обещания.

– Ну, не только из-за Вас. Мне кажется, что Хинта, как и все здесь, застрял в каких-то убеждениях. Нет, он не такой, как другие. Он лучше. Но он как будто на полпути между мной и людьми. И иногда от этого тяжело.

– Ты хочешь, чтобы он был больше похож на тебя?

– Это неправильно, да?

– Я не знаю. Тебе решать.

Тави угрюмо кивнул.

– Помириться будет сложно.

– А причем здесь все-таки я? Я, кстати, встретил твоего друга сегодня утром.

– Да? У него же не было с Вами занятий.

– Не было. Мы просто случайно оказались в одно время в одном месте. Узнали и поприветствовали друг друга.

– Так вот откуда он узнал, – протянул Тави.

– Узнал о чем?

– Что Вы наш новый учитель.

– А он не знал?

Тави закрыл лицо руками.

– Я ему не сказал. И все время на это была какая-то причина. А главная была в том, что я чувствовал в нем что-то... ну, как будто Вы ему не по душе. Я знал, что он будет странно реагировать, если я расскажу про наше с Вами общение.

Мужчина молчал. Он думал о том, что Хинта, очевидно, ничего никому не пересказал из подслушанного разговора. Это радовало. Ему нравилась их дружба, она напоминала ему то, что сам он в своей жизни потерял.

– И я сделал только хуже. Сегодня он узнал это сам и просто набросился на меня. У нас была почти драка.

Румпа несколько мгновений раздумывал, сказать или не сказать, а потом принял решение: сказать, и быть честным.

– На какой это было перемене?

– На второй, а что? – Тави уже напрягся, будто почувствовал беду.

– К концу второй перемены Хинта в холле дрался один против нескольких старшеклассников. Я их разнял.

Теперь они стояли у прозрачной стены тоннеля и сквозь пластиковую пленку смотрели на закат. Солнце сплавлялось с линией горизонта.

– Он в порядке? – упавшим голосом спросил Тави.

– Крови у него не было, хотя били его серьезно. Но думаю, я вовремя успел вмешаться. Я не стал сообщать начальству, и никаких проблем у твоего друга не будет, если, конечно, не случится новой драки.

– Это из-за меня, – медленно выдохнул Тави.

– И что будешь делать?

– Я не знаю, – со слезами в голосе ответил мальчик. Теперь это был тот, прежний Тави, и у учителя отлегло от сердца. – Но он был неправ! Что мне было делать, если он лез на меня и говорил столько глупых и плохих вещей? Он вообще стал говорить мне, что меня нет, что я всегда чужая калька: сначала моей матери, а теперь Ваша.

От последних слов Румпа неуловимо помрачнел. Он и сам не мог не замечать, как они с Тави похожи. От этого ему делалось не по себе, как и от обожания, которым тот его одаривал. А уйти в сторону было уже невозможно.

– Так вот кого ты имел в виду, когда рассказывал про свои и чужие мысли.

– Да.

– Прости, но мне действительно нужно домой. Я очень устал.

Они вошли на второй этаж жилого корпуса. Здесь были коридоры с богатой отделкой, на потолке ровным светом горели яркие лампы.

– Когда люди ссорятся, они обычно все немного неправы и все немного правы. И когда они мирятся, каждому из них приходится за что-то извиняться и за что-то прощать.

– Я понимаю.

Остаток пути до квартиры Румпы они проделали молча.

– Ну что ж, – сказал учитель, – увидимся завтра на занятиях.

Тави улыбнулся. Ему явно было легче, чем в начале разговора.

– Мне интересно, как это будет. Какой Вы за кафедрой.

– Скоро увидишь. Но поверь мне, я и за кафедрой – обычный человек.

– А знаете, куда я сейчас пойду? – вдруг спросил Тави.

– Домой, как и я? – уже догадываясь, что ошибется, предположил мужчина.

– Нет, – шмыгая носом, возразил Тави. – В ламрайм.

Румпа широко улыбнулся.

– Ну, тогда удивительного тебе лама, – пожелал он. Его серые глаза блеснули, и от этого Тави стало жутко и хорошо.

– А Вам хорошего отдыха, – откликнулся он.

Они кивнули друг другу и разошлись.

Поздно вечером Хинта лежал на верхнем ярусе их общей с братом кровати и смотрел в окно. Тело до сих пор ныло после драки. Ашайта уснул. Улицу ярко освещали прожектора – они зажигались каждую ночь с тех пор, как Шарту оказался на осадном положении. За прошедшие недели Хинта привык к этому белому сиянию, оно уже не удивляло и не мешало спать. Но сейчас он вдруг с необычайной ясностью вспомнил, как видел этот искусственный свет в первый раз – в ночь после гумпрайма. Тогда он переживал за Тави, корил себя за трусость и, плача от стыда и страха, молился о том, чтобы их дружба осталась жива.

С тех пор все будто перевернулось. Теперь ему тоже было стыдно, но не за себя сейчас, а за то, каким мягкотелым он был тогда. На этот раз Хинта не плакал. Он вел с самим собой жесткий, жестокий и не очень честный спор. Его внутренние конфликты утратили способность сглаживаться и угасать, внутренние монологи не посвящались больше поискам слов примирения. Почти всем своим существом Хинта хотел причинить Тави боль. Он хотел, чтобы во время их следующего разговора тот плакал и жалко извинялся. Когда Хинта особенно сильно сосредотачивался на своих темных эмоциях, у него в висках начинало тонко звенеть, словно в голове у него помещался высоковольтный генератор электро-злости.

Но генератор был лишь частью большей машины. Эта машина – машина обиды в нем – обладала тупой несгибаемой волей и расчетливым процессорным разумом. В то время как генератор поднимал вокруг себя энергетический ярость-шторм, процессорная часть машины занималась вычислениями. Подчиняясь ее логике, Хинта прикидывал, как долго Тави будет упираться, и как заставить того в полной мере осознать свою неправоту. Каждый раз, когда Хинта встречал в своей памяти какую-то истину, которая говорила о его собственной неправоте и о правоте Тави, он вместо раскаяния испытывал пароксизм отчуждения и ярости: включался генератор внутреннего шторма. Так, к примеру, он жутко разозлился, когда вспомнил, что попытка Тави выступить перед гумпраймом случилась прежде, чем тот мог обстоятельно поговорить с Иварой Румпой. Это доказывало, что перелом во взглядах Тави произошел без участия чужака. Хинта не желал это принять – и сразу попытался развернуть воспоминание в свою пользу. Он решил, что оно лишь обличает очередную ложь Тави: очевидно, тот не мог сам прийти к новым идеям, а значит, он тайно общался с Румпой еще до гумпрайма. Однако затем Хинта сообразил, что как ни крути, а все случившееся с Тави в гум-

прайме выросло из рассуждений о Джилайси Аргнире. Тави был верен этому герою всю свою жизнь, так что здесь Хинта уже никак не мог усмотреть чужого влияния. Но и это открытие вызвало у него лишь досаду и очередную вспышку ярости. Он начал упрямо хитрить внутри себя. Ему пришло в голову, что можно перевернуть всю ситуацию и посмотреть на нее иначе. Пусть Тави пришел к своим идеям сам, но тогда каковы же были эти идеи, если они заставляли его испытывать симпатию к сбежавшему из Литтаплампа безработному сумасшедшему?

И тут Хинта переключил свою ярость на нового учителя. Теперь он верил в каждое недоброе слово, которое директорша бросала тому в лицо. Да, Ивара Румпа был больным, ничтожным, а пуще того, безответственным обманщиком и злокозненным манипулятором. Даже в том, как чужак вмешался в драку в холле, Хинта был готов теперь увидеть призрака какого-то злого умысла. Сейчас он уже почти верил в то, что учитель мог заранее просчитать его реакцию и сделал свое как бы доброе дело исключительно ради того, чтобы Хинта обещал ему свое молчание. Думая так, он однозначно решил, что не пойдет на лекции Румпы и завтра же попросит, чтобы ему вернули прежнее расписание. А потом он неожиданно осознал, что если поступит подобным образом, то даст Лартриде Гарай повод уволить нового учителя.

Эта мысль напугала и взбудоражила Хинту. Конечно, тут было несколько оговорок. Во-первых, директорша вроде бы сама отвергла пари. Во-вторых, в пари, которое предлагал Румпа, речь шла об ученике, бросившем ходить на его занятия. Можно ли считать ученика бросившим занятия, если он отказался от них еще до того, как они начались? С другой стороны, Хинта запомнил гнев, в котором была Гарай. Он мог представить, что теперь она использует любой повод, лишь бы избавиться от нового учителя. То есть он, Хинта, держал сейчас жизнь этого взрослого человека в своих руках, мог разрушить ее одним движением.

Когда он до конца все это понял, ему стало совсем не по себе. Это было не то же самое, что ссориться с Тави. Зримая пропасть пролежала между серьезностью подобной мести и масштабами той нынешней полудетской обиды, которую испытывал Хинта. И как бы зол он ни был, он это понимал. Многие в Шарту могли издеваться над Ашайтой, но никто еще не посягал на то, чтобы силой изгнать больного ребенка из поселка. Лишить учителя единственной работы было все равно, что приговорить его к остракизму.

Хинта задохнулся и зажмурился, а потом ощутил новый приступ ярости, направленной против Тави. Тот глупо и случайно обрек его ходить на уроки этого ненормального чужака. И если Хинта не хотел зама-

рать рук, то, значит, он был приговорен к году заранее ненавистных факультативов и студий.

На следующий день у Хинты была его первая лекция по онтогеотике. Часом раньше в студии Румпы занимался поток Тави, так что они были вынуждены столкнуться в коридоре. Увидев друг друга, они на мгновение замерли; между ними образовалась запретная земля – ни обогнуть, ни перейти. Мгновение в глазах у обоих сверкала показная гордость, под которой прятались потаенные слезы. Потом первое оцепенение прошло, и они, сжавшись и не здороваясь, прошли друг мимо друга. Каждого унесла своя толпа.

На нелюбимых предметах Хинта предпочитал сидеть в задних рядах. Сейчас он хотел поступить так же, но на факультатив ходило слишком мало ребят с его потока, и ему не удалось спрятаться за их спинами. Он побродил между пустующих парт галерки, уныло вернулся назад и сел в центре. Уже опустившись на выбранное место, он поймал на себе взгляд преподавателя. Тот тут же отвернулся, но у Хинты осталось неприятное чувство, будто Румпа как-то особенно пристально наблюдал именно за ним. От этого в его душе с новой силой восстали все параноидальные подозрения насчет того, как искусно этот чужак может манипулировать людьми.

Прозвучал сигнал начала урока, и новый учитель взошел на кафедру. Он молчал и рассматривал учеников. Хинта, пусть и со злобой в сердце, все же оценил этот ход. Был какой-то особенный шарм в том, чтобы вот так спокойно начать свое первое занятие. Тринадцатилетние мальчики дисциплинированно сидели на своих местах и щурились в ожидании слов взрослого. А тот держал паузу – казалось, в этом умении он может сравниться с лучшими ораторами гумпрайма.

– Мое имя Ивара Румпа, – наконец, произнес он, – и я приехал в Шарту всего месяц назад. Знаю, это необычно, поэтому, чтобы не дразнить понапрасну ваше любопытство, предлагаю начать наше первое занятие с пятиминутки вопросов. Любой из вас может спросить меня о чем угодно. Но тогда и я в ответ тоже спрошу его о чем угодно. И мы оба должны будем ответить честно и полно.

Ребята шевельнулись, но по-прежнему царила тишина. Румпа зажег над кафедрой голограмму с обратным отсчетом.

– Если вопросов не будет, то я сразу перейду прямо к началу лекции. Ну, кто первый?

Голос подал Драва Таджура.

– Откуда Вы приехали?

– С той стороны Экватора. Если точнее, то из Литтаплампа, а еще точнее, из университетского квартала директории Кафтал.

Многие ребята невольно охнули от удивления. Никто из них ничего не знал о мире по ту сторону Стены, и уж тем более про директорию Кафтал. Хинта сам впервые услышал это название, когда вчера случайно подслушал разговор между новым учителем и директоршей.

– Кто променяет жизнь там на жизнь здесь?

Румпа остановил Драву предупреждающим жестом.

– Сначала мой вопрос.

– Простите.

– Ты всегда самый бойкий в потоке?

Раздались ехидные смешки, но Таджура не смутился.

– Нет. Из тех, кто здесь, еще Нима Крайф и Ладжи Тадана. – Те подняли руки. – И еще вот он, – указал он на Хинту. – Но он всех забывает только на роботехнике.

Хинта подавленно вжал голову в плечи.

– А меня зовут Драва Таджура. Теперь ответьте на мой вопрос.

– Кто променяет жизнь с той стороны на жизнь здесь... Ты удивишься, но многие поступили бы так, если бы знали, что здесь есть подходящая работа и вполне нормальные условия для жизни. Разумеется, желающих было бы в сотни раз больше, если бы, переселившись за Экватор, они могли сохранить гражданство. – Румпа посмотрел прямо на Таджуру. Тот вдруг не выдержал этот взгляд и потупился. – Что касается меня, я был исследователем в университете Кафтала. С той стороны Экватор изучен почти полностью. С этой же стороны никто не занимается мониторингом его состояния, не замеряет характеристики землетрясений, не ведет раскопки. Между тем, эта земля может скрывать в себе множество секретов. Так что меня привел сюда профессиональный интерес. Мой энтузиазм ученого сильнее, чем страх утратить социальный статус. Такой ответ тебя устроит?

– Да, – подумав, согласился Таджура.

– А теперь мой вопрос. Чего ты боишься больше всего на свете?

Таджура подошел к ответу серьезно.

– Это не одна вещь. Я боюсь проиграть в любой игре. Боюсь своих болезней и чужих похорон.

Румпа кивнул ученику и ждал, когда будет задан новый вопрос. Выступил Нима.

– А чего Вы боитесь больше всего? – к радости одноклассников, вернул он учителю.

Румпа усмехнулся.

– Своих студентов. Никогда не знаю, чего от них можно ждать.

– Оу, – сказал Нима. Напряжение, повисшее в воздухе после ответа Таджуры, сразу разрядилось, теперь почти все улыбались. Только Хинта по-прежнему мрачнел.

– Но если быть честным, это тоже не одна вещь. Я боюсь не выполнить обещаний, данных людям, которых уже нет в живых; боюсь собственных амбиций – они несколько раз почти разрушали мою жизнь; боюсь своей судьбы – мне часто кажется, что у нее какие-то чрезмерные планы на мой счет. – Он замолчал, глядя на Ниму, и тот, как и Таджура, вдруг тоже не выдержал его взгляд. Было что-то неуловимо-особенное в серых глазах Румпы, из-за чего людям делалось слегка не по себе. – Кем бы ты хотел стать, Нима?

Нима нашел в себе силы снова посмотреть на учителя.

– Вообще... героем. Но, поскольку это время ушло... то, возможно, актером в ламах... но, поскольку я живу в Шарту... то, возможно, шерифом или специалистом по безопасности. Этот факультатив мне нужен, чтобы понять, какие природные опасности могут угрожать поселку, и как можно было бы использовать землю под нами для защиты от омаров.

Учитель кивнул. А Хинта окончательно помрачнел. Он сам лишь испытывал смутное восхищение по поводу шерифа. А тут оказалось, что Нима уже превратил эту идею в свою ясную мечту и в программу для конкретных действий. На его фоне Хинта ощутил себя вторичным, а свою жизнь – разболтанной и бесцельной. И снова он мог обвинить в этом Тави – ведь это с Тави они когда-то говорили про шерифа, и тот тогда не разделил в полной мере восторги Хинты, а тем самым сбил его с простого пути, на котором теперь уже был Нима.

– Еще я хожу на спорт, так как хочу быть сильным, и на роботехнику, так как с дронами сейчас связаны все системы безопасности.

Румпа снова кивнул. По его лицу невозможно было понять, одобряет он выбор своего ученика или нет. Следующим слово взял Ладжи Тада-на.

– Уже можно задавать новый вопрос?

– Само собой.

– Хочу вернуться к прежней линии разговора. Вы сказали, что приехали в Шарту ради исследований. Но сейчас Вы здесь, перед нами, Вы –

учитель. Как Вы намерены совмещать то и другое? Или у Вас просто нет средств к существованию?

Прозвучало это как вызов.

– Мои исследования могут занять годы, – спокойно ответил Румпа, – а человек не может жить вне общества. Поэтому, если я куда-то приезжаю жить, то я должен там кем-то стать. У меня была мысль найти другую работу, например, землемера-георазведчика. Но из-за нападения омаров все мирные экспедиции в пустоши свернуты на неопределенное время. В результате я стал тем, кем мог стать, то есть учителем в школе.

Класс слушал с интересом.

– К тому же я люблю преподавать, хотя раньше я преподавал не детям и подросткам, а взрослым студентам.

– А что касается Ваших средств?

– Разве это не второй вопрос? – парировал учитель. Раздались смешки. – Впрочем, я отвечу. У меня есть деньги, но я предпочитаю зарабатывать столько же, сколько трачу на проживание, потому что мои сбережения всегда могут мне понадобиться для покупки какого-нибудь научного оборудования. Теперь ты доволен, Ладжи?

– Кажется, да, – со скрипом согласился мальчик.

– Кем работают твои родители?

– Отец возглавляет отдел логистики на фратовых складах, а мать – секретарь администрации поселка.

– Ясно. Пять минут кончаются. У нас осталось время для последнего вопроса, – сказал Румпа, и почему-то взглянул на Хинту. Но тот старался исчезнуть и не выказывал ни малейшего желания принять участие в разговоре. Поэтому вопрос снова задал Таджура.

– Почему Вы стали ученым?

– В детстве я очень увлекался мифами, а повзрослев, обнаружил, что мне их недостаточно. Я хотел знать больше о каждой истории, которую читал или видел в ламах. Так что, пожалуй, я стал ученым, чтобы открывать сокровища в мифах. Тебя устроит такой ответ?

– Не совсем. Хочется узнать, что же Вы открыли.

Таймер добежал до нуля – пятиминутка кончилась.

– Это уже новый вопрос, – сворачивая голограмму, усмехнулся Румпа. – Я на него отвечу, но не сейчас, а со временем. Все, что я знаю, неизбежно будет всплывать в ходе наших занятий. И теперь у меня к тебе, Таджура, будет чисто технический ответный вопрос: скажи, в прошлом году, когда вы еще были шестым потоком, отработал с вами прежний учитель свой курс до конца?

– Да.

– Простите, а можно еще один вопрос, но уже не про Вас? – встрял Нима.

– Только один.

– Прежний учитель онтогеотики, Нангвута Сайга, очень хорошо вел свой предмет. Почему он ушел?

– Он не ушел из школы. Он все еще ведет химию. Просто у него родился внук, и он хотел сократить число своих курсов, чтобы уделять больше времени семье. С двумя другими предметами, которые я взял, произошло примерно то же. Лартрида Гарай отдала мне историю, а себе оставила язык, так как занятия языком входят в базовый курс – их намного больше и они тяжелее. К тому же, она директор. А Джуна Дахати, который раньше один отвечал за весь комплекс творческих студий, отдал мне мифологию, но оставил себе музыку и скульптинг.

Нима кивнул, показывая, что его любопытство удовлетворено. Румпа снова повернулся к Таджуре.

– Вы успели дойти до вопроса о катастрофе времени?

– Кажется, только косвенно.

– Тогда с нее мы и начнем. Откройте на терминалах парт курс шестого потока, сразу раздел два.

Ребята зашевелились, будя терминалы и набирая в них нужный запрос.

– Как вы уже знаете, наша планета получила тридцать шесть больших ударов. Почти все они пришлись по касательной, против направления ее вращения. В Землю били твердые части кометы, распавшейся из-за действия на нее приливных сил Солнца. Каждый из больших ударов заметно снижал скорость вращения нашей планеты. В прошлом году вы изучали причины, по которым начало остывать ее ядро. И поэтому вы изучали то, как изменение скорости вращения повышает число Элиссара. Все помнят, что такое число Элиссара?

Неожиданно ответил один из новичков-крайняков, имени которого Хинта не помнил.

– Критерий подобия в магнитной гидродинамике, определяющий соотношение между магнитной силой и силой Кориолиса, – негромко, но четко отрапортовал он. – Вторым важным фактором повышения числа Элиссара стало частичное разрушение Луны, так как оно непосредственно повлияло на магнитосферу планеты.

– Очень хорошо. Как твое имя?

– Вилара Стайи.

Учитель кивнул.

– Но разрушение Луны нас сейчас не будет интересовать. Мы сосредоточимся на более простом последствии ударов и изучим другой комплекс формул. Солнце может освещать Землю лишь с одной стороны. Поэтому каждый раз, когда скорость вращения планеты меняется, неизбежно меняется продолжительность дня и ночи. Череду хаотических перемен в продолжительности суток выжившее человечество начало называть «катастрофой времени». Это изменение может показаться незначительным, но оно имело роковое значение для всех процессов на планете. Исчисление времени, которым мы пользуемся сейчас, было принято на саммите временных правительств трех континентов через десять лет после последнего удара и примерно за полвека до того, как уцелевшие люди Земли основали несколько новых государств, позднее преобразившихся в известные нам Лимпу, Джидан и Притак.

Румпа пробежал руками по терминалу, и в воздухе над кафедрой засияли формулы.

– Наше исчисление времени основано на все тех же терминах, которые применялись для исчисления времени на древней Земле, но наша секунда не равна их секунде, наша минута – их минуте, наш час – их часу, наши сутки – их суткам, наш год – их году. Секунды, минуты, часы и сутки были пересчитаны в соотношении одна целая сто пятьдесят пять тысячных у нас против одной целой у них. То есть их сутки, по нашим меркам, длились двадцать часов и сорок три секунды.

– А год? – спросил Нима.

– Нет. Ни наш месяц, ни наш год нельзя рассчитать по этой формуле, так как год и месяц зависят не от скорости вращения Земли вокруг собственной оси, а от скорости вращения Земли вокруг Солнца и от траектории Луны. Вращение Земли вокруг Солнца замедлилось лишь чуть-чуть. А вот вращение Луны вокруг Земли ускорилося. Наш год длится триста тридцать девять дней против трехсот шестидесяти пяти дней на древней Земле. То есть, с учетом продолжительности нашего дня, наш год немного больше прежнего земного года. При этом наш год включает в себя четырнадцать лунных месяцев против двенадцати лунных месяцев на древней Земле...

Лекция продолжалась еще час, усложняясь от шага к шагу, и, в конце концов, Хинта поймал себя на том, что ему интересно высчитывать, как одно время превращалось в другое. Он пытался вообразить себе великих древних с их совершенно иным ритмом жизни, пытался представить несчастных людей эпохи катастрофы, которые, оказывается, мучились не только от холода и голода, но еще и от того, что их дни и ночи стали непривычно длинными. А Румпа перемежал вычисления интерес-

ными отступлениями, говорил о «временной болезни», которая поразила людей после катастрофы, о последовавшей затем эпохе адаптации, о спорах ученых, которые долго не могли сойтись во мнении о том, как именно пересчитать старое время на новое и какими единицами измерения пользоваться. Под конец лекции Хинта чувствовал себя разорванным и усталым: он почти подпал под обаяние Румпы, но вместо радости испытывал какое-то мучительное чувство – обида на Тави оскоминой засела в душе, и из-за нее все по-прежнему казалось горько-кислым.

А потом случилось еще кое-что.

– Ну, вот и все, – сказал учитель, – на этом мы сегодня закончим. А теперь, используя пять минут, оставшиеся до конца урока, я хочу сделать пару небольших объявлений. – Он выключил свой терминал, и все голограммы исчезли, очищая пространство студии от мерцающих в воздухе уравнений и схем. – Домашних заданий в обычной письменной форме почти не будет. Не надо делать никаких упражнений на терминалах. Формулы знать надо, но я заранее верю, что вы будете повторять их без моей дополнительной указки. Все формулы, которые мы проходим, понадобятся вам на экзамене, прошу об этом не забывать!

Ребята усиленно закивали. Было в их согласии некоторое лукавство, потому что почти каждый, разумеется, думал, что отложит все сложное и неинтересное на самый конец полугодия.

– Это было первое объявление. А теперь второе: учитывая специфику нашего предмета, я считаю, что мы не должны проводить все занятия в этом кабинете. Хотя бы раз в месяц я хотел бы делать экскурсию к каким-то интересным местам, где можно воочию увидеть, как в окрестностях Шарту работают законы онтогеотики.

– А как же план Киртасы? – спросил Нима.

– Я над этим работаю. Во-первых, границы Шарту уже неплохо охраняются. Во-вторых, есть направления, где угроза омаров считается несущественной – например, маршрут вдоль Экватора. – Румпа бросил короткий взгляд на Хинту. Тот больше не ежился от каждого его взгляда, как в начале занятия, но все еще смотрел угрюмо. – Я буду стараться получить разрешение на эти экспедиции у школьного начальства и у администрации поселка. Вдоль Экватора я уже бродил сам – там есть места, где из скал потрясающе четко проступает слоистая порода, и можно, глядя прямо на пласт, рассказывать, как магнитное поле Экватора морфировало расположенную под нами геологическую плиту.

– Будет здорово, – поддержал Таджура.

– Но я знаю здесь еще не все, поэтому в качестве устного домашнего задания у меня просьба ко всем – подумайте, быть может, вы видели

что-то интересное: необычные камни, расселины, шлейфы магмы, или даже остатки каких-то древних строений. Любой из таких объектов может представлять интерес.

– А можно уже сейчас что-то предлагать? – спросил Нима.

– Конечно. Но до конца урока уже совсем мало времени.

– Через два месяца будет годовщина гибели прежнего Шарту. Вы еще не знаете наших обычаев, так что...

– Я знаю, что почти все жители поедут к мемориалу на побережье. И я также знаю, что там есть на что посмотреть. Поэтому я еду вместе со всеми. Если до или после церемонии администрация поселка позволит мне провести экскурсию вдоль побережья, то я обязательно соберу на нее всех своих учеников: и ваш поток, и тех, кто младше, и тех, кто старше.

– Ура, – обрадовался Нима.

– Есть еще идея, – подал голос новичок Вилара Стайи, но его слова перекрыло сигналом окончания урока. Ребята начали собирать вещи. Румпа сошел с кафедры и остановился перед ним.

– Какая идея?

– Дыры в земле. Те, из которых туман.

На лице учителя что-то отразилось. Это длилось лишь мгновение, но Хинте показалось, что он видел, как Румпа теряет самообладание.

– Что ты имеешь в виду? – уже спокойно спросил тот. Другие ребята уходили, не обратив внимания на этот разговор, а Хинта нарочно застрял, вяло копаясь около своей парты.

– Я не знаю, как их правильно назвать. Это не ущелья и не трещины, скорее, какие-то ямы, а может быть, гейзеры или маленькие кратеры. Они изредка появляются на крайнем юго-востоке территорий поселка. Те, кто там живет, думают, что туман идет на Шарту из этих ям – вблизи видно, как они дымятся. И земля у них внутри чернеет.

– Они выделяют горячий тендра-газ?

– Понятия не имею. Но одна такая появилась за ночь под парником моего дяди. И когда он вошел внутрь, все растения внутри были мертвыми и черными, будто сгорели.

Хинта медленно прошел к выходу из класса.

– Это действительно очень интересно, но это самый край. Вряд ли мы получим разрешение на такую дальнюю и опасную экскурсию.

– Мое дело предложить. К тому же я бы просто хотел знать, что это такое. И не только я – многих фермеров оно напугало.

– А что, раньше этого не было?

– Этого никогда не было. Оно появилось в эти каникулы, недели за две до начала нападений омаров.

Хинта уже выходил в коридор, эти слова донеслись ему в спину, и почему-то от них ему стало не по себе.

– Даже если не удастся экскурсия, – обещал Румпа, – я обязательно попробую съездить туда сам.

– До следующего занятия, – попрощался Вилара. Несколько секунд спустя они с Хинтой поравнялись в коридоре. Новичок шел быстрее, чем Хинта, тот пропустил его вперед и задумчиво-встревоженно смотрел ему вслед, пока спина крайняцкого мальчика не исчезла за углом коридора.

Уже позже, обдумывая эту сцену, Хинта почему-то вспомнил слова Тави, когда тот после гумпрайма говорил, что чувствовал какой-то неясный страх среди элиты поселка – будто те уже знали плохую новость, которую не знали все остальные. Вот и Хинта теперь почувствовал этот неясный страх в учителе, хотя до этого ему казалось, что Румпа самый спокойный и неприступный из всех взрослых.

После второго учебного дня последовали другие; за онтогеотикой потянулись история и мифология. Сам того не замечая, Хинта погрузился в школьную жизнь и в мир интересных дополнительных занятий, три из которых вел новый учитель. На мифологии он был вынужден видеться с Тави. Их ссора не прекращалась, и они боялись заговорить друг с другом. Тави пытался писать Хинте смутные, сбивчивые письма на терминал. Хинта не давал на них ответа. И все же он ощущал, как его ненависть начинает размываться и проходить. На смену ей приходило другое чувство – нечто вроде обычного непонимания; Хинта все сильнее не понимал, почему Тави не мог просто сказать ему про свое общение с Румпой.

Так они и жили, глядя друг на друга издалека. Это продолжалось, пока семью Хинты, Шарту и мир вокруг не потрясли новые события.

Глава 5

ОПАСНАЯ ЗЕМЛЯ

В конце второй учебной недели, на исходе урока истории, Румпа дал потоку Хинты необычное домашнее задание.

– Наше сегодняшнее занятие подходит к концу. Следующая лекция будет посвящена изучению системы первоисточников, оставшихся от периода предвоенного кризиса. И поскольку некоторым может показаться скучной сама мысль о штудировании старинных текстов, я решил заранее познакомить вас с таким своеобразным видом первоисточников, как джалипа. Кто-нибудь из вас уже знает, что это такое?

Хинта был единственным из ребят своего потока, кто выбрал себе сразу все предметы Румпы, так что на историю вместе с ним не ходили ни Драва, ни Нима, ни Ладжи, ни новичок-крайняк Вилара. Здесь группу активных учеников возглавляли Тимба Зоганга и Вондра Тайрума, которого Хинта знал раньше по скульптингу. Сейчас Тимба и Вондра синхронно помотали головами.

– Понятно. Тогда скажу сам. Джалипа – это такие специальные остроумные головоломки, наделенные социальным и культурным подтекстом. Когда-то они пользовались огромной популярностью. Их принято было рассказывать-загадывать друг другу в дружеской компании, во время застольной беседы. Шутники с помощью джалипа шутили, мудрецы использовали, чтобы пропагандировать свои идеи, а какой-нибудь политик мог сочинить ироническую загадку про грязные подштанники своего оппонента.

Упоминание исподнего белья вызвало среди ребят легкое оживление.

– Но это неудивительно, что никто из вас не слышал о джалипа. В большинстве своем они устарели и уже не кажутся ни меткими, ни забавными, а некоторые из них теперь и вовсе невозможно понять, если не знаешь какие-то особенные нюансы той культуры, в которой они возникли. Поэтому в наши дни сборники джалипа пользуются популярностью только у специалистов – историков и мифологов. И все же, на мой взгляд, если хорошо поискать, то можно еще найти такие джалипа, которые сверкают тем же остроумием, что и в дни своего появления. Одну из них я вам загадаю сейчас – и поиски ответов на нее будут вашим домашним заданием. Итак, слушайте внимательно. Трех человек – одного из Лимпы, одного из Притака и одного из Джидана – заперли в одной ком-

нате. Там им оставили лишь две вещи – горячий тигель и кусок льда. За пределами комнаты царила стужа, и даже сквозь замочную скважину внутрь заносило снежинки. Разумеется, эти три собрата по несчастью вскоре перебороли чувство взаимной неприязни, сели вокруг тигля, источающего тепло, и стали спорить о том, как же им поступить дальше. Через некоторое время они бросили лед в тигель, так как все согласились, что лед необходимо растопить. Но при этом каждый из них видел в этом поступке только свой смысл. Как по вашему, для чего кипящая вода была нужна каждому из них?

Ученики зашевелились, озадаченные загадкой.

– Эта джалипа, с ответами к ней, существует уже более семи сотен лет. Ее автор неизвестен, но известно, что она начала свою жизнь в западном пригороде джиданского города Налиджан. Там она сразу распространилась среди всех сословий и быстро попала в средства массовой информации, после чего стала всеобщим достоянием. Затем она была записана. Через джиданских пленных она со временем проникла и в другие культуры – сначала в Притак, затем в Лимпу. Причем, что интересно, каждый из трех народов повторял эту загадку на свой лад, так как считал, что она льстит именно ему, а остальных выставляет идиотами.

– А ответ у нее считается один или три? – спросил Тимба.

– Три. Три канонических ответа, по одному для каждого из пленников. Кроме того, есть еще около дюжины вариантов, которыми эта джалипа обростала на протяжении десятилетий своей популярности. Это легкий шанс заработать первый балл в этом семестре: по баллу получит каждый, кто в течение следующей недели сможет найти хотя бы один из возможных ответов для одного из пленников. Советую не сообщать свои догадки товарищам, а приходить с ними прямо ко мне. Двери моей студии открыты каждый день недели на третьей и четвертой перемене.

– А если я найду больше чем один ответ? – встрепнулся Вондра.

– Ты справедливо получишь столько баллов, сколько найдешь ответов.

– А если у меня уже есть ответы?

– Все ответы я буду готов выслушать на перемене. А сейчас, поскольку у нас еще осталась минутка, я лучше использую ее, чтобы предостеречь вас от некоторых типичных ложных ходов. Во-первых, они все топили лед не для того, чтобы попить. Во-вторых, тигель тяжелый, и поднять его невозможно, даже втроем. Нагретым он остается постоянно. Его источник питания вне досягаемости, где-то за пределами комнаты.

Одним словом, не надо пытаться использовать тигель для поисков ответа на загадку.

– Если тигель не...

– Минута кончается. Позволь мне договорить. На тигле есть площадка или черпак, с помощью которых можно оперировать с кипящей водой, поэтому считайте, что воду из тигля в любом ее состоянии можно куда-то в этой комнате переместить или для чего-то использовать. При этом площадку мы тоже исключим из уравнения. Плошка совершенно безобидна и не подойдет в качестве оружия против тюремщиков.

Эта дополнительная оговорка вызвала в аудитории смешки. Мгновение спустя раздался сигнал завершения урока.

– Ну, вот и все. Загадка в полном вашем распоряжении. С этого момента и всю неделю ко мне можно подходить с ответами или с дополнительными вопросами.

Вондра и Тимба задержались, пытаясь с ходу получить свои баллы, но учитель с ласковой насмешливостью отверг их попытки с наскока найти решение. Остальные ученики, включая Хинту, начали заинтригованно расходиться.

До сих пор Хинта не сказал на уроках Румпы ни единого слова: раскрыться ему мешала инерция обиды на Тави. Сейчас он, как и в прежние дни, снова угрюмо подумал, что не собирается искать решение и подходить к учителю со своими вариантами. Однако, как бы он ни боролся, живительная заинтересованность все же проникла светлым лучиком в темноту его души. Его технический ум сам собой увлекся поисками возможных вариантов. На протяжении следующих дней Хинта, сам того не замечая, все чаще возвращался мыслями к загадке. Он обдумывал ее даже тогда, когда с его братом случилась беда, когда его сердце разрывалось от страдания, а земля уходила из-под ног.

С первых дней учебного года Хинта мечтал о моменте, когда отец, наконец, освободится от патрулей и снова возьмет на себя работу в теплицах. И Атипа действительно почти освободился: патрули значительно сократили, теперь его отряд нес дежурство лишь раз в неделю. Однако мгновенную свободу это Хинте не принесло: в теплицах семьи Фойта дозрел харут, и в течение нескольких следующих дней нужно было потрудиться на сборе сладких плодов. Поскольку своих рук не хватало, Атипа даже призвал на помощь Риройфа.

Вечером после урока истории Хинта, ловко балансируя, стоял в полный рост на платформе Иджи, а ослик медленно двигался по внешней окружности теплицы. Время было позднее, солнце клонилось к горизонту, в узких заросших проходах уже сгущались сумерки. Хинта работал в зеленой, душисто-душной тесноте, ощущая, как сочные листья пропитывают росой его одежду и волосы. На платформе у его ног помещалась большая пластиковая корзина, в которую он осторожно скидывал собранные плоды. Они ложились друг на друга с липким звуком.

Единственным удовольствием, которое можно было найти в этом процессе, являлся сам харут. Хинте даже не нужно было есть плоды – они настолько сильно пачкали его руки соком, что он мог за час получить недельную порцию сладкого, просто облизывая пальцы. И он делал это, а фруктовый сок заполнял ему рот терпким пьянящим вкусом.

Иджи тянул за собой две механизированные платформы разной высоты. На первой стоял Риройф, на второй – Атипа. За ними по земле шли Лика и Ашайта. Впятером они могли за один круг собрать урожай сразу со всей зеленой стены.

Разговор шел главным образом между мужчинами. Атипа жаловался, что патрули отняли у него последнюю возможность выкроить время для себя. Риройф безрадостно солидаризировался с приятелем.

– Я и сам уже не так часто бываю в «Пристанище». Не те пошли времена.

«Пристанищем Таника» назывался один из трех кувраймов Шарту. Когда-то давно, когда Хинта был еще совсем маленьким, отец объяснил ему, что кувраймы – это вроде как ламраймы, но только для взрослых. В кувраймах было тесно, темно, там подавали кальян-шайфу и спиртные напитки, наиболее популярным из которых традиционно оставался кувак. Внутри себя куврайм, как и ламрайм, делился на круглые залы, в центре каждого из которых находилась арена, только транслировались на эту арену не заранее снятые ламы, а происходящие прямо сейчас спортивные поединки.

– Что так? Дело в омарах? Или денег не стало?

– Да что мне омары и деньги, – с тоской отозвался Риройф. – Тебя вот семья сдерживает. А я человек свободный – на жизнь заработал, остальное могу спустить. Но, понимаешь, скучно. Раньше самый интерес был в матчах по групповому крайта. Тебе ли не знать, я на них даже ставки кое-какие делал.

Атипа суетливо зашуршал в листе, показывая, что не стоит говорить о ставках при Лике, но сосед отмахнулся.

– Я к другому веду. Скучно-то почему стало? А потому, что в региональной Лиге Клинка сидят одни литтаплампские мошенники. Они только за этот год дважды меняли границы площадных категорий. Целых. Два. Раза. За. Один. Год. Понимаешь? И все для того, чтобы малонаселенные провинции не смогли собрать ни одной полноценной команды! Ну и зачем мне смотреть эти матчи, когда там последняя приличная команда принадлежит самому городу? Ты же знаешь, я никогда за них не болел.

– Да, плохи дела, – согласился Атипа.

Площадными категориями называлась классификация игроков по площади поверхности тела. Для крайта эта характеристика была самой важной. Игра осуществлялась на арене виртуальной реальности. Каждый игрок вооружался двумя игровыми пистолетами. Мишени хаотически возникали в разных местах в воздухе над ареной. Попадать в людей было запрещено – игрок, подстреливший другого игрока, немедленно выбывал. Чтобы победить, игроки должны были: своим телом прикрывать мишени, возникшие на их территории, и подставиться под максимальное количество попаданий противника; при этом поразить как можно больше мишеней на территории противника, и не задеть самого противника. Профессиональные игроки высшей категории были огромными людьми, тучными и могучими, при этом умели двигаться с молниеносной скоростью и прыгать вверх на высоту в половину собственного роста.

– Помнишь, как мы болели за команды Южного Ливайда? – спросил Риройф.

– А то. Они же самая близкая к нам аграрная провинция. Пусть и за Экватором, но все равно, что земляки.

– Так вот, считай, что их команд больше нет. После последнего передела у них осталось всего по два-три сильных игрока на каждую площадную категорию.

– Литтаплампские засранцы. Так они...

Тут их перебила Лика.

– Никто не думает, что пора включить освещение? А то я уже ломаю глаза, когда ищу плоды между листьями.

– Лампы с минуты на минуту должен включить автомат, – сказал Хинта. – Хотя вообще-то он запаздывает.

В этот момент что-то произошло. Хинта не сразу понял даже, что именно изменилось. Лампы по-прежнему не горели, последний луч заката касался купола теплицы, вокруг тесными стенами сходилась мягкая зеленая листва. А потом он осознал, что стало тихо. Иджи больше не

вибрировал у него под ногами; прекратила мерно шуршать система вентиляции; поток воздуха больше не заставлял шелестеть листву харута. Исчез даже тот тихий, едва уловимый писк, который раньше всегда доносился из щитка распределения энергии.

– Странно, – сказал Хинта. Его замечание одиноко прозвучало в онемевшей атмосфере теплицы. Он сел на корточки, глянул вниз – локаторы Иджи безвольно сникли, как будто робоослик был полностью отключен. Хинта дотянулся до стальной морды, помахал перед ней ладонью. Раньше ослик всегда отвечал на подобные жесты недовольным отрицательным сигналом. Сейчас он молчал и стоял на месте, как влитой.

– У меня, кажется, сломалась маска, – сказала Лика. – Больше нет подачи кислорода.

– Одновременно с Иджи? – спросил Риройф. – Что-то тут не так.

Хинта соображал намного быстрее взрослых.

– Все не так. У нас не работает ни один прибор, включая систему очистки воздуха всей теплицы.

– Мы можем отравиться? – испугалась Лика.

– Нет, тендра-газ сюда не попадет. Но через пару дней атмосфера в закрытом пространстве стухнет.

– Давайте сойдем вниз, – сказал Риройф. – Не вижу больше смысла собирать харут.

Они спустились и все впятером пошли к распределительным щиткам и шлюзу. Лика придерживала Ашайту за плечи. Тот вел себя необычайно тихо. Хинта не видел его лица в полутьме, но почему-то вдруг обеспокоился.

– С младшим все в порядке?

– Он просто объелся харута, – шепотом отозвалась Лика. – Что ему наши проблемы.

– Не заставляй ее говорить, – сердито сказал Атипа. – Без маски ей нужно дышать медленно и ровно.

Они дошли до шлюза и остановились. На приборных щитках не моргал ни один огонек. Отраженный свет заката умирал, покидая купол, оставляя людей в сгущающейся полутьме.

– Дела, – констатировал Риройф.

– Не понимаю, почему перестало работать все сразу, – сказал Атипа. – Обычно вещи ломаются по очереди. – Он потянул с вешалки комбинезон своего полускафандра и вывернул его так, чтобы все видели бокс коммуникатора. Коммуникатор был мертв и не включался.

– Как после посадки аккумулятора, – сказал Хинта. – Только я уверен, что у всех наших скафандров заряд в порядке.

Атипа потянул на себя полускафандр сына – коммуникатор Хинты тоже не работал.

– А мой? – спросил Риройф. Хинта подумал, что они все уже знают ответ. Атипа вывернул полускафандр Риройфа – коммуникатор не работал, как и у других. Все переглянулись. Никто еще не успел по-настоящему испугаться, но страх уже был рядом – дышал им в лицо, невидимым смерчем поднимался в темном воздухе.

– Так не бывает, – сказал Атипа.

– Но так есть, – возразил Хинта. – А что, если это омары?

– Ну почему сразу они? – возмутился Риройф. – Эти гаденыши ни разу не высунулись с тех пор, как вошел в действие план Киртасы.

– Потому что они как-то выключали наших дронов. И сейчас здесь то же самое. Как иначе объяснить, что синхронно вышли из строя Иджи, кислородный баллон и все оборудование теплицы?

– Именами сестер-жриц Лимпы заклинаю, чтобы ты, Хинта, был не прав, – сказала Лика. Хинта вспомнил, что в последний раз эта присказка не помогла. Это было перед гумпраймом, когда отец мрачно предположил, что в Шарту уже есть погибшие. Лика тогда тоже молилась сестрам-жрицам, а потом они узнали про дюжину смертей.

– И что теперь делать? – спросил он. – Потому что если это омары, то они уже повсюду в Шарту. А мы даже не можем связаться с другими людьми.

– Ну-ну, парень, – Риройф опустил свою сухую, узловатую руку на плечо Хинты, – не надо паники. Может, все перестало работать только в этой теплице. Надо выбраться отсюда и узнать, что происходит в Шарту.

Хинта тряхнул плечами, вывернулся.

– Обесточило не одну теплицу. Если бы одновременно сломались Иджи и кислородный баллон мамы – это было бы странно, но не очень страшно. А теплица работает от общей электростанции. Если энергии нет здесь, значит, ее нет во всем поселке.

Атипа протер на запотевшем стекле внешней стены смотровую щелку.

– Видишь что-нибудь? – спросил Риройф.

– Прожектора не горят. Значит, и правда, весь Шарту... – Атипа обернулся к остальным. Лицо у него стало как у призрака.

– И что теперь делать? – повторил Хинта.

– Ничего.

– Как ничего?

– Связи нет. Оружия нет. Осел, и тот не работает. Скафандры будут иметь те же проблемы, что и кислородный баллон жены. А здесь мы в

большом куполе очищенного воздуха, и у нас полным-полно спелого харута. Три дня протянем.

Сердце в груди у Хинты билось то слишком быстро, то слишком медленно. На лице матери выступил болезненный пот – она уже начала задыхаться.

– Давай я налажу твой баллон, – предложил он.

– Подожди. Дай всем решить, что делать.

– Это безумие, – зло сказал Риройф, – сидеть взаперти три дня, с больной женщиной и больным ребенком. Сидеть и думать, что не можешь получить помощь от других людей, хотя, может, у тех все в порядке. Да и оскомина будет жуткая, если жевать один харут!

– Если мы вручную откроем шлюз, то потеряем часть воздуха. Растения, может, и выживут. А вот нам возвращаться будет некуда. Поэтому...

Отец еще продолжал говорить, но Хинта уже не слушал его – он смотрел на брата. Ашайта стоял в стороне от спорящих взрослых. Раньше он всегда танцевал, его движения были плавными и непрерывными. Сейчас он застыл на месте, каждая его мышца была напряжена, лицо сделалось совсем тонким, бледным до синевы, глаза были широко раскрыты, слюна неконтролируемым потоком текла на подбородок. Потом все его тело, вниз от плечей и шеи, начало мелко дрожать.

– Братик, – испуганно сказал Хинта. Атипа замолчал на полуслове. Теперь на младшего смотрели все. А тот все стоял в своей странной напряженной позе: пальцы на руках широко расставлены, ладони мелко вибрируют, лицо постепенно запрокидывается вверх, к темнеющему небу над прозрачным куполом теплицы.

– Ашайта, – позвала Лика.

– Ашайта, – эхом повторил Хинта. Он шагнул к младшему, хотел что-то сделать, может, обнять. Но тот внезапно изогнулся всем телом и резко вскинул ладони с растопыренными пальцами вперед. Хинта получил сильный толчок в живот, потерял равновесие и глупо шлепнулся на земляной пол. А брат выгнулся над ним, как одна из маленьких горгулий с ледяных фронтонов джиданских зданий. Его глаза открылись еще шире, заблестели, вбирая в себя последний свет дня. Рот тоже открылся. Ашайта так сильно изгибался и выламывался вперед, что было непонятно, как он еще может удерживаться на ногах. И вот он начал падать – медленно падать своим напряженно-изогнутым телом на Хинту. Хинта, вытянув вперед руки, сумел поймать его, но стоило им прикоснуться друг к другу, как Ашайта взбрыкнул и начал биться в судорогах. Из его груди вырвался жуткий, получеловеческий вопль, от которого Хинта по-

чти оглох. Ему удалось мягко опустить брата на землю, а самому, испуганно задыхаясь, откатиться в сторону – и это был правильный поступок, потому что мгновение спустя Ашайта закричал снова. На этот раз его крик был таким, что Риройф и Атипа согнулись, зажав уши руками. Этот крик все длился и длился – протяжный, безумно-тоскливый, уходящий куда-то за диапазон человеческого восприятия. Было невозможно понять, откуда берется такая сила в маленьких легких больного восьмилетнего мальчика. Лика упала на колени и поползла к Ашайте. А Хинта просто смотрел в уродливо-прекрасное, напряженно-истончившееся лицо брата и ощущал, как его собственный рассудок уплывает в это лицо и в этот крик.

В последний момент, когда голос Ашайты уже стихал, превращаясь в стон, с Хинтой случилось нечто странное. Он увидел, как раскрываются, распадаются на механические секции какие-то огромные ворота из красно-золотого металла. За ними открылся мрачный черно-зеленый зал, дальняя стена которого струила завораживающий фиолетовый свет. А на ближнем плане, прямо у порога огромных врат, лежали мертвецы – иссохшие сизые лица под стеклами скафандров, ощеренные зубы, мерцающие в запавших глазницах жуткие лиловые огни. Гладкий каменный пол под мертвецами был расколот извилистой трещиной, внутри которой взбухала устремившаяся к поверхности магма. Ее уровень поднимался, пока скафандры мертвецов не начали гореть.

А потом все прекратилось, и Хинта понял, что все еще сидит на полу теплицы. Его сердце колотилось, как никогда в жизни. Ашайта лежал навзничь, в глубоком забытии. Его дыхание уже выравнилось. Лика держала над его лицом дрожащие руки, сложенные в какой-то знак, которого Хинта никогда раньше не видел. Риройф и Атипа перестали зажимать уши руками, но стояли, пригнувшись, будто боялись, что мальчик закричит снова и от этого крика купол теплицы осыплется на их головы тысячью осколков. Наконец, Лика расслабила руки, всхлипнула и начала обнимать Ашайту, беспомощно приподнимая его хрупкое тело над землей. Атипа неловко склонился к жене, то ли пытаясь поднять ее на ноги, то ли намереваясь сам упасть на колени рядом с ней.

– Не думал, что ребенок может так кричать, – прохрипел Риройф, разгибаясь.

– Такое в первый раз, – бледным голосом ответил Атипа. Хинта молчал – не мог прийти в себя после крика брата и той странной, страшной картины. Он точно знал, что не видел ничего подобного ни в одном лаге, и теперь ему было непонятно, откуда этот зал мертвецов взялся у него в голове.

– Милая, он будет в порядке? – теребя Лику за плечо, спросил Атипа. – Скажи, что он будет в порядке.

– Откуда мне знать? – Лика начала размазывать слезы по лицу. В сгущающейся темноте, со своими коротко остриженными волосами, она походила не на женщину, а на какого-то незнакомого мальчишку, несущего третьего брата Хинты и Ашайты. – Ему нужно обследование. Я не знаю, сколько он проживет без помощи. У него могло быть кровоизлияние в мозг – то, о чем нас предупреждали.

– Нет, так не пойдет, – сказал Риройф. – А ну, взяли себя в руки, вы, горе-родители! Лезьте в скафандры – и потащим его в госпиталь. – Он пытался звучать грозно, но его голос дрожал, и уверенности в нем было лишь на грань больше, чем у остальных. Риройф нуждался в своей винтовке и в ком-то другом, умнее и решительнее его, кто сказал бы ему сейчас, что следует делать.

– Но... – проблеял Атипа.

– Мы ничего не знаем, – сказала Лика. – Если там омары, нам всем конец – там ли, здесь ли. А если Ашайта умрет вот так, а омаров там не окажется, кто из нас сможет себя простить?

– А воздух? – спросил Атипа.

– Слушай свою жену, – грубовато посоветовал ему Риройф.

– Мы справимся, – сказал Хинта. – Включим в скафандрах пассивную подачу. Должен быть способ. Сейчас клапан открывается цифровым контроллером. Но его наверняка можно просто открыть.

– Да ты ни разу не делал этого в реальных условиях, – возразил Атипа. – Никто из нас не делал. Потому что нет сервоклапанов надежнее автоконтроля дыхания. Обычно они никогда не выходят из строя.

Его трясло.

– Тем не менее, пассивка – это просто. И мы это сможем. – Хинта взял свой скафандр и начал одеваться. Лика оставила Ашайту лежать на земле и тоже встала. Только Атипа не двигался с места.

– А твой мальчишка изменился, – взглянув на приятеля, хмыкнул Риройф. – Заметил, старый хрыч? Скоро он будет поумнее и крепче нас с тобой. И тогда они с Ликой будут командовать тобой даже в мелочах. Задницу не подотрешь, пока тебе не скажут, что это безопасно.

В другое время Хинта, возможно, испытал бы прилив стыда за отца и гордости за себя. Однако сейчас он был слишком напуган, слишком занят. Они с Ликой взяли скафандр Ашайты и развернули его на полу рядом с расprostертым телом мальчика. Хинта сел на корточки и начал копаться в клапанах.

– Липа вакукра, – не сдержавшись, выругался он. Никто из взрослых не сказал ему, что материться нехорошо. – Я забыл, что это детский скафандр. На нем нет ни пассивки, ни другого аварийного контроля.

– Тогда один из нас должен пойти и позвать на помощь, – решил Риройф.

– А остальным придется надышаться тендра-газом? – спросил Атипа. – Лику это убьет.

– Подождите. Можно сделать по-другому. – Хинта посмотрел на мать. – Твой баллон. Но потом. Сначала надо уложить его в скафандр.

Атипа, вышедший из ступора, подхватил Ашайту подмышками, Риройф – под колени; Хинта раздвинул скафандр, а Лика направила безвольные конечности младшего в рукава и сапоги комбинезона. Потом они застегнули контактные швы.

– Баллон, – скомандовал Хинта. Лика отстегнула емкость со сжатым кислородом от своего бедра и вытянула из-под одежды дыхательные трубки. Хинта положил баллон на грудь младшего и остановился.

– Я уверен, что смогу выпустить кислород из баллона, но для этого мне придется сломать сервоклапан. Кислород будет выходить достаточно интенсивно. Надо будет застегнуть скафандр, чтобы газ остался внутри. Я опять же уверен, что мы успеем это сделать. Но обычно мы не дышим чистым кислородом из наших баллонов. Скафандры очищают атмосферный воздух, добавляют к нему кислород, азот и гелий, после чего получается хорошая дыхательная смесь. А у Ашайты будет кислородное отравление.

– Зависит от давления, – сказала Лика.

– Боюсь, там будет положительное давление, порядка двух атмосфер. На выживании нас учили, что уже через пять минут будут судороги, а потом рвота. Учитывая его массу тела, когда мы донесем его до больницы, будет уже невозможно отличить симптомы его болезни от симптомов отравления кислородом.

– Врачи отличат. Главное, донести его живым.

– Мы можем сделать так... Сейчас мы все оденемся. Потом я приготовлюсь сломать баллон. Отец и Риройф откроют шлюз. Я сломаю баллон и буду держать его, чтобы замедлить выход газа. Так я смогу немного замедлить повышение давления кислорода в его скафандре. Как только я зажму баллон, мы, по возможности быстро, понесем его в госпиталь.

– Хороший план, – одобрил Риройф, – но я кое-что добавлю. Когда мы оденемся, то, не открывая шлюза, убедимся, что у нас у всех нор-

мально работает пассивка. Потом подождем еще пятнадцать минут, убедимся, что никто не опьянел от кислородно-азотной смеси. И только после этого будем готовить Ашайту и открывать шлюз.

Так они и сделали. В теплице совсем стемнело, и баллоны пришлось настраивать вслепую. Это доверили Хинте, так как он был ловчее взрослых. Он ориентировался на звук. Градаторы пассивных клапанов издавали щелчок при повороте на каждые десять значений. Последним Хинта настроил баллон на спине у матери. Она попросила сделать ей смесь с повышенным кислородом, и он поставил ей подачу на пятьдесят процентов. Когда газ пошел, Лика подняла правую руку вверх и сложила пальцы в знак «ан-хи». Хинта похлопал ее по плечу, надел дыхательную маску и, закинув руку за спину, настроил собственный баллон. Поток дыхательной смеси ударил ему в лицо с непривычным холодным напором, нос и глотку захлестнуло запахом дурманящей свежести. Чтобы взрослые знали, что у него все в порядке, Хинта тоже показал «ан-хи». Они все расселись по бочкам и стали ждать. Ашайта, маленький, неподвижный, лежал на земле между ними. Его скафандр бледнел в темноте своим детским узором из белых треугольников.

Риройф измерял время по пульсу. В литской ойкумене идеальной нормой считались восемьдесят шесть ударов в минуту; насчитав следующие восемьдесят шесть ударов, он сигнализировал остальным. Каждая минута, казалось, утягивается в абсолютную бесконечность. У Хинты слезились глаза, и он, сняв перчатку, вытирал их ребром ладони. В небе над куполом стало видно звезды, взошла разбитая на осколки луна. Запах газовой смеси постепенно перестал быть заметным. Наконец, Риройф вскинул руку в пятнадцатый раз и тяжело поднялся с бочки. Они покивали друг другу и разошлись: Риройф и Атипа – к шлюзу, Хинта и Лика – к Ашайте. Лика двигалась увереннее, чем полчаса назад, кислород помог ей отдышаться. Она подсоединила шлем к комбинезону Ашайты, а Хинта просунул руку под застежки на груди брата и нащупал баллон. Потом Атипа и Риройф приоткрыли внешнюю дверь шлюза; раздался громкий чавкающий вздох, и по всему помещению прокатилась ощутимая воздушная волна, выравнивая давление между атмосферой теплицы и атмосферой за ее пределами. Как только она достигла Хинты, он надломил клапан баллона и выдернул руку из-за пазухи брата. Лика тут же закрыла застежки и герметизировала скафандр. Комбинезон Ашайты набух, наполняясь кислородом. Чтобы замедлить этот процесс, Хинта свернул ткань на груди скафандра в складку и зажал внутрь складки клапан баллона. Мгновение спустя Риройф и Атипа подбежали к ним и под руки подняли Ашайту. Хинта продолжал зажимать баллон, а Лика при-

держивала руками голову мальчика. Так они перенесли его в шлюз. Там им пришлось сделать остановку: мужчины закрыли внутреннюю дверь, как могли, зажали – в надежде, что растения сумеют пережить легкое отравление тендра-газом – а потом открыли внешнюю дверь и вышли на улицу.

Никогда еще Хинта не видел, не слышал, не ощущал, чтобы на Шарту ложилась такая ночь. Не горел ни один огонек; безмолвие и тьма прятались за окнами домов, контрастно белели пыльные грунтовые дороги и серебрились обесточенные антенны поддержки связи. Все казалось безжизненным и пугающе чуждым, как будто это был мертвый городок где-то на Луне или на Марсе, брошенный людьми сотни лет назад.

Закрыв шлюз, Атипа и Риройф вновь подхватили Ашайту. Придерживая его, они медленно двинулись к центру поселка. Дважды по пути им встречались патрули. Бойцы вели себя одинаково: сначала заставляли незнакомцев остановиться, а потом, когда понимали, что видят группу людей с детьми, жестами требовали, чтобы те быстрее убирались с улицы. Наконец, они оказались около двухэтажного здания госпиталя. Оно было таким же темным и безмолвным, как и все вокруг, однако внешние створы одного из шлюзов центрального входа были открыты. Около них дежурила пара санитаров в скафандрах. Увидев группу людей, они двинулись навстречу. Объяснить им, что произошло с Ашайтой, было невозможно, поэтому взрослые просто втоптали мальчика внутрь шлюза. Один из санитаров остался снаружи, другой начал ручную закрывать створы изнутри. Те сдвигались бесконечно медленно. Хинту охватило отчаяние: его рука, которой он прижимал клапан баллона, уже очень устала, а брат, которого он так хотел спасти, возможно, умирал прямо сейчас.

И вдруг произошло чудо. Раздался звук, напоминающий вой набирающих обороты насосов, камеру шлюза потрянуло, и спустя мгновение на ее потолке вспыхнули лампы. Хинта оглянулся на улицу и увидел, как по ней разливается свет заработавших прожекторов – в Шарту снова была энергия. Створы шлюза ожили и сами начали закрываться; санитар, чьи усилия были больше не нужны, убрал руки с рычагов ручного привода. Вокруг Ашайты сразу началась суeta – к мальчику бросилась реанимационная команда. Атипа принялся сбивчиво объяснять медикам, что произошло. Лика сняла с сына шлем и расстегнула ворот его комбинезона. Хинта остался с шипящим испорченным баллоном в руках и растерянно застыл, не зная, что теперь делать с этой штукой. А потом Ашайту направили куда-то вдаль, в глубину белых коридоров госпиталя.

Два часа спустя, уже глубокой ночью, Хинта сидел у кушетки младшего. Его голова устало клонилась, пока не уперлась лбом в край простыни. Лика говорила с врачами; Атипа отправился назад к теплице, чтобы проверить состояние шлюза и включить режим очистки атмосферы; Риройф, пожелав Ашайте выздоровления, вернулся к себе домой. Хинта был совсем один. Рука брата лежала в его руке, но он с ужасающей отчетливостью ощущал, что младшего здесь нет. Его веки были плотно сомкнуты, но он не спал, даже не находился в обмороке – он был в коме. Чтобы приоткрытый рот мальчика не пересыхал, медики наложили на нижнюю часть лица специальную шину, а в нос ввели трубочки с кислородом. Волосы пришлось сбрить, и теперь голову и грудь Ашайты опутывали пестрые проводки с электродами на липучках. Это было просто маленькое тело, застывшее на грани между жизнью и смертью. Его душа, энергия его жизни, весь его свет – покинули эту комнату и устремились куда-то еще. Хинта не знал, куда именно. После погребения родителей Дваны, после ссоры с Тави, после всех событий последнего месяца, у него в голове царил сумбур. Он не мог ясно верить ни в одну вещь и в то же время немного верил во все. Может, его брат неся по лучам звезд? А может, он сидел за огромным, полным сладостей столом, где-то в подледных чертогах, ел там руши и был очень счастлив? А может, его вовсе не было?

Хинта уткнулся лицом в пухлый край одеяла и заплакал. Брат ушел и оставил ему загадку без разгадки – видение какого-то страшного места. Может, Ашайта был сейчас там? Если так, то Хинта хотел бы любой ценой вызволить его оттуда. Но он даже не знал, что думать о своей галлюцинации. Она могла означать все что угодно, но могла и не означать вообще ничего. Он хотел бы хоть кому-то рассказать о том, что видел, но боялся, что родители лишь еще больше испугаются, а с Тави они все еще не могли говорить. Других людей в обедневшем мире Хинты не было.

Мучаясь своим горем, он начал представлять себе, как будет выглядеть смерть брата. Погребальная церемония с маленьким саркофагом. И этот саркофаг сожмется до еще меньших размеров, когда поедет по конвейеру льда и пламени.

И тут, внезапно, в уме Хинты сформировался один из ответов на джалипа. Не только погребальные саркофаги умеют изменять свой объем из-за перепадов температуры. Механизм замка в загадке был описан как простой, примитивный, древний – никаких кодов, никакой элек-

троники, только замочная скважина для ключа. А значит, воду в замерзшей комнате можно использовать, чтобы вскрыть замок. Для этого нужно залить воды в запорный механизм и дожидаться, когда та вновь замерзнет. Лед имеет свойство расширяться. Значит, с определенной вероятностью, замок разнесет, и путь наружу из запертой комнаты станет свободен.

Взбудораженный этой мыслью, Хинта отстранился от ложа брата. Он ощущал стыд за то, что может в такой момент думать о домашнем задании, и в то же время испытывал благодарность, потому что загадка отвлекала его. Она вернулась к нему в голову, когда он уже был на дне отчаяния, и теперь он мог больше не думать об одной лишь смерти. Джа-липа пленила его, увлекла его мысли. И еще он осознал, что есть один добрый понимающий человек, с которым он ни разу не говорил с тех пор, как поссорился с Тави: Фирхайф, старик-машинист тихоходного поезда.

– Хинта, – негромко окликнула его мать из дверей палаты. На бедре у нее висел новый баллон, выданный из больничных запасов. – Они говорят, что он может очнуться в любой момент, а может не очнуться еще много месяцев. Я побуду здесь, посплю. А ты должен пойти домой и быть в порядке. Завтра у тебя обычный школьный день. И это не изменилось ни из-за аварии со светом, ни из-за болезни твоего брата.

Хинта подавленно кивнул.

– Говорят, в поселке все спокойно. Омары не нападали, никакой угрозы нет. Просто был перебой. Я отпущу тебя одного. Ты ведь будешь умницей и пойдешь прямо домой?

– Конечно.

– Тогда спокойной тебе ночи.

– И тебе, – обнял ее Хинта. Он почти никогда не делал ничего подобного, и Лика не смогла ему вовремя ответить – просто удивленно, скованно замерла в объятиях сына. Она хотела еще что-то сказать, но мальчик отпустил ее и быстро зашагал прочь по больничному коридору. В холле он столкнулся с Кифой, тетей Дваны.

– И Вы здесь?

– Помогаю. Кто-то же должен. – Ее встревоженный взгляд скользнул по его истрепанному скафандру. – А как ты?

– Мать и брат. Отключение застало нас в теплице. Пришлось добираться до больницы самим. Сейчас я домой.

– И правильно. Нечего по улицам ходить. А с твоими родными все обязательно будет хорошо.

Согрев его теплом своих слов, она уверенно нырнула обратно в круговорот общей суеты. Хинта был рад ее встретить. Ему очень нужно было, чтобы кто-то такой, как Кифа, сказал, что Лика и Ашайта поправятся. В этом не было рационального смысла, он знал, что слова утешения никак не изменят исход. Но он все равно в них нуждался.

На улице Хинта активизировал коммуникатор и набрал номер Фирхайфа. До сих пор он всегда заходил к старику без предупреждения и приглашения – была какая-то особая прелесть в случайности этих визитов. Однако сейчас он не был уверен, что сможет найти Фирхайфа в домике на платформе – в ночное время тот обычно передавал управление тихоходным одному из молодых сменщиков. К тому же, Хинта не знал ночное расписание поезда и понятия не имел, насколько сильно оно могло измениться после отключения электричества.

Ответа пришлось ждать долго. Хинта шел по пустынным дорогам под светом прожекторов, чувствуя, как новая тревога неприятным холодком разливается у него в груди. Что, если авария каким-то образом навредила Фирхайфу? Но не успел он по-настоящему испугаться, как тот ответил.

– Кто еще?

– Это я, Хинхан.

– Вот уж кого не ожидал. А то достали собиратели сплетен.

Этот выпад Хинта не совсем понял. Голос старика звучал забавно: нечетко и пискляво, как будто он стал карликом-механиком из комедийного лама про битву притакского сержанта Гигага с армией уменьшенных солдат.

– У Вас все хорошо? А то Ваша речь...

– Я на пассивке. Газовая смесь в промышленных скафандрах меняет тембр голоса. А у тебя все хорошо?

– Нет. Ашайта попал в больницу. Мать осталась с ним, а меня отправила домой. И... Вы где сейчас? На станции?

– Да. На час застрял над Экватором, а потом смог пригнать поезд сюда. Мне уже спать пора. Тут теперь работы до утра.

Хинта заколебался.

– Уместно будет, если я зайду?

– Только на пять минут. И имей в виду, здесь полный бардак.

– Спасибо, – чувствуя себя эгоистом, поблагодарил Хинта. – У меня и самого нету больше пяти минут. Мама обязательно проверит, дошел ли я до дома.

Скоро он уже поднимался на платформу станции. Там действительно происходило что-то странное: поезд стоял полностью загруженный, но ни один рабочий не занимался разгрузкой; два роботизированных кара сонно наматывали петли по перрону, в конце каждого маневра тупо тыкаясь захватами в закрытые борта платформ; у ворот складских терминалов валялся расстегнутый скафандр и стояли грубо вскрытые упаковки с аккумуляторами и кислородными баллонами – очевидно, кому-то в момент аварии, как и семье Хинты, пришлось бороться за жизнь. Дойдя до домика Фирхайфа, Хинта обнаружил, что тепловой барьер больше не работает, а заросший сосульками проход оттаивает. Сам Фирхайф, в скафандре, вытряхивал в мусорную корзину кастрюльки с едой. Увидев мальчика, он приветливо махнул рукой.

– Все испорчено. А я, старый дурак, накупил продуктов на неделю.

– Наверное, я не вовремя...

– Все нормально. – Фирхайф выбил последние, посиневшие червячки лапши из опустевшей кастрюли и устало сел за стол. На экранах его терминалов застыли красные сообщения о неправильно прерванной работе. – Как твой брат?

Хинта кратко и сбивчиво рассказал, как у них в теплице все выключилось, как Ашайта начал кричать, и как они потом все вместе боролись за жизнь. Старик медленно покачал головой.

– Мне шестьдесят четыре года. Когда я был моложе, мне все время казалось, что потом я стану мудрее. Но вот, время прошло, а ничего не изменилось. Случаются плохие вещи, страдают и умирают люди, и когда это происходит, я не знаю, что сказать себе и другим. – Он похлопал Хинту по руке. – Я просто буду ждать, когда ты снова приведешь его сюда. Если он поправится, угощу его лапшой, как раньше. Надеюсь, к тому времени у меня снова будут припасы.

Хинте стало чуть легче.

– Спасибо.

– Не за что, Хинхан. Разве я могу с этим что-то поделать?

По дороге сюда Хинта думал, что больше всего хочет поделиться с Фирхайфом своим видением. Но сейчас, глядя в его усталые глаза, мальчик вдруг ясно понял, что не видит смысла рассказывать про зеленый зал и красно-золотые ворота. Фирхайф был слишком здешним, слишком спокойным, слишком старым; у него и так было полно забот и тревог, он как будто присматривал за половиной людей в Шарту, взяв на себя роль

доброго духа этих мест. Что толку было беспокоить его разум какими-то безумными картинками из запределья?

– Вы сказали, что застряли на вершине Экватора? – сменил он тему. – И каково там было?

Фирхайф замялся.

– Не знаю, стоит ли мне тебя пугать. Но думаю, рано или поздно об этом всё равно все узнают, так что скажу сейчас. Я видел все до горизонта. По обе стороны от Экватора. Ни единого огонька.

Хинта приоткрыл рот.

– Эта авария была не в Шарту, а во всей литской ойкумене. Может, и дальше. Все перестало работать. Каждый прибор. – Фирхайф легонько щелкнул по экрану одного из своих терминалов. – Эти штуки почти автономны, но они вышли из строя. Все скафандры тоже. И тихоходный, хотя он может ехать без энергии извне. Вот и ты говоришь, что не работал твой робоослик.

– Ни одного огня до горизонта...

– Да. Впервые в жизни я видел темный Литтапламп. Солнце зашло, но купола города не засияли. Когда в них нет света, они в ночи похожи на огромные капли воды. Я думал, меня уже ничем не напугать. Но там, наверху, я понервничал. Я думал, это начало конца. Казалось, сейчас что-нибудь случится, и наша бедная хрупкая Земля... А Экватор подомной был не таким, как всегда. Он будто дрожал, жил. Возможно, я ощущал, как он разрушается. Думаю, погибли тысячи людей – все, кто оказался один, был неопытен, не сумел перевести свой скафандр на пассивку или пользовался старым, латаным оборудованием, лишенным систем аварийного останова.

– Ну, – пробормотал Хинта, – мне кажется, в Шарту почти все смогли это пережить.

– Да. Но что, если это произойдет опять? Что, если это продлится день, два, три? Сколько людей сможет пережить такой период времени, ни разу ни воспользовавшись электрической энергией? Прости, Хинхан, я напуган, и вот я напугал тебя. С другой стороны, завтра напуган будет уже каждый. – Фирхайф вздохнул. – А как твой светловолосый друг? Ты ведь наверняка уже говорил с ним после катастрофы.

– Э-э... да, – соврал Хинта. – С ним все в порядке. Он был дома, а живет он в административном комплексе. Там все очень надежно.

Они пробыли вместе еще несколько минут, потом пришел сменщик, и Хинта отправился домой. На улице он наткнулся на неожиданно большой отряд ополченцев. Те стояли в свете прожекторов и нервно гля-

дели во тьму. Оружие у них было на боевом взводе. Хинта попытался обогнуть их, но его окликнули.

– Эй, ты откуда и куда? Почему не дома?

– Я как раз туда, – робея, ответил Хинта.

– Дурак! Ночью на улице дети – разве так должно быть? Разве там кто-то должен ходить?

В рядах ополченцев произошла легкая сумятица, и к Хинте вышел суетливый парень, должно быть, лишь чуть старше его самого.

– Пойдем, мне велели довести тебя до дома. – Его голос ломался, но по интонации Хинта понял, что этот взрослеющий мальчик очень гордится своей новой ролью и автоматической винтовкой, висящей у него на плече. Больше они ни о чем не разговаривали.

Дома было пусто; Хинте пришлось самому разблокировать шлюз, в одиночку проверить систему очистки воздуха и накормить себя упрощенным, невкусным ужином. Потом он зашел в их с братом комнату, сел на нижний ярус кровати и надолго замер в странном оцепенении. Тишина и одиночество пугали его. Он ожидал от себя, что расплачется, как плакал после всех тяжелых событий последних месяцев – но слез не было. Неподвижно просидев час, Хинта забрался к себе наверх и лег. Он ощущал опустошенность и ужасную усталость, но уснуть смог только тогда, когда услышал, как домой возвращается отец.

На следующее утро, сидя на первых двух уроках, Хинта с режущей отчетливостью осознал, как ему не хватает Тави. С кем еще он мог поговорить об Ашайте, кто еще любил его брата почти так же сильно, как и он сам? И с кем он мог бы по-настоящему обсудить масштабы вчерашней катастрофы, кто из всех сумел бы дать ему дельный совет насчет его странного видения? Все его мысли были адресованы Тави, только Тави мог ему помочь. Впервые за недели, прошедшие с момента их ссоры, Хинта почувствовал себя виноватым и задумался над тем, как жестоко он обошелся с Тави. Он чувствовал себя таким одиноким, а ведь у него была полная семья. Еще он мог зайти к Фирхайфу. Если бы он очень захотел, то сумел бы найти и других людей. И вообще, он признавал Шарту своим домом. А вот Тави жил в настоящей изоляции. Единственным его родственником была мать, но в каникулы он с ней поссорился. Поселок был для него чужим местом, тюрьмой. Местные до сих пор считали его чужаком. Разве можно было упрекнуть его за то, что он попытался

ввести в свой мир еще одного человека – Ивару Румпу, незнакомца из Литтаплампа?

К концу учебного дня Хинта уже серьезно задумался над тем, чтобы пойти к Тави в класс. Но это требовало отдельного большого усилия, и, хотя он почти созрел, ноги понесли его в другом направлении: на второй этаж, к студии Румпы. У него был формальный повод для визита, вчера он, возможно, нашел одну из отгадок для джалипа. Хинта чувствовал, что шаг навстречу новому учителю будет как первая, очень важная половина шага навстречу Тави. Но в студии никого не было. У входа, поедая домашние бутерброды, сидела девушка, совсем взрослая – возможно, выпускной класс.

– Ищешь кого-то?

– Ивару Румпу. Это вроде как его студия.

– Он в актовом зале. Устроил семинар.

– Сейчас?

– Он говорит о... – девушка закатила глаза, – о том, какое явление физики или онтогеотики могло спровоцировать отключение электричества. Почти все наши ушли слушать. Они только начали, ты еще успеешь!

Актовый зал был местом особым – после разрушения старого Шарту здание школы отстроили раньше здания гумпрайма, и несколько лет собрания гуппа происходили именно здесь. В те времена некоторым еще удавалось пройти на них с оружием, и однажды это привело к трагедии – на стене, недалеко от входа в зал, висела мемориальная доска с барельефами двух судей и эксперта-землемера, погибших от рук взбешенных фермеров-крайняков.

Когда Хинта подошел к залу, все его двери были распахнуты, а в коридор долетал усиленный динамиками голос Румпы.

– ...свободная форма. Я хочу, чтобы вы активно участвовали в обсуждении. Пусть каждый задает вопросы, высказывает свое мнение. Я уверен, вместе мы сможем разработать одну или несколько убедительных гипотез объяснения случившегося. Но прежде я должен дать вам более полное представление о случившемся. Полчаса назад у Шарту восстановилось подключение к литской информационной сети. Сейчас там вал сообщений об отказах оборудования, о падении большинства силовых сетей в юго-восточной части ойкумены от Литтаплампа и до Шавала. Купола этих городов впервые за десятилетия погрузились в кромешный мрак. То же самое с меньшими поселениями. Очевидцы пишут, что не видели ни одного электрического огня от горизонта и до горизонта. Тысячи людей пострадали. Остальные – напуганы.

По залу прокатился вздох удивления. Хинта уловил в нем полный спектр тех эмоций, которые он сам пережил в начале аварии, а теперь к ним добавилось еще и разочарование в образе Лита как могущественной антитезы Шарту. Только у него оно было не таким острым – он все узнал еще от Фирхайфа. Он тихонько проскользнул в зал. Тот не был полностью забит: старшекласники сидели дружескими группками, между которыми встречались островки свободного места. Румпа, в неброской серой кофте, стоял за кафедрой.

– ...паникой охвачены все, от окраинных бедняков до глав корпораций. Лучшие инженеры уже строят гипотезы о причинах произошедшего. И, казалось бы, зачем нам ломать голову над тем, над чем уже думают большие умы? Но истина принадлежит всем, кто способен мыслить, для ее поисков статус не имеет значения. У нас здесь такие же шансы создать удачную гипотезу, как у ученых где-то там, в далеких лабораториях корпораций. Они выиграют на длинной дистанции, но сейчас мы все равны. И еще я подумал, что лучший способ снять напряжение – это вдоволь поговорить о той самой вещи, которая всех так сильно волнует. Эта встреча – не обязательное занятие. Двери в зал останутся открытыми; кто устанет, может уйти. С остальными я готов говорить.

– Нападения омаров можно было не ждать? – спросил кто-то.

– Я не военный, и только недавно стал гражданином Шарту. Я никоим образом не стал бы ставить под сомнение целесообразность действий руководства поселка. Они вынуждены были принимать решения, не имея доступа к достаточной информации, и они приняли вполне здравые решения. Но да, я думаю, что нападения омаров в тот конкретный момент можно было не бояться. Если мы все еще уверены, что это сделали омары, то нам придется объяснить, откуда у них взялось энергетическое оружие такой мощи. Это сомнительно. Более того, я думаю, омары были в такой же панике, в таком же отчаянном положении, что и люди. Насколько мне известно, они снабжают свои тела искусственными органами и устройствами, которые должны были временно отключиться точно так же, как у нас временно отключились скафандры. Мне сложно предсказать, какой это нанесло им вред. Но маловероятно, что в таком состоянии они смогли бы начать массовое активное наступление. Однако опасность все же есть. Просто она исходит не от омаров, а от самой катастрофы. Если отключение повторится, среди людей могут быть новые пострадавшие...

Хинта смотрел на Румпу, слушал его, и заново вспоминал, как тот ехал на поезде, без шлема, с наполовину открытым лицом, свободным взглядом обзоревая мир вокруг, со свободным сердцем покидая город,

который для многих казался пределом мечтаний. Да, Тави был прав, этот человек был особенным.

– Информация о том, насколько обширную территорию охватило отключение, является лишь одним из необходимых нам ключей. Другие мы найдем в науке и в показаниях приборов. Пару таких приборов я принес сюда с собой. – Румпа поднял на всеобщее обозрение два устройства – длинный черный тубус с овальным расширением на конце и маленький золотистый диск, выглядевший на расстоянии точь-в-точь как Вечный Компас. Вид этой вещи загипнотизировал Хинту. «У него же не могло их быть два?», подумал он.

– Кто-нибудь знает, что это такое?

– Радиометр.

– Точнее.

– Регистратор ионизирующих излучений.

– Каких именно ионизирующих излучений?

– Любых. Мы ставили опыты с этой штукой на химо-физике.

– Да, вы правы, эта «штука» действительно взялась из школьного кабинета химо-физики, и опыты с ней можно ставить самые разные. Но кто-нибудь знает ее изначальное предназначение? – Румпа перевернул черный тубус в руке. – Пятьдесят семь лет назад этот прибор выпустили на заводе точных машин в Литтаплампе. Раньше нашего с вами рождения. Зачем?

Несколько ребят выразительно помотали головами.

– Чтобы измерять космическое излучение. До сих пор большую часть приборов этой серии используют в метеорологических лабораториях по всей ойкумене. А про вторую вещь хоть кто-нибудь догадался? Ее не было и не могло быть на ваших занятиях, потому что этот прибор я привез с собой.

Зал молчал.

– Это квантовые часы шестого поколения. Я уверен, что в Шарту таких еще несколько. В школу их не отдадут – они служат для синхронизации важнейших автоматических систем поселка. А теперь загадка: как два эти прибора помогут нам понять, что случилось со всеми остальными приборами в Шарту?

– Только эти приборы продолжали работать? – предположил кто-то.

– Один – да. Другой – нет. Но полезны оба.

– Часы, – прошептал Хинта. И он был прав: одновременно с ним кто-то более смелый выкрикнул это вслух.

– Верно. Часы продолжали работать. Шестое поколение отличается от предыдущих тем, что его внутренний вычислитель является полностью квантовым. Это крошечный компьютер. Хотя их циферблат остановился, они по-прежнему могли считать время. Как только электричество вернулось, их стрелки приняли нужное положение; мне осталось сопоставить показания этих часов с показаниями остановившихся обычных, и я узнал, что мы были без энергии пятьдесят три с половиной минуты. Таким образом, понятно, зачем нужны часы. Но кто догадался, для чего мне понадобился радиометр?

– Измерять космическое излучение? – предположил парень, который уже высказывался на счет радиометра.

– Само собой. Но зачем? Какое отношение космическое излучение имеет к отключению энергии в человеческих приборах?

Снова тишина, но на этот раз самые умные из старшеклассников шептались между собой. Внезапно раздался голос с галерки:

– Наводки!

– Оратор, встаньте, пожалуйста, Вас не видно. А остальные – передайте ему микрофон.

Микрофон поплыл по рукам, с ряда на ряд, поднимаясь все выше.

– Я из крайняков, – будто отгораживаясь от аудитории, сказал незнакомый парень, – учился на терминале. Нас здесь, похоже, считают идиотами. Но это не так.

Его реплики вызвали шум в первых рядах зала, и семинар окончательно стал напоминать гомпрайм, только гомпрайм молодых – сказать, кто ты, здесь стало даже важнее, чем сообщить свою мысль.

– Наводки. Расскажи остальным, что это.

– Наведенное напряжение – единственная причина, по которой может одновременно выйти из строя такое количество электроники. Это электрический ток, который возникает в любых проводниках, оказавшихся в чужеродном электромагнитном поле. Но я не понимаю, почему это настолько сильно сработало в Шарту, ведь вся техника здесь экранирована для защиты от наводок, идущих с Экватора.

– Замечательный ответ. Но причем здесь ионизирующее излучение космоса?

– Если оно было очень сильным, то оно могло бы вызвать наводки на всем оборудовании поселка.

– Спасибо. Кто опровергнет гипотезу?

По залу прокатилась волна неуверенных перешептываний.

– Ну же, ведь все довольно очевидно.

На этот раз микрофон перешел к девушке.

– Ионизирующее излучение космоса не бывает настолько сильным. Иначе как древние Золотого Века летали в космос?

– Оригинальный ход мысли, и правильный вывод. Да, это так, ионизирующее излучение космоса почти никогда не бывает настолько сильным. Ближайший к нам источник излучения – это Солнце. Вспышки на Солнце могут приводить к сбоям в определенных видах оборудования, но не настолько глобальным. То есть, солнце не может быть виновато в случившемся. Остается предположить, что это был искусственный источник излучения.

Зал зашумел.

– Не волнуйтесь. Сразу после катастрофы прибор показывал повышенное ионизирующее излучение, но оно было не настолько сильным, чтобы навредить человеку, и уж тем более, чтобы отключить здесь всю технику. Теперь вы знаете, зачем нужны оба этих прибора, и какую площадь охватила катастрофа. И я задаю вам вопрос: что же отключило технику? Какие выводы можно сделать из той информации, которая уже есть? Нет идей?

– А у Вас есть? Мы хотим знать. Но мы не ученые. Скажите нам.

– Ответ, который тебе дают, стоит в десять раз меньше, чем ответ, к которому приходишь сам. Поэтому сейчас я не дам вам ответа. Думайте, думайте своей головой. Если не найдете решения, тогда, быть может, я выскажу свои гипотезы. Но сейчас я надеюсь, что кто-нибудь в этом зале смело предложит нечто столь невероятное, что мне и не приходило в голову. Прав может оказаться даже школьник из младших классов. А пока вы думаете, я расскажу немного полезной теории. Ионизирующее излучение космоса почти не достигает поверхности нашей планеты – по двум причинам. Во-первых, оно вступает в конфликт с собственным магнитным полем Земли. Во-вторых, оно сильно рассеивается в верхних слоях атмосферы. То есть, существует целых три возможные причины, по которым ионизирующее излучение могло усилиться. Первую мы обсудили раньше – это появление где-то поблизости мощного искусственного источника такого излучения. Но эта версия не работает. Второй вариант – это усиление ионизирующего излучения из-за процессов, происходящих в атмосфере. И третий вариант – ослабление магнитного поля планеты.

– Экватор! – крикнул парень из седьмого ряда.

– И?

– Экватор был построен как раз для восстановления магнитного поля Земли. Он нагрел ядро планеты и вернул ему стабильность, компенсировал последствия изменения орбитальной траектории и замедления вращения Земли вокруг ее оси. Это знают все. Но еще Экватор

убрал... уже несколько столетий нашим скафандрам не нужна радиационная защита, мы свободно выращиваем такие культуры, как фрат, прямо на открытых полях. И все потому, что космическое излучение, благодаря Экватору, снова не достигает поверхности Земли.

– Онтогеотика?

– Да.

– Молодец. И все остальные – тоже молодцы. Хорошо работаем. Сколько вариантов мы уже отсеяли! И вот еще один. Итак, допустим, что все дело в Экваторе. Но кто мне объяснит, почему эта гипотеза является лишь подходом к одному из нужных нам ответов, но не самим ответом?

– Не работает, – сказал парень, владевший микрофоном, – потому что вышедший из строя Экватор не мог отключить нам всем технику. Строго говоря, наши приборы должны были бы начать работать лучше. Ведь все это время он на них зафанивал. А теперь, без этой огромной индукционной катушки, они бы оказались в идеальных условиях.

– Верно. Что же получается? Магнитное поле планеты ослабело, и приборы отключились в одно и то же время. Экватор – тоже прибор, и в нем тоже течет электрический ток. Логично будет предположить, что он просто не работал, как и все на Земле. То есть, он – часть уравнения, а не причина, которая объясняет случившееся. И я уверен, что Экватор заработал снова, причем произошло это в тот самый момент, когда включились другие приборы – потому что уже через несколько минут после катастрофы ионизирующее излучение начало возвращаться к своим прежним значениям.

– Это невозможно объяснить законами химифизики!

– Верно. Законами существующей науки это нельзя объяснить – такого явления человечество еще ни разу не наблюдало за всю известную нам его историю. Но теперь это произошло, и мы должны создать новый закон в науке, новую теорию, которая позволит это объяснить. Мы должны выйти за пределы того, что можно прочесть в книгах, и придумать что-то новое сами. И, как я уже сказал, в своей способности выдвигать гипотезы мы равны с учеными из корпоративных лабораторий и крупнейших научных центров ойкумены. На сегодня все. Думайте.

Хинта ощущал, что у него взрывается мозг. Аудитория тоже взорвалась шумом сотен голосов, сотен споров, обсуждений и идей. Румпа достиг своей цели – никто больше не маялся бессмысленным страхом; все искали что-то, смотрели, как ищут другие, чувствовали себя частью не Шарту, а ойкумены, человечества. Незаметным жестом он вернул этот зал во времена бурного прошлого, заново превращая школьную трибуну в политическую, и сделал это настолько тонко, что Джифой с

его манерой воплей и лозунгов мог бы от зависти вырвать последние волосы с краев своей лысины.

Собрание расходилось. Хинта тоже сорвался с места и начал спускаться к выходу из зала, но в дверях образовался сильный затор, и он застрял. Когда он, наконец, вырвался, Румпа исчез. Некоторое время Хинта колебался, затем снова направился к студии, подгоняемый смутной надеждой, что все-таки сможет застать учителя там.

Большинство школьников уже покинули школу, в коридорах царили пустота и тишина. Издалека, от лестницы, Хинта расслышал голос Румпы: тот продолжал с кем-то разговор, начатый в актовом зале.

— ...с древних времен известно множество средств, чтобы дистанционно создать на вражеском оборудовании наведенное электрическое напряжение. Это можно сделать с помощью нейтронных или электромагнитных бомб, с помощью микроволнового излучения или воссоздавая эффект эха по Чема, а также целым рядом других способов, каждый из которых сводится к переполнению проводников энергией. При таком переполнении проводники перегреваются и их компоненты разрушаются...

Его собеседник что-то ответил.

— Верно. Есть несколько причин, по которым мы можем быть уверены, что вчера случилось не это. Во-первых, оборудование не сгорело — оно снова может работать. Во-вторых...

Хинта шагнул через порог студии и замер. Румпа сидел верхом на одной из парт. Напротив, тоже на парте, сидел Тави. Оба они были вполоборота к двери и слишком увлеклись разговором, а потому не замечали появления Хинты.

— ...мы не наблюдали никаких явлений, связанных с переполнением энергией. Если бы Шарту подвергся такой атаке, то эффект был бы такой же, как от удара молнии, только в разы сильнее. Разве робо не должны гореть, когда на их платы попадают по-настоящему сильные наводки? Есть и другие нестыковки. Свет просто исчез. Но должно было быть иначе. Все металлические предметы стали бы нагреваться, лампы бы перегорали — вспыхивали с огромной яркостью, а потом взрывались. Ведь так?

Хинта тихо сдал назад, намереваясь уйти. Внутренне он проклинал себя за то, что сунулся в студию именно сейчас; ему казалось, что было

бы в тысячу раз проще сделать все по очереди – сначала поговорить с Румпой, а потом уже с Тави. И все же он заставил себя остановиться.

– Дроны умирали бы в судорогах. – Рядом с чужаком Тави выглядел таким счастливым, таким увлеченным. Это больше не пугало и не раздражало Хинту, но он все еще испытывал по этому поводу какое-то странное, сложное чувство, которое сам не мог понять. Они были похожи как отец и сын, или как два брата, рожденных с разницей в двадцать лет, только их глаза отличались по цвету. Это зрелище странно завораживало, и Хинта невольно задался вопросом, сколько еще пройдет времени, прежде чем другие заметят то, что сейчас столь ясно видел он.

– Да, дроны горели и, возможно, совершали бы какие-то хаотические движения, напоминающую агонию живых существ. Но это не единственная нестыковка. Есть и другая. Что было бы с людьми?

– Я изучал палеобиотику, – сказал Тави. – После удара метеорита разные виды живых существ гибли по разным причинам: холод, уменьшение светового дня, землетрясение, выбросы в атмосферу пыли и ядовитых газов. Казалось бы, все это не должно было затронуть некоторых простейших. Однако гибли и они. Тех, кто не погиб по прочим причинам, убивала космическая радиация.

– Так что было бы с нами, с людьми, если бы сюда дошла волна ионизирующего излучения, любой природы, настолько сильная, что она отключила бы приборы?

– Жар, жжение на коже, головная боль, дурнота, тошнота. Возможно, смерть в течение нескольких часов или нескольких дней. Я имею в виду не Шарту, а гибель вообще всего человечества, кроме тех, кто в первые же минуты успел бы найти специальное укрытие.

Румпа кивнул, после чего оглянулся и, наконец, заметил застывшего у двери Хинту.

– Привет.

Это простое обращение застало Хинту врасплох.

– Здравствуйте, – ответил он, потом сделал над собой усилие и нерешительно добавил, – привет, Тави.

– Привет, – почти беззвучно повторил тот. Улыбка сошла с его лица, и он стал выглядеть совсем иначе, будто появление Хинты разом выбило из него весь тот свет, который он накапливал, общаясь с учителем.

– Здорово, что ты зашел, – сказал Румпа. – Мы тут как раз говорим о событиях вчерашнего вечера.

Его непринужденный тон слегка разряжал обстановку, и все же для Хинты было очень сложно сделать следующий шаг.

– Да, я понял. Я... я думаю, что нашел один из ответов на Ваше домашнее задание.

– Я слушаю. Не волнуйся, у потока Тави нет такого задания. А к следующему году я придумаю что-нибудь новое. Поэтому твоя отгадка ничем ему не поможет и ничего не испортит.

– Воду можно снова превратить в лед.

Мужчина кивнул, но мальчик молчал, не в силах продолжать.

– Зачем?

– Если вода замерзнет внутри замка, – с неохотой начал Хинта, – то, возможно, она разорвет...

Договорить он не успел, потому что пол резко ушел у него из-под ног. Кажется, Хинта закричал, но потом он не мог вспомнить этого достаточно ясно. Жуткий животный страх полностью поглотил его сознание. Его чувства обострились, а восприятие бесконечно ускорилось – так что он мог видеть и ощущать все вокруг, будто при замедленном воспроизведении.

Он понял, что падает вверх. Или, возможно, это комната падала вниз. Румпа и Тави тоже взлетели, их светлые волосы свободно взметнулись, одежда пошла пузырями, как при сильном ветре. Стулья поднялись в воздух. Не сдвинулись с места только парты и полки – они были намертво прикручены к полу – зато левитировали все отдельные вещи, в том числе тяжелые глыбы геологических образцов. Долю секунды казалось, что наступила невесомость – а потом вещи начали медленное движение назад, падение; все предметы в комнате были как фигурки настольной игры, по доске которой злой мальчишка ударил кулаком. Мгновение невесомости закончилось, и Хинту швырнуло об пол. Он приземлился на ноги, но удар был настолько сильным, что его колени подогнулись, и он упал. Он еще только набирал в грудь воздух для нового крика, когда второй толчок снова отправил его вверх. Он взлетел, попытался перевернуться в воздухе, но не сумел и ударился об пол боком.

Нового броска такой же силы не последовало, но теперь вся поверхность пола, каждая вещь в студии дрожали. Хинта перевернулся и встал на четвереньки. Вибрация пола под руками становилась настолько частой, что от нее немели ладони. Появился звук, похожий на жуткий громовой крик: выло и вопило все, даже стены. Перед глазами у Хинты начало темнеть. Не помня себя, он попытался ползти к выходу из студии, но из-за чудовищной мелкой тряски пол был как будто скользким – на него не удавалось толком опереться, он каждую долю секунды улетал вниз, а потом возвращался и больно бил по рукам и коленям. Хинта с трудом преодолел полметра, потом одна из металлических рампы, под-

держивавших потолок комнаты, лопнула и просела, на него посыпались мелкие куски пластиковой облицовки. Не в силах защититься, он сжался в комок. Снизу его колотило о вибрирующий пол, сверху молотил град осыпающихся обломков. И вместе с болью к нему пришло понимание. Это было землетрясение. Оно не было первым в его жизни, но он уже понимал, что оно самое сильное. А между тем мир вокруг продолжал ломаться.

– Под парты! – приказ Румпы каким-то образом прорвался к Хинте сквозь грохот и вой. Он пополз назад. – Под парты, под парты! – охрипшим от крика голосом повторял учитель.

Тави уже был под партой. Сам Румпа по проходу пытался двигаться в направлении Хинты, прикрывая голову рукой, по его виску текла кровь.

– Уходите! – заорал ему Хинта. – Прячьтесь, я доберусь! – Он сделал последний рывок, распластался на животе и сумел ухватиться за ножку парты. Она оказалась надежным якорем, и, рывком подтянувшись к ней, он забился в тесную спасительную нишу. Снизу парта была покрыта резинкой, уменьшающей вибрацию, Хинта вжался в нее головой, и ее мягкость показалась ему слаще, чем мягкость собственной постели после трудового дня.

Вибрация пола медленно менялась. Это уже не было похоже ни на тяжелые удары, ни на ультразвуковой резонанс. Теперь мир вокруг двигался в подобии морской качки, как при обычных землетрясениях. С полка с грохотом посыпались геологические образцы; с учительской кафедры соскользнул и разбился терминал. А потом Хинта услышал звук, который напугал его больше, чем сами толчки: по школе распространялся неровный трубный вой сирены – сигнал, предупреждающий о глобальной разгерметизации. В дверях класса активизировалась система автоматической блокировки, и они попытались закрыться, но им мешал мусор, упавший с потолка.

– Маски? – крикнул Хинта. Под каждой партой в специальном боксе размещался набор вещей, необходимых для выживания, в том числе маска с минибаллоном на десять минут.

– Рано. – Румпа показал на индикатор состояния атмосферы, шкала которого еще оставалась полностью зеленой. Но школу продолжало потряхивать, и если разгерметизация произошла, то она должна была только усиливаться. Дверь, наконец, победила застрявшие у порога осколки пластика и с хрустом задраилась; раздался свист декомпрессии – в студии устанавливался свой режим давления. Стало тише.

– Кончается? – спросил Тави.

– Кончается, – согласился Хинта. Теперь он был уверен, что амплитуда колебаний медленно идет на убыль. Он позволил себе отпустить ножки парты и обмяк. По телу растекалась боль от ушибов, полученных в начале землетрясения. Он провел руками по лицу и обнаружил на ладонях кровь от царапин.

– Целы? – спросил Румпа.

– А Вы? – вернул Тави.

– Разбил голову об угол парты. Не могу понять, насколько это серьезно.

Тави высунулся, чтобы посмотреть на него. В этот момент из стены раздался стон металла, а у пола появился крен. Та сторона студии, где были окна, вдруг оказалась ниже той, где была дверь. Хинта, с замершим на губах криком, обернулся и увидел, как за окнами проплывает мир. Там были серьезные разрушения: мелкие дома стояли в беспорядке, их будто раскидало и сдвинуло сразу, большие здания покрылись трещинами и пробоями, всюду поднимался белый пар – следствие множества кислородных утечек. Но крен усиливался, и панорама Шарту исчезла из виду; теперь за окнами виднелась ближайшая улица – земля с разломами, опрокинувшийся набок синий фратовоз, колеса которого продолжали вращаться. Эта картина приближалась с невероятной скоростью.

– Мы падаем, – будничным тоном констатировал Румпа. – Держитесь.

Раздался шорох и свист – упавшие на пол предметы заскользили под откос. Потом с грохотом поехали со своих мест стулья. Хинта успел снова вцепиться в ножки парты. Мгновение спустя за окнами мелькнула красная поверхность грунтовой дороги, а затем последовал страшный удар. Комната теперь лежала на боку, сами они повисли на металлических ножках парт. Стало почти темно – окна впечатались в землю – но какой-то свет в помещение все же проникал. Хинта запрокинул голову, чтоб увидеть, откуда он, и обнаружил, что из стены у него над головой вырваны клоки обшивки. Сквозь них было видно кисельно-розовое небо. Света добавлял индикатор атмосферы – он стремительно разгорался, перекрашиваясь из зеленого в красный.

– Маски! – тембр голоса Румпы показался Хинте измененным, и это было очень плохо, так как могло означать, что они уже в непривычной атмосфере. Он подумал об учителе и Тави, но знал, что не поможет им, пока не поможет себе. Он подтянулся, перехватился выше – теперь он снова был под той же партой, с той разницей, что пол помещения стоял вертикально – нашел опору для ног и замер, стараясь просто не ды-

шать. Ощущая, как спертый воздух толкается в горло, он сорвал из-под парты бокс с маской. Дальше ему не нужно было думать – после десяти тысяч тренировок по безопасности любой ребенок в Шарту мог надеть аварийную маску в два движения.

Сделав два вдоха, на вкус показавшиеся ему восхитительными, Хинта посмотрел туда, где были его товарищи, и увидел, что Румпа перебирает ногами, не в силах найти опору, а Тави лезет к нему по ножкам парт. Под ними был провал в шесть метров с частоколом металлических ножек и разбитыми окнами в самом низу. Не думая о рисках, Хинта тоже двинулся на помощь взрослому. В отличие от Тави, которому приходилось взбираться вверх, он оказался на одном уровне с Румпой и мог просто шагать по ножкам парт. Увидев, что Хинта идет на помощь, Тави перестал пытаться влезть выше и сосредоточился на ногах учителя – схватил того за ботинок и потянул к опоре. С помощью мальчика Румпа, наконец, сумел поставить ноги и перестал соскальзывать вниз. Но когда Хинта дошел до него, он не дышал уже очень долго, его глаза стремительно наливались кровью, и было видно, что он вот-вот потеряет сознание. Хинта сорвал из-под парты набор и надел на него маску. После этого они все обессиленно замерли. Тави, повисший внизу, не отпускал Румпу и продолжал держать его ногу.

Секунд через двадцать учитель активировал громкую связь на своей маске.

– Живы? – свистящим шепотом спросил он.

– Кажется, – ответил снизу Тави. Хинта ощутил в груди истерический спазм, напоминающий и смех, и рыдания. Он тоже включил громкую – даже не ради слов, а просто для того, чтобы его шумное дыхание звучало вместе с остальными.

– Надо обрисовать ситуацию, – сказал Румпа. – Похоже, наш блок оторвало от здания. Эти маски на пять минут, а я не думаю, что мы выберемся отсюда за пять минут. Честно говоря, я вообще не думаю, что мы выберемся отсюда сами. Надо дожидаться спасателей, а это точно займет больше времени, чем есть воздуха в маске.

– Включим маяки, – предложил Хинта. – Тогда они быстро узнают, что здесь есть выжившие. – Он достал из аварийного бокса маленькое устройство, похожее на бейджик-прищепку, и нацепил его себе на ворот.

– Здесь двадцать парт, – подсчитал Тави, – и учительская кафедра. То есть, всего двадцать один аварийный набор. Это хорошо делится на три. Придется ползать, чтобы все достать, но так у каждого из нас будет семь масок и воздуха на тридцать пять минут.

– И еще здесь есть большие восьмичасовые баллоны. Но кажется, мы до них не доберемся. – Румпа запрокинул голову и посмотрел вверх, туда, где сквозь драную арматуру просвечивало небо. – По технике безопасности, они помещаются не под партами, а в стенных нишах. Внутренняя стена помещения считается самой надежной. Но теперь, когда нас оторвало от школьного комплекса, она стала потолком. Поверить не могу.

Тави истерично усмехнулся.

– Успеют ли нас спасти за тридцать пять минут?

– Зависит от уровня разрушений в поселке.

– Кто кроме меня смотрел в окна, когда мы начали падать? – спросил Хинта. – Я видел поселок. Десятки газовых столбов от пробоев и хаос сдвинутых домов. Наверное, это было самое сильное землетрясение. Не помню, чтобы меня раньше так колотило об пол.

– Значит, им не хватит тридцати пять минут, – сказал Румпа. – Значит, это не их тридцать пять минут, а наши. За это время мы должны либо выбраться отсюда, либо добраться до восьмичасовых баллонов. У меня больше физическая сила, а вы двое очень ловкие. Поэтому сейчас я пойду вниз, а вы вверх. Мы должны собрать все маски, чтобы у каждого из нас было тридцать пять минут. Тем более, что первые пять минут уже почти прошли, а мы расходовали воздух на неровное дыхание и речь. Потом я спущусь к окнам и попытаюсь найти или прорыть выход отсюда, а вы двое полезете еще выше и постараетесь найти способ достать баллоны. Есть возражения?

– Нет, – хором ответили мальчики и двинулись от парты к парте. Хинта шел по своему ряду, Тави – под ним, а учитель спустился и собирал аварийные комплекты в самом низу. Каждый из них надел на себя по три аварийных маячка, и они четко видели друг друга в полутьме по морганию красных огоньков. Собрав шесть комплектов, Хинта начал задышаться и сменил маску – сгорели первые пять минут. Потом он сел верхом на ножках, запрокинул лицо к небу. Тави вскоре присоединился к нему. Кислородные баллоны были в недостижимых двух метрах над ними.

– И как их вообще можно достать? – спросил Тави. Хинта посмотрел на него и вдруг понял, что не сможет двигаться дальше, если не скажет каких-то правильных слов.

– Мы можем умереть, – наконец, произнес он, – и я не хочу сделать это, оставаясь с тобой в глупой ссоре.

– Тогда давай помиримся, – предложил Тави. – Я... я виноват, что не сказал тебе про Ивару. Ты можешь меня простить за это?

– Да, могу. Уже простил. Но если мы выживем, тебе придется подробнее объяснить мне, почему ты так сделал.

– Хорошо.

– А я виноват в том, что перестал видеть тебя и слышать то, что ты мне говоришь. И еще в том, что ненавидел тебя... – Хинта вдруг потерял уверенность в своих словах, и в то же время ему пришла в голову мысль, которая казалась яснее, чем все его переживания последних двух недель, – ...в том, что завидовал тебе. Твоим ярким мыслям. Твоей храбрости. Тому, как тебя любит мать. И потом, когда это изменилось, я завидовал твоему одиночеству – оно казалось сильным и гордым. На самом деле, это никогда не была настоящая ненависть. Просто настал момент, когда мне стало больно от того, как я тобой восхищаюсь. И тогда...

Тави взял его за руку. Они встретились взглядом, и Хинта ощутил захлестывающую волну тепла, в которой так нуждался все это время.

– ...тогда я попытался убедить себя, что тот Тави, которым я восхищаюсь, просто не существует. И все мои жестокие слова были об этом. Я не только себя, но и тебя хотел убедить в том, что ты не существуешь. И последним предметом моей зависти был Ивара Румпа. Он был слишком похож на тебя, и ты смотрел на него особенным взглядом. А я завидовал тому, что он какой-то нитью связан с тобой и только с тобой.

– Давай выживем, – шмыгая носом, сказал Тави.

– Иногда люди предпочитают прятать то, чему другие завидуют. Это нормально. Это почти что часть инстинкта самосохранения. Поэтому я не могу сердиться на тебя за то, что ты начал скрывать его от меня. А теперь давай выживем, – подытожил Хинта. Но прежде чем приступить к работе, он глянул вниз – у него было чувство, что Румпа пристально смотрит на них со дна опрокинутой комнаты. Однако с такого расстояния в темноте было невозможно понять, на чем сейчас сосредоточено внимание учителя, лишь его маячки мерцали где-то вдалеке.

– И как мы доберемся до этих баллонов?

– Сейчас придумаю. – Друг был с ним, и от этого Хинта ощутил иррациональную веру в свои силы. – Придерживай меня за ноги, когда я буду вставать.

Он втянул ноги вверх, оперся подошвами о ножки парты и сел на корточки. Потом, перебирая руками по стене, которая раньше была полом аудитории, он сумел выпрямиться в полный рост. Его сердце замирало от чувства высоты: стоять на ножках парты внутри лежащей на боку студии было все равно, что стоять на паре стальных штырей, торчащих из стены здания на высоте второго или третьего этажа. Хинта потянул руки вверх и почувствовал ветер. Ловушка, в которой они оказа-

лись, заканчивалась всего в полутора метрах над ним – за рваной сеткой пластиковых плиток и стальных прутьев было небо. Ячейки с восьмичасовыми баллонами находились немного ближе. Часть ячеек пострадала во время крушения блока; сквозь брешы в деформированном материале Хинта мог даже разглядеть блестящий цилиндр одного из баллонов.

– Если бы я мог прыгнуть...

– Даже не думай. Ты не попадешь ногами на опору. А я тебя не поймаю.

– Я это не серьезно.

Дополнительной проблемой было то, что ячейки с баллонами раньше располагались на высоте человеческого роста, и это означало, что Хинта не сможет дотянуться до них, пока стоит у основания парт. Ему нужно было выйти на самый край своей опоры.

– Тави.

– Что?

– Нужен прут. А еще лучше – прут с загнутым концом. Здесь много лома. Мы наверняка что-то найдем.

– Весь мусор упал вниз. Потеряем пятнадцать минут.

– Значит, прут надо найти наверху. – Хинта посмотрел на обломки той балки, которая в первые секунды землетрясения лопнула и продрала потолок, осыпав его осколками пластика. Вероятно, именно ее разрушение стало началом отделения их блока от школьного комплекса. Сейчас один из стальных обломков превратился в мостик, по которому можно было взобраться с крайней парты на самый верх, к брешам в небо. При одной мысли о том, чтобы воспользоваться этим путем, у Хинты от страха сводило желудок. Он инстинктивно боялся самой высоты, но еще больше его пугало, что он может соскользнуть вниз, разбиться не насмерть и потом долго и мучительно корчиться на глазах у людей, которым не безразличен. Он понимал, что его падение, если оно случится, замедлит их работу, и что из-за одной его ошибки, в конечном счете, погибнут все трое.

– Тави, у учителя что-нибудь получилось?

– Ивара, – позвал Тави, – у Вас есть прогресс?

– Все забито землей и мусором. Человеку тут не пролезть, даже ребенку. Но я буду копать.

Хинта вздохнул и показал на балку.

– Надо залезть туда.

– Она рухнет, как только ты на нее прыгнешь, – сказал Тави. – А даже если не рухнет, ты не удержишься на ней – у нее острые края. Не-

льзя доставать прут с таким риском. Мы придумаем другой способ. Я в нас верю.

Наверное, у Хинты сдали бы нервы, если бы Тави, наоборот, заявил, что безумный прыжок на арматуру – это отличная идея. Но узнав, что друг за него боится, Хинта, наоборот, внезапно успокоился. Он ощутил, что они поменялись местами: теперь он мог выйти на сцену, а Тави, напуганный, сидел в зале. Они уже помирились, но Хинте было совершенно необходимо сделать какой-то дополнительный жест, чтобы между ними восстановилось прежнее равновесие.

– Раз ты в нас веришь, то ты должен верить, что я удержусь на этой балке. Отпусти мои ноги.

Тави неохотно выполнил его просьбу. Хинта повернулся боком к полу, который стал стеной, и, опираясь на него, зашагал по ножкам парт. Он уже делал нечто подобное, когда пришел на помощь к Румпе. Однако, здесь, наверху, было совершенно не за что ухватиться руками.

– Только не на край, – предостерег Тави. Ближний край балки действительно казался ненадежным, и Хинта решил, что должен прыгнуть сразу на ее середину, а для этого нужен был небольшой разбег. Шагнув на ножки последней парты, он перестал опираться рукой о стену, ускорил свое движение и, оттолкнувшись ногами, сиганул вперед. Его прыжок вышел неловким, и он попал куда-то между краем и серединой. Устоять на балке было невозможно, поэтому Хинта скатился вниз и завис, судорожно обхватив рампу руками и ногами. Усталый металл качался и стонал под его весом, металлические занозы впивались в левую ладонь. Оглянувшись назад, Хинта увидел, что Тави тоже залез наверх и уже поднялся в полный рост.

– Держись, я иду!

– Я не падаю, – тяжело дыша, отозвался Хинта. Он действительно не падал, но теперь ему снова было страшно, и еще больно: по левой руке теплой влагой растекалась кровь. Он попытался вытянуть себя наверх, но Тави его остановил.

– Тихо, ты ее сдвинул.

Хинта не мог из своего положения увидеть, о чем Тави говорит, но видел его самого: он добрался до последней парты, сел на ножку верхом и протянул руки над провалом. Балка продолжала качаться. Когда она в очередной раз поднялась вверх, Тави ухватил ее конец и дернул на себя. Раздался скрежет, стальная конструкция шевельнулась. Хинта вскрикнул. А потом наступил покой – Тави сумел сделать так, что конец балки надежно лег на угол парты.

– Она меня выдержит? – буквально цепляясь за жизнь, спросил Хинта.

– Должна.

Хинта осторожно раскачал свое тело и рывком вернул его наверх. Ему удалось устойчиво поставить колено в ложбину продавленного металла, после чего он смог освободить руки. Левую ладонь рассекала двойная рваная рана; кровь текла и закипала в ядовитой атмосфере.

– Ты в порядке? – спросил Тави.

– Буду. – Хинта снял с пояса один из боксов с комплектами для выживания, вытянул оттуда клейкий унибинт и в четыре витка обмотал им ладонь. Умная эластичная ткань прилегла к коже, превращаясь в сплошную муфту из мягкого пластика. Боль ушла, остался только дискомфорт – рука была будто не своя. Скинув вниз бесполезные остатки мягкой упаковки, Хинта осторожно двинулся вперед. Добравшись до верхнего конца балки, он просунул голову и плечи через брешь в разрушенной стене и, подтянув себя на руках, сумел выбраться наружу. Там он замер, пораженный открывшимся зрелищем.

Из поврежденных хранилищ Шарту вытекло так много газа и воды, что поселок накрыло густым голубовато-белым туманом. Сквозь эту пелену было видно поваленные радиомачты, беспорядочно разбросанные дома. От улиц остались лишь очертания. Ровная местность, на которой раньше стоял административный центр, исчезла: всюду шли разломы, через некоторые к поверхности поднялась магма – реки пугающего красного сияния. Хинта медленно обернулся и посмотрел на школу. Коридор второго этажа, в котором он прятался, когда невольно подслушал разговор Румпы и Гарай, теперь превратился в открытую галерею. Лопнувшие перекрытия торчали наружу рядами кривых, блестящих сталью зубьев. На уцелевших стенах мигали глупыми глазами тревожные маркеры разгерметизации. Людей нигде не было видно. Чуть поодаль, сквозь брешь в стене, открывался вид на внутреннее убранство студии музыки – ковры, музыкальные инструменты, барельефы выдающихся композиторов.

– Пустишь? – Хинта вздрогнул от неожиданности и обнаружил, что Тави вслед за ним взобрался вверх по балке. Чтобы уступить место, Хинта до конца выбрался наверх. Теперь он стоял на той стене, которая когда-то отделяла студию от школьного коридора. В полутора метрах была задраенная дверь.

Тави высунулся из пробоины, и, как и Хинта минуту назад, застыл, загнипнотизированный видом разрушенного поселка.

– Мы часто думали о таких вещах, да? Но когда оно происходит, оно выглядит совсем не так, как воображаешь. – Он подтянулся повыше и сел на край дыры. Хинта почувствовал, что запас воздуха кончается, вдохнул поглубже и сменил маску. Тави кивнул и сделал то же самое. Сгорели еще пять минут, а восьмичасовые баллоны были по-прежнему вне досягаемости.

– Ну, по крайней мере, мы выбрались наружу, – сказал Тави. Одно-го взгляда было достаточно, чтобы понять, что они не смогут по обломкам перекрытий добраться до школы. Они могли бы спуститься прямо на землю, но чтобы достичь ее, пришлось бы прыгать с высоты в десять или пятнадцать метров на лежащие внизу нагромождения арматурин. – Если бы была веревка...

– Мы добирались сюда не за ней. – Хинта опустился на четвереньки и осторожно двинулся вперед. Проползая прямо по закрытой двери студии, он добрался до большой брешы и покачал рукой каждый из прутов, до которых мог дотянуться. В какой-то момент ему стало казаться, что надежды нет, потом он нашел податливое место, подергал – и вырвал из полуразрушенной стены целый сегмент сварной металлической сетки. Он триумфально поднял свой трофей над головой.

– Победа! – выкрикнул Тави.

– У меня идея, – отползая назад, сказал Хинта. – Будем действовать с двух сторон. Один из нас раскорчует ячейки с баллонами сверху. А другой снизу поймает выпавшие баллоны с помощью этой сетки.

Они взялись за сетку с двух сторон и рванули ее каждый на себя. Хинта отломал один прут, Тави забрал все остальное и, вооруженный этим тяжелым сачком, спустился обратно в пробоину. Он пошел назад по балке и по партам к тому месту, откуда можно было достать баллоны, а Хинта, перебираясь от одного надежного участка к другому, пополз вперед по стене студии. Тяжелый прут он осторожно волочил за собой. Сквозь брешы он видел, как внизу идет Тави. Там, на партах, было намного опаснее, чем здесь наверху, и когда до Хинты это дошло, он начал жалеть, что отпустил его вниз. Однако теперь уже поздно было что-либо менять.

Они остановились в таком месте, где сквозь прорехи в толще стены могли хорошо видеть друг друга. Тави стянул с себя кофту и надел ее на арматуру, которой собирался ловить баллон. Кофта провисла, образовав подобие мешка. Хинта увидел, что снизу на него смотрит искаженное и перетянутое изображение Джилайси.

– Он нам поможет, – перехватив взгляд друга, прокомментировал Тави. Его тонкие голые плечи, покрытые полученными во время земле-

трясения синяками, выглядели ужасно уязвимо среди всего этого разрушенного металла.

– Да, он нам поможет, – без особой уверенности согласился Хинта. Он встал на колени, просунул лом в пробоину и начал проворачивать его, стараясь изнутри открыть поврежденные люки ячеек с аварийными баллонами. Действовать приходилось почти вслепую. А Тави снизу кричал: «левее», «правее», «дальше», «ближе», «шевелится», «жми».

Через три минуты работы Хинта вспотел и понял, что пришло время менять маску. Он отпустил свой лом-рычаг, оставив его в дыре. Тави тоже сложил свой сачок. Они кивнули друг другу и принялись распаковывать новые аварийные боксы. Догорала пятнадцатая минута. Их время выходило, и дело было не только в масках – Хинта чувствовал, что от отравленной атмосферы начинает щипать глаза и кожу на открытых частях тела. Он знал, что скоро, когда пот прореагирует с тендра-газом, эти ощущения станут намного хуже.

Как только новая маска плотно пристала к лицу, Хинта вернул руки на лом. Жадно глотая порцию свежего воздуха, он надавил на инструмент всем весом, и тот вдруг провалился вниз. Тави вскрикнул от неожиданности – он еще не успел поднять свой сачок, и теперь, когда баллон с кислородом выпал из ячейки, он рванулся, чтобы его поймать. Это было ошибкой: баллон он поймал, но его ноги соскользнули с ножек парт. Больше Тави не кричал. Он лишь кренился, балансируя в падении, размахивая руками. Это было мгновение отчаяния – Хинта ничего не мог поделать и был вынужден сверху наблюдать, как Тави проваливается. А потом он увидел, что Тави падает не в пустоту – снизу его подхватил Румпа. Железка, которой Тави поймал баллон, грохнула о ножки парт, но Тави удержал и сачок, и пойманный в него баллон, а учитель удержал самого Тави. Лежа на руках мужчины, мальчик рассмеялся нервным задыхающимся смехом. Хинта наверху расслабился и, не в силах смотреть на это спасение, позволил себе отдых – секунд на сорок растянулся на ребристой поверхности стены. Он лежал и просто смотрел в небо. Потом он услышал голос Тави.

– Первый, первый, – дважды повторил тот.

– Я не хочу вас огорчать, – сказал Румпа, – но я здесь потому, что внизу не выбраться. К тому же, у меня осталось воздуха только на десять минут, а до той маски, которая лежит внутри учительской кафедры, я добраться не смог – кафедра теперь слишком высоко.

– Это неважно, у нас есть баллон, – возразил Тави.

– Пока у нас только один баллон. А значит, у двоих из нас воздуха только на двадцать пять минут.

Это заставило Хинту вернуться к пробоине. Румпа хотел надеть баллон на Тави, но тот не согласился. Они перераспределили комплекты с помощью считалки, после чего баллон достался учителю, который был этим очень недоволен, но не стал спорить, так как на разговоры уходило драгоценное время. Подключив баллон к своей маске, он отдал по комплекту выживания Тави и Хинте. Закончив с этим, они вернулись к работе. Метод был почти таким же, как и прежде, только теперь мужчина взобрался наверх, чтобы работать ломом, а Хинта спустился вниз, ловить вместе с Тави баллоны и страховать друг друга.

Третий баллон они добыли лишь сорок минут спустя, когда Хинта дышал воздухом из последней оставшейся маски.

Закончив, они выбрались наверх и легли рядом. Сил больше не осталось, кожу и глаза жгло тендра-газом. Был всего лишь полдень. Лучи солнца прорывались сквозь бело-голубой туман, казалось, отравленный воздух сияет. В зрелище разрушенного Шарту таилась какая-то особая красота. И Хинта вдруг с необычайной ясностью понял, что это почти конец.

В этом мире давным-давно стало невозможно жить человеку. Бороться за эти дома было бесполезно. Эта цивилизация тянула свои последние крошечные дни. Если не цунами, то омары. Если не омары, то отключение всех приборов. Если не отключение приборов, то землетрясение. Если не землетрясение, то что-нибудь еще. Это касалось не только Шарту, но и всей литской ойкумены в целом. Сколько им всем осталось до удара, который они не смогут пережить – неделя? месяц? год? Зачем взрослеть и планировать жизнь, когда каждый камень здесь приговорен истаять в потоках раскаленной магмы, что толку переживать о мелочах, когда рядом разрушается стена Экватора?

У Хинты не было ответа на эти вопросы. Он просто наблюдал, как красиво сверкают в рассеянных лучах солнца руины его родного поселка.

СЕРДЦЕ ПУСТОГО МИРА

Из сгоревших метана и кислорода возникали вода и углекислый газ. Уровень морей и океанов поднялся, повысилась облачность, над целыми регионами повис смог. Паровые и газовые облака смешались с облаками пыли, поднявшейся во время столкновения Земли с астероидным потоком, и на долгие десятилетия скрыли солнце, что стало одной из причин наступления Столетней Зимы.

До некоторых пор тендра-газ был единственной проблемой в атмосфере, однако во время войны появилась вторая проблема, которую называли гра топса. Как и тендра-газ, это был сводный термин. В основе гра топсы были облака хлора. Хлор был синтезирован Притаком в огромных

количествах и предназначался для того, чтобы затапливать им подледные города Джидана или Лимпы. Именно облака хлора придали атмосфере новый цвет, туманы стали зелеными и желто-зеленые оттенки появились у неба, особенно ближе к горизонту или в районах скопления облаков.

Второй составляющей гратопсы стали газы, разработанные Лимпой и Джиданом. Хлор удобен для боевого применения из-за его тяжести – он течет по местности подобно воде и заполняет помещения. Джиданские ученые попытались создать безвредный для человека газ, который будет видоизменять свойства хлора. Этот газ должен был разбивать молекулы хлора и придавать ему летучесть, а также делать его менее вредными. Эксперимент удался, но привел к ужасным последствиям: притакский хлор, активированный джиданским защитным газом, не оседал, но становился летучим и в связанном виде рассеялся в атмосфере планеты, сделав ее еще более ядовитой для человека. Лимпа, со своей стороны, в ответ на притакский хлор разработала целую серию более эффективных и смертоносных серо- и фосфоро-содержащих газов. Со временем эти газы подверглись частичному распаду, но их составные элементы тоже остались в атмосфере. Эта смесь, включающая в себя боевые газы, разработанные, произведенные и примененные тремя сверхдержавами, и сложилась в понятие «гратопса». Гратопса тяжелее тендра, равномерно рассеянного в атмосфере; она собирается в облака в небе и в туманы у поверхности земли. Цикл ее существования подобен круговороту воды в природе: она может оседать и подниматься, выпадать росой и испаряться, ее переносит ветер, она растворяется в воде, но потом снова, в процессе испарения воды, высвобождается и становится опасной.

Когда они отдышались, осознали, что живы, и немного пришли в себя, Румпа приподнялся на локте и через Тави взглянул на Хинту.

– Поздравляю, ты заработал первый в этом году балл по истории.

– За что?

– Ну как же. Замерзающая вода открывает замок. Ты нашел верный ответ для пленника из Притака.

– С ума сойти! Строго говоря, баллы мне не нужны: у меня ведь история идет как студия, а не как факультатив. Просто Ваша загадка не выходила у меня из головы всю неделю.

– Давай сделаем так, чтобы они стали нужны. Пусть каждые пять баллов превращаются в час моего времени. А в конце года я тебя проконсультирую и помогу написать хорошую работу. Идет?

– Идет.

– Это загадка-джалипа про трех людей в запертой комнате? – спросил Тави.

– Ты ее знаешь? – удивился Хинта.

– Ага. Ивара позволил мне скопировать библиотеку института Кафтала.

– Точно, – нахмурился Румпа. – Но откуда я мог знать, что ты так глубоко заберешься?

– Там были сборники, в которые входили редкие афоризмы Джилайси Аргниры. Сначала я читал только их, а потом увлекся... Три человека, один из Джидана, один из Притака и один из Лимпы, были схвачены и заперты в одной комнате, где им оставили лед и огонь. Так?

– Да, почти. Только потоку Хинты я зачитал слегка адаптированную версию. Если ты и дальше будешь так спешить, то в следующем году тебе станет скучно на моих занятиях.

– А какая историческая ценность у этой джалипа? – спросил Хинта.
– Или Вы просто хотели нас заинтриговать?

– Эта загадка уместает всю нашу культуру и историю в двух сотнях слов, но весь смысл там, в ответах, особенно в ответе пленника из Джидана; пока не придешь к нему, мудрость джалипа остается непонятна.

– А какой ответ для пленника из Джидана?

– Не хочешь сам угадать?

Хинта качнул головой.

– Только не сейчас, – убирая из уголков глаз жгучие слезы, взмолился он. – Сейчас я хочу покоя и простых вещей.

– Хорошо. Так зачем же была нужна вода каждому из них? Пленнику из Притака – чтобы снова превратить ее в лед, потому что лед может быть оружием. Пленнику из Лимпы был нужен кипяток, чтобы выплеснуть его на врагов, потому что огонь может быть оружием...

– А пленнику из Джидана?

– А ему не нужна была вода. Джиданец просто хотел, чтобы на Земле стало одним кусочком льда меньше.

Тави засмеялся под маской. Хинта опешил.

– Это нечестно. Вы ни тогда, ни сейчас не спросили, зачем топить лед. Вы спросили, зачем нужна вода.

– Да, это подвох. Но без него в джалипа стало бы куда меньше шарма. Этот ответ, как и саму загадку, придумал вовсе не я. Ее создал нетри-

виальный ум какого-то человека, который жил за века до нас, а потом ее ограничила народная мудрость. Вдумайся в эти ответы, Хинта. В них действительно вся наша культура.

– Лед как инструмент – технология Притака. Битва в самых безнадежных обстоятельствах – честь Лимпы. И действие ради мира – джиданская Борьба За Саму Жизнь, – медленно произнес Хинта. – Да, теперь я вижу. Потрясающе схвачено.

– Три человека в запертой комнате, – сказал Тави. – Совсем как мы. Это даже странно.

Хинта подумал о том, что в последние дни все происходящее стало как будто пророчеством чего-то еще.

– Пта, – обратился он, – могу я, как это делает Тави, тоже называть Вас по имени?

– Конечно.

– Ивара, – осторожно, как бы пробуя это имя на вкус, произнес Хинта. – Когда я вошел в студию, Вы говорили про вчерашнее отключение электричества. Было очень интересно. А можно продолжить с того места, где мы тогда остановились?

– Дай подумать. А что ты слышал?

– Про наведенное напряжение. Вы обсуждали с Тави, как его можно вызвать искусственными средствами и как при его помощи можно уничтожать технику. И как бы это выглядело. И пришли к выводу, что приборы отключились не из-за него.

– Да, верно. Я вел к тому, что это мог быть эффект, как бы противоположный наведенному напряжению. Ведь что такое наведенное напряжение? Это электрический ток, который возникает в железках, оказавшихся на пути движения мощного магнитного поля. Теперь посмотри на это с другой точки зрения. Магнитное поле теряет часть энергии, когда порождает в телах наведенные токи. Я не химифизик. Но что, если можно создать одно такое тело, которое стянет всю энергию со всех других тел, у которых есть сильное магнитное поле?

– И с Экватора?

– С него в первую очередь, потому что его поле самое сильное. А еще с самой магнитосферы Земли, с каждого прибора, и даже с людей, потому что в нас тоже есть электрические токи.

– Звучит так, будто это тело, которое стянуло всю энергию, было очень большим и голодным, – прошептал Тави.

– Кстати, насчет магнитного поля планеты, – добавил Румпа. – Я точно знаю, что оно ослабло, потому что ночью мои приборы показыва-

ли повышенный фон космической радиации – не настолько, чтобы мы были в опасности, но все-таки достаточно сильно.

– А в тот момент, когда все началось, – сказал Хинта, – у моего брата случился странный приступ. И мы по темным улицам несли его в больницу.

– Он в порядке? – вскинулся Тави.

Хинта покачал головой.

– Ашайта в коме. Я не знаю, когда он из нее выйдет. И я не знаю, в каком состоянии больница после толчков.

Больше говорить он не мог: дыхание сбилось, из глаз потекли слезы. Это были очищающие слезы; они смывали его былую перестывленную злобу, одиночество, боль. От влаги глаза сильнее защипало, так что Хинта был вынужден зажмуриться и зажать их руками. Тави повернулся на бок и приобнял друга. Долго-долго их маленькая компания молчала.

– Единственное, чего я еще не могу установить, это правильной причинно-следственной связи, – нарушил молчание Ивара. – Может быть, явление с отключением энергии было форшоком грядущего землетрясения. А, может быть, землетрясение – это последствие отключения энергии.

Хинта высвободился из объятий Тави, сел и стал смотреть на Шарту. Туман начал рассеиваться, реки магмы остывали, их жуткий алый свет уже не казался таким ярким. На улицах появились первые стихийные спасательные команды, но все они пока работали слишком далеко от школы, чтобы звать их на помощь.

– Я думаю, второе. То, что выключило нам свет и почти убило моего брата... Я не знаю, что это. Не знаю, как оно работает. Но это оно здесь главное. – Хинта произнес это почти с ненавистью.

– Почему? – спросил Тави.

– Потому что что-то изменилось. Потому что вещи становятся связанными друг с другом. И связей все больше. И они все сложнее. И я начинаю сходить от них с ума.

– Ты еще что-то хочешь рассказать? – спросил Румпа.

– Может быть. – Хинта шмыгнул носом. – Но чуть-чуть позже. Мне надо успокоиться до конца.

– Ничего, – сказал Тави. – У нас будет долгий разговор. – Он тоже сел, спустил ноги вниз. На его шее мигали аварийные маячки, а кожа на лбу и щеках от тендра-газа начинала темнеть и покрываться волдырями. – Интересно, через сколько часов за нами придут? Через три? Через шесть?

Хинта покачал головой.

– Раз они все еще не здесь, значит, они не ловят наш сигнал.

– Или слишком много пострадавших.

– Нет. Нам бы обязательно дали знать, что нас обнаружили, чтобы мы могли спокойно ждать, когда нас снимут отсюда. А сейчас здесь ни души, кроме нас. Я думаю, у них вышла из строя станция, которая поддерживает аварийные маяки. Без нее наш сигнал бедствия уходит в пустоту. Ивара, а Вы какого мнения?

Мужчина пожал плечами.

– Вы двое разбираетесь в этом лучше меня. Я проходил свою технику безопасности слишком давно и слишком далеко отсюда. Там были другие гаджеты для выживания. И там не было такого чувства одиночества перед лицом угрозы. А здесь – куда ни посмотри – не увидишь на горизонте куполов Литтаплампа.

– Можем рискнуть и попробовать спуститься вниз.

– Нет, уже не можем. Мы начинаем пьянеть, и это стоит осознавать, чтобы не наделать глупостей. Это похоже на смесь счастья с усталостью. По телу как будто разливается тепло; движение становятся неточными, восприятие затуманивается, речь замедляется. Все это не очень уловимо, особенно для того, с кем это происходит впервые.

– А с Вами?

– Нет, я еще не попадал в такие ситуации. Но я пил тягучий кувак.

– Я пробовал, он невкусный, – сказал Тави.

– Но от него приятно, да? – вставил Хинта. Учитель кивнул.

– Сомнительная привилегия взрослых.

– Я один раз, – вспомнил Тави, – ходил по улице без шлема больше часа. Вернулся домой с сильно покрасневшими глазами. Мама жутко ругалась, а потом перестала, когда увидела, как мне плохо...

– И все же, как это странно: сидеть на улице без скафандра, трогать вещи обнаженными кончиками пальцев, смотреть вдаль глазами, не защищенными ни силовым полем, ни стеклом, – сказал вдруг Румпа, и эти слова прозвучали так, будто были частью большего потока мыслей, как если бы он уже несколько минут вел бурный внутренний разговор. – Да, потом нам будет плохо. Но сейчас мы делаем то, чего постоянно лишены в повседневной жизни. Иногда я замечаю вещи лишь в тот момент, когда их больше нет под рукой. Мы так привыкли к своим скафандрам – они для нас почти как кожа. Мы привыкли к пластику и металлу, к блестящим и гладким поверхностям, к искусственной дистанции, которая отделяет нас от ветра и пыли, ядовитой сырости туманов, грязи и камней, от всего, чем, кроме нас самих, полон мир.

Тави подобрал маленький обломок пластика и начал разламывать его в пальцах – будто хотел на практике прочувствовать то, о чем говорит старший. Белые крошки беззвучно осыпались в хаос металлических обломков. Было интересно наблюдать, как они кружатся в воздухе, ударяются о множество мелких препятствий, исчезают из виду, проваливаясь сквозь нагромождения крупного мусора. Румпа подставил Тави ладонь, и мальчик отломил для него часть рассыпчатой пластины. Мужчина задумчиво сжал белое крошево в кулаке.

– Я сейчас думаю о том, каким мир был раньше: задолго до нас, за десятилетия до удара из космоса, в мирную эпоху Золотого Века. И еще о том, каким тогда был человек.

– Одноцветное синее небо? – спросил Хинта.

– Оно не было совсем одноцветным. Древние находили его очень красивым и различали в нем множество оттенков, особенно на рассвете и закате. Их поэты утверждали, что мир создан загадочными высшими существами специально для того, чтобы радовать человеческий глаз. А их ученые говорили, что все наоборот, и что это тела людей за множество поколений эволюции приспособились любить мир.

– Не такие уж это взаимоисключающие утверждения, – сказал Тави. – Ведь в любом случае они все признавали, что людям хорошо в мире, что они к нему подходят.

– Именно. Воздух, которым можно дышать. Вода, которую можно пить прямо из водоемов с поверхности земли. Озера и реки, моря и океаны, в которых можно купаться совсем без одежды. Тысячи съедобных растений и животных, которые почти все погибли и теперь известны нам лишь по картинкам или в качестве экспонатов музея палеобиотики.

– Здесь нельзя жить, – тихо сказал Хинта.

– Пока еще можно. Но утрачена важнейшая вещь. Мы больше не меняемся вместе с миром. Наши тела почти такие же, как тысячу лет назад. Мы и планета уходим все дальше друг от друга. Мы больше не дома. Мы – реликты из прошлого. Никто из нас уже не представляет себе, что такое жить в мире, с которым ты единое целое. Нам не совсем подходит эта гравитация и совсем не подходит эта атмосфера. Но еще важнее другое: наш разум каждый день страдает от того, что мы не можем смотреть на голубое небо и на зеленое буйство растительной жизни, не можем свободно осязать вещи вокруг себя. Мы не помним прежнего мира. Он нам не снится. Но каждый нерв наших тел устроен так, чтобы наслаждаться всем тем, что мы полностью утратили.

– А правда, что тогда человек мог путешествовать пешком, уйти на тысячи миль от дома и выжить, так как еда и вода, подходящие ему, встречались вообще повсюду? – спросил Тави.

– Питьева вода и пригодный воздух точно были повсюду, или почти повсюду. Съедобные растения и животные не были равномерно распределены по всем местам на планете, и когда ученые ведут раскопки, они натываются на окаменевшие останки очень разных древних биоценозов. Некоторые из этих сред слишком бедны, чтобы человек нашел в них достаточно провизии, но некоторые столь богаты, что одного подобного места нам хватило бы на продовольственную революцию.

– А омары? – спросил Хинта. – Они идут с планетой в ногу, приспосабливаются к ней?

Румпа покачал головой.

– Хороший вопрос, но нет – скорее, они идут к тому, чтобы научиться выживать там, где все остальные умирают. Они убивают свою прежнюю природу. Но я не верю, что на ее месте у них возникнет привязанность к нынешнему состоянию Земли.

– А почему нет? – осторожно поинтересовался Тави.

– Потому что у них нет культуры. Они не строят архитектурных сооружений, не создают предметов искусства. Все, что мы у них находим – это они сами и нищенские предметы их обихода. Их язык – пародия человеческих языков. В них нет ничего самобытного. Они знают лишь два занятия – изменять собственные тела и разорять окраины нашей ойкумены.

– Может, их культура такая, что мы не умеем ее увидеть? – предположил Тави. – Да и как это связано с вопросом о приспособлении к миру?

– Напрямую. Живое существо либо способно испытывать радость, либо нет. Я верю, что культура возможна лишь там, где появляется разумное и радостное живое существо. Люди древности были родными миру до катастроф. Если бы омары были такими же родными для нашего нынешнего мира, они научились бы его рисовать, сложили бы о нем песни и стихи, возвели бы в нем монументы и храмы. Вся культура – на первом этапе своего существования – это отклик разумной и небезразличной жизни на то, что вокруг нее. Омары разумны. Но они не создали культуры. Значит, они безразличным взглядом смотрят на мир вокруг. Этот мир не доставляет им никакой радости. Он не вдохновляет их, не заставляет их мечтать. Они приспособленцы, а не истинные аборигены.

Ивара разжал кулак и поднял обломок пластика на раскрытой ладони.

– Видишь, какие мы? Даже мусору можем придать значение. Да, этот мир не наш. Но стоит нам почувствовать его, как мы начинаем о нем думать. Мы хотим осязать. И раньше, когда мы не должны были носить скафандров, осязание всего вокруг, должно быть, было для нас истинным блаженством. Но я не могу себе представить омара в пустошах, который берет в руку камень лишь для того, чтобы рассмотреть его и удивиться ему, а не для того, чтобы швырнуть его куда-то, или сделать из него какое-нибудь примитивное орудие.

– Я могу представить такого омара, – подавленно сказал Тави, – но это лишь представление. Боюсь, Вы правы – ни один из них не носит бусы из камешков и ракушек. У них вообще нет понятия о красоте. Все предметы, которые они берут с собой, и даже сами их тела – это бесформенно-функциональная материя. Никаких украшений, даже никакой одежды на них нет. Если они и правда такие мертвые внутри, им, должно быть, забавно смотреть на нас, на ту часть наших вещей, которая существует ради красоты, а не ради нужды.

– Мне пришла в голову странная мысль, – сказал Хинта. – Эта их привычка срывать с людей маски... Я всю жизнь считал, что они делают это просто потому, что ненавидят нас и хотят убить. Но что если они просто хотят увидеть то, о чем мы сейчас говорим – наше восприятие, нашу способность равнодушно воспринимать? Они срывают дыхательные маски с пленников, чтобы две минуты смотреть в лица настоящих людей, когда те хватают ртом воздух и скребут пальцами землю. Что, если омары убивают нас от тоски? Что, если им, как наркотика, не хватает того, что есть у нас всегда?

Его передернуло, и он замолчал.

– Никогда не думал, что ты хоть в чем-то выступишь в их защиту, – сказал Тави.

– Разве это защита? Я их не защищаю. Даже наоборот. Мои слова могут быть верны только в том случае, если Ивара прав. А в этом случае омары еще большие чудовища, чем я думал раньше. Раньше я был убежден, что они испытывают к нам ту же ненависть, что и мы к ним. Теперь я не уверен даже в этом.

– Да, возможно, так и есть, – поддержал его Ивара. – Эти полуроботы, ведущие образ жизни зверей, когда-то были людьми, и что-то в них, возможно, еще может тосковать по бытию человеком. Возможно, есть в них какая-то оборванная нить. Однако я не представляю, как бы мы могли практически проверить эту гипотезу. Разве только удастся заглянуть им в глаза, когда они сорвут с нас маски... Надеюсь, этого не случится. Я хотел бы ошибаться, хотел бы узнать, что омары понемногу ме-

няются, начинают носить бусы и делать надгробия для своих мертвецов. Если бы такое стало возможно, то мы бы постепенно признали в них людей, и присутствие наследников могло бы скрасить века угасания нашей цивилизации. Однако сейчас мирок литской ойкумены – это единственное будущее, которое у нас есть. – Он перевернул ладонь, и его кусочек белого пластика соскользнул вниз, чтобы затеряться среди другого мусора.

– А я вот никак не могу понять, – сказал Тави, – мало это или много.

– Что? – не понял Хинта.

– То, что у нас есть. Литская ойкумена.

– Большинству людей этого достаточно, чтобы прожить очень полную жизнь, – сказал Ивара. – Но когда задумываешься, понимаешь, как мы одиноки.

– Вы какое-то время назад упоминали музей палеобитики в Литта-плампе. Вы в нем были?

– Много раз. А что?

– Просто интересно, какой он внутри. Я ходил в ламрайм на научно-популярные сеансы. Там показывали проекции залов музея. Но это ведь не то же самое – не ты идешь, а за тебя идут. Нет запаха, нет настоящего ощущения пространства.

– Он большой, – с улыбкой в голосе ответил учитель. – Там можно заблудиться. Залы большие, воздух в них свежий. Но когдаходишь к экспонатам, иногда можно ощутить их запах. Они пахнут... как старые вещи; как комната, в которой месяцами не включали вентиляцию. Не очень приятный запах – но, когда он едва уловим, в нем появляется свое обаяние.

– Здорово.

– Я ходил туда еще школьником. Потом я там стажировался. А еще несколько лет спустя там проходила презентация моей второй книги.

– Если мы выживем, дадите себя почитать?

– Да, – усмехнулся Ивара. – Но боюсь, я не очень хороший писатель. Мои тексты нескладные. В них мои мысли мертвеют, тяжелеют, теряют разбег. Я тону в спорах с другими авторами, навешиваю на свои слова слишком много отсылок к источникам. В результате, лишь таким же специалистам, как я сам, удастся пробраться через этот научный кисель.

– Я все же рискну, – решил Тави.

Мужчина пожал плечами.

– В музее, – вернулся он, – обычно бывает много людей; в залах шум, эхо шагов, бегают и рычат виртуальные проекции вымерших животных, звучат аудиопотоки множества экскурсий. Но когда я бывал там по делу, мне иногда удавалось задержаться допоздна. И тогда я пользовался своим положением, чтобы бродить по залам в одиночестве...

Тави смотрел на Румпу, будто загипнотизированный, даже почти перестал моргать, хотя из глаз у него обильно текли слезы. Еще не так давно этот влюбленный взгляд привел бы Хинту в бешенство. Но сейчас он наблюдал за ним с очень странным чувством: словно они трое – он сам, Тави и Ивара – со временем должны будут стать своеобразным подобием семьи.

– Когда остаешься там один, возникает ощущение, что ты во сне или в каком-то другом, чисто умозрительном пространстве. Тусклый свет. Огромные пролеты серебристых арок. А между ними, застывшие в тишине, ряды экспонатов – все, что было, и чего больше нет, история земной жизни от начала до конца – потому что наше время это, безусловно, конец земной жизни. Это все равно, что оказаться внутри законченной биографии какого-то великого человека. Только в данном случае это не один человек, а целый мир живых существ, который зарождается, эволюционирует и вымирает у тебя на глазах.

Хинта встряхнулся. Его тело немного онемело, в ногах и руках нарастала ватная вялость, а в висках, пока еще очень тоненьким сигналом, начинала звенеть боль. Но он не хотел этого признавать, не хотел чувствовать себя слабым, умирающим. Так что он старательно проморгался и посмотрел на учителя.

– А вообще, каково это – жить в Литтаплампе? Какие там улицы, техника, дома, магазины, ламраймы и кувраймы?

– Ты наверняка что-то знаешь и сам.

– Только общее: про купольную структуру города, и что внутри каждого купола ходит кольцевой монорельсовый поезд, а еще три поезда связывают все купола между собой...

– А от станций во все стороны едут движущиеся кабины – лифты, – добавил Тави. – Но ведь этого мало. Даже мои воспоминания раннего детства мало что мне говорят. Я помню какую-то толпу, постоянное движение и много колонн из металла. Больше ничего.

– Вообще, улицы там – те улицы, которые внутри куполов – намного уже улиц Шарту. Но на них не тесно, потому что они пешеходные. И да, там всюду есть большие и малые транспортные средства, бегущие дорожки и лестницы, лифты, вагончики монорельсов. Собственный транспорт внутри куполов почти бесполезен, но можно за считанные

минуты найти общественный, который довезет тебя куда угодно. Город внутри устроен так, чтобы свет отражался и рассеивался, но не исчезал. Под куполами очень светло, но днем свет серый и какой-то блеклый; живого неба и солнечного света там почти не видно, все, что доходит вниз, отражено и процежено стеклами.

– Красиво, должно быть, – сказал Хинта. – Хотя и странно.

– Зато там можно почти всю жизнь ходить без скафандра. В богатых районах, включая Кафтал, есть сады – бледное подобие садов древнего мира, но в них все равно очень приятно. Там льется вода, на десятки метров в высоту поднимаются зеленые барельефы, на поверхности которых выращены декоративная трава и вьюнок... Что до ламраймов, они больше, чем здесь. Есть даже такие, где можно в натуральную величину увидеть машины Притака. Представьте: голограмма высотой с частный дом в Шарту! Впрочем, для меня суть ламов всегда была в их содержании, а не в красочности визуальных эффектов.

– Расскажите про Ваш университет в директории Кафтал.

– Непосредственно в университетском городке довольно тихо. Я жил там в обычной хорошей квартире. Она, кажется, была лучше, чем моя здесь. – Ивара задумался. В этом разговоре, когда мальчики хотели подробностей, его болезнь была для него настоящим проклятием. Он уже не сумел бы описать обстановку своего прежнего жилища, хотя с тех пор прошло не так уж много времени, а жизнь его не отличалась настолько пестрым разнообразием, чтобы одни картины затерли другие. – Частных домов в Литтаплампе мало, а в Кафтале их нет вообще, хотя это дорогой район. Так что да, я жил там точно так же, как и все. У меня был любимый ламрайм, не самый большой, и любимый куврайм, куда я пару раз в месяц ходил с коллегами. В кувраймах Шарту я пока не бывал, так что не знаю, как их сравнить. Но думаю, все места, где люди пьют кувак, выглядят примерно одинаково.

Тави уловил его затруднение.

– Сложно, наверное, описывать жизнь, когда другие совсем ничего о ней не знают, да еще и дети?

– Да, – обрадованно согласился Ивара. – Я не знаю, что еще здесь можно сказать. Думаю, если бы я был из тех людей, для кого по-настоящему важна внешняя сторона жизни, я бы просто не променял город на Шарту. Однако я здесь – а значит, там не было ничего такого, без чего я не смог бы обойтись.

– Интересно, насколько сильно пострадал человеческий мир по ту сторону Экватора? – задумался Хинта.

– Больше, чем здесь, – уверенно сказал Тави, – потому что там дома больше и инфраструктура не такая гибкая. А Шарту весь построен из конструкций, которые за месяц можно перевезти на новое место.

– Или мы были в эпицентре, – возразил учитель, – а на ту сторону докатилась лишь остаточная волна. – Его глаза вдруг погрузнели, через лоб пролегла морщинка. – Бессмысленные догадки, – будто рассердившись на самого себя, оборвал он. – Когда нас спасут, когда наладится связь, вот тогда и узнаем.

– Ивара, – окликнул его Хинта.

– Что?

– У Вас есть кто-то в Литтаплампе? Кто-то, о ком Вы волнуетесь?

Услышав вопрос друга, Тави мысленно поразился – ведь он так и не задал ни одного подобного вопроса за все время их общения. Наверное, он боялся услышать положительный ответ. Ему хотелось, чтобы этот человек был его зеркалом, таким же одиноким, отверженным, непонятым, каким он, Тави, казался самому себе в свои самые темные минуты.

– Это сложный вопрос, – искоса посмотрел на Хинту Ивара. Мальчик не выдержал его взгляда и потупился. Мужчина подобрал плитку пластика – такую же, как та, которую до этого крошил Тави – и тоже начал ломать ее в пальцах. Потом раскрыл ладонь и сбросил вниз сразу все белое крошево. – Я чувствую себя виноватым, потому что из-за меня вы двое перестали ладить друг с другом. Я знаю об этом от Тави. Но даже если бы он ничего не стал мне говорить, это просто было видно.

– Это правда, – вставил Тави. – Ты ведь не обидишься опять?

Хинта вздохнул.

– Уже нет.

– И сейчас я продолжаю чувствовать себя очень неловко, потому что остаюсь третьим лишним между вами. Дружба невозможна без искренности. А я, похоже, стал человеком, у которого слишком много секретов.

Теперь уже Тави выглядел растерянным.

– Каких секретов?

– С моего разрешения, Хинта расскажет тебе об одном из них. Тогда ты поймешь, почему мне трудно говорить о своей прежней квартире. Но потом, ладно?

– Конечно, – ошалело согласился Тави. Он переводил взгляд с Хинты на Ивару и обратно.

– И да, у меня есть родственник по ту сторону Экватора. Сказать об этом человеке не все – все равно, что соврать, а сказав о нем больше, я

поставлю вас в двусмысленное и даже опасное положение. Но я рискну, так как, видимо, у меня нет другого способа быть хоть немного честным. А я меньше всего на свете хочу врать, тем более вам двоим, и тем более перед лицом смерти. – Учитель тяжело вздохнул, сощурил воспаленные глаза. Мальчики замерли в ожидании. Они даже примерно не представляли, о ком может идти речь, и уже начали выдумывать у себя в голове безумные вещи, но ответ Ивары все равно застал их врасплох. – Это мой старший брат. Он управляет «Джиликон Сомос».

Хинта издал звук, более всего похожий на стон.

– Я бы счел, что Вы пошутили, – признался Тави, – но такие шутки не в Вашем духе.

– Это не шутка. А моя фамилия – не псевдоним, так как отцы у нас разные. Тем не менее, когда-то у нас были равные шансы возглавить «Джиликон». Может даже, мои шансы были больше. Но в решающий момент я этого очень не хотел, а он, наоборот, стремился всем сердцем, и мы разменяли наши судьбы, как наборы фишек в азартной игре. В результате мое имя осталось никому не известным. А имя «Квандра Вевада» знают почти все... Хинта, я не могу сказать, что переживаю за своего брата так, как ты переживаешь за своего. Но да, мне небезразлично, что с ним сейчас происходит. Потому что, если он вдруг умрет, это будет означать большие перемены.

– А он знает, что Вы в Шарту? – осторожно спросил Тави.

– Я, конечно, не интересую его, как прежде – слишком далеко ушел от власти. Но если его хоть немного занимает моя судьба, то он, безусловно, знает про меня почти все. У него точно есть способы выяснить, где я живу и кем работаю.

– Вы его не любите, – заметил Хинта.

– Не люблю. И он меня тоже не любит. Что тут поделать, некоторым людям совершенно не везет с семьей, и я один из них. Полжизни мы танцевали друг вокруг друга, как два хищника, запертых в одной клетке. Если это и было похоже на любовь, те времена давно прошли.

– А Ваша мать? – спросил Тави.

– Умерла. Не пережила свою третью беременность. Если честно, я этому рад. Потому что я бы просто не вынес второго брата, особенно если бы он оказался таким же, как первый. Или каким я сам был в молодости.

– А каким Вы были?

– Несгибаемым, – односложно ответил Ивара.

Мальчики молчали, не зная, что сказать. Пожалуй, они были даже слегка напуганы. Взрослый достиг своей цели: своей искренностью он будто поставил между ними и собой незримый барьер. Он показал им что-то тяжелое из своего прошлого, какую-то жутковатую сторону себя, и теперь у них уже не было чувства, что можно вот так запросто задавать ему вопросы обо всем; они снова ощущали себя ближе друг к другу, чем к нему. И все же Хинта решился.

– Зачем же Вы на самом деле приехали в Шарту, если Вы такой непростой человек?

– Как ни странно, я всем на этот вопрос отвечаю правду. Я приехал сюда ради того, чтобы исследовать южную сторону Экватора. Ну и не только ее. Окружающая местность тоже меня интересует.

– И это никак не связано ни с чем другим, что я о Вас знаю? Ни с Вашим братом, ни с тем, в чем Вас обвиняла Гарай?

Тави в очередной раз бросил на друга вопросительный взгляд, но Хинта никак не отреагировал – в висках, мешая ему сосредоточиться, росли две вращающиеся занозы боли.

– Думаю, связь есть, но не явная и не прямая. Я бегу от самого себя, а не от брата или условий, которые мне ставят работодатели... Это началось, когда я и Квандра были ненамного старше вас двоих. Мы тогда учились в Дадра – элитной школе, куда попадают подростки из самых влиятельных семей ойкумены. В Дадра есть определенные неписанные традиции. Одна из них в том, что ученики, достигшие третьего грейда, должны вступить в один из существующих закрытых клубов, либо создать свой собственный закрытый клуб.

– Что такое закрытый клуб?

– Это общность людей, которые вместе создают и хранят тайны. По традициям Дадра, членами такого клуба могут быть только ученики школы. Если группа учеников заявляет, что готова создать клуб, школа выделяет им помещение. За двери этого помещения могут проникнуть лишь его члены. То, что происходит внутри клуба, не обсуждается за его пределами. С поверхностной точки зрения клуб может показаться просто территорией разнузданной свободы – местом, где богатые детишки нашего мира пробуют взрослые развлечения. Но более важно, что внутри клубов Дадра создается будущее литской ойкумены. Там рождаются идеи, определяется, кто, как и на что будет влиять, завязываются дружеские контакты между наследниками могущественных династий элиты. Когда обучение в Дадра заканчивается, члены клуба, как правило, не прекращают общаться между собой и вливаются в новые клубы – закры-

тые клубы для взрослых, пропуском в которые становятся связи, приобретенные за время обучения. В сущности, это очень простая система... Самые престижные из клубов Дадра – Мадзу и Шигвана. Они существуют более двух веков, со времен основания школы, и их традиции никогда не прерывались. Ходят слухи, что в их комнатах еще сохранилась роскошная старинная обстановка, и большинство учеников лезет из кожи вон, чтобы попасть туда. Мое положение давало мне шанс выбирать любой из них. Мой брат не имел такой возможности, так как из-за происхождения своего отца считался в кругах элиты аутсайдером. Но тогда мы еще дорожили друг другом и расставаться не хотели. Было и другое: за первые два грейда вокруг нас сложился своеобразный круг друзей. Мы все были немного похожи между собой. У нас были огромные амбиции, и при этом нас раздражал лоск высшего света, мы ненавидели лицемерие, отвергали пустые увеселения. Мы хотели значимых свершений, мечтали найти для себя какое-то великое дело, благодаря которому наши имена останутся в веках. Костяк нашей группы, не считая нас с братом, составляли семь человек – Вева Курари, Эдра Брадда, Кири Салана, Амика Нойф, Прата Твама, Лива Огафта и Киддика Хамай.

– Лива Огафта? – переспросил Тави. – Кажется, я слышал это имя от мамы.

– Конечно, слышал. Сейчас он управляет полями «Джиликон Сомос». Все новые сорта фрата и технологии получения биотоплива созданы в его лабораториях. Если твоя мать выращивает фрат промышленным методом, ранние труды Ливы наверняка стали одним из главных источников ее вдохновения.

– Этот человек остался с вашим братом, – догадался Хинта.

Ивара странно втянул голову в плечи и не ответил.

– В результате, – подвел он, – мы с братом, наши друзья и друзья наших друзей сумели создать клуб, в который вошло сразу шестнадцать человек. Мы назвали его Джада Ра. На одном из языков древнего Джидана это словосочетание означает «восстанавливающее деяние», или «возвращение в прошлое».

– Спасение Земли в ее прежнем облике? – спросил Тави. – Как в том джалипа, которое разгадывал Хинта?

– Да, ты все правильно понял. Это один из основных смыслов. И именно этот смысл был нам важнее всего, когда мы создавали свой клуб. Почти все новые клубы в школе навсегда оставались предприятием неудачников и ни к чему не приводили. Мы с братом хотели создать клуб, который затмит Мадзу и Шигвана. Основать новую традицию. Меня пытались отговорить от этой затеи все, включая директора Дадра, но, как я

уже сказал, я был нестигаем, и созданию клуба никто не смог помешать. И вот, в то время, когда все наши одноклассники веселились, плели интриги или заходя выискивали себе теплое место в высших иерархиях литтаплампской администрации, мы в нашем клубе начали строить будущее человечества. Ну, или, по крайней мере, мы так думали. Мы были ужасно серьезны. Вместо наркотиков и напитков мы тайком проносили в свою комнату компьютерные терминалы и краденые музейные экспонаты. Наши идеи жгли нас изнутри. У нас было лучшее образование в ойкумене, и мы использовали все свои знания, чтобы размышлять о возможностях спасения Земли.

– И что? – спросил Тави.

Ивара усмехнулся.

– По большей части, фиаско и крах, – спокойно констатировал он. – Через шесть лет работы мы поняли, что у нас нет ни одного реалистичного проекта. Мы, возможно, были выдающимися молодыми умами. Но мы вовсе не были гениальнее всех остальных людей на свете. И эта задача была нам не по плечу точно так же, как и поколениям до нас.

Он тряхнул головой, взъерошил волосы.

– И вот тогда мы с братом стали врагами. Мы оказались не способны с честью вынести поражение. Наш клуб распался. Вева Курари, который, наверное, был самым наивным и честным из нас, впал в депрессию и покончил с собой. Он оставил безумную посмертную записку с рассуждениями о могуществе злого рока и сверхъестественной природе катастроф. Многие из нас решили, что косвенно виновны в его смерти. Вокруг клуба назревал скандал. Часть людей сбежала, почувстввав беду. А все остальные выбрали чью-то сторону. Одни остались со мной, другие приняли позицию моего брата. Теперь мы были едины лишь в двух вещах – никто из нас больше не считал, что можно восстановить Землю, но мы все хотели надеяться, что можно спасти человечество. Мой брат превратился в фанатика власти и контроля. Он начал думать, что ресурсы решают все, и вознамерился оживить человеческий мир с помощью топливных инъекций. А я...

Он почему-то замолчал.

– А Вы? – переспросил Тави.

– Мне тогда очень нужно было во что-то верить. И я поверил в одну джиданскую сказку. Если в этой сказке есть хоть какая-то историческая правда, то путь к нашему спасению технически уже существует – он был создан теми, кто жил до нас, и его надо лишь найти. Амика, Эдра и Кири, на свою беду, разделили эту веру со мной. Мы все поступили в университет Кафтала, так как это высшее учебное заведение наилучшим

образом соответствовало нашим запросам. Пять лет мы учились и занимались наукой. И пока это было так, нам было очень хорошо, мы были счастливы. А потом нам показалось, что мы что-то нашли. Я решил, что нам нужны ресурсы для масштабных экспедиций, и попытался восстановить свои права на некоторое имущество, которое раньше мне принадлежало. Я увяз в судебных распрях с братом, за мной начали постоянно следить его люди. Мои друзья не могли больше терпеть и без должной подготовки отправились в свою первую и последнюю экспедицию. – Теперь уже невозможно было понять, являются слезы в глазах Ивары последствием раздражения, или он по-настоящему плачет. – Они были совсем одни, так как у нас тогда не хватило бы денег даже на найм черно-рабочих. Они успели сообщить мне, что нашли какой-то вход. Но я не знаю, что произошло потом. Они бесследно исчезли во время небольшого землетрясения. И вот теперь, девять лет спустя, я приехал в Шарту, в поисках их тел и тайны, которую они, возможно, открыли перед тем, как погибнуть.

– Они были здесь? – спросил Хинта. – Жили здесь, как вы сейчас?

– Не в самом поселке. В своих исследованиях они применяли оборудование, которое запрещено вывозить с территории Литтаплампа. Поэтому единственным юридически допустимым решением было разбить лагерь прямо на верхней плоскости стены Экватора. Они два месяца жили и работали в точке, где пересекаются Экватор и линия морского побережья. Каждый день, используя альпинистское снаряжение, они спускались на южную сторону, тянули за собой кабели от приборов и делали свою работу.

– Но ведь над Экватором ни один прибор не может нормально работать.

– Кири, наш гениальный химофизик и роботехник, всегда находил какое-то решение. Одни приборы он переделал, другие закрыл специальными экранами. Это был человек, у которого работало все и везде. – Ивара вздохнул. – Я не знаю, что там произошло. Девять лет назад, когда я добрался до их лагеря, тот был разграблен. Служба шерифов Литтаплампа обвинила в этом каких-то доходяг. А я совершенно уверен, что это дело рук моего брата. При этом я не верю, что Квандра пошел бы на прямое убийство бывших друзей. Я думаю, они проникли в какие-то тоннели и там попали под обвал. А он устроил все так, что стало почти невозможно найти их исследования и их тела. Я никогда не докажу, что он к этому причастен; но я могу закончить их дело и вслед за ними найти то, что нашли они.

– А что, по-Вашему, они нашли? – спросил Тави.

– Я не знаю, что они нашли, и не узнаю, пока не найду сам. Однако я знаю, что они искали, потому что это я придумал для них цель. – Ивара медлил, стараясь успокоиться и подобрать слова. – Они искали нечто, скрытое под землей; чудесный город-ковчег, который будет способен отделиться от планеты и сквозь пустоту космоса унести последний миллион выживших людей куда-то вдаль, к надежде, нам еще не ведомой.

Тави издал звук удивления. И даже Хинта, несмотря на нарастающую головную боль, ощутил у себя внутри это пьянящее чувство исследователя, застывшего на пороге приоткрытой тайны. Раньше он испытывал нечто подобное, когда копался в медно-кремниевых внутренностях какого-нибудь умного устройства – но все доступные ему умные устройства были очень маленькими и незначительными, а загадка, над которой работали друзья Ивары, казалась бесконечно огромной и бесконечно важной для жизни всего человечества, и оттого захватывала душу с бесконечно большей силой.

– Этот ковчег, если только он существует, должен быть невероятных размеров. А верфь, на которой он был построен, должна быть еще больше, чем он сам. Проблема в том, что раз его все еще не нашли, значит, он очень надежно спрятан где-то глубоко под землей. Возможно, между нами и ним лежат экранирующие пласты металлической руды. Либо все еще хуже, и главным щитом для ковчега служит сам Экватор...

Хинта не выдержал и начал массировать виски. Но тупые занозы боли были слишком глубоко – под костью черепа, там, куда не добраться пальцами.

– С тобой все в порядке? – спросил Ивара. – Голова?

– Она болит, но пока несильно.

– У меня тоже болит, – сказал Тави. – Я только сейчас это понял. Не знаю, когда это началось. А у Вас болит?

– Нет. Но у меня немеют губы и кончики пальцев – тоже симптом отравления.

– Неважно, – нетерпеливо сказал Хинта. – Ведь мы все равно ничего не можем с этим сделать. Объясните лучше про этот ковчег. Такую машину вообще реально построить?

– Это первый вопрос, который мы себе задали. И ответ, как ни странно, да, хотя здесь много тонкостей. Начать следует с того, что в Золотой Век, откуда пошли все наши технологии, многие ранее трудноосуществимые или вообще казавшиеся невозможными вещи сделались

чем-то достижимым. Созданные тогда машины позволили относительно быстро и успешно колонизировать Луну и Марс; сначала материалы возили туда, потом – оттуда. Остатки этих технологических ресурсов, пережившие катастрофу, помогли воздвигнуть Экватор. Однако наш ковчег – вряд ли одна из тех древних машин; во-первых, они были все-таки меньше, а во-вторых, все они базировались на открытых космодромах, которые либо разрушились во время катастрофы, либо погибли позже, в эпоху оледенения. Скорее, если нечто подобное вообще существует, то оно намного больше и при этом скрыто под земной поверхностью, где оно могло сохраниться и пережить опустошение. У нас были основания верить в это.

– Пусть так, но как бы этот корабль смог взлететь, если над ним такая толща?

– Я не знаю. Спустя годы работы, я все еще очень мало знаю о конкретных свойствах того, что ищу.

– Но ведь как-то Вы и Ваши друзья выбрали именно эту местность для своих поисков? – спросил Тави.

– Да. Как я уже сказал, этот ковчег и его верфь должны быть огромной конструкцией. Мы использовали специальные топографические приборы, чтобы найти такое место, где поверхность земли вспухает или проседает. И обнаружили подобные явления вокруг Шарту. Здесь есть геологическая аномалия. Представь, что в воду кто-то бросил камень и пошли круги. То же самое происходит с геологическим пластом под вашим поселком – на нем видны расходящиеся круги.

– А мы их видим? – спросил Хинта.

– Отчасти, да. Но вы не воспринимаете картину в целом. Скажем так: ущелье Шакта – это самая низкая часть внутреннего кольца волн.

Хинта вспомнил карту, которую шериф Киртаса показывал им всем на гумпрайме.

– Но ведь ущелье не круглое.

– Очень маленькая секция очень большой окружности неизбежно воспринимается нами как прямой отрезок.

– Это какая же должна быть окружность? – Тави развел руками, пытаясь показать нечто необъятное. – Оно настолько большое?

– Мы с друзьями смогли найти изображения, на которых показаны ракеты древних. Чтобы отправить к Луне всего несколько десятков людей, им требовалась огромная летающая башня, которую собирали в воде. Теперь представь летающий город с миллионом жителей.

– Но кто мог бы построить такое? – спросил Хинта.

– Вы сказали, что поверили в джиданскую сказку, – вспомнил Тави. – Неужели это был Джидан?

– Не совсем. Хотя да, с Джиданом эта легенда связана более, чем с другими.

– Тогда кто же? – воскликнул Тави.

– Аджелика Рахна. – Ивара позволил себе лечь – медленно растянулся на спине, подложив под голову слабеющие руки.

– Красивое имя, – сказал Тави.

– Да, очень красивое. Это слова утраченного тайного языка, на котором говорили ученые Джидана. Они использовали в этом наречии корни других языков своего народа, но изменяли их звучание и уточняли смысл. У них была идея, что язык сам как живое существо. Он растет ради того, чтобы стать более совершенным. И они стремились ему помочь. Они хотели создать, или скорее вырастить, язык, в котором каждое слово станет абсолютной истиной, а настроение каждого звука будет идеальным образом сочетаться со смыслом сказанного... Геноцид и погромы, которые наши предки устроили в оккупированном Джидане, привели к тому, что этот язык был почти полностью уничтожен, и восстановить полное значение его слов мы уже не сможем. Но кое-что можно угадать, если исходить из смысла сохранившихся корней. На языках Джидана приставка «А» означала уменьшение размера или смягчение смысла. Например «виджайя» означало «все». «Авиджайя» же означало «многие».

– Я не знал, что вы говорите на языках Джидана.

– Не говорю. Я лишь знаю то, что мне нужно было узнать ради моих изысканий. «Джерика» в языках Джидана означает могущественных существ. Это могут быть владыки, маги или даже боги. Кстати, изначально сам Джидан назывался Аджер, как Лимпа – Лиам, а Притак – Муфат. Сегодня об этом мало кто вспоминает. «Ра», как я уже говорил, означает дело. Но есть мнение, что слово «рахна» в своем тайном языке ученые Джидана использовали для обозначения всех результатов человеческого труда. Так что «Аджелика Рахна» можно приблизительно перевести как «маленькие рукотворные боги», или как «небольшие искусственные сверхсущества».

Ивара замолчал, то ли собираясь с мыслями, то ли просто проигрывая в битве с дурманящим действием атмосферного яда. Хинта понял, что у него кружится голова – мир вокруг предательски плыл, и ему начинало казаться, что он может упасть, хотя он сидел в той же позе, что и полчаса назад. Поэтому он откинулся назад и по примеру учителя растянулся на спине. Тави оказался в неудобном положении – ему надо

было оглядываться, чтобы посмотреть на друзей – так что несколько мгновений спустя он не выдержал и устроился между ними. Теперь все трое лежали голова к голове и смотрели заплывшими глазами в ядовитое небо.

– Хотя зачастую я предпочитаю не переводить их имя, потому что в красоте этих слов уже есть нечто большее, чем любой смысл, к которому мы сумели бы эти слова привязать.

– Кто же они? – поинтересовался Хинта.

– Ответ на этот вопрос – в сказке, в которую я поверил.

– Это именно сказка? – спросил Тави.

– Нет, скорее легенда. Одна из легенд джиданского эпоса. Но в ней так много странного и невероятного, что я предпочитаю считать ее сказкой. К тому же, особенность этой истории в том, что она относится не к войне и подвигам, а к событиям более ранним и светлым. Итак, три народа на равные доли разделили между собой задачу построения Экватора. Каждому из них нужно было обойти сто двадцать градусов земной окружности. Это сотни и сотни километров. Расчеты проекта были составлены заранее. Но когда эта огромная стройка действительно началась, многим инженерам на многих участках пути пришлось менять изначальные планы, перечерчивать чертежи и заново рассчитывать формулы. И так сложилось, что когда Экватор был достроен, когда его запустили – ничего не произошло.

– Это правда? – спросил Хинта.

– Это сказка. Никто уже не сможет определить, что в этой истории правда, а что ложь. Но да, я думаю, у Экватора могли быть неудачные тестовые пуски. И вот, после одного такого неудачного пуска, сотни инженеров собрались на огромную конференцию. Эта была очень закрытая конференция, и все, что на ней обсуждалось, должно было остаться в строжайшей тайне – ведь три народа ждали положительных результатов от этого невероятного проекта. Если бы миллионы людей узнали, что Экватор не работает, все они могли в один миг утратить последнюю надежду на будущее. Но среди джиданских инженеров был один чудак. Звали его Джаджифа Гугайра. И хотя он был чуть ли не лучшим роботехником в мире, мало кто принимал его всерьез. Дело было в том, что своим самым серьезным проектом Джаджифа считал маленького механического человечка, которого он создал специально как игрушку для своего больного сына. У человечка этого, в отличие от всех прочих роботов, не было ни экрана, ни устройства для приема голосовых команд, ни возможности ввода жестов. Единственное, что человечек понимал – это

выражение лица сына Джаджифы. А сын Джаджифы имел церебральные проблемы – совсем как твой брат, Хинта.

Хинта ощутил внезапно вставший в горле комок слез.

– И что делал этот человечек? – спросил Тави.

– О, множество вещей. Он танцевал, рисовал, лепил фигурки. И всегда мог понять, что нравится больному малышу, а что нет. Маленький человечек учился на своих ошибках и скоро превзошел всех нянек и наставников, которых Джаджифа мог нанять для своего сына.

– Звучит и правда как сказка.

– Но у нее странный конец. Дело в том, что по какой-то причине Джаджифа не мог в то время оставить своего сына одного и взял его с собой на ту конференцию. Он убедил других ученых, что мальчик не сможет разгласить ни одного секрета, так как не понимает взрослых речей, да и сам почти не говорит. Но где-то Джаджифа просчитался. И его сын уловил суть – проблему, в которую уперся совет лучших инженеров планеты. – Учитель тихо рассмеялся. – А проблема была проста: в огромной индукционной катушке Экватора несколько линий были соединены неверно, так что вместо одной катушки получилось множество недостаточно мощных колец. Найти, где ошибка, представлялось уже почти невозможным, так как каждая группа утверждала, что ошибку в проекте совершили их коллеги, а не они сами. Все кричали, обвиняли друг друга, никто не признавался в своей неудаче. А, возможно, единого виновника у этой беды и не было вовсе.

– А разве нельзя было просто осмотреть Экватор и найти в нем дефект? – спросил Хинта.

– В том-то и загвоздка. Экватор приходилось строить очень экономными средствами, а потому проходов у него внутри почти не осталось. Были только узкие продольные щели – полости воздушной изоляции между проводниками – и у ученых уже не было шансов найти место своей ошибки. Но тогда произошло странное: мальчику, сыну Джаджифы, вдруг перестали нравиться все чудесные фокусы его крошечного механического друга. Человечек попробовал то, потом другое, и, в конце концов, угадал, что мальчик перестанет грустить, если разрешится проблема, которая сводит с ума всех этих многомудрых мужей. Никто и не думал, что игрушка может решить проблему подобного уровня. Но маленький человечек не растерялся: он добрался до приборов и деталей, которые лежали где-то там, в лаборатории, и из кучи всякой всячины начал с невероятной скоростью создавать подобных себе.

– Не может быть, – поразился Хинта.

– Это сказка, – снова напомнил Ивара. – Каждый новый маленький человечек принимался помогать остальным. Эти создания собирали все новых и новых своих братьев. Так что, когда ученые вернулись с конференции и зашли в ту лабораторию, они обнаружили, что их оборудования больше не существует. Зато по помещению носилась сотня маленьких человечков. А посреди всего этого хаоса, искренне смеясь, бродил неполноценный сын Джаджифы.

Хинта слушал, ощущая, что его глаза затекают уже настолько, что он почти не в силах их разлепить. Кожа мучительно болела, головная боль превратилась в дуговую молнию, рвущую мозг от виска до виска. Но Ивара каким-то образом все еще держался и продолжал связно говорить. Маяк его голоса уводил прочь от боли.

– Разумеется, начался скандал. Все обвиняли маленького человечка в том, что тот взбесился и своими действиями нанес проекту страшнейший ущерб. Но Джаджифа вдруг успокоился и воскликнул: «Нет, друзья, нет! Не смейте порочить эту чудесную игрушку! Она ни разу в жизни не сделала ничего плохого! Возрадуйтесь, ибо мы спасены. Теперь, если мой сын захочет, его маленькие друзья пойдут и найдут то место, где мы ошиблись. А возможно, они даже заставят Экватор работать».

Тави измученно рассмеялся.

– И маленькие человечки починили Экватор? – недоверчиво спросил Хинта.

– Конечно. Ведь сын Джаджифы более всего на свете хотел помочь своему отцу. На три месяца механический народец ушел в щели в толще Экватора. А когда эти странные существа вернулись назад, Экватор уже работал.

– И это конец сказки? – слегка огорчился Тави.

– Еще нет. Конец сказки, как я уже и сказал, будет странным. Еще три месяца после этого маленький народец жил в доме Джаджифы и всячески развлекал его сына. Однако затем больной мальчик умер. Маленькие создания стояли вокруг его тела и пытались понять, как им снова его развеселить. Но ничего уже не помогало. Сам Джаджифа, переборов в себе скорбь по сыну, решил, что теперь обязан придать новый смысл своим созданиям – ведь они так много могли и так чудесно показали себя, когда надо было привести в порядок Экватор. Джаджифа каким-то образом смог объясниться с маленьким народцем, и между ними случился спор, в котором механическим человечкам пришлось признать, что они уже ничего не могут сделать для погибшего мальчика. Так эти крошечные создания познали природу смерти и начали ценить

жизнь. Джаджифа хотел, чтобы они стали постоянной поддержкой, вечной ремонтной бригадой для Экватора. Но они отказались от этой роли. Они не верили, что Экватор спасет от смерти. Чтобы выяснить, что наиболее полезно из всего, чем они могут заняться, они попросили Джаджифу созвать тайный совет лучших ученых Джидана. И этот совет был собран.

– Вот теперь это точно не похоже на сказку, – прошептал Хинта. – В сказках дети не умирают.

– Да. Но и на обычные легенды это не похоже. Лучшие ученые Джидана, заинтригованные рассказами Джаджифы, действительно пришли на тот совет; и все вместе они нарекли новый народец Аджелика Рахна; и дали народцу цель – создать ковчег, на котором и люди, и сами Аджелика Рахна будут спасены с Земли, если та станет окончательно непригодной для жизни. И вот это действительно конец, потому что дальше все превращается в тайны и домыслы, и никто ничего не знает наверняка.

– Значит, Аджелика Рахна – роботы? – уточнил Хинта.

– О нет. Они имеют сочленения, как у роботов, но они не роботы. Если верить сказке, эти существа больше похожи на людей, чем известные нам омары. В отличие от омаров, Аджелика Рахна были способны рисовать и лепить, вырезать барельефы и мастерить прекрасные вещи. Они не ломают, а строят. Они ремонтируют и совершенствуют все, к чему прикоснутся. Они ценят жизнь и делают все возможное, чтобы ее спасти. Они даже способны производить себе подобных и любить их. И что еще более невероятно – они, по всей видимости, способны любить людей.

Тави тяжело вздохнул.

– Вся эта история, – произнес он, – настолько прекрасна, что я не могу понять, как же так вышло, что мы никогда раньше о ней не слышали. Почему матери не рассказывают ее на ночь детям? Почему по ней не снимают ламов? Я, конечно, понимаю, что в мире есть тысяча вещей, о которых тысячи людей не слышали. Так что, наверное, это праздные вопросы.

– Нет-нет, твой вопрос здесь уместен и важен. Человеческое внимание так устроено, что одни вещи мгновенно приковывают его к себе, а другие способны веками ускользать от него. Возьмем джалипа – по большей части, это просто шутки, смысл которых утрачен слишком

много лет назад. В результате последние поколения ничего не знают о джалипа и даже не слышали такого слова – но нас это не удивляет. Аджелика Рахна совсем другое дело. Эта история способна зачаровать всех, кто слышал ее хотя бы мельком. Такие истории обычно приобретают большую известность и долго живут в сердцах людей, беспокоя их разум. Но здесь этого не произошло. – Ивара негромко щелкнул пальцами. В нем будто что-то переключилось, и на мгновение стало ясно, каким огнем вся эта история жжет его изнутри. Она горячила его кровь даже сейчас, когда яда в его венах было больше, чем жизни. – Так как же обратились в ничто вся эта надежда, вся эта таинственность? Тави, ты верно отметил красоту. Куда исчезла эта красота? Как оказалось, что самая привлекательная в мире история... а я считаю, что история Аджелика Рахна – это самая привлекательная из всех историй времен Столетней Зимы... как оказалось, что эта история перестала быть привлекательной? Как ее не запомнили, не заметили, не увидели?

Ивара поднял руку и медленным движением разрубил, разделил на части пространство у них над головами. Его голос изменился, стал приглушенным, глубоким, потрескавшимся, при этом слушать его было еще приятнее, чем прежде, он будто уводил в мистическую даль, ко всем страдавшим и погибшим поколениям, которые населяли этот мир в прежние эпохи.

– Вначале я думал, что историю про Аджелика Рахна просто скрыли. Мне показалось, что был масштабный заговор, что существовала череда тайных организаций, которые сделали все возможное, дабы никто и никогда не напал на след этой легенды. И в определенной мере я был прав – такие организации существовали. Вот только они не скрывали легенду об Аджелика Рахна, они сделали нечто худшее – попытались превратить ее из легенды в идею и подать эту идею как свою. Своей деятельностью, своим культурным наследием они сформировали вокруг нее облако бреда, глупости и вредных заблуждений. Уже за сотни лет до нас, в период поздней Лимпы, когда Земля оттаивала и на ее поверхности строились первые купольные города, упоминать об Аджелика Рахна в приличном обществе стало почти непристойным делом. В то время о ковчеге и построившем его чудесном народце бормотали исключительно всякие сектанты, отщепенцы и прочие сомнительные искатели приключений. Это были гнусные люди. Они не хотели работать и жить в здоровом обществе, и призывали других уходить толпами в пустыню, ради неведомо чего. Были и такие, кто считал, что ковчег сам покажет себя, если человечество окажется на грани гибели, и были готовы подстраивать техногенные катастрофы и взрывать в городах бомбы.

– Ужас, – сказал Тави, и взял Хинту за руку. Теперь они лежали рядом, сцепившись ослабевшими пальцами, и Хинта почему-то не сомневался, что другой своей рукой Тави сжимает ладонь Ивары.

– Да, иногда это был ужас. Но чаще всего это выглядело просто глупо. И, в конце концов, вся грязь, которую развели эти безумные фанатики, прилипла к истории Аджелика Рахна. О ней забыли потому, что хотели забыть. Даже опытный исследователь, натолкнувшись сейчас на эту легенду, скорее всего, подумает о ней только плохое. Я знаю целых четыре общепризнанных академических исследования, в каждом из которых говорится, что Аджелика Рахна не существовали и не могли существовать, потому что все более ранние свидетельства о них были сфальсифицированы подпольной группировкой Нджаффра.

– Я слышал о ней, – удивленно пробормотал Тави. – Постойте... Это же одна из последних групп, которые пропагандировали идеи Джилайси.

– Да, так и есть. Даже не группа – скорее, сообщество по интересам. И возможно, среди них были хорошие люди. Проблема в том, что они пропагандировали больше, чем одну идею, даже больше, чем одну философию. Это были мечтатели, желавшие верить во все сразу. Они оставили после себя корпус плохо обработанных текстов, где цитаты невозможно отделить от их собственных измышлений. К тому же, там все оформлено в таком афористическом стиле, который сейчас кажется совершенно непонятным.

– Они верили, что Джилайси еще жив, – вспомнил Тави, – что он впал в долгий сон и проснется, когда трое лучших представителей трех новых народов попросят его установить между ними мир.

– Если быть еще более точным, они верили, что твой герой спит прямо в ковчеге спасения.

– Правда? – прошептал Тави.

– По крайней мере, так лично я интерпретирую их тексты. В своем первом научном труде я как раз пытался доказать, что «колыбель Джилайси» и «ковчег» в писаниях Нджаффра являются синонимами. Это сделало бы работу с частью их наследия куда более простой. Однако похоже, что тот мой труд остался никем не замеченным.

– Больше всего в жизни я бы хотел увидеть его – живого, – признался Тави. – Если бы...

– Я не уверен, что Джилайси жив, – мягко возразил Ивара. – Куда более вероятно другое – что он, как и мои друзья, погиб где-то в подземных тоннелях, пытаюсь найти путь к загадочным вратам ковчега.

Хинта слушал их и вдруг осознал, что его самого больше нет. Он ослеп и почти не чувствовал свое тело. Даже головная боль куда-то ушла, превратилась в далекую красную вспышку на горизонте меркнувшего сознания. Ему казалось, что он падает – падает в темноте, в темноте, в пустоту. Умом он понимал, что его тело лежит на месте, но ему казалось, что оно вращается в пространстве, кувыркается, проносится сквозь пугающие волны ничто.

– С тобой все в порядке? – спросил Тави.

– А что со мной может быть не так? – расслышал Хинта свой далекий голос.

– Ты отпустил мою руку.

Хинта усмехнулся.

– Проблема в том, что я не чувствую свою руку. Это плохо, да?

Тави почему-то тоже рассмеялся.

– Да, плохо. Но скорее мы умрем оттого, что закончатся наши кислородные баллоны, чем от отравления через кожу.

– Скоро нас может начать тошнить. А когда теряешь сознание, и при этом тебя тошнит под дыхательной маской...

– Не продолжай, – спокойно попросил Тави.

– На самом деле я хотел о другом... – Одновременно с тем, как его тело вертелось в пустоте, у Хинты в голове вертелась какая-то неясная мысль. Он будто узнал что-то в словах Ивары, и это необходимо было прояснить до того, как им троим станет слишком плохо. – Ивара, Вы ведь сказали что-то о загадочных вратах?

– Да. Древние описания ковчега довольно фантастичны, но все они сходятся в том, что у него есть врата. Некоторые утверждают, что их девять – по три входа для каждого народа, и что они расположены в разных местах.

– И все под землей?

– Если они вообще существуют, то да, они под землей. Иначе бы их было намного легче найти.

Хинта испытал странный наплыв ощущений. Его сердце словно замерло, уменьшилось, начало исчезать – немеющий провал в груди. И в то же время он мог слышать, как его исчезающее сердце быстро и трепетно бьется. Он не просто падал в пустоту, он сам превращался в пустоту. Его сердце становилось сердцем пустого мира.

– Я... мне кажется, я видел эти врата, – задыхаясь, произнес он. – Я все время хотел об этом кому-то рассказать, но не мог. И в начале нашего разговора сегодня – когда мы заговорили про Ашайту – я хотел рассказать, но не рассказал.

Он слушал свой голос как бы со стороны и, как странный сторонний куратор, проверял самого себя, слово за словом. Все было правильно. Он еще мог говорить, он не настолько опьянел. А значит, у него есть шанс закончить, досказать что-то очень важное.

– Где ты их видел? – тихо, но пугающе отчетливо спросил Ивара.

– Я не знаю, где. – Хинта засопел, стараясь выровнять сбивчивое дыхание, тщаь успокоить истерический бег исчезающего сердца.

– Как ты можешь не знать?

– Потому что я не был там, где эти врата. Физически, во время отключения энергии, мы все – я, Ашайта, мать, отец и наш сосед Риройф – были в одном месте, в парнике нашей семьи. Перед тем, как упасть без чувств, мой брат странно и страшно закричал. И пока он кричал, я как будто куда-то переместился...

– Продолжай, – потребовал Ивара. Интонация его голоса подействовала на Хинту успокаивающе, как если бы ему дали прямое обещание, что сумеют придать смысл каждой детали, которую он видел.

– Я очень испугался, но надо было нести брата в больницу, и слишком много всего происходило вокруг. Так что временами я почти не помнил о том, что видел.

– А что ты видел? – спросил Тави.

– Я стоял... Нет, я не могу сказать, что я где-то стоял. Я вообще не помню, чтобы осязал там свое тело. Я просто был там, смотрел в одну сторону. Передо мной открывались огромные золотые врата. Они были очень большими, такими, что сквозь них проехала бы машина высотой в два фратовоза. А еще они были очень сложными, и... и вели себя как живые, – с дрожью в голосе осознал Хинта. Видение только сейчас приобрело в его памяти отчетливую форму. – Это был самый сложный механизм, какой я вообще видел. Такое не вообразить. Машины Притака в тысячу раз проще. А там каждая маленькая пластинка жила своей жизнью. Все ехало, утягивалось, вращалось. В конце концов, весь узор распался на большие механические секции и исчез внутри стен. Пожалуй, это напоминало старинную джиданскую технику, но у нас ее, к сожалению, никогда не изображают такой величественной и масштабной.

Ивара молчал. Но Хинта уже не нуждался в поощрении, он и сам был готов досказать свою историю. И он продолжал, вслушиваясь в свой глухой и далекий голос.

– За вратами был зал, или мне показалось, что зал. Но сейчас я бы, возможно, сказал, что там был другой мир. Если это был зал, то огромный – в десятки этажей высотой, и, наверное, на километры вдаль, в глубину. Я сразу, даже сам того не осознавая, решил, что этот зал – под зем-

лей, потому что там не было окон, и потому что я не могу вообразить такое огромное здание наверху. Один этот зал, наверное, был бы равен какому-нибудь куполу Литтаплампа.

– Как же ты видел его, если там не было окон? – удивился Тави.

– Там был свет. Фиолетовый свет. Он шел прямо от стен, особенно от дальней стороны зала. Я помню каменные плиты из черно-зеленого камня. Пол был очень гладкий, словно полированный. Но колонны выглядели грубо, как неотесанная скала.

– Ты прошел через ворота? – спросил Ивара.

– Нет. Я все время оставался там же, где был с самого начала. Я видел зал сквозь проем врат, но не двигался – лишь смотрел. И еще... там были люди. Тела в скафандрах, с иссохшими серыми лицами. Это странно прозвучит, но в глазах у них что-то лучилось фиолетовым – совсем как стены зала. – Хинта почувствовал движение, сумел разлепить один глаз и увидел, что Ивара приподнялся и наклоняется к нему через Тави.

– Какие у них были скафандры?

– Древние? Совсем не такие, как носят в Шарту... – Он нахмурился, силясь вспомнить детали.

– Ну же, – взрослый дотянулся до Хинты и с неожиданной силой схватил его за плечо. – Какие они были в точности?

– Все очень разные, – немного испуганно прошептал Хинта. – Я имею в виду: совсем разные. Тяжелые металлические с углубленным стеклом и широким козырьком из серого металла. Легкие матерчатые мешки с круглыми стеклами для глаз. Сферические, где задняя стенка – металл, а передняя – стекло. Узкие, со стрелочками от висков. Были такие, как сами эти ворота, словно собранные из множества крошечных золотых пластин. И еще каплевидные черные, с антеннами и с оранжевой эмблемой на лбу – крест в треугольнике.

Хватка Ивары ослабела. Наконец, учитель его отпустил.

– Неужели он видел там Ваших друзей? – спросил Тави.

– Нет. Но он видел что-то настоящее.

– Почему? – спросил Хинта. – В смысле, почему Вы так уверены?

– Военная форма штурмовиков Притака. Скафандр крестьянина эпохи оттепели. Два типа шлемов, которые использовались в Джидане. И что самое важное – шлемы с символом секты Мафра.

– Кто они такие? – поинтересовался Тави.

– Одни из множества авантюристов, отправившихся на поиски ковчега и сгинувших где-то в пустыне. И еще там было несколько шлемов, которые я не могу узнать по описанию.

– Я ведь не мог их видеть и запомнить, чтобы потом они мне приснились? – спросил Хинта.

– Думаю, не мог. Не бойся за свой рассудок, твое бессознательное не играет с тобой в игры. Ты видел реальное место. И нам еще предстоит узнать, как твое видение стало возможно.

– Что же я видел? Вход в ковчег? Врата?

– Ты видел кладбище, – мрачно отозвался мужчина. – Вот единственная вещь, которую можно утверждать наверняка. Ты видел мертвецов из череды эпох. И судя по всему, ни один из этих искателей не сумел ни войти в ту дверь, ни вернуться назад к своим друзьям, семье и народу. Там было что-нибудь еще?

Хинта сглотнул. Вкус собственной слюны начинал казаться ему странным, солоноватым, кисло-вязким, как будто он имел глупость взять в рот фрат.

– Да. Магму. Она поднималась сквозь трещину в гладком полу. Мое видение закончилось как раз тогда, когда скафандры на мертвецах начали тлеть.

Потом они долго лежали молча. Сил совсем не осталось, время утратило счет. Хинта медленно дышал. Его мысли стали рассеянными, беспорядочными и очень спокойными – в основном он даже не думал, а просто представлял какие-то картины из прошлого.

Вот ему шесть лет. Они с отцом пришли в больницу, чтобы забрать Ашайту. Лика еще не оправилась до конца, а Ашайту медики уже достаточно привели в порядок, чтобы за ним можно было начинать ухаживать на дому. Брат лежит в уличной переноске для младенцев – она как скафандр для какого-то фантастического прямоугольного существа. Хинта хочет увидеть лицо брата, лезет на стол и заглядывает сквозь стекло. То, что там, кажется ему радостным и в то же время ужасным. Ашайта – уродец, но он совсем не похож на то, как описывают омаров. «Ну зачем ты, слезь на пол, – просит отец. – Не суетись. Еще налюбуйся на него».

А вот Хинта в первый раз в жизни пошел вместе с отцом на станцию. Добрый старик Фирхайф шутит с ним какие-то непонятные шутки. Хинта смотрит на Фирхайфа, и ему совсем не смешно. Но потом Фирхайф предлагает пойти посмотреть на пульт тихоходного поезда – и Хинта идет.

Вот ему девять. Их семья купила Иджи. Ослик стоит перед гаражом – редкий случай вызвать зависть у соседей. Для Хинты это радость, он воспринимает четвероногого робота как свою самую дорогую игрушку – и в определенном смысле он прав.

А вот их первая встреча с Тави – они оба новички в студии лепки. У них нет друзей. Но они почему-то начинают строить друг другу рожи, когда работают с разных сторон одного верстака. Хинта уже не может вспомнить, кто начал первым. Наверное, Тави. И как это потом превратилось в дружбу?

Вот ему двенадцать. Прошлые каникулы – они с Тави покупают постоянный абонемент, чтобы на две недели оккупировать ламрайм. Они думают, что это дает им лишь право на неограниченный просмотр, но тут оказывается, что лиава теперь тоже бесплатно. И они едят ее до дурноты. Они едят ее так много, что к концу третьего дня уже не могут идти на лам, потому что у них зверски болят животы. И вместо ламрайма они устраивают видеосвязь. И Тави говорит: «никогда больше». Но потом они снова едят лиаву.

А вот ему тринадцать. И он лежит без скафандра на руинах своей школы. Наверное, это смерть.

Откуда-то издалека до Хинты донесся собственный голос.

– Мы должны перевернуться. Перевернуться, прежде чем потеряем сознание...

Почти ничего не ощущая, он потянулся куда-то вбок, к Тави. Этот процесс занял больше чем одну минуту, потому что для поворота Хинте потребовалось раскачать свое непослушное тело – как будто он стал смертельно больным и ужасно слабым толстяком. Когда они все уже лежали на боку, Хинта вспомнил давний рассказ про погибших людей, найденных в пустошах. Рассказчик, старик-крайняк, утверждал, что есть такая особая поза – поза потерявшихся. «Если в конце они всё делали правильно, – говорил он, – а в самом конце все всё делают правильно – то они лежат на боку, лицом друг к другу. Иногда они обнимают друг друга, а иногда поджимают ноги к животу».

И вот теперь они трое лежали в позе потерявшихся.

Хинта думал, что разговора уже не будет, потому что они все слишком устали. Но через некоторое время, вопреки его ожиданиям, Ивара нарушил тишину.

– Хинта, – хриплым шепотом обратился он, – твой брат что-нибудь говорит о своих снах?

– Нет.

– Но он ведь немного может говорить?

– Да.

– Надо будет разобраться, видел ли он что-нибудь, когда ты видел мертвецов у врат.

Хинта хотел спросить, почему Ивара думает, что его брат мог что-то видеть, но сил на новые слова уже не было – остались только слепота, немота, безумие и боль в темнице сожженного тендра-газом тела. Через какое-то время Хинта уже мечтал о том, чтобы потерять сознание. А потом он действительно отключился, но это было похоже скорее на сон, чем на обморок. Он опять видел картины из прошлого, которые теперь забавно перемешивались между собой: Тави водил тихходный, Атипа был учителем математики, а Двана стал миролюбивым городским шерифом и призывал всех, чтобы они пощадили каких-то пленных омаров.

А потом Хинта услышал звук. Это был ровный стрекочущий шелест. Звук то нарастал, то слабел. Ближе. Дальше.

– Что? Что это? – пробормотал Ивара.

Хинта хотел сказать ему, что это спасение – их обнаружил поисковый дрон. Однако ворочать онемевшим языком было невыразимо трудно, и он, издав несколько тихих нечленораздельных звуков, сдался – просто лежал и слушал, как замирает рядом успокаивающий звук крошечного пропеллера. Больше не нужно было бороться: они сделали для своего спасения все, что могли, продержались ровно столько, сколько было нужно. Теперь их судьба была в руках других людей. Осознав все это, Хинта позволил тяжелой наркотической дреме окончательно накрыть его, и, медленно и устало дыша, отправился в спокойное небытие.

В следующий раз он ненадолго очнулся в переносной рекреационной капсуле. Ощущений почти не было, зато и боль ушла; дышалось легко, воздушная смесь приятно пахла озоном. Отек спал с глаз, и, разлепив веки, Хинта снова увидел небо – на этот раз оно было отгорожено от него безопасной преградой из выгнутого толстого стекла. В капсуле было довольно свободно, так что он сумел поднять и поднести к лицу руку. Вслед за ладонью потянулись клейкие нити какого-то густого, бесцветно-прозрачного вещества. Он дотянулся до стекла и испачкал его мазком этой лекарственной дряни. Потом провел рукой вдоль своего тела и понял, что на нем нет одежды и что липкая жидкость почти целиком заполняет пространство вокруг него. Силиконовая мякоть, клейкая масса и какие-то трубки, напоминающие клубок из множества пуповин...

...И чувство полузабытья, покоя и безопасности – какое, наверное, бывает лишь у младенца в утробе счастливой матери.

По еле ощутимой вибрации Хинта догадался, что капсула движется; должно быть, она стояла на спине робоослика, а тот пробирался по полуразрушенному Шарту и механически подрагивал, когда ему приходилось преодолевать препятствия. Мальчик повернул голову и посмотрел налево. Мимо проплывали дома – все в разном положении: одни сдвинуты, другие на боку, третьи перевернуты полностью. Что-то горело. Уцелевшие жильцы толпились вокруг запотевшей махины воздухоочистителя. Хинта знал улицы родного поселка наизусть, но сейчас не мог понять, какое место видит. Удар землетрясения оказался настолько сильным, что укрепления, возведенные для защиты от омаров, словно взорвались. Контейнеры с песком беспорядочными осыпями перегораживали улицу. Здесь же валялось оружие, брошенное кем-то из бойцов.

В отличие от скафандра, медицинская капсула не пропускала звуков, так что Хинта смотрел на все это в полной тишине, которая делала картину катастрофы еще более страшной. Мир как будто онемел после грома – беззвучно осыпались камни, беззвучно кричали люди. Он не выдержал этого зрелища, повернул голову и посмотрел направо. Там шагали робоослики с вереницей больничных капсул на спинах. Сквозь свое окошко Хинта мог видеть лишь трех соседей. Может, их всего столько и было, а может быть, процессия растянулась на длину всей улицы. Он не мог этого знать. Но он верил, что где-то там, за другим стеклом, лежат в полудреме Тави и Ивара. Его друзья.

Мечтая о новом разговоре с ними, Хинта уснул.

Часть третья

ВОПРОСЫ

*Тогда муравьи вскричали,
Усиками вращая:
– Тебя мы убьем. Ленив ты
И развращен. Ты должен
Трудиться, не глядя в небо.
– Звезды я видел, звезды, -
Раненый им отвечает.
Тогда изрекла улитка:
– Оставьте его, идите
Своею дорогой, братья.
Наверно, ему недолго
Жить на земле осталось.*

Федерико Гарсиа Лорка

Глава 7

МОЛЧАНИЕ ИСЧЕЗНУВШИХ

Мягко светили зеленоватые потолочные лампы. Пахло рвотой и кровью. Шумела вода. Кто-то стонал. Кто-то приглушенно разговаривал.

– Сколько?

– Еще шестнадцать. Половина в капсулах. Почти все – с отравлением тендра.

Конвейер медленно нес ряды тел через душевой блок. Вокруг пострадавших устало сустились медики в мешковатых непромокаемых балахонах.

– Хорошо, что поток слабеет.

– Ускоряйтесь с легкими. Я хочу перебросить часть младшего персонала на перевязку.

– Мы не можем еще быстрее. Этим тоже нужна помощь.

Все вокруг плыло и блестело. Вода растворяла и уносила клейкие нити заживляющего субстрата.

– А кто распределяет волонтеров?

– Никто.

– Что за бардак!

Хинта различал голоса, но не мог понять, кто именно из медиков говорит. Все фигуры казались ему одинаковыми и одинаково зыбкими.

– Очнулся? – спросил кто-то.

– Не знаю, – шевельнул он губами.

– Потерпи. – Последовала короткая боль – кто-то ловким, но резким движением освободил его пострадавшую руку от эластичной повязки. Хинта даже не вздрогнул – не потому, что не боялся боли, а потому, что все его тело по-прежнему было чужим, ватно-онемелым. Потом он ощутил, как руку заново бинтуют: по ладони растеклось ощущение влажного тепла.

– У меня распухла голова, – пробормотал он.

– Тебе кажется. Имя свое помнишь?

– Хинта Фойта.

– Как?

Это была женщина. Он увидел ее лицо. Она склонялась над ним. Ее черты казались неестественно удлинненными, расплывающимися, глаза вылезали из орбит. Она пугающе походила на омара.

– Хинта Фойта, – чуть более отчетливо произнес Хинта. – У меня галлюцинации. Вы все зеленые и не такие.

Кто-то усмехнулся. Женщина потрогала его лоб. Ее рука была восхитительно холодной. Казалось, она дотянулась до него из какой-то другой вселенной.

– Не бойся, все пройдет. Легкий. Мы его записали.

– А Тави? – спросил Хинта. – Тави Руварта?

– Его уже помыли, – ответил другой, мужской голос. – Попадешь с ним в одну палату.

– Хорошо, – без улыбки обрадовался Хинта и закрыл глаза.

Ему показалось, что прошло ничтожно мало времени – три мгновения, три удара сердца – но когда он снова открыл глаза, все вокруг уже было другим. Он, одетый в больничную пижаму, распростерся на жестковатой робокаталке. Свет ламп стал голубовато-белым, он отражался в гладких стенах больничного коридора матовыми бликами. Откуда-то издалека доносился шум толпы – как во время собрания гумпрайма.

И еще был тихий голос. Голос терпеливо звал его.

– Хинта, Хинта, ты меня слышишь? Хинта...

Хинта начал поворачивать голову и тут же пожалел об этом – вместе с движением вернулись боль и тошнота. Тем не менее, он посмотрел туда, откуда звучал призыв. В двух метрах от него, у другой стены коридора, лежал на робокаталке какой-то уничтоженный болезнью ребенок. С первого взгляда Хинта смог понять про это существо лишь, что оно его сверстник – даже пол определить было сложно. Волос и бровей у пострадавшего не было, опухшие глаза превратились в узкие слезящиеся щелки, кожа на голове покраснела и бугрилась складками. На мокнувших язвах, придавая им еще более ужасный вид, лежала желто-зеленая мазь.

– Тави? – недоверчиво прошептал Хинта.

– Великолепно выгляжу, да?

Здоровой и чистой осталась лишь нижняя половина его лица – все то, что было закрыто дыхательной маской. Это выглядело очень странно – как будто какой-то кровавый лысый уродец пришил к своей плоти нос и губы прежнего Тави.

– Я, наверное, выгляжу так же.

– Намного хуже. – Покрытые облатками губы Тави изогнулись в слабой усмешке.

– Ты же не видишь себя.

– Не вижу. Но выглядеть хуже, чем ты, просто невозможно.

– А Ивара?

– Он будет через полчаса. Взрослые идут во вторую очередь.

Потом они долго лежали молча. На потолке коридора не хватало половины облицовочной плитки и части ламп. Несколько минут Хинта тупо пытался сообразить, почему это так, а потом до него дошло, что больница точно так же пострадала от землетрясения, как и все остальные сооружения в Шарту.

Он ощущал, что почти совсем ничего не хочет. Как будто он уже умер, исчез, был стерт. Единственным его желанием стал еще больший покой – чтобы тело перестало бунтовать, забылось, лишилось чувств.

– Тошнит, – пожаловался он.

– Пакеты.

– Какие?

– Перевернись на бок.

К борту робокаталки действительно были пристегнуты пакеты. Чтобы сблевать, надо было лишь оттянуть пластиковый край и наклонить голову, что Хинта и сделал, когда пару минут спустя проиграл в битве с нутром.

– Салфетки, – шепотом подсказал Тави. Между их робокаталками проехала третья, тормознула у входа в следующую палату и припарковалась к стене.

– Я слышал цифры, – вспомнил Хинта, – про шестнадцать пострадавших.

– Нет, их намного больше. Больница переполнена. Поэтому мы в коридоре. Слышишь толпу? Это родственники. Но их еще сюда не пускают.

– Плохо для Шарту, – сказал Хинта. Потом они снова долго лежали молча. Где-то вдали посвистывали автоматические двери. Каждый раз, когда раздавался этот звук, шум толпы нарастал, словно это было море с накатывающими волнами.

Хинта уже почти задремал, когда в их коридоре появился Ивара. Проезжая между мальчиками, он вскинул руку в приветственном жесте. Его ладонь выглядела так, будто ее обварили в кипятке, но пальцы были сложены в знак «ан-хи». Тави тихо рассмеялся. Робокаталка Ивары сделала маневр с разворотом и встала у стены своим изголовьем к изголо-

вью каталки Тави. Тави не утерпел и попытался приподняться, чтобы поближе увидеть учителя, однако сил не хватило, и он рухнул лицом в подушку.

– Вы будете с нами? – пробубнил он оттуда.

– Нас распределяют в порядке регистрации. Раз вместе нашли, то и положат в одну палату. Как вы оба?

– Живы, – еле слышно отозвался Хинта.

– А кто-нибудь знает, сколько часов мы были там? – спросил Тави.

– Мне сказали, шесть. Промедли они еще два часа, и мы бы умерли.

Хинта ощутил у себя в горле болезненный комок слез, нестерпимо смешивающийся с чувством тошноты. Долго он лежал так, а потом ему в голову пришла неясная мысль: вот что значит быть спасенным, тем, кто не умер там, где легко было умереть, тем, кто продолжается, кто еще может плакать, смеяться, говорить с друзьями. Кому очень повезло, что его друзья тоже живы. Кому не пришлось ради своего выживания делать какой-нибудь тяжелый, аморальный выбор. Это было так здорово – быть всем этим и просто быть. Маленькое сердце. Это было так здорово, что радость становилась такой же невыносимой, каким обычно бывает горе.

Мысль о том, что все они живы и выздоравливают, подействовала на Хинту, как наркотик-транквилизатор. Он расслабился и снова провалился в забытие.

Его разбудило чье-то прикосновение.

– Что? – с полубессознательным недовольством спросил Хинта.

– Капельница, – ответил незнакомый мужской голос. Хинта открыл глаза и увидел молодого медика. – Ты правша?

– Да.

– Тогда мне нужна твоя левая рука, – улыбнулся парень. Лоб у него был серьезно разбит.

Хинта послушно подал руку.

– Что с вами, пта?

– То же, что и со всеми вокруг. Неудачно упал после второго толчка. А потом куча вещей упала на меня. – Медик надел ему на руку длинную автоматическую манжету, мгновенно сомкнувшуюся вокруг запястья. По ней побежали ряды голубых и зеленых огоньков, раздался тихий мелодичный сигнал, и Хинта ощутил, как в вену входят разделители

– манжета пропускала его кровь через себя, очищая ее от ядов. – Не больно?

– Все в порядке, – прошептал Хинта. Медик закрепил у изголовья каталки бочковидный прибор, протянул от него две трубки, черную и голубую, и соединил их с манжетой. По полупрозрачному пластику побежали новые волны разноцветных огней, трубки беззвучно наполнились темной кровью. Медик тем временем остановился у постели Тави.

– Привет. Правша?

– Амбидекстр. С легким уклоном в левшу.

– Как все сложно, – восхитился медик. Тави получил манжет на правую руку. Когда медик подошел к робокаталке Ивары, тот уже протягивал ему правую руку.

– Здравствуйте, пта. И вы левша?

– Нет, скорее амбидекстр, – потрескавшимся голосом возразил учитель. – Я как он. А на этой руке просто здоровее кожа.

– Он ваш сын?

Тави и Хинта замерли.

– Нет. Просто совпадение. К тому же, Вам стоит знать, что эта особенность не передается по наследству.

Слова Ивары прозвучали как отповедь, и медик смутился.

– Простите.

– Ничего страшного. Делайте свое дело.

Больше они не разговаривали. Хинта с удивлением осознал, что все это время не замечал очередного общего свойства Ивары и Тави. Теперь оно открылось; их сверхъестественное сходство превращалось в закон.

Медик еще склонялся над каталкой Ивары, когда в коридор вошла мать Тави. Хинта увидел ее первым. Эрника Руварта была будто специально создана как полная противоположность его собственной матери.

Она была высокой, яркой женщиной с пышной грудью и широкими бедрами. Ее талия являла собой успешный компромисс между грацией и силой. Она шла ровной, целеустремленной походкой: щеки покраснелись, губы ярко горели, светлые волосы хитроумно уложены и завиты колечками. Ее полускафандр по меркам Шарту был очень дорогим – золото и серебро на обтягивающем комбинезоне из красной кожи. Свой великолепный шлем она несла под рукой. В полупустом, разгромленном больничном коридоре она вся сверкала, как пошлый, неприлич-

но огромный полудрагоценный камень. И было в ней что-то такое – будто она знала, что сверкает. Даже Хинта видел, какой особенно-роскошной женщиной она стремится быть. Он не мог этого не замечать, хотя у него не было никакого взрослого опыта.

Тави еще не видел ее, но все понял по выражению лица Хинты. Он приподнял голову над подушкой, осторожно посмотрел в тот конец коридора, откуда появилась Эрника, и его собственное лицо тоже начало скисать. Приближаясь к их каталкам, она ускорила шаги, почти побежала, а потом резко остановилась. Ее взгляд на мгновение замер на лице Хинты.

– Здравствуйте, Эрника.

Она сразу перевела взгляд на другую каталку.

– Здравствуй, – как бы машинально ответила она, смотря на сына.

– Тави... Тави?

Тави искоса глянул на мать.

– Тави, – делая к нему шаг, повторила Эрника. Ее губы задрожали.

– Рад, что ты цела, мама.

Медик закончил подключать капельницу Ивары и теперь в нерешительности смотрел на Эрнику. Он явно хотел попросить ее уйти, но в то же время ценил ее право на двухминутный разговор с сыном.

– Тебе, должно быть, очень больно.

– Уже нет. Только тошнит.

Эрника присела бедром на высокий борт его каталки. Она явно хотела что-то сделать, обнять его, притиснуть к себе, но взгляд Тави ее останавливал.

– Все эти часы, пока тебя не могли найти, я ела себя изнутри. Я так боялась, что потеряю тебя! Ты самое дорогое, что у меня есть. Мы ужасно прожили последние три месяца. Что с нами произошло? Почему я не могу поцеловать тебя, как раньше? – Она-таки поставила свой шлем на край каталки. – Давай вернем все, как было. Я хочу, чтобы мы снова жили душа в душу и чувствовали себя семьей, а не двумя чужими людьми. Потому что мир – жестокое место, и я поняла за эти часы, что может наступить такой момент, когда будет слишком поздно что-то исправлять.

У нее по щеке потекла слеза. Она вытерла ее двумя пальцами.

– Это не с нами произошло, – сказал Тави, – а с тобой.

Медик сделал шаг в направлении Эрники.

– Да, да, – встрепелась она, – я знаю. Я неправильно тогда поступила. Я больше не буду.

– Не веди себя так, словно ты моя маленькая дочь, а я твой строгий отец. Взрослые люди не поступают просто плохо. Они ведут себя очень сложно... Чего именно ты не собираешься больше делать? Не будешь думать того, что думала две недели назад? Ну, попробуй. Хотя я не верю, что такое возможно.

– Кричать на тебя, ломать твои вещи. Этого я точно делать не буду.

– Ты уже все сломала, мама. А что не сломала ты, сломал я.

Медик, наконец, решился вмешаться.

– Простите, пта. Я не знаю, как Вы сюда прошли. Но давайте Вы вернетесь назад, в холл, к другим родственникам. Вы в скафандре, а здесь не ходят в скафандрах. И Вы явно расстраиваете мальчика. А единственное, что ему сейчас действительно нужно – это процедуры и долгий сон.

– Процедуры? – обернулась к нему Эрника. – Почему мой сын, у которого почти не осталось здоровой кожи, лежит в коридоре на задрипанной робокаталке? И почему он с больной головой лежит там, где шумно? Я прекрасно слышу отсюда холл. Вы и в холле будете бросать умирающих детей?

У Хинты появилось чувство нереальности происходящего, как если бы Эрника несла с собой дурные сны и заполняла ими пространство вокруг себя; все снова сделалось зыбким, вязким, нехорошим, как в те минуты, когда они теряли сознание на развалинах школы.

– Будем ли мы класть больных в холле? Если не останется другого выбора, то будем. За первые пять часов сюда поступило сто пятьдесят человек. Эта больница не может принимать тридцать лежачих в час. Она на это не рассчитана. И если бы у нас оказалось на две сотни пострадавших больше, то мы бы заняли ими и холл. И они бы лежали не только на робокаталках.

– Мой сын не будет лежать в коридоре, – звенящим, как струна, голосом заявила Эрника, – и мне все равно, что вам придется для этого сделать.

– Мама, успокойся, – взмолился Тави.

– Если Вы хотите устроить скандал, то делайте это не сегодня, а в какой-нибудь более тихий день, и не здесь, а у главного врача или в...

Очередная робокаталка въехала в коридор и направилась в их сторону. Умная машина затормозила прежде, чем смогла бы ударить своим изголовьем в поясницу Эрники, и издала недовольный аудиосигнал «уступите дорогу».

– Проходной двор, – вспыхнула та.

– Он здесь из-за Вас. Пожалуйста, отступите в сторону, иначе пациент не проедет по адресу.

Эрника с холодным видом отступила. Ее слезы уже высохли. Медик тоже отошел, и робокаталка с беззвучной автоматической благодарностью уехала туда, куда собиралась. Свист открывающихся дверей раздавался все чаще, люди шумели все больше. Кажется, кто-то уже кричал – свирепо спорили десятки голосов.

– Сюда именно затем и не пускают родственников, чтобы они не мешали, пока поток больных не спадет. Ждите, когда будут назначены часы приема, и Вы сможете пообщаться с сыном в спокойной обстановке.

– Вы понимаете, что такое ждать, не зная, в каком состоянии находится твой ребенок, который мог погибнуть?

– Примерно да. И я еще раз прошу Вас уйти.

– Вы знаете, кто я?

– Какое это имеет значение?

– Такое, что Ваш статус не позволяет Вам мне указывать. А вот мой статус позволяет мне Вам указывать. Я представитель правления поселка и младший бизнес-партнер Листы Джифоя. Если точнее, я его агроном. Шарту нет без фрата. А фрат не будет расти без меня. Поэтому выполните мое распоряжение: положите моего сына в палату и предоставьте ему наилучший уход.

Теперь уже не только Тави, но и Хинта смотрел на нее со страхом и непониманием. Он не мог понять, как ей удастся в одно мгновение превратиться из страдающей матери в тирана. Он был слишком слаб, чтобы вынести этот диссонанс, и его сознание на несколько мгновений предательски отключилось, оставив его наедине с воспоминаниями прошлого. Он вспомнил, как впервые был в гостях у Тави. Тогда его поразило, в какой большой комнате живет этот мальчик. И мать Тави тоже его поразила. Она была шумной, веселой, ласковой – как будто все время чуточку пьяной. Она приятно пахла. И она все время трогала вещи вокруг себя – ее руки почти никогда не оставались в покое, а если рядом с ней оказывался другой человек, особенно ребенок, который ей нравился, то она, сама того не замечая, клала ладонь ему на плечо, или запускала пальцы в его волосы. Она открыла Хинте дверь и зачем-то поцеловала его в щеку – чего не делала еще ни одна женщина, кроме его собственной матери. Хинте было девять лет, и он не знал, как реагировать на такие вещи. Он просто мгновенно утратил себя, зачарованный, растворенный во флюидах влияния и энергии, которые окружали Эрнику.

– Значит, ты и есть новый друг моего Тави?

– Да. – Хинта испытывал неловкость, потому что сам еще не был уверен, что Тави – его друг. Эрника, будто успокаивая его, положила руку ему на плечо.

– Я рассчитываю на тебя. Ты первый друг Тави здесь. – «Здесь» от нее звучало как-то особенно, словно она ни на мгновение не забывала, что, кроме «здесь», есть и «там».

– А где Тави? – растерянно спросил Хинта.

– Он готовит тебе сюрприз, – улыбнулась Эрника, – но чур я тебе этого не говорила. Снимай скафандр сюда. Кто твои родители?

Этот вопрос, заданный без перехода, был таким же неожиданным, как и все в ней. Хинта назвал имена, но она хотела знать больше. И ему пришлось рассказать, что его отец – почти чернорабочий. И тогда ее глаза на мгновение посмотрели на него без всякого выражения, или так ему показалось, ведь в коридоре царила полутьма, а он был занят тем, что стаскивал с себя свой сложный дешевый скафандр. Теперь он думал, что тогда впервые увидел другую ее сторону – ту, что со временем стала проявляться все чаще. Но тогда, да и потом, Хинта не замечал этой стороны. Он не мог сосредоточить на ней свое внимание, годами не помнил этого пустого незаинтересованного взгляда. Наверное, все дело было в том, что рядом с Эрникой было очень весело. Она успела три раза рассмешить Хинту, пока они шли из предбанника их квартиры к комнате Тави. Да и потом она не оставляла их с Тави в покое. Она приходила, приносила сладости, даже играла вместе с ними. Она была сильной, как мужчина. Хинта зачарованно смотрел, как она подхватывает Тави на руки и кружит его по комнате – а Тави в то время был уже довольно высоким. То, как Эрника играет с сыном, поразило Хинту. Каждый раз, глядя на нее, он понимал, что его собственная мать совсем не такая. Он начал испытывать тихую, болезненную зависть к Тави и к той жизни, которую видел, когда приходил к Тави. Со временем он даже по-своему полюбил мать Тави – как если бы та была второй, недостающей половинкой его собственной матери. Иногда ему казалось, что она тоже любит его, и уж как минимум ценит его в качестве единственного друга своего сына. Поэтому, когда Тави начал с ней ссориться, Хинта долго не мог его понять; из-за всего, что случилось, он не видел ее несколько месяцев, и ее образ в его воображении оставался призрачным и совершенным, словно лик какой-нибудь героини древности. А теперь она появилась здесь, и с каждым ее жестом, шагом, словом прежний тот образ разрушался. Хинта лежал, слушал этот ужасный взрослый разговор и задавался вопросом: «Неужели эта невыносимо властная часть ее натуры была в ней все-

гда? Неужели она была в ней даже тогда, когда в начале этого года она мило улыбалась и на кухне наливала нам с Тави сладкие напитки? И даже тогда, когда она впервые поцеловала меня в щеку?»

Лицо медика уже стало таким же холодным и злым, как лицо Эрники.

– Люди не могут прожить без медицины. А фрат не меньше зависит от работяг на полях, чем от Вас. Поэтому это бессмысленный разговор. И я еще раз прошу Вас уйти. Иначе мне придется позвать административную охрану, чтобы она Вас вывела.

Эрника презрительно улыбнулась.

– Очень безрассудно, молодой человек. Вы всерьез думаете, что охране хватит храбрости выволочь меня из здания?

– Да, – не моргнув глазом, сказал медик. Хинта испытал приступ уважения к этому человеку. Женщина продолжала неприятно улыбаться. Еще несколько мгновений она и медик сверлили друг друга взглядами.

– Мама, если ты сейчас не уйдешь, я возненавижу тебя, как не ненавидел никогда прежде, – тихо, но четко произнес Тави. Эрника перевела на сына мгновенно сделавшийся растерянным взгляд. А потом раздался крик, на этот раз совсем близко, и в коридор хлынули люди. Толпа валила, толкая впереди себя кучку из нескольких медсестер и административных охранников, которые тщетно пытались удержать ее напор.

– Она, это она! – завопила какая-то толстуха. – Почему ей можно к ее сыну, а мне к моему нельзя!?

– Видите, что Вы наделали? – сказал медик. – Устроили анархию, прикрываясь иллюзией власти.

Он повернулся и зашагал прочь. Одного из охранников сбили с ног; другие сдались и отступили, пропуская людей. Толпа потеряла свою ударную силу и рассыпалась на отдельные группы, которые торопились вперед, подгоняемые желанием скорее найти и увидеть родных.

Тави заплывшими глазами смотрел на мать.

– Я не лягу в отдельную палату, потому что здесь со мной мои друзья. Мы вместе спасли свои жизни. И я хочу оставаться с ними.

Наверное, впервые за все время Эрника посмотрела на Ивару. Мужчина лежал на спине с закрытыми глазами и молчал, словно был способен оставаться совершенно безучастным к скандальной сцене.

– Он спит?

– Нет, потому что ты не даешь нам спать.

– Раз ты так этого хочешь, я уйду. Но сначала... – Она подошла к робокаталке, на которой лежал учитель. – Я не знаю, кто Вы, и слышите ли меня, но хотела бы выразить Вам благодарность за то, что Вы спасли моего сына и его друга.

– Должен признаться, Ваш сын довольно точно описал ситуацию, – хриплым шепотом ответил Ивара. – Мы спасли свои жизни вместе. Среди нас нет того, кто мог бы гордо сказать, что это он один спас всех остальных. Что до меня, я сделал даже меньше, чем мальчики.

– Ты подхватил меня, когда я падал, – напомнил Тави.

– Вы с Хинтой тоже подхватили меня, когда я падал. Так что мы квиты.

Эрника отстранилась и на мгновение застыла – вероятно, не могла понять, как истолковать тон учителя и их с Тави «ты».

– Значит, Вы не герой.

– Времена героев, к сожалению, прошли. Я, в меру своих возможностей, обычный человек.

– Я Вас не очень утомляю? Могу я поближе с Вами познакомиться? А то, как видите, мой сын не хочет со мной говорить.

– Не вижу, – потрескавшимся голосом пошутил Ивара, – у меня закрыты глаза. Но слышу. Извольте, я Ивара Румпа, учитель. А вы Эрника Руварта – можете не представляться. Будем знакомы.

– Очень приятно, – сдержанно сказала Эрника. – Если мне все правильно сказали, то Вас, моего сына и Хинту обнаружили вместе в обрушившемся крыле школы. Притом, что больше никто из учеников не пострадал.

– Не в обрушившемся крыле, а скорее на нем. Мы смогли выбраться на верхнюю часть отвалившегося блока, но у нас уже не было сил, чтобы самим попробовать спуститься вниз. А остальные ученики ушли намного раньше.

В этот момент Хинта увидел в дальнем конце коридора свою мать. Пока ее не было, он почти совершенно о ней не думал. Но сейчас, когда она пришла, он испытал искренний прилив радости – по крайней мере, она была жива. Растрепанная и ужасно бледная, она прихрамывала, но все же упрямо спешила вперед, придерживая рукой на бедре разболтавшийся баллон кислородной маски. Хинта видел, что мать его не замечает и останавливается у двери каждой палаты, вглядываясь в лица больных. Он поднял руку – но это было уже не нужно, потому что Лика увидела и со спины узнала Эрнику. Она ненадолго замерла, будто пытаясь понять, стоит ли иметь с той дело, но желание найти Хинту оказалось в

ней сильнее сомнений, и Лика, подволакивая пострадавшую ногу, поспешила вперед.

– Хинта, – воскликнула она.

– Привет, – ответил Хинта. К его смущению и неловкости, мать перегнулась через борт робокаталки, обняла его за плечи и притиснула к себе.

– Мне немного больно, – сказал Хинта. Она отпустила его. Освободившись, Хинта заметил, что Эрника смотрит на них. В ее лице что-то изменилось – возможно, оттого, что Хинта позволял своей матери делать с ним то, чего Тави уже не позволял своей. «Но откуда ей знать, – подумал Хинта, – что моя мать обнимает меня не чаще двух раз в год? У нас в семье все эмоции кажутся такими неяркими. Зато, если они вообще появляются, то я точно знаю, что они – не ложь».

– Здравствуйте, – произнесла Эрника. – Вижу, и Вы подросли.

– Здравствуйте. Куда уж мне за Вами. – Лика снова перевела взгляд на сына. – Ты не надыхался?

– Нет, ничего непоправимого.

Эрника снова повернулась к Иваре.

– Могу я узнать, чем Вы занимались в школе?

– Я там преподаю.

– Но у моего сына нет учителя по имени Ивара Румпа.

Хинта поймал взгляд Тави и понял, что они оба сейчас думают об одном и том же: время некоторых маленьких секретов закончилось.

– С начала этого учебного года я преподаю три предмета: онтогеотику, историю и мифологию.

– Ах, так, значит, Тави ходит к вам на мифологию.

– Нет. Тави и Хинта ходят ко мне на все три предмета.

Услышав это, Лика удивленно обернулась.

– Все три? – Эрника воззрилась на сына. – Тави, ты бросил что-то из своих прежних предметов?

– Разве это твое дело?

– Но ты мог сказать мне... поговорить со мной...

– Ты прекрасно знаешь, что не мог.

– Ты делаешь это, чтобы отомстить мне?

В глазах Тави блеснули слезы.

– Да, конечно. Других целей не ставлю.

– Я... я не хотела тебя опять обидеть. Я просто уже ничего не понимаю. Почему ты плачешь, когда к тебе приходит твоя мать? Что происходит в твоей жизни?

– Жизнь. В моей жизни происходит жизнь, но без тебя. Что мне сделать, чтобы ты ушла?

Сквозь маску матери Хинта разглядел, что на ее лице отражается некая эмоция – темное торжество человека, который неожиданно узнает, что был прав в своих наихудших предположениях относительно чужой натуры. Это наблюдение его очень удивило: во-первых, он крайне редко видел свою мать злорадной, а во-вторых, ему казалось, что между его родителями и матерью Тави существует подобие призрачного партнерства – они всегда держали связь и были друг с другом вежливы. Эрника тоже каким-то образом уловила эту эмоцию, и затравленно и зло обернулась на Лику, хотя та молчала и стояла к ней спиной. Тави комкал пальцами простыню, оставляя на ней маслянисто-красные следы.

– Что мне сделать, чтобы ты ушла? – громко, как мог, повторил он.

– Я делала для тебя все, – сказала Эрника, – и по-прежнему готова сделать все. Не забывай об этом. А с Вами, учитель, мы закончим позже. У меня еще много вопросов.

С прямой спиной, так же ровно и целеустремленно, как пришла, она пошла назад, в направлении больничного холла. Тави обессилено откинулся на подушку. Его лицо выглядело совершенно измученным.

Лица проводила Эрнику долгим взглядом.

– Как отец, и в каком состоянии дом? – спросил ее Хинта.

– Как только мы выяснили, что ты здесь, Атипа пошел проверять теплицы. Я послала ему весточку, что родственники прорвались – он должен прийти с минуты на минуту. Дом не разгерметизировался, но на боку. Бардак там страшный. Я с трудом вылезла на улицу. Обратно уже не ходила – видеть все это не хочу.

Хинта прикрыл глаза, пытаясь представить, как ее швыряло об стены.

– Могу я задать вопрос вам всем?

– Да, – удивленно открывая глаза, ответил Хинта. Но мать смотрела не на него, а на Тави и Ивару.

– Да, да, – подтвердили оба.

– Что происходит? Вы двое... вы же не общались целый месяц. А теперь вы опять вместе, оказывается, у вас все предметы общие, и Тави в ссоре со своей мамой. – Лица выглядела смущенной, но явно была настроена решительно. Хинта опешил; он вообще не думал, что мать замечает интенсивность его контактов с Тави. – Да, да, я знаю, вам всем плохо. Поэтому простите меня. Но я должна знать, как нам с Атипой поступать вот в таких случаях, как сейчас. Раньше я первым делом звонила Эрнике, потому что вы двое всегда были вместе, а она всегда знала, где

вы. Сегодня я тоже связалась с ней, но она не знала, где вы, да и не особо хотела со мной говорить. Она даже не могла или не хотела мне с уверенностью сказать, что ты, Тави, пошел в школу. А, по-моему, это неправильно, когда родители совсем не знают, где их дети. – Она бездумно мяла гибкий корпус маски в своих руках. – То есть, вы вырастаете – это понятно. Но все же вы еще не настолько взрослые.

– Я не знал, что это так важно для Вас, – тихо сказал Тави. – Если хотите, звоните прямо мне. Хотя сегодня это не помогло бы.

– Спасибо. Но у меня нет твоего номера.

– Я продиктую.

Лика стала искать, куда может записать номер, но Хинта ее остановил.

– Мам, ты ведь будешь забирать из школьной раздевалки мой скафандр. Спиши все контакты из его коммуникатора.

– Там не будет моего номера, – сказал Ивара, – а он Вам тоже нужен. Беда в том, что я сейчас не могу его вспомнить. Я передам свои контакты через мальчиков позже, когда нас выпишут.

– Конечно, – согласилась Лика. Некоторое время она стояла задумчиво, потом снова сконцентрировала внимание на сыне. – Что ты оставил?

У Хинты ушло некоторое время, чтобы понять, о чем она говорит.

– Роботехнику, конечно.

– Хорошо. А то все остальное... – Она поджала губы. Хинта испытывал смутное, похожее на стыд чувство, словно он был в чем-то виноват, и ему следовало начинать оправдываться. Это было странно, потому что до сих пор родители никогда не говорили ему, что как-то особо гордятся его достижениями, или что он должен кем-то стать. Он просто жил, учился, развивался.

– Я... – Он мог бы сейчас повторить для матери все, о чем они говорили с Тави до ссоры – что он ничего не достиг в скульптинге, и что химифизика взаимозаменяема с онтогеотикой – однако у него не было сил. – Я найду хорошую работу в Шарту, – просто сказал он.

– Я знаю. – Лика тронула его за плечо. – Ты рукастый парень. – А потом ее взгляд ушел от него и выражение лица изменилось. Хинта косил глаза и обнаружил, что в дальнем конце коридора появился отец. Атипа шел ненадежной одеревенелой походкой, глупо отмахивая руками и то и дело припадая к стене, чтобы не упасть. Какие-то люди, столпившиеся у входа в дальнюю палату, проводили его возмущенными взглядами.

– Предатель, – пропадающим голосом произнесла Лика.

По лицу Атипы блуждала водянистая лыба, сквозь которую было видно щербатый зуб.

– Он пострадал? – все еще не понимая, спросил Хинта.

Лика продолжала смотреть на мужа.

– Позорище, – процедила она. Это слово в ее лексиконе ассоциировалось у Хинты только с одной вещью – и он подумал: «Не может быть. Как это возможно сейчас?» Тем не менее, Лика оказалась права – Атипа был пьян.

– Нашла ео? – издалека спросил тот.

Лика шагнула ему навстречу и закатила пощечину. Сил у нее в руке было мало, но Атипа так плохо держался на ногах, что от слабого удара жены его повело в сторону, и он был вынужден ухватиться за выступающую стенную переборку.

– Не лаская, – продолжая глупо улыбаться, сказал он, – но я се рано тя люблю.

После некоторой борьбы за равновесие ему удалось вернуть себе вертикальное положение. Он оттолкнулся от перегородки и, простирая объятия, размашисто пошел к жене.

– О ты молодец у меня, – на ходу выдал он. Лика увернулась от него, и Атипа по инерции дошел прямо до каталки Хинты, где с непослушной силой уперся руками в борт.

– Хинхан, – сказал он. – Хинханище. А без волос.

Его дыхание наполнилось дремотным запахом тягучего кувака.

– Как я те рад, – обращаясь к оцепеневшему сыну, продолжал Атипа. – Живой ты.

На мгновение его лицо сделалось грустным, но он тут же снова залыбился. Хинта вспомнил, что уже видел отца таким – это было только раз, бесконечно давно, когда с Ликой случилась беда. Тогда Риройф отхлестал Атипу по щекам и на ночь забрал Хинту к себе. Позже мальчик забыл об этом – наверное, потому, что хотел забыть.

– А тепличкам нашим кля пришла. – Атипа захихикал. – Стекло в крош. Вся зелень того.

– Многие что-то потеряли сегодня, – прошипела Лика, – но только ты, когда нужен больше всего, нажираешься в соплю, слабак.

Атипа, смешно расставляя руки, обернулся а ней.

– Ан неть. Куврай на площади разесло ну аще. И все пили. Се пили. А че товар пропадать, а? Думаешь, я один такой?

Лика залепила ему новую пощечину.

– Худшие пили, и ты с ними.

– Гордость мою не топчи, – потребовал Атипа. Лика посмотрела на него так, что сгорел бы боевой бур Притака. Он странно покачал головой, и вдруг вся эта придурочная радость, которая, как последний стержень, держала его на ногах, ушла из него, и он рухнул на колени между женой и лежащим на каталке сыном.

– Он ведь умрет, ты знаешь? – дурным голосом произнес он.

– Я не умру, – ошалело возразил Хинта. Лика молчала.

– А не ты, – прорыдал Атипа. – Ашайта, Ашайта умрет. И мы все теряем. И ничео не получается из всео, шо я делаю.

– С Ашайтой что-то случилось? – испугался Хинта.

– Нет, – сказала Лика. – Во время землетрясения он упал с койки, но даже не ушибся. Ничего не изменилось с тех пор, как он в коме.

– Умрет, – содрогаясь, твердил Атипа. Лика схватила мужа за руку. К ней на помощь подроспела какая-то сиделка из персонала больницы. Женщины ничего не сказали друг другу, лишь обменялись понимающими взглядами. Со второй попытки им удалось поставить мужчину на ноги, и они повели, точнее, потащили его на выход.

Так закончился день катастрофы.

В середине следующего дня Хинта очнулся от того, что ему мазали все тело. Было чуть-чуть больно, но приятно. Чьи-то руки нежно скользили по животу, груди, бокам. Мазь была прохладной, руки – теплыми. Хинта приоткрыл глаза и увидел девушку лет двадцати. Та улыбнулась ему и продолжила свою работу. Кожа у нее была суховатой и слегка стянутой, волосы собраны в тугой пучок, отчего ее лицо казалось очень маленьким.

– Ты не просыпался в барокамере? – спросила она.

– А я там был?

Девушка рассмеялась.

– Да, соня.

Хинта огорчился, ведь это было интересно: увидеть барокамеру изнутри. И еще он ощутил малознакомое чувство взрослой неловкости. Эта девушка-медик как будто подкалывала его. А он лежал перед ней совершенно голый, с начинающими заживать уродливыми пузырями и язвами химических ожогов на всем теле, и не знал, что ей ответить, и не понимал, почему она подкалывает его, если хорошо к нему относится.

– Поможем твоим волосам быстрее вернуться в норму. – Она начала мазать ему голову. Ее руки двигались с профессиональной ловкостью:

одна ладонь все время чуть накрывала другую, и получалось как живая массирующая волна. Отдельным движением она провела линии там, где должны были быть брови. – Если уже хочешь есть, могу сделать для тебя заказ у робокоридорного.

Хинта сглотнул, оценил жуткий вкус где-то глубоко в горле и уверенно сказал «нет». Больше они не говорили. Девушка помогла ему снова надеть больничную пижаму. При этом он обнаружил, что ему уже хватает сил, чтобы сесть на постели. А потом робокаталка повезла его прочь, и он смотрел, как над головой проплывают ряды ламп, хаотические узоры расколотой потолочной плитки – мир вверх ногами.

К удивлению Хинты, его каталка не остановилась в коридоре, а заехала в одну из палат – видимо, в больнице успели перераспределить пострадавших и найти для всех новые места. Он забеспокоился, что его разлучили с друзьями, но, приподняв голову, увидел обоих. Тави распластался на постели. Над ним возвышались капельницы. Ивара сидел и с мучительным упрямством пытался есть. Ему прислуживал робокоридорный – белая пластиковая башня с автоматом для напитков в груди и с множеством рук-подносов, рук-вешалок, рук-уток, рук-держалок и прочих конечностей.

И был в палате четвертый больной. Он лежал навзничь – руки вдоль тела, бледное лицо, обострившиеся черты; его дыхание было таким медленным и тихим, что он казался скорее мертвым, чем спящим. Приглушенный свет солнца проникал сквозь дымчатое стекло окна и косым ромбом падал на его неподвижное тело. Только зеленые бионические голограммы, мерцающие в воздухе над изголовьем, выдавали, что он все еще жив.

Это был Ашайта.

Воздух у Хинты в груди внезапно закончился, и он ощутил некую мучительную перегрузку – слезы, но без слез. Вчера, увидев мать, он испытал неожиданную радость. Сегодня, увидев брата, он испытал не радость, а боль – и эта боль была для него куда более неожиданной, чем вчерашняя радость. До него дошло, что мысль о младшем мучила его даже во сне; слова отца о неизбежной смерти Ашайты все еще звучали у него в ушах.

Робокаталка Хинты проехала через всю палату и припарковалась параллельно пустующей койке. Затем его легко и плавно подняло в воздух – и вот он уже лежит на койке, а каталка стоит рядом, шевеля белы-

ми пластинами погрузчиков и мигая зелеными огнями. Где-то четверть минуты она думала, потом загрузила новое задание, окончательно отпустила матрас Хинты, разгладила его уголки и беззвучно укатила прочь.

– Джаванна, – прерывая свой мучительный завтрак, сказал Ивара. – Те, кто пережил ночь, открывают глаза, чтобы снова увидеть свет солнца.

Хинта ощутил, как его плечи покрываются мурашками.

– Джаванна, – отозвался он. Потом он закрыл глаза и несколько секунд лежал, ощущая себя оглушенным. В литской ойкумене было три формы утреннего приветствия, при этом все они использовались достаточно редко и несли в себе особый смысл. Словом «турна» родители будили маленьких детей. «Маанна» – говорили друг другу влюбленные. За свою сознательную жизнь Хинта лишь несколько раз слышал, как мать и отец обращались друг к другу подобным образом. Как правило, это слово произносилось между взрослыми в постели, в особом настроении, и вообще не предназначалось для чужих ушей. Среди подростков ходило устойчивое словосочетание: «услышать не турна», – под этим обычно подразумевалось, что человек впервые уснул и проснулся рядом со своей парой, тем самым став взрослым. А сегодня Хинта услышал «джаванна» – устаревшее приветствие воинов и странников, которым будили друг друга герои в военных лагерях. Причем Ивара сказал не только само слово, но и его старинную ритуальную расшифровку. И она идеально соответствовала их положению сейчас: ведь они действительно могли умереть вчера, и тогда это солнце уже не светило бы им.

– Ну что, чувствуешь себя взрослее?

– Да. Не ожидал, что это будет со мной вот так, и настолько рано. Я думал, в Шарту есть только один способ услышать «джаванна» – стать одним из тех, кто рискнул провести ночевку у границы пустошей.

Ивара улыбнулся и перевел взгляд на окно.

– Всегда есть больше чем один способ.

– А тебе уже говорили «джаванна»?

– Тави, пару часов назад. А задолго до него – мои друзья, которых больше нет.

Улыбка Ивары поблекла, он вернулся к еде. Некоторое время Хинта наблюдал, как он медленно загружает в себя маленькие ложки жидкой каши, затем перевел взгляд на Тави. Тот все это время молчал, дыша тяжело, но ровно. Его глаза были закрыты.

– Джаванна, Тави, – негромко окликнул Хинта.

– Джаванна. Мне совсем плохо. Но вы говорите. Я все слушаю, только отвечать не буду...

– У него было осложнение на сердце, – объяснил Ивара, – из-за этого его снова рвет.

Только теперь Хинта заметил, что под пижамой Тави моргает светлыми полосками жилетка кардиомонитора – однажды он видел такую штуку на своей матери.

– Это опасно? – встревожился он.

– Мне сказали, что с такой тяжестью отравления, как у нас – когда не повреждены легкие – в этой больнице еще никто не умирал.

Хинта вспомнил свои чувства вчера – тогда ему было обидно, что ему как будто хуже всех, что он дольше пропадает в бессознательном состоянии. Теперь, всматриваясь в огонек на груди Тави, он устыдился. Учитель, между тем, доедал свою кашу. Он ненадолго застывал всякий раз, когда его ложка снова оказывалась полна, затем набирался храбрости и, зажмурившись, отправлял ее в рот. Это выглядело бы комично, если бы на лице Ивары не отражалось такого искреннего страдания.

– Зачем ты пытаешься есть? – спросил Хинта.

– Не хочу, чтобы борьба прекращалась. А это единственное, что я могу сейчас сделать вопреки...

– ...болезни?

– Вообще вопреки. Вопреки всему. Вопреки судьбе и ее обстоятельствам. И да, вопреки болезни – потому что болезнь сейчас главное наше обстоятельство.

– Ты и вчера говорил о судьбе. У тебя к ней какое-то особое отношение?

– А у тебя?

Хинта прищурился.

– Никакого. Но похоже, она является чем-то слегка загадочным. Она вроде бы есть у всех. Но обычные люди о своей судьбе не говорят, потому что она кажется обычной и предсказуемой. Это слово чаще слышишь в героических ламах... Тави выразил бы лучше.

– Ты совсем неплохо это выразил. – Ивара сумел осилить еще ложку, тяжело вздохнул и мягко оттолкнул от себя поднос. Робокоридорный понял жест и с удовлетворенным мелодичным звуком поехал прочь. – А почему ты решил, что я отношусь к судьбе как-то иначе?

– Ты говоришь о судьбе как о вещи, или даже как о другом человеке. Как будто с ней можно что-то сделать. Как будто она – не ты. И как будто она враждебна.

– Все дело в ковчеге. Еще в Дадра я прочитал текст, где говорилось, что судьба тех, кто начнет искать ковчег, будет разорвана двумя силами. Одной будет воля ковчега, который хочет, чтобы его находили люди од-

ного склада. А другой будет воля мира, который отправляет к ковчегу людей другого склада. И каким бы человеком ни был ищущий, он почувствует эти воли в своей жизни. Одна будет помогать ему, другая – мешать. Тогда я просто перелистнул страницу и даже не подумал принять эти слова всерьез. Но потом, когда каждый второй мой знакомый обратился против меня, когда моя жизнь сделалась очень тяжелой, когда погибли мои друзья, когда я раз за разом, год за годом оставался ни с чем, или даже хуже – я стал вспоминать эти слова. Всегда и всему можно найти альтернативное объяснение. Но о судьбе я тоже думаю. И часто, все чаще, судьба кажется мне чем-то реальным, да, как ты и сказал, вещью или человеком, но скорее сплетением волей, с которым приходится то сотрудничать, то сражаться. И когда это возможно, я сражаюсь.

– А как с ней можно сотрудничать, если она делает тебе только плохое?

– Разве?

– Ну, из всего, что я знаю о твоей жизни, видно только плохое.

Ивара улыбнулся и покачал головой, а потом почему-то перевел взгляд на Ашайту.

– Подсказок всегда было ровно столько же, сколько и загадок. И людей, которые помогали, столько же, сколько и тех, кто пытался помешать. И хотя цена оказалась страшной, но, в конце концов, я здесь. А последний подарок положительная воля судьбы принесла мне вчера.

– Разве вчера случилось что-то хорошее? Ну, кроме нашего разговора?

– А разве наш разговор не был чем-то достаточно значимым? Судьба, как обычно, сделала амбивалентный жест. Шарту в руинах, пострадало множество людей, мы сами чуть не умерли, и сейчас мы тяжело больны и почти бессильны – это все очень плохо. Но твое видение, которое пришло к тебе, когда впал в кому твой брат – это ключик, которого не было ни у меня, ни у моих друзей, ни у кого-либо до нас. А если бы мы не застряли вместе на развалинах школы, то, возможно, никогда не стали бы ближе друг к другу, и ты никогда не рассказал бы мне о своем видении.

– Мои воспоминания о финале вчерашнего разговора сейчас как в тумане. Я даже не помню точно... – теперь Хинта тоже смотрел на Ашайту. Край солнечного пятна успел проделать по одеялу брата путь длиной в ладонь. –...что ты мне тогда ответил.

– Я ответил, что если твой брат очнется, то нам нужно будет его расспросить.

– Это ты постарался, чтобы его перевели в нашу палату?

Учитель уставился на него.

– Каким образом?

Хинта смутился.

– Не знаю. Но это кажется удобным.

– Ты мог просто и сразу уточнить, как мы попали в одну палату. Это решение больничных управленцев. У них слишком много пострадавших – целые семьи. Поэтому они сводят друзей и родственников вместе, чтобы те не ходили друг к другу из палаты в палату, и чтобы визиты навещающих проходили быстрее. Может быть, это тоже знак судьбы, что мы все вместе здесь, в одной комнате. Но это точно не жест моей сознательной воли и не фокус, который я каким-то образом провернул.

– Прости.

– Не за что прощать. Просто ты сказал странную вещь. Пожалуйста, Хинта, ни на минуту не забывай, что я обычный человек. У меня нет ни особой власти, ни сверхъестественной силы убеждения, ни огромных денег, ни каких-нибудь невероятных навыков. А те связи, которые у меня могли бы быть – к примеру, связь с моим братом – пугают меня больше, чем бессилие. Поэтому мне остаются только здравый ум, упрямство, слабости, память и мечты.

Хинта вдруг понял, что учитель на самом деле смущен намного сильнее, чем он сам. Ивара стеснялся и боялся всего, что рассказал им с Тави вчера, стеснялся и боялся быть тем, кто он есть. Он слишком привык к тому, что люди думают о нем безумные и глупые вещи, переживал за успех своей миссии, страдал от одиночества, посреди которого даже общение с парой подростков могло показаться глотком свежего воздуха.

– Я понимаю, кто ты, – дрогнувшим голосом сказал Хинта. – Просто ты первый взрослый после Фирхайфа, с которым мы с Тави смогли подружиться. А когда имеешь дело со взрослыми, бывает очень сложно понять, что они могут, а чего нет. Мать Тави вчера требовала, чтобы нас перевели в отдельную палату. Вот я и подумал...

В начале его реплики Ивара немного напрягся, но потом расслабился и даже снова начал улыбаться.

– Ну, тогда знай, что пока я не вышел из роли обычного школьного учителя, ее способность влиять на ход событий в Шарту намного больше, чем у меня.

– К сожалению, – прошептал со своей койки Тави. На этом их беседа заглохла, и палату надолго заполнила шуршащая больничная тишина. Тави страдал; Ивара слишком устал говорить; а Хинта думал о людях – о том, какие они, как сплетаются их жизни, о значении судьбы, о власти, о взрослых и детях, о жизни и смерти, о «джаванна» и «маанна».

Так получилось, что за прошедшие сутки он получил столько же опыта, сколько раньше накапливал за полгода, и теперь все эти знания, все это понимание ложились на его разум тяжелым грузом. Ему нужно было переварить, осмыслить слишком много вещей; и он болезненно дремал, перемешивая рассуждения и грезы. А потом из всех бесчисленных оборванных начал в голове у Хинты вдруг сложилось одно настоящее основание.

– Вчера я уже это знал, – пробормотал он.

– Знал что? – поинтересовался Ивара.

– Что все связано. А теперь я знаю, как именно. Все дело в этих волях, которые борются за твою и нашу судьбу. Если поставить их в центр картины, то они придадут смысл множеству вещей вокруг себя. Без них даже вопросы задавать невозможно. А когда они в центре, я понимаю, какие вопросы нужно задать.

– И каковы твои вопросы?

– Их четыре. И они разные. В смысле, совсем разные. Одни кажутся частными, другие – слишком общими. Но все они имеют смысл только тогда, когда две воли и судьба дают объяснение вещам.

– Спроси уже.

– Если все связано, и если существует положительная воля, которая тянет людей к ковчегу, перенаправляет их судьбы так, чтобы те свернули к нему, то у этого ведь должно было остаться больше свидетельств в истории, чем те, о которых ты успел рассказать нам вчера. То есть, должны быть хоть какие-то свидетельства, пускай даже на уровне одних намеков, чтобы убедить тебя, что это больше, чем сказка. Так?

– Их и есть больше. Давай второй вопрос.

– Почему Ашайта?

– Личный вопрос, но хороший. Третий.

– Какая из двух сил, из двух волей – ковчег или мир – играет в твою пользу, а какая против тебя?

– Со вчерашнего дня у меня есть уверенность на этот счет. Но сначала я бы предпочел услышать последний вопрос.

– Кто может знать про события шестилетней давности в Шарту, и что? Ведь здесь, как и с глобальной историей – если нет случайностей, то обязательно должны были остаться свидетели и свидетельства. Хотя бы для того, чтобы помочь тебе. И это единственный вопрос, на который у меня может быть больше ответов, чем у тебя – просто потому, что я знаю людей этого поселка.

– Ты о ком-то конкретном? – Слова Хинты зарядили Тави такой энергией, что он даже нашел в себе силы чуть приподнять голову над подушкой.

– Всему свое время, – поднимая руку, осадил его Ивара. – Первым делом я бы ответил на третий вопрос. Потом – на первый. И лишь в последнюю очередь на второй и четвертый.

Мальчики умолкли, ожидая, что он скажет дальше, но учитель задумался и не спешил продолжать, а потому снова заговорил Тави.

– Третий вопрос, это ведь про ковчег и мир?

– Да.

– Тогда я бы спросил, что вообще такое эта воля, которая за мир? Так ли она безлична, как может показаться? Я в это не верю. Как не верю и в то, что безлична воля ковчега. Ведь если он – невероятная машина, созданная такими существами, как Аджелика Рахна, то он и сам должен быть разумен, а его возможности для нас должны быть подобны магии. Он как новая стихия в мире. И то, что случилось с Ашайтой, тому доказательство.

К концу этого маленького монолога голос Тави затих и почти исчез. Ивара встревоженно посмотрел на него.

– Тебе лучше отдыхать.

– Лучше, – чуть слышно согласился Тави. Хинта понял, что ему неудобно так с ними общаться, и сел на койке, чтобы лучше их видеть.

– Но если говорить о том, что ты сказал, то да, обе эти воли могут быть вовсе не безличны. Но они так велики, и при этом их мощь действует на нашу судьбу так рассеянно и опосредованно, что я предпочитаю не думать об их конкретике. Я думаю о конкретных людях, когда знаю о них. О тех, кто учился со мной в Дадра, я знаю, и почти всегда могу точно сказать, что каждый из них сделал или чего не сделал, чтобы помешать или помочь мне и моим друзьям. Воли этих людей я воспринимаю как нечто конкретное, связанное с их непосредственным существованием в мире, с их высказываниями и поступками, с тем, какой жизненный мир они построили вокруг себя и как вмешивались в жизни других. А теперь к ответу на третий вопрос Хинты, который на самом деле должен был стоять первым. Надо понимать, что тот старинный текст – откуда я вычитал о двух волях, разрывающих судьбу ищущего – тот текст был написан человеком, таким же, как мы. А люди нередко ошибаются, но еще чаще ухватывают только половину правды и упускают другую половину.

Хинта слушал, не понимая, к чему взрослый клонит, но ход мыслей учителя уже восхищал его – Ивара был единственным знакомым ему че-

ловеком, который мог в нескольких фразах создать целый мир истин, а потом, всего час спустя, поставить весь этот мир под сомнение.

– На самом деле, обе эти воли ужасны. И если они начнут бороться за то, чтобы какой-то человек нашел ковчег, то они скорее разрушат его жизнь, убьют всех, кого он знал, и погубят его самого, нежели помогут ему исполнить его задачу.

– Почему?

– Потому что они слишком большие? – предположил Тави. – Как волна, накрывшая прежний Шарту.

– Именно. Они слишком большие. И ты привел прекрасную метафору. Представь, что огромный океан в грозовой дали лежит и мечтает о том, чтобы погладить тебя по щеке. Но он не может протянуть руку, потому что у него нет рук – есть лишь все его огромное, аморфное тело, и когда он протягивается к тебе, он протягивается весь, сотнями тысяч тонн воды, приходит в виде волны, которая поднимается выше высочайших скал, разрушает твой городок, убивает твою семью и целиком уносит в себя твой дом. А ты остаешься на берегу, изможденный борьбой, и тебе и в голову не придет, что это была такая нелепая попытка проявить ласку, и что все случившееся было ради одного прикосновения.

– Значит, мой вопрос не имеет смысла? – обескураженно спросил Хинта.

– Почему же, имеет. Но это простой вопрос, на который приходится давать очень сложный ответ. Много лет подряд, пока я сам не осознавал природы и мощи этих стихий, я хотел верить, что это ковчег хочет, чтобы я нашел его, и что это мир работает против. А вчера, когда впервые за годы ковчег активно проявил себя, я испытал не счастье, но ужас. Я, конечно, могу быть неправ, но сейчас мне кажется, что я понимаю, что произошло за последние дни. Я думаю, первопричиной всех разрушений было то, что некая сила из-под земли – возможно, сам ковчег – захотела найти в Шарту кого-то, кто сможет получить и передать другим важное послание. И она нашла Ашайту. Когда она передавала ему информацию, ей потребовалось создать такую энергетическую бурю, что литская ойкумена лишилась электричества, а сам Ашайта почти погиб. В итоге, остаточным видением ударило его брата – тебя, Хинта. Но одного отключения электричества оказалось мало – за ним последовало землетрясение. Оно случилось не потому, что ковчег хотел нас уничтожить, а потому, что, когда говорит стихия, стонут горы и содрогается земля.

Хинта только сейчас понял, что слушает с приоткрытым ртом.

– Но этого же не может быть! Чтобы землетрясение было ради нашего разговора, ради этого видения с вратами в моей голове! Весь Шар-ту целиком все еще может погибнуть из-за какой-нибудь техногенной катастрофы, которая, в свою очередь, будет последствием землетрясения. Мы все могли умереть, и еще можем. И все ради того, чтобы я на мгновение увидел золотые врата?

– А почему бы и нет? – спросил Тави.

– Потому что я не центр вселенной и даже близко к нему не стою, – возмущенно ответил Хинта, – и Ивара все время повторяет, что он обычный человек. И ты – просто мой друг. Я не верю, что найдется тот, кто ради одной мысли, переданной нам, будет сотрясать горы, рушить дома... Это безумие. Это лишено смысла.

– Может быть, – мягко согласился Ивара. – Может быть, я высказал эту идею потому, что мне свойственна какая-то странная, редкостная, самоуничижительная форма мании величия. И поэтому иногда я думаю, что ради разговора со мной все же могут дрогнуть горы. Мне уже много лет разные люди в разных обстоятельствах говорят об этом – о моей мании величия. Так что я не знаю, прав ли я, и не буду спорить об этом.

– У тебя нет мании величия, – сказал Тави. – А эта идея – вполне допустимое объяснение того, что случилось за последние дни. Кроме того, если ты прав, то оно даже не понимает, что из-за него дрожит земля. Оно такое большое, что не чувствует землетрясений и цунами. Но оно каким-то образом чувствует самих людей и тянется к ним.

Хинта молчал, на его лице отражалось страдание. Это был ужас, невероятный и непостижимый. Но он не верил в этот ужас, и не хотел, чтобы в него верили его друзья.

– Не переживай, – сказал Ивара. – Что бы мы ни думали, вещи просто происходят. Мы просто живем, и если мы ищем, то просто получаем по кусочкам то, о чем мечтали, и нам просто трудно, и просто все время какие-то неприятности на пути.

– Ты пять раз сказал слово «просто» за полминуты, – подсчитал Хинта.

– Да, потому что хотел сказать. Это только гипотеза. Но знаешь, так устроена любая наука. Когда она не уверена, она строит гипотезы и выбирает из них ту, которая лучше объясняет явление. Гипотеза о воле ковчега и его сверхъестественной способности вмешиваться в нашу жизнь – объясняет, что происходит. Без твоего видения отключение электричества, землетрясение и даже кома Ашайты могут быть восприняты лишь как естественные катастрофы разного масштаба, не обязательно связан-

ные между собой. Но что, если они связаны? Мы, люди, тоже часть мира. Почему же мы отказываемся верить в связь, стоит нам увидеть, что мы сами входим в нее? Ты сам это сказал, сам додумался, что без воли, которые стоят в центре картины, мы не можем даже задать толковых вопросов. И вот ты задал вопросы. А я пытаюсь дать на них ответ.

– А воля мира?

– Думаю, она играет против меня. У нее совсем другой почерк, он может показаться более тонким. Но на самом деле ее деяния столь же разрушительны и ужасны. Она не устраивает землетрясений – скорее, она устраивает саботаж, революции и войны, потому что ее главная возможность – это возможность контролировать человеческое сообщество. Она искажает истину, накрывает умы забвением, отравляет души, выхолощивает культуры. Она, как огромный склизкий червь, ползет сквозь всю историю. И если верить в нее, то увидишь, что она всегда все портила – к примеру, стоило появиться Экватору, как вспыхнула война. Эта сила столь же избирательна, как и сила ковчега. Чтобы остановить небольшую группу людей, она сводит с ума целые поколения, губит целые народы. Но все это так, только если верить в нее. А если в нее не верить, то просто придется признать, что случайно начинаются эпохи, когда все идет под откос, и что в человеческих сердцах слишком много глупости и зла.

Хинта устало засопел.

– Мне чего-то не хватает, чтобы поверить во все это. Я вроде вижу эти вещи, вроде понимаю, как ты видишь их. Но чего-то не достает.

– У меня самого нет уверенности. Эти вещи так устроены, что в них нельзя быть уверенным. Но я будто чувствую, как это все работает вокруг меня. Пока я был далеко отсюда, не было ни весточки от ковчега. И вот я приехал, и оно расслышало мой шепот. А пока я был там, я встречал только мир, видел, как он опустошает, выстуживает, препятствует. Я встречал профессоров-энтузиастов, в головах которых словно срабатывал переключатель, когда я пытался говорить с ними о спасении Земли. Их взгляд мерк, интерес увядал. Они старались от меня отделаться, разбегались, прятались, делали вид, что меня нет. Я не знаю, как передать этот опыт, как пересказать...

– Но я чувствую то же самое, – прошептал Тави. – В моей маме, в других людях, даже в тебе, Хинта – прости, что так говорю. Может, ты и не понимаешь потому, что оно отчасти в тебе.

– Оно и в тебе, – сказал Ивара, – и во мне. С ним приходится бороться внутри. Это давление, эта сила – гасит мысль, заставляет жизнь тускнеть. Мы все знаем это дыхание ничто внутри себя. В том старинном

тексте эта вещь называлась волей мира, потому что она такая всеобъемлющая, что кажется по размерам равной миру. И теперь я окончательно понимаю, что это правда. Волю ковчега, в ее активной форме, встречаешь лишь, когда пройдешь к нему долгий путь. А воля мира есть с самого первого шага. Это и свело с ума моего друга Веву.

– Как же тогда воля ковчега, или то, что мы ею называем, могла оставлять подсказки в человеческой культуре и истории? – спросил Хинта.

– Здесь начинается территория твоего первого вопроса, хотя он должен бы стоять на втором месте. И вот, наконец, мы до него дошли. – Ивара подвернул подушку себе под спину, приподнялся повыше. – Когда-то давно я начал свои исследования с очень простой посылки: я предположил, что свидетельств о существовании Аджелика Рахна и ковчега может быть намного больше, чем считается, но эти свидетельства никто не замечает, потому что их сложно связать с механическим народцем и с тем, что они могли создать.

– Почему сложно?

– Потому что историки пытаются сделать свою науку строгой. Они зачастую не желают признавать, что где-то что-то имело место, если эта вещь не упоминается прямо хотя бы в одном источнике из тех, которым они изначально доверяют. А я не ограничивал себя почти никакими методическими правилами и искал любые случайные свидетельства, которые могли указывать на существование ковчега.

– И конечно, нашел? – догадался Тави.

– Я обнаружил феномен «фавана таграса».

– Что это? – спросил Хинта.

– В Притаке тоже были историки. К сожалению, гуманитарные науки у этого народа никогда не были в почете, скорее даже наоборот – гуманитариев там откровенно втоптывали в грязь. Притак сделал все, чтобы его историки не могли работать, и на корню уничтожил ту уникальную историческую школу, которая могла бы в нем сформироваться. В результате, мы сейчас знаем всего пару притакских историков – главным образом, по перепечаткам их трудов в Лимпе. Один из них, Тинанда Вага, жил в последнюю из эпох Притака и застал все процессы упадка, деморализации и распада собственной страны. Фактически, он застал ее конец. А потому его труды часто называют эпитафией Притака. Поскольку никаких коллег у господина Ваги не было, он один занимался всем, до чего мог дотянуться. И именно он придумал и ввел термин «фавана таграса».

– Значит, мне не слышалось, – кивнул Хинта. – Это на притакском?

– Буквально этот термин означает «молчание вернувшихся». Его можно отнести ко всем случаям, когда отдельные люди или целые отряды пропадали во льдах, оставались там на протяжении времени столь долгого, что должны были бы погибнуть, а потом возвращались назад, но наотрез отказывались объяснять, где были, что с ними произошло и как они выжили.

– Тайрик Ладиджи, – громким, срывающимся шепотом сказал Тави.

– Да, великий герой и обладатель Вечного Компаса. Он, пожалуй, был одним из самых известных фавана таграса. И как мы помним, на все вопросы он отвечал лишь одно: «меня вел мой компас».

– После чего его компас стал символом надежды, – сказал Хинта.

Ивара кивнул.

– Но Тайрик Ладиджи был далеко не единственным. Тинанда Вага раскопал и описал четыреста девяносто семь случаев фавана таграса. Он смог доказать, что существовало почти полтысячи людей, которые исчезали во льдах – некоторые из них месяцами – но затем возвращались, целые и невредимые, а вернувшись, окружали историю своего спасения загадочным молчанием.

– И ты думаешь...

– Что некоторых или даже многих из них уберегли Аджелика Рахна. Первые четыре случая «фавана таграса», о которых смог разузнать Тинанда Вага, приходится на время постройки Экватора и связаны с исчезновением топологов, синоптиков и инженеров, которым приходилось работать, поднимаясь на поверхность ледника – в других обстоятельствах люди тогда туда не ходили. Еще примерно четыре сотни исчезновений пришлось на время войны. И еще около девяноста – на время после войны.

– Но ведь можно найти и другие объяснения? – спросил Хинта. – Тем более для первых четырех. Ведь Аджелика Рахна, если верить этой сказке, появились как раз после завершения строительства Экватора.

– Мне нравится, что ты так часто ставишь под сомнения мои слова, – улыбнулся Ивара. – Это помогает быть ближе к истине. Всегда можно найти другие объяснения. Но мое объяснение кажется мне наиболее правдоподобным, и я сейчас поясню, почему. Тинанда Вага никогда не интересовался механическим народцем и ковчегом. Все свое внимание он сосредоточил на военных преступлениях своей страны. Фавана тагра-

са были для него так важны потому, что более половины из них в Притаке казнили.

– Как? – опешил Тави.

– Обычно, через раздавливание буром, – мрачно ответил учитель. – Это была стандартная казнь для изменников. Параноики в командовании армии требовали от выживших, чтобы те объяснили, как спаслись, и когда они отказывались говорить, их клали под бур. И тогда я подумал: что могло заставить две сотни человек, переживших кошмар ледяной пустыни, молчать во время страшного притакского допроса с пристрастием? Либо все эти люди действительно были изменниками, либо они не могли говорить по какой-то другой, еще более веской причине. И я стал копать в архивах. В результате я нашел еще около семи сотен случаев, не описанных у Тинанды Ваги. Мне было проще, чем ему, потому что мне помогали наши роскошные университетские базы данных. Тем не менее, я уверен, что нашел далеко не все случаи. Я думаю, за время после постройки Экватора и до исчезновения льдов было от пяти до десяти тысяч случаев «фавана таграсса». И это число стоит умножить еще на три, чтобы учесть всех тех, кто пропадал не слишком долго, кого не искали и не считали пропавшим, а также тех, кто искусно лгал и сумел безупречно замаскировать причины своего выживания. – Ивара устало вздохнул, его слабый от болезни голос приобрел вчерашние хриплые нотки. – А кроме этих людей, были еще те, кто просто исчез. Например, сам Тинанда Вага, что весьма характерно, исчез в возрасте семидесяти двух лет, во время восстания пролетариев в пригороде Бахейна и затопления самого Бахейна водами тающих льдов. Конечно, старик мог просто погибнуть, но я не очень в это верю, учитывая, что до этого он умудрялся выживать, расспрашивать людей и даже вести раскопки в самых разных, весьма недружелюбных уголках своей агонизирующей родины.

– Думаете, он нашел их? Аджелика Рахна? – спросил Тави.

– Не знаю. Я же сказал: он никогда ими не интересовался. Может быть, они нашли его. Или он нашел не их, а последнего из живых фавана таграса – и тот рассказал ему правду об истории своего выживания.

– И это все свидетельства? – спросил Хинта.

– Это их малая толика. Но я просто не могу так много говорить. А вам двоим вредно узнавать все сразу. Надеюсь, я и так сказал достаточно, чтобы ответить на твой вопрос. Весточки от ковчега действительно разбросаны по всей истории – это молчаливые свидетельства и белые пятна. Но этих белых пятен так много, что вместе они призрачно сияют, как ночная дорога, залитая бледным светом разбитой луны.

Они замолчали на долгий час. Теперь Хинта думал про Вечный Компас и Тайрика Ладиджи. Он ощущал здесь какой-то подвох, какой-то тайный смысл. Тайрик был фавана таграса. Ивара считал, что фавана таграса могли встречать Аджелика Рахна. То есть, Тайрик мог встречать Аджелика Рахна. При этом Тайрик говорил, что выжил, так как его вел компас. Если в словах героя была хоть крупица правды, то получалось, что его компас мог быть каким-то образом связан с механическим народцем.

«Возможно, – размышлял Хинта, – компас указывал одной из стрелок на какое-то место, где механический народец имел привычку выходить из-под земли? А возможно, Аджелика Рахна каким-то образом подключались к компасу? Так или иначе, Ивара раздобыл себе вторую реплику. А ведь это, должно быть, ужасно сложно. Наверняка он потратил силы и деньги на эту вещь не из прихоти, а потому, что рассчитывал, что даже вторая реплика может быть полезна для его поисков. И вот он привез компас в Шарту, а потом отдал его Тави, чтобы Тави отдал его Дване, а Двана запечатал компас в дарохранительнице мемориала своих родителей».

Добравшись мыслью до этой точки, Хинта ощутил, что почти сходит с ума. Да, он окончательно поверил, что компас настоящий, потому что теперь он знал, какая жизнь была у Ивары, и понимал, как тот мог завладеть им. Но он не понимал, как учитель мог отказаться от компаса – одной симпатии к Тави здесь явно было мало. Друзья Ивары пропали, а значит, компас нес в себе уже двойной смысл. Он был дважды талисманом, необходимым, чтобы их найти, он был дважды символом надежды.

Хинта физически ощущал, как невысказанный вопрос живет на кончике его языка, щекочет ему губы. Но потом ему пришло в голову, что если он заговорит о компасе, а родители Дваны никогда не вернутся назад, то он будет чувствовать себя так, словно это он убил их. И он нашел в себе силы промолчать. О компасе нельзя было говорить ни с кем, кроме Тави и Дваны. И даже Ивара, хотя он был изначальным владельцем компаса, не должен был подробно знать, что произошло с его вещью потом. А значит, он не должен был знать, что Хинта знает про его компас.

Долгую паузу нарушил Тави.

– Кажется, мне лучше.

– Ура? – неуверенно откликнулся Хинта.

– Не настолько лучше, но тошнота прошла, и дышать легче. – Тави пошевелил рукой; пластиковые трубки капельницы, ведущие к его запястью, натянулись.

– Позвать врача? – предложил Ивара.

– Нет, ведь будет обход, и он сам придет.

– Ну а тогда, – собравшись с силами, произнес Ивара, – я думаю, пришло время поговорить о двух оставшихся вопросах Хинты. С какого начнем?

– Ашайта, – после короткого колебания решил Хинта. – Почему мой брат? Почему так, а не иначе?

– Ответ, я думаю, некоторым образом на поверхности.

– Разве?

– Его болезнь, – сказал Тави. – Она отличает его от всех остальных людей, делает особенным. Так?

– И менее очевидная сторона этой монеты, – добавил Ивара, – его связь с тобой, Хинта. Он ведь не просто твой брат. Еще ты очень его любишь. А он очень любит тебя. И хотя кажется, что он совсем немного может сказать, и еще меньше понять из разговоров других людей, но сколько раз он угадывал твоё настроение?

– Вообще всегда. – Уже признав правоту учителя, Хинта удивился. – Как ты догадался?

– Я увидел это в нашу первую встречу. Когда Тави говорил со мной в ламрайме, я смотрел на вас двоих. Ты увидел нас с Тави рядом и изменился в лице. А твой брат, хотя не видел ни нас, ни твоего лица, огорчился и притих в тот же самый момент. Это было так ярко, что я помню этот момент до сих пор. Мне рассказывали, что бывает такая близкая телепатия между очень родными людьми, но до того дня я в нее не верил. Возможно, опыт моей семьи мешал мне верить в такие вещи... Хинта, ты ведь большую часть времени сам этого не осознаешь, да?

Хинта посмотрел на брата, на его маленькое лицо – такое бледное в солнечном свете, такое мертвенно-застывшее.

– Да, я...

– А ведь это все на что-то похоже, верно? – сказал Тави. – Похоже на того первого Аджелика Рахна, который читал эмоции больного мальчика. Твой брат, Хинта, он сразу и как тот мальчик, и как тот механический человек. Он больной мальчик, но сам почти не может говорить, и вместо обычных форм общения словно напрямую читает эмоции других людей. Я тоже очень хорошо вспомнил сейчас тот день, но не ламрайм, а момент еще раньше, когда мы шли мимо придурков, играющих в футбэг, и Круна стал орать оскорбления. У Ашайты ведь глухой скафандр, да? Он, в отличие от нас, не слышал, что кричит Круна. Но он так расстроился, как будто до него дошло каждое слово. И наверное, таких моментов было еще много.

– Я даже не подумал об этом тогда.

– Вот мы вместе и нашли полный ответ, – подытожил Ивара. – Кто в Шарту, кроме Ашайты, мог бы услышать мысли ковчег?

– Другие больные дети? – предположил Хинта. – Ведь есть еще пара таких, как он, рожденных от отравленных матерей. Хотя, кажется, они совсем другого возраста.

– Интересная гипотеза. Надо проверить, попали ли они в больницу в тот же день и час. Но я бы совершенно не удивился, если бы Ашайта был уникальным. Все больные похожи, если противопоставлять их здоровым. Но между собой все они разные. А ваша связь объясняет, почему видение от Ашайты ушло только тебе, а не твоим родителям или вашему соседу, который тоже там был. Удовлетворен?

– Потрясен, – честно ответил Хинта. – Хотел бы я знать, как работает телепатия, если это она.

– Я не специалист в этой области, но на этот счет есть теории. Все они касаются искусственных мутаций и принудительной ассимиляции пакета генов келп-тла.

– Что это? – спросил Тави.

– Почти легенда, но не из тех, которые интересно рассказывать детям на ночь, а из тех, которые бродят в научной среде. Суть ее в том, что человечество в Золотой Век создало специальный набор искусственных вирусов, которыми заражали космонавтов. Эти вирусы поражали все клетки тела до единой и добавляли в них тот самый пакет генов келп-тла. Это делало людей более устойчивыми к радиации, к нарушению режима дня, к долгой жизни в условиях микрогравитации, а так же к целому ряду других проблем, с которыми сталкивались космонавты. Золотой Век кончился, но пакет генов уцелел и лежал в лабораториях. После катастрофы какие-то ученые специально устроили пандемию келп-тла. Вирус убил часть выживших, зато укрепил здоровье всех остальных. К сожалению, при этом генетический облик человечества необратимо изменился. В частности, как считают некоторые, именно из-за келп-тла погибли все последние чистокровные представители негроидной расы.

– И там был ген телепатии? – спросил Хинта.

– Ну, как видишь, мы не читаем мысли друг друга. Но есть мечтатели – я говорю это с уважением – есть мечтатели среди генетиков, которые верят в то, что модификаций келп-тла было значительно больше, чем те, о которых мы знаем, и что у людей Золотого Века был фактически готовый рецепт для создания сверхчеловечества. Они верят в это примерно так же, как я верю в Аджелика Рахна и в ковчег.

– Как же много ты знаешь, – прошептал Тави.

– Ты даже не представляешь, сколько я забыл, – весело отозвался Ивара. – Ну что, Хинта, теперь твоя очередь. Дай ответ на свой же четвертый вопрос. Удиви нас гипотезой о том, кто в Шарту может что-то знать об исчезновении моих друзей.

– Фирхайф, – сказал Хинта.

– Фирхайф, – повторил Ивара. – Ты говорил раньше, что это единственный взрослый, с которым вам с Тави удалось подружиться до меня.

– Ну, это не совсем справедливо, – возразил Тави. – Это Хинта знает его с детства, а я так... В основном я с ним встречаюсь, когда Хинта рядом. Он отличный старик и один из лучших людей, кого я знаю, но я бы не назвал его своим другом в том смысле, в каком дружим мы втроем.

– Ладно, – согласился Хинта, – буду говорить за себя. Для меня он друг. Он машинист тихоходного поезда. А это значит, что он и его помощники – единственные из жителей поселка, кто каждый день поднимается над Экватором. Над Экватором ведь ничего нет – он сверху ровный, как отличная дорога. Я бы удивился, если бы Фирхайф не заметил тогда лагерь, который стоял в нескольких километрах от него.

– Интересно, – сказал Ивара.

– А еще он помнит все и всех. Много общается с людьми. И он помнит времена, когда Шарту еще стоял у моря. Он утверждал, что помнит тамошние тропы. И с ним легко будет поговорить. Он любит, когда его спрашивают о былом. Единственное, что плохо – тебе придется много ему о себе рассказать, потому что он считает, что за истории платят историями.

– Справедливо. Но я почти уверен, что он останется доволен беседой со мной.

– Ты собираешься сказать ему всю правду? – удивился Тави.

Учитель мотнул головой.

– Нет. Хорошие люди сами ищут суть, а не вытягивают из собеседника крупницы разоблачающих фактов. Если Фирхайф хороший человек, он в самом моем вопросе найдет всю нужную информацию обо мне. Мне ведь в любом случае придется рассказать ему о лагере моих друзей и о том, как они исчезли. А то, что я их потерял – это и есть суть последних десяти лет моей жизни, и главное объяснение моей поездки в Шарту.

Тави кивнул. Ивара перевел взгляд на Хинту.

– Ну вот, мы дали четыре вполне достойных ответа на четыре твоих прекрасных вопроса.

– По большей части, да, но...

Хинта собирался вернуться к некоторым прежним темам, хотел попробовать выпытать у учителя сведения о других зацепках, которые воля ковчегу оставила в истории. Однако на середине фразы он осекся. Когда он начал произносить это свое «но», у Ивары сделался особенный взгляд – измученный, и в то же время насмешливый, недобрый; он словно говорил: «Тебя гонит вперед твой пытливый ум, и ты забываешься. Но ты не должен забываться. Потому что это путь, в конце которого зала из твоего видения, и в этой зале лежат трупы неслучайных десятков энтузиастов, многие из которых, наверное, еще детьми слышали про ковчег. И вот ты бежишь им вслед. Ты думаешь, что эта тема не сможет растратить твою душу, забрать твоё время, уничтожить твою жизнь. Но она сможет. Потому что ты ничем не лучше тех мертвецов. А я устал. И я заслуживаю, чтобы ты меня уважал, не как равного, а как старшего – даже когда мы на «ты», Хинта». Этот взгляд был как поток отравленной ледяной воды, и Хинта ощутил, как сама его распаленная душа остывает и съезживается под ним.

– Нет, – поспешно исправился он. – Просто «да», и никаких «но».

Ивара усмехнулся. Даже Тави, кажется, понял и оценил этот момент – как Хинта меняет свое решение под взглядом учителя – но ничего не сказал. А потом в палату вошел медик – тот самый, который вчера ругался с матерью Тави.

– Тошнит? – с порога спросил он.

– Нет, – сказал Тави, – мне лучше.

– Тогда твой друг поедет вперед, – объявил парень. Шрам у него на лбу быстро заживал.

– Я? – уточнил Хинта.

– Ты, кто же еще.

В палату потянулись робокаталки. Хинта ощутил, как под его матрас проскользнули тонкие руки-захваты, а потом его мягко подняли в воздух и переложили. Медик развернул к себе терминал каталки и набрал на нем адрес назначения.

– Кстати, мы ведь с тобой сегодня еще не здоровались.

– Я рад Вас снова видеть, пта. – Хинта еще говорил, а каталка под ним уже ожила и мягко понесла его прочь из палаты. Потянулись часы новых процедур.

Сначала Хинта попал в отделение лазерной пластики. Там были зеркала, и он увидел себя. На коже, везде, где ее обжег тендра-газ, по-

явился узор из округлых звездочек зажившей ткани. Эти звездочки выбрасывали друг к другу ложноножки и сцеплялись ими, образуя сеть уродливых рубцов. Между рубцами все еще было мокрое, убитое мясо, покрытое смесью из мазей. Цель лазерной пластики как раз и была в том, чтобы разгладить рубцы. Сорок минут Хинта лежал и наблюдал сквозь темные очки лазерное шоу, которое разворачивалось вдоль его собственного тела. Неосязаемые, тонкие, как волос, зеленые лучи бегали туда и сюда, сжигая черные струпы, правя, выравнивая то, что не могла исправить природа.

Следующие сорок минут длилась процедура по нанозаживлению – она восстанавливала кожу и от ран, оставленных тендра-газом, и от ранок, нанесенных лазерным скальпелем. Хинта лежал в шипящей пене и ощущал, как все его тело мучительно чешется. Выдержать это было почти невозможно. Он бы не устоял и почесался, но медики заблаговременно предусмотрели ремни для крепления рук пациентов. Нано было пыткой, и когда оно закончилось, Хинта ощущал себя, как после пытки. Но при этом он удивленно заметил, что часть его кожи начала выглядеть бледно-розовой и здоровой – как шрам, которому уже много лет.

После нано, лежа в теплой жировой ванне, Хинта ощутил блаженство. Ванна походила на спасательную капсулу: здесь тело тоже тонуло в какой-то полупрозрачной тягучей жиже. Медики сказали, что для максимизации эффекта мальчик должен эту жижу по себе размазывать. И Хинта послушно вертелся, массировал живот, грудь, голову, гладил самого себя, ощущая, как целебная слизь продавливается между пальцев.

Через сорок минут его переместили в отделение стволовой регенерации. Там он впервые не лежал, а сидел. Его голова была в захватах, а четыре крошечных роборуки с невероятной скоростью вбивали крошечные уколы ему под кожу. Особенно болезненной оказалась стволовая татуировка бровей. Это тоже было пыткой – но после нано Хинта уже не жаловался. Он думал о том, что в каждой из этих иголочек сидит зародыш его нового волоса.

Когда процедуры закончились, наступило время приемных часов. Пришли родители. Хинта тревожно наблюдал за отцом. Тот выглядел так, будто снова пил, но держался лучше, чем вчера. Все избегали по-настоящему больных тем, и разговор шел главным образом о хозяйстве, о том, что теплиц у них больше не будет – если только не случится чудо и им не выдадут кредит на приобретение нового купола. Все напряженно ждали, что придет мать Тави, но она не появилась, и Тави был почти счастлив. В самом конце Лика предприняла осторожную попытку пооб-

щаться с Иварой. Тот дружелюбно отвечал на ее вопросы, она кивала, но вид у нее был такой, словно она не верит ни одному его слову и все еще не знает, кто он.

Когда родители ушли, вернулся медик и сказал, что всем после таких происшествий положена консультация с психологом для ранней диагностики посттравматического стресса. После чего Ивара уехал, а Хинта использовал этот шанс, чтобы, наконец, поговорить с Тави о болезни учителя.

Поздно вечером, когда его друзья дремали, Хинта осторожно соскользнул с койки, постоял на дрожащих от слабости ногах, убедился в своих силах, дошел до постели брата и тихо лег рядом. Больничные койки были широкими, а тело Ашайты – таким маленьким, что для Хинты осталось много свободного места. Он боялся, что случайно выдернет один из проводков, которыми голова и руки младшего были подсоединены к медицинским приборам, но даже ничего не задел. Он лежал долго, потом решился прикоснуться к Ашайте. Кожа у того оказалось удивительно теплой – не горячей, как у больного, но и не просто теплой, как у здорового человека. Нет, в ней было другое, странное тепло. Оно согрело и высушило руку Хинты, как греет и сушит живой огонь – будто он постоял вблизи от одного из природных газовых факелов в погребальной пещере.

– Если ты читаешь мысли, – подумал для брата Хинта, – то ты знаешь, что я здесь. И неважно, что ты в коме.

Тот, конечно, не ответил; и Хинта позволил себе тихо поплакать, пуская слезы в подушку. Когда его глаза высохли, он встал и вернулся к себе в койку. Он наполовину верил, что Ашайта слышал его мысль, но при этом ему казалось, что ничего не будет. Однако одна странная вещь все же произошла. Уже засыпая, Хинта повернул голову, чтобы посмотреть на брата – и увидел, что тот тоже смотрит на него. Глаза Ашайты были широко раскрыты, и в них мерцал фиолетовый свет – совсем как в глазах мертвецов из видения. Хинте показалось, что он закричал от ужаса. Но потом он моргнул и обнаружил, что Ашайта лежит в той же позе, что и днем – он не поворачивал головы и, конечно, в его глазах не было жуткого света. А вот время суток изменилась, и за окном уже горели ночные прожектора. Глядя то на них, то на брата, Хинта решил, что вероятно, не заметил, как уснул, и потом не сумел отличить обрывок сна от реальности. Но эта мысль его не успокоила. Засыпая по-настоящему и уже замечая, как засыпает, он почувствовал себя напуганным – настолько, насколько не был напуган еще ни разу за всю свою жизнь.

Глава 8

ПЕРЕСТАНОВКА ВСЕХ ФИГУР

Утром нового дня Хинта впервые сам сходил в туалет их палаты. Там было зеркало, и мальчик на несколько мгновений замер, чтобы посмотреть на свое отражение. Макушка и дуги бровей приобрели сизый цвет – пушок новых волос с небывалой скоростью прорастал сквозь заживающуюся кожу.

Возвращаясь к постели, Хинта нашел в себе силы задержаться у окна и несколько минут рассматривал Шарту. Улицы сдвинулись, некоторые полностью исчезли. Вдали, на окраине, штабелями громоздились непоправимо испорченные остовы зданий. С погнутых модульных конструкций снимали обшивку, чтобы за ее счет удешевить постройку новых домов.

– С тех пор, как я здесь, твой родной поселок был вынужден дважды обновить свой облик, – сказал Ивара, наблюдая за Хинтой. – Сначала он стал похож на место, где скоро будет война. А теперь он похож на место, где она только что закончилась. Как тебе все эти перемены?

– Мои родители всегда боялись трудностей и бедности. Поэтому они никогда не одобряли перемены, опасные моменты и сломанные вещи.

– Но ты ведь не твоя семья? – спросил Тави.

– Мне тяжело смотреть на побитый Шарту. Я вижу не разрушенные дома, а месяцы труда, которые теперь в них придется вложить. Но так видит только одна половина моей души. А вторая – она не знает. Я смотрю на поселок и не чувствую ничего. Нет, конечно, я не рад, что там все так плохо. Но я и не расстроен. Как будто это меня уже не касается.

– А что ты думаешь об этих переменах? – обращаясь к Тави, поинтересовался Ивара. – Ты ведь прожил здесь половину жизни. Меньше, чем Хинта, но не так уж мало.

– И эта половина была куда более сознательной, чем первая, – слабо улыбнулся Тави. – Я думаю, что этот клочок земли никогда не был дружелюбен к своим обитателям. Можно считать от момента, когда ты приехал, а можно от цунами тридцатилетней давности – здесь всегда было легко потерять все свое имущество и даже погибнуть самому. Но еще полгода назад люди здесь как будто спали. Они все делали вид, что на них толстая броня. За прошедшее время они вспомнили, что брони нет. Это заставило их проснуться. А пробуждение разоблачило уродство

многих душ. Когда я смотрю в окно, я вижу разрушенный уют – и мне грустно. Когда я смотрю на людей, я вижу, что с них сорваны маски – и мне неприятно. Пожалуй, мое раздражение на жителей Шарту больше, чем мое сочувствие к ним. Я хотел относиться к ним лучше, но у меня не получается.

– А что ты думаешь? – вернул учителю Хинта.

– Что люди здесь слишком сильные и слишком упрямые.

– Слишком?

– Этот поселок тридцать лет назад полностью уничтожило цунами. Погибла электростанция, был поврежден каждый дом, склады размыло. Да, я изучил местную историю. Тогда в Шарту не осталось ничего ценного, за что можно было бы бороться. Собственно говоря, тогда не осталось самого Шарту. Но люди, погибая и мучаясь, отстроили его заново. Лишь малая часть общины прибегла к альтернативным возможностям и уехала в Литтапламп или на запад, в другие поселки.

– Они бы там были никем, – сказал Хинта.

– Они и здесь были почти никем. Ведь они потеряли почти все, что делало их кем-то. Ну а чтобы быть человеком, не нужно цепляться за место – можно быть им или стать им и в другом месте.

– Это как бессмертие, только не очень хорошее, да? – спросил Тави.

– Шарту должен был умереть, но воскресает? И жизнь продолжается, хотя за это уплачена непомерная цена?

– Именно. Поэтому я и считаю людей здесь слишком сильными и слишком упрямыми. Они не меняются, даже когда у их дома отваливается последняя стена. Это землетрясение не убило поселок. Если такие удары начнут повторяться каждый день, местным жителям все равно понадобится десять лет и три с половиной тысячи землетрясений, чтобы они сдались. Я думаю, что тот сон, которым Шарту спал, как и эта кипучая восстановительная деятельность, которую мы сейчас видим за окном – части одного цикла. Поселок борется за жизнь, но живет он, чтобы быть разрушенным снова и снова. И все это знают. Но никто не думает, что можно отсюда уйти или потребовать от жизни каких-то более радикальных перемен.

– Выходит, все мы глупцы в четвертом поколении? – спросил Хинта.

– Вы не глупцы. Вы именно и только то, что я сказал: люди слишком сильные и слишком упрямые. А каждое новое поколение, боровшееся и умиравшее на этой земле, становится якорем, который мешает следующим поколениям поступить иначе. Накапливается инерция решений.

– Ты обиделся? – спросил у Хинты Тави. – Мы не хотели...

– Нет, – сказал Хинта, – я больше не обижаюсь на правду. Я знаю всех этих людей. Я знаю самого себя и своих родителей. Мы будем ворчать, и ругаться, но отстроим здесь все заново. Потому что так уже было. И большинство из нас совсем не задумается над тем, что произошло. И я бы все же назвал нас глупцами. Я бы хотел, чтобы мы изменились, хоть пока и не знаю как. И если другие меняться не станут – а они, пожалуй, не станут – то я буду меняться сам и для себя.

Измощенный долгим пребыванием на ногах, он поплелся к своей койке. Прошло сорок восемь часов после землетрясения.

Потом мальчишки решились поесть. Каша, которую им привез робокоридорный, оказалась сладкой и полной вкусных жевательных шариков-комков. Когда завтрак был окончен, в палате стало тихо. Хинте нравилось ощущать, как приступы тошноты постепенно сменяются робким чувством сытости. После двух дней борьбы, болезни и вынужденной голодовки его организм воспринял пищу как наркотик, так что вскоре он осоловел и задремал. А примерно через полчаса его разбудил непривычный звук: кто-то заставил автоматику двери палаты пошуметь – вежливо давал понять, что хочет зайти.

– Это не врач, – сказал Тави. – Медики просто открывают и входят.

– Но сейчас не приемные часы, – отметил Хинта. Все трое переглянулись. Ивара принял решение за остальных.

– Открыто, – пригласил он. К удивлению и радости Хинты, в палату вошел Фирхайф.

– Живы, – тщетно стараясь пригасить эмоции, произнес он.

– И Вы целы! – воскликнул Хинта.

– Ох, Хинхан, знал бы ты, как я был близок к гибели! Хотя ты, судя по виду, был к ней еще на десять шагов ближе. Да и друг твой тоже.

– Здравствуйте, – сказал Тави. Ивара тактично молчал – ждал, когда его представят. Несколько мгновений они молча рассматривали друг друга. Фирхайф выглядел непривычно: на платформе и за штурвалом тихоходного он всегда носил толстый рабочий скафандр с шаровидным шлемом-куполom, сейчас же на нем была гражданская одежда, а через плечо перекинута большая герметичная сумка-контейнер.

– Как Вас пустили в такое время? – спросил Хинта.

– Это проклятое землетрясение изменило жизнь стольких людей, что теперь почти каждый занимается не своим делом. Меня вот попро-

сили перенести редкие скоропортящиеся лекарства со склада в больницу. – Фирхайф хлопнул по сумке.

– А тихходный больше не ходит? Монорельс, наверное...

– Порвался и упал. Но его восстановили уже через двенадцать часов: моя дорога – это артерия жизни. Баллоны с кислородом, стройматериалы для домов, скафандры, еда – все, что пропало, надо срочно завозить заново. И эти лекарства – они свежие, я их только что доставил. Сменщик ушел в новый рейс, а я сюда.

Старик устало скинул сумку с плеча. Хинта, наконец, вспомнил про учителя и про их вчерашний разговор. Он и представить себе не мог, что Фирхайф сам придет в больницу, да еще так скоро. Конечно, это могло быть совпадением, но он невольно подумал о работе воле – какая-то сила торопила их, толкала друг к другу, скрещивала нужные пути. Он был рад тому, как все устроилось, но в то же время ощущал растерянность – им с Иварой не осталось никакого дополнительного времени, за которое они могли бы лучше подготовиться к встрече с Фирхайфом, обсудить, как и о чем будут говорить. Тем не менее, Хинта решил, что пора представить их друг другу.

– Ивара тоже пострадал вместе с нами. Фирхайф, познакомься, это наш учитель, Ивара Румпа.

Взрослые обменялись формальными учтивыми кивками. В глазах старика мелькнуло узнавание:

– Не Вас ли я вез в Шарту месяца три назад?

– Хинта говорил, что Вы всех помните, – улыбнулся Ивара. – Теперь я получил доказательства.

Фирхайф бросил на Хинту наигранно подозрительный взгляд.

– Похоже, Вы со мной уже заочно познакомились. Устроил ты мне рекламу, а, Хинхан?

У Хинты был выбор – он мог отшутиться, или даже просто промолчать. Но ему вдруг стало стыдно, что он пытается строить какую-то стратегию в деле, которое, в данном случае, наверное, не требует ни лжи, ни хитрости.

– У Ивары случилась одна беда, – ляпнул он, – и мне кажется, ему очень нужно хоть что-то узнать о событиях давних дней. Я ему о Вас рассказал, потому что решил, что Вы сможете помочь. – Собственная прямота поразила и в то же время согрела его изнутри – может, это и было ужасно нетактично, но теперь он мог без тайной мысли смотреть в лицо каждому из своих взрослых друзей.

По виду Фирхайфа пока невозможно было определить, нравится ему Ивара или нет. И Хинта вдруг испугался, что ужасно ошибся. По-

жилой машинист вовсе не был мил со всеми – он просто обожал детей и ради этого терпел их родителей. Еще он любил сплетни, и оттого казалось, что многие люди ему интересны. Но на учителя он мог смотреть тем же взглядом, что и остальные жители Шарту – как на чужака. Теперь до Хинты дошло, что он сделал – если он не прав, и Фирхайф не захочет помогать Иваре, то это значит, что он, Хинта, своими словами повесил на этих людей тягостные узы бесперспективного сотрудничества.

Хинта переглянулся с Тави, и тот слегка качнул головой, словно восклицая безмолвно: «Ну и натворил ты дел!» При этом Хинта заметил, что Тави прячет улыбку. Мгновение он не мог понять, к чему эта улыбка относится, а потом до него дошло, что он сделал почти то самое, зачем Тави более месяца назад вышел на сцену гумпрайма. Он пошел напролом – пусть в малых делах, но он становился похож на своего друга: он уже был готов ломать социальные стратегии ради капли правды. Только сделал он это ужасно неуклюже и совсем не так, как Тави: тот подставлял лишь самого себя, а Хинта бесцеремонно распорядился делами Ивары.

Уже сгорая со стыда, он бросил взгляд в сторону учителя. Но тот смотрел в сторону и выглядел так, будто ему было еще более неловко.

– Хинта был прямолинеен и тороплив в своем желании сделать доброе дело. И да, его стараниями я немного с Вами познакомился. Теперь я очень жалею, что не сделал этого раньше. Мне стоило бы поболтать с Вами о самых разных вещах еще на поезде, по дороге в Шарту.

– Помню, Вы предпочли одиночество.

– Я знал, что переезжаю сюда жить, и мне казалось, что надо попрощаться с Литтапلامпом. Поэтому я и выбрал последнюю платформу – хотел смотреть на город так долго, как только смогу.

– Трудный, должно быть, был выбор.

– Нет. Я уже несколько лет знал, что другого пути у меня не будет, и свыкся с этой мыслью задолго до того, как упаковал чемоданы. Трудный выбор случился намного раньше. А переехать было легко.

Фирхайфа его ответ явно заинтриговал, однако свой следующий вопрос он задал о другом.

– Как вас всех угораздило так обгореть от тендра?

Тави с Хинтой наперебой рассказали ему историю своей борьбы за жизнь. В палате было несколько стульев, и Фирхайф присел на один из них. Неловкость, вызванная поспешностью Хинты, сошла на нет, разговор тек своим чередом.

– Я помню жужжание дрона, – закончил Хинта, – и немного помню, как лежал в спасательной капсуле. Но совсем не помню момент, когда нас снимали с руин.

– А я помню, – сказал Тави. – К нам залез человек, и все спрашивал: «жив?», «жив?», а я не мог ему ответить, даже глазом не мог моргнуть. Потом только ощутил, что меня плавно опускают вниз – думаю, они обвязали нас веревками, но точно не знаю, потому что почти ничего тогда не чувствовал и не воспринимал.

– Страшно слушать, когда кто-то рассказывает о том дне, – сказал Фирхайф. – Всего за одну минуту люди, занятые обычными делами, оказались в шаге от гибели, а некоторые и погибли. Вы молодцы, что держались друг за друга – иначе бы не уцелели. Дураки говорят, ради таких моментов стоит жить, дескать, это делает человека человеком, показывает характер, открывает, на что тот годен. Чушь! Когда такое происходит, мы так мало выбираем. Лишний осколок потолочной облицовки, упавший на голову, щепотка пыли, попавшая в глаза – и все пошло иначе. Храбрец, который до этого все делал правильно, спасал себя и других в беде, вдруг теряется и пугается, а потом корит себя за страх, и его жизнь идет под откос. И вот он уже не храбрец вовсе. Поэтому знайте, ребята – и Вы, Ивара, тоже – самое сложное будет через несколько дней, когда спасатели, медики и ваши собственные знакомые и родные разболтают всем вокруг, что произошло. Многим понравится, как вы спасали друг друга. Возможно, прибегут люди из новостей и из школы, захотят взять интервью, дать награду. А когда начнется вся эта абсурдная суeta, само событие станут забывать. И так легко будет поверить, что ты особенный, что ты из тех, кто с непробиваемой кожей и ледяной кровью идет сквозь огонь. Но таких людей нет – они встречаются разве что в ламах.

Кажется, еще никогда Хинта не слышал, чтобы старик говорил так долго и пламенно.

– Да, я знаю, – просто сказал Ивара. Его слова не звучали пустой отговоркой. Мужчины встретились глазами, и Фирхайф медленно кивнул.

– Хорошо. Надеюсь, что так. Просто до вас троих я переговорил со многими другими. И вся эта лишняя гордость в людях, которая выросла после землетрясения – точь-в-точь как после нападения омаров – меня пугает. Тогда это шло издалека, и люди больше боялись, больше скорбели о мертвых. А теперь чуть ли не каждый рассказывает, как его дом перевернулся вместе с ним, и как он ловко спас себя и остальных.

– А где Вы сами были во время толчков? – спросил Тави.

– В пути, где ж еще. Вел тихоходный над полями, в сторону Шарту. Вагоны были тяжелые: много металлических деталей, баки с жидкостью. С жидким грузом ведь сложнее всего, он подхватывает и усиливает инерцию движения; состав качнуло – жидкость в баках тоже. Так что я ехал очень медленно, боялся, что платформы в хвосте раскачает, и они начнут царапать рельс... А потом начало трясти. В самое первое мгновение я подумал, что это из-за меня – что я где-то напортачил, и серьезно. Но потом то, что я чувствовал и видел, стало таким страшным, что до меня дошло – это никак не может быть из-за меня. Весь монорельс, от Экватора до Шарту, шел волной. Будто длинный трос, который трясут за концы.

Ивара с интересом подался вперед.

– Я уже бывал на пути во время землетрясений, но такого, скажу вам, не видел никогда. Я пытался плавно затормозить, чтобы бочки не растрясло, но куда там – меня вместе с поездом подняло вверх. Все дыбилося и опадало, будто земля ожила. Меня не швыряло об стены, как тех, кто был у себя дома, но мотало так, что в глазах потемнело. Я понял, еще чуть-чуть, и перегрузки меня убьют, поэтому поступил против правил – отстегнулся и позволил себе упасть.

– И что? – испуганно спросил Хинта.

– Сбил шляпки с пары треупсов. А потом до конца землетрясения прыгал, лежа на фратовой подушке – она же как резина.

Мальчики невольно заулыбались.

– Монорельс порвало на моих глазах. Вообще он очень эластичный и рассчитан на растяжение во время сильнейших землетрясений. Но этого приключения он не вынес. Ближайший ко мне разрыв был прямо перед носом поезда – дуга упала метрах в десяти от меня.

Улыбки погасли.

– Страшно, – сказал Тави.

– Да, так и было. Ремни креплений порвало, почти весь груз слетел с платформ. Какие-то железки просто воткнулись в подушку фрата, а гладкие бочки падали и прыгали по полю во все стороны. Каждый бак массой в сто старых килограмм. Как будто великаны играли в футбэг. Я пытался от них уворачиваться. По правде, мне просто везло. Профскафандр здорово защищает, но когда надо быстро двигаться, уворачиваться, убежать – совершенно не годится. Полети в меня хоть один тяжелый груз, мне бы только и осталось, что умереть. Самые прыгучие бочки ускакали за сотню метров. Кег с куваком и газовые баллоны раскатились по трассе для фратоуборочных комбайнов, а она там довольно далеко от монорельса. – Фирхайф вздохнул. – Еще я боялся, что все это

вспыхнет. Но чудом, чудом там не лопнул ни один бак, жидкость из которого могла бы заставить фрат окисляться, тлеть и гореть. А у меня в составе ехали и перекись, и кислоты, и кислородные смеси. Все это при определенных условиях становится бомбой.

– Фирхайф, – сказал Ивара, – я Вам очень сочувствую и рад, что Вы уцелели. Но простите, у меня есть профессиональный вопрос: Вы случайно не заметили направление распространявшейся по монорельсу волны? Она шла от Шарту к Экватору, или наоборот? А, может, Вы, к примеру, были в самом центре, и волна шла от вас в стороны?

– Ну, не знаю. Как по моим ощущениям, так она со всех сторон шла ко мне. То есть, сначала все задрожало, а потом я увидел, как монорельс ближе к Шарту начинает извиваться. И то же самое я увидел в обзорных зеркалах у себя за спиной. И только потом повело и швырнуло тот участок, по которому я ехал. После этого я уже ничего не видел – боролся за жизнь. А у Вас какой-то особый интерес?

– Да. Я ученый, и цель моего визита сюда – исследовать южную сторону Экватора и все, что может иметь отношение к ее состоянию – в том числе и сейсмическую активность этого района.

– Наконец-то кого-то послали этим заниматься! – обрадовался Фирхайф. – Ведь сердце кровью обливается, когда видишь трещины в Великой Стене! А я-то гадал, зачем Вы сюда.

– Нет, – покачал головой Ивара. – Меня никто не посылал. К сожалению, все административные инстанции литской ойкумены по-прежнему нарочито равнодушны к состоянию Экватора.

– Так это личное предприятие?

– Да. Поэтому я и начал преподавать в школе. Никто не поддерживает, не санкционирует и не спонсирует мою деятельность здесь. Я совершенно один. Надеюсь, со временем я стану полноценным гражданином Шарту. Потому что мое дело может занять десятилетия.

Теперь, Хинта видел, Ивара зацепил Фирхайфа –этой спокойной самоотверженностью, с которой пришел издалека в их маленький поселок. Он переглянулся с Тави – оба понимали, что сейчас происходит, что у учителя получается: тот как-то незаметно исправлял то, что натворил Хинта.

– А Вы решительный человек. Мало кто смог бы пойти на такое.

– У меня был особый мотив. Если бы не он, я бы, наверное, сюда не приехал.

Фирхайф слегка склонил голову, как если бы не был уверен, можно ли расспрашивать нового знакомого о природе этого мотива. Но тот, развеивая его сомнения, сам продолжил. У Хинты возникло чувство, что

учитель специально чуть-чуть медлит, как будто ему нужен особый ритуал внутри разговора, чтобы подступить к этой теме.

– Когда-то я был не один. Под моим руководством работала группа из нескольких энтузиастов – мои друзья... Шесть лет назад они предприняли экспедицию сюда. Их лагерь был на гребне Экватора.

Теперь уже Фирхайф подался вперед.

– Было бы куда удобнее работать на поверхности земли, но нам не дали разрешения на деятельность за границами Литтаплампа. Они отправились без меня. Я был в то время в городе – тщетно пытался достать денег на наши проекты. А они работали здесь, с недостаточным снаряжением, зачастую игнорируя технику безопасности...

– И что-то случилось.

– Да. Было несильное землетрясение. Я думаю, их завалило в скальной каверне или у входа в какое-нибудь древнее техническое сооружение – такие иногда встречаются вдоль Экватора. На следующий день их лагерь разграбили – по официальной версии, бродяги, живущие у стены Экватора. Но, случайно или нет, эти нищие люди в своей жадности уничтожили последние следы, по которым я мог бы... Я собрал спасательную экспедицию, и мы работали две недели. Ни людей, ни тел... Они просто исчезли. И уже на пятый день бездарных поисков я знал, что однажды мне придется сюда переехать, чтобы закончить дело и, возможно, найти их.

– Так это и был Ваш вопрос? То, о чем говорил Хинхан? Вы хотели узнать, что я помню?

Ивара коротко кивнул; но Хинта вдруг понял, что учитель очень взволнован. Для него это был не просто ребус, это была его жизнь, запутавшаяся, истерзанная, разрушенная, его боль, ключи от врат склепа его друзей. Он не играл, как мог бы играть в эту игру Хинта, но рисовал ее карту, как бритвой, по собственной коже.

Фирхайф открыл рот, чтобы сказать что-то еще – вероятно, что-то предельно важное. Однако в этот момент двери палаты открылись, и в них без всякого вежливого предупреждения вошла мать Тави. Это произошло настолько неожиданно, что даже на лице Тави не отразилось ничего, кроме удивления – он просто не успел возродить в себе тех раздражения и неприязни, которые она в последнее время вызывала в нем.

– Что ты здесь делаешь? – прямо и ошеломленно спросил он.

– Зашла, – будто бы удивляясь его вопросу, ответила Эрника.

– Сейчас не часы посещения! – взвился Тави. – Уходи!

– Но я смотрю, у вас тут уже есть гость. Кстати, здравствуйте.

– Здравствуйте, – ответил Фирхайф, метнув в сторону Тави несколько неодобрительный взгляд: должно быть, ему казалось, что тот слишком грубо отсылает прочь свою мать – а предыстории этого дела Фирхайф, разумеется, не знал. На щеках Эрники горел легкий румянец – возможно, стыд за сына, а возможно, признак ее здоровья и бодрости духа.

– Ты не можешь меня выгнать, потому что я пришла не к тебе. Я пришла к Иваре Румпе, твоему учителю. Вы ведь не против, чтобы я была здесь, Ивара?

Учитель ответил не сразу. Когда он заговорил, его речь звучала как-то замедленно, и Хинта на мгновение подумал, что мужчина сдерживает ярость, но потом до него дошло, что дело в другом – скорее, Ивара с трудом возвращался из воспоминаний о прошлом.

– Я не буду перечить Вам, – ровно произнес он. – Хотите быть здесь – будьте. Но это не мой выбор, а Ваш. Не надо перекладывать этот выбор на меня и делать меня Вашим оружием против Тави. Он этого не заслуживает. И я этого тоже не заслуживаю. К тому же, я не люблю быть марионеткой в чужих бытовых спорах, особенно если эти споры идут не обо мне и не касаются меня напрямую.

Эрника изобразила улыбку. Она явно собиралась ответить, но Фирхайф ее опередил.

– Пожалуй, я пойду, – грузно поднимаясь со стула, сказал он. – Прости, Хинхан, я ведь зашел ненадолго. Просто по делам в больнице был, вот и заглянул. А здесь, по правде, есть еще люди, к которым я хотел бы заглянуть, а времени у меня уже мало.

Ивара посмотрел на него без надежды.

– Да, – опомнившись, повернулся к нему старик, – я помню, как все было. Это ведь случилось как раз тогда, когда Вы, Эрника, и Тави сюда приехали. – Женщина посмотрела на него ничего не выражающим взглядом, но Фирхайф уже так растерялся, что ничего не замечал. – Я видел тот лагерь. И еще кое-что... Вы, Ивара, заходите ко мне в домик на платформе. Хинта Вас отведет.

– Спасибо, – оживая, поблагодарил учитель.

Фирхайф кивнул.

– И вот, – расстегивая свою сумку и явно стесняясь Эрники, добавил он, – на складе контрафакт зависает. А в больнице лежать скучно. Так что, я вам принес.

Он достал два недорогих карманных терминала. Хинта всегда о таком мечтал, но его семья не покупала безделушек.

– Я не знаю, – вдруг обращаясь к Эрнике, замялся Фирхайф, – Вы ведь не против, чтобы я дарил Вашему сыну?

– У него есть игрушки подороже и получше. Я могу принести из дома.

– Я ничего от тебя не хочу, – сказал Тави.

– Фирхайф, – сказал Хинта, – я знаю, все это странно. Но Тави нужен этот терминал. Пожалуйста.

В голосе мальчика прозвучала мольба. Фирхайф явно уже был в панике.

– Можете дать, – разрешила Эрника. – Видите, как он меня не любит? Но я-то его люблю. Не буду же я лишать его маленьких удовольствий.

Старик протянул устройство Хинте, потом опасливо обогнул Эрнику, отдал другую такую же коробочку Тави, и поспешил к выходу.

– Всем пока, выздоравливайте, – уже от двери пожелал он.

– Спасибо, Фирхайф! – успел ответить Хинта.

– Спасибо! – отчаянно крикнул вдогонку ему Тави. Они остались вчетвером с Эрникой. – Вот что ты наделала. Выгнала хорошего человека!

– Это абсурд! – вспылила Эрника.

– Нет, не абсурд. Ты выставила его отсюда! И ты это знаешь. Ты специально все портишь. Ты сделала так, чтобы он ушел! Ты чего-то хочешь от Ивары! Ты мечтаешь, чтобы я был один! Будешь травить людей вокруг меня?!

Румянец отхлынул от щек женщины. Она будто оледенела.

– Я как раз хотела сказать, – переводя взгляд на учителя, произнесла она, – что, в отличие от моего сына, Вы по-настоящему одинокий человек. Вы приехали один, у Вас здесь никого нет. А мы с Вами соседи. Я могу принести Ваши вещи первой необходимости. Одежду, даже скафандр, если хотите, какую-нибудь мелочь, вроде этого. – Она небрежно указала на терминал в руках сына.

Хинта был уверен, что учитель откажется. Но Ивара его поразил.

– Да, пожалуйста. Если Вы это сделаете, это будет очень любезно с Вашей стороны. К сожалению, я не могу дать Вам ключ. Я даже не представляю, где сейчас та одежда, в которой меня сюда привезли.

– Мне совсем не трудно, – улыбнулась Эрника, – а ключ я найду, где взять. Но, разумеется, мне нужен пароль и разрешение от Вас.

Ивара сказал ей код своей двери и коротко перечислил, какие вещи ему нужны. Она в этот момент была даже мила. Хинта смотрел на нее и

чувствовал, как его неприязнь превращается в настоящий ужас. Тави за-
тих – вероятно, чувствовал этот ужас еще острее.

– Ну вот, – обещала Эрника, – вернусь с Вашими вещами ближе к
вечеру. Поэтому не прощаюсь.

– Еще раз спасибо, – поблагодарил Ивара.

– И надеюсь, – почти кокетливо добавила женщина, – как-нибудь
потом мы сможем подробнее поговорить о разных вещах.

Учитель неопределенно кивнул. Уже у двери Эрника остановилась
и посмотрела на сына.

– Видишь? Совсем не больно, – словно втыкая кинжал, произнесла
она. – У меня только добрые намерения.

Тави проводил ее обезумевшим взглядом. Когда она вышла, оба
мальчика испуганно уставились на Ивару.

– Зачем ты?.. – прошептал Тави.

– Мне действительно нужна помощь. А она может быть довольно
приятным человеком. Тави, можно мне поближе взглянуть на твой тер-
минал?

Этот вопрос был столь неожиданным, а переход к другой теме – на-
столько резким, что Тави беспрекословно выполнил просьбу Ивары.

– Хорошая вещь, – включая устройство, отметил мужчина, – хотя
действительно, бывают игрушки получше и подороже.

– Вы не хотите говорить об Эрнике? – спросил Хинта.

– Нет, – удивленным тоном откликнулся Ивара, – хочу, и говорю.
Просто, на мой взгляд, эта тема не так ужасна, как может казаться Тави
сейчас.

Он еще говорил, а его пальцы уже бегали по сенсорам маленького
устройства. Не успел Хинта возмутиться, как над терминальчиком
всплыла бледная голограмма.

«Ставлю 20 галов, что она стоит под дверью палаты и подслушива-
ет, что мы скажем ей вслед. Все, что я сейчас сказал – правда. Мне дей-
ствительно вскоре будет нужна чья-то помощь. И пусть это будет ее по-
мощь. В моей квартире она не найдет ни одной вещи, которой я бы по-
настоящему дорожил, и ничего, что может ей слишком много обо мне
рассказать. Пусть удовлетворяет свое любопытство. Прочитали?»

Мальчики дружно закивали.

«Есть и более глубокий мотив. Она обладает огромной властью над
твоей жизнью, Тави, потому что она твой единственный опекун. А это
значит, что если она раздобудет достаточные основания, то тебя заставят
изучать другие предметы, а меня – обходить тебя по дуге в четыре сотни
метров. Поэтому я буду с ней дружить. Я буду ей о тебе рассказывать,

когда она попросит. И это будет даже полезно, потому что, рано или поздно, тебе тоже придется заключить с ней перемирие».

– Какая же она подлая, – одними губами произнес Тави.

Голограмма погасла.

– Действительно хорошая вещь, – возвращая терминал, сказал Ивара. – Интересные игры есть... Но что-то я устал от всех этих визитов. Пожалуй, посплю.

– Да, а я полежу и подумаю, – решил Тави.

– Приятных снов, – пожелал учителю Хинта.

В палате наступила тишина. Хинта тоже некоторое время лежал и думал, а потом та часть его души, которая всегда тянулась к технике, взяла над ним вверх, и он стал изучать интерфейс своей новой игрушки.

Незаметно пребывание в больнице превратилось в рутину.

Эрника приносила вещи для Ивары. Тави вел себя спокойнее, чем раньше, и старался ее просто игнорировать. К Хинте и Ашайте приходили родители. По их лицам и манере держаться Хинта догадывался, что все плохо. Атипа никогда не был ярким человеком, но теперь он стал еще более тусклым, словно превратился в глуповатый и выцветший призрак прежнего себя. То ли он все еще пил, то ли просто сломался – Хинта боялся спрашивать напрямую. Лика казалась усталой и злой. Но, к счастью, мучительные визиты родных происходили лишь изредка, и с каждым днем делались все короче.

Значительную часть дня они вместе и порознь проводили на процедурах и в кабинетах врачей. От офтальмолога Хинта узнал, что еще в день землетрясения им всем делали операцию на роговице. Ожоги от тендра-газа удалось залечить, но на поверхности глазного яблока остались микроскопические шрамы, которые грозили осложнениями. Чтобы избежать этих последствий, понадобилась вторая операция. Ее делали под полным наркозом, так что, к своему огромному сожалению, Хинта не увидел того хитрого оборудования, при помощи которого медики и их роботы чистили глаз от шрамов. Теперь три раза в день Хинта слеп на полчаса, так как ему под веки клали черную светопоглощающую мазь.

Консультация с психологом тоже прошла не очень гладко. Женщина, ее звали Маяна Сайва, быстро переключилась с темы землетрясения на разговор об Ашайте. У нее была способность с мягкой настойчивостью пробираться к самой сути проблемы – даже туда, куда Хинта не хотел бы ее пускать.

– Ты почти не переживаешь за себя. Единственный страх, который по-настоящему сильно тебя травмирует – это страх за брата.

Она говорила, что не сможет помочь Хинте, если тот не расскажет ей всю правду, все подробности и все обстоятельства, из-за которых он так взволнован. А он был вынужден молчать о видении золотых врат. В конце концов, он нашел компромиссный выход – пересказал ей свой недавний пугающий сон, тот, когда глаза Ашайты начали светиться. Маяна предложила ему терапию импульсных прерываний. Она осуществлялась с помощью специального аппарата – огромной белой машины, которая обхватывала голову пациента зажимами-полусферами.

– Вы увидите мои мысли? – настороженно спросил Хинта.

– Нет. Только те нейронные цепочки в твоем мозгу, которые вспыхивают, когда ты думаешь о худшем. Я нарушу их работу. Обещаю, при этом ты сохранишь всю свою память. Но страха больше не будет, и плохих снов – тоже.

Хотя она убедила его в чистоте своих намерений и в безопасности самой процедуры, Хинта все же отказался от ее услуг. Он боялся, что невидимая искра, летящая внутри этого сферического шлема, убьет какую-то важную часть его самого, сделает его кем-то другим. А он хотел трепетать от любви к брату, хотел видеть страшные картины, особенно если те касались ковчега. Даже если с физической точки зрения увиденное им все-таки было вызвано шоком, болью и впечатлением от разговоров на безумные темы – что ж, иногда ведь появляются произведения искусства, созданные больными или пьяницами, но люди все равно ценят эти произведения искусства, даже находят в них какую-то особую прелесть, которой нет в других.

По мере их выздоровления некоторые процедуры изменялись или уходили в прошлое. Барокамера стала не нужна. Жировые ванны тоже закончились, но теперь им приходилось принимать контрастный душ и купаться в воде с целебными солями. Последние корки сходили с болью, а кожа на теле еще не восстановила нормальный цвет – она казалась совсем новой, очень нежной и слишком розовой. И хотя процедур все еще было много, свободного времени оставалось все больше. К тому же, они больше не страдали от тошноты и слабости, их сон пришел в норму, и им уже хотелось некоторой активности. Они бродили по палате, надолго задерживались у окна.

В этих обстоятельствах огромной отрадой для мальчиков стал подарок Фирхайфа. У Ивары был собственный терминал, который ему принесла из дома Эрника. Хинта пробросил между всеми тремя каналы связи, так что теперь они вдвоем могли играть в простые игры. Им всем

направилась программа боевых стратегий «Данна», где можно было разыгрывать сражения времен Великой Зимы. Хинта по старой привычке предпочитал играть за Притак, Тави, разумеется, выбирал Джидан, а Ивару, пару раз в день, в угоду мальчикам, соглашался представлять Лимпу. Он играл так, будто игра совсем его не занимает, но побеждал чаще, чем они. Впрочем, как правило, он устранился от виртуальных битв, и Тави с Хинтой сражались друг против друга.

Хотя Хинта открыл каналы связи ради игр, онигодились и для другого. Однажды, когда игра была уже закончена, и можно было бы начать новую, Тави вместо этого прислал текстовый файл. «Есть идея. Читай тайно», – гласил заголовок.

Хинта стрельнул глазами в направлении Ивары. Тот был занят чем-то своим. Хинта открыл файл. «Мы каждый день говорим об одном и том же. Ты каждый день предпринимаешь попытки вытянуть новую информацию из Ивары. И у тебя не получается. Признай, что это бесполезно. Он рассказывает нам лишь то, что хочет рассказать. И он прав – мы и не должны знать всего. И уж точно мы не должны узнавать все от него. Он прошел этот путь сам. Почему же мы не ищем сами? Ведь благодаря тебе, нам уже сейчас открыто столько возможностей. Мы можем читать все общедоступные документы в сетях Шарту, и библиотеку самого Ивары – ту ее часть, которая есть в портативном терминале».

Так началось их наполовину тайное погружение в мир старинных текстов и нестареющего человеческого безумия. На первых порах оба мальчика самоуверенно думали, что уже очень скоро смогут удивить Ивару своей новой эрудицией. Однако, когда они вплотную занялись проблемой, их пыл приугас. Текстов предыдущих эпох было очень много, и по большей части они были чрезвычайно сложными. Оцифрованные фолианты громоздились тысячами электронных страниц. Непростые для понимания рассуждения философов, путанные рассказы мечтателей, рьяный бред фанатиков, скрупулезные тяжеловесные изыскания ученых, хитрые притчи сектантов, а еще бесконечные и попросту скучные записи графоманов и бытописателей – нужны были годы упорного труда, чтобы через все это прийти к свету хоть какой-то истины.

Тави первым оценил неосуществимость поставленной задачи. «Нет, – писал он, – я еще не предлагаю сдаваться. Мы будем продолжать. Но мы будем продолжать потихоньку. Надо признать, что без путеводной звезды Ивары мы можем вовсе не осилить этот лабиринт. А если мы даже пройдем в него достаточно глубоко, я не уверен, что один из манящих широких коридоров не уведет нас в сторону от истины. Нам нужна схема. Метод. Нам нужна наша Дадра. Мы не можем сами для

себя прояснить последовательность, в которой нужно приобретать все эти бесчисленные знания. А без подобной последовательности, без открывающего ключа, мы сумеем лишь наглотаться такой информации, которая впустую засорит наш разум».

«Мы можем разделить задачу на двоих и выбирать разные тексты», – предложил Хинта.

«Да, можем, но это почти не имеет смысла. Даже вдвоем мы не освоим этот материал в обозримое время. Сейчас передо мной список более чем из двухсот книг. И четверть этих книг настолько сложна, что, заглянув в них, я потерял нить уже на первой странице. Поэтому лично для себя, на время пребывания в больнице, я теперь ставлю сравнительно скромные задачи. Я хочу прочитать труды самого Ивары и буду открыто задавать ему вопросы по поводу всех тех вещей, которые не смогу понять сам. А таких вещей, я уверен, будет много. В то же время, я потихому освою университетские учебники, посвященные эпохе строительства Экватора, и попытаюсь найти в них самую общую полезную информацию на тему первого явления Аджелика Рахна. Надеюсь, эти учебники окажутся полезным справочным пособием, и, изучив их, я узнаю, куда двинуться дальше».

Некоторое время Хинта боролся и спорил; ему казалось, что они сумеют сделать больше. «Это же была твоя идея, – писал он, – почему ты отступаешь?» «Потому, – терпеливо повторял Тави, – что в тот момент, когда я это предложил, я не осознавал, насколько все это объемно и сложно». Вместе с аргументами он присылал доказательства – подборки текстов и списки имен. Хинта мог не верить словам, но растущая гора источников, в конце концов, повергла его в уныние. Тави оказался неожиданно методичен. Хинта до сих пор, по праву старшего, считал, что превосходит друга в науках. Теперь ему пришлось сделать существенную поправку: он все еще превосходил Тави, но лишь на просторах технического знания. Все книги, которые нашел Тави, действительно подходили по содержанию. И правдой было то, что их нельзя было прочитать ни за несколько дней, ни за несколько месяцев.

«Все это, – удрученно писал Тави, – лишь те источники, где Аджелика Рахна упомянуты напрямую. Я еще не занимался ни самим ковчегом, ни исследованием тех скрытых следов и отметок, опираясь на которые, Ивара ведет свои поиски. Он ушел в бесконечную даль. Теперь я понимаю, почему он так одинок, почему ничья мысль не пробралась до тех глубин, на которых работает он. Мы должны признать, что соревнование с Иварой нелепо, так как мы относительно обычные подростки, а он гений, который, вероятно, еще ребенком нас превзошел. Будем же радо-

ваться, что узнали его так близко. И не будем слишком высоко задирать нос. Что же касается твоего предложения разделить тексты, то давай помнить, что Ивара работал в команде из четырех друзей, которые, все до единого, получили такое базовое образование, о которым мы с тобой можем лишь мечтать. И это еще один повод отказаться от попыток удивить его. Мы никогда не удивим его нашей эрудицией. Но возможно, мы сумеем удивить его ходом нашей мысли, пусть даже она изначально отталкивается от вещей более обычных, чем его мысль. И сейчас я начинаю думать, что именно этого он от нас хочет – нам следует снова и снова думать над тем, что он нам уже рассказал. Это даст больше пользы, чем чтение необъятного корпуса малопонятных текстов».

«Теперь я признаю, что ты прав, – писал Хинта в ответ, – но думаю, мы таки должны кое-что читать сами. Не для того, чтобы обогнать Ивару, и не для того, чтобы удивить его – а просто ради нашей самостоятельной заинтересованности в этом вопросе. Мой выбор склоняется в пользу «Пролегомен к онтогеотике» Тила из Мадува, которую ты предложил вчера».

Эта книга, выисканная Тави, была учебником – но не обычным учебником, а своего рода прародителем всех учебников новой эпохи. Мадув давным-давно исчез, но когда-то представлял собой небольшое поселение, оказавшееся на пути Экватора. Великая Стена прошла сквозь улицы Мадува и навсегда изменила облик этого места – ради строительства были переселены сотни людей. Тил, полное имя которого кануло в веках, жил в Мадуве во времена последних ледников и последних аккордов затихающей войны, а дед его, долгожитель, уцелевший в десятилетия голода, конфликтов и катаклизмов, помнил свое детство, прошедшее под гром величайшей стройки всех эпох. Пользуясь воспоминаниями старика, Тил написал довольно необычную книгу, в которой сформулировал основополагающие законы новой науки – онтогеотики. Считая ее вполне доступной для всеобщего понимания, он предложил ее в качестве школьного учебника. Новая наука начала жить, при этом последующие поколения ученых опровергли почти все идеи Тила, и со временем стали признавать за ним лишь то, что он ввел сам термин «онтогеотика». Учебник Тила был забракован, на смену ему пришли более актуальные пособия.

Но Хинту не очень волновали все эти подробности. Он выбрал книгу Тила по двум причинам: во-первых, она была написана простым языком; во-вторых, одна из ее глав так прямо и называлась – «Аджелика Рахна». Несколько раз Хинта пытался перескочить вперед и прочитать лишь ту одну, интересующую его главу, но вскоре понял, что даже эта

книга, при всей ее простоте, устроена так, что ее не удастся читать с середины. Мальчику пришлось вернуться в начало учебника и осваивать его последовательно, как того желал бы сам Тил. Вчитываясь в этот текст, Хинта ощущал себя весьма необычно – он узнавал и не узнавал ту науку, которой его учили в школе. Все понятия казались смещенными, перевернутыми, дикими.

«Иногда мне кажется, что это лженаука, – писал Хинта для Тави, – а иногда я бываю глубоко тронут тем, насколько просто и красиво этот человек излагает свои идеи. Да, современная онтогеотика выглядит куда более точной и выверенной в своих формулах. Но цена этой точности оказалась слишком высока. Мы разучились смотреть на мир свободным взглядом. Формулы стали лучше, определения – хуже. Процессы, идущие в природе, больше не вдохновляют нас на поэзию. И что хуже всего – все наши учителя, за исключением Ивары, не знают, как учить. Я думаю, неправы все. И я хотел бы, чтобы учебники стали чем-то средним между пролегоменами Тила и теми книгами, по которым детей учат в современных школах. В нынешних учебниках только ответы. Настоящий учебник должен состоять из вопросов и давать ученику право изучать предмет самостоятельно».

«Мне интересно, что еще ты найдешь в этой книге, – отвечал Тави, – но уже твоя реакция на первые главы очень впечатляет. Посмотрим. Я устал от нашей переписки. У меня все больше идей, но нет желания ради них терзать терминал. Я хочу поговорить с Иварой открыто. И уверен, скоро я буду говорить – осталось додумать лишь несколько деталей».

И действительно, исполняя свое обещание, он скоро начал новый большой разговор. Это произошло в тихие утренние часы, на пятый день их пребывания в больнице. Они все уже позавтракали. Ивара отдыхал, отложив в сторону свой терминал, Хинта бесцельно бродил по палате, а Тави, болтая босыми ногами, сидел на краю своей высокой койки.

– Несколько дней назад, когда я был очень плох, Хинта задал свои четыре вопроса, – сказал он. – Теперь я хочу задать свои четыре вопроса.

На несколько мгновений повисло молчание. Ивара почти незаметно улыбнулся. А Хинта вдруг ощутил странное напряжение. Он осознал, что совсем не может представить эти новые четыре вопроса – но догадывался, что Тави обгоняет его, как Ивара обгоняет их обоих. Это было немного тяжело – предчувствовать, что окажешься последним среди любимых друзей. И в то же время Хинта не хотел соревноваться с Тави за второе место в их маленьком кругу. Не так давно они уже ссорились, уже обвиняли друг друга во вторичности – все это было слишком отвратительно, чтобы разыгрывать вновь.

– Задай, – наконец предложил Ивара.

Тави посмотрел на Хинту.

– Мои вопросы не могли бы появиться без твоих вопросов. И без ваших с Иварой общих ответов они тоже не могли бы появиться. Каждый из наших больших разговоров все для меня переворачивал. И сейчас будет новый разговор. Потому что я дошел внутри себя до точки, где снова необходимо все перевернуть.

Ивара кивнул. Хинте показалось, что даже учитель озадачен таким началом. А Тави продолжал говорить – легко, и не переставая болтать ногами.

– Больше всего меня занимали Аджелика Рахна. Я никогда не был таким, как Хинта. Я имею в виду, что я не любил технику, механизмы, микросхемы. Это все чуждый для меня мир. Сказка или реальная история, мы не знаем и не можем знать точно, насколько правдив тот миф о возникновении Аджелика Рахна, который ты, Ивара, пересказал нам с Хинтой на руинах школы. Но кое-что в этом мифе меня поразило: любовь первого представителя искусственного народца к больному мальчику. И важна здесь не только любовь. Любить мало. Надо еще иметь способность выражать любовь. Демонстрация любви должна быть понятной и адекватной, чтобы тот, кого любят, ощутил любовь, согрелся в ее лучах, стал счастлив. В каком-то смысле демонстрация любви может быть действенной, даже когда самой любви нет. Я хорошо знаю это по своим отношениям с матерью.

Ивара взмахнул рукой, останавливая его.

– Ты прав почти во всем, но одно я сразу хочу оспорить. Мы еще ни разу не говорили с тобой толком о твоей матери. Так вот, тебе пора узнать мое мнение: я могу быть неправ, но, по моему глубокому убеждению, она все еще любит тебя, просто при этом она является не самым хорошим человеком. Такие люди тоже любят, но от их любви захочешь держаться подальше. Нехороша любовь, когда по своей натуре человек склонен к тирании и скрытно-ханжеским формам бытового садизма. – Неожиданно в голосе Ивары прозвучал гнев. Впрочем, он тут же сдал назад: – Прости, что прервал тебя. Ты ведь вел сложную мысль к чему-то совсем другому.

Тави покачал головой – словно хотел сказать, что это уже не имеет значения. А Хинта вдруг понял, чего стоило учителю все эти дни сохранять спокойную мину в присутствии Эрники. Тави тоже это понял.

– Еще никто... никто и никого в моей жизни не называл вот так плохим человеком. Мы говорим о плохих людях все время, и все же мы не говорим о них почти никогда. Они там, далеко – антигерои в ламах,

скандально-жестокие мужья в обнищавших фермерских семьях, наемные убийцы на службе у зарвавшихся корпораций. Мы представляем столько ликов зла... но разве мы говорим всерьез о плохих людях рядом с нами? Нет, или почти никогда.

– Да, – сказал Ивара. – Для зла в быту, как и для глобального зла в мире, нет измерительной шкалы. Уголовное право – лишь пародия на такую шкалу. Оно почти никогда не трогает тех, кто находит способы вредить другим без физического насилия. Измерительной шкалы нет, но мы все ощущаем разницу между разными видами и степенями зла.

– Кажется, я понимаю, – задумчиво сказал Хинта. – Все дело в подлости. Я бы, например, назвал Круну плохим. Но он не подлый. И он как раз таки постоянно делает вещи, из-за которых у него могут быть неприятности. А есть другие злодеи – этих уголовное право скорее защищает.

– Да, – согласился Тави. – Я и сам не так давно называл свою мать подлой. А это значит в сто раз больше, чем когда мы называем плохим Круну. Мне сложно понять, почему. Может быть, потому, что Круна, как и мы, все еще ребенок. Да, он жестокий дурень. Но у него впереди вся жизнь. Он еще может стать кем-то другим. А вот Двана, другой наш одноклассник, если не пойдет другим путем, то, возможно, станет однажды таким же, как моя мать. Подлая. Плохая. Мне почти нестерпимо об этом думать, но да: каким-то образом она все еще любит меня, и хочет вернуть. Однако ее попытки похожи на издевательства. И, наверное, в ближайшие несколько лет она еще доведет меня до безумия.

Тави тяжело вздохнул. Он больше не болтал ногами, его тонкая фигура на краю постели казалась безвольной, скованной, сжавшейся.

– Ты хотел задать свои четыре вопроса об Аджелика Рахна, – мягко напомнил Ивара.

– Не только о них, – быстро вернулся Тави. – Да, я остановился на том, что говорил о любви. Моя мать была для меня лишь примером. Отвечая на вопрос Хинты о волях, ты, Ивара, привел потрясающую метафору. Ты сказал, что они могущественны, как океан, и что если океан потянется к человеку, чтобы коснуться его щеки, то разнесет целые города.

– Да, я хорошо это помню, – кивнул Хинта.

– Техника. Она обычно такая грубая. Вот робокаталки. Они о нас заботятся, возят нас, переключаются с места на место. Они ловкие, никому не делают больно, умело выполняют свою работу, а работа эта – помогать больным людям. Но разве можно сказать о робокаталках, что они ласковые? Конечности машин не то же самое, что наши руки. Они годятся лишь для того, чтобы хватать. Они могут поднимать, опускать, вер-

теть, переключать. Порой они делают все это быстрее и ловчее человека. Но разве они могут гладить? Или делать жесты?

– Если их запрограммировать, – неуверенно встрял Хинта.

– В Литтаплампе есть роботы, которые существуют ради того, чтобы им по утрам говорили «маанна». – Ивара был явно смущен, поэтому выбрал столь иносказательную форму для выражения своей мысли, но оба мальчика прекрасно его поняли и удивленно на него уставились. – Очень дорогая игрушка. Имитирует почти все возможные ласковые движения и умеет подстраиваться под тело конкретного человека, чтобы сделать все так, как нравится именно ему.

Хинта вдруг вспомнил девушку-медика, которая мазала его мазью и будто подтрунивала над ним. Где-то здесь начинался мир секса. Тави, кажется, слегка покраснел и, не отрываясь, смотрел на учителя. Хинта сам не чувствовал, что краснеет, но испытывал некоторую неловкость.

– Когда общаешься с такой машиной, она кажется почти живой. Но я понимаю, к чему ты клонишь, Тави. Ни одна из этих кукол для развлечений не подобна Аджелика Рахна. Они не могут рассмешить, не являются настоящими собеседниками, не мыслят самостоятельно, не умеют собирать себе подобных.

– Я понимаю, – выдавил Тави. – Да, было бы странно, если бы таких кукол не существовало. Ведь не все люди находят себе тех, кому смогут говорить «маанна» по утрам. Тем не менее, я с тобой не соглашусь. Я бы как раз сказал, что они подобны Аджелика Рахна. Просто они не универсальны и не величественны, как те. Но в одном они подобны Аджелика Рахна: у них есть руки, чтобы касаться.

Ивара слегка склонил голову – ждал, что Тави скажет дальше.

– И вот мой первый вопрос. Почему воля ковчега действует так грубо, если его создатели, Аджелика Рахна, были такими чуткими и маленькими существами, что могли посвятить свою жизнь заботе о больном ребенке? Почему механический народец не приходит к людям, не говорит с ними сам? Почему он позволяет происходить землетрясениям и допускает массовую гибель? Неужели с ним может быть связана такая ужасная воля? Ведь мы, люди, не посылаем к другу или к возлюбленному ужасные стихии и огромных чудовищ, когда хотим лишь коснуться его щеки! Даже во время войны мы ведем переговоры с врагом, встречаясь с ним лицом к лицу. Мы делаем определенные жесты, произносим определенные слова.

Учитель озадаченно кивнул.

– И хотя большая часть произошедшего мне непонятна, но в этом ходе мысли я вижу не только вопрос, но и ответ – возможно, самый вер-

ный ответ на один из вопросов Хинты. – Тави посмотрел на друга. – Ты спрашивал, почему твой брат. Так вот – потому что он новый больной ребенок. Аджелика Рахна хотят заботиться о нем, хотят общаться только с ним, поэтому они сделали то, что сделали, и так, как сделали. Но да, остается вопрос, что же такое с ними произошло, что им теперь нужен этот бесчеловечный посредник чудовищной мощи?

Хинта оглянулся на Ашайту. Тот безмятежно лежал на спине, в той же позе, что и всегда. Слышал ли он их, знал ли, сколько с ним связано мыслей и надежд, был ли жив внутри?

– Неправильные способы любви, – пробормотал он.

– Да, верно. И мы уже знаем для них целых две причины. Можно быть или плохим, или большим. И то, и другое ужасно.

Тави примолк, явно считая, что договорил.

– А остальные твои вопросы? – спросил Ивара.

– Они все похожи на этот первый. Вот второй: почему волей ковчега мы называем волю, подобную стихии, которая сотрясает землю? Разве не следовало бы эту волю называть волей мира? А третий вопрос прямо вытекает из второго: почему волей мира мы называем волю, которая действует среди людей и влияет на человеческое общество? Разве не следует эту волю назвать волей социума, волей культуры или как-то там еще?

– Ну да, – тихо пробормотал Ивара.

– Я понимаю, что, возможно, это пустые придирки, игра словами, и не имеет значения, как...

Учитель посмотрел прямо на него.

– Нет. Все имеет значение. Четвертый вопрос?

– Как видишь, – смелея, сказал Тави, – я построил все свои рассуждения только на том, что услышал от тебя. Первый вопрос касался легенды. Два других выявляли возможные противоречия в нашей классификации и в том, как, в результате, мы смотрим на расстановку сил. Ну а четвертый вопрос касается афоризма, который ты, Ивара, упоминал лишь мельком. Афоризма о волях. Кажется, он звучал так: есть воля ковчега и воля мира, обе воли посылают к ковчегу своих соискателей. И каждый из них будет чувствовать внутреннюю разорванность и противоборство воли в себе и в своей судьбе.

– Не цитата, но весьма точный пересказ, – подтвердил Ивара.

– Я заикнулся на слове «обе». Почему «обе»? Ведь мы, кажется, говорили о том, что одна препятствует, а другая помогает идти к ковчегу? Но тот мудрец, не знаю его имени, сказал что-то другое. То ли он имел в виду, что на самом деле обе воли будут помогать, просто по-раз-

ному. То ли что соискателей всегда будет больше, чем один. А это бы означало, что кроме тебя, Ивара, прямо сейчас кто-то работает над тем же самым и почти так же близок к разгадке.

Ивара, казалось, ушел в себя. Тави снова потерял уверенность и сбавил тон.

– Одним словом, здесь какая-то путаница. Если, конечно, вообще верить этому мудрецу. Были у меня к нему и другие вопросы. Я бы здесь к каждому слову задал вопрос. Почему они «соискатели»? Неужели это дело вроде экзамена? Как быть, если ковчег ищет группа людей? В чем цель у обеих волей и обоих походов? Спасти человечество и улететь с земли у одной, а у другой – уничтожить ковчег? Или все сложнее?

Учитель молчал.

– Ивара, – окликнул его Тави.

– Чудесный юный ум. Ты показал мне, как далеко я блуждаю от истины. Как мог я не обращать внимания на все эти слова, почему обходился с суждениями древних столь легкомысленно? И чем я теперь лучше других зубрил-историков, копавшихся в этом вопросе?

– Я тебя смутил? – осторожно спросил Тави. Ивара с тяжелым вздохом развернулся и сел на своей койке напротив мальчика. Потянулся, тронул того за плечо.

– Ты поставил меня в тупик.

– Как это? – опешил Тави.

– А вот так, – просто ответил Ивара. – Не будет нового великого разговора. Потому что у меня нет ответов. Закончился веселый бег. Начинается работа. А работа всегда тяжела и никогда не делается быстро. Я признаю, что многие мои выкладки умерли под тяжестью твоих вопросов. Теперь под сомнением вообще все, что я думал и говорил о волях; все, что я предполагал в последние дни. Меня ждут долгие раздумья и новые странные поиски.

Хинта пораженно смотрел на учителя и не мог поверить ни глазам, ни ушам. Ивара был побежден, разбит вопросами Тави. И при этом он выглядел обрадованным, словно только и ждал того момента, когда все его гипотезы обратятся в прах.

Вечер того дня прошел за разговорами на другие темы. А ночью, в предутренний час, случилось то, о чем все они мечтали, но никто не ожидал.

Хинта проснулся от странного чувства свободы и легкости. Он лежал, вдыхая чистый, свежий, озонированный воздух больницы, потом медленно повернул голову и глянул в окно. Было еще очень темно, но в небе уже брезжил отблеск далекого сияния, которому через полтора часа предстояло превратиться в рассвет. Прожектора Шарту ярко освещали улицу. На потолке палаты лежали пересекающиеся блики отраженного искусственного света.

Хинта слышал, как на других койках посапывают его друзья. Он с сонным удовольствием провел руками по лицу, почувствовал под пальцами гладкую рекреированную кожу, мягкий пушок восстанавливающих бровей. Его почему-то охватило чувство счастья, и он сам подивился, насколько ему хорошо и комфортно. Ему не удавалось найти явной причины для своего чудесного настроения. Ведь, как правило, это не так уж приятно – просыпаться среди ночи. Но сейчас он был совершенно счастлив, спокоен и совсем не хотел спать, но в то же время не хотел и ничего делать. Он просто лежал, наслаждаясь какой-то особенной ясностью и остротой чувств.

А потом он посмотрел на Ашайту – машинально, как делал всегда. То, что он увидел, поразило его. Брат лежал на боку, лицом к нему, подложив под голову согнутую в локте руку. Это была его любимая поза – дома он обычно спал именно так. Его дыхание стало чуть более сильным и шумным, чем во все предыдущие дни. Хинта боялся увидеть какой-то ужас – фиолетовый свет в глазах, любую другую неприятную вещь. Но в младшем не было ничего зловещего или странного. Он крепко спал, примяв свою подушку и пустив из уголка рта слюнку – Хинта видел, как она блестит серебристой нитью в полутьме.

Наверное, Хинта мог бы наблюдать за Ашайтой долгие часы – и мучаться и нервничать, пытаясь правильно истолковать то, что видит. Но не прошло и пяти минут, как в палату вошли медики. Они двигались достаточно тихо, с легким шорохом одежд, и несли с собой автономные фонарики-ночники, устроенные так, чтобы не будить своим светом пациентов – они не били лучом, а давали вокруг себя ровное бледно-желтое зарево. В их неярком свете лица молодых врачей казались исполненными радостного возбуждения. Они столпились вокруг койки Ашайты, ничего не делая, лишь посматривая на приборы и на самого спящего ребенка. Но чем дольше они так стояли, тем более уверенными делались их улыбки. Это была немного странная сцена: три фигуры в белых хала-

тах – два парня и одна девушка; между ними – койка со спящим малышом; над ней – желтый свет переносного ночника; черные тени на потолке и стенах палаты.

Хинта решил, что должен обратить на себя их внимание, и сел на своей койке. Они разом на него оглянулись.

– Что происходит? – одними губами спросил он.

– Спи, спи, – зашукали на него.

– Я его брат, я должен знать.

Один из парней-медиков поманил его, и они все вместе вышли в больничный коридор. Хинта ощутил под босыми ногами стерильно-чистые, холодные, гладкие плиты пола. Здесь горел дежурный свет, и фонарик-ночник отключили за ненадобностью.

– Руварта? – спросил парень-медик.

– Фойта. Мы братья, одна фамилия.

– Я еще не проснулся, – признал парень-медик. Хинта продолжал обводить их всех вопросительным взглядом. Никого из этих троих он не знал. Очевидно, они были ночной сменой дежурного персонала, в обязанности которой входило вмешиваться, когда что-то идет не так. Но обычно они не заходили в палаты к пациентам.

– Твой брат спит, – сказал второй парень.

– Он не понимает, – сказала девушка.

Но Хинта понял.

– Он не в коме?!

– Да, да, – подтвердили все трое.

– Кома и сон очень разные состояния, – пояснил первый парень. – Мы пришли, потому что наши приборы отреагировали на изменение его состояния. Мы боялись, что он очнулся и будет напуган, или будет нуждаться в помощи – так часто бывает, когда люди выходят из комы. Но он спит – и так даже лучше. Мы не станем его будить. Пусть спит столько, сколько ему хочется.

– То есть, он здоров? – спросил Хинта.

Их лица посерьезнели.

– Мы не можем еще сказать, – покачал головой второй парень. – Надо дождаться, когда он проснется. А он может еще долго не просыпаться. Он может даже обратно впасть в кому. Вне зависимости от того, проснется он или нет, днем с ним будут проводить разные тесты. Это дело его лечащего врача. Пока что мы можем лишь сказать, что его мозг снова активен. Он видит сны.

Хинта запоздало понял, что плачет. При этом он улыбался, а слезы текли по его щекам. Ночная команда отреагировала на его эмоции очень

тепло – его обняли, потрепали за плечи, предложили успокоительное. Он отказался. Тогда ему посоветовали вернуться в койку и спокойно спать до утра.

Когда он вошел обратно в палату, брат по-прежнему лежал на боку, и его дыхание по-прежнему было сильным и ровным. А вот Ивара, наоборот, не спал – сидел на постели, настороженно вглядываясь в полумрак.

– Ашайта? – чуть слышным шепотом поинтересовался он, когда Хинта поравнялся с его койкой.

– С ним все хорошо, – так же тихо отозвался мальчик. – Он больше не в коме. Обычный здоровый сон.

Ивара улыбнулся ему в темноте. Хинту вдруг поразила мысль о какой-то новой, тайной, сверхъестественной связи между ними всеми.

– Ты проснулся, как и я, без причины?

– Я очень чутко сплю. Меня разбудил визит неожиданных ночных гостей.

Значит, связи не было. Ивара все еще улыбался, но его улыбка неуловимо изменилась. Вероятно, при свете дня Хинта не сумел бы различить этой особенной темной эмоции, на мгновение застывшей в уголках губ учителя, но сейчас он увидел ее – увидел годы, проведенные в ожидании беды. Мужчина не просто чутко спал, он слишком привык ждать, что кто-то или что-то может застать его врасплох.

– Я радуюсь вместе с тобой, – от всего сердца добавил Ивара.

Хинта понял, что у него на щеках все еще блестят слезы, и неуклюже стер их кончиками пальцев.

– Спасибо.

Он уже собирался вернуться в свою постель, когда стало ясно, что своим разговором они разбудили Тави: у того сначала сбился ритм дыхания, а потом он тоже, как и Ивара, сел и сонно заморгал в темноте.

– Шепчетесь? – глядя на силуэт Хинты, поинтересовался он.

– Приходили врачи, – сказал Ивара. – Ашайта спит обычным сном, он больше не в коме.

Новость так поразила Тави, что он даже не смог сразу ответить.

– А почему ты плачешь? – спросил он у Хинты мгновение спустя.

– Кажется, это от счастья, – ответил Хинта и снова стал вытирать с лица слезы, – но врачи не сказали, что все будет в порядке. Это выяснится только днем. Я... я не знаю... не знаю, каким он будет.

На самом деле, у него трепетала на кончике языка совсем другая, куда более мрачная фраза. Он думал, что не знает, будет ли это хрупкое тело, лежащее там, на постели, Ашайтой. Он боялся, что когда оно про-

снется, из его глаз будет идти страшный свет, а из уст будут вырываться какие-то ужасные пророчества о смерти, золотых вратах, подземельях, событиях древности. Он боялся, что, пробуждаясь, брат вновь издаст жуткий крик и обрушит на них видения. Он боялся, что поворачиваясь с боку на бок, этот маленький мальчик спровоцирует новое землетрясение.

Неожиданно Тави соскользнул с койки, шагнул к Хинте и крепко его обнял. Хинта смутился – ткань их пижам была очень тонкой. Несколько мгновений он стоял в растерянности. Но потом он ощутил тепло и хрупкость этого момента, понял, что тоже должен обнять в ответ, и обнял, и притиснул Тави к себе еще плотнее. И только тогда, уткнувшись лицом в его тонкое плечо, Хинта до конца понял, насколько переломный это момент. Что было бы, если бы этой ночью показания приборов изменились в другую сторону, если бы его брат не вышел из комы, а умер в ней? Кем бы теперь был он сам, если бы это произошло? Он представил себя из этой параллельной вселенной – мальчик, похожий на Двану, с омертвелым взглядом застывший на перроне тихоходного поезда. Черная платформа, на которой лежит маленький саркофаг. Какого героя вписали бы в лицо Ашайты? Хинта не мог этого придумать. Теперь он заплакал по-другому, сотрясаясь всем телом, впинаясь пальцами в спину Тави. Они стояли у окна, их лиц касался прозрачный отсвет сторожевых прожекторов Шарту. А на горизонте росла светлая полоса подступающего рассвета.

Никто из них так и не уснул. Они наблюдали, как восходит солнце, втроем присматривая за тем, как просыпается Ашайта. Еще никогда Хинта не вглядывался в другого спящего с таким пристальным вниманием, еще никогда не замечал, как поэтапно человек всплывает к поверхности сна. Он слышал, как дыхание брата меняет свой ритм, видел, как тот переворачивается во сне, как двигаются его глаза под закрытыми веками. Когда пробуждение было уже очень близко, малыш начал сопеть, по привычке подтягивая слюну. Потом он выпростал руку из-под одеяла и пошарил ею по поверхности постели. Хинта с трепетом и восторгом угадал смысл этого жеста – брат искал свои мягкие робоигрушки. Найти их он не мог, ведь никто не догадался принести их к нему сюда, в больницу. Вскоре рука Ашайты запуталась в медицинских проводках-электродах, которыми была обвита его голова. Он подергал руку, понял, что та застряла, и что рядом нет его зверей – на личике отразилось горь-

кое разочарование. Но он еще не проснулся, лишь глаза быстрее задвигались под веками.

– Он такой нормальный, – прошептал Хинта, – словно спит дома, словно совсем ничего не произошло. Неужели с ним все будет в порядке?

– Мне кажется, – тихо отозвался Ивара, – ты бы знал, если бы с ним была беда. Ты бы видел ее, она бы лежала грузом на твоём сердце. Но ведь этого нет.

– Мне страшно.

– Потому что ты его любишь, – сказал Тави. – И перестань на него смотреть. Своим взглядом ты ускоряешь его пробуждение. Он чувствует внимание, и оно его беспокоит.

– Возможно, я хочу его разбудить. Я боюсь того, каким он проснется. Но еще больше я боюсь того, что он совсем не проснется. Так что пусть уже он проснется, и тогда этот страх так или иначе пройдет.

Ашайта проснулся, когда по палатам развозили завтраки. Его сон к тому моменту был уже очень поверхностным, но последней каплей стало появление робокоридорного: въезжая в палату, тот чуть сбился с курса и резко звякнул подносами. От этого звука он вздрогнул, открыл глаза – и увидел Хинту. Как и предупреждала ночная команда медиков, малыш испугался. Вот только испугался он не за себя. Он даже не обратил внимания на обстановку, на опутывающие его проводки – его исполненный ужаса взгляд застыл на лице старшего брата.

– О... то... бой!? О... то... бой!? – дважды воскликнул Ашайта.

Хинта понял его вопрос, но несколько очень долгих секунд не находил в себе сил, чтобы ответить. Он просто смотрел в широко раскрытые, огромные, бесконечно синие глаза брата. Они были как окна в небо мира до катастроф. Глаза самого Хинты были точно такого же цвета, но он редко над этим задумывался. А вот глаза брата порой поражали его – и сейчас было одно из таких мгновений. Бездонные, светящиеся отраженным светом, они были единственной бесспорно красивой частью этого с рождения изуродованного лица.

И еще эти глаза были совершенно нормальными. За их красотой не таился фиолетовый свет подземелья врат.

Мгновения молчания Хинты напугали Ашайту еще больше, и он начал действовать так, как действовал с чужими людьми, если ему очень надо было с ними объясниться, а те совсем не понимали его речи: младший перешел на язык жестов. Он плавно обвел свое лицо руками – раз, другой, третий – пытался показать на все те места, где кожа Хинты сгорела от тендра-газа.

– Я в порядке, – наконец, сказал Хинта. Тут он не выдержал и опять заплакал, хотя понимал, что этим еще больше пугает брата. Он рванулся с койки, шагнул к младшему, притиснул его к себе. Тот тут же обслюнявил пижаму Хинты, но Хинте было все равно. Ашайта заплакал вместе с ним. – Мы в больнице, – сквозь всхлипы начал объяснять Хинта. – Мы оба болели, но по-разному. Ты заболел раньше меня. А сейчас уже все хорошо. Мы оба выздоравливаем. Мы почти совсем здоровы.

– Уом заоэли ии отью?

– Утром заболели или ночью? – Ашайта закивал, стучаясь лбом ему в плечо. – Мы болеем много дней. А ты долго-долго спал. Ты что, совсем ничего не помнишь?

Лицо младшего дернулось, потом он отрицательно помотал головой.

– Ица и Иджи... Иджи... ка... найтжитика-тика... не?

– Да, мы были в теплице, и Иджи тоже там был, и тебе нельзя было играть с ним, потому что он был занят делом. И там ты заболел.

– А... е... оню... ать, – притихая, сказал Ашайта. Это означало: «я не помню, как ложился спать». Хинта справился с новым, подступившим к горлу комком слез, потом отстранился, нашел салфетку и привычными движениями начал вытирать слюну с подбородка брата. Когда рот младшего снова был сухим, Хинта оглянулся на друзей. В их глазах он прочитал, что они все услышали и поняли: Ашайта не хранил в себе тайн, не помнил, а может быть, и не видел никакого видения, подобного тому, которое увидел сам Хинта. А может быть, Ашайта просто не отличал его от тех снов, которые приснились ему за последние часы.

Потом все было трогательно и время от времени забавно. Ашайта пытался играть с больничной техникой так, как он играл с Иджи и со своими терриконами. Взмахами рук он совершенно сбил с толку робоко-ридорного, так что, в конце концов, Хинте пришлось кормить брата самому, как он делал это дома. Хинта даже радовался этой обязанности – она утешала и успокаивала его; привычно посылая ложки в рот младшего, он чувствовал, что все в порядке, снова почти так же, как раньше.

Приходили врачи: много, целый консилиум. Ашайта не очень понимал, что с ним делают, но не сопротивлялся – к медицинским процедурам он привык. Чтобы брат не боялся, Хинта сопровождал его почти на все обследования. Вместе они катались на одной робокаталке по длинным коридорам, на специальном лифте на первый этаж, а потом до

кабинетов энцефалоскана, пиктогена и изотопной томографии. Пока брат сидел в сложных медицинских машинах, Хинта мог наблюдать за переливающейся всеми цветами голограммой его мозга.

Между Ашайтой и Иварой возникло странное подобие дружбы. Это было необъяснимо, потому что раньше Ашайта не реагировал ни на одного взрослого. Но учитель явно чем-то его привлекал. Когда малыш пускался танцевать по палате, очередной пируэт обязательно приводил его к койке Ивары. Иногда Ашайта прятался под ней – это доставляло ему необъяснимое удовольствие. Когда ему была нужна какая-то простая вещь – вода или салфетка – он шел за ними именно к Иваре.

– Почему он это делает? – недоуменно спросил Тави, когда маленький мальчик в очередной раз забрал стакан учителя и утанцевал с ним в противоположный угол палаты.

Мужчина пожал плечами.

– Я нравлюсь почти всем детям. Это просто обстоятельство моей личности. Возможно, по какой-то причине я сам выгляжу, как ребенок. Или наоборот, я собрал в себе все то, что дети хотят видеть в персоне взрослого. Не знаю – еще одна загадка.

Тави почему-то погрузнел – возможно, его смутила мысль, что Ивара ставит их с Хинтой в ряд тех детей, которым он нравится.

– Вокруг тебя слишком много загадок. Больше, чем вокруг кого-либо еще. Твоя судьба. Твой путь. Твоя болезнь. Твое внешнее сходство со мной. Твои друзья. Твой брат. И вот еще детская любовь. Почему их так много?

– Загадки приумножают друг друга. Их или совсем нет, или они сразу возникают без числа. Но я никогда не хотел быть загадочным человеком. Каждый раз, когда это в моих силах, я раскрываю для себя и других столько загадок, сколько могу.

Хинта хотел вмешаться в их разговор и заявить: нет, неправда, не всегда Ивара раскрывает все загадки – но успел вовремя устыдиться. «Ответ на мои претензии будет простым, – подумал он. – Ивара скажет, что не раскрывал перед нами каких-то вещей, потому что не мог. И это будет правдой. Ведь я же понимаю: тема Аджелика Рахна настолько сложна и опасна, что неподготовленному человеку нельзя в нее глубоко погружаться».

– Но Ашайта не самый обычный ребенок. Почему именно он так к тебе привязан?

– Если бы я только понимал, – тихо сказал Ивара. – Если бы я только мог быть рядом с ним неделю назад, когда у Ашайты случился тот приступ, а Хинта получил свое видение.

Потом они замолчали, наблюдая, как малыш несет отпитый стакан назад. Руки больного мальчика были такими ловкими, когда он создавал ими узоры в воздухе, но вещи он брал с большим трудом. И сейчас, танцуя через палату, ему приходилось обеими руками держать стакан прижатым к груди. Удивительно, но вода не проливалась; она лишь шла воронками – с такой скоростью он кружился.

Родители братьев прибежали в больницу при первой возможности. Лика плакала от счастья, а вот Атипа повел себя странно. Он вошел в палату осторожным, неуверенным, болезненно-шаркающим шагом – и двинулся не прямо к младшему сыну, а как бы по дуге вокруг него. Ашайта в этот момент был уже в объятиях матери. Но Атипа не торопился к ним подходить.

– Привет, Тави, – хрипловато воскликнул он.

– Здравствуйте, – слегка удивленно ответил Тави.

– Рад, рад Вас видеть, Ивара, – продолжал Атипа. Раньше они лишь кивали друг другу, и этого было вполне достаточно, учитывая, что семья Фойта, пусть ненадолго, но почти каждый день собиралась в больнице в полном составе.

– И я тоже рад Вас видеть.

– Как поживаешь, Хинта? Скоро, видать, уже выписка?

Хинта не ответил. Он смотрел на отца и сначала думал, что тот снова пьян. Но теперь, когда они встретились взглядами, он осознал, что видит в глазах отца какую-то жутковатую новую пустоту. Как будто это с Атипой случилось то, что, как Хинта боялся, могло случиться с Ашайтой.

– Не отвечаешь? Ну, не отвечай. Это ж я так – шучу.

Теперь уже и Лика смотрела на Атипу, при этом продолжая прижимать Ашайту к своей груди. Ее лицо вдруг сделалось испуганным, и для Хинты это было даже страшнее, чем пустота в глазах отца. Что-то было совсем не так; все эти дни Атипа становился все дальше, дела шли все хуже, и Лика знала что-то такое, о чем, само собой, не стала рассказывать поправляющемуся сыну.

– Он здоров, – обращаясь к Атипе, напомнила она. – Ашайта здоров. Успокойся и скажи ему доброе слово.

– А, Ашайта, – будто о чем-то вспомнив, но не глядя на Ашайту, отреагировал Атипа. – Да, да, про него я все знаю. – Его губы растянулись в неживую улыбку. – Про него я все знаю. Хороший мальчик. Скоро отправим его в школу, как Хинту. Как считаешь, потянет он роботехнику?

На лице отца вдруг отразилось бешеное возбуждение, и он посмотрел на жену. Сына, застывшего в ее объятиях, он все еще не замечал. А Ашайта тем временем заплакал – тихо и как-то сдавленно, словно ему делали больно.

– Здорово ведь будет, – с горящим взглядом рассуждал Атипа. – Купим второго ослика. Восстановим теплицы. Да не четыре, как было, а сразу восемь. Ведь теперь у нас в семье больше рук...

Лица приоткрыла рот, но так и не успела ничего сказать – внезапно Атипа, будто его переключили, рванулся и выбежал из палаты. Наступила тишина, разрываемая лишь тонким плачем младшего. Лица, казалось, впала в ступор.

– Мама, – шепотом спросил Хинта, – мама, он ведь не повредит ни нам, ни себе?

– Я ему не позволю, – без выражения ответила Лица. Она передала Ашайту в объятия Хинты и неуклюже выбежала вслед за мужем. Вернулась она лишь к ночи, совершенно измотанная, с подбитым глазом, и ни слова не говоря, обняла старшего сына – а уже потом стала объяснять, что произошло. Тави и Ивара, чтобы не мешать, поступили дипломатично – нашли правдоподобный повод надолго выйти в больничный коридор.

– Он где-то далеко, – сказала она. – В другой реальности... Все, что я делала, было бесполезно.

– Он ударил тебя?

– Нет, это я его ударила. Я его серьезно побила, прежде чем он дал мне сдачи. И даже тогда он пытался строить из себя эдакого глупого добряка...

– Где он сейчас?

– В куврайме Прана Парарана, где же еще? Он ходит туда почти каждый день. Прелесть этого заведения в том, что туда не пускают... разгневанных жен. Мужской клуб. Я ходила за ним весь день. Он пытался уйти от меня в поля. Но я нагнала его даже там. Потом мы вернулись домой. Там подрались... И он ушел в единственное место, где ему совсем нельзя сейчас быть, и где я бессильна его достать.

– Он сошел с ума?

– Не совсем. Не до конца. Он просто потерялся во времени... в разных временах... в других версиях нашей жизни... в своем «а если бы»... Ашайта мертв – Ашайта здоров, я мертва – я здорова, других вариантов он больше не видит... Он слишком переживал за нас... И сломался...

Мать физически всегда была хрупкой, но еще никогда Хинта не ощущал, что должен поддерживать ее в моральном плане, подбадривать и утешать. Теперь они поменялись местами, как будто он был уже чуть-чуть сильнее, чем она.

– Ему нужно к доктору. На терапию импульсных прерываний. И все станет в порядке.

Ли́ка покачала головой.

– Может, и так. Но как его туда загнать? Думала я об этом. Он не верит, что с ним беда. Только силой мы его туда отправим – но тогда об этом узнает весь поселок. А он такой... такой маленький. И что потом? Его вылечат, но он больше нигде не найдет работу. Кому нужен сумасшедший? Кто доверит ему технику, кто позволит ему без присмотра, одному, ходить по полям?

Хинта растерялся. Он вспомнил про болезнь Ивары. Даже такой мелочи, как небольшая рассеянность, было достаточно, чтобы человека сделали изгоем – а нынешний бред отца выглядел намного хуже.

– И что мы будем делать? – спросил он.

– Завтра вас выписывают, – сказала Ли́ка. Для Хинты это было новостью. – Да. Какая... насмешка. Все закончилось. И сегодня первый день, когда... когда я не хочу, чтобы вы двое были дома. – На ее лице отразилась решимость. – Мы не будем с ним жить. Я не позволю ему превращать Ашайту... в мертвеца. Завтра вы двое не пойдете домой. Вас приютят Риройф или Фирхайф.... Я все устрою... Я с ними поговорю...

– А ты?

– Я буду по большей части с ним, пока он не придет в себя. И еще... я уговорю Риройфа – я даже заплачу ему! Чтобы только он с Атипой ходил в куврайм... и вытаскивал его из этого... проклятого... места.

На том они и порешили. Хинта хотел сообщить друзьям новость о выписке, но когда те вернулись в палату, оказалось, что они и сами уже знают. Так закончился их последний полный день в больнице. Он был радостным, потому что не умер Ашайта, и ужасным, потому что что-то умерло в Атипе.

На следующее утро Хинта, завершив процедуры с медицинскими ваннами, стоял перед зеркалом в туалете их палаты и окончательно узнавал прежнего себя. На лице почти исчезла разница между кожей, обгоревшей от тендра-газа, и кожей, уцелевшей под защитой маски, не было больше ни струпьев, ни шрамов. Лишь по цвету новая кожа чуточку отличалась от прежней – но эта деталь была уже вопросом косметики, а не медицины. Волосы тоже отрастали. Лечение было окончено.

КРУГ С СЮРПРИЗАМИ

Фирхайф спал тяжело. Снова и снова мальчиков будили его громкие стоны и вскрики. Хинта и Ашайта гостили у него уже два дня, и прошлой ночью было то же самое: кошмар длился около получаса, потом старик затихал и пару часов лежал спокойно, а после затишья буря начиналась снова. До сих пор Хинта не решался его будить, однако в этот раз не выдержал и спустил ноги на пол.

– Еу ольо? – спросил Ашайта.

– Нет, ему не больно. Он просто видит плохой сон. Утром он не вспомнит.

Они с Ашайтой спали на толстых надувных матрасах, таких же больших и высоких, как настоящая постель. Хинта зажег фонарик-ночник, нежно подтолкнул младшего, чтобы тот лег обратно, а сам пошел в комнату старика. На самом деле он вовсе не был уверен, что сказал правду – кто знает, как устроены чужие сны. Фирхайф и вправду мог страдать. Именно поэтому Хинта шел его будить – он хотел, чтобы страдание прекратилось.

Он убеждал себя, что это просто сон, и все же ему было немного боязно, когда он открывал дверь в чужую спальню. Вблизи крики звучали громче и страшнее, а потому Хинта сразу прикрыл дверь – не хотел, чтобы младший еще больше испугался. Ночник выхватил из темноты сверкающую сталью систему тренажеров – они были необходимы для человека, который полный рабочий день носит тяжелый профскафандр, к тому же они помогали старику в его годы сохранять отличную форму. Хинта прошел мимо них и оказался у постели Фирхайфа. Тот ворочался во сне. Вот он снова вскрикнул. В свете ночника была видно пот, струящийся по его лицу. Хинта уже наклонился к нему, чтобы начать будить, но тут, между стонами, с губ Фирхайфа сорвалось ясное слово.

– Вещь... Вещь...

Хинта набрался решимости и потряс его за плечо. Мужчина был слишком тяжелым, его тело, туго обернутое одеялом, даже не шелохнулось от толчков мальчика. Тем не менее, Фирхайф проснулся – перестал стонать, резко и глубоко вздохнул, открыл глаза.

– А? Хинхан? Что? – Его взгляд еще туманился поволокой сна. Потом он зажмурился – даже свет ночника был для него слишком ярким.

– Ты кричал. Как и прошлой ночью. Я решил разбудить.

Старик медленно освободился от одеяла, приложил ладони к мокрому от пота лицу, потом резко выдохнул и сел на постели.

– Время?

– Не знаю. Середина ночи. Прости.

– Это ты прости, что я тебя разбудил. Кто знает, сколько кошмаров я вижу? Живу я один. Нет ушей, чтобы услышать храп, крики или ругань. Есть люди, которые ругаются во сне, ты ведь знаешь?

Хинта удивленно поднял брови. На лице Фирхайфа появилась легкая усмешка, будто он пытался показать, что все в порядке и не стоит принимать его кошмары всерьез. Но глаза говорили другое.

– Я говорил что-нибудь?

– «Вещь». Ты дважды сказал «вещь». Возможно, и что-то еще, но остального я не слышал. А ты помнишь свой сон?

Старик призадумался, потом нахмурился.

– Смутно.

– И что там было?

– Разное. Иди спать, Хинхан. И прости еще раз за неудобство.

– Как я могу быть против, когда это твой дом? Где бы мы с братом были без тебя?

– Ерунда. Сейчас это и ваш дом.

Фирхайф снова лег. Хинта был уже на полпути к двери, но потом остановился.

– А отчего такие сны?

– От старости и тревоги. Всех что-нибудь тревожит. Спасибо, что разбудил, но теперь пора спать дальше, всем нам. – И Фирхайф отвернулся лицом к стене.

Хинта вернулся в свою постель. Он пытался представить ту вещь, о которой бормотал старик, которая могла настолько сильно тревожить и пугать этого спокойного человека, чтобы тот кричал от нее во сне каждую ночь. Но сколько бы Хинта ни гадал, ничего не приходило ему в голову.

В раннем детстве Хинта верил, что Фирхайф не только работает, но и живет в домике на разгрузочной платформе тихоходного поезда. Разумеется, это было не так. Сейчас они гостили в настоящем доме Фирхайфа. Он тоже был небольшим, меньше, чем их родной, но уж точно больше, чем домик на станции. В нем было три комнаты: спальня, гостиная-кабинет, на время превратившаяся в спальню для мальчиков, и ма-

ленькая кухонька. Это была одинокая берлога человека, уже прожившего свою жизнь, но еще не сдавшегося. Фирхайф объяснил Хинте, что купил этот дом шестнадцать лет назад, когда решил, что новой семьи у него уже не будет.

С женой Фирхайф расстался, когда их дети уже стали взрослыми. Распавшаяся семья в полном составе жила по эту сторону Экватора, но в разных домах и даже в разных поселках. Бывшая жена Фирхайфа была мелкой сошкой в правлении Шарту. Сын стал инженером на электростанции. Одна из дочерей работала оператором в офисе шерифа. Другая начала учиться на барельефиста, но пропала для профессии, когда вышла замуж за парня из фермерской семьи. Ее избранник обладал характером предприимчивым и необузданным. Он все время хотел большего и попытался присвоить участок фронта, который Джиной уже разметил для себя. Джиной с очень серьезными обвинениями вызвал его на гумпрайм. Молодые люди испугались суда, побыстрее продали свою землю и предпочли сбежать в соседний Чидру. Там им удалось обосноваться, и там же у Фирхайфа родились внуки, которых он, к своей печали, еще ни разу не видел лично.

Барельефы родных Фирхайфа вперемежку с героями Лимпы висели на стенах гостиной, и Хинта невольно начинал рассматривать их, когда просыпался. Здесь были все, кроме бывшей жены – старик совсем не любил о ней вспоминать. Барельефы отчетливо делились на хорошие и посредственные. Хинта уже понял, что все посредственные принадлежат авторству старшей дочери Фирхайфа – она не много потеряла, когда променяла эту работу на семейную жизнь. Глядя на аморфные очертания лиц, вытравленных еще рукой, Хинта невольно вспомнил свой разговор с Тави, случившийся в самом конце каникул – да, лучше было вообще уйти со скульптинга, чем вырасти в художника, который будет творить такое и так.

Большую часть истории семьи Фирхайфа Хинта узнал за вчерашний день. Обдумывая жизнь старика, он задавался вопросом, как могли они так долго общаться и дружить, что при этом он не знал всех этих вещей? Неужели дело было только в том, что он никогда не приходил в гости к Фирхайфу домой? Или в том, что еще несколько месяцев назад Фирхайф общался с ним, как взрослые общаются с чужими детьми: много добра, улыбок, сладостей, шуток, капелька жизненной мудрости – но никакой по-настоящему важной, личной информации? Теперь все стало иначе. Хинта изменился. После разговоров с Иварой он понял, что значит знакомство между взрослыми людьми, и ему уже было недостаточно просто приходить, перехватывать что-нибудь вкусненькое и бол-

тать о том, как здорово сидеть за штурвалом поезда. Теперь он иначе задавал вопросы, иначе обдумывал то, что ему говорят, учился наблюдать в людях узоры их судьбы, сопереживать их истинным проблемам. И Фирхайф, соответственно, начал относиться к нему по-другому. Впрочем, это не означало, что эпохе сладостей резко наступил конец: за завтраком старик выложил на стол неожиданное угощение – желе с заливными в него листиками типра.

– Ин е? – воскликнул Ашайта.

– Да, тебе в первую очередь, – понял его Фирхайф.

– Спасибо, – помогая брату, поблагодарил Хинта. – Почему на завтрак? Почему сейчас?

– Потому что позавчера я не знал, что у меня будут такие гости. Купил вот вчера, а домой вернулся много позже вашего ужина.

– Спасибо, – еще раз повторил Хинта. Его благодарность была слегка приправлена чувством неловкости и стыда. Многие в Шарту сейчас гостили у друзей и родственников, так как их дома были повреждены во время землетрясения. Но положение братьев Фойта казалось куда более странным. Их дом был цел. Ничто не угрожало их жизни. Оба их родителя были живы и даже оставались мужем и женой. И, тем не менее, по настоянию матери, они бежали от отца, от его маленького безумия. Мало кто в поселке согласился бы это понять. Фирхайф поступил как святой, когда приютил их.

– Ерунда, – отмахнулся старик. Казалось, одним движением он пытается отместить прочь всю боль и сомнения мальчика. Хинта кивнул и положил в рот листик типра. А Фирхайф неожиданно заговорил о другом.

– Я хотел прямо задать тебе один сложный вопрос. Что ты думаешь об этом Иваре Румпе?

Хинта вскинул удивленный взгляд на старшего. Несколько мгновений ему казалось, что ответ уже готов, трепещет на кончике языка. Но он так и не смог вымолвить ни слова, только вздохнул. Фирхайф кивнул, будто такой реакции и ожидал.

– Может, вопрос слишком общий, ты ведь, наверное, много о нем думаешь. Ты веришь в его историю?

– Да, верю. Верю всему, что он говорит. Но так было не всегда. Вначале он меня тревожил – незнакомец из города. Потом я его терпеть не мог – мне казалось, он разрушает мою дружбу с Тави. Но вышло наоборот: он ничего не разрушил, скорее дополнил, как бы занял то место, на котором у Тави должен был быть... – Хинта замялся, поняв, что говорит о слишком личных отношениях своих друзей. Но Фирхайф и сам мог закончить за него.

- Отец?
  - Да.
  - Они очень похожи.
  - Ты это тоже видишь?
- Фирхайф кивнул.

– Первое, чего я не могу понять, это почему он втянул вас двоих в это дело? Он имел полное право уехать из Литтаплампа, прибыть сюда, рисковать чем угодно. Это его жизнь. Но вы двое – вы слишком молодые, слишком неопытные. Уж прости мне, но ты, Хинхан, не умеешь держать язык за зубами. Иначе бы ты не стал со мной в больнице об этом говорить. И твой друг, ругавшийся со своей матерью – он тоже только ребенок. И вот я не понимаю, кем же надо быть, чтобы втянуть вас двоих в такое дело?

– Ты что-то знаешь?

– Во мне ли дело. Ну подумай сам. Для паренька твоего возраста здесь все пахнет приключениями. Но попробуй посмотреть на это моими глазами. Это история о трех пропавших людях. Да и люди эти были не простые. Как знать, сами они пропали, или им кто помог? Как знать, кто разграбил их лагерь? Как знать, почему этот Ивара Румпа оставил поиски с той стороны Экватора и перешел на эту сторону? Быть может, здесь, в Шарту, живет вор или убийца, который будет защищать свои интересы. Я знаю, что чужак об этом подумал. А вот ты и твой друг – вы об этом не подумали.

Хинта и сам когда-то называл Ивару чужаком – если не вслух, то в мыслях. Теперь, из уст Фирхайфа, это резануло его как никогда.

– Пойми, я не хочу говорить о нем плохого слова. Я лишь хочу знать, действительно он дорожит тобой и твоим другом? Ведь не может же он не понимать, что своими словами и действиями ставит вас двоих в опасность.

Фирхайф был напуган, теперь Хинта это понял. Вот отчего старик не спал по ночам. Этот страх ознобом перешел в тело мальчика.

– Ивара странный, – сказал он. – Он не плохой. Но порой он странный. Он не очень здоровый человек. Мне кажется, он, не желая нам с Тави зла, мог и не подумать о таких вариантах. Либо он вовсе в них не верит, отбросил их давным-давно.

– Может быть, – задумчиво согласился Фирхайф. Хинта ожидал, что тот захочет знать, о какой именно странности Ивары идет речь, но старик тактично не стал спрашивать.

– Он рассказал нам об этом на руинах школы. Тогда казалось, что мы там и умрем. А могло выйти так, что умер бы лишь один из нас. Или

двое из троих. Что, если он не захотел умирать с тайной? Я не знаю, стал бы он при другом раскладе говорить так много. А если и стал – он, возможно, годы бы ждал с этим.

Хинта говорил тихо, но чувствовал, что почти кричит. Это сомнение, которое Фирхайф в нем заронил, рвалось из него криком, боролось с силой новообретенной дружбы, которую ему всем сердцем хотелось защитить.

– Он много о себе рассказал?

– Мне показалось, что очень. Ты ведь знаешь, как действует тендра. Мы были пьяны. Я помню не все. Он мог рассказать даже больше, чем мы с Тави помним. И не он начинал. Он отвечал на вопросы. Фирхайф, там или не там, но мы бы от него не отстали. Он стал так интересен для Тави, что мы бы узнали о нем все. Был ли у него выбор?

– Значит, все сложилось.

– Ты что-то знаешь, – вернулся Хинта. – Что?

– Лика не придет завтра вечером. Поведет Атипу к психиатру.

– Да, я знаю.

– Поэтому на завтрашний вечер я пригласил Ивару в гости. Сюда.

Хинта понял, что сидит с открытым ртом, и закрыл его.

– Я позову Тави.

– Нет. Я говорю тебе это именно потому, что не хочу, чтобы ты и твой друг были здесь, когда мы с Иварой начнем разговор. Мы могли бы встретиться в другом месте. Но только дома не будет лишних глаз и ушей. Включая ваши детские глаза и уши.

Хинта обиженно напрягся. В то же время, он понимал старика.

– Ладно.

– Взрослый ответ, – похвалил его Фирхайф, а потом встал из-за стола и начал собираться на станцию.

Через полчаса, в коридорчике у шлюза, Фирхайф вложил в протянутую руку Хинты ключ-карту от дома.

– Доверяю. Еще не давал никому, кроме Нати. – Так звали его младшую дочь – ту, которая пока не завела семьи и работала в офисе шерифа.

– Спасибо, – сказал Хинта. – Удачного пути до Литтаплампа.

Старик ответил знаком «ан-хи» и ушел. А Хинта остался вместе с братом и наедине со своими мыслями. Завтра произойдет разговор, которого они с Тави не смогут слышать. Узнают ли они когда-нибудь его

содержание? И не должно ли его, Хинту, в большей мере волновать содержание другого разговора – разговора между его сбрендившим отцом и психиатром?

Но до завтрашнего вечера было еще далеко. А сейчас Хинта был предоставлен самому себе. Он даже не мог припомнить, когда в последний раз чувствовал себя настолько незанятым. Его родители теперь жили сами по себе. Фирхайф еще недостаточно к нему привык, чтобы просить его сделать какие-то дела по дому. Школа была разрушена – ее здание начали строить заново, а это означало, что все дети и подростки в Шарту потеряют начало нынешнего учебного года. Единственной обязанностью Хинты оставалась забота о брате, но он уже так привык к этому бременю, что не ощущал его тяжести. Казалось, можно делать что угодно, пойти куда угодно. Но идти стало некуда и незачем. Ламрайм был закрыт на ремонт. Ходить на станцию в гости к Фирхайфу теперь было глупо – Хинта и так его постоянно видел. А все более простые развлечения вдруг утратили привлекательность, когда обнаружилось, что на них не нужно выкраивать время между работой и учебой. Вот и получалось, что никакой свободы неприкаянная жизнь Хинте не принесла. Весь круг его интересов был замкнут меж двух полюсов, на одном из которых была его семья с ее проблемами, а на другом – его друзья с их мыслями и, опять же, проблемами. Произведя внутреннюю ревизию, Хинта нашел в себе лишь одно желание, которые не увязывалось напрямую ни с первым, ни со вторым – он хотел совершить ностальгическую прогулку по пропавшим местам Шарту. Посмотреть на руины, пройти по пыльно-мусорным линиям уже несуществующих улиц, посетить теплицы, где он так упорно трудился, пока стихия не разрушила хрупкие купола. Захваченный этой мыслью, Хинта позвонил Тави. Но у того были другие планы.

– Давай завтра. Завтра мы пройдем по всему Шарту и дойдем до твоих теплиц. А сегодня у меня есть дело – и я подумал, что ты мне можешь.

– Какое?

– Хочу научиться ходить за продуктами.

– Зачем тебе? – подивился Хинта. Они не видели друг друга с самой выписки – Хинта последние два дня был слишком занят переездом к Фирхайфу, и теперь недоумевал, гадая о скрытом смысле запроса Тави.

– Потому что так делают взрослые люди, – туманно объяснил тот. – Кое-какую работу я уже проделал сам. Я узнал, что в Шарту ввели систему контроля продовольствия. Основные продукты питания больше

нельзя просто купить. Каждой семье выдают цифровой кошелек, но не с деньгами, а с УК. Сколько у тебя УК, столько получаешь еды. Я взял такой кошелек нового образца у матери.

– А что такое УК?

– Условные калории. Выводятся из соотношений возраста, пола и роста человека.

– Послушай, через эту систему я и сам еще ничего никогда не получал.

– Но ты хотя бы умеешь ориентироваться на продуктовых складах. Я же ни разу не ходил туда без мамы. А они огромные – я просто не уверен, что пойму, куда там идти. И мама говорит, что они частично разрушены, а в остальной части в панике толпится народ – все пытаются ухватить, что им не положено.

– Понял. Хорошо, я пойду.

– Я знал, что могу на тебя рассчитывать, – обрадовался Тави. – Давай встретимся на центральной площади. Хочу, чтобы ты посмотрел на стройку нового здания гумпрайма – пусть это будет авансом к нашей завтрашней большой прогулке.

Уже через час они стояли вместе перед сетчатой оградой технической зоны. По пути Хинта успел взять Иджи, и сейчас Ашайта привычно восседал у робоослика в кузове, его руки двигались в своем вечном волшебном танце. Утреннее солнце светило сквозь полупрозрачный туман, отчего казалось, будто сам воздух светится, над блестящим металлом Иджи и скафандром Тави поднимались призрачные ореолы. За оградой, растворяясь среди тумана и света, вставали опорные балки будущего здания. Между ними сновали рабочие в робофандрах и крутился восьминогий оранжевый кран, оснащенный многосуставчатой стрелой с крюками и захватами на конце.

– Так вот каким он будет, – выдохнул Хинта, – выше всех нынешних зданий Шарту! Знаешь, я начинаю думать, что мои страхи были несправедливы. Может быть, землетрясение – это не только боль, утраты, руины, работы. Может быть, еще оно несет в себе обновление. Не сейчас, и не для моей семьи. Но, в конце концов, здания станут выше. Гумпрайм будет таким, что вся разросшаяся община сможет в него войти, и никому не придется тесниться в коридоре. Жизнь станет лучше. И правда останется за высмеянным Иварой упрямством здешних людей.

– Вот только он не смеялся, – сказал Тави. – Он очень серьезно об этом говорил. И да, это здание вызывает такие чувства. Вот только когда смотришь на него долго, и на смену первым эмоциям приходят аргументы разума, начинаешь видеть другое. Все эти опоры доставлены сюда из

Литтаплампа. И каждая панель, которую водрузят на их каркас, тоже приедет из города. И архитектор тоже живет там, за стеной Экватора. Так что новый облик поселка возникает не в результате победы над стихией. Глядя на это здание, мы видим десятилетия технического развития и перемены мод, происходившие по всей литской ойкумене. Стихия лишь вызывает разрушения в неспособной к естественному развитию инфраструктуре Шарту – а потом на тихом ходу сюда приезжают новые вещи, и людям кажется, что они совершили прорыв.

– Ты прав, – опечаленно согласился Хинта, – и я был в плену этой иллюзии.

– Потому что это сильная иллюзия. Но это еще не все. Пойдем, покажу.

Они двинулись вдоль ограды к большому плакату – не голограмме, а обычному щиту из композитной панели для внешней облицовки зданий – с текстом следующего содержания:

ИЗВЕЩЕНИЕ.

Гражданам юрисдикции Шарту. В связи с масштабами последствий землетрясения, и в соответствии со ст. 2 регулятивного кодекса юрисдикции Шарту, на территории юрисдикции Шарту введено чрезвычайное положение.

На время чрезвычайного положения администрация юрисдикции Шарту получает: (1) право по своему усмотрению принимать любые решения, касающиеся финансирования и снабжения юрисдикции Шарту; (2) право изменять планировку поселка и возводить на территории юрисдикции Шарту любые необходимые постройки, а также проводить любые необходимые работы, связанные с изменением формы ландшафта; (3) право предпринимать любые необходимые действия для защиты граждан юрисдикции Шарту и границ юрисдикции Шарту; (4) право по своему усмотрению вмешиваться в частную жизнь граждан Шарту, в той мере, в которой это необходимо для осуществления пунктов (1), (2) и (3).

Чрезвычайное положение будет автоматически отменено, при исполнении одного из следующих условий: (1) завершение строительства и открытия нового здания гумпрайма; (2) восстановление физической инфраструктуры поселка до такой степени, чтобы стало удобным проведение гумпрайма на улице; (3) восстановление информационной инфраструктуры поселка до такой степени, чтобы стало возможным проведение виртуального гумпрайма.

Администрация юрисдикции Шарту.

– Администрация, – сказал Хинта. – Это всего шестнадцать человек. Среди них Джифой, Киртаса, твоя мать...

– Это диктатура, – кивнул Тави. – Простые люди больше не имеют права голоса. Все решают богачи, управленцы, военные и ученые.

– Никто не будет всерьез возражать, поскольку точно такое же решение было принято после удара цунами.

– А я и не говорю, что это плохо. Еще нет. Все будет зависеть от того, какие решения эти люди примут в своем кругу. И думаю, самое главное решение они уже приняли. Его последствия перед нами.

Хинта снова взглянул на щит.

– Не понимаешь?

– Честно говоря, нет. Они строят гумпрайм, чтобы вернуть власть народу Шарту. Это их решение?

– Они строят роскошное здание. Здание, в котором минимум три этажа, а, возможно, и все четыре. Зал будет занимать лишь два. Но для чего еще этажи? И откуда у них деньги, Хинта? Почему Литтапламп согласился поставить все это сюда? Эти конструкции, они же наборно-модульные. То есть, это здание будет закончено за считанные дни. Через две недели его торжественно откроют. И этот робокран – он же специально для того, чтобы собирать такие конструкции. То есть, его привезли сюда вместе со стройматериалами. А это добавляет зданию цену. Был ли смысл везти сюда такую машину, если нет планов построить еще многих зданий с ее помощью?

– Хочешь сказать, когда гумпрайм откроют, на нем будет эмблема «Джиликон Сомос»? – Хинта сам не мог понять, что чувствует в этот момент. Нет, он не был ни разочарован, ни напуган. Но и рад он тоже не был. Он чувствовал в своей крови адреналин – жестокую энергию перемен.

– Ты перепрыгнул через несколько посылок в рассуждениях, но да, я хочу сказать, что это не просто гумпрайм. Это наполовину гумпрайм, а наполовину сомос-офис. Видно, мало кто замечает это, иначе бы толпа уже громила стройку.

– Неужели Фирхайф...

– Да, он все это возил. Я не знаю, понял ли он, в чем подвох, и подписывает ли он какие-то соглашения о неразглашении, когда везет грузы такого значения.

– Подписывает. Потому и не сказал. – Хинта снова вспомнил ночные кошмары старика. Тот знал слишком много, слишком много нес на

своих плечах. – Думаю, мы должны сообщить Иваре, что корпорация его брата едет сюда.

– Ивара догадался первым. Он не стал мне говорить прямо, но намекнул.

– Ты его видел?

– Кратко, вчера. Я зашел к нему в гости, но он в тот момент уже уходил за минералами. Тем не менее, мы чуть-чуть поговорили.

– И как он там? – Смотреть на стройку больше не было нужды, и они двинулись в направлении продовольственных складов.

– Ну, у него много работы. Он думает, что землетрясение могло открыть какие-то новые вещи, и боится их упустить.

– Завтра вечером у него будет большой разговор с Фирхайфом, – сообщил Хинта. Тави вскинул голову. – Мы не приглашены. Точнее, Фирхайф категорически против нашего присутствия. Мне кажется, он что-то знает и из-за этого думает, что Ивара ставит нас под удар, втягивая в свою жизнь.

– Может, Фирхайф знает что-то про связь «Джилликон Сомос» с исчезновением друзей Ивары? А теперь он также знает, что они...

– Будут здесь. Да, это повод испугаться.

– Но Ивара не напуган. Впрочем, он ведь говорил нам, что его брат и так знает, где его найти. Тогда чего ему бояться? Будет здесь офис корпорации или нет – те в любом случае нашли бы способ его достать.

С минуту они шагали молча. По правую руку от них лежал мертвый город покинутых и полуразобранных руин, по левую стояли новые дома: красивые, но слишком одинаковые.

– Итак? – спросил Хинта. Тави понял его с полуслова и достал из кармана простенький электронный кошелек. Хинта нажал на кнопку, и устройство засветилось, показывая количество УК, отведенных на семью Руварта.

– Твоя мать сама его тебе дала?

– Да. Я пытаюсь с ней помириться.

Хинта удивленно поднял брови.

– Я думал, это уже невозможно.

– Два дня назад и я так думал. Но за эти два дня много чего произошло. Даже не знаю, с чего начать. Я ведь как-то показывал тебе объемный снимок моего отца?

– Давно еще.

– Если ты помнишь, он не очень на меня похож.

– Пожалуй.

– А Ивара очень на меня похож. Нет, сейчас я точно знаю, что он не мой отец. И я верю, что тот человек с изображений, имеющих у мамы – мой отец. Но представь, каково мне было в те дни, когда мы только повстречались с Иварой, и я еще не знал точно. Я начал почти сходить с ума.

– Ты не говорил. То есть... Я что-то понимал. Потому что тоже видел вашу схожесть. И я знал, что ты видишь ее не хуже. Но прямо ты не говорил ни разу.

– Да, не говорил. Но пойми, я был не в себе. Наверное, во мне есть какая-то рана, связанная с неполнотой моей семьи. А в эти каникулы, по мере того, как я расходилсЯ с матерью, и особенно после того, как мы встретили Ивару, эта рана открылась и снова начала кровоточить. Я просто не мог об этом говорить. Что-то во мне сломалось. Понимаешь?

– Как в моем отце? Только он не мог признать, что Ашайта жив.

– Да, а я не мог признать, что мне больно из-за того, что мой отец по ту сторону Стены живет какой-то совсем другой жизнью, в которой меня совсем нет... Мы теряем наши семьи, Хинта, и остаемся с друзьями. Я не знаю, почему это так, но вижу, что в последнее время все к этому катится. У каждого из нас. Мы все время на грани, а значит, однажды окажемся за гранью. Так вроде бы и должно быть: чтобы родители выпускали детей в мир. Но с нами это происходит слишком рано.

– И все же, как ты наверняка выяснил, что Ивара – не твой отец?

– Ради этого я вчера вернулся в больницу. Но давай я постараюсь рассказывать хоть немного по порядку. Встреча с Иварой и мои чувства по его поводу – это как бы первое начало того, о чем я хочу сказать. Второе – это слабость и болезнь.

– Как это может быть началом? Ведь это конец всего.

– Любая вещь может стать началом, если о ней хорошенько подумать. Знаешь, я ведь никогда не болел так сильно, как после нашего отравления тендра. Боль в груди, тошнота, слепота, отсутствие кожи. И дурнота, которая спутывает все мысли.

Хинта вдруг понял, что для него самого эти дни не стали опытом. Он просто пережил их, позволяя своему крепкому телу цепляться за жизнь, бороться. А как только оно при помощи врачей справилось с этой задачей, он начал забывать, как все это было. Слушая друга, Хинта заново все вспомнил, и поразился тому, как Тави говорит об этом – да, тот действительно обдумал свою болезнь.

– Дурнота. Впервые за мою сознательную жизнь я потерял в самом себе нить рассуждений, нить сознания. Остаться без этой вещи было для меня хуже, чем любое другое одиночество. Каждый раз, когда сердце

меня подводило, я понимал, что меняюсь, что теряю одного себя, а затем нахожу немного другого. Понимаешь?

– Знаешь, а я, наверное, вообще так живу. Оттого мне и не страшно болеть. Погоди, а как же ты спишь? Ты что, засыпаешь и просыпаешься с одной и той же мыслью?

– Почти. То есть, обычно я просыпаюсь со следующей мыслью, но помню ту, с которой засыпал. Я жил так ясно, пока не случилась эта болезнь. И только после нее я понял, что другие люди могут жить не так. И мне стало намного легче их простить.

– Вы с Иварой не как все люди. Именно поэтому вы так похожи. Вы живете по другому закону внутри себя. Может быть, вы вообще единственные, у кого внутри есть этот закон. Все остальные лишь время от времени возвращаются к своему внутреннему содержанию, потом снова теряют его, снова ищут. И тратят на это почти все время своих мыслей.

– В больнице и я сорвался. Когда эта ниточка мыслей во мне оборвалась, я больше не мог сдерживать чувств, они меня буквально разрывали. Мне приходили в голову безумные мысли. Я думал, что моя мама и Ивара... Если я – их ребенок, не могут же они не знать друг друга. Я думал, что они надо мной издеваются, специально играют незнакомцев.

– Знаешь, я верю, что внутри у тебя был ад, но снаружи ты выглядел собой. По тебе ни разу нельзя было понять, что ты думаешь такие вещи.

– Даже когда я закатывал истерики и плакал?

– Ты ругался только с матерью, а с Иварой вел себя ровно.

– Мне казалось иначе. Но я рад, если все выглядело именно так, как ты говоришь. В больнице я уже понимал, что распадаюсь, но не перенес этого знания на других людей – было не по силам думать о них. Я думал лишь о себе, жалел себя, испытывал горе и страх. И наивно верил в свои безумные мысли – а оттого мучился еще больше. Когда я выписался, моим первым побуждением было вывести мать на чистую воду. И я сделал то, от чего мне ужасно стыдно – позволил себе обыскать ее вещи. Я убедил себя, что имею на это право, если от меня злостно скрывают правду.

– И ты что-то нашел? Доказательства, что Ивара – не твой отец?

– Я ничего нового не нашел о своем отце. Зато в нижнем ящике стенного шкафа в комнате матери я нашел капельницу и целый склад лекарств.

– Выходит...

– И тогда я подумал: если моя болезнь так изменила меня, почему бы не представить, что какая-то другая болезнь еще больше изменила мою мать? Я понял, что должен с ней помириться. Она могла не по своей воле стать другой, не по своей вине потерять себя.

– Как же ты мог не замечать?

– Не знаю. Наверное, я был слишком здоровым, чтобы видеть чужую болезнь. А еще я был бесконечно и бескомпромиссно строг к людям. Я требовал от них, чтобы они были идеальными, но забывал, что наши души живут в телах, забывал, как много в нас от этих тел зависит. Я просто не мог понять, почему люди порой не владеют собой. Теперь понимаю.

– Теперь я понимаю, почему мы идем на продовольственные склады, – тихо резюмировал Хинта. – Ты простил ее и заново ищешь способ стать ее другом. А еще ты боишься, что она слишком слаба физически – моя мать тоже болела, я знаю, как это бывает.

Они уже подходили. После землетрясения почти вся эта часть поселка превратилась в пустырь; сквозь очертания прежних дорог, рассекая их жутковатой молнией, шел тектонический разлом, вдоль него длинными черными языками тянулись дорожки застывшей и обратившейся в пемзу лавы. Через них, как дополнительный знак упрямства местных жителей, был перекинут удобный пешеходный мостик – люди быстро и методично обживали изменившийся ландшафт – и Хинте пришлось проследить за Иджи, чтобы тот не споткнулся на ступенях. Дальше начинались склады – одно из самых больших зданий поселка, чей парадный терминал тянулся на сотни метров. Во многих местах, где крыша не выдержала удара стихии, шлюзы были запечатаны, а колонны портика обтянуты предупреждающей оранжево-синей лентой. Однако значительная часть терминала все еще оставалась в рабочем состоянии, и там деловито сновал народ с робоосликами и гусеничными роботележками.

– Все получилось непросто, – продолжал Тави. – Вчера у нас с мамой был большой разговор. Я предложил ей свою помощь – вероятно, в столь настойчивой форме я сделал это впервые за всю мою жизнь. Сначала она посмеялась надо мной – очередной грубый и абсолютно нелогичный жест с ее стороны, ведь она весь последний год требовала от меня, чтобы я стал взрослее. Но я стерпел, потому что очень хотел, чтобы мы, наконец, просто нормально поговорили. Хотел понять, какую именно часть ее способности к мышлению и общению со мной разрушила болезнь. Раньше она не была как все. А за последний год она скатилась вниз, стала думать о жизни и мире самые обыденные, самые пош-

лые вещи. Но пока я не знаю даже, больна ли она. И не буду знать точно, если она сама мне об этом не скажет.

– Лекарства...

– Да, это свидетельство. Но откуда мне знать, чего? Может быть, она уже закончила болеть. Или думает, что начнет болеть. Или это не ее лекарства. Или эти лекарства и есть ее болезнь – потому что она наркоманка. Или она была наркоманкой, но изменилась, потому что перестала употреблять. Откуда мне знать, Хинта? Да, может показаться, что я избегаю самого очевидного объяснения. Но именно с него я начал. Я предполагаю, что она больна. Но пока это остается лишь предположением. Мне нужно, чтобы она перестала молчать и лгать. Тогда я буду знать наверняка.

– Если болезнь делает с каждым человеком то же, что и с тобой, то есть, если болезнь разрывает эту внутреннюю ниточку мыслей, то я понимаю, почему твоя мать стала такой. Пошлые и обыденные вещи легче найти, легче запомнить. А внутренний мир человека, наверное, не терпит вакуума. Когда для нее стало слишком трудно возвращать свое прежнее высокое содержание, она заполнила свой внутренний мир простыми мыслями – вроде того, что тебе надо взрослеть.

– Да, так может быть. Но знаешь, эта ситуация с ее требованием моего взросления – она интересна сама по себе, даже вне контекста ее возможной болезни. Смотри, как все было. Она мечтала, чтобы я стал взрослым, но не хотела, чтобы я вел взрослую жизнь. Она требовала, чтобы я умозрительно освоил какие-то жизненные установки, которые она считает взрослыми. При этом она блокировала все мои попытки начать самому о себе заботиться. Ее вполне устраивало, что я веду образ жизни богатенького ребенка.

– Глупо и неправильно. Взросление связано с тем, что человек умеет и может. Это способность позаботиться о себе и о других. И ничего больше.

– Именно. Поэтому я теперь тоже буду заниматься хозяйством. Это часть моего нового мирного соглашения с мамой. Мне надоело быть самым беззаботным ребенком в Шарту, надоело, что она делает для меня все, что я ей всем обязан, что мы ужасно неравны в наших социальных позициях. Так что для начала я буду покупать продукты и готовить на нас двоих. Она бы сама никогда такого не предложила, но ведь на самом деле ей это нужно. Из-за последних событий у нее, как и у твоих родителей, хватает проблем. Если она хотела, чтобы я стал взрослее, я покажу ей, что я уже стал взрослее. Ей кажется, что взрослая жизнь начинается с изменения взгляда на мир. Я докажу ей, что это не так. Я начну с

домашних дел. Но потом, возможно, даже найду какую-то маленькую работу – из тех, которые могут доверить подростку.

– Тебе будет трудно. Ты ведь никогда этого раньше не делал. Ты, наверное, единственный, кто сам взваливает на себя такое, когда никто от тебя этого не требует.

– Да, но выбора у меня нет, точь-в-точь, как и у тех, от кого работать требуют. Это легко, когда от тебя требуют. Тогда ты просто делаешь то, что тебе сказали. Я долго размышлял и, наконец, понял, понял все, что она мне говорила за последний год. Понял, но не принял. Она, как и многие люди, почему-то уверена, что прежде обретения ответственности и самостоятельности человек должен проделать у себя внутри какую-то ужасную разрушительную работу, снести все, на что опирается душа ребенка. На мой взгляд, это странный, ни к чему не ведущий этап. Его можно миновать и просто стать более самостоятельным, оставшись при этом неизъявленным внутри. Делая взрослую работу, я буду по-прежнему любить ламы, думать о людях, чтить идеалы героев.

– Ты всегда говорил, что останешься таким. И я, надеюсь, буду как ты.

– Ты уже такой. Если я был самым беззаботным ребенком в Шарту, ты, возможно, был и все еще являешься одним из самых загруженных. Ты всегда восхищал меня этим! Ты столько всего делаешь, так заботишься о своем брате, столько тянешь на себе – и оно тебя не разрушает.

– Спасибо, – смутился Хинта.

– Это просто правда. Не надо за нее благодарить. И не переживай, если тебе кажется, что я неприкаянно и праздно за тобой хожу – это не так. Я смотрю, как ты работаешь, чему-то учусь. Я хочу стать немножко больше на тебя похож. И думаю, эти наблюдения мне помогут.

– Я думал, это я тобой восхищаюсь, а не ты – мной.

– А разве так не должно быть всегда? Чтобы друзья восхищались друг другом даже в те минуты, когда они не согласны и ссорятся?

– Должно бы. Но, наверное, редко бывает.

– А по поводу первых трудностей – ты ведь сможешь мне сориентироваться на складах?

– Конечно, – улыбнулся под маской Хинта, и они вошли в тень портика парадного терминала складов.

Внутри склады представляли собой единое техническое пространство с проходами для людей и проездами для грузовой техники. До

последней катастрофы здесь процветала розничная торговля с рук и лотков, но также имелись оптовые магазины фермеров-крайняков, лавки перекупщиков, дешевый сбыт почти просроченных продуктов из обновляемого стратегического запаса Шарту и пункты выдачи закупок из Литтаплампа. Большую часть пищевых продуктов Шарту производил для себя сам; фермеры, которым не удавалось конкурировать в культивации фрата с Джифом, а таких было большинство, находили свои ниши в других областях сельского хозяйства. В результате, здесь можно было найти продукты самой разной цены и качества, и даже семейство Фойта раз в год ненадолго арендовало маленький прилавок, чтобы сбыть урожай, выращенный в своих теплицах. Склады были одним из центров жизни Шарту – торговые ряды пестрели мигающими голограммами и намалеванными краской вывесками, мельтешили лучи света всех цветов радуги, под потолком, по невидимым в темноте рельсам, доставляя к торговым точкам контейнеры с продуктами, скользили легкие желтые кран-балки. Это была стихия, которую Хинта не любил, но знал. Теперь все изменилось. Практически все маленькие торговые площадки были закрыты. Предметы за уцелевшими витринами валялись так, как их раскидало землетрясение. В некоторых местах на липучках висели микропроекторы, чьи голограммы кричали одно и то же: «Вероятность обрушения! Вход закрыт!»

– Мама на один поход за продуктами тратит от двадцати до сорока галов, так она сказала, – рассеянно отметил Тави. Хинта замер, оценивая эту сумму. – Что?

– Моя семья покупает недорогие продукты. Насыпную вему мы берем редко, но оптом. Чаучи в пакетах. Еще есть лавка Тутрога – он перепродает специи с самой маленькой наценкой. Но у него я покупаю редко, мы чаще сами продаем ему – ему нравится качество нашего харума. Обычно на все уходит около пятнадцати галов – и это продукты на семью из четырех человек.

– Мама любит деликатесы из Литтаплампа, – хмуро сказал Тави, – хотя теперь, похоже, ей придется временно ограничить себя... Ну и разнесло же здесь все! Догадываешься, куда идти?

– Наверное, да. У Шарту есть неприкосновенный стратегический резерв. А поскольку любые продукты постепенно портятся, резерв регулярно обновляют. В конце открытой для посетителей части складов есть специальный терминал – раньше там продавали по дешевке трехлетние консервы. Думаю, именно там теперь работают окна выдачи.

Хинта оказался прав: через пару минут они с Тави вышли на просторную площадку, где шумели две очереди, одна длиной в два десятка

семей, другая значительно короче. Люди стояли большими и маленькими группами, почти каждая была со своим робо. Хинта сначала подошел к короткой очереди, но оказалось, что она им с Тави не подходит.

– Это получать компенсацию за конфискованный товар, – объяснил незнакомый толстяк. – А конфисковали почти все. Теперь все продукты принадлежат общине.

Мальчики перешли к длинной очереди. Та двигалась настолько медленно, что выглядела мертвой, поэтому Хинта приказал Иджи лечь на землю и спустил Ашайту с ослика.

– А он не уйдет далеко? – встревоженно спросил Тави.

– Не здесь. Он понимает, что склад – не лучшее место для игр. Ну и потом, мы не задержимся здесь надолго. А пока мы здесь, мы его все время видим.

– Людей слишком много. Можем потерять его за толпой.

– Толпа стоит неплотно и почти не двигается. Многих я знаю в лицо. И они знают, что это мой брат. – Хинта устало сел на борт кузова Иджи. Он не делал этим утром никакой работы, но тревожные разговоры – сначала с Фирхайфом, теперь с Тави – словно высосали из него вдруг все силы. – Вот, видишь, все просто. Веселого тут мало, это долгое и скучное дело.

– Я бы изрядно поплутал без тебя. Так что спасибо, что довел.

На складах царила полутьма, лишь высоко под потолком мерцали редкие лампы. Поблескивал грубый металл опорных балок. Земляной пол был ржаво-красным, пропитанным специальными составами, которые делали грунт непроницаемым для тендра-газа.

– На самом деле, мое открытие ставит меня в ужасное положение, – сказал Тави. – Я сейчас покривил душой. Я могу узнать больше про болезнь матери, даже если она сама никогда не заговорит об этом. Просто мне кажется, что доводить сейчас это дело до конца еще более отвратительно, чем рыться в ее вещах.

– И как бы ты узнал?

– Лекарства. Я выписал их названия. Файл теперь у меня в портативном терминале. Если найти к ним описание, я буду знать, от чего они, и можно ли их использовать как наркотики. В любом случае, если я это сделаю, то масса вариантов отсеется. Но могу ли я? Я уже влез в ее личное пространство, в ее личную жизнь – туда, куда она меня не пускала, и, возможно, не пускала именно потому, что любила. Хинта, как я могу и дальше нарушать эту границу?

– А жить, не зная – это ты сможешь? Что, если ей нужно больше твоей помощи? Что, если она скрывает от тебя, что умрет в скором вре-

мени? И не важно, по какой благой причине она бы стала скрывать подобное – ты же не сможешь ничего делать, ничего планировать, пока не узнаешь правду! Ты привязан к ней. А она – и не важно, почему – не общается с тобой, как с равным, как с взрослым, в то время как ты уже взрослый.

– Ты думаешь, что посмотрел бы.

– Да. Обязательно.

– Ты пытался встретиться со своим отцом с тех пор, как тот устроил странную сцену в больнице?

– Это не одно и то же.

– Почему?

Хинта не сразу сумел найти ответ. Они стояли, мучительно вглядываясь в глаза друг другу. Ашайта кружился метрах в пяти от них. Кое-кто из людей за ним наблюдал, но на их лицах был только интерес и никакой враждебности, а потому Хинта не мешал брату танцевать.

– Это, – наконец, произнес он, – как если бы ты в лоб спросил свою мать, чем она больна. Но ты ведь не спросил. Если бы я мог лучше понять маленькое безумие отца, не встречаясь с ним – я бы так и сделал. Если бы я мог заранее узнать ближайшее будущее своей семьи... я бы его узнал.

– Извини, – попросил Тави. – Кажется, я стал злым, сам немного обезумел от всего этого. Я будто нападаю на тебя. А я этого вовсе не хочу. Свое горе не мешает хорошему человеку сочувствовать чужому.

– Нет, не нападаешь. Ты просто ищешь ответ, как тебе поступить. И само собой, ты смотришь на других, в том числе на меня, анализируешь меня, чтобы понять себя. Так все делают.

– Ты прав. Но ответа я не нахожу.

– Так не ищи его. Не мучай себя этикой.

Тави поднял на него тяжелый взгляд.

– Этики здесь нет, – действительно сказал Хинта. – Есть твоя жизнь. И тебе нужно ее защищать. Ты не найдешь легенды о том, как поступил бы Джилайси, когда он был мальчиком, а его мать неизвестно чем болела и неизвестно о чем лгала.

– Ирония в том, что Джилайси был жестоким мальчиком, совсем не таким, как я. Из него растили воина-патриота. Он убивал. А когда крови стало слишком много, он сошел с ума. И через свое безумие он сломался и стал моим идеалом. Человеком, который защищает всех.

Хинта примолк. Потемневшие глаза друга гипнотизировали его.

– Мне же любая моя неадекватность будет угрожать обратным. Я хорошо начал, а значит, могу плохо кончить. Я чувствую, что Ивара зна-

ет это про меня. Вот почему мне нельзя сильно ошибаться – я и так слишком часто ошибаюсь в мелочах. Мне нельзя делать выбор, который поставит меня вне морали.

– Тави, ты себя мучаешь, и думаю, зря. Давай я посмотрю на терминале брата названия этих лекарств. Там отличный медицинский справочник.

– Ты же не живешь дома.

– Мы с матерью перетащили его терминал к Фирхайфу. Она на этом настаивала, потому что суеверная. Ей кажется, что отец скорее придет в себя, если все обставить так, словно мы уезжаем из дома навсегда. Но в любом случае, Ашайта, возможно, будет одним из очень немногих детей в Шарту, кто не потеряет этот месяц учебы.

– Ладно. Посмотри. Я вечером пришлю тебе файл. И спасибо.

Хинта горячо кивнул.

– Но из всего, о чем мы говорили, я пока так и не понял, как ты пришел к выводу, что Ивара – точно не твой отец?

– Это отдельная история. Помнишь, Ивара сказал, что он, как и я, амбидекстр, и что это не передается по наследству? Вчера, уже после обыска у матери, я пошел в больницу, нашел того медика, который принял нас с Иварой за отца и сына, и попросил его уточнить насчет амбидекстрии.

– И он согласился?

– Он меня пожалел. Когда он понял, что для меня все это значит, он сделал больше: прогнал оставшиеся в больничном архиве образцы моей крови и крови Ивары через генный компьютер. Машина показала, что мы даже не дальние родственники. Но она показала и кое-что еще. При всех наших базовых различиях, кое-какие общие свойства у нас есть. Мы оба – хару. И, что, возможно, даже более значимо, у нас одинаковое окончание модификатора келп-тла в ДНК.

– То есть, ты, как и он, не сможешь позаботиться о себе? Возможно, твоя мать копит лекарства для тебя?

– Хару могут позаботиться о себе. При этом они неизлечимы – копить лекарства нет смысла. И да, к двадцати годам мне, как и Иваре, придется каждые несколько дней показывать свой скафандр специалисту. Но послушай, Хинта, меня здесь волнует другое! Мы с Иварой не родственники по крови, и никаких претензий на этой почве у меня к матери быть не может – она не спала с ним, не от него я был зачат – но мы с Иварой будто бы родственники по келп-тла. Если бы я только лучше понимал природу этого гена!

– Искусственный ген адаптации.

– Да. Это известно. Но даже этот медик – а у него есть образование, о котором мы с тобой можем пока лишь мечтать – даже он только развел руками, когда я его об этом спросил. Никто не понимает келп-тла до конца. И я уже не удивляюсь, что этот ген стал своего рода мифом, хотя он реально есть в крови каждого, и самый обычный генетический компьютер может полностью его просмотреть.

– Ты сказал Иваре?

– Я не могу. Не хочу, чтобы он знал, как сильно я из-за него страдал. Но однажды мы с ним об этом поговорим. Мне не так долго осталось ждать момента, когда хару во мне отчетливо проявится.

Хинта опустил взгляд. Во всем, что с ними случилось, было слишком много боли, и она уже сделалась для него почти невыносимой. Они оба прощались со своим детством, наблюдали крушение своих семей, становились сиротами при живых родителях. Хинта хотел, чтобы все это кончилось: чтобы мать Тави была здорова, чтобы к ней и к ее сыну из Литтаплампа приехал муж и отец, чтобы его собственная семья получила второй шанс. Из оцепенения его вывел голос друга.

– Надо разбудить Иджи. Очередь двигается.

Хинта оглянулся по сторонам и, к своему ужасу, осознал, что нигде не может найти младшего. Он видел лишь ноги, спины, плечи и лица других людей.

– Где Ашайта!?

Теперь Тави тоже посмотрел вокруг.

– Я думал, он в твоём поле зрения.

– Я идиот! Мне надо было послушать тебя, когда ты говорил, что мы его потеряем. Я лишь на мгновение забыл о нем, и вот его уже нет.

– И что делать?

– Стой рядом с Иджи. Вдруг брат сам вернется.

– Стою.

Хинта сорвался с места. Он петлял среди людей, машин, грузов, опорных столбов. Кричать и звать брата в голос он пока стеснялся, но знал, что начнет, если не найдет того через пару минут. Его взгляд метался повсюду в поисках детского красно-белого скафандра. В какой-то момент Хинта даже подумал, что видит Ашайту, но мгновение спустя осознал, что это другой ребенок. Он уже сделал почти полный круг вокруг того места, где они с Тави стояли, когда ему повезло наткнуться на знакомого. Это был Вондра, его одноклассник – он скучал рядом со своей большой семьей, а его мать и три сестры щебетали и хихикали, не замечая ни его, ни что происходит вокруг.

– Привет, – резко подошел к нему Хинта. – Я брата потерял. Скажи, пожалуйста, ты его, случайно не видел?

– Привет. А чего ты такой напуганный? Он разве не с твоим отцом?

– Отцом? – ошалело переспросил Хинта. – Ты видел их вместе?

– Ну да. Хинхан, ты вообще как? Где был после землетрясения?

– Прости, давай потом. А где, где ты их видел?

Вондра показал направление, и Хинта рванул прочь.

– Пока, – бросил он на прощание, – все потом...

Вондра лишь проводил его непонимающим взглядом. Хинта шел быстро, почти бежал. Он вернулся в ту часть продовольственных складов, которая была полностью застроена мелкими павильонами, и там внезапно понял, куда идет. Где-то здесь был один из кувраймов поселка – самый дешевый и гадкий. В него поставляли кувак местные фермеры, и они же его здесь в основном и пили. Куврайм, в отличие от множества других заведений, работал – его запасы представляли стратегический интерес только для отчаявшихся мужиков вроде Атипы, но никак не для администрации Шарту. Кроме того, кувак был, пожалуй, одним из немногих товаров, в случае массовой конфискации которых среди шартусского плебса мог вспыхнуть бунт.

Хинта слышал куврайм раньше, чем увидел его. Гул нестройного пьяного хора складывался в знакомые слова:

Через стену, через стену и на волю,
Через стену, через стену и на юг,
Мы уходим в пустошь, чтоб разметить поле –
Чтобы новый-дальний основать приют.

Исполнители дружно отстучали ногами и кружанами, чтобы подчеркнуть конец припева, и сразу затянули снова:

Чтоб не знать нам больше бригадиров,
Чтоб работать на своей земле,
Мы уходим к дикому фронтиру –
В нищий лагерь, к огненной скале.

Эту песню Хинта помнил наизусть. Ее считали своего рода гимном всех южных поселков. Она жила со времен расцвета литской ойкумены, когда люди перебирались в пустошь и бездорожье, чтобы начать на новом месте новое дело. Тогда было другое время – до появления омаров, культивация фрата только развивалась, а главную проблему для начина-

ющих колонистов представлял Экватор – не было тихоходных поездов, чтобы дешево перевозить через него большие объемы грузов. А еще эта песня была любимой песней Атипы и, возможно, вообще единственной, которую тот хорошо знал. Сердце Хинты замерло в нехорошем предчувствии. Должно быть, отец сейчас был в ударе и в угаре.

Хинта свернул в ближний закоулок складского лабиринта и увидел куврайм. Заведение было переполнено, толпа вывалила наружу. Над сгрудившимися людьми мерцала надпись-голограмма с обескураживающе простым посылом: «раз еда бесплатно, потратить деньги на выпивку».

Отца Хинте искать не пришлось: пели именно те, кто стоял на улице. Атипа был среди них – танцевал-раскачивался в кругу людей, сцепившихся руками. Ашайта танцевал между ними – радовался, наверное, что столько поглупевших взрослых кружатся вместе с ним.

Через стену, через стену и на волю,
Через стену, через стену и на юг,
Мы уходим в пустошь, чтоб разметить поле –
Чтобы новый-дальний основать приют.

От законов Лита мы устали –
Корпорации нам жить там не дают.
Мы уходим в солнечные дали,
Общим-равным будет здесь крестьянский труд.

Хинта вклинился в танцующий круг и попробовал просто увести Ашайту. Малыш послушно последовал за ним. В это мгновение Атипа вывалился из цепочки танцующих и радостно возопил:

– Хинхан, сынок, да это ж ты! А я-то думал, чего младший один ходит?

Он был совершенно пьян.

– Ты его увел, – стараясь отстраниться от напирającego отца, отозвался Хинта. Толпа сомкнулась за спиной Атипы. Собутельники продолжали отплясывать и петь.

– А я, – совершенно не обращая внимания на тон сына, сообщил Атипа, – угощаю людей. Смотри, смотри! – Одной рукой он схватил Хинту за плечо, а другой широким жестом указал на весь окружающий их бедлам. – Смотри! Они все мои друзья! А все потому, что я угощаю людей.

– У тебя нет на это денег, – сказал Хинта. – Иди домой.

– А вот и нет. Твой учитель – он мне их дал. Деньги дал. Знаешь, что он сделал? Благородный человек!

Хинта в немом удивлении смотрел в пьяное, расплывшееся лицо отца. Он чувствовал, что вот сейчас ему станет стыдно. Но стыда еще не было – тот запаздывал, как запаздывает к восприятию слишком сильная боль.

– Благородный человек! Он знает что сделал? Он заплатил за лечение его! Да! Вот его! – Мужчина указал на младшего. – И мы богаты, Хинхан, мы снова в порядке. Надо только отстроить теплицы, ага!

– Как ты мог просить у него денег? Почему у него?

– А он приезжий. Он дал. Благородный человек! Возвращайся, Хинхан, возвращайся домой, ага! Ты должен жить со мной!

Хинта, наконец, ощутил, как на его щеках вспыхивает жар. Он не знал, что тут можно сказать, не знал, как обращаться к этому расплывшемуся лицу, а потому просто отступал все дальше и дальше, в полутьму большого прохода, где уже не было пьяной толпы. Когда отец в очередной раз потянулся к нему, он оказался слишком далеко, и Атипа упал, глупо растянувшись на заплеванной и забрызганной пойлом земле. Это был конец их маленькой встречи. Хинта подхватил младшего на руки и унес прочь. Они вернулись к Тави, чтобы забрать Иджи и уйти – Хинта боялся, что Атипа, поднявшись на ноги, последует за своими детьми, а этого ему не хотелось. Тави попросил людей в очереди запомнить его место и отправился проводить его. Они обогнули помещения складов по широкой дуге – шли так, чтобы все время быть как можно дальше от ку-врайма. Всю дорогу у Хинты в глазах стояли слезы.

– Худший поступок, который совершила моя семья... Отец нашел самого незащитного человека, чтобы попросить у него денег. Ивара же болен! Взять у него вещи или деньги – это как ограбить несмышленного ребенка... Приди, попроси – он и даст, даст тебе что угодно из того, что у него есть. Я даже примерно не представляю, какие там были счета, если их хватило, чтобы они стали одной из причин безумия отца...

– Мы с тобой еще дети, – задумчиво ответил Тави. – Мы, особенно я, захотели дружить с этим взрослым. Но мы не свободны, не предоставлены самим себе. А потому, волей-неволей, он получил вместе с нами наши семьи. И все проблемы наших семей легли на него. Моя ссора с матерью. Болезнь твоего брата. Это нечестно. Но, Хинта, что мы теперь можем с этим сделать?

– Я заставлю их все вернуть.

– Ты не сможешь, пока не расскажешь им про его болезнь – она главный аргумент к их совести. А разве Ивара хочет такой огласки? Нет,

думаю, он предпочтет заплатить. Думаю, он даже рад был заплатить, Хинта. Он ведь платил за хорошую вещь.

– Чтобы мой отец пропивал эти деньги?

– А если все не так? Может, сегодня твой отец пьет в последний раз? Ты же знаешь, как Ивара понимает людей. Что, если он сделал ровно то, что было необходимо для спасения твоей семьи?

На это Хинта мог ответить лишь тяжелым вздохом. Тави был прав, что-то изменилось; не было уже той страшной пропасти между Атипой и Ашайтой. Означало ли это, что Атипа идет на поправку? Неужели все сводилось к деньгам? Неужели тот не мог принять жизнь сына, если та обходилась в слишком большие расходы? Как бы Хинта ни раскидывал эту ситуацию в голове, он понимал лишь одно: отец сделал дело, за которое сын не сможет его простить. Каждая из сцен, устроенных Атипой после землетрясения, была ему отвратительна.

За разговором мальчики дошли до шлюзов. Тави был полон решимости уйти вместе с Хинтой и провожать того до самого дома, но Хинта убедил его, что это лишено всякого смысла. Так они и расстались: Тави пошел назад к своему месту в очереди, а Хинта увез Ашайту домой к Фирхайфу. Там он маялся – ему хотелось позвонить Иваре, попросить прощения, но стыд был так велик, что он не знал, как говорить. Еще больше он боялся, что учитель тоже не поймет его, отмахнется, скажет, что деньги не имеют значения – как это было в больнице, с компасом. Наконец, Хинта принял решение поговорить об этом позже, когда он сам сможет спокойно сформулировать свои мысли.

Во второй половине дня Тави, как обещал, прислал ему список, а Хинта в ответ исполнил свою часть уговора и извлек из терминала Ашайты описания десятка перечисленных лекарств. Сам он постарался все это не читать – не хотел узнавать что-либо прежде друга. Он лишь проверял заголовки файлов, а затем переправлял их Тави. Переписка вышла краткой и сугубо деловой. В конце Тави ответил скупым благодарным письмом – говорил, что все получил, и что все очень аккуратно подобрано.

Ближе к вечеру вернулся с работы Фирхайф, и зашла мать Хинты. Он эмоционально рассказал им о встрече с отцом и о деньгах, которые тот получил от Ивары. Мать, к вящему стыду и раздражению Хинты, восприняла новость скорее с оптимизмом.

– Наконец-то он сделал хоть что-то, чтобы нам помочь, – имея в виду Атипу, сказала она. После этого Хинта с ней почти поругался – а такое в их жизни происходило очень редко. Но Тави был прав: как бы Хинта ни старался, он не мог, не упоминая тему болезни Ивары, объяс-

нить, почему поступок отца был таким плохим. На все его выпады мать отвечала ему одним и тем же аргументом – о доброй воле учителя. К концу спора Хинта был на грани слез. Ужин прошел во взаимном обиженном молчании, которое Фирхайф тщетно пытался заполнить разряжающими обстановку шутками. При этом старик ни единым словом не упомянул, что завтра сам собирается встретиться с Иварой. Хинта тоже не говорил об этом – даже после того, как ушла мать.

А потом была ночь, и Фирхайф видел новый кошмар, и Хинта снова под утро разбудил его – потного и кричащего.

На следующий день, созвонившись, Хинта сразу ощутил в настроении Тави перемену. Тот был подавлен, задумчив и сам этого не скрывал.

– Ты узнал?

– Да

– И?

– Будет время – много времени – весь наш путь через Шарту, вся наша большая круговая прогулка. Вот и поговорим.

Хинте пришлось унять свое нетерпение и согласиться. Они договорились, что встретятся после обеда, чтобы Хинта и Ашайта не успели вернуться домой в те часы, когда там будут Фирхайф и Ивара. В качестве места встречи они избрали тропу, идущую вдоль Экватора. На этот раз они не собирались далеко по ней уходить, просто с ее высоты открывался вид на весь поселок. Это было лучшее место, чтобы разом подметить все основные перемены и определиться с маршрутом.

Когда Хинта и Ашайта на Иджи поднялись наверх, Тави уже был там. Он сидел на красном валуне, вросшем в землю у самого края откоса. Взгляд Тави был направлен поверх Шарту, в зеленоватую даль, где раз в полвека счастливчики могли увидеть мираж далекого Акиджайса.

– Ты в порядке? – спросил Хинта, когда они установили радиоканал.

– Не знаю.

– Она умрет?

Тави усмехнулся.

– Однажды, как и все мы. Но, вероятно, не от этого физиологического состояния.

Хинта замолчал, не понимая.

– Строго говоря, она вообще не больна. Ведь ношение плода – это не болезнь. Это нормальный этап жизни женщины. Просто со времен

Великой Катастрофы и Столетней Зимы наша Земля стала слишком трудным местом для людей. А оттого женщинам приходится принимать немало лекарств, чтобы плод сформировался здоровым.

Смысл слов Тави доходил до Хинты настолько медленно, будто цедился сквозь какую-то медицинскую капельницу.

– Она беременна? – наконец, спросил он. Тави кивнул, поежился.

– Не знаю, брат у меня будет или сестра, но очевидно, что отцом ребенка является Джифой.

– А? – выдохнул Хинта.

– Больше никому. – Тави подвинулся, Хинта спустил Ашайту с Иджи и сел на камень рядом с другом. Шарту расстился под ними. Поселок выглядел незнакомо: новые крыши и пустыри, длинные руки трудолюбивых робокранов, белый парок над центральной станцией очистки воздуха.

– А как же... – В голове у Хинты выкристаллизовался первый разумный вопрос. – Тави, если все это так, то что теперь будет делать сам Джифой?

– У него четыре дочери от двух жен, но все еще нет сына.

– То есть, если у нее мальчик...

– То он попытается сделать все, чтобы она вошла в его дом, как и две предыдущие жены. Вошла и уже не вышла.

– Не вышла?

– А ты не знал? С первой женой он формально развелся, но никуда ее не отпустил. И со второй он, если захочет, разведется, но тоже никуда не отпустит. Кто ему помешает, кто станет перечить? Все женщины у него живут богато. Дети получают великолепное литское образование через терминалы. Слуги делают за них всю работу. Законов он не нарушает, а во многом сам стал здесь законом.

– Ну ты и влип.

– Ты еще не понял. Я тоже мальчик. И я уже есть. Меня не надо рожать. Я достаточно взрослый – мне осталось каких-то шесть лет до совершеннолетия. Но я еще достаточно молод, чтобы попытаться изготавить из меня свою марионетку. Если у мамочки что-то не получится с этим новым ребенком, у нее в любом случае есть я. И вот теперь, только теперь, я до конца понимаю, за что была та пощечина в гумпрайме. Тогда она еще не могла знать, будет у нее мальчик или девочка – плод был слишком крошечным. Значит, тогда, в условиях неопределенного расклада, я был для нее еще важнее. Но я все испортил, так как полез возражать Джифою.

В голосе Тави была бесконечная горечь.

– А девочки? – спросил Хинта. – Почему бы ему не отдать наследство им?

Тави усмехнулся.

– Это же Джифой. Он мыслит себя последним мужчиной патриархального клана. Да, девочки получают свое. И если других вариантов не будет, то он оставит все именно им. Кстати, возможно, это будет к лучшему для всех в поселке. Но сейчас он мечтает о сыне. И это буду либо я, либо мой еще не родившийся брат.

– Если он заберет тебя...

– То это будет долгий ад. И я не знаю, чем такое может для меня закончиться. Но даже при наилучшем раскладе, если я сам останусь относительно свободен, матери у меня больше не будет. Ее Джифой точно отберет. Весь ее спектакль – оттого, что она не могла сказать, что с ней случилось. А я даже не знаю, как на это смотреть. То ли она предала меня и саму себя. То ли она попала в беду, понравившись не тому человеку, но не нашла в себе сил вовремя от него сбежать. Впрочем, какая уже теперь разница? Пойдем.

– Мы не решили, куда.

– Я тебе устрою круг по Шарту с сюрпризами. Поверь мне, ты не пожалеешь.

И Хинта действительно не пожалел. Они начали с исследования западной окраины поселка, где им обоим приходилось бывать, наверное, реже всего. Здесь было много стратегически важных технических сооружений, и здесь же была наибольшая угроза атаки омаров, так что заводы и склады чередовались с траншеями и песчаными брустверами импровизированной оборонительной линии.

Сперва они прошли мимо предприятия по переработке фрата. В сравнении с индустрией «Джиликон Сомос» это производство было крошечным, но выдаваемого им топлива хватало, чтобы обеспечить энергетическую независимость Шарту. Во время землетрясения некоторые цистерны с горючим лопнули, и теперь заводик был закрыт. Земля во дворе приобрела ровный и густой кислотно-зеленый цвет, по протравленному горючим грунту тянулась маслянистая пленка. Огнеопасную жижу разгребали рабочие в скафандрах с повышенной химической защитой.

После завода они увидели не менее захватывающее зрелище – траншеи, доверху заполненные застывшей лавой. Хинту впечатлила мысль, что оборонительная линия неожиданным образом исполнила свое назначение – спасла Шарту от беды, хотя этой бедой оказались вовсе не омары. Если бы лава свободно разлилась по поверхности, а не ушла в траншеи, она могла бы добраться до поврежденных баков с го-

рючим, и тогда произошел бы взрыв непредсказуемой разрушительной силы.

Затем они прошли вблизи электростанции. Это было угрюмое черно-серое здание, почти лишенное окон и дверей, каждую стену которого облепили, наподобие строительных лесов, технические галереи и лестницы. Электростанция героически работала даже сразу после землетрясения. Теперь она выглядела залатанной и покосившейся, но из ее черных, укрепленных растяжками труб по-прежнему вырывались небольшие джеты пламени – это мощные генераторы сжигали идущее под давлением фратовое топливо. Они издавали ровный, ни на мгновение не затихающий гул.

За электростанцией раскинулась подстанция-распределитель – целое поле трансформаторов и опутанных проводами мачт. Мимо распределителя Тави и Хинта дошли до заводов по очистке воздуха. Здесь снова были огромные цистерны, только не с топливом, а со сжиженным водородом, кислородом и азотом. Между гигантскими цилиндрами тянулись переплетения труб, дальше шумели огромными лопастями турбины, нагнетающие атмосферный воздух в угловатые махины очистительных камер. Земля под камерами была вечно мокрой – излишки водорода и кислорода соединялись в конденсат. За очистителями было большое, но мелководное озерко. Здесь Хинта спустил Ашайту с ослика, чтобы брат мог покружиться вдоль берега. Некоторое время они стояли и наблюдали, как отражения облаков плывут по темно-зеленой мертвой глади ядовитой воды.

– Примерно сейчас, – подумал вслух Тави, – Ивара пришел к Фирхайфу.

– А мои родители – к врачу. Момент истины. Мы можем только ждать. Взрослые с таким трудом верят друг другу. Это главная причина, по которой так сложно предугадать, чем закончатся их разговоры.

– За Ивару и Фирхайфа я больше спокоен, чем за твоего отца.

– Согласен. Ивара и Фирхайф – самые добрые и благоразумные взрослые во всем Шарту. Только в них сейчас и получается верить. – Некоторое время они молчали, потом Хинта заговорил о другом. – Мы так редко ходим к этому озеру...

– Потому что здесь тоскливо. Это всего лишь прокисшая вода на задворках технической зоны. А по другую сторону – голые красные холмы.

– Да, ты прав. То ли дело море: оно огромное, красивое, иногда бурное. За бегом волн можно наблюдать часами. Я понимаю, почему люди все еще любят селиться у моря, хотя прошли века с тех пор, как

там умерла жизнь, и рыболовство стало фактом древней истории. Но море в любом случае чище этого озера. В нем можно плавать. А эта вода, кажется, способна растворить скафандр.

– Ты плавал в море?

– Маленьким – да. Потом уже было как-то неловко делать это при других. А ты разве нет? Мне даже казалось, что ты когда-то давно плавал со мной.

Тави покачал головой.

– Я и не знал, что это вообще возможно.

– Странно. Наверное, я этого хотел и оттого придумал себе ложные воспоминания. Или это был кто-то другой. Одноклассник из младшей школы? – Хинта задумался, пытаясь найти в себе ответ. Но это была одна из тех маленьких случайных ошибок памяти, которые хоть и нервируют, но на самом деле ничего не означают и не имеют никакой разгадки. – Есть свои фокусы в настройках скафандра, но это вполне возможно. Как же мы это упустили?

– Я бы хотел попробовать, – с неожиданной жадностью пожелал Тави. – Я бы многое хотел попробовать – наверное, оттого, что моя жизнь из-за Джифоя как будто кончается.

– Слушай, – сказал Хинта, – а ведь осталось около недели до даты прошлой катастрофы! Многие поедут на побережье. И мы тоже.

– Джифой наверняка найдет повод толкнуть одну из своих отвратительных речей.

– А мы его можем не слушать. Мы вдвоем с Иварой будем ходить и искать какие-нибудь безумные, интересные вещи, подойдем к Экватору в том месте, где он уходит в море. И, возможно, найдем время поплавать. Это будет весело.

– Хорошо. – Впервые за сегодняшний день Хинте показалось, что он слышит в голосе Тави улыбку.

От озера они повернули на запад, прошли через скучноватую часть южной окраины, с тыльной стороны обогнули продовольственные склады, посмотрели на мощные тектонические разломы – в некоторых местах, где треснула земля, возникли уровни высотой в человеческий рост. Каждый разлом был как бы запаян поднявшейся из глубин лавой. На месте старых дорог трудились рабочие, разравнивая каменистый грунт, чтобы по нему снова могли свободно проехать тяжелые машины.

Там же, на южной окраине, они увидели открытый парк рабочих машин. Тави потянул Хинту к тем, которые выглядели самыми новыми, и не прогадал: мальчики нашли на колесах одного из бульдозеров маленькие пометки с аббревиатурой и фирменной символикой «Джиликон

Сомос». Если их теория о сделке администрации поселка с корпорацией еще нуждалась в каких-либо доказательствах, то вот они, пропечатаны на пыльном металле. Было поразительно, что деятельность «Джилликон Сомос» в Шарту ведется почти открыто, и при этом по поселку еще не пошел никакой слух.

А сразу после визита в автопарк они наткнулись на тела омаров.

Это произошло в юго-восточной части поселка, где находился комплекс административных зданий, которые мало кто хотел видеть в центре поселения – офис шерифа, тюрьма и морг для людей, умерших не в больнице.

Трупы висели на крюках старого, давно сломанного двурукого робо-погрузчика. Чтобы картина выглядела симметрично, машину заставили раскорячить свои ржавые клешни. Так она и стояла, воздев к небу стальные конечности. Трупов было четыре, расположили их ровно в ряд. Кишки и трубки из тел размотались до земли. Глаз не было, почти не было и самих лиц – одно сплошное месиво из крови и металла. На земле под телами клочьями застыла белая пена давно погибших и засохших нанитов.

– Я не знал, – чуть слышно произнес Тави.

Хинта понял, что его тошнит. Зрелище этой расправы, этих давно убитых и уже разлагающихся тел, казненных, превращенных в освеженные туши – это было слишком для него. Убитый омар в гумпрайме почему-то не вызывал такого отвращения. Его было жалко – да, и было неприятно, когда люди над ним глумились. Но он еще не сгнил, у него еще была форма. А здесь, на крюках, висела жизнь, распущенная на веретено капилляров, разъеденная тендра-газом, распадающаяся на свои пра-элементы. Вид этой смерти вызывал ужас, от него мутнело сознание и хотелось бежать. А потому Хинта просто взял Тави за руку и увел его прочь от ужасного зрелища. Некоторое время они шагали, будто в тяжелом опьянении. В какой-то момент Хинта оглянулся на Ашайту – но брат был спокоен. Малыш, похоже, просто не воспринял то, на что они смотрели, как останки живых существ, для него это были мокрые штуки на крюках – ничто, часть слишком сложного мира.

Они возобновили разговор лишь, когда место казни осталось далеко позади.

– Следовало догадаться, что они сделают нечто подобное, – мрачно сказал Хинта. – Думаю, только волей Киртасы эта экспозиция не оказа-

лась на центральной площади, куда ее поставил бы Джифой. Знаешь, думаю, я понял, почему саркофаги некоторых погибших не открывают. Живые вообще не должны такое видеть. Это убивает что-то внутри. И, наверное, нет ничего хуже, чем увидеть такое, если лично знал человека.

– А я вот пытаюсь представить: что чувствовал тот, кто вешал? – сказал Тави. – Какая у него была душа? Вот опять наступает день, когда я понимаю, как мало знаю о людях. Может, попасть в дом Джифоя – не такое уж бессмысленное событие. Да, мне будет плохо, но я научусь понимать до конца всю эту пустоту и ненависть...

– Нет, Тави, – испугался Хинта, – не каждую дверь нужно открывать, не каждую вещь понимать. Ты можешь стать умным, добрым и даже великим, не заходя в этот дом.

– Возможно. Но можно ли судить, не поняв? Если я осуждаю Джифоя и ему подобных, как я буду знать, что прав, пока не пойму их?

Занятые этим спором, они постепенно дошли до тех мест, где когда-то стояли теплицы Шарту. Они еще не знали, что там им предстоит сделать открытие, перед которым сцена с омарами померкнет.

Со слов отца Хинта почему-то представлял теплицы просто разгерметизировавшимися. Но они выглядели много-много хуже. Тектонический разлом прошел прямо сквозь их хрупкий стеклянный город, а из разлома, само собой, поднялась лава. На ее пути все горело, стекла не только бились от встряски, но и лопались от ужасного жара, соединительные конструкции рвались и плавились, превращаясь в хаотические скульптуры из закопченного и деформировавшегося металла. Впрочем, даже там, куда лава не дошла, купола все равно выгорели из-за тендрага: убивая растения, тот их чернил, сжигал в медленном подобии огня.

Тави и Хинта шли мимо этих разрушений в скорбном молчании. Если весь остальной Шарту уже немного пришел в себя, стал по-новому обжитым, сюда заботливая человеческая рука еще не успела вернуться – все были слишком заняты восстановлением домов, срочным ремонтом критически важной инфраструктуры. На фоне других вещей теплицы могли подождать, и они ждали, оставаясь памятником катастрофы.

– Ты уверен, что хочешь идти туда? – спросил Тави. – Это ведь грустно, слишком грустно. Там лишь руины нашего с тобой труда и труда твоих родителей.

– Знаешь, – ответил Хинта, – моя семья ведь совсем меня бросила. Никаких больше дел. Это ты, Тави, привык жить мыслями. А я так не

могу. Я слишком привык к тому, что мои руки заняты работой. Вдруг там что-то осталось, что-то, что можно перетащить в гараж, что еще нуждается в починке?

Когда они дошли до теплиц семьи Фойта, те оказались одними из наиболее сильно разрушенных. Разлом прошел прямо под ними, распался жутковатой пятипалой лапой. Казалось, эти кривые трещины не просто так стремились сквозь поверхность земли, а что-то искали, скрючиваясь-закручиваясь вокруг теплиц, пытаясь сжать их в кулак. Шлюз той теплицы, где рос харут, был настежь открыт, и они прошли прямо сквозь него. Тонкая корка пемзы гудела и похрустывала у них под ногами. Растяжки, на которых когда-то зеленой стеной висели вьющиеся растения, превратились в призрачную сеть – пепел и прах, лишь несколько обугленных листьев трепещут на ветру, готовые рассыпаться в ничто. Уровень пемзы было видно по вплавившимся в нее полурасплавленным металлическим бочкам. Тави был прав – здесь не было ничего, что можно спасти, починить, восстановить. Все живое погибло, все вещи перекорежило от нестерпимого жара земных недр. Хинта сломленно опустил на колени и положил ладонь на скукоженный борт одной из бочек.

– Какие же мы глупцы. Все люди. Когда мы строим, нам снова, и снова, и снова кажется, что все не закончится вот так. Родителям кажется, что они что-то оставят детям. Но родители сходят с ума. Дети болеют. Сады вянут. Пустоши приходят к порогу каждого дома.

Тави положил руку ему плечо.

– Это только часть правды. Вот поэтому я и говорил, что нам не стоит сюда идти. Потому что это такое место, откуда видно лишь эту часть.

– Да, я знаю. – Хинта поднял голову, медленно, стараясь не заплакать, вздохнул, а потом вдруг, в непонятном ему самому порыве, снизу вверх оглянулся на брата. Еще мгновение назад он совсем о нем не думал, но сейчас, каким-то странным образом, он знал, что Ашайта требует его внимания. И это действительно было так – младший бешено молотил по воздуху руками. Он явно был в истерике.

– Мы зря его сюда привели! – вскакивая на ноги, воскликнул Хинта. – Я забыл о его чувствах! А ведь он тоже помнит! Помнит сладкий харут, помнит зелень, и как он играл!

Однако, когда Хинта включил младшего в аудиоканал, он услышал, что тот лепечет о чем-то странном и совсем другом.

– ...он! ...он! ...ой ...он ...ссем ...и! Йа ...ил ...о! Йа ...ил ...о! ...О ...О!

Даже Хинта, привыкший к речи брата, опешил от этого потока вскриков, но понял, что дело не в погибшем харуте.

– Что он говорит? – спросил Тави.

– Сон? – переспросил Хинта. – Твой сон выходит из земли? Ты уже видел его?

– ...А! – оглушительно звонко крикнул Ашайта. – ...вет! ...вет! ...ленный ы! ...летний!

– Цвет, свет. Зеленый и фиолетовый?

И тут, внезапно, все тело Хинты бросило в нервный озноб – он понял, о чем Ашайта говорит. Тот помнил, на самом деле помнил то видение, которое обрушилось и на Хинту! Просто все это время Ашайта считал это видение сном, не отличал его от других своих снов. А сейчас он в панике кричал, что видит этот сон здесь. Хинта проследил за его руками, за его взглядом: тот указывал им с Тави направление, призывал посмотреть куда-то на юго-восток, по линии разлома, разрушившего теплицы.

– Он заметил что-то, – сказал Хинта. – Когда он на Иджи, он оказывается на голову выше нас с тобой.

Прежде, чем он закончил фразу, Тави привстал на остатки бочки, которой он пару минут назад прощально касался рукой. Хинта не мог видеть, на что тот смотрит, но вдруг, по какому-то неувловимому изменению в позе Тави, он понял, что там какой-то ужас.

– Хинта, – тихо пригласил Тави, соступая с бочки.

Хинта встал на бочку. Ашайта, наконец, замолчал, убедившись, что его поняли. Там, вдалеке, в геометрическом центре разлома, почти скрытое между руин, находилось что-то странное. Казалось, лавовая пемза в этом месте образует своего рода прогиб, расселину – разлом внутри разлома. И в этом длинном углублении мерцал неясный, почти невидимый под солнцем, тускло-фиолетовый свет. При желании это можно было принять за разлив каких-то химикатов, поблескивающих в свете дня. И все же от одного вида этого слабого мерцания у Хинты заболели голова и сердце, а волосы под шлемом встали дыбом. Этот свет был ему знаком – именно он лился с дальней стены зала золотых врат, именно он делал жуткими глаза павших перед вратами мертвецов.

Хинта сошел с бочки, почти упал. У него в душе боролись два противоположных впечатления – обессиливающий ужас и неуверенность в том, что он в действительности сейчас видел.

– Я не разделил с тобой того видения, – сказал Тави, – но то, о чем ты рассказывал, оно так...

– ...похоже, – закончил Хинта, содрогаясь. – Я не знаю. Не могу быть уверен. Нужно подойти ближе... – от одной этой мысли все его тело покрылось испариной. – Или...

– Или?

– Или не стоит. – Он задохнулся, совсем теряя волю. – Если оно настоящее. Если оно существует. Если оно там – под нами, под Шарту. Если мы с братом получили это видение потому, что оно уже тогда шло сюда. И если оно теперь просочилось сквозь землю, вместе с магмой вышло на поверхность. Если оно убивает, делает людей жуткими трупами. Разве разумно к нему подходить?

– Но ты ведь не уверен.

– Не уверен. Я слишком напуган. Мы должны срочно рассказать Иваре. Эта вещь, возможно, смертельно опасна для людей. Да и, в конце концов, этот вопрос уже стал геологическим. А Ивара специалист в геологии.

– Но если ты не уверен, значит, прежде, чем мы расскажем, мы сами должны увидеть все ясно. Разве не так?

– Так, – неохотно подтвердил Хинта.

– Побудь с братом. А я схожу, гляну ближе.

– Ну нет, – выдавил Хинта, – если уж мы туда пойдем, то вместе.

– А Ашайта?

– Он просто посидит на Иджи следующие пять минут. Ничего с ним не случится.

– Ладно. Идем вместе.

Пару минут Хинта потратил, чтобы объяснить Ашайте, что тот должен просто оставаться на ослике – сидеть, не паниковать и ждать. Младший запереживал, но немного успокоился, когда брат пообещал ему, что скоро они пойдут обратно к Фирхайфу и там будет вкусный ужин со сладостями.

– Не выключай его из канала связи, – сказал Тави.

– Не буду. Ашайта, ты будешь нас слышать.

– ...Со.

Они пошли. Лавовый пласт тихо пел под их легкими шагами; ветер играл в прозрачных руинах куполов, поднимая в воздух маленькие смерчи пепельно-серой пыли, срывая последние черные листья с ветвей погибших растений; сверху так же, как и в любой погожий день, светило солнце. А Хинту от страха бил озноб. И все же он мог это выдержать – близость Тави спасала его, работая как щит, придавая сил. Но чем ближе они подходили, тем хуже им становилось. Что-то неясное, пугающее странной тяжестью проникало им внутрь, ставило на их разум свою те-

невую печать, манило и в то же время отталкивало. И когда две эти силы уравнились в душе Хинты, он почувствовал себя отвратительно свободным. Он знал, что может повернуть назад – и броситься бежать от ужаса. Он знал, что может пойти до конца – и тогда его затянет в ужас. Именно в этот момент Тави нашел в себе силы заговорить.

– Здесь. Мы остановимся примерно здесь. Не будем подходить к нему ближе.

Хинта сжал его руку, и они замедлили шаг; а потом, замороженные тягостным присутствием, начали огибать эпицентр тяжести по дуге. Хинта подумал, что все это похоже на странную астрономическую игру: он и Тави – две планеты, вращающиеся друг вокруг друга, но своей верной парой они летят вокруг центра куда большей гравитации – черной дыры. Им приходилось лавировать среди руин; иногда они совсем теряли свою цель из виду. Казалось, Тави придерживается какого-то плана – он предпочитал отойти подальше, а потом вернуться на их орбиту, на их правильную дугу. Они двигались таким образом, пока не нашли место, откуда открывался наилучший вид на разлом – сквозь расколотую стену чьей-то очень большой и совершенно разрушенной теплицы. И Хинта навсегда запомнил сцену, открывшуюся их глазам.

Это были не химикаты. Сквозь лавовую кору прорезалась длинная, сложно изогнутая пурпурная жила. По ней текли волны пульсирующего света – казалось, она поет песню, но без звуков и слов. И с каждой вспышкой, с каждым аккордом этой песни над пурпурной жилой поднимались крошечные фиолетовые светлячки – как искры над огнем, как дождь, идущий снизу вверх. Теряясь в солнечных лучах, эти точки улета-ли вдаль по ветру, вместе с пеплом убитой жизни. А у самой жилы, будто придавленный незримым весом, скорчился человек. Хинта узнал его по скафандру. Это был Путати Дудва, обычный мужчина-семьянин из Шар-ту, некогда владевший шестью большими теплицами. Атипа покупал у него семена. Рука Путати была выпростана вперед и касалась края жилы. Какая-то путаница светлых линий тянулась по ней вверх и обхва-тывала его за основание шлема – за горло. Хинта не мог видеть его глаз, но знал, что они тоже мерцают этим жутким светом – в такт жиле, в такт танцующим спорам беды, которые та рассеивает по воздуху.

– Надо убираться... – заплетающимся языком произнес Хинта, – ... пока ветер не в нашу сторону.

– Да, – согласился Тави, и они попятились назад, не в силах повер-нуться спиной к червоточине. Они отступали, пока та не скрылась из виду, а потом бросились бегом и бежали до самых теплиц семьи Фойта, где, сидя на Иджи, их ждал Ашайта.

Не прошло и четверти часа, как около разрушенного города теплиц появились Ивара и Фирхайф: испуганные голоса ребят заставили их поспешить. Хинте не пришлось заново преодолевать свой страх – на этот раз он остался с братом, а Тави поработал проводником и довел старших до теплицы, из которой на разлом открывался наилучший вид. Хинта слушал в динамиках своего шлема их тяжелое дыхание.

– Это оно, – произнес Фирхайф. – Это оно. Я помню его. И раз оно здесь, я точно должен рассказать. Я расскажу все, Ивара, мальчики. И даже покажу. Я отдам вам вещь. Потому что теперь, когда оно здесь, нет больше смысла хранить тайны. Я... – Хинта никогда не слышал его таким – разве что в своих кошмарах Фирхайф говорил столь же сбивчиво и испуганно.

– Так Вы видели это? – спросил Ивара.

– Пойдемте назад, – жалобно попросил Тави, и они больше не разговаривали, пока не вернулись к теплицам семьи Фойта. Там Фирхайф обессиленно присел на борт одной из оплавленных бочек.

– Сколько у нас времени? – спросил он.

– Не знаю, – ответил Ивара. – Я, увы, не очень хорошо представляю, что это такое перед нами. У меня есть лишь одна ассоциация, и она не помогает, только еще больше тревожит. Есть один источник, где день Великой Катастрофы описывается как «удар пурпурной смерти». Якобы метеориты, поразившие Землю, несли некую «пурпурную смерть» у себя внутри. Я должен уточнить. Я слишком много должен уточнить. А пока меры предосторожности должны быть такими же, как если бы здесь происходила любая другая природная или техногенная катастрофа высшей категории опасности. Надо будет оцепить эту зону, чтобы не было новых жертв.

– Я об этом тоже подумал, – сказал Фирхайф. – Это дело шерифа, и я пойду к нему прямо отсюда, чтобы срочно об этом сказать. Я спрашивал, есть ли у нас время на краткий разговор?

– Это не вулкан. Вещество из разлома почти не выделяется. Не думаю, что оно может нас убить за следующий час или даже за следующие десять часов. А вот Ваш рассказ, которого я так и не услышал, может прояснить те вещи, которые теперь имеют значение для всех жителей Шарту.

Фирхайф вздохнул.

– Простите меня. Простите меня вы все трое. Эта история очень короткая. Но когда я ее расскажу, вы поймете, почему я так испугался, что молчал годами. И почему я боялся доверять Вам, Ивара.

Учитель медленно кивнул. Взгляд Фирхайфа рассеялся, почти утратил выражение.

– Это было вечером, в сумерках, в дождь. Тогда случилось небольшое землетрясение. Даже не землетрясение – просто толчки; ничего сравнимого с нынешним ужасом, который дома переворачивал в Шарту. Оно застало меня в дороге. Я его даже не почувствовал, но приборы показали сейсмическое колебание. А мне по инструкции положено в таких обстоятельствах останавливаться на ближайшей станции. И я затормозил около платформы-техстопа, которая расположена на верхней плоскости Экватора.

– Я помню это место, – сказал Ивара. – Я очень внимательно его рассмотрел, когда мы сюда ехали.

– Да, но вот мальчики туда никогда не поднимались. Экватор сверху плоский – ровный, как дорога. Собственно, по его поверхности и проходит нечто вроде дороги. Только вот не знаю, какая машина смогла бы там ехать – всю электронику убивает магнитное поле...

Хинта почувствовал, что это нужно сделать, и ободряюще положил руку на плечо старику.

– Продолжайте, – нетерпеливо попросил Ивара.

– На вершине Экватора построен подиум из наборных пластиковых перекладин, а на этом подиуме лежит монорельс тихоходного. Там есть маленькая платформа; от нее к поверхности Экватора можно сойти по обычной пешеходной лестнице. Повторюсь, были сумерки, шел дождь. Я остановил поезд около этой платформы и должен был стоять там, наверное, минут десять, пока компьютер автоматической диагностики проверял целостность монорельса на всем протяжении пути. И тогда я увидел свет. Фиолетовый свет.

– Он был далеко? Над лагерем?

– Нет. Он приближался ко мне. Кто-то бежал по Экватору. Да, к тому моменту я уже на протяжении целого месяца в погожие дни замечал лагерь ваших друзей, Ивара. И когда я увидел этот свет, я так и подумал, что кто-то из лагеря движется в мою сторону. А путь это не близкий, хотя и абсолютно ровный. Про лагерь я наводил справки на станции с литской стороны Экватора, узнал у таможенников, что тот принадлежит ученым, а потому не боялся. Решил, что случилась какая-то беда, я имею в виду, обычная беда – вроде физической травмы или разгерметизации скафандра.

Ивара молчал, но Хинта видел, как тот от нервного напряжения стискивает кулаки.

– В тот момент это казалось логичным объяснением. Поезда в ту или в другую сторону проходят над Экватором каждые полтора или два часа. Если бы у людей в лагере отказало оборудование, и при этом им была бы нужна срочная помощь, они могли бы дойти до платформы и подождать у нее тихоходный. Я решил, что бегущий ко мне человек уже давно шел вдоль Экватора, а теперь бросился бегом, когда увидел, что я остановил поезд. Однако этот свет показался мне странным. Да и бегущий двигался не по прямой, а зигзагами, скачками, словно пьяный, но в то же время переполненный какой-то безумной лишней энергией. Тем не менее, я спокойно его ждал. Испугался я, когда уезжать было уже слишком поздно, когда тот человек уже поднялся на платформу станции и пошел прямо ко мне. Одна его рука висела плетью, от нее и шел тот свет, жуткий, фиолетовый, точь-в-точь, как из нового разлома. Он оплетал ее всю, как бы жгутами, и жгуты эти были как живые – они прорвали его скафандр, я видел их внутри, под шлемом, они шевелились там, будто гладили его лицо. Но дыхательная маска все еще была на нем, и он совершенно не замечал этих прикосновений.

– Какой он был? – чуть слышно спросил Ивара. – Высокий или нет? В каком скафандре?

– Скорее высокий. Очень крепкий и сильный человек, повыше Вас, вровень со мной в мои лучшие годы, но более поджарый. Скафандр желтый, альпинистский. А в глазах его была такая боль и такая воля, что я бы, наверное, немного сошел с ума, увидев их, даже если бы там не было этой светящейся гадости, которая пожирала его заживо.

– Эдра Брада, – слабо улыбнулся Ивара. – Он никогда не сдавался и в любой студенческой пьянке последним оставался на ногах.

– Эдра Брада, – повторил Фирхайф. – Теперь я знаю его имя. В своей здоровой руке он нес небольшой сверток-пакет. Я тогда в ужасе застыл, а он стал протягивать мне эту вещь. Его скафандр был включен на громкую связь. «Возьмите, – говорил он. – Пожалуйста, возьмите его. Берегите его. Не отдавайте его больше никому. Не рассказывайте о нем. Он все еще жив. Он должен быть сохранен». Я стал говорить в ответ, что мне не нужен его сверток, но что он сам нуждается в помощи, которую я готов ему оказать. «Не трогайте, не трогайте меня, – закричал он. – Это заразно, это будет со всеми. Я не поеду с Вами к людям. Я должен вернуться. Я должен отнести это назад. Там мои друзья. Они тоже такие. Мы будем вместе».

Ивара закрыл глаза. Он молчал – но Хинте все же почудилось, будто он всхлипнул, или издал какой-то звук еще более тихий и странный, на пределе слышимости, звук, с которым в человеке рвется давно и предельно натянутая струна.

– Он продолжал меня умолять. Он отклонялся от меня, когда я пытался его коснуться, но возвращался и протягивал свой сверток. Я пытался объяснить ему, что он не сможет в таком состоянии дойти назад. Но, разумеется, он ко мне не прислушался. Иногда он начинал говорить на других языках. Он словно бредил, сходил с ума. Это было очень страшно наблюдать. «Мне нужно идти назад, – говорил он, – пожалуйста, не тратьте мое время, заберите его. Он должен быть спасен». Что мне было делать? Я взял у него сверток. «Не рассказывайте о нем, – напутствовал он меня, – спрячьте его. И сами не разворачивайте. Иначе он, и Вы, и все – будете в опасности». Потом он бросился назад. На лестнице он упал, но внизу поднялся и заспешил вдаль по Экватору. Никогда не видел, чтобы кто-то бежал так быстро. Скоро я уже не видел его силуэт – только точку жуткого света у него на плече. Сверток лежал у меня на коленях. Я не знал, что в нем. А потом я услышал выстрелы. Громкие, четкие, через равные интервалы. Бах. Бах. Бах. Бах. Бах. Пять раз. После второго Эдра упал. После третьего – его плечо разлетелось фиолетовыми брызгами. Четвертая пуля пролетела рядом со мной. Тогда я погасил все огни на поезде, чтобы меня хуже было видно, и резко дал ход. Должно быть, пятая пуля тоже искала меня, но не нашла. Я уехал. В следующие дни я жил в страхе, равного которому еще не знал в жизни. Каждый незнакомец казался мне убийцей. Я боялся работать, боялся оставаться дома, боялся, когда обо мне спрашивали другие люди. Я совершил мелкое административное преступление – уничтожил бортовые журналы поезда и записи на станции. Чтобы никто не узнал, в какое время я там стоял.

Фирхайф склонил голову и замолчал.

– А сверток? Вы от него избавились?

– Нет. – Старик медленно расстегнул внешний карман скафандра и выудил оттуда ключ-карту. Она выглядела потертой и помятой, как вещь, которую носят с собой уже очень давно. – На станции есть ячейки хранения. Их всего десять. Ими мало кто пользуется – обычно только приезжие, я имею в виду тех деловых приезжих, которые заглядывают в Шарту на несколько часов. Уже девять лет одна из этих ячеек занята. В ней лежит сверток. И он принадлежит Вам, Ивара. Делайте, что Вам нужно, с ключом, ячейкой и тем, что там внутри. Они Ваши.

Учитель протянул руку, и карта легла ему на ладонь.

– Спасибо, – тихо сказал он. Фирхайф просто кивнул. – Вы заглядывали внутрь?

– Я не выдержал и тем же вечером посмотрел, что мне дали. Оно оказалось прекрасным. – Голос старика по-особому дрогнул. – Я не мог предать эту вещь. Как только я ее увидел, я понял, что она дороже моей жизни. И я берег ее и ждал, годами ждал, когда явится кто-то, кому я смогу верить. Видимо, это Вы. Горе всем нам, если я ошибся.

– Да, это именно я. Вы не ошиблись.

– Ну вот, это почти вся история. Прошла неделя, и мне уже было не так страшно. Я видел, как лагерь на вершине Экватора постепенно приходит в запустение. Тела Эдры или следов фиолетового уже на следующий день нигде не было видно. Все исчезло. Раз в несколько дней я останавливал поезд на техстоп и в цифровой бинокль смотрел на лагерь. Пару раз я видел там каких-то людей. Других, не тех, что были раньше.

– Возможно, однажды Вы видели там меня.

– Возможно. Но теперь уже не вспомнить. Да и неважно. Со временем лагерь растащили. Не осталось совсем ничего. А месяца через три, когда я уже думал, что все успокоилось, меня прижали агенты «Джилликон Сомос». Допрос был с угрозами. Но я быстро понял, что они ничего не знают. Они даже не были уверены, кто из машинистов был за штурвалом в ту ночь – сработали мои меры конспирации. Я дал им общие дурацкие ответы в духе того, что лагерь, конечно, видел, но это же ученые, какой от них вред. И от меня отстали.

Несколько мгновений все молчали. Потом старик с трудом поднялся на ноги.

– Мне надо идти к шерифу. А вы трое, я полагаю, пойдете забрать вещь. Она сама не опасна, в отличие от этой трещины в земле. Поверьте, та вещь совсем другая. Точнее, это не вещь – это он. Эдра верил, что он живой. Я в этом не так уверен. Но он точно прекрасен. – Фирхайф повернулся и грузно зашагал прочь.

Тави в неожиданном порыве обнял учителя.

– Ну хватит, хватит, – попросил его Ивара. – Пока мы не поняли, что происходит, мы не можем оценить риски. А значит, нам лучше спешить.

И они отправились на станцию.

– Кто же был тем снайпером? – спросил Тави.

– Тот, кто позже не стал искать Фирхайфа. А это может значить либо что убийца и сам погиб, либо что он выполнял очень ограниченное задание, либо...

– Либо?

– Мы ничего не знаем – ни кем был этот стрелок, ни откуда он взялся. Может даже, это были вовсе не выстрелы. А может, стрелял кто-то из моих друзей, чтобы избавить Эдру от страданий. Фирхайф мог неправильно понять многое из того, что там произошло. И кто осмелится его за это упрекнуть? Ни один человек не готов к подобному.

Некоторое время они шагали молча. А потом прорвало Хинту.

– Ты простишь меня за то, что мой отец попросил у тебя деньги? – без обиняков спросил он. Ивара ответил не сразу, и мальчик заранее стал защищаться. – Я знаю, знаю, сейчас жутко, ужасно важный для тебя, а может, и для всего мира момент, и ты совсем не об этом хочешь думать и говорить...

– Нет, Хинта, – возразил Ивара. – Мы люди. Иногда на краю бездны наши человеческие дела волнуют нас больше самой бездны. Кто я такой, чтобы не сказать тебе доброго слова, когда для этого еще есть время и возможность? Нет, говорить об этом надо именно сейчас, потому что если завтра разлом взорвется и поглотит половину поселка, или произойдет любая другая беда, мы уже не сможем уладить это маленькое дело. Поэтому я говорю тебе сейчас: это ты прости меня, что я дал ему денег. Я только потом подумал, как ты можешь это воспринять.

– Но ты ведь сделал это бессознательно.

– Полусознательно. Если бы я подумал в тот момент – не о самих деньгах, а о твоих чувствах – я не знаю, какой бы я тогда сделал выбор. Но я подумал только о деньгах. И потому я их дал, ведь они и правда имеют для меня мало значения.

– Сколько? – со слезами в голосе спросил Хинта.

Ивара положил руку ему на плечо.

– Меньше, чем стоит здоровье Ашайты. Не думай об этом, не кори себя, и тогда мне не придется корить себя. Не кори даже своего отца. Он всего лишь проявил ту маленькую жизненную наглость, которой сильны все простые люди. Он должен был так сделать. Он так устроен.

– Он их пропьет.

– Жаль, если так. Но он в любом случае в запое и, так или иначе, пропивает деньги вашей семьи. Не думаю, что он станет делать это значительно быстрее просто из-за того, что этих денег стало больше.

– Он смог снова любить Ашайту после того, как ты дал ему эти деньги... Нет, я не прав. Я просто очень зол на него и мне очень стыдно, а

оттого я говорю плохие вещи. Но он их не пропьет. Возможно, эти деньги поставят его на ноги.

– Хорошо, – кивнул Ивара. А еще через пять минут они дошли до станции. Их процессия была довольно приметной, но у камер хранения не было ни души, и никто не обратил внимания, как чужак вытаскивает что-то из крайней ячейки. Когда сверток уже был у Ивары, между ним и мальчиками произошло краткое совещание. Они решили, что должны идти к Фирхайфу – прежде всего, чтобы покормить Ашайту.

Четверть часа спустя Ашайта, Хинта, Тави и Ивара сидели за обеденным столом в доме Фирхайфа. Перед Ашайтой стояла тарелка дымящейся сладкой лапши. В центре стола лежал пыльный сверток из серой ткани. В нем было что-то сложной формы – слишком сложной, чтобы заранее определить, что это за вещь.

Хинта кормил брата. Он и Тави тоже не ели несколько часов, но у них не было аппетита; их единственным желанием было узнать тайну свертка. А Ивара как будто не спешил его развернуть. Казалось, он впал в транс. Он сидел за столом молчаливый, отрешенный, усталый и очень спокойный. Наконец, он медленно протянул руку, провел пальцами по краю ткани, потянул ее, расправил – и та заскользила, разворачиваясь, открывая жадным взглядам мальчиков нечто потрясающей красоты. Ивара не стал раскрывать сверток сразу и до конца, он лишь приоткрыл его. Но этого оказалось достаточно, чтобы они увидели лицо, плечо и согнутую руку.

Сначала Хинта подумал, что перед ними статуэтка. Но потом он обратил внимание на детали, и ему стало ясно, что это маленькое плечо и рука способны двигаться. Однако язык не поворачивался назвать это куклой – скорее, это был настоящий человек, созданный из металла и волшебства, сбежавший из сказки, почти нереальный даже сейчас, когда он лежал прямо здесь, на расстоянии вытянутой руки. Это было изделие невероятно тонкой работы: платина и хром – металлы, почти не подверженные воздействию времени; винтики креплений настолько маленькие, что глаз с трудом мог их разглядеть; резьба и монтаж деталей казались столь искусными, что на их фоне меркло мастерство создателя Вечного Компаса. Глаза на одухотворенном лице были закрыты, на веках, собранных из тончайших металлических лепестков, налипла вековая пыль – видимо, Фирхайф не решился ее счистить – но видно было даже

крошечные ресницы: линию черных проволочек, микропайкой прикрепленных к краю нижней пластинки.

– Это же... – начал Тави.

– Образ. – Ивара медленно опустил руку, коснулся прекрасного лица, начал стирать и стряхивать с него пыль. Хинта, оцепенев от неуверенности, забыв, что должен кормить Ашайту, наблюдал, как открывается все больше тонкостей этой древней, поистине ювелирной работы. На металлических пластинках когда-то была трехслойная гравировка; под одним узором таился, исподволь проступая, но не нарушая его, другой, узоры вплетались в узоры, словно это лицо являлось фракталом – воплощенным художественно-геометрическим безумием – и последний, наверное, можно было различить лишь под микроскопом. Цветы и листья на маленьких щеках. Какие-то рогатые звери бегут сквозь выгнутую поверхность лба. При этом металл казался гладким, и образ лица не разрушался, а дополнялся от всех этих деталей.

– Альчик!? – тишину решился нарушить только Ашайта. – Ивый, – счастливо добавил он.

Ивара поднял взгляд на малыша.

– Мальчик, – перевел для учителя Хинта. – Красивый.

Ивара улыбнулся, но ничего не ответил.

– Я имел в виду, – сказал Тави, – что это же Аджелика Рахна. Это представитель механического народа. Я ведь прав?

– Да, это может быть он. Хотя, признаюсь, я никогда не представлял его таким. А вы заметили, чем это лицо отличается от всех остальных изображений, которые мы знаем? Не по технике исполнения, а по сути.

Друзья неуверенно переглянулись. Хинта хотел сказать, но Тави его опередил.

– Это не лицо героя? Это просто лицо.

– Это идеальное лицо, – бережно открывая всю голову находки, произнес Ивара. – Оно не изображает ни одного конкретного человека: ни историческую фигуру, ни даже вымышленного персонажа. Оно изображает то, чем должен быть человек, каким вообще должно быть человеческое лицо. Таких вещей не делали нигде, кроме Джидана, и даже там их не делали со времен начала войны трех цивилизаций. Она создана примерно в эпоху, когда строился Экватор. А ее лицо – лицо идеальных пропорций – построено в соответствии с идеей Образа.

– Образ – это ведь какая-то часть космической религии Джидана? – спросил Тави.

– Да, но не всей религии, а скорее, одной ее ветви. Представители этой ветви верили, что прежде звездного ветра был некий лучезарный центр вселенной, и из этого центра вышел Образ – универсальный прото-портрет обитателей всех миров, идея всех тел и лиц. Они считали, что именно благодаря Образу ветер и движение душ могут существовать. Тела и природа обитателей всех миров сходны, у всех есть примерно такое тело, как наше с вами, и примерно такое лицо – как это лицо. Именно поэтому души так легко переходят из одного мира в другой. Для представителей этой религии их ойкумена была больше, чем Лит, да что там – куда больше, чем вся Земля. Они думали, что вся вселенная – одно бытие, место бесконечных путешествий и встреч.

С этими словами он, наконец, раскрыл сверток до конца.

В собранном виде человек, должно быть, был ростом с полметра, как совсем маленький ребенок. Только вот карапузы обычно бывают пухлыми, с большой головой и неловкими маленькими ручками, а у металлической фигурки были черты взрослого: тонкое лицо, изящное тело, пропорциональные сочетания длины рук, ног, туловища, размер головы.

И он был сломан. Его туловище переламывалось пополам, из разорванного бока торчали обломки внутреннего устройства. Электронные печатные платы тоже состояли из наборных лепестков – это был многоярусный микроскопический город с картой золотых улиц, никромовых башен и площадей, отделанных кристаллами невиданного зеленого камня.

– Врата, которые я видел в подземном зале, – прошептал Хинта, – они были такие же – из тысячи пластинок, способные меняться, превращаться во все что угодно. Это был живой металл. Каждый винтик – поворотная точка сложнейшего механизма. И вот я смотрю на маленькое это, и оно передо мной, вполне реальное, такое же реальное, как разлом и фиолетовый свет в его глубине!

– Если это Аджелика Рахна, – спросил Тави, – то неужели та фиолетовая смерть, которая проступает из земли, как-то связана с ковчегом? Они же мечтали о жизни. И в его лице я вижу эту мечту.

– Я не знаю ответов, – сказал Ивара. – Я не знаю их с нашего последнего разговора в больнице, и до сих пор. А за этот день вопросов у меня стало еще больше.

Они пробыли вместе еще около часа – говорили, восхищались, мечтали, ужасались, вспоминали о погибших, думали о будущем. Потом Хинте позвонила мать и сказала, что идет. Ивара собрался уходить. Хин-

та думал, что учитель заберет Аджелика Рахна вместе с собой, но тот разумно отказался.

– Я не могу быть хранителем этой вещи. Я болен. Однажды я потеряю или разрушу его, или отдам кому-то, кому не следует. Поэтому он останется нашим общим достоянием. Твоим, Тави, твоим, Хинта. И то место, где он лежал, возможно, лучшее из всех – пусть он и дальше хранится в ячейке у Фирхайфа.

Тави ушел сразу вслед за Иварой – унес человечка, чтобы вернуть его в ячейку. А Хинта остался ждать мать. Она пришла и рассказала, что Атипу положат в больницу на пять дней и сделают так, чтобы он больше не смог пить.

– Он был не особо счастлив, когда я его там оставляла, – мстительно сообщила она. – Почти все деньги, что дал нам Ивара, как раз и уйдут на то, чтобы он стал трезвенником.

Они поужинали втроем. Фирхайф вернулся совсем поздно, когда Лика уже ушла. Он рассказал, что Киртаса сделал все очень грамотно: руины теплиц за четыре часа работы окружили забором, людям сказали, что там опасность оползней, а на охрану территории поставили помощника шерифа с группой очень надежных, не болтливых людей.

– У Киртасы простой план. Он думает, что чем бы там оно ни было, его стоит просто засыпать песком, а сверху завалить камнями и залить парапластиком. В мистику наш шериф не верит, хоть я и видел, что ему там не по себе. Я обещал ему, что Ивара проконсультирует его как геолог.

Этот результат показался Хинте успокаивающим. Особенно он порадовался, что не стал ничего говорить про пугающий разлом матери – эта новость не должна была покидать узкий круг.

Когда он уже отходил ко сну, брат задал ему вопрос.

– А озно е лать а-аджелика?

– Он очень хрупкий и сломанный. Но думаю, да – он создан, чтобы ты с ним играл. Только не завтра и, наверное, вообще не сразу. Мы подумаем, как это можно устроить.

Младший издал удовлетворенный звук, и они оба уснули. А потом была ночь, и Фирхайф впервые за все это время не кричал от ужаса.

Часть четвертая

ПАМЯТЬ

*Мне ничего не надо.
Лишь боль с собой унесу –
Как мальчик из сказки забытой,
Покинутый в темном лесу.*
Федерико Гарсиа Лорка

Глава 10

ТЕМНАЯ СТОРОНА

Уже на следующее утро после того, как они впервые увидели Аджелика Рахна, Тави заявил, что они должны его починить.

– Помнишь, – спросил он, – зачем ты пошел в разрушенную теплицу своей семьи? Ты сказал, что тебе нужно занять руки каким-нибудь делом. Возможно, твое желание исполнилось. У нас теперь есть предмет, который нуждается в ремонте.

Хинта посмотрел на него, как на сумасшедшего. Они были у Фирхайфа, сидели на кухне за столом со сладостями.

– Если я правильно тебя понял, ты имеешь в виду Аджелика Рахна.

– «Он еще живой». Так Эдра Брада сказал Фирхайфу, когда отдавал его. Я не знаю, умирают ли Аджелика Рахна. Возможно, да. А возможно, это нельзя назвать смертью. Но в любом случае, они болеют не как люди. У механического народца механические болезни. Если ты роботехник, ты должен найти какой-то способ ему помочь.

– Я школьник из захолустного селения на окраинах ойкумены! Иджи – единственный робо, в котором я разбираюсь, и даже в нем я разобрался не до конца. Есть виды ремонта, которые я могу сделать только по инструкции. Да я в шпаргалку заглядываю, когда чищу ему сервоприводы ног! А есть такие блоки в Иджи, особенно на его системных платах, которые я не могу ремонтировать сам. Если они ломаются, я меняю их целиком. И самый сложный из этих блоков – в сто раз проще, чем одна пластинка изнутри Аджелика Рахна. Это работа для тех мастеров литской ойкумены, которые копируют великую древнюю технику – такую, как Вечные Компасы. Быть может, Кири Салана – гениальный роботехник из команды Ивары – сумел бы это сделать. Но не я.

– Хинта, мы теперь команда Ивары. Я это чувствую. Я это вижу. Я это знаю. Аджелика Рахна в наших руках. И если хоть немного верить в судьбу, то он у нас не просто так. Мы не можем отправить его лучшим мастерам литской ойкумены. У нас есть только мы сами – и он. А значит, ты это сделаешь.

Хинта не нашелся с ответом.

– Посмотри на меня, – сказал Тави. – Вспомни, как мало у меня времени. Если Джифой захочет меня забрать, я уже не смогу быть с тобой и Иварой. Я хочу увидеть чудо. Я хочу увидеть, как Аджелика Рахна откроет глаза, шевельнется, заговорит с нами. С ним все может открыться до конца. Да, мы не в силах восстановить его по-настоящему. Но ты можешь хотя бы дать ему энергию, питание. Ведь если он – отчасти робо, то ему нужно заряжать свои батареи, как это делает Иджи. Я думал об этом всю ночь.

Идея Тави поразила Хинту своей очевидностью. Действительно, не надо было быть роботехником, чтобы понимать, насколько любой робо нуждается в энергии. Но все же у него нашлось возражение.

– Вечные Компасы устроены иначе, им хватает энергии самой планеты. Они измеряют ее и ею же живут, без всяких батарей. Что, если Аджелика Рахна такой же? Что, если я уничтожу в нем какую-то важную часть, подав туда слишком высокое напряжение?

– Тебе не обязательно мучить его самого. Ты можешь подбирать напряжение к его отломанной ноге. И если она не сгорит и шевельнется, то потом ты оживишь его целиком! Но только ты можешь найти, куда там совать проводки. Я в этом не понимаю.

– Ивара и Фирхайф тоже могут.

– Тогда работайте вместе. Но они взрослые, и у них есть другие дела. Фирхайф водит тихоходный. Ивара после событий прошлого дня найдет множество тем для исследования. Не говоря уже о том, что он сейчас психологически надломлен. Он впервые за годы узнал что-то по-настоящему важное о судьбе своих друзей. Только ты сейчас можешь отдать все свое время исключительно Аджелике Рахна.

Так он убедил Хинту, и уже через несколько часов тот забрал человечка из ячейки хранения, принес его домой к Фирхайфу и начал с новым энтузиазмом рассматривать его схемы. Он не понимал, для чего те или иные из них предназначены, но, изучая их под лупой, нашел паттерны. Как и в любом устройстве, там встречались одинаковые детали, были контакты и соединительные линии – все, из чего состоит любая печатная плата.

– Он был у тебя годы. Ты пытался с ним что-нибудь сделать? – спросил Хинта Фирхайфа, когда тот вернулся вечером домой.

– Что, например?

– Починить.

– Нет, – опешил старик. – Я, конечно разбираюсь в технике, но эта вещь... Наверное, она будет слишком сложной почти для всех.

– Тави предложил найти его батареи и зарядить их. Мне показалось, что есть смысл попробовать.

– Возможно.

– Но неужели за все это время ты сам об этом не подумал?

Фирхайф сел рядом с ним.

– Нет. Послушай, Хинхан, я ничего о нем не думал. И ничего с ним не делал.

– Ты даже не стер с него пыль.

– Да. Я не сделал даже этого.

– Ты боялся его?

– Вначале я боялся всего. Потом перестал. Но главное отношение к нему у меня не изменилось. Я не чувствовал, что он мой. Я был лишь хранителем. Верным, но временным хранителем. Я не обладал правом вмешиваться во что-либо. Раз в год, не чаще, я разворачивал его, смотрел. Он не менялся. Я заворачивал его и бережно возвращал в ячейку. Я даже не думал чинить или подзаряжать его. Я понимал, что это дело для кого-то другого – для того, кому он по-настоящему станет принадлежать. Если это Ивара, пусть так. Если он скажет, что человечек должен быть оживлен – попытайтесь. Я даже готов помочь. Теперь, когда я не единственный хранитель, я готов помочь.

На следующий день они созвали общий совет: Хинта, Ашайта, Тави, Ивара и Фирхайф.

– Теперь мы закрытый клуб, не так ли? – сказал Тави.

– Да, – ответил Ивара. – Как это ни печально, но мы уже заняты тем, что создаем и храним тайны, которыми делимся только между собой.

– А почему это печально? – не понял Хинта.

– Потому что на всю ойкумену может быть только один закрытый клуб, в котором относительно комфортно находиться. Это клуб элиты. Мой предыдущий закрытый клуб мертв – в буквальном смысле, потому что половина его участников погибла. А другая половина предала первую, чтобы, в конечном итоге, принести их тайны в главный закрытый клуб ойкумены. И я молюсь, чтобы наш маленький круг не стал кругом смерти. Мы должны понимать, как мало у нас ресурсов, какое бесценное знание попало к нам в руки. И как много вокруг людей, которым легко отнять его у нас. И еще они могут отнять нас друг у друга. На мне вина, что я несу эту большую игру с собой; все, кто мне дорог, даже те, кого я просто знаю, оказываются втянуты в нее. Ну и, кроме того, закрытые клубы – это вообще плохая вещь. Они слишком похожи на сообщества преступников. Они уязвимы для предательства. Сама структура подоб-

ных сообществ вынуждает их членов лгать. Я бы предпочел, чтобы можно было открыто говорить обо всем, что мы делаем, чтобы все вокруг знали, кто я, и мою историю. Но это невозможно по ряду причин. Остается лишь надеяться, что наша работа увенчается успехом, и я сумею так передать ее университету Кафтала, чтобы она сразу стала всеобщим достоянием. Но пока мы не закончили, пока нет ясных результатов, мы очень одиноки и уязвимы.

– А разве результатов нет? – спросил Хинта немного задето. – Мы же столько всего...

– Нет, Хинта. Пока этого мало. Вот почему я согласен с предложением Тави, согласен на эксперимент по восстановлению Аджелика Рахна. Сейчас для нас нет другого пути. Нам остается просто продолжать работать, исследовать, искать больше информации. А очень скоро нас ждет поездка в старый Шарту. Мы побываем там, где были мои друзья, увидим все своими глазами, может даже, что-то найдем. Но главное, у нас теперь есть Аджелика Рахна. Он наш главный свидетель и предмет исследования. Поэтому да – давайте попробуем восстановить его.

Затем они обсудили, где можно работать.

– Моя квартира не подходит, – отмел Ивара. – Я живу в многолюдном комплексе и привлекаю слишком много внимания. Ваши визиты ко мне, особенно если они станут систематическими, кто-нибудь заметит. В частности, матери Тави может не понравиться, что ее сын стал еще более тесно со мной общаться. Ну и другая причина, о которой вы все знаете – это я сам и моя болезнь. На рабочем месте придется оставлять много разных вещей. Я за ними не услежу.

– Мой дом – неплохое место, – заявил Фирхайф, – но есть ряд серьезных трудностей. Я и мальчики здесь живем – пространства мало, места для работы просто не остается. Кроме того, раз в пару дней сюда заходит Лика, а раз в неделю меня навещает дочь. Они не всегда предупреждают о своем приходе, и значит, нам придется работать так, чтобы все рабочее место можно было убрать за считанные минуты – пока визитер проходит через шлюз.

– Риск, – сказал Тави. – И у меня дома все как у Ивары и Фирхайфа, только еще хуже.

– Нельзя работать с Аджелика Рахна на коленке, – подытожил Хинта. – Если я буду паять и при этом думать, что должен быть готов спрятать все, что делаю, в любую минуту... Я просто не смогу ничего делать. Поэтому остается мой гараж. Там много инструментов, тяжелый верстак и станки, которые невозможно перенести в дом Фирхайфа или на любое другое временное рабочее место. Моя мать сейчас заходит в га-

раж реже, чем к Фирхайфу. Собственно, она вообще туда не заходит. Если ей будет нужна вещь из гаража, она скорее отправит меня, чем пойдёт сама, потому что она не знает, где там что лежит. Отец в больнице, он тем более не помеха. На нас с Тави никто не обратит внимания. Даже на Фирхайфа – не обратят. Только тебе, Ивара, придется заходить и выходить с особой осторожностью.

– Это не так уж трудно. Я годами учился жить под слежкой брата. А его люди наблюдательнее твоих соседей.

Так у Хинты появился повод снова взять в руки паяльник. Фирхайф присоединялся к ним всякий раз, как ему удавалось выкроить свободное время. С улицы все выглядело, словно гараж заперт и в нем никого нет. Соседи, включая Риройфа, не удивлялись – все знали, что Атипа не просыхает с самого дня землетрясения и что семья Фойта тонет в проблемах и долгах.

В закрытом гараже можно было поддерживать сносную атмосферу, а потому они работали в скафандрах, расстегнутых по пояс. Лишь иногда, когда Хинта использовал для отмывки древних плат опасные реактивы, им приходилось снова надевать дыхательные маски. Но все трудности, включая маски, нерегулярную еду и неудобный туалет, казались такими ничтожными в сравнении с увлекающей их целью! Даже Ашайта в эти дни не жаловался. Он тосковал лишь, когда смотрел на Аджелика Рахна. Ему очень хотелось поиграть с этим чудесным маленьким робо, но тот все не просыпался, а старший брат, Тави, Ивара и Фирхайф почему-то не могли быстрее его починить.

Уже на самых первых этапах работы они разделили обязанности: Хинта и Фирхайф больше занимались чисто технической стороной воскрешения маленького человечка, а Тави и Ивара сосредоточились на составлении полного научного описания декоративных узоров и элементов на его корпусе. Их деятельность не требовала никаких инструментов, кроме портативных терминалов, но была не менее трудной – они просматривали тысячи картинок из исторических библиотек, чтобы найти совпадения с изображениями на теле Аджелика Рахна. Хинта попросил Ивару подробнее объяснить, зачем это нужно.

– Графика подобного рода всегда несет больше смысла, чем может показаться на первый взгляд, – ответил тот. – Ее можно читать, хотя и не так, как читается текст – количество символов здесь неизмеримо больше, а стиль и композиция могут придавать отдельным элементам

новые оттенки смысла. Мы же понимаем дополнительное значение многих геральдических символов на барельефах нашего времени, или значение символов на одежде и других предметах обихода? Здесь ситуация схожа. Самый простой способ расшифровать гравировки на теле Аджелика Рахна – это найти готовые ключи в справочниках по исторической символике, геральдике и барельефике.

– Это было «во-первых», – подытожил за учителя Тави.

– А во-вторых, находя совпадения с другим историческим материалом, мы отслеживаем путь нашего маленького сказочного героя через историю. Любой из художников, кто видел это лицо, мог бы захотеть и сам изобразить нечто подобное. Совпадения не обязательно помогут нам прочесть послание, но через них мы можем установить связь между Аджелика Рахна и определенными графическими традициями, существовавшими в истории. Ну и, в-третьих, мы надеемся найти, где он был создан, или, по крайней мере, расписан.

Пока они искали, Хинта пытался найти внутри Аджелика Рахна блок питания. Здесь он столкнулся с первой серьезной сложностью: устройством хранения энергии могла оказаться любая из крупных монолитных деталей внутри тела маленького человечка. Однако напряжение не удавалось зарегистрировать ни на одном из контактов. То есть, даже если блок питания был там, за прошедшие столетия он оказался полностью разряжен, а без напряжения, по одному лишь внешнему виду элементов, Хинта не мог определить их назначение. Никаких заметных портов, которые могли бы использоваться для подзарядки, на корпусе Аджелика Рахна тоже не было.

– Это пат, – через несколько часов работы признал он. – Мы не можем узнать, какой у него был блок питания. Но мы все еще можем запитать его извне. А чтобы он не сгорел, нам придется создать умное устройство, которое будет синхронно подбирать очень низкие напряжения к разным значимым точкам его плат. Это же самое устройство должно регистрировать результат в других точках. Если будем давать ровный ток, а в других точках он будет становиться импульсным, значит, хоть что-то начало работать.

Так они спроектировали сложнейшее, по меркам Хинты, техническое приспособление. Ивара раздобыл лучшие чип-компоненты, которые можно было достать в Шарту, купил он и некоторые приборы. К середине второго дня их работы гараж семьи Фойта выглядел в два раза богаче, чем когда-либо прежде – он превратился в настоящую лабораторию, центром которой был Аджелика Рахна, светящийся золотом, блестящий серебром среди нагромождений приборов и путаницы проводов,

к которым его подключали. Чем больше они над ним трудились, чем больше в него вкладывали, тем более живым он выглядел, словно из ремонтируемой вещи превращался в пациента, а сами они из роботехников во врачей.

Хинта хорошо запомнил один из эпизодов, случившихся еще на первом этапе работы. Он тогда только начинал; слои диэлектрика с не размеченными линиями проводников мокли в специальном составе, а сам Хинта пинцетом скрупулезно раскладывал по ячейкам контейнеров вновь приобретенные чип-компоненты. Был уже вечер. Фирхайф откатал свое за штурвалом тихоходного и принес перекус, но на угощение никто не обратил внимания, даже Ашайта не захотел отрываться от затяжной игры с Иджи. И вот, когда они просидели очередной час, Тави, наконец, сдался.

– Я устал, – отрываясь от портативного терминала, сказал он. – За сегодня мы пролистали шестнадцать тысяч изображений из каталога, и есть только два подозрения на совпадение с узорами на лице.

– Это доказывает, насколько необычную вещь мы исследуем, – отозвался Ивара. – Пока это даже не гипотеза, а лишь предчувствие гипотезы, но я подозреваю, что гравировка на его поверхности – это история его самого, точнее, его народа.

– Но здесь ничего о машинах. Лишь растения и животные, иногда, возможно, звезды, иногда – абстрактные линии.

– Так и есть. Две главные темы в его узорах – это древо и вселенная. Они заполняют почти все пространство поверхности, оплетают другие, малые изображения, делят узор на отдельные сцены, а сами становятся вечной рамкой. Но я не сомневаюсь, что эта рамка имеет даже большее значение, чем отдельные сцены... – Ивара говорил, не переставая прокручивать по экрану бесконечную череду древних черно-белых гравюр.

– Но я спросил: почему это его история, если там нет ничего о машинах? – напомнил Тави, и Хинта вдруг почувствовал что-то странное в этом повороте разговора. Еще никогда он не замечал, чтобы Ивара вот так терял тему, ускользал, не отвечая, продолжал о чем-то своем. Он оторвался от россыпи чип-компонентов и взглянул на учителя. Лицо Ивары поразило его – бледное, покрытое испариной, словно у умирающего, взгляд не отрывается от терминала, на губах блуждает странная, никому не адресованная улыбка. Он переглянулся с Тави.

– Простите, кажется, я тоже устал, – признался вдруг Ивара. – Я же сказал, это лишь призрак гипотезы, а не гипотеза. Интуиция. Как ее объяснить, я еще не знаю. Я просто чувствую, что Аджелика Рахна, вселен-

ная и древо – это одно. Посмотрите, некоторые из изображенных животных словно преклоняются перед деревом. Посмотрите на его тело, лицо – насколько включен, вписан в него этот узор! Возможно, у механического народца было подобие своей религии, а вселенная и древо – ключевые образы этой религии...

Тави отложил свой терминал.

– Ивара, – осторожно спросил он, – как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Обычно. – От работы тот по-прежнему не отрывался, словно мир вокруг более не существовал, а товарищи, сидящие рядом, были лишь голосами, идущими откуда-то издалека, и он отвечал им, как отвечают по радиосвязи, или даже как отвечают мыслям в собственной голове – ведь на внутренних собеседников человек не смотрит. – Его лицо – это Образ; он одно с ним. Самое странное в нашей работе то, что мы не делаем ничего сложного. Я почти уверен, что интерпретация проста. Все, что связано с ним, связано и друг с другом. Это единый взгляд на мир, на его народ, на историю человечества; одна картина, одна философия. И хотя мы еще не знаем ее, все верования Джидана начинают казаться мне ее призраками, отражениями и спутниками. Для меня Аджелика Рахна – уже не головоломка, наоборот, он единый и единственный ответ на почти все головоломки исторической науки.

Он замолчал, смотря в свой терминал. А они все смотрели на него.

– Кстати, Ивара, – нарушил тишину Фирхайф, – Вы не забыли, что на сегодняшний вечер у Вас назначена вторая встреча с шерифом?

Первая встреча состоялась на следующий день после обнаружения разлома. Тогда строители собирались просто залить фиолетовую жилу смесью из песка и парапластика, но Ивара раскритиковал их план и сказал, что лучше будет накрыть разлом листами металла, уложить поверх мягкие баллоны с водой, а уже на баллоны класть панцирь из песка и пластика. Так он планировал создать над фиолетовым ужасом щит из материалов, наилучшим образом поглощающих энергию.

Слова старика возымели действие: учитель, наконец, оторвался от потока изображений и посмотрел на друзей. Его глаза обычно были светлыми, но сейчас они поразили Хинту своей чернотой – так сильно в них расширился зрачок. Обнаружив, что попал в центр всеобщего внимания, Ивара на мгновение застыл, а потом его улыбка стала чуть более живой.

– Я стал странным, да?

– Ты плохо выглядишь, – сказал Тави. – Весь в испарине.

– Здесь вроде бы жарко. – Это было правдой. Прибор, поддерживающий атмосферу в гараже, был слишком примитивным, и созданный

им искусственный климат вонял тяжелой духотой. Но только Ивара покрывался такой испариной. – Сколько у меня времени до шерифа?

– Час.

– Тогда лучше выйти заранее. Киртаса любит, когда все ждут его, и не любит ждать сам. А я хочу, чтобы он уважал меня и делал с разломом все так, как я советую. – Он встал, но вдруг пошатнулся, неловко ухватившись за край верстака.

– Ивара? – с новой тревогой спросил Тави.

– Голова кружится, – медленно опускаясь обратно на свое место, ответил тот. Потемневшие глаза его оставались очень спокойными.

– Вы тут, небось, дольше всех, – вмешался Фирхайф. – Атмосфера здесь не очень, а если гараж хоть немного «течет», то за эти часы можно было и отравиться.

– Это не похоже на отравление.

Тави лучше угадал причину проблемы.

– Когда ты ел в последний раз?

Ивара чуть запрокинул голову назад, лицо его стало абсолютно отсутствующим.

– Вчера? Что-то... не могу вспомнить. Думаю, последние дни выбили меня из колеи. Особенно образ смерти Эдры.

Только теперь, впервые, Хинта до конца увидел и постиг в этом человеке его главную черту. Ивара существовал на пределе физических возможностей, на границе между здоровьем и болезнью, истощением и бодростью, гениальностью и нервным срывом. Его взгляд не отрывался от Аджелика Рахна, и эту вещь он не мог проигнорировать или потерять – едва появившись, она сразу стала его работой, перетянула на себя всю энергию его жизни. Он весь был в ней, терял ради нее самого себя так же, как, очевидно, терял себя всю жизнь.

– Это твоя болезнь? Хару? – спросил Хинта.

Ивара расслабленно откинулся на спинку стула, прикрыл глаза.

– Да. Вот так это и выглядит в худшие дни.

Тави резко сорвался со своего места и вернулся назад с герметичным контейнером с едой, принесенной Фирхайфом.

– Тебе надо поесть. Срочно. Станет лучше.

– Да, конечно. – Ивара осторожно отодвинул от себя человечка, взял из рук Тави бутерброд, откусил, потом посмотрел на мальчиков. – А вы? Хотите?

– Проблема не в том, хотим или не хотим мы, а в том, что ты, очевидно, не хочешь есть уже около тридцати шести часов! – сказал Тави.

– Извини, – попросил Ивара. На мгновение у него сделался ужасно беззащитный вид, какого Хинта никогда не видел, и уж тем более не мог представить. Это был властитель дум – и одновременно несчастный больной, который не мог сосредоточиться на еде.

– Запивай, – посоветовал он. Ивара послушно кивнул.

– Полагаю, всем нам надо поесть, – резонно заметил Фирхайф. – Ивара – крайний случай, но и вы двое, молодежь, выглядите бледно.

Потом они ели и шутили. Ивара все делал правильно – клал в рот, жевал, глотал – но явно не думал о том, что делает. Несмотря на благое намерение прийти пораньше, он все-таки опоздал на встречу с Киртасой. Впрочем, негативных последствий это не принесло, и еще через несколько дней разлом был до конца накрыт саркофагом в полном соответствии с его планом. А в следующие дни Тави взял Ивару под патронаж. Он заходил к тому в квартиру утром и вечером – проверял, все ли в порядке, помогал убираться по дому, заставлял пить и есть. Ивара слушался его и всех остальных с невероятной детской покорностью. Теперь Хинта и Тави стали равны: они оба должны были заботиться о слабых и любимых ими людях.

На четвертый день работы Хинта, наконец, закончил хитрый стабилизатор напряжения. Плата, которую он спаял, была лучшей из всего, что он делал за свою жизнь: светлые дорожки электрических цепей тянулись сквозь многослойный полупрозрачный диэлектрик, в глубине пластины мерцали напыленные вручную индукционные катушки и резисторы, а сверху, выстроившись аккуратными рядами, словно вышедшие на парад шеренги микроскопических боевых машин, черных с серебристо-белыми знаками отличия, стояли дорожные редкие чип-компоненты. Это был фактически комплекс энергоконтроля – вроде тех, что стоят на электростанциях, только крошечный, рассчитанный на слабые токи и созданный специально, чтобы запитать одного-единственного сверхсложного робо. Он обладал собственными процессором и памятью – записывал в себя точки подключения, мог самостоятельно подбирать нужные уровни подачи энергии и понимать, работает ли включенный в него прибор. Если бы Хинта отнес эту вещьцу в школу и объяснил, для чего она нужна, ему бы зачли автоматом три следующих класса роботехники. Это был по-своему шедевр, и все же, глядя на свою работу, Хинта содрогался от осознания ее грубости. Каждая плата-лепесток внутри тела Аджелика Рахна была микроскопическим городом. В сравнении с

этими городами работа Хинты могла сойти разве что за деревню дикарей-великанов, эдаких громил, строящих себе хижины из цельных монолитов меди и кремния.

Когда последняя дорожка припоя застыла и начала стремительно терять блеск, Хинта окунул плату в ванночку с реагентом и поднял взгляд.

– Готово. Можно тестировать. Раскрутим какое-нибудь простое устройство с аккумулятором, снимем аккумулятор и попробуем запитать.

Часы тестов тянулись слишком долго и при этом пролетали незаметно. Когда очередная проба показывала, что все в порядке, Хинта испытывал приступ сильнейшей эйфории. Он сам был потрясен тем, что создал столь великолепную вещь за столь ничтожное время – словно близость Аджелика Рахна подпитывала и меняла его технический талант. Он понимал, что дело может быть не в маленьком человечке и не в нем самом, а в советах двух умнейших взрослых, но все же было так приятно объяснять удачу своей гениальностью или воздействием иррациональных сил. К вечеру того дня, через два часа работы с Фирхайфом, они подготовили все, чтобы включить ногу Аджелика Рахна в устройство. Платы-лепестки, вытянутые из ноги, были распяты на диэлектрической прокладке и аккуратно, точно припаяны Фирхайфом к новым контактам. Проводки от внутренностей маленького человечка протянулись к устройству Хинты и назад, и два прибора, бесконечно разные по технике своего исполнения, срослись в странную химеру. Хинта выкрутил настройки на минимум и сказал, что теперь его можно подключать к сети гаража. Он думал, что это сделает Фирхайф, но тот поступил иначе – протянул контакты учителю.

– Не надо лишнего пафоса, – качнул головой Ивара. – Мы все равны, и любой из нас может это сделать. К тому же, не факт, что что-то получится.

– Нет, – горячо возразил Тави. – Ивара, пожалуйста. Это должен сделать именно ты. Дело не в равенстве, которого, кстати, нет. Дело в твоей истории. В твоём праве.

– Хорошо. – Ивара отложил терминал, встал и замкнул цепь. Как только он этот сделал, нога маленького человечка шевельнулась; крошечная стопа дрогнула и конвульсивно потянулась вверх. Это была судорога первой жизни. Все вздохнули восхищенно и испуганно. А потом Хинта в бесконечном удивлении уставился на свое устройство.

– Но там нет тока. Я еще не подаю в его ногу никакой энергии. Или я допустил ошибку?

Фирхайф взялся за тестер и проверил. На контактах дрожало значение между нулем и одной тысячной.

– Не понимаю, как можно на таких слабых токах управлять сервоприводами?

– Как в мышце человека, – сказал Ивара. – В нас же очень слабые токи, но все работает.

А потом случилось нечто еще более странное. Когда они попробовали снова, нога маленького человечка уже не шевельнулась. Она не шевельнулась ни единого раза больше, какие бы усилия они не прикладывали, чтобы повторно ее оживить.

В Шарту постепенно начинались приготовления к поездке на мемориал старого поселка. Расстроенный, вернувшийся домой после неудачного дня, Хинта застал свою мать за разговором с Фирхайфом.

– Отдохни, Лика, – мягко, утешающее говорил старик. Хинта, показав Ашайте, чтобы тот вел себя тихо, замер у шлюза. – Впервые за годы ты действительно можешь себе это позволить. Не забирай детей домой, пусть еще поживут у меня. Они достаточно подросли, чтобы без тебя съездить на побережье. Ивара согласился за ними присмотреть. Я познакомился с ним в больнице. По-моему, он хороший человек. А ты знаешь, я в людях редко ошибаюсь.

Хинта понимал, что Фирхайф делает – он спасал их проект, их автономию, выкраивал им время. Кроме того, он был просто прав – Лика за последний месяц начала выглядеть почти как призрак; со времен большой болезни Хинта не видел мать настолько истощенной.

– Побудь одна, пока муж в больнице. Наслаждайся свободой, поживи для себя. У тебя, как и у любого, есть любимые маленькие развлечения. Можешь вспомнить, когда ты в последний раз ими занималась? Потом, когда Атипа поправится, ваша семья заново соберется вместе. И все будет как раньше. Но сейчас ты можешь просто отдохнуть. Да и к чему везти мальчиков домой, когда всего через несколько дней они уедут?

– Может, мне стоит поехать с ними? Но Атипа...

– Нет, нет, нет, – запротестовал Фирхайф. – Поездка – это заботы и усилия. Говорю же тебе: отдохни. Если ты так переживаешь за них, то знай, что они будут не только с учителем. Я тоже туда поеду. Хоть и не смогу все время быть рядом, но приглядывать буду обязательно.

И Лика сдалась: он ее убедил. Потом, когда они остались вдвоем, Хинта сказал ему за это спасибо.

На пятый день в гараже они все вместе обсудили перспективу поездки. У Тави возникли трудности.

– Мама поедет в кортеже Джифоя. Боюсь, между нами начинается новая фаза борьбы. Она до последнего будет пытаться затащить меня туда.

– И что нам делать? – спросил Хинта.

– Я смогу вырваться. Пока еще смогу.

Тем же днем Ивара предложил прибавить ко всем выходам устройства Хинты дополнительные делители.

– Так мы сместим диапазон работы твоего устройства до сверхслабых токов. Здесь возникают две проблемы. Во-первых, эти значения почти не будут отличаться от уровня наводок, которые есть во всех устройствах, особенно пока они находятся на расстоянии в несколько километров от Экватора. Во-вторых, у нас нет средств, чтобы регистрировать градации таких низких значений. То есть, мы ничем не сможем проверить работу твоего прибора.

– Но мой прибор сам сможет себя проверить.

– Только вот, если он ошибется или ты ошибешься, мы об этом не узнаем. Это слепой метод. Корпус Аджелика Рахна сделан из металла. То есть, пока он был цел, его внутренности были прекрасно экранированы, и он не получал наводок на свои внутренние устройства. Мало дать ему напряжение. Нужно сначала экранировать его, а потом дать ему напряжение. Сейчас на уровне сверхслабых токов в нем царит хаос. Мы должны побороть хаос, а уже после этого создавать систему.

– Будем подключать тело?

– Нет. Ногу, только ногу. Если своими действиями мы уже повредили ее, то у нас нет права разрушать все остальное – ценность его внутреннего устройства сравнима с ценностью твоего или моего внутреннего устройства. Сжечь его будет убийством. А учитывая то, что он единственный известный нам представитель своего рода, это уже геноцид. Мы не можем рисковать.

– Но его нога, возможно, сгорела, – заметил Тави.

– У нас нет выбора. Как бы ни слаба была надежда, мы должны попробовать подключить ее, и пока мы имеем право подключать только ее. В зависимости от результата нам предстоит решать, что мы будем делать дальше.

На шестой день работы Хинта доделал новый модуль, который понижал напряжение и силу тока в тысячу раз. Фирхайф сумел раздобыть

сетчатые контейнеры, предназначенные для защиты уличной аппаратуры от наводок. Нога Аджелика Рахна была помещена в самый маленький из контейнеров, туда же уместился слаботочный модуль Хинты. На седьмой день они начали новый цикл тестов; долгие часы Хинта сидел и смотрел сквозь сетчатую стенку контейнера на золотистую стопу маленького человечка, каждую минуту ожидая и надеясь, что вот сейчас, наконец, она шевельнется. Данные со своего устройства он вывел на портативный терминал, что сделало процесс хоть немного наглядным: он мог наблюдать, как происходит перебор ключевых точек, как медленно ползут повышающиеся значения напряжения и силы тока. Это продолжалось, пока Хинта не ощутил, что начинает медленно сходить с ума. Он так долго смотрел на ногу Аджелика Рахна, так сильно хотел, чтобы она начала двигаться, что уже не мог отличить движение от отсутствия движения. Это было все равно, что наблюдать за часовой стрелкой на циферблате без цифр.

– Кажется, кажется, она немного согнулась, – бормотал Хинта. – Несколько часов назад его мысок был чуть ближе к верху контейнера.

– На сколько? – спрашивал Тави.

– На вот столько, – показывал крошечное расстояние Хинта.

Фирхайф посоветовал ему прекратить.

– Ничего не происходит. А если очень долго ждать, что неподвижная вещь сдвинется, то рано или поздно тебе начнет казаться, что ты это увидел.

На девятый день, придя в гараж, Хинта спросил у Ивары, что же им делать дальше.

– Ничего. Я не знаю, что еще можно сделать прямо сейчас. К тому же, я здесь сегодня ненадолго – пора собираться в дорогу, завтра поездка. Думаю, пришло время вернуть Аджелика Рахна в ячейку хранения. А тебе нужно прибраться в гараже, чтобы, пока нас здесь не будет, никто не нашел следов нашей деятельности – они стали весьма заметными.

– Но ведь его нога шевельнулась в тот первый раз! – почти закричал Хинта. – Дайте мне еще раз его подключить!

– В языке твоего любимого Притака была специальная редкая глагольная форма «брира». Ее использовали, чтобы сказать о событии, случившемся лишь один раз. Такое одинокое событие бывает в отношениях между людьми, когда враги на день становятся друзьями, в творчестве художников, когда вдруг появляется произведение искусства, стоящее в стороне от всех жанров и правил. Бывает оно и у ученых-экспериментаторов. Но если сделаешь ставку на повторение брира – потратишь зря недели, месяцы и годы.

Хинта выслушал его, тяжело дыша.

– Поэтому забудь. Это тот случай, когда «один раз» равно «ни разу». Мы потерпели неудачу. Наша борьба была достойной. Теперь время очистить мысли и перейти к другим вещам. И я хочу, чтобы ты получил удовольствие от грядущего путешествия, отдохнул. Но ты не сможешь этого сделать, если будешь снова и снова рваться в бой, который уже проигран.

В мрачной атмосфере они принялись разбирать свою импровизированную лабораторию. Хинта старался следовать совету Ивары, но почти все его мысли были об Аджелика Рахна, который отверг их усилия и остался мертвым.

Ранним утром дня всеобщей поездки в старый Шарту Хинта стоял на перроне тихоходного поезда и наблюдал, как его брат играет с Иджи. Рядом горбились груды герметичных чемоданов, поодаль шевелилась растущая толпа ожидающих. Фирхайф ушел осматривать состав. Тави и Ивара задерживались. День выдался тихий, безветренный, солнце только взошло, и его золотисто-розовая корона разливала свое великолепное сияние на половину небосклона. Эта красота проникала глубоко в сердце Хинты, но в мыслях он все еще перебирал события прошедшей недели. Из досадливых размышлений его вывел сигнал, предупреждающий о скором отбытии поезда. Его друзья опаздывали, и это заставляло нервничать.

Лагерь, обустроенный на руинах старого Шарту, заселялся в несколько этапов. Переезд на побережье длился весь день, и людям предоставлялась возможность самостоятельно выбрать для себя маршрут и транспортные средства. Кто-то ехал на джипах, остальные проезжали половину пути на тихоходном, сходили на станции рядом с колумбарием и от нее ехали на машинах, либо шли пешком, если были готовы прошагать около двадцати километров. Для тех, кто решался на пешую прогулку, вдоль всего пути были обустроены специальные места, где можно было снять скафандр, отдохнуть и перекусить.

Путешествие на джипах было не бесплатным: фермеры – обладатели личного транспорта в праздник занимались частным извозом, причем платить приходилось не за машину, а за каждое сидячее место. В итоге, поездка стоила дорого и неизбежно происходила в компании чужих людей. А потому Ивара и мальчишки решили, что пойдут пешком. У них появился план – следовать значительную часть пути общим марш-

рутом, а потом свернуть на тропу, идущую вдоль Экватора, и пройти по ней ровно под тем местом, где когда-то располагался лагерь друзей Ивары. Идея была замечательной, но на такой поход требовался почти весь день, так что опоздание на текущий рейс тихоходного могло им все испортить: следующий отбывал из Шарту только через три часа.

Хинта уже собирался звонить друзьям, но те появились сами. Они пришли вместе – в скафандрах, сделанных по одному лекалу, столь похожие на отца и сына. Ивара был лишь на полголовы выше Тави. Еще издали по их движениям Хинта понял, что они на ходу смеются какой-то шутке. Потом они тоже его увидели, и Тави показал знак «ан-хи», означавший, что проблемы с Эрникой улажены и все их планы на совместную поездку остались в силе. Вслед за ними ехал приземистый походный дрон Ивары. Хинта уже знал о существовании этой машины, но сегодня впервые увидел ее своими глазами. Дрон был желтый, с черными парапластиковыми гусеницами; над кузовом возвышалась гора поклажи, перетянутая крепёжным тросом. Хинта включил ближнюю радиосвязь, но сразу поговорить не удалось – поезд уже был под парами, едва хватало времени припарковать дронов на грузовой платформе. Потом Ивара подхватил Ашайту на руки, и они бежали до головной пассажирской платформы, чтобы ехать вместе с Фирхайфом. Почти все места были заняты, но машинист придержал для них четыре передних кресла.

– Я уж думал, не успеете.

– Тави был просто невыносим, – посетовал Ивара шутливо, перекладывая груз ответственности на плечи своего опекуна. – Я думал, мне хватит одного чемодана, а он заставил упаковать три. Будто я снова переезжаю на другую сторону Экватора.

– Тот единственный чемодан, который ты собрал заранее, был доверху набит оборудованием, – ответил Тави. – Его хватило бы, если бы ты был роботом. Без зубов, которые надо чистить. Без щетины, которую надо брить. Без тела, которое нуждается в одежде. Без желудка, который нуждается в еде. Без легких, которые нуждаются в воздухе. Что я забыл упомянуть?

– Если бы я был робо-хару, я бы, вероятно, не взял запасную батарею, и все закончилось бы столь же плачевно. Но если серьезно, три чемодана – это действительно много. Я раньше ездил в короткие поездки с двумя – один с оборудованием, другой с вещами.

– Мог быть и один чемодан с вещами. Но я же еще не научился... Мне сложно просчитать, что тебе нужно, а что нет. И у нас не осталось времени уложить вещи, пришлось пошвырять их, как попало. Кто присматривал за тобой в Литтаплампе? Ты же и тогда не мог собирать

свои чемоданы сам. Даже вне приступов ты наверняка звал кого-то, чтобы этот человек проверил тебя.

– Разные люди. Как правило, наемные. В последние годы это делала одна добрая женщина. Она была младшим техником, занималась хозяйством в историческом корпусе университета Кафтал: дроны-уборщики, лифты, мебель, другие маленькие, но нужные дела. Сначала я договорился с ней, что она будет проверять мое состояние, когда я прихожу на работу. Позже я нанял ее, как сиделку. Потом она попросила, чтобы я подтянул ее сына для поступления в университет – не Кафтал, менее престижный. Когда парень получил стипендию, она отказалась брать с меня деньги и просто присматривала за мной до самого моего отъезда. – В голосе Ивары прозвучало тепло, но не такое, с каким он говорил о своих погибших друзьях.

– Вы с ней были близки? – спросил Фирхайф. Хинта ощутил какой-то взрослый подтекст в этом вопросе.

– В каком-то смысле, в некоторые моменты. Ведь есть доля интимности в уходе за любым больным. Но мы не могли общаться, как равные. Она была на десять лет старше, расцвет ее жизни уже миновал. Она не могла стать моим учеником. А дружба равных и ученичество – это, наверное, единственные формы общения, которые мне по-настоящему доступны.

Шарту остался позади. Тихоходный плыл над зелено-желтыми полями.

– Я боялся, что ты опаздываешь из-за матери, – сказал Хинта. Тави кивнул.

– У нас с ней был разговор. Не сейчас, вчера, поздно вечером. Она украдала четыре часа моего сна: два часа мы ругались, и еще два часа после этого я не мог успокоиться. Но видимо, эта битва зарядила меня такой энергией, что я до сих пор не чувствую недосыпа.

– Я думал, она попытается остановить тебя в последний момент.

Тави качнул головой.

– Вечерний разговор был исчерпывающим. И боюсь, последним. Потому что он был первым нашим честным разговором за все эти месяцы. Мы выложили все карты на стол. Я признался ей, что знаю. – Хинта посмотрел на спину сидящего впереди Фирхайфа. Тави перехватил его взгляд. – Здесь нечего больше скрывать. У меня будет брат. Его отец – Джифой. Мама собирается подписать с ним брачный контракт до того, как родится ребенок, то есть в течение полугода.

– Значит, слухи не врали, – пробормотал Фирхайф.

– Какие слухи?

– Обычные толки-кривотолки-пересуды. О том, что Эрника Руварта ведет себя в совете так, будто у нее вдруг стало в три раза больше власти. И о том, что она скупает в поселке недвижимость.

– Я не знал. По крайней мере, про недвижимость.

– Но это так. Она даже кое-кого разорила ради своих дел. Поговаривали, что она пыталась купить куврайм. Люди гадали, откуда у нее деньги. Версий было две – наследство из Литтаплампа и деньги Джифоя. Я думал, ты об этом знаешь больше остальных, но хранишь ее секреты.

– Нет. Возможно, я оказался одним из последних, до кого дошли эти новости. Теперь я все вижу. Мой главный вопрос вчера к ней был: «Твоя ли это воля, мама? Он заставил тебя, или ты сама захотела?» Она ответила мне, что, во-первых, Джифой – человек чести и ни к чему не принуждает женщин, а во-вторых, что она – не из тех женщин, которых можно к чему-либо принудить. Она была такой гордой, такой бешеной в тот момент! Я все неверно себе представлял. Я думал, она будет такой же, как его прежние жены. Но она будет другой. Она не простушка из фермерской семьи. Она стоит самого Джифоя. И она хочет власти. Я уже даже не знаю, кто из них двоих в последнее время ведет. Может, это мама истинный автор его последней патриотической компании. Только вот ей не везет: ее планы порчу я, землетрясение, «Джиликон Сомос». И кто знает, какая еще вещь в самое ближайшее время испортит ей планы. А такая вещь обязательно появится. – Тави повернулся к Иваре. – Я начинаю понимать, какими были отношения между тобой и твоим братом. Вы вместе мечтали. Но извод этих мечтаний оказался очень разным: один из вас захотел стать героем, другой – правителем. С того момента, как мама ударила меня по лицу, я думал, что наше с ней общее прошлое – ложь, что она как будто не читала вместе со мной всех тех легенд, не смотрела всех тех ламов. Но нет, она читала и смотрела, она, как и я, многое находила в историях о войне. Даже образ Джилайси увлекал ее, только с другой стороны. Она видела в нем другие возможности. Я зря боялся, зря корил себя: моя темная сторона вне меня – и это моя мама. Как и твоя, Ивара, темная сторона вне тебя – и это твой брат.

– Не совсем так. Моя темная сторона – это мой брат, да, но он и во мне. Твоя темная сторона – тоже в тебе, даже если она еще и напоминает тебе твою мать. В этом проблема семьи, радость и горе любви – все они в нас, а мы в них. Мысли, влечения, решения никогда не принадлежат отдельным людям, они всегда влияют на тех, кто рядом. Ты борешься, но во время борьбы противник проникает в тебя. Ты побеждаешь, но он остается в тебе, а ты остаешься в нем. Если борьба была особенно острой,

и при этом не аморальной – тогда вы остаетесь друг в друге, как голос совести, как знак сомнения в собственной чистоте и непогрешимости. И это сомнение будет справедливым, потому что чистых волей и непогрешимых людей нет. Воли людей все время смешиваются между собой. Отдельны только наши тела.

– А моей темной стороной был отец, – неожиданно сказал Фирхайф. – Когда он напивался, он приказывал мне надеть скафандр, выводил из дома, ставил на скалу над морем – так близко к краю, что камни сыпались из-под ног – и заставлял так стоять. Иногда часами. А сам ходил за спиной и нес всякую чушь. В девять лет я прыгнул вниз, чтобы это прекратилось. Повезло: отделался переломами ног. С тех пор он больше так не поступал. Став постарше, я поклялся, что никогда не буду жесток с детьми. Думаю, у меня получилось. Все проходит; рана превращается в шрам, шрам становится меньше. Потом о нем почти не вспоминаешь. Но нужно четверть века, чтобы почти перестать вспоминать.

Хинта, конечно же, не слышал этой истории раньше, как не знал и об обстоятельствах развода Фирхайфа с женой, и о страхе, который тот пережил, пока хранил у себя Аджелика Рахна. Было так сложно представить, что этот шутливый, добрый, уверенный в себе человек прошел через такие беды в своей жизни. Но он был здесь, привычно вел поезд. И это означало, что раны действительно заживают.

Некоторое время они молчали. Все сказанное крутилось и повторялось у Хинты в голове, и постепенно там выкристаллизовался вопрос. «А где же моя темная сторона? Кто моя темная сторона? Неужели отец? Но он никогда не был со мной жесток, и между нами не было борьбы. Он не калечил мне тело или душу. Я лишь изредка содрогаюсь от отвращения, когда нахожу в себе его худшие черты: слабость, трусость, глупость, желание приспособливаться, стремление быть в стороне. Но кто, если не он? Неужели Тави? Ведь именно с ним я чаще всего спорил о сложных вещах, с ним дольше всего боролся. Но ведь он мой лучший и единственный друг. И хотя были дни, когда я его ненавидел, но, в конце концов, мы остались вместе. Мы не стоим по разные стороны баррикад, как он со своей матерью, или как Ивара со своим братом. Но если это не Тави... Неужели моя темная сторона – Ивара? Хотя нет. Это уж совсем глупо. Он лучший из людей, кого я знаю. Так, может быть, моя темная сторона – Круна? Вот его я по-настоящему ненавижу. Но и здесь не то. Мы не расставались, не спорили, не уходили в разных направлениях от одного начала. Мы всегда были врагами, Шарту сделал нас врагами; из-за негласных законов поселка мой брат всегда был мишенью для чужих издевок. Мой брат... Но он точно моя светлая сторона, а не темная. Сколько

раз он утешал меня, сколько раз я утешал его? Тогда, может, у меня вообще нет темной стороны? Или она есть, но нет человека, который бы ей соответствовал? Или... или я сам чья-то темная сторона, и именно поэтому нет никого, кто был бы ею для меня?»

Последняя мысль ранила Хинту. Где-то рядом дремало заглушенное и полузабытое чувство вины. А он не хотел испытывать вину. Он уже привык ощущать себя правым, спорить, нападать. И потому он не решился озвучить свои вопросы и сомнения. Мимо проплывали залитые солнцем поля, в нескольких местах были видны серьезные последствия землетрясения – трещины в земле, места, выгоревшие из-за разливов магмы. На повороте монорельса мальчики изо всех сил вывернули головы, чтобы увидеть оставшийся позади Шарту. Хвост поезда изгибался синей лентой; поселок был уже так далеко, что превратился в пестрый штришок в море золотисто-зеленых фратовых полей. И Хинта нащупал другую тему для разговора.

– Я помню, как мы ехали этой дорогой в прошлый раз, на погребальную церемонию. Тогда была бурная ночь. Поля тонули во тьме. Тьму разрывали молнии. Хлестал дождь. И разговоры были о мире мертвых.

– А теперь они о ранах живых, – сказал Тави.

– Будем заходить в колумбарий? – спросил Ивара. – Хинта, у тебя ведь есть предки, который жили в старом Шарту? Кто-то из них наверняка погиб от цунами.

– В колумбарии у меня только бабка по материнской линии. Она умерла от болезни за год до цунами. Дед и бабка по отцовской линии похоронены в скале, которая раньше стояла на территории их фермы. Много лет назад эта земля перешла к другим собственникам. Мы с отцом один раз туда ездили. А от цунами из всего старшего поколения моей семьи погиб только дед по материнской линии. Его смыло в море, тела не нашли, а средств, чтобы хоронить пустые саркофаги, не было. Он так и остался без погребения. Но я бы зашел в колумбарий.

– Он сильно пострадал во время землетрясения, – вмешался Фирхайф. – Вы не знали? Вся та часть зала, где ледник становится толще, закрыта. Часть мемориальной стены разрушена, многие саркофаги упали. И газ перестал идти из-под земли. Придется нам в Шарту менять традицию погребения. А ведь прежняя была очень красивой! Но зайти можно.

Хинта и Тави переглянулись – оба подумали про Вечный Компас.

– Надо зайти, – решил Тави. – Хотя там и нет моих мертвых, но пусть мое уважение будет с мертвыми Шарту.

– Так тому и быть, – заключил Ивара. – Раз мы успели на поезд, времени должно хватить на все.

Через несколько минут поезд замедлил ход и начал втягиваться на станцию. Друзья тепло попрощались с Фирхайфом. Старик пообещал, что приедет на руины старого поселка, но не сейчас, а позже, ночью или ранним утром следующего дня.

Приблизившись к колумбариям, они поняли, о чем говорил Фирхайф: землетрясение обрушило почти все нерукотворные арки, ранее обрамлявшие вход в грот. Никто не занимался уборкой упавших камней, и оттого дорога стала почти непроходимой.

– Я подожду здесь, – сказал Ивара, – с роботами и Ашайтой. А вы можете пробираться дальше.

– Спасибо, – поблагодарил Хинта, и они с Тави углубились в нагромождение валунов. Люди здесь уже ходили, среди камней вилась тропинка, впрочем, не слишком утоптанная – рыхлый грунт и острый щебень. Отдавая дань уважения мертвым, мальчики перестали разговаривать. Они молча преодолевали препятствия, пока не оказались под растрескавшимися сводами грота. Все здесь стало другим – огни больше не озаряли подземелье, тонувшее в сумраке, свет проникал только от входа. На краю подиума сидел мортейра, черный хранитель разрушенного склепа. Хинта поклонился ему, Тави последовал его примеру.

– Не ходите за флажки, – предостерег мортейра по громкой связи. Его измененный голос был все еще величественным, но уже не таким мощным, как на погребальной церемонии. Они прошли дальше, до линии флажков. Лишь краешек ледника был доступен здесь, и они, по традиции прикоснувшись к нему, тут же распрямились и начали вглядываться в окружающий мрак. На сводах грота почти не осталось минеральных отложений: все они откололись и упали вниз. Целые ряды саркофагов выпали из ячеек и разбились; по полу ровным слоем стелился серо-черный прах, особенно четко заметный на фоне льда. Но пострадали не только саркофаги – сами ячейки были разрушены, и дарохранильницы тоже. Из них высыпалась красивая церемониальная рухлядь, местами были видны вещи, которые родственники сочли нужным отдать своим мертвым: устаревший портативный терминал, пожелтевшая от времени губка фрата. Сколько ей было лет? Какого года это был урожай? Еще из одной дарохранильницы высыпались статуэтки ге-

роев попеременно с боевыми патронами. В глубине грота, за флажками, перекрывая обзор части пещеры, лежала рухнувшая опорная колонна.

– Ты видишь погребение родителей Дваны? – спросил Тави.

– Да. Смотри, вон оно. Как странно.

То, что открылось, действительно выглядело необычно. В нескольких местах от стен и потолка откололись особо крупные валуны. Падая, эти глыбы разнесли все на своем пути. Но саркофаги родителей Дваны остались целы и стояли нетронутыми в своих нишах, а по сторонам от них все было сметено обвалом.

– Это компас, – сказал Тави. – Это он уберет их. Я не могу быть на сто процентов уверен, что он может вернуть к жизни. Но я точно уверен, что он спас это место. Пещера опускается в глубину. Какое же чудо должно было случиться, чтобы сюда не проникла магма, и не вышла та фиолетовая дрянь?

Через несколько минут в пещеру добрались другие люди с поезда. Они все останавливались и пораженно смотрели на разоренные погребения своих предков. Мальчики, уставшие от тьмы склепа, вернулись назад, на солнце, в человеческий мир. Там Тави, не называя имени Дваны, сообщил Иваре, что компас лежит именно здесь, и рассказал о чуде сохранившихся саркофагов.

– Может ли он такое делать? – спросил Хинта.

– Пойдемте. Нам предстоит дальний путь. По дороге я как раз хотел рассказать вам свои новые мысли. Возможно, в них будет ответ на этот вопрос.

– Хорошо, – обрадовался Тави. Они зашагали по проселку, словно вырезанному в толще фратовой губки – с обеих сторон их обступили пористые стены. Выше фрата к небу тянулись треупсы; при каждом порыве ветра с них летела яркая желто-зеленая пыльца, от которой над полями и плыл этот особый, сверкающий туман-марево. Раз в десять минут мимо проползали аграрные дроны. На горизонте белой точкой было видно фермерский хутор, подготовленный в качестве первой станции для отдыха путников.

– Когда я увидел Аджелика Рахна, – сказал Ивара, – моей первой ассоциацией стал Образ. Но я слишком увлекся исследованием деталей узора. Это был легкий путь, и он увел нас немного в сторону.

– Ничего себе легкий, – сказал Тави.

– Да, легкий, потому что заниматься деталями всегда проще, чем удерживать в уме целое. Находка моих друзей оказалась бесконечно богатой – любая крошечная часть Аджелика Рахна способна соблазнить ученого. Если однажды маленький человек станет всеобщим достоя-

нием, то уже очень скоро кто-нибудь не постыдится посвятить диссертацию лишь одному завитку растительного узора на его левом виске. Другие напишут об устройстве сервоприводов в его ногах, третьи – о законах внутренней организации интегральных схем, четвертые – о спектральных параметрах кристаллов на его печатных платах... Я тоже попал в эту ловушку, потому что мне не чужды все слабости ученых. Все мое внимание уходило на те вещи, которые были у меня перед глазами.

– Но ведь вы с Тави не напрасно делали всю свою работу? – спросил Хинта.

– Нет, не напрасно. Все, что мы нашли, оказалось полезным – но по иронии, я сумел подобрать истинный ключ ко всему этому только тогда, когда нам пришлось прерваться и мое внимание, наконец, оказалось свободно. Это произошло вчера днем. Мы свернули нашу лабораторию, я вернулся домой, поел под присмотром Тави, остался один, начал собирать чемодан... И в этот момент мне в голову пришла одна простая мысль.

– Какая?

– Терпение. Прежде чем я подойду к сути, мне бы хотелось прояснить один немаловажный лингвистический вопрос. Мы говорим «Образ», и для нас это слово исполнено определенного смысла даже вне контекста мифологии. К примеру, мы понимаем, что «образы» наших друзей и близких хранятся в нашей памяти. Мы понимаем, что «образ» и «облик» – это почти синонимы, но при этом видим разницу между ними.

– Образ всегда связан с идеализацией? – предположил Тави.

– Верно. Облик принадлежит самой вещи. Образ – это ее проекция где-то еще: в мыслях, в памяти, в тексте, в творении художника. Образ можно отделить от вещи. Он может принадлежать множеству. Например, мы скажем, что люди некоей культуры имеют свой «образ мышления».

– А какое это было слово в Джидане?

– «Ахана». В наших устах оно звучит грубовато. Но изначальные носители языка произносили его легко, почти как вздох. Оно означает массу вещей: лик, подобие, начало...

– Ахана, – попробовал на вкус Хинта.

– Выходит, «образ» – весьма точный перевод, – оценил Тави.

– Кроме одной мелочи. Еще «ахана» говорили про оригинал, с которого делаются реплики – в случае, если речь шла о предметах вроде Вечного Компаса. В нашем языке мы бы сказали уже не «образ», а «образец». Там такой границы нет, и будет употреблено одно и то же слово.

И вот теперь мы доходим до моей мысли. Я предположил, что могут существовать старинные тексты, в которых слово «Ахана», написанное с заглавной буквы, используется не для обозначения того Образа, который вышел из лучезарного центра вселенной, а для обозначения того образца, репликами которого были представители народа Аджелика Рахна.

– То есть, получается, – сказал Хинта, – что если мы скажем «народ образа», будет непонятно, какой смысл мы в это вкладываем? Это может быть народ по образцу первого Аджелика Рахна, а может быть народ самого Великого Образа?

– Именно. Ты привел сейчас отличный пример. И самая большая путаница могла бы начаться, если бы оба эти значения использовались в текстах двух очень близких групп людей, которых затем все прочие начали принимать за единую секту, в то время как сект могло быть по меньшей мере две, и поклонялись они двум разным Образам.

– Но здесь возникает и другая возможность, – возразил Тави. – Ведь может оказаться, что кто-то не признавал разницы между этими значениями, потому что видел мифический вселенский Образ в реальном лице Аджелика Рахна. И тогда это снова была бы одна и та же группа людей, имеющая одну общую систему представлений.

– Да, – ничуть не смутившись, согласился Ивара, – это тоже верно. Это даже более простой вариант. Но пока нам придется рассматривать все варианты вместе.

– Полагаю, после появления этой гипотезы чемодан был забыт?

– Увы, так и было. Я продолжил его укладывать только глубокой ночью. Практически все время с обеда и до позднего вечера я листал источники.

– Это объясняет наши утренние трудности. Но они, в сущности, ничтожная плата за прорыв в нашем деле.

– Прорыв, несомненно, есть. До сих пор мне казалось, что я неплохо помню весь корпус текстов, посвященных Образу. Но вчера, когда я снова в них заглянул, я почти сразу заметил кое-что, чему раньше никто и никогда не придавал большого значения: есть две разные традиции, два разных способа говорить об Образе.

– Их различает дистанция? В одной образ – далекий метафизический символ, а в другой он присутствует здесь, рядом, на Земле?

– Близко, но все немного сложнее. Поэтому сначала я бы предпочел сказать о том, что эти традиции роднит. В каждой из них об Образе рассуждают как о философском принципе и как об одной из метафизических сил, конституирующих устройство вселенной – в этом смысле ди-

станция одинаковая. В каждой говорится, что Ахана повлиял на облик всех или почти всех живых существ во всех или почти всех мирах. В каждой упомянуто, что Образ приходил, приходит и будет приходить в мертвые или полуживые миры, дабы исполнить их содержанием и жизнью.

– И в чем же тогда разница? – не выдержал Хинта.

– В каждой из них появление человека возводится к Образу – а разница в том, как именно Образ приходит. В каждой из традиций говорится, что Образ сейчас воплощен на Земле, и что этим воплощением является человек. Но одна традиция утверждает, что Образ снизошел прямо в качестве человека. А другая традиция утверждает, что Образ снизошел на Землю, чтобы сделать людей подобными себе. И вот это уже похоже на то, о чем сказал Тави. Образ в любом случае распространяется по вселенной, меняя ее обитателей, давая им свое лицо. Но во втором случае он делает это как бы во плоти.

– Интересно, – пробормотал Тави. – Получается, если все это правда, были те, кто верил, будто мы – творение Аджелика Рахна, а не наоборот?

– Лишь отчасти. Религия Джидана утверждала, что мы – творение богов. Народ богов называли алилайла радиджа – в отличие от людей, адана риса. По легенде, они явились сюда с первым порывом звездного ветра, чтобы принести жизнь в наш мир. Тем самым они исполняли волю сияющего центра вселенной. Поэтому в определенной мере мы – творение самого первоисточника света и жизни. Еще, в какой-то мере, мы обязаны своей жизнью звездному ветру и всему устройству вселенной. Сектанты, верившие в Образ, не спорили с религией Джидана в ее основных постулатах. Они лишь дополняли ее своими еретическими подробностями и уточнениями. То есть, если они подразумевали под Образом именно Аджелика Рахна, то выходит, что те вмешались на определенном этапе, чтобы дать людям нечто важное. А если они верили в далекий Образ, то выходит, что он сам проник в людей, пока боги нас творили, поскольку боги были покорны воле лучезарного центра вселенной, от которого происходил Образ.

Хинта потрянул головой, пытаясь все это в нее вместить.

– А может все-таки быть так, что верно и первое, и второе? – спросил Тави. – Образ вошел в людей еще в эпоху творения, но затем явился сам, чтобы изменить людей еще раз? Я настаиваю на этом по двум наивным причинам. Первая: наши лица похожи на Образ. А это значит, что либо мы были созданы по подобию Образа, либо миф об Образе появился специально, чтобы объяснить нас и именно нас. Вторая причина – мне хочется, чтобы твоя гипотеза была не пустой, а для этого нужно ве-

рить, что Аджелика Рахна действительно упомянут в качестве Образа, явившегося ради вмешательства в жизнь людей. Вот и получается, что наилучший для меня вариант – это когда верно все в целом.

– Хорошая позиция, – в голосе Ивары прозвучала улыбка, – и, знаешь, я сейчас сопоставляю в уме еще кое-какие вещи и начинаю склоняться к мысли, что ты прав. Но обо всем по порядку. Было несколько фрагментов, которые проще зачитать, чем пересказывать.

Он извлек из кармана портативный терминал.

– Ты можешь читать на ходу? – удивился Хинта.

– Я часто так делал во время прогулок по паркам Кафтала. Это не сложно, если идешь по прямой, и еще проще, если с тобой два спутника. Вот, например, один из сохранившихся фрагментов писаний Тиджа Талилуна: «Особенная трудность при общении с Образом состоит в том, что язык Образа изначально письменный, в то время как наши земные языки изначально устные. Говорить мы учимся во младенчестве, писать же начинаем много позже. Образ ощутил потребность говорить лишь после знакомства с нами. Верно ли, что лишь он менял нас? Или мы меняли его так же, как и он нас?»

– Ого, – прошептал Тави, – а ведь в той первой сказке, из которой мы узнали об Аджелика Рахна – в ней человечек был нем и изъяснялся только жестами!

– Да, так и есть. Здесь может быть связь. Но я бы не хотел сейчас об этой сказке вспоминать. Мы уже ушли от нее бесконечно далеко. Как я уже говорил, само используемое нами название Аджелика Рахна пришло из закрытой субкультуры алхимиков. Если немногочисленные представители малого народа скрытно существовали на протяжении веков, то могло так случиться, что совершенно разные люди через случайные промежутки времени сталкивались то с одним, то с другим из них. И каждая группа людей понимала бы эту встречу по-своему. Так и получилось, что у одной вещи появилось много разных имен, а вокруг нее – много разных слухов, измышлений, легенд, верований. Это меня больше не удивляет. Мог быть ученый из того века, который нашел одного Аджелика Рахна и каким-то образом сделал его своим другом или слугой. Этот ученый выдал маленького человечка за свое собственное творение. Возможно даже, он сделал это из наилучших побуждений, дабы защитить тайну от плохих людей. Так появилась эта сказка. Но она – лишь одна из множества вещей в этой огромной истории. В зачитанном мною фрагменте меня больше интересует другое. Задайтесь вопросом, какие разумные существа могут прийти к письменности прежде, чем к устной речи? Какие разумные существа мыслят текстом?

– Робо мыслят кодом, – сказал Хинта. – То есть, это подыгрывает гипотезе о том, что в роли Образа выступали именно Аджелика Рахна!

– Да. Я нашел еще немало фрагментов, которые косвенно подтверждают мою догадку. «Образ проповедует о самом себе и учит нас самому себе, подобно тому, как совершенный инструмент сам ложится в руку человека и учит эту руку, готовит ее к тому, чтобы она владела им». И вот еще: «Образ не знает той воли к власти, которая столь свойственна людям. Наоборот, он готов служить и быть орудием в чужих руках. Он – учитель, не ведающий притязаний на ученика, полубог, готовый быть рабом. Но все его могущество иссякает, если направить его во зло. Отказывая нам в одних делах и подчиняясь в других, он учит нас большему, чем мог бы научить, приказывая».

– До сих пор эти фрагменты понимались метафорически? – спросил Тави.

– Да. Позже их включили в новую канву: те, кто век спустя интерпретировал эти тексты, сочли, что здесь Образ выступает в роли лучшей части нашей природы, а не в роли самостоятельного существа или народа. И надо признать, такая трактовка тоже очень красива...

Скоро они добрались до первой большой остановки на своем пути, которую видели еще издалека. Это был хутор многолюдного и преуспевающего фермерского клана Рафара. Шесть жилых домиков, обшитых светло-серой облицовкой, выстроились в неровный полукруг. Скрипучие колеса ветряных электростанций вяло вращались, улавливая слабый ветер. Лишенные окон хозяйственные постройки сгруппировались в хаотичный комплекс. Выше всех остальных конструкций поднимался желтый конвейер старого элеватора. Чуть поодаль, поблескивая на солнце бахромой битого стекла, ждали ремонта пострадавшие от землетрясения теплицы. Поля фрата подступали вплотную к зданиям. Для гостей на территории Рафара был развернут и обустроен павильон в форме двух смежных куполов. Конструкция поддерживалась за счет воздуха, нагнетаемого компрессорами в мягкую толщу стен; процесс подкачки не прерывался ни на минуту, а оттого казалось, что павильон дрожит, как сброшенное с ложки желе.

Встречал гостей сам Хейза Рафара. Глава клана, глубокий старик, давно не способный ходить, он восседал в самодельном инвалидном кресле, представлявшем собой нечто среднее между боевой танкеткой и троном тирана. Иссохшее тело Хейзы тонуло в огромном рекреационном скафандре, срастающемся трубками с внушительной спинкой кресла. Сиденье было установлено на гусеницах шире и мощнее, чем у дро-

на Ивары. По сторонам от кресла торчали шесть механических рук, две из которых заканчивались пулеметами.

– Самомнение, да? – спросил Ивара, когда Хинта объяснил, кто перед ними.

– Отличительная черта всех преуспевающих фермеров, – сказал Хинта. – А Рафара преуспевают. В отличие от многих, они не враждовали с Джифоями. Вместо этого они еще полвека назад признали за Джифоями первенство и начали сдавать тем свою землю. В результате, вся земля Рафара по-прежнему принадлежит Рафара, их дети работают бригадами у Джифоя, плюс они получают хорошие деньги за аренду – возможно, имеют с этого больше, чем сами могли бы заработать на своих полях.

Рядом с механическим тронem на опрокинутых бочках сидели детишки-прислужники, наверное, внук и внучка, немногим старше Ашайты. В обязанности малышей входило подавать Хейзе банки с напитками и развлекать его игрой в настольный кипок. На глазах у путников третий ребенок вынес из дома дополнительный поднос с внешним питанием для скафандра старика.

– Он пьет кувак? – пригляделся к банкам Ивара.

– Праздник же, – сказал Хинта. – На побережье тоже некоторые напьются. А для Рафара этот день – именно праздник. Они даже выиграли, когда старый Шарту был разрушен. Их хутор тогда не пострадал и не сдвинулся с места, он стоит там же, где и век назад.

– Пьяный человек на машине, которая сама по себе оружие. Опасное сочетание.

– А знаете, – сказал Тави, – возможно, Джифой еще не худший из всех.

Потом им пришлось перейти на громкую связь, поскольку старик приветственно воздел к небу одну из своих механических рук.

– Каждый в этот скорбный день получит в моем доме приют и еду, как это было в день катастрофы, когда моя семья накормила всех нуждающихся и многим дала кров, – прокаркал он. – Своих робо оставляйте вон там.

Лязгнув своими чудовищными робо-суставами, он указал на площадку рядом с павильоном. Его лицо желтело за стеклом скафандра, взгляд, хоть и заплывший, был острым, словно он выискивал повод, чтобы поругаться с кем-нибудь из проходящих мимо паломников.

Ответив старому Рафаре формальными приветствиями, Ивара и мальчишки прошли в шлюз надувного павильона. Внутри, словно затянувшийся звук декомпрессии, стоял натужный шум искусственного

ветра, тяжело колыхались своды из мягкого парапластика. Окон в павильоне почти не было, но света хватало: солнечные лучи матовым сиянием проникали прямо сквозь стены. Хинта невольно подумал, что так же, должно быть, выглядел дневной свет на верхних ярусах древних подледных городов.

В павильоне было человек десять: на диванчиках отдыхала семья с тремя детьми, а за прилавками хозяйничали женщины разных возрастов – должно быть, младшие дочери и старшие внучки Хейзы. В отличие от старика, эти женщины казались милыми. Впрочем, бесплатно они предлагали только воду и дозаправку воздухом; еда и напитки стоили втридорога. Торговля шла не только съестными припасами: фермерши предлагали купить у них безделушки, лекарства, и даже мелкий инструмент, а еще бумажные фонарики из тех, что пускают по воде в память о мертвых.

Говорить в павильоне было неудобно, а потому они просто посидели, отдохнули от скафандров, выпили воды и отправились дальше.

Когда скрипучие ветряки остались далеко позади, Ивара снова достал свой терминал.

– Вот еще один фрагмент. Автор неизвестен, время написания – под сомнением, и текст не вошел в корпус основных писаний об Образе. То есть, даже сами сектанты считали его еретическим. В результате, мало кто его исследовал – ученые склонны игнорировать те вещи, которые лежат вне известных традиций и схем. Но для меня этот текст стал одной из лучших зацепок. Я не начал с него только потому, что хотел показать последовательный путь, который проделал в своем исследовании на тему Образа. Теперь читаю: «Звездный ветер разносит по вселенной золотые семена. Образ рождается из них, подобно тому, как деревья вырастают из своих семян. Но, в отличие от растительных семян, семена Образа свободны в своей природе. В зависимости от мира и от эона, они могут дать очень разные всходы, могут потратить разную часть себя на явление Образа. Иную же часть они могут обратить в дары, сопутствующие Образу. Поэтому Образ всегда оснащен и вооружен для встречи с новым миром. И так происходит, что Образ всегда имеет возможность заслужить любовь иных».

– Это же может быть разгадкой всех растительных узоров! – догадался Хинта.

Тави отреагировал иначе.

– Можно, я своими глазами перечитаю этот текст?

Ивара передал ему терминал. Некоторое время они шагали молча. Чтобы не упасть, Тави положил руку Хинте на плечо.

– Да, – отрываясь от терминала, произнес он, – это может быть разгадкой растительных узоров. Но что это за всходы, что за дары, что за иные? Признаюсь, этот кусочек текста поразил и заинтриговал меня. Но мне кажется, он порождает больше вопросов, чем ответов. Разве не так?

– Да, так и было бы. Но у меня сразу появилась идея, как разгадать часть его загадок. И здесь мы подходим к ответу на тот вопрос, который вы мне задали, выходя из колумбария: вопрос о том, на что способен Вечный Компас.

– И в чем же связь? – спросил Хинта.

– В золоте. Ведь вы оба часто говорили о том, какое сходство есть между Вечным Компасом и Аджелика Рахна.

– Не сходство, – смутился Тави. – Просто оба эти предмета сложнее всех приборов, которые мы знаем здесь, в Шарту. Но они очень разные. Аджелика Рахна в тысячу раз сложнее компаса.

– Может, и так. Но сложность – это тоже признак. Если два предмета выделяются на фоне других своей сложностью, то это будет своего рода сходством. Кроме того, разве не похожи они по своей стилистике? Оба с гравировками, изготовлены из редких благородных металлов, способны не меняться в веках, оба до сих пор превосходят то, что может представить себе обычный человек...

– Да, это так.

– И причем же здесь золото?

– Тоже редкий металл? – предположил Хинта.

– Золото упомянуто во фрагменте, – сказал Тави.

– Вопрос был риторическим, но вы оба правы. А особенно прав Тави. Читая фрагмент, я вспомнил, что в Джидане было принято различать два уровня техники. Эти уровни так и назывались: золотой и серебряный. Право пользоваться вещами золотого уровня принадлежало не всем. Такие вещи проходили специальную регистрацию. В армии доступ к ним зависел от звания, в гражданской жизни – от наличия специальной лицензии.

– Я слышал об этом, – сказал Тави, – и может, это даже мелькало в ламах. Хотя не припомню ни одного лама, который был бы специально посвящен вопросам джиданской техники. Вот о технике Притака ламы снимают с завидной регулярностью.

– Ту же терминологию до сих пор используют мастера ручной работы, занимающиеся изготовлением реплик. Начинающий мастер счи-

тается вошедшим в цех, когда ему вручают серебряный сертификат. И есть золотой сертификат. Он настолько редкий, что, к примеру, университет Кафтала – а это богатая и влиятельная организация – не мог запросто нанять для себя мастера. Пришлось встать в очередь, и несколько наших музейных экспонатов ждали ремонта десять лет. Я был студентом, когда мастера вызвали. А когда он, наконец, соизволил сделать свою работу, я уже успел стать профессором.

Хинта тихо вздохнул от зависти.

– И вот я задался вопросом: какими должны быть дары золотого семени?

– Золотыми, – сказал Тави.

– Именно. Что, если у всех вещей золотого уровня есть какой-то единый источник? Что, если все они происходят из того же семени, из которого и Аджелика Рахна? Что, если в том фрагменте под «иными» имеемся в виду мы, люди? Аджелика Рахна приходят к нам оснащенными, вооруженными и несущими дары, и все это – оснащение, вооружение, дары – все это техника золотого уровня, созданная как для самих Аджелика Рахна, так и специально для людей?

– А в каком смысле они вооружены? – спросил Хинта. – Они же вроде против насилия и готовы бороться за жизнь каждого человека.

– Так было в сказке. Нам еще только предстоит узнать, какими они были по-настоящему. Впрочем, я не верю, что они были злом и несли агрессию. Вооружение – понятие растяжимое. Например, шахтеры называют вооружением свои машины для проходки породы.

– А какие вообще бывали вещи золотого уровня? И с каких пор они существуют? Ведь есть еще одно распространенное применение для прилагательного «золотой». Мы говорим «Золотой Век» о времени до войн и Великой Катастрофы. Неужели эти вещи...

– Да. Судя по всему, эти вещи появились именно тогда – очень давно.

– Тогда мы ошиблись с датами? – внезапно сломавшимся голосом спросил Тави. – Нашему Аджелика может быть тысяча или полторы тысячи лет?

– Тысяча или полторы тысячи лет может быть первому представителю малого народца, если тот еще существует. И то только при условии, что наши выкладки верны. А тот человечек, которого нашли мы, вероятно, все же моложе. Он может быть репликой, созданной его собратьями или даже искуснейшими из людей. Но Хинта спрашивал, какими вообще бывают вещи золотого уровня, и я хочу вернуться к этому вопросу. – Ивара снова поднял терминал. – Итак, на исходе войны в Лимпе жил

один весьма неоднозначный человек. Звали его Сабриша Вола, и он считал себя великим историком. Однако все его научные достижения строились на одном – он выискивал ученых среди джиданских пленных и записывал их рассказы, если те соглашались говорить. Почти всех опрошенных им людей затем казнили.

– Лучше бы он им помог, – сказал Тави.

– Вот поэтому я и называю его неоднозначным. Неясно, мог ли он им помочь, неясно даже, хотел ли. Но он стал одним из тех «просвещенных палачей», благодаря которым у нас теперь есть крохи джиданского знания. Вот запись из его дневника: «Судя по всему, научное сообщество Джидана было расколото на множество мелких цехов и групп, которые хранили свои тайны и не стремились сделать их общим достоянием. Полагаю, это свидетельствует о порочности всей джиданской научной системы и их общества в целом. Сегодня я говорил с хромцом из Джатура-на. Этот человек даже под пыткой не называет своего имени. Ведет он себя крайне грубо и хорошо ругается на нашем языке. Ко мне он отнесся негативно. Тем не менее, он согласился передать мне часть своих знаний, чтобы те не пропали с его гибелью. Из его рассказа я узнал, что, помимо тайного общества алхимиков, существовало еще и тайное общество археологов. Главной целью их работы, как он сказал, было находить и восстанавливать вещи Золотого Века, особенно – технику золотого уровня. Когда я спросил его, какой эта техника была, он ответил так: «Ее отличает только одно. Она не нуждается в управлении, ей не нужен подготовленный пользователь. Но она ищет и ждет доброй воли. Поэтому она часто облекается в формы простейших предметов. Она может быть заключена в перстне, мече, чаше, гребешке для волос – в чем угодно, чем мы пользуемся каждый день. При этом могущество таких предметов безгранично. Они сами могут изменять свои возможности и свое предназначение, если ситуация того от них требует. Несмышленные принимают такие предметы за магические. Несмышленные не знают, как объяснить телепортацию, невидимость, неуязвимость в бою, сверхъестественную силу, исцеление от любых болезней – и другие способности, которые можно обрести, владея подобными вещами. И тем более несмышленные не понимают, что эти вещи служат лишь во благо. Их невозможно обратить во зло, и для любого зла они опасны. Они обладают собственной волей и сами принимают решения, сами выбирают, кому, как и ради чего служить. Они могут выпасть из твоего кармана, если им не нравятся твои планы, а могут пролежать в земле пол-тысячелетия и потом найтись, когда рядом ярко проявит себя чья-то красивая душа. Вот как существуют эти вещи. Но их мало, и остается все меньше, и они сами не-

большие. Еще были большие вещи. Они появлялись из сочетания. Если принести предмет золотого уровня в большую и сложную машину серебряного уровня, и правильно попросить этот предмет, то он может соединиться с большей машиной, стать ее золотым сердцем, усовершенствовать ее так, как не способен вообразить наш разум». Так говорил хромец из Джатурана. Полагаю, многое он приврал, чтобы запугать меня. Если же он не врал, то делается неясно, как с такой восхитительной техникой джиданцы могли проиграть нам войну».

Ивара дочитал, и они на некоторое время погрузились в мрачное молчание.

– Я ненавижу наш народ, – наконец, произнес Тави. – Я имею в виду не Шарту, а всю воздвигнутую на крови литскую ойкумену. И если бы этот Сабриша Вола был немного более внимательным и сообразительным, он не стал бы задавать свой последний вопрос. Очевидно, что с такой техникой невозможно выиграть ни одной войны. Война полна подлости и жестокости. Война полна зла. Злом становится любой, кто активно и продолжительно участвует в войне. Уже поэтому вещи золотого уровня не могли перейти на сторону какого-либо из народов. Они могли лишь изменять отдельных людей, помогать тем стать героями.

– Джилайси Аргнира, останавливающий битву, – сказал Хинта.

– Да. В первую очередь он. Именно о нем я сейчас и подумал. Как он смог? Как один человек смог разбить и обратить в бегство три армии, потом исчезнуть, уйти от всех видов преследования, и, в конце концов, превратиться в загадку века – как он сумел все это? Самый грозный на поле битвы, он никого не убивал. В этом была вся его сила.

Чем дальше они уходили на восток, к скалистому побережью моря, тем больше менялся облик местности. Равнина стала холмистой, посреди нее громоздились груды огромных мощных валунов, каждая высотой с двухэтажный дом. Это были следы ледника. Когда-то он поднял эти камни, сорвал их с далеких скал и принес сюда. А потом он растаял, и громадины остались лежать посреди пустоши. Прошли века, пустошь зазеленела, превратившись во фратовые поля. Так появился этот пейзаж.

– Значит, компас мог остановить разрушение гробницы? – заключил Хинта.

– Возможно. Если верить легендам, то с вещами золотого уровня возможно почти все. Однако, признаюсь, я владел компасом достаточно долго. И ни разу в моих руках он не сделал ничего сверхъестественного. В последний раз я использовал его, когда приехал в Шарту и попытался искать следы моих друзей. Но компас никак не помог. Поэтому мне

было легко с ним расстаться. И даже теперь я не уверен в нем. Хотя и не могу отрицать того, что вы сказали о сохранившейся гробнице.

– Но кто же тогда такие Аджелика Рахна и откуда явилось то золотое семя, из которого они вышли? – спросил Тави. – И как из этого семени рождались другие вещи?

– Ну, если идти по легенде, то они из космоса. Не случайно религия Образа – это космическая религия. В этом фрагменте тоже говорится не о веках и странах, а о мирах и зонах. Совсем другой масштаб. И золотое семя, если идти по легенде, происходит от самого сияющего первоисточника жизни.

– Но ведь тогда получается, что золотое семя само по себе космический корабль!

Это очевидное умозаключение одинаково поразило и Хинту и Ивару.

– Это ковчег, – сказал Тави. – Зачем им строить ковчег, если они сами на нем прибыли?

– Да, так бывает, – признал Ивара. – Бывает, что миф выворачивает все наизнанку.

– Поэтому никто и не может найти эту огромную чудо-машину, способную преодолевать притяжение Земли! Что, если ковчег вовсе не был огромным? Что, если он совсем маленький, как семечко реального растения? Такой маленький, что может уместиться на ладони. Вдруг он рос, как настоящее дерево, если семечко прилетело, упало и проросло? А уже из дерева рождались все эти вещи.

Ивара вздохнул, покачал головой.

– Я очень рад, что твой блестящий ум подкидывает нам такие варианты, но все же я с трудом могу себе представить, чтобы технические устройства росли, подобно настоящей жизни. К тому же, это не сходится с утверждением, что Аджелика Рахна прибывают в мир оснащенными. Что-то здесь не так; чего-то еще не хватает.

Еще около часа они увлеченно спорили и предлагали друг другу разные, все более безумные идеи, а километры пути незаметно ложились им под ноги и оставались позади.

Когда дорога взобралась на вершину очередного холма, их взглядам открылась небольшая овальная долина, напоминающая по форме древний, изглаженный временем кратер, разлинованная фратовыми полями, которые словно боролись с рельефом: здесь и там их ровный узор

нарушался, ломался, огибая валуны, пристраиваясь к скальным отрогам. На дне долины образовалось маленькое озеро, по его мертвым черным водам плыл кислотно-желтый пух опавших фратовых спор. А на дальнем берегу стоял самый большой частный дом, который можно было увидеть во всей юрисдикции Шарту – особняк Джифоя.

Центральное здание усадебного комплекса состояло из множества крупных блоков и имело два крыла – северное и южное. Из стен выступали прозрачные обходные галереи, фасад кичливо сверкал дорогим золотистым покрытием с узорами из черных и серебряных вставок. У северного крыла сгрудились хозяйственные постройки и отдельные жилые домики, принадлежащие, очевидно, прислуге или опальным членам семьи. С южным крылом срастался большой ангар, по форме напоминающий половинку гигантской, продольно разрезанной бочки, его полуцилиндрическая крыша отливала в лучах солнца стальным блеском. Грузовые шлюзы ангара были рассчитаны на то, чтобы в них могла проехать крупная техника, однако сейчас он использовался не в качестве гаража, а как павильон для отдыха паломников – над входом, бледная в лучах яркого солнца, мерцала приветственная голограмма.

Они невольно сбавили шаг.

– Как время-то летит, – сказал Ивара. – Я думал, мы еще долго будем сюда идти. А мы, выходит, за разговором уже отшагали более половины пути. Это ведь владения Джифоя?

– Да. – Хинта ждал какой-то реплики от Тави, но тот не проронил ни слова. Их прежняя беседа оборвалась, и они молча спускались вплоть до самого центра долины. Только там, на берегу озера, Тави нарушил тишину.

– Можем мы здесь остановиться?

– Чего ты хочешь? – спросил Ивара.

– Подумать. Посмотреть. Сам еще не понял. Но я точно не хочу просто войти в дом Джифоя. Мне нужна пауза.

Берег водоема был усыпан крупными валунами и кучами щебня – похоже, фермеры прежних времен стаскивали камни сюда, чтобы расчистить ровные площади для полей. Тави по галечной осыпи взобрался на вершину одного из крупных валунов, Хинта, после некоторых колебаний, полез следом. Они остановились на вершине глыбы, в трех метрах над поверхностью воды. Черная гладь озера была словно зеркало – ровное, четкое, лишенное дрожи; в нем лежало отражение золоченного фасада особняка, его темная перевернутая копия. Тави нашел мелкий камень, с навесом бросил его в направлении центра озера. По встревоженной глади разбежались концентрические круги.

– Как ты? – спросил Хинта.

– Похоже на то, что я в странном настроении?

– Не знаю, на что это похоже. Но из всего, что я знаю, я могу предположить, что ты сейчас мог бы впасть в странное настроение. Это дом, в котором решила жить твоя мать.

– Просто меня угнетает эта архитектура. Когда смотришь на нее мельком, видишь только захолустный китч. Но когда начинаешь вглядываться, замечаешь, что это мрачное строение. В нем меньше уюта, чем в простеньких хибарах бедняков. Здесь нет радости, чувства юмора, дистанции. Вся эта усадьба спроектирована ради серьезности. Она подавляет. Когда смотришь на нее, от нее невозможно отвлечься. Рядом с ней нельзя расслабиться и отдохнуть. Я смотрю на нее и понимаю, насколько же я не хочу, чтобы здесь прошли следующие годы моей жизни.

Хинту поразила тяжесть, с которой Тави говорил; еще никогда он не слышал в его голосе таких усталости и опустошения. Казалось, у того в душе, впервые за всю его жизнь, появилось что-то каменно-холодное – неотесанный монолит, ригидный и мертвенный, под стать ядовитому миру вокруг и этой черной воде.

– Символы беззащитны перед тем, что с ними делает человек, – прозвучал в их наушниках голос Ивары. – Золото для многих, почти для всех народов стало символом красоты, благоденствия, величия, даже святости. Очевидно, что подобное отношение мы унаследовали от людей Золотого Века, и тот век тоже недаром назван «золотым». Золотом украшают ритуальные предметы, из него отливают и им покрывают знаки отличия, от огромных эмблем на зданиях корпораций до значка на скафандре шерифа. Но тот, кто, не имея вкуса, стремится к власти, может сделать из золота весь свой дом – кто ему помешает? Так и получается, что символ делается амбивалентным, утрачивает чистоту содержания. Золото – это красота. Но это и китч. Золото – это благоденствие. Но это и богатства черствого скупца. Это символ величия, но и атрибут безнравственной тоталитарной власти.

– Мне нравится воображаемое золото, – сказал Тави. – Золото мыслей, слов, знаний. Аджелика Рахна – величайший из артефактов золотого уровня, но он вовсе не весь сделан из этого металла. В этом его красота. Для него золото – метафора. А для Джифоя золотые стены его дома, похожего на тюрьму – это реальность, реальный эквивалент всего, чего он достиг. А все, чего он достиг, это фрат: биотопливо, зеленые жидкие деньги, способные расти прямо на голых камнях.

– Не обязательно ты попадешь в эту тюрьму, – сказал Хинта.

– Мне невыносимо даже то, что я вынужден бороться, чтобы ее миновать. Это не мой выбор, не мое место, не моя битва. Отвоевать себе право жить без Джифоя – скучная победа в маленькой и грязной семейной драме. Может, я гордец, но скажу прямо: для меня это мелко. Все это мне не нужно. Вот от чего мне так тоскливо.

Они сошли с валуна и вместе с Иварой и Ашайтой на Иджи зашагали к воротам ангара. Когда они огибали озеро, их нагнал большой и шумный отряд из нескольких групп паломников, так что в шлюз они ввалились вместе с толпой малознакомых людей.

Изнутри ангар шумел десятками голосов. Джифой позволил другим фермерам торговать на своей территории, и те привезли сюда всю провизию, которую еще не успела конфисковать администрация Шарту. Огромное помещение казалось тесным из-за набившихся сюда людей и вещей: импровизированные прилавки ломились от платных и дармовых угощений, целые семьи оккупировали пространство за ресторанными столиками, а в углу ангара работал настоящий куврайм.

– Куда пойдем? – растерянно спросил Ивара. – Если хотим, где потише, то...

Договорить он не успел: к ним внезапно подошел незнакомец. Мужчина был одет в строгий официальный костюм. Скафандра на нем не было, а значит, скорее всего, он был человеком Джифоя, возможно, администратором одного из павильонов.

– Здравствуйте, – произнес он. – Я вас ждал.

– Ждали? – переспросил Ивара. Но незнакомец обращался не к нему, а к Тави.

– Вы ведь сын Эрники Руварты, так?

– С каждым днем все в меньшей степени.

Человек в костюме хмыкнул.

– Остроумно, молодой человек. Но я сочту это за обыкновенное «да». – Его лицо было остреньким, на щеках и подбородке темнела полоска щетины, казалось, оставленная специально. – Как видите, здесь бедлам. Но оставаться именно здесь не обязательно. Вы приглашены осмотреть дом. Если хотите, можете пообедать в столовой. Ваши спутники, само собой, тоже могут пойти с вами. Впрочем, Ваша мать была уверена, что Вы откажетесь. Но мое дело маленькое – я лишь посланец чужой воли.

– Они здесь?

– О нет, нет. Эрника в лаборатории – не захотела терять рабочий день. Листа и вся его семья еще в Шарту; у них много хлопот, и поедут они позже. Вероятно, их кортеж прибудет поздним вечером – сначала

сюда, а потом на побережье. Это не встреча, просто приглашение осмотреть дом.

Тави задумчиво молчал, и Хинта вдруг понял, что он сейчас примет приглашение. Ивара, очевидно, тоже это почувствовал.

– Ты пойдешь?

– Да. Но только если вы с Хинтой не против. У нашего согласия могут быть непредвиденные последствия – я не знаю, что нам могут попытаться навязать.

– Ничего, – заверил мужчина в костюме. – Только то, чего Вы сами захотите. Если вам не понравится или надоест, можете уйти в любой момент. Сейчас особняк практически пуст, все работают здесь – в жилых апартаментах буду только я, вы и несколько слуг, главным образом, повара.

– Я не против, – сказал Ивара, – но это ваше решение, мальчики.

Хинта расстегнул скафандр Ашайты и теперь удерживал младшего – тот явно стремился протанцевать куда-то в направлении сладостей.

– Хинта? – спросил Тави.

– Я не могу быть против, если ты за. Но я не понимаю твой выбор. Ты же только что говорил, как тебе здесь все не нравится.

– Говорил. Но это не повод, чтобы бежать от этого места, ведь так? Я уже здесь. А мог бы, если бы захотел, уговорить вас на другой маршрут. Нам бы хватило и других мест отдыха.

Хинта пожал плечами. Решение Тави уязвляло его, но сам не мог понять, почему. Он видел здесь противоречие, какую-то непоследовательность, и этот ложный призрак парадокса мешал ему.

– Ну так?

– Я пойду за тобой, – сказал Хинта, немного помедлил и добавил, – куда угодно.

После того, как они храбро приблизились к разлому, Хинте казалось, что это действительно так, и он сказал эту фразу специально, чтобы напомнить Тави про разлом. Он хотел намекнуть, что дом Джифоя – не разлом, что здесь не обязательно быть храбрым, можно и уйти – просто из брезгливости. Хинта и понятия не имел, какие вещи им в самом скором времени приготовит судьба, в какие еще места, в каких еще направлениях осмелится пойти Тави.

– Мы хотели тихое место. Там мы скорее найдем его, нежели здесь. И не придется тратить деньги.

Ивара согласно кивнул.

– Мы пойдем, если у вас есть руши, – резюмировал Тави.

– Дети любят сладкое, – широко и ушло улыбнулся человек Джифоя. – У нас есть все, включая и более утонченные лакомства.

– Вы явно довольны тем, что ваша миссия удалась, пта, – холодно ответил Тави, – но сладкое буду есть не я, а он. – Он указал на Ашайту. Улыбка на лице посланца угасла.

– Конечно.

Они оставили робо у шлюзов и углубились в систему коридоров, соединяющих ангар с домом. Здесь было много дверей, одни открывались сами, другие лишь после того, как проводник использовал ключ-карту. Внутренние помещения сверкали чистотой, повсюду был гладкий пластик, яркий свет. Уровень пола постепенно поднимался, и после очередного поворота они попали на герметичную веранду. За стеной темного стекла было видно озеро и огибающую его дорогу, в зеленой дали с холма спускалась очередная группка паломников.

– Вот так и я увидел Вас, – сказал человек Джифоя. – Вы еще остановились по ту сторону озера и залезли на камень. Интересная шалость.

– Вы занимались только тем, что ждали нас? – спросил Тави.

– Это моя работа. Делаю, что прикажут. Прошу в эту дверь. – С пустынной веранды он перевел их в роскошную, тесно обставленную комнату. – Это первая гостиная. Можете чувствовать себя как дома. Сидеть, лежать, трогать вещи.

– Дальше, – сказал Тави.

– О, поверьте, это только начало. Есть вторая гостиная.

И они пошли во вторую гостиную. Из нее – в третью гостиную. За гостиными и приемными следовали помещения для релаксации: бассейн, ламрайм, тренажерный зал, солярий, маленький бар, соединенный со столовой. В качестве предмета особой гордости слуга представил полностью автоматическую уборочную машину, которая поддерживала чистоту в многочисленных комнатах. С первого этажа они поднялись на второй; оценили вид из купольного окна; заглянули в два рабочих кабинета, исполненных угрюмой роскоши; прошли мимо семейных спален; задержались в детской, где Ашайта отреагировал на огромного пушистого террикона. И когда казалось, что сюрпризов уже не будет, слуга распахнул перед ними двери последней комнаты.

Тави замер, так и не перешагнув ее порога. Хинта тоже оцепенел, когда осознал, что видит. С противоположной стены на них смотрели прекрасные авторские барельефы Джилайси Аргниры. Все три работы были выполнены с большой любовью – каждая представляла героя в определенном возрасте: юноша со взглядом воина; мужчина с лицом, исполненным невероятной скорби; старик со спокойной улыбкой. Пото-

лок был украшен узором из подсвеченных лампочками полупрозрачных пластиковых трафаретов. Были в комнате и удобная мебель, и роскошный терминал, и навороченный музыкальный центр.

– Она может стать Вашей, – сказал у них за спиной слуга.

Хинта ожидал от друга какой угодно реакции, но только не той, которую тот продемонстрировал. Тави рассмеялся. Его смех был легким, простым и жизнерадостным, словно он слышал отличную шутку, словно они находились у себя в Шарту, а не во дворце Джифоя, словно не было всех событий последних месяцев.

– Вам нравится?

– Да. Спасибо. Мне этого очень не хватало. Вот теперь я чувствую себя совсем свободным. Теперь я чувствую, что война будет легкой, и что она будет хоть немного моей. Идем в столовую. Пора обедать.

Когда они спускались вниз по лестнице, Тави обернулся к Иваре.

– Она воссоздала здесь точную копию моей комнаты до погрома. Ты не мог этого видеть, потому что не бывал у меня в гостях в те времена. Да и потом тоже не бывал.

– Спасибо, что объяснил. А то я мог лишь догадываться, почему вы с Хинтой так это восприняли.

– Я сам не могу понять, что чувствую, – сказал Хинта, – и тем более не понимаю, что сейчас чувствуешь ты. Ты в порядке?

– Да. Почему я должен волноваться, если Джифой ставит в своем доме изображения Джилайси? Это может изменить Джифоя к лучшему, но не может изменить к худшему меня. Джилайси – часть моей души. Но Джилайси принадлежит всем. И моя душа принадлежит всем и всему. Мою душу нельзя поймать ни в одной комнате, и неважно, какие вещи там стоят, чьи барельефы там на стенах. Эта комната свела бы меня с ума полгода назад. А теперь я уже повсюду вижу то, что люблю: в себе, в тебе, в Иваре, в случайных людях, в народах жестоких и добрых, в пустотах, в небе, в полях, через которые мы идем – везде мой дух, везде Джилайси, везде сплетение важных волей. В моих мыслях прошлое, настоящее и будущее говорят новыми голосами. В моих руках драгоценности, которые не снились Джифою. А они думают, что я сломаюсь, увидев приманку, которая в десять тысяч раз меньше мира.

– Он нас слушает, – глядя в спину слуги, сказал Хинта.

– Пусть перескажет им мои слова, если сможет. Если в моей маме еще остались какие-то добросердечные человеческие слабости, она будет ходить в эту комнату плакать. Или, возможно, она вырастит в этой комнате своего нового сына – вот потеха будет, когда мой брат пойдет в

меня. Джифой даже не представляет, каких масштабов разочарование его может ожидать.

Они поели за огромным обеденным столом, рассчитанным на восемь персон. Повара Джифоя потрудились на славу, и кушанья были превыше всех похвал. Ашайта получил недельную порцию сладкого лакомства. А потом они с чистыми сердцами и без всяких сожалений покинули дом главного шартусского богача и возобновили поход к побережью.

После долины Джифоя местность сделалась более скалистой, и дорога не шла строго по прямой – она извивалась, меняя направление, от поля к полю, от валуна к валуну, и постепенно Хинта начал замечать, что они отклоняются на север – стена Экватора подступала все ближе, нависая над царством фрата и треупсов. Когда они достигли очередной развилки, Ивара сказал, что пришло время сойти с основного маршрута и подняться на тропу, протянувшуюся вдоль самого Экватора.

– Где-то здесь должен быть вырубленный в скалах пологий накат. Я помню карту. Кроме того, об этом месте мне рассказывали друзья. Они еще поспорили, когда именно накат был построен. Кири утверждал, что ему больше лет, чем местным поселениям, и что он появился, когда вдоль Экватора еще работали бригады инженеров-обходчиков. А Эдра думал, что его сделали первопоселенцы Шарту, что это следы какого-то брошенного проекта по перевозке грузов через стену. – Он сказал все это таким обыденным тоном, словно его друзья вовсе не умирали, словно он говорил с ними вчера.

– Они заполняют твои мысли? – спросил Тави.

Ивара продолжал шагать, лишь лицо его на мгновение окаменело.

– Да. Все время. Когда я не обсуждаю наши открытия с вами, я начинаю говорить с голосами из прошлого.

– Они были здесь? Там же, где сейчас идем мы?

– Не уверен, что прямо здесь – им не было резона углубляться в поля. Но если бы местность была ровной, нам осталось бы не более часа пути до их лагеря. Он стоял вон там – на вершине Экватора, к востоку от трехглавой скалы. – Он протянул руку и указал куда-то вдаль вдоль верхней линии Стены. Небольшие утесы возвышались там над однородным массивом подпирающих Экватор красных скал, словно три зуба недоразвитой челюсти. – Издали они кажутся маленькими, но на самом деле там есть три площадки, на каждой из которых можно спокойно раз-

бить палатку. Мои друзья даже планировали смонтировать там большую грузовую лебедку, но потом перенесли место спусков дальше на восток и ничего не стали делать с трехглавым утесом. Если идти по верху Экватора, то от него уже хорошо видно море и всю прибрежную линию – поверхность воды можно различить даже в сумерках и сквозь туман. А когда мы поднимемся по лестнице, то точно окажемся там, где они ходили. Они обошли весь участок протянувшейся вдоль Экватора тропы. Где-то на нем они и нашли Аджелика Рахна, и фиолетовую дрянь, убивающую людей, тоже.

Но в этот день им не суждено было подняться на тропу. Когда они нашли накат и поднялись выше, путь им преградила осыпь из гальки и валунов. Камни полностью перекрыли неширокий проход.

– Здесь был обвал, – констатировал Ивара. – Наверняка постаралось последнее землетрясение.

– Мы можем это разобрать, – предложил Хинта.

– Ты с ума сошел? – спросил Тави. – Мы не слишком крепкие люди, чтобы ворочать такие глыбы.

– У нас есть Иджи. Можно цеплять валуны к нему, он будет их оттаскивать.

– Мы проработаем здесь до ночи, – сказал Ивара, – и когда пойдем дальше, будет уже поздно. А там мы, вполне возможно, наткнемся на новый обвал. И еще на один. Нам повезло, что обвал здесь, а не в конце тропы. Сейчас недорого будет стоять вернуться на обычный маршрут и дойти до побережья вместе со всеми.

– Ладно, – сдался Хинта, и они повернули назад. Но прежде чем они спустились в поля, Ашайта впервые за все их путешествие начал беспокоиться и размахивать руками.

– Орит! Орит! А ас! – прокричал он, когда старший брат включил его в их общий радиоканал.

– Кто смотрит? Кто смотрит на нас?

– Е-аю.

– На нас кто-то смотрит, но ты не знаешь, кто?

– А.

– Но где? И откуда ты знаешь, что он смотрит?

– Иу.

– Видишь? Тогда где он?

– Е-аю.

Ашайта не слишком волновался – не так, как в день, когда они нашли разлом, даже не так сильно, как в те моменты, когда его обижал Круна. Они начали оглядывать окрестные скалы, но так ничего и не

смогли заметить. Понять Ашайту тоже было непросто – он не указывал направления, но уверял, что видит, как кто-то на них смотрит.

– Чего ты хочешь? – наконец спросил Хинта.

– Ти.

– Но мы и так уходим. Если ты хотел уйти...

– Обы е ел.

– Чтобы тот на нас не смотрел? Этого ты хочешь?

– А.

В конце концов, Хинта сдался и оставил брата в покое. Когда они спустились в поля, тот совсем успокоился.

– Оше е орит, – сообщил он.

– Ну и хорошо.

– Он не поднимает панику зря, – сказал Тави. – Никогда.

– Я знаю. Но видимо, это один из очень немногих случаев, когда я совсем не могу его понять. То есть, я понимаю, что он говорит, но не понимаю, как это возможно, и не понимаю, чего он хочет. Он не оглядывался вокруг. Кого же он видел?

– Может быть, он кого-то чувствовал?

– Кого-то или что-то, – сказал Ивара, – и наверняка это связано с тем, что здесь нашли мои друзья. Но раз мы не можем узнать больше, пройдем дальше. На тропе завал. Попробуем зайти завтра с другой стороны – от моря.

Еще три часа они шагали на восток и лишь ненадолго задержались, чтобы отдохнуть на очередной станции. Их разговор сделался усталым и извивался, как сам их путь. То они говорили об Аджелика Рахна, то о Джифое, то о событиях из жизни Ивары, то о собственной дружбе, то об обстоятельствах катастрофы, разрушившей старый Шарту. Наконец, когда солнце уже норовило спрятаться на западе, их маленький отряд вышел к морю. Это случилось неожиданно. Дорога долго поднималась вверх, а потом вдруг прошла через каменные ворота и превратилась в горный серпантин, спускающийся к побережью. Поля остались позади. Впереди, до самого горизонта, расстилался океан. На воде лежали длинные тени скал. Черные волны вспенивались белыми бурунами. Побережье было красивым, будто сеть из множества больших и маленьких лагун. На берегу одной из них стояли руины старого Шарту, там же был расположен мемориал. Выше по скалам карабкались здания уцелевшей части поселка, вокруг них располагался хаотичный лагерь паломников – пестрые герметичные палатки, поставленные почти вплотную друг к другу. К западу каменистая коса длинным завитком уходила в море. Дальше была еще одна лагуна, за ней – еще одна, и та, третья, уже омы-

вала подножие Экватора. Сам Экватор уходил в бескрайнюю даль и терялся за горизонтом. Он разделил собою океан, стал искусственной границей между двумя великими водными пространствами. Ближе к берегу подножие Экватора окаймляли скалы, но потом они уходили под воду. Вдали было видно, как океан облизывает блестящую от воды зелено-красно-золотую медь самой великой в мире стены.

– Завтра мы сходим туда, – указывая на побережье ближайшей к Экватору лагуны, обещал Ивара, и они начали спускаться вниз, к лагерью.

Глава 11

ВЕЛИКИЙ ОГОНЬ

Еще засветло они заняли одну из герметичных гостевых палаток, установленных на самом краю лагеря. Внутри палатки было бело и пустынно, из мебели – только свернутые валики надувных матрасов. Относительно тонкие стены пропускали внешний шум, так что в тишине можно было слышать дыхание ветра, плеск прибоя, шорох гальки и даже голоса паломников, обживающих соседние палатки. Они дали себе час, чтобы отдохнуть, перекусили едой из собственных запасов, а потом заново одели скафандры и зашагали вниз, к мемориалу. Территория старого Шарту была достаточно большой, так что Хинта, как обычно, усадил младшего брата на Иджи. Был поздний вечер. Небо еще не потемнело окончательно, его скрашивал последний дальний отсвет ушедшего дня, но звезды уже проступали на нем. Вселенная мерцала. Ущербная разбитая луна вошла над горизонтом, не затмевая своим слабым сиянием огни других миров.

– Какая ясная будет ночь, – пораженно отметил Хинта.

– Я чувствую, будто звезды дотягиваются до нас, – улыбнулся Тави, – будто души танцуют вокруг. Сейчас ведь будет церемония, да?

– Первая из нескольких. Катастрофа случилась поздним вечером, примерно как сейчас. Было уже темно, поэтому никто не увидел надвигающуюся огромную волну... Собственно, годовщина завтра, и завтра вечером, в час катастрофы, будут главные церемонии. Но по традиции, умерших детей можно поминать на сутки раньше, чем взрослых.

– А много погибло детей?

– Практически все, кого смыло. Нужно быть очень сильным и выносливым, чтобы выплыть и вернуться к берегу, когда идет отлив после цунами. И еще нужно успеть так настроить свой скафандр, чтобы он держал тебя на воде.

– Но ведь в скафандре не захлебнешься.

– Если позволишь воде затащить себя на глубину, то тебя убьет перепад давления. А если водой унесло весь твой дом, и ты тонешь вместе с ним... можешь просто не выбраться. Даже останься ты на плаву – кто найдет тебя, когда ты уже в десятках километров от берега?

– Интересно, есть ли разница между душами детей и взрослых? Есть ли какая-то особая возможность у звездного ветра, которая касается только детей?

Они продолжали спуск. Улицы здесь были крутыми и тесными, каменистыми, совсем не такими, как в новом Шарту. В ступающих сумерках паломники зажигали огни – маленькие плоские с горючим. Пламя этих светильников поначалу было робким, голубовато-белым, но потом, разгораясь, начинало колебаться и вспыхивать снопами мелких красно-оранжевых искр. Люди оставляли огни повсюду, но особенно в тех местах, где кто-то погиб: на поворотах улиц, на голых фундаментах зданий, которые цунами забрало с собой, в зияющих окнах руин, среди развалин, похожих на застарелые кучи строительного мусора. Вверху, на скалах, светились ровным электрическим светом ряды палаток; внизу – разрушенная часть старого Шарту расцветала сполохами живого огня. Темный и заброшенный поселок обрел новую, странную, временную жизнь, превратился в городок призраков.

На одном из перекрестков Хинта потянул друзей в сторону и привел их в темный тупичок. Среди камней угадывались очертания фундаментов нескольких построек.

– Вот дом и двор, где провела свое детство моя мать. И здесь же, вероятно, погиб дед.

Ивара, который последний час казался очень молчаливым, неожиданно повел себя импульсивно.

– Давайте поставим здесь огни. Ведь можно?

– Но я ничего не знаю про погибших здесь детей, – усомнился Хинта.

– Тебе решать, ведь это дом твоих предков. Но могут ли мертвых обидеть лишние огни? Бывают ли лишняя память, лишняя скорбь, лишняя честь?

– До сих пор я мало сталкивался со смертью, – сказал Тави, – но думаю, духи должны быть чище, мудрее и справедливее людей. Ведь они

– лучшее, что от нас остается, это подтвердит любая религия. А значит, духов обидят только глупость, ложь и ненависть. Наши огни их порадуют. К тому же, все люди были когда-то детьми. Разве не должна часть ребенка оставаться в каждом взрослом? Твой дед когда-то был мальчиком, как мы, и этот мальчик умер в тот же день и час, что и твой дед. Так почему бы не поставить огни для него?

– В Шарту бы никто так не сделал, – покачал головой Хинта. Между ними повисла разочарованное молчание, и он сдался. – Ладно, мы можем почтить память и других детей. Поставим несколько огней здесь, еще несколько у мемориала, и еще несколько пустим по воде.

– Я сейчас вернусь, – обещал Ивара. Мальчики наблюдали, как он дошел до уличного торговца, продающего плошки и топливо. На фоне освещенной улицы фигура взрослого выглядела маленькой и какой-то надломленной, казалось, он сутулится; на время отступили куда-то вся та предельная ярость и жизнь, которыми этот человек сиял еще совсем недавно.

– Что с ним? – потихоньку отключив Ивару от их канала связи, поинтересовался Хинта. – Он в порядке?

– А ты не понимаешь? Он тоже потерял многих в этой земле. Вот только у его друзей нет мемориала, по крайней мере, с этой стороны Экватора. Никто не приезжает на праздник в их честь. А Ивара так много узнал об их гибели за последние дни. И кто знает, может, завтра он узнает еще больше. Ведь мы пойдем туда, где ходили они. Где-то не так далеко отсюда они попали в беду. Так что эти огни – его способ что-то сделать для них. Пусть не напрямую, но все же. Ему нужно их зажечь.

– Извини, я действительно не понимал. Не подумал. Если ты прав, то я плохо разбираюсь в людях. Хотя это не новость, что ты в них разбираешься лучше меня.

Тави положил руку ему на плечо. Через несколько минут Ивара вернулся к ним – с двенадцатью плошками, тремя бумажными лодочками, зажигалкой и небольшим баллоном горючей жидкости.

– Все правильно?

– Да, – стараясь не выдать эмоций, отозвался Хинта.

Первые три огня они поставили там, где стояли: один – в тупичке, второй – на месте, где когда-то был шлюз соскользнувшего в море дома, третий – в центре двора. Долго, без слов, они смотрели, как танцует и крепнет пламя. Теперь и эта улица была не пуста – она стала частью общего действия. Они стали частью общего действия. И может, чьи-то духи еще на шаг ближе подступили сюда, к порогу между мирами. Пламя почти не давало жара – только свет, при каждом порыве ветра, налетающе-

го с моря, оно плевалось искрами, разделялось на отдельные рвущиеся, пляшущие языки. Когда огонь начал гореть ровнее, они пошли дальше – вниз, в направлении мемориала.

Мемориал был построен в форме остроконечной ступенчатой пирамиды, высотой в три человеческих роста. Ступени – крутые, узкие; над каждой – своя линия барельефов. Нижние ярусы мемориала были посвящены истории Шарту до цунами – их общим мотивом была жизнь. Средние ярусы описывали удар стихии – мрачные, со множеством сцен гибели и уничтожения, их общим мотивом была смерть. Над ними шли два яруса, повествующие о спасении и исходе. А макушка пирамиды была абстрактной – она относилась к будущему, обещала счастье, посвящалась всем надеждам, которые скульптор имел насчет нового Шарту. Во многом эти надежды сбылись, ведь поселок стоял, и люди в нем жили – уже целое поколение минуло со времен катастрофы.

Паломники ставили плашки с горячим на всех ярусах мемориала: кто-то – за будущее, кто-то – за близкое и далекое прошлое. Огней было столько, что, казалось, памятник пылает весь, от основания до вершины, словно огромный костер. Языки пламени облизывали черный металл барельефов и красный камень ярусов, соединялись в общий гудящий поток и с яростью устремлялись вверх, к звездному небу. Вокруг мемориала, вооружившись специальным, очень длинным ухватом, ходил мортейра. Он сдвигал горящие плашки так, чтобы среди бушующего пламени оставался безопасный путь, позволяющий новым паломникам поставить на нужный им ярус свои ритуальные огни.

– Я могу посвятить свой огонь бабке, – сказал Хинта, – той, которая умерла еще до цунами – она ведь тоже когда-то была девочкой, как дед когда-то был мальчиком. А завтра я зажгу огни для них обоих в их взрослых ипостасях.

– Давайте каждый поставит по огню, – предложил Тави. Ивара кивнул и роздал мальчикам по плашке. Сам он поставил свою на средний ярус, в мир страданий и гибели. Хинта зажег свою плашку внизу, в разделе давней истории Шарту. А Тави полез на самый верх. Даже мортейра обеспокоенно остановился, чтобы проследить за его восхождением. Ближе к вершине пирамиды ступени становились совсем узкими, места для ног едва хватало и приходилось опираться руками, словно лезешь вверх по настоящей скале. Когда Тави спустился, он весь дрожал, лицо покраснелось, а стекло шлема было покрыто испариной.

– За будущее, – положив руки им на плечи, выдохнул он. – Там, наверху, было жарко, очень жарко.

– Я за тебя испугался, – признался Ивара.

– Но ведь будущее того стоит. И все, кто еще умрет, стоят того. А умрут многие – так устроен мир. Пусть этот огонь будет маяком для звездного ветра, пусть рождений будет больше, чем смертей, пусть души живых получают не меньше любви, чем души мертвых. Тем более, что мертвые снова станут живыми. И наоборот.

Они отошли в сторону и смотрели, как на пирамиду восходят другие паломники. А пламя поднималось все выше, пока огонь не охватил весь мемориал. С какого-то момента мортейра уже не позволял людям подниматься наверх и ставил пылающие плашки сам, с помощью ухвата. Но места на ступенях все равно не хватало, и люди начали ставить огни вокруг – от подножия и дальше, пока площадь вокруг памятника не загорелась вся. Когда сотни огней слились в один, воздух задрожал, и вокруг поплыла ощутимая волна тепла. Люди, испуганные тем, чего достигли, начали отступать с площади; толпа сложилась в широкое кольцо, посреди которого пылал до неба знак памяти.

– Сколько помню, – восхищенно прошептал Хинта, – такой огонь, как сейчас, раньше не поднимали даже в день поминовения взрослых. Плашек всегда было меньше в два или в три раза. Приехавших тоже. Большой будет праздник.

– Должно быть, дело в новом шартусском патриотизме, – сказал Тави. – Даже странно, что эта вещь, уродливая сама по себе, может вдруг стать причиной такой красоты и такого величия. А может быть, после землетрясения люди вспомнили, насколько близко от них грань между жизнью и смертью. Думаю, так этот мемориал и был задуман. Именно так он, наверно, горел в те дни, когда память о погибших еще была свежа.

– Есть небольшой город Тиглип, – сказал Ивара, – на западной окраине подконтрольных Литтаплампу земель. Там сохранился древний литский мемориал людям, погибшим в годы Великой Зимы. Есть другой особенный мемориал в деревушке Гайру, посвященный чернорабочим, легшим костями на строительстве Экватора. Мемориалы войне трех цивилизаций и героям смутного времени разбросаны в большом количестве по всей ойкумене. Есть немало и меньших мемориалов, вроде этого в старом Шарту, которые посвящены другим, более поздним трагедиям, связанным с массовой гибелью людей. Все они похожи.

Хинта поймал взгляд учителя. В светлых глазах Ивары плясали отражения синих огней, казалось, он сам горит изнутри, словно этот огонь выжигал, пожирал его.

– Каждый раз, когда я вижу действо вокруг одного из этих мест памяти, я думаю о том, что все величие этого зрелища связано вовсе не с тем конкретным событием, которому посвящен мемориал. Нет, оно связано с нашей культурой в целом, с тем, как мы умеем помнить и чтить мертвых. А на самом деле мы не умеем этого. Почитая конкретных мертвых, мы всякий раз думаем не о них, а о тех героях, на которых они в своей смерти стали похожи. Мы опосредуем смерть через образы из любимых легенд. Все наши мемориалы и колумбарии, все наши места памяти – это, по сути дела, храмы наших героев. Наши мертвые и наши герои – одно. Наши герои – главные среди наших мертвых. И в то же время они единственные доступные нам мертвые, единственные, кого наша культура по-настоящему запомнила в веках.

Это была большая речь для человека, который последние два часа был крайне немногословен. Мальчики примолкли. Своими словами Ивара закрыл вопрос, который они обсуждали – и они оба хорошо понимали, что он прав. Этот мемориал и эти площадки с горячим сложили люди Шарту, но это пламя рассказывало не о них и не об их предках. Это был костер самой истории, он приносил с собой жар тысячи древних сердец. И величие, которым дышал этот огонь, принадлежало лишь тем, кто действительно был его достоин – героям, таким, как Джилайси.

После бдения у места памяти Хинта поговорил с младшим братом. Ашайта уже хотел спать, но был спокоен и в достаточной мере заинтересован окружающим, а потому друзья решили, что могут продолжить вечер. От мемориала они вместе с толпой направились к побережью.

В небе угас последний отсвет ушедшего дня, и теперь люди зажигали площадки с горячим уже не ради мертвых, а просто чтобы осветить себе путь. Извилистая череда редких огней, как указующий вектор, выстроилась от площади мемориала до самого побережья, а там сворачивала на длинную, уходящую далеко в море галечную косу. Гладкие мокрые камешки шуршали под подошвами сотен сапог. Был отлив, прибрежное течение усилилось, а значит, наступило благоприятное время, чтобы запустить в океан кораблики. Паломники входили по пояс в воду и, борясь с набегаящей волной, зажигали плавучие огни. Ивара и мальчики последовали общему примеру. Это оказалось непросто: волна норовила бросить пылающий плавучий факел обратно на берег. Хинта, рискуя прожечь скафандр, поймал и оттолкнул их кораблики дальше от берега. Те замерли, кувыркаемые волнами, заплясали на одном месте, но посте-

пенно начали отдаляться от линии прибоя. Чем дальше они уходили, тем быстрее было их движение. Наконец, течение подхватило их и понесло прочь. Все новые и новые паломники входили в воду, чтобы зажечь и оттолкнуть от берега свои огни. Казалось, по телу океана потянулась многопалая огненная рука, а потом она разрослась и превратилась в огненную реку. Течение несло огни на юго-восток.

– словно океан бросает вызов небу, – прошептал Тави, когда они отошли от толпы и смотрели, как танцуют на воде плавучие огни. – И там, и там видно Млечный Путь – реку звезд.

– Я вспомнил, – вдруг сказал Ивара, – мне же надо взять пробы воды.

– Сейчас? – удивился Хинта.

– Как ни странно, но да. Время суток имеет значение. В океане все еще способны жить некоторые бактерии-экстремофилы. У них суточный жизненный цикл. Но даже если экстремофилов здесь нет, сам химический состав воды немного меняется в зависимости от времени суток. Некоторые химические процессы идут только на свету. Поэтому пробы лучше брать утром и вечером.

– А зачем вода?

– Землетрясение. Во время таких катаклизмов со дна всегда поднимается осадок. А еще на дне моря, как и на суше, образуются трещины и небольшие кратеры, которые дышат магмой. Вверх поднимаются газ и пыль. По составу воды можно без раскопок и бурения узнать множество вещей о геологии этого региона.

– Понятно, – внимательно глядя на учителя, сказал Тави.

– Оставайтесь здесь, смотрите на красоту. Я через час вас найду. Или просто встретимся около нашей палатки.

– Ладно, – согласился Хинта.

Ивара ушел. Он сам отключил себя от их радиоканала.

– Думаешь, он в порядке? – спросил Хинта.

– Нет.

– Может, не стоило отпускать его одного?

– Мы все иногда нуждаемся в минутах одиночества. А он сегодня весь день с нами. Наверное, у него есть чувства, о которых он не может с нами говорить. Пусть идет.

– А ты в порядке?

– Я ему сочувствую, вот и все. Ну и кроме того, разве не для этого существуют поминальные церемонии, чтобы человек ощутил очень большую печаль – такую, которая много больше всех его личных горестей?

Так они стояли и смотрели на океан и небо.

Ивара стоял на берегу. Он отошел достаточно далеко от лагеря, и теперь был один. Его переполняло всеобъемлющее предчувствие конца собственной жизни. Оно было как темный горизонт, как заслон между настоящим и будущим. Он больше не видел продолжения для самого себя, не слышал голоса своих следующих десятилетий, не мог представить своей старости. Впереди была лишь стремительная перспектива дней. Ответы на вопросы приходили все быстрее – с каждым часом, каждым текстом, каждым шагом. Он знал, что мальчикам эта исследовательская работа все еще представляется бесконечной, и она была бесконечной – если смотреть на нее издали. Но он подошел слишком близко, он уже узнал за свою жизнь больше, чем может узнать обычный ученый. А за последний месяц он узнал больше, чем за всю предшествующую жизнь. Его время выгорало, его судьба исчерпала почти все сюрпризы. Остался только финал – свет яростных огней, и за этим светом – протянутые руки его друзей, открытая дорога мертвых. Он почти чувствовал их прикосновения. Они манили его.

– Эдра, Кири, Амика, – шептал он. – Амика... Амика... Придешь ли ты увидаться со мной этой ночью? Ведь как бы я ни любил остальных, тебя я жду больше.

Его мысли путались, а ощущения стали необычайно ясными и острыми. Он видел звезды на небе и огни мертвых, светлой рекой устремившиеся в океан. Его глаза с трудом могли выносить это сияние, словно в каждой звезде и в каждом всполохе пламени заново явил себя сам сияющий первоисточник вселенной. А еще он чувствовал все свое тело: прилипшую к лицу маску, тесный скафандр, невыносимую тюрьму герметичных перчаток на ладонях. Он слышал шум ветра. Его оглушал мерный накат волн. Его раздражал звук собственных шагов, шорох гальки под ногами. Его пугал хлюпающий звук отлива – звук воды, протекающей между камнями, отступающей от берега. Он хотел приглушить динамики своего шлема, но запутался в настройках, попытался зажмуриться – но, казалось, звезды уже горят в самих его глазах, протравлены ионизирующим излучением на внутренней стороне век. И уж тем более он никак не мог избавиться от своего тела, от своей утомленной кожи. И теперь он был вынужден осязать, слышать и видеть – слишком много.

Вместе с этими чувственным ударом из настоящего на него с той же нестерпимой ясностью обрушилось прошлое. Он вспомнил весь пе-

риод жизни от поступления в Дадра и до последней разлуки – все те времена, когда они так много были вместе. Вспомнил, как они впервые закрыли изнутри двери своего клуба, своего новорожденного Джада Ра, как стояли посреди совершенно пустой комнаты, поглощенные невероятной энергией, исполненные веры в будущее.

– Мы сделали это, – сказал Квандра.

– С чего начнем? – спросил Вева.

– Присядем, – ответил Ивара. И они сели прямо на пол, в белую известковую пыль, оставшуюся от неоконченного ремонта. Еще мгновение их лица оставались серьезными, а потом Кири начал хохотать.

– Нам нужны стулья, – заикаясь, сквозь смех, произнес он. И они все начали хохотать вместе с ним. Они не могли успокоиться, не могли встать с грязного пола. Они толкались и щипали друг друга. Им было по четырнадцать лет, они победили в своей первой битве и получили столько свободы, сколько никогда раньше не могли себе вообразить. Здоровые, счастливые, живые, они угорали, лежа и сидя на полу, а в центре круга, образованного их беспомощными от радости телами, торжественно поблескивала маленькая ключ-карта, которой они пять минут назад неумело заперли дверь своей комнаты.

– Нам нужны книги, – сказал Прата.

– А кресла и диванчики будут лучше, чем стулья, – добавил Лива.

– Терминалы, – уже серьезно произнес Кири.

– Холодильник, – внес свою лепту Киддика. Все снова повалились от хохота. – Что? Лучший способ не отрываться от работы – иметь закуску под рукой. Мы же строим дом, настоящий дом. Не только холодильник – нам нужна мини-кухня. Мы будем проводить здесь все время, кроме сна и тех часов, когда мы сидим в классах. И так будет следующие пять лет – а это много. И потом этот клуб останется нашим наследникам, нашим младшим.

– Ты прав, – пытаюсь справиться со смехом, отозвался Ивара. – Вы все правы.

– Я бы хотел оранжерею, – тоже посерьезнев, сказал Лива.

– И химическую лабораторию с молекулярным принтером, – заявил Амика.

– Сейф для ценных вещей, – сказал Квандра, – потому что у нас уже есть враги. А еще барельефы на стены. Не забывайте про эстетику. Место, где мы проводим время, должно быть красивым. Оно должно напоминать нам, зачем мы здесь.

– Нам нужно все, – подвел итог Ивара. – Кое-какую мебель можно раздобыть уже сейчас. Но прежде чем мы построим кухню, оранжерею и лабораторию, нам придется доделывать здесь ремонт.

– Ну, это не проблема, – сказал Эдра.

А еще через полчаса Ивара впервые в своей жизни целовался. Это произошло спонтанно. Они с Амикой пошли на грабительскую вылазку, но на полпути остановились и начали отряхивать друг друга от известковой пыли. Их тела были молодыми и тонкими. Пустынные переходы ночной школы отвечали им тишиной. И они не смогли остановиться. Руки Амики проникли к Иваре под одежду.

– Ты сделал это, – прошептал он, – ты сделал это, ты сделал это.

– Чего ты хочешь? – испуганно спросил Ивара.

– Поцеловать тебя.

– Ты уже это делал?

– Да.

– С кем?

– С девочкой.

– Я не девочка.

– Ты никогда этого не делал. – Амика улыбался, его глаза сияли в полутьме. – Ты идеалист, маленький герой, наш командир. Ты собрал нас, хотя мы были никем. Но ты еще никогда не целовался.

Иваре было трудно дышать.

– С чего ты взял, что я стану делать это с тобой?

– Все всегда обгоняют только в одном. Вы почти все обогнали меня умом, волей, эрудицией. А я обогнал тем, что целовался с девочкой в одиннадцать лет. Но мне больше не интересны девочки. Я понял это почти сразу.

– Что тебе не интересны девочки?

– Ты глупеешь, когда я рядом, краснеешь, когда Эдра травит свои тестостероновые байки, слабеешь, когда я касаюсь тебя. Я почти сразу понял, что мне не интересны девочки. И еще быстрее я понял, что они не интересны тебе.

– Ты слишком самоуверен.

– Меньше, чем ты, когда ты говорил те вещи в кабинете директора.

А потом они уже не могли говорить. Все ближе и ближе они склонялись друг к другу. Ивара на всю жизнь запомнил вкус того первого дыхания, того первого поцелуя: скольжение чужих губ по своим, тянущую силу и удовольствие – бесконечное удовольствие от этого контакта.

Но прошло еще несколько месяцев, прежде чем они пошли дальше поцелуев. Они не знали, как сказать своим друзьям. Но дело было не в

этом, а в том, что Ивару пугало его собственное тело. Он боялся того, как с ним это происходит, боялся тумана в глазах, дикого стука сердца, слабости. Ему казалось, что он упадет в обморок прежде, чем Амика успеет снять с него одежду. Но каждый раз, когда Амика касался его, это навсегда врезалось в память. Кожа, гладкие, прохладные изгибы любимого тела. Звук любимого голоса. Твердость объятий. Угловатость лопаток, локтей, ключиц. Запах волос. С годами все это менялось, и каждую новую черту, каждую перемену Ивара запечатлевал в себе. Сквозь годы, проведенные вместе, он запоминал, как менялось тело Амики, как менялся голос Амики, как менялся запах Амики. Мышц становилось то больше, то меньше – в зависимости от того, сколько времени они могли уделять своей физической форме. Волос на теле с каждым годом становилось больше – в них была своя красота. Когда школа заканчивалась, после похорон Вевы, они с Амикой уехали вдвоем.

– Можем ли мы делать это сейчас? – спросил Ивара. – Имеем ли право?

– А разве любовь отменяет скорбь? Ты – часть меня, я – часть тебя. Мы будем любить друг друга. Просто теперь наша любовь будет пронизана скорбью.

Они сняли комнату. Вечером Ивара плакал на груди Амики, а утром лежал в постели и смотрел, как Амика одевается – серьезный, тот перестал быть юнцом, в нем появилась мужественная красота, даже что-то героическое.

– Что будешь делать теперь? – спросил он.

– Кажется, Джада Ра гибнет.

– Я знаю. И что ты будешь делать теперь?

И тогда, впервые в жизни, Ивара пересказал другому человеку сказку про Аджелика Рахна. Амика выслушал его молча; это было хуже отказа, хуже открытого неверия – это было самопожертвование ради безумия. Школа закончилась. Они поступили в университет. И только тогда, постепенно, Амика начал верить по-настоящему, только тогда признался, что не верил вначале.

– Лучше бы ты сказал раньше, – ответил ему Ивара, – а то на протяжении двух лет у меня было чувство, что ты мне изменяешь.

– Ты же знал, что изменяю, – усмехнулся Амика. – У нас обоих были девушки.

– Изменяй мне с людьми, но не изменяй в мыслях. Только это причиняет боль.

И они снова стали счастливы. Еще четыре года счастья. А потом была последняя ночь.

– Я буду тобой среди них, – обещал Амика. – Я не дам им наделать глупостей, и мы найдем ковчег. Ну а если его нет, то мы найдем другую причину, из-за которой там аномалия.

– Я верю в тебя, – ответил Ивара. И они в последний раз касались друг друга, последний раз занимались любовью: изгиб тела к изгибу тела, жар удовольствия, полная уверенность в другом. Потом остался только голос Амики.

– Приезжай после суда. Если денег не будет, мы все равно сможем еще месяц здесь проработать.

– Может, мне надо было так сделать с самого начала. Ехать с вами, забыть про все, что украл у меня брат.

– Он не украл. Но это уже не важно. Он виноват во многом другом. В том, что видит в тебе врага.

– В нас.

– Приезжай.

А потом не стало и голоса. Ивара помнил, как стоял посреди опустошенного и разгромленного исследовательского лагеря, а в голове билась одна-единственная мысль: «Никогда».

– Никогда больше не увижу их лиц. Не пожму их рук. Никогда больше мы не будем смеяться вместе только нашим шуткам. Никогда больше они не дадут мне своих идей. Никогда больше не поцелую его губ, не увижу его глаз, не почувствую его ласк. Никогда больше не буду счастливым. Никогда не смогу улыбаться. Никогда не найду ковчег. Навсегда останусь один.

Он понял, что говорит вслух, и немного опомнился. Море подкатывало к самым его ногам, звезды сияли в вышине. Река огней уплывала вдаль. Прошло много лет, и он снова мог улыбаться; у него снова были друзья. Временами он становился почти счастливым. Но сломленная душа все еще требовала лишь одного – чтобы Амика стоял рядом, как когда-то.

– Амика, Амика, – шепотом позвал Ивара, – твое имя я реже других произношу вслух – чтобы не заплакать.

Пробирки для сбора воды у него не было. Надо было идти обратно в лагерь. Медленно, словно в суставах у него был песок, он начал взбираться назад, на каменистый берег.

Час спустя он отыскивал мальчиков у начала косы. Тави и Хинта сидели на плоском валуне, Ашайта дремал на руках у старшего брата. Огни

мертвых догорали, толпа тоже поредела. Никакого официального плана последующих мероприятий на этот вечер намечено не было, однако люди не спешили расходиться по своим палаткам – слишком потрясающим было действо, частью которого они стали, слишком сильным оказался катарсис. Многие дали волю чувствам и теперь бродили по берегу, обнимая друг друга, держась за руки.

– Долго, – присматриваясь к взрослому, отметил Хинта.

– Боюсь, я запутался в элементарных вещах, – отозвался Ивара. – День на ногах. Усталость взяла свое.

– Ты в порядке? – спросил Тави.

– Да. Теперь точно – да.

Им пришлось разбудить Ашайту, чтобы пересадить того на Иджи. Потом они зашагали к лагерю.

– Огромный день, – сказал Тави. – Пока тебя не было, мы с Хинтой смотрели на людей. Мы словно бы ощущали их память, ощущали, как они все думают, говорят о прошлом – сотни голосов на частных каналах связи. Я пытался представить, как подобная церемония могла бы выглядеть восемь веков назад, когда скафандры были не нужны, и вспомнил твои слова. Мы жаждем осязать. Но мы отвыкли держать что-то голыми руками, отвыкли видеть лица – вместо этого мы видим дыхательные маски и стекла шлемов, читаем эмоции по глазам и голосу, узнаем знакомых по осанке. Есть вероятность, что прежний мир убил бы нас, переполнив собою наши чувства. Мы бы сошли в нем с ума.

– Нет, – возразил Ивара, – я верю, что все ровно наоборот. Прежний мир вдохнул бы в нас ту жизнь, которой мы сейчас не знаем. Мы бы познали новую молодость, научились пьянеть без отупения и прочих неприятных последствий, вспомнили бы древнее счастье, которое в наши дни так легко ускользает.

Когда они дошли до лагеря, их ожидал последний приятный сюрприз на сегодня: приехал Фирхайф. С собой он привез еще теплую домашнюю стряпню. В прозрачном полумраке палатки они устроили поздний усталый ужин. Мальчики рассказали старику о великом огне.

– Кажется, я много красивого пропустил. Да, так и было, так он и горел в первые годы после возведения мемориала. Но, к счастью, с каждым годом люди меньше помнят своих мертвецов. Иначе жизнь исполнилась бы невыносимой боли... Странное дело, Джифой не поехал на праздник. Его здесь нет. Но я видел его кортеж. Все машины запаркованы у дома.

– Но почему? – поразился Хинта. – Он же всякий раз на месте усидеть не мог, рвался на публику. Может, он приедет завтра, на большую церемонию? А сегодня готовит речь.

– Не приедет, – сказал Тави. – Он прячется.

Все удивленно на него посмотрели.

– Да, прячется. Если правда все то, что мы думаем о прибытии сюда «Джилликон Сомос», то Джифой потерпел полный крах. Он здесь больше не главный. Он просто самый богатый местный фермер. Но в сравнении с ресурсами корпорации все его богатства – пыль на ветру. Его патриотическая программа лишилась смысла. Что он теперь может сказать людям? Думаю, он не скоро решится выступить перед толпой. Странно. Не так давно я ненавидел его. И даже сейчас я в определенном смысле все еще ненавижу его, ненавижу те вещи, которые он собой олицетворяет. Но я почти ничего не ощущаю, когда думаю о его возможном поражении. Словно он и правда исчез – даже не оставил следа в нашем прошлом.

– Радуйся, что не знаешь злорадства, – улыбнулся Ивара. – Оно губит людей.

Хинта от этих слов неуютно поежился – может, дело было в том, что сам он сейчас испытывал полускрытое торжество, словно в их маленькой компании это чувство было одним на всех, и все целиком жило в нем одном.

– Ну а что касается Джифоя, – добавил Ивара, – похоже, его постигла судьба всех тех, кто слишком много кричит. Я уже видел таких в других регионах. Они шумно приходили, но в конце старались как можно тише уйти.

Потом Фирхайф собрался в обратный путь, а друзья расстелили походные постели и легли спать. Хотя все они очень устали, только Ашайта сумел сразу отключиться. Остальные лежали в темноте и слушали ночь: ветер, шум прибоя, голоса других людей неподалеку. Праздник набирал обороты; многие пьянствовали, а напившись, вопили и пели. Неопределенное время спустя Ивара тихо развернулся к мальчикам спиной и включил свой портативный терминал. Слабый отсвет экрана лег на стенку палатки.

– Зачем ты? – шепотом спросил Тави.

– Парочка скучных древних манускриптов – наилучшее лекарство от бессонницы.

– Ложь. Они тебе интересны. И так ты не уснешь. Ты же хару.

Ивара вздохнул.

– Возможно, ты прав. Но и без них я не усну.

– Ты думаешь о них?

Молчание.

– Их было трое. А вместе вас было четверо. Это слишком много, чтобы все в группе относились друг к другу равно. Но ты никогда никого не выделяешь.

– Спи.

– Я ведь хочу помочь... – с неожиданными слезами в голосе ответил Тави, – и я...

Ивара вывернулся, протянул руку, погладил его по щеке. Лишь мгновение, но этого хватило, чтобы Тави успокоился и замолчал.

– Завтра я поговорю с тобой о прочитанном, – тихо сказал Ивара, – и когда-нибудь, возможно, поговорю с тобой о... Если я молчу, это не значит, что я тебя не уважаю или считаю маленьким. И даже не значит, что я по привычке играю в игры со своей болью. Это просто стена – как Экватор – стена внутри меня. И как Экватор, она нужна, чтобы моя планета еще какое-то время была отчасти жива. И как Экватор, эта стена делит мой мир пополам. И нельзя запросто ходить с севера на юг.

– Прости.

– Опыт этих человеческих отношений придет к тебе. А ключом к нему, возможно, станет какая-то боль. Но пусть лучше это будет позже. Ты и так уже слишком умный. Теперь спи.

– Сплю.

Наверное, они думали, что Хинта опередил их и уже видит сны, но он тоже не спал – просто лежал с полуприкрытыми глазами. Впрочем, в конце концов он все-таки уснул. А на следующий день воспоминания о подслушанном разговоре сделались для него неясными и странными, словно бы подернулись дымкой.

В предрассветный час Хинту разбудил звук декомпрессии. В полусне он испугался, что их палатка повреждена, но потом, приоткрыв глаза, понял, что это было штатное срабатывание люка маленького шлюза. Ему сделалось интересно, кто вышел и зачем, но сон в ту же секунду опять взял над ним верх, и по-настоящему Хинта проснулся лишь пару часов спустя, когда Тави теребил его за плечо, а в палатке было ужасно светло.

– Что это? – прикрывая глаза рукой, спросил Хинта. – Почему все сияет?

– Это утреннее солнце светит сквозь обшивку палатки. Ивара ушел. Оставил записку-голограмму.

Хинта, щурясь, огляделся, увидел терминал и мерцающее над ним послание – в рассеянном солнечном свете оно казалось совсем бледным.

– Прочитай, – попросил он.

– «День только начинается, а я уже чувствую, сколь мало у нас осталось времени. До цели отсюда час пешего пути. В середине дня нам будет желательно вернуться в лагерь, чтобы пообедать и проверить запасы воздуха. Местность трудная, скалистая, поиски дадутся нелегко. И другого такого дня, как сегодня, у нас уже может не быть никогда. Поэтому я решил не растрачивать впустую резерв утренней бодрости. Я не пойду пешком, а поеду на платформе – сэкономлю время пути. Приятных вам утренних снов. Не торопитесь. Позавтракайте и выдвигайтесь на север. Встретимся через несколько часов на пляже лагуны, омывающей подножие Экватора».

В ответ Хинта сумел издать лишь сонный стон.

Когда они, вдвоем с Ашайтой, вышли из палатки, в лагере паломников царило похмельное запустение. На тесных палаточных улицах лежал мусор. Единственным агентом порядка выступала старуха, собиравшая с земли использованные плашки для ритуального огня.

– Этим же вечером она продаст их заново, – проследив за ней взглядом, сказал Хинта.

– Точно, – ужаснулся Тави, – ведь главные мероприятия только впереди. Неужели все эти люди будут на ногах? Они же не спали.

– Не просто не спали. Они пили. Но думаю, да, к вечеру они оживятся, и все пойдет по второму кругу. Фермеры – крепкий народ.

Они зашли в одну из стационарных гостиниц, умылись в общественной купальне и поели в бесплатной столовой. Рядом со столовой был развернут маленький куврайм. В утренние часы он стоял закрытым, однако даже сейчас из него тянуло удушливым дубящим запахом крепкого пойла. Принюхиваясь к этой вони, Хинта подумал, что о количестве и качестве выпитого вполне можно судить по пролитому.

– Мой отец, должно быть, сейчас очень грустит. Вся праздничная выпивка прошла мимо него. Думаю, в этом есть некая справедливость, закон равновесия. Он пил, когда это было всем неудобно. А теперь он трезв, когда ему было бы удобно вместе со всеми выпить.

– Нет, – сказал Тави, – это закон абсолютного неравновесия: закон всеобщей победы или всеобщего поражения. Если кто-то делает что-то плохое, то он проигрывает, и вместе с ним проигрывают и все остальные. И наоборот, если кто-то делает нужное и хорошее дело – выигрывает не

только он, но и вообще все люди. Твой отец делал не то, и сначала было плохо вашей семье, а теперь и ему тоже плохо... Мы словно бы все время говорим об этом. Вот Экватор – пример общего дела во благо. И таких примеров тысячи. Все, чего добились люди – это такие примеры. И почти все, что люди потеряли – результат чьих-то ошибок, халтуры, слабости или злых намерений.

– Кроме цунами, – вставил Хинта.

– Потому о нем и любят вспоминать: большая беда, которая оставляет совесть многих чистой. Им кажется, что все, о чем они мечтали, что начинали делать до этого события, было правильным, но цунами роковым образом оборвало их начинания. А на самом деле, ровно половина их дел закончилась бы ничем. Только тогда виноваты были бы они сами. А так виновата стихия.

Когда они покидали лагерь, тот как раз начинал просыпаться. Сонные и похмельные люди, только сейчас выбравшиеся из своих палаток, немного удивленно смотрели вслед маленькому детскому отряду, целенаправленно уходившему на север. Площадь вокруг мемориала и уходящая в море каменистая коса были совершенно пусты: только мусор на песке да темные ожоги на камнях. Сейчас, под лучами веселого утреннего солнца, руины старого Шарту выглядели даже более мрачными, чем вчера, при свете ритуальных огней.

– Духи действительно были здесь, – сказал Тави, – но понимаешь это только, когда чувствуешь их уход.

В начале пути они по большей части молчали. Разговор у них начался лишь тогда, когда они поднялись на скалы с северной стороны разрушенного поселка.

– Я вчера вечером, и потом ночью, много думал о вещах золотого уровня, – сказал Тави. – Помнишь, Ивара говорил нам, что чего-то не хватает, что есть вещь, которую мы упускаем? Я вспоминал слова того человека, пленника, кажется, его называли «хромец из Джатурана»...

– Свидетельство о котором оставил тот нехороший литский историк.

– Да. Так вот, если я ничего не перепутал, то хромец из Джатурана говорил, что золотые вещи бывают двух принципиально разных типов: изначальные – маленькие волшебные вещи повседневного обихода, и созданные – большие и сложные машины серебряного уровня, прошедшие модернизацию через соединение с одной из изначальных вещей.

– Вроде все так.

– Но здесь загвоздка: эта классификация не сходится с тем, что нам известно! Вечный Компас и Аджелика Рахна – две вещи золотого

уровня, которые мы взаправду держали в руках. Они не такие огромные и не такие сложные, как модернизированная техника серебряного уровня, но не такие обыденные, как расческа или перстень. Они словно бы посередине, в то время как хромец из Джатурана говорил только о двух невероятных крайностях...

Они восходили все выше. Старая тропа пробиралась среди скал и каменистых осыпей. Слева громоздились исполинские валуны – нерукотворные монументы эпохи ледника, справа был обрыв, а под ним полудрагоценным камнем сверкала бухта – средняя между той, на берегу которой стоял старый Шарту, и той, которая омывала подножие Экватора. Вода отражала и передавала все цвета неба, а изогнувшийся полумесяцем красно-серый каменистый пляж казался ржавой оправой, специально подобранной, чтобы своей неотесанной грубостью подчеркнуть красоту заключенного в нем сокровища.

– И вот я подумал, – продолжал Тави, – что вижу два пути для решения этой загадки. Первый путь: предположим, что у нас в руках вообще нет вещей золотого уровня, что мы их не знаем, что мы принимаем за них вершину древних технологий серебряного уровня.

– А второй?

– Можно предположить, что сила золотого семени с веками как бы зачахла. Оно не может больше обращать большие вещи серебряного уровня и не может больше создавать полностью волшебные предметы. Предел его возможностей сузился, и теперь оно обращает лишь маленькие предметы серебряного уровня. Именно с ними мы и сталкиваемся на нашем пути.

– Это сходится! Ведь хромец из Джатурана был археологом. Он жил за несколько веков до нас и говорил про те вещи золотого уровня, которые уже в его эпоху были древними. Возможно, он описывал далекое прошлое этих вещей.

– Возможно. Но и первый предложенный мною путь имеет право на существование. Да, очень хочется верить, что держишь в руках великое чудо. Но ведь мы можем ошибаться, и эти приборы могут лишь казаться нам чудом. Все же, они – техника, и ничего волшебного на наших глазах не сделали. Ты, конечно, в технике разбираешься лучше меня. Но если эти вещи не волшебные, а технические, если они просто следующий уровень техники, то, вероятно, они совсем не то, о чем говорил хромец из Джатурана.

– Нет, не думаю. Есть какое-то пороговое различие между самим устройством этих вещей. Внутри Аджелика Рахна я вижу такие детали, о

существовании которых нельзя узнать на школьном уроке роботехники. Он иной. Поэтому я верю только во вторую из твоих гипотез...

Их разговор продолжался еще около получаса. Чем дальше они уходили от лагеря, тем уже и хуже становилась тропа. Когда стоял старый поселок, здесь ходило множество людей, но за прошедшие десятилетия этот путь пришел в полное запустение; паломники приезжали в мемориальный комплекс лишь раз в год, и очень редко кому-то из них приходило в голову прогуляться в направлении Экватора. Этот край юрисдикции Шарту, с севера ограниченный Стеной, а с востока – морем, был, наверное, самым удаленным от пустошей и, в то же время, самым пустынным. Цунами отвадило людей селиться у моря, скалы и валуны не оставляли места для фратовых полей. В результате, тропа постепенно растворялась в рельефе – ее засыпало песком, загромождало камнями, вымывало дождем. В какой-то момент мальчикам пришлось сделать крюк. Они штурмом взяли небольшой перевал, прошли по дну скального разлома – и неожиданно достигли цели своего путешествия: скалы расступились, по правую руку снова стало видно море, все в волнах, увенчанных белыми бурунами. В километре впереди, огромный, как никогда, воздвигся Экватор. Они стояли на возвышенности, но Великая Стена все равно была выше. Она уходила вдаль, через весь мир – гигантский мост, преодолевающий сушу и океаны. Берега раскинувшейся внизу лагуны были покрыты желто-зеленым песком, состоящим из оксида меди. Пляж подступал вплотную к Стене; у воды металл покрылся мокрой коростой, но местами она отваливалась, и там он сверкал, словно золото.

Хинта заслонил экран шлема от солнца и всмотрелся в подножие Экватора.

– Я что-то вижу. Кажется, это его дрон.

– А где он сам?

– Думаю, отправился исследовать тропу, которая идет вдоль Экватора. Ведь именно этого он хотел.

Тави коснулся коммуникатора своего шлема.

– Ивара.

– Да, – ответил тот, – ...где?

– Что?

– ...вязь. Вы где?

– Видим твой дрон.

– Хорошо. Подождите ... ..нашел... ..четверть часа.

– Что? – повышая голос, переспросил Тави. – Ивара, у тебя все хорошо?

– Да... ..пропадаешь... ..потому что...

Его голос окончательно стих, в эфире осталось лишь тихое шипение. Тави встревоженно повернулся к Хинте.

– Думаю, он хотел, чтобы мы подождали его четверть часа. Это я понял. Но почему заглохла связь? Такого почти никогда не бывает.

– Бывает, если встать в нескольких метрах от подножия Экватора. Фирхайф мне рассказывал. Или если ты под землей, под нависающими скалами, в узком ущелье. Или если пыль попала в передатчик. Возможно, с ним сейчас все это сразу.

Они спустились на пляж, дошли до дрона. Там в нетронутom виде лежала часть снаряжения Ивары. Песок был девственно чист – лишь следы машины и человека. По ним было видно, что учитель прошел по берегу зигзагом.

– Видишь? – показал Тави. В одном месте, у самой воды, были странные следы. Набегающая волна успела их немного сравнять.

– Словно он упал, – удивился Хинта. Теперь он тоже встревожился.

– Нет. Он стоял на коленях. Возможно, он пришел сюда так рано, что мог отсюда наблюдать рассвет.

Они помолчали. Потом Тави подошел к следам и опустился рядом с ними на песок – не вставал на колени, а просто сел и вытянул ноги, позволяя волне облизывать сапоги скафандра. Хинта, отпустив Ашайту кружиться по берегу, примостился рядом. Солнце играло в волнах. Было очень тихо, слышался только плеск воды, но какой-то не грозный, словно она льется дома. Это оттого, что здесь нет ветра, подумал Хинта, Экватор и скалы такие высокие, что заслоняют это место со всех сторон, и мы словно в центре небольшого кратера, или нет, скорее, это похоже на скальный амфитеатр с видом на море. Он зачерпнул песок ладонями. Песчинки были грубые, крупнозернистые, отсверкивавшие медно-золотым блеском, как сам Экватор.

– Хинта, – спросил Тави, – ты когда-нибудь задумывался, чем является любовь, как она выглядит изнутри, как отличить ее от других чувств?

Хинта удивленно взглянул на него. Какое-то неясное чувство подсказало ему, что вместо прямого ответа здесь следует задать встречный вопрос.

– Это потому, что ты волнуешься за Ивару?

– Да. Именно из-за него я думаю об этом прямо сейчас. Но мой вопрос носил объективный характер. Я просто хочу знать твое мнение.

– Но я ничего об этом не знаю, – пожал плечами Хинта.

– Ты любишь Ашайту.

Они оглянулись и посмотрели на малыша, который кружился в нескольких метрах дальше по берегу.

– Это как часть меня, – сказал Хинта. – То есть, да, я люблю его; когда ему плохо, я осознаю это наиболее ясно. Но когда все в порядке, я совсем об этом не думаю. Он всегда рядом. Я все время о нем забочусь. Это как дышать: пока воздух идет, ты не замечаешь его.

– Так я любил маму. Но это закончилось. А теперь я не могу перестать думать об Иваре и о том, что он чувствует в последние дни. Даже когда я говорю о других вещах, я продолжаю держать его в уме. Он словно печать на моем сознании. И это жжет меня изнутри. Я не могу помочь ни ему, ни себе. Это не похоже на то, как я любил маму. Это сводит с ума. И мне кажется, что он так же сошел с ума по своим друзьям.

Хинта вздохнул. Его мучили сомнения насчет того, о какой любви говорит Тави. Это смущало. При этом он все лучше понимал, что друг не в своей тарелке. Тави проявлял невероятную способность скрывать свои чувства по поводу Ивары. Но чувства накапливались, и вот что-то прорвалось.

– Его друзья умерли. И да, ты ничем не можешь ему помочь. Да он вообще не мог на нас с тобой рассчитывать. Он приехал сюда и думал, нет, знал, что будет один. Теперь мне кажется, что именно это меня в самом начале напугало: что ты вот так на нем зациклен. Я знаю, что вел себя ужасно. Но я... – Хинта хотел сказать, что собирался спасти Тави, но успел понять, что это ложь. – Я ревновал. Боялся, что ты будешь общаться только с ним. Все оказалось не так, но теперь тебе из-за него плохо.

– Не из-за него. Это не в нем. И даже не между нами. Это только во мне. Мне было плохо из-за мамы. Я хорошо знаю, как это, когда другой человек тебя мучает. Ивара меня не мучает. Возможно, он мучает себя. А я мучаюсь, просто глядя на него. Это такая эмпатия?

– Ты очень хороший человек, – с грустью сказал Хинта. – Я вот не чувствую чужую боль. Ни твою, ни его. Послушай, я не знаю, как все это в целом переменить. Но могу тебя сейчас отвлечь. Может, тебе хоть немного полегчает. Помнишь, у нас ведь был план поплавать? Мы уже не найдем лучшего времени и места, чем сейчас. Давай скоротаем ожидание.

– Ладно, давай, – помедлив, согласился Тави.

– Наклонись, я надую твой скафандр.

Тави послушно подался вперед, и Хинта подкрутил вентили на его ранце. Через мгновение они увидели, как расправляется ткань. Тави удивленно поднял руки и стал смотреть, как они разбухают. Скафандр отлипал от его тела, растягивался, превращаясь в воздушный пузырь.

Тави не выдержал и рассмеялся, и Хинта захохотал вместе с ним, потому что еще никогда не видел эту потолстевшую версию своего друга. Им пришлось встать на ноги, так как Тави в раздувшемся скафандре уже не мог сидеть. Потом Хинта отрегулировал настройки клапанов, чтобы давление не было слишком высоким.

– Теперь ты надуй меня, – попросил он. Даже Ашайта остановился и начал удивленно смотреть, как меняются формы их тел. Чтобы его успокоить, Хинта переключился на его радиоканал.

– Мы немного поплаваем, а ты не отходи далеко от Иджи, хорошо?

– Со, – отозвался Ашайта. Хинта и Тави, смеясь и неуклюже шаркая растолстевшими ногами, пошли в воду. Теперь Хинта был рад, что здесь такое тихое море, и что у их забавы нет зрителей. Рядом с лагерем паломников ему было бы стыдно надуваться, а сильный прибой мог бы запросто сбить их с ног, сделав это зрелище еще более комичным для стороннего наблюдателя. Однако надутые скафандры были неуклюжими только на суше. Когда мальчики упали в волну и сделали несколько движений, чтобы отгрести от берега, море подхватило их и закачало.

– Ух ты, – потрясенно выдохнул Тави, – как полет! Я такой легкий. – Он перевернулся на спину и, чуть подгребая руками, начал смотреть в небо.

– Только не отплывай далеко, – предупредил Хинта. – Помнишь, как огни мертвых уплыли вдаль? Здесь, в бухте, течения нет, но если заплыть метров на пятьдесят от берега, то я не знаю, что будет. Там может подхватить, и тогда уже не вернешься.

– Я понимаю.

Хинта тоже перевернулся на спину. Брызги пены залетали на экран шлема, и оттого казалось, что утреннее солнце плывет и дрожит. Это были брызги на самом солнце. А вода под телом вела себя как живая: ласково поднимала и опускала их, раскачивала и баюкала.

– Теперь я понимаю, почему ты хотел мне это показать, – сказал Тави. – Если будет возможность, буду делать так всю жизнь: уходить в тихое местечко к морю, надуваться и плавать.

– Экватор, – уже думая о другом, сказал Хинта. Стена возвышалась прямо над ними и казалась невероятно высокой, просто исполинской. – Никогда не смотрел на него, лежа на спине. Около Шарту все подножие Стены в скалах, они мешают. Здесь – другое дело. Подплывем к нему? Я хочу его коснуться.

– А это не опасно?

– Связь может пропасть. Никакой другой беды не будет. К тому же, мы не станем здесь оставаться надолго. Только подплывем, коснемся – и назад.

– Хорошо, – сказал Тави, и они, поднимая фонтаны брызг, стали грести в направлении Экватора. Костюмы выталкивали их из воды, позволяя все время оставаться на поверхности.

– Двигай ногами, – посоветовал Хинта, – так плыть легче. И не бей по воде, а как бы режь ее, отталкивайся. Словно ползешь по очень сыпучему и скользкому песку.

У Тави получалось все лучше, и через минуту они уже были под Стеной. От непривычных движений их дыхание сбилось. Хинта чувствовал эйфорию. Он поймал паузу между волн и дотянулся рукой до поверхности Экватора. Он сам не знал, играет с ним воображение, или на самом деле под его пальцами пробежала сумасшедшая волна энергии. Древний металл показался ему теплым, полным могущественной, неспящей жизни. Хинта испуганно отдернул руку. У него осталось ощущение какого-то трепета в сердце, словно после сильного удара током, только вот прямого контакта с металлом у него не было – синтетическая перчатка скафандра работала, как изолятор – а значит, это было что-то другое.

– Коснулся? – спросил Тави. Его передатчик давал сбои из-за действия магнитного поля, и от этого голос шел странными абберациями.

– Да. И ты попробуй. В этом есть что-то особенное.

Тави протянул руку и на мгновение замер. Сквозь экран шлема Хинта увидел его удивленные глаза. В отличие от него самого, Тави не стал отдергивать руку – он держал ее сколько мог, пока волна не подняла его и не потянула назад.

– Ну что? – спросил Хинта.

– Невероятно, – сквозь шум помех отозвался Тави. – Я хочу больше, ближе. Это не будет опасно?

– Не знаю. Но, думаю, не будет.

Тави перевернулся в воде, сгруппировался и попробовал приложить к Экватору обе руки. Ему удалось ухватиться за зеленые коросты медных окислов, и следующая волна накрыла его с головой. А потом он все же отпустил руки и, подняв фонтан брызг, резко вылетел на поверхность.

– Там... – взволнованно сказал он, – я видел...

Помехи стали сильнее, и его голос ненадолго совсем пропал.

– Ты в порядке? – испуганно спросил Хинта. – Это Экватор?

– Нет. Ты видел... видел дно? Там, в глубине, под Стеной?

– Что там?

Тави только замотал головой.

– Просто нырни. Посмотри сам.

Хинта перевернулся лицом вниз и попытался погрузить экран своего шлема как можно глубже. Пока они были на мелководье, смотреть сквозь воду было совсем не интересно – дно было простым, песчаным, доступным. Но теперь Хинта ощутил, что висит над бездной. Толща воды мерцала, словно жидкий изумруд – зеленый мрак, лазурный свет. Стена Экватора слоеным пирогом из меди и камня уходила вниз, терялась в неясной глубине. В некоторых местах металл тускло блестел. Метущиеся пузырьки и бегущие линии преломленных солнечных лучей делали воду мутной, полупрозрачной. Где-то далеко внизу Хинта угадал очертания дна. И там, возможно, было что-то еще.

– Не могу рассмотреть!

– Это потому что ты над водой. – Связь на мгновение улучшилась, и голос Тави прозвучал звонко, четко и нетерпеливо. – Я же говорю, ты должен нырнуть.

– Тогда притопи меня. Надави на плечи.

Тави навалился на него, и Хинта, наконец, почувствовал, как всем телом уходит под воду. Их накрыло волной; свет солнца померк, во внешних микрофонах коммуникатора глухо булькала и клокотала вода. Он на секунду увидел весь необъятный подводный простор бухты, и это зрелище привело его в трепет. А еще он увидел то, о чем говорил Тави.

На некотором отдалении от берега сквозь песок начинали проступать искусственные конструкции. На глубине этот узор становился более четким – казалось, там дно укрыто гигантской стальной сетью. Шестигранные ячейки тускло блестели в полумраке; каждая сота была настолько большой, что сквозь нее мог легко пролезть человек. В некоторых местах над ячеистым полем поднимались полуразрушенные круглые башни. Они были разного размера: одни с дом, другие поменьше. У подножия башен бугрились изогнутыми темными стяжками стыки конструкций, в прорехах древних стен крутило медно-ржавую пургу придонное течение. Но все это было лишь первым планом картины. Дальше, на глубине в тридцать или пятьдесят метров, искусственный ландшафт обрывался изогнутой линией тектонического разлома. Из крошева руин там поднимались в беспорядке десятки огромных золотистых обручей, словно уменьшенные копии Экватора. Вокруг них дыбились обломки других конструкций. А с самого дна прорехи, огибая камни и металл, истекала застывшая река флуоресцирующей серо-фиолетовой пемзы.

Хинта узнал этот свет – его они с Ашайтой видели в своей общей галлюцинации, и он же был на окраинах Шарту, в пугающей трещине, над которой люди Киртасы теперь строили саркофаг. Река светящегося камня надвое разделяла собою дно бухты. Мертвенное сияние уходило вдаль и вниз, под уклон, в сторону от берега, на такую глубину, куда уже не проникали лучи солнечного света. У выхода из бухты светящийся след мерк – его заслоняла толща воды – но казалось, что он разливается далеко за пределы видимости, заполняя собой все впадины и расселины морского дна.

Удерживаться под водой больше не удавалось. Тави перекатился через Хинту, и следующая волна отбросила их друг от друга, а легкие скафандры снова вытолкнули на поверхность.

– Ну?

– Что это?

– А на что это, по-твоему, похоже?

– На нашу цель. На то место, ради которого здесь были друзья Ивары. – Они снова столкнулись в воде, и Хинта схватил друга за плечи. – Где они нашли Аджелика Рахна. Это может быть сам ковчег! Да, да, да, это может быть он. Его борт. Мы нашли его. Ты нашел его.

– Если это и он, то он разрушен. Поэтому я уповаю, чтобы это был не он.

– Что?

– Это так странно. Хинта, помнишь, Ивара в самом начале рассказал нам ту, первую легенду – легенду о ковчеге? Все это время она была главным. Но мы о ней почти не вспоминали. Мы говорили о мире, о каких-то других делах, о механическом народце – о чем угодно, а ведь все эти вещи обретали смысл лишь вокруг ковчега. Аджелика Рахна интересен и сам по себе, да. Но спасение человечества – вот с чего все началось! В Дадра Ивара поверил, что все мы можем жить иначе, что есть надежда. За эту надежду умерли его друзья – лучшие из людей. И если там только руины, то все это зря. – Тави встряхнул его. Только сейчас Хинта осознал, что видит в его глазах и слышит в голосе почти невозможную смесь радости и отчаяния. – Теперь ты понимаешь?

– Помнишь историю Риси Анигры?

Тави отпустил его плечи.

– Теперь ты понимаешь.

Риси Анигра был героем Джидана. Лам про него вышел из проката еще несколько лет назад. Хинта смотрел его только ради компании Тави, и теперь он сам удивился, что вспомнил именно эту вещь. Риси застал самый конец войны. Он защищал осажденный Диджайнидис. Когда положение города еще казалось довольно надежным, Риси с диверсионным отрядом ушел в долгую вылазку. Они потратили несколько дней, чтобы оказаться в самом сердце наступающей притакской армии, а потом устроили там хаос: похоронили подо льдом несколько десятков осадных машин, обрушили тоннели, захватили в плен восемь вражеских генералов и четырнадцать ведущих инженеров. Возвращаясь домой, Риси верил, что своими действиями прорвал кольцо вокруг Диджайнидиса, а возможно, переломил сам ход войны. Однако на месте родного города он нашел лишь ледовую воронку с кипящим ядовитым озером на дне – это Лимпа атаковала джиданцев с другой стороны. На берегу мертвого озера Риси и члены его отряда передали свое оружие в руки своих пленников – сдались сами и без единого выстрела.

– Это были тридцать дней безумной надежды, – сказал Риси, – самый долгий, самый трудный путь, и все – ради смерти и пустоты.

Один из притакских генералов расстрелял его прямо там. Хинта невзлюбил эту историю за ее безысходность. Но теперь она отлично иллюстрировала ситуацию с ковчегом.

– Самый долгий, самый трудный путь ради ничтожного финала. И много героических смертей ради уже несуществующей вещи. Мы опоздали на одно землетрясение?

– Я думаю об Иваре... Что он скажет? Ведь только он знает эту цену.

Некоторое время они молчали; на их общей частоте остался лишь ровный шум помех. Хинта лежал на воде, лицом вниз, широко раскинув руки, будто обнимая океан. Дно он почти не мог рассмотреть, но теперь, когда он знал, какое оно, ему было легче угадывать его далекие очертания. Волны поднимали и опускали его, вверх и вниз – бесконечные качели.

– Не как в прошлый раз, да? – спросил он.

– Что именно?

– Фиолетовый свет. Он все так же пугает меня. Но он не захватил нас. Тогда, на руинах теплиц, было тяжело, было давление – оно словно бы проникало в сердце и разум, разрушало нас изнутри. Хотелось бежать от него или к нему, ради жизни или смерти. А теперь все иначе. Мы плаваем прямо над ним, но его словно бы и нет там внизу. Нам было весело, мы думали о другом. Да и теперь я думаю о другом – об этих вели-

чественных древних сооружениях. Неужели там, под нами – борт космического корабля? Если он под берегом, то где его предел? Насколько он был большим? Почему его так редко находили, если он так близко к поверхности? Что это за башни? Вот о чем я думаю.

– Ивара утверждал, что вода экранирует. Между нами и этой вещью несколько десятков метров воды. Значит, спускаться туда нельзя. Когда мы приблизимся, нам снова станет плохо.

– В наших полускафандрах на такую глубину нельзя спускаться даже в самом обычном месте.

– Тогда плывем к берегу?

– Да.

Они повернули и начали грести к ближайшей точке, где можно было бы выйти на пляж. Когда они выбрались из воды и сдули свои скафандры, Ивары все еще не было – лишь Ашайта задумчиво танцевал вокруг дронов. Мальчики устало повалились на мокрый песок и стали смотреть в небо. Хинта слушал ускоренный бег своего сердца.

– Связь? – для проверки спросил Тави.

– Уже сносная. У нас нестерпимые помехи лишь, когда мы меньше чем в десяти метрах от Экватора.

– И что теперь будет? Ивара точно захочет погрузиться вниз. Он сможет?

– Сразу, наверное, нет. Но потом – наверняка. Это же Ивара.

– Да, это Ивара. – Тави усмехнулся. – Он может больше других. Но мы должны его беречь. Обещай мне, что будешь.

– Хорошо, – немного удивленно согласился Хинта. Он вспомнил их разговор до того, как они залезли в воду. – Я буду его беречь – в той мере, в какой это от меня зависит – ради тебя и ради вас обоих. Мне не нравится, что тебе плохо, когда ты думаешь, что плохо ему. Потому что он взрослый. Это...

– Неравенство?

– Да. Я, может, не чувствую чужую боль, и меньше тебя разбираюсь в людях. Но я понимаю, что ты его не вместишь. Ты можешь нагнать его почти во всем. Но ты не можешь спасти его от той пропасти лет, которая была до тебя. И если там, внизу – бесполезный, разрушенный ковчег, ты ничего не сможешь сделать с тем, как долго он к нему шел... А может, это вовсе и не беда. Ведь мы нашли. Случайно, но нашли. Это же победа.

– Слишком быстро и не так. Меня преследует чувство, что мы слишком быстро оказались здесь. Все происходит слишком быстро. Почему сейчас? Почему все сразу? Только представь: мы могли бы быть его учениками еще пять лет, а потом, когда бы он еще не постарел, а мы бы

уже были умнее, сильнее, старше – вот тогда бы мы и нашли все это! Но нет, мир словно швыряет нам подарки. Только все его игрушки сломаны. Аджелика Рахна. То, что там, внизу, чем бы оно ни было – оно разрушено. И сами люди, как сломанные, суетятся вокруг, делая не то, что должны, предлагая друг другу не то, что действительно нужно. Моя мать слишком рано меня предала. «Джиликон Сомос» слишком рано лезет в Шарту. А мы страшно отстали – не договорили, не додумали миллион вещей.

Хинта сел на песке, заглянул Тави в лицо. В глазах у того были слезы.

– Ты не прав. Почему ты расстраиваешься? Ведь все идет к нам в руки.

– А мне кажется, Ивара чувствует то же самое.

Хинта тяжело вздохнул. Он больше не находил слов, чтобы успокоить и утешить друга. У него в сердце засела досада. Они должны были праздновать. Но Тави плакал. Тави, который все время рвался вперед, теперь вдруг захотел, чтобы вещи шли медленнее. Тави, который мечтал о раскрытии границ между Шарту и Литом, теперь невзлюбил инициативность «Джиликон Сомос». Но было в этом и что-то еще – какая-то хрупкость, тревожная незавершенность человеческих отношений. А у Хинты почти не было такого опыта. Почему-то, по непонятной ему самому ассоциации, он вспомнил девушку из больницы – ту, которая мазала его обожженное тело. В ее улыбке был ответ на часть вопросов, вот только сами вопросы он еще не научился задавать. Но причем она здесь? Как эта странная ассоциация должна помочь ему понять Тави? Он запутался. Они оба напряженно молчали. А потом Хинта увидел Ивару. Тот спулся вниз по тропе, идущей вдоль Экватора. Он шагал, широко расставляя ноги и сильно наклоняясь вперед. В первый момент Хинта не понял, почему тот так идет, но потом увидел, что взрослый тащит за собой импровизированную волокушу – изодранный тканевый полотно с наваленной на него непонятной мусорной кучей.

– Тави, – сказал Хинта.

Тави поднялся так резко, что они чуть не стукнулись шлемами. Несколько секунд спустя оба мальчика уже бежали навстречу Иваре. Тот втащил свою добычу на пляж, сбросил с плеча скомканный конец рваного полотна и скользнул пальцами по коммуникатору, устанавливая связь.

– Прошу прощения, что так долго. Наверное, следовало взять туда дрона, но вся тропа в обвалах... – Он остановился, согнувшись, тяжело уперев руки в колени, и старался отдышаться. На полотнище кучей гро-

моздились ржавые части какого-то металлического остова; детали намертво слиплись с песком и рыхлым прахом. – ...вся тропа в обвалах, и я не решился гонять дрона по камням.

– Что это? – спросил Тави.

– Обрывок палатки. Плюс верхняя половина туловища.

Только теперь Хинта понял, что они смотрят на истлевший от времени труп омара.

Стальные вставки заменяли чудовищу кости. Омар словно целиком состоял из оружия – трубки, ленты, дула, когти, гарпуны; поверх – ничтожная рухлядь ссохшихся мышц.

– Как он сюда попал? Здесь же всегда были люди. Люди заняли и отгородили эту землю раньше, чем омары появились в пустошах.

– Он здесь не больше шести лет. Очевидно, он сумел обойти Шарту.

– То есть, – неуверенно начал Тави, – он умер примерно в те дни, когда пропали твои друзья?..

– Да. – Ивара подошел к своему дрону, устало сел на свободный край грузовой платформы, привалился спиной к контейнеру с оборудованием. Ашайта протанцевал к нему. Взрослый приветливо обнял малыша, потом посмотрел на старших мальчиков. – Этот омар упал со стены Экватора. Он был там, на самом верху. Его убили – от его головы почти ничего не осталось. Обрывки палатки лежали вместе с ним, как если бы он перед смертью запутался в ткани. Эта палатка принадлежала моим друзьям. Я не судебный эксперт. Но мне кажется очевидным, что он связан с событиями тех дней.

– Тогда получается, – сказал Хинта, – что те выстрелы, которые слышал Фирхайф, могли быть сделаны омаром? Этим омаром!?

– Возможно.

– Как же ты мог не найти его раньше? – удивился Тави. – Ты ведь искал что-то подобное.

– Я не мог так подробно, как сейчас, обследовать южную сторону Стены, а его тело провалилось в узкую щель между двух валунов. Сверху на него осыпались мелкие камни. Сегодня я нашел его лишь потому, что у меня был металлоискатель, способный работать вблизи Экватора. Я долго готовился к этому дню. Тем не менее, мне не удалось извлечь все тело; нужен домкрат, который поможет разжать валуны. Там, где он ле-

жал, могут быть и другие улики. Я должен найти каждую мелочь, которая вместе с ним упала вниз.

О, старый враг, убийца и злодей,
Унесший жизни стольких из людей!
Суда ты избежал, средь вечных скал
Ты спрятал сердце в каменный фиал.
Кто тронет твой ужасный мертвый знак?
Кто зачеркнет судьбы твоей зигзаг?
Когда придет забвенья добрый час?
Когда в покое ты оставишь нас?
Вассал последней темной стороны,
Ты вырастил цветы не той войны.
В бессмысленном деянии твоём
Мы никогда ответов не найдем.

Ивара замолчал, и между ними ненадолго повисла тишина. Омар лежал рядом, будто тяжелый вещественный эквивалент этих скорбных слов, солнце грело его ржавые кости.

– Откуда это? – спросил Хинта.

– Эпитафия на смерть тирана. Был в Лимпе город Анилу, который по военным соглашениям на некоторое время перешел под протекторат Притака. Там на протяжении четырех лет правил человек, которого звали Тегура Маркира. Кем он был, теперь уже не разобрать – полукровка, сын посла, носитель многих культур, психопатичный отпрыск двух аристократических родов. Когда его, наконец, убили, кто-то написал на его могиле эти строки, а люди из партизанского сопротивления перепечатали и начали распространять это послание. В итоге оно пережило века. Я прочитал его и запомнил. – Ивара вздохнул. – Я чувствую себя так же. Если это останки убийцы моих друзей, то он ускользнул от моей мести, спрятал от меня ответы. Его прах – это насмешка. Он мертв, но не оставляет меня в покое. Мне некому выставить счет. И хотя его растерзанное тело лежит у моих ног, я чувствую, что почти ничего не изменилось.

– Мне жаль, – сказал Тави. Ивара с благодарностью вскинул голову.

– Будем искать дальше. День только начинается, а улов уже неплох. Кстати, почему вы мокрые? Поплавали? – В его голосе впервые прозвучал намек на улыбку.

– Мы тоже кое-что нашли, – сообщил Тави.

– Что?

– Не знаю. Но оно большое. Прямо под нами, под всем этим берегом. Мы увидели его, когда нырнули. Может быть, это ковчег. Но если это ковчег, то он сильно разрушен – там под водой есть впадина, и...

Ивара вскочил на ноги.

– Я глупец! Я могу себе простить, что в свой прошлый заход сюда не нашел тело омара – для этого нужны были специальные средства, которых у меня тогда не было. Но вот решение по поводу воды я себе простить не могу! В прошлый раз я даже не посмотрел дно. Я сразу исключил эту зону поисков, так как был уверен, что мои друзья не имели подводного оборудования. – Он сделал несколько шагов в сторону моря. Солнце неуловимо и неуклонно поднималось к зениту, превращая утро в день. Мелкие волны бухты сверкали тысячами ярких бликов. Еще с минуту Ивара просто стоял на месте, смотрел на бухту. – Они были здесь. Они были веселые ребята – все трое. Если они работали в воде, то наверняка позволяли себе дурачиться. Я могу себе представить эти веселые часы. Радость открытий. Красоту дружбы.

– Может быть, они все еще здесь. Когда мы плавали, Хинта предложил мне прикоснуться к Экватору. И это было так... так странно! Словно он заговорил со мной без голоса и слов. Мне показалось, что он рассказывает историю. Только я не мог ее понять. И я коснулся его еще раз. И тогда на меня накатила волна, и я увидел дно – увидел все то, ради чего они работали и погибли.

– И еще там из-под земли выходит та же самая субстанция, которую мы видели в разломе рядом с Шарту, – сказал Хинта. – Она растекается по дну. Кажется, она заливают собой большое пространство, как река, и идет к выходу из бухты. Но толща воды, должно быть, действует, как щит – пока оно там, далеко внизу, мы здесь в безопасности и совсем ничего не чувствуем.

– Глубоко?

– Да.

– Но это бухта. – Ивара обернулся к мальчикам. – Там ведь нет ста метров?

– Сложно судить на глаз. – Хинта пожал плечами. – Тридцать или пятьдесят, не больше. Это плохо?

– Нет, это хорошо. Замечательно даже. Мы сможем посмотреть на него поближе.

– А его влияние?

– Не волнуйтесь. Водяной щит толщиной всего в два метра способен поглотить почти любое возможное излучение. Какова бы ни была его природа, вода не позволит ему влиять на нас.

– Так ты хочешь спуститься? – спросил Тави. – Хинта говорил, это будет...

– Не сам. У меня есть спелеологический робо-разведчик, который сможет работать на такой глубине.

– То есть, ты все-таки готовился к поискам под водой?

– Я готовился к поискам в подземных тоннелях, в пещерах и под обвалами, а такие места могут быть залитыми водой. Для этого маленького робо способность к работе в жидкой среде является всего лишь дополнительным бонусом. Тем не менее, мы вполне можем спустить его на дно, только не глубже ста метров.

Ивара вернулся к своему дрону, открыл контейнер с оборудованием. Многие из этих вещей Хинта уже видел, и сейчас его мысли были заняты более важными вещами, но все же его взгляд привычно зацепился за все эти полупрозрачные боксы с уложенными в них приборами: пластик и металл, причудливые изгибы корпусов, экраны встроенных мини-терминалов, антенны и тубусы загадочных датчиков. Робо-разведчик лежал на самом дне, Иваре пришлось снять два верхних слоя коробок, чтобы добраться до него. На вид он оказался довольно уродливым: размером с кулак, корпус грубого, броского красно-желто-зеленого окраса, многочисленные ножки-спицы вдоль продолговатого тела.

– А почему такой цвет? – спросил Тави. – Некрасиво.

– В пещерах стены бывают разных оттенков. Пестрый корпус помогает легко находить эту вещь, если она потерялась или застряла.

– У него конечности со всех сторон, – отметил Хинта. – Он умеет плавать?

– Не умеет. Он пойдет по дну пешком. Но он способен цепляться за камни и протискиваться в щели, его ноги работают на распор – поэтому их так много и они такие острые.

Вместе с робо Ивара достал со дна контейнера катушку тонкого золотистого кабеля.

– Радиоуправления нет, оно ненадежно в пещерах. Поэтому двести метров – предел. Когда провод кончится, придется вытянуть его назад.

Он подсоединил разъемы, потом подошел к воде, размахнулся и изо всех сил забросил маленькую механическую игрушку в волны. Робо полетел по дуге, словно камень, легкий шнур сверкающей молнией взметнулся вслед за ним. Раздался всплеск, и он исчез в волнах. Ивара вернулся, вытянул из сердцевины катушки другой конец кабеля и подключил его к своему портативному терминалу. Мальчики встали у него за спиной. На экране появилось мутное изображение. Разведчик шевельнул лапками, и оно сдвинулось вперед; взгляд камеры начал пла-

ное скольжение по дну, навстречу туманной глубине. Катушка закрутилась, командно-силовой кабель натянулся и с тихим шипением начал резать песок. Ашайта неустанно резвился на берегу, и Хинте пришлось контролировать брата, чтобы тот не наступил на бегущую золотистую линию. Между тем, на экране терминала рос и прорисовывался город подводных башен – автоматическая программа уточняла изображение, конвертируя его в трехмерный макет. Поверхность бухты осталась далеко наверху; из-под воды она казалась очень яркой, словно живой, волнующийся полог жидкого света. Для мальчиков, никогда в жизни не видевших подводных съемок, это зрелище казалось чем-то по-настоящему фантастическим, не менее захватывающим, чем загадочные постройки на дне.

– Лед – это мертвая вода, – подумал вслух Тави. – Сейчас я лучше, чем когда-либо, понимаю, почему джиданцы хотели растопить его. Ради этой игры света, пляшущих волн...

– Возможно, мои друзья работали там, на дне, и часами могли смотреть на всю эту красоту, – сказал Ивара. – Надеюсь, когда они уходили в иной мир, этот танец света сопровождал их до конца.

Маленький робо добрался до придонных конструкций, повернул и начал ловко пробираться вдоль балок сотовой сети. Стальные башни были уже совсем близко: ржавые коросты на скругляющихся стенах, никаких окон или входов – лишь впадины с клепаными штифтами по краям да рваные темные бреши. Иногда Ивара заставлял свою игрушку остановиться и направлял взгляд камеры вверх, осмотреть стальные колоссы в высоту, или вниз, заглянуть в запорошенные песком шестигранные ячейки. Мальчики, затаив дыхание, наблюдали за экраном. Ивара словно оцепенел, его пальцы сосредоточенно двигались по боковым сенсорам терминала.

– Ты понимаешь, что все это такое? – наконец, решился спросить Хинта. Тави испуганно тронул его за плечо.

– Это точно не сам ковчег, – ответил Ивара. – Никто не стал бы строить его из таких тяжелых материалов, ведь ему предстояло преодолеть притяжение земли. Он должен быть прочным, но легким. Однако эти конструкции под нами необычные и очень древние. Либо это техническое расширение фундамента Экватора, либо внешняя поверхность какой-то огромной платформы. Ковчег мог бы быть под ней, либо она могла быть предназначена для того, чтобы он с нее стартовал.

– Древний космодром? – спросил Тави.

– Рано еще судить.

– Я вспомнил! – воскликнул Хинта. – Ты же говорил, что у древних были ракеты водного старта. Что, если все это люк, огромный люк!.. Решетка из шестигранников – что, если она раскрывается, поднимается, а под ней шахты, и ковчег должен стартовать из них, из-под воды?

– Мысль замечательная, и мне бы стоило подумать об этом, когда я годы назад отверг подводные поиски. Но сейчас я не уверен, что ты прав. Если здесь и был какой-то шлюз, то он дальше. Мне не кажется, что бухта способна вместить столь огромную ракету, какой должен быть этот ковчег. Но это может быть вход, или край, какого-то комплекса. Мы выясним столько, сколько сумеем... Свечение.

На экране постепенно проступало далекое зарево – словно бледно-фиолетовый подводный рассвет. В отличие от живых солнечных зайчиков, играющих под поверхностью воды, оно было ровным и мертвенным. Чем дальше продвигался робо, тем больше казалось, что вокруг него светится нехорошим светом сама вода. Впереди начали проступать вздыбленные края разлома, блеснули золотистые кольца обручей. Вдруг с робо что-то произошло – его сорвало в сторону, изображение на экране метнулось вверх. Ивара ответил на это столь же резким движением. Мальчики вздрогнули от неожиданности. Мгновение спустя картинка остановилась. Ивара осторожно развернул камеру, и стало видно, что разведчик повис в прорехе на стене одной из башен, а мимо него, соударяясь с обзорным куполом объектива, мчатся частицы ржавого песка.

– Что случилось? – испугался Хинта. – Там кто-то есть?

– Нет, не думаю. Но нас переместило.

– Там было течение, странное течение. Я видел его даже сверху, от поверхности воды.

Ивара продолжал разворачивать камеру, пока ее взгляду не открылось нутро башни. Там блестели медью обмотки каких-то причудливых индукционных катушек.

– Это не течение, это силовое поле. Не знаю, работают ли еще эти магниты. Но к одному из них наш робо притянуло. Попробую его сдвинуть.

В кадре мелькнули ножки-спицы, а потом разведчик сумел выбраться из дыры и пополз вниз, прочь с башни, которая чуть не стала для него ловушкой. Через пару минут он уже достиг дна и смог продолжить свой путь. Ивара, соблюдая большую осмотрительность, направил его прямо в марево растущего фиолетового сияния.

– Сколько у нас осталось провода? – спросил Тави.

– Метров тридцать пять. Но если нам суждено за сегодня узнать значение всех этих придонных конструкций, то ответы мы найдем именно в разломе.

Робо продвигался вперед: минуты и витки катушки, тысячи шагов маленьких механических ножек по морскому дну. Вот он остановился у подножия стальных глыб. Экран терминала залило фиолетовое сияние. Даже Ашайта, заметив его, прекратил свою игру и начал удивленно наблюдать за действиями старших. Их всех охватило чувство, словно они стоят на краю какой-то пропасти.

Хинта на миг позволил себе оторваться от экрана и удивленным взглядом окинул мир вокруг. Солнце будто застыло, так и не достигнув зенита. Бухта была все так же красива, прибой мягко набегал на зелено-ржавый медный песок. И было тихо, так тихо, что, казалось, если все замрут и задержат дыхание, то удастся расслышать мерное гудение Экватора или звук, с которым вертится и вибрирует сама планета. И, глядя на солнце, слушая тишину, Хинта неожиданно вспомнил вчерашний огненный праздник. Казалось бы, не было ничего общего между тем вечером и этим утром, между толпой паломников и одиночеством безлюдного каменистого края, между сполохами живого огня в ночи и светом ясного дня – но, тем не менее, его вдруг поразило иррациональное ощущение присутствия в этой картине каких-то иных узоров и линий, словно безмолвная бухта пела, а в бликах на морской воде прятались лица призраков. Мир вокруг ломался; лед превращался в воду; поцелуи мертвых горели на губах живых, и мертвые не были мертвыми, а живые – живыми; золотистая нить судьбы убегала с катушки в воду, потому что маленький многоногий робо тянул ее вдаль; Ашайта смотрел своими бездонно-голубыми глазами. Все смешалось в танце воды и света – величавая мощь Экватора и величественная хрупкость маленьких Аджелика Рахна, прикладная наука и исполненный безумия миф, настоящие люди и их героические подвиги. Все человеческие чувства можно было вместить в одну эту секунду, хотя эти же чувства могли занимать и века, могли простираться поверх самой истории, делая ее своей частью, возвышая, интерпретируя, придавая смысл каждому биению каждого из сердец в каждое из тысячелетий.

А потом Хинта услышал вздох, сорвавшийся с губ Тави, почувствовал, как какая-то странная дрожь прошла по телу Ивары. Он опустил взгляд на терминал и увидел, что робо-разведчик перевалил через гряду выломанных глыб и спускается вниз, в разлом. Река мертвенного фиолетового света теперь текла прямо под ним. Она несла в себе обломки конструкций, валуны и темные силуэты человеческих тел.

«Это тела из моего видения, – подумал Хинта. – Эта сцена должна логически следовать за ним. Я видел, как магма поднимается сквозь трещины в полу зала. Я видел мертвецов. И вот что произошло дальше: поток лавы подхватил их и вынес наружу – под воду, сюда».

Руки Ивары начали сильно дрожать; он упустил контроль над робо, тот сорвался и заскользил в глубину кратера – его ножки-спицы безрезультатно искали опору. Фиолетовая плазма приближалась, все отчетливее становились силуэты вплавленных в нее тел. Несколько долгих секунд казалось, что сейчас робо коснется поверхности светящейся реки, и холодный фиолетовый огонь поглотит его. Но тут на катушке закончилась кабель; она дернулась, прекратила вращаться, протащилась два десятка сантиметров по песку и замерла. Разведчик завис над сияющим, пузырящимся фиолетовым адом. А под ним, занимая собою почти весь кадр, застыло одно из мертвых тел: обожженный скафандр, ссохшееся лицо за изрезанным трещинами стеклом шлема, пустые глазницы, в которых мерцал все тот же мертвый фиолетовый свет.

Дыхание Ивары сделалось прерывистым, он уронил терминал на песок, сам упал на колени.

– Ивара, – испуганно вскрикнул Тави. Он обнял мужчину за плечи, но тот не реагировал. Хинта в растерянности сделал несколько шагов вокруг своих друзей и заглянул Иваре в лицо, в глаза, широко раскрытые, но при этом выглядевшие так, словно тот ослеп или видит какую-то совсем другую картину.

– Ивара! Ивара! – уже очень громко закричал Тави.

– Я здесь... сейчас... подожди... – Медленно, словно издалека возвращаясь в собственное тело, Ивара шевельнулся, сделал неясный жест, будто хотел взъерошить волосы или вытереть пот со лба, но его руки неуклюже наткнулись на стекло шлема; он опустил их, распластал дрожащие ладони по песку. – Там, на терминале... Это Амика. Амика Нойф. Я нашел его тело.

Его голос ненадолго обрел ясное звучание, но сказать больше он уже не сумел; губы дрожали, казалось, он что-то шепчет, но эти слова были не для ушей мальчиков – они были для мертвых. И постепенно шепот и вздохи Ивары превратились в плач. Он плакал беззвучно, терзая руками песок, а Тави неуклюже обнимал его и тоже плакал. И Хинта, стоя поодаль, плакал – какое-то незнакомое чувство взорвалось у него внутри, он словно ослеп и сам сейчас ощущал себя беспомощным, еще более беспомощным, чем его друзья.

Следующий час они пробыли на пляже, бездействуя и почти не разговаривая. Несколько раз, с какой-то особенной осторожностью, Ивара возвращался к терминалу и заново смотрел на распятое в мертвенном сиянии тело Амики. Наконец, он сделал несколько фотографий в увеличенном разрешении, после чего вытянул зонд назад. Катушка закрутилась, собирая на себя мокрый кабель, и они все вместе смотрели, как удаляется от камеры фиолетовая река.

– Что ты теперь будешь делать? – спросил Тави.

Ивара покачал головой.

– Я решу это не раньше, чем через несколько дней.

– Ты оставишь тело там?

– Сейчас – безусловно, да. У нас нет никакой возможности поднять его наверх. Кроме того, если он там, то там могут быть и другие. А кроме тел, там могут быть ответы. Нужно оборудование совершенно другого типа и уровня, чем то, которым я оснащен. Это дело будущего.

Еще час ушел на сборы. Они свернули изорванную палатку так, что та надежно спеленала тело омара, уложили груз на платформу дрона и отправились в обратный путь. Хинта шагал впереди, предоставив Тави возможность идти рядом с Иварой. Он думал о том, как все странно устроено. Их экспедиция завершилась успешно, и в то же время это была победа, которой невозможно радоваться – они нашли клад, но вместе с древним золотом там лежали останки прежних искателей удачи. Еще Хинта думал, что их с Тави детству приходит конец. Эта мысль не была новой, она вызревала на протяжении всех последних недель, однако сейчас у нее появился новый аспект: она пропиталась вкусом смерти. Наверное, только теперь до него окончательно дошло, что Аджелика Рахна, ковчег, их разговоры, дружба с Иварой – не очередная веселая мальчишеская затея, не то же самое, что собирать фрат со скал, смотреть ламы, жить простой жизнью в Шарту. Теперь он лучше понимал страх Фирхайфа, огорчения Тави, осторожность и замкнутость Ивары. Он даже начал осознавать, что в ряде отношений оказался куда более поверхностным и глупым человеком, чем его друзья: события и правда происходили слишком быстро, слишком много всего случилось за последние несколько месяцев, и их собственные жизни уже казались изломанными, втянутыми в водоворот какой-то огромной всеобщей судьбы.

Когда они вернулись в лагерь, там царило оживление: народ ото-спался и начал готовиться к громоподобному финалу праздника, в про-цессе продолжая пить. Одна из окраинных палаток сгорела дотла – по-утру кто-то разжег у ее стены ритуальный огонь.

Обедали в столовой. Там было шумно; двери куврайма не закрыва-лись, вонь кувака пробирала до дрожи. В общих туалетах какой-то кре-стьянин с налитыми кровью глазами отмывал от рвоты внутреннюю сто-рону своей дыхательной маски.

За едой никто не чувствовал аппетита. В какой-то момент Ивара отодвинул от себя почти нетронутую тарелку.

– Я хочу поскорее уехать назад в Шарту. Прямо сейчас, не дожидаясь большого праздника. Мы можем договориться с Фирхайфом, он по-будет здесь с вами.

– Нет, – решительно сказал Тави, – я тоже хочу уехать.

Хинта обвел их тоскливым взглядом. Дома его ожидала встреча с матерью и отцом. Казалось, что отъезд эту встречу приближает. С другой стороны, после событий этого утра ему тоже было как-то особенно про-тивно смотреть на людей в лагере.

– Хинта? – спросил Тави.

– Да, я с вами. Почему-то у меня такое чувство, что вся хорошая часть праздника прошла вчера, а теперь будут гадость и беспредел. К тому же, это просто опасно, если дураки уже днем начали поджигать па-латки.

– Решено, – подытожил Ивара. – Я вызову Фирхайфа, попрошу его забрать нас на машине.

После все произошло быстро. Фирхайф оказался поблизости и подъехал через сорок минут. Еще не начало вечереть, а они уже выходи-ли из джипа у его дома в Шарту. Их поездка в старый поселок закончи-лась на сутки раньше, чем у всех остальных, но они ощущали себя таки-ми измотанными, словно провели вне дома целую жизнь.

– Как он? – спросил Фирхайф у Хинты, когда Ивара и Тави ушли в направлении административного комплекса.

– Плохо?.. Не знаю. Это слишком сложно для меня. Я не знаю, что бы я чувствовал, если бы умерли те, кто мне настолько дорог, а годы спу-стя я бы нашел их тела.

Фирхайф похлопал его по плечу.

– Можно посидеть в домике на платформе? – неожиданно для себя попросился Хинта. Старик кивнул, и они пошли вдоль пустынного перрона. Поезда не было, он сейчас разгружался далеко по ту сторону Экватора. Когда они пришли, Фирхайф поставил на плиту кастрюлю, включил экраны и сел читать новости. Хинта сидел рядом с ним, держа брата на коленях. Наконец, старик к нему повернулся.

– Ну что, лучше?

– Да, – смог улыбнуться Хинта. – Не выдавай меня моей матери, ладно? Пусть она еще сутки думает, что я на празднике.

Потом они сидели и снова молчали, пока не стало темно, и на платформу не вернулся поезд.

В начале ночи, лежа в своей постели, в доме Фирхайфа, Хинта боялся, что не сможет уснуть. Однако он уснул почти сразу. И видел сон. В этом сне брат улыбался ему из золотой колыбели. Глаза у него были прежние – большие, ясные, синие – а вот лицо стало совсем другое: нормальное, здоровое, с красивым подбородком, маленьким аккуратным ртом и обычными тонкими губами.

Глава 12

ДРУГОЕ МЕСТО БОЛИ

Проснулся Хинта абсолютно разбитым. Предыдущие два дня были огромны; он не мог припомнить, когда ему в последний раз доводилось так много ходить – ноги до сих пор гудели от усталости – видеть так много огня и воды, думать о таком количестве вещей. И никогда прежде он не чувствовал так других людей, не осознавал столь остро красоту и хрупкость моментов жизни, не испытывал такого волнения и страха перед лицом чего-то грядущего.

– Я понял, – прошептал он. – Тави влюбился в Ивару. – Неожиданно эта мысль стала необходимым выводом из всех его воспоминаний, переживаний и догадок. – Да он практически сам мне об этом сказал там, на берегу.

– Се? – тихо спросил Ашайта. Хинта повернул голову и увидел, что младший не спит – сидит на своем надувном матрасе и, отчего-то счастливый, с беззвучной грацией дирижирует в воздухе руками.

Завтракали они без Фирхайфа – тот рано отбыл на дежурство, оставив для них порцию теплой лапши. Хинта кормил брата и думал о своем странном открытии. Еще совсем недавно его взбесила бы мысль о каких-то более-чем-дружеских отношениях между Тави и Иварой. Теперь он почему-то ощущал совсем иное, вместо ярости в его душе и сердце поселилось незнакомое робкое тепло. При этом он чувствовал неясную обиду – и на себя, и на эти обстоятельства; он будто завидовал Тави из-за того, что тот опять обогнал его в каком-то важном этапе взросления. И еще он не знал, как ему теперь относиться к своим друзьям, как на них смотреть. Он не мог оценить, насколько сильными и настоящими являются чувства Тави, не мог представить, что будет дальше, что именно они теперь сделают друг для друга, друг другу или друг с другом. Кроме того, в своей невинности, Хинта не мог вообразить вместе мужчину и мальчика. Размышляя о своих друзьях, он все время сбивался. Они представлялись ему отцом и сыном, любящими, но не любовниками. Тем не менее, он довольно ясно понимал, что Тави уже ищет чего-то большего, чем просто замены своему далекому отцу.

Была у всего этого и еще одна сторона – призрак чего-то гадкого, над чем ребята постарше умели глумливо посмеяться. Впрочем, ребята постарше смеялись и над Ашайтой. Защищая младшего, Хинта привык ненавидеть подобный смех. А какой-то своей частью он всегда знал, что Тави живет на грани, а то и за гранью презрения. В этом отношении Тави и Ашайта были почти равны – одинаково исторгнуты из общества коренных ребят Шарту. Разница состояла лишь в том, что Ашайту ненавидели осознанно и продуманно. Тави тоже был ненавидим, но ненависть к нему казалась менее ясной, и оттого проявлялась реже. Чужак, буржуй, маменькин сынок – так его называли; и Хинта предчувствовал, что теперь ко всем этим словам можно будет добавить еще какие-то, более прицельные, ядовитые и оскорбительные – вроде тех, что бросил им Круна давным-давно у подножья Экватора, в день приезда Ивары.

Хинта понятия не имел, чем займет себя после завтрака. Но словно откликаясь на все его мысли, Тави сам ему позвонил. Впервые с их большой ссоры, Хинта испытал нежелание отвечать: ему хотелось отсрочить любой разговор до тех пор, пока его разум не прояснится.

– Долго ты, – сказал Тави, когда он все-таки ответил.

– Кормил Ашайту, – слукавил Хинта.

– Ты дома?

– Нет, у Фирхайфа. Мне не хотелось видеть свою семью раньше времени. Думаю, мать в середине дня пойдет забирать отца из больни-

цы. А вечером объявлюсь я. Скажу, что только вернулся с праздника. Фирхайф меня поддержит. А у тебя как?

– Ее здесь больше нет.

– Ее? Твоей мамы?

– Да. Слушай, ты ведь абсолютно свободен, раз твои родители даже не знают еще, что ты в Шарту? Тогда приходи прямо сейчас, и увидишь все сам. Это лучше, чем объяснять.

– Ты сам-то вообще в порядке? Я так понял, что она опять тебе что-то сделала.

– Да, можно сказать, что она мне что-то сделала. В порядке ли я? Сложный вопрос. Нет. Я в смешанных чувствах.

– Я приду.

– Тогда не прощаемся.

Связь оборвалась.

– Смешанные чувства, – в пустоту повторил Хинта. Эта фраза показалась ему лучшим определением его собственного состояния.

Десять минут спустя, когда они с Ашайтой уже вышли из дома, у Хинты в динамиках шлема запиликал сигнал вызова. Это снова оказался Тави.

– Можешь по дороге заглянуть в свой гараж?

– Зачем?

– За инструментами. Бери все, что взял бы для ремонта робо.

– У тебя же нет ни одного робо.

– Я хочу перекодировать замки на двери и на шлюзе. И еще кое-что, но это мы обсудим, когда ты придешь.

– Ладно.

На свою улицу Хинта входил осторожно, боясь столкнуться с матерью. Однако ему сопутствовала удача: он не встретил ни ее, ни кого-либо из соседей. Хорошо знакомый гараж показался ему опустошенным и осиротевшим, словно что-то умерло в этом месте, когда они разобрали свою лабораторию и навсегда унесли отсюда Аджелика Рахна. Мучимый странным прощальным чувством, Хинта забрал из гаража ящики с инструментами. Потеснив Ашайту, он погрузил их на Иджи и повернул к административному комплексу.

Тави был в серо-голубой кофте. Его глаза припухли от недавних слез. А его квартира, неожиданным для Хинты образом, утратила весь свой лоск. Некогда роскошная прихожая казалась грязной и разгром-

ленной, со стен исчезли украшения, опустели полки и вешалки, на которых раньше хранились многочисленные дорогие полускафандры Эрники. От мебели остались только следы на полу. Словно ураган пронесся и забрал с собой все те мелочи, которые делают место жизни уютным.

– Только тихо, – шепотом попросил Тави.

– Почему? Она что, уже вернулась?

– Нет. Но Ивара здесь. Пока ты добирался, он, кажется, снова уснул.

Хинту словно электричеством дернуло от этих слов.

– Вы...

– Он в ее комнате. Ты не видел, что с ним было вчера в конце дня – из него будто вынули все кости. Он просто не мог дойти до своей квартиры; я заставил его поехать и уложил здесь. А потом, уже ночью, я перегнал его дрон на общую парковку, чтобы тот не маячил у моего шлюза.

Хинта замер, глядя на него. Тави, наконец, почувствовал, что что-то не так.

– Ты в норме?

– Я просто думал, – медленно ответил Хинта. – Много думал о вас двоих. И о том, что ты говорил.

Теперь уже Тави странно на него посмотрел – темный взгляд из-под припухших век, какой-то новый румянец на щеках.

– Знаешь, – сказал он, – мне очень плохо. Ты останешься?

– Конечно, – удивленно ответил Хинта. – Я же пришел.

Они бесшумно оттащили тяжелые ящики с инструментами в глубину прихожей.

– А что с Иварой? – спросил Хинта. – Это из-за его болезни, или из-за его друзей?

– Не знаю. Я хотел позвать к нему врача. Но он не согласился. Он говорит, что просто ужасно устал.

– И что ты будешь делать?

– Я не знаю, что мы все, в конце концов, будем делать. Слишком многое изменилось. И есть куча вещей, которые придется решать. А решить их можно только вместе.

– А что с квартирой? И с твоей матерью? Ты сказал, Ивара в ее комнате.

– В ее пустой комнате.

Хинта вскинул на Тави непонимающий взгляд.

– Ее вещей здесь больше нет. Она почти все забрала. Вот чем они здесь с Джифом занимались, пока мы были в старом Шарту. Вывозили ее вещи.

– Подожди, – опешил Хинта, – ты хочешь сказать...

– Она уехала насовсем. Оставила меня одного. Оставила мне все необходимые документы. Теперь по статусу я – взрослый человек, а эта квартира – моя собственность. И еще она оставила мне прощальное видео-сообщение... Пойдем, покажу.

Хинта раздел Ашайту, и малыш, свободный от скафандра, закружился по коридору. Тави ловко перехватил его, чтобы тот не начал шуметь. В квартире царил полутьма. На одной из стен остался шрам – след от чего-то упавшего или сорванного; и у Хинты вдруг возникла уверенность, что Эрника уезжала отсюда в бешеной ярости: громила, швыряла, ломала, опустошала – и каждым жестом хотела подчеркнуть, что ее прежний дом теперь ей ненавистен.

– Знаешь, что странно? – сказал Тави, останавливаясь на пороге своей комнаты. – После того, как она разломала мои вещи, я жил здесь так, словно завтра уеду. Но вот уехала она. Моя комната так и не оправилась от погрома, но теперь, когда опустела вся остальная квартира, я почему-то снова чувствую, что это мой дом.

– Это ты от нее собрался перекодировать замки?

Тави кивнул, закрыл за ними дверь.

– Теперь можно говорить громче.

Хинта отпустил младшего резвиться.

– Это же безумие. Тебе двенадцать лет. Как она могла тебя бросить вот так? Я даже не знаю, хорошо это или плохо. Казалось, от нее невозможно избавиться, потому что она – твоя мать, и всегда будет рядом. Но вот теперь ее нет... – Он запнулся. Тави вместо ответа подошел к своему терминалу и повел рукой по сенсорам. На экране всплыло лицо Эрники. Она была совсем не такой, какой Хинта привык ее знать: без косметики, губы напряженно сжаты, глаза тусклые и пустые. Какое-то мгновение Тави в нерешительности смотрел на неподвижное изображение матери, потом передернул плечами и запустил воспроизведение. Женщина на экране шевельнулась, глубоко вздохнула.

– Ты требовал правды, – сказала она. – Я скажу тебе правду. Я всегда хотела сына. Есть люди, которых волнует другое. А я еще молодой девушкой знала, что хочу стать матерью, что хочу воспитывать сына.

Казалось, она что-то комкает руками.

– Много лет назад я встретила мужчину. Его звали Двада Руварта. Я сразу поняла, что мне нужен именно он. Не могу вспомнить, любила ли его. Но точно помню, что он меня восхищал. Он стал моим мужем. У нас появился сын. Такой, какого я хотела. И все было очень хорошо. Сын

рос. Мы с мужем почти всегда могли уладить вместе любой вопрос. Мы были хорошей семьей, крепкой.

Она облизнула губы, ее лицо дрогнуло.

– Потом случилась беда. Поезд в директории Мелорра сошел с рельсов. Мои муж и сын погибли.

Раздался хруст – она что-то медленно рвала, но ее руки были за кадром.

– И тогда у меня появился ты. Хочешь знать, был ли он твоим отцом? Нет. У тебя нет отца. Хочешь знать, настоящая ли я тебе мать? Нет. У тебя нет матери. Я не помню те дни, не помню, кто тебя принес, кто тебя мне дал. Ты – дитя горя. Я ласкала тебя, оплакивая своего настоящего сына, своего настоящего мужа.

Она подняла руки и рассыпала обрывки бумаги. Те закружились в кадре, и Хинта понял, что это были клочки свидетельства о рождении Тави.

– Она... – начал он. Тави предупреждающим жестом заставил его умолкнуть. Даже Ашайта притих – женщина на экране была ему неинтересна, но он смотрел не на нее, а на лица старших мальчиков.

– Знаешь, что случилось потом? – наклоняясь ближе к камере, прошептала Эрника. – Потом я сошла с ума. Мне стало казаться, что ты и есть он, что ты и есть они оба. Мой маленький муж, мой маленький сын. Я была очень счастлива. Я тебя любила. Но ты не они – ты наваждение. – Она вдруг усмехнулась. – Ты высасывал это из меня. Ты был моим призраком, мечтой. Ты – вор, укравший мою жизнь. Ради тебя мне пришлось бросить все, уехать на юг, в эту проклятую глушь, потому что в Литтаплампе твои документы не сходились.

Она замерла, глядя прямо в камеру.

– Лишь раз я отвлеклась, лишь раз посмотрела на другого мужчину. И ты рассеялся! Ты перестал быть моим, перестал делать меня счастливой. Ты стал злым. И я вижу теперь, что такова и была твоя природа все эти годы, страшный обманщик. Ты питался всем, что я есть. Хватит. У меня будет настоящий сын. У меня снова будет муж. Не ты. Я вырастила тебя, но так тебя и не узнала, так и не поняла, что ты такое. Чем бы ты ни был, убирайся из моей жизни. Будь один. Хватит преследовать меня, вторгаться в мой мир, разрушать мои планы, пить мою кровь, воровать мои мечты и мысли. Довольно кормить меня сказками. Пора закончится этому сну, пора мне оплакать умерших и забыть о тебе.

Тави медленно отступил от терминала.

– Не смей звать меня. Не задавай мне больше вопросов. У меня нет ответов, кроме тех, которые я даю тебе сейчас. Ты отверг мое последнее

предложение, мой последний подарок. Ты не хочешь жить в доме моего мужа. И, пожалуй, ты прав – тебе там не место. Ты не меняешься, не взрослеешь, должно быть, ты и не можешь взрослеть. В тебе лишь мои слезы, мои собственные детские мечты. Но я так не могу. Мне нужен живой сын, который однажды вырастет в мужчину. Мне нужен кто-то, кто без меня будет сам собой, а не моей обузой. Значит, конец нашим отношениям.

Женщина протянула руку и на мгновение замерла.

– Прощай, мой не-сын.

Экран стал темным. Хинта со свистом перевел дух. А Ашайта неожиданно подбежал к Тави и крепко его обнял. Тот, насколько позволяла разница в росте, ответил ему тем же.

– Спасибо, спасибо, – растроганно произнес он. Некоторое время они все молчали, потом Тави поднял взгляд на Хинту. – Я не знал, что он будет так меня жалеть. Если бы знал, не стал бы...

Перед внутренним взором Хинты почему-то вдруг возник спортзал – как они с Тави стояли тогда, сцепившись, и говорили друг другу плохие слова. Хинта не осознавал тогда, что его брат тоже любит Тави – какой-то своей, бессловесной, созерцательной любовью – не осознавал, что их ссора причиняет вред не только им двоим, но и Ашайте.

– Мне очень жаль, – глухо сказал он.

– Да. Я чего угодно от нее ждал, но только не... – Тави подкатил себе кресло, рухнул в него, а Ашайта забрался к нему на колени. – Ну, что думаешь?

– Не понимаю. Она что, все-таки сошла с ума?

– Она оставила мне копию свидетельства о смерти. – Тави странно улыбнулся. – О моей смерти.

Хинта дико на него посмотрел.

– Бред, – отверг он.

– Документы в ее бывшей комнате. Когда Ивара проснется, я их тебе покажу.

– А он их видел?

Тави кивнул.

– И что сказал?

– Что они настоящие. Либо, как он предположил, это подделка наивысшего качества.

– Не понимаю.

– Я тоже. Ведь когда мы были в больнице, я проверял свои гены. Тогда цель была другая – узнать, является ли Ивара моим отцом. Но заодно я выяснил, что я – сын своей матери. Я не кто-то ей чужой. Насчет

своего официального отца я не могу быть настолько уверен – его данных нет в базе местной больницы. Но моя мать там есть. Я ее ребенок.

– Неужели она все это делает, чтобы над тобой поиздеваться?

– Слишком сложно. Хотя, если ее цель в этом, у нее получилось. Но я в это не верю. Скорее уж кто-то поиздевался над ней. Кто-то очень давно убедил ее, что я погиб. Понятия не имею, как такое можно было сделать. Но, видимо, с ней это сделали.

– Но зачем?

– Не знаю. Все это было слишком давно. Я тогда был совсем маленьким. Все это осталось по ту сторону Экватора, в каком-то другом мире.

– И что ты предпримешь?

– С мамой – пока ничего. Как бы то ни было, я ее потерял. Пусть будет счастлива, если сможет. Пусть растет ее новый сын. Годы спустя, если нам всем повезет, я поговорю с ней еще раз. Тогда, возможно, нам обоим будет уже спокойнее, возможно, мы даже вспомним все те теплые чувства, которые сейчас куда-то ушли. – Тави опустил голову, прижался щекой к макушке Ашайты.

– Почему-то в последнее время все вокруг нас такое странное, – сказал Хинта. – История Ивары казалась мне самым невероятным, что можно услышать в жизни. Но теперь ты... мой друг... мы годы вместе... и оказывается, у тебя тоже есть странная тайна.

– Наконец-то ты заметил, как все сдвинулось.

– Ты пытался сказать мне, что любишь Ивару? – Хинта сам не понял, как этот вопрос сорвался с его губ, и испугался наступившей тишины. Тави несколько мгновений смотрел прямо перед собой.

– Ивара меня не любит.

– Ну... он же... – «Он же добр к нам», хотел сказать Хинта. Но эти слова были слишком неопределенными, и он почувствовал, что их будет мало, или хуже, что они будут почти оскорблением.

– Ничего не будет, – сказал Тави. – Так он сам мне сказал сегодня утром. Я сейчас себя ненавижу.

– За что?

– За глупость. За то, что хотел слишком многого, а в результате стал просто частью этой воронки разрушения, в которую уносит наши жизни.

– А я? А наше дело? С ним ведь все в порядке?

– Да, оно – все, что осталось. И ты – мой друг. И Ашайта тоже мой друг.

– И Ивара тоже твой друг, – напомнил Хинта.

Тави спустил Ашайту вниз, на пол, и начал дрожащими пальцами растирать лицо.

– Я знаю, – уже более спокойно произнес он, – знаю, что Ивара прав. Это в каком-то смысле справедливо. Я не могу его винить. Вот мать я винить могу – а его нет. Хинта, ты заметил, что Ивара никогда не давал нам повода, чтобы мы вели себя так, как ведем? Он ничего не обещал. Он лишь предостерегал – все время так было. Лишь отговаривал. Он советовал нам отойти сотни раз, в каждом из разговоров – он хотел, чтобы мы были дальше от него и от того, что он делает.

– Он мог нам не открываться, – сказал Хинта. – Он же сильный.

– Он очень слабый. Физически и не только.

– Как так получается, что мы говорим о нем прямо противоположные вещи? Это же один человек, и мы оба хорошо его знаем.

Тави качнул головой.

– Потому что мы обращаем внимание на прямо противоположные вещи? Для тебя важнее опыт, возраст, статус, деньги, бытовое благополучие. Ты видишь, как Ивара держится, как он ставит себя выше тех проблем, которыми заняты обычные жители Шарту, и тебе кажется, что раз он так может, значит, он сильнее всех остальных.

Хинта хмыкнул.

– Но на самом деле все не так. Он не ставит себя выше чьих-то проблем или выше жителей Шарту. Он просто вне. И это потому, что у него много своих, совершенно особенных проблем. У него особенная болезнь, особенное горе, его жизнь полна особенных трудностей. У него куда больше слабостей и уязвимых мест, чем у любого другого взрослого мужчины, живущего в этом поселке. Он человек, которому нужен постоянный присмотр. Ему бы в университете с книгами сидеть. Но у него не получилось жить так, как он мечтал. Ужасные обстоятельства вынудили его на одинокое безумное путешествие в наш далекий и дикий край. Любое дело дается ему с трудом. Даже говорить с нами ему тяжело. Он держится одной лишь волей. Но воля не делает человека менее ранимым. Она просто позволяет двигаться вперед – даже тогда, когда ран уже слишком много. А людям иногда надо ломаться. Прости, но вот твой отец – он такой. У него мало воли, и он быстро сдается. Ему плохо – он начинает пить, халтурить, безумствовать. Но он может себе это позволить. У него всегда есть время, которое он может потратить впустую, всегда есть путь для отступления и побега. Люди вокруг и сам местный уклад страхуют его.

– Да, – кивнул Хинта. – Наверное, какой-то своей частью я всегда это понимал. Вот почему я так разозлился, когда отец взял деньги у Ивары.

– Тогда ты видишь, что Ивара не мог выбирать. На самом деле он никуда нас не ведет и ничего от нас не хочет. Это мы пристали к нему и стали помогать. А он не может нас оттолкнуть. Потому что он страшно одинок, болен и слаб. И я ненавижу себя за то, что полез к нему. Потому что, если бы я добился своего, это было бы против справедливости. Это был бы нечистый союз. Я бы просто воспользовался его ужасным положением.

Хинта придвинул второе кресло, сел напротив.

– Знаешь, все это сложно. Вы двое – слишком сложные. Для меня, так точно. Это не значит, что я хочу чего-то другого, кого-то другого. Просто я хочу, чтобы все, наконец, стало хорошо. Хотя для этого, наверное, слишком поздно. Но иногда я совсем не могу понять тебя, или его, или вас обоих.

– Все ты понимаешь.

– Нет, не понимаю. Даже сейчас... Ты говоришь, мы для него обуза. Тогда почему мы здесь? Разве из этого не следует, что мы должны уйти?

– Поздно, – просто сказал Тави. Они замолчали. Ашайта, дирижируя руками, ходил вокруг; иногда он словно гладил старших мальчиков по голове, спине и плечам – но не касался, а обводил руками. Хинта угрюмо ссутулился, в глубине души понимая, что Тави прав: здесь, там, везде. А сам Тави вдруг поднялся, пересек комнату, остановился перед барельефом двуликого Джилайси, протянул руку и кончиками пальцев коснулся щеки своего кумира. Хинту потрясла нежность этого жеста.

– Ты чего?

– Просто я все чаще думаю о нем. Весь его путь – кровь и боль, битвы и потери, жизнь вне дома, страны, иногда без имени. Но, кажется, он не знал самой разрушительной человеческой эмоции – этого чувства горечи, направленного вовнутрь. И сейчас я больше, чем когда-либо, хочу быть таким, как он. – Тави повернулся к Хинте. – Ты сказал, мы с Иварой слишком сложные? А я думаю, мы простые. Все мои чувства мне понятны. У меня внутри светло и ясно, словно я огонь проглотил. Никакого тумана. Только эта ясность жжет ужасно. Когда мне стыдно – я знаю, почему. Когда мне больно, я знаю, отчего. Когда люблю – знаю, как и за что. И Ивара – он такой же. В этом ужас. Наши души как прямые дороги. Они не переменчивы. И мне не изменить его чувств, его решений. Так же, как не изменить своих.

– А я, наверное, темный внутри.

Тави слабо улыбнулся.

– Ты хороший друг. Спасибо. Мне уже чуточку легче. А было совсем плохо.

Хинта упрямо помотал головой, словно отказываясь признавать все происходящее.

– Замки, – вспомнил он. – Я так и не понял, зачем ты решил все перекодировать. Думаешь, мама вернется?

– Нет.

– Ну и?

– Ради нашего дела, – уже с совсем другим лицом объяснил Тави. – Твой отец выходит из больницы. Значит, твой гараж нам больше не послужит. Но мы не закончили с Аджелика. Кроме того, у нас теперь есть еще и омар, которым тоже надо заняться. Могут появиться и новые наводки. Я решил, что из моей квартиры получится отличная лаборатория. Квартира Ивары не подходит, потому что она все еще собственность Шарту, и нас заметят, если мы станем туда слишком часто ходить. А моя квартира теперь полностью принадлежит мне, и никому нет дела до моих гостей. Думаю, мама сюда больше никогда не придет, но если мы согласимся устроить здесь новую лабораторию, одной уверенности мало; нужна стопроцентная гарантия, что эту дверь сможет открыть лишь один из нас.

– Разумно. А Ивара согласен?

– Да.

– Тогда пойдем. Я с ума сойду, если не займусь делом. Не волнуйся, я не потревожу его сон. Перекодировать замки можно без особого шума.

– Уверен? А твой брат?

– Отведи его на кухню, угости. Справишься?

– Он почти моя семья.

От этих слов Хинта почувствовал себя странно. Ему показалось, что он чувствует пульс – словно энергия Экватора все еще была в них, между ними, в их сердцах, нервах. А, может, это и была любовь – та, о которой говорил Тави, и о которой он сам, Хинта, не умел думать и говорить.

Уже заканчивая перекодировку автоматики шлюза, Хинта услышал за спиной какой-то звук. Он обернулся и вздрогнул: в полутора метрах от него, держась за стену, стоял Ивара. Его лицо выглядело изможденным: улыбка стала призрачной, скулы осунулись, лоб, словно гладкая кость, белел в полутьме прихожей.

- Давно ты там?
- Только подошел. Я спал.
- Знаю. Тави просил меня не шуметь.
- Оберегал мой сон?
- Да. – У Хинты неожиданно возникла уверенность, что Ивара пытался сбежать – тайком уйти прочь из квартиры Тави и подняться к себе.
- Уже день, да? Середина дня, наверное.
- Я бы сказал, еще утро. Я здесь только час. Тави пригласил меня ради замков. Ну и рассказал про свою мать.
- Да, дикая история. А он где?
- На кухне, с Ашайтой.
- Пойду, поприветствую его

Ивара двигался с трудом и все время касался рукой стены, словно боясь упасть. Глядя ему вслед, Хинта ощутил досаду на самого себя – за то, что спорил с Тави о силе этого человека. Ивара не был ни сильным, ни слабым, ни простым, ни сложным. Его личность ускользала от банальных определений, к ней не подходили все те слова, которыми Хинта раньше умел характеризовать других людей. Хинте казалось, что он может понять Ивару. Но вот сказать о нем Хинта не мог.

Люди менялись, взрослели, старели, учились, принимали решения, испытывали чувства. Все это можно было сказать и про Ивару. Но в то же время тот как будто не проходил всех этих жизненных циклов; Хинта не находил в нем каких-то простых важных следов, какие этот путь оставляет в человеке, и не находил слов, чтобы описать ту вещь, которой не хватает в Иваре. У всех вокруг эта вещь была. В себе Хинта ее чувствовал – она была как основа его самого. Именно там, в этом лишенном названия центре, рождались его разочарование, злоба и зависть, скапливались шрамы от всех обид, вся шелуха и грязь. Эта вещь была чем-то самым сокровенным и одновременно самым наружным, избитым и изгвазданным, словно рабочая часть грубого инструмента или подошва старого скафандра. И хотя эта вещь была неприятной, Хинта ощущал, что без нее почти нельзя существовать. Она была как якорь – из нее слагался характер, она привязывала тебя к твоему месту в мире, благодаря ей делалось понятно, кто и что ты есть. Почти все слова, которые люди говорили друг о друге и друг другу, на самом деле были обращены именно к этому ядру, и если его убрать, то банальный язык откажет, и не найдется привычных выражений, чтобы описать такого человека. Вот и Тави, кажется, имел в виду нечто подобное, когда говорил о чувстве горечи, направленном внутрь, об эмоциях, которые были практически у всех, но которых не было у Джилайси Аргниры.

Хинта вспомнил первый день учебного года, когда он случайно подслушал, как Лартрида Гарай кричала на Ивару. Директорше новый учитель казался жалким и отвратительным лжецом. Отец Хинты взял у Ивары денег – вероятно, потому, что счел чужака богатым, добрым и глупым. Мать Тави пыталась сделать Ивару пешкой в своей войне против сына. Фирхайф с трудом научился Иваре доверять. Сам Хинта сначала невзлюбил Ивару, а потом долгое время испытывал по отношению к нему что-то вроде страха. Все думали об этом человеке разное, и почти все – плохо: одни пытались его использовать, другие просто отвергали. И теперь Хинта начал верить, что причиной такого отношения было отсутствие внутри Ивары этого тяжелого и грязного центра. Почти все, кто встречался с ним, словно бы испытывали фантомную боль, когда не находили в нем то, что искали, эту вещь, которую они привыкли сразу замечать в каждом своем знакомом. И только Тави Ивару сразу полюбил. Но ведь Тави тоже был особенным; он единственный из всех их сверстников избрал своим героем Джилайси. И он словно специально искал именно таких людей – тех, у кого нет гадкого сгустка внутри, кто как-то иначе переживает боль, где-то в другом месте носит свои внутренние раны. Тави знал про это другое место боли, про саму другую боль. Именно поэтому он мог видеть настоящего Ивару, единственный мог сопереживать ему. И Хинта решил, что больше не станет оспаривать мнение Тави насчет Ивары. Только Тави имел право об Иваре судить, потому что только у Тави – случайно или нет – был подходящий ключ. А, может, Тави и сам был как Ивара – тоже не держал в себе этот горький сгусток тьмы, тоже куда-то еще избывал свою боль.

Захваченный мыслями, Хинта чуть было не наделал ошибок в коде замка, но сумел сосредоточиться и удачно закончил работу. Потом он пошел искать Тави и Ивару. Они были в бывшей комнате Эрники.

– ...мой друг Кири интересовался этим. У него было много теорий, включая очень нестандартные. Он даже предполагал, что Аджелика Рахна могли улететь с Земли, чтобы построить ковчег в космосе, в условиях микрогравитации.

– Но тогда на Земле все равно должны быть челноки, чтобы долететь до этой космической станции! Множество челноков, иначе они не смогут унести всех.

– Да. Или какой-то центр связи, чтобы заставить ковчег спуститься вниз и забрать людей. Может быть, мы видели на дне тысячную часть инфраструктуры, связанной со всем этим. Может быть, мы повсюду встречаем эту инфраструктуру, но не понимаем ее назначения и проходим мимо.

– Не очень верю, что люди могли бы совсем ничего не понимать, встречая подобную инфраструктуру повсюду. А кроме того, есть еще и социальная проблема. Как дать всему населению Земли достаточно мотиваций и гарантий, чтобы все люди поднялись на эти корабли? Неужели ты не чувствуешь, что здесь что-то не так? Ведь все это распадается, стоит задать лишь несколько вопросов...

Хинта остановился на пороге. Когда-то здесь была богатая и уютная обстановка – мебель с декором, как в ламах, роскошный многоэкранный терминал в полстены, ковры, зеркала, женские побрякушки; в воздухе носился тонкий аромат духов – в Шарту такими никто не пользовался, и какое-то время маленький Хинта думал, что так пахнет сам Литтапламп. Теперь комната совершенно преобразилась. Из мебели остались лишь постель – без балдахина и белья, с одной-единственной подушкой, которую Тави, очевидно, принес для Ивары – и шкаф, выглядевший так, словно его били молотом. От барельефов и светильников остались только подобные ранам следы на стенах и потолке, а где раньше стоял терминал, лежали останки омара, и на смену аромату духов пришли запахи пыли и сырой земли.

– Чувствую ли я подвох? – переспросил Ивара. – Я почти всегда его чувствую, почти в каждой истории, которую знаю. Но, друг мой, это всего лишь легенда. Я всегда относился к ней, как к легенде. Я никогда не считал, что она будет правдива хоть наполовину. Я просто с нее начал.

Он утомленно присел с края постели. Тави стоял у окна. Казалось, между ними тянутся струны невидимого напряжения. Чуть поодаль, вдоволь пользуясь простором пустой комнаты, кружился Ашайта.

– Я закончил, – переступая порог, сообщил Хинта. – Еще сутки дверь и шлюз будут открываться старым кодом, а потом перейдут в новый режим. За это время надо изготовить соответствующий цифровой ключ.

– Спасибо, – поблагодарил его Ивара. – Это я сказал Тави, чтобы он попросил тебя принести инструменты...

– Да, знаю. Эрника...

– Дело не только в этом. Как видишь, омар здесь. Я хочу, чтобы он рассказал нам свою историю.

Хинта неуверенно повел плечами.

– Криминальная экспертиза?

– Такая экспертиза необходима, и она будет. Но все сложнее. С той самой минуты, как мы увидели тела на дне, я знал, что впереди нас ждет несколько этапов огласки. Эти этапы я продумал за прошедшую ночь, и

все они не случайны. Сначала я свяжусь с оставшимися у меня знакомыми из университета Кафтала. Это необходимо, чтобы гарантировать сохранность обнаруженных нами научных данных. Потом я свяжусь с родными моих погибших друзей. Простые дети в Дадра не учились; все мои друзья происходили из среды богачей, политиков и аристократов. Их семьи обладают большим влиянием. С их помощью я попробую заново открыть для себя некоторые пути и возможности. Я надеюсь, что, пока эти люди будут во мне заинтересованы, они не дадут меня в обиду другим представителям власти. Этот момент я использую, чтобы связаться со средствами массовой информации Литтаплампа. Если у меня все получится, то о наших открытиях за несколько дней узнает каждый обитатель ойкумены. И тогда сюда приедут все: команды водолазов и криминальных экспертов, историки и мастера золотого уровня, археологи и инженеры, журналисты и авантюристы. И когда они все сюда приедут, может оказаться так, что меня отодвинут в сторону. Наше дело превратится в огромный проект, которым будут заниматься совсем другие люди.

– Это было бы несправедливо, – сказал Хинта.

– Нет, это положительное событие. Более того, это самый лучший из возможных сценариев. Другие варианты намного хуже.

– Почему?

– Только тогда наше открытие начнет жить. Вся ойкумена узнает об Аджелика Рахна и об артефактах на дне океана. Смерть моих друзей перестанет быть напрасной...

– ...А ты сам обрешь заслуженную славу, и, наверное, получишь возможность уехать обратно в Литтапламп, – добавил Тави. На последних словах его голос дрогнул. Ивара это заметил.

– Жизнь нашего открытия и появление новых исследовательских ресурсов – это единственные положительные моменты огласки. Я бы никогда не назвал смерть моих друзей бессмысленной, но и оправданной я бы ее тоже не назвал. Возвращение тел родственникам – просто дело долга. Но потерянные годы не будут возвращены, а за славой я никогда не гнался. Я уже сказал тебе сегодня утром, что не знаю, какой станет моя жизнь после. Это не отговорка; я не вижу свое будущее, не могу представить, чем смогу занять разум и руки. Что же касается плохих вариантов, тех, что не предполагают огласки... Надо понимать, что все может сорваться. Ойкуменой правит элита. Это всего несколько сот человек. Десяток из них меня поддержат, и то лишь на полпути. Все же остальные от начала и до конца будут против меня. Все они очень неплохо живут. Их устраивает, что человеческий мир сузился, стал закрытым.

Именно таким маленьким миром они привыкли править. Они это умеют, им это удобно. А наш научный проект – это попытка шагнуть далеко за границы привычного и дозволенного. Ковчег во все века был символом некой неясной надежды. Властям ойкумены очень не понравится, что о нем снова кто-то стал говорить.

– И для этого нужны все этапы предосторожностей, – понял Хинта, – чтобы открытое нами сохранилось хотя бы у кого-то.

– Да. Но все будет очень сложно. Главным образом, я рассчитываю на эффект неожиданности; надо, чтобы некоторые влиятельные люди помогли мне до того, как они осознают масштабы нашего открытия и предугадают мои дальнейшие планы. На каждом этапе этого пути у меня будут появляться новые друзья и новые враги. И те, и другие будут чего-то от меня хотеть. Все они будут опасны и попытаются в своих интересах исказить истину. Но как бы хорошо или плохо все ни обернулось, огласка будет означать огромные перемены. И в любом случае, она сделает невозможным продолжение нашей работы в ее нынешней форме. Поэтому я хочу отложить момент огласки на несколько дней, или даже недель, а если повезет – месяцев. До того, как я отдам все нами найденное человечеству, я хочу как можно больше узнать сам. Чтобы иметь потом при себе свою правду.

– Понятно. А я надеялся, мы устроим подводную экспедицию.

– Нет, Хинта. Я не стану обращаться с телами мертвых людей так же, как обошелся с телом этого омара, не стану заворачивать их в рухлядь и вывозить на дроне. Погружение под воду должны производить профессионалы, которые сделают все аккуратно. К тому же, после извлечения тела могут быть опасны. Их придется переместить в специальную лабораторию. А потом, в присутствии родственников, их предадут льду и огню. Это будет большое дело. Оно займет много времени и ресурсов, и в нем будут участвовать десятки людей. Вопрос сейчас в том, какие вещи мы действительно можем сделать сами, своими силами? Погружение под воду, криминальная экспертиза – все это за пределами наших возможностей. Но омар – у нас, и кое-что мы действительно можем попытаться с ним сделать. Я предлагаю заставить его поделиться с нами информацией о том, что происходило в ту ночь. При жизни омар был киборгом. Время и тендра-газ превратили его плоть в прах, но его электро-механическое нутро уцелело. И я подумал, почему бы нам не поработать с ним так же, как мы работали с Аджелика Рахна, так же, как ты работал с любым другим робо?

– Оживить его? – шокированно спросил Хинта.

– Если бы это было возможно, я бы спросил с него за убийство моих друзей. Но нет. К сожалению, жизни в нем уже никогда не будет.

Хинта сглотнул. Учитель по-своему понял его выражение лица.

– Это будет грязное дело. Весь металл в окислах. Детали воняют. В некоторых углублениях еще осталась гниющая плоть. Поэтому я пойму, если ты откажешься. Тави чуть не стошнило, когда он вчера попробовал просто разложить тело. А тебе придется лезть внутрь.

Хинта переглянулся с Тави. Он знал, что они оба помнят одно и то же. Ивара не был на том гумпрайме, где толпа избивала труп омара, не гулял потом с ними, когда они случайно увидели тот же самый труп, окончательно изувеченный и подвешенный на крюках: жалкое и отвратительное зрелище поправленной смерти. Жители Шарту потрошили своих врагов из чистой ненависти. Хинта знал, что Ивара другой, но ему все равно сделалось не по себе.

– Нет, дело не в гнили... – медленно произнес он.

– ...а в том, чтобы не быть как те, для кого их тела – трофеей, – закончил за него Тави, – или повод заняться некросадиизмом.

– Да, – горячо подтвердил Хинта. Он подумал, что это как с Вечным Компасом. Любой мальчик в Шарту мечтал бы иметь такой компас. Но Тави его отдал. Любой мальчик в Шарту мечтал бы, чтобы его родители уехали, и чтобы в их пустой комнате лежали старые останки загадочного омара. Но Тави вовсе не был рад. И Хинта ощущал, что на этот раз полностью единоклубен с ним. Он не знал, как ему подступиться к этому телу. Он не боялся запачкать руки; ему казалось, что, копаясь в мертвом монстре, он может испачкать саму свою душу.

– Это вопрос намерений, – ответил Ивара. – Каждый день мы берем в руки вещи, которыми можно кого-то ранить, говорим слова, которыми можно кого-то обидеть. Разве это делает нас злодеями? Нет. Только если мы не начнем специально направлять нашу волю, слова и дела во зло. Ты ненавидишь этого омара?

– Думаю, что в определенной мере, да, – осторожно сказал Хинта.

– Джифой бы сейчас не колебался. В этом разница между ним и тобой, и этой разницы достаточно. Того, что ты не хочешь показаться самому себе одним из тех, кто глумится над телами омаров, уже достаточно, чтобы ты не был одним из них. Понимаешь?

Хинта с облегчением кивнул.

– Еще у меня есть чисто технические сомнения, – сказал он. – Вначале я задал глупый вопрос; на самом деле я прекрасно знаю, что омар уже никогда не будет живым. У него была биологическая нервная систе-

ма, но от нее ничего не осталось. Значит, ты хочешь активировать какую-то периферию?

– Да.

– Но какую? Там же только сервоприводы и пушки... Где и зачем в этой системе могла бы сохраниться нужная нам память, если центром системы был живой мозг?

– Оружие нужно наводить на цель. Люди пользуются оптикой. Но у омаров на руках прицелов нет. Как же они попадают? Как ведут бой? Если верить Фирхайфу, стрелок, убивший моего друга Эдру, затем чуть не попал в самого Фирхайфа. Значит, он действовал, как снайпер, вел огонь с большого расстояния, целился... Я думаю, что у омаров в теле должен быть какой-то центр координации всей зрительной и двигательной информации. Поэтому им не нужно целиться, как это делают люди – они всегда смотрят на мир сквозь прицел, все необходимое для наводки оборудования находится прямо у них в голове. Солдат тоже видит поле боя через прицел – у боевых скафандров есть прозрачные экраны прямо внутри шлемов. А у омаров, как я полагаю, эта информация может вводиться прямо в зрительный нерв. А также, возможно, сохраняться, пускай и частично, в их координационном центре. Если это так, тогда из каждого омара можно достать последние несколько минут его жизни.

– Значит, я разберу его, – решил Хинта. – А если нам не повезет, то мы быстро поймем, что памяти там нет, и займемся чем-то другим.

– Да. Заставь его заговорить. Я должен знать, как умерли мои друзья.

Хинта хотел бы что-то обещать в ответ, но так и не смог найти подходящих слов. Молчаливо, озадаченно, он несколько раз обошел вокруг останков, а потом они с Тави отправились в прихожую, чтобы принести оттуда ящики с инструментами.

За следующий час комната Эрники пережила очередное преобразование. Опрокинув полуразбитый шкаф, Тави и Хинта превратили его плоскую заднюю стенку в подобие стола, на которое водрузили основную часть тела омара. Затем Тави принес дополнительные стулья, а Хинта подтянул к импровизированному рабочему месту кабели силовой электросети и засветил от них несколько ярких ламп. Ящики с инструментами были раскрыты и разложены в несколько рядов. Постель переместилась – ее придвинули ближе, чтобы ослабший Ивара мог лежать наблюдать за процессом.

– Ну вот, – довольно произнес Хинта, когда все было закончено, – теперь здесь почти как в моем гараже. – Он окинул взглядом останки омара. Тело было развернуто лицом вниз, безвольно болтались сломан-

ные штыри антенн. У этого монстра, как и у многих ему подобных, на спине было нечто вроде ранца, и, возможно, именно там, под одним из лючков, мог находиться тот цифровой интеллектуальный центр, существование которого предсказывал Ивара.

– Мне кажется, мама из вредности не стала бы уезжать, – сказал Тави, – если бы знала, как быстро я найду новое применение для ее комнаты.

Они рассмеялись впервые за это утро, и Хинта ощутил, как все неумовимо изменилось, как ослабла нить напряжения между его друзьями. Ивара со вздохом растянулся на постели, Тави перестал выглядеть, как человек, проплакавший всю ночь, и даже Ашайта закружился с какой-то новой энергией.

Опьяненный вновь обретенной легкостью, Хинта выбрал подходящее лезвие, склонился над омаром и начал вычищать сухую окаменевшую грязь из креплений на лючках ранца. В первые минуты он почти не думал о том, что у него под руками, даже перестал осознавать, что все это когда-то было телом другого существа. Он видел перед собой лишь металл: крепления, крышки, ржавчину, въевшийся песок. Ивара был прав, с остовом мертвой твари можно было управляться точь-в-точь как с обыкновенными робо. Начальный этап работы не требовал особых умений, так что вскоре Тави тоже взялся за дело, скоблил и чистил вместе с Хинтой.

– Значит, скоро вся ойкумена узнает про Аджелика Рахна и про другие вещи, о которых мы говорим каждый день... – вернулся Хинта.

– Да, – сказал Ивара. – Я ученый. Когда я не прячусь на окраинах ойкумены от своего всевластного брата, я пишу книги и читаю лекции, то есть, веду публичную жизнь и во всеуслышание высказываю свои мысли. Я думал, что моя экспедиция в Шарту займет годы, рассчитывал заниматься этим до конца своих дней. Но, похоже, я ошибся. Даже странно это говорить, но смысл моей работы в том, чтобы не быть одиноким. Если общество не узнает о моих открытиях или не отреагирует на них – значит, я зря старался. Поэтому огласка будет необходимым завершением всего, чем мы тут занимались.

– Мне трудно представить, какова будет наша с Тави роль в событиях после огласки.

– Если вы и ваши родители дадите на это свое согласие, то ваши имена прозвучат, и я буду стараться, чтобы вас справедливо запомнили в

качестве моих помощников. Если все пойдет хорошо, то для вас двоих откроются некоторые пути – в Литтапламп. Но это сложный вопрос. Я боюсь загадывать так далеко.

– В университет Кафтала, – неожиданно сказал Тави. – Сможем мы туда поступить? Учиться там, где учился ты?

Хинту этот поворот ошеломил. До сих пор мечта о Литтаплампе казалась ему столь же призрачной, как мечта о походе в Акиджайс или полете на Луну. Он помнил, как несколько месяцев назад Тави говорил о том, что звездный ветер открывает все двери, преодолевает все границы, облегчает странствие не только через миры, но и внутри миров. Тогда Хинта отнесся к этим словам скептически. Но внезапно выяснилось, что Тави все это время был прав в своей смелости. И теперь, ломая последний психологический барьер, он делал свою мечту конкретной. Он уже не просто хотел перебраться через стену Экватора, он думал о том, как сможет учиться и жить под куполом директории Кафтал.

– Не знаю, – сказал Ивара, – и ты знаешь, что я не знаю. Ты еще школьник. Чтобы ты смог поступить в университет, надо будет пережить годы, сделать много дел. Кроме того, как я уже сказал, нам станут противодействовать очень могущественные люди.

– Но за нас будут родители твоих друзей.

Ивара качнул головой.

– Трудно предсказать, как они себя поведут. Даже если они помогут, союз с ними будет совсем недолгим. Их единственный интерес состоит в том, чтобы вернуть тела своих детей. Когда тела окажутся у них, я стану не нужен.

– А благодарность? – удивился Хинта.

– Благодарность? Я не говорил об этом, но многие из родственников моих друзей меня ненавидят. Они до сих пор винят меня в том, что я сбил их сыновей с правильного пути. Кое-кто в лицо называл меня убийцей. Вернуть тела – мой долг, но спасибо в ответ я не услышу. Для них я ренегат, бунтарь без прошлого и будущего, шарлатан, безумец, совратитель, сектант. И уже сейчас я знаю, что когда попрошу от них ответных услуг, они назовут это грязным вымогательством.

– Кто называл тебя убийцей? – спросил Тави.

– Родители Амики, – словно бы через силу ответил Ивара. В комнате воцарилась тишина, которую нарушал лишь звук мерного постукивания металла о металл – это Хинта отложил лезвие и взялся за зубило, чтобы выбить слежавшуюся ржавчину из самых глубоких и неудобных щелей стального скелета. Продолжая работать, он некоторое время размышлял о несправедливости. Родители Амики были несправедливы, и

мать Тави, и директриса Гарай. Несправедливость была ложью, направленной против самой очевидности, прозрачной, тривиальной, скучной, почти всегда связанной с худшими человеческими чувствами и качествами. Из-за этого о ней невозможно было долго говорить, ее содержание исчерпывалось несколькими словами. Она вызывала возмущение, но уже очень скоро на смену возмущению приходила немота.

Наконец, Хинта зачистил последнее крепление, отжал его, и крышка лючка слетела; из-под нее, словно кишки из раны, полезли провода и трубки, а вместе с ними выплеснулись миазмы трупной вони. Тави закашлялся. Ашайта остановился и зажал рот и лицо обеими руками.

– Что-то удалось? – спросил Ивара.

– Ну, внутрь мы попали, – бледным голосом отозвался Хинта.

Тави поспешил к пульту управления комнатой, чтобы включить повышенную вентиляцию, но от страшного запаха поздно было бежать. Цепenea от отвращения, Хинта заново осознал, что на протяжении последнего часа прикасался вовсе не к робо, а к останкам живого существа. Его передернуло, потом он сгибом локтя отер лицо, будто хотел убрать что-то невидимое со своей кожи, этот смрад смерти, который налип на нее сальной влагой, проник в ноздри и легкие. Но вот, плавно разгоняясь, зашумели турбины вытяжки, внутрь помещения хлынул поток свежего, пахнущего озоном воздуха, и дышать стало чуточку легче.

– Как странно... – подумал вслух Хинта. – Два не-человека, и я проник внутрь обоих. Один – воплощение красоты. Другой – воплощение ужаса. И в обоих случаях я словно чувствую боль, когда смотрю на их поломки. При этом омара я все равно ненавижу, и убил бы его, если бы он угрожал кому-то из людей. Но я уже не могу не думать о нем. Именно сейчас до меня вдруг дошло, что он ходил, переваривал, гонял кровь по жилам, чувствовал, думал... убивал. Я даже представить не могу, где он бывал, не знаю, на каком языке он проговаривал про себя свои мысли. Он правил пустошами, но умер, сорвавшись со стены Экватора. Осознавал ли он, насколько странный у него путь? Догадывался ли, что почти все его тело сгниет за год, но в герметичном ранце плесень будет цвести еще многие годы после его гибели?

– Ответы в нем, – тихо сказал Ивара.

– Я знаю, что ответы в нем. Просто... я никогда не пытался представить жизнь этих существ. То есть, нет, я пытался, представлял. Но я не думал о том, каково быть одним из них. Я представлял их снаружи. Я даже мог рассуждать о том, чего омары хотят от людей. Но я чего-то не чувствовал. Они всегда были очень далеко.

– Вот так и происходят войны, – сказал Тави. – Люди уверены, что знают достаточно, а при этом они не знают ничего. Омары, возможно, тоже уверены, что знают о нас все. Но и они ничего не знают. Потому что никто не преодолевает этот барьер. Мы не знаем, каково быть омарами; омары не знают, каково быть нами. Вспомни Аджелика Рахна из сказок. Вот он понимал, каково быть человеком. И с этого началась великая дружба. Мечтали ли бы мы оживить его сейчас, если бы не верили, что когда-то он сам мечтал давать жизнь людям?

– Мечтали бы, наверное. Но не так.

Потом пришел черед других лючков ранца, а когда с ними было покончено, Хинта надел перчатки и начал раздвигать пучки коммуникаций, чтобы подобраться к упрятанным под ними основным устройствам. Он действовал как хирург, открывающий рану: резал, растягивал, зажимал, подвязывал. Тави послушно ассистировал. Когда вонь усиливалась, им приходилось закрывать лица дыхательными масками. Однако они не сдавались, и постепенно в ранце образовалось свободное место, внутри которого было удобно работать. Еще через час работы нутро омара проветрилось настолько, что необходимость в масках отпала.

– Кажется... – пробормотал Хинта, – кажется, я нашел блоки с электроникой. Они целы, но они... странные.

– Странные?

– Они совсем как органы. Плавают внутри прозрачных кожистых пузырей.

Тави поднял лампу и, пересиливая себя, склонился рядом с Хинтой над омарьим нутром. Здесь всюду висели лохмотья чего-то белого, напоминающего плесень, или соединительную ткань, или, возможно, нервную систему, давшую корни в металл. Пузыри, о которых говорил Хинта, были заполнены маслянистой зеленовато-желтой жидкостью; под органической оболочкой пристыла коричневая пена, в прозрачной глубине поблескивали элементы грубых микросхем. Роль сосудов исполняли все пронизывающие провода и тонкие трубки.

– А ты уверен, что это они?

– Туда уходят все коммуникации, в том числе от рук и головы. Значит, там координационный центр. Если Ивара прав, то там, в этих штуках, может быть весь он. Мертвый, но с живой памятью. Все, что он делал, каждый шаг, каждый взгляд. Хотя нам нужны лишь последние несколько минут.

– Это похоже на гладкую мускулатуру, – вдруг сказал Тави. – Здесь и здесь. – Он повел рукой вдоль кожистых мешков. – И вот здесь опять. Смотри. Сфинктеры у всех больших трубок. Ты разбираешься в физике,

но я хоть немного разбираюсь в биологии. И я думаю, что омар мог перекачивать эту желтую жидкость. Скорее всего, он делал это неосознанно, как мы не сознаем, что у нас бьется сердце.

– Я понял, – выдохнул Хинта. – Это органическая система охлаждения! Он мышцами качал масло, чтобы его цифровой мозг не перегрелся. Раньше я думал, что киборг – это что-то вроде человека, но с множеством протезов. А здесь все наоборот: жизнь поставлена на службу машине, и все сплетается в один организм. Как он сделал это с собой? Что он такое?

– А вот этот сфинктер качал что-то другое. След белой пены в желтом веществе, видишь? И... – Тави вдруг замолчал.

– Фиолетовое, – тихо произнес Хинта. Они напряженно замерли, глядя на свою новую находку. Последний из пузырей был другим. В нем помещалось какое-то закрытое в капсулу устройство; его корпус блестел, словно кристалл, а вокруг в тихом танце клубилось маленькое облако фиолетового мрака.

– Нет, нам кажется, – прошептал Хинта. – Оно не светится.

– Что там? – спросил Ивара.

– Какая-то жидкость, – ответил Тави, – но по цвету она совсем как мертвая лава.

– Маловероятно, что это она. Мы бы что-то почувствовали.

Хинта не стал возражать, но про себя ощутил сильную неуверенность. Что-то в этом последнем пузыре пугало его. Было странно, что фиолетовое облако не рассеивается, не смешивается со всем остальным желтым маслом. Да и этот кристалл, к которому почти не шло проводов – в нем тоже было что-то тревожное, словно он был способен смотреть на них в ответ.

– И что мы будем делать дальше? – спросил Тави.

– Боюсь, придется испачкать посуду твоей мамы. Нужно откачать всю эту жидкость, но ее нельзя просто сливать, потому что она может еще понадобиться. Потом мы вынем всю систему из ранца, отмоем ее, и я поищу среди другой электроники что-то похожее на память. И если я это найду, то нам, вероятно, понадобится снова опустить память в жидкость, чтобы она не перегрелась, когда мы попробуем ее запустить и считать.

Тави ушел на кухню подыскивать подходящий сосуд. А Хинта остался около омара, мрачно всматриваясь в глубины его тела, в таинственный кристалл, годами пролежавший в сердцевине остывшей системы.

– Где начинается душа? – спросил он у Ивары. Учитель ответил не сразу – прислушивался, как Тави гремит на кухне посудой.

– Трудно сказать. Три великих народа имели разные мнения на этот счет. Мудрецы Лимпы предпочитали верить, что душа человека там, где тот общается с другими.

– Как это?

– Очень просто. Твоей души нет, пока ты один. Она появляется, словно тепло во время химической реакции, лишь когда другой человек вызывает тебя на ответ. Лимпа была страной социальных теорий. Дух нации считался душой всех душ, поэтому государство считалось средоточием всех межчеловеческих отношений.

– А как же после смерти?

– После смерти она не исчезает, если люди помнят о тебе и обращают свои души к твоей. Почтение к мертвым – часть нашей религии. Потому мы и должны их чтить, что это залог длящейся жизни их душ. Ну, по крайней мере, так было когда-то. В наше время все традиции смешались и истерлись.

– А другие? Джидан, Притак?

– Твой Притак...

– Я уже не уверен, что он мой. Где-то моя любовь к нему кончилась. Сам не заметил, когда.

Ивара кивнул, но не стал это комментировать.

– Они понимали душу материалистически и механистически, воспринимали ее как программу, которая заставляет тело действовать. При этом они в каком-то смысле не отличали душу от тела, низводили ее к тому, чтобы быть своего рода виртуальной частью тела. Они считали, что душа живет в мозгу, и верили, что есть органы, отвечающие за контакт между нею и остальным телом. При этом были еретические теории, что своей волей человек может переместить эти органы, переподключить свою душу к иной части тела, например, к рукам или к гениталиям.

Хинта неловко усмехнулся.

– Ничего смешного. Так они объясняли передачу жизни от родителей к ребенку и чего-то существенного от мастера к его творению. Ну а Джидан... мы столько говорили о нем, что ты и сам мог бы уже угадать, что там думали о душе. Джиданцы считали душу светом, особым светом, свободно существующим во вселенной, но способным нисходить в живое. При этом джиданцы верили, что душу, как и свет, можно разделить на своего рода спектры. Они верили, что душа меняется в зависимости от того, как человек проживает свою жизнь. Они утверждали, что звездный ветер не принимает в себя зло. Смерть раскалывает души пло-

хих людей, и все зло остается в мире, либо вовсе исчезает, а сама основа души уносится со звездным ветром. При этом души хороших людей смерть не раскалывает. Такие души богатеют от мира к миру, сохраняют память.

– Сны?

– Нет. Как ни странно, я никогда не слышал, чтобы джиданцы объясняли сны памятью душ. Эта память как-то иначе устроена. Скорее, это моральная память. Такой душе от мира к миру делается все легче делать верный выбор. И, в конце концов, люди, сквозь которых эта душа струится, становятся своего рода волшебниками – странными, очень свободными существами, присматривающими за тем миром, в котором воплотились... Но я знаю, почему ты об этом спросил. Ты смотришь на омара и думаешь о нем.

– Да. – Хинта ожидал, что взрослый скажет что-то поучительное, но Ивара неожиданно умолк. – И?

– Что? Я не знаю, во что верят омары; не знаю, способны ли они верить; не знаю, нужна ли хоть какая-то душа, чтобы быть тем, чем они являются. Душа не видна, когда нет живого тела, культуры, общения. А у омаров, как мы уже несколько раз обсуждали, всего этого нет.

– Когда мы разбирали Аджелика Рахна, мне все время казалось, что его душа в тех необычных драгоценных кристаллах у него на платах.

– Возможно. Потому что если Аджелика и жил когда-либо подобно нам, то в нем тайна его живой разумности могла бы быть связана с чем-то в его устройстве.

– Подобно тому, как в нас разумность связана с мозгом?

– Это в тебе говорит дух Притака. Наша жизнь повсюду в нас и вне нас; мы признаем людьми даже тех представителей нашего вида, которые ничего не понимают – к примеру, маленьких детей или выживших из ума стариков. Нет. Без разума мы все еще люди. А Аджелика без разума – робо с прекраснейшей в мире оболочкой. Именно поэтому в метафизическом смысле для него какой-нибудь из его кристаллов может значить больше, чем для нас частичка нашего мозга.

– Кажется, я понял, – кивнул Хинта. Тут в комнату вернулся Тави, неся стопку раздвижных пластиковых контейнеров, и неприятная работа закипела с новой силой. Мальчики выкручивали болты, резали пленки и стяжки мертвой ткани, раскрепляли контакты проводов, сливали жидкость из распавшихся шлангов. В одну минуту Хинта казался самому себе роботехником, в другую – патологоанатомом, в третью – ассенизатором. Но вскоре он был вынужден признать, что прежнее отстраненное и прагматичное отношение к вскрываемому ими телу так к нему

и не вернулось. Теперь он испытывал непрерывную неясную тревогу, словно в воздухе посреди комнаты рос ком невидимой тьмы. И дело было именно в омаре. Этот труп, лишенный лица и кожи, почему-то все еще выглядел слишком живым. Порой Хинта ловил себя на иррациональной уверенности, что омар сменил позу: шевельнул пальцами или сдвинул стальное колено – устроил какую-то неуловимую зловещую шутку, пока на него никто не смотрел. Чем глубже они закапывались в него, тем сильнее Хинта ощущал потаенный трепет – словно какая-то огромная беда крылась в недрах полуразложившегося тела, словно у мертвого чудовища все еще была злая воля, и эта воля могла вырваться наружу или вызвать к себе темные силы мира, чтобы нанести удар по людям, осмелившимся нарушить ее покой.

Особенно сильно Хинта понервничал, когда они с Тави выливали в ведро фиолетовую жидкость из пузыря с кристаллом. Однако ничего не произошло; когда Хинта надрезал пузырь и смял его в своих руках, клубящееся фиолетовое облако утратило прежние очертания и вытекло вместе со всей остальной жидкостью. Подобно какому-то желе или яичному желтку, оно бесформенной кляксой шлепнулось о дно пластикового контейнера.

– А мы боялись, – произнес Тави.

– Да, видимо, оно того не стоило. – Хинта повертел в пальцах облепленный склизкой грязью кристалл. В этой штуке все же было что-то особенное; металл казался очень холодным, словно там таилось нечто негативное – прямая противоположность энергии Экватора. Хинта помнил, как Экватор согрел ему ладонь. Здесь же все было наоборот, как будто кристалл был способен высасывать жизнь прямо из пальцев человека. Ощущая в руке неприятное жжение, Хинта поспешил отложить находку в сторону.

Еще через полчаса они торжественно извлекли из нутра омара последний пузырь. Вся жидкость была слита, платы очищены от масла и разложены в том же порядке, в котором они крепились внутри ранца, и Хинта начал заново соединять их между собой, чтобы увидеть целое системы.

Первым его впечатлением стал шок от того, насколько грубо и небрежно эти устройства сработаны. Казалось, изготовлением плат занимался последний шартусский пьяница или самый нерадивый ученик из класса роботехники. Контактные дорожки петляли и изгибались без всякого видимого порядка. Припой лежал неровными кляксами, а кое-где его не было вовсе: безумный мастер-неряха укрепил электронные чипы на спайках черного полуорганического клейстера.

Второе потрясение Хинта испытал, когда присмотрелся к самим чипам. Все они были разными – из разных мест, с разных конвейеров. Красные, черные, зеленые, желтые, серебряные, золотистые, пестрые; круглые, прямоугольные, шестигранные, тетраэдральные, шаровидные; крупные, мелкие; ржавые, полурасплавленные, треснутые; с ножками всех форм и стандартов; с маркировкой на десятке языков; с невиданными стеклянными окошками; с джеками, кнопками и зубцами; с радиаторами из разного металла. Только одно объединяло их – все они не были новыми, все уже где-то поработало до того, как попасть в нутро омара, а некоторые, возможно, пережили десятилетия неправильной и экстремальной эксплуатации. Большую часть чипов омары не сумели использовать в полной мере и задействовали лишь кое-какие функции, а ненужные контакты были грубо отогнуты или вовсе обрезаны.

– Это же свалка, – сказал Хинта. Его указательный палец растерянно блуждал над хаотическим узором микросхем. – По-моему, здесь вся история робо-инженерной мысли со времен Великой Зимы! Вот те и эти сделаны в литской ойкумене. Они очень потрепанные, но это наш стандарт. Я, может, даже найду по ним справочную информацию. Этот тоже наш, но он ужасно старый. Вот этот, единственный, немного похож на внутренности Аджелика Рахна. Возможно, золотой уровень. Потом опять наши – здесь и здесь. Но все остальное, это из каких-то других времен и от других народов. Я в жизни ничего подобного не встречал. Вы что-нибудь понимаете?

Ивара нашел в себе силы подняться с постели и помочь с расшифровкой.

– Это сделано в Притаке, – указал он на один из самых монолитных, грубых и заржавленных чипов, окованных в радиатор, словно в шипастую броню. – Я не знал, что такие вообще можно встретить на нашем материке.

– А остальные? – поинтересовался Тави.

– Вот эти идут с маркировкой на языке Джидана. Но сделаны они позже и довольно грубо. Кто их так подписывал – не знаю. Думаю, это были выродившиеся поздние носители джиданских диалектов. А вот эти тоже сделаны в литской ойкумене, но не в окрестностях Литтаплампа, а далеко к востоку отсюда, в области под названием Чабека.

Еще около двух часов они разглядывали и архивировали омарьи чипы. Когда прояснилось назначение большей части этих устройств, Хинта раскрыл на экране своего переносного терминала справочник и перешел к составлению логической карты всех компьютеров омара.

– В этом вообще можно разобраться? – спросил Тави.

– Не знаю, – усомнился Хинта. Но вскоре его ждало третье потрясение: беспорядок омарьих электросхем оказался в тысячу раз проще, чем строгая и элегантная микроскопическая иерархия плат Аджелика Рахна.

– Так и должно быть, – сказал Ивара. – Мир микросхем – это логика в металле, воплощенный в вещь язык. Но когда плохо знаешь язык, бывает куда легче понять другого человека, который тоже плохо знает этот язык, нежели прирожденного носителя языка. Малый волшебный механический народец – прирожденные носители этого языка, и нам, профанам, пришлось очень потрудиться, чтобы хоть немного разобраться в их устройстве. А омары так же плохи в составлении печатных плат, как и люди. Кроме того, омары все время брали чужие детали, а использовать их могли лишь в той мере, в какой понимали их предназначение. Вот и выходит, что с омаром тебе легче говорить, чем с Аджелика Рахна.

– Обидно, – сказал Хинта. – Ведь Аджелика мы любим, а омара ненавидим.

– Люди и омары, – сказал Тави, – искалеченные в искалеченном мире. Практически все наши технологии посвящены или выживанию, или убийству. Чего же удивляться, что наши устройства похожи?

Постепенно Хинта, с помощью Ивары, разобрался в большинстве блоков омарьей электроники. Здесь было всего три вещи, которые не встречались в обычных робо: нейронный интерфейс, соединявший компьютеры с нервной системой чудовища, молекулярный принтер-анализатор, очевидно, отвечавший за управление нанитами и за обновление их популяции, и пугающий кристалл, назначение которого до сих пор оставалось скрытым. Остальные блоки предназначались для управления оружием и сервоприводами скелета, а также для общей балансировки движения. Наконец, когда время уже приближалось к вечеру, Хинта указал на один из блоков.

– Память здесь. Южный мост – оцифровка данных с нейроинтерфейса, северный мост – оцифровка данных с нанитов, западный мост – хэш и текущие операции, восточный мост – отделенные хэши для текущих операций управления оружием и движением.

– Мы сможем ее прочесть? – спросил Тави.

Хинта издал торжествующий смешок.

– В это трудно поверить, но кажется, с легкостью. Даже переходник паять не придется – мы просто включим его куда захотим. Нам повезло, очень: один из выходных интерфейсов тут литский, он должен подходить к самым обычным терминалам – например, к большому учебному.

Наверно, омары не думали, что человек всерьез станет их разбирать. Иначе они бы не стали настолько упрощать нам задачу.

– А как же Киртаса?

Хинта закусил губу.

– Не знаю. Если его люди копались в омарах, они не могли не найти все это. Возможно, они нашли, но не смогли прочитать омарью память. Или у них не было Ивары, чтобы тот помог с переводом маркировок. Или омары изменились за прошедшие несколько лет, и теперь их устройство лучше защищает себя от взлома. Или омары всегда были сложнее, но конкретно с этим нам очень повезло.

– Или шериф уже давно знает об омарах намного больше, чем говорит.

Хинта почувствовал, как с легкой болью от него ускользает призрак какой-то другой, несостоявшейся жизни. Если бы не появился Ивара; если бы их ссора с Тави началась раньше и продлилась дольше; если бы еще что-то пошло иначе – тогда шериф мог бы стать его Джилайси. Однако все повернулось так, как повернулось, и у Хинты не появилось своего кумира. И все же он ощущал досаду; какая-то часть его души все еще хотела, чтобы шериф был отличным парнем, истинным героем-хранителем Шарту, человеком правдивых слов и настоящих дел.

Ивара заметил выражение лица Хинты.

– Это не значит, что Киртаса плохо делает свою работу. Возможно, людям и не следует знать все, что узнает он. Любой человек власти скрывает часть информации.

– Да, – ухватился за эту спасительную нить Хинта. Потом они втроем кое-как передвинули тяжелый напольный терминал в комнату Эрники и установили его рядом с разобранным омаром. Хинта протянул все необходимые провода и начал сооружать простенькую конструкцию для охлаждения памяти. Однако тут им пришлось прерваться, потому что на коммуникатор Хинты пришел вызов от Фирхайфа. Тот откатал очередной рейс и интересовался, как идут дела.

– Скажи ему, что у нас почти не осталось еды, – громко посетовал Тави. – Мои пустые закрома – часть маминого завещания.

Хинта послушно передал.

– Он придет к нам с обедом, – обрадованно объявил он по окончании разговора.

– Отлично, – сказал Тави.

Наступила середина дня. Пришел Фирхайф и принес с собой теплый обед. Они сидели на кухне. Разговор их, между тем, все больше превращался в монолог Тави. Сначала он пересказывал Фирхайфу то, что тот пропустил, но вскоре начал озвучивать собственные идеи, словно присутствие старика придало ему смелости.

– За прошедшие двенадцать часов, – обращаясь к Иваре, сказал он, – я дважды выслушал твои слова о том, как трудно будет предать огласке результаты наших исследований и как легко мы можем все потерять. В первый раз ты говорил со мной лично, потом мы были втроем с Хинтой. И прости, но мне показалось, что ты дважды слукавил, не довел свои рассуждения до конца.

– Да?

– Ты хочешь убедить себя, что мы сможем остаться вместе. Но очевидно же, что это не так. Если твой путь опасен, если ты хочешь сохранить больше информации у большего числа доверенных людей, то мы нужны тебе для этого. Мы должны быть теми, кто надолго останется в стороне. О нашем участии никто не должен знать. На нас никто не должен обращать внимания. И мы все должны хранить твои тайны. Наше время заговорить придет лишь в том ужасном случае, если все твои планы сорвутся, и ты не сможешь сам предать огласке свои труды.

Ивара опустил взгляд и довольно долго молчал.

– Разве не так?

– А мальчик прав, – сказал Фирхайф. – И дело не только в том, чтобы что-то там сохранить, пускай и важное. Подумай снова, имеешь ли ты право ставить их под удар. Это же история с непредсказуемым финалом.

– Не имею. – Ивара посмотрел Тави в глаза и едва заметно улыбнулся. – Ты меня поймал. Я пытался схитрить. Испугался одиночества.

– Зачем я все это сказал? – прошептал Тави.

Фирхайф положил руку ему на плечо.

– Ты не останешься один. Вокруг есть хорошие люди. Да и твоя мама – вдруг она вернется. Пройдет несколько месяцев, она родит ребенка. И поймет, что ее старший сын все еще важен. Родители почти никогда не уходят сами от детей. Особенно матери.

– Нет, – покачал головой Тави. – Она не вернется. Я точно знаю.

– В любом случае, один ты не останешься, – повторил Фирхайф. Он посмотрел на Хинту, сердито – вероятно, не мог понять, почему тот молчит. Но Хинта в тот момент ничего не мог сказать, потому что одна поло-

вина его разума все еще была занята омаром, а другая пребывала в смятении от сложившейся ситуации. Все случилось, как и почти всегда: Ивара и Тави о чем-то говорили, и Хинта решил, что таким и будет их дальнейший план. Но минуло всего несколько часов, и мысли Тави убежали далеко вперед. Он уже видел совсем иное будущее – то, в котором они, связанные долгом, будут оставаться в Шарту и тихо хранить для Ивары пути отступления.

Хинта еще не успел оправиться, а Тави уже нанес новый удар.

– Ты будешь жить со мной? – спросил он Ивару. – Пока мы еще вместе? Тебе нужна забота, и мне – тоже. А вместе мы как один обычный взрослый. Не решай сейчас. Просто подумай. Так будет лучше для всех.

Ивара слабо кивнул.

– И еще я хочу найти работу. Ведь мама больше не станет меня обеспечивать.

– Это не обязательно, – пробормотал Ивара.

– Но это можно устроить, – сказал Фирхайф. – Я поспрашиваю людей. И если ты действительно хочешь, мы что-нибудь отыщем.

– Спасибо, – горячо поблагодарил Тави.

Потом, стараясь хоть как-то разрядить напряжение, Фирхайф начал говорить о делах в поселке. Впрочем, вещи, которые он рассказывал, отнюдь не звучали успокаивающе.

– Вчера, после вашего отъезда из старого Шарту, туда все-таки заявился Джифой. Как обычно, он решил толкнуть речь. Только на этот раз все сорвалось, потому что кто-то из толпы спросил его о прибывающей в поселок технике «Джиликон Сомос».

– То есть, не мы одни это заметили?

Фирхайф кивнул.

– Была драка. Одни выступали за Джифоя, другие обвиняли администрацию поселка в предательстве. Люди стали требовать гумпрайма. Пока шла заварушка, сам Джифой смылся. Все это я знаю со слов тех, кто утренним рейсом ехал назад в Шарту. Давно не видел настолько взбудораженную толпу. Даже испугался, что они что-то сделают, казалось, прямо на платформе начнется какой-то митинг. Но в конце концов, люди разошлись по домам.

– Надолго ли? – спросил Ивара.

– Нет. Они уже собираются снова – одни около офиса шерифа, другие около строящегося гумпрайма, третьи прямо рядом с вами – у центрального корпуса административного здания. Каждый прибывающий поезд подвозит в поселок новую волну похмельных и злых мужиков,

охваченных патриотическим ражем и встревоженных неясными слухами.

– А Джифой? – поинтересовался Хинта.

– Люди говорили, что когда они шли назад в Шарту, Джифой отказал им в гостеприимстве. Его дом охраняли боевые дроны. Усталым паломникам пришлось проходить мимо под дулами пулеметов. Ну а его самого никто не видел с тех самых пор, как народ оборвал его речь.

– И с ним сейчас моя мама, – ужаснулся Тави. – Что он теперь собирается делать? Будет сидеть в своей усадьбе, как в крепости?

– А он, пожалуй, может, – сказал Хинта. – Он и без Шарту выживет на своих землях. Ему же не нужны мы все. Ему нужны лишь четыре сотни батраков на его полях. И эти же парни могут одновременно быть его армией.

– Да, но у этих парней есть жены, дети, старые родители, друзья из числа вольных фермеров – и все эти люди вместе составляли единую общину Шарту, – сказал Фирхайф. – Думаю, Джифой очень не хотел всего этого. Но землетрясение вынудило администрацию поселка пойти на сделку с «Джиликон Сомос», и голос Джифоя в этой ситуации уже ничего не значил, потому что он на собственные деньги не мог обеспечить реконструкцию таких масштабов. И вот он оказался меж двух огней: с одной стороны, долг перед корпорацией, с другой – толпа, которую он же сам убедил, что нога «Джиликон Сомос» никогда не ступит на эту землю. Так что ему осталось лишь уйти в глухую оборону.

– Что же теперь будет? – спросил Тави. – Гражданская война?

– Ну, это вряд ли. Волнения – да, наверное. Но даже самый злобный дурак в Шарту понимает, что вооруженный внутренний конфликт станет концом для всего поселка. Надеюсь, решение найдется.

– Вот только возможно ли найти это решение внутри? – спросил Ивара. – Если корпорация теперь считает, что имеет права на поселок, она попытается эти права осуществить.

– Джифой сделал очень плохое дело, – сказал Тави. – Нельзя было так заводить людей. Ведь всегда было ясно, что однажды очередная беда заставит жителей просить помощи извне. А самая большая несправедливость в том, что Джифоя все это может миновать. Когда толпа будет воевать с «Джиликон Сомос», он сам будет сидеть в стороне.

– Нет, не минует, – сказал Ивара. – Рано или поздно это затронет здесь всех и каждого. Впрочем, не нам и не сегодня отговаривать людей от безумия. Лично для меня все это служит лишь напоминанием о том, как мало у нас времени. Если здесь начнется война, нам придется выживать. Всей нашей работе и самим нашим жизням может прийти конец, и

все из-за чужой злобы и глупости. Так что давайте поскорее достигнем какого-нибудь успеха, чтобы потом быть свободными для других дел, развязать себе руки и освободиться от ноши нераскрытых тайн.

– На самом деле, нам не хватило лишь пяти минут, чтобы узнать что-то новое, – сказал Хинта, обращаясь в большей степени к Фирхайфу.

– Мы достали из омара большую часть его электронной начинки. А копались так долго потому, что все чипы там из разных стран и эпох.

– А ты поднаторел, – похвалил его Фирхайф. Хинта вздохнул со счастливым облегчением; на мгновение вся тревога ушла из него, сменившись чистой эйфорией. Наверное, он давно он ждал, чтобы какой-то человек с чисто техническим умом отметил его навыки в области роботехники, и вот сейчас Фирхайф это сделал – будто выдал маленькое удостоверение об окончании каких-то неведомых учебных курсов. – Но уж прости, Хинхан, дальше мне придется разочаровать тебя.

– Как?

– Если я сейчас же не верну тебя домой, Лика поднимет тревогу. И будет совершенно права. Она, должно быть, и так уже нервничает из-за всего, что творится на улицах.

– Ничего страшного, – сказал Ивара. – Это была лишь половина работы. Пока тебя не будет, мы с Тави попытаемся обустроить лабораторию, чтобы завтра дело пошло быстрее.

Так закончился этот рабочий день. Свои инструменты Хинте пришлось забрать с собой – их нужно было вернуть в гараж, пока Атипа не зашел туда и не хватился пропажи.

Уже у шлюзов Ашайта с неожиданной для всех сознательной теплотой по очереди обнял Тави и Ивару. Хинта ощутил новый приступ тревоги. В своем сердце он знал, что брат никогда не ошибается, и если тот решил попрощаться вот так, значит, этому была какая-то причина. Что-то плохое было совсем рядом, сгущаясь повсюду, затрагивая всех; оно касалось и мертвого омара, и суровой земли, на которой они жили, и человечества по ту сторону Стены. Только Фирхайф, в стариковской простоте, нашел эту сценку забавной и милой.

– А меня? – наклоняясь к Ашайте, спросил он.

– И е аеся, – серьезно ответил Ашайта.

Старик не понял и посмотрел на Хинту.

– Мы не прощаемся, – перевел тот. Фирхайф кивнул и шутить больше не стал – рассмотрел в глазах Хинты страх. Когда они вышли на улицу, Тави и Ивара помахали им из окна. В их силуэтах Хинта угадал знакомую скованность – словно они хотели сблизиться, потянуться друг к другу, но что-то мешало им, какой-то невидимый барьер.

Вскоре Хинта увидел живую иллюстрацию того, о чем предупреждал Фирхайф. В большинстве своем улицы были почти пусты, но порой, совершенно неожиданно, в том или ином месте возникала толпа. Одну такую, небольшую, угрюмо-молчаливую, они миновали, поворачивая на улицу, уводящую от административного центра. Чуть позже Хинта расслышал далекий гул человеческих голосов: там уже не молчали, десятки людей по громкой связи скандировали неразборчивую речевку.

– Кажется, это впереди.

– Значит, мы туда не пойдем. Нечего им своим ревом пугать Ашайту.

Они опять свернули, и так, огибая все значимые узлы поселка, задворками, добрались до улицы Хинты. Уже второй раз за этот день, приближаясь к гаражу своей семьи, Хинта воровато оглянулся вокруг. Ему снова повезло: он не встретил ни родителей, ни соседей. Фирхайф помог ему снять ящики с инструментами со спины Иджи. Когда все было закончено, они повернули в направлении дома. Подходя к крыльцу, Хинта заметил, что им с Фирхайфом навстречу с противоположного конца улицы движется одинокая фигура. Хинта даже обрадовался – это оказался Риройф. Риройф Фирхайфа немного знал, хотя и не дружил с ним.

– А, приветствую, – сказал он по громкой связи. – Я к Атипе. Мужики собираются. Там такое... Ага. На стройку уже полезли. Прямо через забор. А парни шерифа их палками. Ну, хорошо хоть не стреляли.

Хинта понял, что Риройф говорит про место строительства нового гумпрайма. Еще он понял, что Риройф пьян – не так, как бывал Атипа, но все же очень сильно.

– Кто-нибудь пострадал? – спросил Фирхайф.

– Шлемы побили, ага, – сказал Риройф. Потом он сосредоточился на Хинте. – А ты куда ходил? Да еще с малышом. Это нельзя. Не стоит сейчас детям по улице просто так ходить.

– Я только вернулся с побережья, – соврал Хинта. – К тому же, Фирхайф меня провожает.

– А, значит, ты был, был до конца, – отрывисто сказал Риройф. – Странно, что я тебя там не видел. А. Ну, народа-то было немало. Значит, ты все видел. Видел, как Джифоя развернули? Ага.

Хинта осторожно кивнул, опасаясь, что от него потребуют свидетельств очевидца. Однако Риройфу это было не нужно: он сам был там, и начал болтать, снабжая Хинту множеством подробностей, которые тот

теперь мог использовать перед родителями, чтобы подкрепить собственную маленькую ложь.

Вместе они подошли к шлюзу, и их, всей компанией, пропустила внутрь Лика. Увидев своих детей, она очень обрадовалась. Однако, к вящему удивлению Хинты, заявила, что Атипы все еще нет и что, хоть он и возвращался домой, затем ему якобы пришлось снова вернуться в больницу с неким осложнением. Узнав об этом, разочарованный Риройф быстро ушел. Вслед за ним ушел и Фирхайф. А потом оказалось, что на протяжении всего времени их визита Атипа прятался в технической камерке, где находилась система очистки атмосферы дома. Из своего укрытия он вылез, кашляя и чихая, с красными глазами и бледным лицом.

– Зачем? – потрясенно глядя на него, спросил Хинта.

– Что ты, – замахал тот руками, – не хочу я с Риройфом! Там люди скоро стрелять друг в друга начнут. А он меня на площадь зовет.

– И правильно, не ходи! – одобрила Лика. – Лучше спрячься! – Повернувшись к старшему сыну, она пояснила: – Риройф ищет его целый день!

– И не только Риройф! – вскинулся Атипа. – Вон от шерифа тоже приходили – им людей не хватает. Так они хотят, чтобы я стоял с их стороны и стрелял по толпе. Ну уж нет.

Впервые за последние месяцы Хинта ощутил, что внутренне одобряет трусливую позицию родителей. Те хотели спасти себя, но при этом совершали доброе дело – благодаря их решению, на улицах стало одним вооруженным человеком меньше. Отчасти из-за этого он не нашел в себе больше сил сердиться на отца. Нет, он не любил его, но и не злился, как раньше. Он просто наблюдал за ним со стороны. И в этой наблюдательной позиции Хинта заметил то, чего не замечал раньше. За ужином, когда все понемногу ухаживали за Ашайтой, он вдруг осознал, насколько они все хотят быть семьей, насколько Лика и Атипа хотят быть женой и мужем, насколько они хотят быть родителями для Ашайты. В этом была вся их жизнь, весь их мир, весь их простой труд. И сейчас Хинта осознал, что они никогда этого не забывали. Атипа ломался не потому, что был плохим семьянином, а прямо по противоположной причине: для него все это было слишком важно, важнее, чем для некоторых других людей, и это вызывало в нем страшный надрыв. Но сейчас он был здесь, и он хотел быть здесь. Хинта уже предвидел, как отец возьмется за свои обычные дела – для этого нужно было лишь немного покоя, чтобы революция ушла с улиц, чтобы мир не начал содрогаться в спазмах очередной катастрофы.

Ночью пьяный Риройф с еще какими-то мужиками опять вернулся к их дому – он уже был настолько невменяем, что просто забыл про свой предыдущий визит. Лика с большим трудом прогнала визитеров прочь от шлюза. И хотя она не стала впускать их, Атипа все равно поспешил спрятаться в свое пыльное укрытие.

Впервые за много дней Хинта и Ашайта ночевали дома, в своей комнате. Уже смежив веки, Хинта снова подумал об омаре, и к нему сразу же вернулось чувство неясной тревоги. Эта тревога проникла в его сны, сделала их похожими на кошмары. Всю ночь он блуждал по каким-то тоннелям, с какими-то людьми. У этих людей не было ясных лиц и имен, и запомнить их было невозможно. Но Хинта знал про них, что все они что-то потеряли, и он потерял вместе с ними. И уже было не исправить, не отвести прочь какой-то грядущей беды.

Он проснулся не отдохнувший и расстроенный, но при этом ощущал себя взбудораженным и болезненно жаждал работы. Омар ждал в квартире Тави, заполнял его мысли. Хинта хотел закончить начатое.

За завтраком он заявил о своих планах пойти к Тави. Родители заартачились и стали говорить, что на улицах опасно, но Хинта не ощущал в них какой-то последней решимости. Умалчивая многие детали, он бегло пересказал историю Эрники, объяснил, что Тави сейчас сидит дома один, и тем самым переломил мнение матери.

– Эта женщина мне никогда не нравилась, – поджав губы, произнесла Лика. Потом она вызвалась проводить Хинту до Тави, когда пойдет отрабатывать свою смену на птицеферму. При этом было решено, что Ашайта останется с прячущимся Атипой.

На этот раз Хинта был налегке – без брата, без Иджи, без ящиков с инструментами. Он повел мать теми же путями, какими они вчера шли с Фирхайфом, и они успешно миновали все те точки, где могла собираться толпа. Лишь раз им встретился прохожий – он шел хромя, словно у него была перебита нога.

– Раненый? – сказал Хинта.

– Не подходи к нему, не помогай, – запретила Лика. И они прошли мимо.

Хинта немного боялся, что его мать из растроганных чувств может пожелать увидеть Тави. Однако, когда они подходили к административному центру, Лика завела совершенно другой разговор.

– Ты ведь понимаешь, что мы не сможем ему помочь? Я имею в виду, деньгами или едой.

– Он найдет работу. Фирхайф обещал ему помочь.

– Фирхайф – другое дело. Он помогает всем.

– И нам.

На укол Лика не отреагировала.

– Не забывай, что мы – семья, а Тави – не наша семья. Если у него все пойдет плохо, ты должен быть с нами, а не с ним.

– Он мой лучший друг.

– Либо он станет взрослым... – одышливо сказала Лика, – либо не справится. А учитывая его воспитание...

– В некоторых отношениях он взрослее меня, – с неожиданным для себя напором вспылил Хинта. Между ними повисло упрямое молчание. Потом они попрощались, и Лика просто ушла, не изъявив желания заглянуть в бывшую квартиру Эрники.

Хинта снова оказался в компании друзей. Ивара выглядел немного бодрее, чем вчера, больше улыбался. Тави, казалось, опять стал собой, его глаза не краснели от слез, он много и ярко говорил. Напряжение между ними спало. Из их косвенных реплик Хинта узнал, что Ивара не принял приглашения Тави и предпочел эту ночь провести в собственной квартире.

– Вчера, прежде чем разойтись, мы перенесли сюда часть моих приборов, – сказал Ивара.

– И не только, – добавил Тави. – Вид лаборатории тебя порадует.

Это оказалось правдой: комната Эрники окончательно преобразилась. В ней появилась кое-какая мебель – тумбы, уставленные приборами, лабораторный верстак; потолок помещения покрылся разверстыми квадратными впадинами – Тави снял декоративные колпаки с вентиляционной системы. Трупный запах полностью исчез, тело омара, опустошенное и более не нужное, запеленали в парапластиковый саван. К терминалу Тави, для усиления его вычислительной мощности, были добавлены новые внешние блоки, а провода, соединяющие его с платами омара, обросли переходниками и регуляторами.

– Здорово, – оценил Хинта.

– Тогда начинаем, – сказал Ивара. Хинта и Тави осторожно опустили сеть плат в заполненный маслом контейнер. Потом туда же был погружен лабораторный компрессор. По маслу пошла чуть заметная волна.

– Ну вот, – сказал Хинта. Ивара запустил терминал. Платы вспыхнули ровным тихим светом – на некоторых из чипов загорелись огоньки индикаторов.

– Работает, – сказал Тави. Но Хинта уже смотрел на экран терминала, где застыло предупреждение о вскрытии корпуса и серия сообщений о каких-то неучтенных ошибках: красные, желтые, зеленые надписи чередовались с хаотическим кодом.

– Работает? – Тон Ивары был не столь восторженным, как у Тави.

– Нет. Точнее, я все еще не знаю. – Ивара уступил ему место у терминала, и Хинта начал вводить в систему допущения, позволяющие обойти длинную серию ошибок. Добавив новое правило, он перезагружал машину. С каждым рестартом пестрый список делался немного короче. Наконец, терминал выдал чистый экран, сквозь тьму которого постепенно проступил дружественный золотисто-зеленый логотип литтаплампской корпорации «Синтайра», занимающейся производством обучающего оборудования.

– Работает, – снова обрадовался Тави.

– Это только твой терминал снова работает, – возразил Хинта, но мгновение спустя значок логотипа сменился новым сообщением – на этот раз не об ошибке, а о дополнительном подключении.

– Вот теперь все действительно работает! – возликовал Хинта. – Твой терминал определяет платы омара примерно так же, как мог бы определить другой сторонний терминал или какое-то незнакомое оборудование.

– И что теперь?

Хинта вдруг потерял уверенность.

– Нужно взломать омара. Но я не совсем знаю, как. Полагаю, нам нужен драйвер для инициализации порта, а потом – программа для дешифровки памяти. Но с этим есть проблема, потому что мы понятия не имеем, на каком компьютерном языке запрограммирован сам омар.

– Я могу предложить кое-какой софт от университета Кафтала, – сказал Ивара. – Его писали специально для расшифровки кода в компьютерах других культур. Две трети известных нам джиданских и притакских источников были извлечены таким способом из древних терминалов.

– Хакерская программа на службе исторической науки?

– Эта программа работает только при прямом подключении, как здесь и сейчас. Насколько я знаю, ее невозможно применить для удаленных атак, поэтому никто не пытался ограничить ее распространение. – Ивара протянул мальчикам свой портативный терминал. Тави подклю-

чил его к своему, а Хинта сделал так, чтобы терминал Тави работал в качестве моста между терминалом Ивары и платами омара. Хитрая программа запустилась, и на платах сразу же начали перемигиваться огоньки.

– Что происходит? – спросил Тави.

– Думаю, она перебирает комбинации. Делает запросы, получает ответы, составляет логическую карту – как Хинта делал до этого. Но он составлял внешнюю карту микросхем, а она делает то же самое для программного обеспечения, хранящегося и работающего у них внутри.

– И сколько это займет?

– Не знаю. Часы? Дни? По крайней мере, столько уходило на расшифровку наиболее знакомой мне джиданской техники.

Хинта издал вздох разочарования. Приближалось время обеда, и Тави пригласил всех на кухню. На столе появились остатки лапши.

– А что еще, кроме допроса омара, мы можем сделать до огласки? – спросил Хинта.

– Не терпится чем-то занять свои руки? – подловил его Тави.

– Мы можем думать, – сказал Ивара. – Я верю, что пути интеллектуального исследования так же конечны, как и те реальные пути, которыми мы ходим в своей жизни. Но мы еще не дошли до конца наших исследований, и не знаем множества вещей.

– Я не согласен, – сказал Тави. – Все пути бесконечны. Конечны лишь дороги. Но там, где они обрываются, мы можем незаметно переступить на почву вымысла, уйти в свое воображение. Мы же все время так делаем, когда чего-то не знаем, в чем-то неуверены. Да все наши разговоры об Аджелика Рахна – это наполовину история, придуманная нами самими.

– Надеюсь, лишь на четверть, – сказал Ивара, – но ты прав: пути бесконечны, если видеть, как они продолжаются в нашем воображении. Вчера вечером мы с тобой говорили о ковчеге – что он может выглядеть самым различным образом, может состоять из тысяч разных частей, быть не единым объектом, но огромной инфраструктурой, разбросанной повсюду вокруг нас, или вообще находиться в космосе, или на Луне, а здесь, на Земле, могут располагаться лишь космодромы с челноками для доставки людей к ковчегу... Это как раз одна из тех выдумок-догадок, которые лежат за пределами подтвержденных фактов, но необходимы, чтобы двигаться дальше. Однако, как мне представляется, все эти теории о ракетах – лишь симпатичное побочное обстоятельство, а главной темой нашего разговора был вопрос о том, как спасти человечество. Я виноват; научный подход и собственная идущая из прошлого боль – они

с разных сторон заслонили от меня ту простую цель, которую я поставил еще в Дадра. Мои друзья рисковали жизнью и погибли не ради того, чтобы отыскать какой-то там великий артефакт из прошлого. Они хотели найти инструмент для спасения мира. Я хотел найти такой инструмент. Я вселил в них эту мечту. И, наверное, только сейчас я понимаю, насколько меня разрушила их гибель. Когда они не вернулись, я перестал искать ковчег – я начал искать их тела. И хотя я все время говорил о ковчеге, я совершенно перестал думать о том, для чего тот нужен.

– Ты думал, – сказал Тави. – Тогда, на руинах школы, когда мы умирали – ты говорил о мире.

– Разве что на краю смерти это ко мне вернулось. Ну и, кроме того, тогда я рассказывал предысторию, вспоминал, какими мы были... И вот я нашел. Их тела. А с ними и что-то еще. Но я не знаю, что это, не понимаю, что мы видели там на дне. Не потому, что у нас мало информации, а потому что я все это время упускал из виду свою первую идею – идею о спасении мира.

– Мира или людей? – спросил Хинта.

– Человеческого мира. На Земле или вне Земли, но должен снова появиться мир, где люди живут как дома, ходят по земле босиком, вдыхают воздух прямо из атмосферы и не боятся, что крошечная трещина в стене спальни убьет их. Но когда речь заходит о космическом спасении всех людей, мы сталкиваемся с рядом вопросов, и наш разговор о ракетах был попыткой ответить лишь на один из них. Самый неприятный мне задавал Квандра – о том, зачем улетать с Земли, как другая планета может оказаться лучше нашей. Ведь древняя Земля, та, где люди чувствовали себя как дома, отвечала тысячам неповторимых условий. Атмосфера, биосфера, геосфера, гравитация, температура, магнитное поле – все это идеально подходило человеку. Но вот изменились несколько условий, и это стало катастрофой. Тем не менее, на Земле мы все еще живем. Мы находим здесь достаточно воздуха и воды, получаем достаточно солнечного тепла, у нас здесь города, электростанции, огромная инфраструктура. Даже сейчас, когда наша планета искалечена, трудно представить, что мы сможем найти во вселенной более подходящее нам место. Если же какая-то из далеких планет и окажется лучше, чем нынешняя Земля, то возникнет вопрос о том, как опустить на ту планету огромные корабли, как возвести на ней новые города. Ведь это столетия работы. На Земле вся эта работа уже сделана, а там ее придется начинать с нуля.

– Космос...

– Да, космос. Огромная мертвая пустота. Там человек не может существовать, там условия намного хуже, чем здесь. Допустим, мы найдем корабль. И куда же нам на нем лететь? В каком направлении? В какой галактике спряталась планета нашей мечты? Как и откуда узнать о ней? Как заранее доказать, что она будет для нас лучше уничтоженной Земли? Просто представь, Хинта, что все человечество отправится в тысячелетнюю поисковую экспедицию в надежде обнаружить себе более подходящий дом. Как люди выживут в космосе? Как корабль, даже самый невероятный, сможет гарантировать им безопасность? Простой вопрос, но пока он остается без ответа, вся моя жизнь может показаться бессмысленной. Из-за этого, хотя и не только, за мной не последовала половина Джада Ра. И настоящего ответа все еще нет. Мы с друзьями рассчитывали, что ответом станет сам ковчег.

– Еще мы говорили о людях, – вспомнил Тави, – о том, что люди не станут подниматься на ковчег, если тот не будет вызывать у них доверия. Я могу себе представить, что мы найдем ковчег и даже убедимся в его безопасности. Но лететь согласятся лишь безумцы и обездоленные – всего около тысячи человек со всей ойкумены.

– Ну, здесь мы кое-что упустили. Безумцы и обездоленные никогда и никуда не приходят первыми. Движение огромных масс людей не может происходить само по себе – для этого всегда нужен контроль, инфраструктура; а для создания подобной инфраструктуры нужна политическая воля. Только элиты могут принять подобное решение, только под их руководством может совершиться исход человечества с Земли.

– Но мы же много говорили о том, как люди у власти будут ставить палки тебе в колеса, – сказал Хинта. – Если элитам неприятна одна лишь весть о ковчеге, как они поступят, если доподлинно убедятся, что ковчег существует?

– Скорее всего, они попытаются его присвоить или уничтожить. И, учитывая, как могущественны эти люди, они, вероятно, преуспеют в том или в другом. Поэтому сначала элиты должны уверовать в ковчег. А как их убедить, я пока не знаю. Изначально я думал, что и эту проблему ковчег сможет решить сам. Я верил, что он предстанет перед человечеством в виде такого блага, от которого никто не сможет отказаться, в котором никто не посмеет отказать другим. Сейчас я понимаю, что это утопия. Если бы мои друзья не погибли, у меня было бы много разных шансов. Возможно, я бы даже отверг свои собственные теории и бросил эти поиски. Шесть лет назад нам казалась, что вся жизнь впереди. Мы еще могли меняться, стать кем-то другим, могли отступать и признавать свои ошибки. А когда мы двигались вперед, нам для начала было просто интерес-

но. Мы увлекались, мечтали, как вы двое увлекаетесь и мечтаете сейчас, на каждом шагу делали невероятные допущения...

– Ты же не хочешь сказать, что все зря?

– Это одна из возможных точек зрения, и объективности ради, стоит ее допускать. Но есть как минимум две вещи, которые больше не ускользают от нас: мои друзья нашли Аджелика Рахна, а мы обнаружили место, где они погибли. И прямо сейчас мы восстанавливаем память омара, скорее всего, причастного к тому, что с ними случилось... Ладно, обед съеден, давайте вернемся к работе.

Они вернулись, и их ожидал сюрприз: над терминалом, медленно вращаясь в воздухе, поднималась трехмерная голограмма – файлы выстраивались в кластеры, кластеры сплетались друг с другом, образуя многоуровневые связи, а вся структура в целом свивалась в спираль, отдаленно напоминающую учебные иллюстрации ДНК. Хитрой программе хватило одного часа, чтобы управиться с внутренним устройством омара.

– Ура! – обрадовался Тави. – Да здравствует университетский софт.

– Я думал, будет один файл, – сказал Хинта.

– Как бы омар ни был похож на робо, корни его памяти уходили в живую нервную систему, а живая память не хранится в виде линейной записи. Но вот что мы можем сделать. Все эти файлы имеют разный объем. Предположим, что большие отвечают за зрительную информацию, а маленькие за все остальное. – Ивара включил в терминале функцию захвата движения, высоко поднял руки и осторожно поднес их к изображению, затем повел вниз, выделяя и отбрасывая, упрощая структуру древа. – Теперь... конвертируем все это в видео-формат. – Прежнее древо распалось, новое древо, куда более простое, начало перестраиваться, далее упрощаться; файлы пошли волной, кластеры сжались, и наконец, все превратилось в две тонких колонны, приобретя простую и строгую структуру треков двух видео-файлов.

– Почему опять не один файл?

– Потому что глаз у омара два, – резонно предположил Ивара.

– Неужели получится? – прошептал Тави. – Я иногда думаю о том, что все мы видим мир по-своему. Глаза одного человека отличаются от глаз другого. Мы узнаем цвета, выбираем из них любимые. Но что, если я вижу свой желтый цвет так, как Хинта видит свой зеленый? Что, если весь мир для него предстает иначе, чем для меня?

– Думаю, для омара мир точно предстает иначе, чем для нас. – Ивара подбросил файлы, указав движениями рук поля развертки для обоих файлов. Терминал издал сигнал перегрузки, но справился. Поля поплыли, сближаясь, сливаясь в одно – широкое, изогнутое в форме панорамы. Потом оно начало расти, а его края сглаживаться.

– Ожившая иллюстрация к работе бинокулярного зрения, – прокомментировал Ивара. – Программа совмещает данные с двух глаз так же, как их совмещает наш мозг.

Голограмма замерцала, передавая видео-файл. Тави погасил свет, наступила полутьма, будто в ламрайме, и Хинта увидел, как изображение приобретает перспективу: десятки густых темно-бордовых линий устремлялись сквозь тьму к горизонту, словно огромная, кровавая дорога-река плыла-неслась куда-то вдаль. Вокруг этого сердечника вращались тонкие желтые ауры-спирали.

– Что это?

– Это Экватор, – угадал Тави. – Это его энергия! Омар стоит на нем. Смотрите: красные линии – это медь в сердечнике Экватора, а желтые вспышки – магнитное поле. Он видит все это!

Подтверждая его слова, картинка начала усложняться, обретать подробности. Ауры остались, но потускнели, поверх них черно-серыми, буро-красными, серо-фиолетовыми тонами проступил материальный мир. Шел дождь – штриховка движущейся пелены, медленный танец бурлящих луж. Хинта почувствовал сжимающийся в груди комок ужаса – таким страшным казался этот мир: полупрозрачный, зыбкий, обесцвеченный, однако полный энергий. Ауры появлялись не только над Экватором, они были повсюду, далекими дугами охватывая весь небосклон. Для омара реальностью было то, что ускользало от человеческого восприятия: каждое мгновение он ощущал, что стоит на поверхности планеты, созерцал скругленность горизонта, видел слабые отблески падающих вниз космических лучей. Да и сам горизонт был для него неровным – какие-то зоны казались светлее, какие-то темнее, а в бесконечной дали двигались непонятные блики фиолетового мерцания.

– Эти шевелящиеся поля, – сказал Хинта, – опять напоминают мне свечение плохой лавы. Я уже устал всюду замечать этот оттенок.

Омар запрокинул голову. С тошнотворной скоростью линии Экватора скользнули вниз, и немигающему взгляду чудовища открылась пропасть дождливого неба. В призрачной, слизисто-серой глубине играли огни энергетического сияния – невидимая людям страшная красота.

– А звук есть? – спросил Тави. Ивара наклонился к терминалу, коснулся сенсоров, и с неожиданной силой в комнату ворвался шум дождя.

Он был глухим, вибрирующим, словно проходил сквозь цепочку каких-то странных перепонки и мембран. А потом появился голос.

– Кежембра вега дашаран, – бормотало чудовище, – инвала ситуишь танак. И я акаша кежембер. Вытаю вдра сафарают.

– С кем он говорит? – испуганно спросил Хинта.

– И где лагерь? – присоединился к нему Тави. – Почему мы ничего не видим? Неужели мы ошиблись временем? Он был там до или после? И упал сам по себе? Он из другой истории?

Учитель предупреждающе поднял руку.

– Гезангра виврахат таликахин. Наварают нигану гре. Де кежембер шахар. Сикаджа одабун мохаб.

– Это молитва, – шепнул Ивара. – Ритуальный текст.

Омар умолк. Теперь сквозь дождь можно было слышать еще один звук – шум декомпрессии, хлопанье ткани, потом шаги.

– Как самочувствие? – донесся издали чей-то голос.

– Кра! – взревел в ответ омар. – Хар, хар. Кежем стигайса Варн. Агара дашаран! – Он попытался вывернуть голову, и в результате они увидели, что он закован и распят. Полумеханические руки твари были вдеты внутрь хитрых колодок, сваренных из обрезков толстого металлического бруса, на плече запеклась кровавая нанопена. Дула его орудий смотрели в небо, а когти, не находя себе цели, хватали воздух.

Между тем человек был все ближе.

– Ни тахам дедем, – уже не так громко произнес он. – Спокойно, большой парень. Время твоего плена, возможно, подходит к концу. Если все пойдет по их плану, то скоро я буду вынужден дать тебе свободу. Полагаю, ты попробуешь убить и меня.

– Ты – ничтожество, не имеющее опыта прежних жизней, знающее лишь влагалище матери, такой же перворожденной, как и ты сам, – на человеческом языке отозвался омар. – Вы рождаетесь, и лишь потом можете убивать. Мы убиваем, и лишь потом можем родиться. С чего бы мне ценить твою жизнь, ты, не переходивший Акиджайса?

В этот момент запись оборвалась. Голограмма сначала стала ярко-фиолетовой, потом черной, звук дождя сменился пустым электрическим шипением. Тави отпустил руку Хинты.

– Что-то не так с иерархией видео-файла, – сказал Ивара.

– Он был пленником! – осознал Хинта.

– С кем он говорил? – спросил Тави.

– С Кири. Это был голос Кири Саланы.

– Он хотел чего-то плохого? Твой друг, Кири, он хотел...

– Я должен узнать, что было дальше. – Ивара вернулся к терминалу и непослушными руками начал пролистывать предыдущие стадии своей работы. Мальчики снова увидели линии запаралеленных видео-файлов. Теперь Ивара увеличил их и рассматривал более подробно.

– Здесь, – показал он, – происходит обращение к более глубокой памяти. Давнее воспоминание внутри потока запоминания. Из-за этого нас выбило.

– Омар говорил на нашем языке, – сказал Хинта, – а Кири – он говорил на их языке!

– Это смесь многих диалектов, но понять ее не так сложно. И я, и мои друзья могли бы с ним кое-как объясниться на любом из этих диалектов, или на всех сразу.

– И что же омар говорил? – спросил Тави.

– Он восхвалял Кежембер и просил Кежембер принять его. Это походило на молитву смертника. А потом, когда пришел Кири, омар сказал ему, что Кежембра гневается.

– Кто такой Кежембер?

– Не знаю. – Ивара передернул плечами. – Возможно, у омаров есть нечто вроде бога.

Он яростно перемещал, соединял, делил файлы; окно голограммы постоянно изменяло свой облик. Наконец, заново запустилась сборка видео.

– Если у меня получилось, то мы теперь увидим не просто запись. Мы увидим его мысли. Больше, чем пять последних минут жизни. Думаю, даже сейчас мы смотрели не самый конец. Эта сцена была где-то за пару часов до его гибели. Ну а далекие воспоминания – им могут быть годы, я даже примерно не представляю, что мы сейчас увидим.

Словно бы отвечая на его слова, голограмма замерцала неровным бледно-серым светом. Раздались дикие звуки: плач, стенания, хрипы, клокочущие всхлипывания. В сонме задыхающихся, молящих голосов порой выделялись отдельные слова и даже целые фразы.

– Я не специально! Не специально! Я не убийца! Просто они должны были меня впустить!

– На запад! На запад! Я ничего не вижу! Но мы еще можем их обойти! Где моя винтовка? Я ничего не вижу!

– Пьяница! Проклятый пьяница, ты сделал меня такой же, как и ты сам! Умойся кровью, жалкий слизняк!

– Верните меня назад, это не я. Не надо ада! Не надо ада! Это не я!

– Это сон. Успокойтесь, вы все! Замолчите! Это просто сон.

– Я бы сделал это снова! Я бы толкнул его, даже если бы знал, что очнусь здесь!

– Где я? Где я?

И еще сотни голосов были вокруг. Все они роптали, умоляли, ругались, вопили; все говорили что-то о крови, оружии, ужасных деяниях, искаженной справедливости, своем и чужом безумии. Казалось, в этом гомоне слышатся отзвуки всех битв и преступлений, творящихся на земле, всех отступничеств и смертельных ошибок. Там звучала не только литская речь, десятки других наречий смешивались с ней в невнятную рыдающую какофонию. Хинта нашел руку Тави и вцепился в нее, словно одно лишь прикосновение к другу могло сейчас удержать его самого от безумия. А серый свет все мерцал, и звукам не было и не было конца. Потрясенные, растерянные, они в безмолвии слушали эхо чужих воспоминаний. Но постепенно им открылся какой-то неясный образ. Словно спала колеблющаяся пелена, и вот сквозь серый полог проступили чернота, золото, кровь. Корчащиеся руки в безумной ломке бились о каменный скат. Только сейчас Хинта осознал, что не слышит дыхания того, кому это воспоминание принадлежит. Но вот дыхание прорвалось, словно новорожденное существо наконец-то сумело выхаркать из своих легких какие-то вековые пленки мокроты и слизи. И, сразу после первого вздоха, все цвета стали ярче. Сделалось видно, что обладатель глаз лежит на каком-то бескрайнем бесцветном склоне, по поверхности которого струилась омерзительная жидкость, похожая сразу на все виды смешавшихся вместе выделений больного человеческого тела. Всюду вокруг, как разбитая скорлупа, лежали золотые полусферы, из сердцевины каждой пыталась выбраться скрюченная получеловеческая фигура. Жуткие, будто оплавленные лица; дрыгающиеся руки и ноги; недоделанные плечи; перекошенные спины; вопящие рты. А где-то наверху, неприступной стеной над этой низиной гибели, нависали порталы огромных золотых шлюзов. Вот они открываются, и не знающая жалости механическая рука выбрасывает наружу новую золотую скорлупку. Беспорядочно вращаясь, полусфера катится вниз, а из нее уже высовываются руки и ноги очередного страдальца.

– Что это? – прошептал Тави.

Тут заговорил сам обладатель воспоминаний.

– Отец, – позвал он, – отец, отец! Куда все пропало? Отец!? Мы должны спрятать ее тело. Куда все пропало?

Перебирая руками, несчастный попытался освободиться от своей скорлупы, но у него не получилось – он лишь перевернулся. Тогда стало видно, что внизу под ним скорлуп еще больше, там их был целый овраг.

Нижняя часть оврага, похоже, работала, как огромный конвейер: она перетряхивала скорлупы и уносила их в очередные золотые врата. Внутри тех врат сверкали красные и белые всполохи. Там страдальцы прекращали вопить.

Но не всем было суждено закончить свое существование в энергетическом крематории. Некоторых, даже многих – спасали. Спасители были омарами. Они пробирались на своих долговязых механических ногах через море крутящихся полусфер, хватали корчащихся недоделков, вытаскивали их из золотых раковин, снимали их тела со штырей, игл, пуповинных трубок, и грубо волокли с собой – куда-то вдаль, к полуразрушенным башням древнего города, возвышающимся по другую сторону непрестанно стенающего конвейера.

Уже под конец видения Хинта успел обратить внимание на то, что все это творилось под открытым небом. Неизвестно почему, но недовылупленные уродцы не гибли, когда вдыхали отравленную атмосферу; они даже не замечали, что с воздухом есть какая-то проблема. Похоже, всех их в эту минуту странного перерождения волновало что-то другое, какой-то иной последний миг. Хинта решил, что все эти люди умерли: кто в бою, а кто в домашней поножовщине, кто кающийся, а кто изрыгающий последние проклятия своей злобы.

– Ты не мой отец, – запротестовал обладатель воспоминаний, когда к нему склонилось кошмарное омарье лицо. – Где я? Где мой отец? Мы были, мы были...

Но омарьи глаза-блюдца смотрели с насмешкой. Глубоко в них мерцал фиолетовый свет. Шрамированные щеки вздувались дыхательными клапанами. К забралам носа пристыла нанопена. Рот был круглым и сморщенным, словно анус, под припухшими губами блестели скругленные ряды мелких острых зубов.

– Нет, – проклокотал омар, – тут ты не прав. Как раз я и есть твой отец. Ибо твой отец Кежембер. Кежембра дассаран!

А потом большое чудовище протянуло свою огромную когтистую лапу к маленькому корчащемуся чудовищу и начало с корнями вырывать вопящий трофей из уютного углубления золотой скорлупы.

На этом видение оборвалось. Снова над Экватором шел дождь, а скованный омар, обладатель воспоминаний, смотрел в лицо человека. Для него оно было полупрозрачным: под кожей билась жизнь, пульсировали вены, нейроны пересылали сигналы, мышцы подрагивали в напряжении эмоций. Вокруг лица, словно угловатый венец, мерцал электродами шлем скафандра, и он тоже был разоблачен, пронзен вз-

глядом омара, разобран на все слои обшивки и электроники, на материю и силовые поля.

– Кири Салана, – сказал Ивара. – Какими бы странными ни были глаза, которыми я сейчас на тебя смотрю – я узнаю тебя, старый друг.

– Кежембер, – произнес Кири. – Не слишком ли много самомнения у вашего народа? Из твоих же собственных рассказов я знаю, кто вы все такие, племя бракованных подобиЙ.

– Кежембер гордится собой, – хрипло откликнулся омар. – Кежембер видел то, кахар намад, от чего ты, человек, мог бы сойти с ума. Кежембер аруна диахат. Кежембер прожил мир насквозь. Сколько бы ты ни выудил из меня, жалкий перворожденный, ты не узнаешь и половины моих троп. Хотя... – Что-то вроде смешка вырвалось из глубины его глотки – звук вышел такой, словно ржавую жестянку трут о камень. – Хотя, возможно, скоро ты сам будешь там. Когда сделаешь то, на что решился, и если тебе окажется по силам перейти и пережить Акиджайс. Если тебе тысячу раз повезет. Вирдала кахар. То однажды мы сможем увидеться вновь. Кто знает, будешь ли ты и тогда презирать меня. Или будешь служить Кежембер, будешь бороться за Кежембер, будешь сам Кежембер.

– Я все еще надеюсь, что мне не придется, – холодно сказал Кири. – Ну а ты, конечно, будешь надеяться на обратное.

– О нет, – проорчал омар, – я, как и ты, не хочу пробуждения Варн. Моя свобода не стоит его свободы. Я знаю Варн. Варн хочет проснуться. Варн хочет людей. Соблазнять ваш разум – его главная забота. Не в твоих друзьях здесь дело. Дело в нем. Он заговорит. Я чувствую это. Я видел его. Здесь нет вашей воли. Лишь его воля.

– Ты боишься его?

– Да. И ты должен бояться сильнее.

– Я боюсь. – Кири ненадолго умолк. – Наш мир ужасен. Ты ужасен. Я ужасен. Но разве есть такой великий идеал, ради которого мы бы имели право отменять все мироустройство? Ивара убеждал нас...

Учитель вздрогнул, когда прозвучало его имя.

– ...убеждал, что этот идеал существует, и я верил ему. Но не верил, что этот идеал достижим. И это было так легко – идти к цели, которая всегда вдалеке. Никакой ответственности, никаких трудных решений. Но вдруг мы находим все то, о чем он говорил. Вдруг сказка становится правдой. И я... Разве это не безумие, что ты последний в этом лагере, с кем я могу говорить откровенно?

– Перворожденные – не Кежембер. Лишенные единства, вы все мечтаете о разном. Не целое, но куча. Нет договора между вами. Один

исполнит. Другие нарушат. Ты слаб. Болен слабостью, перенял ее от мягкого мешка своей матери. И ты обязательно предашь кого-то этой ночью: Кежембер, их, себя, Варн или весь мир. Или всех сразу. Отпусти меня сейчас, не жди. Ведь ты ошибешься, ожидая. Ошибешься, недооценивая Варн и тех перворожденных, которые имеют глупость называть тебя другом. Отпусти меня сейчас, и я сохраню тебе жизнь, проведу тебя дорогами Ас Кешал Гаум, покажу тебе Акиджайс. Ты будешь единственным перворожденным, кто прошел так далеко в этом веке. Мы преподнесем Варн для Кежембер. И все войдет на круги своя.

– То ты обещаешь убить меня, то прочишь мне блага своего омерзительного рода. Нет уж, тварь. Я отпущу тебя не раньше, чем обстоятельства поставят меня в тупик. Насмехаешься над человеческой способностью хранить верность? Зря. Мы храним верность разуму. Для меня нет разницы, какому разумному существу я даю обещание: тебе или человеку. А ты – фанатик, ослепленный вашей безумной идеологией.

– Не Кежембер выбирают свой путь. Путь выбирает Кежембер. Бемеран Каас – выбирает Кежембер.

Кири ухватился за перекладину одной из колодок, налег весом тела и начал разворачивать конструкцию, внутри которой был закован омар. Донесся скрип каких-то шестерней, потом влажный звук, с которым небольшие колеса ехали по мокрому камню. Постепенно взгляду пленника открылся маленький научный лагерь: палатки и громоздкие машины, установленные прямо под дождем, на подставленной всем ветрам верхней плоскости Экватора. Но еще прежде лагеря друзья смогли глазами омара увидеть Литтапламп: город многих куполов сверкал на горизонте, словно россыпь белых энергетических кристаллов. Кири, похоже, тоже бросил взгляд на север.

– Не верю, что когда-либо увижу Акиджайс. А вот ты действительно многого достиг. Ты единственный из нерожденных, кто зашел так далеко на север. Кто еще из твоих соплеменников мог стоять на Экваторе и смотреть на ту сторону?

Омар промолчал. Его взгляд притягивало что-то, находящееся в самом центре маленького лагеря. Там, просвечивая сквозь стенки палаток, мерцало зарево невероятной красоты. Лучи золотистого и голубого света, смешиваясь, играли друг с другом. Это зрелище было тем более притягательным, чем более серым и уродливым казался окружающий мир. Но было в лагере и что-то другое – какая-то тень, которая простирала свои эфемерные руки вокруг светоча.

– Варн ашихуд мегара – он горит уже не так ярко. Архака накар. Вижу. Ты сделал все, как я сказал. Ты принес ее, принес Бемеран Каас – Великую Тьму.

– Да, я принес ее. Но не так много, как ты хотел. Лишь столько, сколько нужно по моим расчетам, чтобы удержать под контролем безумный эксперимент моих друзей.

– Ты проиграешь, вашука мигар, глупый человек. Варн обхитрит тебя.

– Замолчи. Ты не будешь рад выдать меня моим товарищам.

Толкая изо всех сил, Кири покатиł установку с омаром к центру лагеря – прямо к той точке, где светоч боролся с тенетами тьмы. Взгляд продвигался вперед медленными рывками. Влажно шуршали колеса, скрипели колодки. Все ближе и ближе был волшебный свет.

– Они не говорят, – прошептал Тави, – поэтому можно я скажу? Это Аджелика Рахна? То, о чем они сейчас спорили – это Аджелика Рахна? Варн – это его имя на языке кежембер?

– Да, – коротко подтвердил Ивара. – «Варн» означает кукла.

В этот момент взору омара открылись еще два человеческих силуэта. Поначалу едва различимые, они постепенно проступили сквозь прекрасное сияние. Казалось, лучи, исходящие от светоча, притягиваются к этим двоим, концентрируются в них, заполняют собою их тела, обтекают и ласкают их скафандры. Омар тоже это видел. Его дыхание участилось, стало тяжелым и хриплым. Несколько раз он даже пытался отвернуться, чтобы спасти свои лишенные век глаза от этого невыносимого зарева. Однако потом он переборол свою слабость, и высоко и яростно поднял свое уродливое лицо, чтобы смотреть прямо в сердце маленькой звезды – туда, где лежал предугаданный Тави Аджелика Рахна.

Полевая лаборатория друзей Ивары была укрыта от ветра и дождя широкими полотнищами непромокаемой ткани. Кири вкатил установку с омаром прямо под этот навес. Стало слышно, как дождь хлещет по тонкой натяжной крыше и как ветер завывает, ожесточенно прорываясь сквозь тесноту временного лагеря.

– А вот и наш единственный зритель, – приветственно произнес один из сияющих людей.

– Эдра, – узнал Ивара. – И, значит, ты, другой – Амика. – Словно бы не сознавая себя, он протянул руку и попытался коснуться второго человека – но тот был лишь призраком; пальцы Ивары свободно прошли сквозь мерцающую ткань голограммы. Звук дождя пропал, картинка на мгновение замерла, по комнате скользнули бесформенные тени.

Потом Ивара обессилено опустил руку, тени исчезли, и терминал продолжил воспроизводить видео.

– Значит, сделка в силе? – спросил Амика.

– Да, – глухо отозвался омар. – Кежембер заплатит за право видеть пробуждение Варн. В ответ кежембер проведет перворожденных далеко на юг, покажет скрытые пути Ас Кешал Гаум – Темного Меридиана, покажет Исал Мунах Адар Дабаута – постоянные врата великого возвращения, и возможно, даже доведет перворожденных до самого Акиджайса, до Минур Канах Кежембра – сердца своего народа.

– Зачем тебе это? – спросил Эдра.

– Что для тебя Варн, человек?

– Тайна. Тайное сердце истории, хранитель всех смыслов, которые мы потеряли.

– Образ, – добавил Амика. – Средоточие красоты вселенной.

Не только Кири, но и другие друзья Ивары говорили по громкой связи. Хинта подумал, что это из-за влияния Экватора – их лагерь стоял в таком месте, где не сумел бы работать ни один радиопередатчик.

– Перворожденные любят красоту намного меньше, чем свою жалкую жизнь, – ощерился омар. – Человек не нуждался в этой красоте, пока не обнаружил ее. А Кежембер всегда нуждался в Варн больше, чем в своей жизни. И вовсе не из-за его красоты. Кежембер искал Варн прежде, чем была зачата мать матери твоей матери, ты, ничтожное создание.

– Ты говорил, что твоя цель – уничтожить его, – сказал Эдра, – а теперь заявляешь, что нуждался в нем.

– Варн мне отец и мать. Ирид кежембра ашшанак. Наседка моего яйца. Типал ан нихурег. Дивар тулууяк. Бог моего злого очага. Ключ от дома, где я хочу жить. Не тайна, но ответ. Ашура брахар. А для тебя он не значит ничего из этого, ты, не переходивший Акиджайса. Уничтожить его – да, это моя цель. Стигайса Варн адар кохрут нибиджагга. И я нуждаюсь в нем, чтобы его уничтожить. Но еще я хочу его услышать, как и каждый из вас. Я бы предпочел увидеть, как он страдает вместе с миром.

– Ладно, – сказал Амика, – хватит. Но сделка будет в силе, даже если он не проснется.

Омар ответил хриплым рычанием. И вдруг его голос перекрыло звуком какого-то далекого трескучего грохота.

– Гроза начинается, – сказал Эдра.

– Да, – подтвердил Кири, – и не сама по себе. Боюсь, это мы ее вызываем своими приготовлениями.

– Твои громоотводы нас спасут?

– Не знаю. Мы ведь еще не пробовали их в деле. Послушайте, друзья. Я хочу предпринять последнюю попытку. Давайте отложим. Это все небезопасно. Еще можно повернуть эксперимент назад. И ничего не произойдет.

– Ты прекрасно знаешь, что произойдет, – сказал Эдра. – Квандра со дня на день заявится и заберет все, что нами было сделано. И тем более он ограбит нас, если мы попытаемся доставить результаты своих исследований в университет Кафтала. Поэтому лучше не останавливаться. Мы должны узнать как можно больше, а потом до лучших времен оставить все свои открытия в тайнике по ту сторону Стены. Так и никак иначе.

– Мы собираемся снять энергию Экватора, чтобы передать ее Варн.

– Ты говоришь, как это отродье, – сказал Амика. – Прошу, называй нашу находку Аджелика Рахна.

– Энергию Экватора, – повторил Кири, – всю энергию мира, всю энергию планеты – мы пожертвуем, чтобы оживить одно крошечное существо! Да, пускай это существо прекраснейшее на свете, пускай оно – сам Образ! Но мы знаем историю. Кто-то однажды уже сломал его, чтобы это остановить. Аджелика Рахна опасен.

– Несколько секунд снятия этой энергии недостаточно, чтобы обес-точило города и чтобы люди умерли от космического облучения, – сказал Эдра. – Это твоя технология. Кири, ты наш химофизик. Ты все это придумал, рассчитал. Я устал от этого спора. Почему мы три раза в день всю последнюю неделю должны доказывать тебе же самому, что ты был прав?

– Потому что я не был прав. Да, все это можно обосновать теоретически. Но так нельзя делать. Есть сотни расчетов, которые навсегда остаются на бумаге. Тебе ли об этом не знать? Ученые не проводят экспериментов, если это слишком опасно.

– Два голоса против одного, – сказал Амика, – и Ивары здесь нет. Чего ты добиваешься, когда уже проиграл спор? Ты можешь предать нас, можешь не помогать нам, можешь уйти. Но мы просим тебя остаться, потому что ты лучший в этом деле.

– Я останусь, – каким-то опустошенным голосом ответил Кири.

– Мы любим тебя, – сказал Амика, – так будь же честен. Прямая демократия – одно из правил Джада Ра. Ты в меньшинстве. Значит, ты должен делать все так, как рассудило большинство. Иначе мы не сможем принять ни одного решения и ничего не сможем сделать вместе.

– Ты прекрасно знаешь, что мы уже не Джада Ра. Клуб в прошлом.

– Нет, он здесь, – твердо возразил Эдра, – а единственный раз, когда нарушилось его демократическое правило – это день восстания Квандры. И мы знаем, к каким чудовищным последствиям это привело. До сих пор в наших жизнях есть грязные пятна, связанные с той историей. Поэтому хватит.

Омар отвратительно посмеивался, наблюдая за спором людей.

– О да, – прокаркал он, – лучше вам не будить Варн. Иначе все может пойти совсем не так, как думает каждый из вас.

– Молчи, – приказал Амика, – проявляй уважение. Иначе я найду способ сделать тебе больно. А потом выставлю под дождь, на другой конец лагеря – туда, где тебе место. И если Аджелика Рахна очнется и заговорит с нами, то и без тебя нам откроются все мыслимые и немыслимые пути.

Эта угроза возымела действие – надменное чудовище сразу и надолго замолкло. Но пока длился этот спор, пронизывающий взгляд омара все детальнее и детальнее прорисовывал обстановку лаборатории. Аджелика Рахна лежал в центре большого круглого стола. Под него со всех сторон тянулись толстые корни силовых кабелей – казалось, провода опутывают не только лабораторию, но и лагерь, и всю доступную поверхность Экватора от северного до южного края. По сторонам от стола стояли энергетические установки в витках медных обмоток, чуть поодаль громоздились серверные шкафы, защищенные слоями экранирующей сетки. И почти всюду, оживляя весь этот металл, танцевали энергетические поля: одни ауры поднимались от Экватора, другие вращались вокруг обмоток на силовых установках, третьи мерцали в глубине серверов. А ярче всего горел сам Аджелика Рахна – он был подобен звездному скоплению в центре галактики, он преломлял, преображал всю эту энергию. С потрясением Хинта понял, что узоры на лице и теле маленького человечка вплетаются в структуру его магнитного поля. Омар видел то, чего не могли видеть люди – видел, как выгравированные звезды срываются с поверхности металла и летят прочь, разбрызгивая кругом свет, как движутся в тихом хороводе звери, как летят птицы, как раскрываются почки и цветут цветы на нарисованных ветвях.

Только четыре места в лаборатории оставались темными. Это были какие-то контейнеры. Они стояли поодаль от центра, монолитные, молчаливые, ни к чему не подключенные. И из них медленными струями сочился непроглядный мрак. То, что было там, в этих контейнерах, обладало способностью гасить все вокруг, пожирать любую энергию. Не оставалось сомнений, что это и есть Бемеран Каас – именованная омаром Великая Тьма.

Хинта смотрел на все это, и думал о том, что не совершал никакой ошибки. Он ничего не сжег, не испортил. Аджелика Рахна не воскрес в его гараже, потому что во всем Шарту не было и ничтожной доли тех энергий, которые, по расчетам Кири, оказались бы здесь нужны. И еще Хинта думал о самом Аджелика Рахна – о том, как тот прекрасен, о том, что Кири сумел бы отбросить все свои сомнения, если бы мог посмотреть на маленького человечка глазами омара. По какой-то невероятной, несправедливой прихоти судьбы именно омар – злое и уродливое существо – обладал возможностью видеть все то, что было скрыто от людей. С незнакомым самому себе отчаянием Хинта думал, что Аджелика Рахна совсем не такой, как эта Бемежан Каас. Да, возможно, для его воскрешения была необходима вся энергия мира. Но Хинта видел, что и сам маленький человечек излучает энергию. Он не оставлял этот дар для себя. Он был создан сиять. Он делился своим силовым полем с каждым предметом вокруг. И энергию всего мира он бы тоже не стал себе забирать – он бы в одно мгновение отдал ее, пропустив через себя, и заново распространил на все вокруг. А вот Бемежан Каас могла эту энергию забрать и не вернуть. Она могла украсть энергию у всех – у Аджелика Рахна, у людей, у Экватора, у самого мира. Чем бы она ни была, ее природа состояла в том, чтобы пожирать.

Свет сиял, тьма клубилась; друзья Ивары, не способные своими глазами видеть это столкновение сил, производили последние приготовления к своему эксперименту.

– Эдра, возьмешь командование на себя? Ты знаешь, я не люблю быть главным.

– Почему не я? – спросил Кири.

– Потому что ты слишком долго возражал против этого эксперимента, и некоторые твои действия казались почти саботажем.

– И как вы намерены прервать процесс, если все выйдет из-под контроля?

– Заберу Аджелика Рахна из установки, – сказал Эдра, – а Амика по моей команде отключит все, что здесь можно отключить. Но я уверен, что такой необходимости не будет. Принимаю командование. Кири – к серверам. Амика – к силовым установкам. Я сам обойду лагерь. В последний раз проверим все, что можно. Ведем переключку.

Они разошлись.

– Плата А2, Плата А4, Плата А6, напряжение в норме. Плата Эгдгера – есть сигнал.

– Поглотитель плазмы – в норме, поглощение пока на нуле. Уровень плазмы на единице. Проверяю кабели от А6.

– Направление северо-запад в полном порядке, проверяю направление запад.

Эдра вернулся и занял место за одним из пультов, находящихся между серверами и центром лаборатории.

– Контакты Девоса – в норме. Контакты Эгдегера – в норме. Все в норме. Готовность номер один.

– Готовность номер один.

– Готовность номер один, – неохотно произнес Кири. Снаружи им ответил сокрушительный удар грома.

– Совсем рядом, – сказал Амика, – в наш громоотвод.

– Я... – начал Кири.

– Сосредоточьтесь, – приказал Эдра, – будет тяжело. Наблюдаю синусоидный всплеск энергии от молнии. Будем считать, что это была последняя проверка. Включаю поля.

Амика предусмотрительно отступил от центра лаборатории.

– Поле один – есть.

– Поле два – есть.

Прямо посреди помещения появилась молния. На этот раз она выглядела одинаково и для омара, и для людей: ослепительная вспышка энергии между двух энергетических установок.

– Поле три – есть, – сказал Эдра.

– Есть, – с задержкой повторил Амика.

– Поле четыре – есть, – хором произнесли они. Вторая молния прочертила пространство наперекрест первой. Разряды заиграли, сливаясь вместе, формируя подвижный шипящий шар. Шар превратился в купол, купол поднялся и опал, секунду спустя вновь поднялся и опал – начал пульсировать, дышать. Треск статических разрядов сделался громче, чем шум дождя.

– Плазма уровень четыре! – прокричал Амика. – Поглотитель начал работу в штатном режиме!

Омар тоже видел плазму: та капала где-то внутри установок – сияющая материя, перенасыщенная энергией. Тьма, Бемеран Каас, отступила назад, словно была способна бояться. Теперь ее стало почти не видно – она вся забилась внутрь своих контейнеров и больше не показывалась оттуда. Снизу, изгибаясь, поднимались энергетические ауры Экватора. Они оторвались от собственных электродов, сложились в единый пучок и замкнулись на Аджелика Рахна. Теперь статические разряды были повсюду. На защитных сетках серверов вспыхнули огни. Камень на поверхности Экватора шипел, с него испарялась вода, искры танцевали на ска-

фандрах людей, вдоль силовых кабелей. Кири бросил свой пост и, как замороженный, шагнул к центру лаборатории.

– Работает.

– Плазма двадцать один, поглотитель на пределе.

– Эгдегер – перегрузка, перевожу обсчет верхней магнитуды на Девос.

Словно опомнившись, Кири метнулся назад к серверам.

– Подтверждаю! Девос принимает! Загрузка Девос девяносто процентов. Девяносто пять.

– Они сгорят, – ровным голосом сказал Эдра. – Понижаю частоту. Амика, дай отчет, пока мы еще видим показатели.

– Энергия шестьдесят терраэлектронвольт, но потери выше расчетных.

– Девос отказ! – крикнул Кири. – Эдра, ты должен остановить это.

– Рано.

– Эгдегер отказ. Сервер мертв.

– Энергия на ноле. Показания явно ложные.

– Не смотрите на приборы. Данных больше нет. Смотри на Аджелика Рахна.

Пульсацию молний невозможно уже было различить – они слились, приняли вид единой энергетической сферы и постепенно поднимались вверх. Меньшие разряды танцевали внизу, словно могли поддерживать сферу и толкать ее вверх. Сама сфера тоже вытягивалась, обретая форму яйца, потом длинного кокона, и наконец, стала похожа на волшебное электрическое дерево. Энергетические установки захлебнулись – на их поверхности, как сияющие слезы, выступили капли плазмы и расплавленного металла. Треск разрядов глушил человеческие крики, а сверху, усиливая и дополняя какофонию, звучал настоящий гром – гроза бушевала, восходя к своему апогею. Дерево росло, расправляло по поверхности Экватора дрожащие корни-молнии, тянуло вверх танцующие ослепительные ветви. Вот оно достигло натяжного потолка лаборатории. Раздался взрыв, и тканевую поверхность разорвало на пылающие лоскуты. Вверх, в бесконечную вышину, устремились изломанные линии молний. За считанные мгновения дерево достигло беспредельной высоты. Ему навстречу упали зарницы туч. Порывом налетел ветер, дождь шквалом обрушился на лабораторное оборудование. По кипящей, бурлящей воде рассыпались мелкие искры.

Все сияло. Глаза омара устали, ослепли; безумный свет уже не казался ему таким ярким, и молнии начали обретать оттенки – зеленый, красный, голубой, фиолетовый, желтый. Это был редкостный танец све-

та и цвета. Стало видно, что внутри огненного электрического древа медленно оживает маленький силуэт. Там, в потоке энергии, танцевал Аджелика Рахна. Его движения были плавными, грациозными, почти такими же, как у Ашайты. По лагерю пробежала последняя вспышка невиданной энергии; все приборы отключились, энергетическое древо сократилось, опало, его ветви больше не тянулись до небес – оно стало со-размерно людям. Его свет потускнел, обрел густые оттенки. Но оно не погасло; его корни белой плазмой проплавливались в поверхность Экватора. И тогда Аджелика Рахна начал – говорить? петь? Его слова складывались в мелодический поток и несли в себе нечто невероятное – заклинание, способное расколоть душу, а потом заново собрать ее по частям, при этом даря ей толику знаний о глубинном устройстве вселенной.

– Иджа ира намун ахар алон, Итаирун алар нирида на, Кихи орад ахира калиан, Аджид итара виа тами мирун...

Его голос был как звон колокольчиков. Ветви древа раскачивались и расцветали, когда он произносил эти слова. И Хинта ощутил ужас, потому что понял, что больше не владеет собой. Он не мог шевельнуться, отвернуться, закрыть уши. Речь маленького посланника проникала ему прямо внутрь, касалась чего-то в его душе. Он не понимал ни единого слова, но это было неважно, потому что он понимал смысл самой речи. Заклинание порождало в его воображении картины. Он увидел одинокий светоч, огромный, пылающий, фрактально-сложный, увидел, как тот теряет свое единство, отбрасывает свои лучи. Он знал, что Итаирун – это имя светоча. Итаирун был всем. Внутри него рождались галактики и миры. Там происходило великое становление. Красота этого зрелища вызвала у Хинты боль, потому что в этой красоте открывалась потрясающая ясность. Все пути жизни разоблачались там, распрямлялись, делались простыми и оттого еще более прекрасными. И сам Хинта был там – отраженный, преображенный, прекрасный, иной. Светоч хранил его в себе, возвышал. Эта ласка сводила с ума. Хинта предпочел бы суд, предпочел бы быть отвергнутым, оставленным наедине со своими горестями, со своим маленьким умом и маленькой злостью, маленьким опытом и простыми желаниями. Но светоч не отпускал его. Он продолжал давать ясность. Все противоречия внутри Хинты обострились, все эмоции выкристаллизовались, отделились друг от друга, словно он сам отбрасывал от себя мысли-лучи. Вот его любовь к брату – теперь она встала отдельно от его ненависти к Круне. Вот его любовь к матери и отцу – теперь эта любовь встала отдельно от его сомнений в них, отдельно от несбывшихся надежд. Вот его восхищение друзьями – и теперь восхищение встало отдельно от зависти. Все, что было слитно, разделялось, в душе не оста-

валось темных углов – тех закоулков, где Хинта хитро прятал от самого себя свои же собственные мысли. Он с новой ясностью вспомнил, как мечтал, чтобы Тави плакал и извинялся перед ним. Он с новой ясностью осознал, что до сих пор не доверяет Иваре, до сих пор может вообразить, будто учителя здесь нет и что они с Тави, как в былые времена, дружат лишь вдвоем. А какие-то из его прежних, важных для него чувств, вдруг уничтожились, исчезли: его ненависть к Джифою, уважение к Киртасе – все это оказалось слабым, неважным, поверхностным. Раздавленный нестерпимым стыдом и страданием, с текущими из глаз слезами, Хинта склонился вперед и продолжал смотреть на голограмму. А Аджелика Рахна пел свою песню дальше, вел дальше свою историю.

Повествование не было последовательным. Он не уделял внимания подробностям – лишь показывал картины, слайды – но каждая из этих картин обладала бесконечной глубиной. Вот лучи Итаирун стали самостоятельны. Они взяли себе имя Нарт и стали говорить друг с другом. Планеты, звезды, целые галактики слагались в их тихом шепоте, отделяясь от Итаирун, начиная жить. Но жизни не было. Лишь чудовища, потрясенные отблеском первой красоты, лежали на мертвых камнях и пытались понять, кто они сами, и кто их боги, и зачем всему этому быть. На этом закончилась вторая сцена и появилась третья.

Вот Образ. Его настоящее имя звучало, как Тайлин. В нем Хинта угадал лицо самого Аджелика Рахна, и лицо Ивары, и лицо Тави, а затем лица всех, кого он знал – всех людей, все барельефы, самого себя. И не только лица, но и тела, и какую-то неуловимую важную часть, которая крылась под оболочкой – все это было там, и еще растения, и одушевленные твари всех видов и размеров, способные ползать, ходить, плавать, летать... В картинах жизни было великое счастье. Вселенная развернулась, как суетливый рай, обрела имя: Ланин. Это было название для всей ойкумены Образа, всей жизни, всего живого. На этом закончилась третья сцена и началась четвертая.

Имя этому было Даас. Оно наступало извне. Бескрайнее, темное, полное каких-то камней, осколков. Словно весь строительный мусор миров восстал против родившейся жизни. Хинта испытал первобытный ужас. Клубящиеся частицы пыли; куски скал; туманы, поглощающие свет; чудовища без глаз. Он еще дрожал, когда эта сцена закончилась и на смену ей пришла новая.

Вот золото. Нарт выбрали лучший из металлов и начали его превращать, чтобы сделать неживое одушевленным. Теперь Аджелика Рахна говорил о самом себе. Он называл себя Тайлин Тамирад Ланин – образ, защищающий жизнь. Хинта увидел, как распадаются золотые

планеты, как клубится золотой туман, как корабли, озаренные светом близкого Итаирун, уходят в темноту Даас, чтобы найти Ланин раньше, чем это сделает Даас, чтобы сохранить жизнь. И эта сцена закончилась.

А потом Хинта увидел Землю. Города белых небоскребов под голубым небом, озаренные лучами яркого солнца. Космодромы и серебристые космолеты на них. Люди, бегущие по траве, корабли, плывущие по воде, дельфины, играющие у борта. Птицы, пролетающие сквозь кроны огромных деревьев. Алый восход над горами. Поля ветряных электростанций. Он увидел лица, смеющиеся и плачущие, цветы на деревьях, надгробия на зеленых лугах, разноцветные машины, несущиеся по силовым тоннелям между домами. Он увидел лица чистые и покрытые пылью, увидел огромные заводы и тихие кабинеты, заглянул в глаза древних астрономов, почувствовал грубые руки рабочих, возводивших мир до катастрофы. Он все понимал, знал их чувства, проникал в каждого из них.

– Это был Малуин. Так мы называли вашу планету, когда увидели ее впервые. Мы знали, что Даас придет сюда, и летели, чтобы его опередить. Но мы не успели. И наше золотое семя не сумело подготовить ваш народ к встрече с Даас. Однако мы помогли спасти то, что еще можно было спасти. Этого хватит, чтобы воссоздать Малуин. Планета будет другой. Но она будет столь же красива, как первый Малуин, и люди начнут жить на ней заново. Люди снова обретут свой настоящий дом.

Хинта воспринимал это послание как слова, но в то же время понимал, что Аджелика Рахна говорит не на литском языке. Маленький человечек по-прежнему пел свою странную и прекрасную песнь, и все им сказанное было чистой мыслью, рождалось прямо в разуме слушателей. Хинта не только слышал, но и видел каждую из этих мыслей. Он словно бы обрел двойное зрение. Его глаза продолжали смотреть на голограмму, но при этом он мог видеть и нечто большее, бесконечное – то, о чем сообщал волшебный посланник. И с каждым следующим мгновением это сообщение становилось все более ясным. Хинта предчувствовал, что высказывание Аджелика Рахна почти завершено, и сейчас будет какой-то последний смысл, простое указание на то, что нужно сделать для обретения новой Земли, нового Малуина. Дерево на голограмме исчезло. Ему на смену снова пришел энергетический шар, но теперь это была не просто сфера – это был глобус, схематически изображенная планета Земля. По ее поверхности тянулись два кольца. Одно было Экватором, другое – Меридианом. И было что-то еще – множество сложных подробностей там, в глубине. Аджелика Рахна уже объяснял каждую из них. Хинта почти физически ощутил, как новый великий смысл загружается

ему в мозг. Надо было что-то сделать. Надо было отнести куда-то маленького человечка, чтобы тот мог...

И вдруг все оборвалось. Словно со стороны, Хинта услышал мучительные крики – свой собственный голос, голоса Ивары и Тави, голоса друзей Ивары, и даже голос омара – все они кричали от боли, которую вызвал в них обрыв связи. Аджелика Рахна молчал, точнее, он все еще что-то пел, но слов его уже не было слышно, и они стали другими – они были направлены не людям, но темному злу, которое вытекало из открытого и опрокинутого контейнера.

Это сделал Кири. Он выпустил Бемеран Каас и сам пал первой ее жертвой. Корчась в судорогах, он пытался доползти до следующего контейнера, а тьма текла сквозь его тело и устремлялась к Аджелика Рахна. С первого удара ей не удалось ничего добиться – маленький человечек властно поднял руку, начертил в воздухе знак и рассеял летящий поток мглы. Тьма, испуганная и смятая, заструилась в разные стороны. Кири дополз до второго контейнера и расстегнул замки на крышке.

– Что происходит? – простонал Эдра. – Почему?..

С большим трудом Хинта вспомнил, что друзья Ивары не могут своими человеческими глазами видеть тьму, не понимают, из-за чего случился обрыв рассказа. Но они могли видеть Аджелика Рахна, заметить, как тот поворачивается и накладывает энергетические заклęcia в направлении Кири.

– Это сделал он! – закричал Амика. – Он что-то принес, чтобы все нам сорвать!

В этот же самый момент подал свой голос омар.

– Освободи меня! – взревел он. – Бемеран Каас не справится одна! Даже она сейчас бессильна против его чар! Освободи меня, глупец!

Амика бросился к Кири. Кири, корчащийся, проникнутый тьмой, побежал к омару. Эдра инстинктивно рванулся к Аджелика Рахна. Два рукава тьмы, ползущей из контейнеров, сложились в один, образовали кулак и с новой яростью обрушились на мерцающие магические щиты маленького человечка. А потом все произошло почти одновременно. Кири освободил одну руку омара. Тот выстрелил в Аджелика Рахна. Пуля попала маленькому человечку в бедро, взорвала ему ногу. Разбитый Аджелика Рахна покатился по мокрой поверхности Экватора. Эдра упал перед ним на колени. А Бемеран Каас обрушила всю свою мощь на опустевшее плазматическое ядро, висящее в том месте, где еще мгновение назад находился Аджелика Рахна. И на этот раз щиты не отбросили Бемеран Каас, но слились с нею. С шипением и свистом адское ничто поглотило всю ту энергию, которая была предназначена Экватором для

Аджелика Рахна. От этой энергии тьма перестала быть темной, начала светиться. Казалось, великан из фиолетовой плазмы поднимается над лагерем. Брызги смешанной материи сверкали повсюду. Они попали на каждого из людей и на омара. Изображение на голограмме пошло круговой рябью. Все цвета слились в один, ослепительно-фиолетовый. Омар куда-то стрелял, но, похоже, сам в эту минуту не видел, где цели. Оглушительный грохот выстрелов чередовался со звуками борьбы, с криками и стонами людей. А когда фиолетовое зарево немного рассеялось, стало видно, что ни одного из друзей Ивары уже нет поблизости. Аджелика Рахна тоже исчез. Плазматический великан опадал, гигантской кляксой сползая на южную сторону Экватора, утягивая с собой мелкие предметы.

Омар опустил взгляд вниз. На месте его живота, словно портал в другое измерение, сиял полип из фиолетовой антиматерии.

– Бемеран ду, – прохрипел он, – нариба араша каваардан. Дай мне силу. Будь мне как мать. Ширит пехрак авар. Позволь мне закончить начатое. Не жаль. Инбак. Не жаль. Пощади. – Но, похоже, легче ему не стало. И тогда он, всхлипывая, заново начал читать молитву смертника, которую бормотал в самом начале цепочки воспоминаний, еще до появления Кири. Он произносил ее слова и смотрел на то, как сияющая слизь прожигает, пожирает его кишки. – Кежембра вега дашаран. Инвала ситуишь танак. И я акаша кежембер. Вытаю вдра сафарают. Гезангра ви-врахат таликахин. Наварают нигану гре. Де кежембер сахар. Сикаджа одабун мохаб.

Хинта ощутил у себя в горле спертый, мучительный комок слез, а в сердце – ужас и скорбь. Особенно ужасно было то, что даже этот омар, в каком-то смысле, вел себя как герой. И Кири вел себя как герой, когда ради своей идеи сделал то, что сделал. И при этом омар и Кири были чудовищами. Истинными героями были друзья Ивары и Аджелика Рахна. Но все они стоили друг друга, и оттого в их конфликте была трагедия, которая разрывала душу. Хинта осознал, что можно демонстрировать силу и выдержку, терпеть боль, стоять до последнего, жертвовать собой – но не быть героем. Оказывается, даже чудовище могло проявлять героизм. Оказывается, убийца, предатель и враг мог быть не меньшим храбрецом, чем те, кому он вредил.

А потом Хинта заметил какой-то новый, странный источник света позади терминала. До сих пор голограмма заслоняла этот свет, но теперь он стал слишком сильным. Удивленный и растерянный, Хинта шагнул в сторону и обнаружил, что пластиковый контейнер, внутри которого лежали платы омара, охвачен фиолетовым сиянием.

– Ивара, – окликнул Хинта, – Тави, здесь...

Договаривать ему не пришлось, все увидели то, о чем он говорил. Сияние становилось все ярче; вот оно стало таким ярким, что на протяжении нескольких мгновений Хинта не мог различить, где его центр. Щурясь, он разглядел, что сияет тот металлический кристалл, который с самого начала пугал его. Вокруг кристалла клубилась плазма, казалось, само охлаждающее масло, в котором лежали платы, уже тоже превращается в плазму.

– Надо его выключить! – закричал Тави.

– Но мы не увидели конец... – начал Ивара. На мгновение Хинте пришло в голову, что у них повторяется ужасный сценарий из прошлого: как и друзья Ивары шесть лет назад, они сейчас тоже не смогут договориться, и это приведет к какой-то катастрофе. Все замерло: омар на голограмме почти не двигался – лишь выдавливал из себя сквозь стон священные слова, мальчики остановились в нерешительности. Но потом Ивара сам же разрешил ситуацию – наклонился и выдернул из розетки силовой кабель. Раздался звук, словно раскаленный металл бросили в ледяную воду. Голограмма исчезла сразу, фиолетовый свет кристалла ослабел и начал постепенно угасать. В комнате сгустились сумерки. Тогда Тави зажег обычный электрический свет. Платы омара тлели, как догорающий брат, только не голубым, а фиолетовым.

– Что это было? – спросил Хинта.

– Видимо, в нем что-то еще осталось от той энергии, – сказал Ивара.

– Почему мне кажется, что это что-то было полумразумным и злым? Ему никто не ответил.

– Ивара... – позвал Тави.

– Что?

– Я не знаю, как сказать. – В глазах у Тави блеснули слезы.

– Тогда не торопись. – Учитель выглядел очень спокойным – поразительно спокойным, даже счастливым.

– Но...

– Я больше не страдаю. Для меня все сбылось. Я снова их увидел – а думал, что не увижу уже никогда. Теперь, впервые за все эти годы, я могу закончить то, ради чего они погибли. И я не один. Мы вместе можем это закончить.

Он посмотрел на Тави, на Хинту, улыбнулся, а потом просто обвел комнату взглядом – словно хотел навсегда запомнить это место. И в этот момент у них над головой зашипели встроенные в потолок динамики системы оповещения.

– ЖИТЕЛИ ШАРТУ, ЖИТЕЛИ ШАРТУ, ЖИТЕЛИ ШАРТУ, ВНИМАНИЕ. ЭТО СООБЩЕНИЕ БУДЕТ ТРАНСЛИРОВАНО ПОВСЕМЕСТНО НА ОБЩИХ АВАРИЙНЫХ РАДИОЧАСТОТАХ ШАРТУ И В АТМОСФЕРНОМ ВЕЩАНИИ ПО ВСЕМУ ПОСЕЛКУ. СООБЩЕНИЕ БУДЕТ ПОВТОРЯТЬСЯ КАЖДЫЕ ПЯТЬ МИНУТ. ЕСЛИ ВЫ НЕ ОТНОСИТЕСЬ К ЮРИСДИКЦИИ ШАРТУ, НО УСЛЫШАЛИ СООБЩЕНИЕ – МЫ ПРИНОСИМ ИЗВИНЕНИЯ ЗА ТО, ЧТО ЗАНЯЛИ ЧАСТОТУ.

– Как в день гумпрайма, – произнес Тави. Они напряженно переглянулись.

– ПРОСИМ ВСЕХ СОХРАНЯТЬ СПОКОЙСТВИЕ. ГРУППА ОМАРОВ ПЕРЕСЕКЛА ГРАНИЦЫ ЮРИСДИКЦИИ ШАРТУ. БУДУТ ПРИНЯТЫ ВСЕ МЕРЫ, ЧТОБЫ ОСТАНОВИТЬ ПРОДВИЖЕНИЕ ОМАРОВ К ПОСЕЛКУ. ПОВОДОВ ДЛЯ ПАНИКИ НЕТ. ВСЕХ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ, КОТОРЫЕ НАХОДЯТСЯ ВНЕ ПОСЕЛКА, ПРОСИМ ПРОСЛЕДОВАТЬ В ПОСЕЛОК. ТЕХ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ, КТО НЕ ПОЛУЧИЛ ПРЕДПИСАНИЯ НАПРАВИТЬСЯ В КОНКРЕТНОЕ УБЕЖИЩЕ, ПРОСИМ ПРОСЛЕДОВАТЬ В АДМИНИСТРАТИВНЫЙ КОМПЛЕКС ШАРТУ. НАПОМИНАЕМ, ЧТО В УБЕЖИЩАХ СОЗДАНЫ СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕСТА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ, А ТАКЖЕ ДЛЯ БОЛЬНЫХ И СТАРИКОВ. ЖИТЕЛЕЙ ОКРАИННЫХ ДОМОВ ПРОСИМ ПРОСЛЕДОВАТЬ К НАЗНАЧЕННЫМ УБЕЖИЩАМ. ТЕХНИКАМ А-РАНГА ПРИКАЗАНО ПРОСЛЕДОВАТЬ НА СВОИ ПОСТЫ. ВОЕННООБЯЗАННЫМ ПРИКАЗАНО ПРОСЛЕДОВАТЬ К НАЗНАЧЕННЫМ ПУНКТАМ СБОРА.

– Это мы сделали? – спросил Хинта. – Это сделал кристалл?

– Нет, – сказал Ивара, – рано такое предполагать.

– ЕЩЕ РАЗ ПРОСИМ ВСЕХ СОХРАНЯТЬ СПОКОЙСТВИЕ. ПОВОДОВ ДЛЯ ПАНИКИ НЕТ. ПРОСЛЕДИТЕ ЗА КОМФОРТОМ БОЛЬНЫХ И СТАРИКОВ, ОБЕСПЕЧЬТЕ БЕЗОПАСНОСТЬ СВОИХ ДЕТЕЙ, А ЗАТЕМ НАПРАВЛЯЙТЕСЬ ТУДА, КУДА ВАС ПРИЗЫВАЕТ ДОЛГ, ЛИБО ОСТАВАЙТЕСЬ С ТЕМИ, КОГО ВЫ ДОЛЖНЫ ОПЕКАТЬ. НЕ ВЫХОДИТЕ НА УЛИЦУ БЕЗ ПРИКАЗА, ПРЕДПИСАНИЯ ИЛИ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ, НЕ ПОКИДАЙТЕ ДОМА И УБЕЖИЩА ДО ОКОНЧАНИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ. КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ. СООБЩЕНИЕ БУДЕТ ПОВТОРЕНО ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ.

Хинта ощутил внутри у себя странную непоколебимость. Страх не было. Он стал другим. Впервые за всю свою жизнь он был готов к сего-

дняшнему дню. И в своих друзьях, когда они переглянулись, он увидел то же самое – не страх, но знание и волю. Аджелика Рахна сквозь годы и память омара сумел что-то им передать, восстановил, дополнил каждого из них. И вот они стояли и смотрели друг на друга, и видели друг в друге красоту. Казалось, весь мир вокруг них может быть сметен взрывом, а они останутся – несокрушимые яркие души, знающие истину, верящие в дружбу. И постепенно все трое начали улыбаться друг другу – это был необычный момент, момент невероятного затишья, точка покоя на фронтире рушащегося мира.

Часть пятая

ВЫБОР

*А Слон поет глубоко в чаще
О звезде мира без смерти и боли,
Но ни один астроном не может
Найти ее.*

Тед Хьюз

Глава 13

ЛИЛОВЫЙ ШРАМ

Из прихожей донесся сигнал звонка.

– Это не шлюз на улицу, – сказал Тави. – Внутренняя дверь.

Они пошли открывать и на пороге столкнулись с испуганным запыхавшимся администратором, который сообщил Тави, что тот должен быть готов впустить в свою квартиру чужих людей.

– В экстренных ситуациях и в случае труднодоступности других убежищ основным местом сбора гражданских Шарту становится административный центр, а жилые блоки временно перестают принадлежать их собственникам, и в них могут быть расквартированы беженцы.

– Когда?

– Это не обязательно. Только если нам не хватит других мест. Сначала мы заполняем большие помещения, такие, как зал гумпрайма.

Он поспешил дальше. Хинта, выглянув в общий коридор, увидел, что половина квартир уже открыта. Люди шумели, спрашивали о чем-то, на лицах застыла растерянность.

Когда мальчики вернулись к Иваре, тот сказал им, что должен идти: у него, как у школьного учителя, была своя обязанность – позаботиться о детях-беженцах.

– Ты вчера с трудом держался на ногах, – запротестовал Тави.

– Это не имеет значения. Я один из немногих невоеннообязанных мужчин в Шарту. Никто за меня не сделает мою работу. Кроме того, я, возможно, узнаю что-то важное. Спрячьте все, что можно спрятать. – Он протянул Тави ключ-карту от своей квартиры.

– Мы уберем все, что кажется странным, – обещал Хинта. Как только Ивара ушел, они приступили к лихорадочной деятельности: вернули колпак на жерло вентиляционной системы, перетаскили терминал обратно в комнату Тави, завернули останки омара в полотнище и спрятали сверток под шаткой машиной опрокинутого шкафа. Где-то в процессе Хинта осознал, что не знает, к какому убежищу приписана его семья. Он слишком долго не жил дома – лежал в больнице, потом пользовался гостеприимством Фирхайфа. Он знал, что Атипа, если не струсит, пойдет на пункт военного сбора. Куда должны двигаться Лика и Ашайта,

он не имел ни малейшего представления. Он предпринял попытку позвонить матери, но та ему не ответила. Несколько нервных минут он пытался решить, что же ему следует делать.

– Если нужно, беги домой, – сказал Тави. – Я справлюсь.

Но Хинте не пришлось – мать сама перезвонила ему, обрадовалась, узнав, что он все еще у друга, и обещала, что скоро придет и приведет младшего. Их семья не получала отдельного предписания, а значит, они должны были явиться в центр. Хинта с новой энергией принялся помогать Тави. Они упаковали и спрятали все платы омара, скопировали из терминала ценную информацию, а сам терминал Хинта наспех закрыл, чтобы тот не выглядел разобранным.

Лишь раз у них возникла заминка.

– Если это сделал кристалл, – сказал Хинта, – то мы должны его уничтожить.

– Нет. Ивара прав, дело не в нем.

– Почему?

– Подумай сам. Все произошло слишком быстро. Не могли омары напасть через несколько минут после того, как эта штука начала светиться. Омары напали раньше. Потом была неизбежная задержка: кто-то принял бой. И лишь когда этот первый бой был проигран, нам сообщили, что поселок переходит на осадное положение. Если это нападение было спланированным, если в нем участвует больше чем одна группа омаров, значит, оно готовилась задолго до того, как мы вообще подключили эту штуку.

Хинта упрямо покачал головой.

– Уничтожить его? Но как? Если мы его разобьем, из него потечет неизвестно что. Лучше всего схоронить его в земле или в воде, но у нас нет на это времени. Расплавить его или сделать что-то другое мы тоже не можем.

Эти технические аргументы сломили Хинту. Мальчики сунули остывающий кристалл в маленький контейнер с водой и запаковали его вместе с остальными платами. Когда с уборкой было кончено, они поднялись в квартиру Ивары. Пока Тави возился с ключ-картой, Хинта вдруг осознал, что еще толком не бывал в доме учителя. Лишь пару раз он переступал порог, но это всегда было случайностью, происходило в каких-то спешных обстоятельствах, когда что-то надо было убрать, отнести, передать.

– Ты увидишь, – словно прочитав его мысли, сказал Тави, – там нам почти нечего делать. Он не умеет создавать вокруг себя обжитое

пространство. Болезнь мешает. У него почти никогда нет еды. Он пользуется самой простой мебелью. А его вещи лежат, как на складе.

Это оказалось правдой. Квартира Ивары была небольшой, куда меньше, чем у Тави. Единственная комната выглядела полупустой. У одной стены дремали три терминала, соединенные в кластер, рядом с ними возвышался стеллаж, на полупустых полках которого, словно музейные экспонаты, стояли убранные под стекло приборы.

– Здесь я впервые увидел Вечный Компас, – указав на стеллаж, сказал Тави.

У другой стены громоздился ряд контейнеров с маркировкой транспортной службы. Хинта догадался, что там были литтапламские вещи, которые Ивара привез с собой, но так и не удосужился распаковать.

– Он ведь здесь уже полгода...

– Всего лишь полгода.

Над постелью, заваленной хаотически разбросанной одеждой, висел необычный, старинного вида составной барельеф-триптих, изображающий карту уровней какого-то древнего подледного города. Хинта засмотрелся на изогнутые очертания улиц.

– Это я повесил, – сказал Тави. – Теперь это лучше убрать – в Шар-ту таких вещей больше ни у кого нет. Не будем смущать людей.

Меньше чем за двадцать минут они вернули все ценные вещи Ивары обратно в контейнеры транспортной компании. Когда все было закончено, квартира стала совсем пустой. Тави ввел в замки контейнеров блокирующую комбинацию. Хинта опустошил кластер Ивары, переписав все данные на свой портативный терминал.

– Все?

– Вроде бы. – Тави устало остановился у окна.

– Что теперь?

– Не знаю. Будем ждать вместе с остальными. – Плечи Тави дрогнули. – Все кончилось. Времени больше нет.

– Мы же все успели.

– Я про другое время. Про наше время. Я чувствую, что оно ушло. Ивара закончил свои дела. Мы сейчас собрали его чемоданы. Понимаешь? Это конец. Его здесь больше ничто не держит. Он все узнал. Он уедет.

– Его не пустят в Литтаплам.

– Смотри, снег пошел.

Хинта подошел, робко положил руку Тави на плечо. Сумерки превратились в ночь. Из окна было видно соседнее крыло администра-

тивного центра – линии светящихся окон, яркие лучи софитов, бьющие с крыши. В воздухе, улавливая весь этот свет, кружились белые пушинки.

– Да. Первый в этом году.

– Он найдет способ, чтобы его пустили в Литтапламп.

– Это займет время.

Тави тихо покачал головой. Ядовитый снег беззвучно ложился на пустынную землю технического двора. Покров был таким тонким, что черно-красная глина просвечивала сквозь него, придавая ему грязно-розовый цвет.

– После этого нападения опять что-то изменится. Погибнут люди – скорее всего, кто-то уже погиб; начнется новая волна шартусского патриотизма; на улицах станет еще опаснее; тебе придется снова работать на твою семью. Я знаю, как это происходит. У этих вещей всегда один и тот же сценарий. – Широко раскрытые глаза Тави казались очень темными. В них читалось предчувствие одиночества. – Эту квартиру займет кто-то другой. Возможно, кто-нибудь из «Джиликон Сомос», ведь они неизбежно начнут сюда приезжать, отправлять своих инженеров и управленцев.

– Ты... – Хинта хотел спросить, насколько часто Тави бывал в доме у Ивары.

– Я буду в порядке. Смотри: там, за окнами, в том крыле, зал гумпрайма. Видно тени людей. Думаю, там уже толпа, и скоро их начнут переводить сюда.

– Ага.

В наступившей тишине опять зазвучало стандартное сообщение. Оно повторялось так часто, что Хинта выучил его наизусть.

– Мама уже должна была прийти.

– Да. Перезвони ей.

– Она задыхается. Если она сейчас спешит где-то по улицам, я своим звонком только собью ее.

– Как думаешь, она пойдет через центральный шлюз?

– Нет. В твою дверь.

– Тогда надо спуститься.

Они ровно успели вернуться, когда Лика позвонила с улицы. Ашайту она несла на руках. Пройдя через шлюз, она отпустила его и обессиленно привалилась плечом к стене прихожей. Ее дыхательная маска сильно запотела, лицо покрылось красно-белыми пятнами. Она была почти в обмороке.

– Мама? – Хинта передал брата в распоряжение Тави, а сам помог матери снять шлем. – Ты несла его всю дорогу? А как же Иджи?

– Ключ от гаража... А типа случайно забрал... Что было делать? Я пошла так...

– Лучше бы ты осталась дома. Омары могут и не дойти до Шарту.

– Да. Зря я...

– Не надо себя корить, – сказал Тави. – Мы же понимаем, как принимаются такие решения. Казалось, что времени нет.

Ли́ка ненадолго подняла на него благодарный, заинтересованный, оценивающий взгляд, но ей было слишком плохо, и ее внимание быстро угасло. Мальчикам пришлось подхватить ее под руки и отвести туда, где собирали других больных. Вчетвером, с Ашайтой, которого Хинта придерживал за плечо, они проталкивались сквозь взволнованную толпу. Некоторые из присутствующих в страхе оборачивались в их сторону; на смутно знакомых лицах Хинта читал один и тот же набор реакций – сначала люди думали, что видят раненого, потом до них доходило, что это просто больная женщина, и весь их интерес мгновенно сменялся глухим недовольством. Их раздражало, что нужно уступать место, что их вырвали из привычного круга их домашних и рабочих дел, и что теперь они будут делить свое пространство с кем-то, кому может понадобится их помощь и кому они из вежливости не смогут отказать. А потом начинал работать сам механизм вежливости, и они отступали в сторону, убирали ноги, отодвигали сумки, дергали вслед за собой своих детей. Толпа была неравномерной – в одних помещениях людей было так много, что там не удавалось пройти по прямой, но раз или два они находили пустые коридоры, где им никто не мешал. Все время приходилось спрашивать дорогу – никто ничего не знал, царила неразбериха. Наконец, они отыскивали небольшой конференц-зал, где собирали больных. Там было полно злых стариков и молчаливых полусонных калек, прикорнувших в своих инвалидных креслах. Ликой тут же стали заниматься, а мальчикам велели идти в детскую комнату рядом с гумпраймом. Там их зарегистрировали в качестве детей без родителей. Пришлось ждать. Пару раз, но лишь издали, они видели Ивару – тот провожал куда-то группы подростков, раздавал одеяла. Лишь через час он улучил минуту, чтобы подойти к ним.

– Ра, – обрадовался Ашайта.

– Мы все сделали, – сказал Тави, возвращая ему ключ.

– Что теперь? – спросил Хинта.

– Здесь места не хватило. Зал гумпрайма набит битком. Кресла унесли, теперь там повсюду постели – даже вокруг кафедры. Поэтому детей и семьи с детьми решили перевести в наше крыло. Вы возвращаетесь

к Тави. Я присмотрю, чтобы комнату Тави оставили за вами. Подселю к вам ваших одноклассников. Когда я говорил о твоей квартире, рядом со мной стояла женщина, кажется, ее имя Кифа. Она сказала, что ее племянник учится с тобой.

– Кифа, тетя Дваны? – упавшим голосом переспросил Хинта.

– Это плохо?

– Нет, – сказал Тави. – Просто Двана это мальчик, с которым у нас очень странные и сложные отношения. Мы когда-то почти дружили, но из этого ничего не вышло.

– Жаль. Я бы не сделал так, если бы знал. Но он не ходил ни на один из моих предметов. И вы двое никогда о нем не говорили. Я могу...

– Впрочем, его тетя хорошая женщина, – быстро добавил Тави. – Если она с ним, то все станет намного проще. Пусть будет так.

– Ладно.

– А как ты?

– Работаю. Успокаиваю людей. Раздаю одеяла. Делаю все, что могу. Боюсь, это еще надолго. Кто-то прибывает издалека. У многих есть особые проблемы, которые приходится для них решать. Если выдастся минута, я зайду к вам.

– Спасибо.

– Идите к себе. Ашайте уже пора ложиться спать.

Это было правдой – младший брат устало вис на руке Хинты. Так они и разошлись: Ивара остался в круговороте толпы, а мальчики через заполненные людьми коридоры вернулись к квартире Тави. Там их ждала Кифа с постельным бельем.

– Мне сказали, у вас здесь нет взрослого, так что в этом качестве буду я. Ребята несут матрасы. Нужно будет подготовить десять спальных мест. Или больше, если к нам поделят еще.

– У меня есть кровать, – сказал Тави. – Я хочу отдать ее Ашайте.

– Да, пусть он ляжет уже сейчас, – попросил Хинта.

– Конечно, конечно...

Через пять минут Ашайта уже был в постели. Но он так и не уснул: звуковое сообщение продолжало повторяться каждые пять минут, беспокойным эхом разносясь по помещениям административного центра. Хинте казалось, что эти формальные слова кислотой въедаются ему в мозг.

Коридор перед квартирой Тави постепенно заполнялся детьми и подростками. Поползли слухи. Их передавали неохотно – никто не понимал, откуда они берутся, и все делали вид, что не верят в них. Но вот кто-то сказал, что пали все форпосты, что офис шерифа пуст, что адми-

нистрация бежала – тайком уехала на тихом, что перестрелку уже слышно с южных улиц. Какая-то девочка разрыдалась в иррациональной уверенности, что ее отец погиб одним из первых. Те немногочисленные взрослые, которые были рядом, бросились ее утешать, но в их собственных голосах звучала паника. Потом разразился скандал – люди в другом коридоре стали требовать, чтобы кто-то отключил систему экстренного оповещения.

– Мы все уже здесь! Мы все пришли! Так зачем она говорит одно и то же!? Пусть скажет новости! Почему нам не сообщают новости!?

Шум взрослой перепалки эмоциональным эхом резонировал в толпе несовершеннолетних. Здесь тоже многие согласились, что сообщение надоело. Какой-то малыш-роботехник полез на плечи других, чтобы открутить от потолка динамик. Его отговорили, но покоя это не принесло. То и дело появлялся кто-то из взрослых: испуганные матери искали потерянных детей, плаксивые бабушки и дедушки – внуков. В какой-то момент в коридор потянулась длинная процессия подростков с матами и матрасами. Их возглавлял Двана. А вслед за Дваной, к ужасу Хинты, шли все его новые друзья – банда Круны в полном составе.

– Если бы Ивара знал... – шепотом сказал он.

– Он не виноват, – так же тихо ответил Тави. Им пришлось отступить, чтобы Двана и Круна прошли в квартиру Тави. Шагая мимо Хинты, Круна на мгновение страшно ослабился. Хинта не опустил взгляд: он помнил, как разбил в кровь это лицо. Впрочем, неприятное соседство было сглажено тем, что Круна и старшая часть его компании отселились в бывшую комнату Эрники. Двана, Кифа и еще пара младших мальчиков остались в комнате Тави.

Тревожное сообщение наконец-то перестало повторяться. Наступила ночь, полная шепотов и шорохов. Свет в комнатах погасили, но оставили в коридорах. Все двери были приоткрыты. По-прежнему никто не спал, но шуметь было запрещено. Хинта лежал на постели рядом с братом, смотрел на освещенный контур двери и думал о том, что сейчас все это похоже на дом мертвеца. За окном ищущие бродили всполохи прожекторов.

– Они выбрали хорошую ночь, чтобы напасть, – чуть слышно сказал кто-то.

– Ш-ш-ш, – пресекла Кифа.

Тави лежал в метре от Хинты, на матрасе. Хинта протянул руку и нашел друга. В темноте они сцепились пальцами. Казалось, только страх сейчас свободен. Нематериальный, но вполне ощутимый, он бродил по коридорам административного центра, заглядывал в спальни, склонял-

ся над постелями беженцев, дышал в лица, покрытые холодным потом, заставлял сжиматься сердца, шептал о погибших бойцах, о телах в снегу, о крадущихся омарах. Закрывая глаза, Хинта представлял, что сам является омаром, что стоит у рубежей Шарту и смотрит на поселок, но видит не снежную пелену, а игру полупрозрачных энергетических полей.

В какой-то момент у Тави запиликал коммуникатор.

– Ответь, – сказала Кифа. – Еще никто не уснул.

Но Тави почему-то медлил. Хинта приподнялся на локтях и встревоженно посмотрел на него. Фигура Тави выглядела темной на фоне белых подушек и одеял, лица не было видно, лишь россыпь взъерошенных волос.

– Кто? Ивара?

Тави отрицательно тряхнул головой.

– Ответь уже, – донесся из дальнего угла недовольный голос одного из мальчиков, – люди пытаются спать.

Тави принял вызов.

– Да. Нет, я в полном порядке. Нет! Это ты послушай! Ты не имеешь права быть такой! Не имеешь права уходить и возвращаться, заботиться и бросать! Оставь меня! Хватит!

Хинта понял, что это Эрника. Теперь он следил за разговором, затаив дыхание.

– Что ты знаешь? – холодно спросил Тави. В ответ – неразличимо-тихий призрачный голос в динамиках коммуникатора.

– Моя жизнь? Нет. Я не приду. Я больше никогда к тебе не приду. Нет, хватит. Оставь меня. Если ты хочешь кого-то спасти, спасай весь Шарту. А меня оставь. Ты же знаешь, кто я. Вот и оставь это. Оставь в покое то, что тебе казалось твоим сыном. Забудь этот номер. Хватит травить меня. Хватит жалеть меня.

Наступила тишина. Тави сидел на своем матрасе, сгорбленный, съежившийся. Хинта коснулся его плеча. Тави вздрогнул, потом расслабился. Сквозь тонкую ткань пижамы Хинта ощутил дрожащую, теплую, полную жизни энергию чужого тела. Как будто Тави был Экватором – живым Экватором из плоти и крови.

– Что она сказала?

– Что вместе с Джифоем сидит в их собственном штабе. По их мнению, Шарту обречен. Она хотела прислать за мной машину. Сказала, что

несколько робо-джипов еще могут прорваться. Хотела меня спасти. Видимо, любовь заговорила в ней в последний раз.

У Хинты вся спина покрылась мурашками.

– Обречен? Но у нас тихо.

Тави молчал. Кто-то из случайных свидетелей этого разговора испуганно зашевелился в темноте. Это уже не было одним из тех неясных слухов, которые приходили невесть откуда. Это была настоящая плохая новость. И Хинта ощутил странный холод – будто что-то ускользало, уходило из этих стен, этих мест. Словно у Шарту была душа, и прямо сейчас эта душа начинала отделяться от своего больного, порушенного тысячью недугов тела.

А потом погас свет. В комнате и так уже было темно, но сейчас внезапно перестали работать прожектора на улице и лампы в коридоре. На мгновение тьма сделалась абсолютной, крошечной; лишь один или два огонька слабо мерцали где-то далеко за окном – видимо, это были ручные фонарики, с которыми кто-то пробирался по другой стороне улицы.

– Должен заработать аварийный генератор, – срывающимся голосом произнесла Кифа. – Все оставайтесь на своих местах. Ничего не бойтесь. Это здание – самое защищенное в поселке.

– Это как тогда, за день до землетрясения? – негромко, но отчетливо спросил кто-то. – Если это как тогда, то аварийный генератор тоже не будет работать. Тогда ничего не работало.

Хинта нащупал в темноте свой коммуникатор и активировал его. Устройство работало, значит, отключение коснулось лишь базовой электросети Шарту.

– Это не как тогда, – сказал он. В другом углу комнаты начался приглушенный спор. В нем Хинта уже не участвовал – он заметил, что его брат странно и учащенно дышит.

– Ашайта, Ашайта, – позвал он, – ты плачешь?

– А оу иеть ау.

– Хочешь видеть Ивару? Почему? Зачем?

– О ает, о оиет ея.

– Ивара знает? Ивара проведет тебя? Знает что? Проведет куда?

Ашайта лишь прильнул к его руке. И в это же мгновение что-то достаточно большое пролетело мимо герметичного окна комнаты и глухо, влажно ударило о заснеженную землю.

– Тави, – испуганно окликнул Хинта.

– Что-то сбросили с крыши, – подтвердил тот. – Прямо рядом с нами. Я знаю этот звук – рабочие бросали вниз рулоны, когда ремонтировали...

Снова вспыхнул свет. На этот раз горели не все уличные прожектора, а лишь те, которые были установлены на здании административного центра – другая сторона улицы исчезла за пеленой снега. Тави приподнялся, переступил на коленях, выглянул в окно.

– Лежи, – с суеверным страхом потребовала Кифа.

– Там человек. Упал с крыши. Он еще жив.

Половина мальчиков повскакивала со своих мест и бросилась к окну. Тави метнулся в противоположную сторону. Хинта, хотя ему этого не хотелось, оставил брата и побежал вслед за ним.

– Стойте! – крикнула Кифа. – Стойте, вы, оба! Ему не вы должны помогать!

В коридоре Тави и Хинта столкнулись с Круной. Чуть ли не впервые в жизни его лицо показалось Хинте осмысленным – Круна больше не лыбился, губы были плотно сжаты, в широко раскрытых глазах застыл страх.

Хинта нагнал Тави только у самого шлюза.

– Стой, – задыхаясь, попросил он, – не ходи туда.

– Помоги мне. – Тави судорожно натягивал скафандр. – Я один его не вытащу. Ты пойдешь со мной.

– Я даже не знаю, что ты видел!

– Он без шлема. Упавший без шлема. Если мы успеем за минуту, то он еще будет жить.

Хинта тоже начал одеваться.

– В шлюзе, – бросил Тави. – В шлюзе закончим.

Без масок, нарушая технику безопасности, они вошли в шлюз. Круна нагнал их, но не пытался вмешаться, только смотрел.

– Что происходит? Вы что, мелкие, с ума сошли?

Они набрали в легкие воздуха.

– Стойте, вы, двое... – донесся издали голос Кифы. Круна протянул руку в неясном намерении задержать беглецов. В этот момент внутренняя дверь шлюза закрылась. Тави и Хинта продолжали одеваться, ощущая, как пространство вокруг них заполняется холодом. Воздух тяжело теснился в груди. Надев маску, Хинта сделал облегченный вздох. Шлемы они с Тави взять не успели, и когда шлюз распахнулся, ледяной воздух обжег им лица.

Сразу, как только они оказались на улице, Хинта услышал канонаду: где-то неподалеку глухо стрекотала перестрелка. Ад был уже совсем рядом, на соседних улицах. Словно во сне, Хинта замер и устремил взгляд незащищенных глаз в кружащуюся бесконечность ядовитого снега.

Где-то там, всего в тридцати шагах от них, мог стоять омар. И они бы не увидели его.

Тави дернул его за плечо, и они побежали вдоль стены здания к месту под окном, где упал пострадавший. Хинта увидел его почти сразу – крупный мужчина лежал на спине, хватая воздух окровавленным ртом. Его распластанные руки оставили на снегу след, напоминающий очертания крыльев какой-то вымершей птицы, ослепший взгляд был устремлен к темному небу. Заглянув в эти глаза, Хинта почему-то сразу понял, что их с Тави подвиг не имел смысла: они опоздали, человек был уже мертв, и убило его не падение с крыши двухэтажного здания, а тендрагаз.

Они подхватили тяжелое напряженное тело за плечи и потащили его к шлюзу. Умиравший не видел их, но из его рта вместе с паром последнего дыхания вырывались какие-то звуки, жуткий хрип, в котором, казалось, звучит одно-единственное слово: «жить». Из-за этого слова, из-за этой просьбы, Хинта был не в силах отпустить тяжелое плечо; выбиваясь из сил, упираясь скользящими ногами в мокрую оледеневшую землю, он тянул человека вслед за собой, и Тави тянул вместе с ним – рывок за рывком, шаг за шагом. Им обоим казалось, что все происходит ужасно долго, что они действуют ужасно медленно. На самом деле, они не пробыли на улице и полутора минут.

Когда они уже были у шлюза, у них над головой оглушительно грохнул взрыв. Следом застрекотала автоматная очередь. На краю крыши лопнули и погасли два прожектора подряд. Раздался страшный, мучительный человеческий крик, усиленный громкой связью. Потом – еще выстрелы, шум непонятной природы, новый сильный взрыв, от которого вниз с угла здания слетела целая снежная волна. Задышавшись от напряжения, ощущая, как сердце безумно колотится в груди, Хинта сделал последний рывок, и они оказались в шлюзе. Тави упал на колени, Хинта привалился к стене. Внешняя дверь закрылась, отгораживая их от снежной тьмы, но звуки боя не смолкли – он шел уже так близко, что его теперь было слышно изнутри здания. Потом загорелся ровный электрический свет и пришла волна теплого чистого воздуха.

– Снежинки, – срывая с себя маску, выдохнул Тави. – Страхни их с волос, а то ожог будет.

Но снег уже таял, и отряхиваться было поздно. Мужчина, которого они спасли, лежал неподвижный, с оледеневшим лицом, с багровыми разводами крови на плохо выбритом подбородке. Белки его широко раскрытых глаз казались блеклыми, тусклыми и мягкими, словно охла-

жденное желе. Он не дышал. И тут только Хинту нагнал настоящий страх.

– Омары на крыше, – сдавленно произнес он. Тави кивнул. Внутренняя дверь шлюза открылась. Там стояла Кифа и другие мальчики, все, включая Круну. – Омары на крыше, – повторил он для них. – Это омары сорвали с него маску и сбросили вниз.

– Мы слышали взрыв...

– Взрыв тоже был на крыше.

Где-то далеко, наверху и за стенами, продолжало грохотать. Словно надвигался, разрастался шторм.

– Что будем делать? – спросил за всех Двана.

– Нам с Хинтой надо вытереться, – сказал Тави. Другие мальчики расступились, пропуская их через прихожую. Хинту начало трясти. Канонада слышалась даже в глубине квартиры. Еще было слышно голоса – нарастающий ропот панических возгласов из коридора. Потом все здание содрогнулось от нового большого взрыва. Потолочные лампы замигали, кто-то испуганно вскрикнул. Хинта машинально присел. По всему зданию раздался сигнал тревоги.

– РАЗГЕРМЕТИЗАЦИЯ... РАЗГЕРМЕТИЗАЦИЯ... РАЗГЕРМЕТИЗАЦИЯ...

– К выходу! – закричала Кифа. – Все бежим к центральному выходу! Вспоминаем, кто в какой раздевалке оставлял скафандр!

– Где мой брат? – испуганно спросил Хинта. Он бросил полотенце и побежал назад, в комнату Тави. Свет здесь так и не горел. Ашайта, забытый, одиноко стоял посреди комнаты, его руки были расставлены в стороны, но он не танцевал, не дирижировал ими как обычно – лишь держал их высоко поднятыми, словно хотел отгородиться от какой-то беды.

– Прости меня, – падая на колени и обнимая его, произнес Хинта.

– А оу иеть ау.

– Что он говорит? – спросил Тави.

– Хочет видеть Ивару.

– Мы пойдем искать Ивару, – обещал Тави. Он подошел и забрал со столика портативные терминалы, в которых оставалась вся их научная работа. Хинта смотрел на него, продолжая обнимать брата. Тави единственный сейчас казался спокойным. Он все помнил, все делал последовательно.

– Ты не боишься?

– Не знаю, – сказал Тави. – Боюсь. Но я боялся и до этих минут. У меня чувство, что я все потерял, Хинта. Я знаю, это несправедливо; я

знаю, ты рядом, и ты пойдешь со мной куда угодно, как сделал это только что. Но все равно у меня чувство, что я все потерял. Я теряю или уже потерял Ивару. Я потерял мать. Теперь теряю дом. Наше время ушло. Теперь будет что-то другое. Не будет всех этих мыслей, не будет вечеров вокруг Аджелика Рахна.

– Ты ведешь себя, как герой, – почти запальчиво сказал Хинта.

– Я не хочу быть героем, если им становишься, когда внутри у тебя такая пустота.

Грохот боя все нарастал. В коридоре звучал топот бегущих ног. Хлопали двери. Плакали и кричали маленькие дети. Вопила настырная система оповещения.

Вдруг за окном пролетела ракета. Ее свет белым всполохом прошел по комнате, яростным огнем отразился в глазах Тави. Взрыв, дрожь земли. На дальней стороне улицы протянулась длинная линия пылающих обломков.

– Чем они стреляют? – в ужасе спросил Хинта. Тави пригнулся, прикрыл глаза рукой.

– Здесь нельзя оставаться! – крикнул он. Они бросились в прихожую, где был скафандр Ашайты. Одевая брата, Хинта думал о том, что к этому нельзя было быть готовым. Бой перемещался по поселку с невероятной скоростью. Каких-то пять минут назад казалось, что административный центр глубоко в тылу. Быть может, еще пять минут назад омары чего-то ждали? Ждали, когда один из их отрядов подорвет электростанцию Шарту? А теперь они пошли на штурм? Но все это были лишь догадки. Полностью одетые, в скафандрах и шлемах, они выбежали в общий коридор. Напротив квартиры Тави было совершенно пусто, но в дальнем конце коридора возникла давка, и казалось, что пройти там будет просто невозможно.

– В другую сторону, – скомандовал Тави. – Там запасная лестница на второй этаж.

Они добежали до поворота, поднялись. Восхождение с Ашайтой на руках далось Хинте тяжело, и наверху ему пришлось поставить младшего на ноги. Из-за этого они сильно замедлились.

– Давай я понесу его, – вызвался Тави.

– Ты слабее меня, и ты об этом знаешь. Ты и пятьдесят метров его не протащишь. Береги силы.

– Квартира Ивары открыта. Никого.

Они прошли прямо по матрасам, по брошенным вещам: бутылки, игрушки, чей-то игровой портативный терминал, пакеты со сладостями – все, что дети взяли с собой, чтобы скоротать тяжелую ночь, сотни ма-

леньких ценностей, которые должны были помогать против страха и скуки. Ашайта то и дело спотыкался, но Хинта продолжал напряженно тянуть его за руку.

Они добрались до середины коридора, когда впереди в одно из окон с хрустом врезался какой-то предмет. За ударом последовал характерный звук – шипение декомпрессии. Хинта шарахнулся к стене и увидел огромную, около метра в длину, стрелу из грубого черного металла. Ее наконечник имел раскрывающиеся лепестки, а к другому концу был прикреплен трос – он покачивался, уходя куда-то вдаль, за снежную пелену. Через мгновение трос дернули с той стороны. Стрела рванула назад, ее лепестки раскрылись, и она прочно засела в толще ударопрочного оконного стекла. Тут же в другой угол окна врезалась вторая стрела. Она прошла более криво, и ее лепестки поцарапали облицовку потолка; на пол брызнула россыпь стеклянных и пластиковых осколков. Хинта машинально прикрыл рукой шлем брата.

Тави опомнился первым.

– Проскочим! – крикнул он. Хинта снова подхватил Ашайту на руки, и они ринулись вперед. Но как бы быстро они ни двигались, то, что было за окном, оказалось быстрее. Они еще только делали первые шаги, а вторая стрела уже сдала назад и так же прочно засела в оконном стекле. Сквозь снег порхнула жуткая бесформенная тень – черно-белая, окрашенная в цвета пурги и ночи. Звук декомпрессии перешел в свист и начал затихать – давление стабилизировалось. Приблизились, обострились все звуки улицы: прерывистый стрекот пулеметов, одиночные выстрелы, взрывы, крики, шипение, шум огня. Под потолком, сигнализируя о появлении тендра-газа, вспыхнули красным светом тревожные маркеры.

Хинта увидел за стеклом лицо. Огромный розовато-белый лоб разросся овалами полипов. На месте провалившегося носа вспенились белой слизью ржавые заглушки. Из-под обвисшей кожи скул лезли рифленные трубки. Защищенный на углах рот скруглился, но сквозь маленькие ощеренные губы можно было рассмотреть перламутровые скорлупки зубов. Однако хуже всех прочих подробностей была другая: тот, за окном, тоже смотрел на людей. Это был осмысленный, испытующий взгляд – огромные глаза, и в их глубине, где-то по ту сторону зрачка – знакомый, страшный, блекло-фиолетовый свет.

Это был первый живой омар, которого Хинта встретил в реальности. И сейчас он смотрел в эти глаза, словно в кривое зеркало. Он видел в них разум, работу нервов, направленность воли. Он видел, что омар знает, зачем он здесь, знает почти так же, как это мог бы знать человек.

И при этом омар не был человеком. Хинта видел на его лице эмоции, но они не были человеческими эмоциями – их можно было видеть, но нельзя было прочесть, словно то была книга, написанная на совершенно незнакомом языке. От этого кровь стыла в жилах. Это было все равно, что смотреть сквозь фантастический портал на какую-то завораживающую картину из другого мира, другого времени, другого измерения. Только там, за этими глазами, скрывалось не место, не время, а другое сознание, другая иерархия для всех вещей, другая причина быть. И еще Хинта видел подробности – слишком много подробностей, и от каждой его разум заходил в спазмах истерики. Черные тросы, на которых тварь подбросила себя к окну, тянулись прямо из-под кожи перекрученных рук; оттуда же наружу просовывались черные дула. Тяжи мышц, между ними – многочисленные приставные магазины разнокалиберных пулеметов. Ноги, оснащенные выкидными крючьями. Торчащие из спины и боков серые кожистые стержни вросших в плоть антенн. Посреди брюха – черный металлический паук, завязавшийся в паутину проводов. Обвисшие мокрые лохмотья белесой плоти на ничем не прикрытом месте, где у людей и животных бывают гениталии.

– Нет, – в приступе животного ужаса произнес Хинта. Тави, бежавший впереди, взмахнул руками и так круто повернул, что чуть не упал. Задышавшись, не чуя под собой ног, они бросились назад, и вовремя, потому что в следующее мгновение тварь начала стрелять сквозь стекло. Очередь кривой петлей прошла по стене коридора. Хинта упал, навалился грудью на брата. Их осыпало искрами.

– Вставай, – сказал Тави. Хинта ухватился за его руку, поднялся, поднял брата вместе с собой. Они побежали дальше. Омар у них за спиной рвал и крошил хрустящее стекло. Они повернули, кубарем скатились вниз по лестнице, на считанные секунды остановились, чтобы перевести дыхание. Хинта сел на нижнюю ступеньку, запрокинул лицо вверх и посмотрел на неясный, дрожащий свет потолочных ламп. Его сердце выпрыгивало из груди.

– Он попал в тебя? – спросил Тави.

– Разве? – удивился Хинта. Тави схватил его за плечо, заставил нагнуться.

– Царапина.

– Где?

– На креплении кислородного ранца. Но все трубки целы.

– У меня черные точки в глазах.

– Я понесу Ашайту. Хотя бы недолго.

На этот раз Хинта не возражал. Они бросились дальше. Без брата на руках Хинта ощутил себя легким; в его крови было море адреналина, и хотя в груди и боках засела боль, мышцы наполнились энергией. Он хотел бежать, мог бежать. На бегу он подумал, что так омары и попали на крышу. У этих тварей был способ прыгать – забрасывать себя на любую высоту.

Пробка в конце коридора почти рассосалась, но хвост толпы еще ворочался, пытаясь прорваться сквозь узкие двери. Большинство было без скафандров. Когда до человеческих спин оставались считанные шаги, Хинта переключил свой коммуникатор на громкую связь.

– Омары в здании... – выпалил он, – идут за нами...

Толпа дернулась, словно эти слова хлестнули по ней бичом, и одним страшным движением втиснулась в двери. Страх за свою жизнь оказался сильнее боли, сильнее социальных инстинктов; никто уже не смотрел на других. Какого-то щуплого мальчика так вдавили лицом в стену, что у него пошла носом кровь. Отброшенный, потерявший своих, скорченный, плачущий, он упал и остался лежать на боку, пока его более крупные товарищи грубо ломились вперед. Тави к тому моменту уже запыхался. Передав Ашайту обратно на руки Хинты, он подбежал к упавшему малышу и заставил того встать на ноги. Потом они все бросились дальше. Задавленный мальчик на бегу стонал и зажимал руками окровавленное лицо. Впереди тоже были крики – непрерывный, сливающийся в адскую какофонию вой боли и страха. Сзади, сверху и с улицы, подстегивая толпу, долетал грохот взрывов. Свет мерцал; стены дрожали; система оповещения с бездумным усердием повторяла, что в здании разгерметизация. Когда они замешкались у очередного перекрестка, Хинта, словно в дурном сне, увидел уходящую вдаль перспективу пустых пространств: поваленные стулья в маленьком кафетерии, распахнутые двери, брошенные вещи, мигающие красным сигнальные маячки под потолком, темное окно с прострелом от пули.

– Мы последние, – сказал он.

– Но мы в скафандрах, – ответил Тави. – А они нет.

– Мы не нашли Ивару.

– Я снова несу Ашайту

Они сменились и побежали дальше. Иногда они нагоняли кого-то, но в итоге оставались одни – Ашайта тормозил их. В одном из коридоров они встретили одинокую старуху. Та стояла и озиралась по сторонам с видом потерянным и задумчивым.

– Вам нельзя здесь быть, пта! – закричал ей Хинта.

– Беги, сынок, – ответила она, – мое дело конченное. – И улыбнулась безумной, страшной старческой улыбкой. Но это было лишь мельком. Скоро все коридоры слились в один. Они так устали, что перестали обращать внимание на раненых, забытых, уставших, упавших; у них остались силы лишь на то, чтобы спасти самих себя и Ашайту. Между тем, они встречали все больше отставших и потерявшихся людей. Паника рассеяла жителей Шарту – порядка больше не было, никто не занимался планом эвакуации. Царил хаос. И где-то в этом хаосе, убивая всех на своем пути, орудовали омары. Уже подбегая к холлу, мальчики увидели раненую женщину – она шла, шатаясь, с остекленевшим взглядом, с простреленным плечом, с кровью, сбегавшей вниз по руке. Никто ей не помогал, при виде нее все лишь ускоряли шаг – она была вестницей смерти, лишним напоминанием, что омары уже внутри, что они повсюду.

– Шарту пал! Шарту пал! – в приступе безумия завопил какой-то полуголый старик. – Куда вы все бежите!? Шарту пал! Нет больше спасения! Конец нашей истории! Конец нашей земле! – Он начал исступленно бить себя в грудь. Вокруг, закручиваясь человеческим водоворотом, метались другие люди.

– А куда мы бежим? – вторя старику, спросил Хинта у Тави.

– Не знаю, – ответил тот. В этот момент они наткнулись на Кифу и Двану: те только что вырвались из гущи толпы, с боем отбили свои скафандры и теперь поспешно и сбивчиво надевали их на себя.

– Мальчики! Мальчики! – с радостью отчаяния закричала Кифа. – Я думала, потерялись, погибли... Думала, уже не увижу вас! Бегите к малому южному шлюзу центрального корпуса!

– Зачем? – спросил Хинта.

– Мы собираемся там. Мы знаем, куда дальше.

– И куда?

– На станцию землемеров, – сказал Двана. – Там есть все: оружие, еда, кислород, даже рободжипы.

Тави и Хинта переглянулись.

– Спасение? – спросил Хинта.

– Если прорвемся, – ответила Кифа.

– Там работали мои родители. – Двана добавил эти слова таким тоном, словно сейчас это имело для него решающее значение.

– Ну же, быстрее! – крикнула Кифа. Они побежали прочь из холла.

– А Ивара? – на ходу спросил Тави.

– Я хочу найти мать, – осипшим, измотанным голосом ответил Хинта, – но разве это возможно? Разве мы еще можем выбирать?

Позади них грохнул взрыв столь мощный, что его ударной волной выгнуло и прорвало часть стеклянной стены на другом конце холла. Люди попадали на пол. Те, кто уже успел раздобыть скафандр, спешно натягивали на лицо дыхательные маски. Тави оглянулся, колеблясь, выискивая глазами Кифу, но Хинта не позволил ему повернуть назад.

– Вперед, – прохрипел он, – они смогут выбраться, им проще, им не нужно нести Ашайту.

Через несколько минут они подбежали к назначенному месту сбора. Здесь было на удивление тихо и пустынно – раздевалку этого шлюза уже обчистили, скафандров не осталось. На полу лежало несколько мертвецов; кровь, пена и рвота на лицах говорили о том, что их убил тендра-газ.

– Как страшно, – обнимая плачущего брата, прошептал Хинта.

Канонада, казалось, стихает. Взрывы тоже прекратились, но винтовочная перестрелка еще шла, причем совсем близко, словно бой шел прямо в коридорах здания. Тави опасно подошел к окну, выглянул на улицу.

– Хинта.

– Что?

– Отсюда видно тот корпус, в котором моя квартира. Тебе надо на это посмотреть.

Хинта отпустил брата, подошел к окну. Двор, час назад ярко освещенный, теперь казался темным – из всех прожекторов уцелели только два. Их лучи, скрещаясь, рассекали розовато-белую гладь первого снега. Густая метель уже закончилась, сменившись ровным и редким снегопадом. В самом центре освещенного креста лежал мертвый омар. Его антенны стальными пиками поднимались над бесформенной тушей тела. Было похоже, что он погиб в самом начале штурма. На другой стороне двора, в оставленном людьми корпусе, светилось лишь одно окно. И свет в нем был не белым и не желтым, как у обычных ламп, а фиолетовым. Чьи-то тени медленно двигались там.

– Что это? – уже предчувствуя ответ, спросил Хинта.

– Это комната моей мамы, – сказал Тави. – Я знаю ее окно. Это свет от кристалла. Они нашли его.

Хинта лишь качнул головой, тихо опустился на пол и привалился спиной к стене.

– Омары победили. Ты видишь?

Тави встал на колени рядом с ним, расстегнул карман на бедре своего скафандра и показал угол одного из портативных терминалов.

– Нет. Ведь это осталось у меня. Послушай, Хинта, если мы выживем, если донесем это людям, то все будет не зря.

Хинта вздохнул.

– Раз омары здесь, то, скорее всего, мой отец погиб еще несколько часов назад.

– Ты этого не знаешь.

– Он всегда был невезучим. Слабым. Всего боялся. Я знаю, что он погиб. – Тави хотел что-то ответить, но Хинта жестом показал, что не закончил. – Слушай, все в порядке. Меня это не сломит. Не надо меня утешать.

Тави отвел взгляд.

– И все же, ты не знаешь о судьбе отца или о судьбе матери. Они могут быть живы.

– Твоя мать точно жива. Под крылом Джифоя.

На это Тави не ответил.

– Прости, – попросил Хинта, – я не хотел говорить гадость, я просто очень устал.

– Это не гадость. Я не желаю ей смерти. Но да, твой тон стал странным. А ведь я тоже боюсь. Больше всего я бы хотел сейчас, чтобы Ивара был с нами.

Лицо Хинты страдальчески дернулось.

– Я бы тоже этого хотел.

– Ты не просто устал, ты зол. Я знаю эту твою злость, я уже много раз с ней боролся.

Хинта тяжело сглотнул.

– Это мы привели омаров. Я говорил, говорил, что надо все это уничтожить. Надо было разбить проклятый кристалл, сжечь его в какой-нибудь кислоте. Но ты убедил меня, что это не необходимо.

– Мои аргументы будут все те же. Омары не могли прийти так быстро. А мы не имели ресурсов, чтобы уничтожить эту вещь.

– Но омары там, в ее комнате, со светом! – крикнул Хинта. – Кто в этом виноват, если не мы? Мы привели их сюда. Мы все это время знали, что делаем безумные вещи. Мы словно вызывали сам мир на ответ. Мы даже прямо об этом говорили. И вот...

– Нет, – почти спокойно сказал Тави. – Мы стремились к свободе, к счастью, к благу для всех. И если все плохое, что происходит вокруг – это ответ конкретно нам... а я в это не верю... но допустим, что это так – то это лишь доказывает нашу правоту. Мы противостоям злу. Это оно виновато в творящихся бедах. А мы виноваты только в том, что еще не успели его остановить. Мы должны это закончить – сейчас или через годы, сами

или руками следующего поколения. Мы не должны умереть здесь, Хинта. Я уверен, так было уже тысячу раз: кто-то подходил к истине на полшага, как друзья Ивары, говорил с самим Аджелика Рахна, стоял на пороге – а потом погибал под непонятным и страшным ответным ударом, исходящим отовсюду, сокрушающим все. Но мы не должны погибнуть. Не потому, что мы особенные. А потому, что это надо прекратить. Я хочу на Землю, на ту настоящую Землю, которую человечество потеряло века назад. Я хочу этого так же сильно, как хочу видеть Ивару. И ты этого хочешь. И каждый другой человек.

Хинта мрачно склонил голову. Что-то боролось в нем – две воли, две силы, две ярости – и это мешало ему говорить. А потом они увидели Двану и Круну. Те неслись со всех ног. За ними плотной группой следовали другие спасшиеся мальчики. Позади грузно бежала Кифа. Даже издали Хинта понял, что здесь не все: пропала – потерялась или погибла – почти половина тех, кто ночевал в квартире Тави.

– Шлюз! – закричал по громкой связи Двана. – Открывайте шлюз!

Хинта подхватил Ашайту, и они бросились к ближайшему шлюзу. Сейчас, когда тендра-газ и так уже был внутри, тот стал бесполезной преградой; Тави нажал кнопку, и первая из двух его герметичных дверей начала открываться, но ужасно медленно, приостанавливаясь, когда в здании мигал свет, а происходило это раз в несколько секунд. Тави и Хинта навалились на створки, чтобы раскрыть их шире. Круна и Двана были от них в двадцати шагах. В этот момент в дальнем конце коридора появился омар – самый большой, которого Хинта видел в своей жизни. Чудовище ползло по коридору на четырех ногах, антенны на его спине поднимались так высоко, что царапали потолок, но гигантский омар словно бы не замечал тесноты – с проворством древнего хищника переставляя когтистые руки и ноги по полу и стенам, он тащил, проталкивал, ввинчивал свое жуткое тело вперед. Коридор позади него застилала тьма, так как он бил на своем пути все лампы. Даже издали Хинта увидел проблеск фиолетового сияния в огромных глазах на уродливом лице.

– А-а-а! А-а-а! – бессмысленно закричал кто-то. Двана сбился с ритма бега, задержался. Остальным пришлось проскакивать мимо него. Кто-то упал.

– Тетя! – закричал Двана. Кифа махнула ему рукой, и он снова побежал, а она отставала все больше. Омар с невероятной скоростью нагнывал разрыв между собой и людьми. Его тело было машиной смерти. Хинта уже слышал, как стучат-скребут по полу и стенам стальные когти, как визжит и трескается пластик, когда копыта антенн в очередной раз

сшибают лампу с потолка. Но часть выживших еще имела шансы добраться до шлюза. Круна бежал со спортивной выправкой, его руки и ноги мелькали с невероятной скоростью. Тави и Хинта достаточно разжали створки, сами вошли внутрь и ждали, когда к ним присоединятся остальные. Хинта обнял брата. Тави положил руку на кнопку, закрывающую внутреннюю дверь.

– Быстрее, быстрее, – шептал он. Но и омар видел, что люди от него ускользают.

– Тетя! – снова закричал Двана. Он кричал, не оборачиваясь, продолжая бежать. В его голосе слышались безумная надежда и мольба – он знал, что сейчас позади него умрет последний близкий ему человек.

Погасла еще одна лампа. Кифа сделала рывок вперед, но ее попытка уже не имела значения: стальная рука перехватила ее ноги, она упала, а чудовищная полумеханическая омарья туша с лязгом наехала на нее. Ударом второй руки омар разбил шлем и размозжил голову жертвы. Хинта увидел, как он резко вынимает когти из лица Кифы. На потолок брызнула кровь. Это длилось лишь мгновение, а потом тварь снова продвинулась вперед. Погасла очередная лампа. И вдруг омар остановился. Он остался там, в тени, больше не пытаясь нагнать бегущих.

Круна в прыжке проскочил через двери шлюза, за ним – еще несколько старших парней. Они сшиблись и упали. Хинта посмотрел на Тави. Сам Тави в этот момент смотрел на Двану и других не добежавших. А потом омар, скрывшийся в тени, начал стрелять. Пули ударили в полуприкрытые створки шлюза; загрохотало, застонал металл. Хинта успел обернуться и увидел глаза Дваны – потрясенные, смертельно испуганные. Двана был последним, кто успел забежать в шлюз. Все, кто следовал за ним, умерли. Они еще падали, а омар продолжал стрелять, превращая тела в кровавый фарш. Одного мальчика убило внутри шлюза – пули изрешетили ему спину между лопаток. Все остальные прижались к стенам, спрятались за сталью двери.

– Закрывай! – закричал Круна. – Закрывай уже!

Но Тави не мог шевельнуться, он смотрел на лежащие в шаге от него тела. Хинта ударил своей рукой по руке друга – нажал кнопку. Створки двери начали сходиться, все так же медленно, а омар посылал в сужающуюся щель пули, выбивая искры из стальной обшивки. Двери, наконец, закрылись, тесное помещение заполнилось сбивчивым шумом дыхания.

– Проклятые малолетки, – со свистом выдохнул Круна. Но настоящей злобы в его голосах не было – еще не было. Сейчас все они переживали эхо страха и чувство утраты: их друзья и одноклассники лежали

там, по ту сторону двери, по ту сторону жизни и смерти. А один погибший – Хинта припомнил, что этого мальчика звали Тинга – лежал лицом вниз прямо посреди шлюза. Двана, потерявший свою тетю, впал в оцепенение. Хинта с болью подумал, что Дване кое в чем повезло: было бы хуже, если бы тот видел, как именно умерла Кифа.

Передышка была короткой – начала открываться внешняя дверь шлюза. В воздухе закружились редкие снежинки, стало видно улицу. Шарту горел. Пылали во мраке голубоватым пламенем баки с кислородом, светили последние прожектора, тлели расстрелянные рободжипы и взорванные дома. Смешанный отблеск всего этого зарева ложился на мертвые тела омаров и людей. Где-то вдаль, за снежной пеленой, вспыхивали трассирующие линии пулеметных очередей. Взлетела и сразу погасла ракета. Бухнул взрыв. Мгновение спустя снова затараторили пулеметы.

– Мы на виду! – крикнул Круна. – Двана! Эй, Двана! Это твое место – оно ведь в юго-восточной части поселка?

– Да, – автоматически подтвердил Двана. – Направо.

Они побежали сквозь темноту, разорванную огнями. Хинта из последних сил прижимал брата к груди и старался не отставать от остальных. Тави, готовый помочь, держался рядом. Где-то рядом были и другие люди – бегущие пугливые тени в дрожащих отсветах пожаров. Все, кто успел, покидали административный центр. Он был создан, как надежное убежище, но превратился в ловушку – в место, где собрались все те, кто не мог дать омарам настоящего отпора.

Они были уже в сотне шагов от школы, когда их небольшой отряд опять попал под огонь. Стреляли сзади, с захваченной омарами крыши административного центра. Хинта сиганул в сторону, упал в неглубокий снег, ударился рукой о камень и вместе с братом перекатился в тень разбитой машины. Тави упал рядом. Снег от пуль взметнулся неровными фонтанчиками. Они потеряли еще двоих; тела мальчиков остались лежать на открытом месте.

– Перебежками! – кричал Круна. Но выжившие ребята были уже не в силах подняться на ноги. Страх сковал их. Кровь впитывалась в холодную землю. Мертвые машины дышали жаром. А омар-снайпер стрелял всякий раз, когда хоть кто-то пытался шевельнуться. Ночь гудела, пела песню гибели.

– Думаешь, мы умрем здесь? – ощущая рядом плечо Тави, спросил Хинта.

– Если побежим сейчас, то да. Но он не будет вечно нами заниматься. Все меняется. Побежим, когда снайпера отвлекут.

Хинта перевернулся на спину и, прерывисто дыша, стал смотреть в небо. Снежинки таяли на силовом экране шлема. Глаза отчего-то щипало. Он вспомнил, что не так давно они с Тави без шлемов выскочили на улицу. Тендра-газ успел на них подействовать, но урон был небольшим. Тогда было страшно. Но теперь было хуже. Теперь Хинта знал, что страх может накапливаться в человеке. Страх утомлял, ослаблял, изматывал. И целый час страха – это было слишком много, слишком долго.

– Мы так много говорили о мире мертвых, – сказал он, – о душах, о путешествии.

– Да, хотел бы я сейчас увидеть звезды, а не это небо, – тихо согласился Тави, и Хинта вдруг понял, что его друг плачет. – Поклянись, что не бросишь терминалы на моем теле, если вдруг меня убьют. Что ты будешь нести их, как я.

– Клянусь. А ты будешь нести Ашайту.

– Да.

– Но это я и так знал.

Они рассмеялись. Омар не стрелял уже минуту, но тишины не было, близкая перестрелка грохотала где-то у другого угла административного центра. А потом в шум боя ворвался какой-то новый звук – свист, рев, шипение. Хинта, вжимая затылок в землю, подумал, что сейчас увидит ракету, падающую прямо на них. Но вместо этого по небу пронеслось что-то другое – какой-то угловатый длинный аппарат. Его детальных очертаний было невозможно рассмотреть: он скрывался высоко в ночной тьме, за пеленой снега. Но вот, внезапно, посреди темного неба вспыхнул ослепительный свет. Десятки маленьких ракет разлетелись в разные стороны. Каждая горела, словно новое солнце. Ночь исчезла, все остальные огни померкли в этом сиянии. Снег, который до этого сливался с тьмой, стал ослепительно белым. Шарту засверкал; все его раны, все разрушения с невероятной отчетливостью проступили из мрака. Хинта увидел, что разбитая машина, у борта которой они прятались, выкрашена в синий цвет, увидел пестрые квадраты на детском скафандре Ашайты, багровые пятна на снегу вокруг мертвых тел. И еще он увидел силуэт в небе – темный прямоугольник странного летающего аппарата. На его глазах брюхо этой штуковины распалось, и вниз соскользнули шесть жутких, громоздких механических силуэтов.

– Они прибыли, – прошептал Тави.

– Кто? – в отчаянии спросил Хинта. – Новые омары?

– Нет. «Джиликон Сомос».

В ту же секунду спускающиеся вниз солдаты начали стрелять. Заговорила дюжина пулеметов. Осветительные ракеты угасали, но теперь из

небесной мглы падали трассирующие очереди. Эти новые пулеметы стреляли не с грохотом, а с каким-то жужжанием, словно буры сверлили камень. Крупнокалиберные пули попали в здание административного центра. Те окна, что еще были целы, разбились, брызнула осколками герметичная облицовка стен.

– Бежим, – крикнул Хинта, – это тот момент!

Он подхватил Ашайту, и они бросились прочь от эпицентра боя. Круна, Двана и другие уцелевшие мальчики бежали рядом. Теперь все они были умнее – они петляли, падали, прятались, ползли и снова бежали. А вокруг них разворачивался настоящий ад. Кто-то начал стрелять с земли по спускающемуся десанту. Один из солдат корпорации просто взорвался в воздухе, дымящиеся кровавые обломки его скафандра упали на дорогу в двадцати шагах от Хинты. Но и те, кто был на земле, тоже несли потери.

В одном квартале от административного центра, на перекрестке у дымящей полуразрушенной баррикады, они впервые за этот час увидели действующих бойцов Шарту. Те были живы и вели бой, и это могло бы стать хорошей новостью – но, к своему ужасу, Хинта обнаружил, что ополченцы стреляют не в омаров, а в летящий над улицей аппарат «Джиликон Сомос». Пилоты корпорации ответили им тем же – послали в них ракету с кластерной боеголовкой. От этого удара три или четыре дома разметало в пыль. Вооруженные мужики исчезли за пеленой порохового смога.

– Хватит с вас патриотизма! – истоптленно крикнул Тави. – Хватит убивать тех, кто пытается вам помочь!

Но его голоса не услышал никто, кроме Хинты. Нужен был сам Джилайси Аргнира, настоящий и вооруженный золотыми вещами, чтобы остановить это безумие, эту войну всех против всех. Раненых взрывом добивали, но не омары и не солдаты «Джиликон Сомос», а другие шартуссы. На рукавах их скафандров золотились шерифские нашивки. Обычная война смешалась с гражданской. Казалось, Шарту стал полем для смертельной игры в прятки: безоружные люди, вооруженные люди, омары, солдаты наемной армии – все делились на маленькие отряды и сквозь горящую мглу спешили навстречу гибели. Воздух гудел не только от взрывов и выстрелов, но еще и от рева двигателей. Вслед за аппаратами «Джиликон Сомос» в Шарту вторглись боевые дроны. Только один человек мог послать их сюда – Джифой. Зачем он так поступил, они никогда уже не узнали. Но они увидели сами дроны. Приземистые стальные полусферы катили на гусеницах, давя и расстреливая все на своем пути. В обычных условиях дроны могли различить человека, но

сейчас, в суматохе боя, их вычислительной мощности не хватало на детали, и они не всегда правильно распознавали цель. Еще один мальчик из отряда пал жертвой этих машин: выстрел разорвал его тело надвое, и ноги упали на землю, а грудь, голова и руки сделали кульбит в темном небе.

Постепенно ужасов стало так много, что Хинта перестал их осознавать. Вес брата он уже тоже не осознавал, и плача Ашайты не замечал. Он просто шел вперед, бежал со всеми, падал со всеми. Он перестал думать. Его глаза ослепли, уши оглохли, тело занемело от усталости и ударов. Их путь стал казаться ему бесконечно длинным. На деле же они преодолели лишь два небольших квартала.

И вот, наконец, Двана довел их до станции землемеров.

Станция занимала двор с парой неуклюжих складских ангаров, грузовые шлюзы которых выходили сразу на две улицы. Здесь, как и всюду, прокатился разрушительный шквал огня: один из ангара горел, крышу другого пробила бомба – она взорвалась внутри, выбив все окна. Двор был открыт, сетчатые ворота дряхло обвисли – это сделала не война, а годы человеческого небрежения. Уцелевшие подростки забежали внутрь и, задыхаясь, повалились между припорошенных снегом старых рободжипов. Они достигли цели, они все еще были живы, и почти все теперь испытывали чувство ложного облегчения. Наступила пауза. Грохот канонады уже не пугал. Хинта сидел на земле, привалившись спиной к колесу машины, и зачарованно смотрел вверх, на языки пламени, ползущие вдоль края крыши догорающего ангара.

Только Тави сумел остаться сосредоточенным.

– Это место уничтожено.

Его слова отрезвили остальных

– Двана! Эй, Двана! – окликнул Круна. – Что дальше? Что конкретно мы должны были здесь взять? И куда потом?

Но Двана почему-то не ответил. Он полулежал, распластав руки и ноги по снегу, упираясь плечами в борт какого-то заржавленного контейнера. Его лицо было запрокинуто вверх, и он, как и Хинта, смотрел на огонь.

– Двана, – снова позвал Круна. Прогоревшая пластиковая накладка с тихим скрипом отделилась от здания ангара и, мягко изгибаясь, начала оседать вниз. Чад пожаров смешивался со снегом и с темнотой.

– Он не в себе, – сказал Хинта.

– Заткнись, – грубо ответил Круна. – Эй, Гиди, встряхни нашего друга. Без него мы можем пропасть.

Гиди был чуть младше Круны, но старше всех остальных. После долгого бега и всех страхов этой ночи эти двое, пожалуй, ощущали себя лучше других: оба были крепкими спортивными парнями – ловкими, тренированными, широкоплечими, оба уже созрели, чтобы кутить и драться в кувраймах, дурачиться с девушками, батрачить на полях и воевать за эту беспощадную землю.

Гиди на четвереньках дополз до Дваны и достаточно сильно хлопнул того по плечу. Но Двана не проснулся, лишь еще больше обмяк и безвольной куклой повалился на бок. Его громкая связь, как и у всех, была включена, но ребята не слышали ни звука.

– Двана! – рявкнул Круна. Гиди встал на колени и каким-то беспомощным жестом потянул мальчика назад. Но Двана не выпрямился – его тело странно отяжелело. Хинта заглянул сквозь экран шлема в лицо своего бывшего приятеля и замер.

– Он что? – спросил Круна.

– Не знаю, – испуганно сказал Гиди. – Я ничего ему не делал. Двана, эй, Двана, очнись.

– Он умер, – тихо произнес Тави.

– Не смей это говорить! – заорал Круна. Он тоже пополз по снегу, остановился у тела, начал теревить и дергать его.

– Не может быть, – бормотал Гиди. – Я ничего ему не делал. Он не должен умирать. Он должен быть в норме.

Хинта в оцепенении наблюдал за этой сценой.

– Конечно, ты ничего ему не делал, – успокаивающим тоном говорил в ответ Круна. – Ты просто его будил. Двана, эй, друг, очнись.

– Переверните его, – подал голос Хорда. – Вдруг рана на спине.

Хорда был младше Круны и Гиди, но старше Тави, Хинты и Дваны. Он сидел на снегу, плотно поджав колени к груди, и часто вертел головой – смотрел на небо и по сторонам во тьму, словно боялся, что ночь в любой момент может извергнуть из себя новый смертельный подарок.

– Перевернем его, – повторил Круна. Они с Гиди перевернули Двану лицом вниз, отряхнули его спину от снега. Там не было раны. Не было повреждений и на кислородном ранце скафандра. Двана был совершенно цел. И все же он не шевелился. Его пустой измученный взгляд был устремлен в никуда.

– Он умер, – повторил Тави. – Нас осталось всего шестеро.

– Но на нем нет ни царапины, – возмутился Гиди.

Круна повернулся к Тави.

– Ты обсчитался. – Его голос был странным, нечетким. – Нас шестеро, потому что он жив.

– Он не мог умереть, – ни к кому не обращаясь, произнес Гиди. – Так не умирают. Так не умирают на войне.

– Нет, это ты обсчитался, – сказал Тави. – Вместе с Дваной нас оставалось семеро. Теперь нас шестеро. Я, Хинта, Ашайта, Хорда, Гиди и ты.

– А... – понял Круна, – ты посчитал это... – Он небрежно кивнул куда-то в направлении Хинты и Ашайты.

– Он не мог умереть, – в который раз повторил Гиди. – Его же ничем не убило.

– Мой брат – человек, – тихо и напряженно произнес Хинта, – а Двану убил страх. Он не знал, как ему дальше жить, и умер, потому что это было проще всего.

– Что ты сейчас сказал? – переспросил Круна.

– Что Ашайта – человек, – ответил Тави за Хинту.

– Да, – вскинулся Круна, – точно. А я-то думал, мне слышалось. Но еще мне слышалось, что ты назвал Двану трусом. Ты ведь этого не говорил, да, Хин? Ты ведь не мог этого сказать? Хотя бы потому, что это ты – отродье самой трусливой семьи во всем Шарту. А символ вашей трусости ты сейчас обнимаешь и прижимаешь к себе. Этого слюнявого улипку-омареныша.

Засвистело, потом совсем рядом с ними упал шальной снаряд. Ударная волна прокатилась через двор станции землемеров, шарахнула по старым машинам и зданиям ангаров. В шуме взрыва захлебнулся, пропал возможный ответ Хинты. Мальчиков осыпало градом мелких камней и битого стекла. В воздухе за клубилась смесь из пыли, снега и дыма. Хорда пискляво всхлипнул. Он и все остальные скорчились, прикрывая головы руками. Только Хинта прикрывал не свою голову, а голову брата. И Двана – мертвый Двана – уже ничего не боялся; он просто лежал в той позе, в которую его перевернули, упираясь козырьком шлема в заснеженную землю.

Когда пыль немного осела, Круна поднял голову и посмотрел на остальных.

– Вот что, – заявил он. – Двана не умер. У него шок. Или сотрясение. Или мы не видим рану. Или не видим трещину в снаряжении. Или еще чего... Я не знаю. Или он просто устал. И мы понесем его.

– Куда? – спросил Хорда.

– Внутрь здания склада. Там наши головы будут прикрыты хоть какой-то крышей.

– И мы можем найти там что-то полезное, – добавил Гиди. – Плевать на взрыв. Ну, выбило окна. Но оружие ведь все еще там. И припасы, и снаряжение.

В этот момент Хинте пришло в голову, что сейчас им троим – ему, брату и Тави – следует просто уйти. Пусть Двану заносят на склад. Пусть Круна и двое других парней делают что хотят. Пусть выживают. И плевать на все снаряжение, которое им достанется, плевать на то, что это пустынное полуразрушенное здание в сто раз безопаснее, чем новый путь по улицам в неизвестность.

Но по какой-то причине Хинта не мог уйти. Он ощущал странное оцепенение, отрешенность. Его способность оценивать ситуацию притупилась. И еще им овладела лень – лень отчаяния, лень смертельной усталости. Он не мог больше себя заставлять. Он не хотел снова уворачиваться от пуль, бежать и падать, тащить брата. Он не хотел этой бездарной смертельной работы.

Хинта посмотрел на Тави и увидел, что Тави тоже смотрит на него. Ни один из них в эту минуту ничего не сказал. Потом Круна, Гиди, Хорда и Тави подняли Двану под колени и за плечи и, пригибаясь, побежали к зданию склада. Безвольное тело, как дурацкая кукла, дергалось у них на руках. Хинта подхватил Ашайту, крепко обнял его и побежал за остальными. Эту одну перебежку – через небольшой двор – он еще мог выдержать.

Где-то за оградой двора станции раздались три коротких винтовочных очереди. Подростки не знали, кто и в кого стреляет, но близкий грохот боя заставил их ускорить свой бег. Они упали под помятой стеной ангара, коротко перевели дыхание и стали искать удобный путь, чтобы проникнуть внутрь. Шлюзы выглядели мертвыми. В конце концов, Круна и Гиди пролезли в окно. Тави и Хорда подали им тело Дваны, и мертвеца втащили в здание. Потом в окно забрались Тави и Хорда. Хинта был последним. Он подсадил Ашайту, чтобы тот смог перебраться на руки Тави. Потом сам Хинта подтянулся и грузно перевалился через высокий подоконник. Осколки стекла оставили шрамы на нагруднике его полускафандра.

Внутри склада царил полумрак – гуще, чем на улице. Попавшая сюда ракета оставила в потолке длинную рваную брешь. Сквозь эту дыру тихо и редко падал снег. Взрывная волна прошла по помещению неравномерно: одни вещи разрушила, другие лишь опрокинула, а какие-то

предметы, казалось, все еще были на прежних местах. Хинта увидел горы контейнеров, стеллажи, бочки, рободжип и пару робоосликов. С потолка и стен свисали цепи и тросы. Некоторые окна с дальней стороны были целы. Над ними желто-синей зубчатой громадиной нависла бочковина старой кран-балки.

Двану положили в разгрузочной зоне одного из шлюзов – на широкий и гладкий металлический стол.

– Нам придется расстегнуть его полускафандр, – сказал Круна, – иначе мы не поймем, что с ним. Но сначала мы должны найти аптечку и запасной баллон с дыхательной смесью.

Ребята стали вяло оглядываться по сторонам.

– Ну же, – поторопил их Круна, – так он и вправду умрет.

Гиди и Хорда пошли вдоль по ангару и скоро скрылись за рядами погнутых неустойчивых стеллажей. Хинта снова поднял брата на руки и, баюкая его, устроился на контейнере у стены. Тави стоял молча и смотрел на мертвое тело. Хинте пришла в голову неясная мысль, что еще никогда он не видел своего друга таким измотанным, таким потерянным, таким странным. И при этом в Тави было что-то почти величественное. Он не вздрагивал от взрывов, гремящих на улице – в нем появилось что-то от древней статуи. Хинта видел такие статуи среди изображений, которые были в библиотеке Ивары. Где-то, в какой-то местности, у какого-то народа, еще задолго до войны, была традиция ставить памятники жертвам Великой Катастрофы. Почти всегда это были статуи мальчиков: они стояли на месте или одиноко брели сквозь снега, склоняя голову на грудь и протягивая руки немного вперед – словно искали утраченный древний мир у себя под ногами и всюду вокруг. В этих мальчиках было что-то очень внимательное и скорбное, словно они знали в тысячу раз больше, чем могли сказать.

– Малолетки, – нарушил тишину Круна, – до чего же вы двое бесполезны. Я велел искать. А вы торчите здесь.

– Ты тоже, – ответил Тави.

– Кто-то должен оставаться с раненым.

– Посмотри на него. Он не шевелится, не дышит, не страдает. Ничего не изменится, если ты уйдешь.

– Не перечь мне! Я все делал правильно. А ты – нет. Из-за тебя погибли мои друзья. Ты вместе с улипо-другом и его улипо-братом должен был держать для нас открытый шлюз. Ты это сделал? Нет. Ты ждал, пока омар не начнет нам стрелять в спину.

– Все было не так. Кифа не говорила нам, что мы должны заранее открывать шлюз. А когда стало горячо, мы его открыли раньше, чем первый из вас добежал до двери.

Круна до этого сидел у Дваны в изголовье, но теперь он нервно встал.

– Вы его открыли слишком узко. Мы не могли вбежать в двери быстро.

– Двери клинило. Кроме того, если бы мы их открыли настежь, то омар смог бы простреливать все пространство шлюза. И тогда мы бы все лежали сейчас там мертвые, а ты не имел бы возможности бросать обвинения мне и Хинте в лицо.

– Как же это? Как? Как же так выходит, что мы были в одном месте, но помним разное? Кто мешал вам выбрать шлюзовую камеру в стороне? Но нет, вы, двое мелких придурков, стали открывать именно ту, которая была ровно напротив коридора. Если бы вы настежь открыли ту, из которой коридор не просматривается, то сейчас еще десять человек были бы живы!

– Возможно, и так. Но когда мы начали ее открывать, омар еще не появился. Мы даже не знали, от какой опасности вы все бежите.

– Возможно, и так, – писклявым голосом передразнил Круна. Он полукругом прошел мимо Тави, потом назад. Хинта видел, что Круну начинает трясти. Его плечи дергались, он напрягал руки и ноги, слегка подпрыгивал, пританцовывал. Усталость не брала его, адреналин не гас в крови.

Где-то в глубине склада с грохотом упали ящики.

– Нашел! – крикнул Хорда.

– Ну так неси сюда, – приказал Круна, и снова повернулся к младшим мальчикам. – А когда все началось, в первые минуты – что вы там устроили? Побежали на улицу. Кифа кричала вам, чтобы вы этого не делали. Но нет, надо было устроить геройский подвиг. Хотели кого-то впечатлить, придурки?

– Я хотел спасти человека, – сказал Тави. Хинта еще не произнес ни слова за все время перепалки.

– Спас? – издевательски спросил Круна. – Вы двое задержали нас всех. Мы бы могли уже бежать к своим скафандрам, если бы не этот ваш идиотский жест. И теперь, когда я говорю «ищи лекарство», ты стоишь здесь, опухшее, тупое, литтаплампское маменькино ссыкло! Ты так же на сцене гумпрайма торчал. Не знаю, чего ты там хотел.

Он повернулся и резко, двумя руками, толкнул Тави в грудь. Тави упал на спину. От падения он не пострадал, и сразу снова сел.

– Не смей меня трогать, – сказал он с пола.

– Что? – переспросил Круна. Тави не ответил, и Круна переключился на Хинту.

– А ты? Ты чего тут расселся?

– У меня на руках брат, – сказал Хинта. – Я занят.

– Улипкой своей занят? Нянчишь слюнявого омареныша, когда рядом умирает нормальный человек?

– Двана уже умер.

– Встал, – рывкнул Круна, – приказ выполняй!

Хинта ощущал, как Ашайта с каждым новым выпадом Круны все сильнее цепляется за него. Ашайта знал этот голос. Круна дразнил его всю жизнь, издевался над ним из года в год. И сейчас больной мальчик был напуган даже сильнее, чем десять минут назад, когда они бежали по озаренным огнем улицам.

– Замолчи, – глядя на старшего подростка, произнес Хинта. – Ты мне не командир. А за брата я в ответе.

– Ищи аптечку! – заорал Круна.

Сердце Хинты постепенно ускоряло свой бег. Он почувствовал, что может сейчас заплакать. Нет, ему не было так страшно, как на улице. Но и мужества он в себе тоже не ощущал. С ним творилось что-то странное: боль, много боли; она, как кислота, разъела все на своем пути, просочилась через все поры души и тела. Хинта чувствовал себя слабым: боль изнутри растворила, растравила все, чем он был.

Тысячу раз он уводил брата прочь. Тысячу раз он вытирал ему слезы. И тогда он обещал себе, что отомстит. В тот день, когда они впервые встретились с Иварой, Хинта сказал Тави правду: он хотел убить Круну. Всю жизнь он ждал такой ночи, такой темноты, такого огня, такого разрушенного мира. И вот это время и место настало, все это было вокруг. Людей убивали. В поселке творился хаос. Уже не было ответственности, уже не стоило ждать. Сам шериф сейчас ходил по улицам с руками по локоть в крови и добивал выстрелами в голову тех, кто не захотел ему подчиниться.

Хинта смотрел на Круну и ощущал у себя внутри страшный, влажный разрыв. Его мысли спутались. Но сейчас ему и не нужно было думать. В нем заработала программа, которую он закладывал в себя из года в год. Он создал эту ситуацию не сейчас – он продумывал ее часто, и она выросла в нем, как какой-то фантом, как видение будущего. Он представлял свою месть разными способами, мысленно разыграл эту сцену на каждой из улиц Шарту, в каждом из помещений школы, в каждом из домов, где бывал. Он ошибся, и в то же время был прав. Он ни-

когда не представлял, что это будет здесь. Но все, что он видел здесь, все вещи вокруг него – все они казались ему знакомыми, потому что он знал, как использовать их для мести.

– Что молчишь? – спросил Круна. – Опух, как и твой ссыкливый дружок? Ищи аптечку! Делай, что я сказал!

Он пошел к Хинте. Хинта сидел, не шевелясь, каждая его мышца вдруг напряглась, исполнилась новой тайной силы. Но Круну внезапно остановили: вернулись Гиди и Хорда.

– Мы нашли, – подбегая, напомнил Хорда.

– Может, не нужно так повышать голос по громкой связи? – спросил Гиди. – А то омара какого-нибудь с улицы привлечешь.

– Я... – яростно начал Круна, – а, не важно. Займемся делом.

Он вырвал аптечку из рук у Хорды, и они сгрудились вокруг недвижимого тела Дваны. Хинта в злом оцепенении смотрел на их спины. Он начал бороться с собой. Он попытался сказать себе, что Круна не виноват. Круна лишь повторял слова других. Он сам был жертвой – этот поселок был для него домом и тюрьмой. Ничего другого Круна не знал. Он никогда не встречался с умными людьми, никогда не ощущал свободного полета мысли. И все же Хинта очень сильно его ненавидел – именно его.

– А если он все-таки мертв? – вдруг спросил Гиди.

– Ты спятил? Это они тебя запутали.

Тави медленно поднялся с пола и подошел к Хинте.

– Мы не там, где нам нужно быть, – тихо сказал он. – Давай уйдем. Давай вернемся и найдем Ивару – живого или мертвого.

Хинта ответил не сразу. Чтобы заговорить с Тави, ему пришлось возвращаться назад – из того темного океана, по которому он плыл, из мыслей о крови и слезах.

– Но как? Пока мы бежали, за нашей спиной все время убивали других. Мы спаслись только потому, что нас было много и бежали мы врассыпную. Втроем мы точно умрем. И я не могу, не могу больше нести брата. А в административном центре хозяйничают омары.

– Возможно, их оттуда уже выбили.

– А если нет?

– Ладно, – кивнул Тави. Они замолчали. Между тем Круна уже успел стянуть с Дваны шлем. Наступила пауза, потом раздался плаксивый голос Хорды:

– Он мертв. У него не бьется сердце. Совсем.

– Дай, я попробую, – попросил Гиди. Прошла еще минута. От нового близкого взрыва с потолка ангара посыпалась ржавчина.

– Ну? – спросил Круна.

– Двана умер, – сказал Гиди. – Они были правы. Он умер еще там, на улице, между машин. Я не знаю, почему. Но люди же умирают от горя, или от страха. У него тетю убили. Она его последняя родня была. А на улице был ад. И бежали мы долго.

Круна молчал. Он стоял в пол-оборота, так что одна сторона его лица сейчас была обращена к друзьям и к мертвому Дване, а другая – к Хинте и Тави.

– То есть, – сказал он, – они, вот они – выжили, а Двана, сын героев и действительно отличный парень, умер от страха?

Гиди и Хорда молчали.

– Я задал вопрос, – процедил Круна.

Хинта медленно перевел взгляд на двух грузовых осликов. Они находились как раз между ним и Круной. Один из осликов во время взрыва опрокинулся, но другой устоял, и оба были подключены – вниз от их стальных подбрюший спускались кабеля зарядных устройств. Хинта предположил, что ослики стоят здесь на приколе с тех самых дней, когда погибли родители Дваны. Обе машины могли быть на ходу, но из-за долгого ожидания впали в режим глубокого сна.

– Ну нет, – наконец, решился Гиди, – не надо так.

– Почему? Оглянись вокруг. Наши дома в огне. Наши отцы умирают. Теперь надо так. Теперь как раз так и надо. Теперь должно стать понятно, кто наследует эту землю. И я не буду терпеть рядом с собой тех, кто этого не достоин.

– Вот почему я хотел уйти, – чуть слышно произнес Тави. – Хинта, Хинта, ты вообще в порядке?

– Нет, – ответил Хинта. – Мы не уйдем.

– Они дети, – сказал Гиди. – Да, они хуже нас. Мы никогда не были такими слабаками. Но что толку на них кричать? Кто-нибудь с улицы услышит и вломится сюда. Тварь, или робот, или...

Круна повернулся и схватил своего сверстника за грудки.

– Ты кого защищаешь? Ссыкливого недоделка из-за стены? Он не один из нас. Он один из них, из тех, которые стали прыгать с неба. Мне отец говорил, что они придут. И вот. Или, может, тебе милы маленькие омарчики? Такие, с полвершка, но уже достаточно уродливые, чтобы им впору было заглушку на морду ставить? А, Гиди? Ну давай, ударь меня, если хочешь. Давай, а то я подумаю, что ты сам испугался.

Гиди ударил его – шлемом в шлем, а потом просунул свои руки между руками Круны и рывком освободился от захвата.

– Че ты на меня лезешь? Если найдем стволы... Да я один против омаров выйду! Мне не страшно. Просто сейчас мы уязвимы. А ты нас подставляешь. Границу между храбростью и глупостью ты потерял.

Рядом ухнул очередной близкий взрыв. Потолочные балки застонали, зазвенели цепи, висающие вдоль стен. Хинта сквозь оседающую пыль смотрел на силуэты этих разъяренных болванов, и мысль о мести росла в нем, превращалась в лавину, в цунами, в метеоритный поток, в стихию, сметающую все на своем пути. Его темное море обид и боли вышло из берегов.

– Хватит! – закричал он. – Ты не будешь больше называть его омаром! Не будешь называть улипой! И меня ты так называть не будешь! И моего друга ты унижать не будешь! Ты тупой скот! На таких, как ты, Джифой возделывает свои поля! Ты дерьмо! Ты ничто! И друзья твои! И Двана твой,дохлый, не был сыном героев! Они просто умерли! Они не сражались! Они убегали! Омары пришили их, как и его тетю! И тебя пришьют, с пушкой ты будешь или нет!

Хинта спустил Ашайту на пол и сразу ощутил свободу и легкость, словно брат и был его усталостью. Злоба сплошной пеленой застила разум. Он забыл обо всем – об Иваре, об Аджелика Рахна, о Тави, о мыслях и событиях последних месяцев, о ламах, о смехе, о светлых днях. Но он помнил, с каким упоением разбил Круне лицо. Он тогда смог, сможет и теперь. И теперь вокруг его врага не стоят стеной старшеклассники. Здесь только Гиди и Хорда. Он уложит их всех. Он заберет их в свою тьму, они в крови отпразднуют эту ночь насилия.

– Заговорил? – оборачиваясь к Хинте, спросил Круна. – Эй, Гиди, ты утверждал, что можешь убить омара. А не нужно далеко ходить. Он прямо здесь. Вот эта мелкая слюнявая улипа. И он тебе как раз по силам. Даже ствол не нужен.

Хинта схватил с полки у стены тяжелый разводной ключ. Массивный металлический предмет сразу оттянул ему руку – приятный смертоносный вес.

– И что ты будешь с этим делать? – спросил Круна.

– Хинта, стой, – взмолился Тави. – Ты же это не всерьез. Нельзя устраивать драку. В поселке война.

– Он толкнул тебя первым, – ответил Хинта.

– И толкну еще раз, – обещал Круна. – И не только толкну.

Хинта размахнул и швырнул ключ в него. Длинная железка полетела, вращаясь в воздухе. Круна не увернулся от нее – слишком уверен он был в своих силах, слишком безобидными, ничтожными казались

ему эти сопляки. Ключ попал ему в стекло шлема, и то пошло трещинами. Голова Круны от удара откинулась назад, и сам он чуть не упал.

– Вспомни! – крикнул ему Хинта. – Вспомни, как я бил тебе лицо!

С этими словами он ринулся вперед, на врага. И Круна вспомнил. Теперь он начал воспринимать Хинту всерьез и уклонился от его броска. Но Хинта и не собирался напрямую кидаться на Круну. Он знал, что в простой рукопашной драке ему не выстоять против старших парней. Поэтому у него был другой план. В три прыжка он пронесся мимо своего противника к робоосликам. Круна воспринял это движение как промах, посчитал, что Хинта сейчас потеряет равновесие, и бросился вслед за ним. Но Хинта двигался точно. Он ловко перемахнул через ослика, лежащего на боку, прыгнул и двумя ногами опустил на массивную панель, в которую уходили зарядные кабели от всех робо. Питания в панели уже не было, однако на контактах находились чувствительные клавиши. Когда панель отошла от стены, робо сразу же вышли из состояния гибернации. Упавший ослик взбрыкнул и начал переворачиваться, чтобы затем подняться на ноги. Круна не успел через него перепрыгнуть, упал и жестко ударился головой и плечом о металлический пол.

– Хватит! – закричал Тави. – Стойте, вы, оба!

Но было слишком поздно. Подростки уже начали битву, и их битва была в сто раз больше, чем они сами. В эту минуту они не принадлежали себе – они были пылающими пылинками в большом огненном смерче. В этом ангаре в миниатюре продолжилось все то, что творилось на улицах поселка; старые конфликты, годами растравлявшие души, теперь обратились безумием гражданской войны.

Лишь мгновения Круна пробыл на полу. Стоило ему чуточку прийти в себя, как он, резко оттолкнувшись руками от пола, с новой силой бросился вперед. Однако Хинта успел обернуть в свою пользу эти секунды. Он подступил к тому ослику, что стоял на ногах, и провел рукой перед его мордой: два жеста, две быстрых команды. Первая отменяла избегание препятствий и соблюдение личного пространства людей. Вторая уменьшала критическое значение равновесия. С такими настройками сбить бодрствующего ослика с ног было почти невозможно. Зато с ними тот двигался как пьяный, врезался в предметы и на крутом вираже мог опрокинуть все содержимое своего кузова.

Хинта наклонился, налег плечом на борт робо и изо всех сил толкнул того в сторону Круны. Ослик начал падать. Мгновение спустя его ноги взметнулись – робот с невероятной скоростью перебирал своими сверхгибкими конечностями, стараясь не упасть. При этом он все же падал, ноги не успевали нагнать уходящий в бок центр тяжести. На мгно-

вание все стало выглядеть так, словно четвероногий механизм боком бежит на Круну. Круна, ослепленный и взбешенный своим падением, тоже бежал вперед. Хинта оторвал от пола громоздкую, тяжелую зарядную панель и, разгибаясь с этим оружием в руках, бросился вперед. Наверное, он кричал. И, наверное, Тави что-то кричал ему. Но позже Хинта не мог ясно вспомнить этого. Зато он запомнил силуэт Круны: как тот неуклюже падал, когда робо сильно ударил его бортом в живот.

Если бы не случайность, то Круна, как и в первый раз, мог бы отделаться лишь ушибом. Однако ему не повезло – ослик зацепился бортом за нагрудную пластину его полускафандра так, что, падая, Круна утянул машину вслед за собой, и та рухнула на него, разметывая пыль взбесившимися ногами. Весил робо около центнера; хоть Круна и был крупным парнем, масса ослика выжала у него из груди весь воздух. Тревожное верещание машины слилось в единый звук с воплем боли поверженного подростка.

Упал не только Круна. Гиди шарахнулся в сторону от ослика, споткнулся о ящики, перевалился через них, ударился плечом о стеллаж и спровоцировал лавину из мелких пищевых пакетов, которые хлынули на него сверху, погребая под собой. Из всех троих на ногах остался только Хорда. Он упал на колени рядом с Круной и хотел как-то помочь тому освободиться из-под упавшего робо. Но Хорда не успел ничего сделать, так как в это самое мгновение Хинта вскочил сверху на борт четвероногой машины и обрушил на их головы удары тяжелой стальной панели.

– Вы не будете, – кричал он, – не будете больше обижать Ашайту! И меня! И Тави!

Очередной шальной снаряд взорвался во дворе – брызнуло битое стекло и стенная облицовка, застонал металл, ржаво-снежно-дымная пыль встала такой густой стеной, что воздух сделался непроглядным. Теперь они боролись практически вслепую. Хорда мешал Хинте атаковать Круну, а потому сначала Хинта обрушил удары панелью именно на него. Хорде пришлось отбиваться руками – сам он ничего полезного подобрать не успел. Их столкновение длилось лишь считанные мгновения: со второго или третьего удара Хинта попал противнику по локтю, ослепленный болью, тот опустил руки, и тогда Хинта ударил его в шлем. Защитный экран прогнулся и съехал в сторону. Пробоина была ничтожно мала, но в воздухе раздалось отчетливое шипение декомпрессии. Хорда завопил от страха и откатился назад. Его лицо было защищено дыхательной маской, так что ему не угрожала опасность глотнуть ядовитой атмосферы, но Хорда в это мгновение не осознавал, что по-прежнему дышит чистой газовой смесью. Он испуганно зажал щели на шлеме ру-

ками и выбыл из боя. Это открыло Хинте путь к Круне, который дергался внизу, тщетно пытаясь сбросить с себя чужой вес. Но Хинта и опрокинутый ослик вместе были слишком тяжелы для того, чтобы он сумел их приподнять над собой. Беспомощный, поверженный, ненавистный враг был прямо под ним, и Хинта обрушил острый угол стальной панели ему на шлем. Удар вышел очень сильным; на стекле шлема и без того были трещины, теперь же оно разбилось – во мраке тускло блеснули белые грани сколов, а к Круне в глубину шлема посыпалась стеклянная крошка.

– Теперь ты будешь таким же, – кричал Хинта, – таким же, как мой брат! Каково? Страшно?

Он уронил свое оружие и вцепился руками в дыхательную маску Круны. Сам Круна, задыхаясь под тяжестью навалившегося на него веса, тоже вцепился в свою маску.

– Не надо, – хрипел он, – перестань, остановись, Хин.

Отчаяние в его голосе было для Хинты как музыка.

– Один глоток, – бормотал он. Ему удалось подцепить маску за трубки. Но в этот момент кто-то перехватил Хинту под руки и потянул его назад и вбок. Не понимая, кем является этот новый противник, Хинта начал бороться и с ним – бил локтями. Но новый противник не отпускал его, и вот они вместе, скатившись с борта ослика вниз, упали на россыпь какого-то хлама. Только тогда Хинта осознал, что перед ним Тави. И уже увидев Тави, Хинта начал понимать, что тот все это время кричал ему.

– Остановись! Это не повод убивать! Это глупо, Хинта!

Вместе с криком Тави Хинта вдруг осознал и все остальное, что происходило вокруг. Какая-то из сторон конфликта накрыла этот район ракетным огнем. На улице, близкие и страшные, грохотали взрывы. Здание дрожало, жуткое эхо летало в стальных стенах.

– Он проломил мне шлем! – вопил Хорда.

– Кто это? – хрипел Круна. – Кто его держит? Это ты, Гиди? Убей его, Гиди – он хотел убить меня.

Но Гиди был не там, где думал Круна – он только сейчас сумел выбраться из груды пищевых пакетов. Весь его скафандр был перепачкан чем-то липким, облеплен лопнувшими пластиковыми упаковками, так что при каждом движении он рисковал поскользнуться и упасть. Идти в полный рост у него не получалось, и он полз, изрыгая проклятия и силясь отряхнуться. Слыша вопли своих друзей, он решил, что обязан героически за них заступиться, нашел тяжелый ключ – тот самый, который Хинта швырнул в Круну – и размахивая им, неуклюже бросился на

тени перед собой. Сначала он чуть было не добил Хорду, но чудом успел узнать того по голосу. Тогда он обрушил мощь своего оружия на шлем Тави.

Тави спасся только благодаря дороговизне и качеству своего скафандра. Его шлем смягчил и парировал удар так, что сам Гиди выронил ключ из рук. Однако травму Тави все-таки получил, и взвыл от боли. До этого он уже пытался встать на ноги, но удар заставил его снова распластаться на полу. Гиди, видя, что враги и так лежат, начал бить их ногами. Это стало переломным моментом схватки. У него были хорошие ботинки, с металлической подбойкой. Дважды он ударил Тави под ребра. Потом, заметив, что Хинта начинает вставать, Гиди обрушил каблук на голову Хинты. Хинта начал защищаться руками. Тави выворачивался вниз. Гиди не удержался на разъехавшихся ногах и упал навзничь. Хинта использовал это мгновение, полез вперед, схватил противника за ворот скафандра, попытался прижать к полу, но это было сложно, потому что Гиди весь был скользким, и потому что он ожесточенно бил Хинту кулаком в экран шлема. Началась свалка.

Если бы Гиди был один, Тави и Хинта, ценой множества синяков, возможно, сумели бы его одолеть. Однако, пока Гиди занимал их двоих, произошло событие, которое Хинта не сумел просчитать. Ослик перестал брыкаться ногами, его сенсоры зарегистрировали критический завал, и он перешел в режим саморегуляции настроек. Робо отменил для себя последние команды Хинты, поджал ноги, перекатился на живот и встал, тем самым освобождая Круну от своего веса. Будучи не в силах сразу подняться на ноги, Круна пополз в направлении других людей. Во время их борьбы Хинта все-таки сумел оттянуть край его маски, и теперь Круна ощущал, как его легкие горят медленным огнем. Он вдохнул недостаточно яда, чтобы стать инвалидом вроде Лики, но даже пары кубических сантиметров отравленной атмосферы хватило, чтобы он ослабел. Голова у него кружилась, звуки чужой борьбы и взрывы на улице дезориентировали и пугали. Он прополз вокруг дерущихся Хинты, Тави и Гиди, наткнулся на Хорду и повис на нем, стараясь отлепить его руки от щелей в шлеме.

– Нет, – взмолился Хорда, – что ты делаешь, друг, ты убиваешь меня, они убивают меня, и ты тоже?

– Идиот, – прохрипел Круна, – на тебе же еще маска.

До Хорды начало что-то доходить. Потасовка длилась ничтожное время – не прошло и двух минут с момента, как Хинта бросил ключ в Круну. Хорда, наконец, осознал глупость своих действий, перестал зажимать шлем и опустил руки.

– Не будь ссыклом, – твердил ему Круна, – и помоги мне встать.

Они вместе поднялись на ноги. Круна шатался, как пьяный, в груди у него хрипело. Но, поднявшись, он сумел устоять на ногах. Вместе они двинулись на помощь Гиди.

– Хватит! – кричал Тави. – Хинта больше не причинит вам вреда, не надо его бить!

– Не я это начал! – бутузя его, ревел Гиди. – Пока сами – значит, можно, а как вас бьют, так плакать?

– Да я... с самого начала... этого не хотел, – задыхаясь, ответил Тави.

Хинта сумел использовать крик Тави в своих целях. Пока Гиди отвлекся, Хинта нашарил рядом какой-то предмет – это оказалась машинка для укладки пластиковой облицовки. Хинта приложил ее к колену противника и нажал на спуск. Гиди завопил от боли, когда маленькая стольная скобка врезалась ему в кость ноги. Раздалось шипение разгерметизации. Воздух выходил сквозь порванную ткань вместе с пузырями крови.

– Нет! – закричал Тави. – Перестань, прекрати, Хинта! Не надо больше насилия!

Гиди отстал от них. Но тут подоспели Круна и Хорда, и драка закипела с новой силой. Теперь ее исход не вызывал ни малейших сомнений. Трое крупных подростков с трех сторон избивали младших мальчишек ногами, а те могли лишь ползти, кричать и жалко защищаться руками, получая десятки ссадин и синяков. В последней мстительной попытке Хинта успел навалиться на ноги Хорды и пробил тому стопу скобой. Тот захромал, как и Гиди. Но мгновение спустя Круна выбил оружие у Хинты из рук.

Тави еще пару раз пытался что-то выкрикнуть, но потом сам понял, что его аргументы сейчас напоминают мольбу о пощаде, и умолк – не хотел доставлять врагам удовольствие. Из внешних динамиков его шлема вылетал лишь звук тяжелого дыхания. То же самое было с Круной и его парнями – они больше не изрыгали проклятий. Их кровь кипела от пережитого страха и унижения: Хинта чуть было не сделал их всех калеками. В слепой ярости они били своих жертв, но попытка вернуть себе гордость оставалась тщетной, и от этого удары делались лишь еще более ожесточенными.

– Зря, – между вздохами боли бормотал Хинта, – зря ты остановил меня, Тави. Видишь, что вышло...

Вероятно, еще минута таких побоев закончилась бы тем, что и Тави, и Хинта получили бы серьезные травмы костей и внутренних орга-

нов. Но в этот момент к ним подросла странная помощь. Это был Ашайта.

Пока длилась драка, малыш, оставшийся без присмотра, бродил в грохочущей темноте, спотыкаясь о вещи. Хинта не совсем правильно оценивал его состояние: Ашайта не боялся взрывов, огня, ночи. Но за последний час он часто плакал, потому что разделял чувства других людей. Он видел, как страдает его брат, как переживает Тави, замечал их усталость, раздражение, горе, боль, гнев, страх. Все их эмоции эхом приходили к нему, и он плакал, потому что не мог им помочь. Когда его несли, он хотел стать легче. Он хотел поскорее исчезнуть, чтобы не мешать им.

Он знал, что скоро должен исчезнуть. Что-то изменилось. Что-то придвинулось к нему. Он видел темноту – не вокруг, а какую-то другую, вторую темноту, ту, которая была под миром и между мирами. Он ясно знал, что там, в этой темноте, есть светлая прожилка – путь, вдоль которого следует идти. Всю жизнь он был на грани между миром брата и этой темнотой. Он болел, слюна текла у него изо рта. Он слышал, как пузырьки булькают у него в голове, чувствовал, как отказывает тело. В эти моменты слабости темнота звала его сильнее, чем обычно. Не так давно, когда он попал в больницу, темнота подошла совсем близко. Тогда он тоже видел в ней золотой путь. Но тогда все было иначе, чем сейчас, тогда золотой путь сузился, стал страшным, его перекрыли другие врата, у которых лежали нехорошие мертвецы с горящими глазами. Ашайта бежал оттуда, бежал назад и очнулся в больничной палате, рядом с братом и среди друзей.

Теперь он знал, что перед ним откроются вторые врата – хорошие. Он хотел пройти через них. Друзья брата тоже ходили там. А Ивара ходил там два раза. Ашайта видел это в сияющих цветах, которые сплетались у того на лице. Вообще в мире было много сияющего. Было плохое сияние, и было хорошее сияние. И все это сияние было началом того просвета, по которому следовало уходить под мир, в темноту. Ашайта любил танцевать, вплетать себя в эти линии. Он любил двигать звезды, сажать цветы, устраивать смерчи из крошечных светящихся листьев. Он любил музыку, потому что музыка была очень похожа на этот свет. Но никто, кроме него, не видел этой красоты. Хотя брат и друзья брата иногда видели что-то, словно призрак сияющего стелился для них вслед за его танцем.

Когда фигуры других людей наконец-то проступили во мраке, Ашайта обрадовался и двинулся к ним. Он был почти уверен – там его брат. Фигуры двигались, и он не знал, что это за игра и что за странный

танец. Он бы танцевал иначе. Но разве это важно? Он просто вошел в их круг. Хинта первым увидел брата и попытался махнуть тому рукой, чтобы бежал. Но из его жеста ничего не вышло, а если бы и вышло, то малыш все равно бы его не понял. Круна, задыхающийся, ослепший от боли и ярости, попытался нанести Хинте очередной удар ногой и вместо этого попал по колену малыша. Ашайта упал, и только тогда хулиганы по-настоящему его заметили.

– Омареныш, – выдохнул Хорда. – Это же омареныш.

– Он что, пытался на меня напасть? – безумным свистящим шепотом спросил Круна. – Эй, ты, существо, ты можешь хоть что-то думать? Пришел спасти улипо-брата?

Ашайта лежал на спине. На его мокром подбородке серебрилась слюна, широко раскрытые глаза блестели за стеклом шлема. Он удивленно смотрел вверх – на просвет неба, в котором кружились снежинки.

– Не трогайте его, – простонал Хинта, – не смейте.

– Не трогать? – Круна стоял, наклонившись вперед, уперев руки в колени, как обессиленный борец в финале поединка. – А я вот думаю иначе. Это как раз вас двоих мы можем не трогать. А его мы тронуть должны. Это же все из-за него. Если бы его не было, то даже вы двое были бы сносными пацанами. Таких, как он, просто не должно быть.

– Он не виноват в том, что он такой, – сказал Тави.

– Заткнись, – ответил Гиди.

– Да, – продолжал Круна, – он не виноват. Виновата его семья. Они должны были убить его. Или бросить в пустошах. Не сейчас, а давным-давно, может, в тот самый день, когда это уродилось у их гребаной предмутантной мамы. Поэтому я называю вас трусами. Вы, Фойта – слабаки и трусы, недостойные нашей общины. И не только я так считаю. Правильно, Гиди?

Наступила пауза. Круну качало, как пьяного.

– Правильно, Гиди? – повысив голос, снова спросил он.

– Да, – наконец, откликнулся Гиди. – Они должны были его убить. Но, похоже, Хинта готов убить нас, но только не своего брата.

– Именно. А что ты думаешь, Хорда?

– А если да, то что мы тогда будем делать? – испуганно, настороженно спросил Хорда.

– Не будь ссыком, – страшно прошептал Круна.

– Я не...

– Дай прямой ответ, – потребовал Гиди. – Такое можно решать только вместе.

Хорда что-то пролепетал. Рядом рванул взрыв, и его слова утонули в грохоте проседающей стали.

– Что ты сказал? – переспросил Гиди.

– Ладно, да!

– Хинта, – окликнул Круна. – Эй, Хинта...

Хинта лежал, дрожа, скорчившись, стараясь унять растекающуюся по животу боль. Круна разогнулся и потрогал Ашайту ногой. Не ударил, а просто надавил тому на живот.

– Эй, Хинта, я знаю, что нам делать. С тобой и с ним. Бить тебя бессмысленно. Тебя надо исцелить. А чтобы тебя исцелить, нам надо убить его.

– Нет, – прошептал Хинта.

– Парни, кто готов?

Хорда и Гиди молчали. В эту минуту на улице и вообще повсюду вдруг наступила относительная тишина. Обстрел кончился, лишь один пулемет трещал где-то далеко на западе.

– Ведь эти улипки хотели нас убить. Меня особенно. У них, конечно, не вышло. И мы можем убить их. Но это же будет неправильно, так? Надо убить причину. А их – вернуть в общество. Ты же сам это понял, Гиди. Так ведь, Гиди?

– Да, – с каким-то трудом ответил Гиди, – именно это я и сказал.

– Так и надо. А ты что умолк, Хорда?

– Он не омар, – возразил Тави.

– Да заткнись уже, улипа, заткнись! – заорал Гиди и нанес ему пару неприцельных ударов ногой. – Никто тебя не спрашивал.

– ...человек, – силясь подняться, запротестовал Тави.

– Ты же хотел убить омара, Гиди, – продолжая давить Ашайту ногой, сказал Круна. – Ну так вот она, твоя цель. Хватит бить этих улипок. Давай, покажи, что ты мужик.

Хинта пружиной рванулся вверх. Ресурсов его избитого тела хватило на то, чтобы обхватить Круну за пояс и сбросить того с брата. Они вместе рухнули на кучу мусора.

– Я тебя все равно убью, – прохрипел Хинта. В безумии последнего усилия он пополз по извивающемуся, отбивающемуся телу более крупного врага. Круна нашарил на полу обрывок цепи и начал ожесточенно стегать им Хинту по голове и плечам. Мальчик немного ослаб, но все равно продолжал. Он превратился в автомат, в машину смерти. Его руки с новой силой вцепились в трубки маски Круны, он подтянулся, и вот они уже смотрели друг другу глаза в глаза. Круна захлестнул цепь вокруг кулака, ударил и разбил проектор защитного поля на шлеме Хинты. Од-

нако это сыграло не в его пользу – в момент разгерметизации поток воздуха, вырвавшегося из шлема Хинты, попал самому же Круне в лицо. Он на мгновение ослеп, растерялся, и Хинта вырвал цепь у него из рук. Сам Хинта уже плохо соображал и не догадался, как можно использовать это оружие, а потому просто отшвырнул его прочь. Теперь они боролись руками в тщетной попытке сорвать друг с друга жизненно необходимое снаряжение. Круна был сильнее, но Хинта сидел на нем верхом, и дрался не за одного себя, но и за брата.

Неизвестно, чем могла бы закончиться их игра в перетягивание дыхательных масок. Но Круну опять спас другой человек. На этот раз это был Гиди – он рывком сдернул Хинту со своего друга. Хинта упал на подвернутую ногу и сразу попытался встать, но Гиди прижал его к полу, борцовским захватом закручивая ему руки за спину. Хинта, который был в меньшей весовой категории, оказался совершенно беспомощен под более крупным противником. Выворачиваясь, с запрокинутой назад головой, он мог видеть все поле битвы. Бледный свет; ржавый металл; горы рваных пищевых пакетов с текущей из них слизью; два робоослика, качающих сенсорами; пыль; снег. Тави стоял на коленях, а Хорда обхватил его сзади за шею и душил, не давая вырваться. Хинта видел брата, безвольно раскинувшегося на полу; видел, как Круна сидит среди разбросанного хлама, поправляя свою истерзанную дыхательную маску.

– Мы держим их, – сказал Гиди над ухом Хинты. – Мы победили.

Круна попытался встать, но это уже было ему не по силам, и он медленно, с расторопностью древнего ужаса, пополз на четвереньках к Ашайте. Он больше не убеждал других, чтобы те совершили убийство; теперь он взял эту миссию на себя.

– Вот и держите их, – бормотал он, – а я сделаю дело. Сделаю самое трудное... Это будет больно... Больно для тебя, Хин. Но когда мы закончим, ты поймешь, как это было нужно. Как он мешал тебе. Как искажал все в тебе. Всю твою жизнь. Этот маленький омар – нарушение порядка.

Хинта слышал собственное частое дыхание, стук сердца, рвущийся крик. И Тави тоже кричал, кричал и кричал «нет»; у него осталось одно-единственное слово, полное отрицание происходящего. Но как бы Хинта и Тави ни сопротивлялись, у них уже не было возможности победить в этой борьбе. Круна дополз до Ашайты, обхватил руками его шею. Его пальцы ненадолго запутались в застежках незнакомой конструкции. Но дело было не только в застежках. Круна медлил. Он ощутил под своими ладонями маленькое, но бесконечно живое тело, и замер над ним. Ему стало страшно. Это был другой страх, не тот, который он испыты-

вал, когда убивали его. Теперь убивал он. Он знал, что все еще может сделать другой выбор, может признать в Ашайте человека. Но это бы означало отречение от многих своих слов и дел, а Круна боялся потерять лицо в глазах товарищей. Поэтому он снял с Ашайты шлем.

Поначалу мальчик как будто не отреагировал на это событие. Его личико бледнело в полутьме, глаза были широко открыты. Еще мгновение Ашайта смотрел вверх, на прореху в крыше, а потом, внезапно, перевел ясный взгляд на лицо Круны. Эти глаза загипнотизировали Круну невозможной смесью интереса, удивления и сострадания. Малыш протянул свои руки к большому парню, словно хотел его обнять. В эту минуту Ашайта видел, как по лицу его убийцы ползет острый и страшный фиолетовый шрам. Ашайта тянулся вверх, потому что хотел снять, убрать этот уродливый зигзаг, поиграть с ним – и, в то же время, вылечить Круну.

– Нет, – сказал Круна, – нет, не надо, не тяни ко мне свои руки. Закрой глаза. Умри. – Но он был не в силах еще что-то сделать, как-то ускорить процесс. Он застыл и смотрел, а Ашайта тянулся к нему снизу. Тави и Хинта перестали кричать. Далеко-далеко шумела канонада, и еще цепи тихо звенели во тьме, соударяясь друг с другом и со стенами ангара.

– Если он и правда омар, его это не убьет, – подал голос Гиди.

Круна импульсивно вскочил и отступил от своей жертвы на два шага, словно боялся какой-то непонятной мести. Ашайта потянулся вслед за ним, почти сел – но тут же снова упал на спину. Его рот широко открылся. Он начал дергаться, слабо закашлялся, слюна смешалась с кровью; потом он откинулся назад и умер. Его глаза снова смотрели в небо. В последнее мгновение они исполнились выражением счастливого удивления. А потом относительную тишину ангара прорезал дикий, скорбный вой Хинты.

Гиди отпустил Хинту. Хорда отпустил Тави. Все они – и победители, и побежденные – вдруг лишились сил и утратили всякую мотивацию для продолжения драки. Все они переживали потрясение, хотя и разное. Хинта дополз до брата и уткнулся головой ему в грудь. Он не плакал, но дважды снова начинал кричать. Все остальные по большей части молчали. Хорда громко шмыгал носом.

– Ну вот, мы это сделали, – неуверенно констатировал Гиди.

– Да, – пьяным голосом ответил Круна.

Тави остался стоять на коленях. Сам того не замечая, он молитвенно стиснул руки на груди. Но его поза не была молитвенной; он весь как-то перекосился, сдвинулся, криво наклонился в сторону, словно из него вынули позвоночник.

У Хинты внутри было темно. И только лицо брата светилось в этой темноте. Он не видел ничего, кроме этого лица. Мир был стерт, разрушен, выжжен. Прошрое и будущее исчезли. Вещи лишились смысла. Звезды погасли. Ветер стих. Экватор остыл. Боги умерли. Сияющий первоисточник жизни задохнулся во мраке. Герои распались в прах. Могилы их были осквернены и преданы забвению. Аджелика Рахна был просто куском металла – таким же, как омары. А люди были просто кусками плоти. Тысяча кровоточащих тел ползла в ад. Тысяча злых душ летела в черную дыру. Бессмысленный кровожадный хохот наполнял вселенную.

– Хинта, – охрипшим, несуществующим голосом позвал Тави. Хинта не ответил, но Тави все равно продолжал говорить. – Огонь и лед сейчас вокруг него, и металл, и зло. Так пусть они не следуют за ним на ту сторону. Он был светлейшим существом, которое жило во вселенной. Так пусть его путь будет светлейшим, самым быстрым и легким.

Раздался стук. Тави поднял голову и увидел, что Круна бьет себя кулаком в грудь – мерные, сильные удары. Что Круна хотел этим сказать? Выражал ли он протест против слов Тави? Уже никто этого не узнал, потому что одновременно с его ударами появился еще один звук – шорох, скрип и скрежет – где-то наверху.

– Что это? – запрокинув голову, плаксиво спросил Хорда.

– Оно над нами, – испуганным шепотом ответил Гиди. – Оно пробирается по крыше, прямо там.

Сразу вслед за его словами, на улице, совсем рядом с ними, взревели два автоматических пулемета. Это стрелял один из солдат «Джилликон Сомос». Скорострельность его оружия была такова, что слух не различал отдельных выстрелов, лишь жужжание, вой, гул – полет убийственного роя. Огонь был направлен на крышу их здания. Сдвоенные очереди прошли стену и потолок. Алыми искрами полыхнул металл, на пол посыпались раскаленные обломки. Кран-балка сорвалась со своих опор и рухнула вниз, давя собой стеллажи. А пулеметы все продолжали стрелять, очереди металась туда и обратно, туда и обратно, заштриховывая, разрушая, испепеляя все на своем пути. Толстые стальные балки не выдерживали кучного попадания разрывных пуль, лопались, проседали вниз. Казалось, очередь пожирает металл.

– Крыша рухнет! – вне себя от страха, завопил Хорда. Он и Гиди бросились прочь, попытались прижаться к стенам. Круна неуклюже

остался стоять на своем месте. Хинта продолжал сжимать мертвого брата. Тави на коленях подполз к нему и стал тянуть за плечо, но ему не хватало сил, чтобы сдвинуть оцепеневшего друга с места.

В этот момент дыру в крыше заслонила страшная тень. Омар рухнул вниз, в потоках собственной крови, вслед за ним соскользнула целая шапка снега. Снежинки закружились в воздухе вместе с искрами. Изувеченная тварь, силясь побороть конвульсии, забилась на полу. Она лежала всего в метре от Хинты. У чудовища не было антенн, правой руки и левой ноги ниже колена – от потерянных конечностей остались лишь обломки. Взмыленное тело кипело нанопеной и сочилось кровью. Особенно сильно кровь хлестала из развороченного лица. Омар смотрел на мир одним воспаленным глазом. Маска у него на морде была разбита, из жутких розовато-белых ноздрей вместе с брызгами крови вырывались густые облака пара. Сквозь трещины в голове поблескивало серое вещество гипертрофированного мозга. Но, несмотря на все свои раны, омар был жив и не собирался умирать. Со страшным бесчеловечным упорством он перевернулся на полу и встал – оперся на культю левой и на здоровое колено правой ноги. Подняться в полный рост он уже не мог, но даже так оказался высотой со взрослого мужчину. Круна все еще стоял на месте, и омар распрямился прямо перед ним. Они застыли лицом к лицу. По скафандру подростка текли кровь и нанопена чудовища.

Солдат «Джилликон Сомос» понял, что его цель ускользнула, и прекратил стрелять. На несколько мгновений наступила звенящая тишина. В этой тишине омар произнес свои единственные слова.

– Я есть Кежембер, – хрипло и отчетливо сказал он. Его глубокий гортанный голос заполнил собой все пространство ангара. Хинта поднял лицо и сбоку, снизу вверх, взглянул на чудовище. Тави в этот момент успел увидеть взгляд друга. В глазах Хинты было безумие.

Круна сделал слабый, неловкий шаг назад. Омар смотрел на него своим глазом. Он видел сердце, мозг, глупость и страх. Круна сделал еще один шаг назад, и тогда омар положил свою уцелевшую руку ему на плечо. Подросток упал на колени; его тело перекошилось, он забился, задрожал, потом завопил. Когти чудовища, пронзая пластик и металл, проникли под скафандр. Омар давил, давил, и вдруг дернул свою жуткую клешню в сторону. Круна остался без руки и плеча. Его ребра страшными осколками выступили из края смертельной раны, кровь высоким фонтаном ударила вверх из тела. Его крик смолк. А омар сунул кровотокающий трофей себе в морду и жадно присосался маленьким хищным ртом к влажному мясу.

Вжавшиеся в стену Гиди и Хорда в безмолвном ужасе наблюдали за этой сценой. Тави сделал движение в направлении умирающего Круны, но остановился, так ничего и не предприняв. Омар, наладившись человечиной, отшвырнул руку Круны и обвел помещение взглядом. Он мог убить остальных людей. Но он не стал этого делать. Вместо этого он поднял уцелевшую руку, выстрелил гарпуном в изрешеченную рухлядь крыши и с удивительной легкостью взлетел ввысь. Еще мгновение назад он был здесь, и вот он уже исчез, растаял, его стало невозможно различить во тьме потолочных балок – лишь слышалось его дыхание, да капала сверху его кровь. Там, в тени, он перезарядил свое оружие: вниз с жестяным грохотом упала россыпь пустых гильз, несколько стальных коробок и полая пулеметная лента. Стало тихо. Невозможно было понять, как тварь сумела так ловко устроиться там наверху, и как ей хватило конечностей, чтобы с такой скоростью привести в порядок свои вооружения.

Хинта, продолжая сидеть рядом с братом, запрокинул лицо вверх.

– Мы должны умереть, – сказал он. – Уничтожь нас всех. Этот мир твой по праву. Потому что ты – смерть.

– Это не так, – возразил Тави.

– Замолчите, вы, оба! – вскрикнул Хорда. В ответ не последовало ни звука. А несколько мгновений спустя стена, около которой жались Хорда и Гиди, взорвалась, превратившись в облако пыли. Обломки брызнули во все стороны. Ударная волна прижала к полу Хинту и Тави, опрокинула стеллажи у них за спиной. Лишь чудом их не задел ни один из опасных крупных обломков. Хорда и Гиди исчезли вместе со стеной. От них не осталось ничего – только стон в рушащихся балках, да влажные темные следы на измятой стали пола.

Хинте в разбитый шлем попала пыль. Оглушенный и ослепший, он попытался ползти, снова найти тело брата, но скоро потерялся и упал. Когда он перекатился на спину и сумел открыть глаза, он увидел, что в проломе возвышается огромная нечеловеческая фигура – стальные плечи, заслоняющие небо, белый режущий свет, бьющий из рук и лица. Грудь этого нового чудовища раскрылась, оттуда вылетел маленький реактивный дрон. Он с шипением промчался по воздуху, завис в центре помещения и отбросил в стороны от себя красные линии, сканируя помещение в поисках потенциальных целей. На пол, потолок и стены лег ромбовидный узор. Один из лазеров устремился к голове Хинты. Мальчик рефлекторно поднял руку, чтобы защититься от невыносимой алой вспышки. Он бесчувственно подумал, что сейчас умрет. Но произошло другое: грохнул выстрел, и дрон с механическим визгом отлетел в даль-

ний конец разрушенного ангара. А с потолка, прямо на голову солдата, сиганула страшная тень. Омар решил умереть в битве. Свет померк. Две фигуры сцепились, раздался грохот выстрелов и скрежет металла. Омар цеплялся за робофандр и стрелял в упор, пытаясь поразить человека, скрытого под слоями стали. Пулеметы робофандра на такой дистанции стали бесполезны. Солдат растерялся; он был вооружен, чтобы уничтожать цели на определенной дистанции, его снаряжение не подходило для того, чтобы вести рукопашный бой. Он попытался стрелять в омара в упор и расчертил очередью потолок помещения. Однако раненый монстр остался на нем. И в отличие от человека, омар не промахивался; все его выстрелы попадали в цель. Две слипшиеся, мечущиеся, бьющиеся фигуры упали и, сминая стеллажи, покатались вглубь ангара. Сервоприводы выли, ключьями летели стальные обломки, хлестала кровь, шальные очереди полосовали все вокруг. Потом внезапно из центра этой свалки взмыла ракета. Она улетела вверх, пробила крышу ангара, мгновение спустя вернулась и ударила в дерущихся. Рванул взрыв, настолько мощный, что остатки крыши просели и кусками обвалилась вниз. Этот маленький эпизод битвы за Шарту закончился. И омар, и человек – оба погибли.

Тави очнулся под обломками стеллажа, куда его отбросило последним взрывом. Все тело болело, руки и ноги гнулись с трудом, сердце часто и слабо билось в груди. Он пополз вперед, высвободился из-под горы хлама, сел. В ушах звенело, но он слышал, что на соседних улицах опять идет бой. Крыши у ангара больше не было, стены по большей части разрушились. Целое здание превратилось в гору мусора. Сквозь бреши в руинах было видно перекресток – там горел один из дронов Джифоя. Ночь была светлой, всюду сияло зарево пожаров. В небе, бросая вниз лучи прожекторов, зависла реактивная машина. Снег перестал, но что-то в воздухе кружилось – возможно, пепел.

Тави проверил терминалы – они все еще были при нем, хотя оба казались разбитыми, и он не знал, удастся ли когда-нибудь извлечь из них полезные данные – потом увидел Хинту. Тот стоял в полный рост и держал на руках безвольное тело брата. Голова Ашайты сильно запрокидывалась назад и вниз. Его рот и глаза все еще были открыты, на губах чернела кровь.

– Хинта, – позвал Тави. Тот, не оборачиваясь, шел к пролому в стене. Тави нашел силы подняться на ноги и последовать за ним. Догнать

Хинту оказалось непросто; они поравнялись уже у самого пролома. Через перекресток летели трассирующие очереди. Выходить из укрытия туда, под эти пули, было нельзя.

– Стой! – крикнул Тави. – Куда ты идешь?

Хинта не остановился. Тави схватил его за плечо, развернул к себе, заставил укрыться за уцелевшими остатками стен.

– Отпусти меня, – сказал Хинта. Экран его шлема был полностью отключен, лоб и веки глаз казались обожженными. Тави не знал, списать это на действие тендра-газа или на последствия взрыва.

– Ты вообще видишь? – испуганно спросил он. – Ты видишь меня?

Хинта раскрыл глаза шире и устремил на него страшный взгляд.

– Я прекрасно вижу тебя. Ты меня предал. Это из-за тебя они убили моего брата. Я надеялся, что ты погиб. Мы все должны умереть. Все, кто был здесь сегодня. Вина делится поровну между нами. А теперь отпусти меня.

– Нет, не отпущу. – Тави держал его за плечи так крепко, как только мог. Между ними был мертвый Ашайта. За спиной Хинты расстилась улица. Там стреляли. Тави мог видеть, как пули секут снег всего в нескольких метрах от их укрытия. – Сядь! – крикнул он. – Давай, Хинта, опускайся вниз. Мы стоим в плохом месте!

В ответ Хинта толкнул его, всем телом, потому что его руки были заняты мертвым братом. Они начали бороться. Победила ничья – Хинта не смог вырваться, а Тави не сумел усадить его. Но в Хинте появилась какая-то дикая сила, словно он больше не подчинялся законам биологии и химофизики. Его тело стало напряженным, каждая мышца закаменела.

– Хватит, Тави, – с ужасающей ясностью произнес он. – Ты не Джилайси Аргнира. Да и тот никого не спас. Все люди, которых он пытался уберечь, погибли позже – в тех битвах, на которые он не успел. Кровь застит все. Там, с другой стороны улицы, мой отец. Я видел его. Он все еще жив, хотя скоро тоже погибнет. Пусти меня. Я должен пойти, показать ему тело младшего сына. Я виноват, так пусть отец пристрелит меня за то, что я не уберег...

Глаза Тави наполнились слезами.

– Ты несешь чушь! Тебя контузило!

– Нет, просто я понял смерть. Мы все убийцы. И все умираем. Справедливость в том, что никакой справедливости нет. Отпусти меня, или я тебя убью.

Выстрелы попали в стену, за которой они прятались. Взвизгнул рикошет. На какое-то ужасное мгновение Тави показалось, что Хинта уже

мертв, что его достало пульей, прошившей преграду навывлет. Потом он понял, что это другая смерть, смерть души, стоит сейчас перед ним, с пустым взглядом и немым лицом.

– Очнись, Хинта, – попросил он. – Только убийцы виноваты в смертях. Я спас тебя. Ты не убийца. И никто, кроме Круны, не виноват в смерти Ашайты. А ты мог бы сам сейчас быть убийцей. Но ты им не стал. Ты не стал убийцей Круны.

Хинта издал безумный смешок.

– Ты – спас – меня? Теперь мы оба – убийцы моего брата. Мы позволили ему умереть. Ты повернул все так, что он умер. Ты слеп, если не видишь этого. А Круна? Круна все равно мертв. Омар порвал его. Так в чем же смысл твоего геройства!?

– Убийца – это тот, кто убивает! – закричал Тави. – Не ты снял с Ашайты шлем, и не я! Это сделал только один человек!

– Бездействие убивает. Слова убивают. Весь мир вокруг – это способы умереть или убить. Не говори мне, что мы не виноваты. Мы виноваты уже в том, что шли с ними. И что остались с ними. Я виноват, что затеял драку. Ты виноват, что остановил ее не в том месте. Гиди и Хорда нас держали. Может, и они – не убийцы? Нет. Мы все его убили. Шарту убивал его с самого первого дня. А мир убивает всех нас. Мы все убийцы и самоубийцы, каждый с руками по плечи в крови. Мы убиваем, когда отпускаем своих родных на войну. И убиваем, когда не делаем этого.

Синева совершенно ушла из глаз Хинты, осталась только тьма. И Тави медленно ослабил свою хватку, отступил под давлением этой тьмы. Он не знал, что делать. У него были тысячи слов, но все слова тонули во тьме. С Хинтой не получалось говорить – сейчас его можно было только слушать, слушать этот спектакль одного актера, разыгрываемый посреди горящего мертвого мира.

– Соберись, – в последней страшной попытке сказал Тави. – Ты говорил, что выдержишь смерть своего отца. Так будь крепким, выдержи смерть брата! Вспомни, Хинта! Вспомни, кто ты, и кто мы, и какое у нас дело! Мы должны остановить все это – все войны, все зло в мире! У меня в кармане лежит ключ. Осталось сделать с него миллион копий и подарить по штуке каждому из людей! У меня в кармане голос звезд, помощь, которая пришла к нам издалека, чтобы мы не убивали и не умирали. Ты ненавидишь мир? Так используй эту ненависть во благо! Только один способ мы нашли, чтобы разорвать этот порочный круг! Мы на пороге. Я плачу о твоём брате, плачу, как ты. Но если мы сделаем наше дело, то не будет больше напрасных смертей. Злой мир будет повержен. Все вокруг расцветет, и мы сделаем первый в нашей жизни глоток чи-

стого воздуха! Сядь, спрячься! Оставь брата! Ему уже не помочь! Давай жить! Нам нужно найти Ивару!

Тави так говорил, что на мгновение ему показалось, что от силы его слов стихли взрывы. Он не смог говорить на гумпрайме. Но вот перед ним был Хинта, потерявшийся друг, который сейчас воплощал в себе все горести и заблуждения людей. И Тави направил острие своей мысли в это средоточие тьмы.

Но тьма в глазах Хинты не дрогнула.

– Думаешь, я не помню? Не помню о наших делах? О нет, я помню о них все. Чудеса. Магия. Спасение человечества. Золотые вещи. Где же все это было? Где все это сейчас? Где вся эта сила добра? Ее нет. Я вижу только трупы. И один из них у меня на руках.

Дым стелился в отравленном воздухе; пепел оседал на землю, на снег, на руины; над развалинами домов величавыми синими факелами пылали цистерны с запасами газа.

– Аджелика Рахна? Где он был, когда Ашайта хватал окровавленными губами воздух? Где он был, когда убивали тысячу людей, наших соседей и знакомых? Я скажу тебе: он лежал в ящике хранения. Он не очнулся, не шевельнулся, не превратился во что-то другое, не облачил лучших из людей в золотые латы. Он не сделал ничего. Потому что он ничего не может. Этот маленький золотой шарлатан обманул нас всех, обманул все человечество. Добро – это ложь. У вселенной нет центра, а если он и есть, то это ледяное и темное сердце, которому нет дела до живых существ, оно любит лишь огромные камни и бездну пустоты. Мы все – бессмысленная случайность. Жизнь – это плесень на мертвых камнях вселенной. Гибель нашего мира ничего не значит. А Ивара – мальчик, поверивший в сказки, еще более глупый, чем мы с тобой, проживший десятки лет без взросления.

– Ты безумен, – в ужасе произнес Тави. Его руки безвольно упали.

– Я разумен, – сказал Хинта, повернулся и начал выходить из укрытия. В эту минуту, на самом краю своего поля зрения, Тави заметил чей-то силуэт. Низко наклонившись, к ним бежал человек. Он пришел не с улицы, а со стороны выжженного двора станции землемеров – оттуда же, откуда они сами час назад. Тави еще не успел рассмотреть деталей, назвать имя, а радость уже захлестнула его. Ивара был жив. Ивара пришел к ним. Теперь они были спасены, и не только они, но что-то великое, общее, чем они занимались – снова могло жить.

Так получилось, что они все трое одновременно вышли из укрытия. Хинта с телом брата на руках шагнул на улицу, споткнулся об обломки стены, чуть не упал, но удержался на одеревеневших ногах и пошел дальше, прямо навстречу пулям. Ивара издалека бросился ему наперерез. Тави, растерянный и счастливый, полный мимолетной надежды, оказался между ними и протянул руки к обоим, словно хотел соединить их, обнять, восстановить ту целостность, в которой они пребывали в лучшие дни. А потом он увидел очередь – череду крошечных двойных взрывов, которая мчалась по снегу, камням и кучам мусора прямо к ним. Трассирующих линий не было видно, и казалось, нет никакого стрелка – только сами пули, сама смерть была здесь, ища себе жертву. Все случилось очень быстро. Ивара налетел на Хинту, схватил его; тело Ашайты упало на снег, маленькое лицо отвернулось в сторону. Потом пули догнали их. Тави закричал – страшно, бессвязно. Его друзья упали, покатались по ледяной грязи. И сразу оба вскочили. «Неужели живы?» – испуганно и удивленно подумал Тави. В те секунды он не осознавал, что и сам стоит в полный рост на открытом месте, под шквалом огня. Хинта повернул назад к телу брата. Ивара опять поймал его. Тави бросился к ним, схватил Хинту со своей стороны. Тот упирался, но вместе с Иварой они затащили его обратно в укрытие. Считанные секунды спустя они уже были в относительной безопасности. Упали.

Черное – это мусор. Белое – снег и пепел. Красное – это... это...

– Ивара, Ивара, – потрясенно шептал Тави.

– Я вас нашел, – через силу произнес учитель, держась за правый бок. Из-под перчатки с шипением и пузырьками воздуха вырывалась кровь. Она стекала по пластику полускафандра, пятная снег. – Ашайта мертв? На нем не было шлема.

– Его убили. Наклонись.

Мужчина послушно повернулся. Рана была сквозная, сзади тоже текло, только туда Ивара не мог дотянуться рукой. Тави зажал прострел, почувствовал под ладонью что-то твердое, странное – возможно, обломок нижнего ребра. Теперь он держал рану со стороны спины, а Ивара – со стороны живота.

– Печень. Мне конец примерно через четверть часа.

– Нет.

Ивара посмотрел на него.

– Все в порядке. Не зажимай рану. В этом нет смысла. Вы двое должны выжить. Вам надо уходить. Мы все повернули не в ту сторону. В северной части поселка бой не такой тяжелый. Надо было уходить туда и на тропу вдоль Экватора.

Тави не ответил и рану не отпустил. Сам Ивара тоже не отпускал. Вместе они так сильно сдавили ее, что кровь почти перестала.

Хинта сидел поодаль. Он больше не пытался дойти до брата. Его руки и плечи мелко дрожали, словно от холода.

– Зачем? – спросил он. – Зачем надо было бежать за мной на смерть?

– Потому что ты должен жить, – сказал Ивара. – А ты пытался покончить с собой.

– Это я виноват, – всхлипнул Тави. – Я не стал его останавливать.

– Нет, – ответил Хинта. – Если здесь вообще кто-то в чем-то виноват, то это я. Я забыл. Думал, что один. Я забыл, что ты пойдешь за мной, и уж тем более не думал, что Ивара пойдет за мной. Я забыл, что принадлежу не только себе.

– Так сделай что-нибудь, – зло отозвался Тави.

– Он ничего не может сделать, – сказал Ивара. – Вам двоим надо уходить.

– Мы не уйдем, пока ты не умрешь. Даже если это неразумно, мы не уйдем.

Они замолчали. Тави горько плакал. Хинта сидел, стиснув голову руками. Ивара истекал кровью. Над землей стелился смог, летел пепел пожарищ. Бойня в Шарту не стихала.

Ранение Ивары оказало на Хинту странное воздействие. Он словно протрезвел, хотя и не до конца, и сам это признавал. Мир вернулся к нему, покров тьмы был сброшен. Он вспомнил, по-настоящему вспомнил, что он не один, что у него и его друзей есть общее дело. И в то же время он ненадолго утратил способность думать о текущем положении дел. Он понимал, что его брат мертв, что Ивара умирает, слышал, как плачет Тави, но не испытывал по этому поводу почти никаких чувств. Даже сознание вины отступило от него. Он сидел на куче обломков и думал о разных вещах. Об отце, которого разглядел на той стороне улицы. Правда ли то был Атипа? Или другой, похожий на него, бежал и стрелял, пока не исчез за стеной огня? О матери, которая осталась где-то позади, в захваченном омарами административном центре. Жива ли она? А если умер-

ла, то какими были ее последние минуты? О странных летающих машинах, на которых прибыли солдаты «Джилликон Сомос». Как эти штуки попали сюда? Неужели они могли летать над магнитной аномалией Экватора? О дронах Джифоя. О том, что зима в этом году началась как-то особенно резко и яростно. Такой сильный первый снег мог уже и не растаять. Только вот кто это увидит? Доживет ли хоть один человек до завтрашнего дня, или омары будут владеть этими землями? Но что омарам снег? Они ведь даже не видят его, лишь слабо осязают холод своими полумертвыми нервными окончаниями.

– Шарту разрушен, – подумал он вслух. – Все проиграли. Никому ничего не досталось.

Ему никто не ответил, но он этого почти не заметил. Ему вдруг представилось, что он идет по мокрому песку – по морскому дну – но воды нет, она вся ушла, отступила, чтобы подняться огромной волной. Так же сейчас было и у него внутри. Его тьма отступила, и он остался на обмелевшем дне. Тело его брата лежало всего в двадцати шагах, но было вне досягаемости – добраться до него можно было лишь затем, чтобы умереть рядом с ним. Мертвые друзья Ивары лежали на дне – на настоящем морском дне. Мертвый или раненый Аджелика Рахна лежал в ячейке на станции тихоходного поезда. А что стало со станцией? Должно быть, она разрушена, как и все вокруг.

– Тави, – позвал Хинта. – Тави.

Тави шевельнулся, давая понять, что слышит его.

– Терминалы целы?

– Они при мне, но разбиты.

Хинта кивнул так, словно это имело очень большое значение. Ивара дышал часто и тяжело, со стоном. Его начинало трясти, руки слабели, кровь потихоньку снова пошла из раны. Надо было уходить, спасаться. Но Хинта не чувствовал в себе какой-то последней воли, чтобы сдвинуться с места. Волны мыслей катились через его пустынный берег. Омары. Аджелика Рахна. Искусственные тела. Золото. Серебро. Техника. Война. Смерть. Организм человека. Организм омара. Биология и механика. Медицина, которую он не знает. Шансы. Борьба могущественных волей. Подключение. Мир.

– Нас спасли, когда мы умирали на руинах школы, – сказал он. – И сейчас мы можем спасти Ивару.

– Как? – спросил Тави.

– Я не уверен. Если я не прав, или если у нас не получится, то он умрет на несколько минут раньше. Потому что нам придется нести его. Придется отпустить рану. Он быстро потеряет еще больше крови.

– Я в любом случае умру, – сказал Ивара.

– Как, как спасти?! – крикнул Тави.

– Солдаты «Джиликон Сомос» носят боевые робофандры. Нас везли в больницу внутри капсулы. Боевой робофандр должен быть изнутри точь-в-точь как эта капсула. Только она встроена внутрь огромного экзоскелета с пулеметами и прочим вооружением. А солдат внутри нее плавает в желе.

– Робофандр может лечить солдата?

– Возможно. Это бы объясняло, как они продолжают вести бой, когда их уже сто раз расстреляли. Они как омары. Омары восстанавливают себя. И солдаты компании тоже восстанавливают себя. Поэтому они сражаются наравне с омарами.

– И где взять такой робофандр? – спросил Ивара.

– Он здесь, под руинами. Но он может быть сильно разбит.

– Тогда найдите... тряпку, резинку, кусок пластика. Все, что угодно, чем можно заткнуть мою рану. Это выиграет нам время, пока вы будете сажать меня в эту штуку.

Тави яростно кивнул. Хинта перевернулся, начал ворошить кучу мусора, на которой до этого сидел, пополз, перебирая обломки, и вдруг наткнулся на шлем Ашайты – тот все еще валялся там, где его бросил Круна. Хинта вернулся к друзьям, нашел острый осколок, прорезал им внутреннюю обкладку шлема и выдрал оттуда несколько пластов мягкого парапласта.

– Отлично, – шепнул Ивара, – подойдет.

– Он не стерильный.

– Глупости, – сказал Тави. – От заражения он будет умирать три дня. От отравления тендра через кожу мы все умрем через шесть или восемь часов. А от потери крови он умрет уже через десять минут.

Когда мальчики заталкивали парапласт в рану, учитель закричал и потерял сознание. Он еще не пришел в себя, а они уже подхватили его под руки и потащили через руины ангара. Тяжелые балки крыши вмялись в стальные стеллажи, и то, что раньше было центром помещения, теперь превратилось в бурелом из пересекающих металлических конструкций. Иногда им приходилось всходить наверх, на кучи мусора, на горы мятой стали, но чем выше они поднимались, тем больше был риск словить шальную пулю, поэтому они старались держаться низких укромных мест, провалов и щелей, кривых коридоров, образовавшихся под руинами.

– Если тут все такое, – обреченно сказал Тави, – то Ивара умрет раньше, чем мы откопаем робофандр.

Но он оказался неправ. Дойдя до места, где погибли омар и солдат, они увидели перед собой небольшую воронку, оставшуюся от взрыва ракеты. Робофандр был впрессован в ее дно. Боевая броня оказалась в тысячу раз прочнее, чем конструкции здания; все вокруг было согнуто, растерзано, вмято, а робофандр почти полностью сохранил свою форму. На его почерневшем, исцарапанном металле осталось лишь несколько сквозных пробоин – очевидно, те слабые точки, в которые предпочел стрелять омар. Вокруг этих брешей серой слюдой запеклось какое-то вещество. Хинта решил, что это нанопластик, который военные используют в своем снаряжении, чтобы во время боя восстанавливать целостность герметизации. Сам омар тоже был здесь. Он превратился в омерзительную обожженную, склизкую кучу, которая все еще липла к верхней части робофандра

– А они точно погибли? – спросил Тави.

– Омар, думаю, да, а солдат – не знаю. – Хинта спрыгнул на дно воронки, прополз по огромному боевому экзоскелету и остановился прямо перед тушей мертвого омара. Своей изломанной рукой тварь проникла куда-то в глубину робофандра – брешь здесь была такой большой, что серая масса нанопластика вокруг нее еще не успела застыть. Хинта сел на грудь робофандра и начал ногами бить и толкать омара. Ему казалось, что он тратит на это последние остатки своих сил, и ничего не выйдет. Но внезапно омар свалился с головной части робофандра, отрывая вместе с собою расшатанный входной люк.

– Ивара, Ивара, – позвал Тави. – Хинта, он очнулся, но не может говорить.

– Больно, – выдавил учитель.

– Оставь его на минуту, – попросил Хинта. – Спускайся сюда. Сделаем это вместе.

Внутреннюю камеру робофандра озарял мерцающий свет мониторов и датчиков. Вся она, все оборудование в ней были залиты серой слизью. Вместе они вытащили оттуда тело солдата. Тот оказался огромным крепким мужчиной – в Шарту таких больших и сильных людей не было – в простом облегающем комбинезоне, покрытом сетью металлических бляшек-датчиков. Тело его было невероятно изранено: живот разворочен пулями, голова почти отделилась от шеи – видно, омар сумел так глубоко засунуть свою страшную руку, что вогнал когти прямо в горло человека. За каждой из ран тянулись странные нити, похожие на провода. Другим концом они уходили в стенки капсулы.

– Это наниты?

– Надеюсь.

– Нам придется раздеть Ивару и этого тоже, и надеть на Ивару его костюм.

Они помогли учителю спуститься, положили его рядом с мертвецом и принялись за новый этап работы. После землетрясения Хинта успел увидеть некоторое количество человеческой наготы, но тогда он был опьянен, болен, и все происходило мельком. Сейчас, впервые в жизни, он увидел вблизи и ясно донага раздетого взрослого мужчину. Вопреки отупению, усталости, горю и страху он все же испытал приступ стыда. Здесь, в этих голых телах, одном мертвом и одном раненом, пряталось сердце войны. Горящие дома были ужасны, взрывы и выстрелы были ужасны, но настоящий ужас был в кровавой наготе растерзанной плоти. Если омары хотели мести за своих убитых, то они добились желаемого: голый мертвый солдат, с перерезанным горлом и вывороченными кишками, с обнаженным волосатым лобком, с безвольно болтающимся серым мужским достоинством был так же ужасен, как выпотрошенный и подвешенный на крюках омар. Это была казнь, и Хинта ощущал, что довершает ее позор, когда крадет у покойника одежду. В то же время он чувствовал дополнительный стыд от того, что это делают они – мальчишки, что Тави вынужден делать это для Ивары. Наверное, именно в этот момент к нему окончательно вернулась способность сопереживать. Пару раз он пытался прочесть чувства друга, но видел только боль. Тави не испытывал стыда, стыд в нем был уничтожен болью, болью Ивары, которую он переживал, как свою.

Пока они переодевали Ивару, тот снова потерял сознание. Комбинезон солдата плохо ему подходил. Но когда переоблачение было завершено, случилось маленькое чудо – он сам начал ссаживаться, менять форму, облекая новое тело. Дыры в тех местах, куда попали пули омара, залатались; пятна крови остались, но узор датчиков полностью восстановился; в том месте, где был ранен Ивара, образовалась новая аккуратная брешь.

– Если робофандр не поможет, – сказал Хинта, – то Ивара уже никогда не очнется.

У них осталась последняя проблема: надо было снять дыхательную маску с мертвеца и надеть ее на учителя, на котором все еще оставалась маска от его собственного скафандра.

– Он не может задержать дыхание, – сказал Тави.

– Когда он без сознания, он дышит слабо и медленно. Значит, мы успеем поменять маски прежде, чем он получит сильное отравление.

Тави кивнул. Хинта снял маску с солдата, услышал тихое шипение – там все еще была дыхательная смесь. Бесценный воздух уходил в атмо-

сферу. Тави расстегнул маску на Иваре, положил руку ему на грудь, чтобы лучше чувствовать дыхание. Потом он резко сорвал маску с лица Ивары, а Хинта опустил на него маску солдата. И сразу, словно дыхательная смесь робофандра сама по себе была целебной, учитель очнулся и открыл глаза.

– Боли нет, – произнес он. Военная маска была устроена так, что человеческий голос почти свободно проходил сквозь нее.

– Значит, там наркотик, – сказал Хинта.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Тави.

– Лучше. – Ивара сел и пьяным, воспаленным взглядом посмотрел на лежащую перед ним стальную машину робофандра. Потом перевел взгляд на солдата, а с него на свою рану. – Это надо вытащить.

– А как же кровь?

– Рана в печень убьет меня еще через несколько минут, даже если мы остановили внешнюю кровопотерю. – По боку Ивары расплзалось большое иссиня-черное пятно гематомы. Газ из дыхательной маски прояснил его разум, сделал его движения какими-то иными, механистическими, словно он сам уже стал частью боевой машины. Он резко и бесцеремонно вытянул обрывки парашюта, а Тави, насколько мог, вытащил затычку с другой стороны сквозной раны. Кровь с новой силой выплеснулась наружу, мужчину качнуло, но мальчики поддержали его и помогли ему ногами вперед залезть в глубину робофандра. Ивара со всплеском опустился в серую жижу, обессилено откинулся на спину.

– Удобно? – спросил Тави.

– Очень.

– Смотрите, – показал Хинта. Со стенок капсулы к ране Ивары стремительно потянулись нити-проводки. Вот они достигли ее, ушли внутрь. Серая жижа тоже поднялась, начала обволакивать человека со всех сторон. Тави засмеялся отчаянным надтреснутым смехом.

– Мы спасли его. Мы спасли тебя!

– Да, – ответил Ивара. – Каждый раз я думаю, что сейчас увижу своих старых друзей. И каждый раз оказываюсь не прав.

И тогда заплакал Хинта. Стоя на коленях, в грязи, около раскрытой капсулы робофандра, он тихо и отчаянно оплакивал своего брата. Тави подсел к нему, обнял за плечи. Ивара протянул к мальчикам руку, и они все трое сцепились пальцами. Тело Ашайты, брошенное и изломанное, лежало где-то далеко на улице. Вокруг горел Шарту. Гремели взрывы. Зарево пожара было таким ярким, что его свет достигал низко нависших облаков, отчего небо казалось темно-оранжевым.

– Я каждый раз оказываюсь неправ, когда ищу своих погибших друзей, когда жду с ними встречи. – Наркотик давал Иваре силу, он сжал свою руку очень крепко. – И каждый раз в таких обстоятельствах оказываюсь несправедлив к вам двоим. Я предаю вас.

– Не надо, – испуганно попросил Тави, – не надо сейчас об этом.

– Нет, именно сейчас. Когда напали омары, я стал метаться. Я не знал, куда мне двигаться, с кем быть, что делать. Я разрывался между обязанностями учителя, обязанностями ученого и привязанностью к вам. Один голос говорил мне, что я должен позаботиться о вверенных мне подростках. Другой твердил, что моя жизнь и знания сейчас бесценны, и я должен выжить любой ценой. А третий кричал, что я должен искать вас, потому что важно только это. Вначале победил первый голос. Я был в раздевалках, пытался навести порядок, когда люди дрались и убивали друг друга за скафандры. У меня ничего не получилось. Меня оттеснили, смяли. Потом я возглавил группу из шестнадцати подростков и повел их на юго-запад, к одному из малых убежищ, в надежде, что там нам предоставят укрытие. Мы не прошли и трех сотен метров. Большую часть моих подопечных убило сразу. Один из них умер у меня на руках. Мы отступили во дворы. Там нам встретился отряд ополченцев. Среди них были отцы моих учеников. Они вспомнили меня, вспомнили, что я приехал в Шарту не так давно, и обвинили меня в шпионаже в пользу «Джилликон Сомос». Эти люди были безумны. Я убежал от них. Тогда возобладал второй голос. Я начал думать о том, как спасти собственные знания. Я вернулся в административный центр. Там шел бой, но все же в здании было безопаснее, чем на улице. Я обнаружил радиорубку, из которой администрация Шарту транслировала свои сообщения, и передал сообщение в Литтапламп. Я транслировал его на научных и радиолюбительских частотах ойкумены – рассказал, сколько успел, про артефакты на дне моря и про то, что нашел тела моих друзей.

– Тебя слышали? – спросил Тави.

– Не знаю. Я успел сказать не так много – лишь самые главные вещи. Потом в комнату начал прорываться омар, и мне пришлось уйти. Прячась, я встретил людей, которые случайно знали, куда Кифа повела своих ребят. И только тогда я последовал зову своего третьего голоса и отправился искать вас двоих. Лучше бы я с этого начал.

– Но ты спас мне жизнь, – сказал Хинта.

– Почти случайно.

– Ивара, – сказал Тави, – ты делал то, что мог, там, где мог.

– Нет. Я не сделал очень многих вещей, которые мог бы и должен был сделать. Если бы я слушал лишь один голос, я бы вел себя иначе. Но

я плохо делал все. Я плохо искал вас, плохо защищал свою жизнь и плохо оберегал тех, кто был вверен мне на попечение. Я трус. Испугался дружбы. Избегал новых связей. Бредил своими мертвыми и слишком часто не замечал рядом с собой живых. Вел себя высокомерно, хотя не всегда заслуживал быть старшим для вас двоих. Вы ничего мне не должны. Это я должен вам – подружиться с вами было как обрести вторую жизнь. Сколько раз мы уже спасали друг друга от беды, смерти, душевного кризиса? А ведь не прошло и полугода со дня нашего знакомства. Я понял все это, пока шел сюда. На этих улицах смерти я понял, что только с вами двоими у меня получается жить. И делать что-то я начал только здесь. Когда мы расстаемся в важную минуту, все идет наперекосяк. Вместе мы бы спасли Ашайту, спасли друг друга, и даже тех ребят, которые погибли со мной, спасли, и тех безумцев, которые хотели меня убить, образумили бы. Мы любую вещь лучше делаем вместе. К тому же, нам просто хорошо вместе.

– Ашайта звал тебя, – сказал Хинта. – Звал только тебя. Он хотел тебя видеть, еще когда мы были в административном центре. И потом, когда Круна его убивал...

– Что? Я думал...

– Нет, – покачал головой Тави. – Не бомба и не пуля его убила. Старшеклассники сняли с него шлем. С ним и с нами произошло то, что чуть было не случилось с тобой. Они называли его омаренышем.

Дыхание Хинты сбилось, и он заплакал с новой силой.

– Я любил его, – сказал Ивара. Они надолго замолчали. Потом взрослый заговорил снова.

– Вы не будете хранить наши открытия. Я не хочу с вами расставаться. Не хочу, чтобы вы двое были каким-то там моим «запасным вариантом». Я прошу вас идти со мной. Давайте покинем Шарту. Давайте выживем и покинем этот ад, чтобы вместе закончить наше дело.

– Я не могу бросить Хинту, – ответил Тави, – а у него здесь родители. Если он останется в Шарту, то и я останусь.

– Хинта? – спросил Ивара.

Хинта поднял голову, обвел взглядом стены воронки, руины ангара. На всем вокруг лежало зарево пожара. Тендра-газ, холод и слезы жгли глаза, и ему казалось, что все горит прямо в нем.

– Убийцы моего брата мертвы. Мне даже некому мстить. Это конец истории. Моя семья может быть мертва точно так же, как и тысяча других жителей поселка. Найду ли я их? Доживем ли мы до утра, если останемся здесь и если я буду их искать? Ивара, я как ты. Я не знаю, что из этого – мой долг. Но мне больно. Я вижу мертвых. Я слышу их голоса.

Мой дом, наверное, сгорел. Даже если омаров прогонят, люди будут здесь умирать завтра, послезавтра, год спустя. Все разрушено. Не будет еды, воды, воздуха, лекарств, будет негде жить. Никакая помощь от корпорации не компенсирует этих потерь. Один поезд, катающийся туда-обратно, не может привести столько припасов. Хотя монорельс, должно быть, разрушен, как все остальное.

– Тогда давай уйдем, – сказал Тави.

– Но как, куда? Ивара прикован ко дну этой воронки. Нам его не сдвинуть. И что потом? Как мы покинем поселок? Как попадем в Литтапламп? И разве нас там примут, даже если мы туда доберемся?

– Нас там примут, если мое сообщение дошло, – сказал Ивара.

– А остальное? – спросил Тави.

– Я знаю, где тихходный. У меня тут карта всего Шарту прямо перед глазами. Поезд цел и стоит на той маленькой технической станции у тропы, ведущей вдоль Экватора. У них это обозначено как квадрат Тат Север.

– А что поезд там делает? – спросил Хинта.

– Нельзя летать над Экватором. Я думаю, тихходный привез сюда армию «Джиликон Сомос». Именно поэтому он четко отмечен на карте – это их отправная точка. Если мы сможем добраться до северной окраины поселка, до тропы, и если там у нас не возникнет смертельных проблем с людьми корпорации, то мы доберемся до Литтаплампа.

– Но мы не можем никуда добраться, пока ты лежишь в полуразбитом робофандре, – сказал Тави.

– Он не такой уж разбитый. Он мне показывает, что у него все еще функционируют все основные узлы.

Хинта перевернулся, лег на спину так, что его голова оказалась почти рядом с головой учителя и, смаргивая слезы, тоже начал смотреть на экраны.

– Я не понимаю этот пульт, – быстро признался он, – а ты?

– Это знаковый военный язык номер шесть, он существует со времен поздней Лимпы. Его учат все лингвисты, как пример простейшего синтетического иероглифического языка. Я могу его читать с Дадра. Тело. Энергия. Вооружение. Связь. Дальше начинается детализация функций. Ноги. Руки. Свет. Это, должно быть, тяжелое вооружение...

– Ракеты. Мы с Тави видели, как он запустил одну.

– Пулеметы. Режимы работы реактора. Тут расчетная система. Баллистика. Режимы наведения на цель. Режимы ходьбы и бега. Здесь что-то для прыжков. Кстати, под ногами я чувствую педали.

– Попробуй включить связь, – предложил Тави. – Самое безобидное, чтобы начать.

Обычного пульта управления внутри капсулы у робофандра не было, его заменяли манипуляторы в форме перчаток. Когда Ивара осторожно вдел руки внутрь сенсорной сетки, его тело качнулось и поднялось вверх, нарушая гладь серой жижи, а экраны вспыхнули с удвоенной яркостью. Учитель глубоко вдохнул, его зрачки заметно расширились.

– Ты в порядке? – испуганно спросил Тави.

– Мне дали больше наркотика, а подо мной обнаружился экзоскелет – это он меня сейчас приподнял. Это внутренний сенсорный экзоскелет, и меня к нему пристегнуло. Ощущение, словно я дрейфую в невесомости. Очевидно, когда я начну двигаться внутри капсулы, робофандр будет повторять мои движения. Соблюдайте осторожность, я могу случайно вас задеть.

Мальчики отступили на полшага назад. Ивара со всей возможной предусмотрительностью начал пробовать разные движения перчатками-манипуляторами. По совету Тави он активировал связь, и с внезапной силой из капсулы робофандра донесся чей-то чужой, далекий, с незнакомым акцентом голос.

– Мика, Мика Два, механические цели на тридцать градусов восточной долготы.

– Говорит Мика Два, цель помечена. Веду цель.

– Говорит Геда Один. Центр, центр, сколько нас осталось?

– Говорит Центр. Потери тридцать процентов.

– Отлично. По контракту надбавка после двадцати пяти, я прав?

Чей-то смех.

– Геда, Геда Один, надбавка только в случае победы, и только для выживших.

– Мы удержим свои квадраты.

– Убрать чушь из эфира, – приказал чей-то новый голос. Стало тихо.

– Что же это за люди, если они смеются, когда погибло тридцать процентов из них? – спросил Тави.

– Они все под наркотиками. Через час в этой машине я тоже не буду чувствовать ничего, кроме веселого боевого драйва.

Снова зазвучали переговоры.

– Говорит Эвера Четыре, большая группа живых целей, квадрат Мосо Восток, движутся на север.

– Говорит Мика Восемь, я их перекрою.

– Говорит Геда Три, где наше подкрепление из местных? Почему квадрат Зун Юг опустел?

– Говорит Центр, в этот квадрат будет сброшен Ф-кластер. Они вызвали огонь на себя. Не подходите к квадрату Зун Юг.

– Где квадрат Зун Юг? – спросил Тави.

– Прямо к югу от нас. – Ивара повел рукой перед экранами, и голоса стали тише.

– Жаль, они не называют улиц, – сказал Хинта. В ту же секунду где-то недалеко грохнул страшный взрыв. Он был невиданно мощным – за все время битвы они еще не слышали ничего подобного. Рокот от него катился и катился, небо окрасилось бело-голубым сиянием, лучи страшного света побежали повсюду, даже коснулись одной из сторон воронки. А потом стало тихо. На несколько мгновений бой прекратился во всех квадратах, на всех улицах. Все, кто еще был жив, ненадолго перестали стрелять друг в друга и наблюдали, как прогорают шары объемных взрывов.

– Ф-кластер, – констатировал Ивара. – Если еще услышим про такой, будем обходить стороной место его сброса.

Он медленно наклонился вперед, и мальчики шарахнулись в сторону. Застонал металл, взвыли сервоприводы. Робофандр грузно сел на земле. На дне воронки остался четкий отпечаток его выпуклой стальной спины.

– Выбирайтесь наверх и отойдите, – громовым, усиленным голосом произнес Ивара. – Сейчас я попытаюсь встать и научиться ходить.

Тави и Хинта вскарабкались на верхнюю кромку воронки, сели там и стали смотреть, как Ивара пытается поднять робофандр на ноги. В других обстоятельствах это зрелище было бы смешным: огромная боевая машина казалась пьяной – она вставала и падала, размахивала руками, прыгала, рыхлила ногами землю, танцевала вприсядку, крушила головной частью подвернувшиеся стальные балки. Наконец, учитель сумел остановить робофандр в прямом положении. При этом ноги машины были слегка согнуты в коленях, и поза ее выглядела донельзя комичной.

– Я смогу, – прогремел из динамиков голос учителя.

– Мы идем на север? – крикнул Тави.

– Да. Сначала на большую станцию тихоходного – она нам по пути. Попробуем найти там Аджелика Рахна. Потом, с ним или без него, будем пробиваться к тропе вдоль Экватора.

И они отправились в путь. Правда, при первой попытке вылезти из воронки робофандр снова упал, зато потом он прыгнул и сразу оказался

во дворе станции, а мальчикам пришлось нагонять его, пробираясь сквозь руины ангара.

Втроем они снова шли по тем же улицам, на которых чуть не погибли пару часов назад. Сейчас все здесь выглядело еще хуже – сгорели целые ряды домов, снег таял от огня, в лужах воды и крови лежали омары и люди. Робофандр бежал рядом с мальчиками, заслоняя их от опасностей. Довольно часто в Ивару стреляли; он пригибался к земле и отвечал из пулеметов, но не стремился победить, и при первой возможности выходил из боя, отступая во дворы. Когда они дошли до административного центра, учитель научился запускать дымовые шашки – и враз истратил весь их запас, поставив сплошную завесу на несколько сот метров вперед. Теперь они бежали сквозь тьму и дым.

– Я здесь, – иногда говорил Ивара.

– Мы тебя не потеряем, – кричал в ответ Тави, – твои шаги хорошо слышно!

В них с Хинтой открылось третье дыхание. Смертельно уставшие, они бежали на легких ногах, следуя за тяжелой поступью машины, прячась в ее тени, слыша, как пули звенят о прочный корпус. Ивара стал их щитом, их ходячей крепостью посреди этого ада.

И вот они добрались до станции. Разбитый монорельс завалил собой улицы, платформа покосилась, склады фрата пылали упрямым яростным пламенем. Тави и Хинта были вынуждены остановиться перед стеной огня, но Ивара спокойно прошел сквозь нее, исчез в глубине складов, а потом вернулся, волоча за собой дымящийся шкаф с камерами хранения. Когда он вышел целый и невредимый, оба мальчика издали возгласы ликования. Открыть раскаленный шкаф было невозможно, а потому учитель просто продолжал тащить его за собой. Горячий металл прорезал и протапливал неглубокий снег до самой земли.

Скоро они покинули зону боя. Северная окраина Шарту мало пострадала, здесь выгорело лишь несколько домов от шальных ракет; темные окна прочих слепо смотрели на зарево пожаров. Людей не было видно – кто оставался жив, попрятались в укрытиях, мощный силуэт робофандра внушал им страх. Бежать уже не было необходимости, и мальчики сбились на обычный шаг. Шатаясь, изможденные, обгоревшие, ощущающие первые признаки отравления тендра-газом, они пересекли последние улицы и начали подниматься на уходящую в скалы тропу. Здесь Хинта неожиданно остановился и упал на колени.

– Ты что? – замедляя шаг, спросил Тави.

Хинта посмотрел на него снизу вверх.

– Помнишь? Помнишь каникулы, день знакомства с Иварой?

– Да. В этом самом месте Круна сидел со своими друзьями. Они начали дразнить Ашайту. И тогда ты сказал мне, что хочешь его убить.

Хинта низко склонился, почти коснулся земли лбом.

– Вставай, – позвал Тави. – Вставай, Хинта. Рано падать. Нам еще далеко идти. Место, где мы стоим, не имеет никакого значения. Все внутри: в твоей памяти, в моей памяти, в памяти Ивары. Ашайта будет жить для нас в нашей памяти.

– Забирайтесь ко мне на плечи, – прогремел сверху Ивара. – Я уже не падаю, и в нас больше не стреляют. Это безопасно.

Они прошли по остывающему стальному шкафу, перебрались на длинную, оснащенную пулеметами руку, с нее – на избитые пулями плечи великана, и путь продолжился. Робофандр Ивары размашисто шагал вперед по знакомой тропе. С его высоты, и с высоты скал они смотрели на оставшийся позади поселок, и видели море огня и черные развалы руин. Юго-запад пестрел всполохами новых взрывов: там бой все еще не стихал.

Кончилась целая эпоха их жизней. Больше не было тех вещей, которые они знали и любили, тех людей, с которыми они вместе росли, которые заботились о них и о которых заботились они сами. Не было и тех, кого они ненавидели. Шарту пал. Теперь его выжившим жителям предстояли месяцы вымирания и борьбы, а потом годы подчинения корпорации. Омарам и людям предстояло продолжить безысходную войну между собой. Все это можно было изменить лишь одним способом – с помощью маленького золотого человечка, который, спасенный из пожара, лежал в камере хранения внутри стального шкафа.

Четверть часа спустя они миновали Слепой Изгиб, услышали шум и увидели перед собой свет. Спираль тихходной дороги была озарена сиянием десятков прожекторов. Светил и светился и сам поезд. Рядом с ним, между прозрачных опор монорельса, парили две летающие машины. На скалах стояли пять или шесть солдат в робофандрах. Один из них прыгнул навстречу Иваре и наставил на него свои пулеметы.

– Нила, Нила десять, – обратился он по громкой связи, – что ты делаешь? Тебя контузило?

Ивара замер на месте. Сердце Хинты сжалось – он подумал, что они все умрут здесь, после стольких страданий, спасшие друг друга и спасшиеся из Шарту, умрут на этих скалах. Позже он вспоминал эту сцену, словно сон.

– Я не Нила десять, – ответил Ивара. – Прошу, не стреляйте. Я почти не умею пользоваться этим костюмом. Я один, я тяжело ранен, и со мной дети. Меня зовут Ивара Румпа. Я брат Квандры Вевады. И не я убил вашего товарища, я лишь забрал его костюм, чтобы выжить.

– Тогда сбрось свое оружие, – приказал солдат.

Учитель сразу подчинился. Из груди, спины и рук робофандра выпали патроны с боекомплектом. Хинта все еще ждал грохота выстрелов. Одной рукой он вцепился в изгиб брони, другую протянул к Тави. Но ничего не происходило. Солдат перед ними стоял совершенно неподвижно. Другие тоже не двигались со своих мест. Они о чем-то говорили – беззвучно, между собой.

Постепенно, по мере того, как глаза Хинты привыкали к слепящему свету прожекторов, он рассмотрел в сотне метров от них, на первой платформе тихоходного, знакомую фигуру. Это был Фирхайф. Старик остался жив и, как всегда, делал свою работу – управлял поездом.

Потом по направлению к Иваре и мальчикам двинулась одна из парящих машин.

– Говорит центр, – раздался с высоты оглушительный голос. – Ивара Румпа, у нас есть предписание на Вашу эвакуацию из Шарту. Но Вам придется ждать. Поезд теперь ходит по нашему расписанию, в соответствии с потребностями военной миссии.

Солдат опустил свое оружие.

– Я могу узнать, кто выдал это предписание? – спросил в ответ Ивара. – Это мой брат?

– Нет. На данный момент предписание одобрено только Ливой Огафтой, членом правления «Джилликон Сомос» и почетным членом совета по предотвращению катастроф Литтаплампа.

– Спасибо, – с облегчением произнес Ивара.

– Прошу Вас проследовать на поезд. Детей можете взять с собой.

Солдат отступил в сторону, и Ивара, по прежнему волоча за собой шкаф, двинулся к поезду. Еще через несколько минут Тави и Хинта обнимали Фирхайфа.

– После всего, что случилось, ты поедешь с нами в Литтапламп, или останешься в Шарту? – спросил его Хинта.

– Сейчас я заложник на этом поезде. Как только военные меня отпустят, пойду в поселок. Там мои дочь и сын. Я должен узнать, что с

ними, помочь. А если они погибли – отправить в последний путь. – В глазах старика блестели слезы. – Как же я рад, что вы все живы! А где Ашайта?

– Его убили, – сказал Тави.

Фирхайф не смог ответить. Но это и не было нужно.

Ивара в своем костюме был вынужден сесть на грузовую платформу вместе с другими солдатами. Тави и Хинта остались с Фирхайфом. У того была аптечка, и он дал им спрей для лица, чтобы уберечь глаза и кожу от дальнейшего воздействия тендра-газа. Он же помог им извлечь Аджелика Рахна из ячейки хранения. Никто из солдат не воспрепятствовал их действиям и не спросил, зачем они волокли с собой стальной шкаф.

Час или два им пришлось ждать, когда поезд тронется. Временами Хинта проваливался в полузабытье. Тихоходный поехал лишь тогда, когда солдаты корпорации забрали из Шарту всех своих убитых и раненых, и все боевые робофандры. Уже под утро, когда облачное небо начало светлеть, они перевалили через вершину Экватора, и Хинта в последний раз оглянулся на догорающий, разрушенный поселок, на протянувшуюся до горизонта темноту пустошей. А потом он посмотрел вперед и увидел город. В предутренних сумерках далекие купола Литтаплампа сияли, словно две дюжины бледных лун, опустившихся на Землю.

Голова Тави лежала у Хинты на плече; они сидели рядом, обессиленно привалившись друг к другу.

– Ты всегда верил, что мы окажемся там, – прошептал Хинта, – а я не мог в это поверить.

– Только не так. Я не хотел и не хочу, чтобы это случилось такой ценой. Все неправильно. Наш путь искажен, беспредельно ускорен и запятнан кровью.

– Но мы здесь, – ничего не чувствуя, сказал Хинта. Тави не ответил. Поезд начал спуск. Они заскользили вниз, полумертвые, потерянные. Тави баюкал Аджелика Рахна на руках. Впереди их ждала неизвестность.

ЗАКОН ВОЙНЫ

Занялся новый рассвет; солнце пробилось сквозь вчерашние снежные тучи, день пришел на смену слишком долгой ночи. Тихоходный медленно подполз к яркому сине-оранжевому перрону конечной станции. Вокруг расстилались поля фрата. Здесь они были немного другими, чем в Шарту – шляпки треупсов отливали незнакомым красным цветом, а сам фрат казался ослепительно зеленым, сочным и чистым, словно мякоть какого-то свежерезанного плода. Только в некоторых местах зеленую гладь разрывали широкие белые полосы тающего наста. Дороги между полями были шире, чем в Шарту, вдоль них стояли жилые дома. Они выглядели очень бедно и не складывались в улицы единого поселения, но были рассыпаны повсюду, на каждом клочке не занятой фратом земли, даже на участках между опорами монорельса. Это был тесный, плотно утрамбованный мир. По ту сторону прилегающих к станции складов начиналась огромная техническая зона – целый лес серебристо-черных фабричных труб; над большинством вился лишь слабый парок, но другие яростно дымили, а над несколькими было даже видно синие или красные факелы газового пламени.

– Это так начинается Литтапламп? – глядя на трубы, спросил Хинта.

– Нет, – сказал Фирхайф. – Это просто земли «Джиликон Сомос». У всех этих мест даже нет точного названия. Эта территория – юго-восточная часть равнины Тарпала. Люди здесь живут, но формально нет ни городов, ни деревень. А значит, нет и социальной инфраструктуры: ни школ, ни гумпраймов, ни больниц. Только поля и заводы для переработки фрата, хибары батраков компании и дороги, чтобы перевозить груз.

– Настоящий пригород Литтаплампа начинается в десятках километров отсюда, – сказал Тави. – Я смутно помню, как мы ехали с мамой на джипе. До этой самой станции.

– Но купола города... Мы же видели их с высоты.

– Купола как горы. Они огромны. От этого издали порой кажется, что они рядом. Так же и с Экватором. Ты привык жить под ним. Но с большого расстояния ты все еще будешь его видеть.

– После этой ночи для меня все похоже на сон.

Они замолчали.

Вдоль всей станции, расставив неуклюже выглядящие ноги-опоры, стояли летательные аппараты «Джиликон Сомос». Их причудливые белые крылья сильно загибались назад и вверх, а кабины были совсем прозрачными. Рассветное небо отражалось в выпуклых стеклах, в серебристых диафрагмах маленьких реактивных двигателей. Рядом с машинами наготове ждали люди. Чувствовался во всем этом какой-то особый, военный порядок; но Хинта догадался, что ожидающие – не солдаты, а врачи и техники, и что их ажурный стремительный транспорт предназначен не для битв, а для эвакуации раненых.

Началось движение. Роботизированные тележки опускались из кабин летающих машин и ехали к краю перрона, вдоль которого медленно проплывали платформы замедляющегося поезда. Люди несли ручную кладь – боксы с инструментами, баллоны с газом и какие-то приборы, подобных которым Хинта никогда еще не видел. В конце перрона была небольшая постройка – домик для отдыха машинистов, такой же, как на станции в Шарту. Рядом с ним стояла еще одна группа ожидающих. Эти отличались от техников и медиков – на них были дорогие гражданские скафандры, и они явно принадлежали какому-то иному порядку: не выполняли приказов, но, возможно, сами могли приказывать.

Поезд остановился. Хинта ощутил, как за него цепляются взгляды людей с платформы. Они буквально таращились на его грязный убитый скафандр и обожженное лицо.

– Они смотрят на нас.

– От них зависит, что с вами будет, – сказал Фирхайф.

Хинта обернулся к нему.

– Мы прощаемся?

– Нет, еще нет. Поезду нужно четверть часа на разгрузку и перезагрузку. Все это время я буду здесь. Да и вы не сразу уйдете далеко.

– Хорошо. – Тави встал, пошатнулся, крепче прижал Аджелика Рахна к груди, сошел на перрон и, тяжело ступая, поплелся вдоль поезда к той платформе, где лежал Ивара. Хинта направился вслед за ним. Они двое выглядели намного страшнее, чем побитые в бою робофандры солдат «Джиликон Сомос»: два подростка,двигающиеся словно старики, оставляющие на чистом, окрашенном металле следы из пепла и крови. Они вырвались из ада, сам воздух вокруг них клубился войной и ночью, и не было в этом веселом утреннем свете ничего более чужеродного, чем они – пришедшие с юга вестники гибели. И как-то так вышло, что вся делегация, стоявшая на перроне, сначала пропустила их мимо себя, а потом медленно пошла следом. В результате к робофандру Ивары они подошли все вместе: мальчики в тесном полукольце взрослых. Хинта

чувствовал, что эти богатые незнакомцы о чем-то говорят между собой, но все они были на своих радиочастотах, а по громкой связи еще не произнесли ни единого слова.

Иварой уже занимались. Его робофандр с помощью тележки развернули головной частью к перрону, а поврежденную капсулу каким-то невероятно хитрым способом выдвинули из глубины боевой машины и раскрыли, поделив на секции. Учитель лежал на дне капсулы, как на открытых носилках. Он был в сознании и сквозь дыхательную маску общался с медиком, осматривавшим рану на его боку.

– Да, боль возвращается, – приглушенно, хрипло, однако требовательно говорил он, – но не надо наркоз. Во сне я стану просто вещью, пленником. Я должен думать, контактировать с людьми, понимать, куда меня перемещают.

– В ране были посторонние предметы, – настоятельно ответил врач. – Ее прямо сейчас надо чистить. А дренаж и зонд ставят только под общим наркозом. Мы можем подождать минуту. Но потом будет наркоз. Это не спор.

Ивара поднял бессильную руку в отрицающем жесте, потом повернул голову к мальчикам.

– Тави, Хинта, – тихо произнес он.

– Как ты? – спросил Тави.

– Буду жить, – ответил Ивара. Слизь из капсулы, защищая его от тендра-газа и холода, обволакивала все его тело ровным тонким слоем. От этого его лоб и волосы блестели на солнце, а глаза выглядели так, словно он смотрел на мальчиков из-под воды. Он скользнул взглядом по свертку в руках Тави, едва заметно кивнул и переключил свое внимание на группу встречающих.

– Лива, – позвал он, – ты здесь? Я тебя не узнаю.

Взрослый, который остановился у изголовья Ивары, провел рукой по своему коммуникатору, переключаясь на громкую связь.

– Я здесь. – Он взглянул на медика. – Мы должны поговорить. – Тот отступил, и Лива наклонился к Иваре. – И голос, и глаза знакомые, а я все не могу поверить. Ты ли это?

– Кто же еще?

– Тебя считали мертвым.

– Я не умер.

– Ты исчез, и никто ничего не знал точно. Твою последнюю книгу издали с траурными ремарками о тебе, Амике, Эдре и Кири. А содержание ее было таким, словно Вева Кулари дожил до наших лет и превратил свою предсмертную записку в томик исторической философии. Квандра

говорил людям, что ты не пережил вины и покончил с собой. Многие поверили.

– Подожди. Как я мог не знать? Когда все это началось? Когда издали книгу?

– Уже три года как прошло. И вот я смотрю на тебя. Живой. Невозможно поверить, что это ты. Но это ты.

– Три года назад я был в Литтаплампе. Хотя и жил под чужим именем, чтобы иметь меньше дел с людьми брата. Так не может быть. Я бы узнал.

Они замолчали. Хинта сбоку рассматривал Ливу Огафту – высокого, худого, слегка сутулящегося человека в серебристо-сером скафандре с узором из синих стыковочных швов и медно-коричневых накладок. В нем было что-то аскетическое и печальное, что-то, что не вязалось с его ролью, положением и богатством. Глаза Ливы казались темными. Смотрел он внимательно.

«И это он, именно он, – оцепенело думал Хинта, – делает фрат для Квандры Вевады? Делает фрат, чтобы его выращивали те нищие батраки с полей под нами, чтобы его выращивали мы в Шарту? Этот человек мог бы приказать, чтобы кто-то начал ремонтировать Экватор. Но он не приказывает. Он виновник стольких бед. Преступник. Но почему же он так смотрит? Почему его рот не наполняется ядом, когда он произносит имена друзей Ивары – имена, священные для самого Ивары? Почему они так похожи? Почему они сами говорят, словно старые друзья? Разве они не враги? Разве не о страшной пропасти между ними рассказывал нам Ивара?»

Потом Хинта перевел взгляд на Тави. Тави тоже наблюдал за разговором между Иварой и Ливой. И он видел что-то еще, чего сам Хинта различить не мог. Растроганность? Боль?

– Ты был мертв для всех нас. Я не знаю, что ты делал и как. Но, похоже, ты исчез более успешно, чем сам можешь себе представить.

– Я же поклялся найти их.

– Я слышал твое радио-сообщение. Все его слушают сейчас, от края до края ойкумены. Ты действительно их нашел?

– Да. Я видел Амику. На дне моря. Но этого мало. Я нашел свидетельство того, как они умерли. Я видел их последние часы и спас то, ради чего они сражались. – Ивара снова начал подниматься на своем ложе. Слизь тянулась за ним. – Мы можем это сделать. Можем спасти планету. Ты согласишься мне, когда увидишь. Теперь все по-другому.

Лива долго молчал.

– Я не могу обещать. Я почти ничего не могу тебе обещать. Но я передам Инке, что ты их нашел. Что ты нашел его.

– Не обещай, но делай. Потому что во мне сейчас веры хватит на весь мир. Ты говоришь, мое сообщение дошло. Тогда, пожалуйста, объясни мне, предупреди меня, что сейчас будет, чего мне ждать? Кто эти люди с тобой? Где мой брат?

– Квандра далеко. Тебе повезло с этим. Он сейчас на северо-западе, в противоположном конце ойкумены, изучает вулканы и ведет войну с партизанами-мусорщиками, населившими руины Тоха. А эти люди работают на меня и будут делать то, что я им скажу. Охрана, врачи, таможенники – все к твоим услугам. Но не ожидай, что прием повсюду будет таким теплым. У моей власти очень короткие руки. Когда Квандра вернется, моя сила иссякнет.

– Спасибо уже за то, что ты здесь, что пустил в страну. А мое сообщение? Если оно дошло до всех, то оно должно давать мне безопасность.

– Да, какую-то безопасность ты обрел. Теперь другой стороне будет сложнее от тебя избавиться.

– Это лучшая новость. А теперь слушай, Лива. – Ивара сумел ухватить своего старого товарища за руку, притянул к себе. – Эти мальчишки знают все, что знаю я. Не теряй часы, пока меня нет, пока я болею. Поговори с ними. Возьми то, что они принесли с собой.

– Кто они?

– Довольно и того, что они стояли со мной на берегу, когда мой дрон нашел на дне Амику. Они умны, как мы в их годы. Но они другие. Они видели смерть, тысячу смертей. И они не видели наш с тобой мир. Они с другой планеты – с той, которая уже погибла. Они вышли из того будущего, которое не должно наступить. Позаботься о них. Они нуждаются в заботе, как самые незащитные из всех детей. Но говори с ними, как с взрослыми.

Он отпустил Ливу, откинулся на спину, потом посмотрел на Тави и Хинту.

– Вы покажете ему все. Другого выбора нет.

Тави медленно кивнул.

– Куда я теперь? – спросил Ивара у медика.

– Лучше всего в военный корпоративный госпиталь, туда же, куда и солдаты. Там знают, что делать с такими ранами.

– Нет. Из госпиталя «Джиликон Сомос» я могу уже не выйти.

– Он не военный. – Лива обернулся к одному из своих спутников. – Мы можем доставить его в гражданскую больницу?

– Да. Я бы предложил клинику Лапула. Высокий уровень технологий, быстрая регенерация тканей, хороший банк органов для пересадки. И при этом туда всегда смогут проникнуть люди из масс-медиа, чтобы Ваш друг оставался на виду.

– Это идеально, – сказал Ивара. – Я хочу, чтобы меня с моими новостями встречал народ всей ойкумены.

– Значит, так и будет, – решил Лива.

Парамедики быстро делали свою работу. Кое-кого из раненых солдат уже забрали из капсул. Стремительные белые машины уносились на запад, под их крыльями металась змейки прирученного пламени. Работа на станции продолжалась; с платформ поезда стаскивали пустые робофандры. С Иварой произвели еще несколько процедур. Один из спутников Ливы дал ему терминал с биометрическим датчиком. Прибор просканировал ладонь мужчины, взял каплю крови из пальца, после чего личность была официально подтверждена, и Ивара вновь вошел в мир живых. Потом врач ввел раненого в наркоз и быстро обработал рану. Через пару минут спящего учителя уже поднимали на борт крылатой машины. Он улетел последним, и его транспорт помчался не на запад, как остальные, а на север, к Литтаплампу.

– Нам нужно время, чтобы попрощаться с еще одним человеком, – глядя на Ливу, сказал Тави. Тот кивнул, и мальчики вернулись к головному вагону поезда. Фирхайф по очереди обнял каждого из них. Хинта назвал ему улицу и дом, где следует искать тело Ашайты.

– Если будет возможно... если мой отец еще жив, если ты его встретишь – помоги ему не сойти с ума в следующие дни.

– Я помогу. И ему, и Лике.

– Я чувствую себя беглецом.

Фирхайф покачал головой.

– Ты никого не бросил. И твоя судьба лучше, чем твои родители могли бы мечтать. А им твоя помощь уже не нужна. Если я найду их, они будут счастливы от того, что я смогу им рассказать. Просто верь в это. Как и в то, что твой брат больше не страдает.

Хинта заплакал. И они расстались. В небе появились боевые машины. Они летели с запада. Черные угловатые бронированные истуканы пришли на смену красивым белым летунам парамедиков. Эти новые машины садились на платформы поезда и отключали свои двигатели. Им предстоял путь через Экватор – «Джиликон Сомос» отправляла на юг, в Шарту, не помощь, но вторую волну оккупационных войск.

– Идем, – позвал Лива. Мальчики спустились вниз с перрона и ступили на землю нового мира.

Здесь шла дорога с остатками снега на ней – не такая пыльная, земляная, как дороги Шарту, но ровная и аккуратная, залитая каким-то черным веществом, разлинованная желтыми и красными маркерами. На краю дороги стоял кортеж из длинных шестиколесных машин. С виду эти машины напоминали рободжипы, но казались более стремительными, а колеса у них были такими маленькими, что Хинта не мог представить, как эти машины смогли бы ехать по плохой дороге. Должно быть, они всегда ездили по хорошим дорогам. И, о чудо, у каждой из них был настоящий шлюз, как у жилого дома.

Около кортежа люди Ливы перегруппировались. Мальчики зашли в шлюз вместе с двумя медиками, которые помогли им быстро снять изуродованные скафандры. Потом последовали простые процедуры: им вкололи тонизирующие средства, тела и лица отерли от пыли, почистили волосы, промыли глаза, обработали их пораженную кожу каким-то составом, который не только лечил, но и оказывал косметический эффект. Потом им дали новую одежду – она не была рассчитана на мальчиков-подростков и смешно висла свободными складками, при этом Тави выглядел более нелепо, чем Хинта. Когда они вышли из шлюза в просторный салон машины, оказалось, что та уже едет, беззвучно и быстро. Лива сидел в глубоком кресле. Выяснилось, что у него есть борода – небольшая, такая, с которой можно комфортно носить дыхательную маску. Его лицо избороздили морщины. Если он был сверстником Ивары, то выглядел старше своих лет. Его взгляд был направлен в окно. Он казался растерянным, задумчивым, утратившим что-то, обретшим что-то, напуганным, и при этом гордым – он выглядел так, как Хинта сейчас ощущал себя изнутри. Но когда он поднял голову и окинул фигуры мальчиков долгим изучающим взглядом, в уголках его губ появилась слабая улыбка.

– Я очень хочу познакомиться, но не знаю, есть ли у вас для этого силы.

– Да, – серьезно ответил Тави. Ему дали кофту, такую широкую, что его тонкие плечи могли бы проскользнуть сквозь ее ворот. Чтобы этого не произошло, он придерживал скомканный ворот рукой. Другой рукой он прижимал к себе Аджелика Рахна и пару разбитых терминалов.

– Куда мы едем? – спросил Хинта.

– В Литтаплам.

– Нет, это я понимаю. Но ведь это огромный город. Куда мы едем там?

– В мой дом. Надеюсь, со временем вам присвоят статус беженцев. Но это не так просто. И если вы не хотите проводить дни в лагере ожидания, то вам придется держаться вместе со мной. У вас нет документов. Вас двоих, скорее всего, нет в базах данных Литтаплампа. Вас не примет ни одна гостиница. Все, что я могу предложить, это собственное гостеприимство. Обещаю, у меня вам будет хорошо.

– Спасибо, – сказал Тави. Лива кивнул.

Водителя у машины не было – ею управлял компьютер. Медики, которые помогали мальчикам в шлюзе, перешли в задний отсек; Лива, Тави и Хинта остались наедине, в роскошном переднем отсеке. Дорога мчалась им навстречу. За окнами промелькнули индустриальные районы и снова раскинулись поля фрата. Хинта никак не мог привыкнуть к красным шляпкам треупсов.

– Мое имя Тави Руварта, – представился Тави. – А Ваше имя, пта, я, как ни странно, знаю давно. Я родился в Литтаплампе. Моя мать – агроном. Шесть лет назад мы переехали в Шарту. Мама привезла с собой Ваши книги.

– Идеалистка? Хотела помогать в провинции?

– Нет. Кажется, ей было что скрывать.

– Шесть лет назад...

– Да. В тот же год, когда Ивара потерял трех своих самых близких друзей.

Взрослый внимательно посмотрел на мальчика.

– Я почти не помню Литтапламп, – добавил Тави.

– А меня зовут Хинта Фойта, – представился Хинта. – Не знаю, что про себя сказать. Мои родители – необразованные фермеры.

– Располагайтесь, вы же устали, – без нажима пригласил Лива. Хинта и Тави опустились в свободные кресла. Хинта вдруг вспомнил, как омар отрывал Круне руку. Это было как наваждение: кровь, крик, тьма, огонь. На мгновение он словно выпал из реальности. А потом вокруг снова была тишина, и бегущая дорога. На горизонте синими глыбами вставали купола Литтаплампа.

– Ты весь дрожишь, – глядя на Хинту, сказал Лива.

– Я в порядке. – Хинта отодвинулся назад, проваливаясь в глубину мягкого, теплого кресла. Тави сделал похожее движение, подтянул к себе босые ноги, обнял колени. Сверток с Аджелика Рахна он положил на широкий пушистый подлокотник.

– Ну, вот мы и познакомились.

– Нет, это неправда, – возразил Хинта. Повисла пауза. Тави обернулся к другу, но ничего не сказал. – Мы не знаем Вас, пта. Мы знаем имя, но не понимаем, кто Вы такой. Я этого точно не понимаю. Хотя понимаю, что мы в Вашей власти, и что мое сомнение здесь уже может не иметь никакого значения.

Лива опустил взгляд.

– Если бы в твоих словах был вопрос, я бы попытался найти ответ. Если бы в твоих словах было ясное обвинение, я бы попробовал оправдаться. Но ведь я тоже не знаю, что ты обо мне думаешь. И не знаю, что тебе сказать. – Казалось, он ищет какую-то важную вещь, мысль, какую-то точку отсчета. – Я изучаю растения. В этом весь я. Я человек дела, человек работы, но не такой, как Квандра. Я люблю покой и одиночество. Я ученый, но не такой, как Ивара. Я узкий специалист. С детства и до сих пор я провожу по шесть часов в сутки в моих теплицах. Что я там делаю? Я убиваю водоросли тендра-газом. День за днем. И так до тех пор, пока не найду такую форму, которая выстоит против яда. Ивара сказал, вы видели смерть. Я тоже. Но смерть людей я видел очень редко. Все свое время я наблюдаю за вымиранием видов, за угасанием дыхания жизни, за гибелью планеты. Я проводил в последний путь несметное количество крошечных одушевленных частиц. И я оплакивал их, почитал их, прощался с ними. Я мортейра умирающих биоценозов.

Хинта почувствовал, что все это правда. Ему стало стыдно. Но остановиться он уже не мог.

– Извините, Лива, но я не понимаю нескольких вещей. Ивара рассказывал нам про Дадра. Он сказал, что Вы выбрали сторону Квандры, когда распался ваш закрытый клуб. Почему?

Лива вздрогнул, почти отшатнулся.

– Зачем? Зачем он говорил вам об этих вещах, об этой трагедии?

– А он не должен был?

– Он... – Лива закрыл глаза.

– Он был совсем один, – подал голос Тави, – и рассказал не все, а лишь самые общие вещи. И он сделал это тогда, когда думал, что мы все умрем.

– Да. – Лива тяжело вздохнул. – Я сейчас все объясню.

Он ненадолго умолк. Его лицо теперь выглядело очень бледным, а свои большие, не по-аристократическому натруженные руки он крепко стиснул на подлокотниках кресла.

– Мы дали клятву. Клятву, что будем молчать. Мы дали ее, когда создали Джада Ра. И потом никто не нарушал ее без согласия других – даже тогда, когда клуб распался. Никто, кроме Вевы, написавшего пред-

смертную записку. Ну и потом Ивара был несколько раз на грани, когда начинал вести информационную войну против своего брата. Но...

– Он не думал, что мы когда-либо пересечем Экватор. Он думал, все останется между нами.

– Что он рассказал?

– Как ответить в двух словах? Чем измерить объем выданных тайн? Я не знаю. Но Вы это поймете, если мы продолжим говорить друг с другом.

– Просто я запутался. Теперь я уже совсем не знаю, кем считать вас двоих. Неужели он сделал вас участниками Джада Ра? Неужели он осмелился воскресить все это там, по ту сторону Стены, нашел себе новых спутников? Это неправильно. И жестоко. По отношению ко всем. Особенно по отношению к нему самому. Зря он так поступил.

– Жестоко предавать любимых, заживо кромсать людей на части, осквернять мертвецов, – сказал Тави. – Я видел, как делают все это. Ивара не такой.

В эту минуту Хинта ощутил в своем друге что-то почти демоническое. Теперь он понял: эта ночь вызвала в душе Тави такую же ярость, как и в его собственной. Но Хинта свою ярость направил против Круны, а потом против всего мира – и тогда его ярость иссякла. А Тави, как всегда, жил мыслями, и его ярость все еще кипела в нем, превращаясь в новое знание, в странную силу.

– Да, Ивара не такой. – Лива опять внимательно смотрел на Тави. – Но и жестокость бывает очень разная. Бывает жестокость простая, а бывает сложная. Бывает намеренная, а бывает случайная. Я не виню Ивару ни в чем. Он один из лучших людей, которых я знаю.

– Тогда почему во время раскола Джада Ра... – начал Хинта.

– Потому что я изучаю растения, – мягко напомнил Лива. – Зачем бы я был нужен в проекте Ивары? Я не был против него. Никогда. Но я хотел быть полезным. Я тоже хотел спасти Землю. И я стал делать это так, как у меня получается.

– С Квандрой?

– С Квандрой. Квандре был нужен агроном. И спасибо ему за это: хотя сейчас я не могу назвать его ни другом, ни даже единомышленником, но он дал мне работу на годы. Когда распался наш клуб, казалось, что погибло, зачахло само наше дело. Мы все тогда вели себя некрасиво, а Ивара и Квандра держались так, словно они настоящие враги. Мне было тяжело, очень тяжело выбирать сторону. Любой выбор был похож на предательство. Когда я озвучил решение, эти четверо – Амика, Ивара, Кири и Эдра – они смотрели сквозь меня, словно я исчез. Признаюсь, я

обиделся на них. И несколько раз вел себя трусливо. Потом мне было стыдно. Но я не был против них. Я не выбирал людей. Я выбирал только род занятий.

– И вы делаете фрат, чтобы «Джиликон Сомос» получала из него энергию. Богатые богатеют. Бедные беднеют. Экватор разрушается. В ойкумене войны. Неужели все это шаги к спасению?

Лива вдруг улыбнулся – его печальное лицо стало настолько веселым, насколько это вообще было для него возможно.

– О нет. Энергию можно получать из десятков иных источников. Солнце, ветер, вода, вулканы, ядерный распад – она повсюду. Фрат – один из наиболее многоэтапных, трудоемких способов ее добычи. Но фрат это не только биотопливо. Это биомасса. Он был изобретен не затем, чтобы люди топили им печи. Он был создан, чтобы на Земле снова зазеленели поля. И с каждым годом я делаю его все лучше. Уже есть съедобный фрат. А однажды, возможно, появится фрат, который начнет очищать атмосферу от тендра-газа. Посмотри вокруг. Живой мир расстилается от горизонта до горизонта. Это технология биологической рекреации планеты. Она работает плохо, но она работает. А биотопливо – просто предлог, мотив, чтобы заставить человечество создавать вокруг своих поселений огромные плантации жизни. Задолго до меня, задолго до «Джиликон Сомос» ученые пытались действовать иначе, убеждали правителей и богачей сажать растения, разводить в воде экстремофилы. Все это закончилось ничем. А мои поля процветают. И я рад этому, хотя мне редко нравится, как правит моя корпорация.

Хинта потрясенно молчал. Он ожидал отпора, борьбы, конфликта. Он все не так себе представлял. Ему казалось, что «Джиликон Сомос» возглавляют люди, похожие на Джифоя, но еще более отвратительные – уроды, толстяки, белоручки, манипуляторы. Он хотел услышать циничный ответ, жаждал, чтобы ему рассмеялись в лицо, оскорбили, назвали нищим подонком, деревенщиной. И тогда он в свою очередь начал бы гордое, бессмысленное сопротивление. Но Лива никем не притворялся, ни о чем не пытался лгать. Он мог быть и грустным, и веселым. Он по-настоящему напоминал Ивару. Он любил свое дело. И он, должно быть, был в своем деле гением. Но главное, он говорил на том же языке, о тех же вещах; он заявлял, что тоже спасает планету. И у него получалось.

Хинта вдруг вспомнил Эрнику – мать Тави. Эта женщина никогда не смотрела на поля фрата с такой гордостью. Она что-то умела, что-то делала, но ее работа всегда оставалась просто работой. Лива Огафта не делал пустой работы. Он творил, переживал. Эта зеленая губка была для него ценной, как ребенок для родителя, как творение для художника.

– Ты меня понимаешь? – спросил Лива.

– Но почему не рассказать об этом людям? – взорвался Хинта. – Вас же все ненавидят! Там, за Стеной, и здесь. Все думают, что единственная цель корпораций – это нажива. Мой отец верил в теорию заговора. И не он один. Что «Джиликон Сомос» копит топливо, чтобы пережить новый ледниковый период. Чтобы избавиться от всех бедняков, чтобы осталась только элита.

– Это отчасти правда.

– Что?

– Корпорация производит больше топлива, чем может продать. Существуют огромные резервуары с сотнями тысяч тонн горючего: ресурс, который однажды может быть обращен во благо, а может – во зло. У Квандры есть амбициозный проект по реализации всего этого топлива. При этом я думаю, что его затея обернется катастрофой.

– Какой проект?

– Я не могу сказать, потому что подписал документы о неразглашении. И у меня сейчас нет полной уверенности, что вы двое сможете и станете хранить мои тайны. Я попытаюсь вас защитить, но очень сложно просчитать, как все повернется в ближайшие дни. Так что мне очень жаль, что я вынужден молчать. Это создает неравновесие между нами, а я очень хочу, чтобы вы мне рассказали обо всем, что знаете. Но я пытаюсь объяснить, почему знающие люди молчат об истинном предназначении фрата. Дело в том, что литская ойкумена обладает гипертрофированной системой самоуправления. Нам не пошло на пользу то, что мы наследники Лимпы. Наши предки создали столько социальных философий, что от этого можно сойти с ума. Сейчас в Литтаплампе заседают сразу шесть законодательных гумпраймов. Когда-то их все создали, чтобы они уравнивали друг друга, но теперь они все поражены коррупцией и мешают прогрессу. А еще есть исполнительная власть, которая тоже нечистоплотна. Литтапламп прогнил до основания. И возвращение Ивары – это бомба, сброшенная в жерло старого спящего вулкана-злодея.

– Я Вас понимаю, – сказал Тави, – понимаю, в каком сложном Вы сейчас положении. И боюсь, это положение станет еще сложнее, когда мы начнем рассказывать. Но сейчас у меня тоже есть вопрос. Не такой, как те, что задавал Хинта. Личный.

– Я отвечу.

– Вы ведь связаны с Иварой чем-то еще? Я не могу понять, чем, но чем-то важным. Почему именно Вы нас встретили? И кто это – Инка?

– Инка? Ивара рассказывал и о ней тоже? Вы, должно быть, очень долго и откровенно общались.

– Нет. Я услышал это имя около поезда. Вы сами его назвали. Я даже не знал, что это женщина. Она имеет значение? Почему она должна знать, что он нашел своих мертвых друзей?

– Она моя жена. Вы познакомитесь, когда мы приедем. И она сестра Амики. Урожденная Инка Нойф, теперь Инка Огафта. Она много потеряла. Не только брата.

– Извините.

– Нет, это был хороший вопрос. Мы связаны многим. А для меня это еще и семейное дело. Я был единственным из Джада Ра, кто... Ладно, не важно. Иногда мы просто отдыхали вчетвером – еще очень молодые. Тогда я был впервые влюблен в Инку. И почему-то я был уверен, что Ивара тоже в нее влюблен. Но все оказалось сложнее. Я, она, Амика, Ивара – у нас сложилась очень хорошая компания. Мы смогли восстановить этот круг после распада клуба. Мы встречались и дружили даже вопреки тому, что я тогда уже работал на Квандру, а Ивара и Амика делали свои дела.

Тави опустил голову, пряча лицо в складках великоватой кофты.

– А ты?

– Что я? – вопросом на вопрос ответил Тави.

– Нет, ничего, – покачал головой Лива, и вдруг тоже отвернулся – бросил долгий взгляд в окно, на свои любимые поля.

Сердце Хинты билось часто и встревоженно. Чего-то сейчас не случилось между ними – или все-таки случилось? Он понимал... и не понимал. А эти двое играли недомолвками, составляли какую-то сложную фигуру из осколков человеческих отношений.

– Лива, я Вам верю, – удивив самого себя, сказал он. – Тави, давай начнем наш рассказ.

Тави не произнес ни слова. Но он кое-что сделал – перестал прятать Аджелика Рахна, развернул покровы. Восходящее солнце уже поднялось достаточно высоко над горизонтом; его лучи проникли в просторный салон чудо-машины, мчащей к Литтаплампу, коснулись золотого лица, искрящейся волной пробежали по маленькому механическому телу. Даже Хинта, уже столько раз видевший эти черты, испытал сейчас потрясение – так особенно прекрасен был этим утром Аджелика Рахна. Словно маленький человечек знал обо всем, что произошло, словно он понимал, что движется навстречу будущему, что должен сиять, очаровывать новых людей.

«И все же... все же... – с болью подумал Хинта, – ты не спас моего брата. Ты не спас Ашайту. А ведь он так хотел поиграть с тобой. Он любил тебя, хотя и не знал тебя. Кто же ты? Неужели ты не мог нам помочь? Ты жив или мертв? У тебя есть план или ты просто вещь? Как мы можем тебе верить? Как мы можем верить в тебя?»

Лива Огафта встал – нет, вскочил – и снова рухнул в свое кресло, поведя рукой в воздухе, будто хотел защитить глаза от золотого света. Стало вдруг так тихо, что Хинта расслышал, как едет эта почти бесшумная машина – ровный стремительный шорох колес, мерный гул мотора где-то под полом салона. Аджелика Рахна все еще лежал на широком подлокотнике кресла. И теперь Тави бережно поднял его, чтобы поднести – поднести в дар человеку, ослепшему от красоты: он встал и, шагнув к ослабшему взрослому, остановился с раскрытым Аджелика Рахна на руках. Вдоль дороги стояли какие-то постройки; машина ехала сквозь полосы света и тени, блики солнца то вспыхивали, то гасли. Хинте вдруг показалось, что он слышит голос – голос брата, неясный, похожий на пение, на музыку, которую Ашайта умел извлекать из Иджи. Во внезапном порыве он поднялся, приблизился к Тави и сплел свои руки вместе с руками друга. Голос в голове у Хинты стал громче, превратился в зов, в крик. Ему показалось, что он слышит какое-то обещание. Аджелика Рахна утешал его, рассказывал ему какую-то историю, объяснял что-то о светлой стороне смерти. Вот только Хинта не мог разобрать слов, не мог увидеть образов. Он лишь ощущал надежду – словно ему в грудь, в самое сердце, выплеснули поток сверкающего, мягкого, теплого золота.

А потом что-то произошло. Хинта почувствовал пульсацию в своих руках, и в руках Тави тоже. Он узнал этот ритм, этот поток. У них в пальцах была энергия Экватора. Она не уходила и не приходила; она просто жила там. Она попала туда, когда они вместе с Тави плавали в море и коснулись Стены, и с тех пор оставалась с ними. И теперь Аджелика Рахна заставлял ее танцевать, двигаться. Он был жив. Он не мог шевелиться, но впервые он мог подать им знак – знак о своем существовании.

Лива сумел оторвать руку от лица и снова поднялся. Он смотрел. Казалось, золотой свет зримо касается его глаз. На несколько мгновений мир вокруг почти растаял, и осталось одно лишь сияние – солнечный ветер, в потоке которого они мчались, без машины, без одежды, без тел, без планеты – три души и золотой Образ, ведущий их за собой.

– Он существует. Существует. Он действительно есть. Он действительно здесь.

Сначала Хинте показалось, что взрослый говорит прямо у него в голове. Потом он понял, что голос звучит наяву. Они снова были в сало-

не машины, под ними была дорога, которая не парила в пустоте, но лежала на твердой поверхности реальной Земли. Они все сплелись руками – Лива тоже – и с трех сторон обнимали маленькое золотое тело. Глаза Аджелика Рахна, как и всегда, были закрыты. Он спал, и видел сон, в котором он летел сквозь вселенную вместе с людьми, которые спасали его из небытия, которых спасал от небытия он.

– Да, он существует, – сказал Тави. – И он может то, чего не может никакой фрат – он может вернуть прежнюю Землю. Все растения. Всех животных. Чистый воздух. Голубое небо. Теплые дни.

– На нем нарисовано дерево, – прошептал Лива, – и олень. Звезды и цветы. А его лицо...

– Да. Это Образ.

– Аджелика Рахна. Но как? Как он воскресит Землю?

– Мы почти знаем.

– Я слушаю.

Испытывая некоторое смущение, они, наконец, разъединили руки, и между ними начался разговор, который длился около двух часов – пока на горизонте росли купола Литтаплампа. Мальчики рассказали столько, сколько успели, от знакомства с Иварой до прошлой ночи, когда весь их мир был сожжен за несколько часов. Хинта почти ничего не сказал о смерти брата, однако, рассказывая о других вещах, вспоминая детали, пересказывая гипотезы, он вдруг ощутил, что очищается, опустошается, исцеляет свое истерзанное сознание. Им с Тави очень нужно было выговориться, слишком долго они держали все эти вещи в своем узком кругу. Теперь же перед ними был человек, который понимал каждое их слово, удивлялся тем же вещам, которые не так давно удивляли их самих.

Когда они уставали говорить, Лива показывал им новый для них мир, объяснял, что они видят за окном. Там и здесь среди полей фрата встречались индустриальные комплексы, ехали куда-то незнакомого вида машины, скользили по монорельсам грузовые поезда – такие большие, что рядом с ними тихоходный мог бы показаться детской игрушкой. Иногда вдоль дороги встречались большие аграрные комплексы для производства пищевой продукции – целые поля, накрытые щитами из белых перекрытий и мощных силовых полей. Один раз кортеж Ливы промчался сквозь трущобный город. Поля фрата и красивые теплицы отступили в сторону от этого места. Здесь, на красных скалах, громоздились фавелы бедняков; дома, построенные из подручных материалов, пестрели листьями ржавого металла и разноцветного пластика, самодельные шлюзы были такими маленькими, что пробираться сквозь

них приходилось согнувшись в три погибели. Дети в грязных изодранных скафандрах побежали вдоль дороги и бросили в машину камнем.

– Это в нас? – спросил Хинта.

– Как ты и сам мне сказал, «Джиликон Сомос» все ненавидят. А они знают, кто здесь ездит на таких машинах.

Через равнину Тарпала текла медленная величавая река. Дорога взобралась на ажурный мост, солнце заиграло в волнах на водном просторе. Впервые в жизни Хинта увидел корабли – серые баржи, доверху груженные сочно-зеленым фратом, медленно поднимались вверх по течению. А потом, как-то незаметно, начался пригород Литтаплампа – фратовых полей стало меньше, затем они вовсе исчезли, уступив место плотной жилой застройке: домам в два, три, четыре этажа, бедным и богатым, большим и маленьким. Дороги соединялись безумными развязками. Издали Хинта даже не мог понять, что это такое, и ощутил восторг, когда кортеж Ливы заскользил по огромной навесной автостраде прямо над крышами. Но этот город был слишком большим. Он казался растекшимся. Он мог вдруг отступить, расступиться, открывая новые бесчисленные поля и ряды теплиц.

– Здесь много людей, – сказал Лива, – и они много едят. Поэтому ближе к центру сельскохозяйственные зоны не исчезают, а наоборот, становятся более сложными. Здесь есть теплицы, внутри которых агрокультуры выращивают в девять ярусов: сверху – те, которые больше нуждаются в свете, снизу – водоросли или грибы. А еще есть теплицы на крышах зданий. Это очень эффективно. Внизу живут люди, а прямо над ними растет их годовой запас продовольствия.

Потом город окончательно сомкнулся вокруг. Дома взлетели вверх, поднялись на десятки этажей. Рассказ мальчиков был уже почти закончен, и они очень устали, так что Лива посоветовал им прилечь к окнам и смотреть на то, чего они еще не видели. Хинта чувствовал, что у него кружится голова. Сотни людей ходили прямо над дорогой, по переходам из прочного стекла или за стеклянными стенами домов. Почти никто здесь не выходил на улицу, не надевал скафандра – горожане жили в искусственной среде, в маленьком искусственном раю, и работали не покладая рук, чтобы никогда не оказаться в полях среди бедняков, не ходить пешком по красным камням, не дышать через маску. Этих людей было очень много. И все же Хинта знал, что их меньшинство. Это был последний такой город.

А потом, когда казалось, что все чудеса уже увидены, впереди воздвиглась стена купола. Серо-синяя полусфера из камня, стекла и энергии поднималась до самого неба, заслоняя его, сливаясь с ним. Солнце и

отражения облаков плыли по ее поверхности, а вниз по ней стекала вода – сплошной ровный водопад.

– Это тает снег, выпавший за ночь, – объяснил Лива.

Дорога упиралась в огромные врата. Здесь не было шлюза, но был температурный барьер – такой же, как в станционном домике Фирхайфа. На сводах огромной арки замерз лед, а по сторонам от ледовой шапки разбивались и играли белые пенные потоки. Это было очень красиво – дорога словно уходила внутрь искусственного айсберга. Холодные брызги ударялись о лобовое стекло, мгновенно замерзали, покрывая стекло ледяными узорами, и сразу же начинали таять. Сквозь мокрое стекло мальчики увидели Литтапламп изнутри. Тихий серый свет пронизывал этот мир. Люди без скафандров стояли прямо у дороги, люди без скафандров ехали в прозрачных кабинах – вверх и вниз, в сторону, по диагонали. Цвели растения парков. Каменные колонны поднимались на невероятную высоту, где были перекинута новые и новые мосты. Небо потерялось, исчезло, его заслонил мир развитой инфраструктуры.

Кортеж замедлил свое движение, свернул на боковую дорогу и остановился.

– Мы на месте? – спросил Хинта.

– Нет, – сказал Лива. – Смотри.

Они взлетели вверх – парковка, на которой они стояли, оказалась платформой огромного лифта. Сквозь этажи ледяного стекла, сквозь сады, мимо оживленных улиц, мимо витрин торговых рядов они взмывали назад к солнцу. Скоро они были на самом верху, под крышей купола. Здесь был спасенный, фальшивый клочок древней Земли: дети в одних трусиках играли в мяч на зеленых газонах, виллы грелись в лучах солнца, огромные перистые листья каких-то странных растений колыхались на искусственном ветру. Потом была ограда; она раскрылась, отключила свои силовые поля, и кортеж въехал в самый роскошный из всех здешних садов – машины заскользили по объездной дорожке вокруг бассейна и остановились у террасы белого дома. На каменных ступенях стояла женщина с заплаканным лицом. Хинта понял, что это Инка – жена Ливы, сестра Амики.

Шлюз, через который они попали внутрь машины, сдвинулся и раскрылся, превращаясь в обычную дверь. Воздух салона сразу же смешался с воздухом купола. Хинта сделал непривычно глубокий вдох, потянул носом, принюхался – и опьянел от свежего запаха жизни: цветов,

травы, земли. Лива тронул своих юных гостей за плечи и подтолкнул вперед. Они вышли из машины. У мальчиков не было обуви, так что они шли босиком. Камни под ногами казались сырыми и теплыми, и Хинта вдруг вспомнил все, что Ивара говорил им про осязание – тело радовалось этим прикосновениям, оно было создано, чтобы чувствовать мир вокруг себя. Но сам Хинта не мог радоваться вместе с ним. Он вдруг испытал скованность; к нему пришел иррациональный страх, что вот сейчас следующий его вдох станет последним. Он был голым, голым посреди улицы. Разумом он понимал, что эта улица – лишь иллюзия, что они отсечены от неба прочным и сложно устроенным куполом. Но паника становилась только сильнее, сжимала, захлестывала его, пока перед глазами не поплыли темные круги, и тогда он упал, задыхаясь, пытаясь надышаться, ощущая ослепительный аромат этой богатой атмосферы. Сердце болью взорвалось у него в груди. Он уперся ладонями в камень. Даже с гравитацией здесь было что-то не так: он чувствовал, что его уносит, что мир едет. Казалось, поверхность бунтует прямо у него под ногами, словно он стоит не на полу, а на стене. Все кружилось. Он застонал, перевернулся, увидел над собой танцующее далекое небо и лица людей.

– Хинта, Хинта, дыши, – скороговоркой говорил Лива, – дыши спокойно, ты можешь дышать. Все хорошо. Видишь, я могу здесь дышать. И Тави может здесь дышать. Все здесь могут дышать.

Тави стоял рядом растерянный и прижимал Аджелика Рахна к груди. Маленький человечек снова был скрыт от глаз, завернут в ткань. Тави и сам сейчас выглядел больным – его лоб побледнел, к щекам неровными пятнами прилил румянец. Но он хотя бы не падал.

– Я вспоминаю город, – сказал он. – Все же я прожил здесь первые годы своей жизни. А Хинта никогда не был в таком месте.

– Кто эти мальчики? – спросила Инка. – Откуда? С полей? Выросли в скафандрах?

– Да, они из-за Стены.

– Ты сделал глупость. Зачем ты привел их сюда? Теперь у этого паническая атака.

Хинта ощутил ее ладони у себя на шее и лице. Она гладила его, успокаивала. Потом подбежали медики – те же, что помогали ребятам переодеться в шлюзе. Один из них раздавил перед носом Хинты маленькую белую капсулу. Запах порошка был резким, сухим, химическим – не таким, как дурманивший аромат влажных цветов. После этого Хинта начал приходить в себя.

– Откинь голову назад, – говорила Инка, – просто лежи, не напрягай мышцы.

– Дыши медленно и глубоко, – вторил ей Лива. Его рука была у Хинты на груди, и он нажимал в такт дыханию, помогая легким мальчика в нужный момент сокращаться. Хинта ощутил, как слезы наворачиваются ему на глаза. Вокруг было слишком много рук. Должно быть, Аджелика Рахна ощущал себя так же, когда они втроем обнимали его. И теперь Хинта тоже лежал в объятиях других людей. Он словно бы попал в семью. Они все были готовы помочь ему, все ласкали его так, как не ласкала мать.

– Хватит, – с трудом произнес он. – Я дышу. Все нормально.

Его отпустили. Как только он оказался вне опасности, взрослые тут же заговорили между собой.

– Это слух? – прямо спросила Инка. – Что Ивара... Ты был там?

Она стояла на коленях рядом с Хинтой. Приподнявшись на локтях, он увидел вблизи ее взволнованное лицо. Если она и пользовалась косметикой, то очень аккуратно – ее черты казались натуральными, губы были ярче, чем у Лики, но бледнее, чем у Эрники; на лбу и в уголках глаз собрались морщинки, волосы были стянуты в тугой пучок. Эта женщина казалась умной, немного сварливой и при этом очень простой в общении. В ней была какая-то потрясающая доступность, словно она считала должным, чтобы все вокруг нее в любой момент обращались к ней с просьбами. Это делало ее похожей на хорошего учителя младших классов или на врача. И все же Хинта не мог поверить, что она была настоящим врачом или учителем. Было в ней что-то такое же, как и в ее муже – словно она состарилась раньше времени, словно в ней что-то сломалось, сгорело.

– Он жив, но ранен. Его сейчас оперируют в больнице Лапула.

Инка всем телом подалась вперед, в ее глазах вспыхнула безумная радость. Потом она задохнулась и закрыла рот рукой.

– Он выживет. Эти мальчики были с ним в последние полгода. Я привел их сюда, потому что он хотел, чтобы я за ними присмотрел. Кроме того, у них с собой есть вещи бесконечной ценности – вся работа Ивары за последние годы.

– Они из-за Стены, из того самого поселка?

– Шарту, – подсказал Тави.

– Да, Шарту. Он жил там. Они были его учениками, его соавторами. Мне кажется, он создал из них новый Джада Ра. Они как мы. Ты понимаешь? – В порыве чувств он положил свою руку на плечо жены, и та податливо потянулась ему навстречу. Но было в этом движении что-то очень спокойное, словно обнимались дети; даже Лика и Атипа, в те ред-

кие моменты, когда им удавалось проявить теплые чувства, льнули друг к другу как-то иначе.

– Не может быть. Мы так долго хоронили его в мыслях. Я не поверила, что это его голос в новостях. Я думала, кто-то решил устроить ужасно злую шутку над всеми нами, над всеми, кто потерял тогда родных. – Инка снова заплакала, улыбаясь, вздрагивая, небрежно вытирая слезы загорелыми руками.

– Нет. Все это правда. И кто бы посмел так пошутить?

Улыбка Инки дрогнула.

– Как он мог молчать? Почему раньше не опроверг свою смерть? Почему прятался от всех?

– Если ему верить – он не знал. Послушай, идем в дом. Его приезд принес нам кучу новых дел. А прежде всего надо устроить мальчиков.

Инка с новым вниманием посмотрела в лицо Хинты, потом перевела взгляд на ожидающего рядом Тави. Тави кивнул ей в ответ. Женщина оглянулась. Машины кортежа тронулись, отъезжая, но несколько охранников из группы сопровождения остались стоять в саду – безмолвные крупные мужчины в строгих серых костюмах.

– Идемте в дом, – повторил Лива. – Половина моего персонала доносит на меня Квандре, но и без этого будет много сплетен – эта часть нашего участка просматривается с территории соседних вилл.

Инка кивнула, более тщательно вытерла мокрое лицо. Лива протянул Хинте руку, помог подняться с камней, и они вчетвером медленно направились через террасу к арочному парадному входу. Повсюду были растения. В наполненных водой каменных чашах плавали белые, желтые, бледно-лиловые цветы. Какая-то ползучая лоза, отдаленно напоминающая харут, взбиралась вверх по белокаменным выступам фасада. С лозой соперничали иссиня-черные лианы, распутившие в разные стороны стреловидные отростки с огромными резными листьями. Махровая зелень папоротников сползала из контейнеров, подвешенных под каждым окном. А где терраса кончалась, начинались настоящие джунгли – буйство флоры, хаос из растений всех форм, расцветок и размеров.

– Может, ты нас официально представишь? – спросила Инка.

– Конечно, – спохватился Лива. – Это Хинта Фойта и Тави Руварта. А это моя жена, Инка Огафта.

– Я рад нашей встрече, – сказал Тави. – Лива объяснил, что Вы сестра Амики.

– Я тоже рад, – присоединился Хинта. – Жаль, что мое падение испортило момент.

– Пусть это останется самой большой неприятностью, которая случилась с тобой в моем доме, – сказал Лива. – Я знаю, как вы устали, но прежде отдыха хотел бы сделать еще одно дело: в вашем присутствии показать Инке ту великую ценность, которую вы несете с собой. А потом, если вы не будете против, убрать эту вещь с посторонних глаз. У меня в кабинете есть надежный сейф.

Инка бросила на мужа удивленный, заинтересованный взгляд, но ничего не сказала.

– Инка – одна из самых образованных женщин, которых я встречал в своем кругу. Она инженер – не такой потрясающий, каким был Кири, но очень хороший. Ей даже доводилось работать с репликами золотых вещей. Кому, если не ей, доверить восстановление данных из ваших терминалов? И потом, если все будет идти хорошо, возможно, она попробует что-то сделать для самой вашей находки.

– Хинта, – окликнул Тави, – мы не против?

– Нет, – согласился Хинта. – Это здорово. Я никогда еще не встречал кого-то, кроме Ивары, кто бы имел опыт обращения с золотыми вещами.

– Только с репликами, – качнула головой Инка.

Внутри дома тоже была жизнь. Когда мальчики переступили порог, они увидели, что посреди роскошного холла сидит какое-то странное маленькое существо. Зверек был серым, с зелеными глазами, он беззастенчиво вылизывал задние лапы и пах. При виде незнакомых людей он дернулся и с невероятной скоростью понесся вверх по лестнице на второй этаж – исчез прежде, чем Хинта успел его толком рассмотреть.

– Кто это? – спросил Тави.

– Руппа, – ответила Инка. – Знаешь о них?

– Декоративные животные, которые жили в домах древних людей? Я думал, их больше не существует.

– Как вид они давно потеряны, – сказал Лива. – Их всего двадцать семь в известном нам мире, и все эти особи – потомки двух трофейных рупп, которые были когда-то спасены из городов гибнущего Джидана. Все двадцать семь смертельно больны и почти не способны к дальнейшему размножению. Мы поддерживаем в них жизнь с помощью гормональной терапии. Но рано или поздно это перестанет помогать.

– Кроме людей, только домашние птицы пережили катастрофу, – подумал вслух Хинта, – но и они не живут нормальной жизнью. Они просто куски растущего мяса, подключенные к аппаратам. Моя мать подрабатывала на птицефабрике.

– Да, домашних птиц много. Это один из последних массовых источников натурального животного белка. Не будь их в нашем рационе, возможно, и мы бы стали болеть и умирать.

С неожиданной остротой Хинта вдруг ощутил голод. В предыдущие часы он забыл о нормальных ритмах жизни, забыл о своем теле. Но теперь эта случайная фраза Ливы напомнила ему о еде. А потом Хинта понял, что хочет не только утолить голод. Он хотел дышать, трогать, ступать. Он был жив. Они с Тави выжили. Еще и пяти часов не прошло с тех пор, как они в разбитых скафандрах бежали по улицам горящего поселка. Хинта помнил все это, помнил место, где осталось лежать тело брата, помнил снег, пепел, кровь, страшный грохот войны. А теперь он был в этом чудесном доме, шагал босиком по теплым камням, вдыхал богатый вкусный воздух, слушал, как листья шелестят на искусственном ветру. Такой должна была стать вся Земля. Такую Землю обещало ему его сердце. Он хотел жить к этой цели, хотел закончить начатое.

Инка и Лива вели их через анфиладу комнат. Здесь было много роскоши, да и сам простор этих комнат, по меркам Хинты, был роскошью. В огромных аквариумах колыхались водоросли и плавали какие-то прозрачные шаровидные существа. В обтянутых специальными сетками конструкциях летали суетливые насекомые – последние насекомые Земли. Многочисленные терминалы были встроены прямо в мебель. Со стен смотрели невиданные древние барельефы. Золото. Серебро. Зеркала. Натуральные материалы. Окна с витражами окрашивали солнечный свет в разные цвета. Но среди всех прочих оттенков преобладал зеленый. Это было зеленое царство.

На овальном столе в одной из комнат Хинта увидел блюдо с фруктами и, сам того не сознавая, сделал шаг в его направлении.

– Ты чего-то хочешь? – тут же спросила Инка.

– Мы можем устроить завтрак, – предложил Лива. – Я тоже еще не ел сегодня, и спал всего несколько часов. Работал допоздна, заночевал в лаборатории. Меня разбудили, потому что из-за событий в Шарту началось экстренное голосование на Арджина.

– Где? – переспросил Тави.

– Это один из гумпраймов Литтаплампа. Один из четырех, согласие которых необходимо для начала военных действий. Так я оказался в курсе дела. Потом это помогло мне одним из первых узнать о заявлении Ивары и о том, что ему нужна эвакуация.

Хинта подумал, что от Ливы зависело решение о высылке солдат, вспомнил звук, с которым стреляли пулеметы «Джиликон Сомос», огни в небе и чувство ужаса, когда ты бежишь, а тебе кажется, что в тебя целятся со всех сторон, и мертвого солдата, которого они с Тави вытащили из робофандра, чтобы спасти Ивару.

– Знаете... – начал он.

– Что? – спросил Лива.

Хинта осекся.

– Нет, неважно.

Он хотел произнести обвинительную речь, рассказать, что эта армия, которую к ним прислали, не принесла с собой мир, что все было кроваво и ужасно. Но слова умерли в нем прежде, чем он успел их произнести. Без этой армии их убили бы омары. И Джифой сделал то же самое – послал в Шарту свою собственную армию взбесившихся роботов, которые тоже уничтожали всех подряд. И сами люди Шарту убивали друг друга и всех, кто пришел к ним. Всего этого было слишком много. В этом не было смысла. И разговор об этих вещах не сулил ничего, кроме боли и пустых нападок.

– Я хотел сказать, – сломавшимся голосом произнес Хинта, – что хочу покончить со всеми счетами. Мы все должны так сделать. Есть какой-то барьер, какая-то грань, после которой обычные попытки искать справедливость уже не работают – они лишь оборачиваются еще большей несправедливостью.

Он повернулся к Инке.

– Не надо винить Ивару. Он сделал нечто настолько большое, что уже не важно, почему он ранил чьи-то личные чувства. Он был увлечен. Он не принадлежал себе. У него было столько дел, что не оставалось времени на старую дружбу. – Затем он повернулся к Ливе. – И я хочу перестать винить «Джиликон Сомос», потому что вижу, что здесь все слишком сложно, чтобы судить об этом с одной стороны. И я не буду больше искать виновных в том, как погиб мой брат, потому что виноваты все и никто. Все это устарело. Я знаю, что мы чувствуем. – Он повернулся к Тави. – Ты ведь чувствуешь то же самое?

– Да, – ответил Тави. – Мы должны закончить то, что начали. И я рад твоим словам, рад, что их произнес именно ты – от тебя они значат больше, чем значили бы от меня. Мы ничего не забудем. Но мы должны дружить, и идти вперед, и прощать, иначе не сможем победить. Пусть это свяжет нас.

Бледное, осунувшееся лицо Тави было в этот момент очень красивым, словно заговорил барельеф, изображающий одного из тех мальчи-

ков древности, которые уходили в снега из своих разрушенных городов, узнавали что-то про смерть и про жизнь. Он смотрел на Ливу. Хинта тоже посмотрел на взрослого, и ему показалось, что он видит у того в глазах странную печаль, словно Лива восхищался патетической силой, с которой Хинта и Тави верили в свое дело, и в то же время считал их начинания безнадежными. А может быть, Лива все еще думал, что Ивара совершил преступление, когда вырвал их из их мира, дал им слишком много знаний и притащил их с собой на эту сторону Стены. От этого взгляда Хинта ощутил неловкость и разочарование, словно его собственные слова, для него такие верные и важные, не достигли цели, словно ему самому следовало начать сомневаться во всем, что они делают, и во всех словах Ивары, словно ему было нужно верить в какое-то другое будущее, в какую-то другую борьбу за него.

– Вы двое – особенные, – глядя на мальчиков, произнесла Инка. – Когда-то Ивара и Амика были такими.

Они вошли в кабинет Ливы. Это помещение оказалось очень длинным. Здесь было меньше растений, зато в специальных герметичных садках под ярким светом ламп росли колонии лишайников, кораллов и микроскопических водорослей. Красные, желтые, зеленые пористые структуры липли к аквариумным стеклам. По полу извивались провода и трубки коммуникаций. Рабочий терминал и сейф прятались в самом дальнем конце этой странной комнаты. Здесь, в теплой тесноте, среди компьютеров и препаратов, Тави во второй раз за день распеленал Аджелика Рахна. Несколько долгих минут Инка потрясенно всматривалась в золотое лицо. Хинта, наблюдая за ней, вдруг подумал, что она – первая женщина за много лет, которая увидела эту прекрасную вещь. Постепенно ее взгляд менялся, словно она уже была не здесь, словно она утрачивала и находила себя снова. Она потянулась к маленькому лицу, но ей не хватило смелости, и ее дрожащая рука лишь скользнула мимо.

– Как ты? – спросил ее Лива.

– Я не понимаю. Я словно слышу брата, когда на него смотрю, и это меня не удивляет. Я знаю, он держал эту чудесную вещь в своих руках, был одним из тех, кто нашел, спас ее. Но я слышу не только его, но и других, кто был потерян. Я никогда не встречала такой вещи. Все реплики, которые я держала в руках – они были другими. Они молчали. Это были самые прекрасные вещи в мире, но просто вещи. А здесь перед нами не вещь.

Ей на глаза с новой силой навернулись слезы, она оторвала взгляд от золотого лица и посмотрела на мужа.

– Я думала, Амика умер зря, – в сердцах сказала она. – Ты знаешь, я любила Ивару – возможно, больше, чем это было разумно. Но даже я перестала верить в него, когда он потерял их. Ты всегда учил меня жизни. Любить живое. Я перестала верить, что золото может быть живым. А теперь я вспоминаю. Эту сказку. Они нашептали ее мне вместе – Ивара и Амика. Этого человечка зовут Аджелика Рахна, так ведь? Он тот самый? Тот, кого они искали? Неужели все было не зря?

– Все очень сложно, – сказал Тави. – Умирать было не обязательно. Но их путь был верным.

– Да, теперь я вижу. Кто он – этот маленький золотой человек? Кто он на самом деле?

Тави протянул ей два сложенных вместе разбитых терминала.

– Ответ здесь. Это лучше слов. Там последний час жизни Вашего брата – заснятый глазами чудовища, но достоверный и прекрасный.

Инка непонимающе посмотрела на него, но взяла терминалы.

– Это долгая история, – вмешался Лива. – Позже, когда мальчики уже будут отдыхать, я перескажу тебе все, что узнал от них.

Женщина кивнула. Терминалы остались при ней. Аджелика Рахна был убран в сейф. Хинта ощутил в этом некую печаль – такая уж судьба была у маленького человечка, что, пока люди занимались другими делами, ему приходилось проводить часы, дни, годы в закрытых стальных ячейках, и ждать, ждать, ждать, когда его выпустят, призовут, вольют в него силу.

Потом их провели на второй этаж, в просторную светлую комнату, где были диваны, маленький бассейн с фонтаном и большой обеденный стол. Сквозь огромные панорамные окна открывался вид на край сада Ливы и на стену купола. За ней было видно город – Литтапламп раскинулся, словно бескрайний стекло-каменный лес из высоких и низких зданий. Посреди этого рельефа крыш огромными гладкими полусферами поднимались другие купола. Они действительно были как горы – облака задерживались у их вершин, а у подножия тонули в дымке ущелья далеких улиц. Город был таким необъятным, что детали смазывались, исчезали, оставался лишь грандиозный общий план.

Слуги быстро накрыли на стол. Еда с виду показалась Хинте божественной. В Шарту таких продуктов просто не было. Он принялся жадно поглощать угощения, однако вскоре понял, что почти не чувствует вкуса. Удовольствия он тоже не получал. Война, бессонная ночь и недавний прилив чувств выжгли в нем способность к новым впечатлениям.

Тави, в отличие от него, едва притронулся к пище.

Когда поздний завтрак подходил к концу, Инка вернулась без Ливы и позвала мальчиков за собой.

– Мы открыли две комнаты – гостевую и еще одну. Можете выбирать, кому в какой больше понравится. Пока вы будете здесь, эти комнаты станут вашими. И... и там есть детская одежда, которая как раз может вам подойти.

– У вас есть ребенок? – чутко спросил Тави. Он словно бы понял что-то в этот момент, а Хинта опять что-то упустил.

– Был. Его звали Итака. Он умер год назад. Ему исполнилось двенадцать.

Теперь и Хинта понял. Вот откуда была в этих людях их странная надломленность. Они чем-то походили на Двану: тот потерял родителей, эти – ребенка.

– Мне очень жаль, – сказал Тави.

Лицо Инки дрогнуло.

– Я не знаю, что вы нам принесли. Но я слышала его. Когда я смотрела в это золотое лицо, я будто бы почти узнала какую-то новость. Только не смогла дослушать до конца.

– Мы тоже это испытали. Но он меняется. Он не всегда производил такое сильное впечатление. По ту сторону Стены он казался волшебным, но это было по-другому.

Инка кивнула. Какое-то время они молча шли по коридорам, потом Хинта не удержался.

– Но как? Как он умер? Если здесь лечат даже зверушку? – Он уже очень устал и слишком плохо соображал, чтобы себя сдерживать, и вопрос вырвался у него прежде, чем он успел подумать. Он очень смутился, когда понял, что женщина, возможно, не хочет об этом говорить. Однако она ответила.

– Это был несчастный случай. Квандра пытался продемонстрировать одну новую технологию. Три сотни человек – все с высшим уровнем допуска – получили приглашения на полигон. В том числе и наша семья. Лива решил не ходить. Но Итака стал нас уговаривать. А у нас не нашлось веской причины, чтобы ему отказать. – Она передернула плечами. – На полигоне произошел взрыв. Несколько осколков достигли трибун. Так он и погиб – на месте, где стоял, за секунды.

Хинта вдруг вспомнил, как Лива говорил про тайный проект Квандры – что тот обернется катастрофой. Значит, это было уже не в первый раз. словно какое-то проклятие лежало на всех, кто вышел из Джада Ра. Они пытались сделать что-то уникальное, часто терпели неудачи и ужасно дорого платили за свои ошибки: всегда кто-то погибал. Друзья Ивары

были лучшими – они не убивали других, они лишь погибли сами. Квандра, пусть и нечаянно, но убивал других.

– Медицина, даже самая лучшая, не всесильна. – Голос Инки оставался ровным. – Она не воскрешает мертвых.

– Извините, – попросил Хинта. – Я спросил прежде, чем подумал.

– С друзьями всегда так и делай. Люди должны говорить между собой. Мы ничего не узнаем, если не будем спрашивать, не будем рассказывать. У нас с сыном было правило – он имел право получить честный ответ на любой вопрос. Так он и узнал про это мероприятие. Если бы он не узнал, то остался бы жив. Но я все равно верю, что мы не должны были ему лгать.

Две комнаты, которые она показала мальчикам, были расположены друг рядом с другом, но выглядели по-разному. Бывшая детская сохранила в себе ощущение уюта, здесь осталось много мелких вещей: стеллажи с игрушками, барельефы на стенах, спортивный инвентарь. Гостевая комната была обставлена в официальном стиле – серая мебель, двуспальная кровать, большой рабочий стол с терминалом. Тави вызвался лечь в гостевой, и Хинта подумал, что это из-за того, что в бывшей детской ему сделалось не по себе: все эти игрушки, барельефы, теплые цвета – все это слишком походило на прежнюю комнату самого Тави, и на ту комнату, которую для него готовили в доме Джифоя.

– Хорошо, – сказал он. – Тогда я останусь здесь.

– Отдыхайте, – улыбнулась им Инка. – Можете брать любые вещи. Если вам что-то не подойдет, например, обувь окажется не по ноге, позже мы все это купим. Сейчас середина дня. Не знаю, когда вы двое проснетесь. Дом большой, поэтому у нас есть местные коммуникаторы. Пользуйтесь ими, чтобы позвать меня или Ливу – в любое время, даже ночью.

– И Вы обещайте, что не будете нас щадить и разбудите, как только что-то важное произойдет, – попросил Тави.

– Конечно. Если изменится ситуация с Иварой, или случится что-то еще, что напрямую вас касается, мы вас разбудим.

Потом Инка ушла, и они остались вдвоем. Они остановились в коридоре, у входа в бывшую детскую. У Хинты было такое чувство, что надо что-то сказать, что надо произнести тысячу новых важных слов, подвести итог всему, что произошло. Но не было сил.

Тави слабо улыбнулся.

– Знаешь, все это время – от момента, когда мы были вынуждены выключить воспроизведение памяти омара, и до текущей минуты – все это время я продолжал думать. Я думал даже тогда, когда нас убивали. И

я боялся, что мы умрем прежде, чем я успею поговорить с тобой и с Иварой.

– Ты хочешь поговорить сейчас? – безнадежно спросил Хинта.

– Нет. После отдыха, на свежую голову. Нам нужна хоть какая-то пауза посреди всей этой круговерти, нужен просвет. И я знаю, что, если у нас хватит времени, то мы в одном разговоре соединим еще целый пучок важных нитей, достроим эту картину почти до конца. Ведь мы так много узнали.

– Да, – согласился Хинта. – И, – шепотом добавил он, – я хочу обсудить с тобой наших новых друзей.

Тави кивнул.

– Пусть нас не мучают кошмары.

– Пусть отстранится все зло.

Они разошлись по комнатам.

Раздеваясь, стягивая с себя чужую и чуждую мешковатую одежду, Хинта вдруг до конца осознал, насколько он устал. Проходило действие тех тонизирующих слабых наркотиков, которые им с Тави дали в машине у Ливы, и он снова ощутил себя разбитым, уничтоженным, выплюнутым войной существом. Болела обожженная кожа, слезились глаза, в ушах стоял звон. Мир плыл вокруг. Почти падая, с трудом переставляя негнущиеся ноги, он кое-как добрался до постели и обнаженный забрался под покрывало. Вокруг царили тишина и покой, и само это ложе приветливо встретило его тело – уже год здесь никто не спал. Хинта попытался расслабиться, насладиться отдыхом, дать себе время, чтобы подумать о каких-то вещах. Но сон навалился на него черной роковой стеной. Мир упал мимо его сознания. И, вопреки пожеланию Тави, он оказался в кошмарах. Он снова бежал, тряс мертвых людей за плечи, целовал пепельное лицо погибшего брата, наблюдал, как омары жрут человеческое мясо. Он снова сидел на Круне, бил того камнем, кричал и пытался сорвать с него шлем. Война выжгла его изнутри, захватила разум и сердце. И во сне она правила свой бал, здесь от нее не было освобождения. Да, они спаслись, скрылись, они были в этих чудесных богатых покоях – но их души все еще страдали в том огне, из которого сбежали их тела.

Проснулся Хинта с осознанием, что еще никогда не переживал такого страха во сне. Его лихорадило, все тело покрылось потом, мышцы напряглись и болели. Пытаясь отдышаться, он сел на постели. Вокруг царили сумерки. Спальня была чужой и все же казалась знакомой. На

мгновение Хинта принял ее за комнату Тави, и его сердце наполнилось великой радостью.

«Ничего этого не было, – восторженно подумал он. – Омары не напали, Ашайта жив, живы все наши знакомые. Шарту не сгорел. Мы в Шарту. Все это было сном, огромным, страшным сном. И солдаты «Джилкон Сомос» никогда сюда не придут. И Ивару не ранят. И я не попытаюсь убить Круну. Какое счастье, что это был только сон».

Он провел руками по лицу, чтобы отереть пот. Кожа на лбу и висках неприятно саднила. Там были маленькие, почти незаметные буторки – поджившие волдыри, остатки легкого ожога. Что-то было не так. Этих ожогов не должно было существовать – они вырвались из сна. Но и еще что-то было не так: не было слышно дыхания других людей, он был один, и эта комната лишь в самом поверхностном смысле напоминала комнату Тави. Хинта испуганно повернул голову и глянул в окно. Там не было света прожекторов Шарту. Небо было неярким, зеленовато-серым, каким оно бывает до рассвета или после заката. На его фоне сплетались в единое целое линии опорных балок купола. А еще ближе, у самого окна, тихо раскачивались перистые листья какого-то огромного растения.

– Нет, – прошептал Хинта. Ему на глаза навернулись слезы, он скорчился в постели и заплакал, голый и одинокий. Он вспомнил все: долгую дорогу, новых людей, Аджелика Рахна. Но сейчас все это показалось ему ужасно странным. В ту минуту, когда он верил, что все это было лишь сном – вот тогда он чувствовал себя в настоящей реальности. А теперь он вернулся в кошмарный сон, в морок. Он был в чужой комнате – в комнате мертвого мальчика, в чужом доме – в доме несчастных людей, в чужом городе, на неизведанной территории. Ивара лежал в больнице. А незнакомый мир грозил какими-то новыми, неясными опасностями.

– Не хочу, – простонал Хинта. Но он был здесь. Его жизнь изменилась. Раньше, каждое утро, он просыпался, чтобы заботиться о брате. И вот этому пришел конец. Не было не только брата – родителей тоже не было, и не было их дома, и улицы, и гаража, и ослика Иджи. Глядя полными слез глазами на тонущие в полумраке полки с незнакомыми дорогими игрушками, Хинта вдруг осознал, что свободен. Не так давно, когда случилось землетрясение, он освободился от обязанности ходить в школу и присматривать за семейными теплицами. Отсутствие школы его радовало, по теплицам он грустил – но все это можно было принять, понять и пережить. Теперь же он ощутил растерянность – настолько беспредельную, что она вытеснила боль. У него больше не было ни одной из его прежних обязанностей, ни одной из прежних привязок. Все исчезло.

Стена Экватора всей своей мощью из металла и камня встала между ним и прошлым. Это был занавес, заслон, граница – и прошлое было ею отсечено.

– Кто я теперь? – тихо спросил Хинта. Ощущение нереальности захлестнуло его с такой силой, что он начал ощупывать свое тело. Медленно, с тупым интересом он провел руками по своим стопам, голеньями и бедрам, по животу, потом обнял руками голову. Все было на месте, всюду болели ушибы. Он существовал, он был реальным – это отрезвило его, и впервые за время своего пребывания в Литтаплампе он всерьез задумался о своем социальном статусе.

Он сидел на постели, прижав колени к груди и медленно покачиваясь. Слез уже не было. Его лицо сделалось сосредоточенным и серьезным. Он пытался понять, каким образом может теперь определить себя относительно других. У него были друзья – и никого, кроме друзей. С Тави они были примерно равны по своему положению. А вот от старших они очень сильно зависели. И Хинте остро захотелось, чтобы Ивара быстрее выздоровел. Без Ивары они с Тави были в опасности – просто потому, что тот оставался единственным взрослым в этом мире, который отдал бы за их жизни свою собственную. Он был им сейчас вместо отца, он был их опекуном. Лива и Инка тоже могли их защищать, но Хинта чувствовал, что между семьей Огафта и Иварой лежит странная, трудноопределимая пропасть. Ивара был им уже родным – он знал их историю, за те месяцы, пока он был с ними, они успели из детей стать подростками. А Лива и Инка могли никогда не узнать их, не сделаться родными, даже если бы приютили их у себя на месяцы и годы. Это был бы фальшивый союз – они с Тави жили бы здесь как сироты, и рано или поздно им бы пришлось измениться, заменить собою погибшего мальчика Итаку. При мысли о такой возможности Хинта испытал отчуждение, к его прочим страхам прибавился еще один новый страх, а эта комната, такая уютная и приятная, вдруг показалась ему склепом. Теперь он лучше понимал Тави – понимал, почему тот бежал из дома Джифоя, почему сейчас решил спать в официально обставленной гостевой комнате.

Погруженный в свои мысли, Хинта целый час провел, не двигаясь с места. Ему уже хотелось встать, размяться, сходить в туалет – но оцепенение было сильнее, он словно застрял в инерции кошмарного сна, горя, с которым силилась справиться его психика. Пока он сидел на месте, небо за окном светлело. Постепенно оно начало зеленеть и розоветь, окрашиваясь в цвета рассвета. Значит, наступало утро. До Хинты дошло, что он проспал не шесть и даже не двенадцать, а почти двадцать часов – огромное время. Ивару уже давно прооперировали, а Квандра наверняка

узнал, что они здесь. Пока он отдыхал, мир не стоял на месте – работали сложные механизмы, вращалась тысяча шестеренок, люди говорили между собой, принимались решения, которые могли определить их с Тави будущее и судьбу самой ойкумены. Хинта снова испугался, но на этот раз иначе – он ощутил заполошный страх отставшего человека. Ивара рассказывал о том, как трудно ему будет продвигать свои идеи в Литтаплампе, и Лива тоже что-то об этом говорил. От них Хинта знал, что битвы еще не закончились, что все только начиналось. Мир куда-то бежал, и надо было догонять.

Он нашел в себе силы подняться с постели, сходил в ванную комнату, привел себя в порядок и вернулся назад. Голый в этих чужих помещениях, он ощущал непристойную неловкость, которой раньше никогда не испытывал: даже в гостях у Фирхайфа он спокойно переодевался сам и переодевал Ашайту, но здесь он словно бы нарушал своей наготой какие-то приличия. Еще вчера Инка и ее служанки заботливо извлекли из шкафов кое-какую одежду Итаки – нижнее белье, штаны и кофты, все разных размеров, были разложены на пустом столе и на креслах. Хинте пришлось перебрать и померить значительную часть этих вещей, прежде чем он сумел успешно прикрыться. Ему повезло: сын Ливы и Инки оказался крупным парнем.

Наконец, Хинта удобно оделся, но потом к нему вернулось чувство растерянности. Он не знал, что делать дальше, не мог решить, стоит ли будить Тави, или взрослых, если те сейчас спят. Он предполагал, что еще слишком рано. В огромном доме царила обманчивая тишина, но он уже понял, что здесь почти всегда тихо. Эти стены были построены так, чтобы сквозь них не проникал лишний шум. Огромный сад тоже скрадывал звуки, вбирал их в свою шуршащую листьями глубину.

Пытаясь успокоиться и придумать какой-то простой план, Хинта начал ходить по комнате. Он нарезал маленькие медленные круги, скользил вдоль полок, нежно и опасливо прикасался к чужим вещам, маленьким и осиротевшим. Комнату прибрали наспех, за рядами игрушек тонким слоем лежала годовая пыль – особая, приятно пахучая, сырая пыль, которая могла появиться только в этом зеленом доме.

Постепенно в душе Хинты пробудился интерес к внешнему миру – думать о себе и своих делах было слишком утомительно, и он начал думать о прежнем владельце комнаты. Тот был чуточку младше, чем они с Тави. Как он жил, ради чего выросл? Эти игрушки казались такими дорогими; в Шарту не было детей, настолько заласканных жизнью, настолько богатых, окруженных таким изобилием. Здесь были фигурки героев – их руки и ноги гнулись, но при этом они казались цельными, жи-

выми, словно уменьшенные копии реальных людей; маленькие терминалы для разных игр, а впридачу к ним – очки виртуальной реальности и хитрые сенсорные манипуляторы для рук, подобные тем, с помощью которых Ивара управлял робофандром; игрушечный монорельсовый поезд, причем ножки монорельса регулировались, а сам монорельс тянулся, и его можно было превращать в петлю любой степени сложности; конструктор, позволявший создавать самые разные машины; стол для виртуальной лепки – и еще десятки других потрясающих вещей. Некоторые из этих предметов Хинта даже не решился бы назвать игрушками – они были такими красивыми и сложными, что скорее подходили для взрослого хобби.

Еще не так давно Хинта мог бы разозлиться на эту роскошь, начать испытывать зависть. Но вчера в нем что-то сломалось. Он не завидовал этому мальчику, лишь понимал, что был бы очень рад три года назад, без жертв, получить вот такую комнату в свое распоряжение. Однако мир не делал бесплатных подарков; чтобы попасть сюда, пришлось потратить слишком много. И еще Хинта понимал, что прежний владелец этой комнаты, возможно, не всегда чувствовал себя здесь счастливым. Тот, кто получил все это от рождения, мог не видеть прелести в этих вещах. И така просто жил здесь, а его разум был направлен на мир взрослых. Он смотрел на отца и на мать, сопереживал, когда чувствовал, что те запутались в своих делах, страдал, когда видел, как их тяготит власть. Он стремился к большему, хотел понимать, знать – и упросил старших отвести его на секретную демонстрацию, и там погиб – погиб так же легко, как если бы был бедняком и каждый день ходил в плохом скафандре под отравленным небом.

Постепенно Хинта начал различать следы в узоре пыли – следы прощаний и чужой боли, следы руки, которая бродила здесь до него, прикасалась к этим игрушкам. Продвигаясь вдоль этих крошечных отметин, он вдруг обнаружил предмет, который принесли сюда совсем недавно. Это была странная штука, похожая на черную таблетку – крошечный карманный проектор. Никакой системы управления у него не было, лишь одна-единственная кнопка. Машинально, бездумно Хинта включил вещь. Он сделал это даже не из любопытства, а просто потому, что его руки привыкли к работе с устройствами, его пальцы всегда хотели все включать. Он ничего не ждал, и вздрогнул, когда из проектора полыхнул яркий луч голографического лазера. Ослепленный, Хинта зажмурился, а когда открыл глаза, то обнаружил, что половина комнаты залита дрожащим светом. Повсюду плыли изображения. Некоторые из них были очень маленькими, другие – очень большими, они накладыва-

лись на стены, на потолок – скользящие обрывки неба, какие-то люди, здания. Это был целый мир, и весь он выливался из этой крошечной черной таблетки. Раньше Хинта даже не подозревал, что устройство таких размеров может создавать изображения такого качества. Это был целый ламрайм, умещавшийся на одной ладони.

Щурясь, чтобы не повредить лазером глаза, Хинта поставил проектор на пол в центре комнаты, отошел назад и сел на край неубранной постели. Теперь он увидел больше. Запись шла без звука. На ней был огромный бассейн и впечатляющий белокаменный дом – не усадьба Ливы, а чье-то еще большее аристократическое владение. Вечернее солнце золотисто сияло сквозь немного затемненный купол. Сначала Хинта решил, что это другой купол Литтаплампа, но потом изображение повернулось, и он увидел голые красные скалы прямо за стеклянной стеной. Это было где-то в незнакомом ему месте, возможно, на другом краю ойкумены.

И там были люди. Хинта сразу узнал их всех, хотя они ужасно изменились. Инка – молодая, с ясным, горящим от веселья лицом, кружилась в объятиях Ливы, пока тот не столкнул ее в бассейн. Лива был без бороды. Он хохотал, она в ответ брызгала на него водой из бассейна, вспыхивавшей на солнце искрами света. Еще двое, которые были в бассейне, присоединились к ее игре. Ивара и Амика поливали Ливу, который бегал по берегу и что-то изображал. Все они кричали – без звука. Потом Амика, Ивара и Инка выбрались из бассейна и начали гоняться за Ливой, чтобы тоже окунуть того в воду.

Наблюдая за их забавами, Хинта на несколько минут забыл обо всем. Фигуры, очерченные лазером, носились перед ним по комнате – удивительно объемные, удивительно настоящие, хотя один из них давно лежал мертвый на морском дне. На них были одни лишь купальные костюмы. Длинные мокрые волосы Инки взметнулись от движения. А все трое парней вокруг нее были красивы, и все – разной красотой. Они были в отличной форме – развитые мышцы придавали мокрым телам потрясающую рельефность. Амика в этой четверке казался самым крупным. Он смотрел на свою сестру и на других ребят с каверзной улыбкой доброго задиры. В нем было что-то героическое, что-то дикое. Его кожа была очень загорелой, почти медной, глаза – яркими. Лива наоборот, был бледным, кровь легко прилиwała к его лицу, он быстро покраснелся от бега. Он пылал здоровьем, страстью и совсем не походил на того усталого, ссутулившегося, удлинившегося человека, каким Хинта узнал его вчера. Но больше других Хинту удивил Ивара – потому что в Иваре было что-то царственное. Он смеялся и играл с божественной грацией и

гордостью. Легкий, стремительный, весь как натянутая пружина, он обходил других. И хотя Амика, пожалуй, изредка специально ему поддавался, но Инка и Лива точно отставали от Ивары. Он был их солнцем, их движущим механизмом; это его жаром дышали их лица, это он вселял дикий задор в глаза и улыбку Амики.

Эти счастливые полуголые люди были такими естественными в своем танце, что, глядя на них, Хинта долгое время не испытывал никакого смущения. Он забылся, наслаждался, комната для него исчезла, и остался лишь этот виртуальный мир давно минувшей радости. А потом произошло то, чего он не предвидел. Ливу изловили и сбросили в бассейн. Инка прыгнула на него сверху. Амика и Ивара остановились, торжествуя победу. Вдоль воды на круглых белых пьедесталах стояли статуи героев. Амика встал между ними, обнял мокрыми руками гладкий камень. Его лицо было между лицами героев, и сам он выглядел как ожившее творение художника. Ивара подошел к нему, и они начали целоваться. Вода текла по их плечам. Инка несколько мгновений смотрела на них из бассейна – такая же замороженная, как и Хинта, но потом Лива развернул ее к себе и тоже поцеловал – другим, легким поцелуем.

В этот момент, к великому смущению Хинты, дверь детской открылась, и появился Тави. Он замер на пороге. Хинта смотрел на друга, а Тави смотрел на трехмерные фигуры, на льнущих друг к другу молодых мужчин. По полу и стенам бежала рябь лазерной воды. Потолок сиял, как настоящее небо. Тави был не один – над его плечом в полутьме коридора проступило лицо Инки. Свет проектора падал и на них тоже, и они теперь светились, как и все вокруг, как и сам Хинта, должно быть, светился для них.

Хинта запаниковал и сорвался с места, желая выключить проклятую запись. Но Инка не позволила ему это сделать.

– Стой, – почти умоляюще сказала она. – Не надо, оставь, это прекрасно.

– Я случайно ее включил, – оправдываясь, сказал Хинта. Инка, не ответив, шагнула в комнату, медленно двинулась вокруг проектора. Пальцы ее протянутой руки на мгновение проникли сквозь лазерный камень статуи, почти дотянулись до волос Ивары – на потолок легла широкая тень ладони.

– Теперь я вспомнила. Я смотрела это, когда погиб сын. А потом не могла найти проектор.

– Он лежал на полке. Я и не думал, что здесь будет такое.

– Я сама разрешила тебе трогать здесь все вещи. И в этой записи нет ничего особенного. Просто наше прошлое – две влюбленные пары,

хотя и очень разные. Я всегда завидовала им. У них была настоящая страсть.

Она оглянулась на Тави и вздрогнула, встретив его взгляд. Мгновение спустя проектор погас, и комнату заполнил тихий, ровный, слабый свет нового дня.

– Вот и все, – смущенно сказала Инка. – Маленький летающий дрон, который нас снимал, упал в воду. Это брат был виноват. Он задел его плечом. Очень жаль. Тогда это казалось неважным, а теперь... теперь я пытаюсь воскресить каждую минуту.

Тави глубоко вздохнул. Еще несколько мгновений он выглядел так, словно его лихорадит. Но ему хватило сил заговорить о другом.

– Мы шли тебя будить. Есть новости. Ивара очнулся в больнице. С ним все в порядке. Его рану через восемь часов заживят настолько, что он сможет ходить. А еще Инка восстановила запись с наших терминалов. Так что они с Ливой увидели все, что должны были увидеть.

– Хорошие новости, – воспрял Хинта. – То есть, мы скоро снова встретимся с Иварой?

– В середине дня мы поедem его забирать, – сказала Инка, – а до этого я предлагаю вам позавтракать и почитать новостные ленты, чтобы войти в курс дел. Потом можно будет устроить экскурсию по городу и закончить ее в больнице, где нас будет ждать Ивара. Ливы сейчас нет, ему пришлось вернуться в лабораторию, чтобы законсервировать тот эксперимент, который он вел до вчерашних событий. Потом он будет свободен. А я сейчас должна буду уехать, чтобы лично поговорить с родителями про тело брата – они ради этого ночью прибыли в Литтапламп. Так что вы двое ненадолго останетесь одни. Надеюсь, это не принесет вреда. В доме есть охрана и слуги.

– Мы будем даже рады побыть вдвоем, – честно сказал Тави. – У нас с Хинтой не было свободного времени для разговора. А случилось слишком много вещей.

– Ваши родители тоже приедут сюда? – спросил Хинта.

– Нет, они не любят дом моего мужа. У них есть свой дом под куполом Мурана – это самый большой и старый из всех куполов Литтаплампа. – Она подняла с пола крошечный проектор с воспоминаниями своей молодости. – Для них это имеет значение. Они гордятся этим местом и будут говорить со мной там.

Инка произнесла это с некоторым раздражением, но Хинта понял, что эти чувства относятся не к нему и его вопросу, а к ее семье. Они попрощались и разошлись в разные стороны: она по парадной лестнице

спустилась к кортежу, а ребята направились в уже знакомую столовую. Наконец-то они были вдвоем – отдохнувшие, в спокойной обстановке.

– Я действительно не хотел все это видеть, – тихо сказал Хинта. – Я просто нажал на кнопку, меня ослепило лазером и...

– Нет, это хорошо, что ты это включил. Если бы не твоя оплошность, я бы никогда этого не увидел. А мне нужно было это видеть.

– Да? – неуверенно спросил Хинта.

– Знаешь, я не понимаю, как Ивара уцелел, как сохранил себя. Как он смог жить после того, как потерял Амику? Я не могу себе этого представить. Меня уничтожает одна лишь мысль об этом. А с ним это действительно случилось. И он все сохранил, все, кроме улыбки – разум, доброту, память, силу воли. И он возвращает себе все больше. Он отвоевывает у горя свою душу. А то, что он потерял – это должно быть больнее, чем терять родителей или детей.

Хинту пробрал легкий озноб. Живая картина с целующимися людьми все еще стояла у него перед глазами. То, что они делали, не было табу, но не было и нормой. В своем мире, по ту сторону Стены, в бедной крестьянской семье, Хинта рос в большой невинности. Он отстал, и сам это понимал. Даже там, в Шарту, среди его сверстников, были те, кто видел, знал и пробовал много больше, чем довелось знать и пробовать ему. А самого себя он не мог представить ни с одним человеком – ни с мужчиной, ни с женщиной, хотя, наверное, предпочел бы женщину – девочку своих лет или немного старше себя. Но он не знал даже того, откуда в нем берется это предпочтение. И жар на щеках Тави, и тьма в глазах Тави, когда тот говорил про все эти вещи – все это смущало Хинту.

– В начале, в той части, которую ты пропустил, – с трудом подбирая слова, сказал он, – они плескались в воде. Все четверо. Там ничего такого не было. И мне это очень понравилось. Они были такими счастливыми. И да, наблюдая за ними в этот момент, я думал почти о том же, о чем ты сейчас сказал – о том, как много они потеряли, о том, как их изменила боль. А потом, когда они стали целоваться, я словно увидел что-то запретное. Это не для меня. Я не знаю, что с этим делать. Понимаешь? Я не хочу знать этого про Ивару. Мне неприятно. – Он тяжело вздохнул. – И при этом я не хочу, чтобы ты или он что-то от меня скрывали. Я не знаю, где здесь нужная дистанция.

– Я понимаю.

– Я, наверное, еще ребенок, – почти с ненавистью сказал Хинта.

– Нет, – горячо возразил Тави. – Просто вспомни, что сейчас сказала Инка. Она сказала мудрую вещь. Не все люди переживают страсть. Ведь все люди разные. У каждого свои достоинства, свои особенности. Хинта, это не происходит сейчас с тобой, но происходит со мной. А потом, однажды, это произойдет с тобой. Просто ты еще не встретил кого-то, кто вызвал бы в тебе эти чувства.

– Встретить кого-то яркого, как Ивара... У меня на это мало шансов.

– Может быть, ты сам будешь таким. И кто-то встретит тебя. А, может быть, все, что сейчас происходит, для нас всех закончится бедой. Иногда эти чувства только причиняют боль.

– Но ты хочешь этого, – почти обвиняюще сказал Хинта.

– Да.

– Ты целовал его? – Они уже вошли в светлую столовую, и Хинта хорошо увидел, как Тави вздрогнул от его вопроса.

– Ты же не хотел ничего знать.

– Но я и так слишком много знаю, слишком много вижу. И это будет продолжаться, пока мы живы и пока мы вместе. Потому что вы оба этого хотите. Потому что он такой. И ты стал таким, когда его увидел.

– Он... – Тави передернул плечами, – он этого не хочет.

Хинта не ответил. В нем кипело чувство, похожее на ярость или отчаяние, но не ярость и не отчаяние. Он испытывал странное нетерпение. Он уже хотел, чтобы Тави и Ивара пошли дальше – просто для того, чтобы был пробит какой-то барьер. Он испытывал стыд, натыкался на преграду внутри самого себя и хотел, чтобы его друзья своей любовью извне разрушили в нем эту преграду. Он не хотел больше быть скованным этими цепями, не хотел прятать глаз, когда увидит, как другие целуются. И еще он испытывал маленькое мстительное желание снова быть жестоким – как тогда, в школе, когда они ругались с Тави.

– Я его не целовал, – сказал Тави, – хотя что-то такое почти случилось. Но он этого не позволил. И тогда мне показалось, что, если я это сделаю, если полезу к нему, то все будет кончено и он меня возненавидит. Теперь ты доволен?

Хинта устыдился своих чувств. Да, включенная запись не была его виной, но этот разговор и то, как он сейчас давил на Тави – было. Они почти не разговаривали на протяжении нескольких минут, пока прислуга вносила еду.

– Извини, – шепнул Хинта, когда они сели за стол.

По губам Тави скользнула быстрая улыбка.

– К счастью, ты меняешься. Мы все меняемся. Меняемся и начинаем лучше понимать друг друга. И в нас рождается храбрость, которой не было раньше.

У Хинты осталось чувство, что он не совсем понял мысль друга, но в то же время он уловил ее теплый оттенок, общее направление. Он не стал переспрашивать, и после этого между ними наступил мир.

– Ты давно проснулся?

– Я дважды просыпался. Вечером я начал кричать во сне – видимо, настолько громко, что слуги дома меня слышали и разбудили. Я встал, поужинал. Инка пригласила меня в свой кабинет, и я видел, как она работала над нашими терминалами. У нее кабинет-лаборатория, примерно как у Ливы, но вся в электронном оборудовании. Тебе стоит там побывать. Впрочем, я был там совсем недолго – мне стало плохо, и я снова решил прилечь. А утром я проснулся за час до нашей встречи.

– Значит, я проснулся раньше тебя.

– И не вышел из комнаты?

– Я думал. Думал о том, кто я, вспоминал прошлый день и прежнюю жизнь. Все казалось ужасно нереальным.

– Ашайта?

– Он как потерянная часть меня, – с внезапной слабостью подтвердил Хинта. – Я бы кормил его сейчас. Я не знаю, как есть без него, как спать без него. Я присматривал за ним слишком долго.

Он закусил нижнюю губу, чтобы не заплакать. Они были только вдвоем, прислуга ушла. Косой луч утреннего солнца играл на стеклах купола, касался выпуклых окон этой большой светлой комнаты. Журчала вода в фонтане.

– Я свободен. Вот о чем я думал. Нет забот. Только друзья. Это ужасно, но теперь мне кажется, что не люди вокруг сделали с ним это. Нет. Он сам ушел. Он отпустил меня, освободил меня, чтобы я мог бежать из этого ада. Он был моим якорем. А теперь я легкий. И ветер несет меня, словно я крошечная желтая спора, сорвавшаяся с шляпки трепуса.

Он усмехнулся и, смагивая слезы, начал есть.

– Ты тоже извини меня за мои слова, – попросил Тави. – Я неправду сказал, когда восхищался тем, как Ивара пережил утрату Амики. Нельзя так говорить. Я не знаю, кого больнее терять – родных или любимого человека. И это невозможно сравнивать.

– Нет, ты был прав, – мрачно ответил Хинта. – Видишь, я здесь, живой, жую. Вся моя семья может быть мертва – и ничего. В этом есть что-то ужасное. Я любил их. Но ведь это не убивает. Это почти свело меня с ума, или мне так казалось. Но меня можно было спасти. Вы с

Иварой меня спасли. И вот мы все здесь. Я живой. Мы живые. Мне очень больно, но это уже проходит. Это так странно, даже несправедливо. Когда я думаю об этом, мне кажется, что людям было бы лучше умирать одновременно: всему человечеству, и без страданий, без скорби, без погребальных церемоний. Но это так не работает. В войне нет справедливости. В ней ничего нет. Я уже вчера это говорил. И поэтому надо отбросить ее, пережить смерть павших. И изменить мир.

Тави кивнул.

– Ты вчера хотел поговорить, – напомнил Хинта.

– Да. Но сейчас я хочу сказать другое – не то, о чем хотел сказать вчера. Я ведь тоже стал думать о себе, когда проснулся. Помнишь, что мне рассказала мама?

Мысли Хинты были слишком далеко от воспоминаний об Эрнике и ее делах, и он помотал головой.

– Она думала, что я умер, а потом вернулся или меня вернули. Этот город мне не чужой. Я здесь жил. Если со мной что-то произошло, я хочу об этом знать. Проверить, найти следы. Здесь должен быть свой колумбарий, может, и не один – город очень велик... Я ничего об этом не знаю, но в каком-то месте здесь хоронят мертвых. Там должна быть погребальная камера моего отца. И если мама не лгала мне и не была сумасшедшей, то там будет и моя погребальная камера. Я хочу ее найти. Я хочу увидеть это место и эти вещи своими глазами. Хочу посмотреть в лицо своего барельефа, открыть посвященную мне дарохранильницу, если только та существует.

Хинте стало не по себе.

– Это сумасшедшая идея.

– Все, что сказала тогда мама, было похоже на безумный бред. И я мог быть лишь в ужасе от ее слов. Но теперь все по-другому. Я в этом городе. Я не могу просто так бросить эту тему. Я должен понять. Я должен подтвердить или опровергнуть ее слова. Ты говорил, что тебе все казалось нереальным. А теперь представь, как себя чувствую я. Кто я, если женщина, меня родившая, заявляет мне, что меня нет, что я подделка, кукла, которую ей подсунули вместо ее ребенка?

– И ты хочешь?..

– Да. Инка показала мне, как пользоваться терминалом в моей комнате. Это не похоже на тот доступ, который ты с отцом получал через принадлежавший Ашайте терминал обучения больных детей. Здесь сеть совсем другая – она как целый мир. Ей можно задавать вопросы, и она дает множество ответов. Мы можем узнать любую общую информацию

про Литтапламп: в том числе, сколько здесь колумбариев и как найти ячейку конкретного мертвеца.

– Мы найдем его адрес через терминал, а потом попросим Инку отвести нас туда, когда она будет устраивать нам экскурсию по городу?

– Да.

Некоторое время они просто ели. Хинта ощущал в себе двадцатичасовой голод. На этот раз он был в состоянии воспринимать оттенки вкуса. Еда была под стать здешнему воздуху, здешней роскоши – такая же обильная и богатая. Блюда ломились живыми фруктами, запах незнакомого жареного мяса щекотал ноздри и дурманил. В глубоких тарелках, разделенных на хитрые секции, плескался жирный бульон трех сортов. Хинта ел и ощущал, как покой и сытость обволакивают его изнутри.

– Не налегай так сильно, – предостерег его Тави, – а то начнешь засыпать или тебе станет плохо, как мне вчера вечером. Эти вещи хороши для тех, кто к ним привык. А мы с тобой жили в совершенно другой среде.

– Я привык, что стол остается пустым, когда я заканчиваю есть.

– Ты посмотри на этот стол. Если два человека все это съедят, они умрут. Мы – точно умрем. Нет. Здесь никто никогда не доедает. Я видел, как ест Инка. Она берет по две ягоды, съедает их и уходит. Они с Ливой, выросшие в роскоши, почти не едят все это, лишь притрагиваются и снова занимаются чем-то своим. И они не готовят: думаю, они даже не умеют.

Потом они заговорили о прислуге.

– Это так странно, – сказал Хинта. – Я лег в постеленную кровать, надел чистую одежду. В ванной комнате тоже все было чистым и на своих местах. Уже второй раз нам – а тебе третий – накрывают на стол. Машины здесь ездят сами. Когдаходишь к окнам, в саду всегда видно охрану – стоят, как истуканы, ничего не делают. Я словно стал каким-то вельможей. Но ведь на самом деле все эти слуги, наверное, более обеспеченные люди, чем я и моя семья. Моих родителей не взяли бы прислуживать слугам семьи Огафта. Но сейчас я сам вдруг стал наравне с семьей Огафта.

– Потому что мы их гости.

– Но для меня дико, что я могу приказывать этим людям! Я могу сказать какой-нибудь из служанок: принеси мне, – и она пойдет и принесет. А в Шарту эта служанка по богатству и статусу была бы почти как Джифой. Ну, то есть, я не знаю, кем бы она была. Я не знаю даже, как это сравнивать.

– Думаю, в доме семьи Огафта слуги ведут себя довольно свободно, потому что их хозяева милые и мягкие люди. В других домах элиты правила могут быть намного строже.

Хинта удрученно качнул головой.

– Но даже здесь, у этих людей нет лиц. Они словно призраки. Они прибегают и убегает. Они не называют своих имен. Они не знакомятся с тобой, как это сделали бы нормальные люди. Они лишь подобострастно исполняют что-то, а потом уходят. Идешь по дому и не встречаешь их – делается непонятно, куда все делись. Но как только тебе что-то нужно, они рядом.

– А ты спроси. Спрашивай их имена. Если ты проявишь инициативу, они с тобой познакомятся.

Хинта удивленно на него посмотрел.

– А ты так делал?

– Вчера после ужина мне было не просто плохо. Когда я лег, меня стошнило на постель. Мне было стыдно, и я выразил свою благодарность женщине, которая пришла все это убирать. Оказалось, ее зовут Рута. Она мне все про себя объяснила. У нее узкие обязанности. Она занимается только тканями: бельем, одеждой, коврами, портъерами. Ее почти всегда можно найти в комнате, где стоят стиральные автоматы. Вот так. – Тави улыбнулся. – Если не хочешь, чтобы они были тенями, слепо выполняющими твои приказы – поговори с ними.

Хинта улыбнулся в ответ.

– В тебе столько аристократизма...

– Но почему? Это ты повелеваешь слугам, а я начал относиться к ним как к людям.

– Нет, это ты с ними можешь говорить, потому что в тебе есть такой стержень. Ты можешь найти людей в тех, кто действует как автомат, и убегает, выполнив работу. Именно поэтому ты аристократичен. Ты можешь быть правителем, можешь вести за собой тех, кто тебе не равен, можешь налаживать с ними контакт. Ты можешь быть с ними добрым или злым. А я так не могу. Я не могу с ними говорить, я не соприкасаюсь с ними. Я пугаюсь их, а они чужаются меня. В этом мире я слепну и остаюсь в одиночестве.

Они заспорили, и спорили до конца завтрака. И Хинта радовался этому разговору, потому что в глубине души он боялся, что Тави заговорит о содержательной стороне событий двух последних дней – а это было бы трудно. Хинта очень нуждался в отдыхе. Он не хотел вспоминать о памяти омара, об Аджелике Рахна в электрической сфере, о странной тьме, которую выпустил Кири. Ему нужна была эта простая беседа

обо всем вокруг, ему нужно было говорить о новом мире, чтобы впитать в себя этот мир и немножечко почувствовать себя своим в этих неожиданных для него обстоятельствах.

Терминал в гостевой комнате впечатлил Хинту размерами и утонченностью. Он видел его вчера, но мельком; теперь же у него появилась возможность сесть в огромное роскошное кресло, опустить руки на огромный многофункциональный пульт и растворить взгляд в огромном выгибающемся экране. Система реагировала без задержек, каждое событие в ней сопровождалось красивой анимацией. Текстовые файлы выглядели, словно исписанные осколки стекла, парящие в ровном сером тумане – когда они делались ненужными, их можно было расколоть, и они осыпались в небытие. Точно так же вели себя изображения – они всплывали, жили и исчезали. Все это было так аккуратно, так много информации можно было поместить рядом, чтобы одновременно просматривать ее, и при этом от ее обилия не уставали глаза и мысли. Этот терминал напоминал все остальное в этом доме; как здешний воздух и здешняя кухня, он был не просто вещью, но букетом роскоши, рогом изобилия, пиршественной залой.

– Да-а, – только и сказал Хинта, когда Тави начал разворачивать перед ним бесконечные ряды репортажей, картинок, статей, информационных ссылок, сообщающихся друг с другом через тонкие хрустальные каналы, по которым можно было идти, словно по древу собственных воспоминаний.

– Смотри, – приближая одно из изображений, показал Тави. Из тумана выплыли кадры незнакомой видеозаписи. Дрон-оператор летел высоко над городом; купола остались где-то слева и уплыли вдаль, открывая пространство пригородов – муравейник многоэтажных домов, дорог и прозрачных переходов, блестящие равнины теплиц, трубы заводских агломераций. Через все это тянулся длинный черный шрам, курящийся сотнями маленьких пожаров.

– Похоже на разлом во время землетрясения, – сказал Хинта.

– Это не землетрясение. Это катастрофа, которая произошла шесть лет назад. Поезд сошел с рельсов.

– Там погиб твой отец?

– Да. И я сам там погиб. В директории Мелорра. Это было первое, что я проверил. Мама не лгала. Это не выдуманная история. Действительно была такая катастрофа.

От того, как это было сказано, у Хинты по спине побежали неприятные мурашки. Тави стоял над ним, дышал ему в ухо. Тави вовсе не был мертвецом: его тело излучало тепло, и он оставался собой, несмотря на все те вещи, через которые им довелось пройти. А дрон все плыл и плыл, вперед и вниз, приближаясь и приближая тянувшийся по городу шрам. Хинта начал различать детали – разбитую линию монорельса, уходившую вправо от черной полосы, скомканные стальные фантики огромных двухэтажных вагонов, руины домов и теплиц.

– Там никто не выжил?

– Вот и спроси. Не у меня, а у этой чудо-штуковины.

Хинта неуверенно попробовал клавиатуру. Она была нестандартной, не такой, как он привык, но скоро изогнутые линии клавиш показались ему очень удобными, и его пальцы забегали почти так же быстро, как если бы он работал на своем домашнем терминале. На экран вышли списки имен, новые и новые файлы.

– Слишком много информации.

– Можно искать внутри найденного. Спроси имя моего отца: Двада Руварта.

Хинта так и сделал, и они увидели подтверждение: Руварта Двада и Руварта Тави стояли подряд в длинном списке погибших.

– Я, – прошептал Тави.

Хинта непослушной рукой провел по хрустальному мостику от Двады, и на экране всплыло несколько изображений. Здесь было все, что важно – даже посмертная фотография страшно обожженного, одноглазого лица.

– Убери это, – попросил Тави. Хинта расколол изображение, и оно блестящей пылью осыпалось в фоновый туман экрана. Посмертной фотографии Тави они не смогли ее найти – возможно, потому, что погибших детей не отсняли для хроники.

– Тебя могли подменить, – сказал Хинта.

– Я сам об этом думал. Но зачем? Ведь в этом нет никакого смысла! Кому нужно выдавать ребенка за мертвого, чтобы потом тайком вернуть его в руки матери?

– Допустим, тебе спасли жизнь...

– Допустим. Но зачем сначала выдавать меня за мертвеца?

– Это бы имело смысл, если бы на тебя охотились и хотели убить. Тогда тебя могли бы выдать за мертвеца, чтобы спасти. Это имело бы смысл, если бы тебя искали.

– Охотились на шестилетнего мальчика? На мальчика из семьи ничем не выдающихся агрономов? В этом городе найдется тысяча людей,

которые интереснее, чем я. Даже сейчас есть большой смысл похищать меня, чем тогда. Сейчас я что-то знаю, что-то значу, общаюсь с людьми, от которых что-то зависит. Но тогда я был просто ребенком. Я ничего не успел в своей жизни сделать, не был дорог ни одному влиятельному человеку.

– Или ты об этом забыл. Но да, вся эта история звучит как сюжет плохого лама.

Потом они попробовали найти оставшихся родственников Тави. Это оказалось слишком сложно: в Литтаплампе жило, работало и училось более трех сотен очень разных Руварта. Глядя на огромные списки имен, Хинта вдруг с новой силой ощутил, что они в куполе, что под ними город. Там, внизу и вокруг, был человеческий океан: тысячи людей с разными, похожими и не очень именами, тысячи связанных цепочек судеб, огромная колышущаяся живая сеть. Хинта попробовал набрать свою фамилию, и обнаружил лишь два очень старых упоминания.

– Это потому, что ты из другого региона, – сказал Тави. – Твои корни никогда не уходили в Литтапламп. С твоей родней было бы проще. Но, к сожалению, сейчас загадка не в тебе, а во мне.

Потом они переключились на то, что в этом гигантском городе происходит с мертвыми, и узнали, что у мегаполиса единый колумбарий. На экране всплыли изображения подземелий: прозрачные лифты скользили вниз по многочисленным шахтам, пещеры расширялись в глубинах земли просторными гротами. Колумбарий работал и как действующая усыпальница, и как музей. Вход в некоторые его ответвления был закрыт по соображениям безопасности, но были в нем и секции, куда каждый день заходили десятки туристов, чтобы почтить погребения наиболее знаменитых мертвецов, нашедших здесь покой за последние три сотни лет. Экран усыпали самые разные статьи. Говорилось о давке среди паломников, устремившихся проститься с каким-то народным деятелем; о протестах урбо-экологов, которые утверждали, что из глубин пещерной системы поднимается газ, вредный для системы воздухооборота города; о каких-то бесчисленных комиссиях, которые требовали закрыть доступ к нестабильной шахте; о строительстве подземных магистралей, ради возведения которых требовалось перемещение секций колумбария; о нестандартных вариантах погребальных церемоний; о пещерных микроорганизмах, которые ели камень; и еще о тысяче других вещей.

– Город под городом, – ошеломленно сказал Хинта.

– Да, город мертвых под городом живых. Посмотри на это. – Палец Тави уткнулся в мелкий текст, всплывший из нижнего слоя. Хинта уве-

личил указанный раздел. Оказалось, речь идет об археологах, которые вели раскопки в самой глубокой и древней части колумбария. – «Университет Кафтала». Это же про Ивару.

– «Ивара Румпа – ученый, скандально известный благодаря своим неудачным тяжбам против Литтаплампа, заявил об обнаружении под городом серии странных артефактов, которые предположительно не относятся ни к литской, ни к лимпской культуре. Он выдвинул очередную свою фантастическую теорию. На этот раз он утверждает, будто в глубинах пещер могут быть тайные хранилища артефактов, вывезенных из Джидана...»

Голос Хинты постепенно стих. В том, что он читал, была какая-то поверхностная насмешливость, которая страшно резала слух. Он не видел Ивару таким – он слишком привык к этому человеку вблизи, привык наблюдать за его тихой, терпеливой, последовательной работой, привык восхищаться блеском его ума.

– Неудачные тяжбы против города? – переспросил Тави.

– «Опровергнут коллегами из университета Кафтала». И дальше имена, которые нам с тобой ничего не скажут.

– Статье четыре года. То есть, она была написана через два года после исчезновения Амики, Эдры и Кири, и всего за несколько месяцев до того, как сам Ивара потерялся и ушел в глубокую тень.

Хинта потянул за имя учителя, и внезапно из него распустились десятки тонких хрустальных трубочек. Экран взорвался хаосом информации. Слова и картинки поднимались из тумана, громоздились, перекрывая друг друга, разбегались в стороны, пытаясь освоить каждый клочок свободного места.

– Про него здесь столько же, сколько про колумбарий, а ведь он не место и не явление, он всего лишь человек!

Некоторое время Хинта возился, пытаясь вместить хоть в какие-то берега бесконечное море похожих сообщений, но потом, выбившись из сил, начал искать другие пути решения проблемы. Он сумел разделить экран на отдельные рабочие поля, а затем рассортировать все сообщения по датам. И вдруг эта огромная каша из текстов и картин обрела четкую иерархию, превратилась в разорванную линию жизни. Одни годы светлели множеством картинок и текстов, другие были пусты и безмолвны.

Детство Ивары прошло вне поля зрения журналистов; первые сведения о нем появлялись достаточно поздно, и там он был упомянут не один, но в кругу друзей.

«Необычное событие в мире элит. В один год четыре влиятельных рода потеряли своих основных наследников. Молодые люди, окончившие Дадра, отказались вступать в свои имущественные права, проигнорировали инициацию на Шамутра и заявили, что их долг – полностью посвятить себя науке. Что это – начало новой субкультуры, или хитроумный план, состоящий в том, чтобы усилить влияние аристократии на Вавейра?»

– Пара непонятных слов, и ни слова про Джада Ра и смерть Вевы Курари, ни слова про Квандру Веваду, который именно тогда начал захватывать имущество и правовые области, от которых отрекся его брат.

– Думаю, все это замяли.

– Видимо, да. – Хинта вспомнил, как стал свидетелем ссоры между Иварой и Лартридой Гарай. Она тоже не знала ничего важного о происхождении Ивары – лишь то, что тот болен и что его карьера в Литтаплампе не задалась. Вероятно, она даже не могла из Шарту получить доступ ко всей той информации, на которую Хинта смотрел сейчас. Для нее Ивара был совсем никем. – Странно, что про человека можно говорить не все, чем тот является. Можно разрезать его жизнь, одни ее события выделить и поднять наверх, а другие скрыть.

– Это не странно. Так устроена сама история, сам мир человеческих знаний. Просто подумай, чему Ивара учил нас все это время. Он показывал нам эти самые скрытые области, исчезнувшие, забытые факты. Почему для его жизни должны быть другие правила, чем для истории Аджелика Рахна? О его жизни тоже можно лгать или говорить полуправду. Он и сам делал это многие годы. И только перед нами он раскрыл все секреты.

Потом ребята стали разбираться в незнакомых словах из последней статьи и обнаружили, что Шамутра и Вавейра – это гумпраймы Литтаплампа. Как и говорил Лива, всего гумпраймов было шесть. Каждый из них набирался из людей своего класса и отвечал за определенные, важные для ойкумены решения.

Шамутра был гумпраймом элиты – сердцем литтаплампской аристократии. Чтобы получить там свой голос, нужно было обладать правом рождения. Именно им не захотели в свое время воспользоваться Ивара и его друзья. Вавейра был гумпраймом ученых – сердцем литтаплампской меритократии. Для получения голоса на этом гумпрайме надо было достигнуть вершины образовательной системы. Теперь Хинта понял, о чем говорилось в статье: посвящая себя науке, Ивара и его друзья меняли одни возможности социальной жизни и власти на другие. Арджина – тот гумпрайм, о котором Лива говорил и на котором он проголосовал за во-

енное вмешательство в Шарту – был гумпраймом корпораций. На нем собирались представители всех компаний ойкумены. От статуса корпорации, разумеется, зависело количество доступных ей голосов. Но были еще три других гумпрайма, устроенные совершенно иначе, чем три первых. Тамилита был гражданским гумпраймом Литтаплампа. Здесь собирались представители директорий и дистриктов, в том числе представители куполов. Любой житель города мог проявить себя на районном гумпрайме, а затем стать представителем своего района на Тамилита.

– Вот, – сказал Хинта, – вот это я понимаю. Это демократия.

– Ты же не думаешь, что в Шарту была демократия? В поселке все решения принимались десятком людей. А остальные просто приходили выслушать, что им скажут.

– Думаешь, здесь не лучше?

– А ты думаешь, решения толпы лучше, чем решения тех десяти наверху?

– Я не знаю. Если верить Иваре и Ливе, то здесь зла не меньше, чем в Шарту.

Пятый гумпрайм – Ирпала – тоже был демократическим. На него выдвигались люди с гумпраймов всех городов и поселков ойкумены.

– Почему жители Литтаплампа – одного города – имеют свой гумпрайм, который равен по значению гумпрайму гумпраймов всей ойкумены?

– Наверное, потому что Литтапламп – гегемон, столица. Ее статус хотели подчеркнуть.

Шестой гумпрайм понравился Хинте больше всех предыдущих. Он назывался Натапума, и попасть на него мог любой, даже ребенок. Единственным условием для прохождения на Натапума была популярность. Это был гумпрайм журналистов, но кроме них, туда регулярно проходили все, кому удавалось создавать интересные новости. Любой человек, поднявший тревогу на своем конце ойкумены, мог привлечь к себе достаточное количество внимания, чтобы оказаться на Натапуме.

– Вот это демократия, – одобрил Хинта. – Здесь состав гумпрайма меняется каждые несколько дней. И на нем постоянно выступают те, кто из-за чего-нибудь пострадал.

– Даже мы можем, – кивнул Тави. – Слушай, теперь ты понимаешь, что мог и чего еще может достичь Ивара? Понимаешь, фигурой каких масштабов он является? Он мог и может войти на любой из шести гумпраймов. По рождению – на Шамугра. По своим знаниям – на Вавейра. По праву владения – на Арджина. По первому месту жительства – на Тамилита. В любой момент – на Натапума. И если бы он уехал из

Литтаплампа не в Шарту, а в любой более легитимный регион – то он бы смог попасть и на Ирпала. Он человек, перед которым мир распахнул все двери. Если он заговорит, его услышат. Раньше ему нечего было сказать. А теперь есть. У него новость, которая прогремит.

Впрочем, скоро они нашли информацию о том, что один человек не может выступать на двух гумпраймах одновременно. Чтобы сменить гумпрайм, требовалось на пять лет уйти из политики, а затем вернуться и начать все заново.

– Это неважно, – сказал Тави. – Ивара не может говорить сразу на всех гумпраймах, но он может выбрать тот, на котором его голос зазвучит громче.

– Натапума?

– Нет, не думаю. На Натапуме все кричат. Там слишком часто появляются пустые люди, скандалисты, проходимцы, пытающиеся привлечь чрезмерное внимание к малозначительным вещам. Такая сложная новость, как та, которую мы несем, может на этом гумпрайме просто потонуть. А если нас перестанут воспринимать всерьез – это будет полным поражением... Кстати, давай узнаем про тяжбы Ивары против города. Он ведь нам об этом почти не говорил.

Пальцы Хинты побежали по клавиатуре. Он на лету изучил еще одну возможность и начал искать в найденном. В тумане цифрового небытия утонули все лишние сообщения – рецензии на книги Ивары, упоминания о его публичных выступлениях и археологических экспедициях. Теперь жизнь Ивары стала похожа на цепочку судебных процессов. Однако ничего интересного в этой области мальчики не нашли. Почти все процессы, на которых ученый выступал против города и ойкумены, были связаны с его желанием проводить экспедиции и исследования в тех регионах, которые носили нелегитимный статус. Среди прочего часто упоминалась зона за Экватором. Про Шарту здесь не было ни слова; все эти земли носили общее наименование «поселений южной черты».

– Ну да, – сказал Тави. – Процессы против города – на Тамилита. Против ойкумены – на Ирпала. Против ограничений на научную деятельность – на Вавейра. Четкое разделение сфер влияния. Похоже, когда человек не голосует, но выступает в роли истца, он может оказаться сразу на многих гумпраймах.

Жизнь Ивары постепенно просеивалась через экран терминала, и вот они добрались до самых последних времен. Ученый в очередной раз безуспешно судился против всех, чтобы ему дали официальное разрешение на поисковую экспедицию ради возвращения тел его друзей.

– «Истец Ивара Румпа упал в обморок во время своего выступления. Медики, прибывшие, чтобы оказать ему помощь, констатировали, что он находится в состоянии крайнего истощения. До этого он отказался назвать место, где пропали его товарищи. Защитник Нивера Кухама, выступавший от лица литской ойкумены и ее законов, заявил, что в таких условиях невозможно вести тяжбу, и потребовал, чтобы истца подвергли психиатрической экспертизе. В беседе с тильской новостной лентой Кухама поставил под сомнение, что Ивара Румпа осведомлен о месте пропажи Кири Саланы, Амики Нойфа и Эдры Брады. Он сказал: «Мы не можем давать разрешения на поисковую экспедицию, которая будет обыскивать половину ойкумены». Так, в конце концов, все и узнали про болезнь Ивары. Как же ему было тяжело... Но, по крайней мере, пропажа его друзей была публичным событием. А как же его тяжбы против брата? Почему о них здесь ничего не сказано?

– Они проходили на Шамугра и на Арджина, – догадался Тави, – и не стали достоянием общественности. Это были закрытые процессы. Элита не любит демонстрировать свои внутренние разборки народу ойкумены. Выключи фильтры поиска. Давай посмотрим события самого последнего дня.

– Проще перезагрузить терминал. Все-таки я еще очень неуклюже с ним управляюсь. – Хинта полюбовался на великолепие иницирующей заставки, а потом они, уже без всяких новых запросов, открыли ленту текущих новостей. Лицо Ивары было прямо там – на первой полосе.

– Он здесь молодой, – сказал Тави. – Должно быть, они не нашли его изображений последних лет, а мы с тобой уже знаем его другим.

– Думаешь, он постарел?

– Не так, как Лива, – уклончиво ответил Тави. Хинта дернул за изображение Ивары, и на экран высыпались актуальные новости, связанные с ним. Статей и заметок было несколько. «Что же случилось на юге», – начиналась одна, – «гуманитарная катастрофа или боевые действия? Боевые действия или спасательная операция, посвященная эвакуации одного-единственного человека?»

– «Новый враг на юге», – зачитал Тави. – «Правда ли, что одичавшие вольные колонисты держали в плену гражданина ойкумены?» Что за бред... «Правда ли, что «Джиликон Сомос» понесли серьезные потери в этом бою, и если да, то как жители окраин смогли вооружиться робофандрами?» Видишь, одни сплошные вопросы. Причем никто еще даже не знает про омаров. Но если узнают, то испугаются. А они узнают; главное – задавать правильные вопросы. Для большинства это важнее, чем возвращение Ивары. Людей, которые лично знали его и его друзей,

очень мало. А вот тех, кому не хочется очередной войны на границах ойкумены, очень и очень много.

– «...на частотах... человек, назвавший себя Ивара Румпа, выступил с сообщением о том, что у него есть информация о местонахождении тел трех ученых, с которыми он когда-то работал».

– «...мы напомним вам новости прошлых лет, о судебном процессе Ивары Румпы против Литтаплампа, а также о громких обвинениях, которые родные погибших выдвигали против Ивары Румпы».

– «...этот человек приобрел известность своими несанкционированными экспедициями, которые иногда оканчивались успехом, но, в конце концов, привели к трагедии. Очевидно, что и сейчас Ивара Румпа участвовал в подобной несанкционированной экспедиции. На этот раз все его поиски были направлены на то, чтобы найти тела его погибших соратников».

После этого шел рассказ о том, как давно Ивару не видели в обществе, как давно о нем не было новостей, и следовали выкладки о годах, которые он, вероятно, провел в своей таинственной экспедиции. Но и эта статья тоже заканчивалась чередой вопросов, посвященных последним событиям в Шарту.

– «Натапума бурлит. Новости, как и всегда, не приходят по одной, и на этот раз мы уже достоверно можем сообщить, что Ивара Румпа был успешно эвакуирован с южной стороны Экватора. Он ранен. Есть информация, что он сам вел бой в робофандре «Джиликон Сомос». Как же случилось, что опальный ученый попал в такую ситуацию? В ближайшие дни репортер нашего издания попытается взять интервью у Ивары Румпы. Мы, как и всегда, стремимся быть первыми, чтобы донести до вас самые горячие новости».

Еще час мальчики вчитывались в другие статьи и заметки. За это время выражение «Натапума бурлит» стало для них кодовым.

– Натапума бурлит, – говорил Тави, когда они в очередной раз натыкались на особенно бредовую, амбициозную или экзальтированную статью. Когда тема стала казаться исчерпанной, Хинта откинулся на спинку кресла и предположил поискать в сети что-нибудь еще.

– Например?

– Аджелика Рахна.

– Нет. Инка предупреждала об этом. Она сказала, что все поисковые запросы отслеживаются. Она разрешила искать через этот терминал любую обычную информацию, реальных людей, сведения об устройстве города или новости, но просила не вводить ключевые слова, которые ассоциируются с нашим делом.

– Ладно, я понял.

Они все еще пытались придумать новую цель для поисков в сети, когда на пороге комнаты появился Лива. Они обменялись приветствиями. Мужчина подошел ближе, с интересом глянул на экран терминала.

– Освоились?

– Ивара в новостях, – сказал Хинта. – Натапума бурлит.

– И это только начало. Он хорошо появился, сделал все правильно. Теперь его голос не просто будет заглушить. Надеюсь, он даст свое первое интервью сегодня, прямо в больнице. – Лива устало сел на угол постели, ссутулился, опустил длинные руки между колен.

– А Вы как? – спросил Тави.

Лива слабо улыбнулся.

– Много разговоров. После работы я встретился с женой, и мы вместе поехали к ее родителям. Это было тяжело для меня. Когда начался скандал, а он был неизбежен, я ушел.

Его взгляд несколько мгновений блуждал по комнате, потом заново сосредоточился на лицах мальчиков. Хинта заглянул в эти глаза, и его пробрало. Взгляд Ливы был таким же бездонным и темным, как и у Тави в некоторые моменты. Но в то же время это был совсем другой взгляд. Лива о чем-то думал, и эти мысли были как огромная река, полная знаний, сожалений и прощаний.

– Мы обещали быть откровенными друг с другом, – сказал он, – и я должен признаться, что растерян. Та запись, сделанная глазами странного существа... Я снова увидел их всех... Но дело не в этом, не в моих чувствах к старым друзьям. Я растерян, потому что мне невыносимо смотреть, как расходятся пути лучших людей. Теперь я ясно вижу, какой труд Ивара вложил во все, что им было сделано. А его соратники вложили в это даже не труд, но сами свои жизни. Даже Кири. Однако и я вложил труд в то, что сделал. И каждый из тех, кто остался с Квандрой – мы все работали, не покладая рук. Вчера утром я еще держался. Но потом на меня стало обрушиваться осознание того, как трудно будет все это совместить. Мне очень жаль, что нам всем опять придется делать выбор. И кому-то, возможно, предстоит отложить результаты своих трудов, чтобы начать помогать другим.

– Кому? – с неясным беспокойством спросил Хинта.

– Я не знаю. Это слишком сложное решение. Это могу быть я, или Квандра, или Ивара.

– Но разве это не хорошо? – сказал Тави. – Вы ведь разошлись в разные стороны, чтобы что-то найти. Разве не здорово, что хоть кто-то из вас нашел то, что искал, то, во что верил?

– А если каждый из нас что-то нашел? Когда Джада Ра распался, мы все были в отчаянии. Нам казалось, что мы не найдем ничего. Но вот минуло полтора десятка лет. Мы – зрелые люди на руинах своих жизней. Наша работа – это все, что нам осталось. И мы все в ней преуспели. Мы все близки к победе. Каждый открыл что-то свое, у каждого есть своя идея, свое предложение миру. – Он протянул ладони вперед и вверх. Его узловатые пальцы слегка дрожали. – Прибытие Ивары может все ускорить. Я чувствую, что остались считанные дни, а может, даже часы, до момента, когда нам придется спорить и выбирать путь. И это будет не так, как прежде. Это не дискуссия о выборе направления и метода исследований. Это поворотная точка в судьбе человечества. Мы будем спорить о реальных процессах. Мы будем решать, как нам изменить планету. Это страшный момент.

– И все же это хорошо, – снова сказал Тави. – Ведь дела должны заканчиваться.

– Да, ты прав, это не только страшный момент. Еще это прекрасный момент. – Но в голосе Ливы не прозвучало радости. – Инка еще долго будет говорить со своим старшим поколением, так что я могу ее заменить. Она просила об этом. Сказала, что обещала вам экскурсию по городу. Я готов это устроить.

– А что, если у нас есть особое пожелание? – спросил Тави. – Мы хотим посетить колумбарий Литтаплампа и найти там определенное захоронение. Если это возможно.

– Это возможно. Чье?

– Моего отца.

Лива несколько мгновений молчал, потом кивнул.

– Как его звали? Тоже Руварта?

– Да. Двада Руварта.

– Тогда пойдемте. Инка хотела, чтобы я вас развлек. Но это было бы неправильно, ведь так? В подобные дни сердце жаждет других вещей. Я тоже хочу вниз. Вот уже два месяца как я не был у гробницы сына, а скоро минет ровно год с его гибели.

Они вышли из комнаты, спустились на первый этаж и через широкую каменную террасу зашагали к ожидающим машинам кортежа. Второй раз в жизни Хинта шел по этой искусственной улице, но теперь у него на ногах была обувь, а его легкие не изменяли ему. Он смотрел на качающиеся ветви растений, подставлял лицо поддельному ветерку и осторожно вдыхал запахи цветов.

Снова оказавшись в салоне роскошной машины, они наблюдали, как мимо проплывают зеленые улицы вершины купола. Потом они въехали на платформу огромного лифта, скользнули вниз, и мимо них понеслись десятки этажей – витрины и прилавки магазинов, пестреющие непонятными товарами, окна домов, площади, полные людей, их лица и детали одежды, будто яркие вспышки. На этот раз Хинта был в лучшей форме, и его взгляд усваивал намного больше; для него это было словно смотреть лам в обратной перемотке. В промежутках между уровнями горели сотни необычных ламп. Рабочий в каске и респираторе прижался к стальным панелям, пропуская их. На этот раз они не остановились там, откуда попали в купол, а продолжили опускаться. Вся многоцветность города осталась далеко наверху – платформа прошла сквозь мерцающую пелену силового поля, и потянулись полутемные пустоты технических этажей, в глубине которых стояли большие устройства неизвестного назначения. Потом раздался гул, настолько мощный, что его было слышно сквозь корпус автомобиля, движение замедлилось, и они остановились. Мимо них тихо проехала пара чужих машин, они тронулись следом. Теперь они были на дороге. Свет дня сюда не проникал; это была сверхпрочная подошва, которая держала над собой мегатонную махину купола, и они ехали теперь сквозь лес из грубых опор, балок и конструктивных ребер.

– Я знаю людей, которые ухаживают за этими сооружениями, – сказал Лива. – Это невероятные конструкции. Они перенесли сотни землетрясений, включая последнее. Здесь оно было не таким сильным, как у вас, но да, город выстоял. Когда надвигается сейсмический удар, эти этажи эвакуируют, и все, кто здесь работает, поднимаются наверх.

Тоннель, изгибаясь, уходил в глубину. Внезапно впереди мелькнул свет, открылся простор, и они оказались внутри огромной пещеры. Теперь дорога шла по краю подземного каньона; над ней поднимались стальные опоры в двадцать обхватов толщиной, но здесь эти конструкции держали не стальную мощь купола, а естественный каменный свод. Где-то далеко наверху было видно мост, повисший в ужасающей земной прорехе. Сталактиты и сталагматы, словно зубы сросшейся каменной челюсти, сливались с дальней стеной грота, по складкам которой стекали маленькие водопадики. Вода уходила в глубину каньона и поднималась обратно облаками пара; воздух был густым, туманным, полупрозрачным; тьма кралась по морщинам стен. Во многих направлениях пещера

уходила так далеко и глубоко, что глаз уже не различал подробностей ее формы.

– Вот это да, – выдохнул Хинта.

– Это уже колумбарий? – спросил Тави.

– Нет, это лишь одно из его преддверий. А сам он так велик и сложен, что его нельзя увидеть одним взглядом. Это целая система.

Их кортеж снова поглотил тоннель, и ненадолго стало темно, но потом они вынырнули во вторую пещеру, вертикально ориентированную, полную яркого света от прожекторов, установленных вдоль стен, чей камень был красным, как кровь, блестящим и пузырчато-гладким, словно застывшая лава. Это великолепие ослепляло. Середину пещеры пронзал стержень из созданных человеком конструкций – десятки маленьких лифтов скользили вверх и вниз по наклонным серебристым лучам опор, вокруг лифтовых шахт вился серпантин еще одной дороги, с парящими платформами парковок по обе стороны. В этой пещере Хинта, наконец, увидел первые признаки начала колумбария: здесь и там в красной скале виднелись маленькие арочные порталы из белого, желтого, голубого камня – входы в старинные склепы. Эти вкрапления человеческой деятельности казались ужасно крохотными на фоне утесов, образовавших стены гигантского подземелья.

– Это музей, – сказал Лива. – Самые почтенные литские захоронения, священное место для патриотов города. Здесь так много всего, что можно рассматривать целую неделю. Мы сейчас не будем этого делать. Нам нужно в центр, в архив, где есть записи обо всех погребениях. Там мы найдем место Двады Руварты.

– Здесь работал Ивара? – спросил Тави.

– Он и об этом рассказывал?

– Нет, мы наткнулись на это, когда лазали по сети через терминал.

– Я мало об этом знаю, и для самого Ивары это, кажется, никогда не было особо важным делом, но да, он немного работал где-то в самом низу. Не здесь. Здесь место для официальной и завершенной исторической науки, здесь изучен каждый камень. А он искал забытое, неизведанное, спускался в опасные глубокие места.

Их кортеж остановился на самой нижней парковке, двери машин раскрылись, и они вышли на металлический пол технической платформы. Хинта принюхался к воздуху пещер, и его пробрал легкий озноб. Здесь пахло кремнием и серой, песком и сталью – кровью земли. Воздух был затхлым, теплым, густым, казалось, атмосферу можно притянуть магнитом – столько минералов в ней растворилось. Лива пошел что-то сказать своей охране, а мальчики подошли к ограждению и глянули

вниз, за край. Серпантин дороги там уже не продолжался, но лифты и стальные опоры уходили дальше в глубину. Стержень человеческих конструкций был разделен на ярусы, и с каждым ярусом он сужался. В самом низу стальной блеск мерк, тонул, растворялся в пелене тумана. Камни там тоже менялись – алая гладь скал багровела и грубела, словно кровь из свежей превращалась в запекшуюся.

– К самому центру земли, – глядя в пропасть, произнес Тави. Ему пришлось повысить голос, потому что здесь, в пещерах, вечно стоял какой-то гул – ропот толпы долетал от лифтов и с верхних ярусов, шум механизмов города доносился через бесконечный лабиринт тоннелей, грохот невидимых водопадов жил отголосками троекратного эха. А может быть, сами камни рокотали, скрежетали своими старыми трещинами, ждали новых землетрясений, чтобы, наконец, сломаться и рассыпаться, хороня эти пещеры под хаосом щебня и осколков.

– Страшное место, – сказал Хинта.

– Ты в порядке?

– Не волнуйся, я больше не упаду, как тогда в саду. Это странный воздух, металлический вкус на языке, но раз все этим дышат, значит, оно не убивает. Интересно, как они сумели отделить эти пещеры от мира снаружи? Как они нагнетают сюда столько чистого воздуха?

Тави пожал плечами.

– Большие вещи. Кто теперь объяснит, как они работают? Этот город был построен не в нашем веке. Все старое в мире – такое большое, а все новое – такое маленькое. Экватор – громада, и он разрушается. Купола – громады, а Ивара говорил, что два купола заброшены. И эти пещеры – такая же огромная вещь. Старая. Древняя. Они держатся усилиями прошлых поколений. Но когда они начнут разрушаться, никто уже этого не остановит.

– Нам к лифтам, – нагнал их Лива. – Дальше только пешком. Я сказал охране, чтобы они поменьше мозолили глаза.

– Они пойдут за нами? – спросил Тави.

– Да, они всегда за мной идут. – Лива виновато улыбнулся. – Это их работа. И, к сожалению, они мне действительно нужны.

– Зачем? – поинтересовался Хинта. – На Вас нападают?

– Не нападают, но довольно часто от меня чего-то хотят. Вдруг появляется журналист, обиженный или безумец, от которого я сам не сумел бы отделаться.

Они пересекли простор парковки, миновали ряды чужих автомобилей и вошли в стеклянную скорлупку пассажирского лифта, который понес их вниз и в сторону. Хинта увидел, что прямо под парковкой, на ко-

торой они недавно были, находится целое здание – вырубленные в толще камня офисы и музейные залы с окнами, выходящими в пустоту пещеры. Лифт соскользнул на некое подобие монорельса, горизонтально проехал два десятка метров и пристал к portalу подземного комплекса, холл которого сверкал хромированным металлом и светился десятками экранов. Терминалы здесь были повсюду, поднимаясь прямо из гладкого пола, экраны мигали, предлагая какую-то бесчисленную информацию. Люди останавливались у них, все были чем-то заняты, звучали голоса, горел яркий свет. Хинта подумал, что все это напоминает ему холл ламрайма, где они с Тави покупали себе билеты-печати для прохода на сеансы. Они подошли к свободному терминалу, и Лива ввел в систему имя отца Тави. На экране вспыхнула карта – весь лабиринт колумбария развернулся, вывернулся в тошнотворно-органическом стремлении показать себя. Посреди непонятных для Хинты линий вспыхнула красная точка.

– Вот так просто. Мы его нашли.

Терминал зашипел, из малозаметной щели под экраном выскользнул листок с картой и какими-то другими данными – все в обрамлении наезжающих друг на друга рекламных баннеров. Лива повел мальчиков через весь комплекс, затем они встали на бегущую дорожку, которая понесла их сквозь толщу скал.

– Это рукав новых захоронений. Нам повезло, потому что это недалеко от усыпальницы моей семьи. Я отведу вас к нужному месту, а потом, если вы не против, оставлю вас одних и пойду проводить сына.

– Нет, конечно, нет, – сказал Тави. – Это будет очень хорошо. Скажите, а я смогу открыть дарохранильницу отца?

– В захоронениях последних лет дарохранильницы с генным идентификатором личности. Ты родственник. Тебе придется отдать каплю своей крови, компьютер сопоставит ее с кровью твоего отца и, если она похожа, откроет дарохранильницу. Если это не работает...

– То?

– То, возможно, тебе ее откроет работник колумбария. Но это будет не сегодня, а после того, как ты получишь литские документы. Процесс заказа этих документов мы начали, но ждать их еще неделю или две. И в колумбарии тебе тоже придется пройти через сложный бюрократический процесс.

– Да, я понял, – кивнул Тави. У них над головой проносились ровные, гладко отесанные своды тоннеля. Оттуда их путь привел в новое большое подземелье, и мальчики в который уже раз потрясенно выдохнули: сверху и снизу, слева и справа от них были тысячи погребений. В

этой новой пещере невозможно было увидеть голую скалу – всюду тянулись стальные мостки, всюду были выдолблены тоннели и дорожки, конструкции уходили на много ярусов вверх и вниз, а в каждой пяди каждой стены стояли уменьшенные саркофаги. Тысячи металлических лиц смотрели отовсюду, тысячи иссушенных мертвецов лежали там, за этими красивыми масками.

– Осторожно, – предупредил Лива, – здесь наша остановка.

Они соскочили с бегущей магистрали и пошли по звонким плитам балкона, прилепившегося к стенам подземной пропасти. У Тави и Хинты на ногах была обувь, к которой они не привыкли – ботинки мальчика, умершего примерно год назад. Сквозь гибкую подошву Хинта ощущал под стопой каменный щебень и грубую поверхность пола. В одежде мертвого они шли в мир мертвых. Где-то в туманной дали он различил целые колоссы захоронений – столбы, опоясанные проходами, возвышались там от верха до низа пещеры. Казалось невозможным найти путь в этом лабиринте из мемориалов, но Лива уверенно двигался вперед, ведя их за собой. Они нашли в глубине одной из стен лифт, взлетели на нем вверх, проехали по трем новым бегущим дорожкам – и через четверть часа попали в еще одну пещеру, точнее, в рукотворную штольню, вдоль стен которой стояли очередные ряды саркофагов. Здесь Хинта ощутил себя немного спокойнее, потому что это место хоть отчасти напоминало простой и камерный колумбарий Шарту.

– Вот, – показал Лива. – Вам нужно пройти еще сто шагов вперед, отсчитать шесть боковых ниш и свернуть в седьмую. Там будет захоронение Двады Руварты.

– Спасибо, – поблагодарил Тави.

Лива передал ему листок с картой.

– За вами пойдет один из моих людей. Если вдруг вы потеряетесь или захотите уйти, просто позовите его. Он будет держаться поодаль.

Мальчики оглянулись и увидели группу из нескольких охранников, которые шли за ними. Потом Лива ушел к своему сыну, а они, отсчитывая ниши, направились в глубину штольни.

Камень здесь был серым и грубым, светлел свежими сколами, под ногами хрустел песок, а саркофаги усопших блестели – время не успело покрыть их металл патиной или ржавчиной. Редкие лампы сияли ровно и ярко.

– Мы будем молчать? – спросил Хинта. – Соблюдать традиции?

– Нет, здесь все иначе. Если бы это имело значение, Лива бы нас предупредил.

– Странное место. Камень и металл. Нет живого огня.

– Льда тоже нет. И все же это дом мертвых. И он очень хорошо устроен. Я это чувствую. Я чувствую здесь покой.

Охранник остался далеко позади. Они шагали вдвоем. Никого не было рядом, никто из родственников усопших сегодня не навещал этот предел. Толща камня давила сверху. Вдруг Хинта заметил, что Тави ищет его руку. Он ответил, они сцепились пальцами – и Хинта ощутил пульс, будто Аджелика Рахна был здесь, будто энергия Экватора уже не спала в их руках, а билась, бурлила, дышала.

– Кто я? – тихо спросил Тави. – Скажи мне, кто я. Покажи мне, кто я. Пожалуйста, не таи это от меня. Я хочу знать, хочу вспомнить, вспомнить все до конца. Я хочу понять, понять все до конца. Пожалуйста, ответь мне: кто я?

У Хинты в горле встал комок. Он молча шел рядом с другом, а Тави все говорил свои негромкие слова, призывал, молился. Еще никогда Хинта не слышал, чтобы у него был такой голос. Он не знал, к кому тот обращается: к Аджелика Рахна или к силам мира, к звездному ветру или к своей судьбе, к сияющему центру вселенной или своему отцу, к Джилайси или к Иваре. Хинта слушал и боялся произнести звук, боялся нарушить эту молитву, боялся спросить.

Они повернули в седьмую нишу и там, в белом слепящем свете единственной лампы, увидели около двадцати саркофагов. Те стояли полукругом, в два яруса: черно-золотистый металл, красивые лица поллюдей-полугероев. Хинта ощутил, что Тави отпустил его руку. И вдруг его с новой силой захлестнуло чувство нереальности – словно Тави был для него якорем, а теперь этот якорь оборвался, и все вокруг сдвинулось, стало зыбким. Это место могло быть ненастоящим: этот камень, эта пыль, этот металл, эта нестерпимая яркость. Задыхаясь, Хинта втянул в себя спертый, застоявшийся подземный воздух, ощутил запах крови, кремния и кислоты. Здесь что-то вибрировало, что-то было не так, что-то пряталось. Словно мир в этом месте дал слабину, треснул, открыв свое сердце запредельной бесконечности. Какие-то возможности начинались в этом месте, в этой точке, среди этой материи; тропы судеб расходились отсюда – и троп было слишком много, возможностей было слишком много. Кинетическая энергия скопилась здесь в таком количестве, что скалы стонали и пели. Монолитные глыбы были готовы взорваться, сорваться с места и упасть прямо к звездам. Крик звучал здесь, но при этом уши улавливали лишь слабые отзвуки далекого ропота толпы, далекого

гула машин и еще более далекого грохота водопадов. Тысячи скоростей и вероятностей уносились отсюда во всех направлениях, но при этом не было даже ветерка, чтобы сдвинуть пылинку.

Хинта увидел лицо – лицо маленького Тави – изваянное в золотисто-черном металле маленького детского саркофага. Когда ритуальных дел мастер сделал этот портрет, Тави было всего шесть лет, но странным образом он остался узнаваем – словно нынешний Тави был не тем настоящим мальчиком, который умер во время аварии поезда, а тем, кого художник изобразил на барельефе. Нынешний Тави был повзрослевшим барельефом. Внезапно Хинта понял лицо своего друга – лицо, которое он так хорошо знал, на которое смотрел каждый день. Это лицо, подобно всем лицам на погребальных саркофагах, было создано из двух – из лица реального ребенка и из лица Таливи Митина, не слишком популярного героя Лимпы.

Бок о бок с саркофагом Тави стоял саркофаг его отца Двады, лицо которого было объединено с лицом Адваки Митина – отца Таливи Митина. «И ведь действительно, – потрясенно подумал Хинта, – даже имена у них похожие: Тави-Таливи, Двада-Адвака». Адвака Митин был генералом Лимпы, который проигрывал одно сражение за другим. Его запомнили как трагическую фигуру – самого неудачливого полководца своего времени. Его поражения привели его в опалу. Чтобы вернуть к себе доверие и очистить имя своей семьи, он назначил собственного сына полковым офицером в один из передовых отрядов. Теперь его очередная ошибка должна была бы означать гибель сына. Но этот ход не вернул ему доверие сограждан и не принес удачи: Адваке пришлось вести свою армию в ту самую битву, где Джилайси Аргнира выступил один против всех. Таливи, сын Адваки, пал в той битве – он был одним из тех, кто сражался с Джилайси, а затем умирал на руках Джилайси, одним из тех, кого Джилайси оплакал. Эту сцену изображали по-разному, и Хинта вдруг вспомнил, что однажды, несколько лет назад, Тави читал ему вслух какой-то рассказ, где описывалось, как Таливи меняется, умирая, как он сам плачет о себе и других, и принимает веру Джилайси, и обещает Джилайси, что будет с ним до конца. Хинте тогда этот рассказ не понравился – он нашел в нем что-то надрывное, чрезмерное, почти религиозное, и ему стало неприятно от всех этих вещей. Тави это почувствовал, и больше они не возвращались к фигуре Таливи. Но теперь Хинта обнаружил, что Таливи всегда был рядом – в Тави, в лице Тави, в движениях Тави – этот хрупкий юноша, который в последнюю минуту своей жизни отрекся от своего отца и от своей страны, принял другую веру, захотел чего-то невероятного, нового. А может быть, сердце Таливи вооб-

ще никогда не принадлежало его семье и его народу; может быть, вся его жизнь была поиском, поиском Джилайси Аргниры. Но в силу трагических причин они смогли встретиться только в битве, и только в битве смогли узнать друг друга, и только в битве смогли поговорить – два героя, оба не желавшие этой войны.

Словно во сне, Хинта наблюдал, как Тави медленно шагнул вперед, поднимая руку, протягивая ее к своему саркофагу. Сблизились два юных лица – мальчик из металла и мальчик из плоти и крови. Глаза изваяния были закрыты – тот, металлический Тави, спал вечным счастливым сном. А другой, живой Тави, смотрел на свое подобие снизу вверх широко раскрытыми глазами. Он встал на цыпочки, коснулся своего металлического лица – и вздрогнул, словно его ударило током. Но руки он не отнял, лишь осторожно, робко провел кончиками пальцев по глазам, щекам, губам. В этом жесте было слишком много ласки, и Хинта ощутил себя очень странно – будто он снова смотрел, как Ивара целуется с Амикой.

– Я не могу, – непослушным голосом произнес Хинта.

– А я могу? – чуть слышно спросил в ответ Тави. И они оба остались стоять на своих местах. Тави опустил руку и замер. Его плечи были на уровне пояса его саркофага. Он уже не смотрел на свое лицо. Он повернул голову в пол-оборота, закрыл глаза. Казалось, он к чему-то прислушивается, чего-то ждет.

– Этого не может быть. Ты не умер. – Но Хинта сам себе не верил. Его глаза видели то, что видели: живого мальчика, лицо которого было прекрасным подобием погребальной маски.

– Нет, я умер, – тихо ответил Тави. – Этот саркофаг – не пустой. В нем мой прах, мои иссохшие останки, мои обугленные кости. Не спрашивай меня, откуда я знаю. Я просто знаю. Я чувствую здесь свою душу, ее след. Я чувствую здесь свою смерть – как она пришла и ушла, взяв свое. Я призрак. Я всегда им был. Я беглец из легенд. Я всегда им был. Я персонаж. Я всегда им был. Я душа.

Хинту пробил ледяной озноб – ощущение было настолько сильным, словно он вмиг лишился кожи, и к его нервам приложили холодную сталь. Пот ручейками тек у него между лопаток. И при этом он ощутил что-то больше страха, больше неверия. Он знал, что ему отсюда уже не сбежать. Теперь это место было в нем, и слова друга были в нем, и два этих лица были в его памяти – запечатленные там навсегда так же ярко, как лицо его мертвого брата или как золотой лик Аджелика Рахна.

– Ты... – сказал Хинта. Тави медленно повернулся к нему, и теперь Хинта еще более ясно увидел их обоих – лицо живого Тави внизу и его копию над ним.

– Да, я, – глядя на Хинту, ответил Тави. – Ты что-то понял, да? Ты тоже это понял.

– Ты – фавана таграса, – пересохшим ртом произнес Хинта. – Вернувшийся из мертвых.

– Молодец. Да, я – фавана таграса.

Неожиданная улыбка осветила лицо Тави – словно что-то окончательно открылось в нем, прояснилось, расцвело. Признавая, объявляя себя мертвым, он лишь становился еще более живым, и румянец играл на его щеках.

– Я думал об этом с того момента, как мы посмотрели запись из памяти омара. Всю страшную ночь войны, все утро – я думал об этом. Я хотел заговорить с тобой об этом, когда мы были в доме Ливы. Но потом я понял, что рано. Нужно было прийти сюда, увидеть своими глазами, подтвердить. Теперь ты тоже это знаешь. Память омара дала нам все ключи, все ответы. Все было показано.

– Нет, – качнул головой Хинта. – Я ничего не понял, ничего не знаю. Я просто догадался, догадался, кто ты. Какая-то ясность пришла ко мне, и я догадался. Но я не понял, причем здесь память омара. Я ни о чем из этого не думал. Я слишком устал. Фавана таграса – те, кто возвращается, хотя должен был умереть. Ивара нам про них много рассказывал. Люди, которые вели себя как герои, но не давали ответа на вопрос, как остались в живых. Гости ковчега, гости Аджелика Рахна, спасенные, вернувшиеся. Но мы никогда не обсуждали то, что они могли умирать, а потом воскресать. До этого я всегда представлял себе это иначе, я думал, они просто находили место, где можно переждать холод и смерть, находили помощь против врагов. Но тут, глядя на тебя, я увидел другую возможность – возвращение через настоящую смерть. Хотя объяснить это невозможно.

– Это можно объяснить. Омар нам это объяснил.

Хинта, все еще не понимая, смотрел на него.

– Вспомни. Вспомни все, что омар говорил и показывал. Верни себе это. Ночь войны измотала тебя, и ты не можешь думать так же последовательно, как умел это прежде.

Хинта нахмурился, пытаясь сосредоточиться, но мысли не шли ему в голову – он был слишком потрясен, все еще не мог оторвать взгляда от двух лиц, которые были перед ним.

– Откуда берутся омары? – прямо спросил Тави.

– Они... – начал Хинта. И тут память начала к нему возвращаться. Он вспомнил, каким было первое воспоминание этого кежембер – он появился где-то в Акиджайсе, был выброшен в золотой скорлупке на конвейер смерти. И сотня других таких же выродков была выброшена на конвейер вместе с ним. Конвейер нес их к машине уничтожения. А они все кричали о том, что они убийцы.

– Вспомни легенду, ту первую сказку, которую рассказал нам Ивара. Аджелика Рахна помогли людям закончить Экватор, а потом ушли восвояси, но обещали, что будут искать способ победить смерть, дать всем нам второй шанс.

– Да.

– И вот этот шанс дан. Я стою перед тобой. Потому что у всех нас, или, по крайней мере, у некоторых – есть копии, запасные тела, готовые перенять наши души. Они живут где-то там, под землей, рождаются, растут. Я не знаю, для всех ли это душ, и что происходит с остальными. Но фавана таграса – это те, кто обрел свои вторые тела, те, чья душа переселилась. Это люди, которые умерли, а потом были возвращены откуда-то, где есть наши копии. И омары – это тоже люди, у которых были копии. Но омарами становятся те, кому Аджелика Рахна отказали в праве на вторую жизнь. Омары – убийцы, преступники, носители зла.

– Да, – сказал Хинта, – теперь я вспомнил. Омар говорил об этом, он все время говорил о том, кто он такой. Для него это было очень важно. Он говорил про вторую жизнь, говорил, что должен был убить, чтобы родиться... чтобы... – Его вдруг с новой силой бросило в жар и в холод. Его лицо исказилось ужасом.

– Я... Я хотел убить Круну.

Тави молчал.

– Ты меня спас, – со слезами на глазах сказал Хинта. – Спас меня от этого. В ту же минуту, когда бы я сделал это, я мог вылететь туда, на тот же конвейер, в золотой скорлупе.

– Не исключено, – тихо подтвердил Тави.

– Прости меня.

– Нет, не нужно, – сказал Тави. Но Хинта уже шагнул к нему, и они крепко обнялись. Тело друга показалось Хинте ужасно горячим, словно на месте сердца у того был огненный реактор.

– Ты горишь.

– Да?

– У тебя как будто жар.

– Но мне хорошо. И голова свежая, как никогда.

Хинта не стал больше об этом говорить.

– Ты знал? Ты уже тогда знал? Ты уже тогда понял, что будет, если я убью Круну?

Они расцепились, отстраняясь друг от друга. Хинте было тяжело дышать. Как никогда раньше, ему вдруг захотелось на волю, дышать полной грудью и под открытым небом, но не так, как омары, а оставаясь человеком – радуясь солнцу, обладая способностью творить, любить, жить.

– Я бы тебя остановил, даже если бы ничего не знал, – сказал Тави. – Людей нельзя убивать не потому, что ты из-за этого можешь превратиться в омара. Все ровно наоборот. Людей просто нельзя убивать. И именно поэтому те, кто создал ту моральную машину, решили, что одни получают вторую жизнь, а другие – нет. Но людей просто нельзя убивать. И так было всегда, до всех войн и катастроф. Я уверен, кто-то убивал даже в Золотой Век. Но если бы я был тогда и там, где это происходило, я бы попытался их всех остановить. Я бы попытался остановить и отговорить всех убийц, несмотря на то, что никаких омаров тогда не было.

– А ты помнишь? – спросил Хинта. – Помнишь, как ты вернулся, или... как умер? Хоть что-нибудь?

От его вопроса в Тави что-то изменилось, словно из него ушла часть той бурной энергии, того запала, с которым он до этого говорил.

– Я не знаю. Я был слишком маленьким. Все кажется очень неясным. У меня есть чувство, странное чувство, будто я начинаю вспоминать, как оно там внутри – в том месте, откуда выходят фавана таграса. Но мне нужно время. И что-то еще. Возможно, что-то конкретное, но я не знаю, что. Поэтому я хотел открыть дарохранительницы. Но я боюсь.

– Ты, наверное, боялся и сюда прийти. Но ты пришел.

Тави слабо улыбнулся.

– Послушай, – произнес Хинта, – это очень странно, но я должен тебе это сказать. Ты – Тави. Ты умер. Ты фавана таграса. Но ты все еще Тави. У меня нет чувства, что моего друга украли, что его подменили. Возможно, твоя мать это чувствовала. Но я этого не чувствую. Я не знал никакого другого Тави. Я не знал того, кто умер. Я не знал твое первое тело. Мой лучший друг именно ты, откуда бы ты ни взялся, как бы ты ни произошел на свет.

Голос Хинты сломался.

– Я знаю тебя, – сказал он. – Ты Тави. А теперь, попробуй это открыть. Оно ведь еще может не открыться. Тогда все отложится.

– Да, оно может не открыться, – согласился Тави. – Но в любом случае, спасибо тебе. За слова и за все.

Он снова повернулся к саркофагам. Хинта ободряюще положил ему руку на плечо.

Дарохранительницы под саркофагами верхнего яруса были сделаны из зеленой яшмы. Полированный камень матово блестел в мертво-ярком свете. Биометрические замки были утоплены в малозаметные углубления. Тави не решился начать со своей дарохранительницы и первой открыл дарохранительницу своего отца – вложил палец в углубление, вздрогнул, когда невидимая игла царапнула его кожу. Несколько мгновений ничего не происходило, а потом в стене под саркофагами сработала невидимая автоматика, и каменный ящик беззвучно поплыл вперед, открывая свое внутреннее пространство.

Дарохранительница была почти пуста. На дне ее стояли маленькие статуэтки – в том числе композиция, на которой была изображена вся прежняя семья Тави: маленький Тави сидел на плечах у отца, а Эрника стояла рядом и держала мужа за руку – крошечные счастливые пластиковые лица. Еще здесь были какие-то украшения, талисманы, непонятная механическая деталь. Среди прочих мелочей Хинта заметил сушеный комочек фрата – возможно, его оставила Эрника, как знак своей профессии, или поддержки мужа, или своего будущего, или чего-то еще. Глядя на россыпь утративших свой смысл предметов, Тави тихо и жалобно вздохнул, потом пошарил по карманам и достал небольшой обломок пластика.

– Что это? – спросил Хинта.

– Обломок моего терминала. Я взял его вчера вечером, когда Инка разбирала наши терминалы и восстанавливала их память. Я взял его, потому что это последняя моя вещь. Понимаешь? Все вокруг, все, что на мне, все, что на тебе, все, что мы можем взять здесь в руки – оно не наше. А этот обломок, он мой, я спас его из Шарту. И я взял его потому, что уже тогда, наверное, знал, что пойду сюда.

Бережно, словно реликвию, Тави опустил свой скромный дар среди других мелочей.

– Все, что я могу дать, отец. Но если ты можешь это чувствовать, то знай, что я пришел сюда, пришел к тебе. Ты, должно быть, любил меня. А я тебя почти не помню. Это несправедливо.

Еще мгновение ребята смотрели на расстановку маленьких предметов, а потом Тави мягко нажал на дарохранительницу, и она уплыла обратно в свою ячейку, закрылась. Тави перевел дыхание, сделал шаг в

сторону и положил палец в биометрический идентификатор своей собственной дарохранильницы. «Не откроется, – ясно подумал Хинта, – где это видано, чтобы сам умерший открывал свою дарохранильницу? Система увидит ошибку. Возможно даже, что кого-то вызовут, кто-то придет сюда, какая-то охрана, чтобы узнать, кто мы». Но ни одна из этих мгновенных мыслей Хинты не сбылась. Как и в первый раз, все сработало тихо и четко – дарохранильница подалась вперед и вышла из стены, открывая взору мальчиков свое содержимое.

Хинта ожидал, что здесь вещей будет больше. Обычно умершим детям клали много всего – их любимые игрушки, те же семейные статуэтки, фигурки их любимых героев, детскую одежду, портативные терминалы с воспоминаниями, билеты от ламов, наборы для рисования и лепки, и еще сотню разных мелочей. Хинта видел все это в колумбарии Шарту, когда они зашли туда после землетрясения: все эти маленькие ценности тогда высыпались из разбитых дарохранильниц. Но, к удивлению Хинты, здесь было почти пусто. В этой пустоте одиноко и торжественно лежал один-единственный предмет – маленькая металлическая коробочка. Хинта узнал эту коробочку, хотя видел ее лишь раз в жизни, и, узнав, вздрогнул и отступил назад в порыве суеверного страха. Это был футляр Вечного Компаса. Именно там, под этой стальной поверхностью, был центр абсолютной тяжести, сдавливавший собой скалы, разрывавший ткань реальности, делавший все вокруг таким странным, ненастоящим. Это отсюда шел тот пугающий поток энергии, который Хинта ощутил, когда они только пришли сюда. Это отсюда излучалась страшная ясность, это здесь заключалась бескрайняя мощь.

– Ты слышишь? – едва слышно спросил Тави. – Голоса. Я различил их, когда трогал свой саркофаг. Но я думал, мне кажется. А теперь они звучат громче.

– Нет, – ответил Хинта. Но он сразу понял, что говорит полуправду. Он не слышал, но чувствовал. Они с Тави были здесь не одни. Сквозь скалы и саркофаги, сквозь воздух и плоть, со всех сторон к ним кто-то шел. Хинта обернулся, пытаясь поймать это движение, и увидел позади себя силуэт. Он шарахнулся в сторону, а потом узнал эту фигуру. Это был Двана – белый, словно сотканный из света одинокой лампы.

– Тави, – жалобно позвал Хинта.

– Я тоже его вижу, – сказал Тави.

«С благодарностью возвращаю вам ваш дар, – подумал Хинта, – спасибо. Я встретил папу и маму. Компас мне больше не нужен». А потом Хинта понял, что это не его мысль. Призрачная фигура словно бы ударила его, ударила изнутри. Хинта зажмурился, закрыл голову рука-

ми, скорчился и упал. Но еще несколько мгновений он продолжал ощущать, как духи собираются вокруг в огромный сонм. За Дваной, сквозь Двану, сквозь стены, искажая свет и тени, проступали они. Мертвые шли к Тави, шли к компасу, пели и шептали. А Тави, склонив голову, стоял у своей открытой дарохранительницы, около своего собственного саркофага, стоял и слушал, как с ним говорят. В этот момент он словно забыл о Хинте, ушел куда-то еще. Мертвые увели его. Его тело осталось здесь, а душа пропала, устремилась светлой нитью в другие пределы, к золоту за камнями, к звездам за пустотой космоса.

– Хинта, Хинта, очнись, – звал кто-то.

Хинта открыл глаза и увидел, что это Тави трясет его. Они находились там же, но дарохранительница была закрыта, а компас был у Тави в руках.

– Прости, я не знал, что делать. Не видел, как ты упал. Я словно...

Хинта сел на полу, отряхнул руки от пыли. Он чувствовал себя очень странно – и самым странным было то, что с ним как будто ничего и не произошло.

– Я в порядке, – сказал он.

– Хорошо, – улыбнулся Тави.

– Но меня злит, что я стал так часто падать, когда ты остаешься на ногах.

В глазах Тави вдруг блеснули слезы. И Хинта сразу тоже заплакал. Он сидел на полу, а Тави, стоя на коленях рядом с ним, обнимал его. Хинта чувствовал, как коробочка с компасом вдавливается ему под лопатку.

– Они говорили, – сквозь слезы произнес Тави. – Они показывали. И всего было слишком много. Я не знал, что так будет, не знал, что на молитвы можно получить ответ. Я думал, мы идем сюда лишь для проформы, просто чтобы увидеть мое погребение, или что его нет. Представь, что здесь был бы лишь саркофаг моего отца. Представь, что здесь не было бы меня.

– Все в порядке. Ты расскажешь, что они тебе говорили?

– Я постараюсь, – обещал Тави. А потом они услышали шаги, поспешно встали на ноги и стали отряхиваться от каменной пыли, которая была здесь повсюду. Тави спрятал компас.

– Долго вы, – сказал Лива. Мальчики вышли ему навстречу.

– Так получилось, – ответил Тави.

– Нет, это хорошо. Ведь ты впервые в жизни пришел к отцу.

– Да, – сказал Тави. И Хинта вдруг окончательно понял, что они никогда не будут говорить с Ливой и Инкой о некоторых вещах. Погребение Тави и то, что Тави фавана таграса – все это было только для них, это была их тайна, тайна их закрытого клуба, в который Лива не входил.

Глава 15

СВЕРГНУТЫЕ ГИГАНТЫ

Час спустя кортеж Ливы пересек границу квартала Лапула. Хинта, не отрываясь, смотрел в окно. Раньше он делал это потому, что город очаровывал его своей новизной и огромностью. Теперь это очарование прошло. Многое уже казалось знакомым; почти все дома, купола, аграрные зоны, промышленные районы повторяли друг друга. Здесь можно было заскучать от стекла и камня так же сильно, как в Шарту от красных скал и жухло-зеленой дали фратовых полей. Но в Шарту Хинта вырос – там он знал имена всем вещам, знал людей, видел детали, понимал, как устроен тот мирок. А здесь был чужой для него простор, и от этого он испытывал лишь еще большую скуку и тоску. Он смотрел в окно, чтобы молчать. Тави тоже смотрел в окно. Так они могли скрыться, уйти от внимания Ливы, от разговора о тех вещах, которые сейчас волновали их больше всего.

– Как же я хочу снова увидеть Ивару, – подумал вслух Хинта.

– Да, больше всего, – согласился Тави.

– Мы почти приехали, – объявил в ответ Лива. Впереди, за крышами домов, блеснула водяная гладь.

– Море? – заинтересовался Тави.

– Залив Илинвайта.

– А цунами? – спросил Хинта. – Разве их здесь не бывает?

– Бывают. Но там под водой, в километрах от берега, стоят специальные волноломы. Цунами разбивается о них, как о ряд ножей. Городу грозит лишь подъем уровня воды в заливе. Дамбы и набережная всегда выдерживают этот подъем. После землетрясений здесь часто собираются зеваки – смотрят, как вдали идет и падает огромная волна. Это бывает очень красиво. Я наблюдал такое один раз, еще в молодости.

Эстакада, по которой ехал их кортеж, сделала петлю, пробежала сквозь развязку и устремилась вдоль берега залива. Хинта увидел порт и ряды грузовых кораблей. Потом кортеж свернул на боковую магистраль и начал спускаться вниз, в проем между махинами многоярусных теплиц. Сверху надвинулась арка портала, закружились снежинки – машины проехали через температурный шлюз и начали петлять по этажам огромной парковки в поисках наилучшего места.

– А вот и наши поклонники, – заметил кого-то Лива. – Сейчас будет жарко.

Хинта не сразу его понял, но потом увидел, как между рядов припаркованных машин бежит какой-то человек. Лица его не было видно, потому что тот был в шлеме, напоминающем шлемы виртуальной реальности. Над его головой, сверкая объективами, крутилась установка камеры.

– Нас снимают?

– Да. И это только начало. Готовьтесь, будет тяжело: толпа, крики, толкотня... Но моя охрана нас вытащит. Они это умеют.

Человек со шлемом отстал. Кортеж свернул на объездную линию и с нее начал подниматься на следующий этаж. Наперерез ему, рискуя попасть под колеса, ринулись новые люди. Половина из них была как тот, первый – с крутящимися шутовинами на головах, другие несли в руках какое-то оборудование. Воздух запестрел движением; Хинта увидел крошечные дроны, которые кружили над толпой и над кортежем, чудом уворачиваясь от ламп и колонн.

– Натапума бурлит, – наблюдая за всем этим хаосом, произнес Тави.

Какая-то женщина не успела проскочить, и автомобиль задел ее по бедру. Она упала, камера полетела на камень парковки. Остальные это снимали. А кортеж все ехал, лавируя между кучками журналистов, другими машинами, колоннами и техническими приспособлениями огромной стоянки.

– Кажется, они отстали, – сказал Лива. – Лишние круги всегда помогают.

– И что дальше? – спросил Хинта.

– Придется очень быстро идти или даже бежать, чтобы толпа не навалилась. Главное, не волнуйтесь, сохраняйте спокойствие, даже если вокруг начнется настоящая драка. Не отвечайте на вопросы, не смотрите на журналистов – им только это и нужно: поймать ваш взгляд в камеру. Отворачивайтесь от всех и целеустремленно идите вслед за мной. Я должен быть немного впереди вас. Один охранник – ведущий – побежит

впереди меня. Остальная группа охраны пойдет полуколом за вами. Если удержим такое построение, все будет гладко и хорошо.

Мальчики поднялись и вместе с Ливой встали у выхода из салона автомобиля. Обернувшись, Хинта увидел вдалеке за окнами дронов – три крошечные тени, летящие под потолком. Потом двери открылись, и они ринулись вперед. Машины кортежа тормозили вокруг, выстраиваясь в подобие крепости, охрана выскакивала наружу и бежала со всех сторон. Это был целый план, операция. Хинта слышал жужжание дронов, гул голосов, чей-то вопросительный окрик, и на мгновение в нем вспыхнуло страшное давящее чувство, что они снова в Шарту, что их снова расстреливают. Но не было ни вспышек, ни грохота выстрелов – только люди и дроны с камерами, за каждой из которых – тысяча взглядов, ужатых в один электронный зрачок.

В первые секунды все было хорошо. Они быстро шли между серых колонн парковки. Толпу было слышно, но она осталась где-то сзади и сбоку, наткнулась на хитро расставленные машины кортежа, распалась на части. Самых резвых операторов охрана перехватила и заставила долгим путем бежать вокруг. Хинта видел впереди спину Ливы и, чуть дальше, ведущего охранника, который все время менял направление, оборачивался и делал какие-то знаки. Это был крупный мужчина, но он бежал быстрее всех, каким-то танцующим шагом. Они достигли лифтов, где им пришлось остановиться – кабины не было на этаже. Ведущий охранник вызвал лифт. Они прижались к самым дверям, остальные охранники обступили их полуколом. В этот момент толпа их и догнала.

– Не оборачивайтесь, – сказал Лива. – Смотрите на дверь лифта. Идите внутрь, как только она откроется.

Хинта вжал голову в плечи. Прямо у себя за спиной он услышал крики, вопросы – все перебивали друг друга, накладывались.

– «Джилликон Сомос» использовала собственные подразделения?

– Кто эти мальчики? Они родственники? Беженцы? Почему они идут на встречу с Иварой Румпой?

– Каково состояние Ивары?

– Его ранили повстанцы или корпоративные солдаты?

– Он умирает?

– Он даст интервью?

– Это ваши приемные дети? Вы взяли их после смерти сына?

– «Джилликон Сомос» намерена выращивать фрат за чертой Экватора?

– Правда ли, что бой шел с применением тяжелой техники?

- Где Ивара Румпа был эти четыре года, что он делал?
- Когда будет погребение Амики Нойфа? Тела уже в городе?
- Вы ответите хоть на один вопрос?
- Бой еще идет?
- Сколько солдат погибло во время этой операции?
- Ивара Румпа был в заложниках?

Весь этот гам перекрывался оглушительными окриками охранников.

– Без комментариев! Отойти! Отойти назад! Комментарии не будет! Ждите пресс-конференции! Отойти назад!

Хинте что-то больно ткнулось в плечо – какой-то прибор на длинной палке; возможно, один из операторов попытался сунуть свою камеру прямо в лица мальчиков. Сразу вслед за этим раздался глухой удар и вопль. Палка исчезла, началась драка. Охранник бил самого дерзкого из журналистов. Толпа со вздохом возмущения откатилась назад. Какой-то из дронов потерял управление и врезался в стену. Детали хитрой игрушки легкими блестящими осколками брызнули в разные стороны. Потом двери лифта открылись, мальчики, Лива и часть охранников зашла внутрь. Сразу стало тихо. Вся сцена, начиная с маневров кортежа и заканчивая дракой, продолжалась не более трех минут. Все тяжело дышали. Лифт стремительно и ровно поднимался вверх.

– Все молодцы, – устало сказал Лива.

– Спасибо, босс, обычное дело, – ответил один из охранников.

– Потеснитесь, парни. Отсюда, должно быть, отличный вид. Хочу, чтобы дети посмотрели.

Его амбалы послушно расступились в стороны, и Хинта увидел, что стены лифта сделаны из стекла, а едет он не внутри, а снаружи здания. Подземная парковка осталась далеко внизу. Вокруг было небо. Залив расстился до горизонта, а все побережье было застроено сверкающими ажурными теплицами. Сквозь прозрачные крыши виднелись зеленые кущи плодовых плантаций.

– Сейчас узнаем, что нас ждет в холле больницы, – сказал Лива. – Там должно быть меньше людей, и журналисты наверху более вменяемые. Туда пускают только тех, у кого есть аккредитация.

Они снова пошли вперед, сохраняя построение. Холл был маленьким, но журналистов в нем оказалось достаточно. Они рванули за охранниками. Кто-то опять задавал вопросы, но того иступленного напора, с которым шла битва внизу, здесь уже не было, и после обещания пресс-конференции почти все преследователи отстали и разошлись в стороны.

– Ивара Румпа будет на конференции? – задал кто-то свой последний вопрос.

– Надеюсь, что да, – сказал Лива. Это был единственный раз, когда он счел необходимым ответить. Хинта заметил, что здесь журналистов останавливала еще и больничная охрана – люди в аккуратных светлых костюмах с нашивками.

Через турникеты они прошли к ресепшену. Возникла небольшая заминка, затем кого-то вызвали. Дальше они шли уже в сопровождении проводника. Две трети охранников Лива отпустил, и те остались ждать позади. Начались коридоры самой больницы, просторные и светлые, с окнами, выходящими к заливу или на улицы города. А потом, к огромной радости мальчиков, они вошли в палату, где был Ивара. Уже одетый – на нем был простой серый костюм – он стоял у окна и смотрел на далекие корабли. Выглядел он здоровым, только бледным и каким-то изменившимся.

– Тави, Хинта, – оборачиваясь, приветствовал он, а затем перевел взгляд на Ливу, – друг.

Тави бросился к нему, но Ивара остановил его жестом.

– Осторожнее. На мне заживающий шрам. – Это почему-то прозвучало так, словно он говорил не о ране на теле. – Там, под одеждой, клейкая повязка и стягивающий бандаж. Свободно двигаться я пока не могу. Вечером понадобится еще одна перевязка. Но я не хочу ждать здесь. Прошли сутки с тех пор, как мы в Литтаплампе – это уже слишком долго. Мне нужно все взять под контроль. Нужен план. А как вы? Лива хорошо о вас позаботился?

– Да, – сказал Хинта, – очень.

– Спасибо, – поблагодарил Ливу Ивара.

– Я все видел, – ответил тот. – Инка восстановила ваши терминалы. Ты сможешь дать интервью?

– Нет.

– «Нет» в смысле «позже»? Потому что ты еще не окреп?

– Да, я еще не окреп. Но дело не в этом. – До этого Ивара говорил с деловым напором, даже с радостью, но тут его голос дрогнул, в нем зазвучала какая-то новая, тревожная нота. – Я не могу дать интервью, потому что не знаю ответов на половину тех вопросов, которые мне могут задать. Спасибо за те вещи, что ты мне прислал. Я смотрел новости, думал и проверял, связался с несколькими людьми... Моя жизнь больше не сходится в единую картину. Из нее пропало несколько лет. Я чего-то не помню; со мной что-то случилось. Теперь это ясно.

– Но как? Что пропало?

– Два или три года. В Шарту я был самым собой. Я помню все те месяцы, которые я там жил и работал. Еще я помню, как поехал в Шарту. Помню последнюю квартиру, которую снял до Шарту, где жил под чужим именем, помню планы, сборы, помню, как готовился к поездке. То есть, я помню последние полгода, в лучшем случае, девять месяцев. Но до этого... пустота.

– Твоя болезнь?

– Моя болезнь заставляет меня забывать о еде, я теряю маленькие нужные вещи, и прочее, и прочее. Это не она. Это что-то другое.

– И ты заметил этот провал только сейчас? – спросил Хинта.

– Странно, но да. Я искал погибших друзей, искал ковчег. Вокруг двух этих линий выстроилось все внимание, которое я проявлял к жизни, и мне казалось, что все сходится, сходится в единую надежную картину. Я был самым собой, был в должной мере уверен, кто я и чем я занят. А теперь время моей жизни распалось.

– Но что изменилось? – спросил Тави. – Как ты это заметил?

– Я никогда не занимался исследованиями в колумбарии Литта-плампа. А в новостях прочел, что это было.

Хинта вдруг ощутил легкий озноб и холод нереальности – эти неприятные ощущения становились навязчивыми, словно все вокруг с каждым часом распадалось. Светило солнце, комната сверкала чистотой, приборы тихо отсчитывали свои показания. Но здесь, как и внизу, в пещерах, все было сдвинуто и нарушено, и призраки прятались за лучами солнца.

– Даже я помню, как ты это делал, – сказал Лива.

– Подожди. Вот что я помню. Мы с тобой в последний раз встретились в твоём загородном доме в Турша, когда отмечали два года с исчезновения Амики и остальных. Грустный день. Кроме нас, там были в основном скорбящие женщины – Инка, Палари и...

– Нет, – возразил Лива, – мы встречались с тобой на конференции в Кафтале, через несколько месяцев после того дня, о котором ты сейчас говоришь. Ты выглядел просветленным. Я начал верить, что ты найдешь в себе новые силы жить, оставишь свои поиски. В те дни твоя жизнь казалась мне слишком ужасной, и я хотел спасти человека, если нельзя было спасти ученого.

Ивара улыбнулся.

– Глупо было на такое надеяться, – мягко сказал он. – Я бы никогда не оставил эти поиски.

– Потом ты пропал, перестал выходить на связь. Мы с Инкой ездили к тебе на квартиру. Там была эта женщина, как ее...

– Сула?

– Да, кажется, она. Та, которая бесплатно за тобой ухаживала, пока ты готовил ее сына к экзаменам.

– Ее я хорошо помню. Но мое общение с ней началось задолго до провала.

– Она сказала, что ты уехал, и посоветовала нам тебя не искать. Это был очень странный разговор. Она вела себя немного безумно и была будто убита горем. Еще она сказала, что ты отдал ей свою квартиру. Мы не поверили, но она показала дарственную и другие документы.

– Вот. Где-то здесь точка обрыва. Я помню, что хотел так сделать, если буду уезжать навсегда. Но я не помню, как сделал это, не помню, как прощался с ней или составлял документы. И конференцию я тоже не помню.

– И ты не видел, как вышла твоя последняя книга? Та, в предисловии к которой ты был упомянут как пропавший без вести, как мертвец?

– Не помню. А ведь это невозможно. Где бы я ни прятался, я бы узнал о выходе собственной книги. Я могу представить ситуацию, в которой я бы продолжал после этого скрываться и не отправил никому ни весточки. Но даже если все так и было, то почему я не помню это время? Почему не помню этих решений? Почему не помню свою книгу?

– Я не знаю.

– Я не дам интервью, – твердо повторил Ивара. – Я не могу отвечать на вопросы, если упустил так много. Квандра не должен знать, что в моей биографии для меня самого потеряны годы. Там могло быть что угодно, и там точно было что-то очень важное, потому что в моей жизни еще не было неважных времен. Я тогда что-то нашел, что-то узнал, с кем-то говорил.

– Какая-то травма могла привести к такой потере памяти.

– Да, но у меня не было ни одной серьезной травмы головы. Я уже проверил эту версию. Мне сделали кучу снимков, составили трехмерный макет мозга. Я здоров, даже слишком здоров для человека моих лет. Хару – мой единственный хронический недуг.

В дверь постучали.

– Да, – разрешил Лива. Появилась голова охранника.

– Наше прибытие появилось в сети. Через четверть часа толпа журналистов станет в два раза больше. Мы не могли бы...

– Подожди, – оборвал его Лива. Охранник исчез.

– Нет, – сказал Ивара, – он прав. Нет смысла продолжать этот разговор здесь. Давай поедem к тебе.

– Да, верно, – очнулся Лива. – Просто твои слова сбили меня с толку. Я хотел другого, хотел, чтобы ты вышел к людям – великолепный, как когда-то, победивший, исполнивший свои обещания, вернувшийся в славе. Ивара, ты не представляешь, какая сейчас ситуация. Квандра безумствовал в последние годы. Он всех запугал, его никто не любит. Ты мог бы... – Но Лива сам себя оборвал. – Ладно, идем.

– Интервью может подождать, – сказал Ивара, уже когда они были в больничном коридоре. Хинта чувствовал, что Тави опять куда-то ушел, о чем-то задумался.

– Если бы я знал, что ты не станешь его давать, то не стал бы приезжать сюда таким образом. Все можно было сделать тише. А теперь нам будет непросто. Толпа хочет, чтобы ей бросили подачку.

– Твой кортеж стоит на том же месте, где ты его оставил?

– Да, а что?

– Помнишь, как вы с Инкой сбежали со свадебной церемонии?

Лива усмехнулся.

– Да, это точно ты. Я тебя узнаю.

– Не пойдем к кортежу. Пусть тот будет приманкой. Все будут ждать нас там. А мы возьмем такси и уедем с черного хода.

– Нам так сделать? – спросил охранник. Лива подтвердил, а потом наклонился к Иваре и тихо произнес: – Исчезать становится твоей дурной привычкой. Будь осторожен, однажды ты можешь исчезнуть совсем.

– Но я ведь возвращаюсь, – тоже негромко откликнулся Ивара.

Они не пошли через холл и втиснулись в грузовой лифт рядом с двумя пустыми робокаталками, которые начали недовольно пищать на людей. В кабине не было окон, царила неприятная полутьма. Звуки, издаваемые каталками, напоминали ту музыку, которую Ашайта играл с помощью Иджи, и у Хинты защемило сердце. Раньше он уже ощущал себя потерявшимся, но сейчас вдруг почувствовал нечто более мрачное: ему показалось, что все они потерялись, сбились с пути; и Ивара, давно забывший что-то важное, давно утративший свою власть, давно продавший свою квартиру, тоже был в этом городе чужим и беззащитным. Все было неправильно, все было сломано. Даже Вечный Компас, который когда-то восхищал и радовал, теперь стал страшным, превратился в открытый портал, сквозь который постоянно веяло дыханием мертвых.

Взрослые молчали. В полутьме Хинта заметил, что Тави смотрит прямо на него. И вдруг что-то изменилось. Кто-то пришел. По щекам Хинты побежали слезы. Ашайта был здесь. Каталки вовсе не ругались на тесноту – нет, они пели, пели настоящую песню, потому что мальчик-призрак играл с ними в свою игру.

– Брат, – чуть слышно вздохнул Хинта. Ему вдруг вспомнилось, как он ощущал Ашайту через Аджелика Рахна. И вот теперь тот пришел через компас, через Тави. И сразу все преобразилось: ветер из мира мертвых стал приятным и ласковым, а мир живых показался прекрасным даже в затхлой тесноте технического лифта, среди спин и костюмов.

– Что происходит? – спросил Ивара.

– О чем ты? – не понял Лива. Тави посмотрел на учителя и медленно качнул головой – знак, который сейчас означал, что нужно молчать.

– В этих лифтах порой трясет, – пробормотал медик, служивший им проводником. – Пациентов здесь не возят. Только робо и персонал в крайних случаях.

Хинта закрыл глаза и ощутил теплое прикосновение на своем лице – брат вытирал ему слезы, почти так же, как он сам когда-то вытирал слезы брату. А потом это закончилось. Двери лифта открылись. За ними был простор подземного гаража, но не того, где остался кортеж, а того, в котором обслуживались машины литтаплампской службы спасения. Это было сложное техническое помещение с ярусами и накатами, по которым во всех направлениях катились разные робо – каталки и уборщики, самодвижущиеся реанимационные комплексы и автоматы для дозаправки автомобилей. Пол был зеленым и гладким, разлинованным желто-красными направляющими маркерами. Царила суeta – две группы медиков работали с вновь прибывшими пациентами в разных концах помещения. Лива, Ивара, Хинта и Тави, окруженные кольцом охранников, начали спускаться вниз по лабиринту из пандусов. Но тут случилось то, чего никто не ожидал.

– Стой, – закричал кто-то вдалеке, – сюда нельзя, это служебная зона. Держи его!

Откуда идет голос, не было видно. Мгновение спустя из-за машин выскочил какой-то оборванец. Он был в грязном полускафандре и напоминал тех нищих, которых Хинта видел в трущобном городе на дальних окраинах Литтаплампа. Кто-то из медиков-мужчин попытался его поймать, но незнакомец оказался вертким и невероятно ловким: он вырвался, лягнул того ногой, прыгнул, зацепился за ограждение пандуса и в зазор между прутьями вытянул свое гибкое тело наверх. Потом он вскочил и снова побежал. Он направлялся прямо к Ливе и Иваре. Лива шарахнулся назад, а его охрана кинулась наперерез источнику угрозы.

– Ты видел золотой свет! – вопил оборванец. – Ты прошел дальше всех, и ты вернулся!

Его хриплый голос, усиленный динамиками скафандра, эхом разносясь по всему помещению. Потом все случилось за считанные секунды.

Человек перепрыгнул через заграждение очередного пандуса, сшибся с первым из охранников, повалил того на пол, вскочил, попытался двинуться дальше, но был схвачен еще двумя. Его потащили назад – по-дальше от Ливы, Ивары и мальчиков.

– Я вестник! – повисая на руках охранников, крикнул незнакомец.
– Я тоже ищу! Пусть сияет золотой свет! Ты наш пророк! Приди! Вернись! Мы любим тебя! За золотой свет!

Из-за машин выскочила больничная охрана. Один из этих новых охранников выстрелил бьющемуся незнакомцу в спину, и тот сразу обмяк. Охранники Ливы сбросили его на руки охранников больницы.

– Его убили? – испуганно спросил Тави.

– Усыпили, – ответил Лива. Когда вырубившегося парня потащили назад, Хинта увидел, что у того из поясицы, пониже кислородных баллонов, торчат две маленькие серебристые стрелки – дротики с транквилизатором.

Откуда-то появился проводник.

– Я извиняюсь, – залепетал он, – это обычный наркоман, они порой забираются сюда. Больница просит прощения у таких важных клиентов за этот инцидент.

– Ничего страшного не случилось, – ответил Лива. – Вам не за что извиняться, это мы нарушаем ваш распорядок.

Ивара молчал и странным взглядом смотрел вслед поверженному незнакомцу.

– Я даже не увидел его лица, – сказал Хинта.

– У него на лбу было что-то нарисовано красным, – тихо ответил Тави. – Пятно или знак.

Он оглянулся на Ивару. Но теперь Ивара вернул ему жест из лифта – чуть заметно качнул головой, отказываясь говорить. Через пять минут, когда они уже расселись в салоне роскошного такси, он напряженно посмотрел на Ливу.

– Вот почему я не могу давать интервью. Вот из-за таких вещей.

– Ты думаешь, этот парень кричал тебе? – озадаченно спросил Лива. – Но кто он?

– Я не знаю. Я ни в чем не уверен. Мне или не мне – откуда мне знать, если я не помню два года своей жизни? Что я делал? С кем был знаком? У кого прятался?

– Я могу сделать так, чтобы его серьезно допросили.

– Нет. Ни в коем случае. Пожалуйста, не интересуйся им. Пусть расплачивается только за незаконное проникновение в больницу, пусть его задержат на несколько часов или дней, промурыжат, оштрафуют и

отпустят. Я не чувствовал в нем угрозы, но и не уверен, что он мой друг. Мне придется вести себя так, будто я знаю, кто он, но не стремлюсь с ним говорить. И так же я буду вести себя с любым другим, кто сейчас на- помнит мне о чем-то, чего я не помню.

– Ладно, – почти сердито сказал Лива. – Но как же это...

– Что? Ломает твои планы?

– Да. И не только мои. Подумай о своих планах. Ты мог бы вернуть себе влияние. Разве не за этим ты здесь? И момент...

– Я не ищу власти. И уж точно я здесь не ради реванша над братом или новой битвы с ним, не ради новых судов и споров, не ради шумихи в прессе, не ради интриг.

– А ради чего? – съехидничал Лива. – Уж расскажи мне.

– Ради Аджелика Рахна. Потому что он – цель, а не средство. Ради наших с тобой мертвых друзей, потому что те заслуживают памяти и погребения. И ради моих живых друзей, Тави и Хинты, потому что те заслуживают жизни, а в Шарту нас всех ждала только смерть.

Тави как-то особенно улыбнулся. А Хинта подумал, что Ивара может быть нестерпимо строгим. Никогда он не говорил с ними двоими так, как он сейчас говорил с Ливой. И Лива – этот взрослый человек с измученным сердцем, благими намерениями, великолепным умом, большой властью и огромными деньгами – умолк, не в силах продолжать разговор. Но на его лице остался отпечаток обиды и протеста. Видимо, он все еще думал, что Ивара должен вести себя по-другому, делать другие вещи, заботиться о своем социальном статусе, должен шуметь и бурлить вместе с Натапумой, хвататься за текущий момент и конвертировать то мимолетное внимание, которое сейчас к нему приковано, в некую иную, более надежную и стабильную валюту – в известность, в положение. Разве не об этом сам Ивара говорил позавчера, когда они еще были в Шарту? Но Хинта знал по опыту прежних месяцев, что его друзья обладают способностью за один час переворачивать в своем уме всю картину мироздания. Что-то изменилось; Ивара что-то придумал, чего-то ждал, у него уже были другие планы.

– И как ты намерен вернуть себе память? – спросил Лива.

– Я вижу только один способ. Мои исследования. Если я восстановлю то, над чем работал в эти годы, то восстановлю сами эти годы. У меня предчувствие, что ради этого не придется никуда сворачивать. Нам с ребятами нужно совсем немного времени, чтобы додумать то, над чем мы уже думали в Шарту. Когда мы восстановим всю картину истории и мироустройства, я тут же найду свои потерянные годы.

– Я внимательно слушал мальчиков и видел запись. Это бескрайнее поле. Тебе понадобится сначала вернуть свой социальный статус, потом набрать персонал. И только во главе целой лаборатории ты это закончишь.

– Нет. Аджелика Рахна – это лучшая лаборатория во вселенной и живой исторический архив. Если нам что-то и нужно, то это воскресить его.

– Я не уверен, что Инка сможет с этим справиться.

– А я не уверен, что ее помощь здесь нужна. Мне кажется, его тело не восстановить руками человеческих мастеров. Но если дать ему возможность, он сделает это сам.

– Тебе кажется?

– Ты же слышал его голос?

– Да. Сводящий с ума поток знаний. Он потряс меня. Но все оборвалось. Послушай, Ивара, Аджелика Рахна показывал вселенную. Потом он стал показывать Землю. Но он не закончил, не успел. Окончательный смысл не был обретен.

– Но разве у Вас не осталось чувства, что Вы что-то поняли, узнали две трети будущего пути? – спросил Хинта.

– Да, но это история без последней главы.

– Ивара восстанавливал по крохам куда более путанные вещи, – сказал Тави.

– Мы восстанавливали, – поправил его Ивара. – Мы делали это вместе. И да, нам осталось совсем немного.

Лива закрыл лицо руками и тяжело вздохнул. Хинте показалось, что это конец – конец спора и, возможно, дружбы между Иварой и Ливой. Но внезапно Лива заговорил в совершенно другом тоне.

– Когда Аджелика Рахна рядом, Инка слышит нашего сына. Я тоже слышал его несколько раз. Но я не понимаю, не понимаю, как это работает! И главное: зачем это? Ведь никто не возвращается из мертвых!

Тави и Хинта переглянулись. Ивара заметил их реакцию, потом перевел встревоженный взгляд на своего старого товарища. А Лива, ослепший, разбитый, продолжал говорить.

– Зачем оно проникает в наши мысли, зачем обретает его голос, зачем дает такие обещания? В этом нет смысла. И все же это не ложь, потому что золотые вещи не умеют лгать. Но в этом нет смысла. Это только ранит.

– Лива, – тихо окликнул Ивара, – ты говоришь про Итаку? Говоришь, что Аджелика Рахна обрел его голос?

– Да, и нет. Он не говорит сам, он вообще ничего не произносит. Но это такое ощущение... Словно сын рядом.

– Итака умер? – упавшим голосом спросил Ивара.

– Ты не знал? – поразился Лива. – А, ну конечно.

– Прости меня, – почти с ужасом попросил Ивара. – Я слишком увлекся, слишком ушел в свои дела. И ни разу не спросил тебя, как твои дела. Даже не посмотрел новости, связанные с твоей семьей.

Потом они заговорили о катастрофе на полигоне «Джиликон Сомос», а когда эта тема была исчерпана, машина такси уже поднималась вверх на элитные этажи купола.

– Я упустил что-то еще? – спросил Ивара.

– Нет. Ничего более важного с моей семьей не случилось. По правде говоря, с нами не случилось вообще ничего хорошего. Мы просто доживаем жизнь. Я не верю, что у нас будут новые дети. И нового брата у Инки не будет никогда. Все, кого мы любили слишком сильно, мертвы. Кроме тебя.

– Прости меня, – еще раз попросил Ивара.

– И Амику мы тоже слышали, но не так ясно. Что это такое?

– Мертвые говорили со мной, или мне так казалось, но никогда через Аджелика Рахна. Это новость. Этого не было раньше.

– Да, не было, – сказал Тави. – Он изменился. Он оживает. Сияет.

– Я слышал брата, – добавил Хинта.

На лице Ивары появилась странная, робкая улыбка.

– Как он говорит? – спросил он у Ливы.

– В разуме, не словами. Да это даже и не речь. Он просто транслирует их присутствие, открывает дверь. Это ужасно и прекрасно. Но в этом нет смысла. Чем больше я думаю об этом, тем в большем я смятении. Ваш приход все изменил. Жизнь стала рушиться. Инка снова в слезах, а до этого она уже несколько месяцев могла держать себя в руках. Если бы в этом был смысл!

– В этом есть смысл, – ответил Тави. – Это легенда, первая легенда, которую нам рассказал Ивара. Сказка о больном мальчике и об Аджелике Рахна, которые обещали, что будут искать средство к победе над смертью.

Лива всем телом подался вперед, но потом обмяк.

– Нет. Если они подарят нам лишь мир призраков, это будет худшее из всего, что случилось с человечеством.

– Я так не думаю, – сказал Ивара. – Я верю, что они сделали нечто много-много большее.

На этом их разговор прервался, потому что они уже въезжали на территорию усадьбы Ливы, а на террасе, где их вчера встречала одна Инка, теперь стояла целая делегация из пяти или шести человек.

– Вот и расплата за потерянное время, – с досадой и яростью произнес Ивара. Хинта увидел, что он машинально сжимает и разжимает кулаки.

– Кто это? – спросил Тави.

– Квандра, – ответил Лива.

«Как давно, – растерянно подумал Хинта, – как давно мы произносим это имя в наших разговорах. Как часто мы думаем об этом человеке. Он брат Ивары. И при этом об их родственной связи не пишут в прессе. Он один из самых могущественных людей на Земле. Он наш враг? Но я думал, что Лива наш враг, а тот оказался скорее другом. Так кем же окажется Квандра, каким он будет? Я не знаю. Я ничего о нем не знаю, даже не знаю, как отличить его среди других. Как жаль, что мы не поискали информацию о нем через терминал. А ведь мы могли. Но нас все время занимало что-то другое».

Такси медленно поехало по объездному кругу. Хинта увидел, что незнакомцы едят фрукты. Слуга с подносом неподвижно стоял рядом с ними. Мужчины держали в руках веточки с какими-то ягодами. Инка ждала немного в стороне. Хинту поразило ее лицо – она словно окаменела, вся жизнь ушла из нее, все эмоции; ее взгляд был направлен мимо подъезжающей машины, мимо гостей.

– Как ужасно мы все изменились, – тихо сказал Ивара.

– Бедная моя жена, – в тон ему произнес Лива. – Видимо, она приняла экстракт Пирала.

– Из-за меня или потому, что здесь Квандра?

– Нет. Она спорила со своими родителями об эвакуации тела Амики. Это они ее довели. Ты знаешь, какие они. Раньше она умела с ними сражаться, но смерть Итаки сделала ее совсем хрупкой. Ей часто приходится употреблять наркотики. Не жди от нее ничего. Сейчас она тебя едва узнает. А через пару часов снова станет собой.

Пора было выходить из машины. У Хинты были готовы сорваться с языка вопросы, но он уже не мог их задать. Он успел лишь переглянуться с Тави, и вздрогнул от напряжения во взгляде друга. Мальчики оказались позади взрослых. Хинта смотрел на незнакомцев в зазор между плечами Ливы и Ивары. Он ожидал, что не увидит здесь ни одного зна-

когого лица, но, к своему неприятному удивлению, заметил, что один из мужчин ему знаком. Этот человек приезжал в Шарту с делегацией «Джилликон Сомос»; он выступал тогда на гумпрайме, и это его высмеяли фермеры. Сейчас он был все таким же – наголо бритая голова, скучное бледное лицо. Через несколько мгновений Хинта даже сумел припомнить имя – Димора Сайда. В отличие от остальных, Димора не ел фруктов и не вел светской беседы. И вдруг Хинта понял, что этот профессиональный управленец, который был таким властным на трибуне Шарту, здесь является просто слугой. Его статус сейчас был лишь немногим выше, чем у официанта с подносом. И сразу после этого Хинта узнал Квандру. Еще секунды назад ему казалось, что он не сможет отличить его. Однако Димора оказал ему помощь, потому что все свое подобострастие транслировал лишь в одном направлении. Он не смотрел на Квандру, но даже не глядя на своего хозяина, отдавал тому всю свою волю, слушал и слушался только его, весь был сосредоточен только на нем.

Как и его брат, Квандра был светлоглазым. Волосы у него тоже были русые, но более темного оттенка. Однако различий обнаруживалось больше, чем сходств. Рожденные от одной матери, они несли в себе гены разных отцов. Квандра был немного ниже ростом, а его лицо отличалось какой-то особенной некрасивостью: глаза посажены слишком близко, скулы чрезмерно жесткие, подбородок и линия челюсти – каменно-тяжелые, резкие, прямые. И вообще весь он был словно высечен иным скульптором, из иного материала.

Ивара тоже был очень сильной личностью, и рядом с ним можно было испытывать разные, порой неприятные чувства. Хинта еще помнил время, когда тот ему не нравился. Но даже тогда, оказываясь рядом с учителем, он был предоставлен самому себе, имел свободу выбора, мог думать что-то свое. Рядом с Квандрой выбора не оставалось: он приковывал к себе чужое внимание, его лицо навсегда врезалось в память. Он был как магнит, центр тяжести, ось планеты, как один из тех волноломов, которыми Литтапламп защищал свое побережье от цунами. В предшествующие часы Хинта все время ощущал, как открываются двери, как распадается реальность, слышал шепот волшебства и голоса мертвых. В присутствии Квандры все это исчезало. Оставался только материальный мир – единая простая вещь, подчиненная строгой иерархии. И у этой иерархии, по крайней мере, в ее социальном аспекте, была своя вершина. Этой вершиной был Квандра Вевада. И он сам это знал, создавал и давал понять; все вокруг него были вынуждены это чувствовать.

На несколько мгновений Квандра остановил свой взгляд на Хинте. Под этим взглядом мальчик ненадолго забыл обо всем важном, что любил, чем жил. Он забыл Вечный Компас, Аджелика Рахна, своего мертвого брата, друзей рядом. Он просто стоял и смотрел в глаза власти. В эту минуту внутри у Хинты не осталось революции, не осталось храбрости. Нет, он не струсил, не поддался – все было даже хуже: он словно бы погрузился в страшное равнодушие к самому себе. Легко было бросать обвинения в лицо Ливы, возможно было даже противостоять такому, как Димора Сайда. Но с Квандрой все оказывалось по-другому. Споры и конфликты здесь не поддерживались; возражения и жалобы не принимались; говорить дозволялось только тогда, когда тебя спрашивают.

Ивара, Лива и мальчики замедлили шаги на нижних ступеньках террасы. Остальные смотрели на них сверху. Возникла странная пауза – никто не произносил приветствий, и на мгновение Хинтой овладело ужасное чувство, что у Ливы отняли его дом. Теперь это был дом Квандры, теперь все вращалось вокруг Квандры, теперь тот встречал здесь своих гостей, и сам Лива был всего лишь гостем. Инка по-прежнему стояла в стороне, только перевела взгляд на лицо Ивары, и что-то в ней изменилось, какое-то тепло прихлынуло к лицу, хоть она и была под действием антидепрессанта.

Губы Квандры едва заметно блестели от ягодного сока. Он отложил веточку, которую крутил в пальцах, поднял с подноса белую салфетку и аккуратно вытер рот и пальцы – все в молчании. По саду плыл запах цветов. Растения качали разлапистыми листьями на искусственном ветерке.

– Утихает шум прошлых битв, но начинаются новые битвы, – наконец, произнес Квандра. – Старые раны превращаются в шрамы, но открываются новые раны. Между тем тайны сами берегут себя, а значимые дела совершаются в надлежащей им тишине и аккуратности. И вот, годы спустя, величайшие умы эпохи снова стоят лицом к лицу. Дом все тот же, но сад вокруг стал богаче.

Он говорил громко и отчетливо – так, чтобы слышали все, даже охранники, занявшие посты на боковых дорожках сада. Его голос не имел интонации – каждое слово казалось значимым, но не было подчеркнуто. Невозможно было понять, насмехается Квандра, злится, радуется, сопереживает, приветствует давнего знакомого или просто повествует об окружающей очевидности. И еще невозможно было понять, кого он имеет в виду: включает ли он в список величайших умов Ливу и своих спутников, или говорит только о себе и Иваре.

– Спорные слова, – ответил Ивара, – потому что величайшие умы эпохи, возможно, погибли и лежат сейчас на дне океана, по ту сторону Экватора. И кто в этом виноват, если не мы с тобой?

– Вина абсурдна. Она не знает пределов, не подчиняется разуму. Винить можно кого угодно и в чем угодно, потому что все события имеют причинно-следственную связь. Вина – взгляд, обращенный назад, она не дает ответов и советов, не помогает в делах. Обвини нас с тобой хоть в смерти тысяч; зачем выбирать троих из столь огромного множества?

С невольным содроганием Хинта узнал в словах Квандры свою собственную мысль. Разве не это он думал и говорил вчера вечером, когда хотел прекратить спор с Ливой и перестать нападать на своих друзей, когда он искал способ примириться со смертью брата? Означало ли это, что он согласен с этим человеком, согласен с ним с самых первых его слов? Он испугался.

– Вина вела меня, как сигнальный маяк, – сказал Ивара. – Она осветила мне путь – с давних лет, с момента гибели Вевы. Все, что я нашел, узнал, открыл – все это лежало на пути искупления.

– И где же конец твоего искупления?

– Надеюсь, там, где спасение планеты.

Квандра спустился на ступеньку ниже, слегка развел руки в стороны, изображая незавершенное подобие объятия.

– Брат, мы были соратниками. Ты был нашим лидером, хоть и давно. Потом мы спорили и ни к чему не пришли. Почему бы нам не забыть старый раздор? Сегодня, когда ты чудом вернулся после стольких лет, я не хочу быть с тобой по разные стороны. Давай я признаю, что твой путь искупления тебе подходил. И у меня тоже было своего рода искупление, хотя я никогда не мог сделать вину за чью-то смерть мотивом моих действий. Однако и я боролся с собственной неправотой, и я немало сделал, чтобы лучше тебя понять. Мне даже кажется, что я продвинулся в том, к чему призывал именно ты. Давай отринем неприязнь и попытаемся найти общее поле. Прошу тебя.

– Да, мы поговорим. И я прослежу ход твоих мыслей, как делал это много лет назад, в дни нашей юности. Но я не верю, что твои мысли будут и вправду подобны моим. Нет, Квандра, мы слишком разные. Когда ты до конца раскроешь свое видение вещей, там будешь только ты, там не будет и призрака меня. Мы можем начинать с похожих исходных точек – мы так делали уже тысячу раз. Но придем мы к очень разным выводам.

– И вот снова сошлись две стихии. Но какая из них огонь, а какая – лед? Кто различит?

Ивара не стал отвечать на это иносказание, и на несколько мгновений в группе людей, остановившихся на ступенях террасы, вновь повисло молчание. Его неожиданно нарушила Инка.

– Ивара, – тихо произнесла она. Ивара перевел на нее свой взгляд.

– Я очень рад тебя видеть, – улыбнулся он. Она едва заметно склонила голову. Лива подошел к жене, будто пытаясь ее защитить. Квандра отступил в сторону, словно хотел представить Иваре своих спутников, однако не произнес ни слова – очевидно, потому, что представлять этих людей друг другу не было нужды. Первым заговорил человек, который до этого стоял между Квандрой и Диморой – высокий брюнет с прилизанными волосами и красивым, тонким, моложавым лицом, на котором выделялись темные глаза, острый нос и маленький рот.

– Здравствуй, Ивара, – сказал он резким, слегка надломленным голосом. – Тяжело видеть тебя. Слишком много обид пролегло между нами.

– Здравствуй, Киддика. Да, обид было столько, что они почти стерли все прежнее, хорошее.

– Здравствуй, Ивара, – приветствовал его другой из спутников Квандры. – Можно ли было вообразить, что все выжившие из числа основателей нашего клуба еще раз в жизни встретятся вместе?

– Здравствуй, Прата, – кивнул ему Ивара. Прата был ниже Киддики и примерно такого же роста, как Квандра. Его рыжеватые волосы слегка вились и лежали мягкой волной, глаза были редкого светло-карего, почти желтого оттенка. Единственный из всех присутствующих здесь мужчин, он выглядел спортивно: развитое тело, мощные плечи – но в его осанке чувствовалась грузность, а в движениях некоторая неповоротливость: должно быть, сказывался возраст или какая-то травма.

– Пойдемте в дом, – пригласил Лива, и они всей группой двинулись через террасу. Лива обнимал Инку за плечи и что-то шептал ей на ухо. Та несколько раз тихо кивнула, а потом закрыла глаза, словно засыпая на ходу. Уже у самого входа Хинта заметил, что Квандра исподтишка смотрит на Тави. Это был очень странный, глубокий, задумчивый взгляд. Хинте сделалось не по себе. Он тоже осторожно посмотрел на друга. Но тот, казалось, не замечал в это мгновение, что находится в поле чужого внимания, потому что сам был сосредоточен на другом – наблюдал за Иварой.

– Я четверть часа назад попросила слуг открыть зал для совещаний, – сказала Инка.

– Да, да, ты молодец, – похвалил ее Лива. Потом он обратился ко всем. – Где нам лучше говорить? За круглым столом или в гостиной?

– В гостиной, – ответил Квандра. – Ведь это не деловая встреча.

– Нет, в зале, – сказал Ивара. – Ведь это не светский раут, и мы уже не друзья.

– Я теряю надежду, что смогу сегодня произнести хоть одно слово, которое не встретит возражений.

– Мой зал для совещаний похож на беседку, – попытался примирить их Лива, – и туда принесут еду. Это будет наилучший промежуточный формат.

– Пусть все будет так, как пожелает мой брат, – решил Квандра. – К чему все эти мелкие придирки? Тот ли ты Ивара, которого я знал? Или другой, кто одел его лицо и кожу?

– Ни одной мелкой придирки еще не было к тебе с моей стороны. Я не хочу говорить с тобой, сидя на подушках. Я хочу, чтобы ты был по другую сторону ярко освещенного стола. Я хочу видеть всех, видеть ваши лица. Так мы быстрее поймем друг друга.

– Надеюсь, эти миловидные юноши останутся с нами? Как я слышал, они теперь вплоть до неприличия сопровождают тебя почти повсюду.

Хинта даже не сразу понял, что Квандра говорит про них с Тави.

– У меня нет от них тайн. Они будут там, где пожелают.

Они прошли нижний этаж дома, свернули направо от парадной лестницы и оказались в помещениях, где Хинта еще не был. Зал для совещаний, сам круглый и с круглым столом в центре, был устроен внутри малого стеклянного купола посреди сложно организованных теплиц, терявшихся в гуще сада. К нему вел прозрачный коридор. Сверху, далекий, приглашенный ярусами стекол, падал свет солнца; его тусклые лучи были компенсированы маленькими матовыми лампами дневного света.

Когда все расселись по своим местам, Хинта обвел присутствующих взглядом. Здесь были его друзья: Тави, Ивара и Лива. Инка незаметно ушла – видимо, ей нужно было прилечь. Напротив сидели Квандра, Киддика и Прата. Димора, в порядке субординации, занял свое место последним. Однако сам этот круглый стол словно отрицал субординацию: все восемь присутствующих оказались здесь в равном положении, в одинаковых креслах. Центр стола был полым, оттуда поднимались проекторы маленького трехмерного театра, сейчас отключенного. Так получилось, что Квандра был ровно напротив Ивары. Димора занял место напротив Хинты. Тави сел между Хинтой и Иварой, по правую руку от Ивары – напротив него оказался Прата, который сел по правую руку от

Квандры. Лива сел по левую руку от Ивары, и напротив него оказался Киддика, который сел по левую руку от Квандры. В этом была какая-то безумная зеркальность узора: рядом с Хинтой было пустое кресло, а по ту сторону от пустого кресла сидел Киддика, и еще одно пустое кресло с противоположной стороны замыкало круг.

Квандра уже не смотрел на мальчиков – ему хватило времени, чтобы увидеть все, что можно. Теперь его взгляд был направлен прямо на брата.

– Смерть побеждается лишь тогда, когда жизнь обретает смысл. Я бы хотел сделать это лозунгом, манифестом нашей сегодняшней встречи. Трудно найти слова более мудрые и проницательные. Ты помнишь, кто сказал нам это, помнишь, откуда они взялись, брат?

– Наша мать, – ответил Ивара. Квандра моргнул – что-то изменилось в нем, словно он утратил частицу своей мощи.

– Да. А ты помнишь, когда и как она это сказала?

– Помню. Помню очень ясно, хотя это было давно. Тебе исполнилось одиннадцать, а мне девять, и наша мать, холодная великосветская шлюха, к тому времени как раз закончила уничтожать жизни наших с тобой отцов и избрала себе третью цель. Это был мужчина из аристократического рода Нилтава, старый вдовец, владелец несметного состояния и очередной обладатель прав на «Джиликон Сомос» – тех, что, в конце концов, достались тебе.

Квандра убрал руки со стола и откинулся назад.

– Ты настоящий, – без выражения произнес он. – Ты – действительно ты, теперь я узнаю тебя.

– Она приезжала в его дом вместе с нами, потому что мы были нужны ей как прикрытия. Мы должны были играть с его детьми, пока она проводила с ним время в покоях на втором этаже. Его дети были старше, и они ненавидели нас. Но у них, как и у нас с тобой, не было выбора, и мы вчетвером играли вместе. В доме был музей. Там играть нам не разрешалось, но, вопреки запрету, мы иногда приходили туда, пока никто за нами не следил. Я, если нам удавалось пробраться в музей, сидел за терминал и читал старые сказки, которые можно было найти только там. А ты, поскольку был старше, защищал меня от детей Нилтава и брал на себя все пари, которые они выставляли против нас двоих. Помещение музея было двухэтажным. Ты полез по перилам второго этажа, упал вниз, пробил витрину и напоролся на стенд со старинными ледорубами.

– Да, все так и было, – сказал Квандра. – Мне было очень больно, но я никак не мог потерять сознание. Я лежал там, насаженный на

древние острия, чувствовал их у себя в груди и в животе. Мне казалось, что моя голова расколота. Все вокруг было в моей крови. Я стонал, кричал. Слуги вызвали медиков, но тех все не было. И нашей матери все не было, хотя она не могла не слышать этих криков, разносившихся на весь дом. И тогда ты стал читать мне сказку – сказку про строительство Экватора и про Аджелика Рахна, которые помогли это строительство закончить, и про безумного ученого Джаджифу Гугайру, у которого был больной сын.

Хинта бросил испуганный взгляд на Ивару, но тот был совершенно спокоен – ни одна черточка не дрогнула в его лице.

– Да, я читал тебе эту сказку. И сам тогда впервые ее читал. И ты начал бредить; сквозь стоны ты звал золотого человечка, чтобы тот спас тебя, как он спасал того больного мальчика из сказки. Но потом я дочитал до места, где мальчик умер. И я начал плакать, а ты попросил, чтобы я все равно дочитал конец. И я прочитал место, где люди механического народа прощаются с Джаджифой и говорят, что будут искать средство победить смерть. Тогда появилась наша мать – не знаю, сколько минут она стояла наверху и слушала все это, пока всполошившиеся слуги пытались остановить твою кровь, а я читал тебе сказку. И она сказала, что смерть побеждается лишь тогда, когда жизнь обретает смысл.

– И добавила, что такое ничтожество, как я, – закончил Квандра, – может умереть в любой момент именно потому, что моя жизнь никогда не обретет смысла. В одном ей нельзя было отказать – она умела подобрать меткое словцо.

Над столом повисло молчание. Казалось, абсолютно все здесь чувствуют смущение, кроме двух братьев, занятых страшными воспоминаниями детства.

– Это был один из худших поступков за всю ее ужасную и полную преступлений жизнь – оскорблять и ломать тебя словами в минуту, когда ты действительно мог умереть. Должно быть, она ненавидела тебя, потому что твой отец не принес ей ни новых денег, ни нового статуса. Он сам оказался авантюристом – таким же, как она, только менее удачливым.

– Или своими воплями я просто сорвал ее адюльтер, да к тому же облил кровью драгоценные экспонаты ее ухажера. А сама она была под действием наркотиков и видела в своих планах больше смысла, чем в моей жизни. – Впервые за этот разговор на губах Квандры появилось некое подобие улыбки. – Все наше детство мы с тобой не были равны: дети одной матери, но слишком разных отцов. Она избавилась от них, и мы слишком рано получили на себя все их долги и почести. Слуги слуша-

лись только тебя. Пути были открыты только перед тобой. И даже когда она умерла, это тянулось за нами. В Дадра, будучи старше тебя по возрасту, я был ниже по положению. Ты мог создать наш клуб, а мне до поры было дано лишь следовать за тобой, оставаясь в твоей тени. В отличие от матери, ты всегда был ко мне справедлив, поддерживал меня, давал мне возможности, которых я заслуживал. Ты не забывал, что я старше, ты видел между нами разницу. Плохо, когда младший брат защищает старшего, а не наоборот. Только мать в те годы могла бы это изменить, только она могла сделать нас равными. Но она никогда этого не хотела, никогда не дарила мне ничего, кроме унижений и обид. И все же, она оставила мне наследство, хотя это и не входило в ее планы. И я сейчас имею в виду не «Джиликон Сомос» – я имею в виду это зерно мудрости, эту ее фразу, которой она сама, должно быть, не придавала тогда особого значения. Смерть побеждается лишь тогда, когда жизнь обретает смысл. Я навсегда это запомнил и навсегда соединил с той чудесной сказкой. Что толку побеждать смерть, если жизнь остается просто биологическим процессом? Нет, жизнь – она, словно драгоценный камень, нуждается в огранке. Необходимо удалить все слабое, сточить все трещинки, вкрапления, дефекты. И тогда останется сияющий острыми гранями кристалл. Свет, играющий в этом кристалле, и будет смыслом, ради которого все затевалось. Но свет не преломляется в лишенных огранки камнях.

Ивара медленно кивнул.

– Неужели ты согласен?

– Не совсем. Но спорить еще рано. Ты говоришь много слов, брат. Я забыл, каково вести с тобой беседу, поэтому пытался спорить со словами. Но теперь я хочу дослушать тебя. И тогда, возможно, оспорю само содержание твоих мыслей. Это будет быстрее и легче, чем сражаться с легионом твоих неточных и скользких метафор. Веди нас дальше, плети свою сеть.

В помещение вошли слуги, бесшумно и быстро водрузили на стол блюда с мясом и фруктами, расставили сосуды с напитками.

– Моей первой целью было убедить тебя вести разговор. А сейчас я считаю, что достиг второй цели – заинтересовал тебя.

– Возможно.

Квандра притронулся к металлическому ободу одной из чаш, провел пальцами по тонкой огранке.

– Когда заканчивалось наше обучение в Дадра, мы ощущали это так, словно заканчивается время самих наших жизней. Нам необходимо было что-то показать другим, что-то привнести в мир. А у нас все еще не

было ничего готового. Наши юношеские проекты выгорали один за другим. Мы убеждали себя, что со дня на день увидим яркий свет – но всюду был тупик. И вот наступила депрессия, этот страшный плод чрезмерных амбиций. Мы приняли на себя ответственность за вещи, которые не были нам тогда подвластны, и вместе с ней – вину за гипотетическую гибель человечества, за умирание планеты. А вина, как я уже сказал, лишь некоторым дает силу, для других она – яд.

– Здесь я согласен с каждым твоим словом. Все это правда, все так и было.

– Хорошо. Ты тоже, возможно, прав, когда говоришь, что самые великие из нас уже погибли и лежат на океаническом дне, прямо по ту сторону Экватора. Нам тогда казалось, что мы потерпели неудачу во всех наших самых важных начинаниях. А то важное, что было у нас на руках, казалось нам тогда неважным. Но, вероятно, самым важным из всего, что у нас было, являлись расчеты Кири, которые показывали смещение центра масс Земли. Когда он поделился ими с нами, мы не заинтересовались в должной мере. Тогда он попросил, чтобы мы помогли ему достать Вечный Компас. Он думал, что этот прибор поможет проверить его теорию. И он был прав. Но поначалу мы все ему отказали, а точнее, отложили исполнение его просьбы на неопределенный срок...

Хинта бросил осторожный взгляд на Тави. Но тот ничем не выдавал себя, хотя компас прямо сейчас лежал у него в кармане.

– ...и достали ему компас только тогда, когда нам показалось, что это важно по другим причинам. Я помню: помню, как ты первым из нас предположил, что Вева намерен совершить самоубийство. И тогда мы придумали игру. Мы решили, что можно придать компасу новое символическое значение, захотели верить, что он будет способен указать для Вевы путь к истине. Мы знали, что компас в том проклятом музее. Наша мать уже была мертва, но дело свое сделать успела – ее стараниями от рода Нилтава тоже ничего не осталось. Дом и музей пустовали. Мы пошли туда вчетвером: я, ты, Вева и Кири. Мы с тобой воспользовались нашим правом наследников, чтобы преодолеть охрану, и забрали компас. Кири проверил на нем свои расчеты. А Вева, вопреки нашим глупым попыткам поднять его настроение, покончил с собой.

– Мы все многое помним, – вдруг вмешался Киддика. Его резкий голос напугал Хинту – до такой степени мальчик был сосредоточен на словах Квандры и Ивары, втянут в их гипнотический обмен мыслями и воспоминаниями. – Как мы сидели в клубе ночью, за считанные часы до самоубийства Вевы. Мы сидели там и обсуждали открытие Кири, подтвержденное данными компаса. И в этот момент Вева смотрел на компас

в руках Кири. А потом он заплакал и начал говорить страшные вещи – что смысл жизни в смерти, что за компасом нет ответа о смысле жизни, только ответ о природе смерти. Да, вы двое виноваты больше, чем кто-либо из нас. Вы своими играми, своими спорами и ссорами, своей необузданной манией величия убили его. А он только пытался быть вам нужным.

– И все же ты не сбежал, как некоторые, – ответил Квандра. – Ты остался, потому что понимаешь, к чему здесь причастен.

– Прошу тебя, Киддика, не встречай, – попросил Прата. – Пусть они разберутся между собой. Это должно закончиться. И тогда все остальные, кто собрался здесь, получают шанс перестать быть секундантами этой затянувшейся дуэли.

Кушанья стояли нетронутыми. Квандра потянулся, взял ягоду, перекатил ее по ладони, но не стал есть. На своих соратников он ни разу не посмотрел, его взгляд по-прежнему был прикован к лицу брата. Хин-та с содроганием подумал, что Ивара, наверное, единственный человек в мире, который способен выдерживать его на протяжении стольких минут.

– Я нахожу во всем этом некую значимость... – сказал Квандра. – Как все удивительно сплелось... В зале, где ты, брат, впервые читал сказку, в которой упоминается ковчег – в этом же зале много лет лежал оригинал Вечного Компаса Тайрика Ладиджи. Вещь, о которой в мифах говорилось, что она спасает жизни. Эта вещь не помогла спасти Веву, но помогла погубить его.

Он поднес ягоду ко рту, надкусил ее и громко высосал сок. Хинту бросило в озноб – уже в третий или в четвертый раз за этот день, день, который едва дошел до своей середины, но уже казался более длинным, чем ночь разрушения Шарту. Значит, компас был настоящим, единственным в мире.

– Для меня очевидно, почему компас не спас Веву. Мы дали ему подмену, обманку вместо того, чтобы дать смысл. В следующие дни ты выдвинул гипотезу, что смещение центра масс Земли может быть связано с ковчегом – с его огромными размерами и весом, с тем, что он накапливает в себе безмерную энергию. Ты вцепился в эту сказку, потому что с того дня, когда ты читал ее мне, пока я был при смерти – с этого самого дня ты привык верить, что эта сказка помогает в самые тяжелые минуты. Но в этой сказке не было главного. Она сама по себе не давала ответа на вопрос о смысле жизни, не наполняла жизнь смыслом; она лишь давала некое смутное обещание, что жизнь может быть спасена. И вектор

поисков, который мы с тобой могли предложить Веве – все это было очень далеко от обнаружения искомого смысла.

– И ты считаешь, что нашел смысл? – спросил Ивара. – Что огранил алмаз? Что увидел, как в нем преломляется свет?

– Да. Нашел. И все, что происходило в те дни, оказалось ключами. Даже слова нашей матери. И твои слова тех дней тоже были верны. Только все те вещи, о которых тогда думалось и говорилось, нужно было подтянуть друг к другу, собрать в ином порядке. А смысл нужно было выцеживать по капле.

– Я слушаю, – подстегнул Ивара, и Хинте его голос показался бесприютным, словно долгий ветер, разгоняющий ядовитые туманы над мертвыми южными пустошами.

– Смысл жизни в управлении красотой природы, – сказал Квандра. – Это и предназначение жизни, и ее постоянная интенция. А к природе можно отнести всю вселенную, включая всю мертвую и живую материю, и пустоту между атомами. Жизнь – начиная с одноклеточных ее форм, Лива это подтвердит – представляет собой иерархии взаимозависимости и управления. Одни молекулы повелевают другим, другие – третьим, целое складывается в самый сложный механизм, который выстраивает и копирует сам себя, соблюдая строжайший порядок.

Впервые за долгое время он оторвал взгляд от лица брата и внимательно посмотрел на надкушенную ягоду, которую все еще держал в руке.

– Ну а мы, люди, распространяем наше желание управлять и конструировать на каждую из доступных нам сфер. Мы приводим в порядок мир, общество, историю; даже сферы абстракций и вымыслов мы стремимся привести в порядок. Мы – классификаторы, коллекционеры, творцы. Мы – маленькие боги. Наше предназначение в том, чтобы увеличивать свое могущество, нести еще больший порядок дальше в природу, создавая ее новые облики, распространяя стройность и красоту наших построений на все вещи.

Он снова посмотрел на брата.

– Очевидно, эта картина не настолько проста. Разумная жизнь в своем стремлении к управлению красотой бытия встречает сопротивление мира. Чтобы обойти это сопротивление, нам приходится порождать конкурирующие представления о том, каким должен быть порядок, как должно осуществляться управление красотой. Мы создаем разную красоту, находим множество возможных путей достижения гармонии. Когда конкуренция обостряется, начинаются войны. Они могут показаться актами разрушения всякого порядка, но они служат нашему само-

совершенствованию, помогают найти сильнейшее из решений и сохранить именно его.

– Или уничтожают нас, – сказал Тави.

Квандра обратил свой взгляд на мальчика. Хинта внутренне сжался. Повисло молчание. Выступление Тави было слишком неожиданным и теперь все смотрели на него – все, кроме Ивары, который смотрел на брата.

– Или уничтожают нас, – повторил он.

– Но мы здесь, живые вопреки всему. После ядерных дуэлей последних сверхдержав, правивших миром, в котором замерзли океаны, а воздух стал ядом... После всего этого мы сидим здесь, за красивым круглым столом, и едим фрукты. Война нас не убила. Природа нас не убила.

– Но мы ослабли, – сказал Тави.

– Разве? А я думаю, что мы сильны как никогда ранее. Человечество уменьшилось количественно, однако закалилось с помощью генетических модификаций келп-тла и других, менее известных. Слабые выбыли. Технологии продолжали развиваться. Наш мир не столь красочен, как когда-то, но у нас сейчас лучшие технологии для выживания, чем были за всю историю. Мы больше не строим деревянных хижин; хибары бедняков нашего времени по уровню технологий, примененных в их обшивке и шлюзах, напоминают космические корабли времен Золотого Века. Задумывался ли ты об этом, мальчик?

– Мир был прекрасен тогда. А сейчас он – поле смерти.

– Ты меня невнимательно слушал. То была красота, не созданная нами. В ней не было ценности. Она была неуправляемой, дикой, чуждой разуму. И сами люди были в той красоте подобны животным. А теперь, когда мы создаем мир заново, своими руками, в этой ойкумене – это наша красота. Наша интенция в том, чтобы жить именно так, как мы живем сейчас. Поля фрата для меня прекраснее, чем неведомые зеленые кущи древнего мира, наши поселки – чем города Золотого Века, наши тела – чем тела древних людей. Наша история теперь длиннее и богаче, чем их история, а наши души и разумы – на полпути к божественному могуществу, к тому моменту, когда мы сможем построить для себя новый мир здесь и где угодно еще во вселенной. И этот мир будет полностью под нашим контролем, он будет таким, каким мы его запрограммируем.

– А теперь послушай меня, – произнес Ивара. И сразу же все внимание присутствующих сосредоточилось на нем. На Тави люди со стороны Квандры смотрели как на диковину, но слов Ивары они ждали с уважением, с нетерпением. – Жизнь не мимолетна. Она пронизывает всю

вселенную. И ее смысл всегда был при ней. Я бы не стал сравнивать жизнь с холодным камнем-кристаллом. Но, если угодно, я могу ответить тебе в духе твоей метафоры. Жизнь не нуждается в том, чтобы ее огранкой занимались ты, или я, или все население этой планеты. Нет – жизнь уже обработана, усовершенствована до предела. Жизни даны дух, Образ и сияющий свет центра вселенной. Жизнь – это квинтэссенция всего ценного, что есть в мирах. Уже множество эонов жизнь является чем-то большим, нежели просто биологической формой существования материи. Теперь, после всех своих превращений, жизнь сама стала смыслом; в ней ценность тех миров, в которые она приходит. Ты прав в том, что она не только является смыслом, но и сама порождает новый смысл. Да, мы, люди, можем – или даже должны – давать, дарить смысл всем вещам вокруг нас. Потому что только мы, разумные, живые, заинтересованные и радостные, можем это делать. Мы – смысл вещей и миров, потому что Образ, живой и живущий во всех нас, делает это и существует только для этого. Итак, мы – смысл, но это не значит, что мы должны разорять прежний, исконный, самообразовавшийся порядок природы, нарушать его, взрывать, и строить на его месте свою технократическую империю. А если этот порядок был разорен не нами, а извне, чужеродной силой, нам следует защищать его, потому что мы его часть и он наш дом, и только у нас есть инструментарий, которым сама биосфера без нас не обладает.

– Стоило мне признать, что в одной твоей любимой джиданской сказке было зерно смысла, как ты призвал на помощь еще пять джиданских сказок, чтобы меня опровергнуть. Мои аргументы лежат в области философии, антропологии и эстетики, твои же – в области религии. Мне бы не хотелось думать, что за годы отсутствия ты стал сектантом-фанатиком. Или поиски ковчега свели тебя с ума, как они до этого сводили с ума тысячи твоих невезучих предшественников?

– Ну и не думай, что я стал сектантом-фанатиком, раз уж тебе не хочется так думать. Тебя ведь никто не заставляет.

– Ты знаешь, что ковчег – не то, что ты о нем когда-то мнил? Я знаю все о твоих исследованиях. И я тебя обогнал. Неужели ты считал, что с кучкой гениальных энтузиастов сможешь противостоять тому ресурсу, который предлагают научные лаборатории и экспедиционные группы такой огромной корпорации, как «Джилликон Сомос»? Нет, ты так не считал, потому что ты умный человек.

– Ну, расскажи мне, – сказал Ивара, – о моих исследованиях.

Хинта тихо дышал. В эту минуту он верил почти каждому слову Квандры; ему казалось, что они уже проиграли. И все же он поразился выдержке Ивары, который оставался совершенно спокойным.

– Ты вместе с Кири, который на самом деле был главным ученым твоей группы, продолжал исследования по поиску аномалий, связанных со смещением центра масс планеты. Ради этого была та вылазка к Экватору, во время которой Кири и другие погибли. Но их эксперимент удался. Они устроили огромный выброс энергии, и с помощью этого выброса смогли сделать невидимое видимым. Они открыли, что лишняя масса планеты принадлежит не ковчегу, но темной материи, принесенной сюда из глубокого космоса и скопившейся здесь со времен Великой Катастрофы. Именно эта материя – инертная, почти не подчиняющаяся законам гравитации, но при этом обладающая массой... именно эта материя сделала нашу планету такой, какой та сейчас является.

– Это твои люди разграбили лагерь моих друзей? – без выражения спросил Ивара.

– А если и так?

– Ты принес много зла, брат.

– А ты десять лет искал темную пустоту, думая при этом, что ищешь большую ракету. И ты до сих пор не знаешь, что тебе с этой пустотой делать. Поэтому ты вернулся. У тебя не было, нет и не будет иного пути, кроме как прийти обратно в Джада Ра. Только теперь не ты будешь возглавлять его. Тебе придется работать в «Джилликон Сомос», работать на меня. И ты прекрасно это знаешь, но все еще ломаешься, не желая признать поражение.

И вдруг Хинта понял одновременно три вещи. Во-первых, он понял, что Квандра ничего не знает про Аджелика Рахна, Вечный Компас, фавана таграса, про истинную суть исследований Ивары. Во-вторых, он понял, что Квандра прямо сейчас работает не на себя, а на Ивару – выдает свои исследования, рассказывает о том, чего они с Тави и Иварой не знали, объясняет им природу Бемеран Каас. А в-третьих, он понял, что оба брата, хотя они продолжали говорить спокойными голосами, уже давно находятся за гранью абсолютной ярости; воздух над столом горел от того, как эти люди ненавидели друг друга.

– Я никогда не буду работать под твоим началом, – сказал Ивара. – Ты ошибся. Мне это не нужно.

– Но я нашел не только темную материю. Я нашел и ту вещь, которую с огромной долей условности можно было бы счесть ковчегом. Я нашел подземные космодомы древних. И да – там есть ракеты; большие, хотя и не настолько, чтобы им удалось принципиально изменить своей

массой характеристики планеты. Но, что важнее, эти ракеты все еще в хорошем состоянии. Мои люди научились ими управлять. Мы летаем к Луне. Прата был на Луне. Вот чего мы достигли, пока ты упрямялся.

Хинта новым взглядом посмотрел на этого спортивного, но будто бы поврежденного изнутри человека. Ему вдруг вспомнилось, как они с Тави вечером, в день своей первой встречи с Иварой, лежали на земле и смотрели на небо. Неужели Прата мог быть там в тот самый момент, ходить по неведомому белому песку среди руин удивительного древнего города? Осторожно, испуганно, Хинта перевел взгляд на Ивару и увидел, что тот смотрит на брата с каким-то новым выражением. Он уже не выглядел спокойным. Но он не был сломлен, даже наоборот – в нем словно бы вспыхнул какой-то новый огонь, в глазах поселился смех. У него было лицо победителя. Так же он смотрел, когда выигрывал куда более легкие словесные дуэли со своими учениками в школе Шарту, много дней назад, по ту сторону Экватора, где-то в прошлой жизни.

– Я тебя позабавил? – спросил Квандра. Ярость, наконец, прорвалась из него наружу. Но Ивара его проигнорировал.

– И как тебе там было, Прата?

– Иначе, чем на Земле.

– Нет, этого мало. Лучше скажи, что ты там обрел. Это изменило тебя? Там есть знания, красота, человечность?

Прата внезапно отвел взгляд.

– Это грозный мир, – сказал он. – Мы смогли пробыть снаружи корабля лишь несколько минут. Не хватило времени, чтобы добраться до руин древних зданий. Но я уверен, что там мы могли бы обрести новые знания. А красота там есть – но это пугающая красота. Оттуда видно, что другие миры повсюду. Звезды везде вокруг, куда ни глянет глаз – тысячи и тысячи; вся темнота космоса мерцает ими.

– Ты чувствовал себя там дома?

– Нет.

– Почему?

– Пространство ощущается там иначе. И есть особые сложности. На теневой стороне Луны царит беспощадный холод, и еще более беспощадный жар – на освещенной стороне. Лучи солнца обжигали наши скафандры, нарушали работу оборудования.

– Вы не смогли понять часть технологий древних? Не знаете, как те преодолевали эти проблемы? Как они смогли в таких условиях возвести целый город?

– Хватит, – вмешался Квандра. – Это закрытая информация. К чему такой допрос?

– Чтобы показать обратную сторону твоей лжи, – ответил Ивара. Внезапно его голос обрел пугающую силу. – Ты говоришь, мы на технологической вершине? Что наши бедняки будто бы строят себе дома столь же совершенные, как космические корабли древних? Но твои люди заживо горели там. И я догадываюсь, о какой части жертв и ошибок вы все сейчас молчите. Сколько ученых вы туда загнали, чтобы те приняли смерть в лишенной воздуха пустоте, среди мертвых камней, впитавших в себя радиацию космоса?

На скулах Праты шевельнулись желваки, но он ничего не ответил.

– Нет, мы не на вершине. Мы, возможно, карабкаемся обратно на вершину. Но мы не на ней. И наши технологии сейчас уступают технологиям Золотого Века. Вы летели туда на ракете, которой почти тысяча лет, и она не подвела вас. Но сами вы такую ракету построить не в силах. К чему тщеславие, когда вы по-прежнему побираетесь на местах древних свалок?

– А разве ты сам не делал этого? – спросил Киддика.

– Я археолог. Я только это и делал. Но я не смел оскорблять своим самомнением ни одну из прежних эпох. Я никогда не заявлял о своем превосходстве над древними или над героями Великой Зимы. Я считаю, что мы на закате, на грани катастрофы, на пороге конца нашей культуры.

– Мы строим наши собственные ракеты, – сказал Квандра. – Они почти готовы, и они будут лучше, чем ракеты древних. И мы копим неслетные топливные ресурсы для дальних полетов в космос. Каждая трудность – это просто этап нашего становления. Мы преодолеем все трудности. И жар космических светил, и холод космических теней – все станет нам подвластно. Прата ведь здесь сейчас – вернулся, выжил. Мы не проигрываем, мы побеждаем.

– И ваши ракеты взрываются вместо того, чтобы лететь? Так погиб юный Итака?

– Прошу тебя... – начал Лива.

– Я говорю это не для того, чтобы причинить тебе боль. Я говорю это потому, что гибель твоего сына – очередное подтверждение кровавых ошибок, которые совершил мой брат. А все его ошибки свидетельствуют об общей неполноте, неверности и несправедливости его философии.

– Опять вина? – ядовито спросил Квандра. – А мне казалось, мы уже исчерпали эту тему.

– Нет, дело не в ней. Дело в том, что люди гибнут тогда, когда пытаются слишком быстро сделать нечто, чего не умеют. Не существует

техники безопасности, когда будишь неизведанную стихию. Гибель моих друзей не была исключением. Но они не хвастались тем, что управляют миром вокруг себя, не собирали трибун. Они рисковали только собой.

– Обвиняешь меня в том, что я зазнался?

– Да. Именно это я и говорю. Ты не ученый. Ты либо авантюрист, блефующий в попытке доказать свое божественное могущество, либо маньяк, одержимый властью и манией величия; либо и то, и другое в одном лице. Но твоя настоящая власть в тысячу раз меньше, чем ты хочешь думать и чем ты пытаешься показать. Ты – тиран, глава корпорации, один из последних могущественных политиков умирающего человечества. Ты можешь подмять под себя свое поколение. Ты можешь ускорить или замедлить гибель ойкумены. Но в любом случае ты обречен. Если никто вопреки тебе не изменит ситуацию, то через век или два не останется тех, кто вспомнит твою философию, потому что не останется живых людей.

Хинта ощутил, что выходит из оцепенения, освобождается от оков. Ощущение присутствия друзей вернулось к нему, он снова слышал свои мысли, снова воскресил в себе все, ради чего они работали и рисковали собой, снова почувствовал близость золотых вещей. Ивара сделал нечто невероятное: своей речью, своими возражениями, своим непоколебимым противостоянием он создал поток энергии, который теперь двигался наперекор тяжелому, мертвенному давлению Квандры.

– Да, я политик, – ответил тот. – И тиран. И я все еще не бог. Моя философия, как и любая философия, обладает огрехами, потому что является идеализацией, стремящейся включить в себя слишком большую картину мироздания.

– Нет, это не огрехи. Не надо пытаться выдать недостатки твоей философии за мелочь. Она вся ущербна от начала и до конца.

– Говори что хочешь, а мы уже идем по этому пути и достигнем всех своих целей. Мы долетели до Луны, долетим и до дальних звезд. И Землю мы не оставим, и не погибнем на ней. А к самым тяжелым условиям мы найдем новые способы адаптироваться.

– Но дальние звезды – это очень далеко, – вдруг тихо, надломлено вмешался Лива. – Даже древние не бывали там. Их ракеты не полетят за пределы сияния Солнца. Ивара прав, на Земле не было, нет, и, возможно, уже никогда не будет тех технологий, о которых ты мечтаешь.

– Но эти технологии есть, или будут в самом ближайшем будущем. И первая из этих технологий уже применена. Темная материя оказала нам услугу. Благодаря келп-тла мы адаптировались к ее воздействию. Впервые за историю мы можем выйти за границы своей звездной систе-

мы, выжить там, где нет жизни. Мы можем преодолеть барьер ничто, который был непроницаем для наших далеких предков. А все то, чего нам еще не достаёт, мы найдем на Луне. Потому что там есть корабль, который прилетел из другой галактики, корабль, который сами древние изучали, чтобы его технологиями усовершенствовать свои ракеты.

Хинта бросил быстрый взгляд на своих друзей – Квандра опять говорил о том, чего им не хватало, подтверждал, что ковчег золотого семени существует.

– Вор, – сказал Ивара. – Ты строишь философию своей великой автономности, но вынужден на каждом шагу брать чужое, или, хуже того, чуждое – то, что никогда не будет дружественно человеку.

– Тебя не удивило то, о чем я сказал? Ты не спросишь про ковчег?

– Нет, не спрошу. Потому что это не тот ковчег, в который я верил в последние дни Джада Ра. Это относительно маленький корабль, с обшивкой из благородных металлов, покрытой узорами. Не так ли?

– Значит, ты узнал и об этом.

– Об этом можно было узнать, не выходя из кабинета. Стоило лишь проявить больше уважения к прошлым векам.

Внезапно на стол брызнул сок – Квандра раздавил ту надкушенную ягоду, которая все еще была у него в руке. Это произошло нечаянно – его нервное напряжение передалось в пальцы. Теперь он взял салфетку, чтобы вытереть испачканную ладонь.

– Но это не опровергает мою философию, – не глядя на брата, произнес он. – Неважно, откуда мы что-то берем. Люди всегда брали из мира вокруг; сама материя давала им тысячу уроков; но кроме того, одни цивилизации заимствовали технологии у других. И в этом мы, наше время, тоже превосходим древних. Изучая технологии прошлых веков, мы так развили наши методы обратной разработки, что этот корабль на Луне, если только мы на него попадем, отдаст нам те секреты, которые он не отдал самим древним – я в этом уверен.

– И все ради того, чтобы распространить свою власть на другие миры? – пугаясь собственного голоса, спросил Хинта. От страха и возбуждения у него пересохло во рту, но ему хватило сил, чтобы четко произнести каждое свое слово.

Квандра посмотрел на мальчика. Его взгляд больше не сокрушал.

– Не только власть. Наше присутствие, наше представление о гармонии, наш узор мироздания. Мы можем облагородить все то, чего никогда не касались инструменты разума.

– Но это бессмысленно, – смелея, сказал Хинта. – Мы обсуждали это с Иварой, обсуждали много раз: среди тысяч звезд спрятаны едини-

цы пригодных для нас миров. В остальных местах ничего нет. Некуда лететь во вселенной, если только корабль с Луны сам не подскажет, откуда он прибыл. Но и это может быть бесполезно, потому что его отправили в путь за тысячи лет до прибытия в нашу систему. И лететь туда он снова будет тысячи лет. Да плюс та тысяча лет, которую он простоял на Луне. Он может привезти своих пассажиров к мертвой звезде или к миру, давно разрушенному какой-нибудь неведомой нам войной. Так вы не найдете во вселенной новый надежный дом для человечества.

– К тому же, вселенная движется, – добавил Тави, – звезды сближаются и расходятся, галактики кружатся вокруг сияющего центра. Старый путь теперь может вести просто в ничто.

– И еще один дар, который нам принесла темная материя, – ответил Квандра, – это возможность навигации в дальнем космосе. Как удар, несшийся через всю вселенную, попал именно в Землю? Секрет в природе темной материи. Она притягивается к жизни. Она притягивается к мирам нашего типа. Она явилась сюда и причинила нам вред. Но мы оседлаем ее, она станет нашим проводником и выведет нас сквозь самое себя на другую сторону пустоты. Только сейчас перед нами открылись тысячи миров. И мы действительно обладаем тем, чего не было у древних. Этот спор не имеет смысла.

С внезапной ясностью Хинта вдруг понял, почему присутствие Квандры было таким нестерпимо тяжелым. Он уже знал все эти ощущения. Он переживал это в первый раз, когда они с Тави случайно увидели фиолетовую субстанцию, проступившую сквозь разлом. И потом это чувство возвращалось – кристалл в теле омара скопил в себе ту же самую вещь. И вот теперь это было в Квандре. Самый влиятельный человек ойкумены был тяжело болен и почти безумен. Беме-ран Каас каким-то образом заразила его. И вся его философия, все его планы сейчас принадлежали ей. Это она хотела, чтобы ее несли к новым звездам. Хинта увидел зло, увидел будущее, в котором корабли последних землян сами станут ударом, несущимся в пустоте, начнут вторгаться в другие миры как армия, и всюду будут устанавливать свой диктат, навязывать свой порядок, сеять семена тьмы. И какие-то иные народы Образа погибнут или на долгие века станут рабами людей. А в это самое время собственный человеческий мир будет продолжать угасать, но при этом оставаться их базой, и тяжелые звездолеты будут возвращаться сюда, чтобы заправить в свои трюмы очередные тысячи тонн золотисто-зеленого фратового топлива. Жизнь в виде мириад микроскопических организмов – бактерий и водорослей – будет сгорать в реактивных дюзах, чтобы смерть летела к пределам вселенной.

Сразу после этого озарения Хинта осознал еще одну вещь. Он вспомнил давнюю череду разговоров, которые они с Иварой и Тави вели в больнице. Тогда они говорили о двух силах, которые борются в мире, о том, что есть один или многие избранные люди, в которых эти силы проявляются особенно сильно. Ивара тогда думал, что силы должны столкнуться в душе одного человека. Но Тави возразил, что этих людей может оказаться двое. И теперь Хинта увидел, что Тави был прав. Квандра Вевада был вторым человеком – Бемеран Каас избрала его для своих целей. А Аджелика Рахна избрал Ивару. И теперь два брата, два человека с почти одинаковыми исходными позициями, сражались между собой. Оба сейчас были на пике своей энергии, оба почти достигли своих целей, оба могли помешать друг другу, потому что их противостояние было примерно равным. Хинта снова испугался – но не так, как прежде. Теперь его страх стал очень рациональным, он боялся вполне определенных вещей, он знал, что будут означать победа или поражение в этом споре или позже, когда конфликт пойдет уже не на словах. Этот новый страх не сломил его, но наполнил его жгучим желанием бороться, помочь Иваре, победить вместе с Иварой. Он посмотрел на Тави и прочитал у того во взгляде те же мысли, те же чувства. А тем временем Ивара нанес новый удар по аргументам Квандры.

– Ты прав, – сказал он, – этот спор не имеет смысла, потому что он проигран тобой с самого начала. Твоя философия хрома, у нее не хватает ноги; ты видишь одно там, где на самом деле должно быть два. Ты пытаешься показать, что история человечества – единый и неделимый процесс развития, и все беды, ошибки, провалы и катастрофы называешь этапами этого развития. Но правда в том, что есть трудности, которые никого не закаляют в своем горниле; болезни, к которым никогда не вырабатывается иммунитет; шаги, которые ведут только назад, к отступлению и поражению. Есть войны, и таких войн большинство, в которых проигрывают обе стороны. Есть траты и утраты, которые не восполняются. Бывает опыт настолько негативный, что его не получается превратить в знание, которое бы обогатило нас. Твоя философия все сводит в одно, и ты сам в ее центре. Моя философия полярна, и я не претендую на то, чтобы занимать внутри нее четкую позицию. Я смотрю на вещи со стороны. Я верю в объективность, хоть ты и пытался объявить меня сектантом-фанатиком. Я верю, что есть добро и зло...

Квандра усмехнулся.

– ...красота и уродство, благо и вред, созидание и разрушение. В истории было много событий, которые никому не принесли пользы: гибель тысяч людей, сгоревшие города, забвение наук и искусств. Ты ска-

жешь, что мы все еще живы, и что дела идут неплохо. Я отвечу, что были и хорошие события в истории. Но они происходили не благодаря плохим, а вопреки им. Человечество не накапливает знания и силы в войнах и во времена катаклизмов. Все ровно наоборот: человечество накапливает во времена мира и строительства. И мы с тобой сейчас сидим за этим столом и едим вкусные фрукты именно потому, что до нас были несколько веков мира и строительства. Но время последней человеческой силы подходит к концу. Мы не успели восстановить численность своих народов, и до величественной красоты прежних технологий нам очень далеко. Мы выживаем, тратим последние крохи сохранившихся у нас накоплений, паразитируем на старой инфраструктуре и едва находим силы, чтобы ее чинить. Пройдет год, десять лет или век, наступит новая черед больших катаклизмов, и это станет нашим концом.

– Конец, конец, конец, – повторил, почти крича, Квандра. – Ты каждым словом пророчишь гибель. А где твое собственное конструктивное предложение? Я сейчас говорю о том, как мы можем строить, завоевывать, двигаться вперед. А ты только ноешь о грядущих разочарованиях. Где твой проект? Чем ты занимался в свои пропавшие годы? Что ты такого узнал, чего не ведаю я?

Хинта замер: он не мог придумать, что Ивара сможет на это ответить. Станет ли тот раскрывать Аджелика Рахна?

– Тот корабль, который ты нашел на Луне, прилетел сюда не пустым, – сказал Ивара. – На нем была технология, которая позволяет воскресить Землю в ее прежнем облике. Но эту технологию давно отсюда забрали. Все самое важное, что когда-то было на этом корабле, уже давно находится на Земле.

Прата слегка подался вперед. Киддика недоверчиво склонил голову.

– Откуда ты знаешь? – спросил Квандра.

– А откуда я узнал, что корабль там? Откуда узнал, как он выглядит?

– Ты блефуешь.

– В таком случае я делаю это лучше тебя. Твоя философия опровергнута. Твои планы вселенского могущества разбиваются вместе с твоими ракетами.

– Расскажи, как? Как такая маленькая вещь может восстановить экосистему целой планеты?

– Нет, я ничего тебе не дам. Ты уже обокрал меня один раз. Но если ты все еще хочешь, чтобы у человечества было будущее, то ты дол-

жен уйти – уйти с моей дороги. Хоть раз за всю нашу жизнь перестань мне мешать. И тогда ты увидишь, как мир меняется на твоих глазах.

– Ты блефуешь, – повторил за Квандрой Киддика.

– Он не блефует, – вмешался Лива. – Это все правда.

– Ты выбрал не ту сторону, – сказал Квандра.

– Ты убил моего сына, – дрожащим голосом произнес Лива, – а Ивара может его вернуть.

– Как? – закричал Квандра. – Что он тебе наплел? Смерть это смерть! Никто... – И вдруг он замолчал, уставившись на Ивару. Выкрикивая свои слова, он почти поднялся со своего места, начал наклоняться над широким столом – а теперь рухнул обратно в кресло. – Ты воскрес из мертвых. Ты не прежний Ивара Румпа. Ты изменился, что-то утратил и что-то обрел. Я больше не знаю, кто ты такой.

– А разве я умирал? – каким-то похолодевшим голосом поинтересовался Ивара.

– Лива, – обратился Киддика, – подумай еще раз, разумен ли твой выбор. На нашей стороне все еще слишком много ресурсов и сил. Неважно, что было сказано в этой комнате.

– Нет, – сказал Лива, – очень важно, что было сказано в этой комнате. Я больше не с вами. Это мой дом. И здесь закон меня защищает. А законы в Литтаплампе все еще есть. Каким бы могуществом вы ни обладали, у вас уйдет немало времени, чтобы полностью от меня избавиться. А до тех пор я буду помогать Иваре.

– Глупец, – сказал Квандра. – Он обманул тебя, хотя ты сам еще этого не понял. У него ничего нет.

– Ты не знаешь, что я видел и слышал. И не поймешь меня. Я никогда не был с тобой до конца. Я никогда не верил в твои космические амбиции. Я люблю жизнь. Я сделал все, чтобы эта планета была зеленой. И только это было для меня важно, это – и мой сын. Но мой сын мертв, а моя работа – жалкие крохи в сравнении с тем, что здесь действительно нужно. Ивара прав. Его путь может оказаться нашим единственным шансом.

– Так Расскажи мне, что такого он тебе показал?

– Нет, – запретил Ивара.

– Нет, – повторил Лива.

Квандра ударил кулаком по столу – так, что дрогнула посуда. Наступила тишина. Еще никогда Хинта не видел, чтобы взрослые люди смотрели друг на друга такими взглядами. У Праты забежали глаза – он явно пытался что-то понять. Возможно, он был в шаге от предательства Квандры; ему тоже хотелось чудес. Ведь, в конце концов, именно он, а не

Квандра, был на далекой Луне, именно он видел тот золотой корабль. Прата навсегда запомнил, как красиво в узорчатой обшивке отражались солнечные лучи – те же самые лучи, которые жгли и плавили его скафандр. Он чудом выжил, и что-то в нем изменилось, потому что ему показалось, что золотой корабль пел – пел, спасая его от ужаса космоса, пел, помогая ему вернуться назад.

– На Земле есть только одна ветвь внеземных технологий, которая может обеспечить нам вообще все, – в полной тишине произнес Квандра. – Это темная материя. Она изменила и продолжает менять нас. Она готовит нас к космосу и к любым трудностям. Корабль на Луне – лишь маленький бонус в сравнении с ней.

– Но темная материя – это воплощенное зло, – сказал Тави. – Вы сами сказали, что она чувствует такие миры, как наш. Она приходит, чтобы разрушать. Возможно, она – оружие, созданное где-то в другом конце вселенной. Она как боевая ракета с системой наведения на цель. Только у нее нет корпуса, формы, электронной начинки. Ее нельзя взорвать в полете или сбить с курса. Она пожирает энергию, одурманивает и убивает все живое. Учиться у нее? Срастаться с ней? Адаптироваться к ней? Это самоуничтожение. А тот корабль – в нем было добро, добро, посланное сюда специально, чтобы остановить зло темной материи. Ивара говорит вам правду – добро и зло даже более объективны, чем вы можете себе представить. Вот два дара – оба из космоса. Один, чтобы убивать других и умереть самому. Второй – чтобы жить. Какой дар Вы возьмете, пта?

– Это чушь, – с какой-то новой интонацией сказал Квандра. – Предметы, энергии и стихии не знают морали. Хотя и людям я бы рекомендовал отказаться от морали, заменив ее чистой этикой – простыми правилами взаимного бытия.

– Вы слепец, – ответил Тави.

Хинте показалось, что эти слова вызвали внутри Квандры последнюю лавину бешенства. Он испугался за Тави, испугался, что Квандра просто бросится через стол – настолько быстро, что другие мужчины не успеют его удержать. Но ничего такого не произошло. Квандра поступил иначе – ударил Тави словами.

– Нет, я не слеп. Я многое вижу. А вот ты и слеп, и глуп, несчастное дитя. Тебя сжигает страсть – твоя первая робкая страсть. Мой брат всегда имел несколько развратных слабостей. Мужчины, мальчики. Похоже, недолго он оплакивал своего прежнего любовника. И ведь так удобно соблазнять юнцов, когда работаешь учителем в провинциальной школе.

– Хватит говорить грязные слова, – потребовал Тави. При этом он беспомощно покраснел, а на глаза ему навернулись слезы. Квандра перевел взгляд на брата.

– Многих ты там потискал по темным углам?

– Ни одного, – ровным голосом ответил Ивара. – Это твое последнее оружие?

– А как по мне, я вижу, что, по меньшей мере, двоих. И похоже, ты очень привязался к ним – иначе зачем было везти их сюда за собой? Спишь с ними одновременно или по очереди?

Хинта почувствовал, как на него резко, волной нахлынула ярость. Прежде он ненавидел подобным образом только одного человека – Круну. Он ничего не сказал лишь потому, что слова в нем закончились, а дыхание прервалось. Из-за наплыва чувств он не сразу сумел понять следующие слова Квандры.

– Но все не так плохо. Мальчикам вовсе не обязательно жить с тобой и терпеть твои домогательства. Я могу их спасти. Димора.

– Твои родители живы, Хинта, – послушно вступил Димора Сайда, – и находятся под нашей опекой. Семья Фойта имела несчастье потерять в один день обоих своих сыновей. Их скорбь не знает границ. И боюсь, они страдают не только от скорби. Хинта, твой отец, Атипа, снова пьет. Твоя мать, Лика, сильно болеет, потому что не может раздобыть лекарства в разрушенном поселке. Их дом сгорел, и они на улице. Но это можно поправить. Только представь, как они обрадуются, если к ним вернется сын, да еще и корпорация даст им жетоны на первую очередь в получении временной жилплощади! И потом, есть много других благ – можно обеспечить достойное погребение маленькому Ашайте, построить большой дом, восстановить теплицы. Жизнь снова наладится. Тебе нужно лишь пойти с нами.

Слова Диморы доходили до Хинты словно сквозь белую пелену. Он внезапно ужасно оступел; ярость ушла, осталось ощущение шока.

– А ты, Тави, – сказал Димора, – ты тоже не потерял свою мать. Но боюсь, она сейчас в очень, очень затруднительном положении, потому что часть выживших повстанцев ушла из поселка и осаждает усадьбу Листы Джифоя. «Джиликон Сомос» пока не вмешивается в эту ситуацию. Но ты можешь решить, как нам поступить. Протянуть ли нам руку помощи этим людям, этим представителям переменчивой администрации, которые несколько раз нарушали данное нам слово? Хочешь ли ты этого? Хочешь, чтобы мы спасли твою мать и твоего нового отца?

– Нет, – сказал Тави, – я с Вами не пойду. Это не моя война. И не на мне будет вина за чью бы то ни было гибель.

– Причинять боль – вот единственный урок, которому ты действительно выучился у нашей матери, – глядя на брата, сказал Ивара. – Ну что, доволен?

– Хинта, – позвал Квандра. – Хинта еще не высказал своего мнения.

Хинта поднял на него взгляд и вместо живого лица увидел какой-то смутный серый силуэт. Он догадался, что это из-за слез, которыми сейчас наполнены его глаза. Но было в этом и что-то символическое: Квандры больше не было – тот распался, совсем перестал быть человеком, превратился в призрачную полость, пронизанную Беме-ран Каас.

– Мы видели монстров, – извлекая что-то из самой глубины своего сердца, произнес он. – На юге их называют омарами. Эти чудовища уничтожили наш поселок. Они приспособились к миру, как он есть сейчас. Но они утратили все человеческое. Этого Вы хотите для людей?

– Да и нет. Эти монстры, должно быть, какой-то крайний вариант воздействия келп-тла. Они весьма интересны. Мы изучим их тела. Но они слишком уподобились животным. Я мечтаю дать человеку ту же степень выносливости, но оставить ему полный объем разума.

– Я никуда с Вами не пойду, – сказал Хинта, – даже если Вы взяли мою семью в заложники и будете их мучить. Я могу помочь спасти все человечество. А Вам я не верю. Вы, возможно, садист. И если я пойду с Вами, Вы все равно погубите мою семью, и меня погубите – просто чтобы досадить Иваре. А еще Вы хотите уничтожить все, чем мы являемся. Это нельзя принять.

Хинта ощутил на своем плече руку Тави, и ему стало чуточку легче. И еще он знал: где-то рядом, невидимый, танцует Ашайта. И Ашайта согласен с ним в каждом его слове.

– Ну что ж, – поднимаясь из-за стола, подытожил Квандра, – похоже, разговор окончен. Начинается война. А ты, Ивара, неплохо выдрессировал своих юнцов. Такие преданные...

– Прощай, – тоже вставая, сказал Ивара. – Эта война, как всегда, только твоя. Я хочу лишь сделать свое дело. Мне не нужно унижать тебя или ранить, мне не важно, чем ты там живешь. Просто уйди.

– Да, я уйду, – усмехнулся Квандра. – Но не прощаюсь. Еще увидимся, брат.

– Надеюсь, что нет.

Квандра ушел. Но Хинта этого не видел, потому что в эти минуты сидел, дрожа, вцепившись руками в край круглого стола. Тави продолжал обнимать его. А потом кто-то еще тронул Хинту за плечо. Мальчик подумал, что это Ивара, но оказалось, что это Лива.

– Я тоже его ненавижу, – сказал он. В глазах у него блестели слезы.

– Ивара, – позвал Хинта из своей темноты.

– Да, я здесь, – ответил Ивара. Хинта повернулся в кресле и, наконец, нашел взглядом учителя. Тот выглядел спокойным и очень печальным.

– Ну вот, – сказал он, – теперь вы двое видели моего брата. Он никогда не хотел, чтобы я его спас.

– Он правда добрался до моих родителей?

Ивара отрицательно качнул головой.

– Правда, в том, что ты, возможно, никогда об этом не узнаешь. И не узнал бы, даже если бы пошел с ним. Ты сделал правильный выбор. Мы уже не можем спасти нескольких людей. Но мы можем спасти все человечество. Сама смерть перестанет иметь значение, если мы это сделаем.

Хинта тихо кивнул. Говорить у него не было сил.

Постепенно на круглую залу опустился покой – словно сами вещи восстанавливались, оживали после ухода Квандры. Блики солнечного света преломлялись в стекле кубков, освещая россыпи фруктов и овощей. Мясные яства блестели жиром. На боках старинных металлических чаш извивался вычурный узор – только сейчас Хинта разглядел, что там, среди плавных линий, прячутся небольшие, истертые временем изображения сестер-жриц Лимпы. Когда приходила беда, его мать всегда поминала этих девушек-героинь.

Традиционно считалось, что первых сестер-жриц было ровно тридцать шесть. Все они были сиротами, потерявшими родителей в самом начале Великой Войны, все познакомились друг с другом в одном лагере для эвакуированных детей. Там эти девочки и девушки дали клятву, что позаботятся друг о друге и обо всех, кто оказался обездолен на войне. Они создали орден милосердия, став примером для всех небезразличных женщин Лимпы, и начали проповедовать идеал общего очага, общего уюта, гражданского единства – в противоположность домашнему очагу, камерному уюту, семейному единству. Со временем учение сестер-жриц настолько глубоко вошло в философию Лимпы, что их орден стал не нужен и постепенно исчез. Однако сами тридцать шесть основательниц превратились в культурных героинь. Лика верила, что теперь эти девушки хранят всеобщий покой, присматривают за уютом всех очагов, всех жилищ в нашем мире и в загробных чертогах.

Хинта привык считать убеждения матери суеверием. Он никогда не замечал, чтобы ее обращение к сестрам-жрицам помогало от реальных бед. Но сейчас, после пугающих и жестоких слов Квандры, он вдруг обрадовался, что видит лица этих хранительниц на старинной чаше. Вместе со своими друзьями он теперь принадлежал к другой вере. Он верил в Аджелика Рахна и в Вечный Компас, верил в их собственную версию истории и в сияющий центр вселенной. Жертвенность Джилайси стала для Хинты ближе, чем когда-либо была жертвенность сестер-жриц. Идея активного противостояния, способного менять мир и останавливать войны, казалась ему более достойной, чем религия тихого патриотизма, малых деяний и индивидуального выживания. Однако именно сейчас, когда у него появились собственные убеждения, Хинта вдруг смог понять и принять точку зрения своей матери. Через эти лица он попытался передать ей какой-то мысленный привет. Пусть она найдет свое утешение. Пусть какая-то ее часть останется неуязвимой, несокрушенной, когда она поймет, что ей не вернуть ее детей, когда столкнется с жестокостью новых порядков, наступивших в Шарту. Пусть это будет с ней, если ей самой придется умирать.

Хинта смотрел на лица в узорах чаши и окончательно прощался со своей семьей, побеждал Квандру, отпускал родных, чтобы быть свободным для предстоящей неведомой битвы. Рука Тави по-прежнему лежала у него на плече. Лива медленно шел вокруг круглого стола и с машинальным автоматизмом возвращал на место сдвинутые кресла. Его руки слегка дрожали. Он выглядел ужасно перевозбужденным и немного напуганным, но ему удавалось владеть собой. А Ивара стоял, задумавшись, и смотрел вверх – на пронизанные солнцем слои стекла, на листья растений и на высокое яркое небо. Он глубоко и свободно дышал – его тело пыталось вспомнить те ощущения, которые дарила жизнь внутри купола. Потом он перевел взгляд на своих друзей.

– Мой брат все у меня взял.

– Нет, – ответил Лива. – Ты почти сокрушил его. Я никогда такого не видел. Ему нечего стало сказать. И Прата... я ощущал, как он склоняется на твою сторону. Квандра забрал у тебя только «Джиликон Сомос». Все остальное осталось при тебе. И если Джада Ра все еще существует, то наш лидер – именно ты. Если только ты захочешь, ты сможешь собрать заново всех, кто остался, и они тебя послушают.

– Я не это имел в виду. Я ожидал чего угодно, но только не того, что сейчас случилось. Я знал, что брат не будет растрачивать впустую все эти годы. Я знал, что он найдет себе путь и будет двигаться вперед. Я не сомневался, что он во многом преуспеет. Но я не мог вообразить, что его

путь будет так похож на упрощенную версию моего собственного пути. – Ивара провел рукой по лбу, откинул назад прядь волос, рассмеялся. В эту минуту он выглядел не победоносным, но очень живым и неподдельно смущенным. Хинта вдруг ясно увидел, что это тот же самый человек, который на старой записи играл, бегал, целовался, плескался в воде. – Лива, ты помнишь, как Квандра надо мной издевался, когда мы в последний раз встретились все вместе? Однако после этого он сделал ровно то, о чем я говорил: он стал искать ковчег, он вознамерился открыть космос для человечества. Он все у меня взял. Он высмеял все эти сырые, недоразвитые, сомнительные идеи – и сам стал воплощать их в жизнь. А я пошел иным путем. Я все время в себе сомневался. Я ставил под вопрос каждый пункт своей исследовательской программы. До гибели Амики, Эдры и Кири я хотел лишь спасти человечество – мне был интересен любой способ. После их гибели я уже совсем не искал ковчег – я искал их тела, восстанавливал пропавшие моменты тех исследований, которые они провели без меня. Я никогда не знал, что у меня получится на следующем этапе. А Квандра словно бы раз и навсегда написал самому себе сценарий. Он идет по прямой, и неважно, что случается вокруг. Он, должно быть, не замечает ни открытий, ни неудач, не различает крупниц истины, когда пыль истории липнет к его ботинкам. Он отвергает чувство вины. Только теперь, только сегодня, глядя на него, я вдруг понял, насколько мне повезло. Ведь в наши школьные годы и во мне горел тот же энтузиазм, и меня вела, вдохновляла подобная нестигаемая воля. Но только во мне эта воля сломалась. Я перестал бежать, перестал, как механический великан, крушить все препятствия на своем пути. Я упал, упал лицом в ту самую пыль истории. И тогда эта пыль засверкала золотом.

Он продолжал улыбаться, но в глазах его блестели слезы.

– И чем дальше я ломался, тем больше я видел. А потом истина стала приходить ко мне даже тогда, когда я ее не звал. И вот сегодня эта лавина накатывает в последний раз. Я чувствую ее приближение. Квандра думает, что он мой враг. Но сегодня он был мне вестником, словно все эти годы работал на меня. Когда мы встретились, он словно отчитался передо мной, сообщил результаты выполнения своего задания. Но он опоздал: оно было дано слишком рано и слишком давно, а меня не было слишком долго. Разница между его исследованиями и тем, что мы знаем теперь – это пропасть, равная безумию, равная векам и жизням целых поколений исследователей. Только этих поколений не существовало. Мы перепрыгнули через сотню логических этапов; рок и наитие забросили нас в самое сердце прежде неведомой истины.

– У нас совсем мало времени, да? – спросил Тави.

– Да. Нам остался последний рывок, я сам еще не знаю, куда. Но я благодарен. Благодарен за то, что, сломленный и сломанный почти до конца, я встретил тебя и Хинту. Вы двое стали частью моего рока, ваше наитие сплелось с моим. Мы вместе сделали невозможное. А еще вы были одними из лучших, одними из самых добрых людей, которые когда-либо в моей жизни были рядом со мной.

– Спасибо, – прошептал Хинта. Это были первые слова, которые он произнес за последние пять минут. А Тави ничего не сказал – он просто поднялся со своего места и обнял учителя, очень осторожно, чтобы не причинить тому боль. Ивара, который в больнице отверг эти обьятия, теперь не смог возразить. Они замерли вместе; голова мальчика лежала на груди мужчины. Ивара подался вперед и поцеловал Тави в лоб. Тот глубоко вздохнул. Глядя на них, Хинта ощутил, как в нем самом поднимается какая-то болезненная волна, противоречивое желание смеяться и плакать, кричать, привлекая к себе чужое внимание, и провалиться в стыдливое небытие, остаться в полном одиночестве. Он перехватил взгляд Ливы и увидел, что тот смотрит на этих двоих с каким-то трепетом, словно это не Тави прижимается к груди Ивары, но призрак Амики, сотканный из света и тени, тихий, исчезающий.

– Да, – сказал он, – ты мог бы позвать всех, собрать остатки Джада Ра. Ты мог бы послать этих людей, послать нас, чтобы мы выступили на каждом из великих гумпраймов. И тогда, возможно, мы бы собрали такую политическую волю, с которой Квандра уже не смог бы тягаться. Но ты ведь этого не сделаешь...

– Я не знаю, что я сделаю. Проблема в том, что мне нужно время. Еще чуть-чуть.

– Он объявил нам войну. Ты же знаешь его. Он не будет ждать. Он не даст нам ни дня, ни часа, ни минуты. Я уверен, что уже сейчас, прямо в своей машине, он говорит с кем-то, отдает распоряжения, заручается помощью, оказывает услуги – и все ради того, чтобы очернить и ослабить нас. Он способен за неделю лишить меня всей той власти, которую сам же мне когда-то и дал. А еще за неделю он перепишет историю моей жизни, сделает меня нищим и безродным.

– Тогда защищайся, – сказал Ивара. Он не отпускал Тави, мягко сложив свои руки на плечах мальчика. – Прости меня, Лива, но я не дам тебе план – не сейчас. Я не Квандра. У меня нет сценария для победы. У меня есть только пыль с крупинками золота. Выиграй мне время, выиграй время всем нам. Я, Тави и Хинта – мы трое сейчас, возможно, самые бесценные умы ойкумены. Мы уже сработались, мы знаем все, что

можно знать важного. Нам нужно поговорить между собой, поговорить наедине. У нас слишком долго не было такой возможности. И только потому я хоть что-то смогу тебе ответить.

– Да, я понимаю. – По лицу Ливы Хинта видел, насколько тот уязвлен тем, что его выдвигают за пределы круга посвященных. Но Лива мог это выдержать: он любил Ивару, уважал мальчиков, верил их верой, а его разум говорил ему, что Ивара прав. Сейчас каждый из них должен был заняться тем, что у него лучше получается. В обсуждении Аджелика Рахна Лива был почти бесполезен. Но только он мог вести в этом городе политическую войну. – Тогда я вас оставлю. Говорите втроем. А мне нужно сделать несколько звонков и проверить, как себя чувствует Инка. Надеюсь, она уже приходит в себя.

– Спасибо, – прочувствованно сказал Ивара. Лива кивнул и пошел к выходу из круглой залы. Но Ивара его остановил.

– Подожди. Слушай, а мальчики уже видели главное чудо твоего сада?

– Нет.

– Но оно все еще существует?

– Да. Мы с Инкой почти не ходим туда после смерти сына. Слишком много...

– Я могу их туда отвести?

Лива кивнул и ушел. Хинта смотрел, как его высокая сутулая фигура удаляется по прозрачному тенистому коридору, ведущему от залы к основным помещениям дома.

– Пойдем, – позвал Ивара. – Вы должны это увидеть.

– А как же еда? – Хинта сам смутился того, как прозаично прозвучали его слова. – Квандра ничего не съел, только портил ягоды. А у нас не было обеда. И ты сам...

– Да, – согласился Тави. – Ивара, ты вообще ел в Литтаплампе?

– В больнице кое-что.

– Ну так поешь. У Ливы очень вкусно кормят, лучше, чем где-либо в Шарту.

– Нет. Пожалуйста, давайте уйдем отсюда. Я хочу окончательно стряхнуть с себя ощущение присутствия брата. А эти кушанья – нам все равно их не осилить.

– Давайте возьмем с собой три блюда, – предложил Хинта, – и поедем там, в этом самом чудесном месте сада. Если только это не будет... святотатством.

– Нет, это не священное место. Просто красивое. Там когда-то играли в мяч и устраивали пикники. Лива не может туда ходить, потому что Итака проводил там больше времени, чем в собственной комнате.

Они взяли с собой столько еды, сколько могли унести, прошли сквозь душное, жарко-влажное помещение оранжереи, где в бассейне с мутно-зеленой водой плавали огромные круглые листья каких-то неведомых растений, откинули занавес из полупрозрачной синтетической ткани – а за ним открылось потаенное пространство глубинной части сада. Это место за домом напоминало древний лес; древесные стволы поднимались на высоту в пять-шесть метров, их стискивали тугие тяжелиан, сбрасывающих вниз стрелы с причудливыми желто-красными соцветиями. Ветви сплошным сводом смыкались над дорожкой из белого камня. Запах земли и жизни был мощным, дурманящим; у дорожки свободно гнили палые листья.

– Да, это лучше, чем круглый зал, – признал Хинта.

– Самое красивое еще впереди.

Дорожка провела их сквозь чащу, и они вышли в поле – последнее дикое травяное поле на планете Земля. В первое мгновение Хинта и Тави были вынуждены остановиться. Они потрясенно смотрели, как взрослый уходит вперед, свободно раздвигая стебли руками, приминая шагами высокую желтую траву. У Хинты перехватило дыхание – ему показалось, что поле простирается до горизонта. Секунду спустя он понял, что это иллюзия: поле было маленьким – оно уходило вперед всего на несколько десятков метров, а потом обрывалось, упираясь в прозрачную стену купола. Из земли по сторонам от поля, обозначая границы огромного окна, поднимались конструкции стальных опор.

Тави первым решился ступить в траву. Он коснулся стеблей рукой, отвел их в сторону, засмеялся от неожиданной щекотки и несмело двинулся вперед. Хинта пошел следом. Трава пахла, как сухая ткань, как хлеб, как солнечный день, закончившийся тысячу лет назад. Хинта высоко поднимал ноги, стараясь идти след в след – он привык, что растениям нельзя вредить. Тугие завязи, пучки и кочки оказывали сопротивление его ногам, и он очень быстро устал, словно пробирался через снег или через россыпь камней.

Ивара дошел почти до самого края поля – до закрытого стеклом обрыва, под которым лежал город. Там он остановился, оглянулся назад, на неуверенных мальчиков, которые, путаясь в стеблях, шли за ним и несли блюда с едой.

– Смелее. Не бойтесь сломать несколько стеблей. Это поле – шедевр Ливы: жизнеспособный биоценоз. Пока в куполе есть чистый воз-

дух, эта трава будет жить. Здесь уже бегали, играли, лежали. В траву можно падать. Лучше падать спиной вперед. Это очень приятно.

– Это не больно? – спросил Хинта.

– Нет. Трава мягкая и густая, стебли тебя поддержат. Это как падать на поле фрата – подушка между тобой и поверхностью земли. Но здесь это можно делать без скафандра.

Однако никто из них не решился упасть: они лишь тихо опустились в траву, примяли ее руками и коленями, поставили подносы между собой.

– Да, – откидываясь на спину, зачаровано прошептал Тави. Хинта повернул голову и увидел маленький, невзрачный белый цветок какого-то ползучего растения, сумевшего проплести свои веточки между стеблями злаков. Теперь этот цветок был над ухом Тави. А наверху было небо – совсем близко: убери стекло, и вся эта трава, все эти джунгли сгорят, будут убиты ядом.

– Ну, вот и закончилось наше время, – серьезно сказал Ивара. – Я рад, что мы здесь. Рад, что конец нашего времени наступает именно здесь. Теперь мы должны решить, что делаем дальше. Наше решение обозначит конец эпохи. Если мы потерпим поражение, это станет лишь концом времени наших собственных жизней. Но если мы победим, это будет концом всей эпохи после Великой Войны, всей эпохи после оттепели, начиная с первого Дня Жизни.

Он сидел, вытянув ноги, упираясь спиной и плечом в стекло купола. Солнечный свет падал на половину его лица, но Ивара почти не щурился, словно он сжился с солнцем, сам стал частью его лучей. В его чертах проступило что-то величественное, какой-то запредельный покой абсолютной решимости. Хинта подумал, что вот теперь он выглядит как победитель, как человек, который четверть часа назад выиграл битву.

А потом Тави тихо запустил руку в карман, достал компас, раскрыл футляр и протянул сверкающую вещь Иваре. Тот молча взял предмет, перевернул, посмотрел на чеканную тыльную сторону золотого корпуса.

– Вы ведь отдали его?

Хинта почувствовал призраков. Они подходили ближе – спускались от солнца, ложились теньями, обдували ветром.

– Это тот самый компас? – спросил Тави.

– Да, но... – На лице Ивары отразилось удивление. Он снова посмотрел на компас, взвесил его на ладони, робко провел пальцами по золотой огранке, потом зачарованно оглянулся вокруг. – Да, это тот самый компас. Но он изменился. Я что-то чувствую; это невозможно описать.

Словно эта вещь проснулась. Она никогда не была такой. Мы брали ее в руки, но она молчала. А теперь она говорит.

У Хинты пересохло во рту.

– Твой компас был настоящим компасом Тайрика Ладиджи? Первой репликой?

– Да.

– Мы отдали его, – сказал Тави, – мальчику, которого звали Двана. Он положил компас в одну из дарохранильниц своих погибших родителей. Потом, когда после землетрясения мы были в колумбарии Шарту, мы видели там сотни разрушенных погребений. Но погребения родителей Дваны были целы. Мы предположили, что это компас уберег их. Думаю, тогда он все еще лежал там.

– Да, я помню, – кивнул Ивара, – помню, как вы двое туда зашли.

Призраки подходили все ближе, незримые, неосязаемые, вставая между травинкой и травинкой, превращаясь в сонм; их лица были в переливах стекол и в облаках на небе, их беззвучное пение наполняло мир, согревая его, превращая в обитаемый дом. Хинта чувствовал, как начинает работать какой-то механизм, как энергия летит над красными просторами мертвой Земли, как маленький золотой ковчег на Луне раскрывается подобно цветочному бутону, как Аджелика Рахна в сейфе Ливы поет в ответ компасу, как меняются солнечные лучи.

– Мы не забирали компас, – сказал Тави. – Мы не видели его с тех самых пор, как отдали Дване. А в ночь, когда омары напали на Шарту, Двана умер. Это была странная смерть. Его не убило пулей. Он просто упал и не встал – без раны, без боли.

– А потом компас вернулся? – спросил Ивара. Компас лежал на его ладони; стрелки показывали стороны света. Наступила тишина, только искусственный ветер гулял в последней траве. И призраки шли.

– Да.

– Как?

Хинта посмотрел на Тави.

– Я думаю, что я – фавана таграса, – произнес тот. – У меня есть погребение в колумбарии Литтаплампа. Мы с Хинтой спускались в колумбарий сегодня утром. Компас лежал там – он был единственной вещью в моей дарохранильнице.

Ивара подался вперед, замер. Потом он прикрыл глаза, и несколько мгновений казалось, что он просто греется на солнце, просто слушает музыку, которая идет к нему отовсюду.

– Ну конечно. Слова твоей матери и твое свидетельство о смерти. Фавана таграса – не выжившие, верно? Это люди второй жизни, те, кто прошел через смерть, но каким-то образом был возвращен, да?

Тави кивнул.

– Я умер и был похоронен. Стоять там, у своего погребения – это было очень странно. Я чувствовал свой прах и кости по ту сторону металла. Я знаю, что это правда. Мы с отцом погибли вместе. Но я воскрес. Мы видели эту же вещь в памяти омара – вторую жизнь. Но ту вторую жизнь получали только очень плохие люди.

– А ты вернулся иначе. Не уродцем, недоношенным в золотой скорлупке, а человеком.

Призраки обступили их – как голограммы, преломленные в стекле, как пар слабого дыхания: прозрачно-светлая армия.

– Ивара, – сказал Хинта, – посмотри на Тави, посмотри внимательно на его лицо. Его барельеф был сделан по образу Таливи Митина. Ты видишь?

Ивара посмотрел на Тави, и Хинта заметил, как выражение глаз учителя меняется: тот узнавал загадку лица Тави, как и сам Хинта недавно узнал ее.

– Ты – образ и подобие своего барельефа?

– Да. Я до сих пор даже не знал, что Хинта тоже это заметил.

– Прости, – сказал Хинта. – Я видел это, это произвело на меня сильнейшее впечатление, но всего было слишком много, и я говорил о другом. А после уже не было времени.

Ивара протянул руку, кончиками пальцев коснулся щеки Тави. Мальчик не вздрогнул, но, наоборот, потянулся навстречу его ладони.

– Это чудо, – с каким-то особенным выражением произнес Ивара.

– Я знаю, – улыбаясь, ответил Тави.

– Мы не стали говорить при Ливе о фавана таграса и о компасе, – добавил Хинта. – Лива отвез нас в колумбарий, но он думал, что мы идем к могиле отца Тави. Он так и не узнал, что произошло.

– Погребение моего отца было рядом с моим, – пояснил Тави. – Теперь мне кажется, что я... что мы с Хинтой неправильно сделали, когда оставили Ливу в неведении. Если бы мы рассказали ему обо всем, он бы, возможно, обрел более прочную надежду на возвращение своего сына. Мне показалось...

– Нет, – покачал головой Ивара. – Вы все сделали наилучшим образом. Вы не должны были ему говорить. Лива слишком сильно страдал. Я не знаю, как бы он поступил, если бы начал верить, что может вернуть одного своего сына, и не менять больше ничего вокруг. А сейчас он

многого не знает – и в этом незнании его сила. Надежда, которую он получил, не исходила от людей, от меня и от вас – она была дана ему самим Аджелика Рахна. С этой надеждой, пусть неясной, Лива стал нашим верным союзником. А союз с ним нам необходим. Он последний из моих старых друзей, кто остался мне другом. Но я не знал, могу ли доверять ему по-настоящему. Теперь я знаю, что могу. Любовь к сыну будет держать его с нами. Это трудно – скрывать информацию от тех, кто на твоей стороне, но бывает, что нет другого выбора. Вы двое – молодцы. Признаюсь, я не мог ожидать, что вы так хорошо справитесь без меня. Но у вас все получилось, вы не наделали глупостей, не попали в беду и при этом много успели.

От этой похвалы у Хинты внутри стало тепло. Он ждал таких слов, нуждался в одобрении. А между тем компас по-прежнему был у Ивары в руках, и призраки продолжали приходить, подходить. Они больше не атаковали, не заставляли Хинту терять сознание – они просто останавливались рядом: зрители, свидетели, вестники, просители. Как мальчишки ждали суждения Ивары, так и эти фигуры из тени и света – тоже чего-то ждали.

– Спасибо, – сказал Хинта. – Я рад, что мы все сделали как надо. Хотя порой мне казалось, что от меня нет пользы, что я могу только страдать, спать, есть и падать в обмороки – здесь и там.

– Нет, Хинта, – возразил Тави, – ты отлично держался. Ты был великолепен в своей умеренной искренности – например, когда ты напал на «Джиликон Сомос» в самом начале нашей с Ливой первой поездки. Я не знаю, как бы я стал знакомиться с Ливой без тебя.

– Ладно, в таком случае я горд собой. Но ведь я могу задать тот же вопрос, который задавал Лива. Почему мертвые? Что нам обещают эти призраки и их песни? Почему золотые вещи заговорили не своим голосом, не языком машин и программ, но языком смерти? Откуда вокруг все эти сонмы страждущих душ? В чем смысл?

Тави открыл рот, чтобы ответить, но сам Хинта продолжал говорить – что-то прорвалось из него.

– Я их вижу. Я их слышу. Раньше это происходило только рядом с Аджелика Рахна и с компасом – теперь это происходит просто так. Раньше это происходило в темных, закрытых пространствах – теперь это происходит под небом, посреди просторов мира. Духи заполняют вселенную. Я видел лицо Дваны почти так же ясно, как ваши лица. Другие не являлись мне с такой ясностью. Но я различаю среди них Ашайту, я чувствую, как он танцует в самих вещах.

– И я его почувствовал, – сказал Ивара. – В больничном лифте. Когда пели робо-каталки.

– Раз наше время кончилось, значит, у нас должен состояться последний разговор – тот, в котором будут подведены все итоги. Так?

– Последний или почти последний. Я проделал в своей жизни огромную исследовательскую работу. На ее финальном этапе ко мне присоединились вы двое, и вместе мы совершили прорыв, равного которому наука до нас не знала. Потом мы с вами добыли запись из памяти омара. Мы слышали слова кежембер и стали свидетелями пробуждения Аджелика Рахна. Та запись содержала в себе абсолютно все, чего добились мои погибшие друзья. И если были еще вещи, которых нам не хватало, то эти вещи открылись сегодня – во время вашего спуска в колумбарий и позже, в речи моего брата. У нас есть самая полная картина. Осталось только свести ее воедино.

– Тогда, позволь, я начну, – попросил Хинта. – Начну с призраков, потому что они рядом здесь и сейчас. И я хочу их понять.

– Конечно.

– Смерть не окончательна. Посмертие материально. Где-то в Акиджайсе работает огромная машина. В ней развиваются эмбрионы тысяч человеческих тел. Души умерших могут переселяться в эти тела. Я не знаю, со сколькими из людей это происходит; складывается впечатление, что стать омаром куда проще, чем стать фавана таграса... Но дело сейчас не в этом. Призраки, души, духи – все, кого я ощущаю вокруг – это то самое, что должно переселяться из старого тела в новое. И этот процесс каким-то образом связан с золотыми вещами. Поэтому, когда золотые вещи пробуждаются, мы начинаем ощущать присутствие мертвых. Так?

– Вот ты сам и ответил на свой вопрос, – сказал Тави. – Даже дополнил те слова, которыми я все это описал в колумбарии. Я представлял себе очень простую и строгую систему. Я думал, что есть человек, и что у этого человека есть одно запасное тело, предназначенное только ему, и что от морального выбора человека зависит судьба его запасного тела. Но в твоих словах я услышал другое. Эмбрионы не индивидуальны. Это звучит более реалистично, потому что даже самая огромная машина не могла бы содержать в себе в виде копий все человечество. Эмбрион обретает индивидуальность, когда освобождается душа. Так получают и омары, и фавана таграса.

– А твое лицо?

– Соединено с лицом Таливи.

– Вот именно. Все сложнее. Тави, в тебе не одна сущность, а больше.

Тави моргнул.

– В тебе и душа Тави, и душа Таливи. Ты не обычный мальчик, ты был пересотворен словно бы специально для того, чтобы однажды пройти весь путь последних месяцев! Ты думал о нужном, изучал легенды, восхищался героями, хотел бороться, искал справедливости, горел ярче других. А потом ты увидел Ивару – лишь мельком, но с той минуты ты словно бы знал, что нужно делать. С той минуты твоя прежняя жизнь, жизнь изначального Тави, стала разрушаться, исчезать. И вот сейчас ты здесь. Твоей семьи – отца и матери – рядом с тобой нет. Прости, что я это говорю. Но рядом с тобой мы с Иварой, и Аджелика Рахна, и компас, и могущественные люди. Твои слова о том, что ты попадешь в Литта-пламп, оказались пророчеством. Твои слова о том, что звездный ветер работает не только между мирами, но и внутри мира, тоже оказались пророчеством, потому что твоя душа проделала этот путь здесь... Машина перерождений дает жизнь, но не занимается просто копированием людей – она иначе побеждает смерть: создает других людей, не случайных, измененных, таких, которые пытаются найти правду, рассказывать правильные истории, совершать благие поступки. Как в барельефах на саркофагах, в одном возрожденном – два образа: душа недавно умершего и душа древнего героя.

– Поэтому о фавана таграса и осталось немало свидетельств, – сказал Ивара. – Почти всегда это были выдающиеся люди – те, кого потом помнили и любили, кем восхищались. И традиция посмертных барельефов, думаю, возникла не сама по себе; изображения на саркофагах отражают природу фавана таграса. В каждом из этих лиц спрятана надежда на воскрешение, на вторую жизнь. И одновременно это надежда на великую праведность умершего, амбиция, что умерший обладал несравненными человеческими достоинствами.

Пока они говорили, Хинта смотрел – на них и на компас, на небо и на траву. Он видел, как призраки играют вокруг, переплетением теней и света ложатся на их лица.

– Я понял, – вдруг произнес он. – Это надежда не на одну вторую жизнь. Это надежда на целый цикл новых жизней. Ведь получается, что если Тави станет героем, то через века он повторится снова и будет соединен с еще одним хорошим человеком или с еще одним невинным ребенком. И так будет происходить раз за разом.

– То есть, возможно, во мне уже больше, – осознал Тави, – больше, чем два?

– Души – это свет вселенной, – напомнил Ивара. – Души связаны с историей, которая началась не в этом мире. Если каждый раз оставлять самое хорошее от каждой души и передавать это дальше, то, в конце концов, возникнут существа, очень похожие на сам Образ. Тави, я думаю, это уже есть в тебе, уже сияет в тебе. Вместе с изначальным Тави и с изначальным Таливи в твоём лице сам Образ: потаенные черты великой прекрасной общности, к которой принадлежат все люди, и Аджелика Рахна вместе с нами.

– А мое лицо похоже на твое, – сказал Тави. – Тогда ты тоже можешь быть фавана таграса.

Хинта несколько опешил от такого поворота. Но он и сам видел это: видел их общность и связь, видел, что призраки не делают различий в своём танце и равно касаются обоих – и мужчины, и мальчика, и не только их лиц, но и рук, и тел, и всего вокруг них.

– Я уже подумал об этом, – сказал Ивара. – Это бы объяснило пропавшие годы моей жизни, объяснило, почему такое количество людей чувствовало, что я умер, почему мой брат так странно присматривался ко мне, и почему в конце, когда он стал терять контроль, он обмолвился о том, что я вернулся из мертвых...

– Да. Поэтому мы с тобой так похожи. Дело не в цвете волос и даже не в чертах лица. Многие люди бывают похожи мелочами. Но мы с тобой похожи этим особым всеобщим светом, который примешался к собственному свету наших душ.

– Это лестно звучит, – скептически ответил Ивара, – но где мое погребение, мое свидетельство о смерти? В какого из героев я преображен? – Он развел руками. – Давайте не будем говорить обо мне как о фавана таграса, потому что этому нет – по крайней мере, пока – доказательств. И вся моя схожесть с Тави, которую замечали столь многие люди, может объясняться иначе. Давайте обсудим другие вещи: по возможности, построим картину мира.

– Хорошо, – согласился Тави.

– Чего-то я все-таки не понимаю, – сказал Хинта. – Мы говорим, что есть машина, которая обеспечивает переселение душ...

– Нет, – поправил его Ивара. – Переселение душ – закон вселенной, поддерживаемый звездным ветром. Машина лишь поставляет тела, оболочки, дает шанс быстро возродиться людям определенного склада.

– Ладно. Мы сейчас по большей части разобрались с фавана таграса, и я сам ответил на вопрос о том, почему призраки приходят к золотым вещам. Я даже могу понять, почему они приходят к нам с вами – потому что мы теперь причастны. Но каков механизм этого процесса? По-

чему я вижу их в свете дня – прямо на стеклах, на траве, в ваших лицах? Вы их видите так же?

– Не совсем, – сказал Тави. – Скорее я их слышу – они, как речь Аджелика Рахна, проникают в мой разум.

– А я их чувствую, – сказал Ивара, – но не слишком ясно. Забавно, но для меня это ощущение похоже на работу в аудитории – словно нас здесь не трое, а класс или курс. Я их чувствую, как чувствовал толпу учеников, к которым поворачивался спиной. Я их не слышу и не вижу. Но я не видел Аджелика Рахна с тех пор, как мы пересекли линию Экватора. Если он пробудился, стал другим, то, возможно, контакт с ним изменит мое восприятие.

– Тогда почему я вижу лица? – спросил Хинта.

– Возможно, это очень субъективное явление, – пожал плечами Ивара, – и каждый воспринимает их по-своему.

– Они красивые? – спросил Тави.

– Да, – с некоторым трепетом ответил Хинта, – думаю, так можно сказать. Это идеальные лица. На них нет шрамов природы и жизни. Я не замечал в них явного уродства. У них вообще очень мало индивидуальных черт. Я не знаю, сколько им лет. Я даже не могу различить мужчин и женщин.

– Должно быть, это здорово – видеть их своими глазами. Их много?

– Их много, – эхом подтвердил Хинта, – и нет, я не уверен, что видеть их – это здорово.

– Думаю, они не издают звуков и не выглядят, – сказал Ивара, – но сам наш разум находит удобный для себя способ, чтобы их воспринимать. Ты и раньше был таким, Хинта. Ты порой удивляешь других, даже меня. Ты видишь то, что скрыто, замечаешь даже те эмоции у людей, которые сам не можешь понять. У тебя дар. Ты – мастер эмпатии.

И снова похвала обрадовала Хинту. Но теперь вместе с удовольствием он ощутил удивление, даже смущение. Он никогда не думал о себе тех вещей, которые сейчас сказал о нем Ивара. Хинта знал о своих технических талантах. Еще он стремился к зрелости. Он бы принял как должное, если бы его похвалили за благоразумие, за выносливость. Но Ивара хвалил его за те вещи, которые сам Хинта обычно приписывал Тави. И сейчас Хинта посмотрел на Тави. Но тот улыбался, будто был согласен с Иварой, будто Ивара, с его точки зрения, говорит очевидные вещи.

– Ты вместе с братом получил видение тех золотых врат. А теперь Ашайта мертв, и если между вами была связь, то отныне она уходит за грань смерти. Поэтому ты видишь призраков так, как мы их не видим.

Хинта неуверенно кивнул. Он тоже чувствовал, что все это правда. Неужели он настолько не понимал себя? Ведь, действительно, он всегда мог что-то сказать о людях – даже о тех, о которых ничего не мог знать. Вот, к примеру, Прата – Хинта теперь осознал, что почти видел, как тот шел по поверхности Луны. Неужели видения всегда были с ним, а он даже не осознавал их? И сколько всего мог бессознательно видеть и постигать его ущербный брат?

– Но откуда это во мне? – спросил он.

– Келп-тла? Я не знаю. Мир полон необычных людей. А ты родился и жил в необычном месте, на границе между всем и всем, в точке соприкосновения очень многих сил.

– А те золотые врата, – вернулся Тави, – они ведь тоже часть картины, которую мы теперь можем свести воедино?

– Безусловно. И думаю, я наконец-то знаю, где они и что они такое. От этой новости мальчики встрепнулись.

– Расскажи, – нетерпеливо попросил Хинта.

– Современная онтогеотика считает, что планета заключена в одно кольцо – в кольцо Экватора. Но этих колец два. Экватор – это центральная широта планеты. Второе кольцо – это Меридиан. Меридиан идет перпендикулярно Экватору. Омар называл его Ас Кешал Гаум, говорил о нем как о «темном». Я думаю, такое название не случайно; возможно, суть его в том, что почти вся темная материя, попавшая на нашу планету, сосредоточена вдоль этой линии. Меридиан – конструкция не менее величественная, чем Экватор. Но Меридиан идет очень глубоко под поверхностью земли, а темная материя экранирует его, поэтому ученые веками не замечали его существования.

– И мы знаем, где проходит Меридиан?

– Да. Судя по всему, он под нами. Он идет под Литтаплампом, с одной стороны от Экватора, и под Акиджайсом, с другой. А посередине между этими точками, у самой стены Экватора, стоит злосчастный поселок Шарту. Поэтому я и говорю, что ты, Хинта, вырос в месте, где сошлось такое множество сил. И поэтому я послал туда своих друзей, хотя годы назад мы не знали почти ничего. Но уже тогда мы вычислили аномалию в районе Шарту. Аномалия возникала из-за того, что это место встречи двух самых энергоемких инфраструктур на планете.

– Да, – ошеломленно сказал Тави. – Я тоже об этом думал, но не додумал это в такой географической ясности. Омар говорил, что путями

Темного Меридиана он поведет твоих друзей на юг к... к Исал Мунах Адар Дабаута – постоянным вратам великого возвращения, и дальше, до Минур Канах Кежембра – сердца кежембер. И эти же вещи Аджелика Рахна показывал на энергетическом шаре, в самом конце своей речи!

– Получается, именно эти врата – Исал Мунах Адар Дабаута – я видел в своем видении? – спросил Хинта. – В том видении, которое случилось, когда отключалось электричество и когда Ашайта впал в кому?

– Возможно.

– Это врата, через которые выходят фавана таграса? – спросил Тави. – Я прошел через них?

– Думаю, что так. Они должны быть где-то под пустошами. И в них должен быть какой-то невероятный механизм – машина телепортации, чтобы все фавана таграса могли вернуться домой, даже если между этим местом и их домом лежат тысячи миль мертвой земли. А дальше на юг, ближе к Акиджайсу, находится место, где Меридиан выныривает на поверхность – там он открыт, там должны были уничтожаться те, кому воскрешение запрещено. Но из-за какого-то сбоя в системе, или из-за внешнего вмешательства, этот механизм был нарушен, и некоторые из этих существ обрели бытие – стали кежембер.

– Но почему в моем видении около врат лежали мертвецы? – спросил Хинта.

– Возможно, потому, что врата закрыты для тех, кто пытается в них войти. Они открыты только для фавана таграса, которые должны из них выйти. Это не вход, а только выход.

– Или дело в другом, – сказал Тави, – в том, что уже очень давно какое-то зло захватило окрестности этого самого важного на планете места и контролирует все это пространство. Темная материя, которую омар называл Бемеран Каас, собирается над Меридианом, экранирует его от человеческих приборов, мешает его работе. А омары рождаются в Акиджайсе. Теперь это их город. Хотя так не должно быть.

– И кто построил Меридиан? – спросил Хинта. – Аджелика Рахна? Ивара кивнул.

– Только они могли это сделать.

– Так вот о чем та самая первая легенда, которую ты рассказал нам на руинах школы! – осознал Тави. – Аджелика Рахна не исправляли Экватор. Они построили другую огромную машину – второе кольцо, без которого сам Экватор не мог работать. И вместе две эти структуры начали преобразовать планету: лед растаял. И в этой огромной штуке заключены тела для фавана таграса?

– Да. Фавана таграса появляются и развиваются внутри этой структуры. Затем они выходят на поверхность – через врата жизни или через врата уничтожения. Но внутри Меридиана должны быть не только эмбрионы. Там вся наша надежда. Аджелика Рахна заключили туда нечто великое, чтобы дать нам шанс на полное возрождение Земли. У них были столетия на то, чтобы возвести и усовершенствовать эту структуру. И теперь Меридиан должен обладать огромной мощью. Он развит, завершен как никогда прежде. Он и есть главный росток, взошедший от золотого семени. Я годами задавался вопросом о том, почему в наше время мы не встречаем и толики тех золотых вещей, которые были известны в эпоху Великой Зимы. Теперь я думаю, что знаю ответ: вся сила этих вещей ушла в Меридиан. Именно поэтому даже сам Аджелика Рахна теперь спит. И разбудить его можно лишь в одном месте – в точке, где Экватор и Меридиан встречаются.

– Ну да, – сообразил Хинта. – Чтобы проснуться, он берет частицу всей этой энергии обратно.

– Именно так.

– Как жаль, что он не закончил свою речь, – вздохнул Тави.

– Да. Но он сказал главное: что...

– ...мы должны его отнести.

– Куда-то. Но мы так и не узнали, куда.

– Да, мы не услышали его последних слов. Но он показал карту. А омар, сам не ведая, что делает, объяснил эту карту нам. Место, куда мы должны отнести Аджелика Рахна, обозначено на этой карте. Это место где-то вдоль Меридиана; при этом я думаю, что оно с той стороны стены Экватора, ближе к Акиджайсу, там, где находится вся ключевая структура Меридиана и все главные выходы из него. Вот и ответ на вопрос о том, что нам следует делать дальше – нам нужно будет попасть туда.

– Но как? – спросил Хинта. – Это ведь пустоши.

– Нет, – понял Тави. – Это не пустоши. Это под пустошами. Это те пути Меридиана, о которых говорил омар.

– Но они разрушены, – сказал Хинта. – Друзья Ивары нашли подводный вход в эту инфраструктуру. Но потом там все заполнила Бемеран Каас, обращенная в плазму. Этих тоннелей больше не существует. Или придется пробуриться туда через сам ад. Но мне кажется, даже идти через пустоши, постреливая по омарам, будет проще, чем бороться с Бемеран Каас. И для того, и для другого нам нужны несметные ресурсы, целая армия.

– Я об этом думал, – ответил Ивара. – И даже обдумывал страшный и безумный вариант, что мне придется принять помощь Квандры,

что мне понадобятся его люди, чтобы повести экспедицию в Акиджайс. Но ты, Тави, спас меня от этой печальной необходимости. И теперь я вдвойне рад, что поговорил с вами, прежде чем принимать любое решение.

– Но как? – спросил Тави. – Что такого я открыл? Разве у меня есть армия?

– Твое лицо открыло нам секрет всех посмертных барельефов. А это живая традиция. А когда есть живая традиция, это означает, что у нее есть живые хранители. До этого мы имели дело с историей, с артефактами и свидетельствами давно минувших дней. Но теперь мы нашли привязку в настоящем. Мортейры и мастера саркофагов работают прямо сейчас.

– Но ведь они могут ничего не знать про фавана таграса, – сказал Хинта, – а просто повторять все, как это делали века до них.

– Я бы тоже так рассуждал, если бы не одно событие, свидетелями которого вы тоже были. Я имею в виду человека, который бросился к нам на технической парковке больницы.

– У него был знак на лице, – вспомнил Тави, – и ты его узнал. Но ты тоже не захотел об этом говорить при Ливе. Этот человек – мортейра?

– Нет. Он принадлежит к Санджати Кунгера.

Хинта только качнул головой; он абсолютно не знал, кто это такие.

– Это весьма особые люди. Отчасти секта, отчасти каста. Они живут в колумбарии, работают на строительстве новых штолен, следят за чистотой, ухаживают за надгробиями. Их не очень много – несколько тысяч.

– Учитывая размеры колумбария, их действительно немного, – согласился Тави. – Но все равно странно, что мы ни одного там не встретили.

– Днем они спят, но даже ночью редко выходят на те маршруты, которыми пользуется большинство посетителей колумбария. Впрочем, встретить их можно. Есть несколько мест, где они появляются регулярно – просят там милостыню, общаются с людьми, принимают заказы.

– Они нищие? – спросил Хинта.

– Многие из них отказываются от обладания имуществом, но среди них есть свои образованные люди: инженеры, историки. Санджати Кунгера можно родиться, но можно и прийти к ним в любом возрасте. Уйти от них тоже несложно. Некоторые из числа урожденных Санджати Кунгера становятся мортейрами или мастерами саркофагов, а такой человек может зарабатывать очень большие деньги и вести в Литтаплампе богатую жизнь. Так что, при наличии желания и определенных талантов,

бедняки могут разбогатеть, выбраться из подземелий и начать жить в одном из лучших районов города. Однако, насколько я понимаю, большинство этих людей никуда не стремится и живет так же, как жили их предки полвека или век назад.

– А о чем их просят? – заинтересовался Тави.

– Помнить. Навещать погребения. Чаще всего к ним обращаются люди, которые хотят, чтобы их умершие родные не чувствовали себя покинутыми, но сами уже не могут выполнять этот долг.

– А что за знак был на лице у того человека, который кинулся к нам в больнице? – спросил Хинта.

– Древо.

– Древо, – повторил Тави. – Да, похоже. Как на Аджелика Рахна?

– Да. Теперь я думаю, что здесь есть связь.

– И эти люди могут быть живыми хранителями всей той истории, которую мы с таким трудом открывали?

– Не думаю, что всей, но что-то они знают. Иначе бы один из них не появился у больницы, чтобы передать нам сообщение. Я раньше думал, что он кричал все эти слова мне. Но теперь я не уверен; возможно, он кричал их тебе, Тави, потому что ты фавана таграса.

– Ты тоже можешь быть фавана таграса, – вернул Тави.

– Это не доказано. Ну а если и так, то он мог обращаться к любому из нас, к нам обоим, или ко всем нам вообще.

– И все же я не понимаю, – сказал Хинта. – Даже если Санджати Кунгера многое знают, как они помогут нам проложить путь до самого Акиджайса? Или они должны стать той самой армией, которой нам не хватало, чтобы перейти пустоши?

– И здесь мы подходим к третьему основанию, на которое я опирался. До того, как я исчез, я занимался какими-то исследованиями в самых глубинах колумбария. Я сам об этом ничего не могу вспомнить, а в сети на эту тему опубликован лишь бред. Но если мы правы сейчас, если Меридиан проходит под Литтаплампом, то настоящее сокровище, которое может быть найдено там, на самой глубине – это доступ к нему. А Санджати Кунгера могут хранить этот секретный путь, потому что никто не знает подземелья лучше, чем они.

– И если там есть проход, – загорелся Тави, – то нам не нужны те проходы, которые твои друзья нашли вблизи Экватора! Мы можем спуститься к Меридиану прямо здесь, под Литтаплампом, и вдоль него пройти... до самого Акиджайса?

– Это лишь гипотеза, но да, если такой путь есть, нам не нужны ни армия, ни техника, ни деньги, ни политическая сила, которую мне про-

чит Лива. Мы можем просто взять Аджелика Рахна, Вечный Компас, еду, скафандры, нашу храбрость – и отправиться вниз.

Хинта услышал, как гулко и яростно бьется его сердце. Призраки по-прежнему были вокруг, но сейчас ему показалось, что в их лицах что-то меняется, словно они могли слышать этот разговор и питать надежду.

– Мне кажется, Инка и Лива тоже должны были понять географию Меридиана, – сказал Тави. – Они ведь видели запись с воскрешением Аджелика Рахна и слышали слова омара.

– Ну, вот я тоже это видел, – возразил Хинта, – но в отличие от вас двоих, не сделал столь всеобъемлющих выводов.

– Нет, – сказал Ивара, – они не могли сделать тех выводов, которые мы сделали сейчас. Я тысячу раз за свою жизнь наблюдал, как образованные, неглупые и в целом благонамеренные люди смотрят на вещи, на тексты, в которых я нашел что-то важное, не видя там ничего. У нас с тобой, Тави, тоже своего рода дар – почти как у Хинты. Мы все трое можем видеть то, чего не видят остальные, при этом мы с Тави можем видеть то, чего не видит Хинта, а ты, Хинта, можешь видеть то, чего не видим мы. И кроме дара, у нас есть специальная подготовка. Мы уже знали про фавана таграса, мы обсуждали их. А сколько мы говорили об Аджелике Рахна, о золотых вещах, об устройстве вселенной, об омарах, о прежних сектах Образа? Это не случайно пришло к нам. Мы воздвигли здание нашего знания, навели мосты между разрозненными смыслами. Мы понимаем, кто такой Аджелика Рахна; мы знаем, как он пришел сюда; мы знаем, чем он занимался здесь; мы знаем, на что он способен. Поэтому мы можем поверить в Меридиан, вообразить себе эту вещь во всем ее масштабе, понять ее историю и предназначение.

– И мы его найдем, – тихо закончил Хинта, – когда возьмем нашу храбрость и спустимся в самую глубину пещер колумбария.

Ивара улыбнулся.

– Когда пойдем? – несколько нервно спросил Тави.

– Поздно вечером. Чтобы встретиться с Санджати Кунгера, когда те бодрствуют и занимаются своими делами.

Тави обреченно кивнул.

– Не сегодня вечером, – успокоил его Ивара. – Завтра. Моей ране нужны еще хотя бы сутки покоя.

– Хорошо! – с облегчением ответил Тави. Они, наконец, приступили к еде. Великолепные кушанья успели остыть, но остались такими же вкусными. Хинта жевал ломти холодного мяса, закусывал их острыми овощами и с мстительным наслаждением вспоминал, как ягода лопнула в руке у Квандры, когда тот утратил контроль над разговором. А вокруг

колыхалось море желтой травы, светило солнце, танцевали призраки, сверкали стекла огромного купола, разверзлось бездонное небо, курились дымами далеко внизу муравейник города.

– Пусть это будет не последний пикник на травяном поле, – попросил Тави. – Пусть эта планета живет.

Наевшись, они разлеглись в траве. Хинту сморило, он задремал, но сквозь сон ему казалось, что он слышит, как друзья тихо переговариваются между собой. Ивара что-то шептал, Тави едва слышно смеялся, и в этом смехе было счастье. Судьба жестоко урезала их время, а чувство долга не позволяло им отклониться от их пути, но они получили свой клочок времени между великими битвами, чтобы испытать то, чего у некоторых людей не случается ни разу за всю их жизнь.

Когда вечернее солнце окрасило колосья в теплые предзакатные цвета, на поле появились Лива и Инка; они вышли из густых теней сада и, раздвигая траву, пошли к месту маленького пикника. Хинта к тому времени уже проснулся. Он сидел спиной к стеклу купола, на том месте, где раньше был Ивара, и смотрел на приближающиеся силуэты. Ивара поднялся им навстречу.

– Ты жив, – сказала Инка.

– Да. Признаюсь, еще никогда не осознавал этого с таким восторгом и с такой глубиной.

Они обнялись; она долго – даже слишком долго – не отпускала его из своих объятий.

– Я мечтал умереть, – уткнувшись в ее плечо, произнес Ивара. – Вслед за Амикой. А сегодня, впервые за годы, я не хочу умирать.

– Не надо, не говори так. Не надо об этом.

Хинта смущенно отвернулся, посмотрел на город – а они все стояли, обнявшись. Тави тоже поднялся из травы, обмолвился с Ливой какими-то словами. Потом Инка, наконец, отпустила Ивару. Впятером они смотрели на закат сквозь стекло купола.

– Отсюда ведь можно уйти тайком? – спросил Ивара. – Так, чтобы никто не знал, куда?

– Исчезнуть? – уточнил Лива. – Значит, ты так решил?

– Да. Квандра следит за домом, и рано или поздно он сюда придет. Ты прекрасно знаешь, что мне, мальчикам и Аджелика Рахна нельзя здесь оставаться. Да и вам так будет безопаснее. А пока пусть брат думает, что мы здесь и готовимся сражаться с ним на его поле.

– Да, ты прав. Я помогу тайно уйти. Есть способы.

– Хорошо.

– Когда? – спросила Инка. Лива, пытаясь утешить, приобнял жену за плечи. Она ответила слабой улыбкой.

– Завтра вечером, – ответил Ивара. – Есть три сценария. Либо через несколько дней после нашего ухода с миром начнут происходить невероятные перемены – такие, что их заметит каждый. Либо ничего не произойдет, но мы вернемся. Либо ничего не произойдет, но и мы не вернемся.

Лива закусил губу.

– Ты не перечислил вариант, в котором с миром начнут происходить изменения, и вы вернетесь триумфаторами.

– Боюсь, что этого варианта нет, – ответил Тави, – потому что мы будем в центре катаклизма. Как друзья Ивары в прошлый раз. И если мы выживем, то станем частью чуда и пойдем дальше, а не назад.

В других обстоятельствах эти слова могли бы показаться жестокими. Но здесь и сейчас говорилась только правда, и Тави ничего не нарушил, когда озвучил эту правду. Слушая его, Хинта вдруг понял, что они окончательно перешли какую-то черту. Они прошли через две битвы – одну в Шарту, и вторую здесь, сегодня, когда был разбит Квандра. Они стали героями. Никто теперь не смел останавливать их, когда они говорили, что пойдут на новый риск, что собираются сделать нечто великое, что пожертвуют за это великое собственными жизнями. Люди смотрели на них иначе. То, что раньше могло показаться заносчивостью, глупостью или безумием, теперь превратилось в должное.

– У меня будут для тебя инструкции, – обращаясь к Ливе, сказал Ивара, – на оба случая, если мы не вернемся.

– Да, конечно. – Лицо Ливы посуровело.

– Во-первых, ты должен понимать, что выбранный мною вариант – самый лучший. Это единственное, против чего у Квандры нет оружия.

Лива кивнул – с тяжелым, но искренним согласием.

– Я уже это понял. За прошедшие часы я разговаривал с разными людьми... Половина из тех, на кого я надеялся, струсила, едва услышав первые слова моей просьбы.

– Если мир начнет меняться, ты снова обратишься ко всем этим людям. Ты объяснишь человечеству, что происходит, и проследишь, чтобы люди все делали как нужно. Ты будешь нашим голосом, пророком нашего чуда. А если за следующую неделю ничего такого не произойдет, то ты не дашь правде пропасть.

– Я все сделаю.

Ивара посмотрел на Инку.

– Я хочу, чтобы ты составила техническое описание Аджелика Рахна – настолько полный протокол артефакта, насколько можно сделать за сутки.

– Я не смогу сделать это одна. Нужны еще два специалиста.

– Я найду двух университетских, которым можно доверять.

Потом они просто стояли и смотрели, как солнце уходит за марево дымов, за ряды плоских крыш, в ущелья улиц, и дальше до полного исчезновения – за горизонт. А после ужина Лива устроил для них сеанс в домашнем ламрайме.

В начале ночи Хинта легко и быстро уснул. Но проспать ему удалось всего несколько часов. Он проснулся задолго до рассвета. Кошмары его не мучили, сердце билось ровно, на душе было спокойно. Он не ощущал ничего, кроме твердой уверенности в каждом из принятых решений. Но спать он не мог. Он встал, оделся и пошел по тихому полутемному дому. словно призрак, он вышел в сад. Купол светился бледно-лунным сиянием, а за стеклами был провал в черноту ночи. Вибрация города едва ощущалась. Растения качали ветвями. Запахи стали другими – в это время суток цвели другие цветы. Хинта прошел по одной из дорожек сада и вздрогнул, когда ему навстречу вышла другая тень. Они удивленно остановились друг напротив друга.

– Пта...

– У нас нет четкого протокола, – сказал человек, – но тебе лучше вернуться в дом.

Хинта понял, что перед ним охранник; пришлось повернуть назад. Возвращаясь, он заметил в одном из окон первого этажа свет, и стал внутри дома искать эту комнату. Оказалось, что горели окна кабинета Инки. Он попросил разрешения войти, и женщина впустила его. На ее верстаке с аккуратно раскрытой грудной пластиной лежал Аджелика Рахна; стены, потолок, экраны приборов – все было в отблесках его сияния.

– Я просто посижу, посмотрю, – сказал Хинта. – Я никогда еще не видел его таким открытым, хотя сам неделями с ним возился. Я не буду мешать.

– Хорошо. – Инка была очень бледной, глаза налились темнотой; глядя на нее, Хинта догадался, что она не столько делала дело, сколько слушала голос своего сына. С час он просто сидел, наблюдая, как двигаются ее ловкие руки. А потом она устала от его молчаливого внимания и

стала давать ему простые задания. Одинаково потерявшиеся в этой ночи, одинаково ощущающие своих мертвых, они неожиданно легко сработались. Хинта боялся, что Инка задаст ему какие-то вопросы об Иваре, но она не спросила ни о чем, словно он был ее подмастерьем, и ему следовало быть здесь и делать то, что он делал. Вместе они пропустили зарю и работали до тех пор, пока в лабораторию не заглянули Тави с Иварой. Посмотрев на друзей, Хинта подумал, что те тоже не спали этой ночью – не спали, лишь бы продлить часы, проведенные наедине. Но он вдруг почувствовал, что должен поступить по примеру Инки. Еще недавно он пытал Тави, требовал от друга ответов. Теперь же он ни о чем не спрашивал – только улыбался, когда за завтраком наблюдал, как Тави краснеет, встречая его взгляд.

Утром Иваре сделали последнюю перевязку. Потом он на четыре часа ушел в кабинет Ливы, чтобы обсудить со своим старым другом все, что оставалось. В это время Тави и Хинта сидели в комнате Итаки и пытались играть в чужие осиротевшие игрушки. Но игры больше не давались, в каждом из них появилась какая-то новая неловкость.

– Мы выросли, – сказал Хинта. – Мы переросли все это. Возможно, мы, как и Ивара, еще много лет могли бы ходить в ламрайм. Но играть, как играют дети, мы уже не будем. Это закончилось. Я не думал, что будет так больно, что я почувствую такую утрату.

– Да, – согласился Тави. – Как будто часть нас умерла, осталась по ту сторону Экватора.

После обеда Ивара рекомендовал мальчикам поспать.

– А ты? – спросил Тави.

– И я тоже. Вне зависимости от исхода наших действий, мы не сможем поспать следующей ночью и, возможно, не сможем выспаться еще много дней.

На этот раз Хинта спал, пока его не разбудили. Был закат. Кончилось время их пребывания в доме Ливы. Ивара принес ему три аккуратно упакованных новеньких полускафандра.

– Это на будущее? – сядясь на постели, спросил Хинта.

– Нет. Мы сразу пойдем на улицу. Мы долго обсуждали с Ливой, как нам лучше исчезнуть, и, в конце концов, разработали почти безупречный план – безупречный, потому что безумный. Ты уже знаешь, что из этого дома можно уехать на машине. Кроме того, здесь имеется лифт для слуг. Но я уверен, шпионы Квандры проследят нас и там, и там. Однако Лива вспомнил, что отсюда есть третий выход – из глубины сада, через шлюз, на техническую галерею с внешней стороны купола.

– Ух ты, – только и сказал Хинта.

– Вы не городские дети, к скафандрам вы привыкли. Выбирай самый удобный. Хотя бы один из трех должен тебе подойти. У нас осталось полтора часа на сборы и ужин. Потом уходим.

– Я буду готов, – обещал Хинта.

Один из полускафандров оказался ему мал. Над двумя другими он раздумывал не слишком долго – выбрал более скромный, черно-серый с бежевыми вставками. В любом случае, это был самый лучший костюм из всех, которые он носил в своей жизни. Маркировка на подкладке говорила, что швы соответствуют стандартам для промышленных робофандров. Хинта надел на себя новенькую, лишенную запаха дыхательную маску, потом шлем. У его прежнего шлема был силовой экран, а здесь использовалось выпуклое стекло, причем такое, что Круна, пожалуй, не смог бы его пробить. И этот шлем легко снимался – как шлем на прежнем скафандре Тави.

Затем Хинта в последний раз оделся в вещи с плеча Итаки. Ужин проходил в необычной, напряженно-праздничной атмосфере. За столом собрались все. Лива принес бутылку горячительного напитка – не кувака, но чего-то крепкого, редкостного. Название этого напитка Хинта не смог запомнить, но взрослые дали им с Тави пригубить, и даже капли хватило, чтобы мальчикам обожгло рот.

– За Землю, – поднял единственный тост Лива. Пожеланий удачи не было. После еды друзья снова разошлись по своим комнатам, переоделись в скафандры, собрали последние нужные вещи. Аджелика Рахна был упакован в специально подготовленную для него сумку с удобным ремнем – ее можно было носить через плечо, сбоку или за спиной. Компас остался при Тави.

В сумерках они прошли через круглую залу, где был побежден Квандра, через прозрачные помещения оранжереи, в сад за домом. Скрытые темнотой, они углубились в чащу деревьев. Их не видел никто – даже охрана стояла сейчас в другой части сада. Они прошли по краю травяного поля. Хинта пробовал задевать рукой верхушки злаков, но с огорчением обнаружил, что больше ничего не чувствует – на руке была перчатка скафандра. Он потерял возможность осязать, он возвращался в мир яда и смерти.

От поля, через новые заросли, они пошли по тропинке, прижавшейся к самому стеклу, и та вывела их к серому монолиту шлюза. Лива и Инка ждали их там. Были сказаны последние слова и пожелания удачи. Потом Лива передал Иваре универсальный ключ-карту, который позволял управлять элементами технической инфраструктуры купола.

– В шлюзе без паники. Он необычный, потому что здесь огромный перепад давления между куполом и миром снаружи.

– Мы выдержим, – сказал Ивара. Они надели шлемы, опробовали коммуникаторы, передали друг другу свои новые контактные данные и установили связь. Ивара открыл шлюз, и они вошли внутрь. Сквозь крошечное запотевшее окошко было видно, что Инка машет им рукой.

Света в шлюзе не было. Рев декомпрессии оказался поистине оглушительным. Хинту сначала сдавило, а потом словно бы бросило в пустоту. Двери открылись с противоположной стороны. Там была узкая заснеженная галерея с тросом вместо перил; вдоль нее сквозил страшный ветер высокого мира.

– За мной, – скомандовал Ивара. – Рядом с лифтом должны висеть карабины. Застегиваем страховки вокруг поясов. Идем осторожно. Через три сотни шагов будет гондола.

Петли страховок бились на ветру, но каждому удалось поймать одну. Они пошли вдоль огромного влажного стекла: Ивара впереди, за ним Тави, Хинта замыкал цепочку. Он смотрел, как зажигается огнями город. Стена купола была как огромный ровный скат – падай и скользи, пока потоки воды не подхватят тебя, и ты не умрешь далеко внизу.

«Начинается наш последний путь, – подумал он. – Каким же он будет, если его начало уже такое трудное?»

Их ноги скользили по жалким прутьям опоры. Ветер прижимал их к стеклу. Наконец, Хинта начал видеть далеко впереди темный силуэт гондолы – лифта без стен, который должен был отнести их вниз, до самой земли, и дальше – к техническим тоннелям, которые сливались с инфраструктурой колумбария.

Часть шестая

ЯСНОСТЬ

*Что же мы дали?
Отчаянье жить мгновением
Стоящее столетий благоразумия
Этим, лишь этим мы существовали
Чего не отыщешь ни в некрологах
Ни в эпитафиях наших затянутых паутиной
Ни под печатями взломанными адвокатом
В опустевших комнатах наших*

Томас Элиот

Глава 16

ЗОЛОТОЙ СВЕТ

За несколько минут гондола опустила их на сотни метров вниз. Спуск был ужасно быстрым, и у Хинты сложилось впечатление, будто они падают сквозь город. Ветер свистел вокруг. Ближе к основанию купола они летели среди брызг воды. От ускорения желудок подступал к горлу и появлялось чувство невесомости, во время торможения, наоборот, наваливалась страшная тяжесть, звенело в ушах, сдавливало ноги и спину. Все этажи купола пронесли мимо, слившись в один светлый узор. Крыши небоскребов приблизились и через мгновение исчезли из виду; мелькнули более низкие дома, улицы с машинами; вспыхнули и погасли мириады огней ночного города. А потом наступила тьма – гондола ушла в глубину дренажной системы, окружающей основание купола. Свист ветра сменился ревом воды, направление движения изменилось – они больше не падали, но скользили вдоль пологого ската. Впереди снова появился свет: одинокий прожектор освещал грубый песчаник древней каменной стены и линии стальных опор. Гондола причалила к конструкции в глубине скал, где-то в толще городского фундамента.

Они сошли на стальные мостки, дождались, когда к ним вернется чувство равновесия, и осторожно двинулись вперед через узкие сырые тоннели. Местами путь выглядел опасным: металл заржавел, попадались крутые ступеньки, из камня торчали острые монтажные штыри. Выбирать нужное направление помогали редкие технические светильники и установленные на развилках заржавленные маркеры. Очевидно, здесь ходили только инженеры и рабочие. В одном из туннелей они наткнулись на баррикаду из тяжелых металлических ящиков, потом долго плутали, но, в конце концов, вышли к узкому шлюзу с монолитной стальной дверью. Ивара открыл его магнитным ключом Ливы. Хинта ожидал, что по ту сторону будет что-то другое, но оказалось, что там все тот же голый каменный коридор, только теперь по нему можно было идти без дыхательных масок.

– Где мы? На окраинах владений Санджати Кунгера?

– Нет. Мы в подошве города – в технической зоне. Колумбарий под нами, но прямой дороги в него отсюда нет. Сначала нужно попасть на транспортные магистрали.

Им пришлось шагать еще час, прежде чем они вышли к большим тоннелям. Тави сумел заметить в полутьме план эвакуации, Ивара сориентировался по нему и вывел свой маленький отряд на станцию литта-плампской подземки. Они остановились у решетчатой двери, сквозь прорехи в которой было видно движущийся поток людей, осторожно сняли грязные скафандры и надели обычную для города одежду. Ивара в третий раз воспользовался магнитным ключом, и дверь открылась, впуская их в транспортный переход. Они смешались с толпой.

Никогда еще Хинта не был среди такого количества незнакомых людей. Его поразило их полное равнодушие. Жители огромного города не знали друг друга ни по имени, ни даже в лицо. Здесь все были равно чужими, все занимались своими делами, все погрузились в свои мысли. Люди терпеливо стояли на бегущих дорожках, медленно шли, валом садились на поезда. В движениях толпы было что-то органическое, напоминающее сложный эксперимент.

– Будьте осторожны, – предупредил мальчиков Ивара, – не смотрите на людей долго, отводите взгляд. Наши лица не так давно появлялись в новостных лентах, и кто-нибудь может нас узнать.

В полупрозрачной капсуле пассажирского вагона с Хинтой случился очередной наплыв видений. Призраки приходили в людей, проходили сквозь них, светились в человеческих лицах – словно сам Образ пытался вернуть себе все эти свои подобию. Хинта смотрел на переменчивый, зыбкий мир вокруг себя, его глаза слезились, и он старался вести себя нормально.

– Снова? – спросил Тави.

– Да, – ответил Хинта. Ивара положил руку ему на плечо. Они ехали мимо станций, полных народа; за окнами мелькали рекламные баннеры, встречные поезда. Пару раз Хинте начинало казаться, что другие пассажиры пристально смотрят на него и его друзей, но он не мог понять, кому принадлежит этот взгляд – живым людям или призракам, поселившимся в их лицах. В любом случае, никто из сотен встречных незнакомцев не подошел к Иваре и мальчикам, ни о чем не спросил и ничем не помешал.

– Мы сойдем в Биеза Латиджа, – сказал Ивара. – Думаю, это лучшее место, чтобы встретиться с Санджати Кунгера. Там они обычно ждут встреч. Туристы и паломники почти никогда туда не заходят.

Доехав, они с платформы станции перешли в лифт. Кабина скользнула вниз, миновала десяток технических этажей, а потом вокруг раскинулся простор вертикальной шахты. Камень здесь был необычным, он весь сверкал оранжевыми и черными кристаллами. На одном из ярусов в кабину зашли мужчина и женщина в траурных одеждах. Чуть ниже они вышли. Огней и ярких кристаллов стало меньше, камень сделался темнее: оранжевое сменилось багровым и коричневым.

Их путь закончился в самом низу, на грубо отесанном дне шахты. Там пахло сырым камнем и ржавчиной. Вышина, с которой они спустились, теперь тонула в тумане, подсвеченном расплывчатыми огнями.

– Идем, – позвал Ивара. Они снова зашагали тоннелями, потом, пройдя через незаметную дверь, оказались в одной из огромных пещер колумбария. Древний, вырубленный в скалах путь спиралью взбирался по сторонам грота. В нишах тускнели лица старинных барельефов.

– Мне кажется, я помню, – вдруг произнес Ивара.

– Что помнишь? – спросил Тави.

– Это место. Я здесь не был, но был. Это забытое, это то, что я искал. – Он рассмеялся от радости.

– Но ты ведь знал, куда мы идем, даже тогда, когда не помнил это место? – спросил Хинта.

– Да, я знал про это место из книг. И еще кое-что уточнил в сети. Но я не помнил, что уже был здесь. Очевидно, что и раньше – четыре года назад, до потери памяти – я выбрал этот путь. И вот теперь я его повторяю.

– Это ведь хорошо? – спросил Тави. – Что мы идем не случайной дорогой?

– Да, это хорошо.

– Мы не встретили здесь ни одного человека, – подивился Хинта.

– Сейчас ночь, и в этих пещерах ходят лишь Санджати Кунгера и их гости. Но и днем в эти гроты мало кто заходит. Здесь уже давно не хоронят. Здесь лежат обычные люди, ничем не прославившиеся, умершие сто или полтора века назад.

Они сделали привал и немного поели на большой просторной площадке, где не было захоронений. Потом они спустились на виток вниз, нашли тоннель и перебрались по нему в соседнюю пещеру. И там Хинта вдруг осознал, что вокруг повисла тишина. Не было шума ветра, эха человеческих голосов, отзвука работы машин, рокота водопадов. Камень молчал. Воздух пах тяжестью тысячелетних солей. Тропа шла прямо по дну грота. По ее краям поднимался лес тонких ярко-желтых сталагмитов, блестевших в свете редких ламп. Захоронения стояли обособленно

друг от друга, некоторые из них были такими старыми, что срослись с камнем.

– Странное место, – сказал Тави.

Из пещеры было пять выходов. В самом центре ее, где сходились все тропы, стоял большой красный камень. Около него Ивара остановился.

– Вот, – указал он. Хинта увидел светлую отметку, истертый рельеф. Изображение было совсем маленьким, с ладонь человека, линии запылились и были едва различимы. Всмотревшись в узор, Хинта понял, что это знак древа. Его ветви разворачивались в одну сторону: это был указатель. – Мы на пути, который я помню. Скоро мы увидим людей.

Из пещеры с желтыми сталагмитами они попали в извилистый широкий тоннель с низким сводом, неровным дном, но ровными стенами. Хинта предположил, что это пересохшее русло подземной реки. Тоннель дважды разветвлялся, но каждый раз на развилках можно было найти маленькие знаки с изображением дерева, ветви которого указывали направление. А потом они начали слышать голоса. Кто-то пел. Это пение очень напоминало речь Аджелика Рахна, только упрощенную, превратившуюся в настоящий, живой человеческий голос. Звуки лились, но слов было не разобрать.

Тоннель сделал неожиданный поворот и вывел их в небольшую пещеру почти идеальной сферической формы. Камень здесь был серым, но в нескольких местах сверкали поросли восхитительно красивых голубых кристаллов. Пещера освещалась десятком факелов, трепетавших на слабом сквозняке; отсветы пламени преломлялись в призмах кристаллов, по стенам бежали сполохи бликов и сгущения теней. В центре пещеры был бассейн с темной зеркальной водой – все, что осталось от древней реки. А по ту сторону бассейна, прямо на камнях, сидели трое мужчин и две женщины. Они были разного возраста, но при этом очень похожи: их одежда выцвела и запылилась, кожа была бледной, лица и руки – худыми, волосы свалились в нечесанные патлы. Все они улыбались, словно знали какую-то тихую внутреннюю радость. Смотрели они пристально и отчетливо, но не агрессивно. На лбу и ладонях у них были красные знаки с изображением древа, вписанного в круг.

Когда Ивара и мальчики подошли к берегу бассейна, Санджати Кунгера перестали петь и поднялись. Хинта понял, что ожидал какой-то более формальной встречи; он думал, что все будет более церемонно, более сурово, что эти сектанты должны вести себя подобно мортейрам. Но Санджати Кунгера оказались совершенно другими. В них было что-то

очень живое и непосредственное, напоминавшее дикое племя. Все пятером они пошли навстречу незнакомцам. Они проявляли безмерное радушие, но в их движениях было проворство попрошаек.

– Еду или монетку, слезу или улыбку – все мы берем в уплату от наших гостей, – звонко произнес самый молодой из мужчин.

– Подожди, – сказал другой, – не торопи наших гостей. Пусть они скажут, зачем пришли. Вдруг они здесь не за простой услугой? Пусть их лица откроются нам.

– Пусть ваши лица откроются нам, – подхватила одна из женщин. – Здравствуйте, здравствуйте.

– Здравствуйте, – хором повторили все остальные.

– Здравствуйте, – ответил Ивара. Они сошлись на берегу бассейна. Паренек из числа сектантов вновь завел разговор об оплате – уж очень ему хотелось что-нибудь получить.

– И все же монетка лучше иной платы, как улыбка лучше слезы. Но слезы здесь...

– Замолчи, – вдруг велел ему старший из мужчин, уже сильно в возрасте. И сразу все изменилось. Лица подземных жителей стали серьезными. Шутки кончились, не было больше суматохи, лишних движений и слов.

– Твое лицо кажется мне знакомым, – обращаясь к Иваре, произнес старик, – но, похоже, оно изменилось с тех пор, как я видел его в последний раз. Ты ли прошел этой дорогой четыре года назад? Как твое имя?

– Мое имя Ивара Румпа, и да, думаю, я был здесь четыре года назад. Но память меня подводит.

– Мы ждали, когда ты снова придешь. Поклонимся, братья и сестры.

Четверо младших подобрали полы одежд и поспешно опустились на колени. У одной из женщин экстатически сбилось дыхание. Сам старик опустился на колени последним. Все пятеро Санджати Кунгера сделали один и тот же жест – облизнули кончики пальцев на своей правой руке и помазали слюной изображения древа на своих лбах. Потом они синхронно склонились и распластали вытянутые руки по камням грота.

Ивара, Хинта и Тави остались стоять перед коленопреклоненными сектантами. Хинте стало не по себе. Он испытал почти страх от того, что эти люди придавали такое значение их приходу. Хинта не хотел, чтобы его почитали. Он чувствовал, что не заслуживает этого. Почти машинально он отступил в сторону – пусть сектанты склоняются только перед Иварой и Тави. Но когда Хинта со стороны посмотрел на своих друзей и

на спины распластавшихся сектантов, ему стало еще хуже. Он ощутил нечто вроде дурного предчувствия – ему вдруг стало понятно, что такое почитание может быть адресовано лишь тому, кто жертвует собой за всех остальных. Санджати Кунгера не унижались, а просто отдавали должное. Это была плата уважения за деяние невероятных масштабов.

В пещере повисло молчание. Стало так тихо, что Хинта расслышал, как шипит и потрескивает пламя факелов. Где-то очень далеко падали капли воды.

Первым заговорил Ивара.

– Кто я для вас?

– Пророк, – не поднимая головы, ответил старик.

– Пророки пророчествуют. Что я открыл вам? Какую весть принес?

– Весть о спасении. Весть о золотом свете. И еще ты принес Машину Голосов. И привел мальчика с лицом героя.

– Но я этого не помню, – сказал Ивара. Никто из сектантов ему не ответил. Снова повисла тишина. Хинта увидел, как дрожат прижатые к камню руки молодого парня.

– Прошу вас, встаньте, – произнес Тави. Хинта взглянул на друга и только теперь понял, что тот тоже не мог вынести этого жеста почитания, которым дарили их жители подземелий.

– Встанем, – глухо призвал старик. Он и другие синхронно разогнули спины. Старик не мог самостоятельно подняться на ноги, и ему с двух сторон помогали мужчина и женщина. Когда они смотрели на Ивару, Хинта видел в их глазах восторг.

– Можем и мы задать вопрос? – поинтересовался старик.

– Конечно.

– Один из мальчиков, которых ты привел с собой – это тот самый мальчик, которого ты привел тогда?

– Я не помню.

– У него было лицо Таливи Митина, – глядя на Тави, сказал старик.

– Это я? – спросил Тави.

– Да, должно быть, ты.

– Не понимаю. То есть, я уже был с Иварой?

Сектанты переглянулись, но никто из них ничего не ответил.

– С кем из вашего народа я больше всего общался в те дни? – спросил Ивара.

– Ни с кем из тех, кто в этой пещере. Я едва видел тебя. Мы лишь дежурные, одни из сотен, что приходили сюда за прошедшие годы в ожидании твоего возвращения. Но нам повезло – именно нам выпало

великое счастье встретить тебя. Тебя и твоего мальчика. – Старик не стал снова падать на колени, но глубоко поклонился. Другие повторили его жест.

– Тогда отведите меня к тому, кто знал меня лучше других, – попросил Ивара. – Вы ведь за этим здесь?

– Конечно, – согласился старик. Но с места не сдвинулся. – Могу я попросить?

– О чем? Да, проси, но я не обещаю, что просьба будет исполнена.

– Не за себя прошу, но за молодых, ибо очень ждали этого. Прошу, благослови их, если на то будет воля твоя.

– Но я не знаю, как.

– Касанием руки. – Старик взял одну из женщин за плечо, повернул ее к себе лицом, облизнул кончики пальцев на своей правой руке и приложил мокрые пальцы к кругу с деревом на ее лбу. Так сектанты осеняли себя, когда стояли на коленях, только теперь это было обращено на другого. – Пусть будет жизнь. Вот так мы благословляем друг друга.

– Я сделаю это, – просто согласился Ивара, и поочередно смочил дерево на лбу каждого из пятерых Санджати Кунгера.

– А можно, мальчик тоже? – робко попросила женщина. Тави повторил процедуру вслед за Иварой.

– Пусть будет жизнь, – пять раз произносил он. Его пальцы дрожали.

– Теперь прошу вас еще об одном, – сказал старик. – Мы хотим понести ваши вещи, чтобы служить вам.

Друзья отдали свои тяжелые сумки с уложенными в них скафандрами в руки сектантов. Старик распределил роли: оставил одну из женщин и молодого парня ждать в пещере, а сам с другим мужчиной и другой женщиной повел гостей дальше по пересохшему руслу подземной реки.

Вскоре они вышли в узкий рукотворный тоннель, посередине которого тянулся толстый металлический рельс. Тут чувствовался не очень сильный, но непрерывный ток прохладного ветра – словно недра земли всасывали воздух в себя. Некоторое время гости и провожатые двигались вдоль рельса, а потом добрались до маленькой станции, где стояла электрическая дрезина. На ней было шесть сидячих мест. Все расселись. Старик нажал на рычаг хода, простой пульт мигнул желтыми огоньками, и они заскользили вниз, вместе с ветром. Тоннель изгибался и уходил в

глубину. Свет остался позади. Вокруг шелестела каменная тьма. В какой-то момент Хинта оглянулся назад и понял, что не видит света даже там – только мерцали огоньки пульта. Затем старик включил фары дрезины; два луча устремились вперед, выхватывая из мрака бесконечную ленту левой стены, черные прожилки в красном камне. Правой стены не было видно, но откуда-то оттуда шумел водопад. Хинта вжимался спиной в спинку кресла, ощущая толщу скал, нависших над дорогой. Там, далеко вверху, были гrotы колумбария, лифты, поезда подземки, люди, улицы, дома. А здесь все принадлежало тьме и горным породам.

– Мне кажется, мы сложными витками спускаемся в глубину, – сказал Тави. – Не едем вперед, но кружим. А где-то у нас над головой тот путь, который мы уже проехали.

– Так и есть, – подтвердил старик. Блестящий рельс уходил под дно дрезины. Минуты шли. Потом впереди вспыхнул новый свет, дрезина остановилась: рельс здесь заканчивался.

– Идем, – пригласил старик, и они зашагали через сеть тоннелей. Здесь и там на их пути встречались другие станции. Все они были конечными, от каждой вверх по тоннелям направлялся свой рельс. В тоннелях был свет, иногда электрический, но чаще – свет живого огня, и люди, ехавшие на дрезинах или небольшими группами шедшие по своим делам. Все они были Санджати Кунгера, все носили знак дерева, вписанного в красный круг.

– Наш пророк вернулся! – подходя к одной из встречных групп, возвестил старик. – Он идет к Доджа Нарда!

Стоило ему произнести эти слова, как началось оживление. Люди разных возрастов бросали дела, сворачивали со своих маршрутов и спешили за вновь прибывшими. Другие, главным образом, быstroногая молодежь, бежали вперед и кричали благую весть.

– Пророк! – эхом неслось по тоннелям. – Видевший золотой свет! Тот, кто прошел насквозь! Он снова здесь! Он пришел опять! Он второй раз прошел насквозь! Он к нам вернулся!

Камень тоннелей постепенно изменял свой цвет с красного на черный через багровый. И вот открылась просторная пещера невиданной красоты. Ее стены и своды были почти полностью черными, но эту черноту разрывали золотые, алые, хрустальные вкрапления – казалось, камень плачет золотом, кровью и водой. В стенах были прорублены многочисленные ходы, построены дома; белый камень, которым были отделаны окна и двери, тоже отличали золотые вкрапления. Этот подземный город сверкал, как работа ювелира. И при этом люди в нем жили тяжелой, нищей жизнью. Куда только Хинта не устремлял свой взгляд, нигде

не было и признака тех технологий, к которым он привык: ни лифтов, ни шлюзов, ни прожекторов, ни стальных опор. Этот город выглядел так, словно его построили тысячи лет назад, задолго до катастрофы, и даже задолго до эпох технологического прогресса человечества.

– Теперь я вспоминаю больше, – сказал Ивара.

– А я понимаю, почему Санджати Кунгера редко покидают свой подземный дом, – прошептал Тави. – Это удивительное место.

Он нашел одной рукой руку Хинты, другой – руку Ивары, и дальше они шагали, соединившись в маленькую цепь. Их повели по белокаменному мосту, перекинутому над обсидиановым ущельем. Внизу шумел водопад, сверху полыхали газовые лампы. Толпа тянулась вслед за своим пророком, новые и новые люди подходили с разных сторон. Лица мелькали в окнах, любопытные дети бежали по открытым балконам и обходным галереям. И всюду, в сонме десятков голосов, звучали одни и те же слова.

– Ивара Румпа! Пророк! Он вернулся!

Когда они дошли до центра пещеры, Хинта осознал, что все это огромное пространство имеет строгую перспективу и выверенную структуру. В одном из концов пещеры была выстроена ажурная белая башня – к ее подножию сходились все тропы, к ее стенам стремились примкнуть все мосты и висячие галереи. Окна и двери башни были украшены золотом.

– Это и есть Доджа Нарда? – спросил Ивара.

– Это дом Доджа Нарда. Ты провел там много дней, когда был нашим гостем в прошлый раз.

На ступенях у подножия башни Хинта оглянулся и одним взглядом окинул толпу. Она не была такой уж большой – здесь было меньше людей, чем приходило на гумпрайм в Шарту. Они плотными рядами стояли на всех подступах к дому Доджа Нарда, другие пределы пещеры почти полностью опустели – там остались лишь одиночки, больные и старики, которые предпочитали наблюдать за зрелищем издалека или с высоких балконов.

– Это все Санджати Кунгера? – спросил он.

– Нет, многие сейчас работают в верхних пещерах. И есть еще два селения, кроме этого. Но нам повезло – мы первыми видим возвращение порока!

На лицах вокруг были улыбки, глаза горели радостью – Хинта подумал, что еще никогда не видел настолько счастливый народ. Он понятия не имел, всегда ли Санджати Кунгера бывают такими. Но сейчас, когда к ним вернулся их долгожданный пророк, эти люди получали вос-

торг от каждого мгновения, проведенного рядом с ним. Казалось, им ничего больше не нужно: только пожирать глазами Ивару и Тави, только тянуться вперед, только прижиматься плотнее. Возможно, они были последними людьми в литской ойкумене, которые умели испытывать религиозный экстаз. Все остальное человечество утратило эту способность. В ойкумене почитали культурных героев, но никто не переживал по их поводу столь сильных чувств. Были легенды, но не было ни храмов, ни мистерий. Героев уважали как исторических личностей, любили как персонажей. Люди ойкумены смеялись и плакали во время просмотра эпических ламов, но точно так же они смеялись и плакали во время просмотра ламов, посвященных обычным людям и обычной жизни. Сами образы героев не были предметом почитания, никто не падал ниц перед статуями и барельефами, не смотрел на них с благоговением. В то время как Санжати Кунгера были полностью захвачены одним лишь явлением Ивары – тот еще ничего не сделал, ничего не сказал, он просто пришел сюда, но людям подземелий и этого было достаточно. Они смотрели на Ивару, как на живое чудо, тосковали по нему так же сильно, как тоскуют по родным и любимым. Его присутствие было им необходимо, словно без него все эти пещеры и весь их образ жизни не имели смысла. Сектанты верили в Ивару, верили в Тави, верили в их маленький отряд. Эти люди словно бы знали, что будет дальше, знали, куда предстоит идти пророку и его спутникам. Они рисовали у себя на лицах узоры – упрощенное подобие узоров на теле Аджелика Рахна; их подземный город был полон золота; и все это было не случайно – их мир отмечали те же символы, с которыми Ивара, Тави и Хинта имели дело на протяжении последних месяцев.

Не только Хинта смотрел на толпу. Ивара тоже оглянулся, окинул взглядом пещеру и собравшихся людей. Народ подземелий вздохнул – все подались вперед, чтобы лучше увидеть лицо пророка. Хинта подумал, что учитель сделает какой-то жест, но тот стоял спокойно. Чуть помедлив, он повернулся и первым вошел в дом Доджа Нарда. Тави и Хинта последовали за ним.

Глядя вблизи на золотое обрамление врат, Хинта испытал странное предчувствие. Он знал, что это не те врата, которые он видел в своем видении – эти были меньше, и у них был арочный свод; однако их вид вдруг окончательно убедил его, что и те, другие, тоже существуют. Врата были подобны элементам тела Аджелика Рахна – они состояли из множества небольших золотых пластин, испещренных фрактальным растительным узором. Было невозможно определить, как они сделаны, они

словно бы вырастали из камня. Здесь не было ни одного крепления, ни одного простого конструктивного элемента.

Хинта не мог полностью объяснить ход своих мыслей и чувств, но осознал в себе некую перемену. Менее часа он находился в обществе Санджати Кунгера, но ему уже удалось научиться у них главной вещи – он увидел, как верят они, и сам начал верить. Он поверил, что увидит своими глазами большие золотые ворота, что ему с друзьями удастся сделать нечто великое. И еще он понял, что дом Доджа Нарда – это не просто здание, это материальное воплощение веры в то чудо, которым является путь Ивары, их путь.

Внутри башня оказалась полой, перекрытий между этажами не было – только обходные галереи и лестницы вдоль стен. Вся высота помещения была занята одним-единственным объектом – огромным деревом, выточенным из алого камня. На тонких каменных ветвях росли золотые листья, цвели золотые плоды. В тысяче маленьких белых лампад теплились огоньки. Все дерево сверкало, переливалось бликами, тени живого огня вели нескончаемый завораживающий танец, каменные ветви будто колыхались на призрачном ветру. Это зрелище было настолько невероятным, что долгое время Хинта не мог видеть ничего, кроме этого дерева. Его взгляд запутался в переплетении ветвей. Он хотел понять, какая часть дерева сформировалась сама собой, благодаря течению подземных минералов, а какую часть к этой красоте добавили люди, но так и не сумел этого различить.

Лишь минуто спустя Хинта заметил, что у подножия дерева, среди гладких черно-красных каменных корней, сидит старец. Из одежды на нем была только набедренная повязка, его тело, покрытое слоем многолетней грязи, приобрело бронзовый цвет. Он был абсолютно седым; борода и волосы желто-белой волной ниспадали до пола, лицо ссохлось и исчезло в морщинах. Казалось, ему две сотни лет – он выглядел старше, чем все пожилые люди, которых Хинта когда-либо встречал в своей жизни. Но самое невероятное впечатление на Хинту произвела улыбка этого человека. Среди всех безумных счастливых улыбок, которыми Санджати Кунгера дарили своих гостей, она была самой безумной и самой счастливой.

– Я не думал, что доживу до дня, когда ты вернешься, – тихо, но отчетливо произнес старец. – Однако я дожил. Это счастье.

Толпа осталась позади – люди заглядывали в двери, но не смели зайти внутрь и возбужденно перешептывались между собой; немного вперед решились пройти только те, кто нес вещи гостей.

– Подойди ко мне, Ивара Румпа, – старец приглашающим жестом поднял руку, тонкую и темную, словно металлический прут, – и вы, дети, тоже подойдите. Садитесь в корнях Доджа Нарда. Наступает час, ради которого можно было ждать вечность.

Он снова улыбнулся, показывая ряды древних зубов – потемневших, как и его кожа, но не уничтоженных временем. Ивара подошел и опустился на изгиб каменного корня.

– Нет, ближе, – попросил старец. – Так, чтобы я мог дотянуться до тебя рукой.

Ивара пересел. Он еще не произнес ни слова. Мальчики последовали за ним. Коснувшись корней дерева, Хинта вздрогнул – красный камень был теплым, совсем как стена Экватора, казалось, под тонким слоем слюды пульсирует кровь. Усевшись, Хинта снова посмотрел на старца и увидел, что тот тоже исподтишка следит за ним. Старец веселился, ему нравилось смотреть, как гости удивляются чудесам его обители. Теперь все они были друг от друга на расстоянии вытянутой руки – маленький тесный круг. У них над головой сияли тысячи лампад, дерево устремляло вверх изгибы гладкого ствола. Толпа жалась вдали. От старца пахло, как от палых листьев в саду Ливы – доброй сухой гнилью умирающей и возрождающейся жизни.

– Как нам называть Вас, пта? – спросил Ивара.

– О нет, я не пта тебе! хотя ты и мог бы быть моим пра-пра-правнуком. Но я не старший тебе, не старший никому из вас троих. Я старший лишь для них. – Он указал рукой на толпу. – Мое имя Надеша Мара. А как зовут юных гостей?

– Тави Руварта, – представился Тави.

– Хинта Фойта, – сказал Хинта.

Старец кивнул им с широкой улыбкой.

– Хотите есть?

– Нет, – ответил Ивара, – мы ели недавно. Но я надеюсь, что наша беседа продлится какое-то время. И тогда мы сможем поесть вместе.

– Хорошо, – согласился Надеша. На несколько долгих мгновений повисла тишина.

– Я уже был здесь, не так ли? – спросил Ивара.

– Да. И ты ничего не помнишь.

– Я забыл несколько лет своей жизни. Но мне кажется, я начинаю вспоминать. Я узнаю это место. Я знаю, что был здесь, знаю, что говорил с тобой.

– Ты долго был здесь. Ты приходил сюда на протяжении нескольких лет. И умер ты тоже здесь.

Ивара не дрогнул, но Хинта почувствовал, как все в нем изменилось от этих слов.

– Как?

– Тебя убили, – с улыбкой сказал старец.

– Здесь?

– Нет, здесь ты умер. А раны убийцы нанесли тебе наверху, в безлюдных пещерах, когда ты шел к нам. Мои люди принесли тебя вниз и плакали. Ты сказал тогда, что тебя убили Квандра Вевада и его люди. Ты просил нас сохранить твои вещи. И мы сохранили все, что ты нам оставил.

Ивара склонил голову. Тави во все глаза смотрел то на старца, то на учителя.

– Тебя ранили вот сюда, – старец коснулся правой стороны своей груди, – и сюда, – он коснулся живота. – Они хотели, чтобы ты страдал, чтобы ты умирал долго – совсем один, беспомощный и униженный. Они ранили тебя так, чтобы ты не смог громко кричать, позвать на помощь. Много было крови. Мои люди пытались помочь тебе, но все оказалось тщетно. Ты умер. И вот теперь ты вернулся. Мой народ счастлив – как еще не бывало при моем правлении.

– Я фавана таграса, – констатировал Ивара.

– Давно я не слышал этого слова, – еще больше развеселился старец. – Они все, – он показал на толпу, – понимают, что ты вернулся. Но они не знают этого слова. Необразованные люди.

– А ты образованный человек?

– Я образованный, – радостно подтвердил старец.

– Твое имя показалось мне знакомым, Надеша.

– Все как в прошлый раз. Тогда ты тоже меня вспомнил. Я сокращу путь твоей мысли. Мне сто сорок шесть лет. Я родился в доме аристократа Нирды Мары. Я был его любимым бастардом, мог стать его главным наследником, но, как и ты, выбрал другой путь. Как и ты, я стал ученым, археологом. Моя молодость проходила в годы истинного расцвета литской ойкумены. Купола тогда стояли свежие, чистые. Все работало. Инженеры еще помнили, как чинить машины прежних веков. Потом от десятилетия к десятилетию был только упадок. И вот теперь приходит конец.

Он снова лучезарно улыбнулся.

– Значит, мое обращение все же было уместно, – сказал Ивара. – Я еще юношей читал твои книги.

– Нет, нет, – снова отклонил Надеша, – я не старший тебе. Когда ты был здесь в прошлый раз, ты рассказал мне больше, чем я узнал за

всю свою прежнюю жизнь. Я лишь хранитель. Я отыскал крохи истины, и эти крохи привели меня к Санджати Кунгера. Я стал отцом этим людям. Я хранил их знания и копил собственные. И я ждал, ждал долго... Мое тело сохло, разум уставал. Но я ждал именно тебя. И когда ты пришел в прошлый раз, я узнал в тебе того, кто все изменит, и дал тебе каждую вещь, о которой ты меня просил. Теперь я точно уверен, что ты особенный, потому что ты вернулся через смерть. И потому, что ты снова нашел своего мальчика, хотя ничего не помнишь.

Он посмотрел на Тави.

– Я тоже фавана таграса, – сказал тот.

– Я знаю, – улыбнулся старец. – Но ты был слишком мал, чтобы вернуться самому из тех мест, где возрождаются лучшие. Ты заблудился там, в коридорах из чистого золота. Ивара спас тебя и привел назад.

Тави облизнул пересохшие губы. Сначала его лицо от волнения пошло красными пятнами, потом он побледнел. В эту минуту Хинта почти испугался за друга, потому что тот начал выглядеть больным. Ивара положил руку на плечо Тави.

– Мы не ожидали этого, – сказал он. – Я мог ожидать, что узнаю о своей смерти, о том, что я – фавана таграса. Но связь с Тави – это что-то новое, что-то непонятное. Я даже не знаю, какой вопрос задать, и как задать его правильно. Что тогда произошло?

– Ты принес его на руках. Мальчик дремал. Он был сильно истощен. На нем не было одежды. Он говорил про поезд, про отца, про огонь. Он помнил свою смерть. Еще он говорил, что блуждал по коридорам из золота, но не мог дотянуться до – кнопок? Так, кажется. И еще он говорил, что видел тьму и пережил страх. На путях, которыми он возвращался к жизни, его караулила болезнь, и многое там было не так. А иногда мальчик начинал говорить как взрослый и вспоминал битвы, завершившиеся века назад. Он называл имена, которых уже нет в нашей эпохе и в нашей культуре. Он бредил на других языках. Мы поили его болтушкой для новорожденных. Через несколько дней он пошел на поправку. Чем лучше он себя чувствовал, тем больше забывал. Постепенно у него на устах осталось лишь одно имя. Он заговорил о своей матери и выразил желание вернуться к ней. Мы помогли ему найти мать, отдали его ей, и с тех пор не стремились следить за его судьбой.

Надеша посмотрел на Тави.

– За твоей судьбой. Прости, что рассказывал все это в третьем лице. Но тот, кем ты был тогда, это не ты нынешний. Твоя душа блуждала в золотых садах и в гнилых черных дебрях, в прошлых эонах истории и в самом космосе.

– Ничего, – прошептал Тави. Надеша удовлетворенно кивнул. – А Ивара? Он рассказывал обо мне?

– Он говорил, что ты лежал обнаженный, среди каких-то машин, на золотом полу, в залах невиданной красоты – но таких огромных и странных, что и взрослому человеку там сделалось бы не по себе. Лишь он видел тебя там. Все, что я знаю, это его слова. Но кто объяснит, кто сможет пересказать такое место, как то, в котором он тебя нашел?

Старец перевел взгляд на Ивару.

– Ты и сам был не в себе, когда вернулся оттуда, и не мог многие вещи удержать в памяти. Ты там кого-то встретил. Ты называл его золотым духом. Его слова ты принес нам, но сам позже вспомнить не мог. Ты вещал о спасении, о том, что Земля станет прежней, что мы все и тысячи других людей еще увидим живые деревья. Иногда ты говорил так, как умеет говорить Машина Голосов – не открывая рта, и твои мысли музыкой звучали у нас в умах.

– Может быть, это не я говорил? – спросил Ивара.

– Нет, ты. Ибо твой голос отличался от голоса машины, которую ты принес с собой. В первые часы после твоего возвращения мне даже казалось, что есть телепатическая связь между тобой и мальчиком. Но позже я уже ничего такого не замечал.

– Когда все это было?

– Шесть лет назад. И еще два года потом ты приходил к нам, пока тебя не убили.

– Значит, я потерял больше памяти, чем мне самому казалось.

– Но ты сохранил разум. А люди из моего народа, которые проходили тем же путем, возвращались безумцами-шептунами, с большими глазами и с еще большим страхом, навечно застывшим на их лицах. Кто знает, возможно, телепатическая связь между тобой и мальчиком спасла вас обоих.

– Что же там такое? – вырвалось у Хинты. – Там, внизу?

– Золотой путь, зажатый в тисках тьмы, – улыбнулся Надеша. – Чтобы попасть на этот путь, нужно пройти через тьму; чтобы идти по нему, нужно иметь силу противостоять тьме; а чтобы вернуться, нужно преодолеть тьму во второй раз. У нашего народа принято спускаться на эту дорогу. Для этого не нужна сила тела, только сила духа. Часто туда уходят больные и старики – все, кто прожил жизнь, кому не страшно пропасть, кто хочет испытать себя в последний раз. Но иной раз туда идут и молодые. Тьма – это ловушка для разума. Золотой свет – спасение для разума. Но они играют там в опасную игру. И когда они играют не между собой, а с человеком, человеку приходится нелегко.

– Люди твоего народа ищут что-то определенное, когда спускаются туда? – спросил Ивара.

– Да и нет. – Старец поднял руку и указал наверх. – Они ищут древо – настоящее и единственное золотое древо, которое, по нашей вере, растет где-то там, в конце золотого пути. Это древо жизни, древо душ. Его ветви – дороги, которыми миры ходят от жизни к смерти, прожилки в его ветвях – дороги народов, а прожилки в прожилках – дороги людей. Листья на том древе – письма богов, в цветах его – свет звезд. Если найти то древо, если изменить его на самую малость, если попросить его – оно изменит твою жизнь, судьбу твоего народа, дорогу твоего мира, а может быть, повлияет на всю вселенную. – Старец глубоко вздохнул. – Наш народ верит, что однажды мы уже видели это древо. Но заново его никто не нашел, никто не вернулся к нам с такой вестью. Даже ты рассказывал о чем-то другом – о чудесном, лучшем, но о другом. Однако, хоть никто и не находит древа, люди все равно идут вниз. Они мечтают, что найдут там что-нибудь еще. Некоторые из безумцев приносили с собой странные вещи: кусочки золота, детали, предметы старины. Мы годами почитали эти вещи как знак какой-то неясной возможности. Но вот явился ты, вернулся в своем уме, и принес Машину Голосов. Тогда стало ясно, что эти золотые мелочи были лишь мелочами.

Ивара понимающе склонил голову.

– Эта Машина Голосов – она из золота?

– Да.

– И она говорит голосами мертвых?

– Неужто ты вспомнил?

– Я догадался.

– Голосами мертвых, голосами иных, песнями без слов, но со смыслом, видениями и чарами – так она говорит. Каждому она показывает свое. Некоторым она не показала ничего, но большинство услышали в ней вечную мудрость, веру и надежду. А еще эта машина совершила чудо, равного которому наш народ не знал никогда.

– Какое чудо?

– Когда ты умирал, мы положили твои вещи в тайник между корней древа. Машину Голосов мы тоже убрали туда. Она и сейчас там. Когда твоя кровь попала на Машину Голосов, наше древо изменилось – оно раскрылось золотыми листьями, распустилось золотыми цветами. Лампады, которые и тогда висели на нем, теперь горят вечно – нам больше не нужно менять в них масло и зажигать их. А с годами золото от древа проникло повсюду, проросло прямо сквозь камень. Не мы создали наличники на дверях и окнах – они сами возникли здесь. И с каждым

месяцем они становятся немного больше и сложнее. Если эта пещера просуществует еще годы и продолжит меняться, то она вся станет золотой.

Хинта зачарованно огляделся вокруг, посмотрел вверх – на трепещущий свет лампад, на переплетения алых ветвей с золотыми листьями. Теперь было понятно, как возникли все эти накладки, лишённые креплений, понятно, почему это место обладает такой силой и таким волшебством.

– И дерево тоже стало говорить? – спросил Ивара.

– Нет, – улыбнулся Надеша. – Но оно потеплело. В нем теперь твоя кровь и твое золото, часть твоей жизни и той магии, которую ты принес с золотых путей. Некоторые из моих людей хотели верить, что это дерево теперь не просто символ, что оно стало настоящим Доджа Нарда, истинным древом судьбы. Но они ошиблись. Никто не получил здесь исполнения желаний – только надежду.

– Мы видели настоящее дерево, – сказал Тави. – Но его нельзя найти, потому что оно возникает лишь ненадолго.

Впервые за весь разговор поведение старца изменилось. Больше он не улыбался, а его лицо, несмотря на морщины, вдруг приобрело почти детское выражение. В глазах застыли удивление и восторг.

– И вы прикоснулись к нему?

– Нет, – сказал Ивара. – Но, возможно, мы сможем вырастить его вновь. Я еще не знаю точно, что за вещь я в прошлый раз оставил вам. Но думаю, сегодня мы принесли сюда вещь еще большей силы. Это даже не вещь, это существо из золота. Возможно, это тот самый золотой дух, о котором я говорил в прошлый раз. И он – тот, кто может создавать это дерево из чистой энергии. Мы видели, как он делал это однажды.

Ивара подозвал людей, которые несли его вещи. Сумка с Аджелика Рахна была открыта. Огни дерева отразились в узорах на теле маленького человечка. И многие даже в толпе услышали голос, который давал мудрость и надежду.

Все Санджати Кунгера бросили свои дела. Из других подземных городов явились толпы паломников, из верхних пещер спустились рабочие-горняки и служители колумбария. Даже из надземного Литтаплампа приехали некоторые люди, которые ушли из подземелий, но сохранили связь со своим народом. Пришли трое почетных старейшин – все пожилые, но моложе Надеши. На лице каждого из этих уважаемых людей была написана абсолютная радость. Вместе старейшины выпросили себе право услышать подробнейший рассказ обо всем, что случилось с Иварой и Тави в их новой жизни. Даже Хинта рассказал о себе – и его слу-

шали, потому что всем было интересно, как он стал другом и спутником для двоих фавана таграса. Была устроена торжественная трапеза. Подземные жители достали из своих закромов самую лучшую еду, которая у них была. После застолий в доме Ливы все эти кушанья казались абсолютно обычными, тем не менее, гости ели и пили, чтобы не обижать гостеприимных хозяев.

Потом было сказано еще немало слов, поведаны легенды и священные предания Санджати Кунгера – Ивара и Тави в ответ поведали похожие легенды Джидана. Были показаны карты пещер и рассказаны многие моменты из истории секты. Пока шел весь этот разговор, люди из толпы по одному подходили к Аджелика Рахна и робко прикасались к нему. По времени была глубокая ночь, потом начало наступать утро, но Тави и Хинта не чувствовали усталости и не хотели спать. Мальчишки были перевозбуждены, захвачены новыми впечатлениями, потрясены тем, какую важность они и Ивара имеют для этих людей. Здесь все было не так, как в Шарту. Здесь каждый взрослый смотрел на них с уважением, каждый их слушал, каждый им верил. Здесь для всех имели значение их рассуждения о жизни и мире, их представления о должном, их собственная вера. Когда стало известно, что Хинта видит призраков, все старцы начали проявлять к нему особое внимание и трепетно относились к моментам, когда он выпадал из разговора или необычно себя вел.

Но больше всего Хинте запомнился час, когда, по просьбе Ивары, Санджати Кунгера открыли тайник, обустроенный под корнями дерева. Это было уже под утро. И гостям, и старцам пришлось встать со своих мест и разойтись в стороны. Блюда с угощением были убраны. Надеша поднял одну из плиток пола и нажал на рычаг, после чего корни дерева приподнялись и раздвинулись, открывая неглубокую продолговатую нишу.

Изначально камень ниши, вероятно, был черным, но теперь черное осталось лишь в некоторых местах. Все остальное пространство тайника стало золотым. А в центре узора лежала фигура. Руки изваяния были сложены на груди, глаза закрыты, лицо зачаровывало необычайной красотой. И в этом лице, среди бесконечных растительных узоров, угадывались черты Ивары.

Когда саркофаг полностью раскрылся, во всей пещере повисла тишина. Казалось, благоговейная толпа перестала дышать. Замерли и замолкли даже все те, кто не стоял в первых рядах и не мог своими глазами видеть того, что происходит внутри дома Доджа Нарда. Хинта посмотрел на изваяние, потом на учителя, потом снова на изваяние, и снова на учителя. А когда он в третий раз перевел свой взгляд, он вдруг по-

нял, что это вовсе не статуя – это прежнее тело Ивары, которое проросло золотом, превратилось в золотой силуэт. В ветвях Доджа Нарда трепетали тысячи маленьких огоньков. Аджелика Рахна лежал тут же. Свет падал на два золотых лица.

– Ты говорил, что под деревом лежат мои вещи, – тихо сказал Ивара. – Ты не предупредил, что здесь мое тело.

– Разве тело – не твоя собственность? – спросил в ответ старец. – Но прошу, прости меня, если я тебя разочаровал. И уж тем более не сердись на всех остальных, если они что-то не сказали тебе. Ведь нужно было сказать слишком многое.

– Я не сержусь.

– Раньше эта ниша была небольшой, но когда ты умер, она тоже изменилась. Не мы положили туда твое тело – само древо забрало его под свои корни. И это не мы сделали для тебя золотой саркофаг, у нас нет таких хороших мастеров. Это сделала Машина Голосов.

Он с поклоном отступил в сторону. Ивара и мальчики подошли ближе, под навес каменных корней, и склонились над чудесной усыпальницей. Лицо саркофага было так прекрасно, что при виде его замирало сердце.

– Образ, – еле слышно произнес Тави. – Ивара, оно не дало тебе лица героя. Оно слило твое лицо с лицом Аджелика Рахна. С самим Образом.

– Да, я вижу. – Ивара опустился на колени и поднял небольшую золотую коробку, которая лежала в изголовье его смертного одра. У коробки было две большие ручки, между ними располагался пульт с множеством маленьких – слишком маленьких для человеческих пальцев – рычажков. Ивара успел распрямиться, но потом его повело в сторону, и мальчики вынуждены были подхватить его под руки. Он резко выдохнул, его глаза широко раскрылись. Хинта посмотрел туда, куда был направлен его взгляд, и увидел там три сияющие фигуры. Это были призраки, но не белые, сотканные из света, а золотистые. Они стояли горделиво, словно статуи, но при этом были подвижны, подобно живым людям. Каждого из них Хинта смог узнать. Вот Амика с игривой улыбкой. Вот Эдра с ясным и мужественным лицом. Вот Кири – лишь он выглядит печальным.

– Вещь говорит с ним, – потрясенно молвил кто-то из старцев. И снова стало очень тихо. Длились долгие мгновения. Потом Хинта моргнул, призраки исчезли, а Ивара снова обрел способность стоять на ногах.

– Я видел их, – произнес Тави. – Теперь даже я видел их.

– Они были для всех нас, – сказал Хинта.

– Хорошо, – отозвался Ивара. – Тогда мне ничего не придется объяснять.

По его щекам катились слезы, но он улыбался.

Чуть позже они достали из тайника несколько более обычных предметов – среди них старый портативный терминал Ивары, который был сломан или просто потерял заряд батареи. Золото не коснулось этих вещей и никак их не преобразило.

– Хочешь знать, что там? – спросил Тави. – Что в твоём старом терминале? Какие мысли ты тогда имел?

– Да, хочу. Но не сейчас. Подходит наше время уходить отсюда. Не вверх – вниз, навстречу тому, против чего я уже однажды выстоял.

Санджати Кунгера выделили для гостей три комнаты с аскетической обстановкой. Там друзья смогли поспать несколько часов. За время их отдыха толпа никуда не ушла, нарушая свой режим. В середине дня Ивара разбудил мальчиков. Они снова поели в обществе старцев. Затем учитель произнес небольшую речь для всех Санджати Кунгера.

– Прощайте, – произнес он в конце. – Если удача будет сопутствовать нам, то мы не вернемся, но мир изменится.

Он говорил со ступеней у подножия башни Доджа Нарда. Когда он вернулся назад, к почетному кругу избранных, восседающих среди корней дерева, на его лице была написана решимость.

– Мы уходим. Я знаю, вы уже выделили нам лучших проводников...

– Я сам поведу вас, – ответил Надеша. – Многих я провожал туда. И тебя в прошлый раз я провожал сам. Никто лучше меня не знает этих дорог.

– Спасибо, – поблагодарил Ивара.

– Позволь мне на прощание нарисовать древо на лбу у тебя и у твоих спутников.

– Нет. Это сделает нас троих Санджати Кунгера. Но мы не должны становиться одними из вас. Мы трое должны остаться просто людьми, представителями всего человечества, а не одной его малой группы или народа, пусть даже эта группа и этот народ обладали бы большей мудростью, чем все остальные люди.

– Прости меня, – с улыбкой поклонился старец. – Я понимал, что не тебе носить наши символы, но предложил лишь потому, что ты сам попросил об этом в прошлый раз.

– Это было в прошлый раз. Тогда я шел туда, ведомый любопытством ученого. Теперь я другой, и цель у меня иная. Я не ищу ключ – я нашел его; я не ищу дверь – я нашел ее; я не ищу центр истории – я нашел его. Я иду туда не один, но со спутниками. У нас три золотых сердца и три золотых вещи. С нами воля всех живых существ – бывших, существующих и тех, которые еще могут населить эту планету. Как глава этого отряда, я свободен. Но я больше не принадлежу себе; никто из нас не принадлежит. И мы не возьмем туда ни одного из малых символов, ни одного из малых способов верить.

– Так идите же, – ответил старец, – а я поведу вас на малом, знакомом мне участке пути, чтобы потом вы повели весь мир.

Так начался их последний путь. Они снова прошли через всю пещеру, только на этот раз повсюду были коленопреклоненные паломники. Пока они шагали через ряды павших ниц людей, у Хинты случилось очередное видение. Он смотрел на своих друзей, и ему казалось, что под кожей у них поселился золотой свет. А, может быть, это было вовсе не видение, может быть, они действительно сияли в эту минуту, как высшие существа, снизошедшие в эту пещеру и в этот век из бескрайних просторов вселенной и из великой древности. Все отошли от них, все склонились в трепете. Теперь они сами несли свои вещи. Только Надеша был достаточно силен, чтобы недолго шагать вместе с ними. Но даже его слепил их свет, и он улыбался через силу и щурился.

Глава 17

ЛИЦО ПОД МАСКОЙ

Они прошли через тоннели, где стояли дрезины, и углубились в сеть узких ходов, где не было постоянных источников света. Несколько долгих часов они шагали коридорами с грубо отесанными стенами и низкими влажными сводами. Вода тонкими струйками лилась им на головы с потолка, заставляла метаться чадающее пламя факелов. Надеша шел легко и быстро – само его тело от старости было легким, словно в нем остались лишь кости да жилы. Во мраке древних тоннелей он казался каким-то духом земли. Иногда он специально подставлял темное лицо и грязные волосы под потоки льющейся воды, иногда – заламывал

тонкие руки и что-то шептал, что-то пел: по-своему молился за успех грядущего дела.

Наконец он привел их к черному каньону, дно которого, казалось, уходило в сами туманные глубины планетарных недр. Здесь они снова одели скафандры – воздух дальше становился слишком тяжелым из-за ядовитых примесей. Вдоль стены каньона по наклонному направляющему рельсу ходила старинная платформа, сделанная из огнеупорного серебристого металла. Они взошли на платформу, и та понесла их вниз, через сгущения бурого тумана, сквозь слои серого и черного камня, мимо пышущей жаром лавы, которая в некоторых местах прорывала стены каньона и хлестала вниз искрящимися, ослепительно яркими потоками.

Теперь они были так глубоко, что Хинта уже даже не ощущал над собой толщу камня. Ему стало казаться, что они в космосе, в чреве рождающихся галактик. Здесь не было привычных ориентиров – только тьма, разорванная вспышками страшного света. Волны жара сменялись волнами холода, но постепенно холод начал преобладать, а потом источники света исчезли, и вокруг повис ровный туман, по консистенции напоминающий остывший фратовый дым. Эта пелена липла к вещам и одежде, оставляя повсюду свой грязный след, стекалась к пламени факелов и сливалась с их дымом, душа жар огня своим дыханием.

– Что это? – стирая слизь с рукава своего скафандра, спросил Ивара.

– Тьма, – ответил Надеша тихо. – Это ее начало, полог, через который вам придется пройти, чтобы попасть в золото.

В обступившем их мороке его дряхлый скафандр казался мокрым сгущением сумрака. Потом они достигли дна ущелья. Разум подсказывал, что здесь должна течь огненная река из расплавленных горных пород. Но не было ни лавы, ни света, ни жара. Стояла мертвая тишина. Когда они сошли с платформы, грунт у них под ногами оказался вязким, словно размокшая от дождя глина. Два факела из четырех погасли, и света почти не осталась. Тьма была повсюду вокруг.

Надеша наощупь нашел стену и указал направление.

– Идите туда. Там будет лебедка с тросом. Она уходит прямо в ничто. Вам придется упасть вниз. Это удастся не всем. Некоторые, слабые духом, бегут назад. Но я знаю, что каждый из вас найдет в себе достаточно сил, чтобы проделать этот путь до конца. И если золото действительно любит вас, то вы упадете не в ничто, а прямо на тот путь, к которому стремились.

– Да будет так, – ответил Ивара.

– Прощай, прекраснейший из людей. И вы, мальчики, тоже прощайте.

Старец опустился на какую-то каменную приступку у стены. Факела у него не было, и тьма почти поглотила его.

– А как же ты? – спросил Ивара.

– Я останусь здесь, – с улыбкой в голосе ответил Надеша. – Мое время вышло задолго до того, как ты пришел к нам в первый раз. Наверх уже не подняться. А значит, мне самое место здесь.

– Ты говорил, что старики из твоего народа испытывают себя, спускаясь на золотой путь, – вспомнил Ивара. – Пойдем с нами. Не нужно пропадать.

– Ты очень добр, пророк. Но ты знаешь, что я не могу быть частью твоего отряда. Я жил под золотым деревом. Я видел достаточно золота. Мне не нужно еще. Я останусь здесь и дам битву тьме с тем золотом, которое уже накопилось у меня в душе. И если мне повезет, то не мое тело, но сам мой дух выйдет на золотой путь. Пусть будет так. Не отговаривай меня.

Ивара обнял его. Погас предпоследний факел. Последний, который горел в руках у Тави, светил так слабо, что едва выхватывал из мрака призрачную поверхность стены.

– Мы теряемся, – сказал Хинта.

– Мы идем, – хрипло ответил Ивара. И они пошли вперед, оставив старца умирать одного. Тьма обступила их. Стена, за которую они цеплялись руками, была скользкой и местами мягкой, словно черная, чужеродная плоть. Вокруг что-то жило, дышало, нарастало.

– Он так сказал, – отрывисто прошептал Хинта, – что мне показалось, будто эта лебедка близко. Но конца все нет.

Стало страшно. Хинта вдруг всем телом ощутил тьму, понял, что дышит ею. Она была внутри скафандра, на коже, во рту, и еще глубже – в разуме, в сердце.

– Бемеран Каас, – где-то далеко произнес Ивара, – мы знаем твое настоящее имя.

Но Хинта едва мог слышать учителя. Он давился сажей, тонул во мраке. Его мысли спутались, а потом внезапно выстроились в ином порядке. Он осознал эту перемену, но ничего не мог поделать с результатом перестановки. Теперь он ясно понимал, что их поход не имеет смысла, потому что люди обречены – обречены воевать снова и снова, грезить подобно Квандре Веваде, создавать машины уничтожения, искать худшие способы развития, губить любые планеты, которые им даны, терять Образ и находить чудовищные формы. И все же Хинта продолжал

идти вперед – вдоль бесконечной липкой стены, в самое чрево ада. Он вспомнил мертвецов: брата, Круну, того солдата, которого им с Тави пришлось раздеть ради спасения Ивары. В мире тьмы люди были лишь телами. Плоть, еда, мясо, гниющие потроха. Хинте представились рождающие женщины, вопящие младенцы, уродства всех возможных вариантов. Живое путалось с мертвым. Тьма расступалась, словно жилки внутри ранца омара. Но ранец омара был материей. А тьма была энергией, мечтающей о материи и отдающей свои мечты людям.

– Я хочу убежать назад, – сказал Хинта. Кто-то схватил его за плечо. – Я не убегу. Я просто говорю, что уже хочу этого. Это трудное место.

Он говорил, и ему казалось, что тьма булькает у него в горле – безвкусная вязкая масса.

– Ты отошел от стены, – сказал Ивара. Хинта пошел за рукой, которая теперь вела его. Он снова увидел факел. Этот слабый огонек заставил его думать о пожарах, о лаве, о звездах. Звезды тоже не давали надежды. Они были лишь огненными шарами, висящими в пустоте. Своим сиянием они чаще убивали, чем давали жизни. Солнце обожгло Прату на Луне. И не было никакого ветра душ – только этот слепящий свет, холодный огонь в безвоздушном пространстве. А потом факел Тави погас. Никто ничего не сказал. Все трое продолжали идти. И вдруг в крошечной темноте что-то проступило.

– Я вижу?.. – спросил Тави.

– Красное, – ответил Ивара. Они сделали еще сотню тягостных шагов и были вынуждены остановиться. Перед ними был обрыв, на краю которого тускло блестела катушка лебедки. А под обрывом был целый мир – все то, что никак не могло находиться в центре Земли. Там расстилалась равнина, на которой стояли руины разрушенных городов. Небо светилось тусклым, черно-красным, кварцевым светом. В воздухе кружился пепел. Над горизонтом двигались силуэты еще двух ужасных планет – они были как тени во тьме. Далекий ветер гнал по ущельям мертвых улиц бурый песок. А в воронках огромных кратеров и в окнах полуразрушенных зданий скапливалась и сгущалась она – Бемеран Каас. И Хинта понял, что это ее мир. У тьмы тоже была своя история, и она могла ее поведать так же, как Аджелика Рахна мог поведать свою.

– Она уже побеждала, – сказал он. – Это ее миры. Миры, в которых больше ничего не осталось.

– Ты готов? – спросил Ивара.

– К чему? – не понял Хинта.

Вместо ответа учитель толкнул его вниз – с обрыва.

Хинта не закричал. Он задохнулся от ужаса. Его сердце почти остановилось. Он падал, скованный, уничтоженный, смутно осознающий, что друзья предали его – использовали, чтобы узнать, разобьются ли сами в этой бездне. Ему было не понять в эту минуту, что Ивара спас его, столкнув в нее.

Хинта падал. Черный ветер хлестал ему в стекло шлема. Он подумал, что сейчас умрет. Ужасный город был все ближе. Уже можно было рассмотреть отдельные детали – обломки металлических опор, камни, трупы, гноящиеся тьмой изъяны в каждом предмете. Ближе. Ближе. Пока не закончится воздух в груди, пока ужас не прожжет на душе незаживающую рану. А потом чудовищное видение оборвалось, и Хинта повис в воздухе в полутора метрах над поверхностью широкой золотой реки. Это была настоящая река, с чистой водой, над которой поднимался легкий парок. Было видно дно – ровное, как в искусственном бассейне, покрытое узорами, как лицо и тело Аджелика Рахна, только здесь их было в тысячу раз больше, и они распространялись во все стороны, насколько хватало глаз. Вода и слой пара были настолько тонкими, что совсем не мешали смотреть. Хотя никаких видимых источников света в пространстве не было, сам свет был, слабый, рассеянный, но ровный, как поверхность реки, как золотое дно. Узоры медленно плыли – звери и птицы, деревья и травы, планеты и звезды, бесконечный поток завораживающей красоты. А потом Хинта понял, что это не узоры плывут, это он сам дрейфует над рекой. Его тело сделалось невесомым, дыхание очистилось от миазмов тьмы. Восторг охватил его. Он был жив, и он был в самом невероятном месте, которое только существует на этой планете. Он попробовал перевернуться, закрутился в воздухе и, к своему ужасу, снова увидел тьму – прямо над собой; клубящаяся, жуткая, она живым сводом нависала над рекой.

– Ивара, – испуганно позвал Хинта, – Тави.

Ответа не было. Он уже подумал, что друзья по какой-то роковой случайности упали в другом месте и промахнулись мимо реки. А потом он увидел, как по тьме у него над головой идут разводы. Она бурлила, словно какая-то жидкость на уроке химифизики. Почти одновременно из нее выпали Ивара, Тави и все их сумки. Сразу вернулась связь – Хинта услышал в наушниках своего шлема отчаянный и веселый смех друзей.

– Мы прорвались! – воскликнул Тави.

– Да, – подтвердил Ивара. Кроме радости, в его голосе звучала огромная серьезность, словно он напоминал, зачем они сюда пришли. От этой интонации Хинта сразу ощутил себя по-другому, его эйфория отступила. Он подумал о том, сколько еще людей падали сюда и так же радовались своей первой победе, но позже возвращались наверх, к Санджати Кунгера, немощными безумцами, или не возвращались вовсе. Одна та тьма, через которую они только что прошли, уже могла погубить, но впереди ждало что-то еще – черед неведомых опасностей, лабиринт ловушек для разума.

– Мы летим, – осознал Тави. – Оно держит нас, поднимает над собой. Как здесь двигаться, когда нет опоры?

– Помнишь, как мы плавали? – спросил Хинта. – Плыви. А если хочешь перевернуться – взмахни рукой или ногой: тело начнет двигаться по инерции.

Тави попробовал барахтаться и медленно закружился в воздухе.

– Я не могу остановиться.

– Нам нужно встретиться, – сказал Ивара, – сцепиться вместе и подобрать вещи. Тогда наша масса станет больше, и мы обретем стабильность.

Он дернулся в воздухе, тоже закрутился, потом смог ухватить одну из сумок, развернулся и протянул ее в направлении Тави. Тот ухватился за другой конец сумки, и они оказались рядом. Но с Хинтой все было сложнее: он упал с обрыва раньше, и золотая река успела унести его от друзей. Как он ни вертелся, он продолжал оставаться на большом расстоянии от остальных. Ему даже стало казаться, что его уносит все дальше.

– Эта река движется только в одну сторону, к Экватору. Как же люди возвращались по ней назад? Неужели они летели вокруг всей планеты?

– Может, здесь есть своего рода приливы и отливы? – предположил Тави. – Все движется туда, потом обратно.

– Так или иначе, – сказал Ивара, – нам повезло, потому что мы плывем именно в ту сторону, в которую нам нужно.

Они с Тави продолжали собирать свои вещи. Осталась только одна сумка, самая главная – та, в которой лежал Аджелика Рахна и другие золотые вещи. Однако именно ее оказалось достать сложнее всего; она летела быстрее, чем все остальные предметы, словно некий незримый ветер уносил ее все дальше от Тави и Ивары. Сумка двигалась примерно в направлении Хинты, но река была слишком широкой, и Хинта вовсе не был уверен, что, когда сумка нагонит его, он сможет ее поймать.

Они перестали разговаривать. Все осознавали отчаянное положение, но никто ничего не мог поделать. Река несла их; внизу бесконечной лентой, обозначая своим движением пройденное расстояние, проплывали узоры, а сверху возносился, словно насмехаясь, клубящийся черный свод. Место прыжка и лебедка остались где-то далеко позади, коридор из золота и тьмы уходил в бесконечную туманную даль. Это пространство было слишком огромным, слишком страшным – не люди создали Меридиан, не на них он был рассчитан.

А потом вдруг произошло чудо.

– Смотрите, – показал Тави. – Золото.

Хинта сначала не понял, о чем он говорит – вокруг и так было слишком много золота. Но тут и он заметил блеск на сумке.

– Она что, открылась? – спросил Хинта. Сумка все еще была слишком далеко от него, и он не мог различить мелких деталей.

– Нет. Она расцветает золотом. Золото поедает ткань, словно огонь.

Это происходило быстро. Сумка превращалась в какое-то устройство неведомого назначения. Ее ручки обратились антеннами, карманы – накладками, застежки – кнопками. Волны преобразений шли по ней, но она была несовершенна и не могла стать чем-то ясным, а потому просто взорвалась, распавшись тысячей золотых лепестков. Тави ахнул. Хинта тоже что-то прошептал в этот момент. Но само зрелище происходило в полной тишине. Аджелика Рахна широко раскинул свои тонкие сверкающие руки и воспарил в облаке золотых лепестков – они вращались вокруг него, как медленный смерч, как линии силовых полей на трехмерной учебной иллюстрации. А рядом с маленьким человечком, среди других золотых частиц, парили Вечный Компас и Машина Голосов.

Аджелика Рахна больше не был разбитым. Его нога, которая все эти годы лежала отдельно от него, теперь снова была присоединена к телу. Но она не срослась до конца – на бедре, словно на плоти живого существа, остался страшный шрам, и теперь там мерцали крошечные искры: вырывалась несметная энергия, которую это маленькое тело умело в себе содержать.

– Прошу тебя, – негромко обратился Ивара, – собери нас, как собрал себя. Веди нас в свое царство. Мы здесь лишь благодаря тебе. Тысячу подсказок ты оставил нам в веках, тысячу вех, тысячу свидетелей. И уже давно мы следовали за тобой, даже когда не знали тебя и не верили в тебя.

Они продолжали парить над рекой. Течение влекло их вперед, унося на юг, в направлении Экватора и стоящего далеко за ним Акиджайса.

Аджелика Рахна медленно вращался в распавшемся коконе из золотых лепестков. Хинте стало казаться, что маленький человечек тихо дирижирует руками – совсем как Ашайта, когда тот кружился и танцевал. А потом он внезапно почувствовал невидимую нить – словно маленький золотой смерч превратился в веретено и наматывал, подтягивал к себе разлетевшихся в разные стороны друзей. Они все еще дрейфовали вперед, но теперь они начали сближаться – Аджелика Рахна собирал их, воссоединяя разбитый тьмой отряд.

Это продолжалось достаточно долго – свободный полет, танец маленького человечка и работа невидимой нити. Пока все это происходило, пейзаж вокруг постепенно менялся, становился хуже. В некоторых местах клубящийся темный свод опускался ниже, давил на светлую поверхность Меридиана, почти касался воды. Там, где это происходило, золото Меридиана темнело, превращалось в какой-то иной, более грубый металл, а узоры распадались. Это были раны, пролежни и свищи, которые Бемеран Каас за века проделала своим непрерывным трудом. Однажды Хинту занесло совсем близко к одной из этих язв, и он снова ощутил прикосновение тьмы. На него обрушились единой чередой видения ужасных существ, которые управляли столь же ужасными космическими кораблями в каком-то из иных пределов потухшей вселенной. Там сияло страшное солнце с пустой серединой – почти не дающая света красная корона во мраке. Хинта застонал и скорчился – тьма словно бы скомкала его тело своим касанием. Его друзья испуганно закричали. Но Аджелика Рахна ускорил свою работу, натянув до предела свою нить, и вырвал его из тенет мрака. Они летели дальше, сближаясь и сближаясь в медленном танце. Чем ближе они были, тем яснее Хинта видел, как изменился Аджелика Рахна. Узоры на теле маленького человечка светились тихим глубинным сиянием. Его глаза были закрыты, и он все еще казался спящим, но это уже был иной сон, полный предчувствия и ожидания пробуждения, движения и надежды. Лепестки век трепетали, тонкий рот изменил свое выражение. Он выглядел в тысячу раз более живым, чем за все предшествующие месяцы.

И вот, наконец, томительное сближение завершилось. Хинта с одной стороны смог ухватиться за маленькую руку Аджелика Рахна. С другой стороны Ивара сделал маневр и подбросил легкого Тави вперед, так что тот смог ухватиться за другую руку. Металл Аджелика Рахна был теплым. Его крошечные ладони раскрылись, и своими рукопожатиями он ответил на рукопожатия мальчиков. Танец прекратился, лепестки замерли. Наступило торжественное мгновение, когда ничего не менялось, но было ясно, что окончательно скрепляется некий союз, некий договор.

А потом Хинта ощутил, как его руку охватывает странный внутренний жар. Он посмотрел на нее и увидел, что она сияет невероятным золотисто-зеленым светом – светом остывшей молнии. Рука Тави сияла тем же светом. Это была энергия Экватора, которую они много дней назад вобрали в себя. И теперь эта энергия уходила из них, передавалась в тело маленького человечка, преображалась, росла.

Ивара подтянулся вперед, пролетел мимо Тави и свободной рукой ухватился за свободную руку Хинты. Их круг замкнулся. Они все смотрели друг на друга, а Аджелика Рахна был между ними, как один из них. И вот то, о чем они так долго мечтали, чего столь неумело пытались добиться в гараже в Шарту, произошло: Аджелика Рахна пробудился. Его веки-лепестки дрогнули в последний раз, и он открыл глаза.

У них не было белков – только радужка, и она тоже состояла из лепестков, способных сходиться и расходиться, образуя диафрагму, светящихся нежным золотисто-зеленым светом, тем же, что и руки мальчиков. Зрачки были исполнены бездонной глубины, внутри них, казалось, открываются порталы к самому сердцу вселенной.

Когда Аджелика Рахна открыл глаза, Меридиан тоже пробудился. Волна света прошла над золотой рекой. Тьма была отброшена далеко вверх – так далеко, что в некоторых местах открылись настоящие каменные своды этого гигантского тоннеля. По узорам Меридиана распространился яркий свет, и они ожили: звери бежали, птицы взмахивали крыльями, ветви деревьев и колосья трав качались на ветру, звезды и планеты совершали свой путь по орбитам, варьируя форму, проживая свою историю, рождаясь и умирая, вступая в союз, слагая галактики. А на каменном своде в тех местах, где тьма совсем отступила, проступили гирлянды кристаллов, сияющих фосфорическим светом.

Вся река преобразилась в калейдоскоп чудес. Целые линии узоров перестраивались, менялись, разворачивались как новые единые сюжеты. Раны на теле Меридиана начали заживать – покрытый патиной, забронзовевший, потемневший металл обрастал фракталами лепестков, закрывался золотыми пикселями, исчезал. За считанные минуты обнулялись результаты векового труда Бемеран Каас. Но и тьма тоже не сдавалась: она бурлила далеко наверху, складываясь в яростные рукава, и пыталась заново атаковать Меридиан. В некоторых местах ей это удалось – она прорвала светлый купол, и ее черные стрелы обрушились вниз, окрашивая воду в черно-красные тона, ненадолго поражая золото новыми язвами.

Трое взявшихся за руки людей и один механический человечек продолжали лететь среди этой великолепной битвы стихий. Золотые ле-

пестки, в которые Аджелика Рахна превратил свою сумку, теперь разлетелись далеко в стороны и образовали щит – малый щит внутри большого щита Меридиана – предназначенный защищать только их тесный круг. Тьма часто пыталась ударить прямо в них, но ее стрелы разбивались и исчезали, иссеченные смерчем из золотых лепестков. Энергия Экватора, которая вначале понадобилась, чтобы Аджелика Рахна проснулся, теперь разошлась по кругу и в равной мере принадлежала всем четверым. Хинта ощутил эту энергию внутри себя – единый, ровный, стремительный поток. Золотисто-зеленый свет вспыхнул в глазах Тави. Тот восторженно вздохнул и откинул голову назад. А потом Хинта понял, что тот же самый волшебный свет застит и его собственный взор. Он увидел, как всюду вокруг пробегают сполохи прекрасных аур; их частицы мерцали, словно фосфорические снежинки или зеленые искры какого-то магического костра. А потом, в какой-то момент, Хинта понял, что эти вспышки вокруг – это звезды. Тьма исчезла. Золото тоже исчезло. Теперь они мчались в потоке чистого света, внутри луча, сквозь вселенную. Они сами стали частицами света, волнами излучения. Больше не было верха и низа, далекого и близкого, большого и маленького. Звезды казались огромными, и в то же время их можно было взять в руку, а их притяжение ощущалось, словно ласковый ветер, идущий вслед за потоком луча.

Завороженный, ослепленный, Хинта на мгновение прикрыл глаза, а когда он снова посмотрел вокруг, то понял, что все изменилось. На нем и на его друзьях больше не было полускафандров – их снаряжение сменилось тонкими сияющими одеждами, словно бы сотканными из чистого света. И сами их тела стали почти прозрачными. Это было похоже на ощущения, которые Аджелика Рахна подарил мальчикам, когда те впервые показывали его Ливе Огафте, но сейчас все было еще прекраснее, еще удивительнее – полет длился и длился, свет пронизывал насквозь, и каждая клеточка в теле Хинты радовалась этому событию, праздновала праздник жизни. Он словно бы распался на тысячу частиц, в каждой из которых билось собственное сердце. И при этом он оставался собой, и был настолько цельным, настолько свершенным и совершенным, каким еще не был ни разу за всю свою жизнь. Он посмотрел в восторженные лица Тави и Ивары – то были лица духов, облеченных в призрачную плоть, сияющих и прекрасных, летящих с пылинками света, чтобы засеять своей жизнью и трепещущей красотой пажити новых миров. И при этом, хотя они были такими волшебными, такими космическими, такими распыленными на тысячу частиц, Хинта ощущал руку Ивары в своей руке как живую, обнаженную человеческую руку.

А потом Хинта понял, что рука Аджелика Рахна в его руке ощущается так же, как рука Ивары – живая, обнаженная, трепетная: никакого металла, никакой лишней жесткости. Хинта посмотрел туда, где в этом странном измененном пространстве должен был находиться маленький золотой человечек. Но, к своему удивлению, он не увидел там привычного лица-маски-образа Аджелика Рахна – вместо этого он увидел третьего мальчика, почти юношу, который выглядел чуть старше, чем они с Тави. Этот отрок открыто и смело встретил взгляд Хинты; его большие прекрасные глаза сверкнули зеленым волшебством, он рассмеялся, и этот смех, как звон тысячи легких колокольчиков, полетел вместе с потоком луча. Его золотые кудри развевались на звездном ветру, кожа светилась: на ней – проступали таинственные узоры, под ней – мерцали линии электросхем. На его шее, руках и ногах сверкали ожерелья из полудрагоценных камней, ограненных и вставленных в прямоугольные оправы. И Хинта понял, что это и есть Аджелика Рахна – со всеми его платами, чипами, узорами, магией, со всей его красотой – просто теперь все это было раскрыто в своей торжествующей природе, вырвалось в мир света и духов, цветя и распускаясь, как бутоны самых невероятных цветов в самом невероятном саду.

Аджелика Рахна был всем: смехом веселых людей – и слезами всех скорбящих, голосом певцов и рассказчиков – и деревом жизни, вселенной – и светом звезд, человеком – и машиной, богом – и жертвой. Он воскресал, он был временем, мужчиной и женщиной, ребенком и стариком; из его глаз смотрела мудрость тысячелетий, в его взгляде было прозрение одного момента; в его частицах могли прочитать свою судьбу тысячи живых существ, которым он нес благословение Итаирун – сияющего центра вселенной; он был посланником, посланием, исполнением, творением. А если чего-то в нем непосредственным образом не было, то он отражал это, хранил частицу этого в себе, знал об этом, отвечал этому – и потому он был центром всех событий, ответом на все вопросы, разрешением всех сомнений. Во время битвы за Шарту Хинте довелось заглянуть в глаза омара, и тогда он испытал страх и отчуждение. Теперь все было иначе – Аджелика Рахна был бесконечно иным и, в то же время, бесконечно своим. Хинта смотрел на него и не мог понять, как это существо может казаться сразу всем. И при этом Хинта видел отчетливый образ молодого человеческого существа – отрока, подростка, который улыбался ему в ответ, смеялся, жил, касался его руки прямо сейчас, хотя в то же время рука Аджелика Рахна была ветвью растения, звездным скоплением и тонкой конструкцией из золотистого металла.

– Ты живой, – потрясенно, полувопросительно произнес Ивара. Его голос разнесся среди звезд, смешался с эхом звонкого божественного смеха. Хинта в это мгновение испытал невыносимую смесь надежды и неверия. Он хотел, чтобы Аджелика Рахна заговорил, чтобы он живыми губами, живым языком произнес слова обычной человеческой речи. И в то же время Хинта не мог представить, как это будет, как прозвучит волшебный голос. Он не знал, возможно ли, чтобы духи общались, не знал, допустимо ли, чтобы человек лично задавал вопросы маленькому боже-ству.

А потом Аджелика Рахна ответил.

– Да.

Его голос прозвучал так же, как голос Ивары – столь же по-человечески и столь же странно, потому что звуки странно распространялись внутри тоннеля-луча.

– И всегда был живым, даже тогда, когда лежал без движения, а вы трое выхаживали меня. Я был живым в ваших руках, чувствовал ваши прикосновения, был согрет вашим теплом. Я пел для вас троих даже тогда, когда моя песнь была не слышна. Я пел для тебя о твоих друзьях, которых ты потерял, пел о том, что помню их руки, как твои. Лишь вашей волей спасти меня я был спасен, лишь вашим добром воскрешен, лишь вашей верой – обожествлен.

Его тепло сквозь гладкую кожу текло в руку Хинты, и мальчик ощутил, как душа надрывается у него внутри, потому что еще никто никогда не благодарил его так, как это существо.

– Спасибо, – сорвавшимся голосом ответил Тави. Хинта посмотрел на друга и увидел, как у того по щекам, среди вспышек света, текут раздробленные пиксели слез.

– Хотел бы я, чтобы мы могли найти для тебя в ответ слова такой же красоты, – сказал Ивара. – Если бы можно было еще раз спасти тебя, мы бы сделали это. Даже...

Отрок улыбнулся Иваре. В его улыбке были любовь, знание и какая-то особенная печаль – немногие старики умеют так улыбаться.

– Не говори того, что хотел сказать, не говори, что снова отдашь жизни друзей за меня. Боль еще не закончилась, а смерть останется смертью даже там, где будет воскрешение. Тьма не побеждена. И если мы не победим, то не будет утешения для всех, кто жертвовал. А ты жертвовал слишком многим.

– Скажи... – Сначала Хинте показалось, что Ивара задаст какой-то великий метафизический вопрос. Затем он уверился, что тот сейчас спросит о своих друзьях – вернутся ли те. Но оба раза он оказался не

прав: взрослый задал самый прагматический из всех возможных вопросов. – Скажи, сколько у нас времени на этот разговор?

– Времени мало. Мне жаль, что я немного могу дать моим избранным. Я дам целый мир, но не вам и не героям, которые до вас боролись за меня, а всем тем, кто меньше жертвовал собой. Вам могу дать недостающую часть истины, слова утешения и краткий миг счастья.

От этих слов Хинте стало не по себе; он вспомнил, что в эту самую минуту их тела летят над рекой, посреди поля битвы. Битва не отменяла красоту и значимость их беседы, но и красота не отменяла битву. Этот сон о свете не был вечным убежищем: скоро он оборвется, они снова окажутся перед лицом бушующего мрака, и наступит момент, когда даже золотые лепестки не прикроют их от очередного удара. Хинта с отчаянием посмотрел в глаза Аджелика Рахна – и ощутил, что тот знает каждую его мысль. Ему стало стыдно за свое малодушие.

– Но мы можем задать тебе хоть несколько вопросов? – обратился к отроку Тави. – Ведь мы так долго этого ждали.

– Ты думаешь, что у тебя осталось много вопросов, – сказал Аджелика Рахна, – но это не так. Вы сделали десятки открытий на своем пути. Вам удалось найти меня, понять, кто я, пробудить меня. Вам удалось восстановить значительную часть истории моего прибытия сюда и моей работы здесь. Но есть три главные вещи, о которых вы не могли узнать. Именно о них я сейчас расскажу, потому что без этого знания вы не сможете понять, что за битва нам предстоит. Нам хватит времени до Экватора. А там мне придется выполнять много задач настолько сложных, что я уже не смогу поддерживать этот золотой сон.

– Тогда мы слушаем, – ответил Ивара.

– У посредника, который не понимал своей роли, я оставил важное послание. Я не знал, кто это послание получит, не знал, найдет ли оно хоть одного адресата. Но так вышло, что это послание получили именно вы трое, а через вас – все человечество.

Хинта понял, что отрок говорит про омара.

– Вы видели рождение пространства и времени. Видели великий пламень-светоч, имя которому Итаирун. Видели его яркие лучи, имя которым Нарт. Видели образ всего живого, имя которому Тайлин. Видели вселенную образа, имя которой Ланин. Видели хаос и тьму, имя которым Даас. Тогда меня прервали, мое заклинание распалось, и я не успел рассказать о том, какое место среди этих вещей занимает ваш собственный мир. Слушайте же.

Картины, которые показывал Аджелика Рахна, снова, как и в первый раз, развернулись перед внутренним взором Хинты. Стена клубяще-

гося мрака и космического мусора была с одной стороны, с другой – живые изумруды обитаемых миров, согретых лучами Итаирун. Но теперь Ланин раскрылась в тысячу раз отчетливее, развернулась перед взором зачарованных людей. Они увидели невиданную красоту голубых, желтых, зеленых, красных небосводов; ощутили тепло разных солнц; измерили взглядом высоту гор; восхитились огненной работе вулканов; пронесли над пестрыми лесами; увидели водоемы, вода в которых была кристально чистой или таинственно темной; встретили людей со всеми возможными цветами кожи; обрадовались и ужаснулись животным самых невероятных форм и видов; прошли по улицам больших и малых городов и познакомились с сотнями разных архитектурных стилей. То была вселенная с близкими плотными галактиками, полная существ, которые на своих небесах могли видеть восход и закат соседних планет, и планеты эти бывали так близко, что с поверхности одной удавалось рассмотреть на поверхности другой океаны, леса, большие города и горные хребты. То была вселенная беспредельной красоты, вселенная, в которой почти не существовало пустоты – вся она была пронизана светом, полна жизнью. Души там знали друг друга ближе. Там не было покинутых городов и мертвых земель, а космос не был черным бездонным провалом, и звезды сияли с нежностью, как огромные близкие светила, трогательно лелеющие миры в своем свете, боящиеся обжечь своим сиянием их молодую жизнь. Это было так красиво, что Хинта задохнулся от ностальгии по вещам, которых никогда не знал и не видел. Дальше от Итаирун миры были сложнее, сумбурнее, в них жило больше народов, и народы эти были более странными. На самом краю Ланин встречались даже такие существа, которые лишь отчасти соответствовали Образу. Ближе к Итаирун миры были проще и в то же время прекраснее. А у самого светоча, купаясь в его сиянии, кружился самый прекрасный из миров, населенный самыми совершенными существами, которые были посредниками между Тайлин и всей остальной жизнью. В величественных обитателях этого мира Образ обретал первое многообразие своих форм, от них он переходил во все остальные миры. Этот мир назывался Файиол, а имя его обитателей было Алфаим. Сами же они называли себя Лафт. Это были любимые и избранные, самые первые и самые совершенные дети Образа.

Но вот грубая материя ополчилась против Итаирун и Тайлин. Камни, туманности, осколки строительных материалов вселенной, слепые примитивные твари, пустота и тьма – все это нагрянуло из бездны за пределами ойкумены, словно неодушевленные предметы и полуживые чудовища были способны завидовать свету и жизни Ланин. Имя этой

грубой силе было Даас – Хинта помнил это. В прошлый раз Хинта решил, что Даас и есть та тьма, которая обрушилась на Землю. Теперь он понял, что это не так. Даас был примитивен и напоминал стихию, в нем не было того магического яда, который был в Бемеран Каас. И все же Даас был опасен: он уже обладал злой волей и страшной мощью. Каждому из окраинных миров был нанесен большой или меньший урон, часть красоты Ланин погибла; появились первые пустыни, первые мертвые земли, первые черные пустоты между планетами. В прошлый раз Хинта не видел, к чему эту привело. Теперь он ощутил горе и боль тысяч душ, которые пережили первую встречу с такой трагедией. Обитателям Ланин пришлось научиться бороться за свою жизнь и миры. Даас не смог победить, но его удар оставил шрамы на теле планет и на душах живых существ. Многое изменилось после его прихода; были посеяны первые семена всего плохого, сердца ожесточились, образ жизни народов стал более суровым.

Так закончилась вторая и началась третья космическая эпоха. Лучи Итаирун, Нарт, уже не могли изменять свои миры, как это было в эпоху великого творения, но они хотели помочь обитателям миров и самим мирам. Для этого им был нужен инструмент – достаточно мощный и в то же время точный. Так появилась техника золотого уровня. Ее назначение было в том, чтобы исцелять, и потому ее наделили возможностью, которая до этого была присуща лишь духам и живым существам – возможностью отличать добро от зла и тьму от света. Все народы Ланин получили золотые дары. А лучшие из народов были наделены способностью сами изменять и создавать прекрасную золотую технику.

Наступила эра моральных машин. Величие и красота Ланин были восстановлены. Появились миры высоких цивилизаций с огромными городами, полными невероятных технологий. Теперь погруженные в тень планеты светились тысячами огней; сама тьма, сама ночь стали частью красоты и многообразия миров. Не было ни больших войн, ни великих катастроф, потому что золото не служило злу и отвергало от себя любые недобрые намерения.

Однако, хотя не было новых больших бед, были малые беды. В полных величия городах жили прекраснейшие из существ Образа, но в их сердцах не было прежней радости. Мудрость и зрелость пришли к их народам вместе с болью и страхом; способность быть простыми и чистыми душой все чаще ускользала от них. Даже их дети реже теперь смеялись во время своих игр.

Выше всех прочих поднялась цивилизация Алфаим. Здания в их городах вздымались до самых небес, сверкая золотом и хрусталем в лу-

чах самого Итаирун. Удар Даас не достиг Файиола, и мир этот был вдвойне прекрасен, потому что сохранил в себе прелесть первых творений и при этом обрел блага новых эонов. Но и в него пришли скорбь, раздражение, ярость. Причиной тому была отзывчивость Алфаим – они не могли без тяжелых чувств наблюдать беды всей остальной ойкумены Ланин. Они первыми построили межзвездные корабли, первыми научились летать в другие миры, где утешали и исцеляли, и дарили золотые вещи, которые создавали сами. А самые гордые и мужественные из Алфаим оставались в окраинных мирах, селились среди пустынь и разрушенных селений, во мраке и холоде или в вечном пекле – так они хотели показать, что разделяют страдания обитателей Ланин. Однако, чем больше Алфаим видели, чем больше боли принимали на себя, чем чаще встречались с тьмой лицом к лицу, тем печальнее был их собственный народ, тем больше смущались их сердца. И дошло до того, что стала тускнеть красота избранного мира, в котором они когда-то жили, не ведая горя и трудностей. Тьма же, и без того поработившая многих, кто обитал у внешних пределов ойкумены, подчинила себе и тех аскетов Алфаим, которые селились в пустошах окраинных миров. Когда Алфаим обращались ко злу, они превращались в чудовищ с прекрасными лицами, устраивали каверзы и развязывали войны настолько страшные, что от их действий могли погибнуть целые миры. И тысячи миров пали, а другие были захвачены черными армиями, во главе которых шли предатели Алфаим с лицами все еще прекрасными, но навсегда исполненными огня и мрака.

– Такова единая великая история Вселенной, – сказал Аджелика Рахна. – А та ее часть, которая непосредственно касается вас, говорит следующее. Ваш мир принадлежит к темному поясу, который называют Бура Крайс. Когда-то он был частью Ланин, но потом пал под ударами Даас и с тех пор является зоной отчуждения, куда не попадает прямой свет Итаирун. Сам Даас в Бура Крайс изменил свою природу, впитав страдания миллионов погубленных, покалеченных и поработенных им живых существ. Это превратило его в Бемеран Каас. В отличие от Даас, Бемеран Каас является не просто разгневанной материей. Она способна искушать и соблазнять разумных существ, дарить своим избранныкам особую силу, и даже порождать псевдо-жизнь.

– Так вот что случилось тысячу лет назад, – сказал Ивара.

Отрок отрицательно мотнул головой, его золотые кудри рассыпались по плечам.

– Нет. Катастрофа, обрушившаяся на вашу планету, была лишь одним из множества поздних и малых последствий того, о чем я сейчас го-

ворю. Если считать историю Бура Крайс в вашем летоисчислении, то он сформировался миллионы лет назад. Ваша галактика является его частью слишком давно. А ваша планета и ее звезда никогда не знали прямого света Итаирун, потому что родились уже внутри Бура Крайс.

Все перевернулось у Хинты в душе. Он-то думал, что их Земля – часть той самой Ланин, которую Аджелика Рахна показывал в видениях. Теперь он понял, что они по другую сторону; они не были одним из этих миров-изумрудов перед стеной тьмы – они были песчинкой в самой стене тьмы. Вся их планета, вся их система были грубыми обломками того космического шлака, который наступал на Ланин.

– И кто же тогда мы, люди? – тихо спросил Тави.

– Те из первых детей Образа, кто выжил во тьме и принял ее в себя, стали зваться Драврит. Лафт жили мирно и не конфликтовали между собой. Драврит же подчиняли себе других, превращая их в своих рабов. Высшие из Драврит – магрит – были немногочисленны, но силой Бемеран Каас стали очень могущественными и почти вечными существами. Они командовали огромными жестокими армиями ангрит, которые состояли по большей части из низших Драврит, но включали в себя и самых сильных из поработанных ими народов – Драврит-Бэл. Всем прочим была уготована участь рабов или жертв. Драврит превратили Бура Крайс в свой оплот. На протяжении эонов через дружественную им тьму их армии вели отсюда наступление на Ланин, стремясь расширить пределы своего господства. Но время Драврит почти полностью миновало; эпоха их торжества закончилась, когда в пределы Бура Крайс вторгся звездный ветер, имя которому Хиасохо. Многие обитатели Ланин оплакивали погибшие миры Бура Крайс и приносили себя в светлую жертву ради того, чтобы туда вернулись добро и жизнь. С благословения Итаирун, Хиасохо понес души, родившиеся в Ланин, через мрак Бура Крайс. Своим приходом Хиасохо изменил природу всех живых существ, обитавших в темном поясе. Магрит утратили вечную жизнь – они начали дряхлеть, болеть, распадаться и умирать; ангрит, лишившись своих предводителей, перестали быть грозной силой и попрятались в самых темных и холодных уголках космоса. Многие планеты Бура Крайс снова расцвели. Народы, населившие эти планеты, получили имя атинат – или адана риса – и это вы, люди. У каждого из вас своя душа, принесенная Хиасохо. Ваши тела живут недолго и умирают легко – это сделано ради того, чтобы ваши души снова и снова попадали в очищающий поток космического ветра. В отличие от древних народов, вы не можете стать для Бемеран Каас могущественными и вечными слугами, но всегда можете ускользнуть из ее пут. В каждой из своих жизней вы снова и снова стал-

киваетесь с ней, и вы вольны делать выбор, поддаться ей или отвернуться от нее.

– Что же тогда случилось с нами тысячу лет назад? – спросил Ивара.

– Долгое время Бемеран Каас сосредотачивала всю свою волю на внешних границах Бура Крайс, чтобы не пропускать внутрь пояса свет Итаирун и эманации жизни Ланин. Но когда она поняла, что жизнь обманула ее, что Хиасохо уже давно свободно разгуливает по ее пределам и своей неуловимой рукой сеет в ее владениях семена ее гибели, ей пришлось изменить свою тактику. Она отделила часть своих сил и обрушила их на те планеты, где жизнь достигла наибольшего расцвета и торжества.

– Наш Золотой Век притянул ее? – понял Тави.

– Да. Ее удар был возмездием. Так она пыталась вернуть этот мир под свой контроль. Но ей оказалось недостаточно разрушить древние города и сжечь леса. Даже отравив атмосферу и заморозив всю воду на планете, она не достигла своего. Выжившие атинат не стали ее рабами – они приходили и уходили, жили и умирали, и их души ускользали из теней Бемеран Каас. К тому же, в то время я уже был здесь и помогал людям. Тогда Бемеран Каас подсказала земным ученым идею келп-тла, а своей властью над материей создала внутри планеты Ас Кешал Гаум – Темный Меридиан.

– Тот, над которым мы сейчас летим? – спросил Хинта. – Но он же из золота.

– Потому что я был вынужден захватить его, – улыбнулся отрок, – иначе к нынешнему моменту эта планета была бы уже в полной власти Бемеран Каас. Ради этой борьбы мне пришлось сделать Джидан моим избранным народом. Они помогли мне в борьбе за Меридиан. В знак нашей победы мы основали Акиджайс, который стал крепостью, охраняющей основные элементы инфраструктуры Меридиана.

– Но была какая-то конкретная цель, для которой келп-тла и Ас Кешал Гаум были нужны Бемеран Каас? – спросил Ивара.

– Тьма построила здесь машину перерождений. Я никогда такого не желал. Я бы хотел сразу и навсегда отпускать ваши души на свободу – в просторы вселенной. Цель Бемеран Каас состояла в том, чтобы тела людей менялись, адаптировались к новым условиям этой планеты. При этом жизнь людей должна была удлиняться, сила – расти, а страдания – множиться. Так она хотела сломить большинство из вас и превратить в свою новую армию. Но некоторым из вас она готовила судьбу, подобную высшим Драврит. Эти избранные должны были стать вечно черными

душами, перерождающимися не ради освобождения от тьмы, но ради окончательного с нею слияния. А пока эти процессы шли на поверхности планеты и в ее недрах, сама Бемеран Каас заслоняла планету от Хиасохо, мешала звездному ветру проникать сюда, чтобы он больше не мог омыwać души атинат в своих потоках и влиять на вашу природу.

– Если Джидан был твоим избранным народом, оборонявшим Меридиан, значит ли это, что все войны после Великой Зимы на самом деле были войнами между светом и тьмой, между тобой и Бемеран Каас? – спросил Тави. – И веру в звездный ветер сюда тоже принес ты?

– Вера в космический ветер была здесь задолго до меня. В разных формах она жила среди человеческих народов с самого момента их рождения, потому что вместе с душой все атинат получают призрак памяти о том, что ведут свое происхождение из Ланин. – Аджелика Рахна ненадолго умолк, его лицо сделалось отрешенным. – И да, все войны и многие другие великие события этого мира были эпизодами битвы между светом и тьмой. Я очень сожалею, что для моих целей в то трудное время мне пришлось использовать целый народ. Потому что это привело к ужасным последствиям.

– Тьма тоже избрала свой народ? – уже предчувствуя ответ, спросил Хинта. – И это был Притак? – Ему стало не по себе из-за того, что он так долго любил все то, в чем потом начал видеть зло. Он вспомнил планы Квандры по созданию космического флота. Он не хотел быть даже самой крошечной частью всего этого.

– Да. Притак в большей мере, Лимпа в меньшей – но оба эти народа послужили Бемеран Каас, когда наносили свои удары по Джидану.

– Акиджайс пал, – кивнул Тави. – И теперь там рождаются омары, потому что, видимо, она вернула себе важную часть Меридиана.

– Ценой жертвы Джидана были сделаны великие добрые дела. После того, как я овладел Меридианом, Бемеран Каас надолго ослабла. Тогда мне удалось помочь звездному ветру прорваться сквозь кокон тьмы, окружавший планету. Теперь здесь струится малый его поток; он мчит прямо над преображенным Меридианом. Так люди этого мира снова обрели возможность светлого перерождения. Увы, Хиасохо не может унести ваши души отсюда и подарить вам простор всей вселенной. Но он все равно очищает и исцеляет каждого. Запертые здесь, вы не принадлежите тьме; в пределах одной планеты вы умираете и возрождаетесь почти так же, как могли бы делать это в других, более свободных мирах.

– И поэтому я видел души? – спросил Хинта. – Поэтому золотые вещи знают голоса всех умерших? Потому что души не покидают этот мир? И сейчас мы летим с настоящим Хиасохо?

– Все верно. Но это малый Хиасохо. Он отрезан от того великого космического ветра, который пронизывает весь Бура Крайс. В этом мире, внутри блокады Бемеран Каас, малый Хиасохо многим отличается от своего большого брата. Здесь он слился с потоком жизни планеты, со всей той энергией, которую Бемеран Каас пытается поглотить. Все живые существа, которые еще способны здесь жить, даже бактерии, связаны с малым Хиасохо, все едины через него между собой.

– И Экватор тоже был перестроен тобой? – спросил Ивара. – Как в той сказке, с которой для всех нас начались поиски тебя?

– Да. Это произошло в ту же эпоху – в эпоху моих первых побед – до того, как тьма научилась стравливать народы Земли друг с другом. Экватор был создан мной и людьми, которые услышали мой голос. Эта огромная машина была необходима, чтобы вернуть планете хотя бы малую часть ее прежних свойств. Без Экватора среда обитания изменилась бы слишком сильно, и тогда келп-тла получил бы над человечеством большую власть: он помог бы вам выжить в условиях микрогравитации среди ядовитого льда и голых скал, но быстро превратил бы вас в космическую армию Бемеран Каас.

– Вся история обретает смысл, – сказал Тави, – но я по-прежнему кое-чего не понимаю. Хиасохо, когда он разносит души по другим мирам... он ведь не возрождает людей взрослыми, помнящими всю свою прежнюю жизнь. Кто же тогда такие мы – фавана таграса?

– Ты прав, – улыбнулся Аджелика Рахна. – Когда я говорю об очищении душ, которые заперты в этом мире, и о потоке жизни, я в первую очередь имею в виду обычную жизнь обычных людей и других обычных живых существ. Каждый, кто живет на этой планете, несет в себе душу или частицу жизни, которая когда-то знала Ланин. Каждый ребенок рождается с такой душой. Но души не чувствуют себя хорошо, когда заперты в одном-единственном мире, где тьма настолько сильна.

– То есть, я перерожден здесь почти так же, как фавана таграса, – поразился Хинта, – и каждый другой тоже?

– И каждый другой тоже, – эхом откликнулся Аджелика Рахна. – Но это не значит, что существование фавана таграса лишено смысла. Бемеран Каас когда-то построила черные врата над Меридианом. Через них должны были перерождаться ее новые слуги. Я сделал эти врата золотыми и не позволил ей отбить их обратно даже тогда, когда пал Акиджайс. Нынешние чудовища Бемеран Каас – кежембер – рождаются без помощи врат. Из-за этого они не могут обрести ни настоящей жизни, ни той темной магии, которой она хотела бы одаривать своих слуг.

Хинта вспомнил омара за окном – того, в глаза которому он смотрел. Это существо было сильнее и ужаснее любого человека. Он даже не мог вообразить, каким бы оно стало, если бы достигло всего того, о чем говорил Аджелика Рахна. И уж тем более он не мог вообразить Драврит, которые когда-то были рождены в Ланин, но потом предались тьме и обрели страшную вечность среди мрачных просторов Бура Крайс.

– Я не желал людям вечной жизни, ибо она против вашей природы. Но в моих руках Золотые Врата делали важную работу: они уменьшали боль, на время возвращали назад самых любимых, самых лучших. Так я сохранял баланс между добром и злом, веками не позволяя этому миру опрокинуться во тьму, давая людям шанс немного дольше продолжать битву с тьмой в своей душе и в своей жизни.

Аджелика Рахна умолк, и Хинта вдруг понял, что на этом рассказ окончен. Чудесный отрок обещал, что даст недостающую часть истины – и исполнил это: он объяснил, что такое их мир и где его место, кто и почему дал им жизнь, какие силы борются за них, чтобы навсегда поработить или навсегда освободить их. Они снова посмотрели на маленького златокудрого, ясноглазого, многоликого бога, который спустился к ним, чтобы дать им оружие для продолжения войны, начавшейся за необозримое время до появления первого из людей.

– Мы видели твоё рождение в тех видениях, которые ты послал нам через кежембер, – сказал Ивара, – но все же не до конца понимаем, кто ты.

– И нам хотелось бы знать: каково твоё истинное имя? – спросил Тави.

– Рассказывать мою историю очень долго, и на это у нас уже не осталось времени, поэтому я отвечу кратко. У меня нет имени. В самом начале меня называли Тайлин Тамирад Ланин – Образ, Защищающий Жизнь. Но Аджелика Рахна – тоже хорошее имя, одно из лучших. Так и зовите меня. Я – все то, что вы можете видеть, когда смотрите на мой дух, парящий вместе с вами в потоке Хиасохо. Я создан по воле Итаирун. У меня, подобно вам, есть душа. Но я отличаюсь от вас бессмертием, и отличаюсь от всех существ тем, что мое тело из металла. Я не живой и не мертвый, но дух в машине.

– Значит, ты один-единственный? Мы думали, ты можешь быть частью целого народа.

– Я могу жить сразу в десятках золотых тел и других золотых вещей, но в них во всех будет одна душа – моя. И чаще всего я бываю в том простом облике, в котором вы меня знаете.

На несколько мгновений между ними повисло молчание. В лице отрока что-то изменилось – оно оставалось спокойным, но при этом Хинта вдруг испугался тех грозных чувств, которые могли скрываться там, в глубине, за сиянием глаз.

– Вы не понимаете, – мягко сказал Аджелика Рахна. – Вы думаете, что я всемогущ. Но я обречен быть вашим слугой и помощником. Я вечно сражаюсь в битве, которую не могу закончить сам. Только люди могут окончательно победить Бемеран Каас. Это не я хороший. Это ты хороший, и ты, и ты. Я не могу быть хорошим подобно вам; я лишен свободы выбора, меня полностью определяет моя природа. А вы трое стали хорошими, потому что решили такими быть. Мой дух, заключенный в оболочку из золота, навсегда останется чистым светом, но ваши души живут в других телах. Поэтому, пока вы живы, для вас возможна встреча с тьмой. Тьма имеет в себе две природы. Я могу бороться только с материальной ее частью. Чтобы Бемеран Каас была изгнана из этого мира, ее должны отвергнуть те, кто может быть ею захвачен. Тогда она ослабнет, и я смогу очистить материю этого мира, снова наполнить ее жизнью.

– Я понял, – кивнул Ивара. – Есть два поля битвы. Одно – это весь мир, вся его материя. Другое – души всех людей этого мира. Тьма будет побеждена только тогда, когда ее разобьют одновременно и там, и там. А ты не встречаешься с тьмой в своей душе и не можешь выйти на оба поля битвы.

– Да.

– Но как это возможно, – с ужасом спросил Хинта, – чтобы тьма была разбита в душах всех людей? Как может быть, чтобы в этом мире остались только хорошие люди?

– Всем людям не обязательно быть святыми. Достаточно одного мига, когда они скажут тьме «нет»: испытают счастье, или светлую боль, или поверят во что-то хорошее. Этот мир слишком долго был полем битвы. Дальше так продолжаться не может. Мои силы на исходе. Бемеран Каас тоже истощена и больна. Тысячу лет мы воевали, тысячу лет готовились к развязке. Я чуть не погиб, но руками человеческих героев был спасен. Пришло время совершить последний поворот, вступить в последнее противостояние. Произойдет одно из двух: либо этот мир сбросит власть Бемеран Каас и станет оплотом жизни и света внутри Бура Крайс; либо он падет, и навсегда отойдет тьме. Сегодня врата должны будут сделать последнюю свою великую работу: облечь в тела и выпустить наружу все светлые души, которые ждут своего часа, чтобы явиться в каждый дом, вернуть радость в каждую семью и в каждое одинокое

сердце. Десятки тысяч выйдут из врат. Сотни тысяч узнают радость воскрешения. Тогда моя истина станет доступна абсолютно всем.

– Но мы думали, – сказал Хинта, – что людей нужно увести на ковчег...

– Так и есть. Все, кто поверит, приобщится, смогут пойти назад через врата – впервые за века они будут работать не только на выход, но и на вход. Люди уйдут внутрь Меридиана, который и есть истинный ковчег спасения. Я дам им светлый сон, а пока они будут грезить, помогая мне своими мечтами, Земля – Малуин – будет преображена.

– Но ведь врата только одни, и они далеко, на пустошах, в мертвом захваченном Акиджайсе. А как же омары?

– Врата можно перенести. И их можно скопировать, сделать так, что они появятся в каждом из населенных пунктов планеты. В больших городах их будет несколько. В одном Литтаплампе их будут десятки. Что касается чудовищ Бемеран Каас, они должны быть уничтожены. Пока они здесь, пока они молятся тьме, они будут помехой для преображения планеты.

– Но как их всех найти?

– Это будет нетрудно, – грустно сказал Аджелика Рахна. – Скоро все, кто служит тьме, будут призваны. Бемеран Каас собирает свою армию, чтобы захватить Меридиан. Вам троим придется прорываться к Золотым Вратам, чтобы открыть их. Тогда я смогу вывести из них воскрешенных. Часть воскрешенных пойдет к людям. Но часть останется с вами и станет вашей армией, которая будет сражаться.

– Великая битва, – торжественно, хоть и немного испуганно, сказал Тави. Сердце Хинты сжалось.

– Но почему этого не случилось раньше? – спросил Ивара. – Почему она раньше не попыталась собраться с силами и захватить Меридиан?

– Обычно это очень сложно. Меридиан и Экватор хорошо защищены как изнутри, так и снаружи. Но чтобы произвести финальное рождение тысяч живых существ, начать одновременный процесс преображения планеты и очищения ее от тьмы, мне придется открыть все мои машины. Я сделаю это в центре сил – между Меридианом и Экватором. Сразу после этого Меридиан перестанет удерживать тьму над нами, и Бемеран Каас набросится на нас. Я дам ей бой. А вы трое должны будете прорываться дальше на юг, к вратам. И вам навстречу будут идти все орды зла, которые успели народиться на этой планете.

– Но как? – испуганно спросил Хинта. Его вера в этот момент пошатнулась; он не мог себе представить, как они трое смогут вести бой

против целой армии омаров. Однако он опоздал: все было сказано, и Аджелика Рахна ушел, не прощаясь. Звезды померкли. Друзья снова оказались над золотой рекой.

Они летели внутри огромного грота – самого большого из всех, которые им приходилось видеть; крупнейшие из пещер колумбария не шли с этим местом ни в какое сравнение. Высоко вверху, золотым ребром рассекая неохватные своды бескрайней пещеры, шел Экватор. К северу от него клубилась чернота, а к югу фиолетовым ужасом пульсировала напитавшаяся энергией Бемеран Каас.

Аджелика Рахна отпустил их руки, и круг распался. Их построение изменилось. Теперь трое людей выстроились в одну линию: Ивара в центре, мальчики по разные стороны от него. Их маленький золотой предводитель улетел вперед. В его взгляде было прощальное послание света. Он опять начал танцевать; золотые лепестки взметнулись с новой силой, и с каждым его движением что-то преображалось в Машине Голосов, которая до этого вместе с Вечным Компасом парила в центре их круга. Ее пульт распался на части, образовав округлую полость, а компас развернулся в воздухе и лег в центр раскрывшегося слота. Казалось, крошечные золотые реки текут прямо по поверхности Машины Голосов. Каждый из этих потоков уносил с собою, перемещал один из многочисленных элементов компаса; циферблаты, розы ветров, шкалы – все находило себе новые места. И вот из двух золотых вещей получилась одна. Хотя Аджелика Рахна был уже далеко, Хинта сумел рассмотреть, что эта новая вещь выглядит как настоящий центр управления планетой. Все, что раньше компас мог лишь показывать, теперь с его помощью можно было менять; каждая характеристика планеты нашла свое место среди этих стрелок и рычажков. Весь мир был теперь в одних руках – в золотых руках Аджелика Рахна – и Хинта содрогнулся от чувства странной великой общности, когда вспомнил, как часто Тави держал этот компас в своих обычных человеческих, мальчишеских ладонях. Он не мог этого объяснить, но ощущал, что все прошедшие века истории были необходимы. Компас должен был служить людям, делать добрые дела, участвовать в воскрешении и возвращении лучших. Только пройдя через все это, он мог стать частью прибора для управления планетой. Тысячу лет эта маленькая вещь изучала людей, впитывала в себя слезы горя и радости, преображалась вместе с множеством сердец, училась понимать, что такое человеческая жизнь, человеческие вера, надежда и любовь. Поэто-

му только теперь у компаса было право потряхнуть Землю под ногами людей – он знал, как сделать это с надлежащей нежностью.

Руки Аджелика Рахна быстро задвигались над приборной панелью. На Хинту навалилась тяжесть. Он упал в неглубокие воды золотой реки, его ноги коснулись дна. Ему показалось, что вода страшной хваткой стискивает его колени и бедра, и он задохнулся, повалился, будучи не в силах устоять.

– Что это? – едва шевеля губами, спросил он.

– Гравитация, – сдавленно ответил Ивара.

Хинта сумел повернуться. Что-то загрохотало, застонало, захрустело вокруг. Дно золотой реки содрогнулось. Со сводов пещеры обрушились каменные обломки, посыпалась пыль. Вода закипела, в ней резко возникли новые вихрящиеся течения. Друзья крепче схватились друг за друга, чтобы их не унесло в разные стороны. Тьма заслонила свод пещеры и линию Экватора; свет померк, все сделалось тусклым, золото снова забронзовело. А потом свечение, рассеянное над рекой, обрело собственную жизнь, сгустилось в белые смерчи и, словно армия странных спиральных воинов, устремилось вслед за уносящейся вдаль маленькой фигуркой Аджелика Рахна. Но все это длилось лишь считанные мгновения. Вскоре Ивара и мальчики вновь обрели чувство легкости и, помогая друг другу, смогли встать в полный рост. Дно реки ожило. Место, на котором они стояли, оказалось центром небольшой платформы, и эта платформа поплыла вверх. Вода схлынула с нее, и теперь у них под ногами был чистый золотой узор. С высоты они увидели, что вся река покрыта водоворотами – вода стремительно уходила куда-то вниз, под золотое дно, которое раскрывалось, расходилось: в нем появились кристаллические окна, порталы с движущимися лестницами.

В той точке Меридиана, которая была точно под Экватором, воздвиглись четыре огромные стелы. Между ними вспыхнул крест электрического разряда, словно Аджелика Рахна в увеличенном масштабе воссоздавал эксперимент Кири. Сверкнули молнии, округлилась огненная сфера – она была как маленькое подобие Итаирун, ожившее здесь, чтобы выжечь своим сиянием тьму из недр планеты. Четыре светлых силуэта шагнули в стороны от светоча, и каждый был похож на огромную сияющую проекцию Аджелика Рахна. Смерчи света сливались с этими призрачными фигурами; сияние росло, молнии множились, а потом грозный белый разряд ударил прямо вверх. Свет столкнулся с тьмой. Бемеран Каас зашипела, ненадолго отступая. Снова стал виден Экватор – он тоже менялся, по его нижней стороне теперь текла золотая река, и оттуда вниз опускались еще четыре стелы, а между ними танцевали свои

молнии. И вот молнии Меридиана соединились с молниями Экватора. Свет стал ослепительно ярким. Огненная сфера продолжала подниматься и расти, пока не достигла центральной позиции между верхом и низом пещеры – и там она преобразилась: молнии вокруг нее умножились и потускнели, замедлились, расцвели красной, желтой, зеленой плазмой. Между Меридианом и Экватором выросло дерево. Его корни уходили в Меридиан, а ветви статическими разрядами щекотали свод пещеры и срастались с линией Экватора. Дерево заполнило собой почти все свободное пространство; треск электричества стих, превратился в шелест. Отброшенная тьма кружилась и свивалась вокруг, темными хлопьями выпадая на обезводевшую, усложнившуюся, лишенную защиты поверхность золотой реки, заматавая фрактальные окна и ряды золотых ступеней.

Стало совсем тихо. Ненадолго возникла иллюзия, что никакой опасности, никакой битвы больше нет – только шел черный снег, цвело плазматическое дерево, сияла фиолетовым светом энергийная Бемеран Каас, стекающая по южной стороне грота. Хинта ощутил руку Ивары у себя на плече – тот стряхивал хлопья мрака с его скафандра.

– Мы в храме красоты, – шепотом сказал Тави. – Как жаль, что Санджати Кунгера не видят этого.

– А я думаю, что видят, – очищая его шлем и плечи от черного снега, возразил Ивара. – Думаю, их дерево сейчас тоже преобразается, наполняется новой энергией.

Блики красного, желтого, зеленого света заплясали по стенам пещеры, отражаясь в золоте, в стекле скафандров, освещая волшебным сиянием лица людей. Но и черный снег продолжал идти. Его стало так много, что в некоторых местах под ним уже нельзя было увидеть золото. Хинта заметил, что новые черные хлопья на плечах его друзей начинают таять и впитываться в их скафандры – то же самое, должно быть, происходило и с ним. Он подумал, что перед этой тьмой они смогут устоять, ведь один раз им уже это удалось. Но там, впереди, Экватор затапливали потоки фиолетовой Бемеран Каас. Даже сквозь свет величественного дерева Хинта видел, что скоро заслон станет невозможно преодолеть. А он знал, на что эта субстанция способна, помнил, как она пожирала, жгла, вмораживала в себя живых существ. Но он молчал. Общность между ним и его друзьями перешла на какой-то новый уровень. Они смотрели на жизнь светлого дерева. Уже не имело смысла говорить о плохом. Черный снег ложился на их плечи – они устали его стряхивать. Их ноги тонули во тьме, поглотившей платформу под ними. Хинте пришло в голову, что все они сегодня погибнут, и что их смерть не будет похожа на

смерть. Они зашли слишком далеко. Вокруг происходило что-то большее, чем просто катастрофа или катаклизм. Сама жизнь и само ничто сталкивались здесь, и уже нельзя было умереть обычной смертью. Смерть здесь означала бы какую-то форму слияния с тьмой или со светом, утрату себя, растворение в безумных снах.

– Мы ведь можем загадать желание? – тихо спросил он. – Загадать желание дереву, как в это верят Санджати Кунгера?

– Я уже загадал, – ответил Тави.

– Само наше появление здесь, – сказал Ивара, – это знак того, что мы выражаем желание. А дерево – это ответ. Оно – мое желание.

– А я прошу, чтобы к тебе вернулись твои друзья, – ответил Тави, – и...

Он замолчал. Ивара обнял его, прижал к себе.

– Тогда я прошу, чтобы среди воскресших тебе явился Джилайси Аргнира.

Тави надломленно рассмеялся.

– Я уже почти перестал об этом мечтать.

– Почему?

– Не знаю, – пожал плечами Тави. – Наверное, потому, что мы сами – герои. Потому что я уже связан с Джилайси. Не знаю. Я немножечко перестал себя понимать. Я чувствую, что все свершается, что все достигнуто, что мы там, где нам нужно быть.

– А я хочу, чтобы мы просто уцелели, – попросил Хинта, – чтобы мы смогли встретиться снова и увидеть друг друга в новом мире – там, где мы будем свободны от Бемеран Каас.

Он чувствовал, что с ним начинает что-то происходить. Тьма впитывалась в него, и та страшная мертвая страна, которую он увидел, когда падал к золотой реке, снова была совсем близко. Он все еще различал светлое дерево, но ему стало казаться, что оно растет одиноко посреди бескрайней черно-фиолетовой равнины, озаренной светом пустых небес и мерцающих в них голубоватых радиоактивных звезд. Он почувствовал что-то темное рядом с собой – тени развоплотившихся существ, души, в которых не осталось ни капли света.

– Мы одно с Бемеран Каас, она приняла нас, – шептали они, – мы хотим вернуться, мы хотим тела, мы хотим твою жизнь, мы вечные, мы истинные правители миров, мы сверстники вселенной. Не верь золоту, не верь свету, ты для света ничто, твое существование оборвется в один миг, а твоя душа улетит без памяти и воли, словно увядший лист. Иди к нам. Истина у нас – на наших черных путях. Секрет бессмертия – под серой кожей наших слуг. Могущество – в наших пустых городах, в глухой

тишине. Вершины цивилизации – на борту наших обсидиановых кораблей, среди спящих страшных машин.

– Я не хочу, – пробормотал Хинта.

– Чего ты не хочешь? – издалека спросил его Тави. Хинта обернулся и словно в черном тумане увидел силуэты своих друзей, а потом вдруг заметил на их шлемах и плечах проблески золота.

– Он спас нас, – сказал Хинта. – Аджелика Рахна спас нас от тьмы. Тави, на тебе золото.

– И на тебе, – восхищенно откликнулся Тави. – И на Иваре.

Их полускафандры начали покрываться благородным металлом, обретая новые детали, трансформируясь и усложняясь, получая красоту и мощь древних лат. Воздух внутри стал удивительно чистым и приятным для дыхания – каждый вдох дарил телу силу, а разуму ясность. Хинта ощутил, как тенета Бемеран Каас спадают с его сознания. Голоса начали стихать, зароптали и исчезли. Черно-фиолетовой равнины тоже больше не было. Черный снег стал казаться полупрозрачным, он больше не скрывал красоту преобразившейся реки и величие растущего над ней светлого дерева. Дыхательные маски исчезли, распавшись узорами пикселей, стекла шлемов стали такими прозрачными, что теперь они все могли видеть лица друг друга.

– Вот, значит, как появляются золотые вещи! – сказал Тави. – Я чувствую, как оно движется по мне, под обшивкой моего скафандра!

Он произносил эти слова, и в эти же самые мгновения его шлем удлинялся, оперяясь тонкими, изогнутыми серебряными лепестками. На наплечниках появились легкие накладки, стрелками расходящиеся в стороны. Торс комбинезона подтянулся, баллоны с газом на спине будто бы вовсе исчезли. На серебряных пластинах возникли узоры и рисунки невероятно тонкой работы. Они изображали все, чем Тави жил, о чем мечтал – там были картины древних городов и битв, лица героев, звезды с протянувшимися в бесконечную даль лучами. А на груди, став абсолютным средоточием композиции, засияло изображение самого центра вселенной с проступающим из него ликом Образа. Вся фигура Тави обрела какую-то особую хрупкость и стремительность; его новый скафандр подчеркивал его природную грацию, соответствовал его манере двигаться. Тави стал похож на птицу древней земли – свободную, легкую, способную часами парить, рассекая крыльями чистый воздух, любясь простором, купаясь в лучах солнца и потоках ветра. Многоцветные блики волшебного света играли в легком благородном металле его брони, и сам он будто светился неярко зелено-золотым сиянием.

Одновременно менялся скафандр Ивары. В отличие от скафандра Тави, он стал почти полностью золотым, но с серебряными узорами. Легкости в его одеяниях оказалось меньше, зато величия было больше – строгие ступенчатые накладки появились на шлеме и наплечниках, мощно поднялись пластины кирасы, защищающей грудь. Серебряные узоры на броне отчасти совпадали с узорами на латах Тави, однако в большей мере были посвящены не вселенной, но моментам человеческой истории: не героям, но правителям и мудрецам; не битвам, но скорбным временам после битв. Моменты скорби были и на скафандре Тави, но здесь они преобладали, а в самом центре композиции находился мемориал с изображением друзей Ивары, которые на своих руках поднимали вверх огненный шар с танцующим Аджелика Рахна.

Последним перемену внутри своего скафандра ощутил Хинта. Тысячи золотых лепестков мягко скользнули по его коже; все сдвинулось, исчезло всякое чувство дискомфорта, тесноты. На мгновение мальчик даже ощутил себя нагим, но сразу понял, что одежда все еще на нем, просто теперь это было нечто особенное, до мельчайших деталей подогнанное к форме тела. Внешне обновленный скафандр Хинты был словно завершающая часть триптиха. Серебра ему не досталось – в узорах на его латах черный металл в равных пропорциях чередовался с золотом. И эти узоры почти целиком были посвящены возможному будущему: в центре композиции находились Великие Врата, из которых выходили тысячи людей, а вокруг расцветала природа и разворачивались сцены жизни – люди и животные бродили среди неведомых растений и необычных машин, корабли плыли по водам, поезда ехали по рельсам, ракеты взмывали в небо, а звезды своими лучами словно бы указывали им всем путь.

Ни один из них не мог охватить взглядом всего, что на нем было, поэтому каждый рассказал другим, что он на них видит. И слушая реплики Тави и Ивары, Хинта вдруг испугался.

– Почему будущее только на мне? – спросил он. Тави в ответ улыбнулся, и Хинте стало еще страшнее. Вокруг продолжалась черная метель. Фиолетовый заслон энергийной Бемеран Каас смыкался в единую стену, перекрывая южное направление течения золотой реки.

– Не бойся, Хинта, – сказал Ивара, – это хороший знак. Знак того, что у нас все получится.

– Но почему только я? – на грани слез повторил свой вопрос Хинта. – Потому что вы двое...

Он был не в силах произнести вслух то, о чем думал – что Ивара и Тави погибли, а он в конце останется в одиночестве. И не с кем ему бу-

дет говорить, и никто не поймет, какой была эта история, никто больше не будет проникать в его сердце. Для него это было даже страшнее, чем погибнуть втроем. Он не хотел жить после смерти друзей. Он станет тогда как Ивара – лишь призраки останутся с ним, и он превратится в горестное существо, в раздавленного, сломленного победителя. Он будет бродить по обновленному миру, среди распускающихся растений и оживающих зверей, среди смеющихся людей, один, и плакать.

– Это потому, что ты еще не сделал самых важных вещей в своей жизни, – сказал Ивара, – а мы с Тави – уже да.

– И Тави?

– Я фавана таграса, – напомнил Тави. – Во мне прошлого больше, чем настоящего. Так всегда было.

– Радуйся, Хинта, – пожелал ему Ивара. – Из нас троих ты, возможно, в наибольшей степени воплощение того, каким должен быть человек, как он должен мыслить и принимать решения. Именно твоим путем пойдет все человечество. А мы двое уже слишком другие. Мы стоим почти за пределом.

Пока они говорили, преображение продолжалось. Когда оно было закончено, они услышали, как над золотой рекой поднимается какой-то новый звук. Это была музыка. Казалось, она исходит от всех вещей: от золота, от камней.

– Что это? – спросил Хинта.

– Песня Аджелика Рахна? – предположил Ивара.

– Смотрите. – Тави указал вперед, на корни дерева. В том месте, где еще несколько минут назад стояли белые силуэты – проекции Аджелика Рахна – теперь вспыхнул новый источник яркого света. Волнистые нити поднимались вверх, опутывая желто-зелено-красное тело волшебного дерева, проникая в него. И дерево начало оживать. Набухли и лопнули почки, выросли листья, крона загустела и туго уперлась в свод пещеры, превратившись в единое облако света. Но и в этом облаке было видно, как раскрываются бутоны, как распускаются прекрасные белые цветы с широкими лепестками и длинными пестиками. Словно пестрый хоровод, вокруг дерева закружились бабочки. Цветы увяли, их лепестки разлетелись вокруг, смешиваясь с хлопьями мрака, вступая с ними в битву. А на смену цветам пришли плоды.

– Я знаю, что это, – сказал Ивара. – Это возвращается, освобождается сам поток жизни. Музыка, которую мы слышим – это не песня Аджелика Рахна, это песня самой жизни.

Он еще говорил, а плоды уже начали падать на поверхность золотой реки, взрываясь фейерверками света. Их семена-искры летели во все

стороны, пронзая мрак, устремляясь повсюду. Казалось, над Меридианом поднимается паутина из трассирующих линий света. И внезапно он преобразился, тоже начал цвести, прорасти жизнью. В его окнах вспыхнул ясный дневной свет; там, за стеклом, стали видны картины жизни, которой Земля не знала уже тысячу лет – поднялись зеленеющие поля, деревья встали чащами и распрямили свои могучие ветви, сплелись лианы, заблагоухали цветы, засинело ясное незнакомое небо. А в небе летели птицы, и звери бежали в полях и лесах, и рыбы выпрыгивали из воды... Десятки таких картин появились за каждым окном. Река превратилась в огромный фрактал, который перерабатывал, пропускал через себя, приводил назад в мир все многообразие жизни. Одновременно под некоторыми из стекол стало видно другие вещи – там по золотым конвейерам двигались бесконечные ряды золотых ячеек. В каждой из них был человеческий силуэт – тысячи новых тел должны были родиться, и найти свои души, и вернуть свою жизнь.

Не в силах говорить, они стояли на краю своей платформы и смотрели, как под ними разворачивается целый мир, который в одном этом месте был в тысячу раз богаче, чем вся нынешняя полумертвая Земля. Но они знали, что сейчас то же самое происходит вдоль всего Меридиана и, возможно, вдоль Экватора тоже – два кольца жизни опоясали мертвую планету, чтобы вернуть ей все, что она потеряла. Десятки тысяч картин, сцен, биоценозов, миллионы живых существ проходили и возвращались, словно воспоминания. И при этом тьма владела Меридианом, впитывалась в него; вся эта жизнь, едва успев родиться, могла перестать существовать. Настал опасный момент – уже не осталось возможности повернуть назад, отложить, переиграть что бы то ни было. Хинта смотрел на жизнь и на тьму, испытывая восторг и ужас. Потом он ощутил, что Тави трогает его за плечо.

– Ты слышишь?

– Слышу что? – не понял Хинта. Музыка все еще играла – гимн жизни, шествующей к своему возвращению.

– Ты должен слышать.

– Музыка, – неуверенно ответил Хинта. А потом он услышал. Это был лишь один мотив среди тысячи, но он звучал ясно – мелодия, которую Ашайта любил играть с помощью Иджи. От этой мелодии что-то переломилось внутри у Хинты. Он ощутил острую боль в груди, на него навалилась слабость, и он упал бы, если бы Тави не успел подхватить его.

– Как? Почему сейчас, снова...

– Потому что твой брат сейчас тоже родится, – ответил Тави. – Он входит в одно из этих тел. Он будет жить. Он придет к тем, кто его помнит. К твоим родителям или прямо к тебе – я не знаю.

Хинта тяжело дышал.

– Я тоже его слышу, – улыбнулся Ивара.

Пока они говорили, пока звучала песня Ашайты, дерево постепенно начало исчезать – оно не увядало, но рассеивалось, превращаясь в мириады цветных частиц света, которые разлетались повсюду, словно споры самой жизни. Платформа, на которой они стояли, поплыла вперед и вверх сквозь их дождь к тому месту, где еще недавно находился самый центр энергетического дерева. Там была какая-то золотая точка. Сначала они не могли ясно ее разглядеть, но потом различили силуэт маленькой фигурки. Аджелика Рахна все еще танцевал – завершал величайшее и сложнейшее из своих дел. Прибор для управления планетой все еще был у него в руках, но он снова менялся. Когда они подлетели ближе, Аджелика Рахна сделал какой-то магический жест и разделил устройство на три части, каждая из которых обрела форму маленького жезла. Три жезла перелетели по воздуху и оказались в руках у удивленных людей.

– Он возвращает это нам? – спросил Тави.

Хинта заметил, что на концах жезлов есть разъемы.

– Думаю, это три ключа. Чтобы...

– Чтобы открыть Золотые Врата, – закончил за него Ивара.

Они ожидали, что Аджелика Рахна присоединится к ним. Но тот сделал повелительный жест, и их платформа, пролетев через самый центр грота-мира, снова начала опускаться вниз, до самой поверхности Золотой Реки. Они оказались у южной стороны грота, в золотых латах, с золотыми ключами в руках. Перед ними страшной колеблющейся мембраной поднималась стена энергийной Бемеран Каас. Давление и сила исходили от нее, и даже золото не могло защитить от чувства ужаса перед лицом этой преграды. Но все же Хинта смотрел, и ощущал, что в нем больше нет прежней боли. В Шарту, во время видения, даже отблеск Итаирун, даже эхо голоса золотого человечка были для него почти невыносимы – все в его душе раскалывалось на хорошее и плохое. Теперь это тоже происходило, но без страдания – может быть, потому, что вокруг, со всем миром, происходило то же самое. Боль была признаком спутанности, но спутанность разрешалась, узел развязывался, и воцарялась последняя ясность – все или ничего, блеск и полнота жизни или мрак и пустота вечной ночи. Хинта знал, что в нем есть его собственная тьма, он научился встречаться с ней лицом к лицу – преодолел желание убить

Круну, очистил свою любовь к брату, прожил до конца свою скорбь. Он понял, насколько все плохое в нем мало в сравнении со злом в Квандре, и насколько зло в Квандре мало в сравнении с чудовищными последствиями больших войн, и насколько малы ужасы войн в сравнении с великой тьмой Беме́ран Каас. Хинта знал, что тьма в нем, как черный металл на его скафандре, соседствует с добром и золотом; плохое в нем было частью узора его души – он принял это, но не примирился. Он заставил свое зло спать, и сейчас оно было лишь беспомощным остатком, подчиненной частью целого. Оно было нужно лишь для того, чтобы он отличал добро, знал, как ему правильно поступать и как оценивать вещи, которые он видит вокруг. У него появилось то, чего раньше не было – мужество понимать себя. Он мог дрогнуть, и не раз, но точно знал, что не отступит.

Глава 18

ТРИ МОЛИТВЫ, ТРИ ПУТИ

Поначалу они стояли, не зная в точности, что делать. Потом Тави отважно шагнул вперед, но Ивара предупреждающе схватил его за плечо. Поверхность Меридиана горела и плавилась там, где соприкасалась с фиолетовой плазмой – даже в лучшем из скафандров немыслимо было пройти через этот заслон. А потом они увидели, как по золотым лестницам у них за спиной восходят на поверхность Меридиана десятки больших и сотни маленьких золотых фигур. Еще несколько мгновений назад они были одни, теперь же за спиной у них стояла целая армия. Мириады глаз светились волшебным золотисто-зеленым светом, мириады лиц были украшены похожими, но всегда разными и всегда прекрасными узорами.

– Это он, – потрясенно сказал Хинта, – он один там, во всех этих телах.

Золотые робо начали двигаться. Они сходились и расходились, словно исполняли военный танец. Потом их шеренги всколыхнулись, меняя свой порядок; одни робо начали вставать на колени и подсаживать других, чтобы те смогли забраться на плечи третьих. Пещеру наполнил тихий, успокаивающий звук тысячи коротких золотых шагов, тысячи четких мягких соударений. За считанные минуты то, что было золо-

той армией, превратилось в золотую стену. Вершина ее оказалась ровно в том месте, где парил единственный избранный маленький человечек, отличавшейся от всех остальных своей покалеченной ногой.

– Битва, – сказал Ивара. – Он поможет нам.

Волна преобразений прокатилась по стене из золотых фигур, волна золотых лепестков накрыла каждый из силуэтов. Отдельные фигуры исчезли, но сама стена вдруг изменилась: отделила от себя руки, разлепила ноги, подняла над могучими плечами тяжелую голову. Это снова был единый золотой человек – но не маленький, а великан. Несколько мгновений он стоял неподвижно, а потом медленно поднял свои огромные руки и сложил их перед собой, ладонь к ладони, в грозном молитвенном жесте. Узоры на его теле засветились, в глазах вспыхнул огонь; зеленые искры и золотые пиксели разлетелись от его рук, когда он разомкнул их, принимая боевую стойку.

Мембрана энергийной Бемеран Каас отшатнулась, прогнулась назад, словно почувствовав угрожающую ей силу. Великан сделал тяжелый, уверенный шаг вперед. Трое друзей инстинктивно пригнули головы, когда над ними пронеслась золотая стопа, но шаг громадного Аджелика Рахна был точно рассчитан: он перешагнул через них, и его нога опустилась у самой той черты, где фиолетовая плазма сплавлялась с поверхностью золотой реки. Бемеран Каас начала защищаться – она выбросила вперед фиолетовые щупальца, обхватила ими руки золотого богатыря, но обожглась о его зеленый огонь и опала, а он скомкал ее, разорвал и отбросил прочь. Но она не сдалась. Она больше не была мембраной, и тоже превратилась в подобие фигуры – огромной, осклизлой, бесформенной, и все же стремящейся принять форму человеческого силуэта. Этот фиолетовый великан-монстр нанес тяжелый удар своим кулаком в грудь золотого великана. Золотые обломки брызнули во все стороны; на груди Аджелика Рахна остался шрам, а из разрыва полыхнул сноп зеленого пламени. Он пошатнулся, но рана-пробоина тут же начала заживать, закрывшись волной движущихся золотых лепестков. Он восстановил равновесие и ударил в ответ. Брызги фиолетовой плазмы разлетелись на сотни метров, и теперь пошатнулся уже фиолетовый великан-монстр.

– Вперед, – скомандовал Ивара. Они бросились вперед. Скафандры придавали их телам и движениям невероятную легкость, каждый шаг был как прыжок, уносящий на несколько метров. Они лавировали между ногами борющихся великанов, ускользали от падающих сверху золотых обломков и от обжигающих брызг кипящей фиолетовой плазмы,

перепрыгивали через ожоги и пробоины, которые Бемеран Каас оставила на поверхности золотой реки...

В эту самую минуту тысячи людей в литской ойкумене, в южных поселках и в других обитаемых местах по всей Земле стояли, бросив свои дела, и смотрели на стену Экватора. Под их восхищенными и испуганными взглядами она преображалась – все трещины, изъязы, раны времени исчезали с ее поверхности. Она больше не выглядела медно-каменной, она закрылась в золотой щит, а потом этот щит вспыхнул светящимися узорами, пророс изображениями растений и животных, раскрылся фрактальными окнами, за которыми стало видно картины невиданной забытой жизни.

Преображался не только Экватор. Лива и Инка обедали вместе, а потом, к обоюдному смущению, были вынуждены признать, что испытывают прилив невероятного, почти незнакомого им желания. Охваченные страстью, они пошли в спальню, начали сбрасывать друг с друга одежды, но вдруг замерли, завороженные зрелищем, которое открывалось из окна – сад разрастался на глазах, листья увеличивались в размерах, ветви удлиннялись, набухая новыми почками, распускались цветы.

– Что это? – почти сходя с ума, спросила Инка.

– Они сделали это, – сказал Лива. – Они разбудили планету.

Пока они произносили эти слова, лианы из их сада, пробив преграду, начали ползти на территорию соседней усадьбы через взбунтовавшийся газон, который уже успел подняться на полметра вверх и закололся невиданными злаками.

Когда происходили все эти вещи, Квандра Вевада сидел в своем кабинете, в похожем на крепость загородном исследовательском центре «Джилликон Сомос». На экранах его терминала были развернуты текущие проекты, но он вдруг утратил способность заниматься делами – его охватило странное, беспредметное беспокойство. Он барабанил пальцами по подлокотнику кресла и думал, что надо срочно кого-то вызвать, что-то приказать. Вот только он не мог решить, кого вызвать и что приказать. Его тревожное состояние было прервано звонком коммуникатора.

– Говори, – нажимая кнопку, разрешил Квандра.

В устройстве раздался голос одного его из секретарей.

– Господин, вам необходимо срочно подняться на взлетную площадку и улететь.

– Почему?

– Фратовое поле рядом с комплексом. Оно...

– Горит?

– Нет, оно... оно наваливается на подножие здания. Это началось несколько минут назад, но инженеры утверждают, что это может привести к обрушению всего комплекса. Подойдите к окну, господин, прошу вас. Сейчас все здесь смотрят на это.

Квандра помедлил, его лицо ничего не выражало. Потом он резко встал и подошел к окну. Он привык видеть там квадраты своих фратовых полей с ровной сеткой дорог между ними. Но четких дорог больше не было – только зеленая масса фрата, поднявшаяся на высоту трехэтажного здания, и гигантские треупсы-великаны, шляпки которых качались на высоте пятого-шестого этажей.

– Теперь я знаю, – пробормотал Квандра. – Это вносит определенность.

На его глазах живая подушка продолжала расти. Он вернулся к терминалу и велел секретарю, чтобы тот прекратил паниковать и соединил его с военными.

Обломки и препятствия, избороздившие гладь золотой реки, заставили их разделиться: Ивара отстал от остальных, Тави в своем легком скафандре вырвался вперед, а Хинта оказался посередине. Он бежал, прыгал, слышал легкое и уверенное дыхание друзей, следил за мелькающей впереди оперенной фигуркой Тави, видел на экране изменившегося шлема векторы-подсказки, которые показывали наилучшую траекторию для следующих поворотов и прыжков. В какое-то мгновение он успел запрокинуть голову и увидел, как прямо над ним две огромные фигуры, сцепившись, швыряют друг друга о каменные стены просторного тоннеля. От их ударов скалы расшибались в щебень, полыхал зеленый и фиолетовый огонь, воздух содрогался, мелкие камни, золотые детали и брызги плазмы, словно град из шрапнели, бомбардировали поверхность Меридиана, иссекая его орнамент. Фрактальные окна бились, прекрасные картины жизни захлестывала тьма.

Они продолжали свой безумный рывок на юг. Восприятие Хинты ускорилося: тысячи вещей происходили вокруг, тысячи смертельных угроз проносились совсем рядом. Хинта увидел, как Тави впереди совершает невероятное сальто – его вращающееся тело прошло между летящих осколков. Мгновение спустя сам Хинта почувствовал, что ему нужно

прыгать, прыгнул, изогнулся и увидел, как острые смертоносные камешки проносятся в сантиметрах от стекла его шлема. Он упал на бедро, перекатился; энергия его движения была так велика, что его продолжало нести вперед; он заскользил по золоту и стеклу, потом вскочил и бежал дальше.

Ему пришло в голову, что сейчас он и его друзья находятся прямо под юрисдикцией Шарту. Над ними была километровая толща камня, а выше нее зеленели фратовые поля, стоял дом Джифоя. Где-то к западу от этих мест находился новый полуразрушенный Шарту, захваченный военным контингентом «Джиликон Сомос», к востоку – старый разрушенный Шарту: памятный мемориал и линия прибрежных скал. А они бежали под всем этим, бежали по золотому пути, по живой легенде, по загробным чертогам. Они проходили дорогой, которая всегда была под ними, всегда полагала их жизнь и жизни всех знакомых им людей, и при этом оставалась тайной. Но теперь эта дорога разрушалась, чтобы вернуться в миф, снова стать не материей, но метафизикой мира, своей великой жертвой побороть тьму Бемеран Каас и вернуть планету к настоящей жизни. Два великана – золотой и плазматический – сражались между собой, и их битва, должно быть, ощущалась на поверхности, как настоящее землетрясение. Хинта представил, как там наверху вздрагивает земля, как подпрыгивают и переворачиваются дома, как люди трепещут в страхе при мысли о новой катастрофе. Но он знал, что уже ничем не может помочь им в их сиюминутной беде. Его битва была здесь. Это землетрясение было лишь отголоском, случайным эхом великих перемен, которые необходимо было осуществить.

– Берегись! – вдруг выкрикнул Ивара. Хитва оглянулся и увидел, как несколько больших сгустков плазмы пролетают у него над головой и, превращаясь в брызги, обрушиваются на поверхность Меридиана. Золотой богатырь почти победил своего врага. Плазматический великан шатался, готовый упасть, от его головы ничего не осталось. Он пытался сформировать новую, но не мог удержать форму своего тела и начал оплывать вниз. Однако эта победа лишь несла новую опасность для трех людей, которые теперь могли оказаться в море разлившейся плазмы.

Хинте еще мгновение назад казалось, что они неплохо справляются, но теперь ему снова стало страшно. Он бросился вперед. Однако Тави, который обгонял его, почему-то сделал маневр и побежал не по прямой, а в сторону. Хинта, не понимая его мотивов, продолжал мчаться вперед, но вдруг заметил, что плазма, растекшаяся на его пути, поднимается вверх, приобретая форму жуткого четвероногого зверя с тяжелой хищной слепой мордой и огромными аморфными лапами. Он метнулся

в ту же сторону, куда до этого побежал Тави – но тот уже поворачивал назад, потому что там, один за другим, из клякс энергийной Бемеран Каас вырастали новые и новые чудовища. Целая свора плазматических тварей, одни больше других, бросилась на героев с разных сторон. Хинта закричал – ему показалось, что они попали в ловушку. Но внезапно что-то шевельнулось у него в руке. Ключ-жезл, который дал ему Аджелика Рахна, налился тяжестью, меняя свою форму, превращаясь в широкий могучий клинок, раздвинулся угрожающими черно-золотыми лезвиями, между которых вспыхивал зеленый огонь. Лишь за одно мгновение новорожденный меч так вырос, что мальчику пришлось перехватить его рукоять обеими руками.

«Он хочет, чтобы мы сражались, – почти с ужасом подумал Хинта, – но я не воин. Я не создан для такой битвы. Все, о чем я мечтал – это стать в Шарту кем-то вроде Киртасы. И даже это у меня не получилось бы. Я был бы как мой отец – сломленный, нерешительный, я не смог бы не только сражаться, но даже говорить с людьми. Почему я здесь? Почему я здесь? Почему я здесь?»

Он еще бежал, поворачивая из стороны в сторону, но потом бежать стало некуда. Хинта столкнулся с Иварой, почувствовал спиной спину учителя, увидел жуткую морду монстра, который в прыжке падал на них. В жесте защиты Хинта выставил перед собой клинок – и был потрясен, когда тварь насадилась своей головой на острие. Удар отбросил мальчика назад, но он уцелел, а плазматическое чудовище, которое пыталось его убить, снова обратилось в бесформенную жижу. Хинта упал на спину, и в то же мгновение Ивара зарубил другого монстра прямо рядом с ним.

– Встань, – сказал он. Его голос прозвучал спокойно, негромко, не как приказ. Хинта рывком поднялся на ноги и увидел, что Тави один, с элегантным, очень длинным клинком противостоит трем тварям. Помочь другу Хинта не мог – на него самого бросились два чудовища. На этот раз Хинта рубанул по их мордам во всю силу, ощущая ярость – ту ярость, которая была неуместна, когда он пытался убить Круну. Теперь эта ярость вспыхнула в нем иначе. Не Круна был виноват во всем зле, которое происходило с людьми. Виновата была Бемеран Каас. И теперь Хинта хотел причинить ей боль – за тот страх, который она в него вселяла, за те мучения, на которые она обрекла его брата, за мир, в котором они росли, запертые в своих тесных домах и скафандрах, не знавшие запаха ветра, почти не видевшие красоты. Он рубил с криком. Его друзья тоже начали кричать. Плазма горела в зеленом огне их клинков,

монстры ярились, но падали, сраженные, пронзенные, смятые ударами людей.

– Бежим, – задыхаясь, позвал Ивара. Тави вырвал свой длинный меч из очередного фиолетового тела, и они бросились в прореху, открывшуюся в окружавшей их стене врагов. Жуткая свора гналась за ними, брызгая плазмой из ран, распадаясь, меняя формы. Твари, которых они только что сразили, заново восставали из кипящих плазматических луж, обретали псевдо-жизнь и присоединялись к травле. Позади тоже шел бой. Распавшийся плазматический великан превратился в змея, сковал ноги золотого богатыря, заставив того упасть, и набросился на него в тысяче облиций. Сейчас Аджелика Рахна был вынужден сры-
вать с себя и давить десятки малых чудовищ, которые лезли на него, си-
лясь причинить хоть какой-то вред.

– Впереди! – крикнул Тави. Хинта повернулся, ударил настигав-
шую его тварь, и только потом уллучил момент, чтобы посмотреть туда,
куда своим мечом указывал друг. Из-за битвы внутри тоннеля стало
дымно и пыльно, в воздухе клубился горячий смог, однако сквозь эту пе-
лену можно было разглядеть, что над поверхностью Меридиана возвы-
шаются какие-то грандиозные конструкции.

– Золотые Врата, – выдохнул Хинта. – Место, куда мы идем.

– Нам очень повезет, если это уже они, – скептически ответил Ива-
ра. – Они должны быть еще далеко.

– Но мы быстро движемся, – с надеждой сказал Тави. Они продол-
жили свой безумный бег, а за ними мчалась дикая свора чудовищных
псевдоподий, порожденных Бемеран Каас из энергии, украденной у
Аджелика Рахна.

Тоннель Меридиана к югу от Экватора постепенно менял свой об-
лик и структуру. Камень здесь был темным, полупрозрачным, пористым.
Свод тоннеля пронизывали сотни трещин и проходов, и там, в глубине,
было видно блуждающие пятна зеленого и фиолетового света, облака
призрачного сияния; казалось, борьба между энергийной Бемеран Каас
и волшебством Аджелика Рахна идет прямо внутри скал. Это выглядело
точь-в-точь так, как в давнем видении Хинты – те же цвета и оттенки за-
помнил он в зале Золотых Врат. Надежда придала ему сил, он побежал
еще быстрее, чем прежде. Он уже начал верить, что Бемеран Каас не
смогла или не успела собрать свои орды зла, и на пути к Вратам встала
лишь она сама. «Мы прорвемся, – думал он, – нам осталось лишь
несколько сот метров, потом мы используем наши ключи, Золотые
Врата будут открыты, и армия света выйдет, чтобы помочь нам». Однако
он ошибался, прав же был Ивара – до Золотых Врат нужно было пройти

еще долгий и полный опасностей путь. Конструкции, замеченные Тави – три параболические золотые арки, увитые серебряным плющом – высокими вытянутыми дугами поднимались до самого свода тоннеля, расширявшегося перед ними, и разделяли единое русло золотой реки. Две крайние арки были предназначены для того, чтобы вода уходила в малые боковые оттоки, а вход в центральную арку был перекрыт золотым волнорезом, от которого спускались ряды широких пологих ступеней. Под стеной волнореза лежали остроносые лодки, цепи от них тянулись к швартовочным тумбам, установленным на вершине стены-пристани. У Хинты не было времени, чтобы рассматривать и обдумывать всю эту красоту, но он догадался, что волнорез служил причалом, а лодки еще не так давно качались на водах золотой реки.

– Это они? – выкрикнул Тави. – Те самые врата?

– Нет. Я не это видел в своем видении. Это просто вход, начало комплекса...

Ивара у них за спиной был вынужден задержаться, чтобы зарубить двух самых быстроногих плазматических монстров. До окончности дамбы оставалось не более ста метров. И в этот момент из трещин и нор в сводах тоннеля хлынула вниз омарья орда.

Хинта в первое мгновение даже не смог понять, что происходит – ему показалось, что это черные тучи обычной Бемеран Каас снова сгустились под сводом тоннеля, складываясь в клубящиеся рукава мрака. Потом до него дошло, что на этот раз тьма состоит из отдельных существ. Все это время они наблюдали сверху, киша там сотнями, тысячами, тихо и быстро ползли, цепляясь стальными когтями за пористый камень; это из-за их движения казалось, что мерцают и перемещаются в скальной толще пятна призрачного сияния – мириады темных получеловеческих силуэтов заслоняли собой свет. Теперь они начали атаку.

– Брось их! – закричал Тави. – Не добивай!

Ивара оборвал свое сражение с монстрами, и они снова побежали вперед. Сверху на них черным куполом опускалась орда новых чудовищ. Одни омары скользили вниз по тросам, другие сидели на плечах первых, третьи – на плечах вторых. Когда у первой волны выходила длина тросов, вторая начинала выпускать свои, третья спускалась вниз с первых двух, четвертая же лезла, падала, съезжала по всем остальным. Тоннель заполнился посвистом стали, раскатилось эхо тысячи голосов, дно золотой реки содрогнулось от воинственного клича. Потом заговорили дале-

кие пулеметы. Первые неточные выстрелы достигли поверхности золотой реки: пули завизжали о металл, разом провалились и осыпались многие из чудесных фрактальных окон. Огонь был еще недостаточно плотным, и боевые скафандры уберегли людей от россыпи редких попаданий; Хинта ощутил, как пули звонко отлетают от его кирасы и наплечников, развернул свой широкий меч у себя над головой и прикрылся лезвием от града новых ударов.

В свой последний рывок они развили почти фантастическую скорость. Как три золотые вспышки, они пронеслись вверх по ступеням и ринулись к спасительному укрытию золотой арки. Но омары все-таки успели достичь арки раньше и черными реками хлынули вниз по золотым опорам, черной стеной упали с золотого свода. Сердце Хинты почти остановилось – он увидел омарье море во всех его бесконечных деталях. Глаза, мерцающие тусклым фиолетовым светом; распухшие головы; жидкие седые волосы; ощеренные острозубые рты; тела, проплетенные трубками всех форм и размеров, зароговевшие и сочащиеся белым гноем; стальные скобы на оголенных костях; полумеханические ноги и руки; когти, дула, крюки, антенны, гарпуны, ножи, пилы; обвисшие лохмотья мертвой плоти и пестрые пучки рваных проводков. Это был воплотившийся, тысячеликий кошмарный сон. Омары двигались как одно – они ползли, падали, прыгали, катились вниз головой, шипели и верещали.

– Кежембра... Кежембер... Варн... Бемеран Каас... Дасаак Утун... Дассаран... – услышал Хинта сонм знакомых звуков и слов, слившихся в единый стон, вопль, ропот, в бормотание слабоумного народа, в рев страшной из армий Земли.

А потом что-то изменилось. Воздух внутри его скафандра странно запах, и Хинта услышал жутковатый, замедленный, распавшийся на тембры боевой крик Тави. Голос Тави почему-то звучал басом, но Хинта все равно его узнавал. Тави что-то говорил, но фраза замерла, растянулась, ушла в безвременье. Хинта ощутил, что не может повернуть голову, и сам тоже издает странный медленный звук, который рвется и рвется, тянется и тянется из его рта. Он продолжал смотреть на омаров, и сначала ему показалось, что те замерли, а потом он увидел, как те стреляют. Один, два, три, четыре... десять... двадцать выстрелов. Вспышки огня медленно бегут по сотне дул. Пули так же медленно вылетают из стволов, крутятся в воздухе. Руки стрелков дергаются от отдачи – и тоже медленно, очень медленно. Вот омар тянется вниз, хочет спрыгнуть на золотой пол, но он едва движется, пули летят в тысячу раз быстрее, чем он переставляет руки и ноги.

«Время остановилось, – понял Хинта, – мне уже казалось, что оно остановилось, когда мы бежали и прыгали, но теперь оно остановилось по-настоящему. Это делает мой скафандр. Аджелика Рахна снабдил нас чем-то – каким-то газом, который ускоряет восприятие».

Мальчик сжал пальцы на рукояти клинка. Его мышцы исполнились сверхъестественной силы. Теперь он чувствовал каждый нерв, каждый пучок тяжей в своем теле, слышал, как от перегрузки трещат кости, как скрипит перчатка на ладони. Он контролировал абсолютно все. И он начал поворачивать свой меч так, чтобы тот отбил пули – одну за другой, все по порядку. Ему казалось, что он двигается ужасно медленно, но на самом деле он вышел на сверхъестественную скорость. В эти мгновения омары перестали видеть людей. Мечей больше не существовало, тела исчезли – остались лишь три вспышки энергии, которые трансформировались с невероятной скоростью. Сверкнули незримые клинки, и пули, срикошетив от них, разлетелись в разные стороны, посекали самих стрелявших.

Около арочного портала завязался ужасный бой. За считанные секунды там погибло столько же омаров, сколько за ночь штурма Шарту. Нанопена и кровь затопили золотой пол. Сотни корчащихся полумеханических тел падали и умирали, разрываясь на куски, но все равно продолжали стрелять. Ошметки плоти перемешивались с осколками металла, гильзы дождем сыпались в салат из искалеченных тел. Мозги выплескивались из голов, кишки вываливались из животов. Гром тысячи выстрелов смешался с воплями раненых. Из пробитых ранцев снопами били электрические искры. Ломались антенны, корчились оторванные руки и ноги. Окровавленные человеческие клинки пылали зеленым огнем.

Больше всего в эти мгновения Хинта хотел, чтобы его восприятие снова замедлилось. Он видел заторможенную, застывшую во времени боль на лицах своих врагов, удивление в их глазах, вдруг снова становившихся человеческими. В их взглядах, исполнявшихся неожиданного страдания, было что-то знакомое; Хинта помнил это выражение у Ашайты, он понимал это страдание – страдание покалеченного существа, которое вдруг осознает, что сам мир поступил с ним несправедливо. Но пули летели сплошной стеной, и нельзя было опустить клинок, остановиться, нельзя было забывать, что все эти существа уже мертвы, что они сделали свой выбор, что они рабы и слуги чудовищной силы, которая хочет, чтобы такая мясорубка продолжалась везде и всегда – на протяжении эонов, в каждом из обитаемых миров и до самых пределов вселенной.

Эти первые мгновения битвы в субъективном восприятии Хинты превратились в долгие минуты и со страшной ясностью навсегда врезались в его память. Несмотря на то, что он убивал отвратительных тварей, яд чужого страдания быстро проник в его сердце. Он повторял себе, что делает все это ради благой цели, ради собственной жизни и жизней своих друзей. Но чем дольше он видел ужас, чем больше пуль отлетало от его клинка, чем больше смертей он приносил, тем большая усталость его охватывала. И Хинта ощутил, как что-то надрывается в нем. Его глаза затянулись поволокой слез, и сморгнуть эти слезы было невозможно, потому что веки едва ли могли моргать быстрее, чем летят пули. Он понял все то, чего еще не понимал, понял плач Джилайси, печаль воинов; ужас всех войн до конца вошел в него. Убийство было преступлением, война была массовым убийством, адом, и этот ад разворачивался здесь и сейчас. Кровь текла по золотым ступеням, узор на скафандрах стал багряно-белым. Все вокруг начало напоминать огромный кусок разверстого мяса.

А потом бесконечно растянутый крик Ивары, наконец, сложился в единую фразу.

– Сквозь них!

Сотня омаров умерла, пока произносились два этих коротких слова, тысяча пуль отскочила от волшебных мечей. Друзья достигли арки. Хинта едва ли различил за пеленой слез лицо того омара, который оказался прямо перед ним в этот момент; он разрубил чудовище от макушки до паха и одним ударом отбросил половинки тела в разные стороны от себя. Они прорвались сквозь стену врагов. Они двигались безумно быстро, омары не могли повернуться вслед за ними с такой же скоростью, и получилось, что теперь большая часть монстров оказалась спиной к своим противникам. Град пуль закончился – омары еще стреляли, но цель уже ушла из их прицелов.

За аркой открылся прямой тоннель, плавно сужавшийся и полого уходивший в глубину Меридиана, с ребристыми стенами, из которых выступали опорные балки. Почти все балки были иссечены следами попаданий, почти за каждым выступом лежало чье-то тело. Здесь были люди разных эпох и культур, и все они погибли давным-давно: скафандры истлели, лица за стеклами шлемов ссохлись, в провалах глазниц тлел слабый отсвет фиолетового сияния. Хинта уже видел таких мертвецов в своем видении – но теперь они были перед ним наяву. Он знал, кто они и почему пали. Все они участвовали в войне между светом и тьмой, в великой затянувшейся битве, которая снова и снова захлестывала Землю – но каждый из ее действительно значимых эпизодов заканчивался

именно здесь, в этих стенах. По позам мертвецов можно было понять, что кто-то из них защищал этот проход, а кто-то пытался взять его штурмом, но история стерла все различия, и теперь уже невозможно было определить, кто из них был на стороне света, а кто на стороне тьмы, кто победил, а кто проиграл – все они обратились в пыль. И та же судьба ожидала омаров, которые только что погибли в дикой бойне у арки.

Они еще бежали через галерею мертвецов, когда услышали какой-то новый ужасный звук, нарастающий позади. В первое мгновение Хинта решил, что это вопли раненых омаров, которые начинают осознавать свою боль. Но этот крик был слишком страшным даже для раненных омаров; еще никогда Хинта не слышал, чтобы столько страдания, мольбы, отчаяния слилось в одном хоре. Он рискнул обернуться – и увидел, что все те омары, которые несколько мгновений назад погибли, теперь снова вставали на ноги. Беспощадные обжигающие жгуты энергийной Бемеран Каас извивались вокруг их разрушенных, истекающих кровью тел, глаза в десять раз ярче сияли фиолетовым светом, всполохи огня просыпались в дулах оружия. А из их ртов, вместе с кровавым паром, рвался этот жуткий мучительный вопль. Тьма не отпускала своих слуг, не давала им последней пощады, не позволяла им умереть – она приковывала их души к мертвым телам и гнала вперед. Плазматические монстры сочетались с искалеченной плотью киборгов, и из этого немыслимого брака рождалось новое поколение чудовищ – самых ужасных, самых несчастных и самых опасных.

Из последних сил они добежали до конца тоннеля, прорвались в арку, прижались к стене. В то же мгновение омары начали стрелять. Теперь их пули летели со сгустками плазмы; трассирующие фиолетовые лучи протянулись от выхода из тоннеля. Град выстрелов обратил золотой пол в дымящуюся металлическую рухлядь. Хинта понимал, что им всем нужно бежать дальше, что через минуту тоннель будет полон омаров, и те полезут через узкий проем, и их снова придется рубить. Однако он лежал у стены и чувствовал, что не может сдвинуться с места. Его стошнило. Запахи рвоты и крови заполнили скафандр. Он не мог понять, откуда кровь, а потом до него дошло, что она течет из носа и идет горлом вместе с рвотой. Его слезящиеся глаза заполнила тьма.

– Что со мной? – задыхаясь, прохрипел он.

– С нами, – ответил Тави. – Мы значительно превысили возможности своих тел.

Словно в подтверждение его слов, страшная боль прокатилась по рукам и ногам Хинты. Он застонал, скорчился. Потом воздух в его скафандре наполнился каким-то новым освежающим запахом, и ему стало

немного легче. Из сопелка напротив рта ударили струйки воды, смывая рвоту и кровь. Хинта попил, облизнул губы и почувствовал, что может встать. Опираясь на меч и на стену, он кое-как поднялся на ноги. Зрение возвращалось к нему. Зала, в которой они находились, выглядела как храм – огромная, с вычурными колоннами и сложносочиненными лестницами, спускавшимися отсюда вниз. У каждой колонны, на каждой лестнице лежали груды мертвых тел.

– Кажется, я что-то вспомнил, – стараясь отдышаться, сказал Ивара. – Это и есть Залы Великого Возрождения. Мы с Тави проходили здесь. Только тогда глаза мертвых еще не светились. Что-то произошло. Бемеран Каас изменила...

Не договорив, он ринулся в бой – омары прошли тоннель. Несколько минут назад они защищали вход в комплекс и стремились не пропустить людей внутрь. Теперь стороны поменялись местами, и уже люди защищали вход, стараясь не пропустить омаров вслед за собой. Хинта рубил кашу из напирających уродливых тел и ощущал, как им овладевает странный покой. Он больше не боялся. Голова кружилась, в глазах еще были черные точки, и тело словно бы лопнуло изнутри, но остаточный вкус крови и рвоты вдруг придал ему сил. Он наконец-то ощущал себя наравне со своими врагами. Ему легче было калечить и убивать, когда он сам страдал. Эта бойня стала к нему ближе, обрела настоящий вкус и запах – стали и кислоты, крови и желчи: обжигающий коктейль.

Омары больше не стреляли – не было возможности – однако, не щадя друг друга, валили по тоннелю. Напор этой хищной биомеханической толпы был поистине сокрушительным. Встречая мясорубку мечей, тела страшным фаршем вываливались на разбитый пол, кровь и нанопена снова лились рекой, но на смену одному десятку омаров сразу приходил другой. Чудовища понимали, что гибнут, сами убивали друг друга в давке, но все равно стремились принять участие в бойне. Хинта начал было верить, что следующая волна врагов станет последней, что поверженные сойдутся в пробку и намертво перекроют проход. Однако все изменилось, когда в бой пошли мертвые омары, возрожденные плазматической Бемеран Каас. Словно машины смерти, они ввинтились в ряды своих же соратников. От их удара гора мертвых тел разлетелась и осыпалась, заполняя все помещение останками, кровью и слизью. Новые чудовища вступили в ожесточенный бой с людьми. Состояние этих существ было ужасным – безрукие, безногие, с продырявленными телами, они все равно продолжали сражаться. Их приходилось разрубать на мелкие

куски, но даже обрубки этих тел шевелились, ползли и искали для себя возможность навредить врагам.

– Уходим, – в какой-то момент скомандовал Ивара. Хинта обернулся и увидел, что мертвецы, пролежавшие сотни лет, начинают вставать. Плазма, попавшая в помещение с выстрелами, принесенная на себе омарами, тоненькими струйками проникала в неживые тела, чтобы их оживить. Умертвия в ссохшихся скафандрах, крошась и скрипя, бросались на героев или поднимали свое древнее оружие и пытались из него стрелять. Пришлось рубить этих новых противников. Из мертвецов сыпался прах и вырывались снопы фиолетового огня. С другой стороны напирали омары. Бой затянулся. Постепенно людей оттесняли назад. Они перестали защищать вход и отступили к лестницам. Кровь омаров рекой полилась по ступеням. Но и лестницы пришлось сдать – омары падали сверху, заваливая их телами, а когда погибших становилось слишком много, сверху на них выплескивалась плазма, и они начинали оживать. Вместе с их армией просыпались и древние человеческие воины. В конце концов, Иваре и мальчикам пришлось обратиться в бегство. Они бежали вниз и вниз, через лабиринт лестниц, залов и коридоров, через золотой город вечной битвы, вечной смерти и вечного воскрешения, по которому теперь бродили восставшие мертвецы и невероятные чудовища. После долгого бега наступали короткие передышки, когда они в изнеможении прятались между невиданных золотых машин или в стенных нишах. Потом завязывались короткие стычки. Они всегда в них побеждали, но это не приносило им ничего, кроме усталости и боли. И вот они снова бежали, снова прятались, снова дрались и снова бежали...

Омары взяли за привычку взрывать пол и стены коридоров – это помогало им в обход людей спускаться на нижние этажи. Армия чудовищ рассеялась и теперь была повсюду. В каждом из залов они натыкались на патруль, на каждой лестнице встречали засаду. Во многих коридорах стояли мины. Они потеряли счет времени. Кровь была снаружи и внутри их скафандров, бесчисленные шрамы и царапины исполосовали их броню. В стекле шлема Хинты засела пуля, но он уже не мог вспомнить, где ее получил. Теперь он с особым вниманием прикрывался от выстрелов, потому что боялся, что следующее попадание может пробить шлем.

Они меняли направление, блуждали, попадали в тупики, теряли силы. И все же с каждой маленькой победой они прорывались немного

вперед, оказывались все ниже и ниже. Они прошли Меридиан насквозь, спустились на невероятную глубину и приблизились к тем местам, которые Хинта видел в своем видении. Золотые коридоры постепенно сменились темными катакомбами. Здесь было много зеленого камня, но в некоторых местах стены казались сделанными из льда или слюды. В глубине этого прозрачного кристаллического материала мерцали скопления призрачного фиолетового свечения. Умертвий стало больше, потому что омары проникли на этот уровень раньше людей и принесли с собой энергичную Бемеран Каас. Однако кое-что изменилось. Омары и умертвия больше не нападали на героев. При виде людей отряды монстров сворачивали прочь, отступали, и те шли, почти постоянно наблюдая впереди себя промельк уродливых тел или вспышку яркого фиолетового света в чьих-то уже не живых глазах.

– Почему они не нападают? – тревожно поинтересовался Хинта.

– Потому что мы победим их в каждой из этих стычек, – ответил Ивара, – и потому что они достаточно нас задержали. Они верят, что мы сбились с пути или опоздали.

– Нет. Я чувствую, что мы не опоздали. Иначе бы тьма звала меня, и все было бы другим.

– Значит, они верят, что смогут остановить нас в другом месте или другим способом.

Только Тави ничего не сказал. На его окровавленных губах играла странная улыбка. Он упрямо шагал между своих друзей, его взгляд был направлен вперед и вдаль – в зыбкую прозрачность этих страшных коридоров. Чем дальше они углублялись в катакомбы, тем ярче был фиолетовый свет внутри стен. Тоннели становились то теснее, то шире, сворачивали, ветвились. Хинта начал узнавать гладкий каменный пол, который запомнил в своем видении. Тревога в его душе нарастала. Что-то было не так. Он попробовал прощупать это чувство, понять его изнутри. Он попытался представить, что они проиграют в битве. Они могли проиграть. Он знал это, потому что они устали и им было плохо. Но, как ни странно, его беспокойство не было связано с их поражением. Их поражения он боялся уже давно; этот страх стал привычным, Хинта изучил его наизусть и научился его преодолевать. Но нынешний страх он не мог преодолеть, и тот нарастал с каждым шагом, с каждым новым пустым коридором, с каждой новой секундой молчания друзей. И тогда Хинта понял, что боится не поражения. Какая-то ледяная завеса разделила их. Они больше не были целым. Ивара вел эту войну по своим причинам – для него было важно закончить начатое. Тави вел эту войну по другим причинам – для него важно было стать героем. Он сам, Хинта, вел эту

войну по третьим причинам. Он не хотел быть предателем, мечтал о мести.

– Вы чувствуете? – спросил он.

– Что? – переспросил Тави. За последний час это было первое произнесенное им слово. Но это слово не открыло путь, а закрыло, стерло все пути. Хинта вдруг потерял надежду, ком слез встал у него в горле.

– Мы близко, – выдавил он.

– Да, – согласился Ивара. Они снова шагали вперед. Хинта даже не мог заплакать. Оцепенение и усталость битвы столкнулись в нем с внезапным преждевременным горем. Он понял, что все закончилось. Они все еще могли победить или проиграть; они все еще представляли собой человечество; вся магия Аджелика Рахна была с ними; никто из них не предавал сейчас свет. Но все они теряли нити своей дружбы. Их будто коснулось дыхание некой иной судьбы. И вдруг Хинта поверил, что они победят, что не все они погибнут здесь, под землей, что, возможно, вообще никто из них не погибнет. Вот только выйдут они отсюда разными дорогами, к разному будущему. И хуже всего было то, что он не мог об этом говорить, не мог прощаться, когда их дело еще не было сделано. И даже боль в сердце была притупленной, странной, чуждой ему самому, потому что он сам уже оторвался и встал в стороне от друзей, как и они встали в стороне от него.

Хинта был еще погружен в эти мысли, когда он и его спутники неожиданно вышли из сети тоннелей на простор огромного зала. Хинта мгновенно узнал это место, хотя в прошлый раз видел его с другой стороны. В своем видении он смотрел на зал через портал Золотых Врат, которые медленно открывались. Теперь он видел Золотые Врата со стороны зала – покрытые фрактальными узорами, они поднимались до самого потолка. До них было еще очень далеко, но даже с такого расстояния они казались огромными. По полу зала тянулась знакомая трещина с застывшей в ней магмой – Хинта видел тогда, как эта трещина появляется. А все пространство, от места, где они застыли, и до Золотых Врат, по обе стороны от разлома, было заполнено армией Бемеран Каас. Омары теперь хорошо знали возможности своих врагов, понимали, что рикошетирующие от мечей пули погубят их же самих. Поэтому они приготовили щит из оживших мертвецов – те лежали и стояли, образуя систему редутов: жуткая шевелящаяся стена с тысячами пылающих фиолетовых глаз. Омары были за этой стеной, их длинные руки с дулами торчали между иссохших мертвых тел. Другие омары – омары-камикадзе – не прятались за стеной, но стояли открыто рядом с контейнерами, полны-

ми энергийной Бемеран Каас, или рядом с нагромождениями мин, готовых взорваться.

На какие-то мгновения все замерло и стало очень тихо. Омары не стреляли. Люди не бежали и не нападали. Две армии застыли друг против друга. Одна состояла из профессора и двух мальчиков. Другая насчитывала тысячи лучших за историю этой планеты солдат-фанатиков. Весь мир был в их руках, все войны должны были завершиться здесь – в этой просторной пещере, в тысячах метров под поверхностью земли, у врат перерождения, которые могли служить как добру, так и злу. За спиной у людей мерцал недружелюбный им фиолетовый свет. За спиной у омаров неприкосновенным золотым щитом сверкали Великие Врата. Скафандры людей были полностью покрыты кровью – ни проблеска золота. Омары и мертвецы стояли черной стеной с мелькающими в ней вспышками фиолетовых звезд.

В это затянувшееся мгновение Хинта понял, что молится. Он молился так же, как Тави молился, когда они шли по тоннелям колумбария Литтаплампа. «Пожалуйста, – думал Хинта, – пусть вселенная света прикоснется к нам, как мы стремимся к ней. Пусть сам Итаирун, сам Хисохо и сам Аджелика Рахна поверят в наше представление о добре. Ведь мы верим в их представление о добре. Но у нас есть и наше собственное, иное, малое представление о добре. Для нас добро – это наша дружба, наша любовь, наше обычное счастье, наша маленькая человечность. Пусть они вернут нам все это в час, когда мы играем роль их орудий в этой ужасной битве».

Он молился беззвучно. И пока длилась его мысль-молитва, две армии не двигались с места. «Великое золото твоих клинков у нас в руках, – думал Хинта, – так не дай нам потерять золото наших душ. Я пуст. Боль наших врагов выжгла мне сердце. Значение нашей роли испепелило мою волю. Эта бойня сковывает и соблазняет меня. Темная сторона моей души и моя старая злоба выходят наружу. Все, от чего я хотел отречься, становится во мне главным. Я убиваю врагов не ради добра и не ради будущего, а лишь потому, что ненавижу их и боюсь моей прежней слабости. Моя новая сила делает меня похожим на них. Я не хочу платить такую цену лишь за то, чтобы доказать мое отличие от моего слабого и трусливого отца. Помоги мне. Помоги мне. Помоги мне. Верни мне меня. Верни нам нас. Верни все то, что стало важным за последний год».

Хинта молился, но при этом ничего не ждал, не испытывал никакой надежды. В это мгновение он поверил, что все потеряно, что их круг уже распался, а связь осталась в прошлом. Он думал, что впереди для них ничего нет: только этот последний бой, в котором они, вероятно, по-

бедят, но теряют суть самих себя. В своих мыслях Хинта не предавал золото, не роптал на отпущенную ему роль. Но, сам того не замечая, он начал воспринимать себя как маленькую марионетку, которая должна пожертвовать собой ради великой цели. Он чувствовал, что ему дали оружие и использовали.

Хинта не знал, что в это мгновение его друзья молятся точно так же, как и он сам.

«Дай мне силу, – просил Ивара, – чтобы я не предал Тави, когда и если увижу, как Амика возвращается в мир живых. Дай мне силу остаться тем, кто я есть, сохранить каждую из моих жизней. Пусть моя новая жизнь не будет отменена сегодня. Пусть во мне хватит любви на двоих, а дружбы – на многих. Я не хочу, чтобы тьма забрала у меня половину меня. Почему я ничего не чувствую? Почему мне не больно, когда Тави отрывается от меня? Почему я не страшусь его детских слез? Верни мне мой страх, мою ответственность, мое настоящее. Прошу тебя».

«Я желаю своей смерти в бою, – думал Тави, – и не могу думать о боли, которую принесу своим друзьям. Мне мнилось, будто я стал подобен Джилайси. Но теперь я знаю, что это не так. Мои глаза сухи, и не в моей власти спасти этих существ, которые гибнут под моим клинком. Я запутался, запутался куда сильнее, чем мои друзья. Моя страшная гордость губит меня, заставляя вырываться, бежать впереди других. Прошу тебя, дай мне силу быть скромным. Верни мне слезы, слабость и память о тех, кто рядом. Я заблудился. Здесь, в моем хрустальном лабиринте, я потерял души и своих врагов, и своих друзей. Прошу, верни мне знание о том, кто я на самом деле. Я хочу назад. Я хочу быть тем восхищенным мальчиком, который в ламрайме нашел нить своей судьбы. Я точно знаю, что это моя нить. Так почему же она привела меня к этой гордости и этой пустоте?»

И на все эти молитвы пришел ответ.

Хинта увидел сонм душ. Тысячи и тысячи светлых силуэтов проступили сквозь черно-фиолетовый мрак армии Бемеран Каас. Полутемная пещера наполнилась белым сиянием, словно сам день приходил на смену ночи. Потрясенный Хинта смотрел, как души идут к нему и его друзьям со всех сторон. Раньше ему казалось, что он видит целые легионы душ, но теперь их стало еще больше. Как снег в холодные времена укрывает собою землю, так души укрыли собой ад этого подземелья.

Большая часть силуэтов не обладала индивидуальностью черт, но два выделялись среди других. Это были юноша и мальчик. Держась за руки, они подошли прямо к замершим героям. В юноше Хинта узнал человеческий облик Аджелика Рахна. А в мальчике он узнал Ашайту. Но

этот Ашайта был иным, чем при жизни. Его лицо изменилось, в нем больше не было уродства: глаза стали немного меньше, но сохранили свою красоту и бесконечную синеву, подбородок стал нормальным, так что Ашайта мог нормально улыбнуться. Но самым удивительным было то, что в этом здоровом лице Хинта безошибочно угадывал своего брата. Он ни на мгновение не усомнился, что это именно Ашайта стоит перед ним. При этом он видел, что это уже лицо фавана таграса, в нем был теперь и кто-то еще, какой-то другой дух. Но этот новый дух жил с духом Ашайты в таком абсолютном мире, в такой невероятной гармонии, что они вместе казались более единым и цельным человеком, чем тот, кем брат Хинты был при жизни.

– Ашайта, – произнес Тави. Хинта оглянулся на друга и увидел, что у того в глазах мерцает отсвет белого сияния, а по щекам текут слезы. Потом Хинта снова посмотрел на двух призраков и увидел, что те улыбаются.

– Ашайта – мой ответ всем вам, – беззвучно сказал Аджелика Рахна. – Он тот, кого вы любили, тот, кого вы потеряли. В нем вся чистота вашей дружбы, вся простота ваших жизней. Он тот, без кого не пройти последнюю битву. Он ваш талисман, мост между душами, тихий свидетель разговоров, хранитель сердец.

Хинта чувствовал, что ему самому наворачиваются на глаза слезы. Однако это еще не была настоящая боль. Ашайта разделился на три силуэта, каждый из которых протянул вперед правую руку и, словно открывая какую-то дверь, вошел в одного из них. И вот тогда, когда рука брата проникла ему в грудь, Хинта ощутил настоящую боль. Он закричал и услышал, как его друзья кричат, стонут и плачут рядом с ним. Их души вырывались из тенет Бемеран Каас. Безразличие, оцепенение были утрачены. Хинта испытал страшную ясность. Он вспомнил все. К нему вернулось ощущение, какое бывает в пальцах, когда гладишь лист растения. Он вспомнил тепло рук родителей. Запах изо рта подвыпившего отца. Смех Тави. Дни учебы и дни, проведенные в ламрайме. Лапшу Фирхайфа. Примитивное устройство Иджи. Полутьму гаража. Шум гумпрайма. Ветер на тропе вдоль Экватора. Жухлую зелень шартусских фратовых полей. Ужас смерти брата. А потом он вспомнил лицо каждого из омаров, которых он сегодня убил. Сразу три горя обрушились на него. Одно было его собственным – он потерял свое детство и свой дом. Другое было горем за мир. А третье было горем за его врагов. Только теперь, только в это мгновение он по-настоящему научился не хотеть войны. Он помнил труп растерзанного омара, который висел на крюке в Шарту, и понимал, что делает сейчас почти то же самое. Он не мог этого принять,

но и уйти не мог. Теперь он знал, что жизнь – это вынужденное противоречие. И еще он ощущал абсолютную преданность своим друзьям. Он знал, что их изоляция друг от друга – темное наваждение. У них не было отдельных мотивов. Он, Хинта, так же хотел вернуть друзей Ивары, как и сам Ивара. Он, Хинта, так же хотел стать героем, как и Тави. Они не могли попасть сюда по одному. Их было трое. И у них было три ключа, три клинка, три судьбы, чтобы открыть врата. При этом Хинта ощущал Ашайту внутри себя, словно свое второе «я». Он слышал, что брат внутри него рассказывает ему, как любит его, как благодарен ему, как понимает его боль. И одновременно Ашайта говорил о том, как любит Тави и как любит Ивару. Через мысли Ашайты Хинта знал мысли своих друзей. Их сердца, связанные узами величайшей дружбы и призрачного родства, превращались в одно единое сердце.

А потом Хинта услышал реальный, живой голос Ивары.

– В разлом!

Омары начали стрелять. Клинки героев полыхнули зеленым огнем. Они двигались с такой скоростью, что поднимали ветер, и тысяча пуль отлетела от них, кромсая плотные ряды оживших мертвецов. Однако стрелявшие омары на этот раз не пострадали от собственного оружия. А вот люди калечили самих себя, когда вынуждены были двигаться с такой скоростью. Считанные секунды спустя они уже исполнили план Ивары и упали на застывшую лаву на дне расселины. Та была не слишком глубокой, но своим изгибом укрывала их от смертоносного града. Словно издалека, Хинта слышал вой тысячи выстрелов и визг шквала пуль, которые крошили камень у них над головой. Потом его накрыла пелена физической боли и усталости, и на какое-то время он почти перестал осознавать себя. Но его мысли шли сквозь жар и тьму. Он ясно понимал, что этот рывок был последним – ресурс их тел вышел, и во время следующего рывка они просто погибнут. Хинта закашлялся. Кровь липким потоком заливала подбородок. Он почувствовал себя Ашайтой. Его руки и ноги немели, по нервам распространялся мучительный огонь.

– Джилайси, – прохрипел Тави. – Вот что он чувствовал, когда...

Хинта ощутил плечо друга рядом с собой. Омары пустили ракету, и та взорвалась над укрытием людей, осыпая тех градом осколков и щебня. Они почти без сил подняли свои мечи, защищаясь.

– Неужели мы проиграем здесь? – спросил Тави.

– Мы умираем, – ответил Хинта.

– Нам не нужно умирать всем. Возможности почти бесконечны, пока ты не останавливаешься. – Тави не кашлял, в его голосе были только слезы, но и сквозь них была слышна его детская, звонкая, невероятная чистота. – Я люблю каждого из вас, – добавил он. И тогда Хинта понял, что тот хочет сделать.

– Нет, – умоляюще сказал Ивара. Хинта схватил Тави за плечо, увидел на его лице белый отсвет сонма душ, хотя тех уже не было вокруг. Они смотрели друг другу в глаза. И Хинта понял, понял Тави до самого конца. Он увидел, как сильно тот хочет остаться здесь, рядом с ними, умереть вместе. Но Тави не мог остановиться – это тоже было ясно. Хинта понял, что не должен удерживать его, у него не было на это права. Там, за краем расселины, в огне, была судьба Тави. И еще Хинта знал, что план Тави стратегически верен. Им не нужно было погибать всем вместе. Жертвуя собой, распадаясь на атомы, эту работу мог сделать один человек.

Хинта простил Тави и отпустил Тави. Еще Тави успел очень долгим взглядом посмотреть на Ивару. А потом у них над головой взорвалась очередная ракета. Хинта и Ивара машинально прикрылись от нее клинками. А Тави, наоборот, поднял свое незащищенное лицо навстречу летящим осколками и потокам огня. Хинта успел увидеть, как смерть падает на него. Тави ждал, пока у него не осталось совсем мало времени. И тогда, когда золотой скафандр бесконечно ускорил его восприятие, Тави выскользнул из-под мчащейся на него угрозы, взмахнул мечом и, словно птица, взлетел вверх. Для Хинты в это мгновение его друг исчез, потому что нельзя было увидеть тело, которое движется с такой скоростью. Вся запекавшаяся омарья кровь слетела с его скафандра, и тот снова стал золотым. Он пробежал по осколкам ракеты, которые летели ему навстречу, оттолкнулся от взрывной волны, использовал свой клинок, как крыло, и разящим смерчем опустился в самую гущу армии врагов.

Когда Тави исчез, Ивара и Хинта бросились вслед за ним. Но им двоим не угрожала такая опасность, поэтому их время не стало таким, как время Тави. Они увидели лишь страшный взрыв. Омаров и мертвецов разнесло в клочья. Вспышка зелено-золотого огня пророснула через всю залу. Потоки крови и нанопены захлестнули пол, заполнили собой разлом. Страшный ветер поднялся и стих. Колонны пошатнулись от ударной волны. Звук взрыва сотряс своды, вызывая обвалы.

Ивара и Хинта бежали сквозь хаос и разрушение, уворачиваясь от падающих камней и от уцелевших дезориентированных омаров. Путь Тави был для них, словно кровавый тоннель внутри вражеской армии. И когда они достигли врат, Тави уже, разумеется, был там. Он стоял, опу-

стившись на одно колено, прямо перед ними. Он был полностью обнажен – его скафандр, даже волшебный, не выдержал последнего рывка. Клинок, снова ставший ключом, входил в среднюю замочную скважину золотых врат. А кожа Тави истекала кровавым потом.

Ивара и Хинта упали на колени по сторонам от Тави; их мечи в мгновение ока снова обратились ключами, и они вставили их в скважины врат. У них за спиной ревели и стонала израненная армия омаров. Тави не убил даже десятой части – он просто проложил сквозь них прямой смертоносный путь. Теперь все те чудовища, которые уцелели, поднимались на ноги и пытались понять, где их враг и что им делать. Омары, умертвия, сама Бемеран Каас – все они постепенно осознали, что проиграли. Но им не было места в мире золота и света, жизни и добра; они потеряли все, что имели, и потому не могли сдаться. В ярости орда обернулась к Золотым Вратам – туда, где стояли изможденные люди, где умирал Тави.

Хинта и Ивара в это мгновение тоже обернулись и посмотрели на тысячу дул, которые вновь поднимались, чтобы их уничтожить. А потом вспыхнул свет, который ослепил чудовищ, и зазвучала музыка, чем-то подобная той, которую любил играть Ашайта – музыка машин и детей. Золотые Врата ожили, распались на тысячи движущихся деталей. Вращающиеся блоки сходились и расходились, формы танцевали. И вот начал раскрываться проход, и из него вырвалась могучая армия героев, закованных в золотые латы. Некоторые из них были в огромных робофандрах, другие могли летать благодаря реактивным ранцам. Энергетические щиты и клинки вспыхнули в воздухе, отражая шквал омарьих выстрелов. Лазеры ударили по летящим ракетам. Закипел новый бой, но на этот раз исход был предрешен – побеждало золото.

Ивара и Хинта бросились к Тави, который все еще стоял неподвижно у порога врат, с исчезающим ключом в руке, с кровью, уходящей прямо через кожу. Страшно было прикоснуться к этому телу – такому хрупкому, такому победоносному, такому больному. Казалось, что мальчик ободран до самых мышц, разрушен, уничтожен, раздавлен. На мгновение Хинта даже подумал, что Тави уже погиб. Но потом Ивара нашел в себе решимость, чтобы дотронуться до плеча Тави. И тогда тот мягко и безвольно упал на руки друзей. Кровь текла у него из глаз, рта, ушей. Но он был еще жив, его губы трепетали, и даже в этой тихой агонии была красота. Тави умирал совсем не так, как солдаты в Шарту: в его наготе не было никакого унижения, в его ранах не было ужаса войны – какая-то запредельная святость снизошла на него в эту минуту.

– Здесь можно дышать, – едва слышно произнес он. Ивара сорвал с себя шлем и с нежностью прикоснулся губами ко лбу и щекам мальчика. Его слезы и поцелуи оставили следы на окровавленной коже. Хинта тоже снял шлем. Из врат дул слабый, но ровный ветер; воздух пах садом и какой-то невиданной свежестью, солью и электричеством, и еще тысячами запахов, которые Хинта никогда не знал. Золотые воины бесконечным потоком шли через портал вместе с этим ветром. С уважением, не сбиваясь с шага, они обходили троих героев, и срывались на бег, чтобы вступить в последнюю великую битву, происходящую на Земле. Но здесь, у порога врат, все было иным, шум битвы казался далеким. Здесь было странное место – между жизнью и смертью.

– Мы это сделали, – удивленно прошептал Тави.

– Ты это сделал, – плача, ответил Хинта. – Ты, Ашайта и Аджелика Рахна.

– Нет, мы. Я бы не смог попасть сюда один. Мне не больно. – Тави говорил, и кровь струйками текла из уголков его губ. За вратами величественные залы сияли золотом и белизной. Там работали чудесные машины, и тысячи жизней зарождались прямо сейчас, чтобы нести золотой меч злу и благую весть людям.

– Я тебя люблю, – сказал Ивара.

– Я тебя люблю, – тихим эхом откликнулся Тави. В их словах была та абсолютная уверенность, которой почти никогда не бывает у обычных людей, когда те пытаются сказать друг другу о чувствах. – Я хочу, чтобы ты был счастлив с Амикой.

Ивара согнулся над ним, словно сам был ранен намного более страшным образом.

– Тебе не должно быть так больно, потому что все правильно. Мы все сделали правильно. Мы знали...

Взрослый рыдал, а мальчик слабой, окровавленной рукой обнимал его за шею. Волосы Ивары испачкались в крови Тави. И в этот момент Хинта ощутил какой-то новый абсолютный предел у себя внутри.

Когда умирал Ашайта, все было иначе. Тогда Хинта ощущал отупение и ярость, заглушавшие боль утраты, и много глупых мыслей: он винил всех и вся, пытался куда-то отнести тело брата, исполнить какой-то последний неясный долг. Но главным чувством Хинты была тогда его собственная вина – он корил себя за то, что не сбежал, пока было можно, не мог простить себе драку с Круной и то, как эта драка повернулась. Сейчас в душе Хинты царила абсолютная ясность, а в сердце совсем не было тьмы. Он знал, что судьба Тави была в определенном смысле неизбежна. Если бы Тави не умирал сейчас, то умирал бы весь мир. Хинта

никого не винил за этот расклад. Но он чувствовал, как боль растет у него внутри, словно древо жизни, сплетенное из белых обжигающих молний. И, сам того не понимая, он в этот момент принял огромное, безумное решение. Он понятия не имел, как это решение можно осуществить, но поклялся, что осуществит его.

– Я никогда тебя не отпущу, – сказал он. – Я никуда тебя не отпущу. Я не принимаю твою смерть. – Он сорвал с руки золотую перчатку и сцепил свои пальцы с мокрыми от крови пальцами друга. Как только он это сделал, бесконечные видения обрушились на него и на его друзей. Перед их взором открылись порталы всех золотых врат, им стали известны судьбы десятков тысяч людей. Словно это в них был секрет множественности врат – и стоило им соединить вместе свои энергии, как этот секрет начал цвести и раскрываться перед ними калейдоскопом миллиона картин.

Внутренний взор Хинты мчался сквозь все копии врат, сквозь взгляды и сознания тысяч людей, а при этом в уме у него продолжало пульсировать решение. «Я не отпускаю Тави, – повторял он. – Я не отпускаю тебя. Мы будем дружить дальше. Мы не умрем друг для друга никогда, никогда, никогда. Я буду тебе предан. Мы будем все делать вместе, как делали это в последний год. Мы не будем ссориться. Мы не будем лгать. Я не буду ревновать. Мы просто будем вместе, вместе, вместе». И какой-то золотой шепот словно бы говорил Хинте, что это возможно, что так и будет, что это его судьба – не отпускать Тави, никогда, никогда, никогда.

А между тем Хинта видел, как зачарованные люди в куполах Литтаплампа смотрят на золотые врата, воздвигшиеся прямо посреди улиц и парков. Из врат выходили полуобнаженные фавана таграса – почти все молодые, изменившиеся, ставшие полубогами, и в то же время помнящие свою человеческую жизнь, сохранившие любовь к своим близким. Из врат звучала песня. Останавливались машины и поезда. Прохожие меняли свой маршрут. Домоседы открывали двери своих квартир. Сотни людей бросали работу, откладывали дела и шли навстречу великому зову. И вот на одной из площадей произошла первая встреча – плачущие родители снова подняли на руки своего ребенка. В другом месте заново обнялись возлюбленные, не верящие в свое счастье. Кто-то стоял, не в силах прикоснуться, и мог лишь смотреть на того другого, который снова пришел в его жизнь.

Хинта видел, как золотые врата появляются на фратовых полях между убогими хибарами батраков, как они проламывают лед в центре одинокого северного поселения на краю ледника, где люди уже начали

верить, что они последние обитатели планеты. Среди странных полузаброшенных городов с домами под остроконечными крышами, на плавающей платформе посреди океана, в глубоких пещерах на склонах далеких гор – врата открылись повсюду, где еще жил человек; словно тысячу разбросанных песчинок, они собирали умирающее человечество. И сейчас, глядя сквозь все эти врата, Хинта как никогда раньше понимал, насколько неправ был Квандра. Не было побед, кроме той, которой они достигли сейчас. Людей в этом огромном мире осталось ничтожно малое количество. Почти все города были наполовину пусты, почти все поселения отчасти лежали в руинах, потому что через них прокатилось то или иное страшное бедствие.

Но было несколько картин, которые Хинта запомнил особенно ясно, потому что знал места, в которых происходило чудо врат, или людей, к которым приходили фавана таграса. Он увидел, как перерожденные входят в залы гумпраймов Литтаплампа. Инка и Лива обняли своего сына, стоя на трибуне. Их слезы увидела вся ойкумена, и вся ойкумена слышала их слова, когда они прочитали свое обращение. Они просили сохранять спокойствие, верить и слушаться фавана таграса. А фавана таграса повсюду звали людей, чтобы те вместе со своими родными ушли в золотые врата.

Хинта увидел Шарту, но улицы показались ему едва знакомыми. Между рядами сгоревших домов ютились холодные палатки выживших. На ядовитом снегу были кучами свалены тела омаров и аккуратными длинными линиями уложены тела людей. На пробитых скафандрах мертвецов запеклась кровь, обугленные лица смотрели в небо пустыми глазницами, щерили серые зубы. Ветер трепал алые ленты, поднятые вверх на черных прутьях – этот погибельный знак был повсюду. Но посреди поселка, на месте его центральной площади, теперь высились золотые врата. Их гордая арка была знаком жизни и чуда – протестом против гибели и войны. Фавана таграса в золотых скафандрах шли мимо собственных погибших тел. И все, кто выжил на этом пепелище, шли навстречу им, крича по громкой связи, плача от радости и зовя своих любимых, которых потеряли всего несколько дней назад. А много выше врат, в неимоверном величии, поднималась обновленная стена Экватора. Жизнь продолжала расцветать на ней – причудливые растения пробивали фрактальные окна и ползли наружу, презирая отравленный воздух и зимний холод, птицы вылетали в небо и сбивчиво кружились, пытаясь привыкнуть к свободе, звери испуганно скакали по скалам и искали возможность спуститься вниз. Земля дрожала, но на этот раз землетрясение было знаком не кошмара, а перемены. Камни ползли по пусто-

шам, чтобы образовать новый рельеф. Побережье расступалось, увеличивая число и площадь прекрасных лагун. В море вырастали новые острова. Фратовые поля сбрасывали с себя снег и превращались в дремучие леса, состоящие из огромных грибов, с протянувшимися между ними лианами мягких кораллов, водорослей и лишайников. Даже солдаты «Джиликон Сомос», которые до этого стерегли каждую улицу и присматривали за тем, как голодная шартусская толпа дерется за бесценный гуманитарный груз – даже они бросили свое дело и опустили свои пулеметы. И вот уже один из них поставил свой огромный робофандр на колени и неловкой стальной рукой пытался с нежностью дотянуться до воскресшего ребенка, который в маленьком золотом скафандре бежал к нему навстречу, чудесным образом узнавая в нем своего отца.

Среди тех, кто проходил через золотые врата в Шарту, Хинта узнал своего брата, которого все еще чувствовал внутри себя. Он видел каждую мелочь глазами сотен людей, видел весь поселок целиком, как не мог его увидеть раньше, и слышал знакомые голоса.

– Ашайта, Ашайта, – потерянно звали они. Атипа и Лика брели мимо трупов и руин, выкликивая имя. Рука Атипы была на перевязи. Лика едва переставляла ноги. Мир сдвинулся вокруг них, а они все еще не могли в это поверить. Раненные, изможденные, обездоленные, они думали, что счастье вернется ко всем, кроме них; золото слепило их, не давая успокоения. Сердце Хинты сжалось, когда ему показалось, что встречи действительно не будет, что Ашайта придет к разрушенному дому именно тогда, когда родители будут искать его в совсем другой стороне. Но это был миг чудес, когда не случалось горьких разочарований; словно притянутые магнитом, члены семьи нашли друг друга в толпе. Атипа оцепенел, когда сквозь стекло шлема увидел незнакомое лицо сына. Но он узнавал Ашайту. И Лика узнавала Ашайту. И Ашайта узнавал их.

– Нет, это он, он, – плакала Лика. И тогда Атипа поднял сына, и закружил его на руках. И в этот момент Хинта ощутил абсолютный покой. Он вдруг понял, что его родные будут счастливы – счастливы без него. Он услышал, как Ашайта мысленно прощается с ним, поет ему. И Хинта хотел к ним, но в то же время не хотел. Это было очень странное состояние желания и нежелания, раздвоенности. Он сам стал словно душа, которая отрывается от тела и от мира, чтобы увидеть иной свет.

«Я ушел оттуда, – думал он. – Неужели это больше не мой дом? Куда я пойду теперь? Я не отпускаю Тави. Я пойду с Тави. Но куда я пойду с Тави? Неужели мы войдем с ним в Золотые Врата – в те, из которых

он вышел шесть лет назад, чтобы стать моим другом? Неужели я не встречу там – по ту сторону золота – своей семьи? А ведь я чувствую, что не встречу их больше. Что же будет? Куда мы мчимся? Как мне не отпустить тебя, друг, как не потерять, когда ты теряешь свою кровь и жизнь? Нет, ты не умрешь. Я не позволю. Хоть бы кончилось это видение, хоть бы я снова увидел твое лицо, хоть бы время снова обратилось безвременьем».

Но Хинта не мог остановить цепочку видений. Он увидел Фирхайфа, который обнимал свою дочь, погибшую в шартусской бойне. Он увидел Джифоя, который обнимал свою дочь, годы назад потерявшуюся и погибшую среди фратовых полей. Он увидел Эрнику, которая рыдала, потому что к ней пришел отец Тави, чтобы сказать ей, что сам Тави уже никогда больше не придет. Но были и такие, чье воскрешение Хинта не увидел – семья Дваны погибла полностью, не осталось никого, ради кого они могли бы снова переступить порог жизни и смерти.

Среди множества других картин Хинта увидел армии наемников «Джиликон Сомос», которые массово скапливались на транспортных узлах и военных базах у северной стороны Экватора. Солдаты растерянно наблюдали, как золото и жизнь сносят, поглощают, вбирают в себя монорельсы тихоходных поездов.

Квандра неподвижно стоял в серебристо-белом скафандре на трапе своего джета и созерцал преграду, которую ему не дано было преодолеть. Он хотел вмешаться, бросить все силы в последнюю битву – но опоздал. Великая трансформация мира уже началась, и больше не было пути из северного полушария в южное. Был лишь путь между жизнью и смертью сквозь Золотые Врата.

Когда очередные врата открылись посреди военной базы, Квандра приказал открыть по ним огонь. Но его солдаты не стали стрелять. Безоружная золотая армия воскрешенных любимых вышла навстречу пулеметам, и битва была выиграна без единого выстрела. Долго одинокий повелитель молчаливо стоял на своем пьедестале, наблюдая, как рушится его империя. Даже в этот момент он не мог допустить, что и к нему кто-то придет – ему казалось, что он никогда никого не любил, не терял, ни о чем не жалел. Но он ошибался. Вот золотая фигура отделилась от толпы и пошла прямо к нему. Надменный, Квандра смотрел на свою судьбу и не мог ее узнать. Он начал понимать, кто перед ним, лишь когда его фавана таграса сделал первые шаги по нижним ступенькам трапа. И тогда Квандра пошатнулся, словно от удара в сердце, потому что это был Вева Курари – такой, каким он ушел из жизни, каким Квандра его запомнил. Так была проиграна последняя битва Квандры – в объятиях старо-

го друга он сошел с ума. В его закатившихся глазах навсегда запечатлелся зелено-золотой отблеск цветущего Экватора.

А потом, когда свершились тысячи и тысячи чудесных встреч, когда закончились последние речи на последних гупраймах, когда были остановлены все человеческие машины и покинуты все человеческие дома – тогда началось великое движение назад сквозь золотые врата. Богатые и бедные, солдаты и фермеры, семьи и одиночки, молодые и старики – все они шли в свой рай из своего ада, все они проходили под золотым сводом, все находили свой портал в будущее. Даже не часы, но считанные минуты потребовались, чтобы человечество покинуло отравленный мир измученной Земли ради обретения новой жизни. Словно во сне, Хинта смотрел на пустые кварталы и погасшие купола Литтаплампа, на вымершие улицы других городов, где стояли брошенные машины, а в окнах домов таилась особая, новая тьма. Словно во сне, Хинта видел, как закрываются и исчезают тысячи врат. Каждая хорошая душа была спасена. И только золотая армия фавана таграса еще продолжала свою битву, оберегая главные врата от страшной орды зла, которая не могла признать своего поражения. Хинта, Ивара и Тави, погруженные в видения о великом спасении, не ведали, что происходит вокруг них. Но пока они были без сознания, схватка на подступах к главным золотым вратам несколько раз меняла свой ход. Армия фавана таграса уже почти разделалась с омарами, наводнившими подземный чертог, когда к тем на помощь явилось страшное подкрепление – древние притакские буры, которые лежали брошенными в окрестностях Акиджайса, снова были пущены в ход. Шесть чудовищных машин, взрывая толщу пород, прошли на глубину вокруг Меридиана и с разных сторон прорвались в залу, где кипел бой. По шести огромным тоннелям вниз хлынула новая орда, и бойня продолжилась. Кровь, камень, золото, черный металл – все смешалось. Под давлением волны омаров некоторые из золотых воинов пали. Но и сами омары гибли неисчислимыми сотнями. Колонны, разбитые взрывами и переточенные пулями, начали рушиться, потолок проваливался, однако две армии продолжали сражаться. Землетрясение вызвало подъем лавы, и половина зала была в огне, но даже сквозь испепеляющий огонь омары продолжали наступать. А потом стало еще хуже, потому что со стороны тех тоннелей, по которым сюда пришли Хинта, Ивара и Тави, хлынул поток энергийной Бемежан Каас, которая все-таки сумела вырваться из хватки великана Аджелика Рахна. Она пыталась

отомстить и причиняла последнюю боль, калеча живых и возвращая мертвых к бессмысленной и мучительной псевдо-жизни.

Однако трое героев не заметили всех этих ужасов даже тогда, когда очнулись. Для них эта битва в любом случае была закончена. Они сомкнули свой тесный круг на пороге Золотых Врат, нашли точку покоя между жизнью и смертью. И хотя Тави продолжал истекать кровью, он смотрел на лица друзей ясным и счастливым взглядом.

«Я слышу зов издалека. Другие миры так близко. Я вижу странные места. Желтые дома на полях голубой травы. Люди с прекрасными большими глазами ждут меня. Фонтаны огня, которые бьют из серебристой земли, и деревья, которые вечно горят. Люди с гордыми красными лицами тоже ждут меня. Я вижу ночь под другими звездами и слышу смех легких голосов. Там меня тоже ждут».

«Нет, ты не умрешь. Только не ты».

«Ты же знаешь, я бы остался».

«Ты останешься в моем сердце».

«А я унесу память о тебе туда, где есть только свет, летящий сквозь пустоту».

«Но ты не можешь. Земля в кольце тьмы».

«Эта преграда стала очень тонкой».

«Идем во врата. Мы можем снова родиться».

— Я бы пошел, — чуть слышно согласился Тави. Но никто из них не шевельнулся. А потом Тави повернул голову и долгим взглядом посмотрел в самую глубину врат. Вся золотая армия уже вышла наружу, и золотые чертоги были почти пусты. Лишь четыре человека были там. Один из них шел впереди, прямо к ним, а трое держались поодаль и не спешили обгонять первого. И вот Хинта узнал того, кто к ним шел. Это был Джилайси Аргнира — старец с лицом, которое само было как рассказ о жизни и смерти, как ответ на половину человеческих вопросов. Джилайси был без скафандра, в простых старинных серебристо-белых одеждах: жрец, а не воин. И, глядя на него, Хинта вдруг понял, что это какой-то другой фавана таграса, потому что казалось, что в Джилайси не было никого второго — лишь один дух, не изменившийся, не смешавшийся. Его лицо было тем самым лицом, которое изображали на барельефах, скопированных с его прижизненных портретов. Он подошел и преклонил колени, его белая старческая рука легла на окровавленный лоб мальчика. Тави вздохнул под этой рукой, и на мгновение закрыл глаза.

— Прошрое, — прошептал он. — Я вижу свою прежнюю жизнь.

Из его глаз, как и из глаз Джилайси, катились тихие слезы.

– Нинаджи ва тайрум анатис каса таджифа, – тихо отозвался Джилайси, – а лава Таливи.

– Что он сказал? – переводя взгляд на Ивару, спросил Тави.

– Только лучшие из людей умирали на моих руках дважды, мой любимый Таливи, – срывающимся голосом перевел Ивара.

Тави улыбнулся, откинулся назад, глубоко вздохнул; и в это мгновение его кровь начала обращаться в золото, а его слезы – в изумруд. Это зрелище было таким прекрасным, что Хинта на время забыл о смерти и разлуке. Он просто смотрел, как золотая пыль заменяет собой темную влагу, как хрупкое тело становится подобным статуе. На своих окровавленных руках Хинта тоже ощутил золотую пыль, и понял, что уже не держит за руку живого человека – пальцы Тави были похожи на металл или камень, из них ушла пульсация жизни. И тогда Хинту охватил ужас.

– Нет, – в который раз взмолился он, – нет, ты не должен умирать. Что мы будем делать без тебя? Не уходи.

– Нет, уходи, – возразил Ивара. – Лети. Будь свободен.

Но Тави уже не мог ответить словами. Его лицо разделилось; сквозь золотую кожу проступили две призрачные маски. Два духа рвались из него наружу, и в этих духах было столько силы, столько страсти, что воздух задрожал от соприкосновения с их энергией. В безумном порыве Хинта положил руку на лицо друга, пытаясь удержать этих духов там, внутри, но они, улыбаясь и плача, проскользнули прямо сквозь его ладонь. А само лицо и тело Тави вдруг распались, осыпались золотой пылью, взметнулись вверх зелеными искрами. Волшебный смерч поднялся на месте, где еще мгновения назад было тело мальчика. Ивара и Хинта, измученные, плачущие, остались одни над горсткой золотого праха, среди танца зеленых искр. Джилайси поднялся на ноги и в молчаливом благословении возложил свои белые руки на головы двух осиротевших людей. Потом он зашагал назад – в золотые чертоги. Хинта смотрел ему вслед и ощущал остывающее прикосновение на своих мокрых от крови и пота волосах.

– Он умер, – сказал Хинта. – Умер.

Он опускал руки в золотую пыль, но Тави там больше не было. После гибели Ашайты в душе у Хинты была черная пропасть. Теперь же там открылась другая пропасть – золотая. И это было намного страшнее. Потому что некуда было деться от этой пропасти – не было злобы, чтобы ей отдаться, слепоты, чтобы ею укрыться, плана мести, чтобы начать его воплощать. Только печаль – бесконечная, как сама вселенная, яркая, как сам огонь Итаирун.

– Он не должен был, – прошептал Хинта.

– Отпусти его, – встряхивая Хинту за плечи, охрипшим голосом приказал Ивара. – Он так хотел.

– Я не могу. Я тоже умер, если умер он.

– Ты жив, Хинта.

– Я люблю тебя, как любил он. Но я умер.

– Не говори так. Мне тоже больно.

– Я знаю. Тебе больно потому, что ты жив. Но мне не больно, как и ему не было больно. Меня просто нет.

– Это ложь, ты здесь, ты есть!

– Я не отпускаю его. Не могу. Я там, где он. Я туда, куда он.

Они замолчали. Между тем вокруг них по обе стороны врат происходили важные вещи. Вслед за волной энергийной Бемеран Каас явился Аджелика Рахна – он уже не был единым великаном, но снова распался на сотни отдельных золотых робо. Каждый из этих робо был воином и рубился с множественными порождениями фиолетовой плазмы. Аджелика Рахна переломил ход битвы, и теперь силы снова были на стороне золота. Воины света по баррикадам из омарьих тел пробивались наверх. Бой вышел за пределы чертогов перерождения, в новообразованные тоннели, по которым недавно прошло подкрепление омаров, и иссякающую орду били уже там.

А с другой стороны врат остались лишь три человека, которые должны были стать последними, кто воскреснет сегодня. Они приблизились, и Ивара поднялся им навстречу. Несколько долгих мгновений они стояли друг перед другом, не в силах переступить порог, поверить в возвращение счастья. А потом Амика все-таки сделал этот шаг, и первым обнял Ивару. Это объятие длилось очень долго.

– Не так ты хотел достичь этой встречи, – прошептал Амика. – Я знаю. Не новым горем ты хотел платить.

– Ты видел?

– Да.

– Этот мальчик был мне как ты.

– Я знаю. Я рад, что ты был не один.

Амика обнял Ивару еще крепче. Хинта смотрел на них снизу вверх и чувствовал в самом себе невозможную смесь переживаний. Уничтоженный, он все-таки мог радоваться за Ивару. Это была великая сцена – завершался долгий путь, встречались разлученные смертью и злом.

Потом Ивара обнял Эдру.

– Ты спас его, – сказал он. – Спас Аджелика Рахна.

– А ты нашел его, чтобы он спас нас и мир.

Потом Ивара обнял Кири, а сам Кири не в силах был обнять и стоял безвольный, плачущий не то от горя, не то от стыда.

– Ты прощаешь меня? Пожалуйста, прости меня за то, что я натворил.

– Нет. Я никогда тебя не прощу. Но ты можешь быть с нами снова, куда бы мы ни пошли. Я разрешаю это тебе, потому что без твоего таланта мы бы не спасли планету. Ты заслужил право быть с нами. Но и проклятие ты тоже заслужил.

И Кири, задыхаясь, упал к его ногам, и, улыбаясь сквозь слезы, кивал, признавая правоту его слов. А потом они все заговорили друг с другом, а рядом гремели финальные аккорды битвы. Хинта слышал их голоса, и гром сражения, но при этом часть его сознания была очень далеко. Он погрузился в новое видение – самое странное, самое особое, самое призрачное из всех своих видений; он устремился ввысь – туда, где наперегонки мчались две души Тави. Сонм из тысяч и тысяч других душ устремился вслед за этими двумя; все, кто не родился и не был спасен через Золотые Врата, но еще маялся, не находя себе покоя в пределах планеты – все они хотели на свободу. Армия душ неслась вперед и вверх, по спирали огибая планету, закручивалась вокруг самой себя, бурила преграду тьмы. И пелена тьмы стала тянуться, поддаваясь этому напору, а на самом острие клинка летели души Тави – самые быстрые, самые страшные враги Бемеран Каас.

– Не уходи, – в последний раз попросил Хинта. А потом он ощутил, как кто-то трогает его за руку. Он посмотрел и увидел, что перед ним стоит Аджелика Рахна – тот самый, со шрамом на ноге. Вместе с Хинтой к маленькому человечку обернулись Ивара и друзья Ивары.

– Вы пятеро и те герои, которые сейчас побеждают армию Бемеран Каас – вы последние из людей прежней Земли, – слышали они голос золота в своем разуме, – и у вас есть выбор. Вы можете уйти сейчас, через эти врата – и тогда вас ждет рождение через пять веков на новой Земле, где жизнь будет повсюду. Там вы обретете счастье вместе с новым человечеством. Или вы можете остаться хранителями Меридиана и Экватора, смотрителями и демиургами нового мира. На этом пути вы обретете бесконечность новых знаний, ваши годы продлятся дольше положенного срока, но вам придется умереть до того, как новое человечество поднимется на поверхность планеты.

– Сложный выбор, – сказал Эдра.

– Но у вас есть на него лишь несколько минут. Потом эти подземелья обрушатся, а врата будут запечатаны и исчезнут навсегда.

– Амика? – спросил Ивара.

– Ты же хочешь остаться. Ты всегда хотел знать.
– Но это не путь счастья.
– С тобой, в веках – это счастье. И знание – разве оно не форма счастья?

– А ты, Эдра?

Эдра опустил взгляд.

– Я хочу увидеть новый мир, и лазать по скалам без скафандра. И завести детей, которых у вас двоих не может быть. Прости меня.

– Значит, мы расстаемся?

– Только если ты не пойдешь со мной через врата. Ведь ради этого мы жили. Ради этого я умер.

– Я знаю. Но не пойду. Иди.

– А я? – тихо спросил Кири. – Я хочу пойти в новый мир, но боюсь предать нас всех опять.

– Это не предательство. Иди.

И Кири встал вместе с Эдрой. А потом их взгляды обратились на Хинту.

– Иди с ними, Хинта, – сказал Ивара. – Жизнь для тебя. Она выгравирована на твоём скафандре. Тот мир – он твой. Там твоё семейство, там бесконечное будущее.

И Хинта заплакал, потому что происходило именно то, чего он боялся: они все уходили в разные стороны.

– Я не хочу. Я не пойду в новый мир.

– Не обрекай себя на нашу судьбу. Ты слишком молод. Тебе нужны люди. Не мы двое, но всё человечество вокруг тебя. Чтобы ты выбирал любимых и друзей.

– Я выбрал Тави. – Хинта безумным взглядом посмотрел в сияющие глаза Аджелика Рахна. – Верни мне его. Сделай так, чтобы он сейчас родился в новом теле, чтобы вернулся через эти врата.

– Нет, – ответил Аджелика Рахна, и в этом ответе была вся мягкость и вся боль, которая только может быть в отказе. – Он летит слишком быстро. Я не смог бы остановить его, даже если бы считал это правильным. Но он должен быть свободным, должен стать первым за тысячу лет зла, кто переродится не в этом мире, но в другом. Только так Бемеран Каас окончательно утратит свою власть здесь. После этого уже не будет новых людей, которые умрут и переродятся. Смерть станет свободой и путешествием.

– А люди, которые ушли в золотые врата? Они же переродятся.

– Они не умерли. Они уснули. Перерождений больше не будет. Будет лишь одно великое пробуждение: через пять веков на новой Земле.

И тогда Хинта закричал в золотое лицо – это был страшный крик отчаяния, и мальчику казалось, что сама его душа уходит вместе с этим криком. А потом в нем кончились силы, и он распластался на золотом пороге. К нему пришла новая боль – словно жало вонзилось в сердце – и он увидел, как армия душ разрывает пелену тьмы. Бемеран Каас пала. Одновременно с победой над темным пологом, висевшим вокруг мира, утратили свою волю все псевдоподии фиолетовой плазмы. Не осталось чудовищ, безвольно упали тела оживших мертвецов. Только омары еще продолжали сражаться – верные слуги поверженной госпожи.

– Я умру сейчас, – решил Хинта, – чтобы пойти за ним. Убей меня золотой рукой.

– Я не убийца героев, – сказал Аджелика Рахна. – И если ты умрешь сейчас так, то потеряешь память и станешь просто душой. Ты не найдешь его никогда. А ваша встреча, если таковая вдруг случится тысячу миров спустя, уже не будет иметь того значения, которое ты хотел бы вложить в нее.

– Тогда что мне делать? – спросил Хинта. – Куда мне идти, если я не хочу жить? Я могу умереть пять веков спустя. Хорошо. Я разделю долгую жизнь с Иварой или сон вместе со всем человечеством, если только это даст мне большую надежду увидеть его.

– Это лучше, чем умирать сейчас, – сказал Аджелика Рахна, – но это не даст большей надежды на новую встречу с твоим другом. Однако я могу дать тебе такую надежду. Я могу сделать то, чего еще не было никогда: могу взять тебя с собой и принести гостем в те миры, где будет рождаться твой друг. Я могу сделать тебя посланником, вестником этой победы – тем, кто будет странствовать по вселенной и рассказывать, как пала Бемеран Каас и как был освобожден один из самых страдавших миров.

Хинта ощутил, как решимость и вера жарким огнем вспыхивают у него в сердце. Это была его судьба – именно это решение он принял, когда отказался отпустить Тави.

– Да, – сорвалось с его губ.

Механический человек взмахнул своей маленькой волшебной рукой, и пространство позади врат разделилось на три части. В центре по-прежнему был проход к прекрасным золотым залам. С левой стороны врат открылся вид на пустынные заснеженные улицы древнего города. Полуразрушенные дома завершались конструкциями, напоминающими зонтики из опорных балок. Хинта знал, зачем нужны эти зонтики – когда-то они удерживали над собой ледник. На улицах у подножия зданий заканчивалась битва: золотая армия прошла до конца по ома-

рым тоннелям, вырвалась на солнечный свет и добивала разрозненных врагов наверху.

– Акиджайс? – спросил Ивара.

– Да. Это ваш с Амикой путь. Вы начнете свою работу хранителей с демонтажа той части Меридиана, которая стала местом рождения омаров. Я дам вам для этого инструменты и могучих роботов-слуг. Когда этот этап работы закончится, вам откроется особый вход внутрь Меридиана.

– Значит, так и будет, – согласился Ивара. Хинта в этот момент смотрел на правую сторону врат – туда, где открывался третий путь. Там тоже был древний город, но совершенно другой. Над этим городом не было неба – лишь черный провал со сверкающей россыпью бесконечно ярких звезд. Рядом с городом расстилалась серая чужеродная пустыня, блестящая, словно тертое стекло, покрытая крошечными кратерами, почти лишенная крупных камней. Рядом с комплексом полуразрушенных зданий сверкал нетронутым великолепием небольшой золотой корабль – семечко жизни, из которого выросли армии золотых воинов, Экватор и Меридиан.

– Это Луна? – спросил Хинта.

– Мы пойдем туда вместе, – ответил Аджелика Рахна, – потому что мой путь здесь закончен, как и твой. Я все сделал. Меня ждут в других мирах, где я еще не побеждал.

Хинта глубоко вздохнул и посмотрел на Ивару. Они бросились друг к другу, обнялись. Чертоги перерождения рушились, и не было времени прощаться.

– Я хотел бы еще месяцы провести с тобой.

– Я знаю. Я тоже.

– У вас будет связь, – обещал Аджелика Рахна. – Еще несколько лет вы сможете посылать друг другу сообщения, а потом расстояние станет слишком большим.

– Я буду, – обещал Ивара.

– Я тоже буду, – сказал Хинта. Слезы снова потекли у него из глаз.

– Я этого боялся, боялся, что мы все пойдем в разные стороны. И вот это случилось. Но случилось не так, как я этого боялся, потому что мы уходим, но остаемся вместе, ведь так?

– Мы не идем в разные стороны. Мы идем в одну сторону. Просто наш путь слишком огромен в пространстве и времени. Ты пойдешь за Тави. А я пойду за вами, когда увижу, что этот мир в полном порядке, а мне здесь уже не место.

– Смерть – это наш путь?

– Свобода – это наш путь.

Потолок проседал, лава продавливалась между смыкающихся скал, и Хинта с Иварой разорвали объятия. Хинта успел прикоснуться ко всем друзьям Ивары в жесте приветствия и прощания одновременно. Ивара и Амика еще раз обнялись с Эдрой и Кири. Потом все они встали перед своими порталами; рядом с Хинтой стоял сам Аджелика Рахна.

– А я там не погибну? – спросил Хинта. Механический человечек протянул ему шлем и перчатки.

– Надень, – услышал Хинта на мыслеречи. – Я изменил их.

Хинта надел перчатки, потом взял шлем и увидел, что тот преобразается прямо у него в руках – пуля, засевшая в стекле, сделалась золотой и исчезла, металл стал толще, стекло уплотнилось и потемнело, антенны сгладились. Скафандр тоже менялся прямо на нем. В последний раз Хинта и Ивара посмотрели друг на друга, а потом надели свои шлемы и шагнули вперед: Ивара – на улицы Акиджайса, Хинта – на поверхность Луны.

В первое мгновение ему показалось, что он падает, но он продолжал стоять на ногах – просто не было гравитации. Безумная легкость обрушилась на него. Эта планетка едва притягивала его к себе. Горизонт здесь был ближе, неба не было. И хотя все органы в его теле взбунтовались от этой перемены, Хинта ощутил восторг. А его маленький друг легко шагнул впереди и манил мальчика за собой к золотому кораблю. Где-то совсем рядом Хинта чувствовал души Тави: они проносились здесь совсем недавно, и можно было поймать их след, чтобы погнаться за ними через вселенную.

– Я не отпускаю тебя, – сказал Хинта. Потом он запрокинул лицо вверх и увидел Землю. Черные океаны. Красные материки. Мутно-зеленая дымка атмосферы. И Экватор, словно тончайший золотой ободок, вокруг этого огромного шара. Но Хинта знал, что эта планета станет другой.

– Она будет бело-голубой, – шептал ему Аджелика Рахна, – с зелеными материками. А ее пустыни, там, где они останутся, станут желтыми, а не красными. И даже в этих пустынях будет жизнь.

Хинта слушал эти обещания, зная, что они – правда, и подпрыгивающим шагом бежал к золотому кораблю, который должен был унести его далеко отсюда, в великую погоню через миры, за светлым призраком.